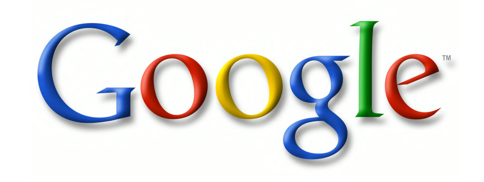
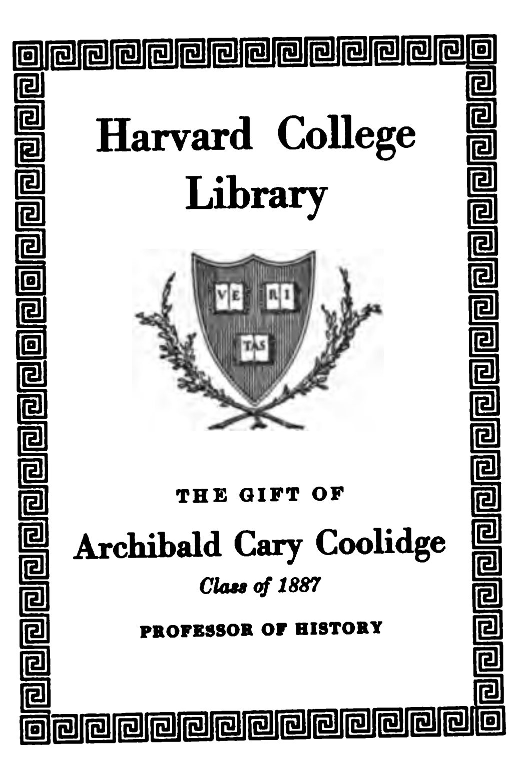



Harvard College
Library
VE RI
TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

ПОРТРЕТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

поступившій въ 1880 г. въ Императорскій Эрмитажъ изъ Сербскаго монастыря
Гравюра Панемакера въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 марта 1882 года.
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ VIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ VIII

1882

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1882

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ, 1882).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

(1773—1844).

I.

Особое значеніе Голицына въ русскомъ обществѣ. — Предсказаніе Чегодаева его матери.—Покровительство Перекусихиной.—Зачисленіе въ пажи.—Вниманіе Екатерины II къ маленькому Голицыну.—Сближеніе его съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.—Опредѣленіе Голицына ко двору великаго князя.—Смерть Екатерины.—Благосклонность Павла къ Голицыну.—Опала.—Высылка изъ Петербурга.—Пребываніе въ Москвѣ.

НЯЗЬ Александръ Николаевичъ Голицынъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ русскихъ сановниковъ въ концѣ первой и въ началѣ второй четверти текущаго столѣтія и какъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ лицъ къ императору Александру I. Кромѣ того, онъ въ исторіи духовной нашей жизни и въ современномъ ему русскомъ обществѣ является въ такомъ особомъ, своеобразномъ обликѣ, въ какомъ не явился ни одинъ изъ нашихъ сановниковъ. Въ свѣтскомъ обществѣ на него смотрѣли какъ на человѣка благочестиваго, почти какъ на святаго. Пишущему эти строки приходилось въ дѣтствѣ встрѣчать старика князя Голицына. Онъ благословлялъ дѣтей и возлагалъ имъ на голову руки и затѣмъ продолжалъ прерванный разговоръ, который обыкновенно онъ велъ на французскомъ языкѣ. По сохранившимся дѣтскимъ впечатлѣніямъ, надобно предполагать, что Голицына,—въ тѣхъ знакомыхъ ему домахъ, гдѣ онъ бывалъ,—принимали не столько съ почетомъ, какъ знатнаго вельможу, сколько съ тѣмъ уваженіемъ, какое оказывается высшимъ представителямъ церкви. Его дѣятельность въ религіозной сферѣ за-

ставляетъ обратить на него особенное вниманіе нашихъ историковъ. До сихъ поръ объ его личности имѣется весьма мало подробныхъ свѣдѣній; они встрѣчаются преимущественно, такъ сказать, въ-разбросъ, а потому въ нихъ нѣтъ той цѣльности, какая бываетъ необходима, чтобъ объяснить умственный и нравственный складъ замѣчательнаго чѣмъ-либо человѣка.

Въ настоящее время такой недостатокъ значительно пополнился изданною въ Лейпцигѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, книгою подъ заглавіемъ: „Fürst Alexander Nicolaewitsch Golitzin". Авторъ этой книги, Петръ фонъ-Гётце, умеръ въ 1880 году, въ Петербургѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника русской службы, 87-ти лѣтъ отъ роду. Окончивъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ со степенью кандидата философіи, Гётце, въ 1817 году, по пріѣздѣ въ Петербургъ, поступилъ подъ начальство князя Голицына, и потому книга его не столько біографическое сочиненіе, сколько его личныя воспоминанія. Мы воспользуемся его книгою, чтобъ въ связи съ другими извѣстіями о князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ представить, по возможности, болѣе точный очеркъ этой выдававшейся нѣкогда личности.

Князь Александръ Николаевичъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ отраслей знаменитой въ нашей исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ многочисленной фамиліи Голицыныхъ, которая не отличалась богатствомъ. Онъ былъ прямой потомокъ князя Бориса Алексѣевича Голицына, воспитателя Петра Великаго, и сынъ отставнаго гвардіи капитана князя Николая Сергѣевича отъ третьяго его брака съ Александрой Александровной Хитрово. Княгиня Голицына, оставшись вдовою въ годъ рожденія ея единственнаго сына, вступила потомъ во второй бракъ съ Михаиломъ Алексѣевичемъ Кологривовымъ.

Гётце разсказываетъ, что ей еще до перваго брака предсказалъ какой-то жившій въ Москвѣ, считавшійся чудакомъ, князь Чегодаевъ, бывавшій въ домѣ ея отца, что она скоро выйдетъ замужъ, овдовѣетъ на 26-мъ году и потомъ снова выйдетъ замужъ за вдовца и переживетъ его и что у нея отъ перваго супружества родится сынъ, который будетъ знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ. Всѣ эти предсказанія сбылись, какъ сбылись предсказанія Чегодаева и насчетъ собственной его судьбы: онъ предсказывалъ, что будетъ сосланъ въ Сибирь, но что потомъ невиновность его обнаружится и онъ будетъ возвращенъ изъ отдаленной ссылки.

Мать Голицына была умная женщина, заботившаяся о воспитаніи своего сына. Онъ еще въ дѣтствѣ былъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ, а когда нѣсколько подросъ, то мать отправила его учиться въ Петербургъ, поручивъ его попеченію одной своей хорошей знакомой, извѣстной каммеръ-фрау императрицы Екатерины II, Марьи Савишны Перекусихиной, которая не замедлила представить императрицѣ этого живаго и бойкаго мальчика. Онъ понравился государынѣ и она приказала опредѣлить его въ число пажей.

Екатерининскіе пажи состояли подъ вѣдѣніемъ гофмейстера и имъ давали свѣтское, поверхностное образованіе, приготовляя ихъ или въ гвардейскіе офицеры, или въ придворные кавалеры. Съ особенною тщательностью обучали ихъ французскому языку.

Скоро Голицынъ выдался среди своихъ товарищей-пажей быстрыми способностями. Покровительница маленькаго князя, Перекусихина, заботилась о немъ. Въ воскресные и другіе праздничные дни она возила его во дворецъ, гдѣ онъ игралъ съ великими-князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами. Съ этого времени и завязалась у него дружба со старшимъ внукомъ Екатерины.

Государыня часто ласкала Голицына. По словамъ Гётце, онъ сохранялъ о ней всю жизнь самыя благодарныя воспоминанія и любилъ разсказывать такіе случаи изъ ея жизни, которые свидѣтельствовали о привѣтливости и снисходительности Екатерины, но мы, конечно, не будемъ повторять эти разсказы, вошедшіе въ книгу Гётце.

Въ 1794 году, Голицынъ, родившійся 8-го декабря 1773 года, былъ произведенъ въ поручики Преображенскаго полка. Онъ не имѣлъ, однако, никакой наклонности къ военной службѣ и потому просилъ объ опредѣленіи его на какую нибудь гражданскую должность. Такъ какъ въ это время Екатерина женила своего старшаго внука на принцессѣ баденской, получившей при мvропомазаніи титулъ великой княгини и имя Елизаветы Алексѣевны, то Екатерина полагала, что она доставитъ большое удовольствіе Александру Павловичу, назначивъ товарища его дѣтскихъ игръ, князя Александра Николаевича Голицына, въ его придворный штатъ съ званіемъ каммеръ-юнкера. Такъ какъ должность эта требовала значительныхъ издержекъ, а Голицынъ не имѣлъ достаточнаго состоянія, то Екатерина приказала выдавать ему ежегодное пособіе. На 23-мъ году своей жизни Голицынъ получилъ отъ императрицы каммергерскій ключъ. Въ это время умерла его мать; Екатерина приняла участіе въ его горѣ и разрѣшила ему поѣхать въ Москву. Въ этомъ мѣстѣ разсказъ Гётце несовсѣмъ точенъ, такъ какъ мать Голицына умерла еще въ 1787 году.

Когда Голицынъ вернулся изъ Москвы въ Петербургъ, то все при дворѣ перемѣнилось: Екатерина скончалась; воцарился Павелъ, котораго окружили лица, вовсе незнакомыя Голицыну.

Павелъ Петровичъ выразилъ, однако, свое благоволеніе молодому Голицыну тѣмъ, что пожаловалъ его командоромъ только-что учрежденнаго въ Россіи мальтійскаго ордена. Тогда это считалось чрезвычайною милостію. Вскорѣ, однако, неизвѣстно вслѣдствіе чего, Голицынъ навлекъ на себя опалу императора. Онъ былъ уволенъ отъ службы при дворѣ великаго князя и получилъ повелѣніе выѣхать изъ Петербурга. Вслѣдствіе этого, въ довершеніе его горя, разстроился его бракъ съ полюбившеюся ему невѣстой.

Царствованіе Павла Петровича было тяжелою порою для Россіи, и Гётце, жившій въ то время въ Лифляндіи, вспоминаетъ о томъ

ужасъ, какой нагоняла появлявшаяся на большой дорогѣ фельдъегерская кибитка. Всѣ, и старые и малые, кидались къ окну, думая, что проѣзжающій фельдъегерь отвозитъ кого нибудь въ Сибирь. Гётце живо помнилъ и тотъ восторгъ, когда въ Лифляндію пришла вѣсть о воцареніи Александра I: всѣ обнимались и поздравляли другъ друга точно съ какимъ нибудь торжественнымъ праздникомъ.

Голицынъ жилъ въ это время въ Москвѣ, откуда онъ былъ немедленно вызванъ. Время, проведенное имъ въ Москвѣ, не прошло для него безполезно. Живя тамъ, онъ, по расположенію къ нему графа Бутурлина, пользовался его громадною библіотекою, сгорѣвшею, какъ извѣстно, въ 1812 году, во время занятія Москвы французами. Библіотека графа Бутурлина состояла изъ 40.000 томовъ. Голицынъ, пристрастившійся къ чтенію историческихъ книгъ и литературныхъ произведеній, перечиталъ ихъ множество. Кромѣ того, онъ сошелся въ Москвѣ съ митрополитомъ Платономъ, который, по всей вѣроятности, имѣлъ вліяніе на религіозное настроеніе молодаго Голицына.

II.

Возвращеніе Голицына ко двору. — Назначеніе его оберъ-прокуроромъ. — Его вольтеріанство. — Назначеніе Голицына оберъ-прокуроромъ синода и статсъ-секретаремъ.—Поѣздка въ Эрфуртъ.—Назначеніе главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій. — Назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія.—Упраздненіе министерства духовныхъ дѣлъ.—Отзывъ Гётце о Голицынѣ какъ о министрѣ и государственномъ человѣкѣ.—Его наружность и одежда.—Его способности и образъ жизни.—Вѣротерпимость Голицына.

Возвратившагося въ Петербургъ Голицына Александръ Павловичъ встрѣтилъ, какъ лучшаго друга. Во время изгнанія князя, онъ былъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ и теперь государь спросилъ Голицына, какую онъ желаетъ занять должность. Голицынъ отвѣчалъ, что единственное его желаніе быть безотлучно при императорѣ и проводить съ нимъ каждый день вмѣстѣ по нѣскольку часовъ. Государь назначилъ его оберъ-прокуроромъ въ сенатъ. По словамъ Гётце, князь Голицынъ съ такимъ усердіемъ исполнялъ свою должность, что тогдашній генералъ-прокуроръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и министръ юстиціи, Державинъ, счелъ долгомъ обратить высочайшее вниманіе на отличную службу молодаго князя. Не отвергая нисколько служебной ревности Голицына, должно, однако, замѣтить, что такое вниманіе Державина къ чиновнику-царедворцу весьма понятно, такъ какъ Державину не могли не быть извѣстны тѣ дружескія отношенія, въ какихъ находились взаимно его подчиненный и его повелитель. По

представленію министра, Голицынъ былъ награжденъ владимірскимъ крестомъ 3-й степени.

Въ это время, по словамъ Гётце, Голицынъ былъ крайній вольтеріанецъ и велъ жизнь эпикурейца. Никто не могъ тогда подумать, что черезъ нѣсколько лѣтъ въ этомъ придворномъ вѣтрогонѣ произойдетъ чрезвычайно рѣзкая перемѣна.

Въ 1805 году, вскорѣ послѣ того, когда оберъ-прокуроръ синода Яковлевъ сдѣлался жертвою интригъ высшаго духовенства, Голицынъ, только вдвоемъ, обѣдалъ съ государемъ. Во время обѣда императоръ сказалъ ему: „Я, Александръ Николаевичъ, имѣю на тебя виды".— Готовъ исполнить повелѣнія вашего величества, отозвался Голицынъ.—„Я назначаю тебя оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода".

Голицынъ возразилъ, что онъ вовсе не приготовленъ къ этой должности и что государю извѣстны и образъ его мыслей, и образъ его жизни. „Ты можешь отговариваться какъ тебѣ угодно, но все же ты будешь синодскимъ оберъ-прокуроромъ", отвѣчалъ государь.

Голицынъ рѣшился принять такое назначеніе, но обусловилъ свою службу на новомъ мѣстѣ тѣмъ, чтобы имѣть у государя личный докладъ по синодскимъ дѣламъ. Съ своей стороны государь, чтобы не такъ рѣзко измѣнить существовавшій тогда въ этомъ отношеніи порядокъ, назначилъ Голицына своимъ статсъ-секретаремъ.

Вступивъ въ предоставленную ему должность, Голицынъ прежде всего постарался ознакомиться основательно съ церковными дѣлами и вопросами. Онъ первый разъ въ своей жизни сталъ читать „Новый Завѣтъ" и, подъ предлогомъ должностныхъ занятій, началъ уклоняться отъ тѣхъ удовольствій и развлеченій, которымъ онъ сперва такъ страстно предавался.

Новый оберъ-прокуроръ прежде всего обратилъ свое вниманіе на образованіе православнаго духовенства, и вслѣдствіе его стараній были учреждены три новыя духовныя академіи.

Въ 1808 году, Голицынъ сопровождалъ, вмѣстѣ съ Сперанскимъ, государя въ Эрфуртъ для свиданія съ императоромъ Наполеономъ I. Когда Александръ Павловичъ представлялъ Голицына Наполеону, то этотъ послѣдній спросилъ: „celui du synode?" и, получивъ утвердительный отвѣтъ, заговорилъ объ отмѣнѣ Петромъ Великимъ патріаршества въ Россіи и объ учрежденіи, взамѣнъ его, синода и восхвалялъ разумность такой мѣры.

Въ Эрфуртѣ, среди нескончаемыхъ торжествъ, празднествъ, военныхъ смотровъ и баловъ, оберъ-прокуроръ восхищался игрою знаменитаго Тальма̀, внимательно слѣдилъ за этикетомъ и обстановкою новаго императорскаго двора и пріятельски сошелся съ маршаломъ Ланномъ, герцогомъ де-Монтебелло.

Въ 1810 году, Голицынъ, оставаясь въ должности оберъ-прокурора синода, былъ назначенъ главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій, т. е. римско-католическаго, уніатскаго, армян-

скаго, евангелическо-лютеранскаго и реформатскаго. Ему были подвѣдомственны также дѣла исповѣданій еврейскаго и магометанскаго. Въ 1816 году, Голицынъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ 1818 году, 1-го января, открыло свои дѣйствія вновь учрежденное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Голицыну было предоставлено управленіе этимъ министерствомъ, а на должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода былъ назначенъ князь Мещерскій, въ прямомъ подчиненіи Голицыну, какъ министру. Новое министерство состояло изъ двухъ департаментовъ: департамента духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Директоръ послѣдняго былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Поповъ, а директоромъ перваго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

Теперь порядокъ по разрѣшенію синодскихъ дѣлъ установился прежній. Новый оберъ-прокуроръ не имѣлъ уже личнаго доклада у государя, и теперь,—какъ до назначенія Голицына на должность оберъ-прокурора, когда синодскія дѣла доходили до высочайшаго усмотрѣнія черезъ министра юстиціи, — они стали доходить чрезъ министра духовныхъ дѣлъ, такъ что, въ сущности, Голицынъ оставался, по-прежнему, оберъ-прокуроромъ, а князь Мещерскій былъ только его помощникомъ.

Голицынъ, по словамъ Гётце, былъ такой прекрасный начальникъ, что лучшаго нельзя было и желать. Это, говоритъ Гётце, могли подтвердить всѣ, кто только зналъ князя. Трудно найти министра, который бы такъ мало обращалъ вниманія на пустыя мелочи и ни къ чему не ведущія формальности и который, не теряя изъ виду главной сути дѣла, высказывалъ бы ясное и точное мнѣніе. Онъ не гонялся за пустяками и не обнаруживалъ никогда дурнаго расположенія духа. Кромѣ того, онъ — что̀ допускаетъ рѣдкій министръ — дозволялъ дѣлать ему возраженія.

Князь Александръ Николаевичъ, не получивъ основательнаго образованія, тѣмъ не менѣе, при врожденныхъ его способностяхъ, пріобрѣлъ большой навыкъ къ служебнымъ занятіямъ и, по замѣчанію Гётце, могъ бы быть настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, если бы только по временамъ интриганы не сбивали его съ прямаго пути. Онъ умѣлъ совершенно вѣрно оцѣнивать труды своихъ подчиненныхъ, чѣмъ, какъ извѣстно, отличаются весьма немногіе министры. Онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и не пользовался никогда своею силою, чтобы выдвинуть въ люди своихъ родственниковъ. Гётце, близко знавшій Голицына, восхваляетъ ту благотворительность, какую онъ оказывалъ, какъ частный человѣкъ, нуждавшимся и бѣднымъ людямъ.

Голицынъ былъ невысокаго роста; выраженіе лица его было привѣтливое и умное. До конца своей жизни онъ не оставлялъ старинной, однажды усвоенной имъ, моды—носилъ сѣрый фракъ, даже и

тогда, когда фраки такого цвѣта совершенно вышли изъ употребленія. Онъ не гонялся за внѣшними отличіями и суетными почестями.

День прежняго вѣтренника въ средніе годы его жизни былъ строго распредѣленъ. Лѣто обыкновенно проводилъ онъ на Каменномъ островѣ, занимая одинъ изъ дворцовыхъ павильоновъ. Къ 8-ми часамъ утра онъ былъ уже одѣтъ по-придворному, въ шелковыхъ чулкахъ, башмакахъ и короткихъ панталонахъ, такъ что ему стоило только сбросить шелковый шлафрокъ, надѣть фракъ и отправиться во дворецъ. Заниматься съ нимъ дѣлами, по словамъ Гётце, было чрезвычайно пріятно, не только вслѣдствіе его быстрой сообразительности, но и вслѣдствіе его постоянно ровнаго и привѣтливаго обхожденія. Отъ него никогда нельзя было услышать никакого непріятнаго слова, или замѣтить на его лицѣ кислую мину. Такъ какъ онъ оставался холостымъ, то у него въ домѣ не было пріемовъ; но по воскресеньямъ и праздникамъ въ домашней его церкви собиралось много публики. По окончаніи церковной службы, всѣ присутствовавшіе на ней сходились въ залу, украшенную по стѣнамъ портретами замѣчательныхъ людей XVIII столѣтія. Другая зала, которая вела въ рабочій кабинетъ князя, была занята обширною библіотекою, состоявшею преимущественно изъ французскихъ и итальянскихъ книгъ. Если онъ не былъ приглашенъ къ обѣду во дворецъ, то каждый день обѣдалъ у министра финансовъ, графа Гурьева. Выборъ — замѣтимъ кстати—былъ весьма удачный, такъ какъ Гурьевъ славился въ свое время въ Петербургѣ какъ первый гастрономъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Голицынъ не хотѣлъ пользоваться даровымъ роскошнымъ угощеніемъ Гурьева и заставилъ его получать, какъ съ нахлѣбника, по 4.000 рублей въ годъ. Въ иные дни онъ обѣдалъ у слѣпаго оберъ-гофмейстера Кошелева, бывшаго близкимъ другомъ извѣстнаго Новикова.

Описывая личность Голицына, Гётце съ похвалою отзывается и объ его вѣротерпимости. „Князь—говоритъ онъ—былъ вѣрнымъ сыномъ своей церкви и соблюдалъ всѣ ея уставы, не вдаваясь, однако, въ ея обрядовыя заблужденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ министръ иностранныхъ исповѣданій, онъ совершенно справедливо и благосклонно относился ко всякой религіи и ни одной изъ нихъ не оказывалъ ни предпочтенія, ни пренебреженія. Во время Александра I правительство строго придерживалось принципа религіозной равноправности. Тогда при смѣшанныхъ бракахъ, при которыхъ одинъ изъ супруговъ принадлежалъ къ господствующей церкви, не требовалось просить позволенія, чтобы „не воспитывать рожденныхъ отъ такого брака въ греческой вѣрѣ". Какъ уроженецъ Остзейскаго края, покойный Гётце не упускаетъ случая замѣтить, что Голицынъ съ существующими въ этомъ краѣ духовными лютеранскими консисторіями, а также и съ сословными учрежденіями, сносился по-нѣмецки и что, такъ какъ онъ зналъ плохо нѣмецкій языкъ, то къ бумагамъ, писаннымъ на этомъ языкѣ, прилагались переводы по-русски, сдѣланные Гётце.

III.

Перемѣна въ образѣ мыслей императора Александра Павловича.—Его піетическо-религіозное настроеніе.—Квакеръ Юнгъ-Штиллингъ и баронесса Крюденеръ.—Проповѣдь баронессы.—Распросы и отзывы о ней Голицына.—Вліяніе ея на Александра Павловича Голицына.—Разсказъ о ней Гётце.—Наклонность ея къ католичеству.—Отзывъ Шишкова о Крюденеръ.—Ея радѣнія.—Ея благотворительность.

Когда, послѣ войны 1812 года, императору Александру привелось два раза низвергнуть съ престола Наполеона и когда онъ достигъ высоты славы, то почувствовалъ все ничтожество земнаго величія. Меланхолическое его настроеніе стало клониться къ чему-то мистическому. Юнгъ-Штиллингъ, англійскій квакеръ, съ которымъ онъ познакомился въ 1814 году въ Лондонѣ, а въ заключеніе баронесса фонъ-Крюденеръ, окончательно придали его религіознымъ вѣрованіямъ піетическо-мистическое направленіе. За императоромъ по этому пути послѣдовалъ и князь Голицынъ. Вскорѣ изъ высшихъ правительственныхъ сферъ піетизмъ сталъ распространяться въ средніе слои петербургскаго населенія, чему въ значительной степени содѣйствовало, между прочимъ, и „Русское Библейское общество“.

Императоръ оказывалъ Юнгъ-Штиллингу свое благоволеніе, а сынъ его былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ коллежскаго ассесора. Зять баронессы фонъ-Крюденеръ, баронъ Беркгеймъ, братъ баденскаго министра, отказался отъ баденской службы, и при переходѣ, съ чиномъ статскаго совѣтника, въ русскую, былъ причисленъ къ министерству, управляемому княземъ Голицынымъ. Тяжкая болѣзнь Беркгейма принудила его тещу пріѣхать въ 1821 году въ Петербургъ.

„Вы были у баронессы Крюденеръ?“—спросилъ однажды Гётце Голицынъ. „Я ее не видалъ, когда третьяго дня посѣтилъ ея дочь, баронессу Беркгеймъ.—„Кажется—замѣтилъ Гётце—она умерла для здѣшняго свѣта. Она обладаетъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Ея воззрѣнія бываютъ иногда очень странны. Объ обыкновенныхъ житейскихъ предметахъ она не говоритъ никогда. Разговоръ ея всегда вращается около религіи“.

„Спустя нѣсколько времени,—разсказываетъ Гётце,—я вторично посѣтилъ баронессу. Она сидѣла передъ софою на маленькой деревянной скамейкѣ, а большіе голубые ея глаза были устремлены горѣ.

„Когда окончился общій разговоръ, баронесса тотчасъ же завела рѣчь о своемъ призваніи. „Среди грѣховъ и страданій, черезъ соблазны свѣта, и по опредѣленію судьбы, духъ мой направился туда, куда слѣдуетъ“—заговорила она. „Наступила великая пора, въ которую мы живемъ. Скалы вопіютъ и земля колеблется. Земные владыки падаютъ со своихъ престоловъ и появляются въ исторіи новые народы. Старое все почти всюду вымерло, а великіе геніи не появляются въ литературѣ. Молодой человѣкъ—продолжала она, обращаясь къ Гётце—

вы, въ которомъ пресуществуетъ и благородное и святое, обратитесь всецѣло къ Іисусу Христу. На васъ снизойдетъ отрадный миръ, при всѣхъ вашихъ занятіяхъ и впродолженіе всей вашей жизни. Благо тому, кто подавляетъ въ себѣ весь разумъ и становится младенцемъ; тому, который вознамѣрится стремиться къ Нему, принадлежать Ему вполнѣ. Я не могу сказать о себѣ самой, что я люблю и познаю Его такъ, какъ бы слѣдовало, но я стараюсь сдѣлать это. Часто приводилось мнѣ убѣждать тѣхъ, которые имѣли несчастіе родиться близъ трона, чтобы, они обратились ко Христу. О! благодать Божія неистощима, а человѣкъ такъ грѣховенъ!.. Реформація надѣлала много зла, воспретивъ молитвы за умершихъ. Ни о чемъ человѣкъ не долженъ такъ стараться, какъ о томъ, чтобы другой молился за него. Развѣ Лейбницъ и Гуго Гроцій мыслили объ этомъ въ христіанскомъ духѣ! О, оставайтесь повергнутые передъ Господомъ до тѣхъ поръ, пока не окаменѣютъ ваши колѣни, до тѣхъ поръ, пока не преисполнится благодатію сердце ваше. Если мы приближаемся къ могущественному земному владыкѣ съ видомъ смиренія, то зачѣмъ же не поступать такъ въ отношеніи къ Богу? Положите, сказала она, взявши мою руку,—слова мои на ваше сердце, или же смѣйтесь надъ ними, но я говорила по внутреннему убѣжденію, говорила то, что внушилъ мнѣ Господь“.

Когда, спустя нѣсколько дней послѣ этой бесѣды, Гётце явился къ Голицыну, то онъ спросилъ, что̀ Гётце думаетъ о баронессѣ Крюденеръ? Гётце отвѣчалъ, что онъ видѣлъ ее только одинъ разъ и что поэтому не можетъ составить насчетъ ея никакого опредѣленнаго мнѣнія. Онъ спрашивалъ и Крюденеръ, понравился ли ей Гётце, на что она отвѣчала утвердительно. На вопросъ Гётце князю, справедливо ли говорятъ въ публикѣ, что ей дозволено было пріѣхать въ Петербургъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она не принимала никого и ни съ кѣмъ не вела бы бесѣдъ,—Голицынъ отвѣчалъ отрицательно. Насчетъ пріѣзда въ Петербургъ она ни у кого позволенія не спрашивала, и государь былъ недоволенъ тѣмъ суровымъ пріемомъ, какой оказалъ ей въ Ригѣ маркизъ Паулуччи. Въ Петербургѣ къ ней не будутъ сходиться тысячами, какъ это было за-границей, потому что она не знаетъ по-русски.

Гётце еще нѣсколько разъ бывалъ у госпожи Крюденеръ и разсказываетъ, что хотя онъ ни разу не присутствовалъ на ея бесѣдахъ и даже возражалъ ей во время разговоровъ съ нею, но что она не только не сердилась за это, но оказывала ему особое расположеніе и ласково выговаривала ему за то, что онъ рѣдко посѣщаетъ ее. При разставаніи съ нимъ она цѣловала его въ лобъ, говоря, что точно такъ же она цѣлуетъ и Голицына.

Къ этому Гётце добавляетъ, что въ одно изъ его посѣщеній баронессы Крюденеръ, когда она начала говорить съ воодушевленіемъ о своей миссіи и упала на колѣни, онъ остался неподвиженъ на стулѣ;

баронесса крикнула ему: „prosternez-vous, jeune homme!“ но когда и при этомъ возгласѣ Гётце не тронулся съ мѣста, то она вдругъ перемѣнила разговоръ, а потомъ, какъ и прежде, ласково обращалась съ нимъ.

Извѣстно, что баронесса фонъ-Крюденеръ имѣла огромное вліяніе на религіозное настроеніе, а въ связи съ нимъ и на политическія стремленія, императора Александра Павловича. Въ свою очередь не избѣгнулъ этого вліянія и князь Голицынъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, произошло ли ея вліяніе на этого послѣдняго непосредственно, или же Голицынъ болѣе принаровлялся къ образу мыслей своего государя и друга, чѣмъ подчинялся непосредственно ученію знаменитой піетистки. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но мистическо-миссіонерская дѣятельность баронессы Крюденеръ не прошла въ Россіи безслѣдно и потому не излишнимъ будетъ очертить ея личность настолько, насколько уясняется она въ книгѣ покойнаго Гётце.

Баронесса фонъ-Крюденеръ, урожденная фонъ-Фитингофъ, какъ по отцу, такъ и по мужу, принадлежала къ древнѣйшимъ фамиліямъ Остзейскаго края. Родилась она въ Ригѣ 21-го ноября 1764 года. Когда познакомился съ нею Гётце, ей было уже 57 лѣтъ, слѣдовательно она не имѣла уже тѣхъ внѣшнихъ прелестей, которыя могли бы дѣйствовать болѣе и менѣе обаятельно на сторонниковъ ея проповѣдничества. Она была внучка знаменитаго русскаго фельдмаршала графа Миниха и въ литературномъ тогдашнемъ мірѣ пріобрѣла извѣстность изданнымъ ею на французскомъ языкѣ романомъ подъ заглавіемъ „Valérie“.

„Послѣ того,—разсказываетъ Гётце — когда и при дворахъ государей, и въ высшихъ кругахъ общества, ее чествовали и удивлялись, ей, она вдругъ распростерлась у подножія креста и, презрѣвъ всѣ суеты міра, начала жить только для подвиговъ милосердія“.

Въ качествѣ опоры и совѣтника по вопросамъ религіознымъ, она почти всегда имѣла при себѣ какого нибудь мужчину, котораго считала проникнутымъ духомъ христіанства и который руководилъ ея помышленіями. Первоначально такимъ лицомъ былъ при ней ученый богословъ, родомъ женевецъ, Емпатайцъ, въ Петербургѣ—швейцарецъ Кельнеръ. Этотъ послѣдній былъ приверженецъ Якова Бёма — піетиста-мистика, и не могъ удержать ее отъ визіонерства, такъ какъ онъ самъ этому предавался.

Въ Петербургѣ религіозныя поученія баронессы приняли, до нѣкоторой степени, католическій оттѣнокъ, чего прежде не было. Въ подтвержденіе этого Гётце приводитъ слѣдующій случай:

Однажды въ департаментъ пришелъ къ нему управляющій имѣніями княгини Анны Сергѣевны Голицыной, у которой жила Крюденеръ, нѣкто Гутманъ, еврейскаго исповѣданія. Онъ изъявилъ желаніе обратиться къ евангелической вѣрѣ и пасторъ Рейнботъ хотѣлъ окрестить его въ церкви св. Анны. Онъ принесъ Гётце письмо отъ Го-

лицына, въ которомъ князь поручалъ ему написать отъ имени Гутмана прошеніе о дозволеніи перейти въ христіанство. Спустя нѣсколько времени, Гутманъ пришелъ опять къ Гётце и подалъ ему переписанную просьбу, въ которой оказалась существенная перемѣна, такъ-какъ онъ просилъ уже о дозволеніи принять не литеранское, но римско-католическое исповѣданіе. При этомъ онъ разсказалъ, что госпожа его, княгиня Голицына, и баронесса Крюденеръ долго совѣтовали ему окреститься по католическому обряду, пока, наконецъ, убѣдили его къ этому „а мнѣ—добавилъ онъ съ усмѣшкою—такъ все равно".

Въ виду этого, Гётце небезосновательно полагаетъ, что какъ Крюденеръ, такъ и госпожа Свѣчина, и княгиня Волконская, и княгиня Гагарина, а также и другія знатныя русскія дамы, попались въ сѣти, разставленныя іезуитами, и обратились, вслѣдствіе этого, къ католической вѣрѣ. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Хотя въ Лофштетенѣ, въ Швейцаріи, баронесса Крюденеръ высказала извѣстному пастору Муральту свое отвращеніе къ католицизму, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявила ему, что она и не протестантка, такъ какъ собственно отъ себя протестуетъ противъ всякихъ церковныхъ установленій. Когда пасторъ Муральтъ замѣтилъ ей, что въ такомъ случаѣ ей будетъ всего правильнѣе называть себя евангеличкой, то баронесса отвѣтила, что, дѣйствительно, она признаётъ истинною одну лишь первоначальную евангельскую церковь. Вообще же всѣ ея религіозныя воззрѣнія стали крайне неопредѣленны послѣ того, какъ она была увлечена Енпатайцемъ. Конечно, можно быть весьма твердымъ въ вѣрѣ, но весьма слабымъ въ богословіи, чѣмъ собственно и отличалась, при своемъ туманномъ проповѣдничествѣ, баронесса Крюденеръ.

Она долгое время была въ обществѣ гернгутеровъ, гдѣ и сблизилась съ Юнгъ-Штиллингомъ, у котораго и жила нѣкоторое время, а затѣмъ извѣстный пасторъ Оберленъ изъ Банъ-де-ла-Рожъ повліялъ на нее окончательно.

По ученію Юнгъ-Штиллинга, истинное христіанство въ своемъ живомъ источникѣ сохранилось только у вальдерзейцевъ, альбигойцевъ и гусситовъ, или моравскихъ братьевъ.

Въ ту пору, когда въ 1814 году баронесса Крюденеръ гостила у Юнгъ-Штиллинга въ Карлсруэ, тамъ временно проживалъ адмиралъ Шишковъ, тогдашній статсъ-секретарь императора Александра Павловича, сопровождавшій его во время походовъ 1812—1814 гг., и когда союзная армія перешла за Рейнъ, то адмиралъ, вслѣдствіе постигшей его болѣзни, вынужденъ былъ остаться въ Карлсруэ. Шишковъ, бывшій отъявленнымъ врагомъ мистицизма и „Библейскаго общества", на распущеніи котораго онъ настоялъ въ 1826 г., разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ", что онъ изъ любопытства посѣтилъ баронессу Крюденеръ, нашелъ въ ней умную женщину, но ему въ ней не понравились ея сумасбродные взгляды и ея вздорныя стремленія, которыя выдавала она за наитіе свыше.

Такой строгій блюститель православія, какимъ былъ Шишковъ, желалъ, однако, познакомиться съ личностью баронессы Крюденеръ и съ ея религіозною дѣятельностью. По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ перваго свиданія, онъ посѣтилъ ее снова и имѣлъ съ нею продолжительный разговоръ. Во время этой бесѣды вошла баронесса Беркгеймъ и захотѣла сказать своей матери что-то на ухо. Баронесса Крюденеръ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ извинилась передъ адмираломъ, сказавъ ему, что ее зовутъ на богомоленіе. „Почему же я не могу молиться съ ними?—замѣтилъ Шишковъ,—вѣдь и я христіанинъ". Съ своей стороны баронесса пригласила его отправиться на молитву. Они спустились съ лѣстницы и вошли въ просторную комнату, наполненную мужчинами и женщинами всякаго званія. Въ глубинѣ этой комнаты сидѣлъ какой-то господинъ передъ столомъ, на которомъ лежала бумага. Онъ началъ богомоленіе чтеніемъ одного изъ псалмовъ Давида. Прочитавъ стихъ, онъ начиналъ пѣть, а присутствующіе вторили ему тихимъ пѣніемъ. Послѣ этого онъ сказалъ длинную и весьма поучительную проповѣдь, которую, среди тишины, собраніе выслушало съ большимъ вниманіемъ. Тогда снова, въ прежнемъ порядкѣ, былъ пропѣтъ другой псаломъ, а послѣ того всѣ присутствующіе разошлись. „Когда—говоритъ Шишковъ—я прощался съ баронессою Крюденеръ, то поблагодарилъ ее за данное мнѣ ею дозволеніе, а самъ про себя подумалъ, что хотя она, изъ тщеславія, и выдаетъ себя за ниспосланную свыше проповѣдницу, но если у нея не происходитъ ничего болѣе, какъ только то, что я видѣлъ,—то въ собраніяхъ, бывающихъ у нея, нѣтъ ничего предосудительнаго".

Баронесса Крюденеръ, отрѣшившись отъ прелестей міра, чтобы слѣдовать за Спасителемъ, и считая себя призванной къ проповѣдничеству, начала поучать, какъ будто она находилась подъ божественнымъ наитіемъ. Такъ какъ нѣкоторыя изъ ея прорицаній сбылись чудеснымъ образомъ и такъ какъ ей удалось, во время голодныхъ 1816 и 1817 годовъ, доставить множеству людей продовольствіе и одѣть множество нагихъ, хотя она и сама часто нуждалась, то она, мечтая въ припадкахъ религіознаго экстаза о чудесахъ, думала, что подкрѣпляетъ ими свои проповѣди.

Самою замѣчательною эпохою въ ея жизни была, безъ всякаго сомнѣнія, та пора, когда она вступила въ сношенія съ императоромъ Александромъ Павловичемъ.

VI.

Сближеніе Александра Павловича съ мистиками.—Первое его свиданіе съ баронессою Крюденеръ.—Ея укоры.—Пребываніе императора въ Гейдельбергѣ и Парижѣ.— Участіе баронессы Крюденеръ въ политическихъ дѣлахъ и въ составленіи Священнаго союза.—Переписка Крюденеръ съ императоромъ.—Приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ.—Отказъ ея отъ этого приглашенія.—Высылка ея изъ Германіи.—Пріѣздъ въ Россію, а за тѣмъ въ Петербургъ.—Заботы объ освобожденіи грековъ.—Охлажденіе къ ней императора.

Въ то время, когда государь, послѣ низложенія Наполеона, поддался религіозному настроенію и думалъ о поддержаніи политики на началахъ христіанскаго ученія, тогда, въ бытность его въ Англіи, явились къ нему Юнгъ-Штиллингъ и квакерскіе проповѣдники Стефенъ Греллетъ, Джемсъ Вилькинсонъ и Вилльямъ Иллекъ. Всѣ они произвели болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе на императора.

Но всѣ эти впечатлѣнія, повидимому, должны были ослабѣть среди того земнаго величія, какимъ былъ окруженъ въ это время Александръ I. Благодарственныя привѣтствія и благословленія неслись къ нему на встрѣчу со всѣхъ сторонъ.

Европейскіе государи собрались на конгрессъ въ Вѣну, гдѣ время проходило среди празднествъ и увеселеній.

Въ концѣ октября 1814 года, баронесса Крюденеръ отправила къ фрейлинѣ Стурдза, бывшей впослѣдствіи за графомъ Эдлингомъ, письмо, въ которомъ она предсказывала, что Наполеонъ возвратится съ острова Эльбы во Францію, что лиліи снова исчезнутъ изъ Франціи и что опять наступятъ грозныя времена. Подсмѣиваясь надъ прозорливостью дипломатовъ, она, между прочимъ, писала: „Развѣ можно танцовать и наряжаться, когда милліоны людей вздыхаютъ и когда воплощается извергъ рода человѣческаго?“... „Я давно уже знаю, что Господь посѣтитъ радостью императора. Нѣтъ болѣе сладостной отрады, какъ любить и почитать тѣхъ, которые сами почитаютъ и любятъ Бога. Да будетъ руководить и да благословитъ Предвѣчный того, кого онъ призвалъ къ высокому предназначенію“.

Въ императорѣ Александрѣ она видѣла избранника Божія, которому было предназначено возвратить цѣлому міру тишину и спокойствіе.

На одномъ изъ баловъ, бывшемъ у князя Меттерниха, разнесся слухъ, что Наполеонъ высадился въ Каннѣ, сказавъ при этомъ: „Le congrés est dissous“—конгрессъ распущенъ. Войска союзниковъ пришли въ движеніе и императоръ Александръ поспѣшилъ уѣхать изъ Вѣны въ свою главную квартиру, расположенную въ Гейдельбергѣ.

Во время остановки своей въ Гейльброннѣ, однажды въ сумерки, онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, погруженный въ раздумье, когда кто-то постучался въ дверь и вслѣдъ затѣмъ вошелъ къ государю

съ опечаленнымъ видомъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, чтобы доложить, что къ его величеству пришла какая-то госпожа Крюденеръ, которую онъ не рѣшается допустить. Императоръ приказалъ пригласить ее.

— Она обратилась ко мнѣ съ сильными и утѣшительными словами, разсказывалъ потомъ Александръ Павловичъ.

Баронесса Крюденеръ прямодушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и кротко, укоряла императора за его прежнія заблужденія. Его мнимое обращеніе къ Богу она называла пустою мечтою. „Нѣтъ, государь—говорила она,—до сихъ поръ вы не обращались еще къ Богочеловѣку, какъ обратился къ нему распятый съ нимъ разбойникъ. Еще ни разу вы не обрѣли Его благодати, тогда какъ Онъ только одинъ имѣетъ власть отпустить грѣхи. Нѣтъ, вы еще никогда не помыслили какъ слѣдуетъ объ Іисусѣ Христѣ, какъ тотъ мытарь, не воззвали къ нему: „Господи, буди милостивъ мнѣ грѣшному!“ Поэтому, въ васъ нѣтъ никакого успокоенія. Послушайте голосъ женщины, которая была великою грѣшницею, но которая нашла убѣжище отъ грѣховъ у подножія креста Господня“.

Александръ прослезился и закрылъ лицо руками. Проповѣдница вдругъ растерялась, вспомнивъ, что тотъ, кто слушалъ ея рѣчь, былъ ея государемъ; она хотѣла извиниться въ своемъ легкомысліи, но Александръ успокоилъ ее и просилъ продолжать ея поученіе.

Три часа продолжалась эта бесѣда и, разставаясь съ г-жею Крюденеръ, императоръ сказалъ ей: „Вы мнѣ открыли то, о чемъ я никогда не думалъ. Благодарю за это Бога. Я нуждаюсь почаще въ такихъ бесѣдахъ и прошу васъ, не покидайте меня“.

Лишь только Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Гейдельбергъ, гдѣ для своего пребыванія онъ выбралъ загородный домъ, тотчасъ же написалъ баронессѣ Крюденеръ, приглашая ее пріѣхать въ Гейдельбергъ. Она пріѣхала туда 2 іюня 1815 года въ сопровожденіи женевскаго проповѣдника Емпатаца, своей дочери и ея мужа барона Беркгейма, и наняла на берегу Некара крестьянскій домикъ. Въ этомъ бѣдномъ убѣжищѣ русскій царь проводилъ вечера въ поучительныхъ бесѣдахъ и въ чтеніи библіи. Бесѣды эти продолжались иногда до 2-хъ часовъ ночи. Александръ самъ назначалъ какую нибудь главу изъ священнаго писанія и желалъ слышать ея объясненіе Емпатацемъ. Государь говорилъ, что онъ ежедневно прочитываетъ по три главы изъ библіи, одну изъ евангелія, одну изъ апостольскихъ „Посланій“ и одну изъ „Пророковъ“ и добавлялъ, что такого обычая онъ не нарушалъ и во время походовъ. Когда же Емпатацъ спросилъ его, чувствуетъ ли онъ душевный миръ и освободился ли онъ отъ тягости грѣховъ, то Александръ долго молчалъ, погрузился въ размышленія, и потомъ, поднявъ вверхъ глаза, сказалъ, что онъ признаётъ себя грѣшникомъ и уповаетъ только на милосердіе Божіе. Въ другой разъ этотъ православный государь пригласилъ Емпатаца молиться вмѣстѣ

съ нимъ Богу, чтобы Господь послалъ ему силы пожертвовать всѣмъ и открылъ бы ему то, что сокрыто отъ людей. Емпатацъ упалъ на колѣни и началъ громко молиться. При этомъ Александръ выразилъ желаніе, чтобы возлюбленный его братъ Константинъ тоже обратился къ Богу и скорбѣлъ о томъ, что онъ, Константинъ, до сихъ еще поръ обрѣтается во тьмѣ грѣховной.

Баронессу Крюденеръ, во время пребыванія ея въ окрестностяхъ Гейдельберга, посѣщали нѣсколько разъ графъ Каподистріа и баронъ фонъ-Штейнъ.

22 января 1815 года, императоръ Александръ Павловичъ уѣхалъ ихъ Гейдельберга, а г-жа Крюденеръ должна была дать обѣщаніе, что пріѣдетъ къ нему въ Парижъ.

Въ Парижѣ остановилась она въ гостинницѣ Моншеню, находившейся по близости отъ отеля Элизе-Бурбонъ, въ которомъ помѣстился русскій императоръ. Александръ Павловичъ носилъ въ это время при себѣ ключъ отъ садовой калитки, выходившей въ Елисейскія Поля, черезъ которыя онъ, никѣмъ незамѣченный, могъ, по нѣскольку разъ въ день, ходить къ баронессѣ Крюденеръ.

Во время своего вторичнаго пребыванія въ столицѣ Франціи, императоръ Александръ избѣгалъ всякихъ шумныхъ удовольствій. По его желанію, баронесса Крюденеръ, съ лицомъ закрытымъ густою вуалью, присутствовала нѣсколько разъ при воскресномъ богослуженіи въ русской церкви, устроенной въ Элизе-Бурбонъ. Императоръ пригласилъ ее въ Вертю на происходившій тамъ большой смотръ русскихъ войскъ.

Посѣщаемыя многочисленною публикою богомоленія происходили каждый вечеръ у Крюденеръ, около 7-ми часовъ; отправлялись они по обряду реформатской церкви. Емпатацъ въ одеждѣ, усвоенной проповѣдниками этой церкви, читалъ молитву, а колѣнопреклоненные богомольцы вторили ему, когда онъ произносилъ какой нибудь текстъ изъ св. писанія. Баронесса занимала мѣсто среди молящихся, и если кто нибудь обращался къ ней съ какимъ либо богословскимъ вопросомъ, то она предлагала отправиться за объясненіемъ къ Емпатацу.

Императоръ Александръ, который, вслѣдствіе своего добраго расположенія къ Людовику XVIII, хотѣлъ удержать за Франціею прежнія ея границы, вынужденъ былъ выдержать сильную борьбу со своими союзниками, которые, въ силу политической необходимости, хотѣли отяготить вѣчно безпокойный Парижъ и отнять у Франціи, по крайней мѣрѣ, Эльзасъ. Онъ до такой степени разошелся со своими союзниками, что русскія войска не участвовали уже въ Ватерлооской битвѣ. По поводу всего этого, баронесса Крюденеръ говорила ему: „Вы правы, государь; чѣмъ болѣе вы будете великодушны къ другимъ, тѣмъ милосерднѣе будетъ къ вамъ Господь". Императоръ Александръ послѣдовалъ внушенію вліятельной проповѣдницы и настоялъ на томъ, чтобы союзники пощадили Францію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія—замѣчаетъ Гётце,—что баронесса Крю-

денеръ принимала участіе въ составленіи „Священнаго союза“, но какое именно?—вотъ вопросъ. Сообщила ли она первоначально императору мысль о такомъ союзѣ, или она, въ данномъ случаѣ, только встрѣтилась съ собственнымъ почином Александра? Извѣстно только—отвѣчаетъ на эти вопросы Гётце—что императоръ сообщилъ ей написанныя имъ собственноручно, карандашемъ, главныя основанія упомянутаго союза, и когда она нѣкоторыя изъ нихъ нашла неподходящими, то передала на его усмотрѣніе свои замѣчанія. Извѣстно также, что баронесса Крюденеръ сдѣлала въ первоначальномъ наброскѣ нѣкоторыя поправки и въ такомъ видѣ, на другой день, вручила императору его первоначальную рукопись.

Изъ письма Крюденеръ, которое она потомъ отправила императору изъ Парижа, слѣдуетъ заключить, что она не надѣялась, какъ надѣялся онъ, что, по заключеніи Священнаго союза, Европою будетъ руководить евангельское ученіе: „Vos vues sont grandes et belles, mais Vous ne pouvez les effectuer encore; il faut que Vous ne songiez, qu'à Vous régénérer, afin que tout régénére autour de Vous; il faut que tout passe par une grande crise. L'Allemagne, qui porte en elle le germe de la destruction, sera boulversée. Les Turcs vont paraître, les Anglais ne sont pas sûrs... т. е. „Ваши планы велики и прекрасны, но вы еще не можете осуществить ихъ. Вамъ нужно заботиться только о томъ, чтобы переродиться, затѣмъ, чтобы переродилось все окружающее васъ; нужно, чтобы во всемъ произошелъ огромный переворотъ. Германія, которая носитъ въ себѣ зародышъ разрушенія, будетъ ниспровергнута. Появятся турки, англичане ненадежны...“

При отъѣздѣ Александра изъ чужихъ краевъ, онъ приглашалъ ее отправиться вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ. Онъ не принялъ въ соображеніе, что при тогдашнихъ разстроенныхъ ея финансахъ ей невозможно было, обративъ взоры къ небу, забыть объ ея земныхъ интересахъ, и что она окружена лицемѣрами и негодными людьми, среди которыхъ особенно выдавался тогдашній извѣстный проповѣдникъ Фонтэнь и которые будутъ вызывать ее на разныя ходатайства; что главную часть ея доходовъ составляетъ аренда, пожалованная ея покойному мужу, что въ скоромъ времени срокъ этой аренды прекратится и что она вынуждена будетъ просить о продолженіи этой награды, но такъ какъ она не рѣшится на это, то одинъ изъ источниковъ ея доходовъ изсякнетъ.

Впродолженіе бѣдственныхъ 1816—1817 годовъ, она проводила время частью въ виртембергскихъ и баденскихъ владѣніяхъ, а частью въ Швейцаріи, гдѣ, желая исполнить свое призванія, питала голодающихъ и, чтобъ имѣть для этого средства, продала свои брилліанты. Такъ какъ около нея собирались толпы народа, то правительства стали тревожиться этимъ. Ей поставили въ вину, что она пріучаетъ бѣдныхъ къ попрошайству и нищенству, и её съ жандармами стали препровождать изъ одного мѣста въ другое и, такимъ образомъ, доставили ее къ русской границѣ.

Въ Юнгфернгофѣ, около Риги, она свидѣлась съ своимъ братомъ, тайнымъ совѣтникомъ Фитингофомъ, и оттуда писала, что она считаетъ себя дщерью первоначальной церкви и возвѣстила въ пророческомъ духѣ: L'orient s'ouvre, les calamités s'approcheent sur l'Europe et sur ces contrées aussi" т. е. „Востокъ разверзается, бѣдствія надвигаются на Европу и на эти страны". Изъ Юнгфернгофа она возвратилась въ свое помѣстье Коссе близъ Верро.

Болѣзнь зятя Беркгейма принудила баронессу Крюденеръ пріѣхать въ 1821 году въ Петербургъ.

Быть можетъ, она надѣялась, что здѣсь ей удастся возобновить прежнія отношенія съ императоромъ Александромъ Павловичемъ — отношенія, которыя прекратились въ 1815 году, и что ей удастся побудить его къ освобожденію Россіею грековъ отъ турецкаго ига. „Призваніе мое—говорила она—тѣсно связано съ освобожденіемъ Греціи, чрезъ посредство которой христіанство будетъ процвѣтать на Востокѣ". Она, однако, горько обманулась въ своемъ чаяніи. Императоръ не выразилъ ей никакого вниманія. „А какъ въ былое время — говорила она Гётце—онъ проливалъ успокоительныя слезы въ моихъ объятіяхъ".

V.

Грустное настроеніе Александра.—Смерть Софіи Нарышкиной.—Предубѣжденіе императора противъ Крюденеръ. — Участіе Голицына въ сношеніяхъ съ нею государя.—Выѣздъ изъ Петербурга.—Болѣзнь. — Поѣздка въ Крымъ. — Смерть баронессы Крюденеръ.

Хотя религіозное настроеніе Александра въ это время не только не ослабло, но еще болѣе усилилось, тѣмъ не менѣе его политическія воззрѣнія приняли иное направленіе, усвоивъ, вмѣсто ученія Лагарпа, ученіе Меттерниха. Революціи въ Испаніи и въ Неаполѣ, заговоры въ Германіи и совершонное тамъ убійство извѣстнаго писателя Коцебу убѣдили его въ необходимости слѣдовать внушеніямъ Меттерниха. Смерть молодой Софіи Нарышкиной подавила его въ свою очередь тяжелымъ горемъ. Онъ сдѣлался угрюмъ, несообщителенъ, недовѣрчивъ и потерялъ прежнюю энергію. Сверхъ того, около него уже не было тѣхъ смѣлыхъ и мечтательныхъ слугъ и друзей, которые, будучи молоды, увлекались, какъ онъ мечтами. Въ эту пору государственными дѣлами завѣдывалъ ненавидимый всѣми графъ Аракчеевъ. Александра нигдѣ уже не встрѣчали съ прежними восторгами, а, напротивъ, въ Россіи слышался ропотъ и замѣчалось чувство нерасположенія къ правительству.

Среди такой неблагопріятной обстановки, баронесса Крюденеръ вздумала связать свое религіозное ученіе съ политическими цѣлями.

Бывшій тогда въ Россіи французскій посланникъ графъ де-ла-Ферроне, сдѣлавшійся лицомъ близкимъ къ государю, сообщалъ о немъ своему правительству слѣдующее:

„Съ каждымъ днемъ для меня становится все труднѣе и труднѣе разгадать и узнать характеръ государя. Кажется, нельзя лучше говорить, какъ говоритъ онъ—съ откровенностію и достоинствомъ. Бесѣда съ нимъ оставляетъ всегда самое пріятное насчетъ него впечатлѣніе. Вы разстаетесь съ нимъ въ увѣренности, что этотъ государь съ прекрасными качествами рыцаря соединяетъ качества великаго монарха. Онъ разсуждаетъ превосходно: подавляетъ доказательствами, говоритъ краснорѣчиво, съ горячностію убѣжденнаго человѣка. Кажется—все прекрасно, но въ концѣ концовъ его жизнь и все то, что мнѣ приходится видѣть ежедневно, убѣждаютъ, что нельзя довѣрять ему. Безпрестанныя проявленія слабости доказываютъ, что энергія, которую онъ выказываетъ на словахъ, не въ его характерѣ, но, съ другой стороны, этотъ слабый характеръ проявляетъ такія вспышки энергіи, которыя вызываютъ въ немъ самую упорную рѣшимость, могущую повлечь за собою неисчислимыя послѣдствія. Наконецъ, императоръ крайне недовѣрчивъ, что̀ доказываетъ его слабость, а слабость, въ свою очередь, несчастье, и тѣмъ еще болѣе, что императоръ, въ полномъ значеніи слова (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ думается), самый честный человѣкъ, какого я когда либо зналъ. Быть можетъ, онъ часто дѣлаетъ зло, но тѣмъ не менѣе онъ всегда желаетъ сдѣлать добро“.

Чувства Александра Павловича въ отношеніи къ баронессѣ Крюденеръ втеченіи шести лѣтъ значительно измѣнились. Ему сдѣлалось извѣстно то неблагопріятное впечатлѣніе, какое произвели его сношенія съ этой женщиной по разнымъ политическимъ вопросамъ. Ея религіозная и филантропическая дѣятельность въ Баденѣ, Виртембергѣ и въ Швейцаріи была выставлена передъ нимъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Когда однажды какая-то пріятельница баронессы спросила его: имѣетъ ли онъ о г-жѣ Крюденеръ какія нибудь извѣстія?—то онъ сухо отвѣчалъ: „я—боюсь за нее, она стала на ложную дорогу“.

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Крюденеръ думала, что императоръ, наставляемый Богомъ, долженъ сдѣлаться заступникомъ грековъ. Между тѣмъ, „Священный союзъ“ связывалъ его по рукамъ, и на Веронскомъ конгрессѣ онъ высказалъ Шатобріану, что смотритъ на возстаніе грековъ какъ на бунтъ противъ власти, установленной Богомъ. Онъ опасался, что баронесса Крюденеръ своими религіозными поученіями станетъ побуждать его къ заступничеству за грековъ и потому считалъ нужнымъ избѣгать всякихъ съ нею разговоровъ. Вспоминая, однако, прежнія свои къ ней отношенія и, можетъ быть, питая еще къ ней нѣкоторое расположеніе, онъ счелъ нужнымъ бережно отнестись къ ней и въ настоящее время.

Александръ написалъ къ ней длинное письмо—на цѣлыхъ восьми

страницахъ. Въ письмѣ этомъ онъ изложилъ ей, какъ трудно ему, увлекаясь стремленіями вѣка, придти на помощь грекамъ; что онъ хотѣлъ бы повиноваться волѣ Божіей, но что эта воля недостаточно ему выяснилась; что онъ долженъ крайне остерегаться, чтобъ не попасть на ложную дорогу, такъ какъ благія его намѣренія потребовали уже столько жертвъ, а между тѣмъ онъ осчастливилъ очень не многихъ. Кромѣ того, онъ поставлялъ ей на видъ свое обязательство не предпринимать ничего безъ согласія своихъ союзниковъ. Къ этому онъ добавилъ, что та свобода, съ которою онъ предоставилъ ей порицать его правительство, доказываетъ, что онъ ея другъ, но далъ понять, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такой другъ, который можетъ заговорить съ нею иначе, если она будетъ дѣлать какія либо затрудненія его министрамъ или возбуждать въ публикѣ какое либо неудовольствіе противъ правительства, такъ какъ она тѣмъ самымъ нарушитъ свой долгъ какъ подданная и какъ христіанка. Въ заключеніе онъ сообщалъ баронессѣ Крюденеръ,—жившей тогда на дачѣ, по такъ называемому нынѣ Ланскому шоссе,—что онъ разрѣшаетъ ей бывать въ городѣ только подъ тѣмъ условіемъ, что она будетъ сохранять благоразумное молчаніе относительно положенія дѣлъ, измѣнять которыя онъ не желаетъ вслѣдствіе ея досужихъ мечтаній.

Государь приказалъ директору департамента духовныхъ дѣлъ, Тургеневу, только прочитать это письмо баронессѣ и затѣмъ возвратить его ему черезъ князя Голицына.

Она почтительно выслушала это письмо, въ которомъ ласковыя слова прикрывали очень суровое внушеніе, и попросила Тургенева выразить государю живѣйшую признательность за его вниманіе и снисходительность. Замѣтно было, однако, что письмо это было принято съ горестнымъ чувствомъ, и она въ ту же осень уѣхала въ свое помѣстье Коссе, гдѣ и скрылась въ совершенномъ уединеніи.

Въ чрезвычайно холодную зиму 1822—1823 года она сильно страдала отъ стужи, такъ какъ жила въ нетопленныхъ комнатахъ и безъ двойныхъ рамъ. Жила же она такъ, чтобъ показать собою бѣднымъ примѣръ терпѣнія, которое она проповѣдывала. Спутникъ ея, пасторъ Кельнеръ, захотѣлъ-было подражать ей, но вскорѣ захворалъ отъ сильной простуды. Что же касается баронессы, то и она, въ свою очередь, совершенно разстроила свое здоровье и почувствовала приближеніе смерти. Будущая жизнь представлялась ей въ видѣ ужаснаго возмездія за ея прегрѣшенія и она впала въ страшное отчаяніе. Но вскорѣ такое настроеніе измѣнилось, такъ какъ, по словамъ ея, однажды ночью до нея дошелъ голосъ, который говорилъ ей: „Почему ты боишься умирать? Къ тебѣ придетъ ангелъ и перенесетъ твою душу туда, гдѣ тебя любятъ“. Послѣ этого она совершенно успокоилась и болѣзнь ея облегчилась.

По приглашенію княгини Анны Сергѣевны Голицыной, она для поправленія своего здоровья рѣшилась переѣхать въ болѣе теплый

край и потому вмѣстѣ съ дочерью и зятемъ отправилась въ Крымъ, въ имѣніе княгини—Карассу-Базаръ, гдѣ Голицына завела нѣмецкую колонію. Это было весною 1824 года. Въ Карассу-Базарѣ она снова начала страдать ракомъ.

Передъ смертью она писала своему сыну, бывшему русскимъ посланникомъ въ Швейцаріи, слѣдующее: „То, что я сдѣлала добраго, то и останется послѣ моей смерти; то же, что я сдѣлала дурнаго (такъ какъ я часто не исполняла воли Божіей, и дурное было слѣдствіемъ моего упорства и моей гордости), будетъ мнѣ отпущено по благости Господней. Я должна только просить отпущенія моихъ заблужденій передъ Богомъ и людьми, кровь же Христова омываетъ всѣ грѣхи".

Она умерла въ 1824 году, въ день Рождества Христова, въ полномъ сознаніи и въ надеждѣ на милосердіе Божіе.

VI.

Сходство Александра I и Голицына въ области религіозныхъ убѣжденій.—Министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.—Жалобы Голицына на господство монашества.—Замѣчаніе по поводу этого.—Объясненія Голицына.—Митрополитъ Михаилъ. — Вѣротерпимость. — Мѣры Голицына въ отношеніи Остзейскаго края.—Мнѣніе Голицына о расколѣ. — Непріязнь высшаго духовенства къ Голицыну. — Неудачное его управленіе министерствомъ народнаго просвѣщанія.—Цензура.—Ея строгость.—Отношенія Голицына къ Магницкому, Руничу и Уварову.—Ланкастерская метода.—Благотворительная и общественная дѣятельность Голицына.

Мы остановились нѣсколько подробно на свѣдѣніяхъ, встрѣченныхъ о баронессѣ Крюденеръ въ книгѣ Гётце, не только потому, что личность эта имѣетъ значеніе какъ сама по себѣ, такъ отчасти и въ исторіи первой четверти текущаго столѣтія, но еще и по другимъ причинамъ. Сношенія императора Александра I съ Крюденеръ представляютъ нѣкоторыя существенныя черты его религіознаго и политическаго настроенія, которое неизбѣжно должно было отражаться на окружившихъ его лицахъ, и въ особенности на князѣ Голицынѣ. Голицынъ былъ съ дѣтства связанъ съ императоромъ тѣсною дружбою. Оба они выросли при дворѣ Екатерины II, въ такую пору, когда религіозныя чувства были въ разладѣ съ разсудкомъ. Оба они усвоили себѣ одинаковый образъ мыслей и потомъ оба свернули на иную дорогу, гдѣ натолкнулись на христіанско-мистическое ученіе. Обстоятельство это, по отношенію къ Голицыну, какъ къ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, имѣло, разумѣется, гораздо болѣе значенія, нежели въ отношеніи другихъ современныхъ ему русскихъ сановниковъ.

Министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, которому подвѣдомственны были и дѣла господствующей церкви, принадлежало къ числу замѣтно выдавшихся учрежденій, основанныхъ въ царствованіе Александра I, но, спустя семь лѣтъ, министерство это было упразднено, вслѣдствіе происковъ Аракчеева, направленныхъ противъ Голицына.

Во время своего управленія означеннымъ министерствомъ, Голицынъ особенно жаловался на преобладаніе въ православной церкви чернаго духовенства, вслѣдствіе чего епископскій санъ сдѣлался доступнымъ только монашествующимъ, такъ что монашество стало господствовать надъ бѣлымъ духовенствомъ. При такомъ условіи это послѣднее было поставлено въ приниженное положеніе и представители перваго, въ особѣ епархіальныхъ владыкъ, вышедшихъ изъ монастырей, обращались съ лицами бѣлаго духовенства почти какъ съ рабами. Обычай ставить митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ только изъ монашествующихъ до такой степени утвердился у насъ, что теперь представляется чѣмъ-то страннымъ увидѣть въ этомъ санѣ лицо изъ бѣлаго духовенства. Разумѣется, что при установившемся среди православнаго люда свычаѣ особенно будетъ чудно видѣть „архіерейшу", но по каноническимъ правиламъ она можетъ существовать и нисколько не препятствовать своему супругу получить архіерейскій посохъ. Каноны нашей церкви отдаютъ даже преимущество при поставленіи на архіерейскую каѳедру лицамъ бѣлаго духовенства, такъ какъ по внѣшнему виду къ нему, а не къ монашеству приближается епископъ, хотя бы и рукоположенный изъ монашества. Такъ, наши епископы носятъ, какъ и лица бѣлаго духовенства, цвѣтныя, а не черныя ризы, и бѣлый клобукъ митрополита считается почетнѣе, нежели черный, исключительно присвоеный монашеству.

Не вдаваясь, впрочемъ, въ собственныя размышленія по этому вопросу, мы упомянемъ здѣсь лишь о томъ, какъ смотрѣлъ Голицынъ на преимущественное положеніе въ церковной іерархіи чернаго духовенства сравнительно съ положеніемъ бѣлаго. Онъ весьма основательно находилъ, что заключенный въ стѣнахъ монастыря монахъ не могъ пріобрѣсти широкаго взгляда и вѣрнаго понятія о житейскихъ потребностяхъ и, находясь въ сторонѣ отъ всего мірскаго, долженъ былъ потерять изъ виду многія существенныя условія гражданскаго, общественнаго и домашняго быта.

Что касается вопроса о причинахъ упомянутаго преобладанія, то Голицынъ, когда однажды зашла объ этомъ рѣчь при докладѣ, при которомъ присутствовали только Тургеневъ и Гётце, по словамъ послѣдняго изъ нихъ, отозвался: „какой-нибудь пьяный патріархъ установилъ это".

Съ своей стороны, Гётце объясняетъ такое преобладаніе умственнымъ перевѣсомъ чернаго духовенства надъ бѣлымъ, такъ какъ въ монахи вступали самые способные молодые люди изъ приготовляв-

шихся въ духовное званіе, а также болѣе образованные вдовцы изъ бѣлаго духовенства.

Въ свою очередь мы добавимъ, что, независимо отъ этого, сплоченность монашествующихъ давала имъ перевѣсъ надъ разсѣяннымъ повсюду бѣлымъ духовенствомъ. Кромѣ того, монастыри всегда пользовались бо̀льшимъ почетомъ со стороны мірянъ, нежели приходскія церкви. Въ монастыри стекалось и доселѣ стекается множество богомольцевъ, а старшій представитель монашествующей братіи — архимандритъ, игуменъ, настоятель,—по своей обстановкѣ и зажиточности обители являлся въ глазахъ мірянъ лицомъ, несравненно выше стоящимъ, нежели священникъ какого-нибудь бѣднаго прихода, живущій поборами со своихъ прихожанъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ современниковъ князя Александра Николаевича, Гётце считаетъ въ средѣ чернаго духовенства петербургскаго митрополита Михаила. Онъ былъ первенствующимъ членомъ синода и, по словамъ Гётце, во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойный пастырь, отличавшійся нежеланіемъ приходить въ столкновенія съ духовенствомъ иновѣрныхъ исповѣданій.

Въ своей книгѣ Гётце приводитъ нѣсколько примѣровъ тогдашней вѣротерпимости со стороны святѣйшаго синода, какъ высшаго въ государствѣ православно-церковнаго управленія.

Такъ, онъ разсказываетъ, что духовныя консисторіи эстляндская и лифляндская обратились къ Голицыну съ ходатайствомъ о дозволеніи крестить въ Остзейскомъ краѣ подкидываемыхъ младенцевъ по евангелическому обряду. Министръ нашелъ такое ходатайство уважительнымъ и въ такомъ смыслѣ отнесся къ митрополиту Михаилу, который, съ своей стороны, отвѣчалъ, что къ удовлетворенію такого ходатайства не встрѣчаетъ препятствій, и такой его отзывъ, пройдя чрезъ государственный совѣтъ, получилъ высочайшее утвержденіе.

Въ подтвержденіе тогдашней вѣротерпимости, Гётце приводитъ и другой еще случай. Во время нашихъ войнъ съ Наполеономъ въ Германіи, какой-то полковникъ Бекбубетовъ женился на дѣвицѣ Фрезе, реформатскаго исповѣданія. Впослѣдствіи открылось, что онъ былъ магометанинъ. Отъ этого брака родился сынъ и, по взаимному соглашенію родителей, его предположили окрестить по вѣрѣ его матери. Между тѣмъ, новорожденный младенецъ былъ настолько слабъ, что, казалось, не проживетъ и одного дня. Въ виду этого повивальная бабка, принимавшая его, окрестила его сама. Но такъ какъ ребенокъ остался живъ, то пасторъ отказался записать его въ метрическую книгу на томъ основаніи, что повивальная бабка, какъ православная, окрестила его по своей вѣрѣ. Между тѣмъ, родители мальчика продолжали настаивать, что онъ принадлежитъ къ реформатской церкви. Вопросъ объ этомъ былъ представленъ на разрѣшеніе князя Голицына, который, въ свою очередь, снесся по этому дѣлу съ

митрополитомъ Михаиломъ, и митрополитъ отозвался, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ исполнить желаніе родителей.

Гётце приводитъ еще и другіе случаи, которые свидѣтельствуютъ о взглядѣ князя Голицына на отношенія православной церкви къ иновѣрческимъ. Такъ, между прочимъ, имъ былъ проведенъ законъ, запрещавшій присоединять въ Остзейскомъ краѣ къ православной церкви тѣхъ лютеранъ, которые изъявляютъ на то желаніе потому только, что уклоняются отъ конфирмаціи, требующей нѣкотораго подготовленія по Закону Божію, а также не допускать къ присоединенію и малолѣтнихъ мужскаго пола, не достигшихъ 15-ти, и женскаго—12-ти лѣтъ, безъ согласія на то со стороны ихъ родителей.

Относительно русскихъ раскольниковъ, Голицынъ, какъ министръ духовныхъ дѣлъ, высказывалъ такое мнѣніе:

„Самое лучшее—не обращать на нихъ вниманія. Если правительство станетъ поступать иначе, то это повлечетъ за собою двоякое послѣдствіе: или нужно будетъ ихъ преслѣдовать—и тогда будетъ худо, такъ какъ они явятся мучениками и ученіе ихъ привлечетъ къ себѣ еще болѣе сторонниковъ; или же нужно будетъ выдѣлить ихъ вовсе изъ вѣдѣнія господствующей церкви. Но въ такомъ случаѣ они будутъ имѣть поводъ считать, что правительство какъ бы узаконило ихъ заблужденія. Въ дѣлахъ раскола нужно—говорилъ Голицынъ—предоставить все волѣ Божіей, времени и просвѣтительному старанію православнаго духовенства“. Передавая это мнѣніе, Гётце добавляетъ что въ Сибири считалось тогда до ста тысячъ сектантовъ, которые обратились къ Голицыну съ просьбою, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свое начальство. „Я отклонилъ эту честь—разсказывалъ Голицынъ—и тогда они просили меня быть посредникомъ между ними и святѣйшимъ синодомъ. Я объявилъ имъ, что если они не желаютъ имѣть особаго епископа, то во всякомъ случаѣ должны подчиниться синоду, который, впрочемъ, по отдаленности ихъ мѣстопребыванія, не будетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Они не согласились на это, отзываясь тѣмъ, что въ обоихъ случаяхъ они, при ихъ богослуженіяхъ, должны будутъ поминать или епископа, или синодъ. Тогда имъ было указано, что подобныя молитвы находятся въ старинныхъ богослужебныхъ книгахъ, которыя никогда не были переиначены, но что въ нихъ при патріархѣ Никонѣ были только исправлены ошибки переводчиковъ. Однако же убѣжденія не привели ни къ чему“.

То направленіе, котораго такъ твердо держался Голицынъ по дѣламъ духовнымъ, не нравилось высшему духовенству. Оно было вооружено противъ него до такой степени, что, по словамъ Гётце, даже такой просвѣщенный представитель духовенства, какимъ былъ митрополитъ Михаилъ, не задолго до своей смерти, въ поданной имъ государю запискѣ, обвинялъ Голицына въ пренебреженіи дѣлами господствующей церкви. Въ своей нетерпимости высшее духовенство до-

шло тогда до того, что признавало нужнымъ обращать невѣрующихъ на путь истинный строгими принудительными мѣрами.

Вообще, Гётце отзывается о Голицынѣ какъ о министрѣ духовныхъ дѣлъ съ большою похвалою; что же касается его дѣятельности какъ министра народнаго просвѣщенія, то въ книгѣ Гётце попадаются отзывы инаго рода. Голицынъ искренно желалъ распространить и развить просвѣщеніе среди народа, но не былъ счастливъ въ выборѣ предназначенныхъ для того лицъ и самъ попалъ подъ вліяніе обскурантовъ и интригановъ. Самъ онъ не былъ настолько образованъ, чтобы непосредственно предпринять тотъ или другой почитъ въ этомъ дѣлѣ, и потому все должно было зависѣть отъ директора департамента, но такого способнаго и толковаго человѣка при Голицынѣ не было. „Если бы,—замѣчаетъ Гётце—директоромъ департамента народнаго просвѣщенія былъ такой человѣкъ, какимъ былъ Тургеневъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, то время управленія Голицына министерствомъ народнаго просвѣщенія представлялось бы совершенно въ другомъ свѣтѣ. При Голицынѣ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія былъ Василій Ивановичъ Поповъ. По отзыву Гётце, онъ понималъ языки нѣмецкій и англійскій и владѣлъ хорошимъ канцелярскимъ слогомъ; но онъ былъ человѣкъ безхарактерный, безъ всякой нравственной выдержки, безъ широкаго взгляда на государственныя дѣла, и вполнѣ подчинялся піетистическимъ вліяніямъ.

Кромѣ дѣлъ духовныхъ и народнаго просвѣщенія, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Голицына находилась еще и цензура. Изъ боязни происходившихъ тогда въ Европѣ смутъ, строгость ея была усилена до крайней степени, особенно по театральной части, и въ этомъ отношеніи требованія ея доходили до смѣшнаго. Такъ, драматическій цензоръ не допускалъ въ піэсахъ словъ „богъ любви“, но заставлялъ замѣнять эти слова словами Амуръ или Купидонъ. Иностранная цензура была придирчива до того, что однажды не пропустила одного нумера „Augsburger Allgemeinev Zeitung“ потому только что тамъ встрѣтилось объявленіе о продажѣ въ Германіи портрета испанскаго агитатора Piero.

О какихъ либо нововведеніяхъ по учебной части при Голицынѣ не было и помину. Изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ его время были открыты: въ 1817 году петербургскій университетъ, а въ Одессѣ Ришильевскій лицей. Гётце говоритъ, что, судя по находившимся въ ту пору при этомъ университетѣ профессорамъ, ему предстояла блестящая будущность, если бы развитіе этого разсадника просвѣщенія не было задержано злобнымъ вліяніемъ Магницкаго и Рунича.

Магницкій и Руничъ, разсказываетъ Гётце, были превосходные говоруны и своею болтовнею они ослѣпили Голицына такъ, что онъ изъ-за нихъ не могъ ничего видѣть. Изъ нихъ Магницкій былъ попечителемъ казанскаго, а Руничъ петербургскаго университетовъ. Они, съ своей стороны, начали выставлять подвѣдомственные имъ универси-

теты какъ разсадники невѣрія и революціоннаго духа, предрекая отъ этого разныя бѣдствія и напасти. Уваровъ, бывшій впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія, а въ ту пору президентомъ академіи и попечителемъ петербургскаго университета, старался защитить этотъ послѣдній. Такъ какъ онъ былъ скорѣе человѣкъ ученый, нежели администраторъ, то въ его управленіи можно было найти нѣсколько промаховъ. Онъ раза два пріѣзжалъ на воскресныя собранія, бывавшія у Голицына, но звѣзда его, какъ попечителя, была уже на закатѣ. На этихъ собраніяхъ его какъ будто никто не замѣчалъ „и онъ—говоритъ Гётце—былъ очень доволенъ, когда я, въ ту пору еще молодой и незначительный чиновникъ, заговаривалъ съ нимъ, и старался подольше протянуть эту бесѣду“.

Въ похвалу Голицыну должно, однако, сказать, что онъ обратилъ вниманіе на распространеніе чтенія и письма въ народѣ, такъ какъ эти первоначальныя знанія были тогда очень мало распространены. Голицынъ, по возможности, старался открывать народныя училища и заботился о введеніи въ Россіи бывшей тогда въ ходу такъ называемой „ланкастерской“ методы. Для введенія и распространенія ея былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ректора Александро-Невской духовной академіи, архимандрита Филарета, впослѣдствіи митрополита московскаго. Въ составъ этого комитета вошли также Магницкій и Руничъ, скоро вкравшіеся въ довѣренность министра. Въ то же время четверо студентовъ педагогическаго института были отправлены за-границу для изученія ланкастерской методы. На основаніи же этой методы, независимо отъ министерства народнаго просвѣщенія, были устроены въ Петербургѣ солдатскія школы.

Съ 1817 года Голицынъ былъ предсѣдателемъ „Человѣколюбиваго Общества“ и содѣйствовалъ устройству при этомъ обществѣ медико-филантропическаго отдѣленія. При его участіи и содѣйствіи образовано было, донынѣ дѣйствующее съ пользою, „Попечительное о тюрьмахъ Общество“ какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ и въ разныхъ, губерніяхъ, а также попечительство о бѣдныхъ и пріютъ для неизлечимо-больныхъ. Особенно заботился Голицынъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, о призрѣніи грековъ, убѣжавшихъ въ южную Россію отъ турецкихъ звѣрствъ, а также о выкупѣ гречанокъ и дѣтей, купленныхъ турками въ рабство, и собиралъ съ этою цѣлью большія пожертвованія.

Когда, въ 1823 году, открылся въ Бѣлоруссіи голодъ, Голицынъ воззвалъ къ общественной благотворительности въ помощь голодающимъ. Въ 1816 году, подъ покровительствомъ Голицына, возникло „Общество любителей русской словесности“, составившееся преимущественно изъ молодыхъ писателей и начавшее издавать журналъ, прибыль съ котораго предназначалась для пособія нуждающимся литераторамъ и учащимся. Вообще, Голицынъ очень охотно поддерживалъ всякое филантропическое и общеполезное предпріятіе.

Въ бытность свою министромъ народнаго просвѣщенія, Голицынъ,

въ 1819 году, управлялъ однажды временно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и одинъ разъ, въ отсутствіе князя Волконскаго, — министерствомъ двора.

„Вслѣдствіе губительнаго вліянія Магницкаго и его сподручника—Рунича“, говоритъ Гётце, „министерство народнаго просвѣщенія пришло въ разстройство и дѣятельность его, отражавшаяся въ ложномъ свѣтѣ, сильно повредила Голицыну въ общественномъ мнѣніи.

VII.

Вліяніе Магницкаго на Голицына.—Отзывы Гётце о Магницкомъ.—Ихъ особое значеніе.—Его пріемы для пріобрѣтенія благосклонности Голицына.—Доносы на казанскій университетъ.—Разговоръ императора съ Голицынымъ о Магницкомъ.—Назначеніе Магницкаго попечителемъ казанскаго университета.—Разгромъ этого заведенія.—Руничъ.—Интриги Магницкаго чрезъ архимандрита Фотія и митрополита Серафима.—Участіе Аракчеева.—Надежды Магницкаго занять мѣсто Голицына.

О губительномъ вліяніи Михаила Леонтьевича Магницкаго появилось уже много извѣстій въ нашей печати. Не лестные о немъ отзывы встрѣчаются и въ книгѣ Гётце, и они, по нашему мнѣнію, должны имѣть особое значеніе, такъ какъ они представляются однимъ изъ его современниковъ, близко знавшихъ его, и притомъ написаны Гётце уже въ преклонныхъ годахъ, когда обыкновенно,—особенно въ русскомъ тайномъ совѣтникѣ, да еще изъ нѣмцевъ,—стихаетъ всякое свободомысліе, и онъ безъ всякихъ душевныхъ порывовъ и съ большою сдержанностію высказываетъ свои мнѣнія.

Магницкій былъ другомъ Сперанскаго и вмѣстѣ съ нимъ впалъ въ немилость, но за тѣмъ получилъ сперва мѣсто вице-губернатора въ Тамбовѣ, а потомъ губернатора въ Симбирскѣ. Хотя онъ, какъ администраторъ, былъ вовсе неспособный, но, тѣмъ не менѣе, былъ человѣкъ умный. Честолюбіе мучило его, и онъ, для удовлетворенія этой страсти, не пренебрегалъ никакими средствами и потому былъ опаснымъ интриганомъ. Нѣкогда онъ былъ кутила и остроумный насмѣшникъ, но, вступивъ въ правительственныя сферы, онъ сталъ отличаться набожностію и выдавать себя за человѣка религіознаго.

Чтобъ обратить на себя вниманіе Голицына, онъ, какъ симбирскій губернаторъ, учредилъ отдѣлъ „Библейскаго общества“ и при открытіи этого отдѣла произнесъ такую рѣчь, въ силу которой явился самымъ усерднымъ ревнителемъ подобнаго учрежденія. Онъ достигъ своей цѣли. Послѣ того какъ онъ былъ уволенъ отъ должности губернатора, противъ него не только не было начато комитетомъ министровъ слѣдствія по поданнымъ на него жалобамъ, но онъ получилъ

мѣсто члена въ главномъ правленіи училищъ съ 6.000 руб. ежегоднаго содержанія.

Стараясь понравиться Голицыну еще болѣе, онъ каждое воскресенье и каждый праздникъ являлся къ обѣднѣ въ домовую церковь князя и тамъ земными поклонами силился привлечь на себя взгляды министра. Съ лукавымъ разсчетомъ онъ прикрывалъ свою лицемѣрную набожность горячею преданностію церкви, чѣмъ и вызвалъ къ себѣ сочувствіе клерикальной партіи.

Наружность его можно назвать внушительною. Онъ былъ видный мужчина, съ правильными, но нѣсколько грубыми чертами лица. По словамъ Гётце, Магницкій производилъ на него отталкивающее впечатлѣніе и Гётце избѣгалъ всякаго съ нимъ сближенія при встрѣчахъ у министра.

Такъ какъ Магницкій, будучи симбирскимъ губернаторомъ, жилъ по сосѣдству съ Казанью, то онъ воспользовался этимъ, чтобъ сообщать Голицыну свѣдѣнія о состояніи тамошняго университета, дабы выставить это заведеніе въ самомъ дурномъ видѣ. Въ февралѣ 1819 года, онъ сообщилъ министру, что въ университетѣ нужно произвести ревизію. Онъ отправился въ Казань, пробылъ тамъ съ недѣлю и донесъ министру, что университетъ находится въ крайнемъ разстройствѣ и безпорядкѣ, что изъ 25 профессоровъ, за исключеніемъ какихъ нибудь 5-ти молодыхъ,—всѣ неучи, атеисты, или деисты, а студенты не знаютъ даже числа заповѣдей Божіихъ, почему университетъ, по всей справедливости, долженъ быть закрытъ. Непроницательный Голицынъ, прельщенный набожностію Магницкаго, его свѣтскими пріемами и краснорѣчіемъ, не затруднился представить его доносъ на усмотрѣніе государя.

Въ это время въ германскихъ университетахъ происходило демократическое движеніе. Доносъ Магницкаго подоспѣлъ весьма кстати и судьба казанскаго университета висѣла на волоскѣ. „Если—говоритъ Гётце—его постигла бы участь, предназначавшаяся ему Магницкимъ, то несомнѣнно вслѣдъ за тѣмъ были бы предприняты и другія угнетательныя мѣры противъ народнаго образованія“.

Къ чести Александра I, должно, однако, сказать, что онъ не поддался кишѣвшимъ около него проискамъ. На представленіе о закрытіи университета онъ возразилъ: „Зачѣмъ уничтожать то, что можно исправить? Можно удалить неспособныхъ профессоровъ и замѣнить ихъ другими, приглашенными изъ за-границы“.

Съ своей стороны, Голицынъ полагалъ, что никто не въ состояніи исправить казанскій университетъ лучше, чѣмъ это сдѣлаетъ Магницкій. Когда же, въ іюлѣ 1819 года, Голицынъ поднесъ государю указъ о назначеніи Магницкаго попечителемъ казанскаго университета, то— по передачѣ Гётце—между императоромъ и его министромъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

Императоръ. Ты хорошо знаешь Магницкаго?

Голицынъ. Да, ваше величество, я знаю его уже давно. Мнѣ извѣстны его прежнія заблужденія, но теперь онъ перемѣнился къ лучшему и углубился въ самого себя.

Императоръ. Итакъ, ты ходатайствуешь, чтобы я назначилъ его попечителемъ?

Голицынъ. Если вашему величеству угодно будетъ оказать эту милость, то я увѣренъ, что онъ будетъ хорошо исполнять свою обязанность.

Императоръ. Пусть будетъ такъ! Я принялъ за правило предоставлять министрамъ право выбирать себѣ подчиненныхъ, но я напередъ тебѣ говорю, что Магницкій будетъ первымъ на тебя доносчикомъ.

Такими словами, по замѣчанію Гётце, государь чрезвычайно вѣрно опредѣлилъ характеръ Магницкаго, но, къ сожалѣнію, Голицынъ пренебрегъ этимъ предостереженіемъ.

Первымъ дѣломъ Магницкаго, какъ попечителя, было преслѣдованіе способныхъ профессоровъ, въ особенности такихъ, которые носили нѣмецкія фамиліи, или не принадлежали къ православной церкви. Онъ замѣнялъ ихъ темными личностями, хотя государь имѣлъ совершенно иное намѣреніе. Ни одинъ профессоръ не былъ вызванъ изъ-за-границы. Затѣмъ онъ началъ вводить свои административныя мѣры и, впродолженіе шестилѣтняго своего управленія округомъ, произвелъ въ дѣлахъ его страшный хаосъ. О дѣйствіяхъ Магницкаго сообщалось много свѣдѣній, но вотъ тѣ добавочныя, которыя встрѣчаются въ книгѣ Гётце.

Такъ, онъ приказалъ взять изъ университетской библіотеки и сжегъ всѣ книги, казавшіяся ему зловредными, также и изданныя на иностранныхъ языкахъ. Прочія же книги велѣлъ опечатать и не давать ихъ никому, даже профессорамъ, хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ книгъ и были одобрены цензурою. Во все время его завѣдыванія университетомъ, для тамошней библіотеки не было пріобрѣтено ни одной книги. Онъ хвалился водворенною имъ дисциплиною. Всѣмъ своимъ подчиненнымъ профессорамъ, учителямъ и студентамъ онъ запретилъ пить вино, объявивъ, что это страшный грѣхъ. Если же кто-либо изъ казенныхъ студентовъ былъ замѣченъ въ нарушеніи этой попечительской заповѣди, то его сажали въ темный карцеръ, надѣвали на него крестьянскую сермягу и лапти. Послѣ того, къ заключенному приходилъ священникъ и поучалъ его. Когда же виновный исповѣдовался и удостоивался св. причастія, то онъ считался очистившимся отъ грѣховъ. Казенныхъ же студентовъ, если они попадались въ чемъ-либо болѣе важномъ, нежели выпивка вина, вопреки закона, безъ всякаго суда, сдавалъ въ солдаты. Каждый наставникъ и каждый ученикъ обязаны были имѣть по экземпляру св. писанія. Болѣзнь попечитель считалъ только послѣдствіемъ грѣховъ. Была введена и поощряема система тайныхъ доносовъ, подобно тому, какъ это было въ

іезуитскихъ школахъ, и вся учащаяся молодежь дошла до послѣдней степени нравственнаго паденія.

Гётце сообщаетъ также кое-что и о Руничѣ, замѣстившемъ Уварова по управленію петербургскимъ университетомъ, или, говоря иначе, петербургскимъ учебнымъ округомъ. Руничъ пытался подражать примѣру, поданному Магницкимъ, и безпощадно преслѣдовалъ такихъ выдававшихся при упомянутомъ университетѣ профессоровъ, какими были Эрнстъ Раупахъ, Куницынъ, Германъ и Арсеньевъ. Къ этому Гётце прибавляетъ, что преслѣдованіе профессоровъ имѣло еще другую, болѣе существенную, цѣль. Выставляя ихъ предъ государемъ людьми неблагонадежными, обскуранты хотѣли убѣдить его, что отъ университетовъ исходятъ опасныя для государства идеи, и, подавивъ такимъ способомъ общее образованіе, замѣнить его церковно-фанатическимъ ученіемъ.

Ошибочно было бы полагать, что и Голицынъ, съ своей стороны, стремился къ этому, лишь потому, что онъ позволялъ Магницкому и Руничу производить татарскіе погромы по части народнаго образованія. Напротивъ, онъ, по увѣренію Гётце, желалъ поставить университеты на подобающую имъ высоту, доказательствомъ чему могъ служить дерптскій университетъ, о которомъ заботился тогдашній его попечитель, графъ Ливенъ. Бѣда заключалась въ томъ, что Голицынъ, довѣряя прямодушію Магницкаго, впалъ въ сильное заблужденіе, а ограниченный по уму Поповъ, въ свою очередь, не выяснилъ министру настоящаго прискорбнаго положенія дѣлъ. Слишкомъ поздно узналъ Голицынъ, что Магницкій былъ агентомъ его враговъ, что онъ злоупотреблялъ довѣріемъ князя, который тогда только и догадался, какую змѣю согрѣлъ онъ у себя на груди, а до того времени вліяніе Магницкаго возрастало все болѣе и болѣе. Онъ ловко подлаживался къ министру, посѣщая съ нимъ больницы и тюрьмы, или завозя его къ бѣсноватому, который всякій разъ, когда Магницкій заклиналъ его именемъ Христа, оралъ во-все горло и валялся на полу въ корчахъ.

Магницкій уже съ давнихъ поръ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ архимандриту Фотію и къ митрополиту Серафиму и раздражилъ ихъ ненависть противъ Голицына. Черезъ посредство ихъ онъ сошелся съ Аракчеевымъ, который, при помощи духовенства, разсчитывалъ столкнуть съ мѣста Голицына и отдалить его отъ государя. Аракчеевъ нашелъ въ Магницкомъ хорошее орудіе для исполненія своего замысла. Въ свою же очередь, Магницкій надѣялся, что онъ, посредствомъ предательства и интригъ, войдетъ въ силу. Онъ не довольствовался уже должностью попечителя и, уповая на могущество Аракчеева, мечталъ, по сверженіи Голицына, занять его мѣсто, т. е. сдѣлаться министромъ народнаго просвѣщенія. Нѣкоторые утверждали, что Магницкій составилъ уже письменный планъ насчетъ того, какъ переустроить все государство по образцу казанскаго университета.

Въ министерство Шишкова Руничъ лишился мѣста попечителя и подпалъ подъ слѣдствіе за растрату строительныхъ суммъ.

VIII.

Учрежденіе „Библейскаго общества“ въ Петербургѣ.—Участіе Голицына.—Дѣятельность этого общества.—Его личный составъ.—Кружокъ Попова.— Борьба съ „княземъ тьмы“. — Изданіе переводовъ и сочиненій съ мистическимъ направленіемъ.—Обвиненія противъ Голицына.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1868 годъ были помѣщены тщательно разработанныя статьи о „Русскомъ Библейскомъ обществѣ“, написанныя А. Н. Пыпинымъ. Съ своей стороны, Гётце, какъ очевидецъ зарожденія этого общества, его дѣятельности и его конца, сообщаетъ о немъ нѣкоторыя особыя, заслуживающія вниманія, свѣдѣнія.

Однажды, въ 1812 году, императоръ, удрученный заботами по случаю войны съ Наполеономъ I, отправился утромъ на обычную свою прогулку вдоль набережной Фонтанки и зашелъ къ Голицыну, жившему въ томъ домѣ, который нынѣ, напротивъ Михайловскаго зàмка, занимаетъ бывшій министръ императорскаго двора, графъ В. Ѳ. Адлербергъ. Въ рабочемъ кабинетѣ князя Александръ Павловичъ нашелъ на столѣ славянскую библію и разговорился съ хозяиномъ о своемъ угнетенномъ настроеніи духа. Открывъ въ это время случайно библію, онъ прочелъ псаломъ о возложеніи упованія на Бога.

По прошествіи нѣкотораго времени, государь попросилъ императрицу, свою супругу, одолжить ему библію и, читая эту книгу, убѣдился, сколько утѣшенія и бодрости можетъ почерпнуть изъ нея человѣческое сердце.

6-го декабря 1812 года, онъ сообщилъ агенту великобританскаго и заграничнаго „Библейскаго общества“, пастору Паттерсону, планъ объ учрежденіи въ Петербургѣ „Библейскаго общества“. Первоначально общество это, подъ предсѣдательствомъ Голицына, составилось изъ свѣтскихъ лицъ и изъ лицъ, принадлежавшихъ къ протестантскому духовенству, и, благодаря тѣмъ денежнымъ средствамъ, которыя избыточно стекались въ общество, дѣятельность его расширялась все болѣе и болѣе. Въ 1814 году, оно преобразовалось въ „Русское Библейское общество“ и президентомъ его былъ снова избранъ Голицынъ. Теперь въ общество стали вступать не только представители высшаго свѣтскаго круга, но и представители высшаго православнаго духовенства, наряду съ духовными лицами инославныхъ исповѣданій.

По первоначальному плану, общество должно было издавать на иностранныхъ только языкахъ „Ветхій“ и „Новый Завѣтъ“, право же

изданія библіи на славянскомъ языкѣ, для употребленія среди православныхъ, было по-прежнему удержано исключительно за святѣйшимъ синодомъ. Поэтому, на первыхъ порахъ изъ синодскихъ книжныхъ складовъ было пріобрѣтено обществомъ извѣстное количество экземпляровъ библіи, которые потомъ были пущены въ продажу по пониженной цѣнѣ, или раздавались безплатно. Общество распространяло также священное писаніе на иностранныхъ языкахъ и, между прочимъ, на тѣхъ, на которыхъ говорятъ магометане, живущіе въ Россіи.

Въ 1814 году, въ общество, съ званіемъ вице-президентовъ, начали вступать митрополиты, архіепископы и епископы; въ числѣ этихъ лицъ былъ и Серафимъ, тогда архіепископъ тверской, впослѣдствіи с.-петербургскій митрополитъ, а также епископъ армянскій Іоаннесъ и римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ, несмотря на явно выраженное по этому поводу неудовольствіе со стороны римской куріи. По возвращеніи въ Россію изъ похода за Рейнъ, императоръ приказалъ издать „Новый Завѣтъ" въ переводѣ на русскій языкъ, поручивъ наблюденіе за этимъ переводомъ лицамъ духовнаго званія, съ приложеніемъ постраничнаго подлинника на славянскомъ языкѣ. Съ своей стороны, синодъ поручилъ этотъ трудъ Александро-Невской духовной академіи, подъ надзоромъ ея ректора Филарета, бывшаго потомъ столь извѣстнымъ митрополитомъ московскимъ.

Кромѣ того, „Русское Библейское общество" начало издавать на русскомъ языкѣ религіозно-наставительныя сочиненія, въ числѣ которыхъ обращали на себя особенное вниманіе сочиненія Гавріила, архіепископа кишиневскаго и хотинскаго.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что у насъ „Библейское общество" устроилось не такъ, какъ въ Англіи—въ видѣ частнаго, но, напротивъ, какъ въ-родѣ государственнаго учрежденія, такъ какъ всѣ должностныя лица обязаны были ему содѣйствовать, тогда какъ англійское или, точнѣе, великобританское „Библейское общество" совершенно уединило свою дѣятельность отъ всякой связи съ правительствомъ, и потому тамъ при его посредствѣ никогда никто не могъ, да и не можетъ, дѣлать себѣ служебную карьеру. У насъ же устроилось оно при совершенно иной обстановкѣ.

Такимъ образомъ, въ общество забрались люди, вовсе даже не сочувствовавшіе его цѣли и, кромѣ того, въ него проникли обскуранты, ханжи, фанатики, піетисты, лицемѣры и интриганы, волновавшіе все общество своими интригами и происками. Всѣ подобныя личности сосредоточивались около Попова, какъ бы главнаго представителя князя Голицына, и тѣ, которые не принадлежали къ этой піетистической и фанатической кучкѣ, могли прослыть безбожниками и людьми опасными. Кружокъ Попова не довольствовался тѣмъ, что могъ заниматься опредѣленнымъ дѣломъ, но, подъ вліяніемъ самолюбія и религіознаго мистицизма, его сторонники хотѣли бороться съ „княземъ тьмы", съ сатаною, который мерещился имъ всюду.

Нѣкоторые изъ членовъ „Русскаго Библейскаго общества“ стали издавать переводныя книжки и свои сочиненія и разсужденія, основанныя на общихъ христіанскихъ воззрѣніяхъ, а не исключительно на богословско-догматическихъ толкованіяхъ. Это вызвало грозу со стороны фанатической партіи, и одинъ изъ главныхъ ея представителей, извѣстный архимандритъ Фотій, началъ прямо называть эти изданія „бѣсовскими книгами“.

Въ силу всего этого, существованію „Русскаго Библейскаго общества“ стала грозить близкая опасность. На Голицына посыпались разныя обвиненія.

IX.

Личности, описываемыя въ книгѣ Гётце.—Аракчеевъ.—Фанатическая партія.—Протестантскіе іезуиты. — Происки гернгутеровъ.—Учрежденіе званія евангелическаго епископа въ Россіи.—Вопросъ о привиллегіяхъ Остзейскаго края.—Наговоры государю на Голицына и Тургенева. — Непріятное положеніе Голицына.—Вліяніе на государя графа Ливена.

Разсказывая о князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ и его времени, Гётце вводитъ читателей по временамъ какъ бы въ портретную галлерею современниковъ князя, которыхъ, если и не зналъ близко, то, по крайней мѣрѣ, встрѣчалъ и въ обществѣ, и по дѣламъ службы. Такое добавленіе придаетъ оживленность и картинность тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя попали въ книгу Гётце отчасти только по слухамъ, или были—впрочемъ, въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ — позаимствованы имъ изъ рукописныхъ и еще менѣе изъ печатныхъ источниковъ, или изъ ходившей молвы. Такъ, между прочимъ, на страницахъ его книги встрѣчаются очерки извѣстнаго римско-католическаго митрополита Сестренцевича и графа Аракчеева, но такъ какъ и умственныя и нравственныя свойства, а также и дѣйствія этого послѣдняго, достаточно уже извѣстны, то мы не будемъ говорить о немъ, а упомянемъ лишь о тѣхъ лицахъ, которыя не въ такой стенени извѣстны, какъ этотъ мрачный и жестокій любимецъ Александра I.

Аракчеевъ, въ свою очередь, интриговалъ противъ Голицына, какъ бы ревнуя его къ императору, съ которымъ, какъ мы уже говорили, князь былъ друженъ съ самаго дѣтства. Съ цѣлью повредить Голицыну, онъ соединился съ фанатическою партіею, хотя самъ вовсе не раздѣлялъ ея крайнихъ убѣжденій и смотрѣлъ на нее только какъ на пригодное для него орудіе противъ Голицына. Въ составѣ упомянутой партіи было немало протестантскихъ іезуитовъ, которые, какъ разсказываетъ Гётце, хотѣли выжить изъ министерства его, Гётце, и его ближайшаго начальника, директора департамента духовныхъ дѣлъ,

Тургенева. Эти iезуиты находили, что Гётце и Тургеневъ препятствовали преслѣдовать такихъ духовныхъ лицъ, которыя не сочувствовали пiетизму, что они заслоняли имъ путь къ министру и тѣмъ самымъ не допускали ихъ подчинить Голицына влiянiю фанатиковъ.

Упомянувъ о протестантскихъ iезуитахъ, Гётце въ такихъ словахъ опредѣляетъ ихъ свойства и образъ ихъ дѣйствiй: „Протестантскими iезуитами — говоритъ онъ — я называю такихъ понаторѣлыхъ фанатиковъ, которые обращаютъ свою набожность въ ремесло и ищутъ съ помощью ея своихъ выгодъ, слѣдуя iезуитскому правилу, гласящему, что цѣль оправдываетъ средства". Какъ среди православной церкви велись въ ту пору разныя интриги, такъ точно то же дѣлалось и въ протестантской. И тамъ появились фанатики, прибѣгавшiе къ клеветамъ и доносамъ, и тамъ существовала пiетистическая партiя, желавшая воспользоваться религiозно-мистическимъ настроенiемъ Александра Павловича. Въ подтвержденiе этого Гётце приводитъ высочайшiй манифестъ, подписанный государемъ въ 1818 году, въ бытность его въ Москвѣ. Воспользовавшись тѣмъ, что государь прiѣхалъ въ Москву съ княземъ Голицынымъ, при которомъ не было Тургенева, гернгутерская партiя, чрезъ замѣнявшаго на этотъ разъ Тургенева, директора департамента народнаго просвѣщенiя Попова, успѣла убѣдить Голицына представить къ высочайшей подписи манифестъ объ освобожденiи гернгутеровъ, или моравскихъ братьевъ, проживающихъ въ прибалтiйскихъ губернiяхъ, отъ рекрутской повинности. Такая льгота повела бы къ крайнимъ неудобствамъ. Такъ какъ для вступленiя въ братство не требуется отреченiя отъ такъ называемаго „аугсбургскаго исповѣданiя", общаго для всѣхъ отраслей протестантской церкви, то многiе послѣдователи этой церкви очень охотно вступали бы въ братство съ цѣлью избѣгнуть рекрутской повинности, въ то время чрезвычайно тягостной. Такимъ образомъ, Остзейскiя губернiи въ отношенiи этой повинности могли бы стать въ совершенно исключительное положенiе, или же отправленiе этой повинности разложилось бы слишкомъ неравномѣрно на тамошнее населенiе. Гётце разсказываетъ, что ему удалось предотвратить такiя послѣдствiя тѣмъ, что къ манифесту было присоединено особое толкованiе въ томъ смыслѣ, что предоставленною въ манифестѣ льготою имѣютъ право воспользоваться только наличные уже гернгутеры, число которыхъ въ это время простиралось въ Остзейскихъ губернiяхъ лишь до 15 человѣкъ, и что упомянутое право не распространяется на тѣхъ гернгутеровъ, которые прибудутъ туда уже послѣ изданiя манифеста.

Въ управленiе Голицына министерствомъ духовныхъ дѣлъ, учреждено было званiе евангелическаго епископа, при чемъ власть епископа хотѣли распространить на всѣ церкви евангелическаго исповѣданiя, находящiяся въ Россiи, но такая власть оказалась несообразною съ ученiемъ евангелической церкви, которая не признаётъ вселенскаго значенiя епископовъ, но ограничиваетъ ее только извѣстною мѣст-

ностію, тою или другою отдѣльною діоцезіею, что̀, впрочемъ, принято и въ православной церкви послѣ отмѣны сана патріарха всея Россіи.

При Голицынѣ же разсматривался вопросъ объ учрежденіи въ Россіи генеральной евангелической духовной консисторіи.

При разсмотрѣніи этого дѣла въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ при министерствѣ духовныхъ дѣлъ, произошло слѣдующее. Графъ Ливенъ, піетистъ и попечитель дерптскаго университета, внесъ въ комитетъ проектъ объ учрежденіи въ Остзейскомъ краѣ мѣстнаго евангелическо-духовнаго управленія на новыхъ основаніяхъ. Голицынъ же и департаментъ духовныхъ дѣлъ былъ противъ этого проекта. Такимъ образомъ, вышло, что русскій князь и русскій министръ въ отпоръ Ливену началъ отстаивать ненарушимость привиллегій „герцогства" Лифляндскаго въ силу извѣстной рижской капитуляціи, утвержденной Петромъ Великимъ въ 1710 году. Между тѣмъ, коренной лифляндскій баронъ, Ливенъ, заявлялъ, что эта капитуляція ничего не значитъ, что въ Остзейскомъ краѣ могутъ быть вводимы новые порядки, такъ какъ упомянутая рижская капитуляція была заключена условно съ тою оговоркою, что прежніе порядки въ герцогствѣ будутъ продолжаться лишь настолько, насколько они будутъ согласны съ общими выгодами русскаго государства, или же пока Петръ или его преемники не признаю̀тъ за нужное отмѣнить ихъ.

Хотя князь Голицынъ и имѣлъ вліяніе на государя, но и Ливенъ имѣлъ при дворѣ сильную руку въ лицѣ своей матери, бывшей воспитательницы великихъ княженъ, сестеръ Александра Павловича, а также и въ лицѣ старшаго своего брата, находившагося въ эту пору русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ. По поводу пререканій съ Голицынымъ, Ливенъ навелъ предъ государемъ тѣнь на Голицына. На одной изъ аудіенцій, Александръ Павловичъ высказалъ своему министру не слишкомъ пріятныя вещи. Онъ говорилъ ему, что директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, Тургеневъ, ведетъ эти дѣла лѣниво, что̀ называется, спустя рукава, что Тургеневъ передалъ завѣдываніе департаментомъ молодому человѣку, т. е. Гётце, своему пріятелю, только что вышедшему изъ университета, и что Гётце, изъ желанія показать себя лицомъ властнымъ, надѣлалъ разныя непріятности графу Ливену при разсмотрѣніи вопроса объ учрежденіи генеральной консисторіи. Обстоятельство это, конечно, доказываетъ воспріимчивость Александра Павловича къ доходившимъ до него слухамъ, такъ какъ онъ придавалъ такое важное значеніе мелкому чиновнику министра и тѣмъ самымъ слишкомъ чувствительно оскорблялъ послѣдняго, указывая на то, что Голицынъ не имѣетъ должной силы надъ своими подчиненными. Наговоры Ливена отозвались на Гётце тѣмъ, что императоръ, по представленію Голицына, чрезъ комитетъ министра, объ утвержденіи Гётце начальникомъ отдѣленія, не согласился на это, и указъ о Гётце былъ возвращенъ въ комитетъ неподписаннымъ, безъ всякаго объясненія съ Голицынымъ. Когда же,

спустя нѣкоторое время, Голицынъ лично просилъ государя объ утвержденіи Гётце, то и на эту просьбу послѣдовалъ отказъ. Для Голицына теперь стало ясно, что онъ не имѣетъ уже прежней силы. Онъ упалъ духомъ и въ разговорѣ съ Гётце сказалъ: „je ne sais pas ce que je deviendrai moi-même. Une confiance perdue est difficile à reparer“, т. е. „я не знаю самъ, что со мною будетъ. Однажды утраченное довѣріе возстановить трудно“. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ былъ доведенъ до того, что ему самому приходилось просить объ отставкѣ. Но онъ, среди разныхъ непріятностей, продержался на должности министра до 1824 года. Между тѣмъ, скромность положенія Голицына дошла до того, что онъ считалъ нужнымъ ходатайствовать у государя о покровительствуемомъ имъ чиновникѣ своего министерства, Гётце, чрезъ посредство евангелическаго епископа Сигнеуса, который дѣйствительно завелъ съ императоромъ рѣчь объ этомъ молодомъ человѣкѣ и отзывался о немъ съ похвалою. Невниманіе государя къ Голицыну усиливалось все болѣе и перешло даже въ полное пренебреженіе къ нему какъ къ министру, такъ какъ выборъ лица на мѣсто Гётце былъ предоставленъ не Голицыну, а графу Ливену.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

„ЛИХОЛѢТЬЕ".

(Смутное время).

Историческій романъ [1].

XII.

„Какъ печаль-тоска ненавистные,
Изсушили, туманушки, молодцевъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности...
Ты взойди, взойди, красно-солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубравушкой, надъ зелёною,
Надъ урочищемъ добраго молодца,
Что Степана-свѣтъ Тимофѣича,
По прозванію Стеньки-Разина...
Ты взойди, взойди, красно-солнышко!
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ;
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки-Разина мы работнички:
Мы весломъ махнемъ—караванъ собьёмъ,
Мы рукой махнёмъ—дѣвицу возьмёмъ..."

(Пѣсня о Стенькѣ-Разинѣ).

БЕЗОРУЖЕНЪ, князь! съ живымъ безпокойствомъ замѣтилъ Болотниковъ, озираясь;—мандолина и кинжалъ—плохое оружіе. Захватятъ меня здѣсь царскіе люди—пресквернаяштука!

— Успокойся, Иванъ Гаврилычъ, сказалъ Шаховской, усаживаясь на лавку и движеніемъ руки приглашая его послѣдовать своему примѣру. — Это тѣ, кого мы ждемъ. За твою безопасность у меня я отвѣчаю.

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ", томъ VII, стр. 566—605.

— Хотя такому отвагѣ, какъ я, и не слѣдуетъ очень расчитывать на удачи, продолжалъ Болотниковъ, убѣждаясь, что сабля звякаетъ уже въ сѣняхъ, — но все же, князь, не хочу висѣть на московской веревкѣ, не послужа дѣлу моего народа по моему разумѣнію.

Болотниковъ говорилъ и въ то же время съ понятнымъ въ его положеніи страхомъ глядѣлъ на растворившуюся дверь и встрѣтилъ вошедшаго Лисовскаго невольнымъ крикомъ радостнаго изумленія. Онъ даже вскочилъ, самъ себѣ не вѣря.

— Лисовскій! вскричалъ онъ, — дьяволъ въ человѣческомъ видѣ! тебя ли вижу, товарищъ?

— Меня! весело, хотя съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ, подтвердилъ Лисовскій.

Его длинные сапоги съ звонкими шпорами, еще мокрые и блестѣвшіе не высохшей водой, свидѣтельствовали, что бравому ротмистру пришлось переѣзжать рѣчку вплавь, а кривая сабля и пара заряженныхъ пистолей за поясомъ,—что онъ всегда готовъ перевѣдаться выстрѣломъ со всѣми, кто съ нимъ встрѣтится, какъ съ врагомъ.—Въ свою очередь, не дивись, если я спрошу: ты ли это, Ивашка—Сорвиголова, какъ извѣстенъ ты былъ у насъ, въ славномъ пятигорскомъ региментѣ пана Бобовскаго?

— Я, скромно подтвердилъ Болотниковъ; — радуюсь, что вижу здѣсь коллегу.

— А я могу впередъ ручаться за успѣхъ нашего общаго дѣла, если и ты взялся намъ помогать, Ивашка Сорви-голова,—сказалъ Лисовскій и, не снимая, по своей привычкѣ, съ головы смушковой шапки, подсѣлъ къ Болотникову, не удостоивъ Шаховскаго даже взглядомъ, не только поклономъ. За то панъ Юрій Мнишекъ, слѣдовавшій за грубымъ ротмистромъ, встрѣтился съ Шаховскимъ со всею утонченною вѣжливостью придворнаго польскихъ королей, хотя, конечно, не безъ гордости, безъ которой не могъ обойтись польскій вельможа того времени.

— Кажись, панъ Юрій не пожалуется на строгость караула московскаго,—замѣтилъ Мнишку Шаховской довольно чисто по-польски, такъ какъ долго воеводствовалъ на польскомъ рубежѣ и привыкъ къ польской рѣчи.

— Благодаря доброму участію князя, добавилъ Мнишекъ, усаживаясь на лавку, которую онъ оглянулъ, прежде чѣмъ сѣлъ, съ недовѣріемъ и брезгливостью.

— Пятидесятникъ Ермаковъ—мой крестникъ; онъ всѣмъ мнѣ обязанъ, продолжалъ Шаховской съ надменностью сильнаго покровителя, понимающаго все свое значеніе для покровительствуемаго и желающаго дать ему почувствовтть это.—Ему вѣрь, панъ: онъ за меня въ огонь готовъ.

— Бардзо почтивый человѣкъ! похвалилъ караульнаго пятидесятника Мнишекъ;—мы, князь, заѣзжали въ „Пріѣзжую“ слободу.—При

этихъ словахъ голосъ стараго царедворца стихъ, а выраженіе его пріятнаго лица, съ лукаво забѣгавшими голубыми глазками, вдругъ обличило въ немъ тонкаго интригана, посѣдѣвшаго въ хитросплетеніяхъ личнаго корыстнаго разсчета на ряду съ политическими цѣлями.

— Монсиньоръ Брамантини—нашъ. Онъ обѣщаетъ именемъ святаго римскаго отца самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ возстановленія царя Дмитрія на его предковскомъ тронѣ. Этою же ночью онъ рѣшился ѣхать на Украйну, въ Путивль, для личныхъ переговоровъ съ царемъ. Попрошу тебя, князь Григорій, немедля послать надежнаго слугу, чтобы доставить монсиньора за Москву, къ лѣсу, гдѣ стоятъ вольные польскіе паны съ своею конницею. Кстати, пусть онъ заѣдетъ по пути ко мнѣ во дворъ и захватитъ двухъ благородныхъ дѣвицъ изъ свиты царицы, пани Марины, моей дочери. Онѣ хотятъ вернуться домой, въ Литву.

Шаховской выслушалъ Мнишка съ нескрываемымъ недовѣріемъ и счелъ нужнымъ ему замѣтить:—ихъ схватятъ на первой же заставѣ царскіе пристава. Шуйскій хитеръ, какъ старая лиса, у которой собаки оторвали хвостъ...

— Противъ этого приняты мѣры,—таинственно, почти шепотомъ, и хитро улыбаясь прямо въ глаза князю, замѣтилъ Мнишекъ.—Ротмистръ Лисовскій, котораго ты видишь, состоитъ на службѣ монсиньора съ своею хоругвью; онъ, а также региментъ копейщиковъ пана Неборскаго, проводятъ ихъ къ Путивлю, гдѣ присоединятся къ царскому войску. Не медли и ты, князь Григорій, своимъ отъѣздомъ на воеводство путивльское. Ковать надо желѣзо, пока оно горячо! Отъ имени русской царицы, паньи Марины, моей дочери, имѣю передать тебѣ, князь Григорій, что твоя вѣрность ея любезному супругу и твоему государю, Дмитрію царю, твоя добрая помощь, столь намъ ощутительная въ нашемъ плѣну московскомъ,—не останутся безъ заслуженной награды. Самъ знаешь, что царь Дмитрій не любитъ въ долгу оставаться у своихъ подданныхъ.

Пока знатные люди—русскій бояринъ и польскій вельможа—обмѣнивались свѣдѣніями, необходимыми для того дѣла, которое они затѣяли, неожиданно встрѣтившіеся коллеги по полку незамедлили разговориться, вспоминая прошлое. Вопросы сыпались съ обѣихъ сторонъ, часто не вызывая отвѣта, какъ это, обыкновенно, случается при встрѣчахъ долго не видавшихся пріятелей, интересующихся другъ другомъ.

— И такъ, простясь съ региментомъ Бобовскаго, ты вернулся опять въ Венецію и снова прикрылся именемъ синьора Малатесты, говорилъ Лисовскій, не упуская случая налить себѣ изъ сулеи стаканъ вина и выпить.

— Вернулся, и побывалъ въ когтяхъ святаго судилища, чтобъ его чортъ побралъ!

— Какъ? за что? спросилъ съ любопытствомъ Лисовскій.

— Святымъ отцамъ инквизиторамъ не понравились мои lazzi (остроты) надъ духовенствомъ и даже надъ santo padre, — развязно отвѣчалъ Болотниковъ, на котораго итальянская жизнь, повидимому, наложила неизгладимый слѣдъ, облагородивъ его рѣчь и движенія, и который говорилъ по-польски съ легкостью истаго поляка. — На театральной сценѣ, по праву свободнаго Петронилло и Кассандрино, я позволялъ себѣ прохаживаться насчетъ мрачныхъ фарисеевъ, получающихъ подачку отъ динара св. Петра. Я очутился въ рукахъ сбирровъ, съ повязкой на глазахъ и заткнутымъ ртомъ.

— Прескверное положеніе! замѣтилъ Лисовскій, наливая себѣ другой стаканъ.—Дальше?

— Затѣмъ, со мной не церемонились въ глухомъ подземельѣ безъ оконъ, мрачно освѣщенномъ погребальными факелами... Черныя, какъ черти, фигуры снуютъ неслышно; на головѣ острый колпакъ, закрывающій все лицо, только щели для глазъ и рта; въ рукахъ орудія пытки. Вспомнить жутко, а я, ты знаешь, Лисовскій, не робкаго десятка.

— Какъ же ты удралъ изъ этой преисподней на свѣтъ Божій?

— Меня измученнаго, окровавленнаго, повели въ заточеніе въ подводный казематъ; но тутъ помогли мнѣ пріятели, pifferari (разбойники) и лошадь massaro (пастухъ буйволовъ). Я самъ сдѣлался pifferaro, разжившись всѣмъ тѣмъ, безъ чего нельзя ни сидѣть верхомъ, ни стрѣлять въ кого хочешь. Могу похвалиться, что дорога въ Римъ стала небезопасна. Не давали мы спуску бритымъ макушамъ и толстымъ брюхамъ католическихъ отцовъ! Но скоро намъ пришлось плохо и я далъ тягу. Затѣмъ, я былъ ландскнетомъ у нѣмцевъ, лекаремъ у поляковъ, а то и пѣвцомъ... вотъ—видишь—мандолина...

— Ладно! круто прервалъ бесѣду Лисовскій, съ явнымъ намѣреніемъ перейти отъ воспоминаній къ дѣйствительности, которую онъ, какъ человѣкъ вполнѣ практическій, никогда не упускалъ изъ вида.— Пора тебѣ, Ивашка, мандолину промѣнять на саблю, а шутовской костюмъ на чемарку вольнаго лисовчика. Тебя ждутъ боевой конь и сабля. Мои сотни на-готовѣ, за этимъ лѣсомъ. Съ разсвѣтомъ мы выступаемъ по направленію къ Украинѣ. Но я не желалъ бы покинуть Москвы, не обдѣлавши одного дѣльца.

— Опасное? невольно спросилъ Болотниковъ, хорошо знавшій отвагу и сумасбродство Лисовскаго.

— Не знаю, усмѣхнувшись замѣтилъ Лисовскій. — Не вѣрнѣе ли дѣлить наши дѣла на два рода: выгодныя и невыгодныя. Я, конечно, берусь только за выгодныя. Дѣльце, о которомъ я говорю, обѣщаетъ мнѣ тысячу червонцевъ. Насколько же оно опасно — увидимъ. Не такъ ли?

— Такъ! подтвердилъ Болотниковъ.

— А коли такъ, нечего мѣшкать, Ивашка! Съ тобой мы раздѣлывали и не такіе дѣла: надо, видишь, выкрасть, а буде придется и си-

лой отбить, молодаго индѣйскаго принца, обращеннаго въ католичество. Его, вмѣстѣ съ провожавшимъ его въ Испанію миссіонеромъ, захватили въ Москвѣ. Миссіонеръ умеръ. Индѣйскій принцъ въ московскомъ монастырѣ. Гдѣ именно—я разнюхалъ. Важныя обстоятельства требуютъ, чтобы онъ былъ освобожденъ, и за это освобожденіе мнѣ заплатятъ золотомъ.

Лисовскій всталъ съ лавки и, по своей привычкѣ, опираясь руками на кривую саблю, насмѣшливо взглянулъ на важнаго пана Юрія, какъ бы спрашивая: готовъ ли онъ?

Мнишекъ незамедлилъ взяться за дорогую, опушенную соболемъ, бархатную шапку и тоже всталъ.

— Можетъ, панъ Юрій съ нами во-свояси пойдешь? замѣтилъ ему Лисовскій.

— Брунь Боже! воскликнулъ Мнишекъ;—плѣнъ царицы Марины въ Москвѣ—лучшій ея союзникъ. Рыцарская польская нація—я ее хорошо знаю—обнажаетъ саблю за правду и за обиженныхъ! А тутъ попрана правда, тутъ обижена въ своемъ достоинствѣ не только женщина,—государыня, которой Москва только что присягала, а теперь подъ стражей держитъ. Нѣтъ, панъ ротмистръ, благоразуміе и обстоятельства требуютъ, чтобы мы съ дочерью, царицей Мариной, остались пока въ Москвѣ. Вѣрь, Мнишекъ не потратитъ по-пусту время своего въ ней пребыванія. Спѣши въ Путивль, славный князь Григорій, куда Шуйскій шлетъ тебя воеводой (голубые глазки Мнишка запрыгали и свѣтились коварною радостью); а мы тутъ подготовимъ царю Дмитрію легкое возвращеніе трона, отнятаго у него измѣной и крамолой.

— Bene! кратко согласился съ Мнишкомъ Лисовскій, кивнувъ Болотникову, чтобы онъ не отставалъ. — Панъ Юрій на свою Маринку другаго самозванца приманиваетъ...

„Высокопетровскій“ монастырь, что въ Бѣломъ-городѣ, на Большой улицѣ, (нынѣ Петровка), славился въ то время строгостью своего устава, основаннаго на правилахъ соборныхъ и наставленіяхъ отцовъ церкви—Василія Великаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника и Ѳеодора Студита. Уставъ Петровскаго монастыря послужилъ образцомъ прочимъ русскимъ монастырямъ. „Іоаннъ, архимандритъ петровскій, первый общему житію начальникъ на Москвѣ“,—гласитъ лѣтопись XIV вѣка. Это тотъ самый архимандритъ Іоаннъ, который, въ іюлѣ 1379 года, отправился въ Царьградъ съ спасскимъ архимандритомъ Михаиломъ (Митяемъ). Избранный въ митрополита всероссійскаго, Михаилъ долженъ былъ получить посвященіе отъ вселенскихъ патріарховъ, но на пути умеръ. Одна часть изъ многочисленныхъ спутниковъ его, лицъ духовныхъ, самовольно избрала во всероссійскаго митрополита Іоанна, а другая — Пимена, архимандрита

переяславскаго. Московскіе бояре написали посланіе за великокняжескою печатью къ греческому императору и патріарху о поставленіи въ митрополита всея Россіи Пимена. Іоаннъ, по возвращеніи въ Москву, былъ закованъ боярами и посаженъ подъ стражу, такъ какъ грозилъ обнаружить ихъ обманъ, состоявшій въ томъ, что они, бояре, написали посланіе безъ вѣдома великаго князя, воспользовавшись его печатью на „неписанной грамотѣ". Дорогà была память въ Петровскомъ монастырѣ этого поборника за истину, перваго общему житію начальника на Москвѣ. Праздникъ 21-го декабря — день преставленія первосвятителя Петра, отправлялся въ монастырѣ торжественнымъ соборнымъ служеніемъ, привлекавшимъ въ него многолюдную религіозную толпу. Съ XV-го вѣка обителью правили игумены. Въ описываемое время игуменствовалъ настоятель, отецъ Мельхиседекъ.

Церковь святителя Петра-митрополита возвышалась посрединѣ монастырскаго двора, отдѣленнаго отъ улицы каменными келіями и высокими стѣнами. Отблескъ звѣздъ, сіявшихъ съ высоты глубокаго майскаго неба, игралъ на высокой главѣ бѣлой жести и на посеребренномъ крестѣ „столпообразнаго" храма; освѣщенныя красноватымъ свѣтомъ, узкія, за рѣшетками, окна и растворенныя, тоже освѣщенныя, двери свидѣтельствовали, что всенощное бдѣніе не отошло; три паперти съ лѣстницами были полны богомольцами. Служилъ игуменъ. Густой монашескій хоръ доносился на улицу. Благолѣпая внутренность храма вполнѣ соотвѣтствовала величію божественной службы. Монахи пѣли „кіевскимъ напѣвомъ", на два клироса и, благодаря камышевой палкѣ игумена, спѣлись отлично; іеродіаконъ Іуда, съ намасленными до глянца свѣтлыми волосами, красиво расчесанными и лежавшими по плечамъ, отвѣшивалъ усердные поклоны, по своему діаконскому чину, съ высокаго крашенаго амвона передъ царскими вратами, послѣ каждаго своего возгласа, — внятно, громко раздававшагося подъ каменными сводами. Его золоченый стихарь—парча золотое поле съ ярко-розовыми цвѣтами — блестѣлъ празднично при свѣтѣ паникадила „нѣмецкой работы" позолоченой мѣди, съ четырьмя рядами свѣщниковъ, съ крестомъ, горѣвшимъ наверху, и съ рѣзнымъ, сквознымъ, золоченымъ же яблокомъ внизу. Ниже его висѣло еще яблоко—стеклянное. Іеродіаконъ Іуда, за каждымъ возгласомъ, медленнымъ движеніемъ руки, обернутой въ конецъ широкаго орара, осѣнялъ себя крестомъ и за нимъ крестилась набожная, плотно сдвинувшаяся толпа, отчего изъ самыхъ дальнихъ и темныхъ угловъ церкви подымался глухой шумъ. Церковь, прорѣзанная рѣдкими, узкими, высокими окнами, своею мрачною архитектурою старинныхъ зодчихъ производила на чувство набожнаго человѣка впечатлѣніе нѣкотораго страха. Шести-ярусный иконостасъ съ витыми колоннами горѣлъ отъ множества зажженыхъ въ высокихъ подсвѣчникахъ свѣчъ своимъ „краснымъ золотомъ"; серебряныя травы по черной землѣ въ „гзымахъ", то есть карнизахъ, и на тумбахъ,

выступающихъ снизу, отъ пола, только рѣзче выдавали блескъ краснаго золота, заливавшаго иконостасъ. Справа отъ царскихъ вратъ на молящуюся въ чинномъ молчаніи толпу строго глядѣла фигура старца, святителя Петра, въ митрѣ, въ зеленомъ саккосѣ съ золотыми въ кругахъ крестами, въ блестящихъ омофорѣ и панагіи, съ величавою, бѣлою какъ снѣгъ бородою и архіерейскимъ посохомъ въ рукѣ. Вѣнецъ этой храмовой иконы и гривенка—золоченые, чеканные, обнизаны по краямъ крупнымъ жемчугомъ. Камчатный китайскій завѣсъ—по алой землѣ зеленыя травы—отдернутъ и обвитъ шелковой лентой, точно такъ же какъ и у мѣстной иконы Спасителя, сидящаго на престолѣ. Слѣва царскихъ вратъ—Владимірская икона Богоматери, въ богатой серебряной ризѣ и золотомъ вѣнцѣ—приношеніе „нѣкоего" купца, пожелавшаго, впрочемъ, остаться неизвѣстнымъ монастырю. Казалось, этотъ торжественный блескъ обширнаго, уходившаго въ темную высь купола, иконостаса, искусно росписаннаго „кіевскимъ письмомъ" евангельскими притчами и образами,—отражался на многолюдный толпѣ молящихся; казалось, Царь небесный, Богочеловѣкъ, возсѣдающій на своемъ престолѣ, взираетъ на эти тысячи поклоняющихся ему людей тѣмъ самымъ грустнымъ, но любвеобильнымъ взоромъ, съ какимъ болѣе тысячи лѣтъ назадъ онъ шелъ на Голгофу, падая подъ тяжестью своего креста. „Пріидите труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы"! говоритъ всякому, съ вѣрою обращающемуся къ нему, Царю царей и Господу господствующихъ, этотъ ясный взоръ кротости неизреченной. Къ нему неслись душевныя мольбы праведника и грѣшника, вельможи и трудника, богача и нищаго, старца и юноши. И всѣмъ имъ казалось: не образъ то рукотворенный ярко озаренъ возженными людьми свѣчами, а сама любовь Бога-Отца свыше освѣщаетъ Бога-Сына и оттого-то такъ глубоко въ души человѣческія проникаетъ этотъ горній свѣтъ, эта слава сѣдящаго превыше чистыхъ херувимовъ и серафимовъ. А клиръ монашескій стройно, съ грустнымъ выраженіемъ, понятнымъ и сладкимъ для утружденныхъ и обездоленныхъ людскихъ душъ, поетъ: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ"!—и миръ, точно, хоть въ эту минуту, нисшелъ въ души столпившагося во храмѣ народа, душевный миръ, столь нужный москвичамъ въ то страшное для нихъ время испытаній, соблазна, кровавыхъ и всякихъ жертвъ!

Подъ такимъ, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніемъ слушалъ всенощную „новый" царь Василій Ивановичъ, скромно пріютившись на „игуменскомъ мѣстѣ" съ немногими боярами, въ числѣ которыхъ находился и Іона Агѣичъ Ферапонтовъ. По своему характеру, сосредоточенному и склонному къ отвлеченнымъ мышленіямъ, Шуйскій нуждался въ религіозномъ утѣшеніи тѣмъ болѣе, чѣмъ тяжелѣе и несноснѣе казались ему испытанія его жизни. Онъ любилъ посѣщать церковь и всегда выносилъ оттуда если не утѣшеніе, то успокоеніе своей душѣ. Онъ не для того входилъ въ церковь, чтобы почваниться

передъ народомъ въ своемъ боярскомъ платьѣ и на своемъ боярскомъ мѣстѣ, какъ дѣлали это нѣкоторые его сотоварищи бояре, особенно помоложе. Онъ обыкновенно заходилъ въ одиночку и скромно одѣтый въ первую, попавшуюся ему по пути, отворенную церковь, забивался въ уголъ и молился по своему молитвеннику, съ которымъ никогда не разставался. Всепощную онъ любилъ больше всѣхъ службъ. Она трогала его своею величественною грустью. Вся ея обстановка, напоминавшая ему моленіе первыхъ христіанъ, гонимыхъ язычествомъ и принужденныхъ скрываться въ пещерахъ и подземныхъ церквахъ, согласовалась болѣе чѣмъ литургія съ его душевнымъ настроеніемъ, вообще не могшимъ похвалиться избыткомъ веселости. Да и откуда было ей взяться, этой гостьѣ счастья, въ душѣ боярина, состарившагося въ борьбѣ боярскихъ партій и козняхъ, всегда окружающихъ царскіе престолы? Онъ былъ лишенъ самаго дорогаго, естественнаго права изъ всѣхъ человѣческихъ правъ—права любить и въ любви найти счастье; онъ былъ лишенъ права, не отнятаго у послѣдняго московскаго нищаго,—права жениться. Цари Иванъ Грозный и Борисъ Годуновъ строго приказали ему „отнюдь не жениться". Такое безчеловѣчное отношеніе русскихъ царей къ душевному міру благороднаго русскаго боярина исходило не изъ каприза, не изъ злой воли, а изъ соображеній чисто политическихъ. Грозный царь и Борисъ, особенно послѣдній, потомокъ мурзы Чети, не могли забыть высокаго происхожденія Шуйскаго, прямо отъ Рюрика, ставившаго его, при случаѣ, въ положеніе опаснаго имъ соперника по правамъ на царскую корону. Правда, Лжедмитрій разрѣшилъ ему жениться; но такимъ позднимъ разрѣшеніемъ нелегко воспользоваться человѣку за пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Неудовлетворенный въ этой потребности души, въ свое время не извѣдавъ сладости раздѣленнаго чувства, Шуйскій не былъ счастливъ и на прочихъ путяхъ своей жизни. Къ нему судьба относилась строже, чѣмъ къ другимъ боярамъ его высокаго положенія, и преслѣдовала его, какъ ему казалось, съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Плаху на Лобномъ мѣстѣ судьба замѣнила ему царскимъ трономъ съ быстротой, по истинѣ сказочной. Но это сказочное счастье, какъ казалось Шуйскому, не ослѣпило его. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на „козлище отпущенія", и понималъ, что вышелъ на всякую случайность, могущую для него окончиться, всего вѣрнѣе, гибелью. Вѣра въ Божескій промыселъ, а не властолюбіе, укрѣпила его въ рѣшимости принять Мономахову корону отъ предложившихъ ее ему бояръ и народа. Какъ умный и дальновидный думный бояринъ, онъ зналъ, что въ эту минуту смятенія русской земли только на немъ одномъ можетъ сойтись большинство избирателей. Русь онъ любилъ больше себя и не лгалъ, когда воскликнулъ на плахѣ, ожидая, что вотъ-вотъ топоръ палача отрубитъ ему голову: „Православные! за васъ умираю"! Онъ не лгалъ народу, ведя его на Лжедмитрія, какъ на татя и вора, самовольно захватившаго московское государство. Шуйскій, если можно такъ выразиться, былъ

совѣстью своего народа, его прирожденнымъ вождемъ и страдальцемъ за него. Онъ не „отъѣхалъ“, какъ многіе знатные бояре, въ Литву и Польшу, въ годы ужасовъ Грознаго царя Ивана, при недовѣрчивомъ, особенно къ нему, Борисѣ; съ народомъ и для народа онъ жилъ. Народный инстинктъ сознавалъ эту духовную связь благороднаго боярина съ народомъ и наглядно выразился въ провозглашеніи его русскимъ царемъ, какъ только къ тому представилась возможность. Нынче царь Василій Ивановичъ не поѣхалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ архіерейская служба, съ митрополичьими пѣвчими, собрала всю московскую знать. Вѣрный своимъ скромнымъ боярскимъ привычкамъ, онъ велѣлъ своему окольничему, Михайлѣ Татищеву, повѣстить игумена Мельхиседека: „благовѣрный де государь, великій князь, царь Василій Ивановичъ отстоитъ всенощную у Петра-митрополита“. Бояриномъ Шуйскій особенно часто посѣщалъ эту мрачную церковь, построенную, столѣтіе назадъ, великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, въ то время, когда онъ, по сказанію лѣтописцевъ, „со многимъ желаніемъ и вѣрою повелѣ заложити и сдѣлати церкви каменныя и кирпичныя на Москвѣ; за Неглинною—церковь Петръ чудотворецъ, митрополитъ всея Руси“.

Если чванные и завистливые бояре неодобрительно глядѣли на „тихость новаго царя“, объясняя ее только его скупостью, то простонародье съ умиленіемъ убѣждалось въ „простотѣ и набожности“ царя, въ качествахъ, всегда любезныхъ народу. Въ самомъ дѣлѣ, царь безъ вооруженной стражи, безъ пышной свиты, въ старенькомъ парчевомъ кафтанѣ—явленіе небывалое на Москвѣ, могшее броситься народу въ глаза, особенно сейчасъ же послѣ блестящаго Лжедмитрія, окружавшаго себя иноземною пышностью.

Шуйскій не выпускалъ изъ рукъ стараго молитвенника, стоя возлѣ подсвѣчника, пылавшаго сотнями свѣчей. Онъ щурилъ свои красноватые глаза, ослабѣвшіе отъ книжныхъ занятій, на крупную славянскую печать и шепотомъ читалъ. Когда монахи запѣли молитву „Сподоби, Господи, въ вечеръ сей безъ грѣха сохранитися намъ. Благословенъ еси, Господи Боже отецъ нашихъ, и хвально и прославлено имя твое во вѣки. Аминь. Буди, Господи, милость твоя на насъ, якоже уповахомъ на тя. Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ“,—Шуйскій опустился на колѣни, а за нимъ его бояре и вся толпа, наполнявшая церковь. Казалось, глубокое молитвенное чувство охватило тысячи людскихъ сердецъ. Въ настроеніи народной массы есть сила, невольно поражающая и увлекающая. Было очевидно, что въ ту минуту народъ настроенъ точно такъ же, какъ и его царь. Народъ молился о томъ же, о чемъ царь молился, и съ тою же теплой вѣрой: о замиреніи земли русской, обагряемой братоубійственнымъ кровопролитіемъ; и царь и его народъ были убѣждены въ томъ, что довольно уже наказанъ народъ русскій за грѣхи свои и за „шатость“ свою; что святитель, старецъ Петръ митрополитъ, строго на

нихъ взирающій, честнói предстатель и молитвенникъ за Русь православную, не попуститъ свой излюбленный градъ, стольную Москву бѣлокаменную, подпасть прелести латинской и польскому соблазну и обитель его святительская отъ еретическаго поганства не погибнетъ во вѣки вѣковъ.

А густой, согласный монашескій хоръ, то стихая, то оживляясь, торжественною печалью, поётъ: „Благословенъ еси, владыко, вразуми мя оправданіемъ твоимъ. Благословенъ еси, святый, просвѣти мя оправданіемъ твоимъ"! — И колѣнопреклоненный царь, и колѣнопреклоненный народъ, въ душевномъ умиленіи въ глубинѣ сердецъ повторяютъ это молитвенное воззваніе...

Такъ нуждался нынче Шуйскій въ молитвѣ, такъ нынче трогала его церковная служба. Когда монахи запѣли: „Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ: яко видѣста очи моя спасеніе твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей свѣтъ во откровеніе языковъ, и славу людей твоихъ израиля", — онъ прослезился и отъ сильнаго волненія долженъ былъ прислониться къ дубовой баллюстрадѣ изъ лакированныхъ точеныхъ балясинъ, окружавшихъ игуменское мѣсто. Въ толпѣ кое-гдѣ слышались сдерживаемыя рыданія...

Между тѣмъ, впереди лѣваго клироса, у узкаго съ желѣзной рѣшеткой окна, стоялъ молодой человѣкъ, котораго странный нарядъ и красивая физіономія смуглаго цвѣта невольно обращали на себя всеобщее вниманіе тѣхъ изъ молящихся, что стояли къ нему ближе, или могли видѣть его издали. Бѣлый кисейный тюрбанъ легко обматывалъ его коротко остриженную голову. На немъ была широкая шелковая одежда, нѣчто въ-родѣ куртки или короткой рубашки съ широкими рукавами изъ бѣлой шелковой индійской матеріи, блестѣвшей какъ серебряная; той же блестящей матеріи свободные шальвары, опоясанные тонкою зеленою дорогою индійскою шалью, свернутою красивыми складками, желтые сафьяные башмаки на ногахъ, золотые браслеты на смуглыхъ рукахъ и такія же серьги въ ушахъ. Юный индѣецъ, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста, невольно поражалъ удивленныхъ москвичей своею строгою, спокойною восточною красотою. Мягкаго очертанія матовое, изжелта смуглое лицо, безъ кровинки, освѣщалось большими, черными какъ ночь, глубокими, глазами, тѣми полуоткрытыми глазами, съ чистыми голубоватыми бѣлками, оттѣненными густыми черными рѣсницами, что составляютъ вообще красивую принадлежность южнаго типичнаго лица; прекрасный носъ и профиль его были такъ правильны, что казались словно выточенными изъ кости. Черныя, будто нарисованныя, брови сообщали лицу выразительность, а нѣжный пушокъ только что пробивающихся усиковъ, чернѣвшійся надъ красивыми, полуоткрытыми алыми губами, придавалъ этому мягкому юношескому лицу мужской характеръ. Въ эту минуту его большіе, полуоткрытые черные глаза

горѣли восторженнымъ чувствомъ, въ которомъ созерцательность пантеиста мѣшалась съ кроткою любовью новообращеннаго христіанина, глубоко вдумывающагося въ смыслъ церковной службы, а на молодыхъ, алыхъ, сочныхъ губахъ играла улыбка если не счастія, то полнаго поглощенія впечатлѣніемъ минуты. Чуть замѣтная горбинка правильнаго носа только облагораживала это прекрасное юное лицо. Именно благороднымъ можно было назвать его столько же, сколько и прекраснымъ. Въ каждомъ народѣ встрѣчаются „благородныя" физіономіи. Родъ—это та же исторія, и рядъ поколѣній, привыкшихъ думать и повелѣвать, вырабатываетъ свой выразительный, облагороженный типъ. Высокая и гибкая, какъ молодая пальма его жаркой родины, фигура индѣйскаго юноши, исполненная прирожденной важности, вовсе не подходила къ коренастому, здоровому, часто неуклюжему русскому люду, наполнявшему церковь. Молодой индѣйскій раджа, еще недавно поклонникъ Брамы, теперь, усердіемъ стараго августинца Николо де-Мелло, поклонялся Богу истинному, Богу христіанъ. Де-Мелло недаромъ прославился своими миссіонерскими подвигами на дальнемъ Востокѣ. Въ свою долгую странническую жизнь, полную всевозможныхъ опасностей, лишеній, мученичества, онъ обратилъ изъ мрака идолопоклонства къ свѣту христіанства многія тысячи душъ. Но изъ всѣхъ его неофитовъ ни одинъ не радовалъ его такъ, какъ радовалъ юный Тингива, ни одинъ не удовлетворялъ его подвижнической гордости въ такой мѣрѣ, какъ удовлетворялъ онъ. Въ немъ старый миссіонеръ встрѣтилъ именно ту благодатную почву, чтò, по словамъ евангельской притчи, произрастаетъ доброе сѣмя, пшеницу, а не плевелы. Старшій сынъ богатаго раджи, онъ получилъ самое тщательное образованіе въ высшемъ училищѣ Бенареса, въ этомъ священномъ городѣ Индустана, Лотосѣ вселенной, стоящемъ не на землѣ, а на остреѣ трезубца—бога Шивы; въ томъ благодатномъ мѣстѣ, гдѣ всякій въ немъ умершій, если только былъ щедръ къ бѣднымъ браминамъ, спасаетъ свою душу, къ какой бы онъ кастѣ ни принадлежалъ, и даже если бы при своей жизни ѣлъ говядину. Молодой раджа Тингива изучилъ индусскую священную словесность, законы Ману, Веды на санскритѣ, математику по-индійской методѣ, астрономію по системѣ Птоломея и астрологію. На персидскомъ языкѣ онъ читалъ поэтовъ Гафиза и Саади и изъ Махабхараты наизусть зналъ много звучныхъ стиховъ, блестящихъ высокою индійскою поэзіей. Веды истолковывалъ ему старый пандитъ, то есть ученый браминъ, сидѣвшій послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни въ храмѣ на жерновѣ, замѣнявшемъ ему стулъ. Браминъ покидалъ его только дважды въ день для омовеній, ночью же спалъ на голыхъ плитахъ помоста, ведшаго въ храмъ, подвергаясь всѣмъ перемѣнамъ погоды. Умный отецъ, раджа Саніабана, не препятствовалъ влеченію сына обратиться въ христіанство и слѣдовать съ своимъ просвѣтителемъ, падре Николо, на Западъ, въ Испанію, для службы при испанскомъ

дворѣ. Славу и могущество испанскаго короля уже хорошо знала Индія, знали и далекія страны міра. Юный христіанинъ Паоло, какъ въ святомъ крещеніи назвалъ Тингиву миссіонеръ, въ честь папы Павла V-го, смѣнившаго папу Климента,—отправился съ родины, снабженный значительною суммою, въ индійскихъ золотыхъ рупіяхъ, и добрыми пожеланіями. На пути въ Москву—они слѣдовали черезъ Персію—ихъ захватили царскіе пристава и представили въ сыскной приказъ. Бояре, переговоря съ англійскими купцами, распорядились выслать августинца въ Борисовъ монастырь, близъ Ростова, въ заточеніе, а его ученика „отдать подъ началъ петровскому игумену Мельхиседеку, дабы сего юнца знатнаго индѣйскаго рода обратить въ православную греческаго закона вѣру“. Соображенія, руководившія въ этомъ случаѣ боярами, исходили изъ взгляда, что католическій миссіонеръ—исконный врагъ православія, и ему-де на Руси, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, ходить не можно; что юный индѣйскій принцъ, возвратясь въ свою землю не католикомъ, а православнымъ, само собою постарается объ обращеніи близкихъ своихъ тоже въ православіе. Призванные къ совѣщанію по сему дѣлу англійскіе купцы высказались, конечно, какъ протестанты, выставивъ на видъ боярамъ исконное домогательсто римскаго папы обратить всѣ народы въ католичество, то есть поработить своей папской власти. Подтвержденіе своимъ взглядамъ англичане находили въ смутѣ и самозванцѣ, поднятыхъ іезуитско-польскою интригою. Судьба учителя и ученика по вѣрѣ была рѣшена безповоротно. „Новый“ царь, только что взявшійся за дѣла правительственныя, изъявилъ желаніе быть новообращаемому Павлу крестнымъ отцомъ, причемъ, слегка подсмѣиваясь надъ собою, пояснилъ боярину Іонѣ:

— Мнѣ-де теперь, Агѣичъ, только крестнымъ батькой быть: своихъ кровныхъ нѣтъ.

— Будутъ, царюшка,—многозначительно прищурясь на Шуйскаго своими старыми умными глазами, замѣтилъ курскій бояринъ;—и свои, Богъ дастъ, дѣтки будутъ. Женимъ мы тебя, царь, свѣтъ-Василій Ивановичъ.

Въ воскресенье, послѣ обѣдни, было назначено совершеніе таинства святаго крещенія въ этой самой церкви. Къ юному Паоло былъ приставленъ іеромонахъ греческаго монастыря, что̀ на Никольской улицѣ, грекъ родомъ, свободно говорившій по̀-испански, такъ какъ смолоду былъ суперкарго и хаживалъ много на своей фелюкѣ съ іоническими фруктами и деревяннымъ масломъ въ испанскіе по̀рты и въ своихъ сношеніяхъ съ испанцами выучился ихъ языку. Мрачная фигура греческаго монаха въ длинной черной мантіи рѣзко выдѣляла стройную фигуру Паоло въ его бѣлой индѣйской одеждѣ. Словно духъ смерти и духъ жизни стояли здѣсь рядомъ.

Василій Ивановичъ Шуйскій въ тѣ рѣдкія минуты, когда подслѣповатые красные глаза его уставали читать молитвенникъ и ничего

въ немъ не разбирали, взглядывалъ на лѣвый клиросъ и слѣдилъ за впечатлѣніемъ, производимымъ на юнаго индѣйца православною церковною службою. Отчасти сознаніе важности той духовной обязанности, какую онъ принялъ на себя, какъ крестный отецъ, а также сочувствіе къ одинокому и тяжелому положенію юноши, вдали отъ родины, лишеннаго единственнаго своего друга—августинца, побудили нынче скромнаго царя отстоять всенощную въ Петровскомъ монастырѣ. Будущій царскій крестникъ стоялъ спокойно, внимательно глядѣлъ и выслушивалъ шепотъ часто нагибавшагося къ нему греческаго іеромонаха въ черной мантіи, объяснявшаго ему внутренній смыслъ происходившаго богослужебнаго дѣйствія. Уже знакомый съ великолѣпіемъ католическаго богослуженія въ колоніальныхъ латинскихъ храмахъ, Паоло умилялся простотою православной церковной службы. О! какъ далеко до христіанства заблужденію браманизма! Эта вѣра въ Бога любви, эта торжественная служба, основанная на такой вѣрѣ,—невольно напоминали Паоло его прежнюю мрачную религію, кровожадную подъ часъ и ничего человѣку не обѣщающую.

До того забылся въ молитвѣ Василій Ивановичъ Шуйскій, что невольно вздрогнулъ, когда іеродіаконъ Іуда своимъ густымъ, рокотавшимъ подъ церковными сводами, басомъ провозгласилъ: „Благочестивѣйшему, самодержавнѣйшему, великому государю всероссійскому, Василію Іоанновичу, многая лѣта!“ Передъ Шуйскимъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, стоялъ въ царскихъ вратахъ игуменъ Мельхиседекъ. Скромный Шуйскій вспомнилъ, что онъ царь. Подойдя къ кресту, онъ доброю улыбкою поблагодарилъ старца игумена за его робкое поздравленіе „со всечестнѣйшимъ и всеавгустѣйшимъ чиномъ царскимъ, по его, Василія Іоанновича, великимъ заслугамъ отечеству и по его высокому роду ему возданнымъ“. Затѣмъ принялъ милостиво изъ рукъ игумена икону святителя Петра митрополита, приложился къ ней и бережно, съ видомъ глубокаго смиренія, передалъ ее боярину Ферапонтову.

По цареву желанію, греческій іеромонахъ подвелъ къ нему индѣйскаго принца. Юноша привѣтствовалъ государя поклономъ, исполненнымъ благородства и граціи. Іеромонахъ что-то шепнулъ ему. Онъ почтительно поцѣловалъ протянутую ему царскую руку и глядѣлъ на царя и его бояръ съ скромнымъ достоинствомъ, всѣмъ понравившимся. Іеромонахъ передалъ юношѣ царево милостивое слово:

— Де-великій государь спрашиваетъ тебя, Павелъ, по нраву ли тебѣ наша православная грековосточной вѣры церковная служба? Еще государь жалуетъ тебя, индѣйскаго принца: будетъ у тебя завтра у купели святаго крещенія отцомъ воспріемнымъ. Де-великій государь, по благодушію своему неизреченному, приблизитъ тебя къ своей преавгустѣйшей особѣ и наградитъ — чего заслужишь. А ты, Павелъ, ему, государю, по нраву“. Спокойный отвѣтъ юноши, повидимому, изумилъ греческаго іеромонаха и поставилъ въ затрудненіе передать

его царю. Тотъ это понялъ и приказалъ монаху не стѣсняясь сказать отвѣтъ принца.

— Сказалъ индѣйскій принцъ Павелъ—съ пояснымъ поклономъ началъ греческій іеромонахъ:—на царской де-милости много благодаренъ, и наша православная церковная служба ему по нраву; даже одобряетъ ее противъ католической, потому у насъ проще: органа нѣтъ и пѣніе голосовое пріятное. Только креститься, не во гнѣвъ бы тебѣ, великій государь, въ наше православіе не хочетъ. Потому, говоритъ, я уже христіанство принялъ и нарекся Павломъ. А католичеству-де-во вѣкъ не измѣню; ибо-де отецъ мой духовный, католическій монахъ, приведшій мою душу отъ діавола къ Богу, въ римскомъ законѣ состоитъ. И то-де сказалъ я, Павелъ, твердо: иныхъ рѣчей де—у меня не будетъ.

Умные глаза Шуйскаго, все время любовавшіеся замѣчательно красивымъ индѣйскимъ юношею, выразили полное одобреніе его отвѣту. Подумавъ немного, онъ велѣлъ іеромонаху передать ему, что отвѣтъ Павла ему, великому государю, по душѣ, какъ и самъ Павелъ; что неволить его вѣру мѣнять — не станетъ; что, точно, христіанинъ не долженъ зря вѣру свою мѣнять; иное въ христіанство отъ идолопоклонства обратиться; что, впрочемъ, онъ, государь, хочетъ знать: не нуждается ли въ чемъ Павелъ?

Когда іеромонахъ перевелъ индѣйцу слова царя, онъ упалъ передъ царемъ на колѣни, приложилъ обѣ руки къ своей груди, и съ горячностью сказалъ монаху нѣсколько словъ.

— Павелъ проситъ: освободи-де, великій государь, стараго августинца, падре де-Мелло! съ низкимъ поклономъ передалъ Шуйскому іеромонахъ:—въ дальній-де монастырь посланъ...

Шуйскій вопросительно глянулъ на боярина Іону.

— Въ Борисовъ монастырь, подъ Ростовъ, въ заточеніе посланъ, по приговору боярскому, а по твоему, государеву, указу,—пояснилъ бояринъ Іона.

Шуйскій подумалъ, глядя въ полъ, взглянулъ на стоящаго передъ собой на колѣняхъ, въ томительномъ ожиданіи его царскаго рѣшенія, красавца принца, изъ прекрасныхъ черныхъ глазъ котораго катились крупныя, блестѣвшія слезы. Жаль стало царю молодаго новокрещенца, очутившагося какъ перстъ одинъ на чужой сторонѣ; захотѣлъ царь закончить этотъ день добрымъ дѣломъ: отереть молодыя, честныя слезы.

— Освободить,—только сказалъ онъ князю Мстиславскому.—Въ ночь гонца послать...

Мстиславскій молча низко поклонился царю. Онъ хотѣлъ что-то возразить царю, но не возразилъ. Юноша горячо поцѣловалъ царскую руку.

— О тебѣ подумаю, Павелъ,—кивнувъ принцу ласково головой, сказалъ на прощанье Василій Ивановичъ и направился своей медлен-

ной походкой, поддерживаемый подъ руки боярами, къ выходу изъ церкви. Народъ, почтительно молчавшій, раздался на обѣ стороны; передніе падали на колѣни и слегка хватались за полы длиннаго парчеваго царскаго кафтана и цѣловали ихъ. Впереди шелъ со крестомъ игуменъ, а за царемъ монахи пѣли до самыхъ монастырскихъ вратъ тропарь кресту и молитву за царя и отечество: „Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды благовѣрному государю нашему, Василію Іоанновичу, на супротивныя даруяй“!..

На паперти, курскій бояринъ Іона Агѣичъ, отъ царскаго имени, щедрою рукою раздавалъ нищей братіи серебряныя гривны изъ тяжелой кожаной калиты. Чуть не со всей Москвы сбѣжались нищіе и калѣки, по случаю царскаго моленья, и шумѣли на монастырскомъ дворѣ.

Икону Петра-митрополита Шуйскій взялъ съ собой и безъ шапки везъ ее на рукахъ. Царскіе кучера и вершники тоже поѣхали безъ шапокъ. Покойная, на рессорахъ, царская колымага покатила въ Кремль, провожаемая конными стрѣльцами Стремяннаго полка.

Громко въ слѣдъ доброму царю благословляла его нищая братія, щедро надѣленная. Давно не чувствовалъ себя Шуйскій такъ отрадно, какъ въ эту ночь.

— А что, Агѣичъ? многозначительно взглянувъ на Ферапонтова, замѣтилъ князь Мстиславскій, ѣдучи съ нимъ по пути домой. — Какъ будто что не ладно?

— Что не ладно-то, Федя? Какія такія петли наметываешь, другъ? простодушно сказалъ курскій бояринъ, смекая впередъ, о чемъ поведетъ свою рѣчь Мстиславскій.

— Да вотъ—монаха латынскаго выпустилъ, сказалъ Мстиславскій, не считая нужнымъ, повидимому, пояснить, кто выпустилъ.

— Велика бѣда, Федя!.. ну, выпустилъ: на милость царскую нѣтъ образца...

— Такъ, Агѣичъ, да не въ томъ дѣло: бояре заточили, а царь выпустилъ...

Бояринъ Ферапонтовъ разсмѣялся и промолвилъ:

— Вотъ, Федя, кабы ты мнѣ, старому дурню, сказалъ: бояре освободили, а царь заточилъ, я сказалъ бы тебѣ:—не ладно, молъ, князь Федоръ Ивановичъ, не по закону царь поступаетъ; а милость, другъ сердечный, человѣка краситъ, не токмо государя. Знаешь: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!.. Не намъ съ тобою, честнымъ, прямымъ русскимъ боярамъ, щипать Шуйскаго по шерстинкѣ: добродѣтельный онъ человѣкъ и государь твердый. Безъ насъ его щипать охотники есть.

— Есть! согласился съ Ферапонтовымъ Мстиславскій, понявшій, что онъ несправедливо, не по достоинству оцѣнилъ поступокъ царя.

XIII.

Ты тулупъ-ли мой, тулупчикъ, шуба новая!
Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридесятъ лѣтъ:
Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи.
Охъ ты поле мое, поле, поле чистое!
Заростало мое поле крапивушкой,
Что ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ.
Пробѣжало тутъ стадечко звѣриное,
Что звѣриное стадечко—сѣрыхъ волковъ;
Напередъ бѣжитъ собака лютый Скименъ-звѣрь:
Что на Скименѣ шерсточка булатная,
Какъ у Скимена уши, что востро копье.
Прибѣжала воръ-собака ко Днѣпру рѣкѣ,
Становилась воръ-собака на крутой берегъ,
Закричала воръ-собака по-гусиному,
Зашипѣла воръ-собака по-змѣиному:
Съ крутыхъ бережковъ песочекъ пріусыпался,
Во Днѣпру рѣкѣ вода съ пескомъ смутилася,
Что ни бѣла-ли рыбушка на низъ ушла...
Круты красны бережечки зашаталися,
Со хоромъ, братцы, вершечки посвалялися.
Какъ зачуялъ воръ-собака нарожденьице:
Народился на святой Руси на богатой
Молодешенекъ Добрыня сынъ Никитьевичъ.
(Былина о Добрынѣ Никитичѣ).

На другой день, едва царь Василій Ивановичъ, помолясь на икону, всю въ золотой ризѣ, сіявшую надъ золотымъ же трономъ Ивана Грознаго, возсѣлъ на него и внимательно оглянулъ засѣдавшихъ въ палатѣ думныхъ бояръ, старый Ферапонтовъ поднялся со скамьи и сталъ „сказывать“ государю просьбу своихъ украйныхъ курянъ и за нихъ „челомъ билъ“. Просили куряне, лучшіе и старшіе люди всякаго чина, „пожаловалъ бы ихъ великій государь своею государевою милостью, указалъ бы отпустить къ нимъ въ Курской-городъ чудотворныя иконы Знаменія Пресвятыя Богородицы Курскія, что взялъ съ собою самозванецъ и принесъ въ царствующій градъ Москву,—для поставленія сей препрославленной издревле святыни въ соборной градской церкви Воскресенія Христова. А быти имъ, курянамъ, безъ пресвятыя Богородицы курскія—не мочно: ибо лишены радостнаго оной лицезрѣнія, въ болѣзняхъ и нуждахъ своихъ мірскихъ изцѣленія и противъ враговъ православія защиты“. Челобитная писана попомъ Иваномъ, за руками градскихъ всякихъ чиновъ людей, и была прислана при „грамоткѣ“ (письмѣ) коренскаго игумена, отца Манассіи. Ее-то, грамотку эту, передалъ боярину Ферапонтову на кремлевской площади здоровый увалень служка, братъ Зосима. Но до сего дня, за недосугомъ, бояринъ доложить курскую челобитную не могъ. Передавая ее, почтенный игуменъ въ своей грамоткѣ высказывалъ такое мнѣніе: „не достойнѣе ли есть святой иконѣ пречистыя Богородицы Курскія пребыть до времени въ богоспасаемомъ стольномъ градѣ. Ибо въ отсут-

ствіе чудотворной иконы приходили подъ Курскъ и въ уѣздъ крымскіе и ногайскіе и казанскіе люди и раззорили и до основанія сожгли пустынный монастырекъ, что на Корени; а ему, игумену съ братіей, въ пустынѣ отъ крымскихъ и отъ литовскихъ людей быти не мочно, и монастырька строить „нечѣмъ". Братія разбрелась — кто куда, а онъ, игуменъ, скрывается во святомъ городищѣ, что на рѣчкѣ на Рати, въ темномъ лѣсѣ; и службу правитъ въ часовенкѣ пустыпножителя, старца Власія; при немъ-де, игуменѣ, одинъ старецъ — Елинархъ. А часовенька-де на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ иноческая обитель въ древности была основана игуменомъ Петромъ-иконописцемъ, послѣ митрополитствовавшимъ на Москвѣ и тамо почивающимъ въ аерѣ благоуханія святыни. Замирится съ Божьею помощью земля русская— и въ ту пору, съ подобающею честью, возвратится святая икона коренская на мѣсто своего обрѣтенія въ домъ свой, въ лѣсную пустынь Коренскую. И азъ, недостойный мнихъ, каждодневно молю Отца небеснаго о твоемъ, бояринъ Іона, и дочери твоей, честной монахини Нимфодоры, здравіи".

Бояринъ Ферапонтовъ счелъ нужнымъ передать на обсужденіе „думское" и письмо игумена.

— Какъ вы, бояре, скажете? спросилъ Василій Ивановичъ, больше помалчивавшій на своемъ золотомъ тронѣ и выслушивавшій.

— А такъ, государь, подумавъ, сказалъ Ферапонтовъ:—съ игуменомъ коренскимъ надо согласиться, а куряномъ по ихъ челобитной отказать: не время-де пока святую икону курскую изъ вѣрнаго мѣста крѣпкаго въ опасное отсылать.

Думные бояре поддакнули Ферапонтову; царь указалъ думному дьяку: „Куряномъ по ихъ челобитью отказать до времени удобнаго возвратить святую икону курскую въ Курскій-городъ".

Зазвонили къ вечернямъ, а царь съ боярами все „вершили" многія правительскія дѣла. Патріархъ не засѣдалъ въ думѣ, не участвовалъ при избраніи царя: его совсѣмъ не было. Патріаршее мѣсто на Москвѣ „пустѣло". Грекъ Игнатій, возведенный Лжедмитріемъ изъ архіепископа рязанскаго въ патріарха всея Россіи за то, что Игнатій первый изъ архіереевъ призналъ его царемъ и встрѣтилъ въ Тулѣ, былъ немедленно свергнутъ Шуйскимъ и сосланъ въ заточеніе.

— Безъ патріарха непристойно Москвѣ быти, ежедневно твердили бояре:—царская дума безъ архипастыря—того никогда не бывало.

— Кого наречете всеруссійскимъ кромѣ патріархомъ, именитые князи и бояре? спросилъ свою думу царь Василій Ивановичъ, хотя самъ хорошо зналъ, кому быть патріархомъ.

— Казанскаго митрополита Гермогена! единодушно отвѣчало собраніе, уже въ день избранія Шуйскаго сговорившееся съ нимъ на этотъ счетъ.

— Вы токмо творите волю народную, князи и бояре, нарицая патріархомъ Гермогена, замѣтилъ Шуйскій;—да будетъ тако.

Царь „указалъ" думному дьяку написать грамоту новому патріарху и повелѣніе, дабы немедля ѣхалъ въ Москву.

Недаромъ народъ на Лобномъ мѣстѣ, то есть на Красной площади, вслѣдъ за избраніемъ Шуйскаго въ цари, выкрикнулъ Гермогена патріархомъ. Казанскій митрополитъ Гермогенъ считался столпомъ православія и старины; когда поднялся вопросъ о латинствѣ царевой невѣсты, Гермогенъ соглашался на бракъ Лжедмитрія съ „литовской дѣвкой Маринкой" неиначе, какъ послѣ крещенія ея въ православіе.

— Послушалъ бы ты моего совѣта глупаго, не посылалъ бы ты, государь, на воеводство въ Путивль—князь Григорья, а въ Черниговъ князь Андрея, говорилъ царю Василью Ивановичу бояринъ Ферапонтовъ внушительно и твердо, какъ человѣкъ, убѣжденный въ правдѣ своихъ словъ.—Шатость князей сихъ давняя. Ты, государь, думаешь: „дай, молъ, я ихъ, постылыхъ, съ глазъ долой, съ Москвы вдаль сошлю на свои на царевы украйны." Ну, того имъ и нужно: помути Богъ народъ, покорми Богъ воеводъ. Гляди, царь, не напакостили бы они тебѣ на Украйнѣ, другаго самозванца не выдумали бы. Сѣверщину-то не трудно замутить. Князь Григорій даже чернокнижника при себѣ держитъ, Молчанова дворянинишку.

— Поздно теперь, не вернешь ихъ, чуть слышно произнесъ Шуйскій, съ выраженіемъ страданія на озабоченномъ, осунувшемся за эти дни лицѣ, и вздохнулъ, какъ вздыхаетъ душевно усталый человѣкъ.—Князь Григорій изъ Москвы выѣхалъ, а князь Андрей уже въ Черниговѣ.

Въ „золотой" палатѣ наступило молчаніе, видимо всѣхъ тяготившее. Ошибка въ назначеніи украинскими воеводами князей Телятевскаго и Шаховскаго, въ которой участвовали всѣ бояре, показалась всѣмъ имъ теперь очевидною и непоправимою.

— Оно еще и такъ бываетъ, бояре, замѣтилъ Дмитрій Шуйскій:—когда человѣка въ подозрѣніи держутъ, довѣрія ему не оказываютъ,—онъ злобу таитъ и злоумышляетъ. Можетъ, князья тѣ шаткіе почувствуютъ къ себѣ милость государеву—его руку подержатъ на государевой Украйнѣ.

— Какъ не такъ, почувствуютъ они тебѣ, князь Дмитрій, государеву милость! какъ всегда откровенно возразилъ бояринъ Іона.—Не тѣ, должно, ребята: каленые!

— Маху дали! Здороваго маху дали! Что ужъ тутъ толковать! запальчиво воскликнулъ окольничій Михайло Татищевъ.—Удавить бы ихъ на поганой веревкѣ—вѣрнѣе бы дѣло наше было, бояре! Промахнулись, видно!

Никто ему не возразилъ. Шуйскій задумался.

— Ты, Господи, вѣси, сколь трудно нынѣ думному русскому человѣку понять, что̀ на Руси творится, заговорилъ князь Василій Го-

лицынъ:—потому видимое дѣло—одно, а невидимое—другое; и бываетъ—невидимое-то дѣло видимое вершитъ.

— Всѣ мы государю Василью Ивановичу крестъ цѣловали, а кому изъ насъ вѣрить? сказалъ курскій бояринъ Іона съ умысломъ дать понять Голицыну, чтобы и онъ „прямилъ“ царю, а не „подъискивался бы“ подъ него, какъ о томъ молва ходитъ.

Бояре, смекая, въ чей огородъ Ферапонтовъ кинулъ камень, молча глянули на Голицына и на царя, по своему обычаю потупившаго глаза въ полъ.

— Управиться бы намъ только съ Польшей, а то съ своей крамолой живо покончимъ! разсуждалъ царь.—Вѣдомо намъ то, что круль польскій Жигмонтъ домогается московской коруны для сына своего Владислава. Папъ римскій имъ руководствуетъ, дабы чрезъ латынскаго царя государство руссійское православное обратить въ латыню. Хоша послы круля противное говорятъ намъ, но имъ вѣрить не можемъ: льстивая нація польская и коварная—то нами извѣдано. Не по-сосѣдски съ нами живетъ. Должны мы, бояре, о себѣ промышлять: какъ намъ лучше? Послы круля домой просятся,—отпускать-ли?

— Не отпускать! единодушно высказалось собраніе.—Не надо!

— И я бы думалъ—не отпускать, продолжалъ царь, все выше подымая свою сѣдѣющую голову, по мѣрѣ того какъ говорилъ.— Потому не съ миромъ и любовью отъ насъ отойдутъ. А ради какого случаю—новой на насъ польской напасти—мы ихъ заложниками удержимъ... Стало, бояре, задержать?

— Задержать! съ тою же твердостью и съ тѣмъ же единодушіемъ повторило собраніе.

— Сестрою бы младшею, любовно жить бы Польшѣ съ Русью, коя ей старшая, родная сестра, продолжалъ царь.—А вмѣсто того, Польша токмо зарится на Русь, ослабить ее хочетъ, дабы надъ нею первенствовать. И того Господь не похощетъ. Быть не Москвѣ подъ Краковомъ, а Кракову подъ Москвою... Это только паны задорные на драку лѣзутъ, а силы въ Польшѣ мало: потому крулевство польское токмо по названью—порядку и правды въ немъ нѣтъ. Никто никого не слушаетъ и всякъ самъ себѣ круль. Пустой шляхетскій обычай...

— Во истину такъ, государь Василій Ивановичъ! подтвердило собраніе.

— Грозенъ, да не силенъ—кому братъ? спросилъ, смѣясь, Ферапонтовъ своего сосѣда Мстиславскаго. Только усмѣшкой отвѣтилъ курскому боярину благородный князь.

Боярская дума не хуже своего царя знала внутреннюю неурядицу тогдашней Польши.

То было время могущества польскихъ пановъ и безсилія польскаго короля. Значеніе шляхетнаго, то-есть благороднаго сословія достигло тогда чуть ли не крайняго своего предѣла. Со времени короля Болеслава Кривоустаго, раздѣлившаго Польшу, послѣ уступокъ въ пользу

шляхты, сдѣланныхъ Казиміромъ Великимъ, и рядомъ королей Ягеллоновъ,—магнаты постепенно усиливались, а съ ними усиливались паны-рада и тѣсно зависѣвшая отъ нихъ шляхта. Конечно, не даромъ же сложилась старая пословица Польши о самой себѣ: „Nievzadem Polska Stoi“,—то-есть: „Польша существуетъ безпорядкомъ“. Король Болеславъ II бѣжалъ изъ Польши, враговъ которой умѣлъ побѣждать, и бѣжалъ вовсе не вслѣдствіе отлученія его папою Григоріемъ XII за убійство, во время литургіи, св. Станислава. Къ папскому отлученію присоединились таившіяся до времени стремленія вельможъ ограничить королевскую власть. Именно этотъ разсчетъ, а не громы Ватикана, лишили храбраго короля его трона. Тотъ же своекорыстный и противогосударственный разсчетъ—усилить вліяніе вельможъ на счетъ королевской власти и безправія „быдла“, т. е. крестьянства,—способствовалъ безумному раздѣленію Польши между четырьмя сыновьями Болеслава Кривоустаго. Если въ этомъ раздробленіи государственнаго единства теряла нація, то выигрывали вельможи. Короли, пытавшіеся ограничить произволъ шляхты законодательными мѣрами,—Владиславъ II и Мечиславъ III—лишились своихъ престоловъ. Мечислава стараго свергли съ престола два представителя магнатовъ: духовный и свѣтскій. Размноженіе дома Пястовъ и неспособность многихъ изъ нихъ поощряли шляхтскіе сеймы пріобрѣтать такіе права, которыя королю оставляли только корону. Избраніе короля, законодательство,—все зависѣло отъ власти шляхетства, власти болѣе самодержавной, чѣмъ королевская. Гордые паны угнетали города и села. Если старанія Казиміра II, особенно его „Ленчицкій уставъ“—трудъ перваго законодательнаго сейма въ Польшѣ—и возстановили нѣкоторый порядокъ въ сословныхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе паны, смиренные этимъ уставомъ, были имъ облегчены въ податяхъ и повинностяхъ. Первый „избранный“ король, Казиміръ II, не былъ олицетвореніемъ силы и единства государства. Съ „избраннымъ-то“ королемъ и пошли раздѣлы и внутреннія смуты. Испытавъ всевозможныя бѣдствія междоусобныхъ и внѣшнихъ войнъ, да три татарскія нашествія, паны убѣдились, наконецъ, въ необходимости соединенія разрозненнаго государства. Но уже черезъ восемь мѣсяцевъ король Пржемиславъ погибъ жертвою заговора маркграфовъ бранденбургскихъ и польскихъ дворянъ. Заботы Казиміра о крестьянскомъ сословіи, доходившія то того, что онъ изгонялъ изъ государства жестокихъ владѣльцевъ, возбудили неудовольствіе шляхты, прозвавшей его „крестьянскимъ королемъ“. Утвержденіе Едлинскимъ сеймомъ права наслѣдовать польско-литовское государство тому изъ сыновей Ягелло, который окажется способнѣе къ правительственному дѣлу, было получено королемъ лишь цѣною значительныхъ правъ, данныхъ имъ дворянству. При Казимірѣ IV польско-литовскіе вельможи, въ своемъ личномъ интересѣ, вновь расшатали единство съ такимъ трудомъ соединеннаго государства. Довольно сказать, что впродолженіе двух-

сотъ лѣтъ передъ королемъ Сигизмундомъ III Польша пережила семь междуцарствій, чтобъ понять, въ настоящемъ свѣтѣ, характеръ средневѣковаго польскаго дворянства, а также польскихъ королей, въ-родѣ „короля-хорошо“ (Rex-bene), отдававшаго обыкновенно, по лѣни, приказанія одно другому противорѣчащее и на всѣ доклады говорившаго, по лѣни же, одно неизмѣнное слово: „bene“. О своемъ королѣ Александрѣ поляки говорили, что онъ умеръ во-время, пока не разорилъ всей Польши и Литвы, ибо, что̀ еще оставалось не разореннымъ, находилось въ залогѣ. Въ то ужасное для Польши время, когда „набѣжавшіе“ татары уводили изъ Литвы или Руси по сту тысячъ плѣнныхъ, жгли все и грабили,—Великая и Малая Польша легкомысленно торгуется съ королемъ за свои права и не двигаетъ, куда слѣдуетъ, для отпора врагамъ, своей земской силы. Вѣчный недостатокъ въ деньгахъ у расточительныхъ королей Ягеллоновъ не позволялъ имъ имѣть наемное войско, а дворянство оказывалось строптивымъ, какъ только опасность государства требовала его въ поле. Вражда князя Глинскаго съ маршаломъ Яномъ Забржезинскимъ была причиною и междуусобія, и войны съ Россіей, имѣвшей столь важныя для Польши послѣдствія. Когда Сигизмунду I, для волошской войны, нужно было войско, шляхта не „позволила“ набора; земское же ополченіе, въ числѣ полутораста тысячъ, собравшись у Львова, отказалось идти. Оно грабило свою Русь, оспаривая у короля и сената народныя привиллегіи. При Сигизмундѣ-Августѣ самовольство дворянъ не знало границъ. Вельможи, съ краковскимъ воеводой Петромъ Кмитою во главѣ, подстрекаемые королевой Боной, требовали развода короля со вдовою подданнаго, Барбарою Радзивиллъ. При дворѣ этого-то кроткаго и образованнаго короля провелъ свою молодость Юрій Мнишекъ. Послѣдніе годы короля, слабаго духомъ и тѣломъ, его волей и казной безотчетно распоряжался коронный крайчій, Мнишекъ, онъ же начальникъ королевской стражи. Въ свое время общественное мнѣніе Польши и сеймъ обвиняли Мнишка, „выскочку“, въ умышленномъ небреженіи королевскаго здоровья и въ расхищеніи имъ казны королевской. Но Мнишекъ былъ силенъ поддержкой Яна Фирлея, великаго короннаго маршала, краковскаго воеводы. Мнишку все сходило съ рукъ.

Боярская дума хорошо знала истинныя отношенія къ себѣ Польши и ее не довелось провести ловкимъ панамъ, вельможнымъ королевскимъ посламъ; не заблуждались также въ Москвѣ въ безсиліи польскаго королевства, умѣвшаго только „пыль въ глаза пускать“. Пыль, положимъ, золоченая; но подъ нею бородатые, умные московскіе „думцы“, ясно усматривали гнилость и безпорядокъ. Не ошибался царь Шуйскій, рѣшаясь прежде всего выводить „свою“, русскую измѣну.

Бояре, особенно тѣ изъ нихъ, которые не забывали своего „мамона“, по-просту—голоднаго живота, стали посматривать на дверь и

окна ужъ слишкомъ замѣтно, нарочно, чтобъ царь слышалъ, поговаривая: „засидѣлись-де, ночь скоро". Дѣлъ пришлось много „повершить" нынче, а тутъ еще бояринъ Лыковъ „челомъ билъ, въ отечествѣ-де его судить и разряды сыскать съ князь Дмитріемъ Пожарскимъ". Старая то была тяжба, давно боярамъ и Шуйскому надоѣвшая. А дѣло не маленькое. Царь Василій Ивановичъ только вздохнулъ, выслушавъ челобитье боярина Лыкова, и рѣшилъ „оное судить завтра". Затѣмъ онъ всталъ съ золотаго трона. Помолясь на образъ, онъ поклонился боярамъ въ знакъ того, что „дума" закончена, и, получивъ общій низкій боярскій поклонъ, направился къ выходу среди разступившейся толпы бояръ. Мстиславскій съ Ферапонтовымъ поддерживали его подъ руки; пристава суетливо шли впередъ, а стройные рынды, красивые юноши въ высокихъ собольихъ шапкахъ и голубыхъ бархатныхъ кафтанахъ, въ красныхъ сапожкахъ съ золочеными сѣкирами на плечѣ, нагнувшись, слегка придерживали парчевой хвостъ длиннаго, тяжелаго царскаго одѣянія, которое иначе волочилось бы по полу. „Царскій чинъ" строго соблюдалъ Шуйскій.

— Ко мнѣ, Агѣичъ, завезу въ каптанѣ (каретѣ), пріятельски шепнулъ Ферапонтову царь, такъ, чтобы прочіе бояре не слыхали, уже по выходѣ изъ Грановитой палаты.—Слышь, Агѣичъ? повторилъ царь громче, такъ какъ отпустилъ окольничаго „дневальнаго", по нынѣшнему дежурнаго, рындъ, приставовъ и бояръ, и уже сидѣлъ въ каптанѣ.—Садись: обѣдать ко мнѣ!

— Ладно, царюшка, согласился Ферапонтовъ, смекая, не спроста-де его Василій нынче къ себѣ зоветъ—по дѣлу, должно, какому, особенному?

Несмотря на свою извѣстную скупость и на близость своего жилища, царь Василій Ивановичъ, согласно требованію своего высокаго царскаго чина, пріѣзжалъ въ думу и отъѣзжалъ домой въ парадной каптанѣ, „большой англинской бархатной червчатой". То былъ „возокъ", подарокъ Елизаветы англійской Борису Годунову, присланный ею съ отвѣтнымъ посольствомъ на предложеніе Бориса воевать всѣмъ христіанскимъ державамъ съ магометанами. „Верхъ возка на осьми столпцахъ деревянныхъ, внутри обитъ червчатымъ бархатомъ, украшенъ голунами и бахрамой. Передніе столбы рѣзные, золоченые, прописованы живописнымъ письмомъ". Рѣзныя изображенія снаружи кузова соотвѣтствовали отвѣту Англіи на предложеніе царя Бориса. Елизавета предоставляетъ подвигъ, о которомъ онъ взывалъ, совершить ему одному, русскому царю. На задней стѣнкѣ возка вырѣзано сраженіе съ турками и единоборство витязя въ коронованномъ шлемѣ и золотой бронѣ съ турецкимъ султаномъ. Виденъ Иванъ-Великій и кремль. На передней стѣнкѣ царственный витязь на колесницѣ торжественно шествуетъ съ побѣды; передъ нимъ несутъ знамя съ изображеніемъ двуглаваго орла, на половину бѣлаго, на половину краснаго. Надъ государевымъ и боярскимъ (переднимъ)

мѣстами блестѣли два золоченыхъ креста съ мощами. Скороходы держали подъ устцы шесть бѣлыхъ лошадей, цугомъ, въ золоченой упряжи, а на высокихъ козлахъ возсѣдалъ красивый, ражій бородачъ въ голубомъ бархатномъ кафтанѣ и собольей шапкѣ съ вожжами въ рукахъ. Подсаженный на „свое" мѣсто стольниками и постельничими, царь указалъ глазами Ферапонтову сѣсть на переди. Каптана мягко качнулась; лошади медленно тронулись.

— Пойти въ науку—терпѣть муку! шутя замѣтилъ Ферапонтовъ государю, съ невеселою улыбкою выразительно кивнувшему головой, какъ бы жаловавшемуся старому товарищу на стѣсненіе, испытуемое имъ, царемъ, въ его высокомъ новомъ санѣ.

Каптана скоро остановилась. Шуйскій жилъ пока въ „новыхъ" самозванцевыхъ палатахъ, тяготясь пышностью и дорогимъ убранствомъ покоевъ большого Іоаннова дворца. Ставъ царемъ, Шуйскій не отвыкъ отъ простоты своего боярскаго быта. На старость лѣтъ поздно было ему мѣнять свои привычки. Навсегда остаться въ „разстригиномъ домѣ" на жительствѣ царь считалъ для своего достоинства „зазорнымъ"; а потому приказалъ поставить себѣ скромныя брусяныя хоромы неподалеку отъ дворца. Рязанскіе плотники артелью порядились ему въ мѣсяцъ срубить нѣсколько просторныхъ, высокихъ свѣтлицъ подъ крышу, съ крыльцами. Тульскіе кузнецы взялись покрыть ихъ затѣйливо, шахматами, бѣлой жестью; новгородскіе живописцы ждали своего времени, чтобы красиво расписать стѣны, потолки и полы царскихъ строющихся хоромъ, а московскіе печники хвалились царю на-диво сложить ему изразцовыя печи съ лежанками. Осенью подумывалъ Шуйскій новоселье справить.

— Милости просимъ, Агѣичъ! говорилъ Шуйскій, вступая въ сѣни и видимо успокоиваясь при видѣ бѣлаго, какъ лунь, дворецкаго, съ трудомъ передвигавшаго ноги въ валенкахъ, но храбро, съ поклономъ растворившаго передъ своимъ царственнымъ хозяиномъ половинки ильмовыхъ, столярной работы, дверей подъ лакъ. „Превеликій мѣдный адъ", церберъ, поставленный самозванцемъ въ сѣняхъ, конечно, уже давно былъ убранъ по волѣ новаго царя, точно такъ же, какъ со стѣнъ сняты были дорогіе обои, выписанные самозванцемъ изъ-за-границы.

Просторная брусяная свѣтлица, складенная на войлокѣ, глядѣла весело, благодаря частымъ и высокимъ окнамъ. Рязанскій топоръ срубилъ ее подъ черту. Вымытыя половицы крашенаго пола блестѣли; подъ потолкомъ и у „красныхъ" оконъ рѣзное, какъ бы изъ кости, липовое узорочье; липовыя лавки на точеныхъ ножкахъ по стѣнамъ; на нихъ мѣдью окованные поставцы и подголовники по угламъ. Голубоватый ароматическій дымокъ отъ только что накуренной стирраксы слегка стлался подъ бѣлымъ липовымъ потолкомъ. Три разноцвѣтныя лампадки теплились передъ большой угольной образницей и горѣли на цѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ ри-

захъ иконъ, по виду своему старинныхъ. Тутъ же на парчевомъ аналоѣ лежало евангеліе въ серебряномъ, филигранной работы, переплетѣ, а въ кипарисномъ ящикѣ восковыя свѣчи и ладонъ. Въ другомъ углу, въ висячемъ чернаго дерева „шкапчикѣ“, за стекломъ, въ порядкѣ стояли на полкахъ церковныя и свѣтскія книги, лежали свитки, свернутые на скалкахъ и перевязанные цвѣтнымъ снуркомъ; тамъ же хранилась синяя писчая бумага, чернилица, гусиныя перья. Строгій порядокъ бросался въ глаза. На бѣлодубовомъ столѣ, покрытомъ цвѣтною камчатною скатертью, дымилась, благоухая, миска щей, и проголодавшихся хозяина и гостя ждали, кромѣ того, сытый, облитый своимъ жиромъ, жареный гусь съ черносливомъ, бѣлые пироги съ горохомъ и грибами и оладьи съ медомъ-липовцемъ. У приборовъ красовались въ сткляницахъ травники и вина. Стариной предковской, русскимъ обычаемъ вѣяло отъ этихъ тихихъ, чистыхъ покоевъ, совсѣмъ теперь утерявшихъ иноземный блескъ, сообщенный было имъ прихотями самозванца.

Шуйскій вернулся изъ своей опочивальни въ старенькомъ, заношенномъ бархатномъ кафтанѣ, видимо развеселясь, что снялъ съ себя стѣснявшее его царское одѣяніе. Прищурившись, онъ осторожно, чтобы капельки не пролить, наполнилъ двѣ золоченыя стопы травникомъ и замѣтилъ:

— Передъ щами-то, Іона Агѣичъ, пропусти.

Хозяинъ и гость, царь и подданный, чокнулись стопами, выпили ихъ, крянули съ удовольствіемъ проголодавшихся, садящихся за сытный столъ, и утерли бороды расшитыми концами длиннаго полотенца, замѣнявшаго тогда салфетки. Шуйскій, по возможности, избѣгалъ чиновнаго столованья, то есть стола по царскому чину. У себя, въ деревянныхъ хоромахъ, онъ любилъ обѣдать по-домашнему, съ добрымъ пріятелемъ. „Трапеза по душѣ“, по его словамъ, — „сладкій кусъ“. Привыкнувъ къ услугѣ своего беззубаго, потѣшнаго, шамкавшаго древняго дворецкаго Дементьича, въ валенкахъ даже петровками, старый холостякъ просто не выносилъ нарядныхъ кравчихъ, чинно выступающихъ съ серебряными блюдами и золотыми кубками. Серебрянымъ ложкамъ съ выбитымъ орломъ, серебрянымъ ковшамъ и чашамъ, онъ предпочиталъ деревянныя ложки, миски, блюда и тарелки, пестро раскрашенныя съ позолотой, издѣліемъ которыхъ изъ липы такъ славились новгородцы. Но свой царевъ столъ Шуйскій давалъ, по старинѣ, въ столовой избѣ Іоаннова дворца. Обрядъ столованья строго исполнялся по царскому чину. У стола неотлучно стояли кравчіе, бережно принимали отъ стольниковъ яства, чаши и питія, и подавали ихъ. За поставцомъ, буфетомъ, важно, безъ суеты, распоряжался отпускомъ кушаній царскій дворецкій и съ нимъ „путные“ ключники и стряпчіе всѣхъ столовыхъ дворцовъ. Въ такіе дни, по обычаю, отъ государева стола разсылались „подачи“ близкимъ къ царю людямъ, родственникамъ, высшему духовенству, пріѣзжимъ боя-

рамъ. Только одинъ всего столъ успѣлъ Шуйскій дать своимъ боярамъ; тѣмъ не менѣе, имъ были соблюдены до мелочей подробности царскаго столованья, утвержденныя доброю стариною и легкомысленно пренебреженныя самозванцемъ. Шуйскій, любимецъ русскаго народа, олицетворялъ собой лучшія черты старой Руси. „Свое“ хорошее онъ не мѣнялъ на плохое иноземное, на „иноземное поганство“, какъ тогда говорили. Умный и по своему времени образованный человѣкъ, Василій Ивановичъ Шуйскій усматривалъ въ вѣяніи новаго времени, въ „новшествахъ“, проникавшихъ постепенно въ русскую жизнь съ Литвы и отъ нѣмцевъ, во множествѣ къ намъ приходившихъ,—не „порожденіе антихристово“, какъ считало новшества темное простонародье, но порчу нравовъ русскихъ, до того оберегавшихся патріархальными обычаями. „Стриженные глаголи“, какъ тогда русскіе называли поляковъ, вызывали въ дальновидномъ Шуйскомъ серьезныя опасенія за судьбу Руси. Онъ презиралъ легкомысленный и задорный національный польскій характеръ. Быть можетъ, въ Шуйскомъ слѣдуетъ видѣть послѣдняго борца за древній русскій государственный и общественный строй. Въ этой борьбѣ за то, что было хорошаго и честнаго въ древней Руси, ему давали силу его честныя убѣжденія и благія намѣренія.

Старые пріятели усердно принялись за щи и пироги, ни слова не говоря и не отрываясь отъ своихъ кокосовыхъ ложекъ съ старинными серебряными ручками. Къ концу обѣда, благодаря травнику и медамъ, у обоихъ пріятелей языки развязались. Коснулись дѣлъ думскихъ. Шуйскій со вздохомъ сказалъ:

— Безвременно (не во-время) князь Борисъ Лыковъ челобитье подалъ, не время боярамъ мѣстами считаться. Тѣми-то нашими боярскими счетами и сильны воры.

— Вахрамѣй, разумѣй: кого корятъ, а тебѣ въ глаза говорятъ! смѣясь, замѣтилъ Ферапонтовъ.—Хоша и такъ, государь, и точно бы не время намъ, боярамъ, мѣстами считаться, да князь Бориса покойный его тезка, Борисъ царь, обидѣлъ. Самъ, небойсь, помнишь, Василій.

Шуйскій раздумчиво глянулъ на бѣлѣвшійся въ раскрытое окно Архангельскій соборъ, и зѣвнулъ, какъ дѣловой человѣкъ, которому до смерти надоѣли дѣла и который былъ бы радешенекъ не говорить о нихъ и не думать хотя бы у себя, дома.

— Дѣлу время, потѣхѣ часъ, Іона Агѣичъ, дружески замѣтилъ онъ, наливая двѣ стопы искрометнаго розоваго меда.—Сердцемъ возвеселись въ сей послѣтрапезный часъ, „старшо̀й“ мнѣ братецъ. За твое здравіе пью, Агѣичъ!

Серебряныя стопы звонко чокнулись и одновременно опорожнились.

— Старшо̀го братца слушать долженъ меньшой! лукаво усмѣхнувшись, замѣтилъ Шуйскому Ферапонтовъ.

— Аль въ чемъ тебя ослушалъ?—Сказывай!

— Сказываю я тебѣ давно: жениться тебѣ надо, Василій Ивановичъ: на чужой лошадкѣ не наѣздишься...

— Старую собаку пріучить къ цѣпи трудно, иносказательно отвѣтилъ Шуйскій, вновь наполняя стопы медомъ.—Время мое ушло, Агѣичъ...

— Женятся и въ твои годы, Василій, не перестарокъ ты еще. Почитай и я такой-же женился.

Шуйскій задумался. Тихая грусть проступила въ его умныхъ глазахъ, разсѣянно глядѣвшихъ въ окно. Онъ чуть слышно вздохнулъ.

— Божьимъ изволеньемъ ты на царство сѣлъ, Василій Ивановичъ, продолжалъ серьезно бояринъ.—Того у насъ не было, чтобы русскій царь безъ жены жилъ... Не чернецъ ты, житейскій человѣкъ, грѣшный. И то народу зазорно: царицы-матушки у царя-батюшки нѣтъ. Бобыль ты въ своемъ дому. Правду-ль сказываю?

— Правду, согласился невесело Шуйскій.—Самъ о томъ скорблю, Агѣичъ. Знаю—не пристойно государю христіанскому холостому ходить. Это одно. Другое—государь безъ престолунаслѣдника—то же, что древо безъ плода. Не довелось мнѣ смолоду жениться, нынѣ и страховато о женѣ думать.

— За государя-то первая красавица у насъ, на Москвѣ, съ радостью пойдетъ... Подерутся, смотри, за тебя дѣвки! смѣясь, замѣтилъ бояринъ.

— Знаю, еще тише согласился Шуйскій.—Не далъ мнѣ Богъ счастья смолоду взять за себя дѣвицу честную, а къ старости не женюсь на нелюбой... Жить семьей по-людски надо: любовно, честно.

— За чѣмъ дѣло? Давай, царь, я тебѣ кралю писанную высватаю...

— Свату первая чарка и первая палка! шутя замѣтилъ Шуйскій.

— Что-жъ, снесу! отвѣчалъ Ферапонтовъ, весело смѣясь. Ну-ка, Василій, веселымъ пиркомъ, да за свадебку!

Шуйскій съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ доброжелательныя рѣчи стараго боярина и, задумавшись, сказалъ:

— Царь—корень рода государственнаго, безъ отрасли какъ ему быть?.. Сватай невѣсту, Агѣичъ.

— Молодую тебѣ высватаю, княжну, красавицу, спасибо свату скажешь, Василій.

— А которую бы именно?

— А хоша бы князь Буйносъ-Ростовскаго Петра дочку, княжну Марью? Какъ по твоему?

Не сразу отвѣтилъ боярину Шуйскій, а подумавъ. Въ его красноватыхъ, усталыхъ глазахъ засвѣтилось мягкое, доброе чувство; всего его, задумчиво улыбавшагося, словно бы пригрѣло какое-то отрадное воспоминаніе.

— Что говорить, красавица Марья Петровна, княжна Ростовская всѣмъ взяла: степенна, разумна, богомольна, добронравна, матери

честной дочь,—тепло заговорилъ Шуйскій.—Знаю ее давно, по душѣ она мнѣ. Такая жена утѣха мужу.

— Чего жъ зѣвать-то? И такъ прозѣвано много, должно, невѣстъ, а на этой бы жениться тебѣ немѣшкотно, Василій Ивановичъ.

— Сватай, Агѣичъ!

Шуйскій всталъ и подошелъ къ окну. Ясный весенній вечеръ невольно укрѣплялъ рѣшимость его попытать, на старости лѣтъ, счастья, котораго не знала его молодость, счастья раздѣленнаго чувства. За свѣтлыми мечтами разсѣявались мрачныя думы царской головы. Человѣческое сердце предъявляло свои права, и Шуйскій, хоть на минуту, забылъ тяжелую отвѣтственность своего царскаго сана.

— Ладно, царюшка, давно бы такъ! часъ тебѣ добрый! съ явною радостью схватился Ферапонтовъ за согласіе царя жениться. — Роды невѣстины хорошіе: потомство Хохолковыхъ-Брюхатовыхъ князей. Князь Иванъ Александрычъ, Буйносъ прозвищемъ, испомѣщенъ былъ въ великомъ Новгородѣ; князь Петръ внукъ ему.

Шуйскій еще постоялъ у окна, слѣдя, какъ архангельскій протопопъ въ камилавкѣ и лиловой рясѣ, вмѣстѣ съ дьячками, заперъ большимъ замкомъ бѣлый соборъ и въ-перевалку пошелъ домой. Когда онъ обернулся, насмѣшливые глаза бoярина встрѣтили его нерѣшительный взглядъ и вдругъ, смутивъ стараго холостяка упрекомъ, вполнѣ имъ заслуженнымъ, побудили его, наконецъ, перейти отъ словъ къ дѣлу.

— Дементьичъ! приказалъ онъ смѣшному старикашкѣ дворецкому въ валенкахъ, убиравшему со стола, — колымагу мнѣ запрячь вели: на Разгуляй къ князю Петру Ростовскому ѣду. Да сотнику стрѣлечьему съ коннымъ десяткомъ за колымагой вели. А ты бы, старче, изрядилъ меня молодцомъ: къ невѣстѣ ѣду. Агѣичъ, вотъ, сватомъ...

— Благослови тебя Богъ на доброе дѣло, царь! прошамкалъ беззубымъ ртомъ старый слуга, повидимому, сперва не повѣрившій своему господину и принявшій его слова за шутку.—И то, царю безъ царицы непригоже, безъ жены человѣку—холодна постелька...

Согнутый лѣтами, съ головой какъ бы въ бѣломъ пуху, съ вылѣзшею бородою и угаснувшими, чуть примѣтными глазками, Дементьичъ поклонился Шуйскому, а потомъ Ферапонтову, благодаря его за мудрыя рѣчи, за неоставленье. И какъ могъ проворно, качаясь въ своихъ валенкахъ изъ стороны въ сторону, поспѣшилъ исполнить полученное имъ приказаніе.

— Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ, оживляясь замѣтилъ Ферапонтову Шуйскій. Безъ свата жениху неповадно. Вмѣстѣ ѣдемъ, Агѣичъ.

— Со сватомъ, такъ со сватомъ! согласился весело бояринъ. — Вези стараго дурня...

— Гонецъ съ Украйны, государь! съ тѣмъ же смѣшнымъ поклономъ прошамкалъ беззубымъ ртомъ Дементьичъ, повидимому, еще не

успѣвшій передать царскую волю насчетъ колымаги и конныхъ стрѣльцовъ, и молча ждалъ приказа.

Шуйскій только плечами пожалъ и перекрестился.—Зови! сердито, дрожащимъ отъ волненія голосомъ приказалъ онъ и вопросительно взглянулъ на Ферапонтова.

Мужественное спокойствіе стараго боярина невольно подкрѣпило Шуйскаго, не спускавшаго теперь съ входной двери нетерпѣливаго взгляда.

Вошелъ, гремя саблей, волочившейся на ремнѣ, боярскій сынъ весь въ пыли и засохшей грязи. Отъ его нанковаго бешмета и длинныхъ сапогъ воняло конскимъ потомъ. Лицо его, опущенное густою черною бородою, съ черными бровями, казалось лицомъ цыгана—такъ загорѣло и облупилось на солнцѣ и вѣтрѣ. За ременнымъ поясомъ торчала плеть. Онъ шагнулъ невѣрнымъ шагомъ изнеможеннаго, усталаго человѣка, которому ноги отказываются служить, и скорѣе упалъ, чѣмъ опустился передъ государемъ на колѣни.

— Откуда? сдѣлавъ надъ собой усиліе казаться спокойнымъ, спросилъ гонца Шуйскій.

Гонецъ ударилъ о полъ лбомъ, при чемъ сабля его зазвякала, и сказалъ съ смѣлымъ видомъ воина, привыкшаго глядѣть въ глаза смерти:

— Изъ Путивля, надежа-великій государь! съ вѣстями!

— Сказывай вѣсти.

— Другаго самозванца за рубежемъ поставили лиходѣи твои, великій государь! отписку тебѣ твой вѣрный голова стрѣлецкій, Микита Овцынъ, шлетъ. Не гнѣвайся, надежа-государь, не взыщи на плохихъ вѣстяхъ! Вели, государь, отписку головину подать.

— Подай! чуть слышно проговорилъ Шуйскій и долженъ былъ сѣсть: старыя ноги шатались и старые глаза какъ бы туманомъ застлало.

— Пріими, великій государь, отъ твоего слуги вѣрнаго, боярскаго сына Торопки Суслова!

Гонецъ подалъ царю потертый и замазанный за пазухой свертокъ бумаги за восковою печатью и хотѣлъ встать на ноги, но не могъ; онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе и съ трудомъ привсталъ, покачнулся и придержался рукою о стѣну. Жалость взяла Шуйскаго: вѣдь ради него скакалъ онъ день и ночь, себя не жалѣя.

— Усталъ ты? замѣтилъ ласково Шуйскій, въ рукѣ котораго дрожалъ свертокъ бумаги.

— Прости, великій государь: съ ногъ валюсь, трое сутокъ съ сѣдла не слѣзалъ, двухъ коней загналъ.

— Накормить! приказалъ Шуйскій Дементьичу, который тотчасъ повелъ гонца къ себѣ.

— Князя Шаховскаго, новаго воеводу, не видѣлъ еще въ Путивлѣ? спросилъ вслѣдъ гонца Шуйскій, соображая полученныя вѣсти съ своими сомнѣніями насчетъ украинскихъ воеводъ.

— Не видѣлъ, государь! на ходу отвѣтилъ гонецъ.

Не приступая къ чтенію донесенія, Шуйскій съ горькою усмѣшкой замѣтилъ Ферапонтову:—Свататься поѣхалъ, душеньку свою отвести думалъ!—Сосватался!—и сталъ читать.

XIV.

„Adieu, Pologne, adieu plaines désertes.
Toujour de neige et de glace couvertes;
Adieu, pays d'un éternel adieu...“
(„Прощай, Польша! Прощайте, пустынныя равнины, вѣчно покрытыя льдами и снѣгомъ, прощай, страна, на вѣчную разлуку“.
(Деспортъ, франц. поэтъ).

Между тѣмъ, вслѣдъ за вышедшимъ изъ церкви Петра-митрополита государемъ огромная толпа, ее наполнявшая, разомъ двинулась къ тремъ выходамъ и давка вышла порядочная: всякъ спѣшилъ еще разъ взглянуть поближе на своего новаго царя. Индѣйскій юноша, только что обласканный добрымъ царемъ, слѣдовалъ за мрачной и долговязой фигурой греческаго іеромонаха, въ самомъ лучшемъ настроеніи, въ какомъ только можетъ чувствовать себя человѣкъ въ его безъисходномъ положеніи. Ему улыбалась надежда скоро свидѣться съ своимъ духовнымъ отцомъ и просвѣтителемъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы не разставаться болѣе. Длинная черная мантія іеромонаха, спускаясь съ клобука широкими волнующимися при его движеніи складками, волочилась за нимъ по плитамъ церковнаго помоста. Юноша боится наступить на хвостъ мантіи, но его такъ толкаютъ! Вдругъ незнакомецъ, съ виду русскій, по-итальянски шепнулъ ему на ухо: „Выслушай друга. Padre Nicolo, волею Божіею, умеръ. Завтра его похороны. Если благородный раджа, любившій его, пожелаетъ оказать уваженіе его праху — слѣдуй за незнакомымъ другомъ. Не удивляйся, не спрашивай, не теряй минуты. Плѣнъ или свобода? Да или нѣтъ?“ Какъ ни былъ пораженъ бѣдный Паоло и появленіемъ этого незнакомаго друга, и ужаснымъ для него извѣстіемъ о смерти padre, но чувство свободы, которую ему предлагали, заговорило въ немъ сильнѣе всего. Такъ онъ натерпѣлся въ этой варварской Московіи, такъ его настращали эти бородатые москвичи, что онъ забылъ въ эту минуту о милости, обѣщанной царемъ, и думалъ только о счастіи снова видѣть себя свободнымъ. Поэтому онъ не долго колебался и сказалъ: „Да!“

Въ ту же минуту другой незнакомецъ сорвалъ съ юноши бѣлый тюрбанъ и надѣлъ на его голову суконный колпакъ, а заговорившій съ нимъ незнакомецъ набросилъ на него широкій длинный плащъ,

скрывшій въ своихъ темныхъ складкахъ бѣлую индѣйскую одежду. Это переодѣваніе произведено было незнакомцами съ быстротой и ловкостью, изумившими Паоло. Густая тѣнь, бросаемая сводомъ притвора, скрыла отъ глазъ толпы превращеніе молодаго индѣйца въ сѣрую неуклюжую фигуру. Сильныя руки схватили его съ обѣихъ сторонъ и помогли ему протѣсниться въ сторону, противуположную той, куда двигался мрачный іеромонахъ. Когда почтенный отецъ Досифѣй, оттѣсняемый толпой, могъ оглянуться уже на паперти, чтобы удостовѣриться, не отсталъ ли отъ него индѣйскій юноша,—бѣлаго тюрбана и бѣлой одежды не оказалось ни вблизи, ни вдали. Перепуганный ученый греческій монахъ забѣгалъ по опустѣлой церкви, по папертямъ, кишащимъ нищею братіей—стройнаго юноши въ бѣлой одеждѣ нѣтъ-какъ-нѣтъ! пропалъ! А молодой Паоло, съ помощью своихъ незнакомыхъ избавителей, былъ уже на улицѣ, за монастырскими воротами. Поспѣшно отойдя отъ монастыря съ версту, незнакомцы повернули на обширный пустырь къ садамъ съ развалившимися плетнями. Тамъ ждали ихъ три верховые казака, изъ которыхъ каждый держалъ въ поводу засѣдланнаго коня.

— Садись и не отставай, принцъ! строго, начальственнымъ голосомъ сказалъ юношѣ тотъ изъ незнакомцевъ, который съ нимъ заговорилъ въ церкви и который, конечно, былъ не другой кто, какъ ротмистръ Лисовскій.

Паоло повиновался и всадники молча поскакали къ московскимъ пригороднымъ слободамъ. Прискорбно было юному индѣйцу узнать о смерти своего христіанскаго учителя. Правда, его старость и болѣзненность не разъ, впродолженіе ихъ длиннаго пути изъ Индіи, пугали Паоло, но вѣдь смерть намъ близкихъ и дорогихъ людей всегда кажется намъ неожиданною, преждевременною, ужасною. Что его не обманули, что онъ дѣйствительно умеръ—этотъ святой мужъ, высокій подвижникъ христіанства,—въ этомъ Паоло былъ убѣжденъ, убѣжденъ тѣмъ холодомъ, что леденилъ его сердце, тѣмъ мрачнымъ чувствомъ, которое имъ овладѣло. Онъ теперь одинъ въ такой страшной дали отъ родины, въ этой негостепріимной странѣ, потрясаемой внутренними безпорядками; не вернуться ему въ прекрасную Индію, согрѣваемую южнымъ солнцемъ, въ милую семью, о которой безъ горькихъ слезъ онъ не могъ вспомнить... Мать! О, добрая мать! Слышишь ли ты своимъ чуткимъ, любящимъ материнскимъ сердцемъ тяжкіе вздохи сына, судьбой отторгнутаго далеко отъ тебя! Чувствуешь ли все его несчастіе! Да, онъ былъ увѣренъ, что въ эту минуту мать страдаетъ его страданіемъ, плачетъ его слезами. Отдѣленная отъ него цѣлымъ свѣтомъ, все же есть женщина, думающая о немъ, плачущая о немъ, молящаяся за него. Эта увѣренность юноши въ материнскую любовь смягчала его нестерпимую душевную боль. Сердце, особенно молодое, имѣетъ свой законный эгоизмъ. А эти незнакомые смѣльчаки, такъ ловко его освободившіе изъ плѣна, развѣ не друзья его? На этотъ вопросъ,

естественно представлявшійся молодому раджѣ, онъ не умѣлъ себѣ отвѣтить. Мало того: вопросъ этотъ его смутилъ, затруднилъ, заставилъ его всматриваться въ этихъ незнакомцевъ не только недовѣрчиво, но и враждебно. Разглядывая ихъ, насколько позволяла ему это скачка и слабый отблескъ наступавшаго разсвѣта—онъ всетаки ничего не понялъ. Что за причина, заставившая ихъ, рискуя собой, освободить его? Конечно—золото, которому христіане, сколько онъ замѣтить, поклоняются чуть ли не больше, чѣмъ Богу. Да, всемогущее золото выслало этихъ отважныхъ казаковъ на такой дерзкій поступокъ, додумался Паоло. Но кто же могъ дать свое золото ради его спасенія? Покойный padre Nicolo остался нищимъ, послѣ того какъ въ степи ихъ ограбили русскіе и отняли тяжелый мѣшокъ съ индійскими рупіями, данный ему отцомъ, раджею Саніабаною. Развѣ не тотъ ли знатный латинскій кардиналъ, котораго padre называлъ своимъ патрономъ? Но тотъ въ Римѣ, совѣтникомъ святаго папы. Онъ не можетъ въ эту минуту очутиться въ Москвѣ.

Восточное воображеніе молодаго Паоло, путавшагося въ догадкахъ по поводу своего неожиданнаго освобожденія, было безсильно объяснить его себѣ сколько нибудь удовлетворительно; Паоло склоненъ былъ видѣть свои послѣднія приключенія въ сказочномъ свѣтѣ. Темнота лѣтней ночи, невѣдомыя мѣста, то лѣсистыя, то гладкія какъ ладонь, съ разбросанными спавшими селеніями, а также сильное душевное возбужденіе только поддерживали сомнѣнія юноши. Они разсѣявались по мѣрѣ того, какъ разсѣявалась ночная темнота съ своими призраками, причудливыми какъ и его воображеніе. Яркій солнечный лучъ, блеснувшій изъ за темнаго, вѣчно зеленаго сосноваго бора и озолотившій его пушистыя макушки, властно позвалъ за собою страдающаго юношу изъ страны мрака и отчаянія въ страну свѣта и надеждъ, туда, гдѣ молодому сердцу легко, привольно. Далеко по пескамъ и „мочежинамъ“ тянулся сосновый боръ, закутанный въ свою мрачную зелень съ часто мелькавшими въ ней смолистыми, красноватыми стволами. Въ этой чащѣ, еще не сбросившей съ себя ночныхъ тѣней, еще блестѣвшей крупными каплями ночной росы на зеленыхъ иглахъ своихъ раскидистыхъ вѣтвей, — звонко раздавались голоса, конское ржанье, звякъ сабель. На широкой опушкѣ лѣса, Паоло съ удовольствіемъ увидѣлъ значительный кавалерійскій отрядъ, выстроенный красивыми, правильными рядами. Сотни стояли одна за другой густой колонной, съ своими цвѣтными значками—малиновыми съ бѣлымъ. Готовые къ походу, жолнеры съ длинными пиками у плеча держали въ поводу засѣдланныхъ и навьюченныхъ лошадей. Острія выравненныхъ пикъ весело блестѣли, такъ же какъ и сабли у бедра. Толстопузый панъ региментарь, въ малиновой магеркѣ съ пѣтушьими стоячими перьями, молодецки надвинутой на ухо и открывавшей, съ другой стороны, подбритый високъ, съ огромными висячими посѣдѣлыми усами, рѣзко

обозначавшимися на малиновой дерзкой рожѣ, съ грозно вытаращенными пьяными глазами, возсѣдалъ передъ войскомъ на походномъ складномъ стулѣ, съ саблей, покоившейся сбоку, и съ бутылкой въ рукахъ. Желтый шелковый кунтушъ съ откидными рукавами, „помереженный“ по груди, красные чикчиры, расшитые по бокамъ золотымъ „венгерскимъ“ швомъ, и сапожки со шпорами придавали ему вполнѣ воинственный видъ. Увидя приближающихся конниковъ, панъ Алоизій Непомукъ Неборскій—это могъ быть только онъ—замахалъ бутылкой и хриплымъ съ перепоя басомъ, побагровѣвъ, вскричалъ:— „Пане Лисовскій! Побратимъ! За твою удаль казацкую пью!“ и приложилъ горло бутылки къ своему усатому рту, закинувъ назадъ голову въ магеркѣ, а дно бутылки приподымая по мѣрѣ того, какъ милая ему влага „старувки вингуровки“ облегчала бутылку и наполняла его „тлусто бжушко“. Только тогда старый „мочиморда“ оторвался отъ бутылки, когда она опустѣла; съ презрительнымъ движеніемъ онъ швырнулъ ее отъ себя.

— Рувность и неподлеглость! весело отвѣчалъ, слѣзая съ коня, Лисовскій.—Стаканъ вина теперь не лишній!

Храбрый „довуца“ и вельможный пьяница властно махнулъ рукой и передъ нимъ въ ту же минуту выросъ панъ хоронжій, Ромуальдъ Голынскій, съ бутылками и стаканами.

Вино подкрѣпило и бѣднаго индѣйскаго юношу, на котораго Неборскій бросилъ бѣглый, но не особенно ему понравившійся, грозный взглядъ.

Внезапно поднявшійся въ рядахъ жолнеровъ смѣхъ заставилъ начальниковъ оглянуться. Въ облакахъ пыли приближалась крытая московская колымага. Возница усердно стегалъ кнутомъ четверку добрыхъ взмыленныхъ лошадей, видимо торопясь: онъ или боялся опоздать, или улепетывалъ отъ опасности. Жолнеры громко смѣялись надъ неуклюжимъ видомъ возницы—чортова москаля; на его счетъ затягивалась старо-польская пѣсенка:

„Дубовы коляса
Катились до ляса!..“

Насилу неуклюжій возница сдержалъ свою настеганную четверку и чуть не вскочилъ съ колымагой въ ряды сотенъ.

— Тпру, Москва! стой, дурню! нехъ тебе вшисци чертаки побира, лайдакъ! кричали жолнеры, тыча тупыми концами пикъ не только въ лошадиныя морды, но и въ ошалѣвшаго со страху возницу. Изъ колымаги послышался пронзительный женскій визгъ, вслѣдъ за которымъ проворно выскочило женское существо неопредѣленныхъ лѣтъ, но съ слишкомъ бросавшимся въ глаза желаніемъ нравиться. Столь похвальное въ каждомъ женскомъ возрастѣ желаніе въ этой женщинѣ достигло, казалось, крайняго предѣла: ея сухія, морщинистыя щеки блестѣли бѣлилами, сверхъ которыхъ, гдѣ слѣдовало, двумя яркими пятнами алѣлись румяна; надъ старыми глазами, совсѣмъ по-

тухшими и безцвѣтными, какъ у заснувшей рыбы, чернѣлись тщательно выведенныя кисточкой брови; жалкіе остатки жиденькихъ волосъ были взбиты искусными руками въ высокую модную прическу тогдашнихъ польскихъ щеголихъ, и неопытный мужской глазъ не осмѣлился бы заподозрить въ ней изряднаго, спрятаннаго въ середкѣ, комка чужихъ, въ лавкѣ купленныхъ волосъ; черная помада превращала сѣдую старуху въ брюнетку. Правда, пестрыя ленты, украшавшія раскрашенную красавицу, сообщали ей видъ совы; правда, желтое щелковое платье, явно разсчитывавшее на вниманіе мужчинъ, не могло сбить съ толку насмѣшливые мужскіе глаза, любящіе останавливаться на соблазнительныхъ круглыхъ формахъ женской груди, обрисовывающихся подъ лифомъ; было очевидно, что это соблазнительное мѣсто, гдѣ, по закону природы, полагается грудь, представляло печальную плоскость съ упавшими уныло морщинами лифа. Двѣ кости, обтянутыя старой кожей, выставляясь изъ подъ короткихъ рукавчиковъ, никакъ не могли собою замѣнить красиво-полныхъ женскихъ рукъ, тоже способныхъ вызывать мужской восторгъ. Грубый смѣхъ жолнеровъ, приправленный вовсе не двусмысленными взглядами, незамедлилъ убѣдить дѣвственную панну Гонорату,—это была, конечно, она,—въ томъ, что и здѣсь, какъ вездѣ, по какой-то злой волѣ гонительницы судьбы, ей не выпадетъ счастье зажечь пламенемъ нѣжной любви грубое мужское сердце. Съ свойственной ей развязностью и неустрашимостью, она обратилась было къ Лисовскому, какъ къ „кавалеру“, показавшемуся ей замѣтнѣе другихъ, слѣдовательно, достойнѣе женскаго вниманія, съ своими визгливыми „ахами“ и подкатываньемъ тусклыхъ глазъ, но остановилась въ нѣкоторой нерѣшимости. Ея дѣвственное сердце почувствовало себя оскорбленнымъ, такъ какъ она не только видѣла, что Лисовскій, при видѣ ея, еле сдерживается отъ смѣха, но и слышала, что онъ замѣтилъ своимъ смѣявшимся на ея счетъ товарищамъ: „Млада дзивчина!“. Панна Гонората поняла, что въ эту минуту весь предстоящій передъ ней мужской полъ легкомысленно отвернулся, въ лицѣ ея, отъ прекраснаго пола. Можно было растеряться!

За то другая, легко выпрыгнувшая изъ колымаги, женщина сейчасъ же примирила, въ своемъ лицѣ, все это вооруженное „рыцарство“ съ своимъ прекраснымъ поломъ. Глубокая тишина и удивленные взгляды встрѣтили красавицу панну Ортансу. Это нѣмое, но краснорѣчивое вниманіе стольких мужчинъ, конечно, льстило ей и сконфузило ее невольно. Освѣщенная теплымъ лучомъ ранняго солнца, стройная, высокая фигура молоденькой дѣвушки рисовалась во всей прелести молодыхъ женскихъ формъ, которыхъ не скрывала синяя амазонка съ широкой длинной юбкою, путавшейся и мѣшавшей ей идти. Свѣтлые пепельные волосы, отливавшіеся на солнцѣ нѣжнымъ золотомъ, роскошные, рѣдко встрѣчающіеся даже у красавицъ, собранные подъ кокетливый маленькій беретъ—синій бархатный, съ страусовымъ перомъ,

граціозно гнувшемся при ея движеніяхъ,—могли бы украшать даже Венеру. Веселое полное личико нѣжной бѣлизны и благороднаго очертанія, дышащее избыткомъ молодыхъ силъ, горящее во всю щеку живымъ переливающимся подъ тонкой кожей румянцемъ,—своею свѣжестью и прелестью такъ подходило къ свѣжести и прелести этой ранней утренней поры. Большіе синіе глаза съ черными рѣсницами какъ бы заговаривали весело и привѣтливо со всякимъ, на комъ останавливались. Ихъ чистота и ясность напоминали ясную лазурь раскинувшагося надъ ней неба, не оттѣненнаго ни однимъ легкимъ облачкомъ. Улыбка не отуманеннаго, ничѣмъ не смущаемаго молодаго счастія, не сходила съ ея полныхъ алыхъ губъ, горячій поцѣлуй которыхъ могъ бы, казалось, осчастливить несчастнаго, если не воскресить мертваго. Какая-то чарующая женская сила скрывалась подъ этою восхитительною женскою прелестью. Приподнявъ на ходу длинный шлейфъ своей амазонки и придерживая его рукой въ замшевой перчаткѣ съ раструбами, панна Ортанса быстро обернулась къ колымагѣ и свободною рукой, тоже въ перчаткѣ, помогла выйти изъ нея монсиньору Брамантини.

— Благослови тебя Богъ на прекрасной зарѣ твоей жизни, какъ благословляю тебѣ я, служитель Божій, дщерь Сіона! сказалъ важный прелатъ, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ хорошенькую голову Ортансы. И важнымъ, спокойнымъ шагомъ, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ его величавой осанкѣ, въ свободной лиловой шелковой рясѣ, струившейся складками при его движеніяхъ и иногда открывавшей его высокіе лакированые сапоги, онъ направился къ войску. Передъ строемъ жолнеровъ онъ снялъ сѣрую широкополую шляпу, съ смиреніемъ служителя алтаря открывъ розовую, глянцевитую лысину выбритой макушки, обрамленной „тонсурой"—вѣнцомъ еще темныхъ волнистыхъ волосъ. Потомъ онъ высоко поднятой рукой благословилъ ряды воиновъ и громко, торжественно произнесъ:—Во имя Отца, Сына и Святаго Духа! святые Петръ и Павелъ да сопутствуютъ вамъ, благочестивые католики, дѣти святаго римскаго отца!

Ни одна шапка не снялась, ни одна стриженая голова не шевельнулась, ни одинъ отвѣтный голосъ не послышался въ густыхъ рядахъ этихъ закаленныхъ въ бою солдатъ, давно отвыкшихъ отъ церкви и забывшихъ Бога. Только нѣмое удивленіе было отвѣтомъ прелату, ошибочно разсчитывавшему на религіозное чувство пятигорцевъ и лисовчиковъ.

Никогда не терявшійся, прелатъ обратился теперь къ начальникамъ и, благословивъ ихъ, пожелалъ успѣха ихъ оружію, поднятому во славу католичества.

Хриплый хохотъ пана Неборскаго, даже не поднявшагося все время съ своего походнаго стула и продолжавшаго пить вино прямо изъ бутылки, бывшей у него въ рукахъ, былъ краснорѣчивымъ указаніемъ прелату на всю неумѣстность его обращенія къ нимъ, сынамъ Марса,

какъ къ дѣтямъ какой либо христіанской церкви. Свой грубый хохотъ Неборскій незамедлилъ пояснить еще болѣе грубыми словами, сказавъ:

— Мы не монахи, а вольные паны и храбрые воины; не бормочемъ, смиренно опустивъ глаза въ землю, „Ave“ и „Credo“ и не считаемъ для себя нужнымъ не только твое благословеніе, прелатъ, но и благословеніе твоего святаго римскаго отца, котораго мы, кстати сказать, вовсе не считаемъ святымъ.

— За всякое другое приношеніе, не духовное, а матерьяльное—напримѣръ, золото, мы готовы крикнуть тебѣ, прелатъ, „vivat!“ прибавилъ Лисовскій.—Что-жъ до твоего духовнаго краснорѣчія, прибереги его для Ватикана. Вѣрь честному солдату: ни одна живая душа изъ стоящихъ здѣсь съ пиками и саблями не вѣритъ тебѣ ни въ одномъ словѣ; и если бы въ регментахъ пятигорцевъ и лисовчиковъ завелся подобный олухъ, мы бы давно укокошили его палками... Не хочешь ли лучше пропустить съ нами добрый стаканъ вина на дорожку, монсиньоръ?...

Вмѣсто отвѣта прелатъ въ негодованіи отвернулся отъ протянутаго ему Лисовскимъ полнаго стакана вина и нетерпѣливо надѣлъ свою мягкую войлочную шляпу. По судорожной гримасѣ его блѣднаго правильнаго римскаго лица съ строгими чертами, да по вздрогнувшимъ гнѣвно чернымъ бровямъ и заискрившимся чернымъ глазамъ, было видно, что онъ съ трудомъ себя сдерживаетъ. Онъ глубоко вздохнулъ и, взглянувъ на небо, какъ бы призывая его въ свидѣтели, безнадежно качнулъ головою. Но вдругъ онъ вспомнилъ что-то такое, чего бы не долженъ былъ забывать, и сталъ искать глазами. Почтенный прелатъ вспомнилъ, что въ этомъ нечестивомъ станѣ амалекитовъ есть еще три христіанскія души и, обратясь къ стоявшимъ въ сторонѣ паннамъ и молодому индѣйцу, снова обнажилъ свою голову и торжественно благословилъ ихъ: „дщерей Сіона и юнаго неофита“.

Смиренный, глубокій поклонъ трехъ католиковъ былъ на этотъ разъ малымъ утѣшеніемъ гордому римскому прелату.

Лисовскій подошелъ къ паннамъ и, слегка дотронувшись рукой до своей смушковой шапки, и то только потому, что панна Ортанса обѣщала заплатить ему тысячу червонцевъ за то, что онъ ее проводитъ къ литовскому рубежу, спросилъ приглянувшуюся ему красавицу—что значитъ ея амазонскій костюмъ?

— Моя амазонка означаетъ мое желаніе ѣхать верхомъ, панъ! съ бойкостью истой польки и при томъ увѣренной, что она не можетъ не нравиться мужчинамъ, сказала весело Ортанса.—Если у пана ротмистра найдется для меня лошадь, я была бы ему весьма благодарна.

Панна Ортанса закончила свою просьбу улыбкой и взглядомъ, противъ которыхъ, она знала, до сихъ поръ ни одинъ „кавалеръ“ не могъ устоять.

— Верховая лошадь къ твоимъ услугамъ, прекрасная панна, какъ

умѣлъ любезнѣе сказалъ ей Лисовскій.—Но у насъ только казацкія сѣдла, панна...

— О, бардзо дзинькую, панъ: я по-казацки не умѣю ѣздить и не хочу! смѣясь и сверкнувъ рядомъ своихъ блестящихъ какъ жемчугъ зубовъ, воскликнула Ортанса.—Въ этой колымагѣ, что насъ привезла, дамское сѣдло и хлыстъ.

— Bene! кратко замѣтилъ Лисовскій и пошелъ распорядиться. Его остановилъ прелатъ, вспомнившій, что онъ еще не исполнилъ своей обязанности, какъ священникъ.

— Ротмистръ! сказалъ онъ Лисовскому тономъ человѣка, имѣющаго право требовать отъ того, кому платитъ жалованье,—велите изъ каптаны вынуть покойника. Могила, надѣюсь, готова?

— Готова, монсиньоръ, отвѣчалъ Лисовскій.

Какъ только четверо лисовчиковъ вынули, съ приличными случаю остротами и насмѣшками, изъ колымаги тѣло стараго августинца, обернутое бѣлымъ саваномъ, неуклюжій возница князя Шаховскаго повернулъ свою четверку обратно и помчался въ Москву еще шибче, чѣмъ пріѣхалъ, безъ пощады нахлестывая лошадей. Видно было, какъ ему непонутру порученіе, возложенное на него спесивымъ княземъ.

Четыре лисовчика понесли тѣло на конской попонкѣ къ свѣжевырытой могилѣ. Впереди, безъ шляпы, съ золотымъ распятіемъ въ рукахъ и зажженой восковой свѣчей шелъ прелатъ и звучнымъ голосомъ пѣлъ заупокойныя молитвы. За покойникомъ, рыдая, слѣдовалъ его ученикъ и духовный сынъ, индѣйскій юноша; за нимъ обѣ панны. Всѣмъ тремъ прелатъ далъ по зажженой свѣчѣ. Тѣло положили на край могилы, на мягкой землѣ, которая сейчасъ должна была принять его въ свои сырыя, холодныя нѣдра. Земля возвращалась землѣ. Прелатъ растроганнымъ голосомъ совершалъ краткую литію—messa de profundis. Молодой индѣецъ Паоло съ нѣмымъ отчаяніемъ всматривался въ восковое, изсохшее страдальческое лицо усопшаго августинца, съ провалившимися глазами, закрытыми великой тайной смерти. Яркій солнечный лучъ беззаботно и весело игралъ на строго задумавшемся и въ этой строгой думѣ застывшемъ мертвомъ лицѣ, подернутомъ зеленоватыми тѣнями. Крѣпко-крѣпко сжаты уста, изрѣкавшія только правду, поучавшія только прощенію и любви; крѣпко сжаты желтыми мертвыми руками кипарисный крестъ и ковчежецъ съ частичкой мощей, чѣмъ такъ дорожилъ покойный при жизни и что несъ онъ съ собой въ темную могилу, какъ лучшее свое сокровище. А прелатъ взывалъ къ небу:

— Qui dormiunt in terrae pulvere, evigilabunt, alii in vitam aeternam, et alii in opprobrium, ut videant semper...

— De profundis! отвѣчала, за отсутствіемъ клехи, хорошенькая панна Ортанса, какъ истая католичка, отлично знавшая латинскую церковную службу и заливавшаяся добрыми, сердечными слезами искренняго участія; жаль ей было этого благороднаго чужеземнаго

юношу, осиротѣлаго и хоронившаго на дальней, негостепріимной чужбинѣ единственнаго своего друга и покровителя.

— Requiescat in pace! съ особенною торжественностью возгласилъ прелатъ.

— Amen! вмѣсто клехи закончила Ортанса.

Когда прелатъ, глотая самъ слезы, произнесъ:

— Requiem aeternam dona ei, domine!—панна Ортанса, ничего не видя за слезами, закончила чуть слышно, совсѣмъ задыхаясь:

— Et lux perpetua luceat ei!..

Молодой индѣецъ безъ чувствъ упалъ на тѣло оставившаго его на вѣки друга и просвѣтителя. Вмѣсто кропленія тѣла святою водою, которой не было, прелатъ бросилъ на него горсть земли. Жолнеры положили безчувственнаго Паоло на траву, а сердобольныя панны, изъ которыхъ Гонората также не упустила случая разлить потоки слезъ, поторопились привести юношу въ чувство, давая ему нюхать бывшій при нихъ пузырь съ крѣпкими духами и ими смачивая его виски.

— Теньгій, бардзо млодый хлопецъ! неутерпѣла замѣтить своей подругѣ Гонората, которой обильныя слезы не мѣшали убѣдиться въ оригинальной красотѣ Паоло.

Ничего ей не сказала Ортанса, но въ душѣ своей согласилась съ ней, что это прекрасивый молодчикъ.

Когда бѣдный Паоло пришелъ въ себя и могъ подняться на ноги, погребеніе окончилось. Лисовчики усердно швыряли лопатами землю въ могилу, скрывшую отъ него навсегда милый ему прахъ. Прелатъ, все еще безъ шляпы, стоялъ въ глубокой задумчивости. Словно пробудясь, онъ надѣлъ свою шляпу и обратился къ юношѣ. Положивъ свою красивую, выхоленную руку на его голову, онъ прочувствованнымъ голосомъ сказалъ:

— Плачь, добрый юноша: слезы эти—алмазы небесные! Ты потерялъ, благородный юноша, своего отца и учителя духовнаго, а это больше, чѣмъ потеря отца кровнаго. Съ сего дня я буду тебѣ духовнымъ отцомъ и позабочусь о твоей судьбѣ. Что ты здѣсь, а не въ плѣну—этимъ ты мнѣ обязанъ. Говорю это тебѣ только для того, чтобы ты зналъ, что не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ я о тебѣ забочусь. Помни: твое мѣсто въ походѣ—возлѣ меня. Я представлю тебя въ Римѣ святому отцу папѣ и, надѣюсь, ты займешь современемъ положеніе, достойное твоего высокаго рода... Храни тебя Господь, сынъ мой!

Паоло поцѣловалъ благословившую его руку прелата съ тѣмъ искреннимъ чувствомъ благодарности за участіе, которое является послѣдствіемъ ничѣмъ незамѣнимой потери и сознанія своего безпомощнаго одиночества. Немалаго труда стоило прелату увести юношу отъ дорогой ему могилы. Надо отдать монсиньору справедливость въ томъ деликатномъ, до нѣжности доходившемъ участіи къ горю юноши, съ какимъ онъ врачевалъ его душевную рану.

Когда обѣ панны вернулись къ кавалерійскому отряду, подъ прикрытіемъ котораго онѣ разсчитывали добраться до родины, Ортансѣ подвели лихого скакуна подъ дамскимъ сѣдломъ. Красивый хоронжій, панъ Ромуальдъ Голынскій, съ трудомъ сдерживалъ его подъ-усцы. Стремя держалъ Лисовскій, замѣтивъ Ортансѣ съ любезностью, какой она отъ него не ожидала, что никому другому не дозволитъ быть ея стремяннымъ. Молодые хоронжіе толпились кругомъ, завидуя, что не могутъ ничѣмъ помочь такой прелестной и веселой паннѣ, и не отрывая глазъ любовались ею.

Красавица вскочила въ сѣдло съ легкостью, изумившею кавалеристовъ, и, граціозно усаживаясь, стыдливо оправила свою длинную, широкую амазонку такъ, чтобъ не было видно ногъ. Очаровательная наѣздница улыбкою поблагодарила и ротмистра, и его хоронжаго и затѣмъ подъѣхала къ паннѣ Гоноратѣ съ вопросомъ—какимъ способомъ она намѣрена слѣдовать при войскѣ? Такой простой, даже не лишній вопросъ, вызванный со стороны ея подруги лишь участіемъ, поднялъ въ душѣ дѣвственницы съ Замѣхова цѣлую бурю самыхъ завистливыхъ и недоброжелательныхъ чувствъ. Гонората въ эту минуту злобствовала на Ортансу болѣе чѣмъ когда нибудь. Не могла же эта непорочная дѣва, состарившаяся въ платоническихъ вздохахъ, вѣчно оставаться въ тѣни, бросаемой на нее этой „пустой куклой“ съ смазливой рожицей и отвратительными свѣтлыми волосами. Если бы они, эти грубые, гадкіе мужчины, знали всю разницу между женскимъ кокетствомъ и женскимъ сердцемъ, способнымъ любить глубоко и вѣчно! Подъ впечатлѣніемъ такихъ чувствъ, Гонората изобразила на своемъ постномъ, хотя размалеванномъ лицѣ, презрѣніе и, вмѣсто отвѣта, на вопросъ Ортансы, тономъ ироніи и наставленія замѣтила ей:

— Панна Ортанса! Ваше поведеніе нынче—невозможное! Вы хотите вскружить головы всему отряду; вы садились на лошадь такъ, что у васъ не только бѣлая юбка—ноги были видны! Я со стыда сгорѣла, не за васъ, за себя! Я вѣдь дорожу своею женскою скромностью не такъ, какъ вы. Я не ищу, какъ вы, успѣха у мужчинъ; я, видите, сама отъ нихъ удаляюсь.

Прежде чѣмъ Ортанса, озадаченная такимъ неожиданнымъ выговоромъ, нашлась ей отвѣтить, къ Гоноратѣ подошелъ Лисовскій. Уже безъ той любезности, съ какой обращался онъ къ хорошенькой Ортансѣ, ротмистръ грубо и кратко спросилъ Гонорату—какъ она думаетъ: ѣхать, или идти?

— Странный вопросъ, пане ротмистръ! обидясь, сказала престарѣлая дѣва,—я благородная дѣвица, и если, по политическимъ обстоятельствамъ, вамъ извѣстнымъ, рѣшилась прибѣгнуть къ вашему покровительству, то вовсе не для того, чтобы пѣшкомъ идти въ Литву!.. Пѣшкомъ я мили не пройду—задохнусь, упаду...

— Большая бѣда: прохожіе подымутъ, разсудительно замѣтилъ Лисовскій.

— Я поѣду, рѣшительно сказала Гонората.

— На чемъ же—на палкѣ верхомъ? спросилъ Лисовскій съ своимъ обычнымъ безстыдствомъ и явнымъ желаніемъ подзадорить старую раскрашенную дѣву.

— Я поѣду на лошади, такъ же какъ панна Ортанса! вскричала Гонората, выходя изъ себя отъ гнѣва, что этотъ усатый неучъ оскорбляетъ ее въ присутствіи ненавистной „пустой куклы" съ отвратительными свѣтлыми волосами.

— Слышите: я верхомъ на лошади поѣду.

— Стало быть, по-казацки? смѣясь замѣтилъ Лисовскій.

— Я благородная дѣвица, а не казакъ, и по вашему не умѣю ѣздить.

— Такъ дамское сѣдло дай, панна, засѣдлаемъ.

— У меня нѣтъ дамскаго сѣдла, пане ротмистръ.

— У меня тоже нѣтъ дамскаго сѣдла, панна, отвѣчалъ Лисовскій, и спокойно, но ядовито посмѣиваясь, отошелъ.

— На конь! Садись, пятигорцы! хриплымъ басомъ заревѣлъ Неборскій, рѣшившійся, наконецъ, оторваться отъ своего походнаго стула, торопливо убраннаго подбѣжавшимъ пахоликомъ.

— На конь! Садись, лисовчики! крикнулъ Лисовскій, садясь на коня и наблюдая, справится ли молодой индѣецъ съ назначенною ему лошадью.

Конница тронулась въ походъ. „Пятигорскій" региментъ Неборскаго шелъ впереди, въ мѣдныхъ шапкахъ, застегнутыхъ подъ подбородкомъ ремнями; лисовчики сзади. Они шли молча, сомкнутыми рядами, стремя къ стремени, съ пиками въ рукахъ. Только своего строгаго ротмистра видѣлъ и слушался теперь лисовчикъ. Даже Неборскій дивился, какъ вышколилъ своихъ разбойниковъ Лисовскій, какую ввелъ суровую дисциплину между ними. Правда, Лисовскій на службѣ былъ безпощаденъ. Въ походѣ, какъ и въ лагерѣ, онъ требовалъ точнаго исполненія воинскихъ предосторожностей и отъ его зоркаго глаза не ускользало малѣйшее упущеніе. Обозъ слѣдовалъ подъ прикрытіемъ сотни хорунжаго Голынскаго, который высылалъ боковые патрули съ заряженными пистолями. Въ обозѣ, кромѣ солдатскихъ фуръ со скарбомъ, шла щегольская нейтычанка Неборскаго, запряженная парой сѣрыхъ жеребцовъ въ „кракусскихъ" шорахъ. Въ этой нейтычанкѣ, случалось, везли совсѣмъ опьянѣвшаго „тлустаго пана" региментаря. За нейтычанкой скрипѣли отнятыя у мужиковъ телѣги съ награбленнымъ русскимъ же „добромъ" и бабами и дѣвками русскими, не хотѣвшими отстать отъ веселыхъ польскихъ жолнеровъ и промѣнять привольную жизнь военнаго бивака на деревенскую скуку и на немилыхъ мужей, либо на драчливыхъ отцовъ; „панскіе" доѣзжачіе и борзятники вели на сворахъ охотничьихъ собакъ; огромная бердичевская фура съ холстиннымъ латаннымъ верхомъ маркитанта Янкеля Дуделя тащилась четырьмя лошадиными осто-

вами въ холстинныхъ же шлеяхъ и веревочной упражѣ—узелъ на узлѣ. Несносно скрипѣвшая своими раскачавшимися въ спицахъ, размоловшимися во втулкахъ, колесами, фура была биткомъ набита жидовской „рухобой", впрочемъ такой, изъ которой ежедневно извлекался жидовскій „гандель" и „гешефтъ". Пархатому Янкелю и его корыстному израильскому сѣмени оставалось торчать на облучкѣ, да на грядкахъ передка, надъ самыми хвостами четырехъ лошадиныхъ остововъ. Приказано было идти тихо и осторожно.

Пронзительный, визгливый женскій крикъ, молившій о помощи, заставилъ ѣхавшаго сзади всѣхъ хорунжаго Голынскаго оглянуться. Покинутая всѣми Гонората взывала:

— Ратуйте, добры люди! и обливаясь слезами, простирала къ красивому пану Ромуальду свои изсохшія руки.

Голынскій безсовѣстно расхохотался—такъ смѣшна показалась ему эта раскрашенная дѣва въ своемъ отчаяніи. Остановивъ задній возъ, онъ велѣлъ жолнерамъ посадить на него злополучную Гонорату.

— Матка Боска, змилуйся! запищала она, увидя себя въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ куриной клѣткой „панской" кухни.—Я благородная дѣвица!.. Какое оскорбленіе... всему женскому полу!..

Хорунжему и жолнерамъ аріергарда было не до нея: они зорко осматривались и чутко прислушивались, опасаясь засады коварныхъ москалей.

Важный прелатъ ѣхалъ между сотнями Неборскаго и Лисовскаго, рядомъ съ своимъ молодымъ духовнымъ сыномъ, не перестававшимъ плакать и, повидимому, не замѣчавшимъ ничего происходившаго кругомъ него. Прелатъ, на своемъ богато-убранномъ красивомъ мулѣ, своею величавою, строгою фигурою могъ теперь напомнить одного изъ тѣхъ воинствующихъ служителей алтаря, которые въ средніе вѣка вели за собой на далекій Востокъ, биться за гробъ Господень, сильныя числомъ и духомъ крестоносныя рати. Опять несъ его на своей широкой спинѣ тотъ самый караковый, лоснившійся съ жиру, какъ атласъ, чудесный мулъ, „Фараонъ", на которомъ онъ уже сдѣлалъ длинный путь изъ Кракова въ Москву. Черный хвостъ и черная грива „Фараона", вымытые, расчесанные, были перевиты яркими лентами и шелковыми кистями; онъ былъ осѣдланъ покойнымъ, съ высокимъ задкомъ, испанскимъ бархатнымъ сѣдломъ съ посеребреными стремянами и посеребреною уздечкою.

Польская конница спѣшно уходила, придерживаясь въ сторону Смоленска, глухими проселками и лѣсами, избѣгая селъ и городовъ, крѣпко побаиваясь встрѣчи съ какимъ нибудь царскимъ отрядомъ. Оку думали довуцы перейти правѣе Калуги. Лисовскій хорошо зналъ мѣста, которыми шелъ,—знали и они его!

В. Марковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

Разсѣянная жизнь В. И. Аскоченскаго.

Октября 17-го, среда. [2])

За столомъ [3]) я умѣлъ скрыть волновавшія меня думы; никто изъ присутствовавшихъ не могъ замѣтить ни малѣйшаго измѣненія въ моемъ лицѣ. Въ кабинетѣ вдругъ генералъ предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ:—Ну, каково-жъ идутъ ваши дѣла?

— Плохо, ваше в—ство, сказалъ я.

— Что такое?

„Я пересказалъ ему все, что слышалъ вчера отъ Николая Семеновича, что̀ замѣтилъ я по лицу Вареньки, что̀ замышляю и задумываю я напередъ. Между прочимъ, я просилъ генерала, чтобы онъ повременилъ съ своей стороны говорить за меня что нибудь Балабухѣ. Мнѣ хотѣлось этотъ резервъ приберечь для того и къ тому времени, когда, истощивъ всѣ средства мои, и со всѣхъ сторонъ обезоруживъ моего противника, приготовлю для него coup complet. Генералъ согласился со мною. На томъ мы и покончили.

„Черезъ полъ-часа я уже былъ въ домѣ Лычковыхъ. Мнѣ хотѣлось какимъ бы то ни было образомъ открыть возможность сообщенія съ Варенькою—и я обратился къ Людмилѣ. Безпокойство мое не укрылось ни отъ кого, и я, точно, былъ почти сумасшедшимъ. Не помню,

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VII, стр. 534.

[2]) 1845 г.

[3]) Аскоченскій жилъ въ это время у Бибикова.

что я говорилъ, но говорилъ много. Голова моя горѣла, мнѣ захватывало дыханіе. Людмила послала записку къ Варенькѣ, приглашая ее къ себѣ, и вотъ что отвѣчала она: „Отъ души желала бы сегодня посѣтить васъ, но, къ несчастію, maman дома нѣтъ—на Печерскѣ, papa дома; спросилась бы, да поздно. Попросите Аскоченскаго, чтобы онъ прислалъ мнѣ книги, тѣ, которыя онъ говорилъ, что я влюбилась въ нихъ. Какая скука, грусть! Я не отдамъ ему его нотъ. Скажите, чтобъ прислалъ посланіе. Цалую васъ однѣхъ. Toute à vous Варвара".—Послѣ этой записки мнѣ стало еще грустнѣй. Горячо я говорилъ противъ деспотизма родителей, распоряжающихся дѣтьми, какъ какою нибудь вещью—и воспріимчивая душа Людмилы вызывала на глаза ея слезы.

Октября 18-го, четвергъ.

„Препятствія, со всѣхъ сторонъ препятствія! Это несносно,—нѣтъ, виноватъ, это прекрасно. Больше тревоги, а моя душа такъ боится застоя! Давайте ихъ, этихъ препятствій, побольше! Не много славы побѣдителю, когда все преклоняется передъ нимъ, покорно прося пощады. Давайте бороться,—и посмотримъ, чья возьметъ!

„Съ лекціи я заѣхалъ къ Лычковымъ, чтобъ повидаться съ Людмилой и узнать отъ нея что нибудь о Варенькѣ. Не тутъ-то было; одна каналья—баба не пустила Людмилу ко мнѣ, и я пріѣхалъ ни по-что, а поѣхалъ ни съ чѣмъ. Я заскрежеталъ зубами, выходя изъ дому Лычковыхъ.

„Но мнѣ нельзя было не видѣть Вареньки,—и я увидѣлъ ее. Но лучше бы мнѣ ее не видѣть. Она поблѣднѣла; ея губы, прекрасныя, розовыя губы, ссохлись, какъ у мертвеца. Въ ея глазахъ, полныхъ самой страстной любви, какой-то неестественный огонь. Мнѣ стало жаль ее, до того жаль, что я готовъ былъ заплакать. Крѣпко пожала она мнѣ руку на прощанье—и я уѣхалъ, никакъ не улучивъ свободной минуты, чтобы отдать ей мое письмо. Мнѣ грустно. Вотъ уже нѣсколько ночей, какъ бросилъ меня живительный сонъ; сплю не болѣе трехъ часовъ въ сутки, и то такъ тревожно, такъ безпокойно, что боюсь вовсе разстроить мое здоровье. И это со мною дѣется—съ крѣпкимъ, уже обстрѣленнымъ несчастіями и избитымъ отъ опыта мужчиною: что жъ съ Варенькою—этимъ нѣжнымъ, юнымъ, прекраснымъ созданіемъ! Боже мой! подкрѣпи ее!

„10 часовъ вечера. Опять видѣлъ Вареньку, опять говорилъ съ нею попрежнему,—и еще болѣе увѣрился въ любви ея ко мнѣ. Да, она горячо меня любитъ, любитъ первымъ пыломъ молодости. Насъ не преслѣдовали подозрительные досмотрщики,—мы говорили привольно, открыто, и хорошо намъ было; но думы, думы о будущемъ—вотъ ядъ, отравляющій наши сладкіе разговоры и мечты! Я укрѣплялъ ее упованіемъ на Господа Бога, назначивъ для нея девизомъ:

любовь и твердость—и вооружилъ на борьбу съ угнетающими насъ обстоятельствами. Противъ меня вооружается все поколѣніе Балабухъ; анатомируютъ каждый мой поступокъ, всматриваются въ тощій мой кошелекъ, толкуютъ о положеніи моемъ въ свѣтѣ и аподиктически рѣшаютъ, что я не партія Варенькѣ. Посмотримъ! Богъ мой прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло!!..

„Уфъ! какъ мнѣ тяжело! А вѣдь я пѣлъ тамъ и былъ веселъ! Что за хамелеоновская моя натура! За это люди называютъ меня сумасшедшимъ. Прощаю имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ!

„Одинъ изъ дураковъ поколѣнія Балабухъ растревожилъ меня сильно. Этотъ мерзавецъ почти наговорилъ мнѣ грубостей, и я, забросавъ его грязью, самъ опачкался ею. Это я ставлю въ счетъ первостепенныхъ глупостей, сдѣланныхъ мною въ жизни.

„Уфъ! Боже мой! Какъ страшно, убійственно страшно! Когда, закрывъ глаза, идешь этою тропинкою, не озираясь на бездны, зіяющія по обѣ стороны,—тогда все гладко и прекрасно; но когда снимутъ съ тебя повязку, когда укажутъ тебѣ на эту черную, бездонную пропасть, которую зовутъ бѣдностью,—какъ больно сжимается тогда сердце! Какимъ змѣемъ ползетъ отчаяніе въ растревоженную душу! Какъ слабѣютъ нервы духа, убиваемаго такими думами! Нѣтъ, прочь этотъ отвратительный свѣтъ! Дайте назадъ мнѣ повязку! Я надѣну ее—и опять, слѣпо ввѣряясь судьбѣ моей, пойду тою тропинкою, которая у людей зовется жизнью! Прочь это отвратительное письмо, въ огонь его! Какъ ни идти, а все придемъ къ той же могилѣ,—а тамъ—будь воля Господня!..

„Встревоженный всѣми возможно-непріятными думами, я пошелъ къ моему высокому благодѣтелю и изложилъ ему все, что говорила мнѣ сегодня Варенька, прося его содѣйствія въ этомъ дѣлѣ.

— Мы все это, сказалъ генералъ,—покончимъ на этихъ дняхъ.

— Охъ, трудно будетъ, ваше в—ство, отвѣчалъ я, но, замѣтивъ, что я этимъ сдѣлалъ неловкость, замолчалъ, предоставляя судьбу мою Всевышнему; но, повторяю, я вѣрую „видѣти благая на земли живыхъ". Если же нѣтъ, то такъ и быть. Пойду снова на битву съ нуждою и людьми; авось какъ нибудь доколочусь до пріюта всѣхъ страпниковъ и бойцовъ этого міра,—до тихой могилы.

„Не правда ли, друзья мои?

Октября 19-го, пятница.

„Слава Богу! Давно уже не спалъ я такъ спокойно, какъ эту ночь! Совсѣмъ уже было изъ силъ выбился. Теперь, Богъ дастъ, начну поправляться.

„Не знаю, какъ я очищу себя отъ долговъ; а это крѣпко нужно въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ. Моя надежда на Дмитрія Гавриловича (Бибикова) и Сипягина; если же они не помогутъ, то

при всѣхъ удачахъ, я все-таки сижу на мели. Впрочемъ, власть Господня! И безъ моихъ хлопотъ все будетъ, какъ быть должно, а будетъ такъ, какъ Богу угодно.

„Нетвердость и несмѣлость Вареньки тоже сильно меня тревожитъ. Полумѣры тутъ не у мѣста. Надобно дѣйствовать рѣшительно и не говорить ни да, ни нѣтъ тамъ, гдѣ прямо надо сказать или да, или нѣтъ. To be, or not to be—вотъ вопросъ, на который требуется отвѣчать тотчасъ, какъ скоро вынимается отвѣтъ изъ закрытой урны нашей судьбы! А то иногда Варенька какъ будто устаетъ плыть противъ этого бурнаго теченія страстей и предательскихъ разсчетовъ. Вчера она мнѣ сказала:

— Какъ вы угадываете мои мысли!

— Что такое?

— Да въ прошломъ отвѣтѣ вы пишете: боюсь, чтобы ты не ослабѣла въ этой борьбѣ. И точно, у меня въ одну пору появилась мысль: изъ чего я хлопочу?

— Прекрасно! сказалъ я горько,—это у васъ любовь,—прекрасно! Какъ тутъ не припомнить того, что̀ сказалъ Пушкинъ:

„Ты любишь больно, тяжело,
А сердце женское—шутя“.

— Аскоченскій! продолжала Варенька,—не вините меня, я сама не знаю, что̀ думать, что̀ говорить. Я такъ была разстроена.

„И мнѣ стало ее жаль. Безбожно было бы требовать отъ нѣжнаго созданія этой желѣзной крѣпости, которая больше и больше закаляется по мѣрѣ усиленія огня угнетающихъ обстоятельствъ. Мужчинѣ падать въ такомъ случаѣ стыдно; но дѣвицѣ, юной, еще неопытной дѣвицѣ — это даже простительно. Но какъ бы то ни было, а это меня безпокоитъ. У насъ одинъ якорь, которымъ держится отвсюду разбиваемый корабль нашихъ надеждъ,—это любовь рѣшительная, какъ смерть, твердая, какъ сталь, неробкая, какъ мысль. Потеряешь этотъ якорь, пропало все—корабль нашъ или уйдетъ въ далекое море треволненій жизни, или разобьется о подводные камни, потопитъ съ собою весь грузъ надеждъ и желаній... Молю Бога, чтобы онъ укрѣпилъ мою Вареньку въ этомъ трудномъ подвигѣ!

„Что предприметъ Дмитрій Гавриловичъ — не знаю; но, судя по рѣшительному его тону, можно догадываться, что онъ готовитъ нашему антагонисту и упорному словодержателю chûte complète.

„Вечеръ. Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ, сказалъ, не помню къ чему-то, сегодня послѣ обѣда въ кабинетѣ у генерала А. К. Куманинъ,—не женитесь.

— Нѣтъ, возразилъ Дмитрій Гавриловичъ,—онъ женится, непремѣнно женится. Ему даже нельзя не жениться.

— Какъ нельзя, ваше превосходительство? спросилъ Куманинъ.

— Нельзя и только, иначе онъ скомпрометируетъ дѣвушку умную, лучше которой я не знаю на всемъ Подолѣ.

— Oui, papa, прибавилъ Сипягинъ,—elle est très charmante personne.

— Она даже очень хорошо образована, — гдѣ она получила воспитаніе?

— Въ пансіонѣ Залѣсской.

— Очень милая дѣвушка. И попробуйте-ка не жениться на ней,— тогда я васъ! прибавилъ генералъ, грозя пальцемъ.

— Ваше высокопревосходительство! сказалъ я, — я радъ этимъ угрозамъ: онѣ указываютъ мнѣ счастіе, котораго я, разумѣется, отъ души себѣ желаю, не рискуя даже въ настоящемъ случаѣ быть эгоистомъ.

— Да вы всѣмъ говорите, что она въ васъ влюблена по уши, какъ же вы не эгоистъ?

— Я говорилъ? Помилуйте, ваше в—ство, это была бы съ моей стороны такая глупость, которую никакъ нельзя было бы согласить съ любовью и уваженіемъ, питаемыми мною къ дѣвушкѣ, заслужившей даже ваше вниманіе.

— Да, вы, продолжалъ генералъ,—не иначе должны говорить всѣмъ, какъ то, что вы влюблены въ нее по уши.

— Не говорю, и не буду говорить до времени ни того, ни другаго; потому что въ первомъ случаѣ я скомпрометирую m-lle Балабуху, а во второмъ—самого себя, если про мою или, правильнѣе, про нашу привязанность будутъ знать встрѣчный и поперечный.

— Да, сказалъ генералъ, обращаясь къ Куманину,—онъ женится непремѣнно.

„Я улыбнулся и подумалъ: что за странная охота пришла генералу убѣждать меня въ этомъ? Не на меня слѣдуетъ пасть этимъ всѣмъ убѣжденіямъ, а на кого нибудь другаго, кто сталъ рожномъ на дорогѣ къ моему счастью; туда, туда, благодѣтель мой, обратитесь съ своими сильными словами! А я пойду за моей путеводной звѣздой — и остановлюсь съ нею у алтаря Господня, или, покинувъ ее тамъ одну, противъ воли моей, съ кѣмъ нибудь другимъ, пойду по жизненному морю безъ компаса и безъ ней — звѣзды моей путеводной.

Октября 20-го, суббота.

„Поѣхалъ на почту... Вы думаете, что, можетъ быть, у меня было какое нибудь письмо или что либо въ родѣ этого? Этого не было; мнѣ только хотѣлось взглянуть на домъ, стоящій противъ почты, увидѣть тамъ хоть мелькомъ этотъ прекрасный профиль лица, которое такъ вотъ и вертится у меня вѣчно передъ глазами; мнѣ хотѣлось... да мало ли чего мнѣ хотѣлось? но не тутъ-то было. Въ окнахъ торчали дѣти и кивали мнѣ хорошенькими своими головками; а Вареньки не было. Я завернулся въ шинель и съ досадою поѣхалъ домой.

„Передъ обѣдомъ, генералъ, выходя изъ кабинета и увидѣвъ меня, крикнулъ: „Писаревъ! Когда жъ можно будетъ придти къ тебѣ этому первому кіевскому?"... (послѣдняго слова, извините, написать нельзя, хотя оно и очень выразительно). Писаревъ назначилъ одиннадцатый часъ утра; тѣмъ и кончилось дѣло. Обѣдъ прошелъ обыкновенно, а послѣ обѣда я поскакалъ къ Платону. Удержавъ его отъ панорамическаго туризма, я прочиталъ предъ нимъ всю исторію, весь романъ, такъ горячо завязавшійся и такъ трудно развязывающійся и ожидающій, какъ по всему видно, новаго Александра, чтобы разсѣчь этотъ Гордіевъ узелъ. Искреннее, братское участіе Платона въ судьбѣ моей, его умная предусмотрительность, его радость о моемъ счастіи, посылаемомъ мнѣ свыше рукою благодѣющаго мнѣ Промысла Божія, разогнало тучу, которая цѣлый день безпрерывно давила меня. Я разговорился, размечтался и сталъ веселъ.

Октября 21-го, воскресенье.

„Въ надеждѣ увидѣть Вареньку въ церкви, я бросился на Подолъ: но Вареньки тамъ не было. Были двѣ ея тетки; онѣ называли меня волокитою, прямо указывая на предметъ моего волокитства, какъ онѣ изволятъ называть любовь мою,—да проститъ Аллахъ ихъ согрѣшенія. И я не таилъ отъ нихъ того, что, точно, пріѣхалъ въ Братскій для Вареньки. Обѣдня кончилась, и я, очертя голову, рискнулъ заѣхать къ Балабухѣ. Къ счастію, Николая Семеновича не было дома, и я могъ узнать многое для меня весьма важное. Мерзавецъ Павликъ распускаетъ обо мнѣ самые неблагопріятные слухи. Онъ вооружаетъ противъ меня всѣхъ кредиторовъ и клянется передъ отцомъ Вареньки, что я по уши въ долгахъ. И вретъ, скотина, самымъ ужаснѣйшимъ образомъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, а это понуждаетъ меня сколько есть силъ развязаться со всѣми моими долгами, что̀ я и не премину сдѣлать.

„Марья Өедоровна просила меня не бывать у стариковъ Балабухъ, откровенно увѣряя, что они вооружены противъ меня до послѣдняго ногтя на ногѣ. Мнѣ даже присовѣтовано оставить и собственный домъ ихъ, но это пунктъ весьма спорный, противъ котораго вопіетъ все мое существо и, какъ я вижу, очень хорошо поступаетъ. Варенька, между прочимъ, сказала мнѣ вотъ что:

— Я да я, мое да мое,—понимаете меня, Аскоченскій? На это скажу: я не курица, чтобы меня душить, и я бы не крикнула.

— Варвара Николаевна, повторяю вамъ: упованіе на Бога, твердость, любовь,—вотъ ваши высшіе хранители! А на землѣ—Дмитрій Гавриловичъ, сказалъ я, смотря въ ея прекрасные глаза.

— А что Дмитрій Гавриловичъ? спросила она.

— Дмитрій Гавриловичъ обѣщается устроить все дѣло на сихъ дняхъ!

— О, помоги ему Богъ, сказала она, сложивъ руки и взглянувъ на икону.

„Марья Өедоровна дала мнѣ руку на счастье и мы поѣхали—она съ Варенькою на Печерскъ, а я къ Писареву. Остановившись у подъѣзда, я еще разъ протянулъ мою руку къ Марьѣ Өедоровнѣ, какъ бы прося ея благословенія, и вошелъ въ домъ.

„Николай Еварестовичъ былъ въ кабинетѣ съ какимъ-то чиновникомъ. Замѣтивъ въ гостиной Софью Гавриловну (Писареву), я пошелъ къ ней.

— Давно я хотѣла васъ видѣть, сказала она, чтобы поздравить,— вы женитесь?

— Еще покамѣстъ нѣтъ, отвѣчалъ я, — а откуда вы это знаете?

— Мнѣ мужъ говорилъ.

— А Николай Еварестовичъ, вѣроятно, узналъ отъ Дмитрія Гавриловича,—не такъ ли?

— Да, отвѣтила она улыбаясь.

— Ну, такъ мнѣ остается только пожелать, чтобы ваше привѣтствіе, на этотъ разъ, извините, немножко раннее, точно принесло мнѣ счастіе, за которымъ я гонюсь...

„Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, уже не столько значительныхъ, я пошелъ въ кабинетъ Николая Еварестовича. Усадивъ меня въ кресло, онъ прямо спросилъ:

— Хотите ли вы быть совѣтникомъ?

„Я вытаращилъ на него глаза.

— Что въ этой ученой службѣ? Какая тамъ карьера? Вы хотите быть директоромъ или инспекторомъ гимназіи, но вѣдь это пустяки. „Ужъ если дѣлать добро, такъ дѣлать", сказалъ я генералу, узнавъ о вашемъ желаніи. Вотъ въ январѣ откроется вакансія совѣтника въ гражданской волынской палатѣ. До того времени вы подъ моимъ руководствомъ будете пріучаться къ дѣламъ въ моей канцеляріи. А потомъ, Богъ дастъ, вы пойдете дальше, и при содѣйствіи Дмитрія Гавриловича я скоро надѣюсь поздравить васъ вице-губернаторомъ. Что же вы на это скажете?

„Я, ей-Богу, растерялся и, кажется, ничего не сказалъ. Нѣтъ, виноватъ, говорилъ что-то, но такъ несвязно, такъ безтолково, что даже самому мнѣ вспало подозрѣніе, не рехнулся ли я умомъ-разумомъ. Вѣроятно, замѣтивъ мое замѣшательство, Писаревъ отпустилъ меня, наказавъ хорошенько поблагодарить генерала.

— Пошелъ въ лавру! крикнулъ я извощику. — Рубль на водку! Катай! И лихая пара понеслась стрѣлою, стуча безъ милосердія и прыгая безъ жалости по мостовой. Мнѣ хотѣлось догнать Вареньку— и точно, при въѣздѣ въ крѣпость, я замѣтилъ ея бѣлую шляпку. — Пошелъ, крикнулъ я еще, и готовъ былъ слетѣть съ дрожекъ и летѣть вѣтромъ, нѣтъ, мало,—молніей, чтобы скорѣе стать близъ моей суженой.—Стой!—и я близъ Вареньки.—Ура! Наша взяла! закричалъ

почти я. Варенька смотрѣла на меня съ такимъ нетерпѣливымъ вопросомъ, что я чуть не выболталъ моего, покамѣстъ, секрета.—Въ лавру, Варвара Николаевна! въ лавру—молиться за моего благодѣтеля, отца, покровителя!.. Упованіе на Бога, твердость и любовь! Прощайте! и я поскакалъ въ лавру, оставивъ, конечно, ихъ въ самомъ пріятномъ недоумѣніи.

„Обѣдня уже кончилась и изъ церкви выходили. Зная, что мой безрукій красавецъ [1]) теперь у митрополита, я и самъ пошелъ туда же. Въ залѣ были: Дмитрій Гавриловичъ, генералъ Ѳеодаевъ, военный губернаторъ Радищевъ, Красовская съ дочерью, m-lle Рѣпнинская и прокуроръ. Я откланялся.

„Ласковое обращеніе Дмитрія Гавриловича со мною лучше всякой рекомендаціи показало незнакомымъ со мною генераламъ, что я близокъ къ моему высокому покровителю. Пришелъ митрополитъ и мы всѣ пошли въ гостиную, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ, разумѣется, лаврскій, балыковый, селедочный, съ пресквернымъ виномъ. Митрополитъ былъ въ духѣ и убѣждалъ холостяковъ-генераловъ жениться, вызываясь даже для Ѳеодаева самъ быть сватомъ. Всѣ, сколько тутъ ни было, удостоились его вниманія, кромѣ меня. По всему видно, что его высокопреосвященству, привыкшему встрѣчать въ нашихъ академическихъ труженикахъ раболѣпное поклоненіе, не такъ-то пріятна была моя смѣлость, съ какою я, напримѣръ, разговаривалъ съ m-lle Красовскою или подходилъ къ столу, уставленному рыбными тарелками. Да мнѣ-то какое дѣло? Я знаю вонъ того красавца, который рядомъ сидитъ съ его высокопреосвященствомъ, имъ я смѣлъ и неробокъ. Отъ него да отъ Бога я и жду всего, а всѣмъ прочимъ—мое искреннѣйшее и глубочайшее почтеніе и низкій поклонъ. Истинно такъ!

„Насилу переждавъ всѣхъ пріѣзжавшихъ къ генералу съ визитами, я вошелъ въ кабинетъ, потерявъ за порогомъ его мою подготовленную, восторженно-благодарственную рѣчь. Да, не до фразъ тамъ, гдѣ впутается душа съ своимъ нѣмымъ словомъ. Станешь, да и молчишь, точно такъ же, какъ стоялъ я нѣсколько минутъ передъ моимъ отцомъ и покровителемъ. Попробовалъ было заговорить, но генералъ перебилъ меня. Я и самъ увидѣлъ, что рѣчь моя глупа и, отбросивъ въ сторону всякое краснорѣчіе, кинулся къ рукѣ генерала. Онъ не хотѣлъ дать мнѣ руки: но не ему, однорукому, справиться со мною.

— Ваше высокопревосходительство! я цѣлую у васъ руку не какъ у начальника, а какъ у отца.

„Генералъ началъ щекотать меня и я оставилъ его.

— Такъ вы согласны? спросилъ онъ.

— Нужно ли мое согласіе тамъ, гдѣ падаетъ счастье съ неба,— счастье, какого я никогда не ожидалъ себѣ?

---

[1]) Извѣстно, что у Д. Г. Бибикова была оторвана рука во время Турецкой войны.

— Хлопочите же теперь тамъ.

— Гдѣ, ваше в—ство?

— Въ академіи.

— О, что касается до этого пункта, то я покоенъ. Вотъ у Балабухи—другое дѣло. Тутъ я ужъ не знаю, за что и какъ приняться.

„Подумавъ немного, генералъ меня спросилъ:

— Имѣетъ ли на Балабуху какое нибудь вліяніе Ходуновъ?

— У Балабухи, отвѣчалъ я,—свой образъ мыслей, котораго онъ держится упорно; впрочемъ, Ходуновъ, какъ человѣкъ всѣми уважаемый и умный, можетъ, если не совсѣмъ убѣдить, то хоть поколебать Балабуху.

— Ну, такъ я завтра скажу объ этомъ Ходунову.

„Я еще разъ поцѣловалъ въ плечо моего добраго покровителя и вышелъ веселый, счастливый, какъ давно не былъ.

„За столомъ не было объ этомъ никакой рѣчи, потому что у насъ обѣдалъ Радищевъ.

„Послѣ обѣда я поѣхалъ къ Ходунову и прямо разсказалъ ему все, приготовивъ его, такимъ образомъ, къ объясненію съ генераломъ, которое, какъ кажется, будетъ имѣть онъ завтра.

„Отъ Ходунова я поѣхалъ на Подолъ. Но Вареньки не было въ церкви. Я проѣхалъ мимо, тщетно стараясь проникнуть сквозь стѣны, закрывшія отъ меня мою радость, Богомъ даруемое мнѣ сокровище, взамѣнъ прежняго, утеряннаго.

„Теперь я сижу дома, пишу и думаю. О чемъ? Да о чемъ же болѣе, какъ не о томъ, что̀ теперь творится со мною? Сейчасъ говорилъ я съ Сергѣемъ и рѣчь моя до того была восторженна, что онъ подумалъ даже, не хватилъ ли я на радостяхъ чары зелена-вина, или не рехнулся ли немножко. Сказать правду, онъ несовсѣмъ ошибся. Я точно пьянъ, но пьянъ счастьемъ, которое пью теперь полною чашею; я точно свихнулся немножко съ ума, но попробуйте-ка удержать толкъ свой въ должной субординаціи, когда вамъ даютъ мѣсто, котораго вы и во снѣ не смѣли сулить себѣ, когда вамъ открываютъ карьеру, даютъ значеніе въ свѣтѣ и еще жену, да какую? Молоденькую, миленькую, умненькую, хорошенькую и—что всего лучше—жену, любящую всѣмъ пыломъ первой любви! Если и тутъ вы будете умны и удержите голову на плечахъ, то (по секрету скажу) у васъ никогда не было ни ума, ни смыслу, ни толку.

„Когда я лягу на одръ смертный, когда забуду все окружающее меня—тогда въ душѣ моей я понесу въ новый, открывающійся предо мною міръ къ моей Софьѣ три святыя имени: Варвары, Димитрія и Сергѣя!..

Октября 23-го, вторникъ.

„Охъ! Боже мой! Такъ ли я думалъ отдавать отчетъ въ нынѣшній вечеръ, когда, послѣ беззаботнаго хохота, съ веселой молодежью

летѣлъ я съ тетрадью моихъ стиховъ подъ мышкою къ переплетчику, заказывая сдѣлать отличную книжку въ подарокъ Бабетѣ. Для нея я шатался на Подолъ — и она встрѣтила меня, горячо встрѣтила и крѣпко пожала мнѣ руку. Я былъ доволенъ—и душа моя стала покойна. Но когда мы пошли наверхъ и я сталъ отдавать Варенькѣ мое посланіе,—она сказала торопливо: „не пишите мнѣ болѣе"!

— Какъ? что такое? Развѣ кто узналъ?

— Ахъ, нѣтъ. Боже сохрани! Но папенька противъ васъ...

„Въ эту минуту вошла наверхъ Марья Ѳедоровна. Варенька замолчала; но я все понялъ. „Итакъ, подумалъ я, все погибло! Варенька устала бороться съ своей судьбой; она падаетъ. Уфъ, да и тяжело мнѣ стало!.. Марья Ѳедоровна заговорила о томъ, что Николай Семеновичъ хочетъ напрямки отказать мнѣ отъ дому, что я долженъ для ея спокойствія оставить ихъ, что ее самое грызутъ родные, — словомъ, что между нами все кончено. „Всѣ, всѣ,—твердила она Варенькѣ—всѣ отдай книги; не нужно ихъ". Сколько возможно, сколь меня было—я скрывалъ внутреннее мое волненіе. Варенька... но Богъ съ нею!.. Охъ, да и грустно же мнѣ было. „Вотъ, продолжала Марья Ѳедоровна,—мы ждемъ къ себѣ жениха, и уже Николай Семеновичъ ни за что его не выпуститъ". Варенька иронически улыбнулась; но мнѣ показалась эта улыбка слишкомъ принужденною, слишкомъ нерѣшительною. „Страшенъ бисъ, сказалъ я по-малороссійски, прикрывая шуткою мое горькое отчаяніе,— а все не такій, якъ іого малюютъ". Варенька еще улыбнулась; но и эта улыбка не порадовала меня. Я прочиталъ въ ней послѣднюю строку моего упованья и—взялся за шляпу. Марья Ѳедоровна предложила мнѣ еще остаться на нѣсколько минутъ, и я сѣлъ на стулъ. Слезы, кровавыя слезы кипѣли въ груди моей—и знаю, что они просились политься изъ глазъ моихъ; но я имъ не позволилъ показаться предъ тѣми, для кого онѣ, можетъ быть, остались бы нецѣнимою вещью. Варенька сѣла подлѣ меня; она глядѣла на меня, и... Богъ съ вами! уѣду отъ васъ! Я снова взялъ шляпу и откланялся. Марья Ѳедоровна провожала меня прощальными благожеланіями, твердя поминутно: „навсегда, навѣки". Я хохоталъ—но знаете ли, на что походилъ этотъ хохотъ?—На то болѣзненное трепетаніе всѣхъ фибръ и нервовъ, которое бываетъ съ человѣкомъ, когда по страшнымъ, неисцѣлимымъ ранамъ его водятъ толстымъ сукномъ. Легче бы мнѣ было, если бъ на грудь мою капали растопленнымъ свинцомъ!..

„Такъ что жъ такое? Неужели для меня все кончено? Неужели Варенька ужъ не моя, не моя рѣшительно, навсегда, навѣки!.. У! какая страшная, безобразная бездна мрака и отчаянія открывается предъ мысленнымъ моимъ взоромъ! Какъ ноетъ сердце отъ тоски и унынія!..

„Что я думалъ дорогою — передать того не могу теперь; но мнѣ тяжело было, тяжело потому, что слезы закипѣли, остыли, осѣли на сердцѣ моемъ — и задавили его болью ужасною, невыносимою. И я

вошелъ въ одинокія мои комнаты, и еще пустѣе и одиноче показались онѣ мнѣ. Долго я сидѣлъ, погруженный въ крѣпкія, глубокія думы—и долго бы еще мнѣ сидѣть тамъ, если бъ не пришелъ братъ. Я отдалъ ему лишь дневникъ,—и онъ сталъ читать его вслухъ. Мнѣ стало какъ-будто легче, какъ будто грусть моя пошла изъ меня наружу. Я хотѣлъ плакать: но слезы меня и въ этотъ разъ не послушались.

„Вечеромъ я пошелъ къ генералу, разсказалъ ему про мое тяжелое и... не знаю, что̀ онъ предприметъ; но ужъ и въ мою душу проникло отчаяніе.

„Куда теперь мнѣ дѣвать себя! Ѣду въ театръ. Вотъ я и въ театрѣ; на сценѣ драматизируетъ актеръ заученныя чувства, затверженную страсть; но мнѣ не до него, не до піэсы, не до кого на свѣтѣ. Я всѣми думами моими тамъ, гдѣ меня отвергли, оставили, бросили. Вотъ я кочую по ложамъ, злобно острю съ Юрьевыми, злюсь съ Зайцевою Оленькою, хохочу съ Пенхержевскимъ; но сердце мое въ крови и въ прахъ разбито.

„Буду еще молиться; больше мнѣ ничего не остается. Не успѣхъ въ моихъ желаніяхъ, такъ, по крайней мѣрѣ, утѣшенія и отраду пошлетъ мнѣ Господь Богъ въ тяжелой скорби моей...

Октября 27-го, суббота.

„Я видѣлъ Вареньку въ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, видѣлъ, какъ она молилась — и не знаю уже, что̀ было предметомъ ея молитвы. Можетъ быть, я клевещу на это прекрасное, когда-то преданное мнѣ сердце, но кто знаетъ?.. Мнѣ тяжело, такъ тяжело, какъ рѣдко когда бывало. Мнѣ грудь сдавило.

— Боже мой! сказала мнѣ Варенька, выходя изъ церкви, — папенька вчера ужъ написалъ вамъ записку о томъ, чтобы вы у насъ не бывали.

— Пускай не безпокоится; я избавлю его отъ себя.

— Не перемѣняйте мѣста, — вдругъ сказала она и, прибавивъ шагу, пошла рядомъ съ матерью.

„Что это значитъ? думалъ я, усадивъ Вареньку въ дрожки. Предостереженіе? но мнѣ его не нужно; гдѣ бы я ни былъ, и что ни случилось бы со мною,—я одинъ не боюсь ничего. А можетъ быть... отрадныя мечты!.. Можетъ быть, Варенька опасается, чтобы я, бросивъ академію, не уѣхалъ совсѣмъ отъ Вареньки и не отдалъ ее въ жертву разсчетамъ родительскимъ. О, если бы въ сказанныхъ ею словахъ я нашелъ какъ-нибудь эту мысль! Тогда я обольюсь слезами и ринусь въ битву!

„Я былъ грустенъ и неспокоенъ въ церкви,—Варенька, напротивъ того, весела, и это меня бѣсило. Впрочемъ, тихое, чуть замѣтное

раздумье покрывало и ея блѣдное лицо. Какъ она похудѣла! Марья Ѳедоровна прямо жаловалась на свою болѣзнь. Га,—постойте, то ли еще будетъ? Дорого заплачу я вамъ за страданія, отъ которыхъ ночей не сплю и дня Божьяго не вижу!.. Я теперь сдѣлался самымъ ожесточеннымъ эгоистомъ.

„Serge сказывалъ, что сегодня у генерала былъ Ходуновъ, и прямо сказалъ, что Н С. Балабуха и слышать не хочетъ о моемъ предложеніи, утверждая, что даже сама Варенька не согласна отдать мнѣ руки своей. Генералъ хочетъ повести дѣло дальше и самъ приняться за убѣжденіе упрямаго отца въ мою пользу. Однако жъ, это ужасно! Вареньку опутали; она дѣйствуетъ нерѣшительно; хорошо, что у меня есть доказательства ея любви ко мнѣ.

„Съ акаѳиста я забѣжалъ къ Скворцову. Кое изъ чего я замѣтилъ, что сами Балабухи разбиваются уже на партіи. Анна Семеновна какъ-будто принимаетъ мою сторону. Одна изъ бывшихъ тамъ дамъ бросила словцо о свадьбѣ Варенькиной. Я улыбнулся, а Анна Семеновна возразила: „да воно вылами писано,—когда-жъ то будетъ; а у меня уже платье шелкови залежалось“!

„Но нѣтъ,—не могу разсѣять тяжелыхъ моихъ думъ. Больно, охъ больно сжалось мое сердце!...

„12 часовъ. Полночь. И не разсѣялъ-таки я думъ моихъ, не согрѣлъ теплотою утѣшенія мое охладѣвшее сердце. За столомъ я особенно былъ грустенъ,—кусокъ не шелъ мнѣ въ ротъ: все не по нраву, не по нутру. Добрый мой Дмитрій Гавриловичъ не могъ этого не замѣтить, и какъ отецъ видимо участвовалъ въ моей грусти, даже самъ какъ-будто былъ невеселъ.

Октября 28-го, вторникъ.

„Ну, вотъ и конченъ мой романъ! Сегодня я вошелъ часовъ въ десять къ генералу и, поздравивъ его съ добрымъ утромъ, остановился, что́ онъ скажетъ.

— Что, батюшка, дѣла наши идутъ плохо.

„Я молчалъ.

— Отецъ ея,—продолжалъ генералъ,—говоритъ, что онъ ни за что не перемѣнитъ своего слова, и что обрученіе, совершенное въ церкви, нельзя уже нарушить. Притомъ онъ еще увѣряетъ, что она сама не согласна выдти за васъ.

— Да, сказалъ я,—все это я слышалъ и знаю; но послѣднее-то только онъ говоритъ.

— Если бъ у васъ было отъ нея какое нибудь письмо—тогда бы я самъ переговорилъ съ Балабухою.

— На что же лучше того, что написала она въ моемъ портфелѣ?

— Да, но это могла быть шалость дѣвочки—не больше.

— Если такъ, ваше в—ство, то предоставимъ это дѣло Богу.

— Дѣлать нечего, отвѣчалъ генералъ,—будемъ терпѣть.

„Я поклонился и вышелъ, жалѣя, что не я одинъ попался впросакъ и что тутъ же перепала доля и генералу. На душѣ моей было удивительно какъ весело!...

„Съ тоски, тяжелой тоски, я поѣхалъ въ Михайловскій, гдѣ въ первый разъ служилъ прибывшій къ намъ викарій Аполлинарій. Я посмотрѣлъ на него—и чрезъ минуту поѣхалъ въ Братскій. Тамъ я выслушалъ концертъ, который на этотъ разъ пропѣтъ былъ пѣвчими академическими безъ должной энергіи, растянуто и вяло. Подлѣ меня стоялъ Александръ Семеновичъ Балабуха. Обращаясь къ нему, я попросилъ, чтобы онъ, при первомъ свиданіи, поблагодарилъ отъ меня Варвару Николаевну за все, что она со мной сдѣлала, и сказалъ бы ей, что, по милости ея, и я, и Бибиковъ—оба теперь въ дуракахъ.

— Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ, сказалъ онъ,—пожалѣйте ее, она сама страдаетъ...

— По крайней мѣрѣ—перервалъ я,—не такъ глупо, какъ мучусь я.

„И вдругъ неожиданно и нечаянно встрѣтился съ Варенькой. Она ѣхала съ Марьей Ѳедоровной на Печерскъ. Обмѣнявшись поклонами, мы поскакали рядомъ. Какъ скоро нѣсколько умолкшій шумъ экипажа позволилъ разслушать рѣчь, Варенька сказала мнѣ: „Здравствуйте, Аскоченскій!“—и это такъ весело, такъ непринужденно, что у меня сердце сжалось.—„Здравствуйте“, отвѣчалъ я грубо, и завернулся въ шинель. Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ моихъ.— „Мы будемъ, прибавила Марья Ѳедоровна, гулять нѣсколько на Печерскѣ“.—Мнѣ показалось это такимъ жестокимъ сарказмомъ, что... не знаю, что̀ и сказать. Я велѣлъ кучеру ѣхать рядомъ съ экипажемъ Балабухъ; но Варенька сидѣла, лукаво опустивъ глаза и ни разу на меня не взглянула. Это меня взбѣсило,—я крикнулъ: „пошелъ!“— и умчался, не раскланявшись даже съ ними.

Октября 29-го, понедѣльникъ.

„Я до того ослабѣлъ, что даже не рѣшился ѣхать на сегодняшнюю лекцію. У меня не достало бы духу проговорить какой нибудь часъ. Благодаря Бога, я хоть тѣмъ подкрѣпилъ себя, что проспалъ сегодня почти до девяти часовъ; но слабость моя еще не позволяла мнѣ вполнѣ назвать себя здоровымъ.

„У меня былъ часовъ въ двѣнадцать Александръ Семеновичъ Балабуха. Онъ передалъ мнѣ многое о Варенькѣ. Она безпокоится о моей холодности, съ какою я вчера откланялся ей на дорогѣ. Рѣшеніе труднаго вопроса будетъ съ пріѣздомъ Аристархова: тутъ кому нибудь непремѣнно придется быть отставнымъ,—и если Варенька меня любитъ, то побѣда несомнѣнно на моей сторонѣ. Все родословіе

Балабухъ разбилось на партіи, и нѣкоторые, болѣе благоразумные, стоятъ на томъ, что если ужъ Варенькѣ не быть моею, то не должна она быть и за Аристарховымъ: иначе это значило бы просто бросать ее въ омутъ всякаго рода несчастій. Слѣдовательно, я въ теперешнемъ положеніи—или ангелъ-хранитель Вареньки, или демонъ, отнявшій противъ воли моей ея счастіе и покой. Но Богъ видитъ—цѣною всего моего благополучія я согласенъ искупить безмятежную, счастливую жизнь Вареньки! Впрочемъ, для нѣкоторыхъ объясненій мнѣ, во что бы то ни стало, непремѣнно надобно съ нею повидаться и укрѣпить ее въ борьбѣ, которая, какъ кажется, уже приближается къ послѣднему своему кризису. Несмотря на слабость мою, я послѣ обѣда непремѣнно ѣду къ Лычковымъ.

„Половина двѣнадцатаго ночи. Насилу я доволокъ ноги отъ Лычковыхъ. Слабость такая, что Боже упаси! Три раза проѣхалъ я мимо дома Балабухи и три раза видѣлъ Вареньку. Съ меня довольно было и этого. У Лычковыхъ мы говорили объ ней. Всѣ замѣчаютъ, что Варенька скучна, а Марья Өедоровна даже захворала. Заварилъ же я кашу,—кому-то, по русской пословицѣ, придется ее расхлебывать.

Октября 30-го, вторникъ.

„*11* часовъ вечера. Я здоровъ, потому что счастливъ, а счастливъ потому, что видѣлъ Вареньку, а въ Варенькѣ все мое здоровье, все мое блаженство, потому что вся у ней моя любовь, и еще потому, что она сама вся любовь!... Но поведу рѣчь мою порядкомъ.

„За столомъ сегодня генералъ, замѣтивъ мою задумчивость, какъ отецъ, какъ благодѣтель, заговорилъ со мной: — „Умный человѣкъ придумываетъ и умныя средства, а не тоскуетъ по пустякамъ".

„Рѣчь эта, собственно, имѣла характеръ общности: но изъ одного взгляда Дмитрія Гавриловича я могъ догадаться, что она имѣла прямое направленіе ко мнѣ. Разговоръ шелъ о пересадкѣ растеній.

— Неуспѣшны и средства, если растеніе глубоко и широко пустило свои корни.

— Окопать его, замѣтилъ генералъ.

— Можно корень повредить, отвѣчалъ я.

— Ничего, если только растеніе не само упорно держится за землю.

— Это такъ, ваше в—ство, а если какая нибудь сила подъ самымъ корнемъ удерживаетъ его и препятствуетъ пересадкѣ?

— Ну, этого я ужъ не понимаю,—отвѣчалъ генералъ, вѣроятно смекнувъ, что разговоръ готовъ удариться въ конкретизмъ.

„Мы замолчали.

„Послѣ обѣда я пошелъ къ Лычковымъ. Въ самыхъ воротахъ встрѣтилъ меня посолъ отъ Балабухи. „Чортъ возьми, подумалъ я,

все дѣло пропало! Вареньку теперь не пустятъ!"—„Вы виноваты сами говорила мнѣ Людмила,—зачѣмъ вы не приказали человѣку, чтобы онъ ничего не сказывалъ тамъ о васъ?"—Утѣшеніе—какъ вы сами видите—небольшое! Я усѣлся въ кресла, безпощадно куря папиросы. А сбоку меня разговаривала Саша Лычкова съ своимъ суженымъ—оба счастливые, оба страстные, оба восторженные. Я пылалъ, какъ въ огнѣ. Напрасно наставлялъ я тревожно ухо: дверь хлопала и кто нибудь приходилъ изъ людей, а Вареньки все не было. Подали чай и отпили,—а Вареньки нѣтъ, какъ нѣтъ. Я уже начиналъ бѣситься и желчная досада пробивалась въ эпиграммахъ и колкостяхъ, которыя часъ-отъ-часу становились яростнѣе и злѣе, до того, что я уже хотѣлъ для избѣжанія непріятности схватить шляпу и бѣжать вонъ изъ дому. Вдругъ... слышу въ сосѣдней комнатѣ движеніе. Я вскочилъ, взглянулъ—и увидѣлъ... Вареньку. У меня духъ занялся отъ радости. „Варенька, милая Варенька!" хотѣлось мнѣ крикнуть; но такъ какъ, говорятъ, это неприлично, то я сколько возможно спокойнѣе усѣлся въ кресло; впрочемъ—подлѣ Вареньки. Сначала мы не говорили. Мнѣ хотѣлось насмотрѣться вдоволь на эти прекрасные, умные глаза, свѣтившіеся горячею любовью. Потомъ... потомъ мы заговорили—о чемъ? Ей-ей не помню. Попробуйте уловить шумъ вѣтра, лепетъ листьевъ, колеблемыхъ зефиромъ, блескъ молніи, мгновенно разрывающей небосклонъ отъ востока до запада; попробуйте положить на ноты трели соловья, страстный говоръ горлицы,—или нѣтъ,—попробуйте подслушать рѣчь души, трепетъ сердца,—и если вы это съумѣете сдѣлать, то и я вамъ передамъ „съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкою" все то, что мы говорили съ Варенькою. Мнѣ захватывало дыханіе. Я всталъ. Варенька сѣла за фортепіано—и снова полилась рѣчь наша шумнымъ, но только внутри шумнымъ потокомъ страсти.

— Нѣтъ, говорила Варенька,—пусть меня Аристарховъ любитъ, пусть даже онъ влюбленъ въ меня по уши,—но то же ли это, что у васъ, Аскоченскій? Одного я боюсь и объ одномъ я теперь молюсь: чтобы вы, женившись на мнѣ, не умерли прежде меня. Что̀ я тогда!—Какъ я тосковала прошлое воскресенье,—Боже сохрани! Я думала, что вы ужъ сердиты на меня. Вчера, когда вы проѣхали мимо насъ, и когда поклонились мнѣ по прежнему ласково, я подумала: о, теперь ничего!... Да, я и забыла поблагодарить васъ за вашъ подарокъ. Тысячу, милліонъ разъ перечитывала я ваше первое стихотвореніе, и когда дошла впервые до послѣднихъ словъ: „ихъ сумасшедшій написалъ"—у меня навернулись слезы. Да, есть люди, которые даже не совѣстятся почитать васъ сумашедшимъ—и даже папенька такихъ о васъ мыслей! Какъ мнѣ ихъ жаль!

— Варвара Николаевна! говорилъ я,—пріѣздъ Аристархова долженъ все рѣшить,—и ваша твердость, ваша любовь, есть единственный якорь, на которомъ держатся всѣ наши будущія надежды. Те-

перь ужъ не то, чтобы ни да, ни нѣтъ. Что нибудь одно. Скажите же, чтó на мою долю—да или нѣтъ?

— Да, отвѣчала она рѣшительно.

— А той сторонѣ?

— Нѣтъ.

— Хорошо, держитесь же этого крѣпче. Все падетъ передъ вашею твердостію—и, по пословицѣ—и овцы будутъ цѣлы, и волки сыты. Вообразите, Варенька, на васъ сказали отъ имени папеньки генералу, что будто бы вы прямо отказались отъ меня, не соглашаясь отдать мнѣ себя.

— Боже мой! что они дѣлаютъ?

— Ничего, твердость, любовь и упованіе на Бога — вотъ нашъ девизъ! Но, Варенька! не сгубите меня! Я слишкомъ люблю васъ, чтобы думать теперь о себѣ. И не будь вы моею,—я пропаду, я сдѣлаюсь тѣмъ, чѣмъ никогда и быть не думалъ!

— О, Боже васъ сохрани! говорила она, смотря на меня всей полнотою страсти.

„И грусть моя прошла, и я сталъ веселъ; несмотря на слабость, на стѣсненіе груди моей, я пѣлъ горячо, страстно и, ей-Богу, хорошо! Да и какъ мнѣ было не пѣть хорошо, когда сама душа во мнѣ пѣла? А у ней музыка не въ примѣръ лучше и понятнѣе той, которая заморскими руладами только теребитъ уши. Варенька унимала меня и, задыхаясь отъ восторга любви, смѣялась моей веселости. Я готовъ былъ въ ту пору поцѣловать самаго злѣйшаго врага моего.

„Боюсь, однако жъ, чтобы этотъ счастливый день, который данъ мнѣ за столько дней страданія и тоски, не привелъ мнѣ съ собою чего нибудь горшаго. Кто имѣетъ много—тому есть что потерять; а у меня такое богатство, что ни старинные Крезы, ни теперешніе Ротшильды, не могутъ поравняться имъ со мною. У меня сердце Вареньки—ну, если она возьметъ его у меня?

— Мнѣ говорятъ, замѣтила она къ чему-то,—что вы ревнивы?

— Да, отвѣчалъ я,—точно, ревнивъ; только—какъ это вы понимаете!

— Такъ, какъ должно. Есть ревность глупая, и есть ревность умная. Къ первой вы не способны, — а попробуйте-ка не ревновать меня второю ревностію: тогда я васъ! — смѣясь, грозила она мнѣ своимъ маленькимъ пальчикомъ.'

„Милостивые государи! Если вы не влюблены до сихъ поръ въ мою умную, прекрасную Варету, то вы, просто-на-просто, скоты!

Октября 31-го, среда.

„Однако, нечего сказать, я поднялъ моимъ дѣломъ во всемъ городѣ такую суматоху, что всѣ — отъ мала до велика — твердятъ и

толкують о моей женитьбѣ, какъ о дѣлѣ первой важности. Въ этихъ толкахъ, разумѣется, самое страдательное лицо—я. И вкривь и вкось судятъ и рядятъ меня,—одни завидуютъ моей смѣлости и моей борьбѣ со всѣми возможными препятствіями и прямо надѣваютъ на мою голову побѣдный вѣнецъ; другіе упрекаютъ меня за то, что я лишилъ, будто бы, Вареньку богатаго жениха; эти послѣдніе вѣстовщики, съ позволенія доложить, не видятъ далѣе своего носа. Словомъ сказать—весь Кіевъ взволнованъ этою новостью и радъ этому роману, который я такъ ловко затянулъ въ завязкѣ. А затянулъ, нечего сказать; и Богъ знаетъ, выпутаются ли мои антагонисты изъ этихъ сѣтей, которыми я такъ оплелъ ихъ; особенно, если сама Варенька не разорветъ ихъ для всего безчисленнаго поколѣнія Балабухъ. Самъ Николай Семеновичъ съ своимъ твердымъ словомъ, съ своею неумолимостію теперь попался ко мнѣ въ силки, и какъ онъ ни секретничай, но я знаю, что у него больше, чѣмъ у кого другаго, вертится подъ головою подушка. Не такъ-то — я полагаю—весело ему, когда близкіе ему знакомые не кстати иногда распрашиваютъ его самого о свадьбѣ дочерниной, прибавляя къ тому гласные слухи, которые носятся по всему Кіеву. Порядкомъ прищемилъ я его; не схватываться бы ему бороться со мною. Нѣтъ, еще примѣра не было, чтобы разсчетъ и корысть всегда, по характеру своему, медленные и выжидательные—могли остановить попаляющій огонь страсти, который загорается побѣдительно въ двухъ равно настроенныхъ сердцахъ; особенно, если болѣе дюжее, мужское сердце идетъ объ-руку съ разсудкомъ, высылая его, когда нужно, для обозрѣнія непріятельской цѣпи и прорывая ее тамъ, гдѣ меньше всего могли разсчетливые воеводы этого надѣяться. Что бы ни было, но эта катастрофа въ семействѣ Николая Семеновича долго, долго будетъ памятна и будетъ всѣмъ имъ порядочнымъ урокомъ, съ какой бы стороны ни смотрѣли на подобнаго рода дѣла.

„Ну, прощай, октябрь мѣсяцъ! Чудесно ты начался, славно велъ себя впродолженіе тридцати дней, и недурно кончился. Не разъ впередъ придется прочитать и подумать о тебѣ. Ты задалъ мнѣ вопросъ, отвѣтъ на который ждутъ цѣлые годы остальной моей жизни. Чѣмъ-то и одинъ ли я встрѣчу тебя впереди? Но знаю и увѣренъ, что ты уже не повторишься для меня съ твоими думами, съ твоею необычайною хлопотливостью, съ твоими полуразрушенными планами и несбывшимися, покамѣсть, надеждами, съ твоею сладкою тревогою, и всѣмъ, что вписалось сюда такъ широко, обильно.

Ноября 1-го, четвергъ.

„Восемь часовъ вечера. И я уже дома. Что это значитъ? Очень просто: ѣхать некуда—или, лучше, никуда не хочется ѣхать. Отобѣ-

давъ у Попова, ужасно обрадованнаго пріѣздомъ пузатаго благодѣтеля и кумонька своего, Д. И. Тулинова, я поѣхалъ къ Лычковымъ; но Вареньки тамъ не было. Черезъ часъ я принялъ рѣшимость, рискнулъ войти въ домъ Николая Семеновича и увидѣлъ Вареньку. Она крайне, какъ видно, изумлена была моею отвагою, да и Николай Семеновичъ сталъ въ-тупикъ, когда я смѣло и непринужденно протянулъ ему мою руку. Потолковавъ не помню о чемъ, я не болѣе, какъ черезъ четверть часа поѣхалъ домой, счастливый и довольный тѣмъ, что видѣлъ Вареньу.

„Но это еще не все, чему я такъ обрадовался. Въ послѣднее свиданіе съ Варенькою, я получилъ отъ нея приказаніе достать для нея такую бутылочку духовъ, какими былъ вспрыснутъ мой платокъ. „Хоть украдьте, говорила она, смѣясь, — но непремѣнно достаньте“. Достать, такъ достать. Слово Вареньки для меня — законъ, хоть бы для выполненія ея слова мнѣ слѣдовало перевернуть шаръ земной вверхъ ногами. Къ счастію смертныхъ—такой катострофы ужасной не случилось съ шаромъ земнымъ: ибо у Сипягина нашлась точно такая бутылочка требуемыхъ духовъ. Я передалъ ее черезъ Людмилу Вареныкѣ—и вотъ что она мнѣ отвѣчала въ запискѣ: „Merci за краденое; у насъ Анна Семеновна, и я въ восторгѣ теперь и могу быть сегодня. Ѣдете ли вы въ клубъ? Я хочу и не хочу; впрочемъ, подумаю. Вторую часть Лермонтова пришлите. Merci, merci, я очень довольна!“ — А на адресѣ стояло: А.... Я расцѣловалъ эти простыя, но такъ понятныя сердцу любящему строки—и чего жъ мнѣ больше?

„Хорошо, первое ноября! Ведешь ты себя исправно и начало очень недурное. Если ты, ноябрь, будешь еще умнѣе октября, то я тебя расцѣлую. Умникъ!

Ноября 3-го, суббота.

„Вчера послѣ обѣда генералъ вдругъ повелъ ко мнѣ такую рѣчь:

— Давно вы были тамъ?

— Давно, отвѣчалъ я.

— А ее давно видѣли?

— Недавно.

— Вотъ это такъ, замѣтилъ онъ съ улыбкою.—Что жъ она вамъ говорила?

— Много, ваше в—ство, но главное, что все, насказанное вамъ, есть чистый обманъ. Говорили, что она несогласна за меня выдти— это вздоръ; толковали, что у нихъ обрученіе было полное, и что ее съ женихомъ водили въ церковь, — это опять неправда; на этой помолвкѣ даже и священника не было, и бабка Варвары Николаевны прямо воспротивилась послѣднему, говоря, что еще Богъ знаетъ — какъ и что будетъ.

— Такъ у нихъ...

— Дѣла крѣпко не ладятся, перебилъ я,—и кончится тѣмъ, что и самъ Балабуха останется при своемъ словѣ, и она не будетъ за Аристарховымъ; то есть, по пословицѣ: и овцы будутъ цѣлы, и волки сыты.

„Генералъ улыбнулся и замолчалъ.

— Странное, продолжалъ я,—стеченіе обстоятельствъ! 11-е ноября—день рожденія Варвары Николаевны и вмѣстѣ съ тѣмъ день моихъ имянинъ.

— Это хорошо, сказалъ генералъ.—Я поѣду ее поздравить.

— Слишкомъ много будетъ для нея чести.

— А что, если поѣду?

— Воля ваша, ваше в—ство!

— Поѣду—и разомъ устрою свадьбу.

„Я, въ свою очередь, улыбнулся и замолчалъ.

Ноября 5-го, понедѣльникъ.

„Пріѣзжаю въ клубъ. Все уже было освѣщено, и въ ожиданіи польскаго молодежь кочевала по обширной залѣ, предварительно высматривая, каждый для себя, сколько нибудь поинтереснѣе даму; а дамы сидѣли чинно въ рядъ, по обыкновенію ничего не дѣлая, точно какъ на выставкѣ. Я подошелъ къ Николаю Семеновичу. Онъ вѣжливо откланялся мнѣ, чего я, признаться, при настоящихъ нашихъ отношеніяхъ, вовсе не чаялъ. Разсѣянно бродилъ я глазами моими по этимъ красивенькимъ, большею частію, личикамъ,—и искалъ... ужъ понятно, кого я искалъ: но ея не было. Спросить Николая Семеновича—это было бы не кстати; отъ другихъ допытываться правды не было никакой возможности. Мнѣ стало грустно,—да такъ грустно, что я готовъ былъ заплакать, если бъ это было не въ клубѣ. Уединясь подальше отъ другихъ, я смотрѣлъ съ досадою на двигавшіяся передо мною пары—и проклиналъ глупую осторожность завистливой моей доли. Меня развлекалъ нѣсколько разговоръ съ молодымъ Барскимъ. Всѣ угадывали причину моей скуки и непонятной имъ тоски,—и близкіе ко мнѣ обѣщали мнѣ счастіе увидѣть въ этомъ клубѣ одно и единственное мое утѣшеніе—несравненную Вареньку.

„Наконецъ, отворились двери, зазвенѣлъ колокольчикъ—и она явилась. Я ожилъ; сердце во мнѣ забило такую тревогу, что... словомъ сказать, я забылъ себя, забылъ все окружающее меня. Но броситься къ Варенькѣ—значило бы показать себя неосторожнымъ юношею, тѣмъ болѣе, что на меня обратились глаза всѣхъ. Варенька была необыкновенно блѣдна, и тяжелая, сердечная грусть положила сухую свою печать на ея прекрасное умное лицо. Платье на Варенькѣ было простое; вся она была одѣта такъ неизысканно, что въ этомъ отношеніи всѣ дѣвицы рѣшительно могли не бояться встрѣтить въ ней

опасную себѣ соперницу; но она страшна для нихъ была своимъ умомъ, своею прекрасною манерою, своею восхитительною улыбкой, самой собою. Не торопясь, спокойно подошелъ я къ Варенькѣ—и откланялся ей, шепнувъ скоро и тихо: „Боже мой! это ужасно! Промучить меня ровно часъ! Эта цѣлая вѣчность!"—Маменька хочетъ сказать вамъ кое-что,—проговорила Варенька быстро и какъ будто разсѣянно. Весь этотъ разговоръ продолжался не болѣе двухъ секундъ, такъ что самые внимательные надсмотрщики не могли этого замѣтить. Какъ будто ничего не бывало между нами, я отошелъ, и Вареньку въ ту жъ минуту окружила аристократическая молодежь. Послѣ контрданса Варенька сѣла на диванъ; я наклонился къ ней. „Поѣзжайте сейчасъ къ маменькѣ, сказала она,—но постарайтесь, чтобъ этого никто не замѣтилъ". Обогнувъ залу и бросивъ нѣсколько незначительныхъ рѣчей попадавшимся мнѣ знакомымъ, я вышелъ изъ клуба и, сѣвъ въ первую, какую подали мнѣ, коляску,—маршъ прямо къ Балабухѣ!

„Узнавъ, что Марья Ѳедоровна наверху, я пошелъ туда. Она, какъ видно, молилась. Съ жаромъ поцѣловалъ я протянутую мнѣ руку—и мы вошли въ ту комнату, гдѣ бывало такъ широко и привольно раскрывалось сердце мое передъ милою, неоцѣненною Варенькою. Марья Ѳедоровна отъ слабости едва могла говорить. Она начала мнѣ разсказывать о сильномъ неудовольствіи на меня Николая Семеновича, о неоднократномъ покушеніи его рѣшительно отказать мнѣ отъ дому. Все поколѣніе Балабухъ страшно вооружилось противъ Марьи Ѳедоровны. „Они грызутъ меня, говорила она,—они совсѣмъ меня заѣли. Я теперь боюсь всего".

„Съ любовью истинно материнскою она предостерегала меня отъ непріятностей, какими готовы встрѣтить ненавистнаго всѣмъ Балабухамъ Аскоченскаго. „Я умру,—сказала она, наконецъ,—если еще дальше это продолжится".—Нѣтъ, Марья Ѳедоровна, говорилъ я,—вы будете жить и будете радоваться счастьемъ вашей Вареньки. Богъ нашъ защитникъ и единственная надежда. Я иду смѣло и рѣшительно—и крѣпка моя вѣра въ Промыслъ, который руководитъ меня во всю мою жизнь.—Мы еще все говорили, но я порывался уѣхать, боясь, чтобы Николай Семеновичъ не засталъ меня какъ нибудь здѣсь. Марья Ѳедоровна удерживала меня: „Дай хоть наглядѣться на тебя", твердила она, пожимая мнѣ руку. Я глоталъ слезы. Черезъ четверть часа я уже скакалъ въ клубъ, получивъ отъ Марьи Ѳедоровны наказъ непремѣнно разговаривать съ Варенькою. Понятно мнѣ было это материнское дружеское участіе въ чувствахъ, волнующихъ милую жертву глупыхъ, злодѣйски-родственныхъ разсчетовъ,—и я благословлялъ Бога, видимо поборяющаго мнѣ въ этой трудной борьбѣ съ людьми, отчаянно хватающимися за все, чтобъ только убить и уронить меня.

„И вотъ я снова въ клубѣ, снова вижу Вареньку, разговариваю съ нею, и—счастливъ!—читаю въ глазахъ ея глубокую, крѣпкую любовь

ко мнѣ. Она уже не скрываетъ этого—и скоро будетъ готова сказать вслухъ всему свѣту, что она моя. Я садился близъ М. Ѳ. Барской и рѣчь моя лилась восторженнымъ панегирикомъ все ей—все моей Бабетѣ. Слѣпой развѣ не могъ видѣть страстной любви, свѣтившейся въ моихъ глазахъ, ключомъ пробивавшейся въ каждомъ моемъ дѣйствіи. Я былъ счастливъ, да, счастливъ, — я забылъ все окружающее меня и жилъ одною Варенькою; а извѣстно, что жить ею—это одно теперь мое счастіе.

„Клубъ разошелся; я проводилъ Вареньку до коляски. Шалунья крѣпко пожала мнѣ руку, садясь въ экипажъ. Мы остались ужинать. Тосты за здоровье Бабеты, но тосты, по желанію моему, произносимые втихомолку, слѣдовали одинъ за другимъ,—и я отъ души благодарилъ понятливую молодежь.

Ноября 6-го, вторникъ.

„Я разсказалъ генералу о всемъ, что было вчера между мною, Марьею Ѳедоровною и Варенькою. Генералъ улыбался и молчалъ, ободряя благосклоннымъ взоромъ меня въ этой трудной, но уже не новой для меня борьбѣ.

„Восемь часовъ вечера. Совсѣмъ неожиданно я получилъ сейчасъ письмо—и отъ кого же?—отъ Марьи Ѳедоровны. Сто разъ перечитывалъ я эти драгоцѣнныя строки, въ которыхъ такъ ясно высказалась истинная материнская любовь, — и ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь выполнить приказа доброй Марьи Ѳедоровны о томъ, чтобы истребить это письмо. Нѣтъ, это невозможно. Что̀ бы ни было со мною, я сохраню его, какъ памятникъ, какъ залогъ любви одной изъ женщинъ, умѣвшей оцѣнить и понять меня предпочтительно передъ тѣмъ, кому по неосторожности сами они бросили было неоцѣненное сокровище свое—милую Вареньку. Мало того, что сберегу я это письмо—впишу его въ мой дневникъ, какъ лучшую страницу.

„М. г., В. И. Пишу къ вамъ слабою и дрожащею рукою. Ахъ, гдѣ то время, когда вы бывали и мы бесѣдовали съ вами и, просто сказать, отъ души, а теперь... Что я говорила съ вами, просто не помню ничего; но вы извините меня, я больна и слаба была; теперь скажу, что вы напомнили мнѣ, или, лучше сказать—говорили про книги: то я вамъ совѣтую не отдѣлывать ихъ; онѣ не будутъ приняты, — въ этомъ я васъ увѣряю. Для чего вамъ и себя въ убытокъ вводить? и пріятно-ль вамъ смотрѣть на нихъ? Это больше будетъ безпокоить васъ, а я бы вамъ совѣтовала своего сочиненія маленькую книжечку отдѣлать. Это бы осталось въ память ей, и это хотя бы зналъ и Николаша, то не сталъ бы сердиться, а за то не ручаюсь; онъ не позволитъ ни за что, ни за что, принять; послушайтесь моего совѣту: возьмите назадъ свои книги, вы меня поблагодарите послѣ. Мнѣ жаль васъ, Викторъ Ипатьевичъ., вы страдаете много и терпите чрезъ насъ.

Одного прошу, чтобы Богъ далъ терпѣніе вамъ. Его святая воля; что ему угодно, то и будетъ.

„Еще прошу васъ, въ случаѣ вы вздумаете навѣстить насъ, ѣхавши съ лекціи, то чтобъ дрожки оставили гдѣ нибудь, а не возлѣ нашего дома.

„Записку мою прошу предать сейчасъ праху и пеплу. Ахъ, писала бы много; но, вѣрьте Богу, не вижу, что пишу. Все идетъ въ головѣ моей вверхъ дномъ. Будьте здоровы. Желаю вамъ...[1]) и ожидаю съ нетерпѣніемъ книгъ отъ васъ. У насъ, слава Богу, всѣ здоровы, кромѣ меня. Остаюсь васъ уважающая Марія Балабуха.

„P. S. Отвѣта чтобы не было на сію записку“.

„И не будетъ. Но я сложилъ отвѣтъ въ сердцѣ моемъ, и знаетъ его Богъ, да я.

„Несмотря на строгій приказъ Марьи Ѳедоровны, чтобы истребить ея записку,—я прочиталъ ее генералу. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ, и, наконецъ, сказалъ: „Что дѣлать? терпите“.—Я поклонился ему и вышелъ.

Ноября 7-го, среда.

„Немного такихъ праздниковъ было въ жизни моей, какъ вчерашній. Груди моей было тѣсно отъ полноты восторга. Боже мой! Въ полдень жизни моей, когда уже опытъ начинаетъ бѣлить голову рѣдкою сѣдиною, когда мое сердце отказывалось отъ сладкихъ чувствованій любви и хладнокровно называло ихъ волненіемъ крови,—встрѣтить такое всецѣло преданное мнѣ сердце,—о, вѣрно я у Всевышняго моего Благодѣтеля считаюсь твореніемъ, отмѣченнымъ не за-урядъ съ прочими! Други мои! за одинъ такой день счастья недорого поплатиться цѣлыми годами думъ и заботъ!..

„Вчера я не могъ отдать никакого отчета въ моей радости, въ моихъ мысляхъ, которыя играли не въ умѣ, а въ сердцѣ моемъ всѣми призматическими цвѣтами наслажденія и блаженства; отказываюсь и сегодня отъ полной передачи всего, что волновало вчера меня—несказаннаго счастливца. Попробую набросать хоть слабый очеркъ того, что вчера случилось со мною.

„Рано пріѣхалъ я къ Лычковымъ; даже еще не было освѣщенія въ комнатахъ. На первый разъ я усѣлся съ Семеномъ Никифоровичемъ, и рѣчь наша, прерываемая на всѣхъ возможныхъ пунктахъ длинною зѣвотою, съ трудомъ дотянулась до тѣхъ поръ, пока на помощь ей подоспѣлъ одинъ изъ адъютантовъ корпуснаго командира Чеодаева. Избитый, измученный усиліями поддержать поминутно ослабѣвавшую разговорную перестрѣлку, я съ радостью убрался за фронтъ. Черезъ нѣсколько минутъ явилась Варенька. Вѣжливый и возможно холодный поклонъ былъ первымъ дѣломъ со стороны обоихъ насъ.

[1]) Далѣе нельзя разобрать. Ѳ. Б.

Я постарался завязать разговоръ съ Николаемъ Семеновичемъ, и, благодаря моей находчивости, завлекъ неподатливаго папу Варенькина въ откровенную словоохотливость. Скоро усѣлись за преферансъ, грянула музыка и пары закружились,—и я уже былъ близъ Вареньки. Вотъ тутъ ужъ позвольте мнѣ духъ перевести; мысли роятся и тѣснятъ одна другую, забѣгая впередъ.

„Нѣтъ, не передать мнѣ всего, что чувствовала вчера душа моя, не уловить мнѣ этихъ чудныхъ рѣчей, которыя лили блаженство въ мое отверстое сердце. И смѣшна даже попытка сдѣлать это. Такая любовь, какъ наша—есть безконечность, а безконечное, въ чемъ бы оно ни являлось, неуловимо въ условныхъ границахъ слова. Ходилъ я вотъ теперь долго и думалъ много: но только одна мысль, свѣтлая, чудная, упоительная мысль остается во всемъ существѣ моемъ: я счастливъ, потому что любимъ широко, глубоко, безконечно!..

„Бросаю перо мое. Не до него тутъ!..

„12 часовъ. Съ полчаса будетъ, какъ я воротился отъ генерала. Милостиво и отечески выслушалъ онъ разсказъ мой о томъ, что́ дѣлается теперь у меня съ Варенькою; и потомъ я рѣшился напомнить ему о мѣстѣ.

— Мнѣ теперь, ваше в—ство, сказалъ я,—нельзя уже служить въ академіи. Одна надежда на васъ,—не оставьте меня.

— Да я жъ вамъ сказалъ уже, возразилъ генералъ,—что у васъ будетъ мѣсто. Къ январю прежній совѣтникъ подаетъ въ отставку; я представлю васъ на мѣсто его—и вы будете утверждены.

— Если бы я имѣлъ ужь опредѣленное мѣсто, то сталъ бы присматриваться къ дѣламъ и заниматься; а то до сихъ поръ я еще ни за что не брался.

— Такъ вы доселѣ еще не были въ канцеляріи Писарева?

— Нѣтъ; я ожидалъ отъ Николая Еварестовича приказанія явиться: но, не получая его, не смѣлъ безпокоить тѣмъ его превосходительство.

— Ну, такъ сходите къ нему отъ меня.

„Я сталъ откланиваться. Генералъ остановилъ меня и заставилъ читать повѣсть изъ „Маяка“: Иванъ Мазепа. Во время чтенія, генералъ, смѣясь, замѣтилъ:—Смотрите, чтобы и васъ также не повела за носъ Варвара Николаевна. Вѣдь вы тоже будете хоть не генеральный, за то губернскій судья.

— Нѣтъ, ваше в—ство, ни я не похожъ на Кочубея, ни она на Любовь Өедоровну,—отвѣчалъ я, смѣясь.

„Я, однако же, усталъ крѣпко: со мною чуть было не случилось даже обморока; генералъ это замѣтилъ, но мнѣ не хотѣлось прекратить чтенія изъ уваженія глупому капризу моей избалованной головы.

Ноября 9-го, пятница.

„Утромъ я ходилъ къ Писареву. „Вотъ, сказалъ онъ одному начальнику отдѣленія секретной канцеляріи,—рекомендую вамъ: человѣкъ онъ умный, пріятный, и вдобавокъ — поэтъ, но ничего не смыслитъ".—Такъ какъ эта рекомендація лично относилась ко мнѣ, то я, чтобъ оправдать ее, поклонился, точь въ точь, какъ кланялся Столбиковъ губернатору. Писаревъ поручилъ мнѣ сдѣлать экстрактъ изъ учрежденій губернскаго правленія, что я немедленно и исполнилъ.

„Вечеръ я провелъ у Платона; но что-то плохо былъ разговорчивъ. Богъ знаетъ—мнѣ все что-то какъ будто грустно. Отчего бы это,—право не знаю.

Ноября 11-го, воскресенье.

„Сегодня день моего ангела, сегодня день рожденія Вареньки—но такъ ли слѣдовало бы начать и провести этотъ день?

„Мнѣ принесли книги, нарочно для этого дня приготовленныя моей Варенькѣ. Я любовался ими, воображая, какъ обрадуется, какъ ей угожу я этимъ; но...

„Мимо все!.. Я только думалъ быть огорченнымъ, а меня обидѣли, да, жестоко обидѣли. Мнѣ грудь стѣснило. Когда одинъ изъ чиновниковъ сказалъ мнѣ, что Варенька не посмѣла отозваться на вопросъ отца, увидавшаго привезенныя мною книги,—когда я услышалъ о такомъ малодушіи той, кому я, не раздумывая, отдалъ все, что есть лучшаго у меня,—кровь моя взволновалась, я заговорилъ громко, больно, горячо:

„Друзья мои, я сегодня имянинникъ!.."—Кто въ силахъ былъ понять эти слова, тотъ могъ знать, что сердце мое все было облито кровью. Но это все только огорченіе—вотъ приспѣла и обида. Книги мои возвращаются ко мнѣ съ грубою запискою отъ Николая Семеновича. Меня даже, хоть бы изъ вѣжливости, не поздравилъ онъ со днемъ ангела. Этого я не ждалъ отъ него, зная его умъ и умѣнье жить въ свѣтѣ. Но, послѣ этого—нѣтъ уже мира между нами! Я пойду на-проломъ, я разорю, разрушу все — и чортъ возьми! — или самъ паду подъ развалинами, или пылью засыплю очи, забросаю камнями всѣхъ, кто захочетъ вырвать у меня мою...

„Мою?.. Но моя ли, полно, она? Она испугалась сказать отцу, что эти книги я ей далъ; она позволила лежать имъ въ корридорѣ и забавлять ими дѣтей; она не больна моимъ огорченіемъ, моей тяжелой обидой, она... нѣтъ, такъ не дѣлаютъ люди съ сердцемъ, всецѣло отданнымъ. Варенька! неужели я ошибаюсь въ тебѣ? О, Боже меня сохрани! И тебя помилуй Богъ. Въ моей душѣ адъ любви и рай ненависти,—пойми хорошенько эти слова.—Мнѣ дурно; голова кружится, грудь ломитъ смертельно; не вижу строкъ.

Ноября 12-го, понедѣльникъ.

„Охъ, какъ мнѣ надоѣла академія со своими допотопными лекціями, съ своимъ... ну, просто, со всѣмъ, что есть въ академіи, даже со мною самимъ! Пора, пора ее оставить. Впрочемъ, не ожидалъ я, чтобъ и въ это захолустье, и въ эту terram incognitam, проникли слухи о моихъ, такъ неудачно устраиваемыхъ, дѣлахъ въ семействѣ Балабухъ. Боже мой! Все, что имѣетъ языкъ въ Кіевѣ,—все это говоритъ и расцѣниваетъ меня. Ужасно и обидно стать такъ неудачно притчею и побасенкою!

„Дома меня ожидалъ мой добрый Сабинъ. Онъ вчера былъ у Лычковыхъ, гдѣ я уже не могу теперь бывать; видѣлъ Вареньку, которую заслоняютъ отъ меня и загораживаютъ всѣми баррикадами глупой осторожности и обидныхъ предубѣжденій. Новости, принесенныя мнѣ моимъ пріятелемъ, были пріятны и непріятны. Лычковъ, напримѣръ, принимаетъ съ неудовольствіемъ свиданія наши съ Варенькою у себя въ домѣ. Онъ даже имѣлъ неосторожность высказать это передъ однимъ дуракомъ—Нарциссомъ, влюбленнымъ въ себя по уши и тѣмъ доказывающимъ распрекрасный свой вкусъ. Людмила жестоко охладѣла въ участіи къ положенію Вареньки. Невольно при этомъ подумаешь, ка́къ вѣрна та моя аксіома, что дѣвушка, бракующая жениховъ, непремѣнно со временемъ будетъ завистливо смотрѣть на совѣтъ и любовь другихъ паръ, равно настроенныхъ по уму и сердцу, и даже, при случаѣ, постарается нагадить имъ. Таково ужъ сердце человѣческое. Однако жъ, это ужасно! Гдѣ жъ теперь я увижу Вареньку? Гдѣ передамъ ей мои думы? Гдѣ укрѣплю ее словомъ любви и утѣшенія на разгорѣвшуюся борьбу съ ожесточеннымъ разсчетомъ и капризомъ? Это ужасно!

„Сабинъ сказалъ еще мнѣ, что когда завелъ онъ рѣчь съ Варенькою обо мнѣ, когда она увидѣла въ словахъ его непритворное участіе и дружескую привязанность къ любимому ею Виктору, то сердце ея понеслось прямо съ откровенною рѣчью къ молодому человѣку, не холоднымъ разсудкомъ принимающему тяжкія страданія дѣвушки. Варенька разсказала, что вчера за присланныя мною ей книги она была даже грубо оскорблена своимъ отцомъ, который выгналъ ее вонъ. Она винила меня за то, что я рѣшился подумать, будто бы она ослабѣла ко мнѣ въ любви. „Нѣтъ,—говорила она Сабину,—скажите ему, если я не буду его, то не пойду и за Аристархова". Она просила меня подумать о себѣ и постараться очистить себя отъ долговъ, какъ повода къ нареканіямъ со стороны расчетливыхъ купчиковъ и такихъ мерзавцевъ, какъ Павликъ. „Я дала бы Богъ знаетъ что̀, чтобы увидѣться съ нимъ до клуба", говорила Варенька, и Боже мой! она плакала. Но отольются же кому нибудь эти слезы!"

Ноября 13-го, вторникъ.

„Сейчасъ я воротился съ Подола. Я ѣздилъ на почту съ письмомъ къ Аристархову; я видѣлъ Вареньку — и мнѣ стало легче; но думы, думы неотходно при мнѣ и суевѣрное предчувствіе гнететъ мою страдалицу-душу.

„Вписываю сюда посланное мною письмо къ Аристархову. Оно, я знаю, подниметъ тамъ страшную кутерьму.

„М. г., Н. И.! Не имѣя чести лично знать васъ, я, однако же, по странному стеченію обстоятельствъ, поставленъ въ самыя близкія сношенія съ вами. Вы, конечно, не угадаете, кто это пишетъ: это тотъ, кто споритъ съ вами заочно за лучшее въ мірѣ созданіе — за милую и умную Вареньку,—это Аскоченскій. Станемъ теперь другъ передъ другомъ и будемъ говорить дѣло. Напередъ прошу помнить, что мы оба не ребята и что церемониться въ такомъ важномъ дѣлѣ, особенно намъ, не пристало. Читайте жъ.

„Еще далеко прежде васъ я знаю Вареньку, сблизился съ нею, говорилъ часто и полюбилъ, но тихо и спокойно. Всѣми силами моей опытной души отгонялъ я отъ себя искусительную мысль о томъ, что Варенька должна быть моею. Замѣчая въ глазахъ ея, въ рѣчахъ и во всѣхъ движеніяхъ загорающуюся привязанность ко мнѣ, я не хотѣлъ объявленіемъ моей любви нарушать ея спокойствіе. На ту пору прошли слухи, что вы сватаетесь за нее; сама Варенька однажды сказала мнѣ о томъ, какъ будто вызывая меня на объясненіе, но я смолчалъ и хладнокровно поздравилъ ее съ женихомъ. Наконецъ, пріѣхали вы, явились въ домѣ Балабухи, и неумѣстное, несвоевременное обрученіе ваше совершилось. Варенька стала невѣстою уже помолвленною; но въ Кіевѣ всѣ осуждали васъ за такую огласку этого важнаго дѣла. Я вовсе почти перестала бывать у Балабухъ. Тяжела была для меня эта разлука съ милою, умною и образованною дѣвушкою; но она была необходима. Я не хотѣлъ разрушать того, что общимъ совѣтомъ состоялось у васъ съ семействомъ Балабухъ. Я видѣлъ, что сердце Вареньки тутъ вовсе не участвовало, что она сама становилась жертвою разсчета родныхъ, которые находили въ васъ только выгодную, богатую партію, и всѣми силами внушали Варенькѣ держаться за васъ, какъ за средство породниться, во что̀ бы то ни стало, съ богатымъ домомъ Аристарховыхъ. Глупыя и даже обидныя для васъ убѣжденія, но они таковы дѣйствительно. Пусть всѣ эти Балабухи скажутъ, положа руку на сердце, что это неправда, и я тогда соглашусь назвать себя виноватымъ. Варенька сама стала угадывать роль, какую она играетъ въ этой грязной комедіи родительскихъ разсчетовъ; завязавъ глаза, она стремилась въ омутъ, утѣшая себя только тѣмъ, что это неизбѣжно, успокоивая себя добротою вашего сердца и... извините, больше ничѣмъ. Богатство ваше, сколько

я знаю, ее не льстило; а житье въ Рыльскѣ убивало всѣ лучшія надежды и желанія ея образованнаго сердца и свѣтлаго, пріученнаго къ свѣтскимъ удовольствіямъ, ума. Но она, говорю, покорялась своей участи и шла съ завязанными глазами.

„Все это время я не бывалъ у Балабухъ, а если и бывалъ, то очень рѣдко, и то на короткое время. Наконецъ, сентября 19-го, нечаянно узналъ я, что ваша свадьба откладывается надолго, что по этому случаю въ семействѣ Балабухъ возникли несогласія и неудовольствія и что, наконецъ, сама Варенька, ужаснувшись своего положенія, рада была избавиться отъ замужества, рѣшеннаго мимо ея ума и сердца, по однимъ только корыстнымъ разсчетамъ родственниковъ. Въ этотъ день я пріѣхалъ къ нимъ. Мнѣ не нужно было распрашивать объ отношеніяхъ Марьи Өедоровны и Вареньки къ вашему дому: нѣсколько незначительныхъ словъ—и я все понялъ. Съ этой минуты я началъ чаще посѣщать Балабухъ, по-прежнему сдѣлался откровеннымъ съ Варенькою, и тутъ-то она объяснила мнѣ все, что дѣлается теперь между ею и вами. Частыя мои посѣщенія не могли укрыться отъ добраго и великаго благодѣтеля моего, г-на военнаго генералъ-губернатора, Дмитрія Гавриловича Бибикова. Въ лучшихъ обществахъ заговорили о томъ, что я женюсь на Варенькѣ, и однажды за столомъ генералъ прямо спросилъ меня, почему я не ищу руки ея. Я объяснилъ ему, и генералъ прямо изъявилъ мнѣ согласіе содѣйствовать мнѣ въ томъ и даже упрочить мое состояніе. Между тѣмъ, Варенька привязалась ко мнѣ всею своею прекрасною душою, всѣмъ сердцемъ, въ которомъ васъ, извините, Никаноръ Ивановичъ, никогда и не было. „Спаси меня,—твердила она,—я гибну; дѣлайте, что хотите, только спасите меня; я не могу, я никогда не буду Аристарховою".—Видите ли, Никаноръ Ивановичъ, каковы эти слова! И неужели вы согласитесь быть палачомъ дѣвушки, сколько мнѣ извѣстно, любимой и уважаемой вами? Неужели противъ воли ея, въ угоду корыстнымъ родственникамъ Вареньки, связать ее съ собою и тѣмъ отравить и ея жизнь, и свою собственную? Неужели вы не боитесь сдѣлать Вареньку клятвопреступницею, когда она передъ престоломъ Божіимъ, стоя сбоку васъ, устами скажетъ: да, а на сердцѣ положитъ: нѣтъ, когда будетъ смотрѣть на васъ, а думать о другомъ? Будьте благоразумны и подумайте, чтó ожидаетъ ее въ вашемъ семействѣ, для котораго любовь Вареньки ко мнѣ уже не тайна? Припомните, для кого вы готовите цѣлый адъ, какъ не для себя самого, если въ самомъ дѣлѣ привязанность ваша къ Варенькѣ не есть минутная прихоть разгоряченнаго воображенія! Нѣтъ, Никаноръ Ивановичъ, если вы питаете хоть какую нибудь расположенность къ Варенькѣ, вы не повлечете ее насильно туда, куда всячески хотятъ столкнуть ее ея родные, которые любятъ васъ за то только, что успѣли подсмотрѣть у васъ туго набитый деньгами кошелекъ.

„Но читайте дальше. Несмотря на вашу помолвку, я явился къ Николаю Семеновичу съ рѣшительнымъ объясненіемъ насчетъ Вареньки. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ отказался измѣнить для меня данное вамъ слово, и, конечно, думалъ, что тѣмъ между нами дѣло и кончилось; но онъ ошибся,—оно только что началось, и я лишь вышелъ на открытую борьбу на-чистоту. „Нѣтъ,—сказала Варенька, когда я, послѣ разговора моего съ Николаемъ Семеновичемъ, поздравилъ ее вашею невѣстою, — нѣтъ, не бывать этому; скорѣе я умру, чѣмъ буду за Аристарховымъ", и, Никоноръ Ивановичъ, если бы вы видѣли эти слезы, это трепетаніе посинѣвшихъ губъ,—клянусь вамъ, вы въ ту жъ минуту отказались бы отъ руки Варенькиной, несмотря на всѣ обѣщанія и данныя вамъ слова.

„Мое объясненіе съ Николаемъ Семеновичемъ разрушило между нами прежнюю довѣрчивость. Я пересталъ бывать у нихъ. Все поколѣніе Балабухъ вооружилось на Вареньку, на меня, на бѣдную Марью Өедоровну, и вы теперь не угадали бы прежней Варвары Николаевны, цвѣтущей, живой, веселой, — она блѣдна, скучна и поминутно плачетъ, оскорбляемая родственниками, огорчаемая отцомъ роднымъ, страдая за меня и только отъ васъ ожидая пощады и участія въ любви къ человѣку, избранному ея сердцемъ. А Марья Өедоровна отъ такихъ огорченій даже слегла въ постель. „Они думаютъ,—говорила она мнѣ однажды,—что я простудилась; Боже мой! да я не тѣмъ больна. Я умру, если это не перемѣнится". А обо мнѣ и говорить нечего; я одинъ страдаю и мучусь за всѣхъ ихъ, а болѣе всего за Вареньку.

„Вотъ вамъ положеніе дѣла, гдѣ оба мы теперь дѣйствующими лицами и гдѣ одинъ изъ насъ непремѣнно долженъ уступить мѣсто другому. Разсудите же, кто долженъ это сдѣлать. Вы богаты; за васъ стоитъ слово Николая Семеновича; вы, пожалуй, любите Вареньку,—ну, и только. Я не имѣю такого богатства, какъ вы; но я богатъ покровительствомъ и милостями высокаго благодѣтеля моего, Димитрія Гавриловича, я богатъ моею головою и рукою; при моемъ положеніи въ свѣтъ, я могу доставить Варенькѣ все, что захочетъ такая, какъ она, умная и образованная по-свѣтски дѣвушка. За меня стоитъ голосъ всего Кіева—всего лучшаго общества, въ которомъ я и самъ принятъ, и могу ввести Вареньку, но, главное, я люблю, страстно люблю Вареньку; и главнѣе всего—Варенька любитъ меня всѣмъ существомъ своимъ, всею юною душою, любитъ такъ, какъ нельзя быть больше любимымъ. Судите же теперь—кто изъ насъ долженъ уступить? У меня все, потому что у меня сердце Вареньки; у васъ—ничего, кромѣ упорнаго слова ея родителя. Подумайте же теперь, что вы, женясь на Варенькѣ, получаете? Вѣдь только ходячій остовъ; сердце ея у меня, души ея я не отдамъ, умъ ея—для васъ не годится. Никаноръ Ивановичь, не будьте упорны въ вашихъ исканіяхъ, которыя могутъ погубить дѣвушку! Не думайте, чтобы ваше богат-

ство могло со временемъ успокоить ее; нѣтъ, Варенька такъ умна и образована, что съумѣетъ оцѣнить эти блестящія побрякушки и бездѣлки, которыхъ только и ищетъ у васъ все поколѣніе Балабухъ. Посмѣйтесь сами надъ этими людьми, которые цѣнятъ на вѣсъ золота лучшія движенія души; покажите имъ, что вы умѣете понимать чистую привязанность любящаго сердца, хоть бы это сердце обращено было и не къ вамъ,—и васъ Богъ благословитъ, и люди одобрятъ, и Варенька вѣкъ свой не забудетъ васъ, и я—доселѣ незнакомый вамъ—стану вашимъ лучшимъ другомъ.

„Надѣюсь, что вы постараетесь оцѣнить мою откровенность и не захотите выдать этого письма Балабухамъ,—иначе вы убьете Марью Ѳедоровну и Вареньку. Скройте даже мое письмо отъ ближайшихъ къ вамъ родныхъ, которые имѣютъ сообщеніе съ жителями Кіева. Знайте только вы, да я; словомъ, ведите это дѣло такъ, какъ будто между нами ничего не было; иначе, повторяю, вы вгоните въ гробъ или Марью Ѳедоровну, или Вареньку. Не думайте, чтобы я въ этомъ случаѣ боялся за себя. Всѣ эти Балабухи—родные Варенькины—не достанутъ меня укусить даже за пятку, и я, просто, смѣялся бы надъ ихъ сплетнями и толками, если бы тутъ не страдала честь и имя обожаемой мною Вареньки. Несмотря на огорченія, причиняемыя мнѣ Николаемъ Семеновичемъ, я люблю и уважаю его умъ и стѣсненное положеніе, въ какое онъ теперь поставленъ моимъ исканіемъ. У васъ въ рукахъ средство распутать все это. Благородно, скромно и осторожно придумайте вы способъ успокоить Вареньку,—и, оставивъ Николая Семеновича при его честномъ словѣ, возьмите свое намѣреніе назадъ—и все пойдетъ благополучно. Я ужъ уступаю вамъ контробандные поцалуи, полученные вами отъ Вареньки при той смѣшной и неумѣстной помолвкѣ; только, Бога-ради, не упоминайте объ нихъ передъ Варенькою: она крѣпко разсердится,—это я хорошо знаю. Ищите себѣ другой дѣвушки, которая бы васъ любила хоть на полстолька противъ того, какъ меня любитъ Варенька,—и я поздравлю васъ тогда счастливцемъ, и сами ваши родители скажутъ мнѣ со временемъ спасибо за то, что я помѣшалъ вамъ ввести въ ихъ семью дѣвушку, ни въ какомъ отношеніи неспособную жить по ихъ нраву и обычаю.

„Во всякомъ случаѣ, прошу васъ, Никаноръ Ивановичъ, какъ скоро вы пріѣдете въ Кіевъ, тотчасъ же потрудитесь пожаловать ко мнѣ съ Колею Барскимъ. Мы еще переговоримъ съ вами о томъ, о чемъ нельзя было передать на бумагѣ. Я очень былъ бы радъ, если бы вы извѣстили меня письмомъ о полученіи моего длиннаго вамъ посланія“ и проч...

Ноября 14-го, среда.

„Четыре раза я проѣхалъ сегодня мимо дома, гдѣ живетъ она, моя радость; но ни одного раза я не видѣлъ ее, моей Вареньки.

Это злодѣйскій разсчетъ моихъ недоброжелателей; но не будетъ по ихъ; я рѣшился—и все переверну вверхъ дномъ!!

„Генерала пріѣзжали пригласить въ собраніе директоры купеческаго клуба. Генералъ изъявилъ согласіе и за столомъ самъ сказалъ мнѣ объ этомъ.

— Впрочемъ—вы, замѣтилъ онъ, обратясь ко мнѣ,—должны молить Бога, чтобы я сдѣлался нездоровъ къ тому времени, иначе я отобью у васъ кой-кого.

— Всѣ эти остаточные дни, отвѣчалъ я,—напротивъ, стану усердно молиться о вашемъ здоровьѣ.

— Смотрите, смотрите, сказалъ онъ, улыбаясь.

„По слухамъ кіевскимъ, Аристарховъ уже получилъ чистую отставку и я уже прослылъ дѣйствительнымъ женихомъ Вареньки; дай Богъ, чтобы хоть на этотъ разъ гласъ народа былъ гласомъ Божіимъ.

„Въ разговорѣ съ Лычковымъ, бывшимъ тутъ же, я бросилъ, между прочимъ, слово о томъ, что самъ генералъ пріѣзжалъ поздравлять Вареньку со днемъ рожденья. Знаю, что это не совсѣмъ было по сердцу завистливому старику, но мнѣ этимъ хотѣлось показать, что, несмотря на отдаваемое многими его дочерямъ превосходство передъ Варенькою, онѣ никогда не удостоятся, конечно, такой чести отъ добраго моего благодѣтеля и покровителя. Все прочее обстояло прозаически-благополучно.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КАДЕТСКІЙ БЫТЪ ДВАДЦАТЫХЪ-ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

1826—1834 г.

(Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке).

I.

АПИСКИ мои, по личнымъ воспоминаніямъ, были составлены почти черезъ 30 лѣтъ по выходѣ изъ корпуса, просмотрѣны вновь почти черезъ 20 лѣтъ и нынѣ печатаются почти черезъ 50 лѣтъ.

Записки эти не могутъ быть пристрастнымъ порицаніемъ давно минувшей кадетской жизни уже потому, что до поступленія въ корпусъ дѣтство мое было едва ли не плачевнѣе участи тогдашняго кадета.

Скажу коротко о своемъ дѣтствѣ до поступленія въ корпусъ, или до 10-ти-лѣтняго возраста.

Родился я 13-го іюня 1816 года, въ городѣ Торопцѣ, Псковской губерніи. Отецъ мой, послѣ Аустерлицкой кампаніи 1805 года, въ числѣ другихъ нѣмцевъ, былъ вызванъ въ Россію въ лекаря, поступилъ въ петербургскую медицинскую академію и послѣдовательно былъ военнымъ медикомъ въ артиллеріи, уѣзднымъ врачемъ въ Торопцѣ и въ Старомъ Осколѣ Курской губерніи и одесскимъ городовымъ врачомъ. Онъ былъ человѣкъ кроткій, добродушный и вѣчный труженикъ. Мать моя, коренная русская дворянка Анна Николаевна, урожденная Латынина, была крутая, характерная женщина. Родители мои были награждены или наказаны 16-ю дѣтьми, и мать всю семью, начиная съ отца, держала въ ежевыхъ рукахъ. Не знаю за что, я былъ не

любимъ матерью и слѣдовательно уже никто въ родной семьѣ не смѣлъ меня ласкать.

Зимою съ 1820 на 1821 годъ, мать ѣздила изъ Торопца въ Петербургъ и взяла съ собой меня, какъ шалуна, котораго нельзя было оставить дома безъ строгаго надзора, и непосредственно старше меня брата Александра. Мнѣ было тогда 4½ года и эта поѣздка была событіемъ, съ котораго я началъ помнить все, что дѣлалось со мной. Въ Петербургѣ мать останавливалась у своего роднаго брата, Ильи Николаевича Латынина; этотъ дядя мой былъ вдовецъ, при немъ жила его теща, называемая нами бабушкой, и у него былъ сынъ Николай, сверстникъ мнѣ. Всѣхъ ихъ я полюбилъ; они были ласковѣе со мной, чѣмъ мать, и особенно полюбилъ стараго слугу дяди, также Илью, и няньку Николая Латынина, Ѳедосью.

Въ концѣ лѣта 1823 года, отецъ, передъ переѣздомъ изъ Торопца въ Старый Осколъ, опять привезъ меня и брата Александра въ Петербургъ и оставилъ у дяди Ильи. Дядя обоихъ насъ и своего сына помѣстилъ въ казенную или частную школу, существовавшую тогда при императорской академіи художествъ, въ подвальномъ этажѣ. Самъ дядя жилъ тогда въ своемъ домѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ 11-й линіи. Мы всякій день ходили въ школу пѣшкомъ, познакомились съ торговками, сидѣвшими у Андреевской церкви, покупали у нихъ маковники, на что дядя и бабушка изрѣдка давали намъ по грошу (по ½ к.); у торговокъ сходились иногда съ другими мальчиками и гроши свои нерѣдко проигрывали въ орлянку. Мнѣ было тогда 7 лѣтъ, брату 9, а Николаю Латынину 8 лѣтъ. Объ ученьи мы тогда мало заботились и нѣкому было наблюдать за нами: бабушка была неграмотна, дядя съ утра уѣзжалъ въ департаментъ, послѣ обѣда спалъ, а вечеромъ опять уѣзжалъ куда нибудь; мы заботились только о томъ, чтобы не опоздать къ возвращенію дяди, къ обѣду; опоздать же утромъ въ школу не боялись: тамъ никто этого не замѣчалъ. Находясь въ этой школѣ, я еще не умѣлъ ни читать, ни писать; письма родителей читалъ дядя и въ каждомъ письмѣ мнѣ посылались угрозы, а брату расточались ласки. Это повліяло на дядю и на бабушку: они стали ласкать брата болѣе, чѣмъ меня; можетъ быть, братъ и заслуживалъ того. Брата Александра они ничѣмъ не отличали отъ своего роднаго Николая, имъ обоимъ изъ лакомства давали всегда кусочки получше, чѣмъ мнѣ, ихъ возили кататься, а я оставался дома. Я показывалъ видъ, что не замѣчаю этого, но это замѣчали слуги—Илья и Ѳедосья, и если эти двое не были пьяны, то удвоивали свои ласки ко мнѣ и несчетно повторяли то, что разсказывали всѣмъ намъ: о міросозданіи, о четырехъ китахъ, о свѣтопреставленіи, объ антихристѣ.

Такъ прошло время до дня 7-го ноября 1824 года, дня величайшаго наводненія въ Петербургѣ. Опишу это событіе, какъ очевидецъ, и представлю въ томъ видѣ, какъ оно дѣйствовало на насъ, въ тог-

дашніе годы нашей жизни. Передъ разсвѣтомъ, 7-го ноября, пьяная Ѳедосья была разбужена и испугана страшнымъ вѣтромъ и криками на улицѣ; она вбѣжала въ ту комнату, гдѣ мы трое спали, разбудила насъ и съ неистовымъ воплемъ кричала: „вставайте, вставайте, свѣтопреставленіе начинается". Мы вскочили, инстинктивно обнялись, всѣ трое припали на колѣни передъ образомъ, и притая дыханіе, прислушивались къ звуку трубы архангела. Придя по немногу въ себя, мы спросили, гдѣ дядя (Николай спросилъ объ отцѣ); Ѳедосья, все еще въ большихъ попыхахъ, отвѣчала: „какой папенька, какой дяденька, нѣтъ его". Мы струсили, тѣмъ болѣе, что и бабушки не было дома,—она гостила въ инженерномъ замкѣ, у дочери своей, жены доктора Вольkенау. Стало разсвѣтать; старый Илья сообщилъ, что въ первомъ часу ночи, по обыкновенію, ѣздилъ за дядей, но Исакіевскій мостъ былъ разведенъ и онъ возвратился домой, что вѣтеръ не унимается, что на улицѣ показывается вода, что всѣ подвалы въ домѣ были залиты водой, что въ конюшнѣ и хлѣвѣ показалась вода. Дядинъ домъ былъ двухъ-этажный, верхній этажъ занималъ онъ самъ, а въ нижнемъ были жильцы. Скоро мостки, устраиваемые тогда по срединѣ улицы, вмѣсто тротуара, были сорваны, вся улица была залита и вода продолжала прибывать. Въ нижнемъ этажѣ поднялся крикъ, вода показалась въ комнатахъ, половыя доски поднимались. Мы уже ободрились, общая суматоха стала насъ занимать; мы помогали переносить вещи изъ нижняго этажа въ верхній, ходили поколѣна въ водѣ, помогали вводить въ верхній этажъ дома коровъ и лошадь. На улицѣ показались лодки, плавали цѣлые небольшіе дома безъ крышъ и отдѣльныя крыши безъ домовъ; ворота и заборъ нашего дома были снесены, дворъ слился съ улицей. Съ полудня вода стала убывать и убывала быстрѣе, чѣмъ прибывала; къ вечеру насъ очень занимала улица и дворъ нашъ—они были завалены лѣсомъ всѣхъ видовъ, мебелью и домашнею утварью. Мы долго бродили и разсматривали вещи, и только появленіе дяди заставило насъ возвратиться домой; тогда мы вновь принялись за работу: разбирать вещи жильцовъ, сносить ихъ въ нижній этажъ и спускать коровъ и лошадь. Коровы и лошадь, легко поднявшіяся наверхъ по ступенямъ обыкновенной лѣстницы, не хотѣли спуститься по тѣмъ же ступенямъ; пришлось лѣстницу застлать досками, животнымъ завязать глаза и, связавъ имъ ноги, скатить по доскамъ.

Послѣ наводненія, школа въ академіи была закрыта, и мать моя, напуганная наводненіемъ и особенно появившимися тогда пророчествами о предстоящемъ еще большемъ наводненіи, долженствующимъ затопить всю столицу,—пріѣхала за нами въ Петербургъ и въ январѣ 1825 года увезла въ Старый Осколъ. Я съ братомъ Александромъ опять поступили въ среду своей семьи; общимъ учителемъ ко всѣмъ братьямъ и сестрѣ былъ приставленъ дьяконъ, который особенно хлопоталъ, чтобы къ пасхѣ 1825 года каждый изъ насъ твердо

выучилъ наизусть поздравительные стишки. Хорошо помню и знаки препинанія и слова, выпавшія на мою долю, подъ именемъ стишковъ: „Милые родители! поздравляю васъ. Что сказать вамъ всѣмъ въ привѣтъ? Ахъ! умишечки слабы"... Въ Старомъ Осколѣ родители жаловались на недостатокъ средствъ къ жизни; у насъ обѣдъ и ужинъ постоянно состояли изъ одного супа, по утрамъ давали остатокъ того же супа, чай подавался только гостямъ. Скоро состоялся переводъ отца въ Одессу, и въ апрѣлѣ или въ маѣ 1825 года, мы переѣхали туда изъ Стараго Оскола. Отецъ и мать съ 6-ю дѣтьми и со всѣмъ багажемъ помѣстились въ одной жидовской фурѣ. Ѣхали большею частью шагомъ, и мы, четыре брата, половину дороги прошли пѣшкомъ, а меня, сверхъ того, зачастую выгоняли изъ фургона за то, что я, помогая жиду смазывать колеса, пачкался въ дегтѣ, и помню, что еврей, желая дать мнѣ отдыхъ, останавливалъ лошадей, подъ предлогомъ поправленія упряжи.

Въ Одессѣ мы помѣстились на Греческой улицѣ, въ домѣ Кумбари. Этотъ домъ я узналъ спустя 53 года, проѣзжая черезъ Одессу изъ Турціи въ мартѣ 1878 года. Квартира наша была въ верхнемъ этажѣ; вся обстановка наша въ Одессѣ и домашняя жизнь до того улучшились, что нельзя было и сравнивать со Старымъ Осколомъ. Сосѣдство съ чердакомъ навело насъ на мысль воспользоваться крышею дома и мы устроивали тамъ наши игры, бѣгали по крышѣ, какъ по полу. Изобрѣтательность эту приписывали мнѣ, можетъ быть и справедливо, не помню. Хотя крыша была плоская и бѣганье по ней не представляло никакой опасности, но такъ какъ домъ былъ высокъ, то съ улицы или со двора страшно было смотрѣть на дѣтей, рѣзвящихся на крышѣ, а потому хозяинъ дома и многіе изъ одесскихъ жителей просили отца, чтобы намъ запрещена была прогулка по крышѣ. Но мы не легко могли отстать отъ этой привычки и, пользуясь отсутствіемъ отца, особенно отсутствіемъ матери, отправлялись на крышу. Въ одну изъ такихъ непозволительныхъ прогулокъ, мы были застигнуты врасплохъ. На крышу вошелъ домоправитель, а за нимъ ужъ не отецъ, а мать. Братья просили пощады, а я, чтобы избавиться отъ преслѣдованія, спустился съ крыши на дворъ по дождевой трубѣ. На дворѣ тогда было нѣсколько человѣкъ; всѣ они видѣли эту продѣлку, но ни слова не говорили, боясь испугать, а когда я очутился на дворѣ, то вмѣсто общихъ похвалъ за удальство, заслужилъ брань и нареканіе за шалость, а отъ матери крѣпко досталось мнѣ за эту штуку. Любимымъ наказаніемъ матери было ставить меня на колѣни, на горохъ.

Поустроившись въ домашнемъ быту, отецъ опредѣлилъ четырехъ насъ братьевъ, меня, Александра, самаго старшаго Николая и младшаго меня Дмитрія — въ одесскій Ришельевскій лицей приходящими. Ходить ежедневно въ лицей мнѣ и брату Александру было дѣломъ привычнымъ, а Николай и Дмитрій тяготились этимъ; особенно они тя-

готились затѣями моими и Александра,—ходить по разнымъ улицамъ, чтобы лучше ознакомиться съ городомъ. Три брата поступили въ младшій классъ, а Николай классомъ выше. Въ младшемъ классѣ было очень много мальчиковъ; помню, что при поступленіи въ корпусъ, въ кадетскомъ классѣ мнѣ казалось пусто, а тамъ было болѣе 40 кадетъ; по этому сравненію надобно полагать, что въ Ришильевскомъ классѣ было отъ 80 до 100 мальчиковъ. Помню учителя, который былъ очень страшенъ, съ длинными нечесаными волосами и всегда съ длиннѣйшею и претолстѣйшею линейкою въ рукахъ. По правиламъ длинноволосаго педагога, всегда долженъ былъ отвѣчать тотъ членъ тѣла, который уклонялся отъ предписанныхъ законовъ. Если мальчикъ неправильно держитъ голову—сгорбится, выставитъ ногу, или положитъ руку на столъ,—то учитель въ ту же минуту хватитъ линейкой по головѣ, по спинѣ, по ногѣ, или по рукѣ, не ударитъ, а ужъ именно хватитъ такъ, что въ глазахъ потемнѣетъ. Письму обучали какъ бы по командѣ: кто опоздаетъ, или неправильно напишетъ букву, у того отвѣчаютъ пальцы. Надобно было подставить учителю всѣ сложенные 5 пальцевъ правой руки и получить такой ударъ линейкой, что пальцы пухли и не было возможности продолжать писаніе—перо не держалось въ пальцахъ. Мнѣ особенно часто доставалось—пальцы у меня всегда были пухлы, руки и ноги въ синякахъ, и некому было жаловаться: отца я почти не видѣлъ—онъ цѣлые дни находился въ разъѣздахъ по больнымъ, а мать, вмѣсто утѣшенія, приговаривала: „подѣломъ, не шали, учись“.

Положеніе мое казалось безвыходнымъ, и я, 9-ти лѣтъ отъ роду, подумывалъ о какой нибудь насильственной перемѣнѣ своей судьбы. Казалось, что и удобный случай для этого представлялся. Проходя изъ лицея домой, мы иногда останавливались на берегу Чернаго моря и я подружился со сторожемъ при какихъ-то лодкахъ, отставнымъ суворовскимъ солдатомъ. Онъ, между прочимъ, объяснилъ мнѣ, что на другомъ берегу моря находится Турція, что онъ бывалъ тамъ и что туда легко попасть. Я и задумалъ бѣжать въ Турцію и, въ полурѣшимости на такой поступокъ, зашелъ опять къ сторожу спросить, не знаетъ ли онъ, ѐсть ли школы въ Турціи и бьютъ ли тамъ дѣтей. Старикъ наговорилъ мнѣ такихъ ужасовъ, что у меня разомъ пропала охота и думать о Турціи.

Тогда я обратился къ товарищамъ по лицею, чтобы общими силами принять мѣры противъ страшныхъ побоевъ учителя. Я ближе сошелся съ двумя братьями Шафировыми, съ которыми послѣ встрѣчался на службѣ. Одинъ изъ Шафировыхъ объяснилъ мнѣ, что учитель обыкновенно бьетъ новичковъ, а если поступаютъ вдругъ двое или болѣе братьевъ, то всегда сильнѣе и чаще бьетъ того изъ нихъ, котораго и дома менѣе любятъ, потому что жалобамъ такого менѣе вѣрятъ; что учитель бьетъ до тѣхъ поръ, пока не дадутъ ему подарка, и что послѣ подарка онъ будетъ всегда хвалить. Забота моя

обратилась къ тому, что̀ подарить учителю и какъ добыть подарокъ. Обстоятельства скоро мнѣ помогли. Наступали праздники Рождества и новый 1826 годъ; всѣ одесскіе аптекари прислали отцу множество подарковъ—сахаръ, чай, кофе, шеколадъ, разныхъ сластей, духовъ и проч. Пользуясь этимъ, я съ братьями Александромъ и Дмитріемъ отправились къ аптекарямъ просить, собственно для насъ, по коробочкѣ съ чѣмъ нибудь; намъ сопутствовалъ и фельдшеръ, состоявшій при отцѣ, для удостовѣренія, что мы дѣти городоваго доктора. Получивъ порядочный запасъ разныхъ разностей, мы передали учителю цѣлый коробъ подарковъ, и обстоятельства совершенно измѣнились: я былъ переведенъ въ высшій классъ и, при увольненіи изъ лицея, передъ отправленіемъ въ корпусъ, получилъ похвальное свидѣтельство, отъ 25-го мая 1826 г., № 421, за подписью директора Дуброво и правителя канцеляріи Ящинскаго. Въ свидѣтельствѣ сказано, что я обучался ариѳметикѣ, русской грамматикѣ, русской исторіи и географіи Россійскаго государства, а на самомъ дѣлѣ я обучался только чтенію и письму.

Подкупъ учителя и способъ пріобрѣтенія подарка, компрометировавшій отца, меня постоянно мучили, но всякій разъ, при воспоминаніи объ этомъ случаѣ, утѣшеніемъ служило сознаніе, что если бы продѣлка съ аптекарями не удалась, то озлобленный, забитый 9-тилѣтній мальчикъ могъ отважиться на поступокъ еще худшій.

Улучшившаяся аттестація изъ лицея не улучшила моего положенія въ семейномъ быту; всѣ проказы, всѣ шалости братьевъ и сестры, мать приписывала мнѣ и, не требуя отъ меня никакихъ объясненій, подвергала наказанію. Это неблагопріятно дѣйствовало на братьевъ; пользуясь тѣмъ, что я ихъ не выдавалъ, они сами не сознавались въ своей винѣ, только братъ Александръ иногда выручалъ меня. Не мудрено, что я чрезвычайно радовался извѣстію изъ Петербурга, полученному передъ Пасхой 1826 г., что я и братъ Александръ приняты въ корпусъ и должны были явиться туда въ іюлѣ. Я прыгалъ, рѣзвился, просто ошалѣлъ отъ радости и не умѣлъ скрывать, что нетерпѣливо жду отъѣзда изъ Одессы. Братъ Александръ, напротивъ, плакалъ, скучалъ и боялся вспомнить о предстоящей разлукѣ съ семьей. Такая разница во взглядѣ двухъ братьевъ, конечно, располагала всю семью не въ мою пользу.

Въ іюнѣ 1826 года, когда мнѣ минуло 10 лѣтъ, насъ отправили въ Петербургъ съ какимъ-то купцомъ, грекомъ или армяниномъ, худо говорившимъ по-русски. Онъ привезъ насъ къ дядѣ Ильѣ, а послѣдній черезъ нѣсколько дней сдалъ насъ въ корпусъ.

II.

Мы были приняты въ императорскій Военно-сиротскій домъ. Утромъ, не помню въ какой день іюля, дядя привезъ насъ къ директору кор-

пуса. Мы долго ожидали генерала; онъ наконецъ вышелъ, или, вѣрнѣе, прошелъ мимо насъ; дядя уѣхалъ, а насъ отвели въ лазаретъ, тамъ приказали раздѣться и мы опять долго ждали докторскаго осмотра; изъ лазарета насъ отвели въ роту. Ни директоръ, ни докторъ, ни слова съ нами не говорили.

Въ 1826 году, императорскій Военно-сиротскій домъ дѣлился на двѣ роты съ отдѣленіемъ для малолѣтнихъ при каждой.

Мы поступили въ малолѣтнее отдѣленіе 1-й роты. Ротнымъ командиромъ былъ подполковникъ Павелъ Андреевичъ Тишениновъ, впослѣдствіи полковникомъ уволенный отъ службы.

Директоромъ корпуса былъ генералъ Арсеньевъ, впослѣдствіи начальникъ дома умалишенныхъ, по петергофской дорогѣ.

Главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ былъ генералъ Кутузовъ, впослѣдствіи с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ.

Главнымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній былъ его высочество цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Пишу то, что сознательно помню,—у меня не осталось никакихъ письменныхъ документовъ.

П. А. Тишениновъ обласкалъ насъ, показалъ намъ мѣста въ камерѣ, давалъ наставленія, изъ которыхъ мы ничего не запомнили и почти не слушали ихъ, такъ какъ около насъ собралось уже нѣсколько кадетъ, которыхъ вообще, по случаю каникулярнаго времени, въ камерѣ находилось не много. По тогдашнему обычаю, первое знакомство съ новичками состояло въ побояхъ; не помню, какъ встрѣченъ былъ братъ, а меня одинъ кадетъ порядочно угостилъ кулакомъ въ бокъ, но я, не церемонясь, отвѣтилъ на отмашку кулакомъ же по лицу. Общій хохотъ присутствовавшихъ при этомъ кадетъ обратилъ вниманіе Тишенинова, который еще не успѣлъ уйти изъ камеры; но Тишениновъ, зная кадетскіе обычаи, смотрѣлъ на эту встрѣчу новичковъ снисходительно, а кадеты замѣтили относительно насъ, что мы хотя и новички, но уже бывалые въ передрягахъ, и это способствовало тому, что съ перваго же дня прибытія въ корпусъ, у насъ установились хорошія отношенія съ кадетами.

Кадетская камера и вся обстановка въ ней не произвели на насъ никакого особаго впечатлѣнія; но первый обѣдъ въ огромной столовой, куда собирался весь корпусъ, произвелъ потрясающее дѣйствіе. Шумъ отъ говора и стукотня посудой до того озадачили насъ, что мы въ первый обѣдъ почти ничего не ѣли, и хотя, по каникулярному времени, за роспускомъ кадетъ по домамъ, половина столовъ не была накрыта, но шумъ въ столовой былъ не менѣе того, какъ впослѣдствіи бывалъ при полномъ сборѣ корпуса, потому что во время каникулъ давались кадетамъ разныя льготы—въ столовой не запрещался громкій разговоръ и смѣхъ, даже дозволяли вставать съ мѣстъ.

Военно-сиротскій домъ помѣщался тогда у Обухова моста, въ томъ зданіи, гдѣ нынѣ Константиновское военное училищѣ. Въ надвор-

нихъ фасадахъ были спальни, называемыя камерами, а въ фасѣ, обращенномъ на улицу, на нынѣшній Забалканскій проспектъ, въ среднемъ этажѣ была столовая, а въ верхнемъ рекреаціонный залъ. Весь нижній этажъ занимался офицерскими квартирами и хозяйственными помѣщеніями; въ фасахъ, обращенныхъ на дворъ, въ среднемъ этажѣ помѣщалась первая рота, а въ верхнемъ этажѣ вторая рота.

На улицѣ, противъ корпуса, были небольшіе деревянные домики, и тамъ, гдѣ нынѣ Технологическій институтъ, почти до Новодѣвичьяго монастыря, а въ ширину почти до нынѣшняго воксала царскосельской желѣзной дороги, разстилалось огромное поле, называвшееся Волынскимъ, гдѣ помѣщалась придворная охота. Изъ корпусной столовой и рекреаціоннаго зала видно было, какъ при дрессировкѣ собакъ травили звѣрей. Это дѣлалось обыкновенно днемъ, во время кадетскаго обѣда, и въ каникулы позволялось кадетамъ послѣ обѣда подходить къ окнамъ смотрѣть травлю звѣрей. Но тогдашніе кадеты не умѣли спокойно подходить къ окнамъ и мы были ошеломлены, когда, послѣ перваго нашего обѣда въ корпусѣ, кадеты ринулись къ окнамъ, опрокидывая одинъ другаго и скамейки отъ обѣденныхъ столовъ, и съ боя занимали удобныя мѣста у оконъ.

Въ каникулярное время никакихъ учебныхъ занятій не производилось. Въ хорошую погоду, большую часть дня кадеты проводили на внутреннемъ дворѣ, въ саду и на лугу. Дворъ, выложенный булыжнымъ камнемъ и заросшій травой, былъ окруженъ зданіями; садъ, обнесенный каменнымъ заборомъ, выходилъ на Фонтанку, а лугъ, на углу Фонтанки и Забалканскаго проспекта, былъ обнесенъ деревяннымъ заборомъ. Никакихъ гимнастическихъ приспособленій тогда не было, но въ саду дозволялось лазить по деревьямъ и прыгать черезъ канавы, которыхъ было много на топкой, болотистой мѣстности, занимаемой садомъ; лазить же на заборы запрещалось, но того именно и хочется, что запрещаютъ, и потому кадеты пользовались каждымъ отсутствіемъ дежурнаго офицера и цѣлыми партіями лазили на заборъ и по условному знаку, разомъ, вскрикивали на прохожихъ по тротуару и тѣмъ пугали или смѣшили проходившихъ мимо; случалось, что кадеты, вооружась гвоздемъ, насаженнымъ на палку, какъ крюкомъ, стаскивали шапки съ прохожихъ. Лазаніе на деревья и на заборъ часто сопровождалось драками, поводомъ къ которымъ служилъ захватъ дерева или мѣста на заборѣ, наиболѣе удобныхъ для лазанія.

Камерныя каникулярныя занятія заключались въ слѣдующемъ: кадеты много шили; они начинали эту практику съ шитья подтяжекъ, ношеніе которыхъ было обязательно, но которыя отъ казны не отпускались; подтяжки шились изъ лоскутковъ всевозможныхъ матерій; затѣмъ чинили платье, особенно холщевыя лѣтнія панталоны; практиковалось или, вѣрнѣе, изучалось до совершенства искусство чистить сапоги, причемъ заплаты на сапогахъ замазывались клестеромъ,

чтобы не были замѣтны; практиковались въ починкѣ сапоговъ, въ чисткѣ пуговицъ и всей мѣдной принадлежности обмундированія и снаряженія; обязательно было мыть лѣтнее холщевое платье; бѣлили и лакировали амуничные ремни, что тогда было дѣломъ сложнымъ. Для развлеченія дозволялось ловить и разводить мышей. Мышеловы дѣлились на компаніи въ 3, 4 и болѣе кадетъ, устроивали въ коридорахъ клѣтки или гнѣзда для мышей, помѣщали туда самцовъ и самокъ, и та компанія торжествовала, у которой появятся первые мышенята. Многіе изъ молодыхъ кадетъ, по примѣру старшихъ, заучивали стишки въ честь Оли, Маши, Кати и пр., и по вечерамъ декламировали ихъ. Преданіе гласило, что обычай этотъ введенъ въ то время, когда женское отдѣленіе Военно-сиротскаго дома помѣщалось въ одномъ зданіи съ кадетами—дѣвицы въ верхнемъ этажѣ, а кадеты въ среднемъ. При мнѣ женское отдѣленіе Военно-сиротскаго дома (нынѣшній Павловскій институтъ) помѣщалось въ отдѣльномъ домѣ, на Фонтанкѣ, не далеко отъ Измайловскаго моста, но директоръ и управленіе были общіе, и я хорошо помню, что стекла и подоконники въ среднемъ этажѣ корпуса были исписаны женскими именами, а въ верхнемъ этажѣ, гдѣ прежде помѣщались дѣвицы, окна были исписаны мужскими именами: Коля, Вася, Петя и пр. Помню смутно, что обычай ухода за мышами относился къ тому же времени; кадеты, привлекая мышей къ себѣ, думали этимъ избавить отъ нихъ дѣвицъ.

Въ тѣ времена кадетъ не водили въ лагерь; каникулы кончались и классы открывались въ самыхъ первыхъ числахъ августа.

Полный тогдашній кадетскій курсъ проходился въ 7 лѣтъ, но классовъ было 12; младшіе курсы, по большому числу учениковъ, дѣлились на два параллельные класса. Классы дѣлились на нижніе, средніе и верхніе.

Ежедневная жизнь распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: вставали и ложились спать по барабану—первый утренній бой былъ въ 6 часовъ, второй въ $6^1/_4$ час., по которому всѣ должны были встать. Барабанщикъ проходилъ по самымъ камерамъ возлѣ кроватей и кадеты часто не слышали боя. Въ 7 часовъ завтракали, въ 12 часовъ обѣдали, въ 6 часовъ вечера полдничали, въ 9 ужинали, въ 10 часовъ ложились спать.

Классныя занятія продолжались утромъ три часа, съ 8-ми до 11-ти, и послѣ обѣда три часа, съ 3-хъ до 6-ти. Каждый день во всѣхъ классахъ было по 4 урока, каждый урокъ продолжался 1 часъ 25 минутъ. Между каждыми двумя уроками былъ отдыхъ на 10 минутъ. Рекреаціонное время было: утромъ съ небольшимъ часъ, до 8 часовъ; часъ передъ обѣдомъ, отъ 11 до 12 часовъ—въ этотъ часъ кадеты бѣгали на дворѣ, если погода была не слишкомъ дурна; впослѣдствіи въ это время было фронтовое ученье, и вечеромъ съ 6-ти до 9-ти часовъ.

Утренній завтракъ состоялъ въ ломтѣ хлѣба, въ кускѣ соли и въ ковшѣ воды. Хлѣбъ обыкновенно былъ черствый, ржавый, соль черноватая, въ большихъ кускахъ; куски соли кадеты разбивали каблуками; вода стояла въ грязныхъ, заплѣснѣлыхъ ушатахъ, всегда вонючая, ковши были желѣзные, всегда ржавые. Передъ завтракомъ кадеты строились къ молитвѣ; одинъ кадетъ, по очереди, громко читалъ „Отче нашъ", затѣмъ офицеры, а впослѣдствіи и унтеръ-офицеры, осматривали чисто-ли вымыты руки, въ порядкѣ ли платье и обувь, послѣ чего кадеты рядами, въ одну шеренгу, подходили за порціями хлѣба и соли.

Ежедневный обѣдъ состоялъ изъ супа или щей, изъ которыхъ говядина вынималась, разрѣзывалась порціями и подъ какимъ нибудь соусомъ подавалась вторымъ блюдомъ. Третьимъ блюдомъ ежедневно былъ, на каждаго кадета, пирогъ съ говядиною, или капустою, кашею, или морковью; по четвергамъ вмѣсто пирога давались изъ слоенаго тѣста кольца, въ родѣ пирожнаго, а по воскресеньямъ — ватрушки. Въ большіе праздники прибавлялось по порціи жаркого и вмѣсто десерта давали пряники, или изюмъ.

Ужинъ состоялъ также изъ супа или щей, безъ мяса, и каши-размазни, или крутой, гречневой, пшенной или ячневой, а иногда вмѣсто каши давали вареный картофель, называемый картофелемъ въ мундирѣ.

Между обѣдомъ и ужиномъ, въ 6 часовъ, давали по полу-ломтю чернаго хлѣба, безъ соли.

Большинству кадетъ не нравились обѣдъ и ужинъ, но многіе, подобно мнѣ, не будучи избалованы дома, находили пищу хорошею и особенно были довольны тѣмъ, что какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ, щей, супу и хлѣба давали каждому, кто сколько хочетъ, и не было рѣдкостью, что ѣдоки уписывали по двѣ и по три тарелки щей.

Бѣлье на кадетахъ и постельное мѣнялось разъ въ недѣлю; бѣлье зачастую было рваное и едва-ли было лучше солдатскаго гвардейскаго. Въ баню водили разъ въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже, откладывая до предстоящаго большого праздника; появленіе вшей было не рѣдкостью, а чесотка была обыкновенною болѣзнею. Постели служили складомъ тетрадей, щетокъ, тряпокъ и разнаго хлама. Полотенца были общія на камеру, рукомойниковъ было недостаточно и они помѣщались въ тѣсномъ, грязномъ, темноватомъ чуланѣ; обыкновенно приходилось ожидать очереди мыться.

Платье на кадетъ полагалось одно—не было стараго и новаго; новичкамъ не шили новаго платья, а передѣлывали съ убылыхъ, или большихъ кадетъ. Платье оставалось на плечахъ до совершеннаго износа, заплатка бывала на заплаткѣ. Кадеты сами чистили сапоги, весь мѣдный приборъ къ амуниціи, ружья, часто сами бѣлили амуницію. Служителей было мало, они едва успѣвали отапливать, мыть

и убирать комнаты, и въ этомъ дѣлѣ кадеты часто помогали служителямъ. Казенныхъ шинелей и никакой иной теплой казенной одежды не полагалось; для увольненія со двора къ родственникамъ, кадеты должны были имѣть свои собственныя шинели, наушники, рукавицы.

Въ камерахъ было очень холодно, что особенно чувствовалось по утрамъ, вечеромъ же и вообще днемъ, кадеты сами грѣлись, бѣгали, возились, и только лѣнивые или степенные кадеты страдали отъ холода; ихъ называли зябликами. Коридоры и камеры освѣщались сальными свѣчами, но весьма мало; для вечернихъ же занятій выдавалось нѣсколько свѣчей на камеру, и чтобы добыть эти свѣчи, всякій день приходилось вступать въ бой, часто кровопролитный. Отхожія мѣста были въ самомъ ужасномъ видѣ, никто изъ начальниковъ не заглядывалъ туда; мѣстъ тамъ было недостаточно и велась очередь, кто кого смѣняетъ. Отъ отхожихъ мѣстъ вонь распространялась по коридорамъ и камерамъ.

По класснымъ занятіямъ кадеты терпѣли большую нужду въ бумагѣ, перьяхъ, карандашахъ и проч. Кто не имѣлъ средствъ пріобрѣтать эти предметы на свои деньги, тому оставалось только отказывать себѣ въ пищѣ и покупать классныя принадлежности на домашнемъ рынкѣ. Эти рынки открывались ежедневно послѣ обѣда. Дѣти бѣдныхъ родителей не ѣли свои пироги, приносили ихъ въ камеры и промѣнивали на бумагу, перья и проч., или продавали за деньги зажиточнымъ кадетамъ. На все была установлена неизмѣнная такса: за пирогъ можно было получить листъ бумаги, или два гусиныхъ пера; кольцо, какъ пирожное, цѣнилось вдвое дороже пирога; на деньги кольцо, или два пирога, цѣнились въ пятакъ, по нынѣшнему курсу $1^1/_4$ коп.

Нравственными средствами воспитанія служили исключительно одни наказанія и только отчасти поощрялись успѣхи въ наукахъ. Обыкновеннымъ наказаніемъ было—оставленіе безъ пирога, оставленіе безъ обѣда; оставляли безъ обѣда и ставили во время обѣда у столба, въ общей столовой; неувольненіе изъ корпуса къ родственникамъ и преимущественно наказаніе розгами. Карцеръ или арестъ предшествовалъ сильному наказанію розгами. Сѣкли за каждую бездѣлицу: разбитіе стекла въ окнѣ, разбитіе посудины въ столовой, оторванная пуговица, грязный сапогъ,—влекли за собою наказаніе розгами, а дурная отмѣтка въ классѣ неизбѣжно влекла ихъ за собою. Многіе кадеты до того привыкли къ розгамъ, что промѣнивали это наказаніе на лишеніе пирога; многіе покупали за гривенникъ, или за четыре пирога, чужую вину и были наказываемы розгами.

Сѣкли всякій день по 3, по 5 человѣка изъ роты; это дѣлалось утромъ передъ завтракомъ, въ той комнатѣ, гдѣ находились рукомойники. Исполнителями наказаія были одни и тѣ же лица; ихъ можно было подкупать или задобривать разными средствами, чтобы были поснисходительнѣе. Наказаніе розгами дѣлилось на три вида: ежеднев-

ное, одиночное наказаніе, въ помѣщеніи для умывальниковъ, причемъ виновный получалъ отъ 10 до 50 ударовъ. Субботнее, или недѣльное наказаніе совершалось передъ выстроенною ротою, въ большомъ ротномъ коридорѣ; тутъ бывало иногда до 30 жертвъ и каждая жертва получала отъ 50 до 75 ударовъ. Экстреннее наказаніе, передъ цѣлымъ корпусомъ, въ рекреаціонномъ залѣ, совершалось всегда въ присутствіи самого директора корпуса, надъ старшими кадетами, за грубость противъ офицера, за самовольную отлучку изъ корпуса, за пьянство и проч. Вся обстановка принимала какой-то торжественный видъ; каждый изъ наказуемыхъ получалъ не менѣе 100 ударовъ, а ихъ бывало отъ 2 до 5 человѣкъ.

Въ ротной или камерной жизни не было никакихъ особыхъ поощреній хорошимъ кадетамъ, но за успѣхи въ классахъ фамиліи лучшихъ учениковъ выписывались на красную доску и при мнѣ одинъ разъ выдавали книги въ подарокъ лучшимъ ученикамъ.

Для присмотра за кадетами всякій день наряжались дежурными три офицера; два дежурили по ротамъ, и одинъ, старшій, былъ дежурнымъ по корпусу. Дежурные офицеры цѣлыя сутки безотлучно должны были находиться при кадетахъ; въ часы классныхъ занятій, они изъ коридоровъ, черезъ окна въ классныхъ дверяхъ, наблюдали за порядкомъ въ классѣ и входить въ классъ могли только при особыхъ случаяхъ. Рота дѣлилась на отдѣленія или камеры и въ ротѣ былъ 5—6 офицеровъ; всего въ корпусѣ было болѣе 12 офицеровъ, но они часто мѣнялись; помню не многихъ, наприм., прекрасныхъ, образованныхъ офицеровъ—Владиміра Алексѣевича Вишнякова и Льва Михайловича Павловскаго, которыхъ впослѣдствіи встрѣчалъ генералъ-лейтенантами. Помню добряка Михаила Ивановича Толпыгу, прозваннаго „Топтыгой"; онъ, въ 1828 году, при полученіи извѣстія о взятіи Браилова, цѣлыя сутки искалъ Браиловъ на картѣ, перечитывая всѣ географическія надписи, начиная со Скандинавскаго полуострова.

Ротный командиръ Тишениновъ каждый Божій день являлся въ роту, утромъ, передъ завтракомъ, и каждый день заходилъ въ роту въ другіе часы дня, всегда неожиданно. Его любили кадеты въ сравненіи съ командиромъ второй роты, горячимъ нѣмцемъ, подполковникомъ Бриммеромъ. Тишениновъ поролъ методически, при наказаніи всегда былъ спокоенъ; кадеты приноровились къ нему, впередъ предсказывали, кто получитъ 10, кто 20 розогъ, и рѣдко ошибались. Бриммеръ былъ болѣе жестокъ въ наказаніи и самъ всегда горячился, выхватывалъ иногда розги отъ служителя и собственноручно билъ то кадета, то служителя, совершавшаго наказаніе.

Директора корпуса, генерала Арсеньева, кадеты не видѣли ни въ классахъ, ни въ камерахъ, ни въ столовой, ни даже въ церкви. Арсеньевъ являлся всегда въ рекреаціонный залъ, при сборѣ цѣлаго корпуса, для торжественнаго наказанія виновныхъ, при этомъ всегда заставлялъ себя долго ждать; войдя въ залъ, не здоровался съ цѣлымъ

корпусомъ, а прямо набрасывался съ бранью на виновныхъ, и если тѣ передъ наказаніемъ вымаливали прощенія, или приводили оправданіе, то Арсеньевъ горячился, не рѣдко билъ просящихъ пощады, и билъ кулакомъ по лицу; случалось, что отъ директорскаго удара у несчастнаго кровь текла по лицу, что происходило или отъ директорскаго перстня, или отъ табакерки, бывшей всегда въ рукѣ директора.

Главный директоръ, генералъ Кутузовъ, при мнѣ былъ въ корпусѣ два раза. Не знаю, какъ онъ вліялъ на корпусное начальство, но для кадетъ присутствіе или отсутствіе его было безразлично.

Главный начальникъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, жилъ въ Варшавѣ и при мнѣ ни разу не былъ въ корпусѣ; я видѣлъ его высочество всего одинъ разъ и то издали, и не какъ главнаго начальника, а какъ сына, при погребеніи императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ описываемое время учебная часть, т. е. занятія въ классахъ, стояли на первомъ планѣ. Уже было сказано, что дурныя отмѣтки въ классахъ не прощались, и можно смѣло подтвердить, что $^3/_4$, даже $^9/_{10}$ наказаній назначались за неуспѣхъ, или за шалость въ классахъ.

Методъ обученія шелъ въ уровень съ повсемѣстнымъ тогда методомъ обученія, т. е. долбили наизусть указанныя страницы, слово въ слово, часто безсознательно. Такъ учили и исторію, и географію, и грамматику, и даже ариѳметику. Конечно, при хорошемъ учителѣ возростало и число хорошихъ учениковъ, но въ то время въ младшихъ классахъ почти не было хорошихъ учителей, да и учителя вообще до того часто мѣнялись, что не сохранялись въ памяти. Приведу немногихъ:

Учитель русскаго языка Медвѣдевъ преподавалъ по книжкѣ, имъ самимъ составленной, но книжка была такъ тяжело написана и самъ онъ такъ протяжно и плаксиво говорилъ, что наводилъ сонъ и уныніе. О Грибоѣдовѣ онъ отзывался съ пренебреженіемъ, а Пушкина называлъ вольнодумцемъ.

Учитель ариѳметики Изосемскій, тогда уже дряхлый, беззубый старикъ; у него ариѳметика по книгѣ долбилась наизусть, даже со всѣми примѣрами. Самъ онъ постоянно старался разжалобить кадетъ своею бѣдностью, и кадеты собирали ему сальные огарки и куски хлѣба, а Изосемскій все бралъ, всякое даяніе для него было благо.

Французъ Кара, о которомъ говорили, что онъ не плѣнный, а бѣглый французскій барабанщикъ. Кадеты выучили одинъ французскій барабанный бой и маленькими палочками барабанили по классному столу. Кара бѣсился, а когда подмѣчалъ, кто барабанитъ, то бросалъ въ того толстую книгу—„Французская грамматика Ломонда“, по которой преподавался французскій языкъ.

Нѣмецкаго учителя не любили; фамилію его не помню; кадеты были рады, подмѣтивъ, что онъ боится мышей, и къ приходу его запасали въ ящичкѣ учительскаго столика двѣ-три мыши. Этимъ часто выживали учителя изъ класса.

Въ среднихъ классахъ кадеты любили учителя исторіи, Соловьева и заслушивались его разсказами о Персидскихъ и Пуническихъ войнахъ; не знаю имени этого Соловьева; тогда онъ былъ молодъ, высокаго роста, громко говорилъ.

Законоучителемъ былъ свой корпусный священникъ Лавровъ, почтенной наружности, всегда кроткій, привѣтливый, ласковый, но кадеты не уважали его за то, что онъ обманывалъ на экзаменахъ. Начальство довѣряло ему самому давать вопросы на экзаменѣ, а онъ передъ экзаменомъ дѣлалъ расписаніе, чтò у кого спроситъ.

У Синяго моста въ то время были деревянные домики съ заборами; въ одномъ изъ этихъ домиковъ была контора или справочное мѣсто для найма учителей и гувернеровъ. При открытіи учительской ваканціи, изъ корпуса посылали туда того унтеръ-офицера, который состоялъ при корпусной библіотекѣ и на обязанности котораго лежало своевременно звономъ колокольчика возвѣщать начало и конецъ классныхъ занятій. Кадеты говорили, что съ Синяго моста по колокольчику собираютъ и учителей въ корпусъ.

Экзамены въ младшихъ классахъ производились самимъ учителемъ, въ присутствіи другого учителя по тому же предмету и всегда въ присутствіи помощника инспектора. Въ первые три или 3½ года моего пребыванія въ корпусѣ, инспекторомъ классовъ былъ г. Шумахеръ; можетъ быть, онъ бывалъ въ старшихъ классахъ, но въ младшихъ классахъ его никто не видѣлъ, не только въ дни обыкновенныхъ классныхъ занятій, но даже и во время экзаменовъ. Младшими классами завѣдывалъ помощникъ инспектора Александръ Федоровичъ Шенинъ.

Шенинъ—весьма замѣчательная личность въ корпусѣ. Происхожденіе его неизвѣстно; говорили, что онъ „сынъ этого же корпуса", но родителей не указывали. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ этомъ же корпусѣ, но потомъ образовалъ себя чтеніемъ и настойчивымъ трудомъ. Онъ былъ небольшаго роста, не много горбатъ, съ большою головою и съ кривыми, расходящимися ногами. Еще въ званіи помощника инспектора, онъ самовластно распоряжался въ классахъ, имѣлъ огромное вліяніе во всемъ корпусномъ управленіи и по произволу располагалъ участью кадетъ; впослѣдствіи, при Ростовцевѣ, Шенинъ пріобрѣлъ еще бòльшее значеніе.

Сколько помнится, правильное фронтовое ученье началось съ 1827 года и производилось ежедневно, но не болѣе одного часа, съ 11 до 12 часовъ утра. Гимнастикою, фехтованіемъ, танцами и верховою ѣздою вовсе не занимались.

Необходимо сказать объ экономѣ Военно-сиротскаго дома Кандауровѣ. Старые кадеты помнили поступленіе его въ корпусъ, помнили Кандаурова бѣднякомъ, ходившимъ въ рваномъ сюртучишкѣ, но Кандауровъ, какъ хорошій хозяинъ, скоро оправился и уже въ мое время воздвигъ себѣ большой каменный, 4-хъ или 5-ти этажный домъ на Фонтанкѣ, а когда, вмѣстѣ съ директоромъ Арсеньевымъ, Кандауровъ

былъ переведенъ экономомъ въ домъ умалишенныхъ, то рядомъ съ послѣднимъ, на Петергофской дорогѣ, появилась великолѣпная дача Кандаурова.

III.

Скажу кое-что и о себѣ, что также броситъ свѣтъ на тогдашнюю кадетскую жизнь. Не знаю, перемѣнился ли я, или понятіе о словѣ шалунъ было различно въ частной семьѣ и въ корпусѣ, но я, считавшійся въ родной семьѣ неисправимымъ шалуномъ, въ корпусѣ никогда не былъ въ разрядѣ шалуновъ, никогда не былъ во главѣ какой-нибудь общей шалости, но участвовалъ съ другими кадетами въ недозволяемыхъ продѣлкахъ, въ которыхъ, однако, начальство меня ни разу не поймало, наприм., во время прогулокъ лазилъ на заборъ, даже перелѣзалъ черезъ него на экономскій дворикъ, во время рубки капусты добывать кочерыжки. Участвовалъ въ ночныхъ процессіяхъ, которыя состояли въ томъ, что нѣсколько кадетъ сговаривались наказать, или просто прибить кадета, изобличеннаго въ шпіонствѣ передъ начальствомъ, и для этого тихохонько поднимались ночью, тушили ночники, покрывались простынями и, по исполненіи задуманнаго, возвращались на свои мѣста, оставаясь не узнанными тѣмъ, который получилъ заслуженное наказаніе.

Каждый курсъ я и братъ Александръ оканчивали успѣшно и послѣ годоваго экзамена были переводимы въ высшій курсъ; въ камерахъ первыя пять лѣтъ мы были неразлучны, спали рядомъ, но въ классахъ расходились; со втораго курса я обогналъ брата; ему нужно было болѣе времени для приготовленія уроковъ, чѣмъ мнѣ, онъ и болѣе заботился о томъ, и въ первые годы будилъ меня утромъ, часа за два до барабана. Въ корпусѣ требовали, чтобы спать ложились всѣ одновременно, но вставать рано утромъ можно было по произволу, хотя съ полуночи, и начиная съ пятаго курса, я вставалъ постоянно въ 3, въ 2 часа ночи, а передъ экзаменами и съ полуночи. Съ братомъ Александромъ жилъ я постоянно истинно по-братски, никакого соперничества между нами не было, и другихъ, такъ называемыхъ закадычныхъ, друзей у насъ не было, но конечно, въ каждомъ классѣ съ нѣкоторыми кадетами мы сближались болѣе, чѣмъ съ остальными; тогда болѣе дорожили класснымъ сближеніемъ, чѣмъ камернымъ или ротнымъ.

Находясь въ младшихъ классахъ, я нѣсколько разъ попадалъ на похвальную классную доску; о такихъ ученикахъ сообщалось въ роту; Тишениновъ вызывалъ ихъ передъ ротой, обыкновенно утромъ передъ завтракомъ, говорилъ нѣсколько поощрительныхъ словъ, и помню, что разъ даже поцѣловалъ меня. И кадеты чтили тѣхъ, которые хорошо шли въ классахъ, но только старые кадеты строго наблюдали за тѣмъ, чтобы въ русскомъ военно-учебномъ заведеніи никто не смѣлъ говорить на иностранномъ языкѣ, и слово, сказанное на француз-

скомъ или нѣмецкомъ языкѣ, не прощалось; старые кадеты больно били за это. Братъ и я, при поступленіи въ корпусъ, также говорили по-нѣмецки, какъ и по-русски, но оба въ корпусѣ совершенно забыли нѣмецкій языкъ.

Во все время пребыванія въ корпусѣ, я былъ совершенно здоровъ, не помню даже легкой болѣзни—простудной, желудочной, головной. Но въ лазаретѣ былъ два раза. Прыгая въ саду черезъ канаву, я упалъ, ушибъ руку, а на меня навалилось еще нѣсколько кадетъ; рука распухла, меня отправили въ лазаретъ и я пробылъ тамъ три или четыре дня. Во второй разъ я приходилъ въ лазаретъ только на перевязку: въ классѣ, утромъ, до прихода учителя, одинъ кадетъ, склонивъ голову на столъ, уснулъ; другой кадетъ, снявъ съ сальной свѣчи горящій пепелъ, положилъ тому на голову. Почувствовавъ обжогъ, спящій проснулся и бросилъ подсвѣчникомъ въ того, кого подозрѣвалъ въ этой продѣлкѣ, но попалъ въ меня, разсѣкъ кожу на головѣ такъ, что кровь брызнула фонтаномъ, и шрамъ до сихъ поръ сохранился. Тогдашняя лазаретная обстановка соотвѣтствовала казерной. Докторъ Принцъ, имѣвшій значительную практику въ городѣ, разъ въ день, утромъ, быстро обходилъ лазаретъ и еще быстрѣе осматривалъ вновь поступающихъ въ лазаретъ, никому не отказывая въ пріемѣ, за что кадеты очень любили Принца. Но Принцъ хорошо наметался отличать дѣйствительно больнаго отъ мнимо больнаго, и о притворявшемся кадетикѣ скороговоркою говорилъ фельдшеру: „Феб-рисъ притворусъ, декохтъ алтей“. Это значило, что такому субъекту вмѣсто супа дадутъ теплую водицу и такое горькое питье, что больной на слѣдующее же утро умолялъ о выпискѣ изъ лазарета. Тогда что-то не слышно было о трудно-больныхъ и о смертныхъ случаяхъ. Наступившіе новые порядки подтянули и Принца; онъ сталъ почаще ходить въ лазаретъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилось и число больныхъ, и серьезность болѣзней, и число смертныхъ случаевъ.

По отдачѣ насъ въ корпусъ, дядя Илья очень рѣдко бралъ насъ къ себѣ въ праздники; большую часть праздниковъ и всѣ воскресенья мы проводили въ корпусѣ; по смерти дяди Ильи, года полтора мы безвыходно были въ корпусѣ, потомъ родственникъ дяди Ильи, докторъ инженернаго училища Волькенау, бралъ насъ къ себѣ, сначала изрѣдка, а за тѣмъ, передъ выпускомъ изъ корпуса, чаще и чаще. Родители высылали намъ на мелочные расходы и на лакомство ежегодно на каждаго по пяти рублей ассигнаціями, или монетою 1 руб. 40 коп. Деньги, конечно, поступали къ ротному командиру и въ большіе праздники разрѣшалось каждому изъ тѣхъ, чьи деньги хранились у него, расходовать на лакомство по пятаку; мы двое могли расходовать 10 коп. мѣдью, или нынѣшнихъ около 3 к. серебромъ. Каждому предоставлялось право самому назначить, что̀ именно онъ желаетъ получить за 5 к. Это называлось записаться на лавочку, и въ праздникъ, послѣ обѣда, ротный

каптенармусъ, обходя камеры, громко возглашалъ: „на лавочку, на лавочку“, и записывалъ, кто и чего желаетъ получить на 5 к. Согласно съ мнѣніемъ большинства, мы свои 10 к. обыкновенно распредѣляли такъ: на 3 коп. ситника, на 3 к. пополамъ масла и патоки, на 2 к. леденцовъ и на 2 к. маковниковъ. Кадеты уличали, что каптенармусъ и въ этихъ деньгахъ часто обсчитывалъ кадетъ.

Въ зимніе праздники кадетамъ, остававшимся въ корпусѣ, дозволялось по утрамъ печь картофель въ камерныхъ печахъ; это было общимъ отраднымъ занятіемъ, и даже записные лѣнтяи рано поднимались, чтобы не пропустить топку печей. Отъ ужина за нѣсколько дней запасались вареннымъ картофелемъ, и жидкое топленое масло, раздававшееся за ужиномъ порціями, по столовой ложкѣ, посредствомъ холодной воды обращалось въ твердое состояніе и въ бумажкѣ приносилось въ камеру. Въ зимніе праздники разрѣшалось приготовлять и мороженый завтракъ; для этого утренній ломоть хлѣба посыпался солью, слегка смазывался масломъ, припасеннымъ отъ ужина, и клался за форточку на морозъ.

На четвертомъ году пребыванія моего въ корпусѣ, начались въ немъ перемѣны, и къ выпуску моему не осталось и слѣдовъ императорскаго Военно-сиротскаго дома.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АКАДЕМИЧЕСКІЙ НѢМЕЦЪ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

Не далѣе какъ въ прошломъ году, наша академія наукъ, благодаря печальному факту забаллотированія русскаго ученаго Менделеева, возбудила къ себѣ общее вниманіе, и вызвала, такъ сказать, общественные порывы негодованія противъ царящихъ въ академіи нѣмцевъ. Другія событія—высшей важности нѣсколько изгладили изъ нашей памяти впечатлѣніе Менделеевской исторіи, но въ январѣ этого года академія снова напомнила о себѣ попыткой избрать въ академики малоизвѣстнаго нѣмца Бельштейна. Такимъ образомъ, наши академическіе нѣмцы какъ бы насмѣхаются надъ общественнымъ мнѣніемъ, заявляя съ откровенностью, доходящей до наглости, что они „служатъ не русской, а императорской академіи" (см. статью проф. Бутлерова въ „Руси" 14 февраля 1882 г.). Такой безнравственный съ общественной и политической точки зрѣнія взглядъ нашихъ академическихъ нѣмцевъ на ихъ отношенія къ народу, который ихъ содержитъ, выработался не вчера и не сегодня, но является результомъ всей исторіи нашей злополучной академіи, которой второе столѣтіе распоряжаются люди, глубоко презирающіе и безпощадно давящіе все русское.

Академическимъ нѣмцамъ, вѣроятно, кажется немыслимымъ иное отношеніе къ русской наукѣ и къ чисто русскимъ интересамъ и, безъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ и ихъ сторонниковъ не безъ удивленія познакомятся съ дѣятельностью такого академическаго нѣмца, который не тѣснилъ русской науки, а напротивъ—клалъ свою душу въ то, чтобы поднять академію на надлежащую высоту. Такимъ рѣдкимъ нѣмцемъ былъ баронъ А. Л. Николаи, президентъ академіи наукъ въ

тяжелое время царствованія императора Павла. Болѣе чѣмъ неблагопріятныя условія этой суровой эпохи не позволили барону Николаи добиться для академіи всего, что̀ онъ хотѣлъ, но уже самыя благородныя намѣренія и попытки его должны быть отмѣчены и поставлены на видъ хотя бы въ поученіе современнымъ нашимъ академическимъ нѣмцамъ.

Вотъ что̀ остановило насъ на личности барона Николаи, матерьялы для біографіи котораго мы нашли въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ „Архива князя Воронцова", гдѣ помѣщена переписка барона А. Л. Николаи съ графомъ С. Р. Воронцовымъ („Арх. кн. Воронцова", т. XXII. М. 1881). При этомъ обращаемъ вниманіе читателей и на то, что исторія нашей академіи наукъ въ капитальномъ трудѣ покойнаго Пекарскаго доведена лишь до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а не менѣе капитальный трудъ Сухомлинова—„Исторія Россійской Академіи", заключается пока еще только 1792 годомъ. Такимъ образомъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ ничего цѣльнаго по исторіи академіи въ царствованіе императора Павла, а дѣятельность барона Николаи относится именно къ этой эпохѣ, мало притомъ разработанной и съ точки зрѣнія общей исторіи.

Генрихъ-Людвигъ Николаи (баронское достоинство онъ получилъ впослѣдствіи отъ австрійскаго императора и былъ утвержденъ въ немъ Павломъ I)—уроженецъ Страсбурга, куда предки его переселились изъ Швеціи и гдѣ отецъ его занималъ видное мѣсто въ городскомъ управленіи. Воспитывался Николаи въ Страсбургскомъ университетѣ. Скажемъ здѣсь, со словъ академика Сухомлинова, о значеніи Страсбургскаго университета въ прошломъ столѣтіи для русской науки. „Въ числѣ студентовъ Страсбургскаго университета было весьма много русскихъ. Въ 1785—1787 гг. считалось между знатнѣйшими (vom Stande) студентами 17 нѣмцевъ, 16 французовъ, 23 англичанина и 44 русскихъ, включая въ это число и лифляндцевъ. Страсбургскіе ученые и писатели находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ, доставляя воспитателей и спутниковъ въ заграничныхъ путешествіяхъ для молодыхъ людей высшаго круга" (Ист. Росс. Акад." ч. 2-я, стр. 172—173). Здѣсь же г. Сухомлиновъ говоритъ мимоходомъ и объ интересующемъ насъ баронѣ Николаи: „Изъ Страсбурга прибылъ въ Россію нѣмецкій писатель Николаи, извѣстный своими поэмами во вкусѣ Аріосто, въ которыхъ видѣли и грацію, и разнообразіе картинъ, и знаніе человѣческаго сердца. Несчастная любовь заставила поэта покинуть родину и переселиться въ Россію".

Дѣйствительно, по окончаніи курса въ университетѣ, Николаи покидаетъ родину и отправляется въ Парижъ. Здѣсь онъ довершалъ свое образованіе въ кругу энциклопедистовъ—Даламбера, Гримма, и особенно близокъ былъ съ Дидро. Русскій посолъ въ Вѣнѣ, кн. Д. М. Голицынъ, служившій до того въ Парижѣ, оцѣнилъ отлично обра-

зованнаго юношу и предложилъ Генриху-Людвигу Николаи ѣхать съ нимъ въ Вѣну. Сюда-же въ августѣ 1762 г. пріѣхалъ тогда еще молодой графъ С. Р. Воронцовъ, только что передъ тѣмъ выпущенный изъ заключенія, куда попалъ за свою вѣрность „законному государю“, и отправленный потомъ дядею своимъ, тогдашнимъ государственнымъ канцлеромъ, въ чужіе края, чтобы немного поуспокоиться. Николаи и гр. Воронцовъ скоро сблизились между собою: оба они были молоды и оба на чужбинѣ, но судьба такъ же скоро и разъединила ихъ надолго, и только въ 1795 г., посредствомъ случайно возникшей переписки, они возобновили неразрывную дружескую связь, продолжавшуюся до самой смерти барона А. Л. Николаи. Въ 1764 г., Николаи, по предложенію гр. Разумовскаго, объѣхалъ съ сыновьями его Англію. Въ то-же время, другъ и товарищъ Николаи по Страсбургскому университету, Лафермьеръ, былъ опредѣленъ канцлеромъ Воронцовымъ въ должность библіотекаря валикаго князя Павла Петровича. Отзывы Лафермьера и Разумовскихъ о Николаи обратили на него вниманіе завѣдывавшаго воспитаніемъ наслѣдника престола графа Панина, который письмомъ къ Николаи, находившемуся тогда въ Англіи, пригласилъ его преподавателемъ къ 15-ти-лѣтнему великому князю. Изъ трудовъ Николаи, какъ преподавателя, сохранилось нанаписанное имъ въ 1772 году для Павла Петровича „Обозрѣніе политическаго состоянія Европы“. Въ 1773 году, Николаи былъ назначенъ секретаремъ великой княгини Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла, а по смерти ея, исполнялъ ту же дожность при ея преемницѣ, Маріи Ѳедоровнѣ, которая удостоивала его своей дружбой и довѣріемъ. Онъ сопровождалъ великаго князя и его супругу въ ихъ знаменитомъ путешествіи по Европѣ. Въ царствованіе императора Павла, баронъ Николаи, уже дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ многихъ орденовъ, членъ кабинета его величества, владѣлецъ жалованнаго имѣнія въ 1500 душъ, занялъ мѣсто президента академіи наукъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ академической дѣятельности Николаи, мы не можемъ пройти молчаніемъ драгоцѣнныхъ для характеристики эпохи подробностей, найденныхъ нами въ перепискѣ барона Николаи и графа С. Р. Воронцова. Изъ этихъ подробностей выясняется вполнѣ, какого рода люди вращались въ высшихъ слояхъ нашего общества и пользовались въ немъ значеніемъ на рубежѣ прошлаго столѣтія. Картина получается далеко не красивая, но на мрачномъ фонѣ ея тѣмъ симпатичнѣе рисуется благородная фигура академическаго нѣмца барона Николаи.

Въ этой перепискѣ, съ одной стороны, останавливаютъ наше вниманіе письма графа Семена Романовича Воронцова, человѣка съ опредѣленнымъ и независимымъ взглядомъ на вещи, кровнаго русскаго аристократа и патріота, но съ англійскимъ складомъ ума и понятій, безпощадно бичующаго все безобразное въ современной ему Россіи.

Съ другой стороны, не менѣе полны интереса письма А. Л. Николаи, человѣка мягкаго, осторожнаго въ сужденіяхъ и словахъ, глубоко преданнаго царской семьѣ (à mes Maîtres). Но мы видимъ, какъ, несмотря на всю его сдержанность, въ немъ постепенно, съ каждымъ письмомъ, ростетъ раздраженіе противъ невозможныхъ порядковъ, существовавшихъ у насъ въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія. Письма графа С. Р. Воронцова за 1796 — 97 годы дышатъ уваженіемъ къ новому правительству и надеждами на лучшее будущее для Россіи. „Уваженіе и нѣжное сыновнее чувство (пишетъ Воронцовъ), какое проявилъ государь къ несправедливо оскорбленной памяти своего родителя, доброта его по отношенію къ народу, отмѣна набора и уничтоженіе невыносимаго хлѣбнаго налога натурой — все это показываетъ прекрасную душу нашего монарха". Спустя четыре мѣсяца, онъ пишетъ въ томъ же духѣ: „всѣ указы и регламенты нашего новаго монарха дышатъ только желаніемъ счастія и спокойствія его подданныхъ. Порядокъ и охраненіе собственности составляютъ предметъ его постоянныхъ заботъ. Да сохранитъ намъ Богъ этого добраго государя!" Съ такимъ же сочувствіемъ относится графъ Семенъ Романовичъ и къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ одномъ изъ ближайшихъ писемъ онъ благодаритъ барона Николаи за хлопоты о назначеніи дочери своей, графини Екатерины Семеновны, фрейлиной императрицы; онъ прибавляетъ, что теперь можетъ умереть спокойно, зная, что дочь его найдетъ покровительство столь добродѣтельной государыни, и выражаетъ надежду, что дворъ ея будетъ не таковъ, какой онъ видѣлъ прежде. Объ этомъ, прежде видѣнномъ имъ дворѣ, графъ Семенъ Романовичъ въ другомъ письмѣ выражается еще рѣзче по поводу того же зачисленія дочери его въ число фрейлинъ. „Если бы эта милость была мнѣ предложена въ прошлое царствованіе — говоритъ онъ въ письмѣ отъ 11-го мая 1797 года — я отклонилъ бы ее и предпочелъ бы видѣть мою дочь гдѣ бы то ни было, но не при дворѣ, гдѣ племянницы князя Потемкина, хотя отъ времени до времени рожали дѣтей, но не переставали именоваться фрейлинами (demoiselles d'honneur). Я воспиталъ дочь свою въ правилахъ добродѣтели и надѣюсь, что она на самомъ дѣлѣ будетъ достойна этого званія".

По этимъ отрывкамъ читатель видитъ, насколько графъ Воронцовъ, переживший все царствованіе Великой Екатерины, скептически относился къ этой эпохѣ и только въ новой царственной четѣ видѣлъ элементы обновленія. Но уже въ томъ же году онъ находитъ поводъ къ жестокому порицанію порядковъ, утвердившихся при новомъ дворѣ. Его глубоко возмущаютъ щедро разсыпаемыя и ничѣмъ не заслуженныя милости французскимъ эмигрантамъ, имѣвшимъ въ концѣ-концовъ огромное вліяніе на наши дѣла. Приводимъ въ дословномъ переводѣ слова этого замѣчательнаго государственнаго человѣка своего времени; насъ не можетъ не интересовать взглядъ такого лица на

людей, не только пользовавшихся гостепріимствомъ до тѣхъ поръ чуждой имъ страны варваровъ, но и безсовѣстно вмѣшивавшихся въ дѣла этой страны. „Признаюсь, — пишетъ Воронцовъ 4-го сентября 1797 года,—я съ огорченіемъ вижу, что французскіе эмигранты, которые погубили (abîmé) свое отечество собственными пороками, эгоизмомъ, интригами и низостями, устраиваются у насъ и укореняются самымъ опаснымъ образомъ. Я страдаю отъ этого, но не въ силахъ выразить вполнѣ то, что чувствую. Г. Шуазель-Гуфье, который, что называется, только терся около литературы, не будучи глубокимъ литераторомъ, тѣмъ не менѣе глубокій интриганъ, и онъ-то водворился (impatronisé) у насъ самымъ возмутительнымъ образомъ: ему дарятъ два большихъ имѣнія, принимаютъ въ русскую службу; въ заключеніе, Богъ знаетъ за что, дѣлаютъ президентомъ академіи [1]) и, въ довершеніе всего, онъ вращается въ самомъ интимномъ кружкѣ государя и его августѣйшей супруги. Столько милостей на одну голову, на иностранца, къ которому слѣдовало бы относиться очень подозрительно за его прежнія интриги противъ насъ въ Турціи и за послѣдующія безсовѣстныя дѣйствія его, когда онъ допустилъ на службу въ черноморскій флотъ французскихъ офицеровъ, ручаясь за ихъ благородство, между тѣмъ какъ впослѣдствіи они оказались якобинцами, имѣвшими намѣреніе поджечь нашъ флотъ, что и было доказано ихъ перехваченными письмами, писанными къ друзьямъ въ Турцію“.

Не мѣшаетъ замѣтить, что такой рѣзкій отзывъ о французскихъ эмигрантахъ, всегда хорошо принятыхъ въ домѣ барона Николаи (см. „Арх.“, т. XXIII, „Письма Лонгинова“), мы находимъ въ письмѣ графа Семена Романовича, представляющемъ собою отвѣтъ на письмо А. Л. Николаи, который описываетъ ему довольно торжественный пріемъ въ Петергофѣ принцессы Тарентской, иначе герцогини де-Тремуйль, бывшей статсъ-дамы королевы Маріи Антуанеты. Эта принцесса Тарентская почему-то пользовалась расположеніемъ императрицы Маріи Ѳедоровны, которая еще раньше вела съ нею переписку при посредствѣ графа Воронцова и Николаи. По прибытіи въ Россію, принцесса Тарентская была сдѣлана статсъ-дамой русскаго двора съ содержаніемъ въ 3.600 руб. Cavalier-servant къ ней назначенъ былъ вышеупомянутый Шуазель-Гуфье. Кстати здѣсь же замѣтимъ, что принцесса Тарентская († 1814) была дѣятельнымъ агентомъ католической пропаганды въ Петербургѣ [2]).

Если Воронцовъ, вообще не расположенный къ французской націи, говоритъ съ такимъ озлобленіемъ о Шуазель-Гуфье, то и къ другимъ иностранцамъ, задающимся цѣлью обогащенія на русской почвѣ, онъ относится съ неменьшей безпощадностью и безпристрастіемъ.

[1]) Шуазель-Гуфье былъ президентомъ академіи художествъ.

[2]) См. „Гофмейстерины, статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII и XIX столѣтій“, П. Ѳ. Карабанова. Петербургъ, 1872.

Изъ разбираемой переписки мы видимъ, что около 1797 г. голландскій негоціантъ Вутъ задумалъ устроить въ Россіи кредитный банкъ. Лично расположенный къ Вуту, баронъ Николаи даетъ племяннику его рекомендательное письмо къ графу Воронцову въ Лондонъ. Воронцовъ принимаетъ его съ обычнымъ радушіемъ и любезностью, но въ отвѣтномъ письмѣ къ Николаи рѣзко высказывается противъ предпріятія Вута, находя, что оно имѣетъ характеръ спекуляціи и что болѣе чѣмъ опасно наводнять Россію кредитными бумагами въ то время, когда нашъ заграничный курсъ и безъ того слишкомъ низокъ.

„Но курьезнѣе всего — продолжаетъ графъ Воронцовъ — то, что указомъ запрещено, подъ страхомъ наказанія, говорить и писать что либо противъ этого банка, такъ что если министръ, создавшій это учрежденіе, сдѣлаетъ ошибку, или будетъ обманутъ, то зло станетъ неисправимымъ, потому что ни министру, ни тѣмъ болѣе императору, никто не дерзнетъ намекнуть объ этомъ. Быть можетъ, это очень удобно для перваго, но крайне печально для монарха".

Подъ вліяніемъ писемъ барона Николаи, графъ Семенъ Романовичъ позднѣе соглашается признать личныя достоинства и добрыя намѣренія Вута. „Я не хочу думать,—говоритъ онъ,—что предприниматель явился въ Россію съ цѣлью раззорить ее; но я убѣжденъ, что это человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ, съ новыми, смѣлыми гигантскими теоріями—нѣчто въ-родѣ Лоу". Далѣе, Воронцовъ прямо высказываетъ, что цѣль этого учрежденія (банка) гибельна и безнравственна. „Кому этимъ думаютъ помочь?" спрашиваетъ онъ съ раздраженіемъ,—„дворянству, раззоренному роскошью и долгами; дворянству безумному и не предусмотрительному, которое въ этомъ банкѣ видитъ только новый случай надѣлать новыхъ долговъ, вмѣсто того, чтобы разсчитаться со старыми". Изъ этихъ послѣднихъ строкъ дѣлается очевиднымъ, что графъ Семенъ Романовичъ цѣнилъ добродѣтели русскаго дворянства немногимъ выше, чѣмъ раньше охарактеризованное имъ дворянство французское. Къ тому же, самъ онъ окончательно отвыкъ отъ русскаго общества, его жизни, обычаевъ, понятій и, несмотря на неоднократныя предложенія Павла Петровича—занять въ Петербургѣ должность вице-канцлера, потомъ канцлера и, наконецъ, даже воспитателя малолѣтнихъ великихъ князей,—онъ всѣми мѣрами старался отклонить отъ себя эти высокія обязанности. Главною заботою его было закончить воспитаніе дѣтей своихъ въ Англіи. Онъ остался тамъ и послѣ катастрофы 12-го марта. Вотъ что пишетъ онъ по поводу этого событія къ Николаи, отъ 6-го мая 1801 года: „То, что вы пишете о характерѣ покойнаго государя,—что въ немъ была смѣсь самыхъ благородныхъ качествъ съ самыми жестокими и что эти послѣднія взяли, наконецъ, верхъ,—совершенно вѣрно; но я думаю, нужно еще прибавить, что эти жестокости, постоянно возрастая, наконецъ, довели умъ его до помраченія, ибо очевидно,

что въ послѣдніе 8 — 10 мѣсяцевъ его жизни онъ несомнѣнно страдалъ душевной болѣзнью (il était aliené): вызовъ на поединокъ нѣсколькихъ монарховъ, напечатанный по приказанію его во всѣхъ газетахъ, и многіе другіе поступки служатъ неопровержимымъ доказательствомъ этого. Точно также проявленія тиранніи и жестокости, омрачившія конецъ его царствованія, я не могу принимать за доказательства его злаго сердца. Я болѣе жалѣю о немъ, чѣмъ порицаю, и никогда не забуду той доброты, съ какою онъ относился ко мнѣ въ первые два года своего царствованія".

Таковъ взглядъ замѣчательнаго человѣка своего времени на печальную и странную эпоху въ нашей исторіи. Но графъ Воронцовъ, во всякомъ случаѣ, смотрѣлъ со стороны, издали. Обратимся теперь къ характернымъ подробностямъ этой эпохи, какія мы найдемъ въ письмахъ А. Л. Николаи.

Будучи личнымъ секретаремъ Маріи Ѳедоровны, баронъ Николаи, со вступленіемъ на престолъ Павла Петровича, сталъ очень близко къ императорскому двору, затѣмъ утвержденъ въ баронскомъ достоинствѣ и произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Около того же времени ему было пожаловано въ Тамбовской губерніи имѣніе въ 1.500 душъ. Изъ тогдашнихъ писемъ его къ графу Воронцову видно, что всѣ его служебныя занятія главнымъ образомъ посвящены были личнымъ дѣламъ Маріи Ѳедоровны, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимали и дѣла денежныя. Такъ, еще будучи великой княгиней, Марія Ѳедоровна задолжала придворному библіотекарю Лафермьеру, о которомъ мы упоминали выше, 2.000 руб.

Умирая, Лафермьеръ завѣщалъ свое маленькое состояніе двумъ своимъ крѣпостнымъ слугамъ (въ судьбѣ которыхъ принимали потомъ большое участіе гр. С. Р. Воронцовъ и баронъ Николаи), и Николаи, въ качествѣ друга и душеприкащика покойнаго, принялъ уплату долга императрицы временно на себя. Но особенно часто въ письмахъ барона Николаи встрѣчаются порученія императрицы графу Воронцову въ Лондонъ. Онъ долженъ былъ закупать для нея почтовую бумагу, карандаши, сургучъ, разноцвѣтный песокъ, бархатъ, кисею и вообще всякія матеріи. Такія обязанности остались на баронѣ Николаи даже и послѣ назначенія его, въ 1798 году, президентомъ академіи наукъ. Подробности, сообщаемыя барономъ Николаи относительно его президентства, интересны какъ для исторіи академіи, такъ и для характеристики того времени.

Баронъ Николаи издавна уже хлопоталъ и мечталъ объ этомъ назначеніи, но иногда готовъ былъ отказаться отъ своей мечты. Такъ, не задолго до своего назначенія, онъ уже пишетъ, что оно мало желательно, потому что „non plus ultra" академическихъ работъ сводится въ дѣйствительности къ несносному составленію календарей. Когда президентъ академіи Бакунинъ занялъ какой-то дипломатическій постъ,

государь назначилъ президентомъ Николаи и — пишетъ онъ — „объявилъ мнѣ мою судьбу лично и по-латыни".

Опасенія Николаи относительно календарей оправдались вполнѣ (о чемъ скажемъ ниже), но еще ранѣе онъ столкнулся съ затрудненіемъ, котораго не предусмотрѣлъ ни онъ самъ, ни тѣ, кто назначалъ его. „Назначая меня президентомъ—пишетъ Николаи—не подумали о россійской академіи (учрежденной стараніями княгини Дашковой) и мѣсто президента этой академіи (кн. Дашкова и преемникъ ея Бакунинъ состояли президентами обѣихъ академій) осталось вакантнымъ, какъ вслѣдствіе умолчанія объ этомъ въ указѣ, такъ и по совершенной моей неспособности занять это мѣсто между прочимъ (adinterim)" Николаи думалъ выдвинуть на это мѣсто Нелединскаго, но тотъ прямо спросилъ его: „а сколько я буду за это получать"? Но россійская академія не могла дать своему президенту большого содержанія, имѣя только небольшой фондъ въ 54.000 р. и еще нѣсколько домовъ, приносившихъ незначительный доходъ. Кромѣ этого, на ея надобности отпускалось 5—6 тысячъ изъ собственнаго кабинета его величества, но императоръ Павелъ прекратилъ эту субсидію. Мѣсяцъ спустя, Николаи опять пишетъ о россійской академіи: „Его величество еще ничего не рѣшилъ относительно судьбы россійской академіи, президентство которой до сего времени соединено съ управленіемъ академіей наукъ; я-же считаю себя неспособнымъ и недостойнымъ этого званія (т. е. президента россійской академіи) и эта бѣдная сиротка (cette pauvre orpheline) еще долго останется безъ попечителя (sans tuteur)." Далѣе, бар. Николаи говоритъ, что при всемъ желаніи своемъ обратить главное вниманіе на научные труды академіи, онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, вынужденъ заняться прежде всего стороною экономической, такъ какъ въ управленіе Бакунина было растрачено 46 т. рублей сбереженій кн. Дашковой и еще сдѣлано 22 т. долгу. Дѣло въ томъ, что Бакунинъ обратилъ все свое вниманіе на существовавшую при академіи гимназію и задался мыслію преобразовать ее на подобіе штутгардскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ самъ воспитывался. Поэтому, вмѣсто ассигнованныхъ на гимназію 4-хъ тысячъ, онъ издерживалъ на нее до 20-ти тысячъ руб. и довелъ комплектъ учениковъ до того, что приходилось, для возвращенія гимназіи къ прежнему типу, исключить изъ нея 120 человѣкъ, на что баронъ Николаи никакъ не могъ рѣшиться.

Въ это же время, судя по письму его отъ 18-го октября 1798 г., отношенія барона Николаи къ императрицѣ существенно измѣнились. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ, что, при своихъ занятіяхъ въ академіи и въ кабинетѣ ея величества, онъ крайне затрудняется завѣдываніемъ финансовыми и другими дѣлами императрицы. Чтобы хоть на время освободиться отъ этихъ послѣднихъ, онъ однажды уѣхалъ на недѣлю въ свое выборгское имѣнье Монрепо. „Я уѣхалъ", пишетъ онъ, „наканунѣ отъѣзда двора въ Петергофъ и, представьте, что

никто даже не намекнулъ мнѣ о подготовлявшемся петергофскомъ кризисѣ. Вообразите же мое удивленіе, когда, по возвращеніи, всѣ стали поздравлять меня со скорымъ возвращеніемъ изъ ссылки. Всѣ думали, что и я попалъ въ число сосланныхъ. Чтобы гарантировать себя отъ всякихъ случайностей, мнѣ оставалось только подать прошеніе объ освобожденіи меня отъ службы у ея величества, подъ предлогомъ обилія занятій по академіи и въ кабинетѣ его величества".

Какъ узналъ потомъ баронъ Николаи, всѣ его письма были пересмотрѣны (perlustrées), но они послужили только доказательствомъ того, что онъ не принималъ никакого участія въ придворныхъ интригахъ.

Здѣсь кстати баронъ Николаи откровенно высказываетъ свое мнѣніе о Маріи Өедоровнѣ: „она требовательна, несносна (tourmentante), несправедлива, иногда даже высокомѣрна, какъ вы не можете себѣ представить!" говоритъ онъ.

Столь разочарованный въ своей высокой покровительницѣ, Николаи неменѣе огорчался и дѣлами академіи: постоянный недостатокъ въ деньгахъ, совершенная распущенность членовъ, „которыхъ заставить работать такъ же трудно, какъ выпить море", интриги и вѣчныя пререканія—вотъ что выпало на долю президента академіи. Съ такими силами трудно было даже издавать календари, о которыхъ съ такимъ презрѣніемъ отзывался онъ до вступленія въ академію. При этомъ и помимо плохой работы академиковъ, являлись и иныя затрудненія—по изданію календарей. Злополучный адресъ-календарь на 1799 годъ начатъ былъ печатаніемъ, конечно, въ 1798 г. и въ январѣ 1799 г. отпечатано было уже 10 листовъ; „но—пишетъ баронъ Николаи 26-го января,—въ такой обширной имперіи и при началѣ царствованія перемѣны были такъ часты, что въ этихъ 10-ти листахъ не оказалась и слова правды".

Но все это для исторіи нашей академіи, конечно, ничто въ сравненіи съ слѣдующимъ сообщеніемъ барона Николаи отъ 14-го мая 1800 года: „вы, безъ сомнѣнія, знаете, что однимъ изъ послѣднихъ указовъ воспрещенъ ввозъ въ Россію какой-бы то ни было иностранной книги. Мнѣ пришлось бы закрыть свою лавочку, если бы не допускалось исключеній. Но я намѣренъ просить на этотъ счетъ разрѣшенія и подъ рукой (sous main) мнѣ обѣщаютъ успѣхъ".

Общее положеніе въ то время было крайне напряженное и приходилось опасаться за каждый шагъ. Опасно было даже вести переписку, какъ мы видимъ изъ перваго письма барона Николаи, послѣ смерти Павла, которую онъ называетъ „великимъ событіемъ, столь счастливымъ съ одной стороны, столь ужаснымъ—съ другой". Гр. Воронцовъ и Николаи на время, дѣйствительно, прекратили переписку.

Кстати, приведемъ здѣсь же изъ позднѣйшаго письма барона Николаи драгоцѣнное свидѣтельство, проливающее новый свѣтъ на политическій заговоръ, возникшій, какъ извѣстно, не задолго до кон-

чины Павла. Характеризуя государственныхъ людей, окружавшихъ молодаго императора Александра, Николаи говоритъ о графѣ Панинѣ, которому, очевидно, предполагалось дать портфель министра иностранныхъ дѣлъ. „Воспоминаніе о первомъ проектѣ предполагавшагося политическаго переворота, составленномъ (fabriqué) Панинымъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Рибасомъ, — омрачило доброе мнѣніе, которое прежде имѣли о графѣ Панинѣ“.

Несмотря, однако, на измѣнившіеся порядки и нѣсколько очистившуюся политическую и общественную атмосферу, Николаи видитъ что его время прошло, и не разсчитываетъ выдвинуться при новомъ царствованіи. Раздѣляя розовыя надежды русскаго общества на новое царствованіе, Николаи, тѣмъ не менѣе, высказываетъ слѣдующія печальныя мысли: „признаюсь, что, несмотря на пріятную перспективу царствованія долгаго и мирнаго, мнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе бьетъ въ носъ (pue au nez) эта придворная клоака, въ которой непрерывно совершаются мелкія гадости (de petites vilainies) и во мнѣ созрѣваетъ непремѣнное желаніе выйти въ отставку“.

Но, какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ новыхъ освѣжающихъ вѣяній, Николаи продолжаетъ работать для академіи. Онъ черезъ Гершеля заказываетъ въ Лондонѣ принадлежности къ телескопу, который не былъ собранъ и установленъ еще со времени Екатерины II; въ концѣ 1801 года, Николаи представляетъ проектъ новаго регламента и только въ началѣ 1803 г. уже настоятельно проситъ объ отставкѣ. По этому поводу онъ написалъ письмо государю, который, прочитавъ его, положилъ въ карманъ и втеченіе пяти недѣль ни однимъ словомъ не упоминалъ о баронѣ Николаи, который наконецъ рѣшился напомнить о себѣ въ слѣдующихъ оригинальныхъ строкахъ: „Ваше величество! Одинъ старый придворный XVII столѣтія, получивъ отставку, спустя три года умеръ. На могилѣ своей онъ велѣлъ написать: NN родился въ 1600 г., умеръ въ 1668, проживши 3 года. Дайте же мнѣ, ваше величество, возможность также выставить нѣсколько лѣтъ жизни въ моей эпитафіи“.

При посредствѣ императрицы Маріи Ѳедоровны, Николаи добился, наконецъ, отставки.

Между тѣмъ, въ томъ же 1803 году, по высочайшему повелѣнію, составлена была комиссія для изслѣдованія положенія академіи наукъ и для изысканія способовъ къ ея возвышенію, не стѣсняясь никакими опасеніями. Предсѣдатель комиссіи Новосильцевъ составилъ записку, въ которой изложилъ результаты наблюденій и разсужденій комиссіи объ академіи. Вотъ что пишетъ въ этой запискѣ Новосильцевъ: „Начавъ свои занятія строгимъ разборомъ проекта, составленнаго барономъ Николаи, комиссія нашла, что этотъ проектъ написанъ съ совершеннѣйшимъ безпристрастіемъ, безъ всякаго вмѣшательства самолюбія, и проникнутъ сильнымъ желаніемъ общаго блага, а потому комиссія не могла подвергнуть этотъ проектъ значительнымъ перемѣнамъ.

Одна изъ самыхъ замѣтныхъ перемѣнъ состоитъ въ расширеніи плана академіи отъ прибавленія къ ея составу класса наукъ политическихъ и нравственныхъ, которыхъ до сихъ поръ не доставало и которыя, какъ кажется, существенно необходимо водворить въ Россіи...

„Комиссія,—продолжаетъ замѣтка,—не должно ли осмѣлиться доложить вашему величеству о злоупотребленіи, которое такъ обыкновенно и такъ чувствительно, что скрыть его невозможно. Мы разумѣемъ злоупотребленіе, вкравшееся съ 1782 г., которымъ сословіе, посвященное наукамъ, почти порабощено корпораціей писцовъ. Нынѣшній президентъ (т. е. баронъ Николаи) устранилъ часть зла“.

Авторъ напечатанной въ Запискахъ академіи наукъ (т. III. 1855 г.) замѣтки „Историческій взглядъ на академическое управленіе 1726—1803 г.“ г. К. говоритъ о баронѣ Николаи какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ самыя добрыя намѣренія относительно нашей академіи наукъ. Рисуя самыми мрачными красками положеніе академіи, „порабощенной корпораціей писцовъ“, г. К. говоритъ: „для послѣдняго творенія Петра блеснулъ, наконецъ, лучъ спасенія. Избранный въ президенты, баронъ Николаи обратился къ мысли Петра Великаго; онъ чувствовалъ, что для оживленія и возрожденія академіи, надобно дать ученой корпораціи право участвовать въ управленіи ея дѣлами. Въ 1801 г., онъ избралъ въ вице-директоры академіи, изъ числа членовъ конференціи, академика Румовскаго, человѣка равно уважаемаго всѣми и за ученыя, и за педагогическія, и за обще-человѣческія достоинства, соединивъ со званіемъ вице-директора управленіе хозяйственными дѣлами и гимназіей“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что заслуги барона Николаи по отношенію къ академіи были оцѣнены только тогда, когда онъ уже удалился отъ дѣлъ. Въ своемъ помѣстьи Монрепо онъ проживалъ на покоѣ до самой своей смерти въ 1820 г. Единственный сынъ его Павелъ Андреевичъ получилъ блестящее образованіе и, начавъ свою дипломатическую карьеру въ Лондонѣ, подъ руководствомъ графа С. Р. Воронцова, въ сороковыхъ годахъ былъ русскимъ посланникомъ въ Копенгагенѣ.

Въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ мы постарались выяснить, на сколько могли, личность барона Николаи, какою она рисуется по имѣющимся въ рукахъ нашихъ печатнымъ матеріаламъ. Многое неясное здѣсь и недосказанное можетъ пополниться и исправиться лишь при документальной разработкѣ эпохи императора Павла I. Пока же мы сочли не лишнимъ отмѣтить интересную и поучительную личность академическаго нѣмца, который не игралъ словами „императорская академія“, подобно современнымъ намъ академическимъ нѣмцамъ, но честно и безпристрастно работалъ на пользу гостепріимной ему Россіи. Такихъ академическихъ нѣмцевъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время нѣтъ.

Евгеній Гаршинъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ ХУДОЖНИКИ ВЪ РОССІИ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Живописецъ Людовикъ Каравакъ (1716—1752).

Въ Россіи всегда было немало иностранныхъ художниковъ, только въ разныя эпохи преобладали разныя національности. Такъ, съ древнѣйшихъ временъ появляются у насъ греко-византійцы, потомъ (въ XV в.)—итальянцы, далѣе (въ XVII в.)—голландцы, затѣмъ (въ XVIII в.)—французы и нѣмцы. Разумѣется, за малыми исключеніями, тутъ были все больше посредственности, особенно въ XVIII вѣкѣ, но все же они играли извѣстную роль въ исторіи русскаго искусства и потому всѣ заслуживаютъ нашего вниманія. Къ сожалѣнію, о большинствѣ изъ нихъ сохранилось очень мало свѣдѣній, такъ какъ иностранныя художественныя изданія почти не занимаются ими, а въ Россіи таковыхъ изданій почти совсѣмъ нѣтъ. Такъ, напр., о Каравакѣ, очень извѣстномъ въ Петербургѣ живописцѣ первой половины XVIII вѣка, всѣ художественные писатели черпали до сихъ поръ свои свѣдѣнія исключительно изъ замѣтокъ Штелина, напечатанныхъ прежде всего Мейзелемъ [1])

[1]) См. J. G. Meusel, Miscellanen artistischen Inhalts. Erfurt, 1782. 8°, II Band. XI Heft. S. 261 (Списокъ главнѣйшихъ русскихъ художниковъ, по рукописнымъ замѣткамъ Штелина, сообщеннымъ автору Бюшингомъ въ Берлинѣ), откуда заимствовали: H. H. Füssli, Allgemeines Künstler-Lexikon. Zürich, 1806. f°, II. 158 (въ видѣ дополненія къ „Словарю художниковъ“ I. R. Füssli, 1779 г.).—I. D. Fiorillo, Kleine Schriften artistischen Inhalts. Göttingen, 1806. 8°, II. 41 (Опытъ исторіи искусствъ въ Россіи).—Мѣсяцесловъ на 1840 г. Спб. при Акад. Наукъ. 8°, стр. 176 (Алфавитный списокъ достопримѣчательнѣйшихъ русскихъ и жившихъ въ Россіи художниковъ).

и въ дополненномъ видѣ—Ровинскимъ [1]). Поэтому, на первый разъ, мы постараемся представить здѣсь систематическій сводъ всѣхъ извѣстій о немъ изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, дошедшихъ до насъ.

Людовикъ Каравакъ, судя по фамиліи, долженъ быть испанскаго происхожденія, такъ какъ въ Испаніи, въ провинціи Мурсіи, есть городъ Каравака, на рѣкѣ того же имени; но родился онъ во Франціи, въ Гаскони,—именно въ Марсели [2]). Въ какое время онъ вступилъ въ русскую службу—съ точностію неизвѣстно; вѣроятнѣе всего, что это случилось въ 1716 г., когда Лефортъ и Зотовъ наняли въ Парижѣ для Петра I нѣсколькихъ художниковъ и мастеровъ, въ томъ числѣ архитекторовъ Растрелли и Леблонда. По крайней мѣрѣ, существуютъ два гравированныхъ на мѣди портрета Петра Великаго (по грудь, 3/4 влѣво; въ латахъ и шубѣ, съ андреевской лентой и звѣздой), двухъ разныхъ форматовъ—въ 8° и въ 4°, съ подписями: 1) „Peint d'après Nature, par L. Caravaque, à Astracan, en **1716**.—Et Gravé par P. G. Langlois | en 1783“ (приложенъ къ изданію: Oeuvres Complètes de Voltaire. Paris, 1785. 8°. Vol. 24 = Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand) и 2) „Peint d'après Nature, par L. Caravaque | à Astracan en **1716**.—et Gravé par P. G. Langlois. | à Paris en 1784“.

Живописный оригиналъ, съ котораго гравированы эти портреты, намъ неизвѣстенъ, но въ Морскомъ музеѣ въ Спб. Адмиралтействѣ есть подобный портретъ Петра I (поясной, 3/4 влѣво, съ жезломъ въ правой рукѣ; въ конно-гвардейскомъ мундирѣ тогдашняго времени, съ андреевской лентой и звѣздой), правда, безъ обозначенія имени художника и времени написанія, однако писанный, вѣроятно, въ 1716 г., такъ какъ вдали на немъ изображенъ русско-англійско-датско-голландскій флотъ, которымъ командовалъ Петръ въ Копенгагенѣ въ августѣ и сентябрѣ того года; съ портрета этого была издана Бекетовымъ гравюра на мѣди въ малый листъ, съ подписью: „Р. Ф. Кинель—Г. А. Афанасьевъ“, только безъ флота сзади [3]). Кромѣ того,

[1]) См. Д. Ровинскаго. „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“. Спб. 1872. 8°, стр. XVIII (Замѣтки Штелина).

[2]) Какъ сказано въ примѣчаніи къ стихотворенію: Epitre XI. A Monsieur Caravaque, Premier Peintre de S. M. I. de toutes les Russies, въ книгѣ: Poésies diverses Du Sr. P. L. L. R. (т. е. Pierre Louis Le Roy). A Amsterdam, Chez Jean Joubert,... MDCCLVII. 8°, p. 187; см. объ этомъ сборникѣ и его авторѣ статью Д. К. въ „Росс. Библіографіи“ 1881 г., № 93 (17).—Ле-Руа пріѣхалъ въ Россію въ 1731 г. и, послѣ пятилѣтней дружбы съ Каравакомъ, просилъ своего пріятеля написать съ него портретъ; но тотъ согласился исполнить его желаніе только въ такомъ случаѣ, если къ нему обратятся съ просьбой въ стихахъ. Тогда Ле-Руа написалъ къ Караваку вышеупомянутое стихотворное обращеніе и потомъ стихами же благодарилъ художника за исполненіе его портрета.

[3]) См. объ этомъ портретѣ: А. А. Васильчикова, „О портретахъ Петра Великаго“. М. 1872. 8°, стр. 111.

въ монастырѣ Ремета, на Фрушской горѣ, въ Хорватіи, находился сходный съ предъидущимъ, чрезвычайно характерный и должно быть очень похожій портретъ Петра I (поколѣнный, 3/4 влѣво, съ палкой въ лѣвой рукѣ; въ мѣховой шапкѣ и въ кафтанѣ, съ андреевской лентой и звѣздой), съ подписью на оборотѣ: „Во свое и своихъ поминаніе пріинесоша жителя Карловича Павелъ и супруга его Наталіа Паніотовичъ святѣй обители Реметы въ даръ, лѣта Господня 1818, въ 22 д. маіа" [1]); портретъ этотъ, благодаря хлопотамъ В. В. Стасова, выписанъ въ 1880 г. въ Спб. Эрмитажъ, гдѣ и останется, а въ монастырь будетъ послана замѣсто того копія; съ него существуетъ хромолитографія въ большой листъ, съ подписью: „Издаје А. I. Стефановић.—Druck v. Gerhart. Wien.—Умножаване се задржава" [2]).

Судя по сходству лица Петра на всѣхъ вышеупомянутыхъ портретахъ, можно предположить, что всѣ они писаны подъ вліяніемъ одного мастера и въ одно время, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями въ аксессуарахъ, или же скопированы съ одного оригинала, причемъ перемѣны принадлежатъ копіистамъ, а нѣкоторыя отличія въ гравюрахъ Ланглуа противъ двухъ живописныхъ портретовъ могли быть сдѣланы даже самимъ граверомъ, чему мы имѣемъ не одинъ примѣръ. Но идти дальше предположеній тутъ нельзя; спорнымъ представляется также вопросъ, гдѣ Каравакъ писалъ портретъ съ Петра Великаго въ 1716 г. Разумѣется, не въ Астрахани, какъ ошибочно обозначено на гравюрахъ Ланглуа, потому что Петръ былъ тамъ всего шесть лѣтъ спустя, весь же почти 1716 г. (до октября 1717 г.) проведенъ имъ за-границей. Слѣдовательно, если Каравакъ писалъ съ него въ 1716 г., то лишь за границей. Ошибка Ланглуа могла произойти оттого, что Каравакъ дѣйствительно писалъ портретъ Петра и въ Астрахани, но только въ 1722 г. и совсѣмъ въ иномъ видѣ, какъ увидимъ ниже. За-границей Каравакъ могъ писать съ Петра въ 1716 г., или между 26-мъ мая и 15-мъ іюня въ Пирмонтѣ, куда Кононъ Зотовъ привозилъ къ царю нанятыхъ Лефортомъ во Франціи художниковъ съ Леблондомъ во главѣ [3]), или же 14—15 ноября въ Гавельбергѣ, гдѣ царь имѣлъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I.

Очень возможно, что въ числѣ привезенныхъ Зотовымъ въ Пирмонтъ французскихъ художниковъ находился и Каравакъ и что, передъ отправленіемъ его въ Петербургъ, Петръ далъ ему сеансы для

---

[1]) См. В. Каченовскаго—„Петръ въ Сербіи", въ „Древ. и Нов. Россіи" 1879 г., октябрь, т. XV, стр. 17—19.

[2]) Въ виду рѣдкости этой хромолитографіи (В. В. Стасову съ трудомъ удалось достать одинъ экземпляръ ея въ Бѣлградѣ въ 1880 г. для коллекціи Петровскихъ портретовъ Императорской Публичной Библіотеки), сдѣланной въ добавокъ съ нѣкоторыми перемѣнами противъ картины, къ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника" прилагается гравюра на деревѣ, исполненная Паннемакеромъ въ Парижѣ по фотографіи, снятой Класеномъ въ Эрмитажѣ съ оригинала.

[3]) См. Голикова—„Дѣянія Петра Великаго", изд. 2-е, VI. 505—506.

портрета, хотя объ этомъ и не упоминается въ „Походномъ журналѣ 1716 г."; но можетъ быть также и то, хотя это и менѣе вѣроятно, что Каравакъ, привезенный Зотовымъ въ Пирмонтъ, не былъ отправленъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ прочими художниками, а остался почему либо при царѣ и, сопровождая его въ его заграничномъ путешествіи, написалъ съ него портретъ въ Гавельбергѣ. Въ „Походномъ журналѣ 1716 г.", подъ 14 и 15 ноября, дѣйствительно говорится, что: 1) „его величество кушалъ у короля, и списывали персону, и былъ у графа Головкина" и 2) „его величество кушалъ дома, и списывали персону, и былъ король", но безъ упоминанія имени художника, списывавшаго „персону" [1]). Конечно, приведенныя цитаты могли относиться и къ Ивану Никитину, о которомъ Петръ писалъ къ Екатеринѣ изъ Экестоля, отъ 19 апрѣля 1716 г., въ Данцигъ: „Попались мнѣ встречю Бекълемишевъ і живописецъ Іванъ (Никитинъ). І какъ они приѣдутъ къ вамъ, тогда попроси короля (Августа II Польскаго), чтобъ велѣлъ свою персону ему писать; такъ же і прочихъ, каво захочешь, а особливо свата, дабы знали, что есть і ізъ нашево народа добрыя мастеры" [2]); но въ концѣ года Никитинъ, вѣроятно, былъ уже въ Италіи. Конечно, съ Петра могли быть писаны и два портрета въ 1716 г.: въ Пирмонтѣ и въ Гавельбергѣ, однимъ и тѣмъ же мастеромъ, или двумя разными художниками, и изъ этихъ портретовъ первый могъ попасть въ Сербію, а второй—въ Морской музей въ Петербургѣ.

Если Каравакъ писалъ портретъ Петра въ Гавельбергѣ, въ ноябрѣ 1716 г., то онъ должно быть вскорѣ послѣ того отправился въ Петербургъ, такъ какъ 23-го мая 1717 г. царь пишетъ Меншикову изъ Парижа: „Живописца ѳранцуза Каравака такожъ заставте писать для той же шпалерной работы историческіе картины, ибо онъ договоромъ своимъ имянно обязался писать всякіе исторіи, и для того велите ему нынѣ писать баталіи Полтавскую, Левенгопскую (при Лѣсномъ) и прочія, и придайте ему учениковъ" [3]); въ то же время царь даетъ и другія повелѣнія относительно Каравака, что ему еще писать, какъ это видно изъ письма кн. Меншикова къ директору отъ строенія кн. Черкасскому. Картины, вытканныя съ работъ Каравака, украшали потомъ нѣсколько комнатъ въ Зимнемъ дворцѣ [4]). Контракты Каравака, Растрелли, Леблонда и др. мастеровъ были посланы Петромъ I Меншикову изъ Шверина, 23-го іюня 1716 года, при письмѣ слѣдующаго содержанія: „... О себѣ вамъ объявляемъ, что мы куръ свой окончили и сюды возвратились ис Пирмонта въ 19

---

[1]) См. „Походный журналъ 1716 г.". Спб. 1855. 8°, стр. 99.

[2]) См. „Письма русскихъ государей". М. 1861. 8°, переписка имп. Петра I съ госуд. Екатериной Ал., стр. 44.

[3]) См. Голикова, VI. 601, и въ „Госуд. архивѣ", письма Петра I къ кн. Меншикову, л. 224 и 225 (послѣднее сообщ. мнѣ И. А. Бычковымъ).

[4]) См. Голикова, VI. 601.

день сего мѣсяца и вскорѣ поѣдемъ въ Копенгагенъ. При семъ посылаемъ къ вамъ подлинныя контракты мастеровъ ѳранцузовъ, которые отправлены моремъ, такожъ и тѣхъ, которыхъ привезъ сюды Кононъ Зотовъ сухимъ путемъ и которые прежде съ Растрелліемъ пріѣхали, о которыхъ мы прежде къ вамъ писали (изъ Пирмонта, 11 іюня), и когда оные прибудутъ, тогда содержите ихъ во всемъ противъ ихъ контрактовъ, и что подлежитъ имъ давать жалованья, тѣ денги вели имъ давать отъ себя изъ губернскихъ доходовъ на нашъ щотъ, которые мы послѣ велимъ вамъ заплатить" [1]).

Послѣ того мы не имѣемъ свѣдѣній о Каравакѣ до 1722 г., когда встрѣчаемъ его въ Астрахани и затѣмъ въ Петербургѣ. Въ „Книгѣ расходной пріему подьячего Гаврилы Замятнина" 1722 г. (въ архивѣ Моск. Оружейной палаты, № 1091—1313, л. 28 и 51—52) записано, между прочимъ, слѣдующее: „Мая 9-го. По указу императорскаго величества дано живописцу французу Каравакѣ для нынѣшняго низоваго походу въ зачетъ его жалованья, которое онъ получилъ изъ городовой канцеляріи, 50 р." и далѣе: „Іюля въ 18-й день, дано живописцу французу (имя пропущено), за писанье ихъ величествъ въ нынѣшнемъ низовомъ походѣ персонъ 100 р... Тогожъ числа, дано живописцу французу Каравакѣ, за издержанные его деньги на покупку красокъ для писанія персоны его величества, а коликое число какихъ по званіямъ и по какой цѣнѣ, то явно въ той росписи,—14 р. 4 к."; а въ книгѣ расходовъ имп. Екатерины І-й того же года (въ архивѣ Моск. Дворцовой канторы, дѣло n° 418 оп. 51, л. 103) сказано: „Іюля въ 15-й день, въ Астрахани, дано живописцу французу Каравакѣ 100 р." [2]). Изъ приведенныхъ документовъ видно, что Каравакъ писалъ портреты Петра и Екатерины въ Астрахани, въ іюлѣ 1722 г.

Приписываемый Караваку второй портретъ Петра (грудной, 3/4 вправо; въ порфирѣ и латахъ, со скипетромъ въ рукахъ, съ андреевскою цѣпью и кружевнымъ галстухомъ на шеѣ) находится въ гостиной императора Александра I въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ; другой подобный же, но нѣсколько разъ переписанный и реставрированный,—въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца (№ 6.671) и наконецъ третій, похожій на оба предъидущіе,—въ кабинетѣ великаго князя Николая Константиновича въ Павловскомъ дворцѣ [3]).

Съ портрета Петра I работы Каравака 1722 г. существуетъ гравюра на мѣди въ малый листъ, съ подписью: „Dessiné d'après nature en 1723 deux ans avant la mort de Sa Majesté Imperiale par Monsieur | Caravac son Peintre.—Gravé à Paris en 1743 par P. Soubeyran d'après l'original communiqué par Monseigneur le | Prince Cantemir Ambassadeur

---

[1]) См. въ „Госуд. архивѣ" письма Петра I къ кн. Меншикову, л. 232 и 233 (Сообщ. мнѣ И. А. Бычковымъ).

[2]) См. Г. В. Есипова—„Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ". М. 1872. 8°, II. 104. 112 и 141.

[3]) См. А. Васильчикова, на стр. 84, 86 и 109.

de Russie à la Cour de France". Принадлежалъ ли дѣйствительно оригиналъ этой гравюры кн. Кантемиру, или послѣднимъ былъ сообщенъ только рисунокъ граверу,—мы этого не знаемъ, такъ какъ въ письмѣ изъ Парижа, отъ 16-го (5-го) января 1744 г., къ гр. М. Л. Воронцову кн. Кантемиръ говоритъ лишь о рисункѣ: „Въ протчемъ я запамятовалъ вашему превосходительству донесть, что уже за двѣ недѣли передъ симъ имѣлъ честь адресовать къ вашему превосходительству чрезъ французск. консула г. Севьора свертокъ съ печатными портретами высокославныя памяти Его И. В—ва Петра Великаго, который я велѣлъ вырѣзать съ весьма подобнаго рисунка" [1]).

Существуетъ еще гравированный Ал. Зубовымъ въ 1734 г. въ малый листъ портретъ Петра того же типа Каравака, только въ ростъ (тутъ позади видны столъ. съ короной и державой и колонна).

Безъ сомнѣнія, съ оригинала Каравака 1722 г. писалъ портретъ Петра I (въ ростъ, 3/4 влѣво, рядомъ съ Минервой; въ кирасѣ поверхъ кафтана и въ мантіи, съ андреевской лентой и звѣздою, въ шарфѣ и ботфортахъ, съ жезломъ въ правой рукѣ)—Джакомо Амикони, родомъ венеціянецъ, жившій въ Лондонѣ съ 1729 по 1739 г.; портретъ этотъ находится теперь въ Петровской тронной залѣ Зимняго дворца [2]); съ него есть гравюра на мѣди въ большой листъ, съ подписью: „Amiconi Pinx.—Wagner Sculp. | ... Ex prototypo in Aedibus Principis A. Cantemir—J. M. S. Prenipot-Ministri ad M. Brit-Regem. | Apresso I. Wagner in Merc^a. Venetia F: 1", откуда видно, что оригиналъ этой гравюры принадлежалъ прежде кн. Кантемиру, бывшему русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ съ 1732 по 1738 г.

Можно думать, что Петръ I остался доволенъ своимъ портретомъ работы Каравака 1722 г., и потому сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Господинъ Брегадиръ, Бил челом Намъ живописецъ Каравак чтоб ему отдать дворъ здеревянным строением [что навасильевском острову во ѳранцускои улице] в'которомъ онъ жилъ, и ежели онъ деревянное строение стого мѣста куды пожелаетъ перенесть надругое мѣсто то втом даите ему позволение. Петръ. в астрахани. iюля въ 18 д.: 1722" [3]).

Полгода спустя, 18-го января 1723 г., Петръ пишетъ въ канцелярію отъ строенія: „дабы оная освидѣтельствовала работы живописца француза Каравака, и по освидѣтельствованіи заплатила ему за тѣ работы его деньги" [4]); но о какихъ работахъ идетъ тутъ рѣчь—намъ неизвѣстно: можетъ быть, Каравакъ все еще писалъ тогда батальныя картины, о которыхъ говорено выше.

Послѣднее извѣстіе о Каравакѣ за Петровское время мы находимъ

---

[1]) См. „Архивъ кн. Воронцова". М. 1870. 8°, I. 385.

[2]) См. А. Васильчикова, на стр. 87—88.

[3]) См. въ „Сенатскомъ Архивѣ", кн. XXI. л. 19, и въ „Сборникѣ Русск. Истор. Общества". Спб. 1873. 8°, т. XI, стр. 493. Указъ этотъ былъ доставленъ бригадиру Девіеру въ С.-Петербургъ самимъ Каравакомъ, 20-го декабря 1722 г.

[4]) См. Голикова, IX. 454.

въ повелѣніи царя, отъ 31-го марта 1724 г., генералъ-полицiймейстеру „о написаніи живописцу французскому Караваку портретовъ царевенъ Анны Петровны и Елизаветъ Петровны“ [1]). Портреты царевенъ дѣйствительно были написаны Каравакомъ; они находились въ деревянномъ Зимнемъ дворцѣ (что̀ былъ на Невскомъ проспектѣ, у Полицейскаго моста) и въ 1762 г., вмѣстѣ съ другими 28 картинами разныхъ мастеровъ, подарены Екатериною II академіи художествъ, гдѣ портретъ Анны Петровны (въ ростъ, 3/4 вправо; у табурета) находится и понынѣ [2]), а портретъ Елисаветы Петровны или попалъ куда нибудь въ другое мѣсто, или находился тамъ же еще въ 1842 г., но уже подъ именемъ работы Ле Лорреня [3]).

Кромѣ царевенъ, Каравакъ написалъ портреты: 1) Екатерины I (въ ростъ и впрямь, немного вправо; въ порфирѣ и андреевской цѣпи, со скипетромъ и державой, у стола съ короной)—можетъ тотъ самый, о которомъ говорено выше подъ 1722 г., и 2) Петра II (тоже въ ростъ и впрямь; въ порфирѣ и андреевской цѣпи, съ жезломъ въ лѣвой рукѣ); изъ нихъ первый находится въ Академіи Наукъ и гравированъ на мѣди Вортманомъ (но только по поясъ) и Ал. Зубовымъ въ 1735 г. (весь)—оба въ листъ, а второй—въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца и гравированъ на мѣди Ал. Зубовымъ въ декабрѣ 1727 г., въ большой листъ, и Ив. Зубовымъ въ 1728 г. (только по грудь).

Затѣмъ о Каравакѣ нѣтъ свѣдѣній до 1730 г., когда, при вступленіи на престолъ Анны Ивановны, онъ снова выступаетъ на сцену. „Академія ремеслъ въ 1730 г.“,—пишетъ Н. В. Татищевъ въ своемъ „Лексиконѣ“,—„вѣчно достойныя памяти императрица Анна Іоанновна ко устроенію оной соизволеніе свое объявить и на содержаніе ея по 12.000 руб. въ годъ дать изволила, въ которой быть ремесламъ: 1) архитектурѣ, 2) живописи, 3) обращства (т. е. скульптурѣ), 4) механикѣ, и людей: главнымъ—Татищева, въ архитектурѣ—Еропкина, въ живописи—Каравака, въ скульптурѣ—Рятрелія (т. е. Растрелли), въ механикѣ—изъ профессоровъ искуснѣйшаго, но Остерманъ, по нѣкоей ненависти, удержалъ и указъ изготовленный къ подпискѣ уничтожилъ, и тако сіе весьма государству полезное дѣло въ забвеніи осталось“ [4]). Нѣсколько позднѣе, въ 1735 г., Караваку поручено было испытаніе красокъ, присланныхъ Татищевымъ въ кабинетъ ея величества, о чемъ имѣется именной указъ отъ 29-го октября того года [5]).

---

[1]) См. Голикова, X. 393.

[2]) См. „Указатель находящихся въ Академіи произведеній, по алфавиту именъ художниковъ и предметовъ“. Изд. Фишера. Спб. 1842. 8°, подъ № 297 (по рукописному каталогу Ухтомскаго 1858 г.—№ 883).

[3]) См. тамъ же, подъ № 296.

[4]) См. Татищева—„Лексиконъ Россійской исторической, географической, политической и гражданской“. Спб. 1793. 8°, I. 19—20.

[5]) См. „Полное собраніе законовъ“, IX. 597. № 6.831 (гдѣ Каравакъ названъ итальянцемъ).

Вообще, Анна Ивановна покровительствовала Караваку еще болѣе, чѣмъ ея предшественники. При ней онъ написалъ на холстѣ въ большой залѣ Зимняго дворца плафонъ въ красивомъ колоритѣ, но съ игрушечными фигурами и украшеніями [1]); черезъ Бирона выхлопоталъ себѣ титулъ придворнаго живописца и полковничій чинъ, которымъ непомѣрно гордился; наполнилъ дома петербургскихъ вельможъ портретами императрицы, которую писалъ безчисленное множество разъ: въ ростъ (у трона и безъ трона), по поясъ и по грудь, а также портретами Бирона и его жены—Бенигны Готлибъ [2]), которые считались лучшими его произведеніями, и гравированы: первый—Ив. Соколовымъ, въ 1740 г., и второй—Вортманомъ, въ 1741 г.; сверхъ того, написалъ портретъ правительницы Анны Леопольдовны, находящійся въ Гатчинскомъ дворцѣ и гравированный Вортманомъ, въ 1739 г. Изъ портретовъ Анны Ивановны гравированы Вортманомъ: 1) въ 1731 г.— въ ростъ, 3/4 вправо, въ императорскомъ одѣяніи, со скипетромъ и державой, у стола передъ трономъ (считался самымъ похожимъ, находится въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца и въ снимкѣ былъ приложенъ къ книгѣ: „Описаніе коронованія Ея Величества Императріцы и Самодержицы Всероссійской Анны Іоанновны. М. 1730, въ л.); 2) въ 1736 г., поясной, 3/4 вправо, въ коронѣ и порфирѣ, съ андреевскимъ орденомъ (писанъ въ 1730 г.), и 3) въ 1740 г.—въ ростъ, 3/4 влѣво, въ кружевномъ платьѣ, въ креслахъ передъ столомъ съ регаліями,—въ большой листъ.

Впрочемъ и при Елисаветѣ Петровнѣ Каравакъ не утратилъ своего значенія при дворѣ. Такъ, въ „Дневникѣ докладовъ гр. М. Л. Воронцова", подъ 23 ноября 1742 г., мы находимъ слѣдующее извѣстіе о немъ: „По учиненному докладу о посылкѣ ко всѣмъ при иностранныхъ дворахъ министрамъ ея императорскаго величества большаго стоячаго портрета, ея императорское величество указать соизволила оные портреты чрезъ Каравака сдѣлать и къ министрамъ послать" [3]). О томъ же говорится, нѣсколько позднѣе, въ „Перепискѣ барона Черкасова съ кабинетъ-секретаремъ Я. И. Бахиревымъ", а именно, что: „1744 г., февраля 16-го, императрица приказала прислать въ Москву три портрета ея величества: одинъ, написанный по колѣни, и одинъ—весь стоящій, написанный живописцемъ Каравакомъ, изъ числа тѣхъ портретовъ (во весь ростъ), которые ему приказано написать для всѣхъ министровъ нашихъ при чужестранныхъ дворахъ, всего 14 портретовъ" [4]).

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ Черкасова къ Бахиреву, въ Москву былъ доставленъ срисованный карандашемъ поколѣнный портретъ императрицы. „По полученіи сего", пишетъ баронъ секретарю, 20-го февраля 1744 г. изъ Москвы, „объявить имянной указъ ея им-

---

[1]) См. I. G. Meusel, Miscellanen, II. 261.
[2]) См. Д. Ровинскаго—„Словарь портретовъ", стр. XVIII.
[3]) См. „Архивъ кн. Воронцова". М. 1872, IV. 204.
[4]) См. въ „Государственномъ архивѣ", № XIV—83, л. 1.

цераторскаго величества живописцу Караваку, чтобы онъ съ того портрета ея императорскаго величества, который онъ, Каравакъ, писалъ съ самой ея императорскаго величества профилемъ, срисовалъ перомъ на бумагѣ портретъ ея величества, правую сторону имѣющей, и какъ оный готовъ будетъ, то имѣете отдать оной обрѣтающемуся въ С.-Петербургѣ купцу Кину, который имѣетъ характеръ прусскаго консула, а оный Кинъ имѣетъ ордеръ отъ д. т. с. и перваго лейбъ-медикуса ея императорскаго величества г. Лестока, отправить оный портретъ въ Стокгольмъ къ медальеру Эдлингеру для дѣланія штемпелей къ медалямъ для ея императорскаго величества" [1]. Указъ этотъ, вѣроятно, былъ исполненъ тогда же, такъ какъ имѣется большой односторонній медальонъ съ груднымъ изображеніемъ императрицы, работы Іог. Карла Гедлингера; онъ скопированъ въ изданіи: „Oeuvre du chevalier Hedlinger, par Ch. de Mechel, Basle 1776 (Табл. XXX, 2) и съ него сдѣланы новые штемпеля, съ подписью: „I. C. Hedlinger f.",—одинъ большой, другой малый,—уменьшенные посредствомъ машины: 1-й Вас. Барановымъ, 2-й Роб. Ганнеманомъ, и употребляемые теперь для медалей на вступленіе Елисаветы Петровны на престолъ и на ея кончину [2]. Но былъ ли рисунокъ Каравака, предназначенный для Гедлингера, предварительно посылаемъ въ Москву, или сюда былъ посланъ другой экземпляръ, 6-го марта 1744 г.,— мы не можемъ рѣшить; только Черкасовъ пишетъ Бахиреву, 12-го и 15-го марта 1744 г.: 1) „Государь мой Яковъ Исаевичъ. Присланныя отъ васъ въ кабинетъ ея императорскаго величества доношенія минувшаго февраля отъ 23-го, 27-го и сего марта отъ 1-го и 6-го чиселъ и при томъ портретъ Линаровъ, футралъ съ инструментами, чѣмъ зубы чистятъ, и портретъ ея императорскаго величества, отданный вамъ отъ живописца Каравака, карандашемъ срисованный, получены исправно", и 2) „Рапортъ вашъ отъ 10-го сего марта и при томъ присланный съ курьеромъ Мещериновымъ портретъ ея императорскаго величества, написанный отъ главы по колѣни, и футралъ съ серебромъ, отданный отъ г. гофъ-интенданта Шаргородскаго, получены: ея императорское величество указала объявить Караваку, что на вышеписанномъ ея императорскаго величества портретѣ правая рука написана очень дебела, а особливо въ запястьѣ, и чтобъ онъ впредь на протчихъ ея величества портретахъ, кои ему повелѣно писать, въ томъ имѣлъ осторожность, дабы одна рука противъ другой препорцію имѣла" [3].

О портретѣ въ ростъ тутъ ничего не говорится; изъ другихъ же источниковъ мы узнаемъ, что Каравакъ, повидимому, такъ и не исполнилъ всего заказа. По крайней мѣрѣ, въ „Дневникѣ докладовъ

---

[1]) См. въ „Государств. архивѣ", № XIV—83, л. 11.

[2]) См. Ю. Иверсена—„Словарь медальеровъ". Спб. 1874. 4°, стр. 13.

[3]) См. въ „Госуд. архивѣ", № XIV—83, стр. 36 и 40.

коллегіи иностранныхъ дѣлъ", 12 сентября 1746 г., встрѣчается слѣдующее извѣстіе: „Ея императорскому величеству всенижайше представляется: ...хотя придворному малеру Караваку, по учиненной съ нимъ рядѣ, уже третій годъ тому назадъ половина денегъ впередъ за изготовляемые ея императорскаго величества портреты для обрѣтающихся при иностранныхъ дворахъ россійско-императорскихъ министровъ уплачена, но отъ него однако же еще ни одного не получено" [1]).

По свидѣтельству Штелина, Каравакъ успѣлъ написать 4 портрета Елисаветы Петровны, но намъ извѣстны всего три, если не считать писанный въ ея молодости: 1) въ ростъ, 3/4 влѣво, въ императорскомъ одѣяніи, у трона (онъ гравированъ Штенглинымъ и приложенъ къ изданію: „Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву, и священнѣйшаго коронованія... Императрицы Елисаветы Петровны... еже бысть... 1742 года". Спб. 1744, въ б. л.); 2) поколѣнный, 3/4 влѣво, въ коронѣ и порфирѣ, въ открытомъ платьѣ, съ огромнымъ аграфомъ, съ лентой и звѣздой (гравированъ Ив. Соколовымъ въ 1746 г.), и 3) въ ростъ, 3/4 влѣво, въ открытомъ платьѣ, въ коронѣ и со скипетромъ въ правой рукѣ, у стола съ державой,—съ подписью справа внизу: „Lud. Caravaca F. | Petropoli 1750 г." (находится въ большой конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ, и подобенъ предъидущему). Насчетъ втораго изъ упомянутыхъ портретовъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія: въ 1745 г., ея величествомъ указано было академическому граверу Ив. Соколову награвировать примѣрный портретъ ея, который и былъ изданъ при академіи наукъ въ 1746 г., съ плохаго оригинала Каравака, взамѣнъ уничтоженнаго портрета императрицы въ ростъ, лубочной гравировки. Портретъ этотъ, одно изъ самыхъ посредственныхъ произведеній Соколова, указомъ 11 марта 1747 г. апробованъ, и затѣмъ повелѣно прочимъ мастерамъ, чтобы они „дѣлали и писали на подобіе вышеписаннаго портрета", подъ опасеніемъ „найжесточайшаго истязанія безъ всякой пощады [2]).

Послѣднія свѣдѣнія о дѣятельности Каравака, кромѣ портрета Елисаветы 1750 г. (если только этотъ годъ не принадлежитъ какому нибудь реставратору этой картины), мы имѣемъ отъ 1748—49 гг., когда онъ свидѣтельствовалъ краски, дѣланныя на фабрикѣ купцовъ: 1) Тавлѣева и 2) Петра Сухарева и Ивана Бѣляева въ Москвѣ, и далъ одобрительные отзывы, вмѣстѣ съ другими живописцами; вслѣдствіе чего, указами отъ 2-го марта 1748 и 13-го декабря 1749 купцамъ этимъ даны были разныя привиллегіи [3]).

---

[1]) См. „Архивъ кн. Воронцова". М. 1872, VII. 219.

[2]) См. объ этомъ Д. Ровинскаго, „Русскія народныя картинки". Спб. 1881. 8°, IV. 452 (гдѣ на стр. 455—457 перепечатанъ изъ „Полнаго Собранія Законовъ", т. XII, стр. 672, № 9381, и подлинный указъ 11 марта 1747 г.).

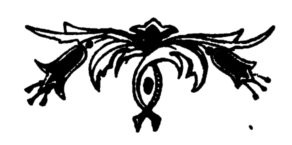
[3]) См. „Полное Собраніе Законовъ", XII. 842. № 9487 и XIII. 166—167. № 9693.

Послѣ того мы не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о работахъ Каравака, но жалованье отъ двора онъ все-таки продолжалъ получать, и даже усиленное, какъ видно изъ слѣдующаго документа: „Указъ нашей штатъ канторѣ: всемилостивѣйше пожаловали мы оберъ-архитектору де Растреллін и живописцу Караваку, да музыкантамъ Василью Степанову и Степану Васильеву, за ихъ службы жалованья прибавить, а именно: оберъ-архитектору ктысяче двумъ стамъ рублямъ тысячу триста рублевъ, Караваку ктысяче пятистамъ рублямъ пятсотъ рублевъ, музыкантамъ каждому ко сту рублямъ подвести рублевъ на годъ, которые производить исположенной на содержаніе нашего двора суммы искаморъ цалмейстерской канторы... Елисавета. Въ 4 день ноября 1748 въ Санктъ-Питербурхе" [1]).

Хотя въ то время ко двору пріѣзжали живописцы, далеко превосходившіе Каравака въ искуствѣ, онъ все-таки съумѣлъ удержаться на своемъ мѣстѣ и сохранить полное содержаніе по должности придворнаго живописца до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1752 г. [2]).

Судя по дошедшимъ до насъ работамъ Каравака, онъ былъ очень неважный художникъ: портреты его манерны и не могли заслужить похвалы знатоковъ даже въ то время, такъ какъ имъ недоставало живаго выраженія и вкуса [3]); но зато, по отзывамъ его современника Штелина, совершенно нерасположеннаго къ Караваку, всѣ они отличались необыкновеннымъ сходствомъ, какъ то видно изъ собственноручныхъ замѣтокъ Штелина на гравюрахъ Вортмана, Соколова и проч. съ работъ Каравака, въ Императорской Публичной Библіотекѣ и иныхъ мѣстахъ.

Н. Собко.



[1]) См. въ „Сенатскомъ архивѣ", кн. LXXXIX. л. 94.

[2]) См. Д. Ровинскаго—„Словарь портретовъ", стр. XVIII.

[3]) См. Hand, Kunst u. Alterthum in St. Petersburg. Weimar 1827. 8°, I. 11.— Nagler, Neues Allgemeines Künstler Lexikon. München 1835. 8°, II. 357.

МОСКОВСКІЙ МАСКЕРАДЪ 1722 ГОДА.

Ништадскій миръ, которымъ заключилась двадцатилѣтняя борьба Россіи съ Швеціей за обладаніе восточнымъ Балтійскимъ поморьемъ, имѣетъ громадное значеніе въ русской исторіи. Въ Ништадѣ скрѣпилась навсегда связь Россіи съ образованнымъ міромъ, открылся обширный путь для ея промышленности и торговли, положенъ краеугольный камень рѣшительному перевѣсу ея на сѣверѣ. Съ этого времени, по мѣткому выраженію С. М. Соловьева, кончился степной періодъ русской исторіи и начался періодъ морской; подлѣ западной Европы, для общей дѣятельности съ нею, явилась новая Европа,—восточная. Недаромъ Петръ Великій смотрѣлъ на Ништадскій договоръ, какъ на залогъ грядущаго величія Россіи, и, со слезами радости на глазахъ, говорилъ своимъ сподвижникамъ: „Зѣло желаю, чтобы весь нашъ народъ прямо узналъ, что̀ Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить“. Понятно, что заключеніе столь славнаго мира было отпраздновано цѣлымъ рядомъ невиданныхъ до тѣхъ поръ торжествъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ по своей оригинальности пятидневный маскерадъ, происходившій въ началѣ 1722 года въ Москвѣ.

Собирая рисунки для приготовляемой А. С. Суворинымъ къ изданію „Иллюстрированной исторіи Петра Великаго“, я получилъ изъ замѣчательной коллекціи русскихъ гравюръ Д. А. Ровинскаго экземпляръ рѣдчайшей современной гравюры, изображающей этотъ курьезный маскерадъ. Прилагая къ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ точную копію съ означенной гравюры, сдѣланную ксилографомъ М. Н. Рашевскимъ, считаю не лишнимъ привести и

описаніе перваго, наиболѣе интереснаго, дня маскерада, сохранившееся въ дневникѣ очевидца, голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца.

30-го января, наканунѣ празднества, всѣ лица, участвовавшія въ маскерадѣ собрались въ подмосковное село Всесвятское, въ которомъ заранѣе все уже было приготовлено для небывалаго зрѣлища. Переночевавъ здѣсь, участники на другой день рано утромъ одѣлись въ маскерадныя платья и, послѣ завтрака, двинулись къ предмѣстью Москвы, гдѣ и приготовились окончательно къ торжественному въѣзду, происходившему въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди всѣхъ ѣхалъ шутовской маршалъ, окруженный группой самыхъ забавныхъ масокъ. За ними слѣдовалъ глава „всепьянѣйшаго собора" князь-папа, И. И. Бутурлинъ. Онъ сидѣлъ въ большихъ саняхъ, на возвышеніи въ видѣ трона, въ папскомъ одѣяніи, т. е. въ длинной, красной, бархатной мантіи, подбитой горностаемъ. Въ ногахъ у него красовался, верхомъ на бочкѣ, превосходно гримированный Бахусъ, державшій въ правой рукѣ большой кубокъ, а въ лѣвой посудину съ виномъ. Потомъ ѣхала, верхомъ на волахъ, свита князя-папы, т. е. кардиналы въ полныхъ кардинальскихъ облаченіяхъ. Послѣ нихъ, въ маленькихъ саняхъ, запряженныхъ четырьмя пестрыми свиньями, двигался царскій шутъ, наряженный въ самый курьезный костюмъ. За тѣмъ слѣдовалъ Нептунъ, въ коронѣ, съ длинной сѣдою бородою и съ трезубцемъ въ правой рукѣ. Онъ сидѣлъ въ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе раковины, и имѣлъ передъ собою двухъ сиренъ, или морскихъ чудовищъ. За нимъ ѣхала въ гондолѣ „князь-игуменья" Стрѣшнева въ костюмѣ аббатиссы, окруженная монахинями. Послѣ нея ѣхалъ со свитой настоящій маршалъ маскерада, князь Меншиковъ, въ огромной лодкѣ, поставленной на полозьяхъ и украшенной на кормѣ золоченой фигурой Фортуны; на носу лодки стояли литаврщикъ и два трубача. Князь и его свита были наряжены аббатами; онъ самъ сидѣлъ отдѣльно у кормы, а прочіе на скамьяхъ, по трое на каждой. За нимъ слѣдовала въ крытой баркѣ, или гондолѣ, княгиня Меншикова, съ своею сестрою и нѣсколькими дамами, одѣтыми испанками. Потомъ ѣхалъ „князь-кесарь" Ромодановскій, въ мантіи, подбитой горностаемъ, имѣя около себя нѣсколькихъ смѣшныхъ наперсниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ облаченъ въ курфиршескую мантію. Князь-кесарь сидѣлъ въ бѣлой лодкѣ, украшенной спереди и сзади медвѣжьими чучелами, необыкновенно хорошо сдѣланными. За нимъ двигалась въ крытой гондолѣ вдовствующая царица, Прасковья Ѳедоровна, съ дочерью; царица была въ старинной русской одеждѣ, а дочь ея въ пастушескомъ платьѣ. Далѣе слѣдовалъ въ очень натурально и красиво сдѣланной галерѣ, съ поднятыми парусами, великій адмиралъ Апраксинъ съ своею свитою: онъ былъ одѣтъ гамбургскимъ бургомистромъ. За нимъ ѣхали въ старой, настоящей шлюпкѣ, поставленной на полозья, придворныя дамы вдовствующей царицы; потомъ слѣдовала шлюпка съ лоцманами, усердно бросавшими лотъ; это были

Маскерадъ въ Москвѣ въ 1722 году.

все морскіе офицеры. За ними двигался громадный корабль самого императора (длиною въ 30 футовъ) сдѣланный совершенно на подобіе линейнаго корабля; на немъ было множество деревянныхъ и 10 небольшихъ, настоящихъ пушекъ, изъ которыхъ по временамъ палили; кромѣ того, онъ имѣлъ большую каюту съ окнами, три мачты со всѣми принадлежностями, паруса и проч., однимъ словомъ, такъ походилъ на большое, настоящее судно, что въ немъ можно было найти все, до послѣдней бичевки, и даже маленькую корабельную лодочку позади, въ которой могли помѣститься два человѣка. Самъ императоръ командовалъ кораблемъ, имѣя при себѣ 8 или 9 маленькихъ мальчиковъ въ одинаковыхъ боцманскихъ костюмахъ и одного роста, нѣсколькихъ генераловъ, одѣтыхъ барабанщиками, и нѣкоторыхъ своихъ деньщиковъ и фаворитовъ. Государь дѣлалъ съ своими маленькими матросами на сухомъ пути всѣ маневры, возможные только на морѣ. Когда процессія двигалась по вѣтру, онъ распускалъ всѣ паруса, что, конечно, не мало помогало 15 лошадямъ, тянувшимъ корабль; если дулъ боковой вѣтеръ, то и паруса тотчасъ направлялись какъ слѣдовало; при поворотахъ принимались тѣ же самыя мѣры, какъ на морѣ. Всѣхъ удивляла необыкновенная ловкость и смѣлость, съ которыми маленькая команда царя лазила по канатамъ и мачтамъ. За кораблемъ государя ѣхала императрица съ своими придворными дамами, въ великолѣпной, вызолоченой гондолѣ, имѣвшей небольшую печь и обитой внутри краснымъ бархатомъ и широкими галунами. Гондолу тащили восемь рослыхъ лошадей. Форрейторы и кучеръ были въ зеленыхъ матросскихъ костюмахъ съ золотою оторочкою и имѣли на шапкахъ небольшіе плюмажи. Спереди сидѣли придворные кавалеры, одѣтые арапами, а позади стояли и трубили два волторниста въ охотничьихъ костюмахъ. Кромѣ того, у кормы стоялъ мундшенкъ, одѣтый въ великолѣпный красивый бархатный костюмъ съ золотыми галунами. Императрица, сидѣвшая въ закрытой со всѣхъ сторонъ баркѣ такъ же хорошо и покойно, какъ въ комнатѣ, нѣсколько разъ мѣняла свой костюмъ, являясь то голландкой, то амазонкой, то въ красномъ бархатномъ платьѣ, обложенномъ серебромъ, то въ голубомъ, съ разными камзолами и другими принадлежностями; она имѣла на боку осыпанную бриліантами шпагу, а черезъ плечо екатерининскую ленту съ прекрасною бриліантовою звѣздою; въ рукахъ у нея было копье, а на головѣ бѣлокурый парикъ и шляпа съ бѣлымъ перомъ. За государыней ѣхалъ, въ буерѣ, ея маршалъ съ другими кавалерами. Затѣмъ, слѣдовали члены „всепьянѣйшаго собора“, одѣтые арлекинами, скарамушами, журавлями и т. п. въ громаднѣйшихъ саняхъ, устроенныхъ особеннымъ образомъ, а именно со скамьями, которыя спереди шли ровно, а потомъ поднимались все выше и выше, въ видѣ амфитеатра, такъ что сидѣвшіе вверху приходились ногами наравнѣ съ головами сидѣвшихъ внизу. Сзади этой машины, изображавшей изъ себя нѣчто въ

родѣ головы дракона, были прицѣплены, связанные между собою, 20 крошечныхъ саней, обитыхъ полотномъ и вмѣщавшихъ въ себѣ по одной маскѣ. Далѣе ѣхали сани, запряженныя шестеркой бурыхъ медвѣдей, которыми правилъ человѣкъ, весь зашитый въ медвѣжью шкуру, а потомъ длинныя, очень легкія сибирскія сани, везомыя 10-ю собаками и управляемыя старымъ камчадаломъ, въ національномъ костюмѣ. За тѣмъ, слѣдовали сани герцога Голштинскаго, въ видѣ большой лодки; на переднемъ концѣ ихъ былъ придѣланъ большой, рѣзной, вызолоченый левъ, съ мечомъ въ правой лапѣ, а сзади, у кормы, также рѣзная, высеребреная фигура Паллады. Въ саняхъ, кромѣ герцога и его свиты, помѣщались волторнисты и музыканты. За герцогомъ, въ саняхъ, также имѣвшихъ видъ лодки съ большимъ вымпеломъ изъ голубой тафты съ нашитыми золотыми виноградными кистями, ѣхали иностранные министры, въ голубыхъ шелковыхъ домино. За ними, въ большой же лодкѣ съ палаткой изъ краснаго сукна, ѣхали дамы двора герцога Голштинскаго, костюмированныя скарамушами. Далѣе слѣдовалъ князь валахскій, со свитой, на турецкомъ суднѣ, имѣвшемъ пять небольшихъ пушекъ, изъ которыхъ онъ всякій разъ отвѣчалъ, когда палили съ императорскаго корабля. Въ кормѣ этого судна было устроено возвышеніе, уложенное множествомъ подушекъ; князь возсѣдалъ на нихъ подъ балдахиномъ изъ бѣлой тафты. Онъ былъ одѣтъ въ великолѣпный турецкій костюмъ, также какъ и его свита, изъ которой одинъ чалмоносецъ ѣхалъ возлѣ его саней на маленькомъ ослѣ.

Вообще, весь маскерадный поѣздъ состоялъ изъ 60 саней, изъ которыхъ подъ самыми небольшими было не менѣе шести лошадей. Слѣдовательно, рядъ выходилъ очень длинный, такъ что по приказанію государя десять унтеръ-офицеровъ гвардіи, посаженные на коней, постоянно разъѣзжали для наблюденія за порядкомъ. Маски отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ; между прочимъ, гвардейскіе офицеры были одѣты латниками, англійскіе купцы—жокеями, нѣмецкіе купцы—остъ-индскими мореходами, и т. п. Дамы были костюмированы преимущественно испанками, крестьянками, пастушками, скарамушами и т. п. Самыя послѣднія большія сани поѣзда были сдѣланы на подобіе обыкновенной колбасной повозки; въ нихъ сидѣли десять слугъ князь-папы въ длинныхъ красныхъ кафтанахъ и высокихъ кверху заостренныхъ шапкахъ. Поѣздъ замыкалъ, въ маленькихъ саняхъ, вице-маршалъ маскерада, генералъ Матюшкинъ, одѣтый гамбургскимъ бургомистромъ.

Въ такомъ порядкѣ маскерадная процессія доѣхала до тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ на Тверской улицѣ богачемъ Строгановымъ, который предложилъ участникамъ угощеніе въ особо построенномъ для этого домѣ. Отсюда поѣздъ двинулся къ Красной площади и Кремлю, по которому сдѣлалъ два круга, и, наконецъ, остановился

у императорскаго дворца. Такъ какъ было уже 5 часовъ вечера и наступила темнота, то всѣ получили позволеніе отправиться по домамъ, съ тѣмъ чтобы на завтрашній день собраться снова въ назначенное мѣсто для повторенія невиданной на Руси потѣхи.

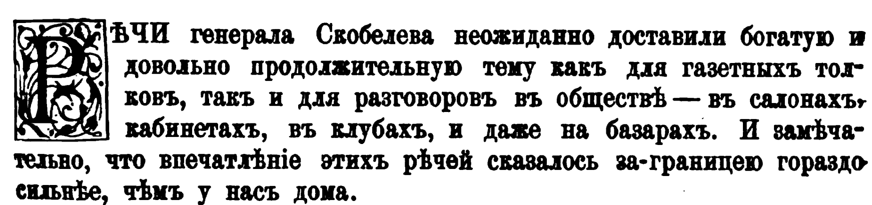
С. Шубинскій.

НАША БУДУЩАЯ ВОЙНА.

(Военно-политическія письма).

I.

На Западѣ.



РѢЧИ генерала Скобелева неожиданно доставили богатую и довольно продолжительную тему какъ для газетныхъ толковъ, такъ и для разговоровъ въ обществѣ — въ салонахъ, кабинетахъ, въ клубахъ, и даже на базарахъ. И замѣчательно, что впечатлѣніе этихъ рѣчей сказалось за-границею гораздо сильнѣе, чѣмъ у насъ дома.

Что̀ это доказываетъ?

Только то, что Скобелевъ ударилъ нашихъ „друзей" по самому чувствительному мѣсту.

Онъ первый изъ авторитетныхъ русскихъ людей, съ похвальною прямотою, рѣшился высказать громко, на весь міръ, что мы, русскіе, хотя и не желаемъ войны, но и не боимся ея, и въ особенности не боимся войны съ нашимъ могущественнымъ сосѣдомъ, если бы эта война, противъ нашей воли, была намъ навязана самимъ-ли сосѣдомъ непосредственно, или же его поощрительными, въ явный ущербъ намъ и славянамъ, науськиваніями Австро-Венгріи къ поступательной антиславянской политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, сколь-бы сами по себѣ ни открещивались отъ войны, мы будемъ къ ней вынуждены, въ силу независящихъ отъ нашей воли обстоятельствъ.

Къ такой необходимости, какъ кажется, и желаютъ насъ вынудить именно теперь, пока мы, по убѣжденію нашихъ сосѣдей, еще не вполнѣ

окрѣпли послѣ послѣдней войны съ Турціею. Такое побужденіе со стороны нашихъ сосѣдей вполнѣ понятно: если бить насъ, то именно теперь, пока мы, по ихъ заключеніямъ, еще не готовы къ отпору. Каждый годъ промедленія съ ихъ стороны служилъ бы только къ нашей выгодѣ, къ нашему усиленію и, стало быть, къ уменьшенію ихъ собственныхъ шансовъ. Но къ этимъ соображеніямъ у сосѣдей примѣшивается и еще одна надежда: они полагаютъ, а нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ своими близорукими ламентаціями въ извѣстномъ родѣ и еще болѣе утверждаютъ ихъ въ томъ, будто мы уже до такой степени ослаблены послѣднею войною и нашими внутренними затрудненіями по части финансовъ и нигилистовъ, что, что̀ бы ни предприняла Австро-Венгрія, съ благословенія князя Бисмарка, на Балканскомъ полуостровѣ, въ явное нарушеніе Берлинскаго трактата, мы будемъ сидѣть, покорно сложивъ руки, и не посмѣемъ возвысить свой голосъ даже въ чисто платоническомъ протестѣ какою нибудь дипломатическою нотою, такъ что имъ можно будетъ легко достигнуть всѣхъ своихъ желаній и цѣлей даже и безъ войны съ Россіей.

Еще со времени окончанія Берлинскаго конгресса, въ нѣмецкой прессѣ установилась дрянная замашка пугать и застращивать насъ возможностію вооруженнаго германскаго нашествія на Россію, въ компаніи съ цѣлою кликою союзниковъ, къ которымъ въ послѣдніе дни стали причислять уже и маленькую Сербію. Этотъ маневръ не только со стороны прессы, но иногда и со стороны ея политическихъ вдохновителей, повторяется каждый разъ, чуть только мы, въ вопросахъ ли нашего тарифа, въ военныхъ ли мѣропріятіяхъ, въ желѣзнодорожной ли политикѣ, въ остзейскихъ ли, славянскихъ ли дѣлахъ, и проч.,— заявляемъ намѣреніе слѣдовать исключительно своимъ собственнымъ интересамъ. Другими словами: каждый разъ, что мы хотимъ быть самими собою, жить для себя, стать на свою національную почву, насъ считаютъ нужнымъ припугивать либо нигилистами, либо перспективою войны съ Германіей и ея союзниками, а чаще всего тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Удивительнѣе всего то, что этотъ дрянной пріемъ нерѣдко достигалъ своей цѣли, въ особенности благодаря тѣмъ добровольнымъ или закупленнымъ прихвостнямъ „западной идеи", которые у насъ дома, въ нѣкоторыхъ органахъ печати, и въ обществѣ, и на биржѣ, и въ сферахъ еще болѣе вліятельныхъ, каждый разъ въ такихъ случаяхъ подымаютъ гвалтъ, вторя съ чужаго голоса нѣмецкимъ запугиваніямъ и еще пуще усердствуя, уже отъ себя, размазывать грозящія намъ напасти, предупредить которыя будто бы только и можетъ скорѣйшее обращеніе Россіи на путь „правовыхъ порядковъ" въ западно-европейскомъ вкусѣ. При каждой прямой или косвенной угрозѣ изъ заграницы, у насъ, въ извѣстной части печати и общества, на ней воспитаннаго, тотчасъ подымаются паническіе возгласы:—„Нашъ курсъ! нашъ несчастный курсъ!... Помилуйте, берлинская биржа, еще прежде

объявленія войны, можетъ довести насъ до окончательнаго банкротства!... Нѣмцы отхватятъ у насъ западный край и прибалтійскія провинціи ранѣе, чѣмъ мы успѣемъ мобилизировать нашу армію, Австрійцы займутъ Подолію и Волынь, Румыны—Бессарабію, Турки—Балканскіе проходы... Въ Польшѣ подымется новое возстаніе... на Кавказѣ возстаніе... у себя—нигилисты... Насъ отодвинутъ на двѣсти лѣтъ назадъ, за Двину, за Днѣпръ, и т. д., и т. д."—Знакомыя все рѣчи...

Однако, полно, такъ ли это, господа?

Вѣрите ли вы сами, въ глубинѣ души своей, во все то, о чемъ каждый разъ находите нужнымъ увѣрять и вопіять въ своихъ газетахъ и въ обществѣ? Не пользуетесь ли вы всѣмъ этимъ, какъ еще однимъ лишнимъ аргументомъ, въ своихъ домогательствахъ о водвореніи въ Россіи жидо-плутократо-адвокатскихъ и барскихъ „правовыхъ порядковъ", купно съ политикою обособленія окраинъ?... Если это такъ, то ваша роль понятна, въ силу извѣстнаго принципа, по которому „всѣ средства хороши, лишь бы вели къ предназначенной цѣли"; если же вы просто трусите, то это... неблагоразумно, потому что результатъ, вами достигаемый, какъ разъ противуположенъ вашему чувству и вашимъ добрымъ намѣреніямъ. У себя дома ваши крики только сбиваютъ съ толку людей, не имѣющихъ своего опредѣленнаго мнѣнія и правильнаго, всесторонняго пониманія взаимныхъ отношеній Россіи и Европы, а за-границею вы только вводите въ заблужденіе нашихъ сосѣдей, внушая имъ ложную мысль, будто Россія боится войны съ ними, и тѣмъ самымъ какъ бы подталкивая ихъ на такое рискованное предпріятіе.

Пора, наконецъ, бросить это недостойное поведеніе, и если дѣйствительно опасность войны существуетъ, то обществу надо взглянуть на нее прямо, трезвымъ умомъ, и не смущаясь страхами биржевиковъ и вздорными возгласами нѣмецкихъ прихвостней.

Прежде всего—не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, и не такъ уже мы ничтожны, какъ желательно въ томъ увѣрить насъ австро-германскимъ благопріятелямъ нашимъ и ихъ россійскимъ прихвостнямъ, увѣряющимъ, что безъ „правовыхъ порядковъ", этой, будто бы, панацеи противъ всѣхъ нашихъ внутреннихъ золъ и внѣшнихъ опасностей, мы окончательно пропали.

Говоря, что не такъ страшенъ чортъ, я отнюдь не желаю ни на іоту умалять превосходныхъ боевыхъ качествъ германской арміи, ея образцовой организаціи, ея способности мобилизироваться гораздо быстрѣе насъ, ея высокаго патріотическаго духа, ея боевой опытности, военнаго генія ея вождей и той популярности, какую несомнѣнно будетъ имѣть въ ея рядахъ—по крайней мѣрѣ, на первое время—война съ Россіей. Нечего скрывать отъ себя: въ лицѣ Германіи намъ предстоитъ самый серьезный противникъ, какого еще не представляла наша исторія послѣ татарскаго ига, ибо это будетъ борьба на жизнь или на смерть, борьба за существованіе, и потому для

насъ она необходимо станетъ борьбою народною, въ полномъ смыслѣ этого слова, да иною и быть не можетъ.

Накликать ее не зачѣмъ, но и малодушничать нечего.

Взглянемъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, на положеніе Германіи и наше, въ случаѣ, если бы она пошла на разрывъ съ нами.

Стратегическая система желѣзныхъ дорогъ, рядъ пограничныхъ крѣпостей, служащихъ для арміи опорными и складочными пунктами, быстрота мобилизаціи, довольно густое нѣмецкое населеніе въ завислинской части Польши и двѣ линіи такого же колонизаторскаго нѣмецкаго населенія, идущія въ направленія—одна на Динабургъ, другая на Брестъ и Бобруйскъ,—все это, конечно, даетъ нашему противнику великія выгоды и преимущества, въ особенности на первое время по объявленіи войны. Нѣтъ сомнѣнія, что со стороны Германіи это будетъ война наступательная, потому что какой же разсчетъ нѣмцамъ ожидать насъ у себя дома, давая намъ лишнее время на мобилизацію, и предоставлять ужасамъ войны свою собственную территорію!—Простая логика указываетъ, что ихъ разсчетъ только въ томъ и можетъ состоять, чтобы, быстрымъ наступленіемъ занявъ Польшу, Литву и Прибалтійскій край, покончить съ нами войну двумя-тремя рѣшительными ударами, нанесенными нашей регулярной арміи, стараясь при томъ разрѣзать и разбить ее по частямъ. Если такой разсчетъ удастся и миръ будетъ заключенъ непосредственно послѣ пораженія, тогда, конечно, намъ придется значительно отодвинуться къ Востоку, надолго, если не навсегда, покончить свою самостоятельную государственную роль въ Европѣ, въ смыслѣ великой державы, отказаться отъ всякаго значенія въ славянскомъ мірѣ, который тогда всецѣло сдѣлается достояніемъ сначала Австріи, а потомъ Германіи, когда первая будетъ проглочена послѣднею. Наконецъ, намъ придется подчинить свою торговлю и промышленность исключительно интересамъ Германіи, такъ какъ, владѣя Ригой, Либавой и вообще устьями нашихъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ, она сдѣлаетъ Россію своею вѣчною экономическою данницею: вы уже не отправите тогда за границу ни одного куля хлѣба, ни одного тюка пеньки, ни одного пуда сала, не оплативъ его дорогою золотою пошлиною своему сосѣду, да и тарифы нашихъ желѣзныхъ дорогъ будутъ подчинены исключительно его видамъ. Словомъ сказать, тогда намъ дѣйствительно придется отодвинуться на двѣсти лѣтъ назадъ и... начинать сначала?—Но исторія, какъ извѣстно, дважды для одного и того же народа не повторяется. Стало быть, общее, окончательное пораженіе равносильно для насъ политической смерти, и тѣмъ болѣе, что оно едва ли обойдется безъ страшныхъ смутъ внутри государства, такъ какъ русскій народъ, конечно, никогда не подчинится условіямъ позорнаго мира.

Итакъ, для Германіи весь военный разсчетъ въ томъ, чтобы, воспользовавшись своими великими преимуществами, нанести намъ

быстрое и рѣшительное пораженіе и тѣмъ окончить войну, по возможности, въ наикратчайшій срокъ, какъ было у нея съ Австріей.

А если разсчетъ на быстроту и кратковременность не оправдается, тогда что̀?

Вѣдь для того, чтобы воевать съ нами, пристегивая къ военнымъ дѣйствіямъ даже и всѣхъ своихъ возможныхъ союзниковъ, Германія должна поставить подъ ружье чуть ли не весь свой контингентъ, способный носить оружіе, и необходимость эта, надо полагать, обнаружится въ ней настоятельнѣйшимъ образомъ послѣ перваго же полугодія войны, въ особенности, если ея арміи, по ходу военныхъ дѣйствій, будутъ вынуждены углубляться внутрь Россіи, за Нѣманъ и далѣе. Вѣдь въ этой войнѣ для Германіи уже никакъ не повторятся столь исключительно счастливыя обстоятельства, какъ въ 1870 году, когда она могла съ легкимъ сердцемъ и полнымъ спокойствіемъ обнажить всю свою восточную границу. Вѣдь нынѣ, если бы Франція даже пальцемъ не пошевельнула, чтобы мобилизировать хотя одного своего солдата,—Германія все-таки будетъ вынуждена держать въ Эльзасъ-Лотарингіи, по крайней мѣрѣ, полумилліонную армію, чтобы въ каждую минуту быть готовою къ войнѣ „на два фронта“. Чего это будетъ стоить!..

Для Германіи война съ Россіей только и можетъ обусловливаться краткосрочностію, потому что иначе она экономически—банкротъ.

Не забудемъ того въ высшей степени важнаго обстоятельства, что почти все сырьё для своихъ фабрикъ и заводовъ Германія получаетъ изъ Россіи и что произведенія этихъ фабрикъ и заводовъ она сбываетъ почти всецѣло въ ту же Россію, такъ какъ ей нѣтъ сбыта ни во Францію, ни еще менѣе въ Англію, гдѣ ея издѣлія не выдерживаютъ ни малѣйшей конкуренціи, ни даже въ Австрію, которая сама не безъ успѣха конкурируетъ съ Германіей и, стало быть, не имѣетъ необходимости брать произведенія сосѣда въ ущербъ своимъ собственнымъ. Кромѣ какъ, въ Россію существуетъ еще нѣкоторый сбытъ германскихъ произведеній моремъ, на крайній Востокъ, но сбытъ этотъ пока не значителенъ, встрѣчая тамъ сильную конкуренцію въ англичанахъ, а въ военное время, вѣроятно, долженъ будетъ сократиться до minimum'a, вынуждаемый къ тому рискомъ захвата со стороны нашихъ крейсеровъ и необходимостію оплачивать отправляемые товары непомѣрно высокою, по случаю войны, страховою преміею, а на нейтральныхъ судахъ—высокимъ фрахтомъ.

Не получая же отъ насъ сырья и лишаясь въ лицѣ Россіи своего главнѣйшаго сбытоваго рынка, отрывая въ то же время почти всѣ свои наличныя рабочія руки отъ промышленнаго и земледѣльческаго труда, вынужденная содержать двѣ громадныя арміи на Востокѣ и Западѣ и покупать не только для нихъ, но и для остающагося внутри страны населенія, хлѣбъ извнѣ, изъ Америки, на наличныя деньги, а не на русскія бумажки, какъ это дѣлаетъ она теперь въ Россіи,—

долго ли можетъ Германія выдержать такое крайнее напряженіе всѣхъ своихъ экономическихъ силъ? На много ли ея хватитъ?

Зная Россію, нѣмцы, конечно, не могутъ разсчитывать на то, что у насъ въ Польшѣ и Литвѣ найдется достаточно продовольствія для ихъ армій, какъ было во Франціи. Если бы имъ даже удалось захватить эти провинціи нетронутыми рукою войны, то и тогда Польша была бы въ состояніи прокормить ихъ армію, въ наисчастливѣйшемъ случаѣ, не долѣе трехъ мѣсяцевъ, а песчано-болотистыя Литва съ Бѣлоруссіей—и того еще меньше; а затѣмъ пришлось бы каждый солдатскій сухарь доставлять въ эти голодныя провинціи изъ Германіи.

Мы не французы, и милліонныхъ контрибуцій съ нашихъ деревянныхъ городовъ брать двумъ прусскимъ уланамъ не придется. Да и желалъ бы я знать, много ли, въ самомъ дѣлѣ, возьмешь сигаръ съ города Луги (о деньгахъ уже не говорю), а вѣдь Луга—одинъ изъ ближайшихъ городовъ къ Петербургу. Мы не французы, и потому нѣмцы могутъ быть увѣрены, что, оставляя имъ наши западныя и прибалтійскія провинціи, мы тамъ сожжемъ до тла и уничтожимъ съ корнемъ все, что̀ только можно сжечь и уничтожить,—намъ не въ-первóй практиковать этотъ способъ: его примѣнялъ въ 1708 году Великій Петръ въ той же Бѣлоруссіи противъ шведовъ, его же пустилъ въ ходъ и русскій мужикъ въ 1812 году противъ французовъ. Нѣтъ причинъ и теперь поступить намъ иначе: западныя провинціи, по степени своего культурнаго развитія, не далеко ушли отъ 1708 г., да и русскій человѣкъ остается все тотъ же.

Мы будемъ жечь все—и города, и села, и нивы,—все, начиная съ достоянія тѣхъ же нѣмецкихъ колонистовъ, какъ въ завислинской части Польши, такъ и на обоихъ путяхъ ихъ западно-русскаго разселéнія. Съ этого и начнемъ, конечно. Въ то же время, отступая, мы будемъ основательнѣйшимъ образомъ взрывать всѣ мосты, станціонныя водокачальни и всѣ вообще желѣзнодорожныя сооруженія, уничтожать склады, мастерскія и подвижной составъ, чего не успѣемъ угнать къ себѣ въ тылъ, тѣмъ болѣе, что отъ этого въ наибольшемъ убыткѣ окажутся германскіе же банкиры, у которыхъ наши желѣзныя дороги, можно сказать, въ залогѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ портить и шоссейные пути, которыхъ, кстати, у насъ въ томъ краю только два главнѣйшихъ, да и тѣ почти заброшены, а грунтовыхъ дорогъ и портить не придется: ихъ испортитъ за насъ ненастье да грязь—эта, по выраженію Наполеона I, „шестая стихія“ Литвы и Польши, а довершитъ окончательную порчу движеніе массы войскъ и обозовъ.

Мы не французы, и потому не станемъ, какъ они, разсуждать, что это, молъ, война Наполеона, а я-де роялистъ, или республиканецъ. Это французскому крестьянину—трудно и жалко было разставаться со своимъ вѣками накопленнымъ добромъ, потому что у него тутъ и садикъ, и виноградникъ свой, и плантація, тщательно воздѣланные руками нѣсколькихъ поколѣній, и хорошенькій каменный

домикъ съ каминомъ, гдѣ стоятъ въ почетѣ дѣдушкино кресло и бабушкина прялка—все вѣдь это для французскаго крестьянина завѣтное, дорогое, своя святыня, своя традиція, и загубить все это своими собственными руками дѣйствительно жалко: авось, молъ, и уцѣлѣетъ при нашествіи. Ну, а чего жалѣть нашему крестьянину, въ особенности бѣлорусу, если онъ изъ поколѣнія въ поколѣніе живетъ въ курной хатѣ вмѣстѣ съ курами и поросятами? Тутъ одна только традиція: коли врагъ идетъ, бери съ отчей могилы по горсти родной земли въ тряпицу, за пазуху, топоръ за поясъ, вилы въ руки, „пущай" на все село „краснаго пѣтуха", чтобы врагу недоставалось, и—гайда въ лѣса, выжидая въ засадѣ удобнаго мгновенья, чтобы накрыть оплошнаго врага и расправиться съ нимъ безпощадно. Эта традиція, дѣйствительно, сильна въ русскомъ народѣ, да и мало того: она обще-сословна. Недаромъ же, въ самомъ дѣлѣ, Европа называетъ насъ варварами!

Мы не французы, и потому сдачъ цѣлыми арміями, подобно седанской и мецской, господа нѣмцы отъ насъ не увидятъ: мы будемъ умирать—это вѣрно, и дорогою цѣною продавать врагу послѣднее свое издыханіе. Нѣмецкіе военные агенты, бывшіе въ нашей арміи подъ Плевной и на Балканахъ, хорошо знаютъ, какъ и при какихъ невозможныхъ условіяхъ могутъ драться наши войска, и потому едва ли усомнятся въ истинѣ сказаннаго. Съ нашей стороны это не бахвальство: за насъ свидѣтельствуетъ наше прошлое, вся наша исторія. Намъ, въ сущности, кромѣ жизни и чести, терять нечего; но жизнь, по русской пословицѣ—копѣйка, а чести своей, въ особенности въ такомъ дѣлѣ, какъ защита родины, мы, слава Богу, доселѣ никому еще не отдавали и, надѣюсь, съумѣемъ сохранить ее до послѣдняго издыханія. Итакъ, терять намъ нечего. Сравнительно съ Германіей, въ экономическомъ и культурномъ отношеніи, мы—нищіе, и это является великимъ нашимъ преимуществомъ въ войнѣ оборонительной. У себя дома мы, какъ ни какъ, но все же можемъ вести войну даже на бумажныя деньги, тѣмъ болѣе, что гавани наши, безъ сомнѣнія, будутъ въ блокадѣ, и потому весь хлѣбъ, обыкновенно отпускаемый за-границу, останется дома и подешевѣетъ; остальныя же потребности арміи, относительно пищи и одежды, у насъ всегд удовлетворяются своими домашними средствами, преимущественно изъ великорусскихъ губерній, до которыхъ врагу не легко добраться; да и не въ-первой раскошеливаться русскому человѣку на великую государственную нужду: 1612 и 1812 годы служатъ въ томъ порукой. У себя дома мы можемъ протянуть войну и два, и три года, а понадобится—то сколь ни трудно, но протянемъ и долѣе. Въ этомъ-то и вся сила. Теперь вопросъ: въ состояніи ли Германія со своими союзниками тянуть войну съ нами столько же времени?

Можно отвѣтить смѣло—нѣтъ, не въ состояніи.

И потому не въ состояніи, что она несравненно богаче насъ, и

есть что терять ей у себя дома. Оторвать на два, на три года отъ производительнаго труда всѣ свои рабочія руки, обречь на столько времени всю страну на полный экономическій застой—Германія не можетъ: она лопнетъ. Не пройдетъ и полутора года, какъ во всѣхъ ея промышленныхъ центрахъ обнаружится масса частныхъ банкротствъ, которыя, при необходимости государству громадныхъ закупокъ хлѣба извнѣ, на наличныя деньги, неизбѣжно поведутъ въ концѣ концовъ къ банкротству общему, государственному. Не забудемъ, что все пресловутое германское единство сшито пока еще на живую нитку и что даже въ мирное время мы видимъ, на сколько сильны въ составныхъ частяхъ этой имперіи партикуляристскія и даже сепаративныя стремленія; мы видимъ, какой постоянной и тяжелой борьбы стоятъ князю Бисмарку его нескончаемыя парламентскія препирательства съ разными партіями—то съ клерикалами, то съ соціалистами, то съ національ-либералами и проч.

И въ самомъ дѣлѣ, какой существенный, насущный интересъ можетъ представлять война съ Россіей — и притомъ война столь продолжительная и раззорительная—для какой нибудь католической Баваріи, для Виртемберга, Бадена et tutti quanti? Въ этомъ случаѣ, вся южная Германія будетъ работать, въ буквальномъ смыслѣ, pour le roi de Prusse, потому что существенно-матеріальный интересъ въ такой войнѣ можетъ имѣть только Пруссія, которой нужны наша Либава и Рига для упроченія своего первенствующаго значенія въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ на Балтійскомъ морѣ. Какъ знать, въ случаѣ неуспѣха, не расползутся ли всѣ швы на парадной показной мантіи германской имперіи? Не потянутъ ли окончательно всѣ эти Баваріи и Виртемберги въ сторону прежняго сепаратизма, при которомъ нѣкогда жилось имъ вольготнѣе чѣмъ нынѣ, при дорогостоющемъ имперскомъ единствѣ, подъ эгидою протестантской и милитарной Пруссіи? Если война съ Франціей, начатая и продолжавшаяся при счастливѣйшемъ соединеніи наилучшихъ условій и длившаяся всего лишь около девяти мѣсяцевъ, потребовала отъ Германіи такого напряженія силъ, что, продлись осада Парижа еще одинъ только мѣсяцъ,—Германіи, какъ теперь уже положительно извѣстно, пришлось бы первой искать посторонняго посредничества для заключенія міра, ибо иначе она была бы банкротъ, то какими же послѣдствіями можетъ грозить ей продолжительная война съ Россіей? Въ 1870 году нѣмцы вступали въ богатѣйшую и культурнѣйшую страну Европы, въ страну съ благодатнымъ, мягкимъ климатомъ, въ избыткѣ изрѣзанную прекраснѣйшими путями сообщеній, густо заселенную, въ страну, гдѣ народъ не хотѣлъ драться, считая эту войну только династическимъ дѣломъ, и гдѣ поэтому два пресловутыхъ улана легко могли брать на капитуляцію цѣлые города, взимая съ нихъ милліонныя контрибуціи, не говоря уже о шампанскомъ и сигарахъ. То ли будетъ въ Россіи?...

Въ пользу нѣмцевъ у насъ обыкновенно выставляютъ тотъ аргументъ, что, отрѣзавъ Польшу и занявъ Прибалтійскій край, они не двинутся далѣе ни шагу, а укрѣпятся въ своихъ позиціяхъ и предоставятъ намъ вышибать ихъ оттуда; сами же тѣмъ временемъ займутся устройствомъ на германскій ладъ занятыхъ провинцій, вводя въ нихъ „порядокъ“ и германскую культуру. Едва ли, однако, придется имъ культуръ-трегерствовать въ голодныхъ пустыняхъ, гдѣ мы сами, своими собственными руками, сожжемъ и уничтожимъ все, что лишь доступно уничтоженію, прежде чѣмъ отдадимъ ихъ непріятелю. Слишкомъ много времени и досугу потребовалось-бы при военныхъ дѣйствіяхъ на такое культуръ-трегерство, да и сидѣть на мѣстѣ— это значило бы добровольно выпускать изъ своихъ рукъ инициативу военныхъ дѣйствій, что при наступательной войнѣ, какова бы она ни была, никакъ не можетъ входить въ разсчеты такого противника, какъ германская армія. Вышибать нѣмцевъ изъ ихъ позицій намъ не придется, потому что и безъ того они сами уйдутъ оттуда, либо назадъ, либо впередъ, въ дальнѣйшую глубь Россіи, побуждаемые къ тому безкормицею занятыхъ мѣстъ и необходимостію кончать войну такъ или иначе. Пойдутъ впередъ—тѣмъ хуже для нихъ, ибо и въ дальнѣйшемъ нашествіи встрѣтитъ ихъ все та же выжженная, голодная пустыня, при чемъ существенно увеличатся для нихъ только разстоянія безобразнѣйшихъ тыловыхъ путей и необходимость выдѣлять значительныя воинскія части для этапной службы и охраны своихъ магазиновъ и лазаретовъ. Двинутся назадъ—тогда мы знаемъ, что намъ дѣлать: за нами есть практика 1812 года. Но если не вышибать ихъ изъ занятыхъ позицій, то это еще не значитъ, чтобы втеченіе всего времени, пока господамъ нѣмцамъ будетъ угодно въ нихъ оставаться, наши военныя силы были обречены на бездѣйствіе. Напротивъ, у насъ будутъ непрерывныя и самыя горячія дѣйствія. Для насъ, дѣйствительно, въ высшей степени важно не дать осуществиться на первыхъ же порахъ главнѣйшей цѣли непріятеля—разбить по частямъ наши регулярныя арміи и тѣмъ сейчасъ же принудить насъ къ тяжелому и постыдному миру; для насъ необходимо сохранить до удобнаго рѣшающаго момента свои регулярныя силы, по возможности, цѣлыми, свѣжими, готовыми къ бою и довершенію гибели противника. Но не забывайте, что Россія въ состояніи выставить въ поле 250.000 казачьей и азіатской конницы. Сколько бы ни третировали ее свысока господа нѣмцы, называя „сволочью“, „саранчею“ и т. п.; сколь бы плохо ни была вооружена эта „саранча“, она тѣмъ не менѣе будетъ страшна для всякаго, самаго серьезнаго противника не инымъ чѣмъ, какъ только сущностію своего азіатскаго характера. Множество небольшихъ, но лихихъ летучихъ отрядовъ этой конницы непрестанно будутъ шнырять во всѣхъ направленіяхъ и на всѣхъ путяхъ въ тылу у противника, словно іюльскія мухи надъ падалью, всячески надоѣдать ему и тревожить его силы, пор-

тить исправленныя дороги, жечь запасы, нападать на транспорты, словомъ сказать—эта „саранча“ будетъ „шкодить“ противнику, гдѣ и какъ только можно. Не говорю уже о вѣроятности лихихъ партизанскихъ налетовъ болѣе крупными отрядами на непріятельскую территорію еще въ самомъ началѣ войны, тѣми силами, какія найдутся у насъ въ отрѣзанной части Польши. Цѣлью такихъ налетовъ, минуя укрѣпленные пункты, такъ сказать, проскальзывая между ними, будутъ нѣмецкія селенія, мѣстечки, открытые города, быть можетъ, до самаго Берлина включительно,—вѣдь побывала же въ немъ наша конница еще въ 1760 году; стало быть, отчаяваться и теперь не надо. Такіе налеты на непріятельскую территорію могутъ и даже должны повторяться и впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ теченіи войны, при каждомъ удобномъ случаѣ. Безъ сомнѣнія, наша азіатская „саранча“ и лихіе казаки не станутъ церемониться съ почтенными бюргерами, а будутъ жечь и разносить въ пухъ и прахъ, что ни попадется подъ руку — на то вѣдь мы и патентованные варвары. Нѣмцы, конечно, будутъ безпощадно бить эту „саранчу“ гдѣ лишь можно, будутъ самымъ „цивилизованнымъ“ образомъ вѣшать и разстрѣливать тѣхъ, что попадутся къ нимъ въ плѣнъ, какъ вѣшали французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, но этимъ азіатскую „саранчу“ не удивишь и не запугаешь, ибо въ ней, по сущности азіатскаго характера, хищническій инстинктъ къ разрушенію сильнѣе чувства самохраненія и она все-таки будетъ дѣлать свое страшное, разрушительное, кровавое дѣло, наводя паническій ужасъ на добрыхъ бюргеровъ. Двумъ прусскимъ уланамъ, при всѣхъ ихъ отличныхъ достоинствахъ, не мало таки хлопотъ предстоитъ съ этою ужасною, безшабашною „саранчею“.

Но допустимъ даже тотъ, невозможный въ дѣйствительности, фактъ, что Россія за все время войны ограничится однимъ лишь пассивнымъ сопротивленіемъ, почти не тревожа своего противника въ занятыхъ имъ провинціяхъ, то и тогда, при условіи продолжительности войны, Германія все-таки лопнетъ, ибо, имѣя предъ собою хотя и бездѣйствующую, но не разбитую армію противника, она тѣмъ самымъ будетъ вынуждена держать подъ ружьемъ всѣ свои дѣйствующія силы, не будучи въ состояніи возвратить домой къ производительному рабочему труду ни единаго солдата. А такое экономическое состояніе для Германіи долго продолжаться не можетъ.

Въ этой ужасной войнѣ, если, по волѣ Божіей, суждено ей когда либо осуществиться, намъ придется полагаться только на свои собственныя народныя силы. Союзниковъ у насъ, кромѣ черногорцевъ, нѣтъ, а на остальныхъ славянъ разсчитывать нечего. Болгарамъ (если только они поднимутся) будетъ и своего дѣла достаточно съ турками; а сербовъ уже и теперь пристегиваютъ къ австрійцамъ; поляки, безъ сомнѣнія, начнутъ свои вѣчныя смуты; славяне австрійскіе ограничатся лишь платоническимъ, но очень скромнымъ сочувствіемъ къ намъ (ибо австрійская полиція не свой братъ!), тѣ же, что будутъ

въ рядахъ австрійской арміи, вѣроятно, будутъ драться съ нами хотя и безъ „австрійско-патріотическаго“ воодушевленія, но все же такъ, какъ дерутся теперь въ Герцеговинѣ. Разсчитывать на Францію у насъ еще менѣе оснований, чѣмъ на славянъ. Франція не пойдетъ на союзъ съ нами, да намъ его и не нужно. Она видимо желаетъ сохранить за собою полную свободу дѣйствій для того, чтобы въ надлежащій моментъ сказать Германіи свое рѣшающее слово, не рискуя для этого, быть можетъ, ни однимъ солдатомъ, и это слово, вѣроятно, скажется ею при окончаніи нашей войны съ Германіей, каковъ бы ни былъ исходъ ея для послѣдней, ибо, даже въ случаѣ удачи, Германія все-таки будетъ настолько обезсилена тяжелою борьбою, что едва ли окажется въ состояніи сразу и тотчасъ же начинать новую войну съ Франціей. Тогда Франція и безъ выстрѣла возвратитъ себѣ все, что ей надобно, а можетъ быть еще и до русско-германской войны нѣмцы успѣютъ помириться съ нею на какой нибудь подходящей сдѣлкѣ. Вѣдь уже пошли кое-какіе слухи насчетъ Люксамбурга...

Нашъ солдатъ, безъ сомнѣнія, гораздо выносливѣе и нетребовательнѣе германскаго, которому нужны и утренній кофе, и питательный обѣдъ, и шнапсъ, и пиво, и добрая сигара. Нашъ не привыкъ къ такимъ „роскошамъ“ даже и въ мирное, а не то что въ военное время; всѣ его неприхотливыя потребности удовлетворяются исключительно своими домашними средствами: холстъ на бѣлье, сукно на одежду, товаръ на обувь, сухари, капусту, мясо, водку, махорку — все это доставляютъ ему свои внутреннія провинціи, которыя и во время войны будутъ поставлять все тѣ же предметы, сколько потребуется, и не на золото, а все на тѣ же бумажныя деньги. Ну, а что до драки, то германскіе военные люди, вѣроятно, и сами знаютъ, что въ этомъ отношеніи нашъ солдатъ едва ли уступитъ нѣмцу. Впрочемъ, никто какъ Богъ, и дѣло побѣды всегда въ руцѣ Божіей. Повторяю, намъ надо полагаться только на внутреннюю крѣпость своего собственнаго народа и ни на кого болѣе. Вся сила въ томъ, чтобы не дать разбить себя вначалѣ, но, сохранивъ, по возможности, свои арміи, затянуть войну какъ можно долѣе.

Мы не хотимъ войны, мы къ ней несовсѣмъ готовы (впрочемъ, желалъ бы я знать, когда же это и къ какой войнѣ были мы дѣйствительно готовы?), но если нашимъ сосѣдямъ такъ уже приспичило, во что̀ бы то ни стало, воевать съ нами, если они бросятъ намъ вызовъ, то пусть попробуютъ: мы войны не боимся. Европейскія коалиціи для насъ не новость, и каковы бы ни были частные успѣхи того или другаго изъ союзниковъ, но если лопнетъ главный нашъ врагъ, то всѣ эти частные успѣхи въ концѣ-концовъ, при рѣшеніи дѣла, не будутъ имѣть ровно никакого значенія и, конечно, не столько главному коалиціонеру, сколько этимъ союзникамъ придется расплачиваться своимъ добромъ по нашему счету.

Но... позволительно, и даже очень, сомнѣваться въ намѣреніи нѣмцевъ дѣйствительно воевать съ нами. Въ Берлинѣ очень хорошо знаютъ свои и наши шансы, знаютъ, что Россія — это такая коврижка, на которой легко сломать себѣ зубы; безъ сомнѣнія, имѣютъ въ виду и тѣ рисковыя экономическія послѣдствія, какими можетъ разразиться для самой Германіи неудачный исходъ продолжительной войны съ нами. Все это тамъ прекрасно знаютъ и понимаютъ и потому на такую войну съ легкимъ сердцемъ не отважатся. Вотъ попугать насъ войною, заставить покричать о ней свои рептильныя газеты, уронить на биржѣ наши фонды и тѣмъ повлiять на нашъ тарифъ, а можетъ быть и на благопріятное, въ жидовскомъ смыслѣ, рѣшеніе еврейскаго вопроса, — это иное дѣло, это ничего не стоитъ и всегда очень пріятно; на это они всегда готовы съ особымъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря нашему безконечному благодушію и миролюбію и вытекавшей изъ того и другаго безпримѣрной уступчивости, такіе маневры до сихъ поръ имъ всегда удавались. Мы слишкомъ избаловали своихъ добрыхъ сосѣдей нашей уступчивостью и миролюбіемъ, пріучивъ ихъ считать насъ безусловными сателлитами германской политики и думать, что мы боимся войны, что стоитъ лишь варцинскому Юпитеру наморщить свои брови, да цыкнуть на насъ въ какой-нибудь „Norddeutsche Allgemeine Zeitung"— мы сейчасъ и испугаемся и хвостъ подожмемъ. Такой пріемъ, какъ уже замѣчено выше, особенно часто и нахально сталъ примѣняться къ намъ послѣ Берлинскаго конгресса. Оно и понятно...

И вдругъ, послѣ столь долгаго періода нашей почтительности, раздается совсѣмъ неожиданно громкій, независимый отъ Берлина, голосъ авторитетнаго русскаго человѣка, изъ чего добрые сосѣди, къ удивленію и огорченію своему, узнаютъ, что мы войны съ ними вовсе не боимся, что дешевый пріемъ, доселѣ практиковавшійся противъ насъ, сверхъ ожиданія, раскушенъ нами и потому на будущее время оказывается болѣе не пригоднымъ... Понятно, что такое разочарованіе должно быть очень досаднымъ; понятны и эта пѣна у рта въ рептильныхъ газетахъ, и этотъ воинственный барабанный бой передовыхъ статей, и это вожделѣніе „примѣрной кары" генералу Скобелеву, даже до ссылки его на Сахалинъ, съ готовностію въ такомъ случаѣ гарантировать Россіи обладаніе этимъ островомъ—какъ будто тутъ есть что гарантировать! Все это совершенно понятно: дрянной пріемъ приходится бросить, замѣнить его нечѣмъ, а начинать дѣйствительную войну—болѣе, чѣмъ рисковано,—какъ же тутъ быть теперь далѣе?..

Во всякомъ случаѣ, у сосѣдей начинаютъ чувствовать, что въ Россіи, кажись, пришелъ конецъ нѣмецкимъ вліяніямъ, что она серьезно желаетъ стать на свои собственныя ноги и жить для себя, руководствуясь только своими русскими, народными интересами. Inde irae.

Что до насъ, то мы болѣе всего желали бы всегда жить съ Германіей въ полномъ мирѣ и согласіи, основанномъ на взаимномъ уваженіи и признаніи законныхъ правъ, интересовъ и вліяній каждой стороны, какъ равный съ равнымъ, но отнюдь не въ качествѣ сателитовъ. Думаемъ, что такъ было бы для обѣихъ сторонъ и спокойнѣе, и выгоднѣе.

Если же нѣтъ — пусть начинаютъ, и да будетъ воля Господня!.. Но пусть знаютъ напередъ, что это будетъ война на жизнь или на смерть, война жестокая, долгая, народная, въ которой мы ничего не пощадимъ и не пожалѣемъ/— ни жизни, ни достоянія и своего, и вражьяго. Наше упованіе послѣ Бога — на упругость нравственнаго духа русскаго народа и на твердый характеръ русскаго Царя,—да пошлетъ ему Богъ великодушную рѣшимость лучше длить войну до послѣдняго издыханія своего послѣдняго вѣрнаго подданнаго, чѣмъ заключать миръ мало-мальски постыдный для чести Россіи. Продолжительность войны—это наше спасеніе, и потому, прежде чѣмъ объявлять намъ войну, пусть хорошенько подумаетъ и сообразитъ нашъ добрый сосѣдъ, не лучше ли, не выгоднѣе ли ему обдѣлать свои дѣла въ искреннемъ, честномъ союзѣ съ нами, чѣмъ съ отживающими Австріей и Турціей?—Мы вѣдь пока еще живы.

Всеволодъ Крестовскій.

РОССІЯ ПОДЪ ПЕРОМЪ НОВѢЙШИХЪ РЕФОРМАТОРОВЪ [1]).

III.

РЕФОРМАТОРЫ второй группы, т. е. гг. Панаевъ, Новосельскій и авторъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи", стоятъ за „самобытность" Россіи наперекоръ европейскому опыту. Сущность этого опыта,—т. е. соціальнаго закона, по которому развивается каждая страна,—заключается въ томъ, что граждане ея первое время переживаютъ опеку, централизацію и т. п. стѣсненія; но затѣмъ, постепенно начинаютъ протестовать противъ такого порядка, добиваются самодѣятельности и участія заинтересованнаго лица въ охраненіи и расширеніи своихъ общественныхъ и политическихъ правъ. Вторая группа нашихъ реформаторовъ не признаётъ такого историческаго закона для Россіи, по крайней мѣрѣ для настоящаго переживаемаго ею момента. Эти реформаторы думаютъ, что Россія найдетъ свое счастье въ особомъ пути, рѣзко отличающемся отъ европейскаго. Они создаютъ для Россіи своеобразныя правительственныя функціи, возлагаютъ на нихъ всѣ свои надежды и руководятся ими, а не опытомъ исторіи и всеобщими началами человѣческаго духа. Вслѣдствіе этого, кромѣ прямыхъ ошибокъ, въ ихъ публицистическихъ упражненіяхъ встрѣчается рядъ „оригинальностей". Очень возможно, что общественное и политическое развитіе Россіи будетъ идти еще долгое время тѣмъ отечественнымъ путемъ, который рекомендуется реформаторами второй группы. Но этотъ своеобразный путь можетъ быть осуществимъ только случайностями исторіи, а не ея законами.

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ", томъ VII, стр. 683—696.

Въ мартовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ мы уже замѣтили, что эта группа реформаторовъ враждебна какъ крѣпостнически-дворянскому элементу, такъ и конституціонному. Въ частности мы разобрали только г. Панаева, что̀ очень недостаточно для ознакомленія съ аргументаціею сторонниковъ земскаго дѣла во главѣ съ единодержавной, единоличной властью государя, не отдающаго своего могущества никакимъ договорамъ власти съ народомъ, никакимъ „статутамъ“, и вѣрящаго только одному себѣ, „дабы творить добрыя, великія, безпримѣрныя дѣла нетолько для блага своего народа, но и „для всего человѣчества“. Такъ смотритъ вторая группа реформаторовъ на политику, называя ее „истинно-русской“,—„народной политикой“, „самобытной“, „безъ обезьянничанья передъ Западомъ“, и т. д. По взглядамъ г. Новосельскаго и автора „Писемъ о Россіи“, мы прослѣдимъ всю эту „истинно-русскую програму“ въ отличіе отъ просто русской и отъ обще-человѣческой. Укажемъ еще отличительный признакъ этой „истинно-русской программы“: она непремѣнно должна уничтожить въ Россіи соціализмъ и революціонныя идеи; иначе—это уже не будетъ „истинно-русская програма“. Дѣйствительно, что̀ бы ни писали гг. Новосельскій и авторъ „Писемъ“, оба они тотчасъ же добавляютъ: при принятіи нашихъ проектовъ, „злоумышленники“, т. е. революціонеры-соціалисты, должны погибнуть потому-то и потому. Эту черту ихъ трактатовъ мы считаемъ самою важной, самою преобладающей. Трактаты ихъ необходимо разбирать въ смыслѣ матеріала для борьбы „истинно-русской партіи“,—какъ величаютъ сами себя реформаторы второй группы,—съ крамолою. Первая группа рекомендовала для этой цѣли желѣзные переплеты, веревку и картечь; посмотримъ, что противупоставляетъ вторая группа „внутреннимъ врагамъ отечества“—нигилистамъ, матеріалистамъ, соціалистамъ, конституціоналистамъ и т. д.

Г. Новосельскій въ заключеніи „Соціальныхъ вопросовъ въ Россіи“ прямо говоритъ: „вотъ программа мирнаго разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ въ Россіи“. Если его программа не будетъ принята, то г. Новосельскій, признавая, что въ Россіи есть почва для вопросовъ земельнаго, рабочаго и даже нигилистически-революціоннаго,—ждетъ разрѣшенія этихъ вопросовъ скачками и потрясеніями. Онъ такъ счастливъ своимъ жребіемъ спасителя отечества, что заканчиваетъ „изложеніе своихъ мыслей по поводу настоящихъ революціонныхъ событій въ нашемъ отечествѣ“ словами извѣстнаго публициста: (De Bonald, Traité du Ministère publique): „Un homme a remplie la première et la plus noble déstination de l'être intelligent et raisonable, lorsqu'il a appliqué son esprit à connaître la verité et à la faire connaître aux autres; c'est une fonction publique, et une sorte de ministère qu'il ne paye pas trop cher de sa fortune, de son repos et même de sa vie“. (Человѣкъ выполнилъ только тогда первѣйшее и благороднѣйшее назначеніе разумнаго существа, когда онъ направилъ свои способности

къ изысканію истины и распространенію ея. Это такая общественная задача, за которую не жаль поплатиться счастьемъ, покоемъ и даже жизнью). Самообожаніе автора „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“ еще сильнѣе; въ каждомъ его письмѣ чувствуется присутствіе боговдохновеннаго пророка. Послѣднюю страницу онъ заканчиваетъ такъ: „нашему переходному состоянію и нашему раздвоенію придетъ конецъ въ тотъ лишь день, когда не для кого будетъ доказывать такихъ простыхъ истинъ“. Эти простыя истины авторъ сказалъ намъ въ двѣнадцати письмахъ. Каждое изъ нихъ дышетъ вѣрою въ свою непогрѣшимость и въ свое высокое призваніе—искоренить нетолько соціалистовъ, но вообще западниковъ и частной и „казенной среды“, болѣе опасныхъ западниковъ, чѣмъ западники „революціонной среды“. Съ послѣдними авторъ покончитъ въ тотъ же день, какъ только правительство пойдетъ на путь, указанный имъ въ двѣнадцати письмахъ. Не интересно ли, въ самомъ дѣлѣ, тщательное знакомство съ такими спасителями отечества?

Намъ приходится прежде всего остановиться на г. Новосельскомъ. Читатель не долженъ претендовать на насъ, если въ нашемъ разборѣ г. Новосельскій явится нѣсколько блѣднымъ представителемъ второй группы реформаторовъ. Мы сдѣлаемъ самыя типичныя выдержки изъ его сочиненія и, конечно, не наша вина, если эти выдержки, съ небольшимъ отъ насъ освѣщеніемъ, не дадутъ читателю такого цѣльнаго понятія о второй группѣ, какое онъ получилъ о первой. Мы надѣемся, впрочемъ, что читатель будетъ болѣе удовлетворенъ, когда, вслѣдъ за г. Новосельскимъ, мы будемъ разбирать автора „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“. Послѣдній обозрѣваетъ Россію гораздо подробнѣе, полнѣе; въ изложеніи его больше соли; реформаторскіе планы шире и смѣлѣе.

Г. Новосельскій, приступая къ своей задачѣ, задается прежде всего вопросомъ, есть ли въ Россіи почва для соціальной пропаганды, т. е. какія для этого требуются условія?—и признавъ, что такія условія существуютъ, предлагаетъ рядъ реформъ для уничтоженія ихъ.

Онъ говоритъ, что для успѣшнаго развитія соціальныхъ доктринъ въ народѣ необходимо существованіе слѣдующихъ условій: 1) чтобы земля находилась въ рукахъ привиллегированныхъ классовъ, или чтобы вообще народъ чувствовалъ нужду въ бо́льшемъ количествѣ земли, чѣмъ у него есть; 2) чтобы были причины, вынуждающія крестьянина покидать деревню, семью, и идти въ городъ отыскивать заработокъ, подвергаясь всѣмъ прихотямъ рынка и работодателя; чтобы существовали законы, воспрещающіе заводскимъ и фабричнымъ рабочимъ соединяться въ общества самопомощи; 3) чтобъ кредитъ, организованный правительствомъ, находился въ рукахъ денежныхъ монополистовъ и былъ совершенно недоступенъ массамъ; 4) чтобъ само правительство находилось подъ вліяніемъ привиллегированныхъ классовъ, или денежной аристократіи, недопускающихъ правительство измѣнять суще-

ствующіе законы, издававшіеся при участіи исключительно имущихъ классовъ, и 5) чтобъ мыслящіе классы вырождались въ „мыслящій пролетарій“, въ обойденныхъ патриціевъ, среди которыхъ къ тому же распространялось ученіе матеріалистовъ [1]) то посредствомъ преподаванія наукъ въ школахъ, то посредствомъ журналовъ и газетъ.—Вотъ какими серьезными условіями г. Новосельскій объясняетъ зарожденіе и жизненность крамолы.

Существуютъ ли эти условія у насъ въ Россіи? На этотъ вопросъ онъ даетъ отвѣтъ утвердительный. Въ отношеніи крестьянскаго малоземелія, тяготы податной системы и аграрнаго законодательства, г. Новосельскій ссылается на профессора Янсона и многіе другіе авторитеты. Отъ себя онъ говоритъ: „съ увеличеніемъ народонаселенія за 20 лѣтъ, количество земли, полученное крестьянами при ихъ освобожденіи, теперь естественно и положительно недостаточно. Мы знаемъ, что у насъ относительно земельнаго вопроса установилось мнѣніе, что такого вопроса въ Россіи не существуетъ, потому что крестьяне надѣлены землею, а крупные землевладѣльцы затрудняются во-время имѣть рабочихъ даже за большія деньги. На дѣлѣ же оказывается, что недовольство крестьянъ происходитъ не отъ того, что у нихъ земли нѣтъ, но отъ того, что у нихъ ея мало, и что они, для удовлетворенія своихъ хозяйственныхъ нуждъ, вынуждены нести всю тяготу эксплоатаціи со стороны тѣхъ, у кого они нанимаютъ землю или угодія. Въ наше время, когда обнаружилось, что помѣщичьи хозяйства, за немногочисленными исключеніями, ликвидированы и земля ихъ, если она нужна для сосѣднихъ крестьянъ, арендуется и даже покупается, за неимѣніемъ у крестьянъ ни денегъ, ни кредита,—ихъ эксплоататорами, купцами-кулаками; когда, съ другой стороны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обнаружилось не вполнѣ удовлетворительное надѣленіе землей крестьянъ при освобожденіи ихъ и опытъ указалъ, что въ этихъ мѣстностяхъ выкупные платежи велики и несоразмѣрны съ доходностью земли; когда недостаточность угодій у большинства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ выражается уменьшеніемъ скотоводства,—то необходимо со стороны государства облегчить этимъ истымъ земледѣльцамъ сдѣлать свой потовой трудъ болѣе производительнымъ и для себя, да и для самого государства“. На этомъ основаніи, г. Новосельскій требуетъ правительственнаго кредита для воспособленія крестьянамъ пріобрѣтать продаваемыя земли, подобно тому, какъ это было сдѣлано правительствомъ для выкупа надѣловъ. Сверхъ того, говоритъ г. Новосельскій: „представляя крестьянамъ средства увеличить количество земельныхъ надѣловъ, необходимо неотлагательно положить конецъ бюрократическимъ пріемамъ

---

[1]) Каковыми г. Новосельскій считаетъ Дарвина въ естествознаніи, Бокля въ историческихъ наукахъ, Маркса и Лассаля—въ политической экономіи. Принципы этихъ великихъ мыслителей, по мнѣнію г. Новосельскаго, создали матеріализмъ.

волостныхъ правленій и эксплоатаціи большинства ихъ торговцами питей, барышниками, съемщиками земельныхъ надѣловъ и т. п. кулаками и міроѣдами, покровительствуемыми волостнымъ начальствомъ. Въ волости на практикѣ нѣтъ крестьянскаго самоуправленія,—явилось управленіе старшины и писаря, подъ указаніями урядника, становаго, исправника, а тѣ въ свою очередь—подъ указаніемъ губернатора или предсѣдателя земства, предводителя дворянства". Такое земельное положеніе народа дѣлаетъ его крайне воспріимчивымъ ко всякимъ слухамъ и даже попыткамъ, разъ они сулятъ ему то, чего ему самому уже давно хочется.

Къ такъ называемому „рабочему вопросу" г. Новосельскій подходитъ столь же безпристрастно: пролетарій въ Россіи, по его мнѣнію, составляютъ заводскіе и фабричные рабочіе, потомъ мѣщане, отставные солдаты и разночинцы. Правительство къ нимъ относилось до сихъ поръ болѣе чѣмъ безучастно. „Законы наши, до сего времени, не брали подъ свое покровительство матеріальные интересы рабочаго, а если въ гигіеническомъ отношеніи кое-что и сказано въ законахъ по отношенію къ устройству фабрикъ, то на практикѣ, за исключеніемъ столицъ, остается большею частью безъ исполненія. Напротивъ того, до сего времени, всякое проявленіе среди рабочихъ соглашеній объ отстаиваніи своихъ интересовъ преслѣдовалось полиціею, какъ бы враждебное интересамъ государства".

Практическое облегченіе участи промышленнаго пролетарія, г. Новосельскій видитъ въ осуществленіи правительствомъ идей Луи-Блана и Лассаля. Казенные заводы, съ окружающимъ ихъ населеніемъ, и тѣ частные, на которыхъ хозяева прекращаютъ производства за убыточностью его, вслѣдствіе наемническихъ началъ, представляютъ удобный случай отдать эти промышленныя заведенія рабочимъ артелямъ. При артельномъ производствѣ трудъ дѣлается интенсивнѣе, и слѣдовательно—доходнѣе; правительство можетъ замѣстить частныхъ хозяевъ рабочими артелями, обезпечивъ интересы первыхъ облигаціями. Эти облигаціи въ свою очередь будутъ гарантированы государственнымъ банкомъ и, наконецъ, собственнымъ существованіемъ рабочихъ артелей при этихъ фабрикахъ и заводахъ. По облигаціямъ хозяева будутъ получать проценты и погашеніе, а рабочіе, учредивъ между собою внутреннюю организацію, за вычетомъ изъ прибыли заработной платы, процентовъ на капиталъ и расходъ на содержаніе завода, будутъ остатокъ дѣлить слѣдующимъ образомъ: часть пойдетъ на погашеніе капитала заводчика, съ которымъ правительство заключило сдѣлку; часть пойдетъ на образованіе капитала для вспомоществованія стариковъ, больныхъ и раненыхъ; часть будетъ дѣлиться между рабочими, какъ прибыль, которую они произвольно могутъ тратить на что имъ угодно, часть пойдетъ на образованіе запаснаго капитала. „Опытъ отдачи казенныхъ заводовъ артелямъ изъ мѣстныхъ рабочихъ,—говоритъ г. Новосельскій,—убѣдилъ бы правительство въ не-

выгодности отчужденія самихъ заводовъ въ частныя руки. Намъ представляется вовсе не затруднительнымъ посредствомъ долгосрочнаго кредита предоставить такимъ артелямъ самое пріобрѣтеніе этихъ заводовъ. Само собою разумѣется, что опытъ долженъ быть довѣренъ лицу, сочувствующему и понимающему всю громадность значенія организаціи труда въ формѣ артели и воспособленіе ей въ пріобрѣтеніи орудій производства государственнымъ кредитомъ".

Но теперь является естественнымъ вопросъ о томъ, отданъ-ли, организованный при помощи правительства, кредитъ въ руки денежныхъ монополистовъ, или онъ общедоступенъ для всякой отрасли труда? Когда-то публика несла свои капиталы одному государству; сама она не желала заниматься предпріятіями, а считала за лучшее получить готовенькіе проценты, вѣрные и не маленькіе. Разумѣется, казна скоро почувствовала, какимъ концомъ палка дерется больнѣе, и придумала значительно уменьшить проценты, предполагая, что тогда публика не отдастъ ей свои капиталы, но займется выгодными предпріятіями, какъ бы ихъ тамъ ни клеймили: спекуляціями, поддерживаемыми субсидіями, гарантіями, концессіями, монополіями и т. п. Дѣйствительно, нашлись господа, которые охотно взялись быть посредниками между государствомъ и публикой: они предложили публикѣ большіе проценты, а отъ нея потребовали „вклады", обезпечивая ея капиталы, на случай паники, или кризиса, государственнымъ банкомъ. Первый частный банкъ вызвалъ всюду новые торговые банки. Какъ же все это отразилось на нашей экономической жизни? „Можно сказать категорически,—отвѣчаетъ г. Новосельскій,—что учрежденіе частныхъ банковъ повело лишь къ усиленію значенія бывшихъ до того капиталистовъ, большинство коихъ было уже извѣстно намъ подъ названіемъ банкировъ. Всѣ эти господа, производившіе свои финансовыя операціи до учрежденія банковъ на свои собственныя средства, не надѣли траура отъ угрожавшей имъ, повидимому, конкуренціи со стороны складочнаго капитала публики, а, посмѣявшись надъ иллюзіями публики и самого правительства, стали въ главѣ этихъ учрежденій, т. е., взявъ большинство акцій, а съ ними и большинство голосовъ и рѣшающее вліяніе въ управленіи дѣлами этихъ банковъ, повели свои финансовыя операціи теперь въ гораздо большемъ размѣрѣ, опираясь не только на складочный капиталъ этихъ банковъ и на вклады въ оные публики, но, сверхъ того, и на поддержку самого государственнаго банка. Такимъ образомъ, сила этихъ банкировъ и ихъ вліяніе, имѣющее, естественно, какъ конечную цѣль—монополизированіе денегъ въ той мѣстности, гдѣ они дѣйствуютъ, усилилось въ громадныхъ размѣрахъ и распространилось по всѣмъ мѣстностямъ, нуждающимся въ кредитѣ. Поэтому есть основаніе мнѣнію, которое размноженіе у насъ этихъ денежныхъ аристократовъ приписываетъ появленію акціонерныхъ банковъ въ Россіи".

А въ этой денежной аристократіи г. Новосельскій видитъ препят-

ствіе правительственнымъ мѣропріятіямъ, стремящимся къ улучшенію быта простаго народа. Существованіе въ Россіи этихъ классовъ, т. е. вліятельнаго, крупнаго землевладѣльческаго дворянства, и самостоятельной, капиталистической буржуазіи, г. Новосельскій отрицаетъ; онъ признаетъ за властью полную свободу: государь и его министры не зависятъ отъ парламентскаго большинства, представляющаго—по мнѣнію г. Новосельскаго—всегда имущіе классы.

Что же мѣшаетъ правительству быть всегда на сторонѣ неимущихъ и обездоленныхъ сословій?—Способы, чрезъ которые самодержавная власть правитъ Россіей. Г. Новосельскій не ставитъ вопроса о томъ—кому управлять? Царская власть, безъ хартій и обязательствъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, личная совѣсть государя, безъ всякихъ формальныхъ опредѣленій его правъ, но обусловленныхъ нравственными отношеніями царя къ своимъ подданнымъ, ихъ обоюдною привычкою—вотъ гдѣ источникъ власти и на чемъ зиждется охрана правды и порядка. Вопросъ является лишь о томъ, черезъ кого управлять? Черезъ столповое ли крѣпостное дворянство, или черезъ могущую быть вліятельной буржуазію, или черезъ всѣмъ опостылѣвшую и потерявшую всякое къ себѣ довѣріе бюрократію, или черезъ развитіе всесословныхъ земскихъ учрежденій? Г. Новосельскій смѣлыми штрихами рисуетъ распаденіе Россіи только потому, что способы, которыми ею правятъ, т. е. чиновничество, давно потеряли подъ собою почву. Правительство самодержавнаго монарха, имѣя въ основѣ своей чиновниковъ, не умѣло создать прочныхъ „устоевъ", оно было безсильно въ борьбѣ съ ученіемъ матеріализма и практической дѣятельностью молодаго поколѣнія, направленнаго къ низверженію существующаго безпорядка; точно также оно не создало обезпеченія и просвѣщенія народной массы. Въ немъ царило глубокое убѣжденіе, что въ Россіи нѣтъ соціальныхъ вопросовъ; особенно это было сильно распространено въ петербургскомъ высшемъ чиновничествѣ. Въ то время какъ эмансипирующее движеніе охватывало Россію, такъ всецѣло и полно, что никакая реакція не могла затормозить его, чиновническое правительство пребывало въ невѣдѣніи насчетъ истинныхъ причинъ соціализма. Малоземеліе крестьянъ, чрезмѣрность выкупныхъ платежей, пьянство, сгущенность населенія, опустошительныя заразы и болѣзни, скотскіе падежи, уменьшеніе запашекъ и домашняго скота, мздоимство бюрократіи и „хищеніе" въ лицѣ крупныхъ и мелкихъ представителей ея, пренебреженіе къ интересамъ науки, печати и вообще „интеллигенціи"— всего этого, будто бы, было недостаточно, по господствовавшему у насъ мнѣнію, для появленія на такой почвѣ какихъ угодно разрушительныхъ теорій.

Полиція, чиновникъ, казна,—въ настоящее время неизвѣстно, что̀ изъ себя представляютъ. Для переустройства первой г. Новосельскій предлагаетъ различныя мѣры: то артель дворниковъ съ круговою по-

рукой [1]), то полицейскихъ агентовъ изъ образованныхъ людей [2]). Если такой планъ преобразованія полицейскаго вѣдомства г. Новосельскій предпочитаетъ тому, на которомъ зиждется существующая полиція, то можно судить о степени полезности послѣдней и ея вліянія на обывателей. Что касается казны и чиновника—то это одно и то же понятіе. Г. Новосельскій характеризуетъ его такъ: „всѣ классы народа, безъ исключенія, сознательно недовольны исполнительными органами власти, не видя въ нихъ отраженія историческихъ царскихъ отношеній къ себѣ, не видя въ нихъ добродѣтелей истинно государственныхъ мужей русской исторіи, а видя и чувствуя между царемъ и собою формализмъ чиновничества, стѣсняющагося обезпокоить и встревожить государя правдою,—чиновничества, влюбленнаго въ самого себя, не любящаго всего, что увеличиваетъ его работу, мертвящаго бумагописаніемъ все живое, къ чему оно ни прикасается, и своимъ безконтрольнымъ деспотизмомъ возмущающее человѣческое достоинство. Деспотизмомъ этимъ начиненъ и самый маленькій административный чиновникъ, понимающій всю безпомощность обращающагося къ нему просителя. Тяжело русскимъ видѣть, что въ административной сферѣ невозможно добиться справедливости, если при производствѣ дѣла въ министерствѣ вкралась просто ошибка, или кто либо изъ чиновниковъ, прокладывающихъ себѣ дорогу, хочетъ обратить на себя вниманіе защитою казенныхъ интересовъ, хотя бы съ полнымъ нарушеніемъ правъ частныхъ лицъ, именно для того, чтобы жалобы на него формировали его репутацію, какъ честнаго и строгаго оберегателя казны". Съ корыстолюбіемъ и взяточничествомъ чиновника, „благодарностью за хлопоты", русскій человѣкъ давно примирился, принявъ это за неизбѣжный расходъ. Другой способъ дѣлать карьеру состоитъ еще для чиновника въ „модномъ направленіи", въ либерализмѣ,—правильнѣе—въ лицемѣріи. Эту спекуляцію на духъ

---

[1]) „Артель эта, составленная изъ русскихъ людей, представляя собою чистый народный элементъ, съ ея извѣстной смѣтливостью, выносливостью и любовью къ царю, благонадежнѣе массы полицейскихъ агентовъ. Артель эта, съ взаимнымъ ручательствомъ и съ значительнымъ денежнымъ залогомъ, безъ шума будетъ доставлять интеллигенціи полицейской всѣ данныя, кои нужны ей для нашего спокойствія, и лучше всѣхъ газетъ живою рѣчью проведетъ въ простонародье успокоительную мысль, что первыми открывателями всѣхъ возможныхъ козней противу царя назначены его братья—простолюдины".

[2]) „Эти образованные полицейскіе агенты, принимая во вниманіе, что молодежь, побуждаемая бѣдностью, становится въ ряды недовольныхъ, могутъ прибѣгнуть къ организаціи „христіанской благотворительности" и тѣмъ отвлекать молодежь отъ заговоровъ. Втираясь въ довѣріе общества, эти образованные агенты могутъ заправлять частной благотворительностью, въ послѣднее время такъ часто приходящую на помощь учащейся молодежи. Кромѣ того, если правительство озаботится еще устройствомъ профессіональныхъ школъ, то это значительно уменьшитъ преслѣдованіе молодежи". Не правда ли, какая идеальная полиція: во-первыхъ, дворники, во-вторыхъ интеллигентные люди; съ одной стороны шпіонство и арестъ, съ другой—христіанская филантропія и профессіональныя школы... Славное время мы переживаемъ!

времени особенно тщательно констатируютъ г. Новосельскій. Третированіе публики чиновникомъ особенно ярко выступаетъ въ дѣлахъ частныхъ лицъ съ казною: тутъ полное отсутствіе равноправности договаривающихся сторонъ.

„Послѣдствія этого направленія, правительства въ коммерческихъ дѣлахъ съ частными лицами и даже въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ,—говоритъ г. Новосельскій,—ведутъ къ тому, что всѣ уважающіе себя люди не могутъ, не должны имѣть дѣла съ казною, такъ какъ нельзя соглашаться на исполненіе того, что невозможно, и казна въ дѣйствительности имѣетъ дѣла только съ людьми, ищущими мутной воды. Удивительно ли послѣ этого, что во всѣхъ казенныхъ подрядахъ, несмотря на односторонность контрактовъ въ пользу казны, постоянно открываются злоупотребленія? Иначе быть не можетъ, ибо когда требуютъ невозможнаго, то впередъ должны готовиться на обманъ и всѣ его послѣдствія".—Эта сила чиновничества подрываетъ авторитетъ самодержавія; учрежденіе министерствъ безъ отвѣтственности способствовало лишь усиленію чиновничей централизаціи. Объ этихъ министерствахъ г. Новосельскій распространяется на многихъ страницахъ самымъ негодующимъ образомъ. „Гг. министры—говоритъ онъ,—вмѣсто того, чтобы представлять избравшему ихъ государю планъ своихъ дѣйствій, т. е. свои взгляды на важнѣйшія задачи или вопросы ввѣряемаго имъ вѣдомства съ предлагаемыми способами разрѣшенія этихъ вопросовъ, и чрезъ то облегчить его величеству возможность сразу видѣть—соотвѣтствуютъ ли эти взгляды его собственному желанію, прямо приступаютъ къ докладамъ государю по текущимъ дѣламъ, испрашивая, какъ возможно чаще, высочайшія разрѣшенія даже по такимъ предметамъ, по коимъ не только можно, но даже и должно имъ самимъ нести отвѣтственность. За симъ, вмѣсто того, чтобы выражаться въ докладахъ своихъ такъ: „имѣя въ виду такія и такія данныя, я сообразилъ и рѣшился на такую мѣру и испрашиваю разрѣшенія вашего величества на приведеніе оной въ исполненіе"—и черезъ такую редакцію своихъ докладовъ оставаться передъ государемъ въ отвѣтственности за послѣдствія предлагаемыхъ мѣръ, хотя бы его величествомъ одобренныхъ или утвержденныхъ, или за непринятіе своевременно цѣлесообразныхъ мѣръ,—они стали писать доклады и отчеты свои въ такой редакціи, какъ бы самъ государь сообразилъ и указалъ, или повелѣлъ принять имъ тѣ или другія мѣры, или сдѣлать тѣ или другія распоряженія, или исполнить то и то. И до тѣхъ поръ, пока гг. министрамъ, завѣдующимъ экономическими силами Россіи, удается поддерживать государя въ убѣжденіи, что помощью представляемыхъ ими докладовъ и соображеній онъ можетъ дѣйствительно знать всѣ нужды своего обширнѣйшаго и разнообразнѣйшаго въ мірѣ государства и удовлетворять оныя своевременно наилучшимъ образомъ, они не опасаются обвиненій въ несостоятельности своего управленія. Прежде экономическая жизнь въ

простѣйшихъ формахъ своихъ могла быть регулируема изъ Петербурга соотвѣтствующими министрами, но въ наше время это невозможно безъ задержки жизни русскаго народа, тѣмъ болѣе, что право указывать на ошибки министровъ закономъ никому не предоставлено. При такой обстановкѣ министерской дѣятельности не только относительно ошибокъ въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, малопо-малу установилась и для частныхъ лицъ невозможность найти свое право у министровъ, такъ какъ судъ не принимаетъ на нихъ жалобъ. Высочайшія повелѣнія нерѣдко остаются безъ исполненія, или самый смыслъ ихъ, если онъ не согласуется съ мнѣніемъ министра, мало-по-малу измѣняется циркулярами, какъ бы разъясняющими этотъ смыслъ. Для измѣненія такого порядка остается одинъ практическій пріемъ — высочайшее повелѣніе, чтобы каждый изъ министровъ представилъ свою програму въ государственный совѣтъ о томъ, что нужно дѣлать для оздоровленія Россіи. Тогда государственный совѣтъ, который по закону пользуется при обсужденіи дѣлъ правомъ призыва лицъ, могущихъ быть полезными своими свѣдѣніями, имѣя, слѣдовательно, возможность выслушивать мнѣнія выборныхъ представителей разныхъ мѣстностей Россіи и наиболѣе выдающихся дѣятелей, обсудитъ эти програмы съ ихъ участіемъ и, согласивъ ихъ, представитъ исправленныя и дополненныя на высочайшее учрежденіе. При обращеніи русскимъ царемъ такого права его совѣта въ обязанность, явится вновь къ услугамъ его инипіатива способнѣйшихъ русскихъ людей, инипіатива, вытекающая изъ опытнаго знанія мѣстныхъ особенностей и нуждъ Россіи, практическія указанія для осуществленія мѣропріятій къ ихъ современному удовлетворенію и единство между министерствами, котораго такъ желало всегда само правительство. Само собою разумѣется, что для обезпеченія прочности за такимъ порядкомъ и всѣхъ его хорошихъ послѣдствій, необходимъ высочайшій приказъ, чтобы гг. министры подавали програмы на каждый годъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свои годичные отчеты въ государственный совѣтъ, который, подобно государственной росписи, по разсмотрѣніи ихъ, докладывалъ бы ихъ государю съ своими замѣчаніями. Только такимъ путемъ возможенъ контроль министерскихъ докладовъ и распоряженій, т. е. раскрытіе отступленія гг. министрами отъ програмъ, обсужденныхъ въ государственномъ совѣтѣ при участіи живаго слова представителей разныхъ мѣстъ Россіи; только такимъ путемъ самодержавіе, сохраняя свою неприкосновенность, будетъ на высотѣ своей роли; только такимъ путемъ создается свобода обсужденія дѣйствій гг. министровъ. А въ настоящее время это неудобно потому, что, при нынѣшней формѣ докладовъ, критика дѣятельности министра принимается за обсужденіе дѣйствій самого государя".

Такимъ образомъ, намъ недостаетъ, по мнѣнію г. Новосельскаго, совѣщательнаго собранія „свѣдующихъ людей", призванныхъ прави-

тельствомъ или выбранныхъ земствами, и развитія мѣстной, провинціальной жизни. Онъ упорно стоитъ за этотъ идеалъ и видитъ въ немъ залогъ спокойствія, прогресса и единственно возможнаго пути, на который правительство ступитъ въ виду всеобщаго на него недовольства. Г. Новосельскій предостерегаетъ правительство отъ врывающихся въ Россію изъ Европы экономическихъ порядковъ и конституціонныхъ стремленій. Онъ почти буквально повторяетъ то, на что въ мартовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" мы указывали, какъ на условіе процвѣтанія представительнаго правленія; онъ требуетъ, чтобъ конституція, прежде чѣмъ явиться законодательнымъ актомъ, созрѣла бы въ дѣйствительности, въ реальныхъ силахъ, составляющихъ государство. Онъ упускаетъ совсѣмъ изъ виду, что его противникамъ рѣшительно все равно, какъ назовется то правительство, которое возьметъ на себя миссію создать въ государствѣ реальныя, гражданскія силы. Опытъ исторіи учитъ конституціоналистовъ, что за такую миссію всего охотнѣе и съ большимъ успѣхомъ въ Европѣ бралось представительное, выборное правительство, а въ виду того, что у насъ чиновничество правитъ самодержавно, сторонники конституціи убѣждены, что, пока народъ не будетъ награжденъ правомъ выбора, новыя учрежденія будутъ вырабатываться у насъ не жизнью, но измышляться канцеляріями. Сторонники всесословной, земской монархіи, т. е. вторая группа реформаторовъ, энергично протестуютъ противъ этого европейскаго опыта, какъ непримѣнимаго къ намъ.

Со взглядами этихъ людей можно не соглашаться, но нельзя не признать, что эти „реформаторы" логичны, по своему крайнему разумѣнію, добросовѣстны, и умѣютъ постоять за себя. Разбирая въ нашей второй статьѣ взгляды на конституцію Англіи и Франціи, мы старались указать, что реформаторы второй группы составляютъ партію, съ которой надо серьезно считаться, а не игнорировать ее, какъ какихъ нибудь Богушевичей, Леонардовъ, Неплюевыхъ, Тизенгаузеновъ, Г. Д. и прочихъ штуттгартовскихъ и берлинскихъ пророковъ. Г. Новосельскій смѣется надъ русскимъ парламентомъ, вызваннымъ къ бытію властью, а ничѣмъ и никѣмъ инымъ. Онъ полагаетъ, что при такомъ парламентѣ и явятся тѣ имущіе и привиллегированные классы, которые еще болѣе усилятъ всѣ существующія условія для революціи и повергнутъ Россію подъ ноги капитала, или народнаго бунта. Этимъ классамъ нужны будутъ дешевыя рабочія руки, и потому они направятъ всѣ усилія къ созданію въ Россіи пролетаріяи: къ обезземеленію крестьянина, къ лишенію его кредита и всевозможныхъ мѣръ, нужныхъ для пополненія реформы 19-го февраля 1861 года; за распаденіемъ общины, постараются разрушить артель, не дать ей доступа въ государственный банкъ, а этотъ послѣдній преобразовать въ акціонерный: рабочимъ же предоставить играть въ бирюльки: въ самопомощь, въ зажигательныя рѣчи друзей народа, въ идеалы и карьеру отъ революціи, завершая всѣ эти кровавые

спектакли диктатурой. „Александръ II,—говоритъ г. Новосельскій,—освободилъ русскій народъ отъ крѣпостнаго труда помѣщикамъ, а Александру III предстоитъ, насколько это возможно въ дѣйствительной жизни со стороны государственной власти, освободить этотъ же народъ отъ болѣе тягостной работы на лицъ, предержащихъ капиталы: земельныя, денежныя и другія преимущества, т. е. отъ денежной аристократіи, не имѣющей историческаго прошлаго и эксплоатирующей поэтому тружениковъ, ничѣмъ не стѣсняясь". Эту денежную аристократію, по мнѣнію г. Новосельскаго и др. его единомышленниковъ, конституціонный режимъ въ Россіи только усилитъ, породитъ злоупотребленія гораздо большія, чѣмъ тѣ, которыя происходятъ теперь подъ управленіемъ канцелярій и задавленности мѣстной жизни.

Читатель самъ можетъ рѣшить, насколько правъ г. Новосельскій. Любопытно его собственное признаніе, что до сихъ поръ правительствомъ ничего почти не сдѣлано въ новомъ направленіи, которое рекомендуется второю группою реформаторовъ. Этимъ самымъ создалась почва для крамолы, и пока правительство будетъ начинать обновленіе съ конца, а не перепахивать самую почву, до тѣхъ поръ крамола будетъ не „Запорожской Сѣчью для старой Польши", но продуктомъ собственной страны, имѣющимъ въ ней глубокіе корни. Мы не упоминали о тѣхъ главахъ сочиненія г. Новосельскаго, гдѣ онъ касается причинъ господствующаго направленія умовъ современной молодежи, и его соображенія о борьбѣ съ этимъ гибельнымъ направленіемъ. Эти главы ничто иное, какъ банальная болтовня, стремящаяся доказать, что естествознаніе, соціологія, отрицательная литература 60-хъ годовъ,—породили въ молодомъ поколѣніи нравственную пустоту, такъ какъ всѣ прежнія вѣрованія и мотивы освистаны и разбиты. За неимѣніемъ внутренней жизни, молодежь ударилась въ революцію и соціализмъ. Такимъ образомъ, революціонныя движенія вытекаютъ не изъ безобразныхъ условій жизни, а изъ душевной пустоты молодаго поколѣнія. Этотъ выводъ, во-первыхъ, противорѣчитъ всему, что говорилъ г. Новосельскій ранѣе, т. е. что въ Россіи „создалась почва для соціальной пропаганды ужасными условіями нуждающихся слоевъ общества и народа". Нельзя отрицать, что нравственная пустота есть; но мы объясняемъ это тѣмъ, что рядомъ съ естественными науками не могли уживаться теологическія міровоззрѣнія; рядомъ съ статистическими и историческими изслѣдованіями европейскихъ мыслителей, не уцѣлѣлъ, конечно, авторитетъ русской науки, защищавшей то сословные интересы, то нападавшей на событія, которыми всякая другая просвѣщенная нація гордилась бы. Нравственная пустота, повторяемъ, есть; она должна была образоваться, коль скоро прогрессивное движеніе превратило прежнихъ боговъ въ кусокъ глины; но, спрашивается, почему эту пустоту наполняетъ борьба за отдаленнѣйшій идеалъ, съ ужасной будущностью для участниковъ, а не прогрессивная дѣятельность постепеновцевъ,

требуемая нашимъ законодательствомъ и награждаемая покоемъ, обезпеченностью, самодовольствомъ, счастьемъ среди несчастныхъ и всеобщимъ уваженіемъ?

Къ этому ошибочному взгляду г. Новосельскаго на такъ называемый вопросъ о молодомъ поколѣніи мы должны прибавить еще цѣлый рядъ другихъ ошибокъ, чтобы вполнѣ ознакомиться съ этимъ представителемъ партіи, которая каждую народную реформу тотчасъ же эксплоатируетъ въ пользу сословныхъ интересовъ. Такъ, напримѣръ, на ряду съ артельной организаціей труда, по рецепту Лассаля и Луи-Блана, г. Новосельскій требуетъ широкій просторъ и вспомоществованіе „отечественному капиталу". Затрудняешься опредѣлить, о чемъ онъ хлопочетъ: объ организаціи труда, или капитала,—такъ много и тщательно онъ удѣляетъ послѣднему мѣста въ будущей преобразованной Россіи! Онъ радъ, что существовалъ организованный правительствомъ кредитъ для пособія торговлѣ; радъ учрежденію коммерческаго банка и преобразованію его въ государственный. Онъ требуетъ кредита отъ послѣдняго не только для торговли, но и для промышленности: для усиленной разработки внутреннихъ богатствъ страны. „Въ немедленномъ организованіи кредита для вспособленія промышленныхъ предпріятій, хотя въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ онъ у насъ организованъ для торговли, ощущается самая настоятельная потребность". Онъ требуетъ удешевленія земельнаго кредита для помѣщиковъ, уменьшенія процентовъ, платимыхъ по залогу земель въ банкахъ; онъ требуетъ ссуды людямъ, могущимъ взяться за разработку втунѣ лежащихъ богатствъ Россіи! А эти люди—тѣ, которые и до сихъ поръ были „предпринимателями" на желѣзныхъ рудахъ и углѣ, строили гарантированныя правительствомъ дороги, улучшали пòрты, устраивали ирригацію, заводили частные банки, гарантированные государственнымъ, и теперь громко кричатъ, вмѣстѣ съ г. Новосельскимъ: „Современное правительство, если желаетъ быть на высотѣ своей задачи, обязано помогать образованію капиталовъ для разработки страны и осуществленія полезныхъ предпріятій" (105 стр.). Во время послѣдней войны, были выпущены на расходы по оной бумажныя деньги значительно болѣе спроса на нихъ; отсюда нашъ рубль палъ, и поднять цѣну „бумажнаго рубля"—есть миссія современнаго правительства. „У насъ извлеченіе изъ обращенія излишка бумажныхъ денегъ можетъ быть приводимо въ исполненіе лишь посредствомъ государственнаго банка. А для этого онъ долженъ уменьшать свое воспособленіе частнымъ банкамъ и публикѣ ссудами подъ залогъ государственныхъ и другихъ бумагъ. Но такой поворотъ отношеній государственнаго банка къ кредиту вынудитъ усиленную продажу этихъ бумагъ и понизитъ курсъ ихъ, не говоря уже объ общемъ стѣсненіи денежнаго рынка, и безъ того небогатаго свободными капиталами. Но мыслимо ли, вмѣсто помощи, столь необходимой Россіи въ настоящее время, стѣснять

правительственными распоряженіями всѣ денежные и торговые обороты наши? Остается поэтому лишь одно средство уменьшить вредъ предполагаемаго излишка бумажныхъ денегъ: это—не выпускать новыхъ и создать увеличенный спросъ на существующія. Спросъ на деньги вообще увеличивается соотвѣтственно увеличенію въ государствѣ денежныхъ сдѣлокъ, вызываемыхъ, кромѣ торговой и мануфактурной промышленности, усиленною разработкою внутреннихъ богатствъ страны. Слѣдовательно, созданіе кредита для разработки втунѣ лежащихъ богатствъ Россіи, должно входить въ основаніе программы дѣятельности, предстоящей въ настоящее время министру финансовъ". Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ г. Новосельскій опасается созданія въ Россіи имущаго привиллегированнаго класса, вліяющаго на правительство и задерживающаго его благія начинанія, онъ говоритъ о программѣ дѣятельности, „предстоящей въ настоящее время министру финансовъ". Эта программа именно такая, которая и создаетъ имущій, вліятельный классъ. Г. Новосельскій, не вѣдая самъ, требуетъ экономическаго прогресса какъ разъ по шаблону западно-европейскому: съ его буржуазіей, пролетаріемъ и безсильнымъ правительствомъ. Физіономія желѣзно-дорожнаго, банковаго прогресса, съ разработкой или безъ разработки внутреннихъ богатствъ,—достаточно опредѣлилась въ исторіи. Никого теперь не обманешь „денежнымъ рынкомъ", „свободными капиталами", „доступными кредитами", разъ все это приспособляется къ совершенно различнымъ силамъ, тянущимъ прогрессъ за ноги въ разныя стороны, какъ тянули древляне несчастнаго Игоря. Впрочемъ, всѣ эти противорѣчія у г. Новосельскаго проистекаютъ изъ страстнаго стремленія уничтожить крамолу. Никогда не надо забывать, что сторонники, величающіе себя „истинно-русскою партіей", что̀ бы ни говорили, всегда имѣютъ въ виду крамольниковъ. Такъ, свое стремленіе „угодить капиталу", г. Новосельскій объясняетъ слѣдующимъ: „Могущественный толчекъ развитію разработки отечественныхъ богатствъ не только будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ увеличеніе общаго благосостоянія, столь необходимаго и для увеличенія государственныхъ доходовъ, но и послужитъ лучшимъ орудіемъ въ борьбѣ съ революціонною партіею, ряды которой уже и теперь пополняются не только недоучившимися, но и окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые, въ ожиданіи мѣстъ на государственной службѣ, остаются безъ всякихъ средствъ къ существованію (какъ то: множество кандидатовъ на судебныя должности, ожидающихъ вакансій по нѣскольку лѣтъ, адвокатовъ, не получающихъ занятій, за излишествомъ числа ихъ, технологовъ, которымъ доступъ на русскіе заводы и фабрики затрудненъ боязнію хозяевъ отвѣтственности за ихъ политически-неблагонадежныя отношенія къ рабочимъ и которыхъ, поэтому, нерѣдко замѣняютъ иностранцы, инженеровъ и проч. и проч.). Этимъ людямъ приходится изъ-за куска хлѣба пристраиваться къ урокамъ, или жур-

наламъ и газетамъ, внося въ тѣ семьи, куда они поступаютъ въ качествѣ учителей, и въ прессу, свое недовольство и давая сей послѣдней то возбуждающее направленіе, которое не остается безъ вліянія на большинство читающей публики, въ томъ числѣ, въ особенности, и самой молодежи, ежедневно видящей въ прессѣ дурныя стороны современнаго общества и несостоятельность правительственныхъ органовъ въ управленіи нашимъ обширнымъ государствомъ. Люди эти, распространяя такими способами повсемѣстно недовольство, приписываютъ свои и чужія лишенія и страданія существующей устарѣлости организаціи общества".—Трудно угадать, о чемъ хлопочетъ г. Новосельскій: о капиталѣ, о его природномъ назначеніи, или хочетъ затянуть его въ политическую борьбу съ крамолою и навязать ему несвойственную роль: заставить капиталистовъ набивать рублями карманы всѣхъ недовольныхъ? По поводу артельной организаціи труда при помощи государственнаго кредита тоже приходится задуматься: есть ли это, по мнѣнію г. Новосельскаго, экономическая форма труда, болѣе пригодная для борьбы съ капиталомъ, или это только самая новѣйшая форма полиціи. Мы читаемъ у него такія „государственныя" мысли: „имѣя въ виду практическую пользу высказываемыхъ наблюденій нашихъ, остановимся на вопросѣ, какъ рѣшиться теперь правительству облегчить составленіе артелей, когда существуютъ опасенія, что въ артели могутъ пройти и явиться руководителями оныхъ люди соціальной пропаганды. Я вполнѣ понимаю такія опасенія и иду на встрѣчу имъ, предлагая правительству при разрѣшеніи каждой артели имѣть списокъ лицъ, ея составляющихъ, съ необходимыми о нихъ свѣдѣніями. Артелямъ, по уставу, предоставляется право исключать негодныхъ членовъ, но принимать новыхъ слѣдуетъ разрѣшить ей не иначе, какъ съ утвержденія мѣстнаго правительственнаго органа, который долженъ имѣть свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, желающихъ вступить въ артель, слѣдовательно, легко можетъ не допустить человѣка пропаганды. Подобная мѣра не стѣснитъ хозяйственнаго значенія артели, но, само собою разумѣется, что этимъ и должно ограничиваться вліяніе этого правительственнаго органа на артель. Сверхъ этой мѣры, правительство можетъ съ громадной пользой для своихъ цѣлей воспользоваться разумнымъ консервативнымъ элементомъ искренно преданныхъ ему гражданъ, которые рады будутъ помочь ему въ искорененіи ложныхъ ученій и которые, если не помогаютъ теперь, то только потому, что не знаютъ, какъ приняться за дѣло. Эти люди, по приглашенію правительства, могли бы стать во главѣ артелей въ качествѣ попечителей. Это были бы добросовѣстные слуги правительства, по убѣжденію проводящіе въ массу рабочихъ разумные консервативные взгляды, не только словами, но и самымъ дѣломъ, устраивая ихъ благосостояніе. Такимъ личностямъ, какъ извѣстнымъ по своей благонадежности, правительство могло бы оказать свое довѣріе и принять ихъ ручательство въ томъ, что

въ члены артели не заберется волкъ въ овечьей шкурѣ. Но опасенія подобныхъ случаевъ не имѣютъ основаній. Достаточно представить себѣ то экономическое благосостояніе, котораго въ концѣ 60-хъ годовъ достигла Нижнетуринская механическая артель, чтобы понять, что никакой пропагандѣ не могло быть здѣсь мѣста. Артель дорожила постоянствомъ своей работы, плата за которую давала каждому изъ артельщиковъ опредѣленное и вполнѣ достаточное обезпеченіе, для пріобрѣтенія котораго не было надобности уходить далеко отъ дома: гдѣ домъ—тутъ и работа, работа эта сегодня и завтра, и притомъ съ видами на улучшеніе. Нѣтъ никакой заботы о завтрашнемъ днѣ,—онъ придетъ и принесетъ всё ту же вѣрную, знакомую и притомъ ни отъ чьихъ капризовъ независимую работу. Какъ не беречь такой работы отъ всякаго злаго человѣка. Въ фабрику можетъ забраться воръ и похитить артельное имущество, и вотъ артельщикъ охотно жертвуетъ часть своей заработки на сторожа, хотя этотъ сторожъ не увеличитъ производство, и расходъ на его содержаніе падаетъ прямо на барышъ. Фабрика можетъ сгорѣть,—нужна пожарная машина и заплатить страховую премію—и противъ этого расхода артельщикъ слова не скажетъ. Воръ унесетъ на сотню, пожаръ уничтожитъ на тысячу; тяжело, но всё это дѣло поправимое. Но вотъ въ фабрику можетъ забраться воръ другаго рода; подъ видомъ рабочаго можетъ проникнуть пропагандистъ соціализма со своими книжками о „Четырехъ Братьяхъ“ и „Хитрая Механика“. Появленіе одной такой ничтожной книжки разомъ разрушитъ всё дѣло: закроютъ фабрику и навсегда отнимутъ домашнюю, такую выгодную и ни отъ кого независимую работу. Въ оправданіе не примутъ никакихъ доводовъ и никакихъ обѣщаній. Какъ не смотрѣть за такимъ врагомъ. Тутъ сторожа недостаточно: никакая отдѣльная мѣра не поможетъ; остается одно: всей артели смотрѣть за всѣми и каждому другъ за другомъ,—отъ такого сторожа никто и ничто не скроется. Еще книжки пропаганды не появились, а уже за тѣмъ лицомъ, которое можетъ пустить её въ ходъ, зорко слѣдятъ; каждый шагъ его, каждое слово подмѣчены и взвѣшены. Можно утверждать одно,—что не всякаго такого врага артель отдастъ прямо въ руки правительства, но не подлежитъ сомнѣнію то, что такой врагъ, прежде чѣмъ вредъ его пропаганды проявится, будетъ навсегда изгнанъ изъ артели. И чѣмъ выгоднѣе будетъ работать артель, тѣмъ крѣпче двери ея будутъ заперты для соціальной пропаганды. Если же совсѣмъ не довѣрять никому, т. е. ни собственнымъ органамъ, ни благонадежнымъ членамъ общества, то нужно разъ навсегда отказаться отъ всякихъ попытокъ давать правильное направленіе вопросамъ, подымаемымъ современною жизнію и современными взглядами на ея лучшее устройство; а, слѣдовательно, остается одно — предоставить ложному ученію эксплоатировать бѣдность и невѣжество всѣми тѣми способами, противъ коихъ безсильны мѣры полицейскія и мѣры карательныя, какъ то показываетъ исторія всѣхъ временъ и народовъ. Исполняя

долгъ гражданина по совѣсти и крайнему разумѣнію, я позволю себѣ настойчиво рекомендовать правительству не только дозволить, но и всячески поощрять и содѣйствовать составленію артелей для всевозможныхъ работъ. Я увѣренъ, что первые же, закономъ освященные опыты со стороны правительства поощренія къ организаціи труда, въ знакомой всѣмъ формѣ артелей, разсѣютъ сомнѣнія и убѣдятъ его, что оно сдѣлаетъ изъ бродячей и неблагонадежной части народа людей нравственныхъ и зажиточныхъ, а слѣдовательно и истинныхъ консерваторовъ".

Этотъ образчикъ мудрости г. Новосельскаго очень характеренъ: имъ онъ угождаетъ и либераламъ, пекущимся исключительно объ одномъ хлѣбѣ для народа, и консерваторамъ, указывающимъ на упадокъ нравственныхъ основъ и видящихъ спасеніе Россіи въ нравственномъ ея возрожденіи, а не въ матеріальномъ и политическомъ. Вообще, угожденіемъ „капиталу" и „артельной организаціи труда", „истиннымъ консерватизмомъ" и „сыскомъ", г. Новосельскій братски примиряетъ всѣ враждебные лагери—и называетъ это „мирнымъ разрѣшеніемъ соціальныхъ вопросовъ въ Россіи". Тѣмъ не менѣе, заканчивая о немъ нашу статью, мы рады его появленію въ литературѣ: г. Новосельскій представляетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, отголосокъ публики. Мнѣнія послѣдней, если не правдивѣе, то интереснѣе трактата какого нибудь стараго, заправскаго публициста. При абсолютной свободѣ слова, намъ пришлось-бы читать и слушать публику, еще болѣе ошибающуюся, чѣмъ г. Новосельскій; но то, что она заговорила, пробудилась отъ политическаго индифферентизма—есть уже шагъ впередъ. До сихъ поръ право разсуждать о политикѣ было монополизировано правительствомъ и литературой; нельзя не радоваться, если въ послѣднее время публика также начинаетъ добиваться этого права, не умѣя имъ еще правильно пользоваться. Выучиться плавать возможно только долго купаясь и даже рискуя утонуть; но именно этотъ путь научаетъ чему нибудь человѣка, а не другой. Г. Новосельскій шелъ этимъ путемъ и—утонулъ...

А. И. Фаресовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИРОДОВА РАБОТА.

Русскія картины въ Остзейскомъ краѣ.

„Гласъ въ Раамѣ слышанъ бысть плача и рыданія и вопля: Рахиль плачущися чадъ своихъ и не хотяще утѣшитися, яко не суть“.
(Іеремія, 31, 15).

НЕДАВНО скончался въ Петербургѣ членъ государственнаго совѣта, свѣтлѣйшій князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, стяжавшій себѣ славу „самаго добраго человѣка“. Такого почетнаго отзыва въ одно слово покойный удостоился почти отъ всей русской печати, но московская газета — „Современныя Извѣстія“, сдѣлала при этомъ очень вѣскую оговорку, которая заслуживаетъ вниманія. „Современныя Извѣстія“ тоже не отрицали доброты князя, но пополнили его характеристику указаніемъ на недоброжелательство Суворова русскимъ людямъ, интересами которыхъ онъ въ Остзейскомъ краѣ постоянно жертвовалъ въ пользу нѣмцевъ.

Я имѣю причины думать, что замѣтка „Современныхъ Извѣстій“ еще слишкомъ не полно и неясно представляетъ то, что въ самомъ дѣлѣ не только допускалъ, но самъ учреждалъ надъ русскими князь Суворовъ, и у меня есть на то несомнѣнныя доказательства. Факты убѣждаютъ, что покойный князь Александръ Аркадьевичъ былъ страшно жестокъ и суровъ къ русскимъ Остзейскаго края даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ преслѣдованіе русскихъ не было въ нѣмецкихъ интересахъ, и гдѣ сами нѣмцы обнаруживали „отвращеніе“ къ его гоненіямъ и угнетаемыхъ имъ русскихъ пытались иногда защищать.

Это такъ невѣроятно, что многимъ, пожалуй, покажется удивительнымъ и съ моей стороны несправедливымъ, но я буду вести мой раз-

сказъ съ отвѣтственностью за каждое слово и со ссылками на документы, которыми достойный удивленія разсказъ мой можетъ быть повѣренъ.

Затѣмъ къ дѣлу, но прежде повторимъ характеристику князя, сдѣланную искреннею газетою г. Гилярова.

Тамъ сказано о Суворовѣ слѣдующее:

„Будучи православнымъ, и не отрекаясь отъ православія, онъ въ 14 лѣтъ самымъ ревностнымъ образомъ поддерживалъ не православіе, а лютеранство, и кончилъ тѣмъ, что закрѣпостилъ православіе, отлично сознавая, что эта дань не только унизительна для православныхъ, но съ безстыдствомъ и измышлена собственно для искорененія православія. Дань эта продолжается и понынѣ, причемъ православные крестьяне платятъ пасторамъ гдѣ деньгами, а гдѣ и натурою: отпускаютъ имъ обязательно извѣстное количество зерноваго хлѣба, нѣсколько десятковъ яицъ, пѣтуха и курицу. За священниковъ дань платитъ казна.

„Пользуясь полнымъ довѣріемъ императора Николая Павловича и будучи усерднѣйшимъ вѣрноподданнымъ, князь, однако же, не стѣснился уклониться отъ исполненія высочайшей воли по введенію въ присутственныхъ мѣстахъ дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, хотя отлично зналъ, что всѣ отговорки служащихъ незнаніемъ русскаго языка были однимъ безстыдствомъ и ложью.

„Покойный зналъ, что въ эстонщинѣ не обойдется безъ открытаго возмущенія при введеніи крестьянскаго положенія 1856 г., ибо былъ предупреждаемъ самими же благонамѣренными дворянами, что положеніе это явно служитъ дворянскому своекорыстію; однако не послушалъ предупрежденій, и когда возмущеніе дѣйствительно произошло, то лично поспѣшилъ изъ Италіи укрощать его.

„Онъ отлично понималъ и зналъ, что учрежденная Головинымъ ревизіонная комиссія, подъ предсѣдательствомъ Ханыкова (впослѣдствіи оренбургскій губернаторъ), одна была въ состояніи обнаружить все своеволіе и беззаконіе привиллегированныхъ сословій; отлично зналъ, что только эта комиссія можетъ дать ему вѣрныя свѣдѣнія объ истинномъ положеніи дѣлъ въ краѣ и тѣмъ самымъ просвѣтить его насчетъ того, какія мѣры требуются отъ него въ государственномъ интересѣ; и, однако, онъ поторопился закрыть эту комиссію и тѣмъ самымъ защитилъ и покрылъ беззаконниковъ и хищниковъ".

Все это рѣзко, но какъ факты—совершенно справедливо, и независимой газетѣ г. Гилярова противъ фактовъ нельзя сдѣлать ни одного возраженія, но, къ сожалѣнію, нельзя того же самаго сказать о ея выводахъ и заключеніяхъ. Здѣсь возраженіе становится не только возможнымъ, но даже и нужнымъ, ибо указанное вредное для Россіи настроеніе свойственно отнюдь не одному князю Суворову, а и многимъ другимъ, „совоспитаннымъ ему", которымъ „Современныя Извѣстія" ставятъ этого всехваленнаго человѣка „въ примѣръ (конечно—не лестный) и въ урокъ" (разумѣется—назидательный).

Слѣдовательно, причины, производящія подобное неблагопріятное настроеніе, для насъ очень важны и онѣ должны быть объяснены по возможности безъ ошибокъ, которыхъ, по моему мнѣнію, не избѣжала московская газета. Я нахожу себя въ возможности сдѣлать попытку поправить то, что мнѣ кажется ошибочнымъ, и приступаю къ этому съ документами въ рукахъ.

I.

„Современныя Извѣстія“ объясняютъ ничѣмъ неоправдываемыя поступки князя противъ русскихъ „заграничнымъ нѣмецкимъ образованіемъ, которое оторвало его отъ роднаго берега, затемнило ему русскіе глаза, чтобы ясно видѣть, и залѣпило уши, чтобы слышать. Нѣмецкое заграничное образованіе сдѣлало изъ него то, что онъ преклонялся передъ нѣметчиной и думалъ облагодѣтельствовать не только эстонцевъ и латышей, но даже русскихъ, способствуя превращенію трехъ прибалтійскихъ губерній изъ эсто-латышскаго края въ сплошную нѣмецкую землю“.

Газета въ этомъ серьезно убѣждена и желаетъ, чтобы „примѣръ покойнаго князя послужилъ урокомъ тѣмъ изъ русскихъ, которые везутъ своихъ дѣтей учиться въ Германію“.

Во всемъ этомъ, по моему мнѣнію, вѣрно только то, что чужеземное воспитаніе не способствуетъ укорененію и развитію въ русскомъ человѣкѣ любви и расположенія къ русскому простолюдину. Нашъ крестьянинъ еще такъ недавно получилъ человѣческое равноправіе передъ закономъ и до сихъ поръ, по собственному своему опредѣленію, такъ „сѣръ и потенъ“, что сносить его недостатки и за ними умѣть видѣть и цѣнить его несомнѣнныя достоинства, въ чужихъ краяхъ не научишься. Нашъ простолюдинъ самъ говоритъ: „тамъ люди чище“. Это коротко, но этимъ много сказано. Чтобы понимать русскаго простолюдина—надо съ нимъ близко сжиться, тогда только и станешь понимать простыхъ людей въ ихъ, какъ они говорятъ, „сѣрости“; но, я надѣюсь, никто не станетъ оспаривать, что такая нехитрая наука до сихъ поръ не дается на Руси очень многимъ людямъ, которые не получали заграничнаго образованія, и даже вовсе не бывали за-границею, а выросли дома.

Въ архивныхъ дѣлахъ Остзейскаго края, изъ которыхъ черпалъ свои драгоцѣнныя свѣдѣнія покойный Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, и къ которымъ частію и я имѣлъ доступъ при князѣ Ливенѣ,—мною встрѣчены такія свѣдѣнія, по коимъ я рѣшаюсь утверждать и надѣюсь доказать, что князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, въ бытность его остзейскимъ генералъ-губернаторомъ, былъ для тамошнихъ русскихъ людей тяжелѣе всѣхъ правителей изъ коренныхъ нѣмцевъ, но онъ дѣлалъ это не какъ нѣмецкій гелертеръ, а какъ русскій барчукъ.

Я прошу терпѣливо отнестись къ моему слову и тотчасъ же представлю самыя убѣдительныя доказательства, которыя, непремѣнно приводятъ только къ этому, а не къ какому иному заключенію.

II.

Въ Остзейскомъ краѣ, какъ извѣстно, живетъ очень много старовѣровъ ѳедосѣевскаго и поморскаго, или, вѣрнѣе сказать, смѣшаннаго ѳедосѣево-поморскаго толка. Они очень хорошіе русскіе люди, и такъ именно аттестовали и аттестуютъ ихъ нѣмцы, по завѣренію которыхъ, наши старовѣры Остзейскаго края—трудолюбивы, трезвы и набожны, но крѣпко держатся отеческихъ преданій,—въ чемъ нѣмцы порока не видятъ. Притомъ здѣшніе старовѣры нѣсколько „пошлифованы", благодаря совмѣстному сожительству со своими нѣмецкими согражданами; но всего лучше у нихъ то, что̀ они долѣе всѣхъ своихъ серединныхъ сотолковниковъ могли уберечь сильное общинное управленіе и школу, которыми очень дорожили и сохраняли ихъ „при всѣхъ правительствующихъ нѣмцахъ, доколѣ не добрался до нихъ русскій князь Суворовъ, и повелъ иродову работу".

Мы увидимъ ниже то, что̀ они окрестили названіемъ „иродовой работы", и убѣдимся, что названіе дано вѣрно и мѣтко.

Крѣпость и процвѣтаніе рижской старовѣрческой общины, имѣвшей свои больницы, заводы, мызы и школы, когда ихъ и помину уже не было въ Москвѣ, удивляла всѣхъ и, между прочимъ, самое правительство, которое, наконецъ, пожелало узнать: какъ все это стоитъ и на чемъ держится? Разузнать этотъ секретъ надо было третьему отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи, и вотъ рижскій штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, г. Андреяновъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній въ это упраздненное нынѣ учрежденіе прямо объяснилъ, что „въ Лифляндіи со стороны гражданскаго начальства не было заявлено особенно ревностнаго содѣйствія духовенству къ искорененію раскола, ибо представители власти повсюду не православные, не питаютъ никакого сочувствія къ православію, напротивъ—сострадаютъ по принципу вѣротерпимости лютеранской церкви раскольникамъ,—людямъ промышленнымъ, трудолюбивымъ и воздержнымъ".

Изъ этого донесенія жандармскаго штабъ-офицера (нынѣ, кажется, уже генерала) Андреянова ясно видно, что русскіе старовѣры жили въ Лифляндіи, пользуясь свободою совѣсти, которую нѣмцы правители и нѣмцы обыватели не стѣсняли „по принципу вѣротерпимости лютеранской церкви" и по уваженію къ добрымъ свойствамъ нашихъ русскихъ людей, заслужившихъ себѣ у нѣмцевъ уваженіе.

Это, въ самомъ дѣлѣ, такъ и было, какъ доносилъ по своему начальству генералъ Андреяновъ,—рѣшительно ни на одного изъ ге-

нералъ-губернаторовъ и губернаторовъ иноплеменнаго происхожденія тамошніе старовѣры не жалуются, а нѣкоторыхъ изъ нихъ считаютъ даже своими „благодѣтелями“. Въ числѣ таковыхъ слѣдуетъ упомянуть свѣтлѣйшаго Ливена, Егора фонъ-Фелькерзама и особенно маркиза Паулучи, который какъ-то отечески любовался процвѣтающею общиною русскихъ старовѣровъ и, желая дать еще большую прочность, составилъ и для нея „правила“. Правила эти, разумѣется, никуда не годились, потому что раскольники лучше маркиза знали, какъ имъ распоряжаться своими дѣлами, но тѣмъ не менѣе самое составленіе этихъ правилъ свидѣтельствуетъ о большой внимательности Паулучи, которая составитъ рѣзкій контрастъ съ отношеніями къ тѣмъ же самымъ людямъ „добраго русскаго князя“.

О свѣтлѣйшемъ Суворовѣ остзейскіе русскіе старовѣры вспоминаютъ съ ужасомъ, какъ о бичѣ Божіемъ, — „въ мысляхъ котораго, по ихъ мнѣнію, самъ Господь не былъ властенъ“.

Такой контрастъ во мнѣніяхъ объ одномъ и томъ же человѣкѣ удивителенъ, но тѣмъ не менѣе слова старовѣровъ вѣрны, а разсказы ихъ вполнѣ согласны съ дѣловыми записями рижскаго генералъ-губернаторскаго архива, гдѣ я въ 1863 году работалъ по порученію бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, интересовавшагося дѣлами уничтоженныхъ передъ тѣмъ раскольничьихъ школъ.

Вотъ выписки изъ моего доклада, который въ томъ же 1863 году былъ отпечатанъ въ самомъ маломъ числѣ въ типографіи академіи наукъ, но ни кому не извѣстенъ, такъ какъ изданіе это, по отпечатаніи его, въ свѣтъ не выпущено [1]).

„Школа, существовавшая при Гребенщиковскомъ заведеніи, и частныя школы закрыты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и строго запрещено кому бы то ни было заниматься обученіемъ раскольническихъ дѣтей въ отдѣльномъ помѣщеніи. Правительство было успокаиваемо, что тринадцать тысячъ его русскихъ подданныхъ, поселенныхъ между нѣмцами, не имѣютъ ни одной русской школы и коснѣютъ въ чудовищномъ невѣжествѣ, въ срамъ и поношеніе русскаго имени. Во все время управленія Остзейскимъ краемъ князя Суворова въ Ригѣ не было ни одной русской школы, а въ смѣшанныя школы старовѣры не посылали своихъ дѣтей и учили ихъ кое-какъ по два, по три.

„Дѣти родителей достаточныхъ учились въ своихъ домахъ, а „бѣдность, которую въ прежнее время, по мѣстному выраженію „подби-

[1]) Мнѣ, впрочемъ, привелось видѣть мой докладъ отпечатаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ за-границею. Онъ составляетъ значительную часть книги, изданной бывшимъ дерптскимъ профессоромъ Ф. Эккартомъ подъ заглавіемъ „Bürgerthum und Bürokratie“. Какимъ образомъ этотъ отчетъ сдѣлался извѣстенъ г. Эккарту — я не знаю, какъ не имѣю чести знать и самого профессора. Мой же exemplarus-rarus находится у меня, и я имъ теперь и пользуюсь. Н. Л.

рали съ улицъ въ Гребенщиковскую школу",—осталась на улицахъ русскаго предмѣстія, разсыпалась по рвамъ, мостамъ, кабакамъ и публичнымъ домамъ. Современно съ закрытіемъ школъ въ винкерахъ русскаго форштата двѣнадцати-лѣтнія, и даже десяти-лѣтнія русскія дѣвочки начинаютъ заниматься проституціею; проѣздъ по форштату затрудняется массою ворующихъ мальчишекъ; дѣти устраиваютъ воровскія артели; полиція подъ предводительствомъ полиціймейстера Грина дѣлаетъ на нихъ облавы; дѣтей ловятъ и записываютъ ихъ въ кантонисты, а въ канцеляріи генералъ-губернатора ростетъ толстое дѣло по предположенію объ уничтоженіи въ Ригѣ праздношатательства малолѣтнихъ дѣтей, именуемыхъ карманщиками (1857 г., по описи № 151). Наконецъ, голодные и безпріютные мальчики начинаютъ заниматься неслыханной въ русскомъ народѣ формой разврата".

Но не было ли въ терпимыхъ нѣмцами русскихъ раскольничьихъ школахъ чего нибудь столько вреднаго, что ихъ надлежало уничтожить, несмотря на всѣ ужасы, которые отъ того послѣдовали?

Ни мало!

III.

Изъ представленія рижскаго гражданскаго губернатора г. фонъ-Фелькерзама генералъ-губернатору, барону Палену, видно, что школы—существовали даже „съ разрѣшенія директора училищъ", и что тамъ учили только „чтенію, письму, да ариѳметикѣ, и обученныхъ этому мальчиковъ пристраивали въ лавки къ торговцамъ или въ ученики къ ремесленникамъ, а изъ голосистыхъ формировали хоръ для молитвеннаго пѣнія". Кажется, чего бы проще, чего позволительнѣе и чего полезнѣе? Однако же это не такъ: школы были закрыты.

По какому именно поводу вздумали закрыть раскольничьи школы я не нашелъ точныхъ свѣдѣній въ дѣлахъ рижскаго архива, но бывшій попечитель общины Петръ Андреевичъ Пименовъ говорилъ, что „общество стало просить о расширеніи программы школы и это было причиною къ ея закрытію". Еще оригинальнѣе поступили съ „правилами маркиза Паулучи", о которыхъ говорено выше и которыя были важны въ томъ отношеніи, что давали легальность общественному самоуправленію.

„Правила маркиза Паулучи были вытребованы для дополненія и не возвращены, а вмѣсто нихъ даны новыя правила, устранявшія прежнюю коллегіальность общиннаго правленія и сосредоточившія все въ рукахъ одного (выборнаго) попечителя, имѣющаго у себя за плечами другаго попечителя отъ правительства".

Послѣднимъ бывалъ чиновникъ изъ русскихъ, или жандармъ. Старовѣры, впрочемъ, говорили, что имъ бы „лучше дали кого нибудь изъ благочестныхъ нѣмцевъ, такъ какъ русскій русскаго всѣхъ злѣе донимаетъ".

Въ 1849 году деморализація раскольничьей молодежи въ Ригѣ достигла апоѳеоза, и вотъ тутъ-то князь Суворовъ началъ самый страшный актъ своей „иродовой работы". Его свѣтлость, увидавъ къ чему привела дезаргонизація бывшей стройной и сильной общины, разсердился. Ему непонравилось—зачѣмъ отъ огня встаетъ на стужѣ къ небу дымъ коромысломъ, и онъ измыслилъ нѣчто феноменальное: 11-го іюля добрый князь просилъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго ходатайствовать о дозволеніи отдавать въ баталіоны военныхъ кантонистовъ безъ изъятія всѣхъ бродяжничающихъ въ городѣ (!) и нищенствующихъ малолѣтнихъ раскольниковъ. Ходатайство свое князь Суворовъ подкрѣплялъ тѣмъ, что число бездомныхъ и безпріютныхъ раскольниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ карманщиковъ, постоянно возрастаетъ и становится тягостью для общества. „Городская полиція, писалъ князь, безсильна, чтобы слѣдить за вреднымъ классомъ карманщиковъ".

Ходатайство князя Суворова, шедшее черезъ Льва Алексѣевича Перовскаго (тоже человѣка, будто бы, очень добраго [1]) было уважено. Стонъ, плачъ и сѣтованіе огласили московское предмѣстіе Риги. „Это былъ плачъ въ Раммѣ", говорятъ старовѣры на своемъ торжественномъ языкѣ. „Рахиль рыдала о дѣтяхъ своихъ и не хотѣла утѣшиться". Князь Суворовъ не ослабѣвалъ:—Богъ продолжалъ быть „невластенъ въ его сердцѣ", и „иродова работа" кипѣла.

IV.

Вызванныя бездомными и ничему необученными дѣтьми суровыя мѣры шли одна за другою, одна другой круче, одна другой неожиданнѣе. Того же самаго 11-го іюля, когда князь Суворовъ, за № 807-мъ, просилъ Льва Алексѣевича Перовскаго ходатайствовать объ отдачѣ раскольничьихъ дѣтей въ кантонисты, онъ (не ожидая испрашиваемаго разрѣшенія) сряду же, за № 808-мъ, предписалъ рижскому полиціймейстеру немедленно, но съ осторожностію, внезапно и совершенно негласно взять въ распоряженіе полиціи круглыхъ раскольничьихъ сиротъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ.

Зачѣмъ арестовывали и забирали „дѣвочекъ"—изъ дѣлъ генералъ-губернаторскаго архива не видно, но во всякомъ случаѣ въ баталіоны военныхъ кантонистовъ даже князь не могъ надѣятся помѣстить ихъ, а пріютовъ съ этою цѣлію онъ не устраивалъ.

---

[1]) Хотя тоже этому есть противорѣчія. Приводитъ въ содроганіе разсказъ о томъ, какъ Ѳ. М. Достоевскій былъ тѣлесно наказанъ, но мнѣ удивительно, что ни въ одномъ разсказѣ о судьбѣ покойнаго Тараса Шевченка не упомянуто о томъ, какъ онъ подвергся подобному же обращенію отъ Льва Алексѣевича Перовскаго. Между тѣмъ, я слышалъ объ этомъ отъ самого покойнаго Тараса и отъ мужа моей тетки, англичанина Шкота, управлявшаго имѣніями Перовскаго.

Н. Л.

Въ спискѣ сиротъ, взятыхъ по этому распоряженію князя Суворова, были дѣти обоего пола, включительно отъ двухъ съ половиною до девятнадцати лѣтъ. Даже—не знаю, по какимъ соображеніямъ,—въ числѣ малолѣтнихъ дѣвочекъ была взята купеческая дочь Евдокія Лукьянова Волкова 21-го года... (за что эту „дѣвочку" взяли и куда ее дѣли—изъ дѣлъ тоже не видно). Все это произвело ужасное впечатлѣніе на раскольниковъ и врѣзалось въ ихъ памяти огненными чертами.

Гоненіе на раскольничьихъ сиротъ дошло до того, что должностныя лица изъ нѣмцевъ, исполнявшихъ волю князя Суворова надъ русскими сиротами, стали рисовать въ своихъ донесеніяхъ картины, помѣщеніе которыхъ нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ скрытаго желанія учинить Бога „властнымъ въ сердцѣ Суворова". Такъ, напримѣръ, полиціймейстеръ Гринъ, которому выпала на долю самая черная часть въ „иродовой работѣ", 5-го ноября 1849 г., № 2862, вставилъ въ свой исполнительный рапортъ, что дѣти русскихъ раскольниковъ, несмотря на позднюю суровую осень (ноябрь въ 1849 году былъ особенно лютъ), „прятались въ незапертыхъ, холодныхъ балаганахъ на конномъ рынкѣ", гдѣ ихъ и находили высланные ночные „ловцы человѣковъ". Забираемые дѣти были часто безъ обуви и безъ платья, и иногда даже совершенно нагіе... Такъ, напримѣръ, ночью подъ 5-е ноября были взяты пять мальчиковъ, вся одежда которыхъ заключалась въ одномъ мѣшкѣ, въ который они влѣзли и изъ котораго ихъ вытащили... И это послѣ того, когда въ общинѣ, при прежнемъ ея положеніи—съ свободною кассою и школами, „всю бѣдноту подбирали, обучали и опредѣляли къ дѣламъ"... Что должны были чувствовать люди, которые все это помнили и видѣли, до чего теперь довелъ дѣло ни вѣсть ради чего затѣянный суворовскій журкенъ-переверкенъ?...

Князь Суворовъ, очевидно, и самъ чувствовалъ, что впечатлѣніе выходило уже черезчуръ сильно, и онъ поспѣшалъ весь свой уловъ какъ можно скорѣе спровадить подалѣе.

„Забранныхъ дѣтей съ усиленными этапными предосторожностями препроводили въ томъ же ноябрѣ, по пересылкѣ, въ Псковъ и тамъ сдали въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ" ...И все это еще до полученія разрѣшенія на „ходатайство", которое долженъ былъ представить государю Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Не было ли это въ такомъ случаѣ самовластіемъ, которое могло бы поставить князя въ очень двусмысленное положеніе, если бы государь нашелъ его ходатайство недостойнымъ удовлетворенія.

Но дѣло обошлось благополучно: было разрѣшено болѣе, чѣмъ князь „ходайствовалъ". 26-го ноября графъ Л. А. Перовскій увѣдомилъ Суворова, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ распространить правило о сдачѣ въ баталіоны кантонистовъ „на всѣхъ бродяжничествующихъ,—даже и на православныхъ".

Тутъ бы, казалось, мѣрамъ строгости надо еще усилиться... Кажется, такъ: сомнѣваться уже было не въ чемъ и можно ловить „даже православныхъ“, но на дѣлѣ происходитъ другое.

„2 января 1850 года, были взяты одиннадцать карманщиковъ“, которыхъ, по смыслу приведеннаго высочайшаго повелѣнія, теперь безъ всякихъ разсужденій слѣдовало послать въ баталіоны кантонистовъ, но, Богъ вѣсть почему, повелѣніе это не исполняется. Князь Суворовъ опять свернулъ куркенъ-переверкенъ и велѣлъ весь второй уловъ отослать въ духовному начальству для присоединенія къ православію. Церковь повиновалась его свѣтлости и торопливо раскрыла для наловленныхъ карманщиковъ свои материнскія объятія. Архіепископъ Платонъ (нынѣшній митрополитъ кіевскій) поручилъ священнику Свѣтлову совершить присоединеніе ихъ къ православію...

V.

Отецъ Свѣтловъ убѣждалъ въ истинахъ православія очень скоро и такъ успѣшно, что 23-го января, т. е. черезъ двадцать дней послѣ поимки сиротокъ, все дѣло съ ихъ религіозными заблужденіями было покончено, и преосвященный Платонъ прислалъ князю Суворову нижеслѣдующую, интереснѣйшую росписку:

„Мы нижеподписавшіеся, рижскихъ умершихъ мѣщанъ дѣти: Іосифъ Ивановъ 14 лѣтъ, Василій Васильевъ 8 л., Назаръ Семеновъ 12 л., Леонъ Семеновъ 9 л., Татьяна Ѳедорова 10 л., Марина Лещева 8 л., Екатерина Филатова 8 л. и Ѳеодосья 8 л. симъ изъявляемъ рѣшительное наше намѣреніе изъ раскола присоединиться къ православію каѳолическія восточныя церкви и обѣщаемся быть въ послушаніи ея всегда неизмѣнно. Кромѣ сихъ присоединенъ еще младенецъ Іоаннъ двухъ съ половиною лѣтъ“. Съ послѣдняго росписки уже не взяли, но онъ, конечно, все равно долженъ былъ „остаться въ послушаніи“ [1]). Подписали комическій документъ квартальный надзиратель, одинъ свидѣтель изъ орловскихъ мѣщанъ, а пониже ихъ отецъ Свѣтловъ съ причтомъ.

Неудовольствій между владыкою Платономъ и княземъ Суворовымъ, о которыхъ упоминаетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, а молва къ тому многое прибавляетъ,—тогда, вѣроятно, еще не было, или они не успѣли очень обостриться; но во всякомъ случаѣ высокопреос. Платонъ безъ возраженій исполнилъ княжеское требованіе „примазать“ наловленныхъ дѣтей къ православію, и князь, по правдѣ, сказать имѣлъ

[1]) Изъ донесенія г. Грина, къ сожалѣнію, не видно: какимъ способомъ ловленія былъ изловленъ этотъ двухлѣтній карманщикъ: вышелъ онъ, или выползъ на улицу и бродяжничалъ на четвереньках, или просто взятъ изъ рукъ зазѣвавшейся матери? Удивительно, что это не остановило на себѣ ничьего вниманія.

основаніе быть доволенъ духовенствомъ. Оно показало ему — какъ легко и просто можно искоренять религіозныя заблужденія. Теперь было открыто настоящее средство привести всѣхъ къ единому пастырю, и при томъ безъ всякихъ возраженій и споровъ. Это, конечно, считалось милостивѣе и гуманнѣе, чѣмъ сдавать въ кантонисты, и православіе съ сей поры замѣняетъ кантонистскіе баталіоны.

На самомъ дѣлѣ, однако, и присоединеніе карманщиковъ къ православію шло совсѣмъ не такъ гладко,—старики разсказываютъ, что многія дѣти, несмотря на свое малолѣтство, „сильно бунтовались“, т. е. „отбивались отъ примазки“, да и въ самыхъ оффиціальныхъ бумагахъ, лежащихъ въ архивѣ рижскаго генералъ-губернаторскаго управленія, хранятся слѣды этого „бунтованія“. Такъ, напримѣръ, полиціймейстеръ Гринъ, 20-го января 1850 г., № 35, доносилъ князю Суворову, что когда отецъ Свѣтловъ „примазывалъ“ (старовѣры и нѣмцы одинаково употребляютъ слова „примазывать“ вмѣсто „присоединять“. Первые дѣлаютъ это съ ироніею, а вторые съ простодушіемъ, по непониманію)—итакъ, когда отецъ Свѣтловъ „примазывалъ“ обращенныхъ имъ въ православіе малолѣтнихъ дѣтей изъ „сословія карманщиковъ“, то „тетка сиротъ Назара и Леона Семеновыхъ, здѣшняя рабочая, раскольница Домна Семенова, во время присоединенія нѣсколько разъ сильнымъ образомъ врывалась въ церковь, произнося ропотъ съ шумомъ. А сестра сироты Василья Васильева, здѣшняя рабочая, раскольница Өедосья Иванова, у церкви и при выходѣ изъ оной ея брата, идучи за нимъ по улицамъ, громко плакала“. Этого тоже не дозволялось, такъ-какъ добрый князь слезъ не любилъ.

Другіе бунтовались нѣсколько сильнѣе; напримѣръ, 13-го февраля, за № 87, все тотъ же г. Гринъ донесъ князю Суворову, что „на данное помощнику квартальнаго надзирателя Винклеру порученіе представить мальчика Андріяна Михѣева для присоединенія,—(квартальный) представилъ и его сестру, здѣшнюю рабочую Марөу Карпову Михѣеву, и рапортовалъ, что послѣдняя дорогою къ церкви всячески старалась брата своего отклонить отъ присоединенія, выразивъ при томъ, что „хоть и голову тебѣ отрѣжутъ—не поддайся“. При томъ она громкимъ плачемъ возбудила вниманіе проходящей публики и нѣсколько человѣкъ сопровождали ее къ церкви“. И богословствованіе Михѣевой, и ея плачъ о братѣ, и даже „вниманіе проходящей публики“ — все это было поставлено ей на счетъ и доведено до вѣдома князя, но Михѣева, вѣроятно, была женщина отважнаго духа и на этомъ не остановилась. „По прибытіи на мѣсто, Марөа Карпова Михѣева насильно ворвалась въ церковь, стала позади своего брата, произнося жалобы, и когда священникъ хотѣлъ приступить къ обряду присоединенія, мальчикъ Андріянъ сего недозволилъ, такъ что святое миропомазаніе должно было оставить“... Тутъ уже, очевидно, дѣло дошло до открытой борьбы, или до какого-то иного скандала, но только во всякомъ случаѣ такого, при которомъ была пущена въ

ходъ сила: мальчикъ, говорятъ, „бился руками“, и о. Свѣтловъ „долженъ былъ оставить“ свое намѣреніе „примазать“ этого маленькаго карманщика.

Однако все это не помогло ни Михѣевой, ни ея брату, такъ какъ въ рукахъ князя было достаточно средствъ остепенить расходившуюся Мареу, а тогда отцу Свѣтлову уже ничего не стоило сразу перемѣнить религіозныя убѣжденія заблуждающагося малолѣтняго карманщика.

Съ этими бунтовщиками распорядились вотъ какъ: отбивавшагося отъ святаго миропомазанія мальчика Андріяна и сестру его Мареу „заключили подъ арестъ, послѣ чего ребенокъ объявилъ, что онъ обдумалъ, и просилъ представить его священнику, что тотчасъ и учинено, и онъ безъ всякаго помѣшательства присоединенъ, а сестра его содержится при полиціи“. Такъ это и кончено.

Какъ бы въ подобномъ случаѣ нашелся маркизъ Паулучи, или Егоръ фонъ-Фелькерзамъ, или другой губернаторъ изъ нѣмцевъ—гадать трудно. Свѣтло и ясно только то, что ни одинъ изъ нихъ не затѣвалъ „ходатайствъ“ о такихъ мѣрахъ, исполненіе которыхъ принесло русскимъ людямъ тяжкое горе и обиду, а въ нѣмцахъ возбудило „отвращеніе“.

VI.

Свирѣпство надъ русскими старовѣрами продолжалось много лѣтъ и это напрасно было бы объяснять „общимъ духомъ того времени“ (которое, по порученію, расхваливаетъ московскій профессоръ Субботинъ). Время было жестокое, это правда, но князь Суворовъ по собственнымъ побужденіямъ и за свой собственный страхъ еще увеличивалъ его суровость, испрашивая такія мѣры, какихъ нигдѣ не было, и о какихъ никто кромѣ него не придумалъ писать государю. Только у князя Суворова хватило на это духу, и зато при немъ дѣло доходило до случаевъ, которые по истинѣ превосходятъ человѣческую силу, чтобы ихъ описывать. Трепетъ и ужасъ охватываетъ душу и заставляетъ замирать сердце, когда читаешь о нихъ сухія, фактическія изложенія въ простыхъ, чиновничьихъ служебныхъ рапортахъ.

Вотъ, напримѣръ, одинъ образецъ въ этомъ родѣ.

Извѣстный графъ Сологубъ, служившій чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ Суворовѣ, 24-го іюля, за № 5, доносилъ его свѣтлости слѣдующее:

„Въ комнату мою ворвались крестьянинъ и крестьянка, съ воплемъ и слезами кинулись на полъ и начали просить защиты противъ носовскаго священника. Сбѣжавшаяся моя семья не могла утѣшить почти ослѣпшую рыдающую мать, вопіющую, что у нея отнимаютъ дѣтей.

„По сдѣланной мною справкѣ дѣло подтвердилось.

„Крестьянинъ деревни Ротчина Осипъ Дектянниковъ, хотя и ут-

верждаетъ, что родился отъ родителей всегда бывшихъ въ расколѣ, но записанъ по книгамъ дерптской Успенской церкви родившимся въ 1810 году и крещенъ въ православіе.—Это послужило поводомъ, что черезъ сорокъ семь лѣтъ, т. е. въ 1857 году, дѣти его были вытребованы къ увѣщанію по представленію носовскаго священника. Дѣтей было трое: Иванъ 16 л., Василій 13 и Андрей одного года. Старшій—нѣмой и подверженный эпилептическимъ припадкамъ, оставленъ въ покоѣ; но Василій и неразумный еще Андрей (одного года) были перекрещены. Послѣдній, очевидно, не могъ понимать, что съ нимъ дѣлали, но тринадцати-лѣтній Василій тотчасъ кинулся въ рѣку, чтобы омыть съ себя священную печать дара Духа святаго". (Донесеніе гр. Сологуба, № 5).

Но этимъ дѣло не кончилось: на основаніи сего присоединенія къ церкви, высшей властью постановлено, чтобы обращенныхъ дѣтей Дектянникова у него отобрать и передать на воспитаніе православнымъ родственникамъ или опекунамъ. Родители дѣтей скрывали, и нынѣ они должны остаться одни съ глухонѣмымъ эпилептическимъ сыномъ, или, какъ во время гоненій,—прятать другихъ своихъ дѣтей отъ преслѣдованія священниковъ.—Кто въ приведенномъ случаѣ возбуждаетъ сочувствіе,—раскольникъ или священникъ?

Но какъ же дѣйствовали въ этихъ случаяхъ нѣмцы, служившіе выборными чиновниками земской полиціи, которая должна была всему этому суворовскому походу содѣйствовать?

Графъ Сологубъ оставилъ отмѣтки и на это: нѣмцы исполняли предписанія князя Суворова „тѣмъ строже, чѣмъ болѣе внутренно чувствовали къ этому отвращеніе"...

Нѣмцы чувствовали отвращеніе... Нѣтъ ли въ этихъ словахъ русскаго графа Сологуба преувеличенія и натяжки? Не думаю,—и послѣ многихъ личныхъ заботъ удостовѣриться въ этомъ, самъ присоединяюсь къ сказанному графомъ Сологубомъ. Да тутъ и нѣтъ ничего удивительнаго.

Стѣсняя русскихъ въ ограниченіи ихъ правъ „лойяльнымъ путемъ" не безъ вѣдома князя Суворова, нѣмцы, конечно, не защищали ихъ и отъ тѣхъ уже нелойяльныхъ преслѣдованій, о которыхъ князь ходатайствовалъ черезъ Льва Алексѣевича Перовскаго. Это было не ихъ дѣло, такъ какъ тутъ свой своего поѣдалъ,—русскій князь вынародовливалъ русскаго простолюдина. Нѣмцамъ, конечно, отъ этого было мало горя и, какъ люди точные и исполнительные, они дѣлали, что имъ предписывалъ князь Суворовъ, но, какъ люди воспитанные въ понятіяхъ настоящей вѣротерпимости, они постоянно „чувствовали къ этому отвращеніе". А почему они отъ того были „еще строже" — на это отвѣчаютъ двояко: одни думаютъ, что нѣмцы „вели въ этомъ политику", — чтобы показать осѣдлымъ людямъ русской породы, что ихъ тѣснятъ и мучатъ не нѣмцы, а русскіе. Тѣмъ, будто, хотѣли ихъ вооружить противъ русскаго правительства,

но мнѣ это кажется невѣроятнымъ и пустою выдумкою,—потому что это нѣмцамъ ни на что ненужно. Мнѣ кажется болѣе справедливымъ другое объясненіе — почему нѣмцы „тѣмъ строже исполняли требованія Суворова, чѣмъ они были имъ противнѣе, или „отвратительнѣе". Человѣкъ, принужденный дѣлать отвратительное дѣло, старается отдѣлаться отъ него какъ можно скорѣе и сразу. Это все равно, что котятъ топить. Лучше же утопить ихъ сразу и на такой глубинѣ, чтобы не ползали, чѣмъ долго томить ихъ и слушать, какъ они мяукаютъ въ предсмертной истомѣ.—„Надоѣло имъ, и за неволю сразу какъ котятъ дошибить насъ хотѣли", говорятъ раскольники.

Какая понятная, но въ то же время ужасная и даже отвратительная картина!

Да; и всё это въ долгіе годы суворовскаго управленія выплакано горючими слезами, лившимися изъ слѣпнувшихъ глазъ русскихъ матерей, и все это неизгладимо врѣзано въ памяти ихъ дѣтей, которыя, я думаю, только удивляются: неужто про ихъ-то долгія муки отъ Суворова совсѣмъ ничего и не слыхали на Руси!

VII.

Но зато и для самого князя его лютыя гоненія не прошли совсѣмъ безъ послѣдствій—и у него были траги-комическія минуты. Московская газета упоминаетъ, какъ князь Суворовъ спѣшилъ изъ Италіи усмирять бунтъ эстовъ, который онъ самъ и вызвалъ; но до сихъ поръ никто и нигдѣ еще не упоминалъ о другомъ весьма извѣстномъ въ Ригѣ событіи, о которомъ лучшимъ для себя находилъ промолчать и самъ князь Суворовъ.

Бывшій попечитель общины Петръ Андреевичъ Пименовъ, Никонъ Прокофьевичъ Волковъ, Захаръ Лазаревичъ Бѣляевъ и наставникъ Евтихій разсказывали мнѣ, что, когда послѣ облавы на дѣтей и послѣ того, какъ мальчикъ Захаръ „кинулся въ рѣку смыть печать дара Духа Святаго" и утонулъ,—князь Суворовъ, пылая гнѣвомъ и нетерпѣніемъ, пріѣхалъ разъ верхомъ къ Гребенщиковской моленной и началъ кричать на собравшійся народъ. Онъ „храбро топотался на конѣ, но вдругъ замѣтилъ, что „люди стали наклоняться къ землѣ и подбирать камни", а затѣмъ, „набравъ въ руки камней, закричали ему: убирайся прочь". Окружавшая князя полиція струсила, а князь, еще „потоптавшись на мѣстѣ, повернулъ лошадь и ускакалъ скорымъ скокомъ".

— „Еще бы одна минута, говорили они,—и не ускачи князь домой, наши сдѣлали бы ему русскую войну",—т. е. закидали бы его камнями, и кромѣ эстонскаго бунта въ исторіи Остзейскаго края былъ бы извѣстенъ бунтъ русскихъ старовѣровъ.

Я записалъ это со словъ старыхъ людей, которыхъ выше и назвалъ, но случай этотъ извѣстенъ также и многимъ другимъ изъ рижанъ и передается всѣми въ одно слово.

По отважному духу рижскихъ раскольниковъ—я не вижу въ этомъ ничего невѣроятнаго. Точно такъ же, мнѣ кажется, нельзя этому удивляться и судя по характеру покойнаго князя, который еще въ молодости своей, при декабристскомъ бунтѣ, сѣдлалъ своего коня для одного пути, а поѣхалъ на томъ же сѣдлѣ по другому направленію...

VIII.

Здѣсь да позволено будетъ мнѣ сдѣлать маленькое отступленіе и записать еще одну поправку болѣе общаго свойства.

Профессоръ московской духовной академіи, г. Субботинъ, написавшій недавно брошюру о расколѣ, называетъ въ ней описываемое время рижскихъ дѣяній князя Суворова благопріятнымъ для православной церкви. При этомъ г. Субботинъ пыжится убѣдить кого-то, что материнскія заботы церкви о возсоединеніи всѣхъ раскольниковъ съ православіемъ не удались только потому, что чиновники, на обязанности которыхъ лежало исполненіе предписаній, клонившихся къ искорененію раскола, не обнаруживали должной энергіи и дѣйствовали слабо. Уваженіе къ исторической правдѣ и забота о полнотѣ изображаемой эпохи должны бы, кажется, обязать московскаго ученаго сдѣлать исключеніе, по крайней мѣрѣ, для нѣмецкихъ чиновниковъ Остзейскаго края, ибо эти дѣйствовали хотя „съ отвращеніемъ“, но не только точно и исполнительно, а даже крайне строго. И, однако, при всемъ томъ и они съ расколомъ ничего строгостью не достигли,—расколъ уцѣлѣлъ и при ихъ „строгости“, прилагавшейся для исполненія самыхъ необычайныхъ и самыхъ неслыханныхъ, настоящихъ „суворовскихъ“ мѣръ.

Впрочемъ, хотя я излагаю все это документально и каждое слово мое можетъ быть легко повѣрено архивными дѣлами, однако, для заказныхъ писателей ничто не писано, кромѣ того, что̀ на руку ихъ заказчикамъ, чтобы представить дѣло не въ истинномъ его свѣтѣ, а въ такомъ, въ какомъ имъ хочется. Я пишу это для исторіи, чтобы она не позабыла интереснаго и ужаснаго эпизода „иродовой работы“, и для характеристики русскаго государственнаго человѣка, котораго то безъ критики хвалятъ за его „высоко-гуманную и добрую натуру“ [1]), то порицаютъ съ критикою, несвободною отъ предвзятыхъ идей, и оттого приходятъ къ невѣрнымъ выводамъ.

---

[1]) См. „Рѣчь А. И. Ходнева въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ“ („Новое Время“, 20-го февраля, № 2148).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что покойный князь Александръ Аркадьевичъ не былъ человѣкъ зложелательный, но онъ не былъ и гуманистъ, и онъ не могъ быть гуманистомъ, потому что „самъ Богъ былъ не властенъ въ его мысляхъ“, какъ сказано о немъ рижскими раскольниками, выразившими въ этихъ словахъ самую вѣрную характеристику князя.

Онъ былъ то, что называется **добрый малый**, или, однимъ словомъ, **добрякъ**, управляемый нервностію, но не гуманный человѣкъ, подчиняющій свою мысль и каждое движеніе сердца закону всеблагаго Бога, обитающаго въ сердцахъ, чтущихъ Его волю, выше которой не должно быть ничего на свѣтѣ.

Князь Суворовъ можетъ служить примѣромъ, какъ не надежна та нервная доброта, какою владѣлъ онъ.

За симъ возвращаемся къ дальнѣйшей характеристикѣ князя Суворова и къ тому, до чего онъ довелъ русскихъ Остзейскаго края къ концу своего управленія этими губерніями.

IX.

Мы видѣли, во-первыхъ, что нѣмцы, какое бы ни было ихъ поведеніе въ признаніи лойяльнаго равноправія русскихъ въ Остзейскомъ краѣ, честно и прямодушно высказывались за нашихъ старовѣровъ и даже защищали ихъ во мнѣніи власти, какъ хорошихъ и трудолюбивыхъ людей. Это неоспоримо. Во-вторыхъ, видѣли, что, когда князь Суворовъ изобрѣталъ и установлялъ особыя мѣры для угнетенія своихъ соотчичей старой вѣры, нѣмцы исполняли княжескія требованія и даже исполняли ихъ „**строго, но съ отвращеніемъ**“. Теперь историческая истина, которая должна быть всего дороже для независимаго историческаго изданія, обязываетъ насъ сдѣлать третье не менѣе важное указаніе, которое будетъ заключаться въ томъ, что несомнѣнно добрый князь Александръ Аркадьевичъ, въ четырнадцать лѣтъ своего управленія Остзейскими губерніями, довелъ здѣшнее трудолюбивое и честное старовѣрческое населеніе до полнаго разоренія и до деморализаціи. Но и это будетъ не все; мы увидимъ, что нѣмцы этому не радовались, а, напротивъ, соболѣзновали о старовѣрахъ и изъ нѣмецкой же среды нашелся человѣкъ, который, находясь въ подчиненныхъ князю отношеніяхъ, раскрылъ передъ нимъ ужасную картину „иродовой работы“. Человѣкъ этотъ назывался Шмидтъ; онъ не пользуется извѣстностію Самарина и графа Сологуба; но достоинъ, однако, благодарнаго воспоминанія со стороны русскихъ.

Шмидтъ былъ чиновникъ, состоявшій при генералъ-губернаторѣ, и чѣмъ скромнѣе было его значеніе, тѣмъ выше должна быть оцѣнена его благородная искренность.

Находясь въ какихъ-то дѣловыхъ разъѣздахъ и сталкиваясь съ русскими старовѣрами, г. Шмидтъ, вѣроятно, видѣлъ тѣ же мучительныя сцены, которыя терзали графа Сологуба, но г. Шмидтъ обобщилъ явленіе, сдѣлалъ изъ него правильный выводъ и указалъ на самое радикальное лекарство.

Чиновникъ Шмидтъ (7-го марта 1861 года, № 25) необинуясь представилъ князю Суворову, что „благосостояніе, бывшее у раскольниковъ десять лѣтъ тому назадъ, нынѣ уже не существуетъ, а на мѣсто онаго вкрались пороки, лѣность и пьянство, чего прежде не было. Закрытіе моленъ имѣло вліяніе на развитіе между ними безнравственности, преимущественно между молодыми, но присоединеніе къ православію было очень незначительно. Даже наказанія не могли ихъ склонить къ возвращенію въ нѣдра церкви“. Эти десять лѣтъ и есть суворовскій періодъ въ остзейщинѣ. Г. Шмидтъ является въ своемъ обширномъ донесеніи человѣкомъ умнымъ и правдивымъ, а при томъ и образованнымъ, хотя, конечно, въ западномъ духѣ. Расколъ онъ считаетъ явленіемъ невѣжественнымъ, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, но лучшее богопознаніе, чѣмъ то, которое доступно невѣждамъ какого бы то ни было религіознаго толка, г. Шмидтъ ставитъ въ зависимость отъ одного образованія. Противъ раскола, по мнѣнію Шмидта, властно только одно образованіе, и какъ онъ былъ убѣжденъ, такъ и представилъ князю, съ прибавкою, что „по сему, во время всеобщей прогрессіи въ нашемъ отечествѣ, весьма радостное событіе (составляетъ), что раскольники изъявили желаніе посредствомъ устройства школъ дать соотвѣтственное образованіе своимъ дѣтямъ“.

Въ радости, съ которой г. Шмидтъ возвѣщалъ князю Суворову объ этой „прогрессіи“, сквозило нѣсколько странное въ нѣмецкомъ человѣкѣ увлеченіе и даже какой-то гелертерскій восторгъ, объясняемый впрочемъ довольно общимъ живымъ настроеніемъ многихъ благородныхъ людей, имѣвшихъ счастіе дышать свѣжею атмосферою утренней зари царствованія Александра II. Г. Шмидтъ набралъ у раскольниковъ изъ разныхъ деревень просьбъ объ открытіи школъ и летѣлъ съ этою ношею въ Ригу, какъ голубь съ масличною вѣткою. „Прогрессія“, которую онъ ощущалъ, была ему порукою за успѣхъ, а между тѣмъ, дѣло научной „прогрессіи“ уже началось: раскольники, „осмѣливаясь просить о благосклонномъ разрѣшеніи школъ“, въ самой вещи поспѣшили завести школы, а нѣмцы имъ въ этомъ мирволили, и защищали школы отъ происковъ православныхъ священниковъ. Ордиунсгерихты въ этомъ дѣлѣ даже предстательствовали „о необходимости учрежденія особыхъ первоначальныхъ раскольничьихъ школъ во всѣхъ обитаемыхъ раскольниками мѣстностяхъ“, такъ какъ, по мнѣнію этихъ нѣмецкихъ учрежденій, „принуждать раскольниковъ силою отдавать дѣтей въ школы православныя неудобно“. Но русское православное духовенство не раздѣляло этой нѣмецкой выдумки и находило, что принуждать—удобно.

Князь Суворовъ поддался „прогрессіи", въ которой нѣмцы убѣдили его на пользу русскихъ старовѣровъ, и 23-го декабря 1860 года, за № 4103, сообщилъ архіепископу Платону „о ходатайствѣ орднунсгерихта о разрѣшеніи раскольникамъ начальныхъ школъ", но высокопреосвященный Платонъ взглянулъ на это ходатайство неблагосклонно.

Въ архивѣ рижскаго генералъ-губернаторскаго управленія есть отношеніе владыки къ князю Суворову, отъ 20-го мая 1861 года, за № 281, гдѣ пространно изложены доводы, которые нынѣшній митрополитъ кіевскій, а тогдашній архіепископъ рижскій, считалъ нужнымъ сдѣлать противъ ходатайства старовѣровъ о разрѣшеніи имъ завести для своихъ дѣтей начальныя школы. Документъ этотъ очень интересенъ и на него стоитъ теперь указать для свѣдома того лица, которому, вѣроятно, когда-нибудь доведется очеркнуть характеръ дѣятельности высокопреосвященнаго Платона, достигшаго нынѣ высокаго поста въ церковной іерархіи. По моему, этотъ святитель представленъ Юріемъ Өедоровичемъ Самаринымъ, можетъ быть, нѣсколько съ партійной точки зрѣнія, — во всякомъ случаѣ не полно. Доводы высокопреосвященнаго Платона были противны желаніямъ старовѣровъ; онъ находилъ, что особыя школы раскольникамъ не нужны и вредны. Доводы владыки были неновы, а при томъ, какъ послѣдствія показали, и несправедливы. Раскольничьи школы въ Остзейскомъ краѣ нынѣ существуютъ и не принесли ни малой доли того вреда, какого опасался высокопреосвященный Платонъ, ссылаясь на извѣстный ему „секретный указъ св. синода, отъ 29-го октября 1836 г. за № 13023". Но въ числѣ этихъ доводовъ были и такіе, которые могутъ всякаго удивить своею наивностью, способною, впрочемъ, съ самой выгодной стороны рекомендовать замѣчательную чистоту сердца высшихъ представителей русской церкви. Такъ, напр., высокопреосвященный Платонъ плохо вѣрилъ орднунсгерихту и г. Шмидту, что раскольники хотятъ учить дѣтей и уже учатъ ихъ въ школахъ, а старался убѣдить князя Суворова, что раскольники просятъ дозволенія устроить школы совсѣмъ съ другимъ умысломъ,—именно, чтобы подъ видомъ школъ имѣть помѣщенія для моленныхъ и совершать тамъ богослуженіе. Вмѣсто фактовъ, удостовѣренныхъ орднунсгерихтомъ и чиновникомъ Шмидтомъ, что школы уже есть и въ нихъ дѣти дѣйствительно учатся, владыка Платонъ привелъ другой фактъ, а именно: „одинъ раскольникъ сказалъ извѣстному мнѣ (т. е. его высокопреосвященству) человѣку, что они не нуждаются въ школьномъ домѣ. Да и зачѣмъ наука—говорилъ раскольникъ—когда немного остается до кончины міра".

Оцѣнить достоинства достовѣрности этихъ двухъ „фактовъ" нетрудно при одномъ сопоставленіи того, что за первое ручались орднунсгерихтъ и чиновникъ Шмидтъ, а второе все держится на ка-

комъ-то разговорѣ какого-то incognito съ какимъ-то темнымъ дурачкомъ;[1]).

X.

Но какъ же оцѣнилъ это князь Суворовъ и что̀ онъ предпринялъ въ своемъ новомъ настроеніи, отвѣчавшемъ духу „прогрессіи"? „Современныя Извѣстія" говорятъ, будто „нѣмецкое образованіе сдѣлало изъ него то, что онъ преклонялся передъ нѣметчиной"; но если бы это было такъ, то въ настоящемъ характерномъ и важномъ дѣлѣ, которое я излагаю, подкрѣпляя каждое положеніе ссылкою на оффиціальныя бумаги, князю ничего не оставалось, какъ настаивать на томъ, куда клонили нѣмцы, выразителями которыхъ служили ордпунсгерихтъ и г. Шмидтъ, убѣждавшіе князя разрѣшить русскимъ старовѣрамъ открыть первоначальныя школы. Но однако князь такъ не сдѣлалъ: тутъ онъ передъ нѣметчиной не преклонился и не только не разрѣшилъ школъ, но не положилъ конца ихъ преслѣдованію, которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, продолжалось по почину высшаго представителя епархіальной власти, и очень любопытно по пріемамъ, какіе обнаруживали духовные, и по отношенію къ ихъ заботамъ со стороны гг. нѣмцевъ.

Здѣсь мы опять встрѣчаемъ смѣсь „строгой исполнительности" и крайняго „отвращенія", которое доводитъ точныхъ исполнителей до нѣкоторой издѣвки надъ распорядителями.

Образецъ этого „отвращенія", насколько оно могло быть выражено при осторожности нѣмецкаго чиновника, сохранилъ для насъ

---

[1]) Ю. Ѳ. Самаринъ упоминаетъ о в. пр. Платонѣ, какъ о полезнѣйшемъ борцѣ за русское дѣло, въ чемъ онъ и столкнулся съ кн. Суворовымъ, но русскіе старовѣры все-таки больше всего помнятъ „Платонову гонительность". И то, и другое вѣрно и поучительно. Въ эти дни, когда писалась настоящая статья, въ Ригѣ скончался епископъ Филаретъ (Филаретовъ), который совсѣмъ не безпокоилъ старовѣровъ, но въ борьбѣ за русское дѣло имѣлъ большія непріятности и не избѣжалъ большихъ ошибокъ. „Церк.-Общ. Вѣстникъ" (11 марта, № 35) ихъ отмѣчаетъ, указывая на слитіе въ этомъ краѣ дѣла школьнаго съ церковнымъ, изъ чего возникаютъ затрудненія, въ другихъ мѣстахъ не существующія. Это достойно большаго вниманія и способно пролить свѣтъ на несоотвѣтствіе религіи служебной роли политическимъ цѣлямъ, которыя гораздо вѣрнѣе достигаются другими средствами. Ренанъ, конечно, совершенно правъ, говоря, что національность образовывается не расою и не единствомъ исповѣданія (напр., въ Швейцаріи), а она образовывается „единствомъ страданій и упованій". Въ этомъ направленіи „національное единство" въ русскомъ смыслѣ на Балтійскомъ поморьѣ можетъ быть весьма велико и сильно, ибо къ нему примкнутъ всѣ „униженные и оскорбленные", но ихъ не надо разъединять какимъ бы то ни было вмѣшательствомъ въ вопросы ихъ совѣсти, дорогіе и щекотливые для всякаго человѣка. Вопросъ о національности этого края будетъ рѣшенъ въ русскомъ смыслѣ въ тотъ самый день, когда „униженные и оскорбленные" почувствуютъ, что правительство не дѣлаетъ исключенія для „привиллегированныхъ"; но это можетъ сдѣлать государственная политика, а не церковь, которая только ставитъ себя въ двусмысленное положеніе и ничего не достигаетъ для объединенія. Н. Л.

дерптскій протоіерей Павелъ Алексѣевъ, который исполнялъ порученія высокопреосвященнаго Платона „относительно открытыхъ раскольниками школъ". Нашъ епископъ и его протоіерей печаловались нѣмцамъ о закрытіи русскихъ старовѣрческихъ школъ въ деревняхъ Воронье и Большихъ-Колькахъ, и от. Алексѣевъ это записалъ на память потомству.

„Я лично входилъ въ сношенія съ директоромъ дерптской гимназіи г. Шредеромъ", писалъ святителю отецъ Алексѣевъ (27-го сентября, № 507), но г. Шредеръ „объявилъ", что „по особому положенію сельскихъ школъ въ Лифляндіи, онѣ не подчинены директору, но завѣдуетъ ими особое правленіе, предсѣдателемъ котораго состоитъ г. фонъ-Клодтъ, сынъ бывшаго суперъ-интендента, а потому директоръ не можетъ имѣть вліянія на открытіе или закрытіе сельскаго училища. Впрочемъ, если бы, говорилъ онъ, послѣдовало начальственное предписаніе ему, то онъ съ готовностью исполнитъ оное, хотя, откровенно говоря, не предвидитъ въ томъ никакой пользы, потому что въ отдаленныхъ селеніяхъ не можетъ имѣть наблюденія за открытіемъ таковыхъ школъ".

Выслушавъ этотъ полный ироніи отзывъ директора Шредера о его „готовности исполнить" предписаніе въ дѣлѣ, которое до него не относится, а подвѣдомо совсѣмъ другому должностному лицу, отецъ протопопъ передалъ слова Шредера преосвященному Платону, какъ будто вовсе не замѣчая, что нѣмецъ надъ ихъ заботами о закрытіи школъ шутитъ, и притомъ шутитъ чисто по-нѣмецки, т. е. довольно грубо.

Такъ же незадачливо ходилъ протопопъ съ порученіемъ высокопреосвященнаго Платона и къ попечителю дерптскаго учебнаго округа. Онъ изложилъ попечителю, чтó ему сказалъ г. Шредеръ, но попечитель тоже не оказалъ горячности къ исполненію желаній архіепископа, а даже „подтвердилъ слова директора", и съ мало скрываемымъ желаніемъ отдѣлаться отъ докукъ архіерея и протопопа направилъ взглядъ ихъ по иному направленію, которое болѣе соотвѣтствовало достоинству и цѣли ихъ искательствъ. Попечитель сказалъ протопопу, что „если послѣдуетъ форменное представленіе, то онъ предпишетъ закрыть школы, но признаётъ, что этимъ не будетъ достигнута цѣль, по невозможности наблюдать за открытіемъ школъ, и еще находитъ, что это можетъ болѣе усилить ненависть и отвращеніе раскольниковъ къ православнымъ священникамъ".

Итакъ, опять „отвращеніе" и опять „ненависть"... И объ этомъ говорятъ духовному лицу ни мало не стѣсняясь, а оно это слушаетъ и передаетъ своему владыкѣ... О томъ, что „ненависть и отвращеніе къ духовенству" существуютъ—они уже не затѣваютъ никакихъ споровъ и возраженій. Это пріемлется какъ нѣчто слѣдующее по заслугамъ, но отречься отъ старыхъ привычекъ, возбудившихъ „ненависть и презрѣніе", они не хотятъ. Въ видѣ уступки духу времени они не

отвергаютъ умѣстности заботъ попечителя учебнаго округа, чтобы еще болѣе не усилить „отвращенія“.

„Въ предотвращеніе этого“ попечитель посовѣтовалъ отцу протопопу оставить прямое хожденіе по вѣдомству просвѣщенія, а „дѣйствовать черезъ жандармскаго штабъ-офицера, который тѣмъ особенно удобенъ, что не обязанъ указывать, откуда онъ получилъ извѣстныя свѣдѣнія“.

Попечитель стыдился за нашу церковь и далъ ея представителю не дурную, но и не одобрительную мысль прятать отъ свѣта, что „школы закрываются по требованію православнаго духовенства“. Самъ попечитель лгать не хотѣлъ о томъ, кто въ этомъ дѣлѣ доносчикъ и истецъ, а рекомендовалъ болѣе покладливое сотрудничество жандарма, который, что̀ пишетъ—въ томъ не даетъ отчета. Отецъ Алексѣевъ и тѣмъ не обидѣлся,—напротивъ, онъ все это „съ благопокорностью“ довелъ до свѣдѣнія преосвященнаго Платона и прибавилъ, что въ самомъ дѣлѣ „раскольники весьма желаютъ открыть у себя школы“, а „при такомъ настроеніи весьма важно было бы, если бы мѣстная земская полиція строго слѣдила, чтобы они самовольно не открывали школъ“. А „чтобы побудить земскую полицію дѣйствовать такимъ образомъ“, протоіерей рекомендовалъ способъ негласный. Онъ находилъ, что „довольно будетъ, если его свѣтлость г. генералъ-губернаторъ (кн. Суворовъ) выразитъ положительно свое желаніе объ этомъ исправникамъ“.

Вотъ какой проспектъ дѣлу открывалъ отецъ протопопъ, и по этому проспекту духовная колымага поѣхала,—можетъ быть, вовсе и не замѣчая, что катится по колеямъ, указаннымъ ей нѣмцами, которымъ она надоѣла своимъ безпокойнымъ скрипомъ. Это совсѣмъ не то, что думаетъ или, по крайней мѣрѣ, пишетъ въ своемъ заказномъ сочиненіи профессоръ Субботинъ: дерптскій протопопъ зналъ, что нѣмецкіе чиновники поусердствуютъ и „съ отвращеніемъ, но строго“ исполнятъ все, что имъ предпишутъ, только проку отъ этого не выйдетъ, а стыдно будетъ. А потому протопопъ предложилъ своему архіерею вести подходъ подъ школы „тихою сапою“.

И что же сдѣлалъ князь Суворовъ?—Онъ тоже прогулялся этимъ проспектомъ, на который его вывели не нѣмецкіе люди, которымъ въ настоящемъ дѣлѣ принадлежитъ гораздо лучшая роль, а русскіе, которымъ нѣмцы только насовѣтывали у насъ же извѣданное средство вредить людямъ такъ, чтобы тѣ не знали, отъ кого идетъ вредъ. Князь поплясалъ тутъ и подъ русскую дудку [1]).

[1]) Позже, когда князь Суворовъ не имѣлъ уже прямаго вліянія на дѣла староверовъ, онъ сталъ ихъ большимъ защитникомъ. Въ бытность его петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, да и послѣ того, онъ принималъ ихъ депутаціи и соболѣзновательно относился къ ихъ неудачамъ по „исканію школъ“. Среди вожаковъ мос-

XI.

А потому я, на основаніи всего мною изложеннаго, рѣшаюсь думать, что князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, имѣвшій, по увѣренію многихъ, очень доброе сердце, но оказавшій много вреда русскимъ людямъ Остзейскаго края, сдѣлалъ это не по причинѣ „нѣмецкаго образованія“, передъ которымъ онъ, будто бы, преклонялся, а совершенно по другимъ причинамъ. Однѣ изъ этихъ причинъ зависѣли отъ природныхъ свойствъ князя, къ чему никто не можетъ имѣть претензіи, такъ какъ, по раскольничьему опредѣленію, „самъ Богъ не былъ властенъ въ его мысляхъ“, а другія хотя и произошли отъ образованія, но отъ образованія не германскаго, а отъ того особеннаго русскаго образованія, которое князь получилъ въ особенныхъ русскихъ заведеніяхъ, гдѣ ничто не пріуготовляетъ людей къ дѣловитости, а даетъ имъ только что-то въ родѣ чего-то.

„Современныя Извѣстія“ правы, говоря, что князь Суворовъ „можетъ послужить примѣромъ и урокомъ“, но урокъ, заключающійся въ его примѣрѣ, дается не тѣмъ, „которые везутъ своихъ дѣтей учиться въ Германію“, а тѣмъ, кто, имѣя шансы разсчитывать на широкую государственную карьеру для своихъ дѣтей, отдаетъ ихъ учиться въ тѣ особенныя заведенія, которыя заманчивы своими привиллегіями. Это, конечно, безъ всякаго сравненія вреднѣе, чѣмъ солидное образованіе германское, которое ни въ комъ не убиваетъ высокаго патріотизма, а напротивъ, часто развиваетъ его въ наилучшемъ духѣ, чему мы, не заходя далеко, можемъ указать примѣры на Константинѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ, Ѳедорѣ Васильевичѣ Чижовѣ и другихъ извѣстныхъ представителяхъ славянофильской партіи. Совсѣмъ не то представляетъ образованіе, получаемое въ особенныхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, выпускающихъ не образованныхъ людей, а привиллегіантовъ.

Князь Суворовъ былъ типическимъ представителемъ имено этой школы, не имѣющей себѣ сравненія въ природѣ: онъ былъ не нѣмецъ, а привиллегіантъ, и угнетая русскихъ въ Остзейскомъ краѣ, онъ рабствовалъ не „нѣметчинѣ“ въ смыслѣ предпочтительной національности или культуры, которая бы ему нравилась, а онъ рабствовалъ аристократизму,—потому что нѣмцы здѣсь привиллегированы, а онъ почиталъ себя обязаннымъ стоять на сторонѣ привиллегированныхъ людей. Правда, что въ данномъ случаѣ таковыми

ковскаго старовѣрія онъ снискалъ себѣ этимъ большое расположеніе, и я помню, какъ однажды за трапезою, гдѣ пили за его здоровье, было возглашено:

„Поднимемъ бокалы и сдвинемъ ихъ разомъ:
„Ура, князь Суворовъ,—спасетъ насъ твой разумъ!“

Спасенія отъ князя въ желанномъ смыслѣ конечно не послѣдовало, но перемѣна въ его настроеніи все-таки достойна замѣчанія. Въ Ригѣ старовѣры приписывали ее „чуду древняго креста, иже утвердися при вратѣхъ мраморныхъ“. Н. Л.

являются нѣмцы,—но это для князя Суворова была не болѣе какъ только историческая случайность. Если бы въ Остзейскомъ краѣ шашки перемѣшались до того, что аристократическій вопросъ представляли латыши и эсты, и если бы эти послѣдніе чисто говорили по-французски, то князь несомнѣнно былъ бы за нихъ, какъ онъ, въ бытность свою генералъ-губернаторомъ Петербурга, во время послѣдняго польскаго возстанія, пытался предстательствовать за поляковъ и получалъ отъ графа М. Н. Муравьева за свои вмѣшательства всѣмъ извѣстныя анекдотическія нотаціи, можетъ быть, впрочемъ, не ощущая даже ихъ ѣдкаго саркастическаго яда [1]).

XII.

Напослѣдокъ, кажется, надлежитъ сдѣлать еще одну поправку противъ замѣчаній уважаемой московской газеты о той чертѣ князя Суворова, что, „пользуясь полнымъ довѣріемъ императора Николая Павловича, князь однако же не стѣснялся уклониться отъ исполненія высочайшей воли“. Въ томъ, что уклоненіе было допущено покойнымъ Суворовымъ по вопросу о введеніи русскаго языка,—не можетъ быть никакого и спора; вина его непосредственнаго и дерзкаго ослушанія на-лицо, но въ дѣятельности Суворова есть нѣчто еще худшее, чѣмъ ослушаніе воли монаршей. Это—введеніе своего монарха въ заблужденіе и вызовъ его на гнѣвъ и незаслуженныя кары. Князь своими представленіями о бездомныхъ дѣтяхъ, которыхъ самъ же онъ лишилъ общественной помощи, раздувалъ это до значенія событія, угрожающаго обществу. Государь Николай Павловичъ ему повѣрилъ и... это причинило цѣлому населенію ужасное горе. Такимъ поступкомъ князь Суворовъ вовлекалъ полагавшагося на него государя на путь ошибокъ и вызывалъ въ его душѣ ожесточеніе, которое падало всею тяжестью царскаго гнѣва на существа столь безсильныя и жалкія, какъ русскіе мальчишки, скрывавшіеся въ одномъ мѣшкѣ.

Истинный монархистъ и добрый вѣрноподданный, какимъ, вѣроятно, былъ въ душѣ князь Суворовъ, не долженъ бы попускаться на такія дѣла...

„Современныя Извѣстія“ говорятъ, будто князь „отлично понималъ“, чего не надо дѣлать, и все-таки дѣлалъ это; но все, что мною теперь разсказано, я думаю, должно каждаго убѣдить въ

[1]) Вѣрное и замѣчательно мѣткое опредѣленіе государственныхъ способностей Александра Аркадьевича Суворова желающіе найдутъ въ запискахъ покойнаго гр. М. Н. Муравьева, написанныхъ съ большою искренностію и талантомъ. Князь Суворовъ стоитъ тамъ между гр. П. А. Валуевымъ и Ал. Л. Потаповымъ. Записки эти до сихъ поръ обращаются только въ рукописныхъ копіяхъ, но однако не составляютъ уже большой рѣдкости... По слухамъ, онѣ не въ долгомъ времени будутъ напечатаны за границею. Н. Л.

противномъ. Иначе многія дѣла князя слишкомъ бы тяготѣли на его доброй памяти, особенно по отношенію къ двумъ много ему довѣрявшимъ государямъ.

При сердечной добротѣ князя, о которой такъ много разсказываютъ, его поступокъ съ раскольничьими дѣтьми былъ бы совершенно непонятенъ, если бы для него не существовало традиціоннаго объясненія въ довольно общей склонности многихъ нашихъ дѣятелей созидать страхи, дабы подавленіемъ ихъ рельефнѣе выставлять свою дѣятельность. Но опять и эта склонность не можетъ быть отнесена къ результатамъ заграничнаго образованія, ибо она по преимуществу проявляется въ Россіи, и притомъ среди людей самыхъ разнообразныхъ направленій. За это постоянно хватаются и консерваторы, и прогрессисты, и ханжи, и атеисты. Въ послѣднее время перестали брезговать этимъ даже и славянофилы. Это если не природа, то привычка дѣтства, которая только неравномѣрно развивается той или другой школой, и въ семъ послѣднемъ отношеніи достойны предпочтенія, конечно, тѣ школы, которыя сообщаютъ своимъ воспитанникамъ какъ можно болѣе всесторонней неумѣлости. Суворовъ былъ чрезвычайно вѣрнымъ выразителемъ этой русской школы, съ самаго начала своей государственной карьеры, когда онъ еще юношею сѣдлалъ коня для одного поля, а выѣзжалъ на другое. Вся жизнь его была варіяціями къ этой художественной увертюрѣ, исполненной въ молодецкомъ тонѣ, извѣстномъ у насъ подъ названіемъ „négligé съ отвагой“.

Люди германскаго образованія въ этой манерѣ не играютъ: они для этого слишкомъ педантичны.

Личность покойнаго князя Суворова, мнѣ кажется, впрочемъ, гораздо менѣе интересна, чѣмъ личности его русскихъ выученниковъ и сподвижниковъ, доселѣ занимающихъ видныя мѣста въ Остзейскомъ краѣ. Ихъ характерная служебная дѣятельность стôитъ быть представленною общественному вниманію, и я попытаюсь этимъ заняться, такъ какъ теперь это будетъ небезвременно и, можетъ быть, небезполезно [1]).

Н. Лѣсковъ.

---

[1]) Въ полякахъ низшаго класса князь полонизма не прощалъ и иногда преслѣдовалъ даже отдаленные на него намеки. Въ Ригѣ разсказывали, что тамъ былъ кузнецъ или экипажный мастеръ, полякъ и большой чудакъ, который между прочими странностями имѣлъ привычку хвалить что бы то ни было сравненіемъ съ католическою вѣрою. Такъ, онъ говорилъ: „это честно, какъ католическая вѣра“, — „твердо какъ католическая вѣра“ и т. п. Разъ онъ дѣлалъ по приказанію князя какую-то работу, и когда ее окончилъ, то на вопросъ князя: „хорошо ли это сдѣлано?“ отвѣчалъ: „хорошо, какъ католическая вѣра“. Его за это наказали, — по его словамъ, „такъ памятно, какъ католическая вѣра“. Н. Л.

СЕРБСКІЙ ПОРТРЕТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Весною 1878 года, графъ А. С. Уваровъ разсказывалъ мнѣ про необыкновенно любопытный портретъ Петра Великаго, писанный масляными красками, который онъ видѣлъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1873 году, въ одномъ сербскомъ монастырѣ на Фрушкой горѣ. Этотъ портретъ до того поразилъ его характерностью чертъ и могучимъ выраженіемъ глазъ, что онъ тогда же снялъ съ него фотографію. Когда, по моей просьбѣ, графъ Уваровъ принесъ въ даръ одинъ изъ своихъ фотографическихъ снимковъ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ находится единственное въ мірѣ, по полнотѣ, собраніе гравированныхъ и фотографическихъ портретовъ и изображеній Петра I, — я съ перваго же взгляда былъ пораженъ сербскимъ портретомъ столько же, какъ и графъ Уваровъ. Всѣ дó тѣхъ поръ извѣстные мнѣ портреты великаго императора, изъ эпохи его зрѣлыхъ лѣтъ, показались мнѣ слабыми и незначущими въ сравненіи съ этимъ портретомъ: такъ характерны были представленныя тутъ черты лица, такъ онѣ соотвѣтствовали тому понятію, которое получаетъ всякій, изучавшій личность Петра I не только по его исторіи и дѣяніямъ, но и по его оригинальнымъ письмамъ, запискамъ, разговорамъ и другимъ документамъ ежедневной, интимной жизни. Въ новомъ сербскомъ портретѣ черты лица тѣ же, чтó и во всѣхъ лучшихъ портретахъ его зрѣлыхъ годовъ, но только онѣ несравненно значительнѣе, характернѣе и самостоятельнѣе, а выраженіе индивидуальнѣе и опредѣлительнѣе. Я тутъ же порѣшилъ самъ съ собою, что такому портрету не мѣсто гдѣ-то въ глуши Сербіи, что ему не слѣдъ пропадать въ неизвѣстной дали, и

что наша обязанность—употребить всѣ усилія, чтобы онъ перешелъ изъ Сербіи навсегда въ Россію.

Въ октябрской книжкѣ „Древней и Новой Россіи“ за 1879 годъ появилась статья профессора В. В. Качановскаго, которая говорила объ этомъ же портретѣ и сообщала такія свѣдѣнія, которыя еще болѣе увеличили мое любопытство. Тамъ разсказывалось, что хотя въ монастырѣ, гдѣ хранится портретъ, и живетъ еще преданіе, будто бы Петръ I самъ подарилъ этотъ портретъ монастырю Великой Реметѣ, гдѣ прожилъ шесть недѣль, на возвратномъ пути въ Россію изъ чужихъ краевъ, послѣ перваго еще своего заграничнаго путешествія, но этому извѣстію противорѣчитъ находящаяся на оборотѣ портрета надпись, что онъ принесенъ въ даръ монастырю двумя жителями города Карловца (сосѣдняго съ Фрушкой горой), Павломъ Паніотовичемъ и его женою Наталіею, въ 1818 году; къ этому присоединялось любопытное свѣдѣніе, что „народъ (православные сербы) во время храмоваго праздника, называемаго по-сербски „слава“, и вообще великихъ праздниковъ, изъ церкви идетъ въ покои настоятеля „приложиться“ къ портрету русскаго царя Петра, какъ къ чудотворному образу: при вступленіи въ покои благочестивый сербъ крестится, произноситъ слова: „о ты, нашъ избавитель!“ и затѣмъ цѣлуетъ портретъ. Слѣды частыхъ поцѣлуевъ явственны на портретѣ“. Все это еще болѣе увеличивало мое намѣреніе самому увидѣть такой портретъ Петра, съ которымъ связано было столько необыкновенныхъ преданій.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, обстоятельства дали мнѣ возможность выполнить мое желаніе. Лѣтомъ 1880 года мнѣ привелось сдѣлать большое путешествіе по славянскимъ землямъ, чтобы собрать окончательные матеріалы для давно уже, усиліями многихъ лѣтъ накопленныхъ альбомовъ съ рисунками, назначенными для моего сочиненія: „Славянскій и восточный орнаментъ“. Послѣ Праги и Кракова, направляясь въ Сербію, я въ Вѣнѣ сѣлъ на пароходъ и проѣхалъ внизъ по всему Дунаю до самаго Бѣлграда. Какъ было во время этого чуднаго пути по великолѣпной славянской рѣкѣ, обставленной поэтическими, живописными панорами, не воспользоваться случаемъ и не побывать на Фрушкой горѣ, этомъ славянскомъ Аѳонѣ? Я рѣшился, несмотря на малое время, которымъ располагалъ, пожертвовать одинъ день на славянскіе монастыри, и всего больше на Великую Ремету.

Великая Ремета—это самый древній и самый замѣчательный между всѣми сербскими монастырями Фрушкой горы, но вмѣстѣ и самый бѣдный. Ему далеко до такихъ богатыхъ монастырей, какъ, напримѣръ, Крушедолъ или Гергетевъ. Въ ризницѣ перваго хранятся цѣлыя груды древне-сербскихъ сокровищъ, громадныя рукописи евангелій въ серебряныхъ и золотыхъ массивныхъ переплетахъ, митры сербскихъ владыкъ, усыпанныя жемчугомъ и камнями, расшитые по

бархату и шелку сербскими узорами кафтаны старыхъ князей и княгинь (лучше и красивѣе всѣхъ кафтанъ княгини Любицы); въ монастырѣ Гергетевѣ множество богатствъ новѣйшихъ, современныхъ, такъ какъ въ этомъ монастырѣ всегда живетъ глава управленія всѣми монастырями Фрушкой горы—архимандритъ, помощникъ карловицкаго архіерея. Монастырь Великая Ремета—одна сплошная развалина, одно сплошное запустѣніе. Къ нему словно заросли всѣ дороги, и, поднимаясь къ нему, постоянно все выше и выше въ гору, съ трудомъ пробираешься по узенькимъ тропинкамъ, гдѣ едва умѣщается глубоко нарѣзанная колея экипажей и гдѣ на каждомъ шагу справа и слѣва захлестываютъ путника и его экипажъ дико разросшіяся вѣтки старыхъ сливовыхъ деревьевъ, орѣшника, каштановъ и бука. Наконецъ, вотъ и самый монастырь. Онъ стоитъ среди глухой чащи, и та маленькая площадка, что распространяется кругомъ его стѣнъ, явно, была когда-то расчищена, а теперь, словно давно небритая борода, заросла дрянной рѣдкой травой. Войдите во дворъ, и васъ встрѣчаетъ зрѣлище покинутаго, давно никѣмъ необитаемаго жилья. Висячія галлереи, идущія кругомъ срединнаго дворика, покосились на своихъ столбахъ, ихъ рѣшетки едва на половину цѣлы; черепичныя кровли въ жалкомъ видѣ, стѣны покрыты плѣсенью и сыростью. И что мудренаго: все духовное населеніе этого монастыря, вся его братія, состоитъ изъ одного единственнаго человѣка, который представляетъ въ одномъ своемъ лицѣ соединеніе и монаха простаго, и іеромонаха, и священника, и игумена. Это іеромонахъ Евлогій Кузмановичъ. Изъ остальной братіи—кто умеръ, кто перешелъ въ другой монастырь, по сосѣдству, болѣе людный и достаточный. Одинъ отецъ Евлогій, уже давно сѣдой старикъ, мужественно остался доживать свой вѣкъ среди руинъ и запустѣнія. Ничего еще не зная о нынѣшнемъ положеніи монастыря, я спросилъ отца игумена, много ли у нихъ братіи; онъ отвѣчалъ, что ихъ всего двое: онъ самъ и еще монахъ Исидоръ Іовановичъ. Я его не видалъ, но, кажется, это тотъ самый служка, что подавалъ намъ за обѣдомъ прекрасную жареную рыбу, родомъ изъ близкаго Дуная, и столь же превосходную „сливовицу“, родомъ изъ лѣсовъ и садовъ, окружающихъ монастырь, и еще то отличное, нѣжное, тонкое вино, которое у насъ зовется венгерскимъ, а по настоящему должно бы зваться „славонскимъ“: оно цѣликомъ идетъ изъ виноградниковъ Славоніи. Однако же, отецъ Евлогій не одинъ со своимъ служкой Іовановичемъ живетъ въ Великой Реметѣ: тамъ есть еще нѣсколько женщинъ, по большей части старухъ, исполняющихъ хозяйственныя работы при руинахъ монастырскихъ: сербскіе, какъ и многіе монастыри Востока, управляются иными обычаями противъ нашихъ монастырей, и постоянное присутствіе тамъ женщинъ ничуть не запрещено. Нѣсколько ребятишекъ въ сербскихъ, или, можетъ быть, точнѣе, турецкихъ красныхъ фескахъ, вмѣстѣ съ полдесяткомъ куръ, бродившихъ по задворкамъ монастыря, нѣсколько

оживляли пустынную и угрюмую его картину. Оказалось, что, несмотря на свое одиночество и задичалость своего монастыря, отецъ Евлогій премилѣйшій и прелюбезнѣйшій изъ игуменовъ. Онъ принялъ меня самымъ радушнымъ образомъ и, выслушавъ мой разсказъ про цѣль моего пріѣзда на Фрушкую гору, самъ повелъ меня по всему монастырю и, конечно, прежде всего мы отправились въ древнюю его церковь. Основаніе ея приписываютъ XI-му или XII-му столѣтію, и весь архитектурный складъ ея не противорѣчитъ этому. Высокіе столбы, съ узкими сводами, поднимающимися до сжатаго, тѣснаго купола, узкія окна вверху, тѣснота помѣщенія, отсутствіе орнаментовъ повсюду—какъ это напоминало мнѣ древнѣйшія церкви, видѣнныя мною въ Сербіи. Церковь во имя св. Димитрія, повидимому, и всегда была такъ скудна средствами, что не могла росписать своихъ стѣнъ внутри тѣми богатыми фресками, на густыхъ, яркихъ золотыхъ фонахъ, какими, напримѣръ, росписана сверху и до низу знаменитая, глубоко характерная, оригинальная церковь Благовѣщенія въ Крушедольскомъ монастырѣ. Въ Великой Реметѣ нѣтъ тоже и тѣхъ рядовъ рѣзныхъ деревянныхъ сѣдалищъ, гдѣ монахъ можетъ и сидѣть, а когда требуется по службѣ, то и стоять по нѣскольку часовъ сряду, опираясь локтями на высокіе выступы съ обѣихъ сторонъ. Церковь св. Димитрія бѣдна и невзрачна, все равно и снаружи, и внутри. Ея иконостасъ, съ фигурными царскими дверями поздняго времени, но все еще тѣсными, какъ въ древности, украшенъ всего только разноцвѣтными кусочками фольги, да и то украшеніе было въ такое диво братіи, что надъ извивающейся линіей потускнѣлыхъ царскихъ дверей по фризу сверху идетъ длинная витіеватая надпись, разсказывающая, кто и когда именно украсилъ церковь такими богатыми дивами. Самое красивое, самое важное, самое достопримѣчательное во всей церкви — это рѣзное деревянное паникадило, свѣтлаго дерева, спускающееся изъ средины купола на длинномъ желѣзномъ прутѣ и невольно останавливающее своими красивыми формами глазъ цѣнителя національной древности. Остальные предметы и сосуды церковные не замѣчательны и бѣдны. Ризы—изъ самыхъ простыхъ, ветхихъ матерій. Кресты и подсвѣчники—все это громко говоритъ о давней безпомощности монастыря и случайныхъ, рѣдкихъ его прихожанахъ. Однако же, при всемъ томъ, я нашелъ на престолѣ, въ алтарѣ, одно рукописное евангеліе XVI-го вѣка сербскаго письма, наполненное такой изящной орнаментаціей въ золотѣ и краскахъ на поляхъ, имѣющее такія красивыя арабскія заглавныя буквы и заставки, что раньше всего я поспѣшилъ разсмотрѣть эту рукопись во всей подробности и срисовать оттуда все, что поспѣлъ, для своего большого атласа. Орнаменты этой рукописи займутъ тамъ навѣрное очень почетное мѣсто. Но эта рукопись—единственная изъ этой эпохи, остальныя еще новѣе и не значительны.

И вотъ среди этой-то сербской монастырской глуши и бѣдности

мнѣ привелось увидать лучшій портретъ величайшаго и геніальнѣйшаго русскаго человѣка — Петра Великаго—Потому что мнѣ стоило только взглянуть на оригиналъ портрета, про который мнѣ за два года передъ тѣмъ говорилъ графъ Уваровъ, чтобы убѣдиться, что тутъ передо мной въ самомъ дѣлѣ лучшій и характернѣйшій портретъ нашего перваго, и по времени, и по великому духу, императора. Когда, послѣ обхода монастыря, отецъ Евлогій привелъ меня, наконецъ, въ свое помѣщеніе, наверху, на галлереѣ, такое же бѣдное и скромное, какъ весь остальной монастырь, и только украшенное по стѣнамъ плохими портретами прежнихъ игуменовъ Реметы и еще интереснымъ современнымъ портретомъ Андрея Андреевича, который въ 1735 году построилъ колокольню въ монастырѣ Великой Реметѣ, я былъ пораженъ, словно великой картиной великаго мастера, этимъ портретомъ, темнымъ, тусклымъ, въ плохой почернѣлой рамкѣ, написаннымъ какимъ-то посредственнымъ, неизвѣстнымъ живописцемъ, плохими красками, но носящимъ всѣ поразительные признаки портрета, писаннаго съ истиннаго оригинала, въ самомъ дѣлѣ съ самого Петра Великаго. Собиравши гравированные портреты Петра I для коллекціи Петербургской Публичной Библіотеки впродолженіе болѣе 20-ти лѣтъ, можно сказать, со всѣхъ концовъ міра, я видѣлъ такихъ портретовъ нѣсколько сотенъ; видѣлъ также множество портретовъ Петра Великаго масляными красками въ Россіи и въ разныхъ музеяхъ и коллекціяхъ Европы; видѣлъ большое собраніе портретовъ Петра I, выставленныхъ на московской всероссійской выставкѣ 1872 года, но ни одинъ изъ этихъ портретовъ (кромѣ двухъ: царскосельскаго и эрмитажнаго) не удовлетворялъ меня и не казался мнѣ вѣрнымъ воспроизведеніемъ личности Петра Великаго. Притомъ, даже и тѣ два, что мною сейчасъ только упомянуты,—царскосельскій и эрмитажный,—представляютъ Петра I еще молодымъ человѣкомъ, красивымъ, пріятнымъ, но далеко не имѣющимъ того взгляда и даже того облика, какой связывается у насъ съ понятіемъ о могучей личности царя Петра.

Въ сербскомъ портретѣ мнѣ вдругъ представилось нѣчто совсѣмъ другое, нѣчто совершенно неожиданное, чего мнѣ не передавала даже фотографія графа Уварова. Краски и письмо этого портрета не красивы и не талантливы, да руки, тѣло, костюмъ и вовсе не хорошо написаны (повидимому, даже другимъ живописцемъ, чѣмъ тотъ, что̀ писалъ голову), но эта голова, но это лицо, но эти глаза, этотъ взглядъ, брови, выраженіе — таковы, какихъ мы никогда не видали ни на одномъ другомъ портретѣ этого человѣка. Тутъ что-то такое могучее, грозное, непреклонное и ужасное, такая энергія души и такая давняя привычка повелѣвать и встрѣчать повиновеніе, какія никогда не могли придти въ голову этому посредственному, несчастному живописцу, и могли ему быть внушены грозною, могучею, геніальною, находившеюся въ ту минуту передъ нимъ и его холстомъ,

живою натурой. Я былъ глубоко пораженъ и больше прежняго утвердился въ мысли, что этотъ портретъ надо къ намъ.

Тщетно искалъ я во всѣхъ углахъ портрета какой нибудь надписи, монограммы, года: ничего нигдѣ не было. Тщетно также отецъ Евлогій побѣжалъ, въ великой ревности, къ себѣ въ аппартаменты, подобравъ полы своего подрясника, перехваченнаго по таліи широкимъ малиновымъ шерстянымъ кушакомъ, и черезъ секунду воротился, доставъ отъ своихъ бабъ губку и воду; тщетно мы мыли портретъ со всѣхъ концовъ, ища подъ слоемъ грязи все-таки подписи какой нибудь: ничего не нашлось. Единственный текстъ на оборотѣ портрета тотъ самый, который былъ уже сообщенъ (въ статьѣ „Древней и Новой Россіи", октябрь 1879) профессоромъ Качановскимъ; такъ какъ онъ переданъ былъ у насъ въ печати невполнѣ вѣрно, то я воспроизведу его здѣсь еще разъ во всей точности. „Во свое и своихъ поминаніе прежнесоша жителя Карловичка Павелъ и супруга его Наталіа Паніѡтовичъ стѣй ѡбытели Реметы. Лѣта Гдня 1821 въ 22 маіа". Эти слова написаны чернилами скорописью, на полоскѣ бумаги, наклеенной на холстъ портрета. Итакъ, я ничего болѣе не узналъ про исторію происхожденія портрета,—отецъ Евлогій не могъ прибавить ни единаго слова объясненія. Но я уѣхалъ изъ Великой Реметы не только обласканный радушнымъ сербскимъ старикомъ-монахомъ, но еще съ положительнымъ обѣщаніемъ, что Великая Ремета ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобъ этотъ портретъ, можетъ быть, переселился съ Фрушкой горы въ Петербургъ. Онъ только, добродушно и простосердечно улыбаясь въ минуту, когда я садился въ коляску, и пожимая мнѣ руки, просилъ меня не забыть, какъ ихъ обитель бѣдна и какъ нуждается въ самонужнѣйшемъ для честнаго благолѣпія храма и монастыря.

Митрополитъ Михаилъ сербскій, которымъ я имѣлъ честь быть принятъ, нѣсколько дней спустя, въ Бѣлградѣ, и который, несмотря на свою тогдашнюю болѣзнь, позволилъ мнѣ посѣтить себя нѣсколько разъ, далъ мнѣ среди бесѣдъ, которыя навсегда останутся для меня драгоцѣннымъ воспоминаніемъ, удостовѣреніе, что онъ тоже ничего не имѣетъ противъ перенесенія портрета Петра Великаго изъ Сербіи въ Россію, и если ему будетъ сообщено, въ надлежащей формѣ сношеній, объ этомъ предметѣ, то онъ употребитъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы управленіе Фрушкихъ монастырей дало свое согласіе.

Въ Бѣлградѣ же, бродя по разнымъ антикварнымъ лавкамъ съ профессоромъ Стояномъ Новаковичемъ (впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія въ Сербіи), благодаря его помощи, бывшей для меня столько дѣйствительною и при изученіи сербской и болгарской орнаментистики въ рукописяхъ большой бѣлградской библіотеки, я нашелъ въ одной старенькой лавчонкѣ прекрасный литографическій снимокъ съ этого портрета, въ большой листъ, отпечатанный въ Вѣнѣ, должно быть, лѣтъ

20—30 назадъ и раскрашенный отъ руки. Слѣва внизу на немъ написано: „Издаје А. J. Стефановић", въ срединѣ: „Druck v. Gerhart. Wien", справа внизу: „Умножаване се задржава". Я тотчасъ же купилъ эту копію и подарилъ ее нашему великолѣпному собранію петровскихъ портретовъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. До сихъ поръ мнѣ нигдѣ, ни въ Россіи, ни заграницей, не случилось встрѣтить другаго экземпляра этой литографіи. Впрочемъ, она не очень хороша и костюмъ Петра во многомъ измѣненъ противъ оригинала, быть можетъ оттого, что краски оригинала были слишкомъ тусклы и прежде подъ слоемъ грязи трудно было различить письмо.

Осенью того же года, вслѣдствіе предстательства оберъ-прокурора синода, К. П. Побѣдоносцева, портретъ Петра Великаго, при содѣйствіи сербскаго митрополита Михаила, былъ доставленъ въ Петербургъ и, по желанію покойнаго государя императора, купленъ для Романовской галлереи Эрмитажа. По моему глубокому убѣжденію, это одно изъ значительнѣйшихъ національныхъ сокровищъ нашего знаменитаго музея.

В. Стасовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы: 32-й, 33-й и 34-й. Спб. 1881 г.

ѢЯТЕЛЬНОЕ и плодовитое Историческое Общество, неутомимо собирающее, приводящее въ порядокъ и издающее драгоцѣнные матеріалы по русской исторіи, обогатило ея литературу за минувшій годъ тремя объемистыми томами своего громаднаго, прекрасно издаваемаго „Сборника".

Томы эти заключаютъ въ себѣ слѣдующіе матеріалы: 32-й—обзоръ занятій знаменитаго екатериненскаго „Большого Собранія" съ 7 апрѣля по 9 сентября 1768 года (дневныя записки); 33-й—письма барона Мельхіора Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II и къ князю Голицыну, письма Эрнеста-Іоганна Бирона къ посланнику Кейзерлингу, и письма Дидро къ императрицѣ Екатеринѣ II, съ примѣчаніями; 34-й—„Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ во Франціи съ 1681 по 1718 г.", „Документы относящіеся до пребыванія царя Петра I во Франціи" (1717 года), „Инструкціи и предписанія французскаго правительства посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ, находящимся при русскомъ дворѣ (съ 1681 по 1717 г.), и „Записку чиновника французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Ле-Драна, составленную въ 1726 г., о переговорахъ для заключенія союза между Франціею и Россіей, съ 1613 по 1718 годъ".

Уже изъ одного перечня можно судить о богатствѣ и интересѣ матеріаловъ, заключающихся въ названныхъ томахъ „Сборника". Это, по истинѣ, драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу нашей исторіи и, конечно, полная и всесторонняя оцѣнка его, какъ равно ознакомленіе съ нимъ читающей публики, въ доступной, популярной формѣ, не могутъ быть исчерпаны въ бѣглой библіографической замѣткѣ. Намъ приходится здѣсь только указать на главныя, харак-

теристическія достоинства этихъ матеріаловъ и отмѣтить наиболѣе выдающіяся особенности ихъ содержанія. Это мы и сдѣлаемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Редакція 32-го тома принадлежитъ профессору В. Сергѣевичу, явившемуся продолжателемъ покойнаго Д. В. Полѣнова, по изданію трудовъ и матеріаловъ екатерининской „Законодательной Комиссіи“. Полѣновъ издалъ подъ своей редакціей первые три тома этого замѣчательнаго историческаго памятника. У него былъ выработанъ по этому предмету свой планъ и своя манера, вслѣдствіе которыхъ онъ считалъ необходимымъ отступать отъ оригинала „Записокъ“ въ ихъ изложеніи. Съ его смертью, Историческое Общество постановило печатать памятники екатериненской комиссіи „безъ всякаго измѣненія состава ихъ и языка“. Такимъ образомъ, изданный теперь подъ редакціей г. Сергѣевича томъ этихъ памятниковъ является въ неприкосновенномъ подлинникѣ. Нельзя не согласиться, что такой планъ изданія гораздо цѣннѣе и и лучше полѣновскаго, въ интересахъ исторической науки, не имѣющей, по справедливому замѣчанію г. Сергѣевича, такой „мелочи, которую можно было-бы выбросить изъ лѣтописи“. А языкъ и слогъ лѣтописныхъ матеріаловъ вовсе не „мелочь“, которою можно было-бы пренебрегать изъ угоды стилистическимъ требованіемъ современнаго намъ литературнаго языка, тѣмъ болѣе, что языкъ этотъ—хорошій и благозвучный для насъ—на вкусъ потомства можетъ стать такимъ-же архаическимъ и непереваримымъ, какимъ кажется намъ теперь неблагоустроенный стиль депутатовъ екатериненской комиссіи. Поэтому рѣшеніе Историческаго Общества въ данномъ случаѣ, отвергшаго ложную систему покойнаго Полѣнова, заслуживаетъ большого привѣтствія со стороны друзей исторической науки, требующей сохраненія, по возможности, въ нетлѣнномъ видѣ самыхъ даже неясныхъ и смутныхъ чертъ прошлаго и его колорита.

Вообще, какъ видно изъ предисловія г. Сергѣевича, покойный Полѣновъ крайне безцеремонно обращался не только съ физіономіей редактированныхъ имъ историческихъ памятниковъ, но и съ ихъ содержаніемъ. Онъ, напр., исключилъ изъ матеріаловъ екатерининской комиссіи баллатировочные листы только потому, что они казались ему „сухими“. Между тѣмъ, эта сухость—только кажущаяся, и если вникнуть въ этотъ матеріалъ, то передъ нами оживятся въ яркихъ краскахъ взаимныя отношенія тогдашнихъ „партій“, ихъ группировка, а также то, какъ отличали и какъ цѣнили тогдашнихъ выдававшихся общественныхъ дѣятелей современники. Какое, напр., жизненное и драгоцѣнное для историка указаніе представляютъ „сухія“ цифры баллотировки депутата козловскаго дворянства, Коробьина!

Коробьинъ былъ лицо незначительное и безчиновное—всего лишь артиллеріи поручикъ, ничѣмъ себя не прославившій, а между тѣмъ, когда „Большое Собраніе“, 5-го мая 1768 г., стало выбирать членовъ въ комиссію для разсмотрѣнія порядка сборовъ и расходовъ, то Коробьину было положено наибольшее число избирательныхъ шаровъ (174 изъ 287). Затѣмъ опять, 14-го мая, при избраніи членовъ въ комиссію о рудокопіи и сбереженія лѣсовъ, Коробьину отдано предпочтеніе предъ всѣми депутатами еще большимъ количествомъ избирательныхъ шаровъ (260 изъ 306). Чѣмъ-же, какими подвигами и заслугами снискалъ себѣ скромный поручикъ такую популярность и такую честь въ собраніи депутатовъ?—Это чрезвычайно интересный эпизодъ.

5-го мая, дотолѣ неизвѣстный и безмолвный, козловскій депутатъ выступилъ, по поводу чтенія законовъ о бѣглыхъ крестьянахъ, съ „представленіемъ“

того грустнаго факта, что помѣщики своими притѣсненіями крестьянъ и злоупотребленіемъ властью своей надъ ними сами виноваты въ ихъ побѣгахъ. „Но что еще всего больше,—сказалъ Коробьинъ,—являются между помѣщиками и такіе, кои, увидѣвъ своего крестьянина трудами рукъ своихъ стяжавшаго малый себѣ достатокъ, лишаютъ вдругъ всѣхъ плодовъ его старанія, отчего и цѣлому государству предстоитъ немалая опасность“. Въ виду этого Коробьинъ предложилъ, „ради пресѣченія толикихъ злоупотребленій“, „ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніями ихъ крестьянъ“.

Предложеніе человѣколюбиваго поручика сдѣлалось предметомъ живѣйшаго вниманія всего собранія. Оно было для того времени ново и смѣло. Крайніе крѣпостники встревожились и одинъ за другимъ—подъ-рядъ нѣсколько человѣкъ—выступили съ протестами и возраженіями противъ Коробьина, видя въ его предложеніи революціонную попытку подорвать священную власть помѣщиковъ. И однако-жъ, большинство собранія, какъ показали вышеприведенные результаты тогда-же произведенной баллотировки, высказалось за мнѣніе Коробьина и выразило ему свое сочувствіе. Размѣръ и температуру этого сочувствія можно опредѣлить по слѣдующимъ сравнительнымъ даннымъ.

При избраніи маршала собранія, графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ получилъ всего 278 бѣлыхъ шаровъ изъ 428, а братъ его Григорій—любимецъ императрицы, находившійся въ силѣ,—получилъ еще меньше: 228 изъ 428. То есть, сравнительно, Орловы оказались гораздо меньше популярны въ собраніи, чѣмъ какой-то ничтожный провинціалъ-поручикъ, объ имени котораго дотолѣ никто и не слышалъ. Въ виду этого, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сергѣевичъ, предпочтеніе, оказанное Коробьину, „можно разсматривать, какъ рѣшительную демонстрацію“—демонстрацію, конечно, въ пользу высказаннаго имъ предложенія „ограничить власть помѣщиковъ“. Явленіе это—въ высшей степени знаменательное, проливающее яркій свѣтъ и на настроеніе умовъ Законодательной Комиссіи, и на отношеніе екатерининской „интеллигенціи“ къ крестьянскому вопросу вообще, о чемъ до сихъ поръ ходятъ въ нашей литературѣ весьма неясныя и невѣрныя понятія...

Таковъ краснорѣчивый языкъ „сухихъ“ цифръ, когда изслѣдователи желаютъ и умѣютъ читать скрытый въ нихъ, иногда глубокій, смыслъ, притомъ заключающій въ себѣ такую неотразимую историческую достовѣрность, съ которой не могутъ сравниться никакіе другіе памятники и свидѣтельства!

Замѣчательно, что сама Екатерина сознавала и какъ-бы предугадывала важное историческое значеніе подробнаго и обстоятельнаго веденія журнала занятій „Большого Собранія“. Въ наставленіи графу Шувалову, назначенному вѣдать „дневную записку“ собранія, императрица, между прочимъ, говоритъ: „дневная записка или журналъ устанавливается въ видѣ такомъ, чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства и судить могли о умоначертаніи сего вѣка“...

Предсказанныя „будущія времена“ на этотъ счетъ, кажется, наступили, когда, благодаря услугамъ „Сборника Историческаго Общества“, представляется возможность, на основаніи обозрѣваемыхъ здѣсь матеріаловъ, составить, дѣйствительно, весьма точное и наглядное понятіе объ „умоначертаніи“ того „вѣка“. Задача эта ждетъ только работниковъ.

Г. Сергѣевичъ, въ своемъ прекрасномъ предисловіи, обстоятельно очерчиваетъ общій характеръ знаменитаго собранія депутатовъ, порядокъ и ходъ ихъ занятій и результатъ послѣднихъ. Увы! результатъ этотъ былъ безплодный, да инымъ онъ не могъ быть, по замѣчанію г. Сергѣевича.

„Дѣло Комиссіи—говоритъ онъ,—не было дѣломъ депутатовъ, какъ не было оно и дѣломъ русской земли. Оно было задумано императрицею и ею-же организовано во всѣхъ подробностяхъ. Она точно опредѣлила, что должны были дѣлать депутаты, въ какомъ порядкѣ и даже въ какомъ духѣ. Они должны были сочинять новое уложеніе согласно съ началами, напередъ указанными въ „Наказѣ". „Большой Наказъ Комиссіи" и „Обрядъ управленія" дѣлали изъ депутатовъ только исполнителей ея предначертаній. Представители русской земли были призваны къ этому императрицей задуманному и предрѣшенному уже дѣлу, а не къ своему собственному. Чужое дѣло и можно было дѣлать только подъ руководствомъ того, чье было дѣло"... Самостоятельная дѣятельность депутатовъ не соотвѣтствовала первоначальному плану Комиссіи. Взять дѣло законодательства въ свои руки—значило поставить его совсѣмъ на иныя основанія, чего нельзя было достигнуть безъ прямаго столкновенія съ волею императрицы".

Такое противорѣчіе въ планѣ Комиссіи и такое фальшивое положеніе депутатовъ, парализовавшее ихъ иниціативу и дѣятельность, дали поводъ говорить, что „созваніе депутатовъ было только блестящимъ зрѣлищемъ, устроеннымъ Екатериной для обольщенія западной Европы и собственныхъ подданныхъ".

Г. Сергѣевичъ не раздѣляетъ этого взгляда; онъ не находитъ „основаній" думать, что Екатерина играла здѣсь только „комедію". Она просто заблуждалась, подъ вліяніемъ энциклопедистовъ, съ одной стороны, и Монтескье, съ другой, исходившихъ изъ совершенно непримиримыхъ между собою началъ ученія. Проникнутая раціонализмомъ послѣдняго, она думала осчастливить народъ предложеніемъ ему свыше обязательнаго законодательства, на вѣчныхъ, „никогда неопровержимыхъ" началахъ, вовсе не справляясь съ „уконачертаніемъ" народнымъ. „Это,—говоритъ г. Сергѣевичъ,—была большая ошибка; но это ошибка цѣлаго философскаго направленія", которое исповѣдовала Екатерина.

33-й томъ, обработанный г. Я. Гротомъ, знакомитъ насъ съ интимной, внутренней жизнью императрицы Екатерины, по ея перепискѣ съ Гриммомъ, историческое достоинство которой давно оцѣнено наукой. Собственно, въ названномъ томѣ, содержащемъ письма одного Гримма, обрисовывается не столько личность самой Екатерины, какъ ея корреспондента, или, точнѣе сказать, ея „souffre-douleur", какъ она сама называла Гримма.

„Гриммъ дорогъ Екатеринѣ,—говоритъ объ этой перепискѣ г. Гротъ,—какъ чрезвычайно умный и искусный комиссіонеръ: это человѣкъ практическій, смышленый, свѣдущій, представляющій рѣдкое соединеніе самаго изящнаго француза съ глубокомысленнымъ нѣмцемъ, довѣренный наперсникъ всѣхъ нѣмецкихъ принцевъ и принцессъ, пламенный ревнитель всѣхъ интересовъ русской императрицы. Въ письмахъ своихъ къ ней онъ, посреди разнообразныхъ, повидимому, интересовъ, постоянно занимаетъ ее, однако жъ, только однимъ, всегда надъ всѣмъ господствующимъ, ни на минуту не сходящимъ со сцены предметомъ, именно—ею самою, въ лучезарномъ сіяніи генія, могущества и славы, тою великою и безсмертною, какъ онъ безпрестанно ее называетъ, которой каждое письмо возноситъ его на верхъ блаженства и повергаетъ въ несказанное волненіе. Наконецъ, почти безпрерывно шуточный и вмѣстѣ сентиментальный тонъ Гримма, его игривое остроуміе и соль въ самой лести, его иногда оригинально-смѣлыя выходки,—все это должно было

придавать его письмамъ особенный интересъ въ глазахъ императрицы. Судя по нимъ, мы вправѣ предполагать, что въ самой личности Гримма, въ его живомъ юмористическомъ умѣ и вкрадчивомъ характерѣ было какое-то неотразимое обаяніе, объясняющее тайну его господства надъ мощнымъ духомъ этой необыкновенной женщины".

Лучше и остроумнѣе охарактеризовать Гримма въ его отношеніяхъ къ Екатеринѣ нельзя; но намъ кажется, что „тайна" его „обаянія" и „господства" надъ нею—не такая уже непроницаемая и загадочная, чтобы ее трудно было объяснить.

Минуя то, что онъ былъ умный, ловкій и изящный льстецъ-царедворецъ, какой всегда и у всѣхъ сильныхъ міра сего легко снискиваетъ фаворъ, нужно обратить вниманіе на его роль и общественное положеніе, которыя онъ занималъ на Западѣ—въ сферахъ образованнѣйшей квинтъ-эссенціи европейскаго ума и европейской науки. Самъ ученый и писатель, онъ близокъ со всѣми свѣтилами тогдашней науки и публицистики, онъ вращается среди сливокъ европейскаго общества и всюду—„свой человѣкъ". Біографъ Гримма, въ „Рус. Вѣстникѣ" (1882 г., январь), приводитъ кѣмъ-то изъ его современниковъ высказанное мнѣніе, что Гриммъ „игралъ роль министра-резидента и chargé d'affaires европейскихъ дворовъ при французскомъ общественномъ мнѣніи и уполномоченнаго французскаго общественнаго мнѣнія при европейскихъ дворахъ". Это—очень мѣткая характеристика!

Въ виду-то этого, можно ли было найти болѣе подходящаго, болѣе авторитетнаго и искуснаго адвоката за себя передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, въ которомъ такъ ревниво заискивала постоянно Екатерина? Можно ли было желать болѣе изящнаго и приличнаго популяризатора и панегириста своего величія и своей славы, объ упроченіи которыхъ Екатерина опять-таки съ неменьшей ревностью постоянно хлопотала, и въ особенности въ мнѣніи руководителей и истолкователей европейскаго общественнаго мнѣнія, какими были, напр., Вольтеръ, Дидро и тотъ же Гриммъ?

„Тайна обаянія" и „господства" Гримма объясняется тѣмъ, что онъ очень тонко изучилъ характеръ Екатерины, въ особенности—его слабыя стороны, его славолюбивую струну, и мастерски игралъ на нихъ, угождая имъ и въ то же время эксплоатируя ихъ въ свою пользу. Конечно, имъ двигали въ этомъ не одни корыстные, денежные разсчеты (хотя они играли не малую роль). Для Гримма близость съ русской императрицей и интимная переписка съ ней были, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Гротъ, „источникомъ радости, счастья, **почетнаго положенія**", упроченнаго внѣшними знаками отличій—орденами, щедрыми наградами, важными порученіями... Гдѣ и когда находились философы, какъ бы ни были они велики величіемъ своего генія и славы, самолюбію которыхъ не польстила бы дружба коронованной особы только потому уже, что она коронованная?!..

На современный, трезвый и дѣловитый вкусъ, письма Гримма, по своей слащавости, по своему постоянно приподнятому и подогрѣтому тону, подъ оболочкой внѣшней болтливой развязности, производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе, и вовсе не въ пользу автора. Въ нихъ много вычурности, много элегантнаго холопства, державшаго, съ оглядкой, ради утонченной лести, пофамильярничать, и—очень мало простоты и искренности. Это признаетъ за обозрѣваемыми письмами и компетентный критикъ „Русскаго Вѣстника", не взирая на свое оптимистическое къ нимъ отношеніе и на стараніе оправдать характеръ Гримма отъ упрековъ другихъ біографовъ.

„Болѣе всего поражаетъ въ его письмахъ,—говоритъ этотъ критикъ,—постоянная и не знающая никакой границы лесть. При всемъ желаніи, нельзя пріискать другаго слова для тѣхъ душевныхъ изліяній, съ которыми Гриммъ обращается къ Екатеринѣ, забывая, что чѣмъ искреннѣе и сильнѣе преданность, тѣмъ менѣе человѣкъ будетъ безпрерывно толковать о ней тому, къ кому она относится. Но это любимая его тема“,—и, вѣроятно, бывшая очень благодарной для него, по своимъ результатамъ...

Гриммъ въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ возвелъ лесть въ какой-то культъ идолопоклонства и въ ея выраженіи является своего рода виртуозомъ, не имѣющимъ соперниковъ.

„Государыня!—обращается онъ въ своемъ первомъ письмѣ къ Екатеринѣ:—Съ тѣхъ поръ, какъ ваше императорское величество осыпали щедротами одного изъ знаменитѣйшихъ философовъ Франціи, всѣ занимающіеся литературой и мыслящіе люди, въ какой бы части Европы они ни жили, начали считать себя вашими подданными. Самые темные изъ нихъ, какъ и самые извѣстные, осмѣлились увѣриться, что и они прямые участники въ покровительствѣ вашего императорскаго величества“...

„Итакъ, я съ полнымъ довѣріемъ повергаю свои благоговѣйныя чувства къ стопамъ вашего императорскаго величества!“

Несмотря, однако, на „благоговѣйныя чувства“ и на принятіе вѣрноподданничества, Гриммъ весьма политично и разсчетливо отказался вступить въ русскую службу, когда ему она была предложена. Но онъ продолжаетъ называть Екатерину „моей славной монархиней“, „милостивѣйшей и sississississime императрицей, говоря языкомъ Паэзіелло“, празднуетъ дни ея тезоименитства, вступленія на престолъ, коронаціи и проч., называетъ себя „добрымъ русскимъ“, а государыню „предметомъ гордости моей и всей имперіи“, говоритъ, что „три четверти“ его самого живутъ въ Петербургѣ и проч. Въ одномъ письмѣ онъ извѣщаетъ: „Я отпраздновалъ возвращеніе государыни, ея счастливое возвращеніе въ Царское Село, а черезъ девять дней я отпраздную восшествіе. Это явная выгода и я запою во все горло: Боже! храни нашего Императора всероссійскаго!..“

Наконецъ, въ своемъ льстивомъ „вѣрноподданничествѣ“, Гриммъ не останавливается даже предъ кощунствомъ. „Всѣ минуты моей жизни — восклицаетъ онъ,—посвящены вамъ; я, какъ тѣнь, никогда не покидаю васъ; любовь моя, признательность, мои пожеланія всюду васъ сопровождаютъ, и какого прекраснаго мѣста могъ бы я ожидать на небѣ, если бы когда нибудь былъ въ состояніи посвятить Богу хоть десятую часть любви, которою я сгораю къ императрицѣ.“

Въ другомъ письмѣ (23-го апрѣля 1781 г.), онъ пошелъ еще далѣе въ этомъ отношеніи. Посылая Екатеринѣ собраніе камеевъ, Гриммъ жалѣетъ, что въ ихъ числѣ нѣтъ „профиля одной изъ великолѣпнѣйшихъ головокъ, какія удалось Всемогущему токарю выпустить изъ своей мастерской, съ тѣхъ поръ, какъ онъ занимается выдѣлкой головъ вкривь и вкось. Оттого увѣряютъ, что когда онъ увидѣлъ свое произведеніе, онъ тотчасъ принялъ важный видъ бургомистра дармштадтскаго, щелкнулъ по своей табакеркѣ, взялъ щепотку табаку, съ самодовольной и самоувѣренной миной, и сказалъ покашливая: „Да, да, изъ этой головки выйдутъ чудесныя дѣла впродолженіе XVIII столѣтія по Р. Хр.“

Даже весьма снисходительная къ Гримму редакція нашла эту отчаянную, богохульственную лесть—„несовсѣмъ умѣстной шуткой“. И такихъ „шутокъ“, сплетенныхъ для болѣе фигурнаго и утонченнаго куренія ѳиміама, въ письмахъ Гримма немало... Напр., въ одномъ письмѣ онъ говоритъ безъ обиняковъ, что Екатерина „для насъ, протестантовъ,—высшее Евангеліе.“

Хорошо изучивъ слабыя стороны характера Екатерины, Гриммъ постоянно мѣтитъ на нихъ, постоянно льститъ ея тщеславію и самолюбію. Онъ, напр., весьма часто называетъ ее „греческой императрицей“, очень хорошо зная, конечно, честолюбивыя мечтанія Екатерины о завоеваніи Византіи. Точно также зная, что Екатеринѣ очень льститъ слава мудраго государя, великаго администратора и законодателя, Гриммъ пишетъ, что она считается „благодѣтельницей не только своихъ подданныхъ, но и всѣхъ народовъ на землѣ, допущенныхъ судьбою имѣть съ ней хотя бы самыя отдаленныя сношенія“, что и „монархи и государственные люди не спускаютъ съ нея глазъ, стараясь уловить тайну ея политической мудрости.“

Екатеринѣ, конечно, нравилось это обожаніе со стороны Гримма, но она, кажется, хорошо понимала его и умѣла эксплоатировать для своихъ видовъ. Въ одномъ письмѣ къ нему она откровенно очерчиваетъ основную черту его характера: „Я давно знаю,—пишетъ она ему,—что нѣтъ для васъ большаго счастья, какъ если подлѣ васъ, поблизости, съ боку, впереди или позади, находится какое нибудь германское высочество“. Наконецъ, не взирая на свою слабость къ лести, Екатерина не разъ даетъ замѣтить Гримму, что его преувеличенныя хвалы претятъ ей. „Развѣ можно такъ хвалить людей?“—укоряетъ она его въ одномъ письмѣ.—„Вы прослывете за отъявленнаго льстеца, да оно и похоже!...“ „Знаете ли, что похвалы никогда не приносили мнѣ пользы, но когда начинали меня злословить, я съ гордою самоувѣренностью говорила о себѣ въ насмѣшку хулителямъ: отмстимъ имъ, уличимъ ихъ во лжи!...“

Въ 34-мъ томѣ „Сборника“ особенное вниманіе заслуживаютъ матеріалы, посвященные исторіи возникновенія первыхъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей. Начало этихъ сношеній было положено въ первые годы XVII столѣтія, съ избраніемъ на царство Михаила Ѳедоровича, желавшаго снискать себѣ друзей въ западныхъ государяхъ. На этомъ основаніи, въ 1615 г., были отправлены посольства къ разнымъ европейскимъ дворамъ и, между прочимъ, къ французскому. Царствовавшему тогда во Франціи Людовику XIII было слишкомъ много хлопотъ у себя дома, чтобы онъ нашелъ время и охоту сближаться съ московскимъ царемъ. Но, спустя нѣкоторое время, король вспомнилъ о московскомъ посольствѣ и отправилъ своего посла въ Москву, который и заключилъ съ нею въ 1630 г. торговый дружественный договоръ. Съ этого времени начались довольно частыя сношенія французскаго кабинета съ московскими государями. Во Франціи являлась даже мысль имѣть своего постояннаго представителя при московскомъ дворѣ—мысль, осуществившаяся, впрочемъ, не ранѣе дней Петра I. Изъ документовъ, относящихся къ царствованію Петра, особенно любопытны записки и донесенія французскихъ дипломатическихъ агентовъ, бывшихъ въ Петербургѣ, а также сопровождавшихъ царя въ бытность его во Франціи. Всего интереснѣе мемуары комиссара Лави, жившаго въ нашей молодой столицѣ въ исходѣ второго десятилѣтія минувшаго вѣка. Онъ сообщаетъ много бытовыхъ и нравоописательныхъ данныхъ, а также касающихся лично Петра и его семейства.

Всего же цѣннѣе для историка свѣдѣнія Лави о розыскѣ и судѣ по дѣлу царевича Алексѣя. Въ этомъ дѣлѣ всѣ симпатіи Лави на сторонѣ Петра, и онъ радуется смерти царевича, какъ желанному исходу „для возстановленія общественнаго спокойствія и разсѣянія опасеній по поводу угрожавшихъ зловѣщихъ событій.“ О смерти Алексѣя онъ говоритъ не много и, кажется, искренно вѣритъ въ ея естественность. Вотъ какъ разсказываетъ онъ о ея моментѣ:

„Его величество былъ у царевича съ 120 судьями... Лица эти, прочитавъ 18-й, 19-й, 20-й и 21-й стихи изъ Второзаконія, относящіеся до неповиновенія дѣтей отцу и матери, произнесли ему смертный приговоръ. Тогда онъ, опомнившись, сталъ умолять отца простить ему его преступленія, сознавая, что онъ оскорбилъ величество Божіе и царское и утверждая, что горько въ томъ раскаивается. Царь, повѣривъ ему, простилъ его, заливаясь горькими слезами, причемъ плакали и всѣ присутствовавшіе; Алексѣй объявилъ, что если онъ, по милости Божіей, поправится отъ болѣзни, то не желаетъ жить, сознавая, что достоинъ смерти и, чувствуя ея приближеніе, проситъ, чтобы помолились о его душѣ. Когда царь удалился, то царевичъ послалъ за нимъ, прося его возвратиться. „Къ чему?“ возразилъ царь, „я его уже простилъ.“ Баронъ Шафировъ убѣдилъ его исполнить просьбу сына, но, идя къ нему, онъ встрѣтилъ посланнаго съ извѣстіемъ, что тотъ уже умеръ.“

Очевидно, Лави былъ мало посвященъ въ ходъ этого печальнаго событія. Въ отзывахъ Лави о самомъ Петрѣ—о его характерѣ, умѣ и правленіи—много хвалебнаго и даже восторженнаго. Онъ удивляется простотѣ его жизни и тому, что царь „появляется въ народѣ, какъ частное лицо, и что каждый изъ его придворныхъ имѣетъ бо́льшую свиту, чѣмъ онъ“; хвалитъ его правосудіе, его мудрость и особенно много распространяется о дальновидныхъ заботахъ царя, чтобы начатое имъ преобразованіе Россіи не заглохло послѣ его смерти. По словамъ Лави, царь серьезно опасался, что его любимый Петербургъ, послѣ его смерти, будетъ преданъ запустѣнію. Чтобы предупредить это, „государь принуждалъ своихъ дворянъ производить здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) крупныя затраты на постройку домовъ и отдавать своихъ дѣтей на службу въ его флотъ, чтобы, такимъ образомъ, частный интересъ дворянъ побуждалъ ихъ и послѣ него не ослабѣвать въ совершенствованіи его плановъ...“

Мих. Н—евичъ.

Вѣнокъ царю-великомученику, государю императору Александру II Благословенному. Стихотворенія простолюдина Г. М. Швецова. Спб. 1882 г.

Большія событія вызываютъ живыя отношенія къ нимъ со стороны народныхъ поэтовъ, которые, однако, часто негодуютъ, что произведенія ихъ принимаются, будто бы, не такъ, какъ бы слѣдовало по ихъ достоинству. Многіе изъ нихъ приписываютъ это прямо недостатку патріотизма въ образованныхъ классахъ. Такіе толки, разумѣется, очень несправедливы, но очень упорны, и въ минувшемъ траурномъ году они имѣли для себя много времени и мѣста. Послѣ событія 1-го марта было написано очень много горячихъ патріотическихъ брошюръ, которыя претендовали попасть въ народныя школы, но не

нашли туда пути потому, что министерство народнаго просвѣщенія признало ихъ неудобными по крайнему несовершенству ихъ литературной обработки. Люди непонимающіе образовательнаго дѣла на это сугубо жаловались и негодовали, а между тѣмъ въ суть дѣла все-таки не вникли, и день печальной годовщины опять вызвалъ произведенія въ томъ же родѣ, т. е. горячія, но столь плохія, что ихъ совсѣмъ нельзя считать литературою. Крупнѣйшее изъ новыхъ произведеній къ 1-му марта 1882 года изготовилъ „простолюдинъ Швецовъ". Онъ разсказываетъ въ стихахъ про „звѣрей паршивыхъ", которые влекутъ народъ „подъ иго тяжкое монголовъ" (9); вспоминаетъ на выборъ разные эпизоды русской исторіи, напримѣръ, когда „Москву поляки осаждали... явился вскормленникъ ихъ гнусъ" (12); „Лилася кровь и мрачнымъ сводомъ святую Русь заволокла" (13). Разумѣется, подобный разсказъ въ плохихъ стихахъ менѣе ясенъ и менѣе полезенъ, чѣмъ тотъ же разсказъ, сообщенный простою толковою прозою, ибо изъ послѣдней всякій простолюдинъ пойметъ гораздо болѣе, чѣмъ изъ дурныхъ стиховъ, хотя бы и слѣпленныхъ его же братомъ простолюдиномъ. А каковы стихи г. Швецова—вотъ тому образчики:

„Благословясь, народъ избралъ
Себѣ на царство Михаила,
Къ нему, гдѣ жилъ онъ, въ Кострому
Тотчасъ посольство снарядили.
Страшась кровавыхъ бѣдствій, смутъ" (15).

„Не станемъ всѣхъ монарховъ русскихъ
Заслуги здѣсь перечислять:
Объ нихъ исторія большая!
Но про великаго Петра,—
Его вселенная вся знаетъ,—
Невольно здѣсь изъ-подъ пера
Строчится стихъ воспоминанья"... (18).

(Императоръ Александръ I) „Отважно всю Европу спасъ
Отъ разорителя-француза,
Войдя торжественно въ Парижъ;
Тогда какъ хитрый князь Кутузовъ
Москву зажегши, только шишъ
Наполеону въ угощенье,
За хлѣбъ-соль русскую поднесъ" (19).

Есть стихи даже не только самые плохіе въ литературномъ отношеніи, но просто невразумительные. Напримѣръ (20), въ передачѣ самаго событія убіенія читаемъ:

„Какъ пастырь добрый, шелъ онъ смѣло
Принять страдальческій вѣнецъ!
Уже съ вѣнцомъ рука висѣла
И перстъ указывалъ конецъ"...

О какой рукѣ здѣсь говорится? Конечно, надо полагать, о рукѣ Божіей,— рукѣ Провидѣнія, потому что никакой другой руки съ вѣнцомъ тутъ быть не могло, но зачѣмъ же говорить, что она „висѣла"? Откуда она могла висѣть? И развѣ это толково и вразумительно?

Гораздо лучше бы сдѣлалъ простолюдинъ Швецовъ, если бы онъ, чувствуя потребность сказать что либо людямъ одного съ нимъ умственнаго уровня, сказалъ бы это просто, какъ обыкновенно говорятъ другъ другу простые русскіе люди, а не затруднялъ бы свои мысли стиховнымъ изложеніемъ, къ ко-

торому онъ, очевидно, вовсе неспособенъ и въ стихотворствѣ ничего не понимаетъ. Отъ изложенія плохими стихами никакая мысль ничего не выигрываетъ, а всякая проигрываетъ, ибо, втискиваемая въ стиховный размѣръ, она становится только путаннѣе и тѣмнѣе. Все это и случилось съ г. Швецовымъ.

Въ „Вѣнокъ" вплетены, въ видѣ „приложеній", нѣсколько другихъ стихотвореній, гдѣ читаемъ такія мѣста:

„И что вы чаете достичь,
Какая вамъ запала дичь
Въ башки, набитыя соломой? (33).

„Въ наукѣ вы ужъ такъ зашли,
Что всѣхъ злодѣевъ превзошли.
Емелька даже Пугачевъ
И тотъ былъ лучше васъ скотовъ" (33).

Вообще, вездѣ обнаружено много горячности, но умѣнья вездѣ мало. Однакоже, это не единственная сторона, съ которой стóитъ смотрѣть на подобныя книжки,—онѣ интересны еще въ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ, какъ образчикъ взгляда грамотнаго простолюдина на государственныхъ людей. Авторъ даетъ для этого много интереснаго—ему нравятся „князь Горчаковъ, Европѣ пальцемъ пригрозившій", „Графъ Игнатьевъ, генералъ, который (въ Турціи) престолъ безбожный расшаталъ", „Черкасскій князь и Дондуковъ-Корсаковъ", „графъ Ростовцевъ", который „живъ въ памяти холопцевъ", „министръ Замятнинъ", „рожденьемъ нѣмецъ Паленъ", „Набоковъ, кажется простакъ" и „Милютинъ". Нравятся тоже и „безъ министерскихъ полномочій изъ губернаторовъ столицъ маститый старецъ Долгоруковъ", „слывущій нынѣ царскимъ другомъ Суворовъ, вѣрный русскій князь", „градоначальникъ (бывшій) Треповъ, приводившій въ страхъ и трепетъ воровъ, грабителей ночныхъ", „герой Барятинскій фельдмаршалъ и Бергъ такой же русскій маршалъ", „два графа грозныхъ Муравьевыхъ", „Черняевъ" и „Лорисъ-Меликовъ отважный, любимцемъ сдѣлавшись дѣтей", „Радецкій, Скобелевыхъ два, Тотлебенъ, кавалерійскій рыцарь Гурко, кавказцы: Гейманъ, да Лазаревъ, да Тергукасовъ", „Штоквичь, хоть чиномъ не великъ", „Барановъ, Шестаковъ, Дубасовъ". Восхвалены авторомъ также всѣ великіе князья и въ особенности его высочество Константинъ Николаевичъ, „ему особенная почесть". Получили хвалы также: „Валуевъ графъ, извѣстный всѣмъ своимъ умомъ, слыветъ онъ въ нашемъ русскомъ свѣтѣ весьма полезнѣйшимъ дѣльцомъ, да Клушинъ есть еще сенаторъ, неумолимый бичъ властей"... Что именно хотѣлъ авторъ сказать своею похвалою г. Клушину и какъ онъ понимаетъ этого сенатора—выразумѣть трудно. Но авторъ простолюдинъ довольно начитанный: онъ даже знакомъ и съ борьбами министровъ и съ газетною полемикой. Это онъ изобличаетъ въ оцѣнкѣ графа Д. А. Толстаго, который, по словамъ нашего поэта, былъ бы „почтенъ не меньше прочихъ", если бы ему не подводили какихъ-то каверзъ его сотрудники, повидимому, педагоги, которые стремились „губить дѣтей подъ напряженьемъ къ ученію всѣхъ ихъ юныхъ силъ". За нихъ, какъ выше сказано, заступился графъ Лорисъ-Меликовъ, „любимцемъ сдѣлавшись дѣтей". Развернувъ предъ читателями:

„Министровъ дѣльныхъ длинный списокъ,
Которымъ можно доказать,
Что нашъ министръ отнюдь не низокъ
И даже смѣло можетъ стать

Повыше нѣсколько министровъ
Изъ просвѣщенныхъ странъ другихъ" (64),

поэтъ-простолюдинъ указываетъ на Америку, гдѣ

„Министры крадутъ тамъ мильярды
И всѣ служебныя мѣста,
Или, по нашему, кокарды,
Даютъ за взятки подлецамъ" (73).

А потому подмѣченное гдѣ-то поэтомъ недовольство нѣкоторыхъ людей личнымъ составомъ правительства внушаетъ ему къ недовольнымъ кипучее негодованіе, которое онъ и выражаетъ въ такой формѣ (61):

„Властей, министровъ нѣтъ хорошихъ"
Не престаете вы кричать,
И ходу мало вамъ, святошамъ"...

Но кого собственно авторъ считаетъ „святошами", недовольными, что имъ мало ходу, — это съ точностію отгадать трудно, только „святоши" его, очевидно, очень сердятъ и рѣчь его къ людямъ этого сорта суровѣе, чѣмъ, напримѣръ, къ литераторамъ. Съ этими послѣдними онъ обращается какъ съ низшимъ ассортиментомъ, трепля ихъ по плечамъ за пана-брата, т. е., попросту говоря, онъ ихъ слегка гоняетъ и слегка вышучиваетъ. Впрочемъ, литераторамъ онъ посвящаетъ одно самое маленькое стихотвореніе, и то напечатавъ его на самой послѣдней страничкѣ. Все оно приблизительно въ слѣдующемъ снисходительно шаловливомъ тонѣ:

„За симъ имѣю честь,
Не бывъ ораторомъ,
Я слово молвить здѣсь
И литераторамъ".

Но слово, обращенное къ своимъ собратьямъ по перу, поэтъ высловилъ не рѣчисто, а покартавилъ кое-что съ недомолвками и закончилъ: „вы сами съ разумомъ",—

„А потому—пардонъ!
И въ заключеніе,
Всѣмъ вамъ большой поклонъ,
Мое почтеніе".

Тѣмъ и кончается „Вѣнокъ". Брошюра стоитъ въ продажѣ 25 коп. и продается „въ пользу пѣвческаго хора въ новостроющемся храмѣ на мѣстѣ умерщвленія царя-освободителя". Въ предисловіи авторъ выражаетъ увѣренность, что „всякій истинно русскій человѣкъ не пожалѣетъ уплаченнаго четвертака за эту книжку, если уже не по качеству сочиненія, то изъ христіанскаго благоговѣнія къ алтарю Господню". Подписано: „Сочинитель-самоучка", изъ чего, можетъ быть, слѣдуетъ заключить, что Г. М. Швецовъ, написавшій „Вѣнокъ", и Г. М. Швецовъ, написавшій давненько прежде этого очень несостоятельное сочиненіе по бухгалтеріи, совсѣмъ разныя лица. Этимъ устраняется сомнѣніе, которое выразилъ однажды Достоевскій, подозрѣвавшій, что подъ именемъ простолюдиновъ въ литературѣ иногда являются „ряженые"

Н. Л.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Томъ I. Спб. 1881.

Исторія русскаго крестьянства, столь долго остававшагося въ тѣни, мало-по-малу начинаетъ складываться въ нашей литературѣ. Правда, до сихъ поръ ничего цѣльнаго еще нѣтъ (если не считать очень хорошаго для своего времени, но также неполнаго, труда Бѣляева): то явится страница изъ исторіи крестьянъ XVII вѣка, то раскроется значеніе сѣверныхъ сельскихъ общинъ, то, какъ въ книгѣ г. Семевскаго, дается читателямъ цѣлый рядъ основанныхъ на трудолюбивомъ, многолѣтнемъ изслѣдованіи, картинъ эпохи наибольшаго разцвѣта крѣпостнаго права,—картинъ, мѣстами яркихъ, благодаря самому характеру сюжета, мѣстами туманныхъ, но неизмѣнно поучительныхъ для нашего времени, хотя и нельзя сказать, чтобъ изъ разсмотрѣнія экономической жизни крестьянъ въ екатерининскую эпоху можно было сдѣлать выводъ, какъ говоритъ авторъ,—„дѣйствительно ли мы двигаемся впередъ, или, напротивъ, несмотря на нѣкоторыя измѣненія къ лучшему, не происходитъ ли серьезнаго ухудшенія въ экономическомъ положеніи народа.“

Изслѣдованіе г. Семевскаго должно обнимать собственно судьбу всего русскаго крестьянства въ ту эпоху, которой, съ легкой руки казенныхъ историковъ и бардовъ былаго времени, была присвоена репутація блестящей поры, „когда вѣнчалась славою счастливая Россія“, и т. п. Впрочемъ, прошлое столѣтіе, съ самой смерти Петра I, составляетъ такой сплошь несчастный, а мѣстами и безславный, періодъ русской исторіи, что екатерининская эпоха, пожалуй, съ нѣкоторымъ основаніемъ могла считаться громкою, хотя больше съ внѣшней стороны; во внутреннихъ же отношеніяхъ это было время нерѣшительныхъ и неудавшихся, а вскорѣ и покинутыхъ, попытокъ реформъ,—время неограниченнаго господства олигарховъ, наибольшаго гнета надъ народомъ со стороны приказнаго и дворянскаго элементовъ и также—наибольшаго обособленія высшихъ сферъ, проникнутыхъ снаружи лоскомъ французской философіи, отъ простаго народа. Тѣ декораціи цвѣтущихъ деревень, какія Потемкинъ устроивалъ на пути слѣдованія Екатерины при ея путешествіи по Россіи, служатъ лучшей характеристикой отношеній тогдашней администраціи къ простому народу. Безпристрастный изслѣдователь найдетъ, безъ сомнѣнія, и въ этой эпохѣ кое-что, шедшее къ лучшему, какъ результатъ внѣшняго роста, который достался тогда Россіи. Г. Семевскій характеризуетъ избранную эпоху такимъ образомъ: „относительно крестьянъ крѣпостныхъ—окончательное закрѣпленіе власти помѣщиковъ; напротивъ, для принадлежавшихъ духовенству—освобожденіе отъ ига барщинныхъ и иныхъ повинностей въ пользу монастырей, нѣкоторыхъ церквей, архіереевъ и синода, и причисленіе крестьянъ къ государственнымъ; для дворцовыхъ—окончательный переходъ отъ барщинной системы къ оброчной, т. е. также почти уравненіе съ казеннымъ земледѣльческимъ населеніемъ; среди горнозаводскихъ—обширное волненіе въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ и затѣмъ постепенное, но медленное улучшеніе ихъ быта; для казенныхъ крестьянъ—участіе чрезъ своихъ депутатовъ въ законодательной комиссіи. Цѣлый рядъ войнъ, страшно увеличившихъ тяжесть податей, но открывшихъ новый благодатный край для колонизаціи, и наконецъ—все это освѣщено заревомъ пугачевскаго пожара“... Картина очень эффектная, хотя и въ ней, напримѣръ, опущено господство приказныхъ надъ свободными крестьянами,—господство гораздо болѣе характеризующее

положеніе послѣднихъ, чѣмъ мимолетное и безслѣдное участіе въ комиссіи. Тогдашняя и послѣдующая сатирическая литература оставила порядочный матеріалъ для опредѣленія этой стороны положенія простаго народа, да и для характеристики всего тогдашняго общества. Впрочемъ, яркимъ фактомъ въ этомъ отношеніи служитъ, на первыхъ же страницахъ книги г. Семевскаго, заявленное въ Комиссіи для составленія новаго уложенія требованіе для себя всѣми сословіями права владѣть крѣпостными людьми, присвоеннаго уже тогда одному дворянству. Тогдашній баринъ, по выраженію современнаго сатирика, хотѣлъ бы лучше вести свою родословную отъ осла или козла, чѣмъ отъ того же Адама, отъ котораго происходилъ его крѣпостной человѣкъ. Взглядъ правительства временъ Екатерины на крѣпостныхъ характеризуется, напримѣръ, тѣмъ, что имъ строжайше запрещено было подавать государынѣ челобитныя съ жалобами на своихъ помѣщиковъ, а послѣднимъ было предоставлено право ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь. Правительство, сознавая нѣкоторую не легальность своего происхожденія, какъ бы боялось вооружать противъ себя вельможъ, которые вообще послѣ Петра въ XVIII столѣтіи составляли въ Россіи политическую силу.

При такомъ отношеніи къ крѣпостнымъ правительства Екатерины II, отличавшагося, между тѣмъ, просвѣтительными стремленіями, при подобномъ же настроеніи загрубѣлаго въ невѣжествѣ и жестокостяхъ общества, въ которомъ лучшіе люди считались единицами и не были безопасны отъ преслѣдованій (по крайней мѣрѣ, въ концѣ царствованія Екатерины),—подробное изслѣдованіе судьбы крѣпостныхъ крестьянъ въ эту, наполненную противорѣчіями, эпоху пріобрѣтаетъ особый интересъ. Въ первомъ томѣ авторъ, кромѣ крѣпостныхъ, судьба которыхъ болѣе или менѣе извѣстна, разсматриваетъ еще, и притомъ исторически, разные разряды приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ, извѣстныхъ подъ названіемъ поссессіонныхъ. Эти крестьяне и мастеровые едва уцѣлѣли отъ полнаго закрѣпощенія, и то благодаря упорной борьбѣ и неоднократнымъ волненіямъ, посредствомъ которыхъ они отстаивали свои права; разумѣется, съ другой стороны, громадно было количество плетей, батоговъ и кнутовъ, израсходованныхъ на усмиреніе волновавшихся, да и вообще жизнь на фабрикахъ была нерадостна, однако жъ, въ концѣ концовъ, большею частію волненія достигали цѣли. Крайне характерно сообщаемое г. Семевскимъ отношеніе казанскихъ суконщиковъ, также недовольныхъ своимъ положеніемъ, къ нашествію Пугачева. Это былъ для нихъ удобный случай добыть себѣ льготы и закрѣпить новыя отношенія формальнымъ договоромъ. Молодежь изъ фабричныхъ передъ нашествіемъ „дѣлала попытки къ поднятію общаго вопроса“ и начинала уже свирѣпствовать, но партія старыхъ суконщиковъ, пользовавшаяся здѣсь постояннымъ уваженіемъ молодаго поколѣнія, сдерживала вспышки, склоняясь болѣе къ легальному образу дѣйствій. Между тѣмъ, обуянное страхомъ фабричное начальство, боясь бунта и мести своихъ мастеровыхъ за притѣсненія, задобривало ихъ обѣщаніями „воли“, которой не могло бы и дать, такъ какъ мастеровые были приписаны къ фабрикѣ, и прельщало разными другими обѣщаніями. „Были прекращены всѣ работы на фабрикѣ и производилась отъ владѣльца ея каждодневная даровая выдача вина и калачей“... Суконщики поддались на эту удочку и не только остались спокойными, но даже энергически защищали казаковъ отъ пугачевцевъ. „Пугачевщина кончилась, и суконщики остались въ прежнемъ положеніи“,— терпѣли жестокія наказанія и уже только въ 1849 г., при имп. Николаѣ

получили податныя льготы и права свободныхъ городскихъ обывателей. Вообще, главы о поссессіонныхъ крестьянахъ представляютъ въ изслѣдованіи г. Семевскаго наиболѣе живой интересъ.

Взаимныя обыденныя отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ хорошо рисуютъ тогдашнее безправіе, нравственную безпомощность центральной власти въ дѣлѣ внутренняго устроенія. Истязанія, какимъ подвергались отъ своихъ „господъ" крѣпостные люди, извѣстны читающему міру изъ прежнихъ изслѣдованій (книга г. Романовича-Славатинскаго и друг.); въ трудѣ г. Семевскаго эти ужасающія картины воспроизведены съ большей полнотой и сопровождаются разсказомъ объ убійствахъ помѣщиковъ крѣпостными и о волненіяхъ среди нихъ. Протестъ послѣднихъ, положимъ, не всегда являлся въ такой варварской формѣ, а въ большинствѣ случаевъ выражался побѣгами,— кстати же, завоеванія открыли для колонизаціи обширный и привольный Новороссійскій край, который въ лицѣ бѣглыхъ получилъ основу своей колонизаціи. Съ другой стороны, и звѣрское отношеніе помѣщиковъ къ крѣпостнымъ проявлялось не въ оброчныхъ, а только въ барщинныхъ имѣніяхъ, и больше тамъ, гдѣ власть принадлежала женщинамъ-помѣщицамъ. Желающіе найдутъ въ книгѣ г. Семевскаго много подробностей о „Салтычихѣ" и подобныхъ ей извергахъ. Здѣсь опять невольно бросается въ глаза крайне мягкое отношеніе къ такимъ личностямъ правительства. Екатерина либо сама невполнѣ вѣдала, какіе ужасы происходятъ подъ ея державою, либо, полагаясь на смягченіе нравовъ путемъ просвѣщенія, была безсильна принимать крутыя мѣры противъ помѣщиковъ. Послѣдніе сидѣли и въ высшихъ учрежденіяхъ, какъ въ сенатѣ, и, разумѣется—сильно защищали свои интересы. Все это, однако жъ, не оправдываетъ ни новыхъ пожалованій населенныхъ имѣній (въ которыхъ, по г. Семевскому, роздано около 338.000 душъ), ни продажи людей въ розницу, на рынкахъ, подобно скоту, что совсѣмъ плохо вяжется съ льстивыми словами французскаго философа: „c'est du nord à présent que nous vient la lumière!"

Но, помимо своего значенія для исторіи крѣпостного права и для общей исторіи екатерининской эпохи, книга г. Семевскаго представляетъ любопытныя данныя для уясненія одного изъ самыхъ живыхъ вопросовъ современнаго крестьянскаго дѣла—вопроса о сельской общинѣ и объ общинномъ пользованіи землею. Въ числѣ мнѣній, высказывавшихся въ литературныхъ спорахъ, къ какимъ повело общинное землевладѣніе, выдавалось одно, открыто враждебное этому способу землепользованія и даже объяснявшее его происхожденіе крѣпостнымъ правомъ,—вліяніемъ помѣщичьей власти, изъ-за видовъ на болѣе успѣшную уплату крѣпостными оброковъ и повинностей. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права сельская община должна была, будто бы, захирѣть и распасться. Хотя позднѣйшими изслѣдованіями это мнѣніе было опровергнуто, но дѣйствительность послѣдняго двадцатилѣтія, неблагопріятная для крестьянскаго процвѣтанія, на первый взглядъ какъ бы оправдывала дурную будущность общины. Явился еще и такой взглядъ, что сельская община не составляетъ исконнаго свойства именно русскаго народа, его своеобразной принадлежности, а встрѣчается въ извѣстный періодъ жизни народа. Необходимо было ознакомиться ближе съ общиннымъ устройствомъ, и избрали, наконецъ, путь практическаго ознакомленія съ общинными крестьянскими порядками, изслѣдованія общины на мѣстахъ, какъ она живетъ теперь. Но еще важнѣе, безъ сомнѣнія, было ея историческое изслѣдованіе, одинъ изъ краткихъ образчиковъ котораго относительно половины XVIII вѣка находимъ въ

книгѣ г. Семевскаго. Отношеніе помѣщичьей власти къ общинному устройству представляетъ особый интересъ еще въ нѣкоторыхъ частностяхъ, напримѣръ, относительно установленія новѣйшаго типа общины съ передѣлами, въ противоположность общинѣ безъ передѣловъ, остатки которой обнаружены покойнымъ Лалошемъ на сѣверѣ, въ Олонецкой губерніи, мало знавшей крѣпостное право.

Приводимыя г. Семевскимъ данныя показываютъ, что вліяніе помѣщика на установленіе передѣловъ должно признать хотя бы уже потому, что онъ могъ уменьшить и увеличить количество крестьянской земли по своему произволу, снимать и накладывать тягла, а иногда даже и прямо вмѣшивался въ распредѣленіе земли. Но разрушительному вліянію помѣщичьей власти на общинныя отношенія мѣшало больше всего то, что и сами помѣщики иногда были проникнуты народнымъ, общиннымъ міросозерцаніемъ и сами разравнивали землю между деревнями. На тѣхъ помѣщикахъ, которые въ видѣ рѣдкаго исключенія шли вопреки общиннымъ обычаямъ, останавливаться нечего, потому что народному воззрѣнію они не могли противопоставить никакого другаго цѣльнаго міросозерцанія, и ихъ самодурство не могло идти въ корень вѣковаго порядка. Иное дѣло тѣ „самозваные благодѣтели", по выраженію автора, „которые думали осчастливить крестьянъ введеніемъ подворнаго землевладѣнія и которые стали являться вскорѣ послѣ учрежденія Вольнаго Экономическаго Общества". Мотивомъ было то, что слышится нерѣдко и теперь, т. е. агрономическая невыгодность общины. Эти благодѣтели, если бы имъ дать силу, и совсѣмъ бы обезземелили крестьянъ, но, къ счастію, въ рѣшительный моментъ они отошли на задній планъ. Силою народнаго обычая должно объяснить и то, что въ русской крѣпостной общинѣ, за исключеніемъ дворовыхъ людей, не было безземельныхъ. Сравнительный методъ, принятый авторомъ, удачно освѣщаетъ разницу въ этомъ отношеніи между великорусскими и западными поземельными отношеніями. Послѣднія проникли въ Остзейскій край, Польшу, Литву и даже Малороссію, „гдѣ помѣщики разрывали связь между землей и людьми, ее издавна населявшими". Въ Великороссіи же лишь весьма немногіе помѣщики пользовались своимъ правомъ превращать крѣпостныхъ крестьянъ въ батраковъ, несмотря на то, что со стороны правительства никакихъ мѣръ противъ обезземеленія крестьянъ не принималось. Переселенія изъ одной вотчины въ другую практиковались въ широкихъ размѣрахъ, но при этомъ не порывалась связь съ землею. Народное воззрѣніе на связь крестьянина съ землею породило собою и извѣстное крѣпостное присловье крѣпостныхъ: „мы ваши, а земля наша". Но нужно было больше полувѣка, чтобъ народный взглядъ на землю получилъ осуществленіе въ принципѣ освобожденія съ землею, принятомъ при крестьянской реформѣ. Если онъ осуществился недавно—это другой вопросъ. Если бы какимъ нибудь образомъ освобожденіе крестьянъ состоялось вскорѣ послѣ Екатерины,—положимъ, при Александрѣ I,—то освобожденіе, безъ всякаго сомнѣнія, было бы безземельное. Мысль о связи крестьянина съ землею сдѣлала большіе успѣхи въ правительственныхъ сферахъ уже въ царствованіе Николая I. Тѣмъ не менѣе, на практикѣ, при Екатеринѣ, крѣпостной крестьянинъ-оброчникъ владѣлъ большимъ количествомъ земли: изысканія г. Семевскаго показываютъ, что это количество, среднимъ числомъ, было въ три раза больше противъ нынѣшняго, т. е. того, какимъ надѣлены вышедшіе изъ обязательной зависимости крестьяне. Конечно, и то должно сказать, что при крайнемъ разнооб-

разіи крестьянскаго крѣпостнаго землепользованія, при отсутствіи всякой легальной основы для такого пользованія, сравненія съ настоящимъ неизбѣжно будутъ грѣшить извѣстною гадательностью.

Гораздо болѣе благодарный матеріалъ для сравненія съ настоящимъ могутъ дать казенные крестьяне, землевладѣніе которыхъ предполагалось, въ концѣ прошлаго столѣтія, устроить опредѣленнѣе, съ выдачею крестьянамъ „десятинныхъ описей"... Но объ этомъ, безъ сомнѣнія, подробно сообщитъ г. Семевскій въ слѣдующихъ томахъ своего почтеннаго труда.

Н. С. К.

Пятидесятилѣтній юбилей е. и. в. принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Въ двухъ частяхъ. Составилъ Ю. Ѳ. Шрейеръ. Спб. 1881 г.

О юбилейныхъ сочиненіяхъ не подобаетъ говорить въ „Историческомъ Вѣстникѣ", и мы не упоминали бы о книгѣ и Шрейера, если бы она не представляла нѣкотораго историческаго интереса. Оставляя въ сторонѣ панегирическій тонъ ея, вызванный торжественнымъ настроеніемъ минуты, минуя восторженныя фразы составителя, мы не можемъ не обратить вниманія въ этой книгѣ на матеріалъ, собранный въ ней по исторіи женскаго образованія въ Россіи и по части филантропіи, дѣлу которой много послужилъ нынѣ покойный августѣйшій юбиляръ. Правда, трудъ г. Шрейера въ настоящемъ случаѣ былъ значительно облегченъ года три назадъ вышедшей „Исторіей учрежденій вѣдомства императрицы Маріи" и вмѣстѣ съ тѣмъ, значитъ, и женскихъ учебныхъ заведеній, но хроникеръ юбилея умѣло выдѣлилъ изъ этой исторіи все что сдѣлано лично августѣйшимъ покровителемъ на пользу образованія женщинъ и развитія пріютовъ. Гуманная личность покойнаго выясняется при этомъ біографическими данными о немъ и очеркомъ его дѣятельности на пользу учрежденій, которыя и своимъ возникновеніемъ, и своимъ развитіемъ, обязаны принцу П. Г. Ольденбургскому (Училище Правовѣдѣнія; свято-Троицкая Община сестеръ милосердія; женскій институтъ св. Терезіи; пріютъ принца Петра Ольденбургскаго и французскій классъ при Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ).

Вторая часть книги г. Шрейера посвящена описанію подробностей юбилейнаго чествованія принца. Адресы, телеграммы, привѣтствія,—въ ихъ числѣ есть и въ стихахъ въ видѣ гимновъ и одъ—отъ множества казенныхъ и общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, перечень юбилейныхъ преподнесеній принцу,—вотъ что составляетъ содержаніе этой части и, конечно, принадлежитъ къ категоріи матеріаловъ никѣмъ не читаемыхъ, но лишь хранимыхъ тѣмъ, кто нуждается въ подобнаго рода справкахъ. Юбилейный трудъ г. Шрейера былъ, вѣроятно, уже законченъ, когда послѣдовала, 2-го мая 1881 года, кончина принца П. Г. Ольденбургскаго, но составитель, удержавъ заглавіе книги, внесъ въ нее и описаніе послѣдняго печальнаго обряда надъ тѣломъ усопшаго. Это, разумѣется, нарушаетъ свѣтлое настроеніе, внушаемое читателю описаніемъ собственно юбилейнаго торжества и просвѣтительной дѣятельности принца. Зато всѣ, кому дорога память о личности принца, будутъ признательны составителю за полноту собранныхъ о ней свѣдѣній.

Ѳ. Б.

Альбомъ русскихъ древностей Владимірской губерніи. Рисовалъ и издалъ И. Голышевъ. Голышевка, близъ сл. Мстеры, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губ. 1881 г.

Изученіе русскихъ древностей и старины—занятіе весьма неблагодарное. Публика не поощряетъ его своею поддержкой не потому, конечно, что она, какъ полагаютъ гг. патентованные археологи, неспособна оцѣнить высокаго значенія трудовъ ихъ, а просто потому, что самые труды эти, большею частью, и по содержанію, и по изложенію, разсчитаны на исключительный интересъ спеціалистовъ. Мало того—гг. археологи старательно оберегаютъ свою дѣятельность отъ взоровъ любопытныхъ. Засѣданія нашего петербургскаго Археологическаго Общества, напримѣръ, открыты для немногихъ его членовъ — обыкновенному смертному попасть туда невозможно безъ особаго разрѣшенія административныхъ лицъ, точно занятіе Археологическаго Общества, составляютъ какую-то государственную тайну. Понятно, что нѣтъ никакихъ резоновъ укорять публику за равнодушіе къ неусыпнымъ трудамъ ученыхъ жрецовъ на пользу отечества, къ ихъ самоотверженной дѣятельности, ничѣмъ не вознаградимымъ усиліямъ и тому подобнымъ прекраснымъ качествамъ, во имя которыхъ нерѣдко предъявляютъ они претензію на почетъ и уваженіе отъ общества, а отъ правительства ждутъ наградъ и субсидій. Публика не видитъ этихъ усилій, не видитъ самоотверженія, ей предлагаютъ взамѣнъ требуемаго сочувствія, недоступные для нея, „сырые" матеріалы. Конечно, при такомъ условіи не могутъ окупаться издержки, затраченныя на изданіе „сырыхъ" матеріаловъ. Краснорѣчивый примѣръ представляютъ отчеты того же петербургскаго Археологическаго Общества. Въ 1855 году, оно, израсходовавъ на свои изданія 1065 рублей, выручило всего 7 р. 30 к.; въ 1866 г., израсходовало 2.047 р. 12 к.—выручило 61 р. 90 к., въ 1875 г., истратило 3.701 р. 9 к., выручило 48 р. 90 к.

Нѣтъ сочувствія въ обществѣ—не можетъ быть прочной поддержки и со стороны государства. Въ дѣйствительности мы и видимъ, что крупныя археологическія начинанія, имѣющія капитальное значеніе для исторіи Россіи, осуществляются у насъ или на иждивеніе августѣйшихъ особъ, или же на частныя средства. Правительственная же поддержка учрежденій, поставившихъ себѣ задачей серьезное изученіе русской старины, выражается или въ жалкихъ субсидіяхъ, которыя во всякое время могутъ быть отняты, или только въ томъ, что извѣстное учрежденіе признается терпимымъ, но нисколько не гарантировано отъ случайностей фортуны, какимъ подвержено всякое частное предпріятіе. На положеніи такого частнаго предпріятія все еще остается, напримѣръ, петербургскій „Археологическій Институтъ", несмотря на то, что въ четыре года своей дѣятельности онъ успѣлъ доказать полезность и необходимость подобнаго учрежденія. Не найдись частнаго лица, сочувствующаго дѣлу его,—и участь института была бы порѣшена въ этомъ году. Пока же дѣятельность „Археологическаго Института", благодаря поддержкѣ г. Гинцбурга, обезпечена на два года. Минуетъ этотъ срокъ, и что̀ постигнетъ тогда полезное учрежденіе—неизвѣстно.

Въ такой-то неизвѣстности, съ трепетомъ за недолговѣчность и прочность своей дѣятельности, приходится подвизаться на тернистомъ пути русскаго археолога каждому, кто хочетъ посвятить себя этому дѣлу. Мы исключаемъ, разумѣется, изъ числа археологовъ тѣхъ афернстовъ, которые

только тѣмъ и занимаются, что скупаютъ по дешевымъ цѣнамъ старинныя вещи, сбывая ихъ съ жирнымъ куртажемъ своимъ меценатамъ. Эти господа готовы простую кастрюлю выдать за какую нибудь античную каску. Не зачисляемъ въ разрядъ археологовъ и тѣхъ „знатоковъ“ и „экспертовъ“, которые, пользуясь невѣжествомъ отечественныхъ меценатовъ, выдаютъ себя за специалистовъ по части всякаго рода древностей. Имъ, какъ и аферистамъ-археологамъ, не приходится трепетать за свою дѣятельность. О долговѣчности ея они не заботятся, хорошо зная цѣну „подходящаго случая“. Да и труды ихъ не остаются безъ вознагражденія. Это, можно сказать, эпикурейцы въ русской археологической наукѣ. Насъ же интересуетъ стоическое упорство скромныхъ тружениковъ. Замѣчательно, что, при всей неблагодарности изученія отечественной старины, при всемъ равнодушіи общества къ нему, находятся стоики, съ неисправимымъ безкорыстіемъ продолжающіе безъ шума и треска свою работу на пользу науки, не щадя ни усилій, ни личныхъ средствъ. Къ числу этихъ стоиковъ слѣдуетъ отнести г. Голышева, издателя лубочныхъ картинокъ для народа. Въ своей деревенской литографіи, находящейся въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Владимірской губ., и успѣвшей принести немалую пользу мѣстному населенію, г. Голышевъ печатаетъ снимки съ собираемыхъ имъ памятниковъ древней Суздальской земли, игравшей важную роль въ историческихъ судьбахъ нашего отечества. До сихъ поръ имъ издано нѣсколько коллекцій такихъ снимковъ, о которыхъ въ свое время въ нашихъ историческихъ журналахъ даны были одобрительные отзывы (см., напр., въ „Древней и Новой Россіи“, № 11, 1876 г., № 4, 1877 г., № 5, 1878 г.). „Альбомъ русскихъ древностей“ не только достойно дополняетъ серію этихъ изданій, но и превосходитъ ихъ во многихъ отношеніяхъ; во-первыхъ, по разнообразію содержанія. Въ немъ сорокъ снимковъ съ объяснительнымъ текстомъ, изображающихъ старинные храмы Владимірской губерніи, отдѣльныя части въ нихъ, церковныя вещи, утварь, предметы домашняго обихода, знакомящіе съ ихъ производствомъ въ старину. Во-вторыхъ, „Альбомъ“ имѣетъ преимущество въ сравненіи съ прежними изданіями г. Голышева по выполненію рисунковъ. Большинство ихъ сдѣланы отчетливо, чисто, а нѣкоторые—даже художественно. Видно стараніе сохранить подлинныя черты оригинала, видно стремленіе совершенствовать техническую отдѣлку рисунковъ, при наличности лишь весьма скромныхъ техническихъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи издателя. Такіе труды, конечно, никогда не потеряютъ своего значенія для науки и техники, какъ бы ни были они несовершенны въ частностяхъ. Если же принять въ соображеніе неблагопріятныя условія, въ какихъ совершается у насъ дѣятельность археолога-собирателя, лишеннаго и прочной поддержки со стороны общества и нужныхъ средствъ, то можно смѣло сказать, что труды, подобные изданіямъ г. Голышева, при всей ихъ видимой скромности, составляютъ патріотическую заслугу предпринимающаго ихъ. Они достойны полнаго вниманія и поощренія, и мы искренно рады постановленію, не такъ давно принятому петербургскимъ Археологическимъ Обществомъ,—наградить усердіе г. Голышева серебряной медалью.

Ѳ. В.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Великопостный указъ Петра Великаго.

Мнѣ до сихъ поръ не приводилось ничего читать въ печати о весьма характерномъ распоряженіи Петра Великаго, извѣстномъ мнѣ изъ нижеслѣдующаго документа.

Привожу его въ подлинникѣ.

„Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской, изъ освященной духовной митрополіи кіевской консисторіи всечестному протопопу полтавскому, Евстафію Могилянскому. Въ указѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великаго государя Петра перваго императора и самодержца всероссійскаго, въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ прошлаго 1723 года, февраля 28-го дня, состоявшемся, и преосвященному Варлааму, архіепископу кіевскому, галицкому и Малыя Россіи, того же 1723 года, присланному, изображено: по его императорскаго величества указу святѣйшій синодъ, разсуждая о употребленіемъ (sic) по церквамъ въ великій постъ чтеній, согласно приговорили, вмѣсто прежняго отъ Ефрема Сирина и отъ Соборника и отъ прочихъ чтенія, читать новопечатанные букварм съ толкованіемъ заповѣдей Божіихъ, распредѣляя оныя умѣренно, дабы приходящіе въ церковь Божію, готовющіеся къ исповѣди и св. таинъ причастію люди, слыша заповѣди Божіи и осмотряяся въ своей совѣсти, лучше могли ко истинному покаянію себя приготовить. За силу коего его императорскаго величества указа того жъ 723 года, какъ для надлежащаго вѣдома и непремѣннаго по нему исполненія публиковано, а понеже духовной консисторіи извѣстно учинилося, что многіе священники не токмо въ церквахъ за силу предписаннаго его императорскаго величества указа тѣхъ книжицъ не читаютъ и людей, приходящихъ въ церковь въ великій постъ, не учатъ, но и сами, когда въ заповѣдяхъ Божіихъ вопрошеніи бываютъ, то на то и отвѣтствовать не могутъ, а слѣдовательно и порученныхъ имъ въ паству простолюдниковъ научить недѣйствительны. Того ради опредѣлено послать

указы о непремѣнномъ исполненіи по силѣ оныхъ указовъ, съ приказаніемъ, дабы всѣмъ священникамъ накрѣпко приказать, (чтобы) они не точію въ великій постъ и во всѣ воскресенія и праздничные дни по литургіи по одной заповѣди съ толкованіемъ въ приходскихъ церквахъ вычитывали, да и сами іереи, какъ нынѣ извѣстно, что въ запросахъ о заповѣдяхъ Божіихъ бываютъ безотвѣтны, (оныя) изучили бы". Указъ помѣченъ 4-мъ октября 1758 года, а подписали его „Кіево-Пустыннаго монастыря архимандритъ Никифоръ, Кіево-Выдубицкаго монастыря архимандритъ Леонтій, Кіево-Кириловскаго монастыря игуменъ іеромонахъ Венталій (sic), митрополіи кіевскія архидіаконъ (неразобрать) и канцеляристъ іеродіаконъ Петръ".

Приведенный указъ святѣйшаго синода очевидно имѣлъ общеобязательное значеніе для духовенства всей Россіи и, конечно, онъ такъ же повсемѣстно не исполнялся, какъ не исполнялся въ священной митрополіи кіевской. Въ такомъ положеніи дѣло застало и появившаяся черезъ полтораста лѣтъ „штунда", при которой „простолюдинки" обнаруживали безпокойное желаніе узнать св. писаніе, а многіе священники оказались „къ тому недѣйствительны". Не измѣнилось это положеніе и до самыхъ недавнихъ дней, когда въ министерство и оберъ-прокурорство графа Д. А. Толстаго возникъ вопросъ о дозволеніи учителямъ изъ мірянъ обучать дѣтей закону Божію въ тѣхъ сельскихъ школахъ, гдѣ священники не хотятъ или не могутъ этимъ заниматься. Такъ, намъ извѣстно, что архіепископъ Платонъ, нынѣшній митрополитъ кіевскій, въ сношеніяхъ своихъ съ бывшимъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа, г. Голубцовымъ, отозвался, что есть священники, которымъ невозможно довѣрить наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія учителями изъ мірянъ, а статистическія таблицы, находящіяся при печатномъ докладѣ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, показываютъ, что у насъ теперь законъ Божій вовсе не преподается въ 20% школъ. Отсюда явствуетъ, что „заповѣди", въ которыхъ изложены всѣ предписанія благочестивой нравственности, и теперь не читаются ни въ церквахъ, какъ этого требовалъ Петръ Великій, ни въ пятой долѣ школъ, гдѣ это было бы очень кстати и у мѣста. Вопросъ же о разрѣшеніи учителямъ изъ мірянъ учить дѣтей закону Божію тамъ, гдѣ священники не хотятъ или не могутъ этимъ заниматься, тянется безконечно и теперь, два года къ ряду, остается совсѣмъ безъ движенія по неполученію министерствомъ народнаго просвѣщенія никакого отвѣта изъ святѣйшаго синода.

Въ историческихъ интересахъ было бы весьма любопытно, если бы кто нибудь изъ знатоковъ синодальныхъ дѣлъ разъяснилъ: отмѣненъ ли вышеприведенный указъ Петра Великаго, по волѣ котораго святѣйшій синодъ „согласно приговорили" читать постомъ въ приходскихъ церквахъ заповѣди съ толкованіями, или же духовенство просто продолжаетъ втеченіе полутораста лѣтъ ослушаться высочайшей воли и указа святѣйшаго синода?

Можетъ быть, многіе изъ нынѣшнихъ духовныхъ даже и совсѣмъ не знаютъ о существованіи вышеприведеннаго указа, исполненіемъ котораго они однако оказали бы самое похвальное послушаніе святѣйшему синоду и пользу дѣлу народной нравственности и благочестію.

Кажется, это стóитъ разъясненія.

Сообщено Н. С. Лѣсковымъ.

Переписка о скрытіи запрещенныхъ книгъ.

I.

Письмо графа И. П. Салтыкова къ П. В. Лопухину [1]).

„Милостивый государь мой Петръ Васильевичъ!

„Московскій оберъ-полицііймейстеръ, господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Каверинъ, при рапортѣ своемъ представилъ ко мнѣ на сихъ дняхъ производимое здѣсь въ Таганской части слѣдствіе по случаю происшедшаго отъ московскаго мѣщанина Семена Сахарова на хозяина своего, московскаго жъ 3-й гильдіи купца Анисима Смыслова, доноса относительно до оказавшихся у него, Смыслова, въ домѣ запрещенныхъ книгъ, яко бы зарытыхъ имъ въ ящикѣ въ землю; почему и сдѣланъ былъ отъ части сей въ домѣ Смыслова обыскъ, но того ящика не найдено; а только отысканы были у него нѣкоторыя изданныя въ печать съ переводовъ французскаго языка книги, какъ-то: жизнь и описаніе извѣстнаго графа Мирабо, въ двухъ томахъ; да въ томъ числѣ взята, между прочимъ, рукописная тетрадка подъ названіемъ: „Исповѣданіе вѣры честнаго человѣка, или разговоръ монаха съ честнымъ человѣкомъ", преисполненная вольнодумства противъ религіи христіанской и противная всѣмъ преданіямъ церковнымъ, относящаяся до хулы на Бога. Почему я и приказалъ тотчасъ сіе производимое въ части слѣдствіе, такъ какъ оное по существу своему до полиціи не принадлежащее, отослать въ московскую тайную экспедицію, гдѣ они объ томъ были спрашиваны, и изъ нихъ мѣщанинъ Сахаровъ показалъ, что будто въ одно время тотъ хозяинъ его, соболѣзнуя о московскомъ мѣщанинѣ Холщевниковѣ (который содержится здѣсь по магистрату по нѣкоторымъ неизвѣстнымъ ему, Сахарову, обстоятельствамъ), говорилъ, чтобы и его обыскивать не стали; ибо де онъ имѣетъ у себя запрещенныя книги, и потому, положа ихъ въ небольшой ящикъ, но сколько числомъ — не знаетъ, велѣлъ ихъ зарыть ему въ сарайчикѣ въ землю, что онъ и исполнилъ; а послѣ того вскорѣ тотъ Смысловъ безпричинно его, Сахарова, билъ, за что у него и вышла съ нимъ ссора, о которой, какъ и о тѣхъ скрытыхъ имъ, Смысловымъ, запрещенныхъ книгахъ, онъ и донесъ Таганской части частному приставу Иванову; но купецъ Смысловъ какъ въ побояхъ его, Сахарова, а равно и въ зарытіи книгъ въ землю не признался; о найденной же у него въ домѣ дерзкой тетрадкѣ показалъ, что онъ получилъ ее назадъ тому лѣтъ восемь, а отъ кого именно — не упомнитъ, которую онъ и читалъ раза съ три, но видя въ ней столь гнусныя и развращенныя мысли касательно до религіи христіанской, безъ всякаго вниманія оную бросилъ и хотѣлъ было современемъ сжечь; но не успѣлъ онъ того сдѣлать. Впрочемъ, онъ, Смысловъ, никакихъ вредныхъ замысловъ противъ вѣры и закона не имѣетъ, а содержитъ себя такъ, какъ должно быть истинному христіанину, повинуясь всѣмъ преданіямъ церковнымъ. И хотя въ семъ дѣлѣ дальнѣйшей важности и не предусматривается, какъ только единая Смыслова оплошность въ томъ, что не истребилъ той самой тетради; однако жъ, за нужное почелъ я о семъ сообщить къ вашему высокопревосходительству, а также и подлинную тетрадь

---

[1]) Фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ былъ въ это время московскимъ генералъ-губернаторомъ, а Петръ Васильевичъ Лопухинъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь, генералъ-прокуроромъ.

препроводить на разсмотрѣніе ваше, на что и буду ожидать отъ вашего высокопревосходительства увѣдомленія; а до того времени приказалъ я купца Смыслова, такъ какъ онъ человѣкъ порядочнаго поведенія, изъ подъ стражи тайной экспедиціи освободить; а чтобы онъ не отлучился изъ Москвы, приказалъ я господину оберъ-полиціймейстеру обязать его, Смыслова, подпискою.

„Графъ Иванъ Салтыковъ".

Москва. 4-го октября 1798 г.

II.

Отвѣтъ Лопухина Салтыкову.

„Милостивый государь графъ Иванъ Петровичъ!

„Получа почтенное сообщеніе вашего сіятельства, отъ 4-го сего октября, съ тетрадкою, найденною у купца Смыслова, имѣлъ я счастіе всеподданнѣйше докладывать его императорскому величеству и получилъ высочайшее повелѣніе купца Смыслова освободить и посовѣтовать ему, чтобы время, въ которое онъ занимается для чтенія пустыхъ книгъ, употреблялъ на что нибудь полезнѣйшее. Исполняя симъ высокомонаршую волю, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

„Милостивый государь! вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

„Петръ Лопухинъ".

С.-Петербургъ. Октября 16 дня 1798 г.

Сообщено **П. Я. Дашковымъ.**

Какъ понималось прежде высочайшее повелѣніе.

Въ 1851 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, я пріѣхалъ по дѣламъ службы въ г. Оренбургъ, гдѣ тогда былъ генералъ-губернаторомъ Владиміръ Аѳанасьевичъ Обручевъ. По особому его ко мнѣ вниманію, я ежедневно у него обѣдалъ.

Въ это время Владиміръ Аѳанасьевичъ былъ очень озабоченъ устройствомъ церкви въ фортѣ Александровскомъ (на Мангышлакѣ) и просилъ архіерея назначить въ эту церковь образованнаго священника.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, къ Владиміру Аѳанасьевичу является ожидаемый священникъ съ проектомъ проповѣди, которую онъ долженъ былъ сказать при освященіи церкви. Владиміръ Аѳанасьевичъ велѣлъ священнику прочитать проповѣдь. Она оказалась составленной хорошо, но въ ней, между прочимъ, было сказано: „и такъ, православные,—вы сами видите, какъ далеко проникло христіанство, и если Богу будетъ угодно, то оно еще далѣе пойдетъ".—Едва только священникъ произнесъ эти слова, какъ Владиміръ Аѳанасьевичъ порывисто вскочилъ съ мѣста и закричалъ: „Ахъ вы волтерьянецъ, красный—какъ смѣете такъ выражаться предъ солдатами! мало ли что будетъ Богу угодно — сейчасъ это вычеркните, а вмѣсто этого напишите—„и если на сіе послѣдуетъ высочайшее соизволеніе—тогда, нѣтъ сомнѣнія, христіанство проникнетъ и далѣе за Гималай въ Индію". Вольнодумство священника такъ взволновало Владиміра Аѳанасьевича, что онъ часа два не могъ успокоиться, и когда я пришелъ къ нему обѣдать, онъ все еще бѣгалъ по залѣ и твердилъ „каковы, каковы священники!"—и тутъ-то разсказалъ мнѣ о раздражившей его либеральной проповѣди священника, который впослѣдствіи повторилъ мнѣ приведенный здѣсь разсказъ.

Вотъ какъ въ прежнее время понимали высочайшее повелѣніе.

Сообщено **Г. В. Ч.**

СМѢСЬ.

Вниманію археологовъ. Въ Таращанскомъ уѣздѣ (кіевской губерніи) находится сел. Скибинцы, основанное, какъ гласитъ мѣстное преданіе, въ 1795 г. на мѣстѣ разрушеннаго татарами и гайдамаками городка, или, вѣрнѣе, замка, Ново-Брацлава. Возлѣ этого селенія въ глубокомъ оврагѣ, поросшемъ кустарникомъ, находится узкая и низкая пещера, ведущая подъ гору; стѣны пещеры покрыты, кажется, глиной, потому что довольно плотны; у входа встрѣчаются по стѣнамъ какія-то надписи; въ глубь пещеры никто не проникалъ. Существуетъ легенда, что въ этой пещерѣ скрыты сокровища, которыя охраняются „нечистой силой"; разсказываютъ, что когда-то, очень давно, находились смѣльчаки, пытавшіеся было изслѣдовать пещеру, но всякій разъ, когда они заходили слишкомъ далеко въ глубину пещеры,—оттуда раздавалось страшное хрюканье. Съ той поры никто не заглядывалъ въ пещеру. Въ самомъ селеніи также находится пещера, переднюю часть которой крестьянинъ обратилъ въ погребъ. Говорятъ, что она до того длинна, что сколько ни дѣлали попытокъ дойти до ея конца,—этого еще не удалось. Съ этой пещерой тоже связано существованіе нѣсколькихъ легендъ. Не вдалекѣ отъ с. Скибинецъ, въ с. Жидовчикѣ, показываютъ входъ въ погреба или, какъ тамъ ихъ называютъ, „лёхи". Существованіе ихъ обнаружено обваломъ, который и служитъ входомъ. Преданіе говоритъ, что въ этихъ погребахъ скрытъ громадный кладъ и, по словамъ старожиловъ, прежніе владѣльцы этого селенія хотѣли было овладѣть этимъ кладомъ, но погреба оказались безконечно длинными и съ такимъ множествомъ извилистыхъ узкихъ проходовъ и широкихъ галерей, что нѣкоторые смѣльчаки не возвратились съ поисковъ, а теперь никто не рѣшается слишкомъ далеко углубляться въ этотъ лабиринтъ изъ боязни заблудиться. Наконецъ, въ с. Кашперовкѣ, расположенной верстахъ въ 4-хъ отъ Скибинецъ, скрыта, нужно полагать, другаго рода рѣдкость—скелетъ мамонта или другаго крупнаго вида животнаго. Въ этомъ предположеніи убѣждаетъ слѣдующій случай: крестьянинъ рылъ колодезь; на глубинѣ 3-хъ аршинъ онъ наткнулся на что-то твердое и плоское; предполагая, что это доска, онъ сталъ рубить ее, но тогда только убѣдился, что это громадная плоская кость. Желая вынуть ее, или по крайней мѣрѣ обойти, онъ сталъ рыть въ сторону, но оказалось, что рядомъ съ этой костью лежала другая, такая же громадная, но уже круглая; тогда онъ сталъ рыть въ противоположную сторону, но и тамъ оказалось нѣсколько костей. Крестья-

чинъ, находя невозможнымъ вырыть на этомъ мѣстѣ колодезь, засыпалъ яму. Онъ разсказалъ объ этой находкѣ мѣстному священнику, который оказался на столько нелюбознательнымъ, что ограничился только замѣчаніемъ: „это, должно быть, допотопный звѣрь". Этотъ „звѣрь" такъ и оставленъ въ покоѣ.

Новое историческое изданіе. Въ кіевской университетской типографіи, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, въ настоящее время печатается изданіе (предположенное въ 4-хъ выпускахъ), которое будетъ заключать біографіи сорока выборныхъ малороссійскихъ гетмановъ, съ ихъ портретами. Всѣ біографіи, за исключеніемъ Богдана Хмѣльницкаго, составлены профессоромъ В. Б. Антоновичемъ. Издатель этого труда, профессоръ В. А. Бецъ, изготовляетъ его въ двухъ форматахъ: въ 8-ю д. листа по цѣнѣ общедоступной, и въ 4-ю долю листа для любителей роскошныхъ изданій.

Дворецъ Габсбурговъ. Въ непродолжительномъ времени Вѣна должна украситься новымъ великолѣпнымъ зданіемъ: предположено возобновить или, правильнѣе, перестроить и увеличить старинный императорскій дворецъ, извѣстный подъ именемъ „Бурга" или „Гофбурга". Проектъ и планы этой грандіозной постройки, составленные извѣстными вѣнскими архитекторами Земперомъ и Газенауеромъ, уже утверждены императоромъ, признавшимъ возобновленіе стараго дворца тѣмъ болѣе желательнымъ и даже необходимымъ, что, въ сравненіи съ возникшими въ послѣдніе годы въ сосѣдствѣ Гофбурга превосходными зданіями, Гофбургъ имѣетъ видъ огромной казармы, лишенной всякаго архитектурнаго достоинства. Нынѣшній дворецъ, всегда бывшій любимымъ мѣстопребываніемъ императоровъ изъ дома Габсбурговъ, построенъ въ XIII вѣкѣ. Это—огромное соединеніе массивныхъ зданій неправильной формы, лишенныхъ всякаго единства въ архитектурномъ отношеніи. Въ той части дворца, которая называется „леопольдовскою половиною", находятся собственные покои императора и императрицы, большая зала для парадныхъ придворныхъ баловъ и придворная капелла св. Михаила. Въ зданіи, выходящемъ на площадь Іосифа (Iosephsplatz), помѣщаются залы „редута", гдѣ обыкновенно даются придворные маскарады, зимній манежъ, великолѣпная галерея, въ которой засѣдалъ, въ 1848 году, австрійскій парламентъ, а также кабинетъ естественной исторіи и большая императорская библіотека, заключающая въ себѣ около 16.000 манускриптовъ и до 300.000 томовъ печатныхъ книгъ, въ томъ числѣ 12.000 инкунабулъ. Рядомъ съ другими библіографическими рѣдкостями тутъ, между прочимъ, хранится знаменитая „Псалтырь" 1457 года, отпечатанная Шефферомъ и Фаустомъ, и самое старинное изданіе „Biblia Pauperum" 1430 года. Вообще, въ императорскомъ Гофбургѣ есть множество рѣдкостей, которыя весьма мало извѣстны, по причинѣ трудности къ нимъ доступа. Такъ, въ одномъ изъ предназначенныхъ къ сломкѣ отдѣленій дворца находится весьма интересный кабинетъ древностей и медалей. Въ этомъ кабинетѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ знаменитый камей, изображающій апоѳеозу императора Августа. Камей былъ найденъ въ Іерусалимѣ, въ эпоху Крестовыхъ походовъ, и купленъ императоромъ Рудольфомъ II за 12.000 дукатовъ. Здѣсь же хранится хорошо извѣстная всѣмъ любителямъ, по копіямъ и рисункамъ, золотая солонка, сдѣланная Бенвенуто Челлини для французскаго короля Франциска I; ручка шпаги, принадлежавшей Карлу V, работы Челлини, и великолѣпный камей „Леда съ лебедемъ" того же мастера. Въ такъ называемой „Шацкаммеръ" (Schatzkammer), одномъ изъ самыхъ богатыхъ собраній рѣдкостей въ цѣломъ мірѣ, посѣтителямъ, допускаемымъ въ небольшомъ числѣ, по билетамъ, въ извѣстные дни, показываютъ корону, скипетръ, державу и мечъ императора Карла Великаго, которые и теперь еще употребляются или, по крайней мѣрѣ, фигурируютъ при коронаціяхъ австрійскихъ императоровъ; корону и мечъ Рудольфа II; парадныя одежды Наполеона I, служившія при коронаціи его королемъ итальянскимъ; карету, сдѣланную городомъ Парижемъ для сына Наполеона — римскаго короля; его колыбель и проч. Тутъ же сохраняется знаменитый брилліантъ, принадлежавшій Карлу Смѣлому, вѣсомъ болѣе 17 граммъ и оцѣненный въ полтораста тысячъ дукатовъ. Какъ извѣстно, послѣ сраженія при Грандсонѣ, онъ былъ найденъ какимъ-то швейцарскимъ ландскнехтомъ и проданъ имъ за 16 флориновъ. Очень интересны также ожерелье ордена „Золотаго Руна" императоровъ австрійскихъ, состоящее изъ ста-пятидесяти большой величины брилліантовъ, чередующихся

съ золотыми изображеніями святыхъ; сабля Тимура и т. д. Часть Гофбурга, которая подлежитъ сломкѣ прежде другихъ, идетъ вдоль императорскаго сада, какъ разъ противъ Фольксгартена, и простирается до Рингштрассе. Какъ только эта часть будетъ перестроена, немедленно приступятъ къ сломкѣ стараго придворнаго театра и соприкасающихся съ нимъ зданій, выходящихъ на площадь св. Михаила. Главный фасадъ новаго дворца будетъ выходить на Рингштрассе. Онъ будетъ заключать въ себѣ два громадныя зданія, приходящіяся параллельно съ недавно воздвигнутыми двумя музеями, и сохранитъ тотъ же стиль, что̀ и музеи. Въ парадномъ дворѣ, между этими двумя главными корпусами, будутъ возвышаться монументы принца Евгенія Савойскаго и эрцгерцога Карла—героя битвы при Аспернѣ. Придворныя конюшни тоже предположено передѣлать. Онѣ получатъ новые фасады въ стилѣ возрожденія и украсятся монументальными аркадами. Всѣ перестройки предполагается окончить втеченіе не болѣе десяти лѣтъ; по первоначальной смѣтѣ, онѣ потребуютъ восемнадцать милліоновъ гульденовъ, изъ которыхъ десять милліоновъ покроются городомъ Вѣною, а восемь милліоновъ будутъ отпущены изъ дворцоваго казначейства.

Эпиграммы В. И. Аскоченскаго. В. А. Васильевъ, близко знавшій В. И. Аскоченскаго, помѣстилъ въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ нѣсколько нигдѣ не напечатанныхъ эпиграммъ издателя „Домашней Бѣсѣды“, въ которыхъ осмѣиваются духовные журналы, издававшіеся у насъ въ шестидесятыхъ годахъ. Эпиграммы эти не лишены юмора, которымъ несомнѣнно обладалъ ихъ авторъ.

КОНФЕКТНЫЕ БИЛЕТЦЫ

нѣкоторымъ духовнымъ журналамъ.

1. Страннику и его исчадію—**Современному Листку.**

Грядущаго взыскуя града,
Нашъ пилигримъ дорогу потерялъ,
И прижитое имъ же чадо
Себѣ въ поводыри онъ взялъ.

2. Православному Обозрѣнію.

Что-жъ, православію онъ что ли обучаетъ?
Ничуть! По сторонамъ онъ только лишь зѣваетъ.

3. Православному Собесѣднику.

У, братецъ мой, да какъ ты старъ!
И шрифтомъ, и умомъ отсталъ!

4. Духовной Бесѣдѣ.

Юмористическій журналъ:
Онъ съ шестьдесятъ втораго года
Преподаетъ всѣмъ на-поваль
Благословенія синода.

5. Духовному Вѣстнику.

О чемъ же Вѣстникъ сей вѣщаетъ?
О томъ, что живъ, не умираетъ,
И все воды движенья чаетъ.

6. Духу Христіанина.

Намъ заповѣдано и духи различать,—
Но какъ же различать?—желательно бы знать.
Да просто: нюхайте! Когда благоухаетъ,
Такъ это ужъ не тотъ, который лишь воняетъ.

7. Христіанскому Чтенію.

Есть на Руси журналъ, сѣдой и очень важный,
Домъ занимаетъ онъ старинный, двухъ-этажный.
Вверху живутъ ума и смысла корифеи,
Внизу—поденщики и буйные лакеи.

8. Воскресному Чтенію.

Посредствомъ Вольтова столба
Тебя воздвигнулъ Иннокентій,
Но не у всѣхъ достанетъ лба
Аристотеля Фьоравенти.
Какъ тотъ, такъ точно и другой,
Пестрили дѣло, какъ попало,
А ты, любезное, и той
Уловки ихъ не позаняло.

Изъ записной книжки русскаго библіографа.

I.

(По поводу одного изъ „Воспоминаній“ г. Усова).

Среди „Воспоминаній“ П. С. Усова, напечатанныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1882 г., кн. 2), встрѣчается небольшая десятая глава; она занята игривымъ стихотвореніемъ—„Послѣдній изъ дворянъ“ и слѣдующими объяснительными строчками составителя „Воспоминаній“: „Манифестъ 19-го февраля 1861 года вызвалъ присылку въ редакцію „Сѣверной Пчелы“ множества стихотвореній по поводу этого великаго для гражданской жизни Россіи событія. Одинъ неизвѣстный авторъ прислалъ мнѣ стихотвореніе—„Послѣдній изъ дворянъ“, которое въ то время цензурою не могло быть разрѣшено. Если я не ошибаюсь и если наведенныя мною справки не пропустили какого либо сборника или періодическаго изданія, то это забавное стихотвореніе и донынѣ нигдѣ не появлялось на свѣтъ“.

Такое объясненіе автора „Воспоминаній“ приходится считать неосновательнымъ. Не смотря на строгость прежней цензуры, еще за годъ до освобожденія крестьянъ, стихотвореніе „Послѣдній изъ дворянъ“ было доведено чрезъ печатный станокъ до свѣдѣнія внимательныхъ русскихъ читателей: оно появилось на страницахъ „Московскаго Вѣстника“ (1860 г., № 3, отъ 23-го января, стр. 42—43) подъ заглавіемъ: „Послѣдній изъ могиканъ, подражаніе Беранже“, и за подписью: „Шу—ъ“ (Шумахеръ?). Притомъ, какъ можно думать, въ руки г. Усова попала даже плохая рукописная копія этихъ стиховъ: въ ней, кромѣ мелкихъ перемѣнъ въ словахъ, шестой куплетъ взываетъ къ „отцу Макару“, между тѣмъ слово „мѣлу“, по закону риѳмы, требуетъ обращенія къ „отцу Маркелу“, какъ и напечатано въ „Московскомъ Вѣстникѣ“.

Дмитрій Языковъ.

слѣдній случай увидѣть отца и, очень вѣроятно, что онъ имѣетъ сообщить мнѣ что нибудь важное. Наконецъ, я рѣшилась отправиться въ путь и, поручая тетушку попеченіямъ Канта, я просила ее постараться проникнуть къ ней въ темницу и передать отъ меня, что самымъ сильнымъ побужденіемъ къ моей отлучкѣ была надежда принести ей вѣрныя вѣсти объ отцѣ; затѣмъ, простившись съ Канта, я послѣдовала за своей незнакомкой, не зная даже, куда она меня ведетъ. Я нарочно не дѣлала ей ни одного вопроса въ присутствіи горничной и только послѣ ея удаленія я узнала, что мы отправляемся въ Фонтэнъ,—красивое село на берегу Соны, верстахъ въ осьми отъ Ліона; но мы не пошли вдоль берега, а черезъ Красный Крестъ. Маленькая Дріета (уменьшительное отъ Доротея) предлагала мнѣ сѣсть на осла на ея мѣсто, но я не воспользовалась этимъ предложеніемъ, замѣтивши, что дѣвочка очень устала. Темнота, дождь и моя тяжелая обувь дѣлали для меня это путешествіе очень тяжелымъ. Дорога, весьма неровная, была мнѣ совершенно неизвѣстна; мы шли очень медленно. И всѣ эти препятствія только усиливали нетерпѣніе моего сердца. Это село, куда мы прибыли уже очень поздно ночью, казалось мнѣ на краю свѣта. Наконецъ, мы достигли цѣли; я стала различать во мракѣ дома; мы проходили по улицамъ; вотъ оселъ остановился. „Здѣсь!" сказала добрая женщина; „вы увидитесь сейчасъ съ отцомъ". Мы вошли, но его не было внизу. „Поднимитесь наверхъ", говорятъ мнѣ, „вы тамъ найдете его". Я вхожу наверхъ; какая картина представляется моимъ взорамъ! Какъ жаль, что я не могу нарисовать ея! Я остановилась въ дверяхъ неподвижно, онѣмѣвъ отъ удивленія.

Молодая и хорошенькая крестьянка поддерживала на своихъ рукахъ женщину во всемъ блескѣ молодости и красоты, которая, повидимому, въ эту самую минуту, въ судорожномъ припадкѣ, бросилась съ своей постели. Длинные черные волосы, разсыпаясь, въ безпорядкѣ падали чуть не до полу съ ея прекрасной головы, откинутой назадъ и покоившейся на рукѣ молодой дѣвушки; яркій румянецъ покрывалъ ея щеки: то было послѣднее усиліе угасавшей жизни. Взоръ ея прекрасныхъ глазъ уже помутился. Магдалина, такъ звали молодую крестьянку, плакала. Она любила ее, видѣла, что она умираетъ и едва была въ силахъ поддерживать это драгоцѣнное бремя. Передъ этими двумя женщинами стоялъ старикъ крестьянинъ, держа въ рукахъ тазъ съ водою; лампа, стоявшая на полу, отчетливо освѣщала эту трогательную группу, состоявшую вслѣдствіе стеченія разныхъ обстоятельствъ изъ столь чуждыхъ другъ другу лицъ!

Этотъ старый крестьянинъ былъ мой отецъ. Глубокое волненіе словно пріостановило во мнѣ жизнь и сдерживало мою радость снова видѣть отца. Моя проводница, которую при мнѣ называли теткой Шозьеръ, подошла къ больной, и обративъ вниманіе моего отца на то, какъ я вся промокла и устала, предложила ему сойти со мною

внизъ. Тутъ я усѣлась передъ пылающимъ каминомъ возлѣ отца и прежде всего мы стали говорить о тетушкѣ. Онъ хотѣлъ все знать, а я, съ своей стороны, очень желала слышать, что съ нимъ было. Наша краткая разлука давала пищу безконечнымъ разсказамъ. Мы просидѣли очень долго въ этой задушевной бесѣдѣ. Наконецъ женщины сошли внизъ отъ больной, которая заснула, и занялись приготовленіемъ къ ужину; это затянулось за полночь; пора было подумать о ночлегѣ.

Этотъ важный вопросъ, довольно трудный для разрѣшенія, стали обсуждать сообща: людей было больше, чѣмъ постелей. Я хотѣла провести ночь, сидя у камина, но отецъ мой ни за что не соглашался на это; было рѣшено, что я отправлюсь наверхъ въ комнату больной m-lle де-Соріакъ и лягу на постели, гдѣ обыкновенно спала Магдалина съ своей маленькой сестрой. Эту дѣвочку уложили на мѣшкѣ съ сухими листьями. Добрые хозяева, которые сами въ эту ночь вовсе не ложились, заставили отца лечь на ихъ кровати, а я отправилась наверхъ. Теперь m-lle де-Соріакъ лежала на полу, гдѣ ей постлали изъ опасенія, чтобы въ новомъ припадкѣ конвульсій она не упала съ кровати. Я вошла тихонько, чтобы не разбудить ее. Какой-то молодой человѣкъ, по имени г. Александръ, взошелъ наверхъ вмѣстѣ со мною; ему нужно было проходить этой комнатой въ свою маленькую каморку, отдѣленную одной только перегородкой. Проходя онъ остановился возлѣ жаровни, поставленной здѣсь для меня, и глядя на больную, которая лежала на боку такъ, что лица ея не было видно,—сказалъ мнѣ: — „Она умретъ въ эту же ночь, я это вижу; какъ жаль, что мнѣ некуда отсюда уйти на ночь. Я не могу вынести одной мысли объ этихъ стонахъ, о всей тревогѣ и шумѣ, которые придется слышать. Я не люблю смерти! ахъ, нѣтъ, я не люблю смерти!“—„Чего вамъ бояться?“ возразила я ему. „Я стою у вашей двери и буду оберегать васъ!“ И онъ вошелъ въ свой уголокъ; а я легла какъ можно тише, чтобы не разбудить больной, голова которой почти касалась моей кровати. Едва только я притихла, какъ добрыя крестьянки, полагая что я заснула, прикрыли мнѣ лицо платкомъ, поставили лампочку возлѣ m-lle де-Соріакъ и принялись вполголоса читать заупокойныя молитвы. Тутъ я поняла, какимъ сномъ она покоилась.

Добрая старушка Шозьеръ побоялась, сказавши правду, испугать меня; платокъ, наброшенный мнѣ на лицо, долженъ былъ скрыть отъ меня это печальное зрѣлище; понадѣясь, что усталость дастъ мнѣ глубокій сонъ, благочестивыя женщины поспѣшили своими молитвами отдать послѣдній долгъ той, которая только что испустила дыханіе и которую онѣ такъ любили. Помолившись съ горячимъ усердіемъ, онѣ встали и тихонько ушли.

Сознаюсь, я была сильно взволнована мыслью, что смерть такъ близко отъ меня и я совершенно одна. Глубокая тишина и уедине-

ніе, слабый свѣтъ лампы, невольный ужасъ живаго существа при видѣ разрушенія,—все это наполняло душу мою какимъ-то священнымъ трепетомъ. Мнѣ приходилъ на умъ страхъ моего молодаго незнакомца. Онъ боялся тревоги и шума, а вѣчный покой уже сошелъ на эту несчастную женщину. Меня какъ-то удивляла эта тихая, безмолвная смерть; каждый день раздавались громко ея удары; она поражала свои жертвы страшнымъ мечемъ; изступленные крики доносили до меня среди дня вѣсть о числѣ невинныхъ главъ, павшихъ подъ республиканской сѣкирой, а въ три часа (время, назначенное для разстрѣливанія) громкими выстрѣлами картечи изувѣчивали несчастныхъ, обреченныхъ на болѣе продолжительное мученіе; иные еще дышали, когда ихъ сваливали въ общую могилу! Я могла бы уже, кажется, привыкнуть къ смерти, а между тѣмъ она поражала меня. Здѣсь, въ этомъ тихомъ пристанищѣ, гдѣ люди, казалось, не должны умирать, смерть подкралась незамѣтно среди мрака и тишины, исполненная какой-то торжественной таинственности.

Какъ я была близка и въ то же время далека отъ этой молодой дѣвушки, которая уже познала истину и далеко унеслась отъ земныхъ страданій. Я прониклась чувствомъ благоговѣйнаго почтенія къ ней. Среди такихъ глубокихъ думъ я заснула. Ночью я проснулась и мнѣ послышалось, будто m-lle де Соріакъ шевелится. Но усталость взяла свое и я скоро опять заснула; проснувшись въ семь часовъ, я поскорѣе встала, безъ всякаго шума, остерегаясь въ своихъ движеніяхъ, чтобы не задѣть ея, какъ будто я могла нарушить ея покой,—и, ступая на кончики пальцевъ, удерживая дыханіе, я вышла изъ этой могилы!... Не знаю, могла ли бы, я теперь заснуть въ такой обстановкѣ. Но въ то время я свыклась со смертью; привычка видѣть ее вблизи отнимала у нея часть того ужаса, который она вселяетъ въ сердца; были минуты, когда я завидовала тѣмъ, кого тихая и безвѣстная кончина избавляла отъ необходимости играть роль на кровавой аренѣ казней.

У этой несчастной молодой дѣвушки были братья. Безъ сомнѣнія, они пожалѣли объ ней. Она умерла вдали отъ родныхъ, вдали отъ всего, что любила. Можетъ быть еще возможно было спасти ее,— но гдѣ же можно было у этихъ добрыхъ крестьянъ найти быстрой помощи? Извѣстно, какъ они лечатся. Магдалина горько оплакивала умершую, которую нѣжно любила, и вотъ что разсказала мнѣ про нее: въ началѣ революціи, m-lle де Соріакъ [1]) жила вмѣстѣ съ своими родителями въ ихъ помѣстьи, въ Оверньи. Толпа возставшихъ крестьянъ ворвалась къ нимъ въ замокъ, увела ее съ собой и, силою дотащивши ее до сосѣдней усадьбы ея дяди, разбойники эти съ утонченной жестокостью принудили ее собственноручно поджечь замокъ.

[1]) Не знаю навѣрно, было ли это настоящее ея имя; по крайней мѣрѣ, такъ називали ее въ семьѣ добрыхъ Шозьеръ. Прим. авт.

Послѣ этого ее привели назадъ къ родителямъ; но она потеряла навсегда разсудокъ. Эта ужасная сцена произвела на нее потрясающее, неизгладимое впечатлѣніе. Послѣ тщетныхъ попытокъ леченія, ее отправили въ Ліонъ и тамъ помѣстили въ больницу, гдѣ доктора пользовались большой славой. Ее помѣстили въ просторной комнатѣ и впродолженіе двухъ лѣтъ она пробыла здѣсь, окруженная самыми рачительными заботами. Она поправилась настолько, что отъ ея болѣзненнаго состоянія оставалась только слабость памяти. Она стала кротка и добра попрежнему. Тутъ-то доктора нашли желательнымъ, чтобъ она пользовалась свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ, и по какой-то счастливой случайности, они въ это же время познакомились съ Магдалиной, молодой крестьянкой, которая была выше своего положенія по внѣшности и совершенно выдѣлялась среди всего, что ее окружало; благородство ея души сказывалось во всемъ ея существѣ. M-lle де-Соріакъ скоро почувствовала къ ней влеченіе и доктора были очень рады помѣстить больную въ семьѣ Шозьеръ. Терроръ тяготѣлъ въ это время надъ всѣми и не было никакого слуха о лицахъ, которыя такимъ образомъ распорядились участью несчастной дѣвушки. Можно думать, что и ея семья, подобно многимъ другимъ, подверглась бѣдствіямъ, принудившимъ ее довѣрить такое трогательное и жалкое существо чужимъ людямъ, крестьянамъ, которые, правда, не требовали большаго вознагражденія за ея содержаніе, но несмотря на все желаніе, они не могли доставить ей тѣхъ удобствъ, къ которымъ она привыкла и которыхъ требовало состояніе ея здоровья. Послѣднее время она не получала никакихъ извѣстій отъ своихъ и умерла сиротливо на рукахъ крестьянки, ставшей ея другомъ.

Иногда она разсказывала Магдалинѣ о своемъ дѣтствѣ; ея память, слабая для всего остальнаго, въ этомъ случаѣ оказывалась сильной и дѣятельной; въ ней запечатлѣлись яркими чертами эти милыя воспоминанія и сердце ея снова въ нихъ обрѣтало предметы живѣйшей нѣжности. Растроганнымъ голосомъ разсказывала она о счастьи первыхъ своихъ лѣтъ, о своей любви къ матери и отцу, о дружбѣ съ братьями, о ихъ общихъ играхъ, весельи и мимолетномъ дѣтскомъ горѣ. „Запомни то, что я тебѣ говорю, Магдалина, ты должна быть моею памятью,—у меня ея такъ мало: иногда я ничего ровно не помню. Братья не забудутъ меня, какъ всѣ остальные забыли обо мнѣ. Ахъ, когда-бъ они были во Франціи! они пришли бы за мною и я вмѣстѣ съ ними скоро вернулась бы домой. Зàмокъ нашъ очень большой. И ты послѣдуешь за мной, ты будешь счастлива, мы никогда не разстанемся съ тобою. Братья мои! братья! Они вернутся! Они скоро придутъ...“ И, обративши взоры на дверь, она прерывала эти тихія жалобы лишь для того, чтобъ прислушаться, затаивъ дыханіе, не идутъ ли они; такъ она ожидала ихъ каждый день, но они не являлись. Можетъ быть, они не знали о мѣстѣ убѣжища и о пос-

лѣднихъ дняхъ сестры; а можетъ быть, ихъ уже не было на свѣтѣ— и смерть соединила ее съ ними.

Это печальное событіе привлекло много посторонних къ Шозьерамъ и заставило моего отца еще разъ удалиться. Меня вызвали было въ качествѣ свидѣтельницы смерти м-lle де-Соріакъ, но, къ счастію, я была слишкомъ молода, чтобъ служить свидѣтелемъ, и это избавило меня отъ подлога, такъ какъ мнѣ пришлось бы назваться вымышленнымъ именемъ; меня выдавали въ семьѣ Шозьеръ за одного изъ девяти выкормышей тетки Шозьеръ; бѣдствія того времени дѣлали мое пребываніе здѣсь естественнымъ. Что же касается моего отца, то, какъ только являлось подозрѣніе, что въ нашемъ селѣ будетъ обыскъ, онъ тотчасъ скрывался; пробравшись черезъ садъ и слѣдуя по уединенной тропинкѣ, ведшей за департаментъ Роны, онъ отправлялся къ сосѣднему мельнику, который уже разъ спасъ ему жизнь, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока миновала опасность. Тогда онъ возвращался къ Шозьерамъ въ Фонтэнъ, гдѣ домъ былъ гораздо просторнѣе и его присутствіе поэтому было менѣе стѣснительно для хозяевъ.

ГЛАВА X.

Молитва въ сараѣ.—Характеръ отца Шозьеръ.—Добродѣтель его жены и дочери Магдалины.—Пребываніе отца и нѣкоторыхъ эмигрантовъ въ Фонтэнѣ.—Ихъ отъѣздъ.—Я возвращаюсь въ Ліонъ и продолжаю посѣщать темницу.

Какъ скоро было всѣми признано, что я живу у своей кормилицы, мнѣ не нужно было принимать особенныхъ предосторожностей и я безъ труда получила разрѣшеніе присутствовать на вечернихъ посидѣлкахъ, чего мнѣ ужасно хотѣлось. Самыя благочестивыя женщины села собирались около семи или восьми часовъ въ сараѣ у тетки Шозьеръ, гдѣ для этого устилали полъ свѣжей соломой. Всякая приносила съ собой работу, кто пряжу, кто вязанье; однѣ сидѣли на скамейкахъ, другія просто на соломѣ. Лампа, висѣвшая на балкѣ какъ разъ по срединѣ сарая, освѣщала собраніе; тетка Шозьеръ, сидѣвшая на высокомъ стулѣ, была въ немъ какъ бы предсѣдательницей. Окончивши свою работу, послѣ благочестивой бесѣды она принималась читать какое нибудь житіе святаго; затѣмъ преклоняла колѣна, всѣ крестьянки слѣдовали ея примѣру и посидѣлки кончались общей молитвой.

Эта трогательная картина никогда не изгладится изъ моей памяти; ея патріархальная простота и теперь еще освѣжаетъ мой умъ и успокоиваетъ сердце, когда я мысленно обращаюсь къ ней. Какъ я благодарна Провидѣнію! Въ то время, когда, заброшенная судьбою, я

не слышала болѣе о Богѣ и не видѣла богослуженія, я неожиданно встрѣтила въ крестьянскомъ сараѣ такое умилительное, чистое служеніе Ему! Здѣсь религія представилась мнѣ во всемъ своемъ величіи и сдѣлалась для меня съ той минуты источникомъ радости. А какъ я въ то время нуждалась въ утѣшеніи! Я сама не знала тогда, какъ велика была милость Божія ко мнѣ. Этотъ божественный лучъ засіялъ тогда для меня, чтобы внушить мнѣ бодрость. Господь поставилъ на моей дорогѣ этихъ благочестивыхъ женщинъ для того, чтобы пролить въ мое сердце и утвердить въ немъ христіанскую любовь, надежду и вѣру! Въ простотѣ сердца, не вѣдая своей силы и исполняя свой ежедневный трудъ, онѣ внесли свѣтъ въ мою душу. Я провела восемь дней въ этомъ благословенномъ жилищѣ, гдѣ слабые и бѣдные люди употребляли всѣ свои усилія и клали всѣ свои заботы на то, чтобъ утѣшить въ несчастьи ближняго и придти на помощь нищетѣ тѣхъ, которые недавно еще были богаты и сильны.

По своему развитію, Магдалина была гораздо выше своего положенія. За ея привлекательнымъ, но робкимъ внѣшнимъ видомъ, и смѣющимся милымъ лицомъ скрывался твердый и рѣшительный характеръ; ея способности развивались вмѣстѣ съ возрастающими затрудненіями. Ей довѣряли всѣ свои тайны лица, укрывавшіяся въ домѣ ея родителей, и она руководила своими совѣтами всѣ ихъ предпріятія. Одаренная тонкимъ тактомъ и предусмотрительностію зрѣлаго возраста, она сама указывала, до какой степени можно было довѣряться ея отцу, лучше всѣхъ зная, что можетъ понять и выдержать его ограниченный умъ и трусливая натура.

Характеръ этого человѣка внушалъ намъ постоянныя опасенія. По природѣ честный и добрый, онъ охотно давалъ пріютъ изгнанникамъ; но при этомъ онъ былъ трусъ и пьяница; а когда онъ напивался, вся храбрость его тотчасъ пропадала. Онъ тайкомъ уходилъ въ кабакъ; тамъ онъ слышалъ самыя свирѣпыя революціонныя рѣчи. Его поднимали на смѣхъ за послушаніе женѣ, аристократкѣ и ханжѣ; его запугивали, увѣряя, что она подвергаетъ опасности всю семью; его подстрекали возмутиться, наконецъ, противъ ея власти. Разгоряченный виномъ и твердо рѣшившись быть у себя дома хозяиномъ, онъ по возвращеніи объявлялъ женѣ, что съ этой минуты онъ одинъ будетъ распоряжаться у себя въ домѣ, что онъ прогонитъ всѣхъ этихъ проходимцевъ, изъ-за которыхъ онъ не намѣренъ болѣе подвергать себя отвѣтственности. Бѣдная жена молчала, или старалась успокоить его ласковыми рѣчами и такой доброй улыбкой, которой я не могу описать. Потомъ, когда она думала, что разсудокъ вернулся къ мужу настолько, что онъ могъ выслушать правду, она серьезно и строго указывала ему на необходимость исполнять свой долгъ. „Вотъ—ты уже самъ наказанъ за то, что побывалъ въ кабакѣ“, говорила она ему; „ты пришелъ оттуда такой же злой, какъ тѣ, съ которыми тамъ видѣлся. Почему

ты теперь находишь причины, какихъ вчера не находилъ на то, чтобы гнать этихъ несчастныхъ пришельцевъ?—Потому, что вчера ты внималъ наущенію Божьему, а сегодня ты побывалъ въ обществѣ нечестивцевъ. Это твое доброе сердце пріютило здѣсь несчастныхъ; ты самъ хотѣлъ сдѣлать имъ добро; такъ отчего же ты хочешь перестать быть добрымъ? Мужайся, Господь видитъ, что̀ ты дѣлаешь. Онъ убережетъ тебя отъ руки злонамѣренныхъ людей, если ты самъ не устранишься отъ истиннаго пути". Послѣ нѣкотораго сопротивленія, отецъ Шозьеръ обыкновенно кончалъ тѣмъ, что сдавался на убѣдительныя рѣчи этой доброй женщины; но перемѣнчивость его настроенія отнимала у насъ и ту малую долю спокойствія, какою мы пользовались дотолѣ. Можно себѣ представить, какую тревогу подобныя сцены поднимали въ сердцѣ несчастныхъ, бывшихъ при нихъ иногда свидѣтелями и могшихъ легко пострадать отъ этого. Разъ отецъ Шозьеръ вернулся болѣе обыкновеннаго взволнованный: очевидно, онъ готовился къ серьезному объясненію, и мы съ тоскливымъ страхомъ ожидали новости, которую онъ сообщитъ намъ. „Жена", сказалъ онъ сухо, „объявлено, что нѣтъ болѣе воскресенья, оно не считается болѣе праздникомъ; теперь праздникъ—декада [1]). Я бу̀ду работать въ воскресенье, а въ день декады буду надѣвать чистую рубашку". Не могу передать, какое изумленіе овладѣло его женою; она немного помолчала, потомъ вдругъ разразилась справедливымъ гнѣвомъ и стала съ живостью укорять его за малодушіе. „Значитъ, ты боишься людей больше, чѣмъ Бога; ты стыдишься своей вѣры! Развѣ ты не знаешь, что Господь создалъ міръ въ шесть дней? Воскресенье—священный день его отдыха, а ты не хочешь почитать его! Я не знаю этой декады, этого людскаго праздника; я знаю только праздникъ Божій. Пока ты живешь со мною, я не потерплю этого. Ты будешь надѣвать свою бѣлую рубашку и хорошее платье въ воскресенье, а работать не будешь. Повторяю тебѣ, я знать не хочу мужа, который стыдится своего Бога. Я—или нечестивцы, выбирай!" Старый Шозьеръ, слишкомъ раздраженный, или смущенный для того, чтобы отвѣчать, пододвинувъ свой стулъ поближе къ камину, сталъ въ немъ раскапывать уголья, что-то ворча про себя, но не смѣя поднять глазъ, или заговорить съ кѣмъ либо изъ присутствовавшихъ. Потомъ онъ отправился къ себѣ и принялся за свое шило и башмачную работу. Буря утихала и все было мирно до тѣхъ поръ, пока дурные совѣты возбуждали новый взрывъ и новыя опасенія, снова поднимавшіе общую тревогу.

Магдалина была душой этого дома. Я уже говорила о рѣдкихъ качествахъ ея души и о ея дарованіяхъ. Она была рѣдкимъ явленіемъ въ своей средѣ. Смерть m-lle де-Соріакъ нанесла глубокую

---

[1]) Десятый день декады назывался декади, но я пишу такъ, какъ выражались эти люди. Прим. авт.

рану ея сердцу; она была искренно и горячо привязана къ этому несчастному существу, для котораго она сдѣлалась единственнымъ другомъ и опорой. Онѣ стали до того необходимы другъ другу, что не могли ни на минуту разлучиться. Хотя m-lle де-Соріакъ не была въ полномъ разсудкѣ и память ея была крайне слаба, она все же сохраняла привычки и выраженія благовоспитаннаго общества. Ея бесѣды пріучили Магдалину къ образованному языку и смягчили ея рѣчь, не лишивъ ея энергіи и простоты. Разныя другія лица, нашедшія убѣжище у нихъ въ семьѣ, также очень способствовали ея развитію. Между ними былъ молодой человѣкъ, котораго называли Александромъ; я разскажу здѣсь, что̀ узнала про него, и о томъ, какъ онъ попалъ къ Шозьерамъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ я познакомилась съ этой славной семьей, къ нимъ привели нищаго, который умолялъ впустить его только на одну ночь; никто изъ сосѣдей не могъ помѣстить его у себя и, разсчитывая на доброту тетки Шозьеръ, обратились къ ней. Между тѣмъ, первымъ ея словомъ былъ отказъ; потомъ, какъ бы одумавшись, она сказала: „Правда, уже поздно; бѣдняку пришлось бы ночевать на улицѣ! Такъ пусть ужъ онъ войдетъ; одну ночь Пьеръ можетъ поспать и на сѣновалѣ“. Пьеръ былъ дурачекъ, котораго она пріютила у себя изъ жалости и который ночевалъ въ сараѣ. Нищій ожидалъ у двери; его впустили. Онъ былъ очень плохо одѣтъ и въ рукахъ держалъ корзину съ парою голубей. Тетка Шозьеръ его усадила, потомъ, поглядѣвши на него внимательнѣе, подумала: „Ну, нѣтъ, постель Пьера не годится для него“. Она велѣла приготовить ему другую постель въ маленькомъ отгороженномъ уголкѣ, рядомъ съ такъ называемой верхней горницей и подала ему хорошій ужинъ. Незнакомецъ былъ сильно утомленъ; онъ пришелъ издалека и направлялся вдаль; вотъ все, что узнали отъ него, и все, что гостепріимство позволяло спросить. Оставалось только пожелать ему доброй ночи. „Вѣрно, какой нибудь несчастный, котораго преслѣдуютъ“, сказала со вздохомъ тетка Шозьеръ; „это не крестьянинъ“. „Надѣюсь, что онъ завтра же уйдетъ“, сказалъ мужъ; потомъ въ раздумьи прибавилъ: „бѣднякъ!“.—„А если онъ до завтра не отдохнетъ еще? возразила Магдалина умоляющимъ голосомъ.—„Ну, если онъ будетъ еще утомленъ, то никто же не вытолкаетъ его за дверь“, рѣзко отвѣтилъ ей отецъ; „это было бы слишкомъ жестокосердно; онъ можетъ отдохнуть здѣсь денька три и четыре“. На другой день незнакомецъ, имѣвшій очень усталый видъ, съ радостью принялъ предложеніе остаться. Его печальное положеніе заставляло его еще болѣе чувствовать всю цѣну гостепріимства, оказаннаго ему этими добрыми людьми; онъ употребилъ это короткое время на изученіе ихъ характеровъ, и такъ какъ физіономія и пріемы Магдалины внушили ему справедливое довѣріе, то онъ разсказалъ ей свою исторію, прося ея совѣта и помощи.

Вотъ эта исторія. Онъ служилъ въ Вандеѣ, былъ захваченъ республиканцами и отосланъ, какъ шпіонъ, куда слѣдовало, для того, чтобы произвести надъ нимъ судъ. А расправа была въ то время короткая. Два жандарма конвоировали его. Нашъ незнакомецъ отъ усталости едва держался на ногахъ и выразилъ желаніе зайти въ попавшійся на пути шинокъ, чтобы отдохнуть; жандармы согласились сдѣлать это снисхожденіе и позволили ему даже выпить немного вина для поддержанія силъ. Г. Александръ (это былъ онъ), увѣривъ ихъ, что у него ужасная жажда, спросилъ еще вина; кончилось тѣмъ, что онъ совсѣмъ напоилъ старшаго жандарма и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ тотъ замертво свалился подъ столъ. Другой, помоложе, не поддавался и пилъ мало; несчастный плѣнникъ съ безпокойствомъ замѣчалъ это. Но молодой солдатъ самъ вывелъ его изъ замѣшательства. Видя товарища своего въ совершенно безсознательномъ состояніи и глубоко спящаго, онъ сказалъ: „Я вижу, чего вамъ нужно. Успокойтесь, я не стану противодѣйствовать вамъ; я даже самъ готовъ способствовать вашему бѣгству; положитесь на меня и подождите моего возвращенія". Съ этими словами онъ исчезъ и скоро вернулся, держа въ рукахъ старое крестьянское платье и корзину съ парой голубей. „Вотъ, сударь, одѣвайтесь поскорѣе. Съ этими голубями васъ примутъ за крестьянина изъ здѣшнихъ окрестностей". Г. Александръ словно возвратился къ жизни. Опасность не дозволила ему распространяться о своей благодарности. Въ эту минуту, право, изъ двухъ счастливѣе былъ едва ли тотъ, кому была возвращена жизнь!

Дѣйствительно, эти голуби послужили ему охраной. Всякій встрѣчный могъ подумать, что онъ возвращается съ сосѣдняго рынка; онъ избѣгалъ большой дороги, подходилъ только къ дворикамъ, стоявшимъ особнякомъ, чтобы попросить ради-Христа что нибудь на пропитаніе себѣ и своимъ покровителямъ — голубямъ. Такимъ образомъ онъ достигъ Фонтэна, гдѣ я и познакомилась съ нимъ. Онъ хотѣлъ было отправиться въ Ліонъ, гдѣ скрывался его отецъ и сестры; но городъ былъ занятъ войсками Конвента. Со всѣхъ сторонъ приводили назадъ бѣжавшихъ ліонцевъ; ихъ ловили, какъ дикихъ звѣрей, для того, чтобы передать въ руки палача. Видя кругомъ себя новыя опасности, г. Александръ не смѣлъ проникнуть въ городъ и не могъ уже теперь бѣжать; не зная, что̀ предпринять, онъ открылся Магдалинѣ. „Куда мнѣ идти? Что дѣлать?" спрашивалъ онъ ее. — Отецъ согласенъ продержать васъ еще нѣсколько дней у себя, отвѣтила она ему:—воспользуйтесь этимъ, чтобы угодить ему; не выдавайте, что вы эмигрантъ; говорите съ нимъ только о своемъ отцѣ, участь котораго вамъ совершенно неизвѣстна. Можетъ быть, онъ въ тюрьмѣ; въ такомъ случаѣ вы не можете явиться въ Ліонъ, не компрометируя его и не подвергаясь сами опасности. Отецъ мой вѣрно позволитъ вамъ дождаться здѣсь вѣстей о немъ, а я берусь побывать въ городѣ

сама и разузнать, что возможно. Вы не имѣете никакого вида? — „Имѣю, но онъ фальшивый, я самъ поддѣлалъ его". — Все равно, подавайте мнѣ его, это успокоитъ моего отца, который ничего не разберетъ; мало того, я обѣщаю, что этотъ видъ будетъ засвидѣтельствованъ полиціей, какъ бы онъ былъ дѣйствительный". И она тотчасъ понесла паспортъ г. Александра своему отцу. Добрякъ этотъ, окончательно успокоенный, говоритъ, что если паспортъ будетъ засвидѣтельствованъ мѣстными властями, то онъ не видитъ никакого препятствія къ его пребыванію у нихъ. Это уже былъ большой успѣхъ.

Магдалина сейчасъ же поспѣшила къ Симону Морелю, синдику Коммуны. Это былъ благороднѣйшій человѣкъ, который уже давно питалъ къ ней нѣжную любовь, и хотя она не раздѣляла его чувствъ, однако, не побоялась обратиться къ своему давнишнему и постоянному поклоннику и вполнѣ довѣриться ему, прямо объяснивши цѣль своего посѣщенія и всю важность услуги, которой ожидала отъ него. Симонъ сначала противился, но, не имѣя никакого другаго средства ей понравиться, онъ былъ радъ хоть чѣмъ нибудь быть полезнымъ ей и обѣщалъ, что засвидѣтельствуетъ паспортъ и что всѣ нужныя подписи будутъ приложены. Дѣло удалось и г. Александръ пристроился подъ кровомъ этого скромнаго и гостепріимнаго жилища, не навлекая ни на кого бѣды.

Вскорѣ послѣ этого Коммуна затѣяла выстроить фонтанъ, которому хотѣла придать изящную форму; но ни одинъ изъ ея членовъ не умѣлъ рисовать. Магдалина уговорила Александра сдѣлать рисунокъ фонтана и понесла его показать Морелю. Рисунокъ понравился и былъ принятъ. Она еще разъ посѣтила своего поклонника и въ разговорѣ, между прочимъ, стала расхваливать талантъ Александра. „Никто изъ васъ не имѣетъ хорошаго почерка; секретарь вашъ ушелъ; возьмите Александра на это мѣсто; вы будете имѣть въ своемъ распоряженіи его перо и вообще его искусство, и дѣла Коммуны только выиграютъ отъ этого". Добрый Морель, въ восхищеніи отъ этой мысли, дѣлаетъ въ Коммунѣ это предложеніе отъ себя; оно одобрено — и вотъ вандейскій солдатъ вдругъ очутился секретаремъ республиканской Коммуны въ Фонтэнѣ. Огромное преимущество этой должности заключалось въ томъ, что она давала ему возможность быть приписаннымъ къ здѣшней общинѣ и что черезъ три мѣсяца ему не могли отказать въ паспортѣ.

Устроивши это дѣло, Магдалина отправилась въ Ліонъ съ тѣмъ, чтобы отыскать семью Александра; сестры его жили своимъ рукодѣльемъ, отецъ печально влачилъ свои дни въ темницѣ. Благодаря хлопотамъ этой энергической крестьянки, была найдена возможность доставить ему въ тюрьмѣ нѣкоторое пособіе вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что сынъ его живъ; это былъ для него послѣдній лучъ радости въ этой жизни; нѣсколько дней спустя, онъ былъ казненъ. Эта достой-

ная дѣвушка вездѣ приносила съ собой утѣшеніе и ея возвышенная душа, казалось, жила лишь тѣмъ добромъ, которое она расточала вокругъ себя. Въ это именно время я и познакомилась съ г. Александромъ и онъ самый, этотъ храбрый воинъ, который не разъ шелъ смѣло на встрѣчу опасности и видѣлъ смерть вблизи, дрожалъ при видѣ тихой кончины женщины.

Въ ночныхъ собраніяхъ обсуждали сообща средства къ бѣгству отца и еще нѣсколькихъ лицъ, также укрывавшихся у Шозьера и остановились, наконецъ, на очень опасномъ планѣ. Если бы они удовольствовались обыкновенными паспортами [1]), это было бы менѣе рисковано; думая сдѣлать лучше, они чуть не погубили себя. Придумали устроить засѣданіе Коммуны нарочно для того, чтобы она назначила четырехъ комиссаровъ и поручила бы имъ отправиться въ одинъ замокъ на границѣ Энскаго департамента и Швейцаріи для разсмотрѣнія архивовъ этого замка, въ которыхъ должны были находиться документы, очень важные для Коммуны Фонтэна. Надѣялись, что этотъ наглый обманъ сойдетъ удачно. Но они ошиблись въ разсчетѣ.

Г. Бурдэнъ, негоціантъ, скрывавшійся у сестры Магдалины, г. Александръ, мой отецъ и Шарме, молодой крестьянинъ, который не хотѣлъ служить республикѣ, выдавали себя за мнимыхъ комиссаровъ, назначенныхъ для отправленія въ Швейцарію. Приготовлёнія къ ихъ отъѣзду потребовали нѣсколько дней. Ѣхать или оставаться—представляло для нихъ одинаковую опасность. Домикъ Шозьеровъ былъ очень небольшой и, чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній, имъ ничего нельзя было измѣнять въ образѣ жизни. Двери оставались открытыми, по обыкновенію, какъ будто у нихъ не было ни малѣйшаго опасенія, а между тѣмъ каждую минуту можно было ожидать обыска. Что же охраняло ихъ отъ опасности?—Маленькая девятилѣтняя Дріета. Эта дѣвочка всегда стояла на-сторожѣ, предупреждая о приближеніи неожиданныхъ посѣтителей и поднимая въ лагерѣ тревогу. Дріета была легка какъ птичка, и подобно птицѣ обладала зоркими и проницательными глазами. Проворная и веселая, казалось, будто она всегда играетъ, а между тѣмъ ея бдительность никогда не дремала. Она была посвящена во всѣ секреты, и отъ ея осторожности часто зависѣла жизнь многихъ лицъ. Замѣчательно смышленая для своихъ лѣтъ, она многое обсуждала съ предусмотрительностью взрос-

---

[1]) т. е. поддѣльными; впрочемъ, паспорты, которые выдавались въ то время Фонтэнской Коммуной, были правильнѣе многихъ другихъ; ихъ подписывалъ и выдавалъ г. Александръ, секретарь Коммуны; добрякъ Морель, бывшій синдикомъ Коммуны, прилагалъ къ нимъ печать. Оба они прикладывали свою подпись; остальныя подписи поддѣлывались. Одному Богу извѣстно, съ какимъ усердіемъ я стремилась достигнуть совершенства въ поддѣлкѣ тѣхъ подписей, которыя были мнѣ довѣрены.

Множество паспортовъ было такимъ образомъ поддѣлано нашими руками. Магдалина сама ходила раздавать ихъ, иногда очень далеко, и неразъ подвергая себя опасности ради того, чтобы быть полезной другимъ. Прим. авт.

лаго человѣка. Эти качества были тѣмъ болѣе драгоцѣнны въ ней, что очень часто невозможно было заранѣе научить ее, какъ поступить въ извѣстномъ случаѣ, или сговориться съ нею насчетъ неожиданно возникавшихъ обстоятельствъ, а между тѣмъ нужно было всѣмъ дѣйствовать согласно.

Помню, какъ однажды явился къ нимъ сельскій мэръ такъ неожиданно, что Дріета успѣла только прибѣжать объявить: „Мэръ идетъ къ намъ, мама, вотъ онъ!“ Отецъ мой сидѣлъ здѣсь же внизу; въ комнатѣ была только одна дверь и не было никакой возможности уйти. Онъ бросился за кровать, у которой занавѣсь на всякій случай всегда была задернута; когда я увидѣла, что между нимъ и его гибелью лишь эта слабая преграда, у меня захватило духъ! Одного внимательнаго взгляда въ глубину этой комнаты было бы достаточно, чтобъ его погубить. Тетка Шозьеръ, съ виду совершенно спокойная, привѣтливо идетъ на встрѣчу мэру, усаживаетъ его передъ каминомъ, становится возлѣ него и начинаетъ съ интересомъ говорить съ нимъ о его дѣлахъ; она подходитъ къ нему все ближе, облокачивается на спинку его стула и совсѣмъ наклоняется къ его плечу; распрашиваетъ его съ предупредительностью о его собственномъ здоровьи, о здоровьи жены, про его занятія и развлеченія, все время стоя передъ нимъ такимъ образомъ, чтобъ загородить отъ него половину комнаты. Я присоединяюсь къ ней, чтобы лучше заслонить свѣтъ, и въ то время, какъ она громкимъ голосомъ продолжаетъ говорить, отецъ мой по знаку, поданному Дріетой, на цыпочкахъ крадется къ двери, переходитъ черезъ порогъ—и я свободно могу вздохнуть! Дѣвочка въ это время звонко распѣвала. Едва только отецъ вышелъ, какъ тетка Шозьеръ, выпрямившись самымъ непринужденнымъ образомъ и все продолжая прежній разговоръ, даетъ возможность видѣть всю комнату незваному мэру, который оборачивается и оглядываетъ все вокругъ испытующимъ взглядомъ. Очевидно, онъ разсчитывалъ застать этихъ добрыхъ людей врасплохъ и хотѣлъ лично убѣдиться въ справедливости подозрительныхъ слуховъ, ходившихъ на ихъ счетъ. Мэръ всталъ съ своего мѣста, а тетка Шозьеръ, провожая его, нашла средство показать ему почти весь домъ. Невозможно передать, какъ просто и съ какимъ видомъ довольства эта славная женщина заставляла любоваться на отдѣлку мебели своего гостя, не подозрѣвавшаго, сколько тонкости скрывалось подъ этимъ наружнымъ добродушіемъ. Мэръ удалился вполнѣ увѣренный, что никто не догадался о цѣли его посѣщенія; но оно заставило ускорить условленный отъѣздъ; эти дни, полные тревоги, но имѣвшіе для меня свою прелесть, пронеслись быстро. Я была счастлива тѣмъ, что видѣла отца, но я не могла спокойно наслаждаться этимъ удовольствіемъ; каждую минуту его могли вырвать у насъ и поневолѣ я должна была желать его удаленія. А тетушка моя! я не имѣла о ней никакихъ извѣстій: она не знала, гдѣ я нахожусь; что думала она о моемъ продолжительномъ отсутствіи?

Какую мучительную тревогу она должна была испытывать за единственное сокровище, оставшееся у нея въ жизни. Сердце мое рвалось къ ней; потомъ оно снова обращалось къ отцу и я оставалась еще лишній день для того, чтобы имѣть возможность при свиданіи сказать ей: „Онъ удалился изъ Франціи!“ Этотъ отъѣздъ, который мы всѣми средствами желали ускорить, грозилъ отцу новыми опасностями; но всякій вечеръ пушечные выстрѣлы, доносившіеся до Фонтэна, возвѣщали ему о смерти его друзей, его товарищей по оружію. Эти ужасные звуки предвѣщали всѣмъ несчастнымъ, скрывавшимся въ окрестностяхъ Ліона, подобную же участь. Когда раздавался роковой выстрѣлъ, отецъ склонялъ голову и говорилъ себѣ: „Сегодня они пали, а завтра, можетъ быть, настанетъ мой чередъ! Долго ли еще этотъ гостепріимный кровъ будетъ въ состояніи защитить, укрыть меня отъ нависшей грозы? Ахъ, какъ тяжело оставаться въ бездѣйствіи среди опасности!“

Когда все было, наконецъ, готово, отецъ мой и его три спутника пустились въ дорогу среди глубокой ночи по направленію къ границѣ. Для насъ, ихъ провожавшихъ, это была торжественная минута. Сколько страховъ, сколько тяжелыхъ думъ скрывалось за этимъ прощаньемъ, съ виду спокойнымъ! Каждый старался скрыть свое горе и волненіе, боясь поколебать рѣшимость близкаго человѣка. Отецъ мой поручилъ мнѣ передать отъ него сестрѣ нѣжный привѣтъ и затѣмъ вышелъ. Онъ былъ на видъ вполнѣ спокоенъ; и я старалась казаться спокойной. Я была слишкомъ сильно взволнована, чтобы плакать.

На разсвѣтѣ и я отправилась въ путь, захвативши съ собой большой хлѣбъ, фунтовъ въ 20 вѣсу, да еще мяса, гороху, масла и яицъ— всего понемногу; мои богатства помѣшали мнѣ идти пѣшкомъ: я сѣла въ лодку съ Магдалиной и мы прибыли въ Ліонъ рѣкой безъ всякихъ приключеній вмѣстѣ съ своими припасами, которые немного безпокоили меня. Дома я все нашла въ томъ же видѣ, какъ оставила. Канта сказала мнѣ, что нѣсколько разъ видѣла тетушку и что она здорова. Находясь въ крайнемъ нетерпѣніи увидѣть ее и сообщить ей вѣсти объ отцѣ, я тотчасъ побѣжала въ тюрьму, бывшую въ эту минуту предметомъ всѣхъ моихъ помысловъ и желаній. Сколько разъ я желала быть вмѣстѣ съ тетушкой въ числѣ заключенныхъ, несмотря на ту отраду, что я могла заботиться о ней, и на святость обязанности, возложенной на меня по отношенію къ ней. Но моя безпомощность, мое полное сиротство ложились тяжкимъ гнетомъ на мою душу, а физическое утомленіе совершенно истощало мои силы; распри между прислугой, гражданинъ Форе и его жена, дѣлали мнѣ мою комнату ненавистною. Мнѣ казалось, что я находила миръ и спокойствіе только у ногъ тетушки, гдѣ я бы такъ сладко заснула.

Въ этотъ день не было строгихъ распоряженій, и мои друзья-сторожа, предполагавшіе, что все это время я была больна, пропустили меня при первой возможности и согласились даже, чтобы Магдалина вошла вмѣстѣ со мной. Глубокая грусть изобразилась на ея лицѣ при входѣ

въ тюрьму, а скоро къ этой грусти присоединились ужасъ и отвращеніе, когда насъ окружили арестанты съ испитыми лицами и жадными взорами, которые бросились намъ на встрѣчу, прося милостыни. Правда, что только привычка часто видѣть ихъ могла нѣсколько ослабить отвращеніе, которое они внушали. Они, безъ сомнѣнія, очень несчастны, говорила я себѣ, но они дышутъ чистымъ воздухомъ, а тетушка, которая совершенно невинна, и того не имѣетъ.

Наконецъ, мы достигли цѣли: я увидѣла ее снова; она не измѣнилась. Какъ безконечно долго показалось ей мое отсутствіе! За это время нѣсколько разъ къ ней нарочно подсылали съ ложными извѣстіями объ арестѣ отца, въ надеждѣ захватить ее врасплохъ и выпытать у нея въ первомъ порывѣ горя, гдѣ именно онъ скрывался. Это средство очень часто пускали въ ходъ для того, чтобы розыскать и вырвать несчастныхъ изъ подъ крова, оберегавшаго ихъ отъ преслѣдованія. Мы съ тетушкой усѣлись на полу на ея скатанномъ матрасѣ. Стулъ, купленный ею у тюремнаго смотрителя, былъ предоставленъ Магдалинѣ, которую тетушка встрѣтила какъ нашу благодѣтельницу. Я была счастлива, что снова очутилась близъ своей второй матери, что опять могла не сводить съ нея глазъ, удивляться ей и преклоняться передъ ея мужествомъ. Я видѣла передъ собой только одну ее. Что же касается Магдалины, то она была въ какомъ-то состояніи отупѣнія; она сидѣла неподвижно и молчала; глаза ея, полные слезъ, блуждали по разнымъ предметамъ, повидимому, ничего не различая. Это сборище женщинъ, имѣвшихъ между собою такъ мало общаго и лежавшихъ какъ попало на соломѣ, это безпорядочное смѣшеніе всѣхъ состояній и положеній,—остатки роскоши среди нищеты, дѣтство и старость, недуги и здоровье, добродѣтель и порокъ,—зрѣлище это, впервые поразившее взоры доброй дѣвушки, надрывало ей сердце.

Не имѣя аппетита, я ѣла, однако, какъ голодная, разсказывая въ то же время тетушкѣ все, что имѣла ей сказать, такъ-какъ не слѣдовало показывать озабоченнаго вида. Среди хорошаго зерна были здѣсь и плевелы, то есть шпіоны; а помѣщены всѣ онѣ были такъ тѣсно одна возлѣ другой, что какое нибудь слово, сказанное вполголоса, легко могли подслушать. Съ невыразимой радостью тетушка услышала вѣсть объ отъѣздѣ отца. „Однако, удастся ли ему избѣжать всѣхъ опасностей, которыя могутъ встрѣтиться ему на пути? И какова бы ни была его участь, мы долго еще ничего не узнаемъ о немъ", прибавила она со вздохомъ.

Благодаря добрымъ Шозьерамъ, обѣдъ былъ вкуснѣе чѣмъ обыкновенно; этотъ день былъ для насъ настоящимъ праздникомъ. Одна только Магдалина ничего не ѣла. Мы оставили тетушку съ великимъ сожалѣніемъ; потомъ Магдалина направилась въ Фонтэнъ; а я осталась одна... одна!

Я не имѣла ни одного друга, мнѣ не къ кому было обратиться

за совѣтомъ, или за утѣшеніемъ! Я была совершенно одинока! Безъ сомнѣнія, я въ это время не разъ поступала неосмотрительно. Но возможно-ли требовать отъ 14-ти лѣтней дѣвушки полнаго благоразумія и осторожности? Провидѣніе, сжалившись надъ моимъ сиротствомъ и невѣдѣніемъ, охраняло мою слабость и пеклось обо мнѣ. Кажется, я уже говорила, что старый маркизъ де-Бельсизъ съ женою были подвергнуты домашнему аресту. Ихъ стражъ не допускалъ къ нимъ рѣшительно никого. То же было и съ г-жею де-Сулинье, мужъ которой сидѣлъ въ тюрьмѣ и вскорѣ погибъ на эшафотѣ. Кромѣ этихъ двухъ семействъ, я болѣе ни съ кѣмъ не была знакома въ Ліонѣ.

По возвращеніи изъ темницы, послѣ всего утомленія за этотъ день, я нашла у себя дома вмѣсто отдыха тѣ же распри и тѣ же лица. Гражданинъ Форе, сидѣвшій всегда у моего камина, уступалъ свое кресло только женѣ, которая вела весь разговоръ, громко разглагольствуя, разсказывая про казни, про великіе подвиги своего сына—муниципала, да про наряды своей невѣстки. Старикъ Форѐ присвоилъ себѣ молитвенникъ моей тетушки, который онъ могъ читать безъ очковъ, благодаря очень крупной печати; я на него сильно досадовала за это, но не смѣла отнять его. Онъ проводилъ часть дня въ чтеніи молитвъ, чтѝ придало мнѣ храбрость молиться каждый вечеръ о мирѣ. Прежде, чѣмъ онъ уходилъ къ себѣ, я начинала произносить слова этой молитвы, и этотъ самый человѣкъ, набожно сложивши руки, присоединялся ко мнѣ отъ всего сердца; даже его злобная жена молилась вмѣстѣ съ нами!

Когда я перечитываю эту молитву [1]), мнѣ становится вполнѣ ясно, что Господь охранялъ тогда свое твореніе. Въ тѣ времена это была такая смѣлость, которая могла повести меня на эшафотъ, или, что было бы для меня еще ужаснѣе, она могла ухудшить несчастную участь моей тетушки; слѣдовательно, съ моей стороны это было болѣе, чѣмъ неосторожно. Старый Форе, такъ благочестиво слушавшій эту молитву, иногда самъ меня просилъ прочитать ее, счастливый тѣмъ, что могъ еще молиться Богу. Рожденный для добра, онъ былъ бы честнымъ человѣкомъ, если бы не несчастная слабость характера; онъ боялся сына, а болѣе всего своей дражайшей половины. Гражданка Форе, какъ онъ почтительно величалъ ее, деспотически властвовала надъ нимъ; старикашка подчинялся и слушался ея во всемъ. Какъ я уже говорила, она преслѣдовала его до тѣхъ поръ, пока онъ не согласился присутствовать при казни. И онъ, который всего боялся, часто повторялъ мнѣ шепотомъ: „Я былъ послѣ этого въ лихорадкѣ три дня и три ночи; долго еще по ночамъ я не могъ сомкнуть глазъ отъ преслѣдовавшихъ меня окровавленныхъ головъ. Какъ возможно любить это зрѣлище! Но я не смѣю признаться въ этомъ

[1]) Въ томъ самомъ молитвенникѣ, принадлежавшемъ прежде тетушкѣ; онъ сохранился у меня. Прим. авт.

своему сыну; онъ находитъ, что все это чудесно, а жена моя просто до безумія это любитъ".

Я продолжала посѣщать тюрьму до тѣхъ поръ, пока утомленіе, плохое питаніе и постоянныя возбужденіе и тревога не свалили меня въ постель. Собственно говоря, я не страдала никакимъ недугомъ, кромѣ слабости. У меня не хватало силы, необходимой для того, чтобъ жить и двигаться. Я провела около восьми дней въ постели въ совершенномъ изнеможеніи. Тетушка моя, крайне встревоженная, просила тюремнаго доктора навѣстить меня; онъ явился ко мнѣ и показался мнѣ добрымъ и сострадательнымъ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ укрѣпляющія средства и полный отдыхъ; затѣмъ вернулся успокоить тетушку на мой счетъ.

Какъ разъ во время моей краткой болѣзни, стараго Форе посѣтилъ его сынъ, муниципалъ. Занавѣсь моей постели была почти вплоть задернута, но я все-таки разглядѣла его красную шапку и наслушалась его рѣчей, вполнѣ достойныхъ его кровавой шапки. „Отецъ, если бы ты не былъ хорошимъ республиканцемъ", говорилъ онъ отрывисто и сухо, „если бъ я подозрѣвалъ въ тебѣ аристократа, я бы самъ донесъ на тебя и завтра же велѣлъ бы тебя казнить".—„Ахъ, сынъ мой, сынъ мой! вѣдь это ужасно жестоко! Сынъ! это слишкомъ жестоко"!—„Какъ, жестоко? — Такъ знай же, что истый республиканецъ не имѣетъ ни отца, ни семьи; онъ знаетъ только республику,—онъ любитъ лишь одну республику, онъ жертвуетъ ей всѣмъ остальнымъ, и лучше сегодня, чѣмъ завтра". Отецъ Форе вечеромъ еще весь дрожалъ, и я сильно сомнѣваюсь, чтобъ эти посѣщенія сынка были ему пріятны.

Въ это же время, пока я лежала больная, я получила записочку отъ меньшаго брата; не знаю, какимъ образомъ она дошла до меня. Онъ сообщалъ мнѣ, что его узнали и донесли на него, но что ему удалось переправиться черезъ Рону вплавь и что онъ направляется въ Швейцарію, въ надеждѣ найти тамъ пристанище. Вотъ еще новый источникъ слезъ! Радуясь хоть тому, что могла плакать безъ свидѣтелей, я благословляла небо за свои страданія и, притаившись за занавѣской постели, я осмѣлилась наконецъ дать волю своимъ слезамъ.

Какъ только я была въ состояніи держаться на ногахъ, я отправилась въ тюрьму и, когда приблизилась къ летучему мосту, черезъ который нужно было проходить, часовой остановилъ меня. „На гауптвахту!" закричалъ онъ мнѣ.—„За что же это?"—„На тебѣ нѣтъ кокарды" [1]. Я забыла ее и вышла изъ дому чуть не въ ночномъ чепцѣ; а кокарда моя была нарочно прикрѣплена къ шляпѣ, чтобъ избавиться отъ труда постоянно помнить о ней. Я разсказала ему все, какъ я была больна и теперь стала только выздоравливать. Онъ былъ тро-

[1]) Всѣ женщины должны были носить трехцвѣтную кокарду, иначе ихъ нигдѣ не пропускали. Прим. авт.

нуть и позволилъ мнѣ пройти съ условіемъ, чтобы я купила кокарду въ первой же лавочкѣ, которая попадется мнѣ на пути. Я добралась безъ дальнѣйшихъ приключеній до тюрьмы и благополучно прошла большія ворота и первую дверь, но у рѣшетки узнала о новомъ распоряженіи. Дозволялось впускать по одному только человѣку черезъ каждые полчаса; сторожъ былъ мнѣ не знакомъ, а передъ рѣшеткой тянулась длинная вереница ожидавшихъ очереди; ее и до вечера не дождешься! Я была слишкомъ слаба, чтобъ ожидать стоя; сильно опечаленная этой неудачей, я вошла въ помѣщеніе гауптвахты, находившейся близъ рѣшетки; тутъ я присѣла, все еще надѣясь, что по какой нибудь неожиданной случайности удастся проникнуть въ темницу. На мое счастье здѣсь не было въ эту минуту ни одного солдата. Черезъ нѣсколько времени я увидѣла знакомаго сторожа.—„Плакѐ,— обратилась я къ нему—ты видишь, въ какомъ я жалкомъ положеніи. Вотъ уже восемь дней, какъ я не видѣлась съ тетушкой. Я все это время проболѣла и теперь еще слишкомъ слаба, чтобъ ожидать въ ряду своей очереди. Твой товарищъ меня не знаетъ. Сжалься надо мною! Неужели мнѣ придется вернуться домой, не увидавши ея?". Едва я умолкла, какъ онъ взялъ меня за руку и, поддерживая, чуть не неся меня на рукахъ, протѣснился со мною впередъ между стѣною и рядомъ ожидавшихъ и поставилъ меня возлѣ своего товарища. „Вотъ, братъ,—сказалъ онъ,—взгляни-ка на эту маленькую гражданку; посмотри, какъ она блѣдна, мала и худа; она не можетъ ожидать, какъ другія. Ты видишь, что она сейчасъ свалится съ ногъ; она еще не оправилась отъ болѣзни; ну-же, пропусти ее! пусть она повидается съ своей теткой!"—Тотъ полуотворяетъ рѣшетку, а я, стараясь казаться еще меньше, поскорѣе прохожу съ радостнымъ сердцемъ, благодаря ихъ отъ души и пускаясь бѣжать со всѣхъ ногъ, чтобъ не потерять ни одной минуты.

Только тотъ, кому приходилось подолгу ожидать у тюремной двери, кого толкали, давили и оттѣсняли назадъ, затѣмъ грубо прогоняли прочь,—только тотъ можетъ понять удовольствіе удачи. Радость тетушки при моемъ появленіи съ избыткомъ вознаграждала меня за всѣ непріятности, которыя приходилось выносить, прежде чѣмъ добраться къ ней. Я обыкновенно проходила безъ позволенія, какъ и многія другія лица, и тетушка никогда не была покойна, справедливо опасаясь, что когда нибудь мы могли за это поплатиться. Я думаю, что наши незаконныя посѣщенія были терпимы единственно съ цѣлью окончательно разорить насъ, такъ какъ заставляли насъ истощать всѣ наши средства на вознагражденіе трехъ или четырехъ сторожей за ихъ ежедневное снисхожденіе.

Не знаю, чему приписать извѣстную долю свободы, которая ощущалась въ это время внутри темницы; заключенныя въ ней женщины получили разрѣшеніе выходить изъ своихъ комнатъ съ десяти часовъ утра до пяти вечера и гулять по двору. Онѣ теперь не должны были

болѣе платить по три франка за кружку воды, а сами могли черпать ее изъ фонтана. Мужчины пользовались такой же свободой. Тутъ-то я впервые увидала скульптора Шинара и всю жизнь буду сожалѣть о томъ, что онъ не сдѣлалъ тогда бюста моей тетушки. Во время своего пребыванія въ темницѣ онъ слѣпилъ бюсты многихъ изъ своихъ товарищей по заключенію. Маленькая статуэтка „богини разума", которую я видѣла у него въ каморкѣ, впослѣдствіи послужила, какъ говорятъ, поводомъ къ его освобожденію.

Г-жа Миляне, дочь маркиза де-Бельсизъ, была также заключена въ этой тюрьмѣ, но до сихъ поръ мнѣ ни разу не удавалось увидѣть ее. Она была въ числѣ двѣнадцати женщинъ, помѣщенныхъ въ очень тѣсной комнатѣ, совсѣмъ на другомъ концѣ тюрьмы, гдѣ имъ не хватало воздуха и пространства; силы ихъ были истощены всевозможными лишеніями. Онѣ просили, какъ милости, разрѣшенія выходить два раза въ день на воздухъ. Послѣ долгихъ и настоятельныхъ просьбъ, это было имъ наконецъ разрѣшено; ихъ выводили не всѣхъ разомъ, а въ два пріема,—по шести человѣкъ утромъ и шесть вечеромъ,—въ маленькій садикъ, находившійся какъ разъ подъ окнами тетушки. Часовые, сопровождавшіе ихъ въ садъ, оставались при нихъ все время, пока онѣ тамъ находились. Обмѣнявшись другъ съ другомъ поклонами и молчаливыми взглядами, узницы снова возвращались къ себѣ. Это стѣсненіе прекратилось отчасти, когда всѣ онѣ получили разрѣшеніе выходить изъ своихъ комнатъ въ одно время. Легко можно себѣ представить неудобства тѣснаго заключенія, но всю тягость его можетъ постигнуть лишь тотъ, кто испыталъ его на себѣ. Г-жа Миляне сохраняла такое ровное расположеніе духа, такую веселость и живость ума, которыя дѣлали ея общество особенно драгоцѣннымъ въ тѣ горестныя времена. Открытое и ясное выраженіе ея лица благотворно дѣйствовало на всѣхъ окружавшихъ. Несмотря на собственное жгучее горе, она умѣла утѣшить каждаго. Облегчая страданія заключенныхъ вмѣстѣ съ нею женщинъ, стараясь внушить имъ мужество, она этимъ самымъ поддерживала его и въ себѣ. Мужъ ея былъ казненъ; дѣти остались совершенно безпомощными и одинокими, безъ всякой опоры. Но это не поколебало душевной ея твердости, потому что ее поддерживала религія.

Если не всѣ были одарены такой привлекательной внѣшностью, какъ г-жа Миляне, то нужно отдать справедливость, что всѣ обнаруживали спокойствіе и покорность судьбѣ; я никогда не слышала ни жалобъ, ни ропота. Лица были у всѣхъ покойныя; не было замѣтно на нихъ ни слезъ, ни отчаянія; повидимому, у нихъ въ душѣ не было мѣста ничему иному, кромѣ того мира, который предшествуетъ смерти: всѣ готовились къ ней. Ожиданіе послѣдняго торжественнаго часа не допускало никакихъ мелкихъ мыслей. Ежедневно на нашихъ глазахъ уводили кого нибудь изъ заключенныхъ, и каждый думалъ: „скоро настанетъ и мой часъ". Уходившаго обнимали,

благословляли, каждый внушалъ ему бодрость и мужество; затѣмъ слѣдовало прощанье, и большею частью оно было навѣки. Двери затворялись—и друзья долго еще прислушивались къ звуку знакомаго голоса, къ постепенно замиравшему шуму шаговъ, которые раздавались, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

На самый простой вопросъ: „Какъ вы себя чувствуете?"—часто вы получали въ отвѣтъ: „Очень хорошо, въ ожиданіи, когда буду удостоенъ чести гильотины, или прогулки въ Бротó" [1]). И это вовсе не было фразой, или желаніемъ рисоваться своимъ мужествомъ. Всѣ говорили совершенно спокойно объ этомъ неизбѣжномъ концѣ. Нѣкоторые молодые люди для забавы усвоили себѣ республиканскій способъ выраженія и всѣмъ говорили „ты". Но я никогда не рѣшалась отвѣчать имъ въ томъ же тонѣ и не могла привыкнуть всѣмъ говорить „ты".

Около этого времени заключенныхъ женщинъ перевели въ другое помѣщеніе въ той же „тюрьмѣ Затворницъ" и размѣстили въ двухъ большихъ комнатахъ и двухъ маленькихъ каморкахъ. Въ этомъ помѣщеніи былъ только одинъ выходъ; въ самой просторной изъ комнатъ стояла большая печка, къ которой каждая по очереди подходила подогрѣвать свой вчерашній кофе. Тутъ можно было увидѣть стеклянные пузырьки, обвернутые бумагой и всунутые въ промежутки между маленькими горшечками, которыми была уставлена печная плитка; они такимъ образомъ нагрѣвались, не занимая лишняго мѣста. Вотъ какъ нужда изобрѣтательна!

Тетушка моя, не могшая вслѣдствіе своей полноты нагибаться, наняла заключенную вмѣстѣ съ нею бѣдную крестьянку каждый вечеръ стлать ей постель, а по утрамъ скатывать ея матрацъ. Такъ какъ новое помѣщеніе было гораздо тѣснѣе прежняго, то тетушку хотѣли было принудить раздѣлить свою плохенькую постель съ другой женщиной, и ей удалось избавиться отъ этой новой пытки только благодаря тому, что она страдала страшными ревматическими болями.

Я уже говорила, что тетушка моя имѣла общій обѣдъ съ тремя дамами, и что на третій, или четвертый день пробавлялись тѣмъ, чтó оставалось отъ прежнихъ дней. Это продолжалось попрежнему; и въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, между составлявшими его лицами, было гораздо больше близости, чѣмъ съ другими узницами, какъ будто онѣ уже тогда имѣли предчувствіе, что ихъ ожидаетъ одинаковая участь и что онѣ останутся неразлучными до конца.

Однажды,—это былъ день экономіи, когда я являлась раньше обыкновеннаго,—послѣ того какъ я очень пріятно провела утро близъ тетушки и когда я уже принялась взбивать яйца, принесенныя мною для знаменитой омлеты,—вдругъ послышался сильный крикъ сторожа, обѣгавшаго всю тюрьму съ возгласами: „Временная Комиссія присы-

[1]) Площадь въ предмѣстьи Брото, гдѣ разстрѣливали. Прим. пер.

лаетъ комиссара для осмотра темницы".—Приближается Маринò! страшный Маринò! [1])—„Всѣ тѣ, которые вошли безъ разрѣшенія, пусть бѣгутъ и спасаются!" Смятеніе было ужасное. Испуганная тетушка моя хочетъ, чтобы я повиновалась. Но это было въ самомъ разгарѣ моей стряпни, я могла только показать ей свою яичницу и вмѣсто отвѣта прибавить: „Вѣдь у меня не написано на лбу, что я свободна. Среди другихъ и замѣшанную въ толпѣ ничто не мѣшаетъ имъ счесть меня въ числѣ арестантокъ". И, нагнувшись надъ жаровней, я продолжала стряпать. Оказалось, что я поступила очень благоразумно. Почти въ ту же минуту показался Марино въ дверяхъ первой комнаты, откуда скоро прошелъ въ ту, гдѣ мы находились. „Сколько васъ здѣсь?" спросилъ онъ отрывисто и грубо. — Пятнадцать, — отвѣтила тетушка. Онъ не сталъ считать насъ, но осмотрѣлъ нѣкоторыя корзины съ провизіей. „Чтобъ богатыя кормили бѣдныхъ! прибавилъ онъ, глядя на крестьянку, которая убирала тетушкину постель. „Если ты имѣешь какую жалобу на этихъ дворянокъ, говори!" Та увѣряла, что не можетъ жаловаться ни на кого. Маринò провозгласилъ еще нѣсколько республиканскихъ изреченій и удалился. Какъ я была счастлива, что все это обошлось благополучно, и какъ хорошо я сдѣлала, что поставила на своемъ! Но радость моя была не продолжительна. Къ несчастію, я не одна осталась здѣсь, но одна только я имѣла осторожность вести себя смирно. Другія же посѣтительницы, желавшія избѣжать Марино, не ускользнули отъ его вниманія, и именно ихъ стараніе спрятаться привлекло на нихъ взоры этого аргуса; онъ разразился гнѣвомъ и бранью, долетавшей до насъ, и отъ упрековъ и угрозъ онъ быстро перешелъ къ дѣлу. „А если имъ нравится тюрьма, то пусть онѣ остаются въ ней" сказалъ онъ, „пусть онѣ попробуютъ, какъ здѣсь живется; имъ не будетъ тогда надобности прятаться отъ меня. А дежурнаго сторожа посадить на восемь дней подъ арестъ за его снисхожденіе!" Марино былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія; его сильный голосъ какъ нельзя лучше шелъ къ его рѣчамъ; онъ внушалъ страхъ и все умолкало передъ нимъ. Онъ удалился, распространяя ужасъ на своемъ пути и оставляя по себѣ общее смятеніе. Заключенные боялись за своихъ друзей; я же—сознаюсь въ своемъ эгоизмѣ: въ первую минуту я испытывала одну только радость; въ восхищеніи, что очутилась заключенной съ своей тетушкой, я думала лишь о томъ, какое счастье будетъ для меня посвящать ей ежечасно всѣ свои заботы, быть возлѣ нея, когда она проснется и засыпать у ея ногъ! Но мысль о томъ, что съ этой минуты она можетъ разсчитывать только на невѣрныя наемныя услуги, скоро заставила меня, ради нея одной, пожалѣть о томъ, что я не на свободѣ. Сама же тетушка была въ отчаяніи и, пользуясь немногими

---

[1]) Марино, членъ Временной Коммиссіи въ Ліонѣ, былъ прежде рисовальщикомъ на фарфорѣ въ Парижѣ. Прим. авт.

часами, когда ей было дозволено пройтись по тюрьмѣ, она вступила въ тайные переговоры съ знакомыми сторожами насчетъ моего выхода, потомъ вернулась веселая и успокоенная и объявила мнѣ, что я могу выйти изъ тюрьмы. Это, конечно, обошлось ей очень дорого.

Я вышла изъ тюрьмы одна около шести часовъ вечера; уже совсѣмъ стемнѣло. Улица была полна женщинъ, въ безпокойствѣ ожидавшихъ кто какую нибудь родственницу, кто свою госпожу, такъ какъ имъ было объявлено о задержаніи насъ въ темницѣ. Къ моему счастію, Кантá была въ числѣ ихъ и мы вмѣстѣ съ ней дошли до нашего отдаленнаго жилища. Всѣ остальныя посѣтительницы тюрьмы, попавшіяся въ этотъ злосчастный день, были также выпущены ночью, или черезъ нѣсколько дней.

Я и теперь еще убѣждена, что эти маленькія сцены были нарочно подстроены съ тѣмъ, чтобы окончательно истощить наши средства и отнять у насъ послѣднія деньги, которыя не удалось еще вырвать инымъ способомъ. Эти господа, вѣроятно, между собой потѣшались надъ различнымъ эффектомъ, какой производилъ на насъ ихъ дѣйствительный или напускной гнѣвъ. Притомившись ежедневной трагедіей и жаждая новыхъ ощущеній, они разыгрывали подобныя комедіи для своего развлеченія.

ГЛАВА XI.

Аудіенція у Маринó.—Тетушку мою переводятъ изъ „монастыря Затворницъ" въ тюрьму Сенъ-Жозефъ.—Казнь тридцати двухъ гражданъ Мулена.—Жизнь въ темницѣ Сенъ-Жозефъ.—Постоянныя тревоги.—Узниковъ переводятъ въ зданіе ратуши.

Покидая тюрьму и видя, какъ за мной заперли рѣшетку, я глубоко вздохнула; это не было обычное вечернее прощанье: тетушка моя потребовала отъ меня, чтобы я не приходила болѣе безъ разрѣшенія. „Старайся выхлопотать позволеніе,—сказала она мнѣ,—а то опасность, которой ты подвергаешься ежедневно, такое для меня мученіе, что я скорѣе готова лишить себя счастья видѣть тебя, чѣмъ выносить подобныя страшныя сцены. Господь поддержитъ тебя, будь мужественна!" Ахъ! Я очень нуждалась въ мужествѣ, которое она старалась внушить мнѣ. Какимъ образомъ и когда получу я это разрѣшеніе? Допустятъ ли меня еще повидаться съ нею?

На другое утро я отправилась во Временную Комиссію, помѣщавшуюся въ домѣ Эмберъ, не далеко отъ площади Террó. Давно уже мнѣ не приходилось бывать въ этой части города; здѣсь царилъ терроръ во всемъ своемъ ужасѣ. Гильотина, которая прежде постоянно

стояла не площади Белькуръ, теперь была въ полномъ ходу на площади Терро́, желавшей въ свою очередь созерцать это зрѣлище. Уже съ площади Сенъ-Пьеръ я увидѣла ручей изъ крови несчастныхъ жертвъ; я перешагнула его, содрогаясь всѣмъ тѣломъ, проникнутая глубокимъ уваженіемъ и священнымъ трепетомъ. Мнѣ хотѣлось преклонить колѣна: Боже мой! кровь моей тетушки должна была здѣсь же пролиться!.. Я прошла мимо эшафота, прочность котораго, казалось, обѣщала, что отъ него потребуются продолжительныя услуги; затѣмъ я очутилась въ прихожей этой знаменитой комиссіи, гдѣ оказалось много народа, подобно мнѣ ожидавшаго минуты, когда будетъ проходить Марино, потому что въ канцелярію дозволено было входить только тѣмъ, кого вызывали.

Много времени пропадало въ этой передней въ напрасномъ ожиданіи; часто кончалось тѣмъ, что васъ прогоняли прежде, чѣмъ вы могли обратиться къ тѣмъ, до кого имѣли дѣло. Гражданинъ-привратникъ, стоявшій тутъ, обыкновенно старался какъ нибудь васъ спровадить, но вы стояли на своемъ, а толпа все росла; видя, что не думаютъ расходиться, онъ шелъ наконецъ за Маринò, и надо отдать справедливость, что тотъ расправлялся отлично съ публикой.

Три дня сряду я отправлялась акуратно въ шесть часовъ вечера къ открытію канцеляріи и оставалась тамъ до десяти, не находя случая обратиться къ Марино: онъ выдавалъ разрѣшенія посѣщать тюрьмы, но никогда не проходилъ черезъ комнату, гдѣ мы ожидали; онъ имѣлъ, очевидно, особый входъ. Ожиданіе его здѣсь было чистымъ надувательствомъ; что имъ за дѣло до нашего времени, потраченнаго даромъ, до нашихъ слезъ и горя! Когда я просила, чтобы меня допустили къ нему,—я слышала всегда одинъ отвѣтъ: „Подожди, подожди еще; онъ скоро придетъ!“

Пока я ожидала въ этой передней, я видѣла тамъ немало несчастныхъ всѣхъ возрастовъ, всѣхъ половъ и состояній: чужестранцевъ, солдатъ, путешественниковъ. Что сталось съ ними впослѣдствіи? Помню одного офицера изъ высшихъ чиновъ, какъ мнѣ показалось, явившагося сюда для исполненія простой формальности засвидѣтельствованія паспорта. Тщетно требовалъ онъ назадъ своихъ бумагъ, также тщетно повторялъ, что онъ имѣетъ спѣшное и очень важное порученіе, что срокъ ему данъ короткій; наскуча безконечнымъ ожиданіемъ, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ большими шагами, говоря съ раздраженіемъ: „Это просто насмѣшка надъ гражданами; при бывшемъ тиранѣ никого не заставляли ожидать такъ долго“.

Наконецъ, къ вечеру третьяго дня собралась такая толпа, что гражданинъ-привратникъ не вытерпѣлъ и пошелъ за страшнымъ Маринò. Это былъ человѣкъ атлетическаго сложенія, рослый и сильный, съ громовымъ голосомъ. Онъ издали давалъ о себѣ знать республиканскими ругательствами и бросилъ намъ такія слова: „Если вы

пришли за разрѣшеніемъ, то знайте, что никто не получитъ его, если не имѣетъ медицинскаго свидѣтельства, что арестантъ, котораго онъ желаетъ навѣстить, боленъ; и замѣтьте себѣ, что если докторъ выдалъ свидѣтельство изъ подлаго снисхожденія, то онъ будетъ самъ посаженъ подъ арестъ вмѣстѣ съ обладателемъ свидѣтельства, а арестантъ будетъ преданъ казни". Послѣ этой краткой рѣчи, сказанной въ такихъ энергическихъ выраженіяхъ, которыхъ я не могу и повторить, толпа по-немногу стала расходиться. Марино торопилъ ее голосомъ и движеніями. Одна дама попробовала было еще обратиться къ нему; я не слышала, о чемъ она просила. „Ты кто?" Она назвала свое имя. „Какъ! Ты имѣешь дерзость произносить въ этомъ мѣстѣ имя измѣнника! Вонъ отсюда!" И онъ вытолкалъ ее за дверь. Не стану описывать того, что̀ мы испытывали: никто, казалось, не смѣлъ дышать. Въ эту минуту общаго смущенія и молчанія, послѣдовавшихъ за яростнымъ взрывомъ Марино, мнѣ вдругъ послышался знакомый голосъ,—то былъ голосъ Сенъ-Жана, провожавшаго меня сюда. Онъ также вздумалъ разыграть роль,—было ли то просто отъ скуки, или по необдуманному усердію. „Гражданинъ, сказалъ онъ твердымъ и яснымъ голосомъ, обращаясь къ Марино,—прошу тебя выслушать эту маленькую гражданку!" Въ какой ужасъ привела меня эта неосторожная выходка! Я нарочно стала позади всѣхъ, не желая выдерживать на себѣ возрастающую ярость Марино; я ожидала отлива. „А ты кто такой, ты, который осмѣлился заговорить здѣсь?" рѣзко спросилъ суровый Марино.—Я, отвѣтилъ Сенъ-Жанъ, нѣсколько смущенный,—я пришелъ сюда съ этой маленькой гражданкой, чтобъ она не была одна.—„Знай же, возразилъ Марино, повелительнымъ голосомъ,—что она здѣсь находится подъ покровительствомъ закона и правосудія, что дѣти пользуются ихъ охраной и что здѣсь никто не имѣетъ права оказывать кому либо покровительство. Вонъ!" А такъ какъ Сенъ-Жанъ все медлилъ,—„вонъ отсюда!" повто́рилъ Марино еще громче прежняго, и взявши его за руку, какъ ту даму, носившую имя измѣнника, онъ самъ его вытолкалъ за дверь. Что же касается меня, то—стараясь казаться еще меньше, я забилась въ свой уголокъ и молчала. Изъ всей толпы осталось насъ только двое—я и другая дѣвочка почти одинаковаго возраста со мной. Изумленный нашей смѣлостью и нашимъ спокойствіемъ, Марино съ любопытствомъ приблизился къ намъ. „Развѣ вы имѣете медицинскія свидѣтельства?"—Мы подали ихъ. Онъ ихъ взялъ, сказалъ намъ довольно мягко, чтобы мы подождали, а самъ вернулся въ свою канцелярію. Едва только онъ вышелъ, какъ дверь прихожей отворилась и въ ней снова показался Сенъ-Жанъ; я бросилась къ нему: „Да что же это вы дѣлаете? Вѣдь вы меня компрометируете, вы меня губите!"—Ахъ, да вѣдь мнѣ тамъ холодно, я не могу стоять на лѣстницѣ, я хочу быть здѣсь.—„Мариньи (я не смѣла назвать его Сенъ-Жаномъ), возвратитесь домой, я дойду одна; развѣ вы можете доставить мнѣ потомъ разрѣшеніе, которое теперь

помѣшаете мнѣ получить? Уходите, умоляю васъ, чтобы онъ васъ опять не увидалъ!“ Я долго упрашивала его, прежде чѣмъ добилась толку. Наконецъ онъ ушелъ, и я вздохнула свободно лишь въ ту минуту, когда дверь притворилась за нимъ. Скоро Марино вызвалъ насъ въ свою канцелярію, гдѣ спросили наши имена и мѣсто жительства, чтобъ провѣрить справедливость нашихъ просьбъ; Марино велѣлъ мнѣ придти къ нему черезъ два дня въ восемь часовъ утра. Я не замедлила явиться, но съ трудомъ добилась тамъ, чтобъ меня приняли; только на мое настоятельное увѣреніе, что я осмѣлилась явиться лишь вслѣдствіе положительнаго его приказанія, меня впустили въ его пріемную. Смерть Марата внушила сильныя опасенія подобнымъ ему людямъ; появленія ребенка было достаточно, чтобы навести на нихъ страхъ. Марино принялъ меня очень хорошо. У себя это былъ совсѣмъ другой человѣкъ: голосъ его былъ мягкій и манеры—вѣжливыя; онъ вручилъ мнѣ столь желанное разрѣшеніе и я ушла отъ него полная радости и надеждъ.

Едва только получила я драгоцѣнную бумагу, какъ бросилась къ „тюрьмѣ Затворницъ“; прошло цѣлыхъ пять дней съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ видѣла тетушку. Меня впускаютъ; но каково мое удивленіе! Я нахожу тетушку во дворѣ тюрьмы со всѣми прочими узницами; ихъ переводили въ темницу Сенъ-Жозефъ. Каждая держала подъ мышкой по маленькому узелку и всѣ онѣ уже собирались покинуть это печальное жилище, когда тюремный смотритель по своему произволу запретилъ имъ уносить изъ тюрьмы ихъ вещи. Имъ едва было позволено захватить съ собою изъ ихъ пожитковъ кое-что самое необходимое. Что же касается матрасовъ, одѣялъ и простынь,—все это онъ оставилъ себѣ, равно какъ и ту мебель, которую прежде самъ имъ продалъ и которую онъ, безъ сомнѣнія, впослѣдствіи перепродалъ за дорогую цѣну другимъ узникамъ, а тѣ въ свою очередь, уходя, должны были ее оставить тюремному смотрителю. И я вслѣдъ за узниками направилась къ темницѣ Сенъ-Жозефъ. Но—увы! меня туда не пропускали: разрѣшеніе мое было годно только для „тюрьмы Затворницъ“.—Какая потеря времени! воскликнула я со скорбью,—сколько дней еще придется провести, не видя тетушки!—Дѣйствительно, я потеряла опять цѣлыхъ два вечера въ прихожей Временной Комиссіи, и третій также пропалъ бы даромъ, если бы мы не надоѣли строптивому привратнику, принимавшему насъ. Видя огромное число ожидавшихъ, онъ пошелъ, наконецъ, за Марино, чтобъ очистить комнату; послѣдовала столь же грозная сцена, какъ та, о которой я говорила. Я встала къ сторонкѣ, чтобы пропустить толпу, и выступила впередъ послѣдняя. „Ты опять здѣсь, сказалъ онъ нетерпѣливо;—что же тебѣ еще нужно?“ При этомъ грозномъ голосѣ, я постаралась насколько возможно говорить тише и, извинившись передъ нимъ за невольную назойливость, я разсказала ему про свою неудачу. „Гражданинъ, сжалься надо мною, я такъ долго не видала

тетушки! Вотъ уже три безконечныхъ дня, какъ я здѣсь ожидаю тебя!". И за эти слова, только за одни эти слова, онъ повелъ меня въ свою канцелярію и подписалъ разрѣшеніе на входъ въ Сенъ-Жозефъ. „Вотъ тебѣ, бери и бѣги", сказалъ онъ мнѣ. Съ какою радостью я послушалась его! На другое утро я обняла тетушку.

Перемѣна эта была для нея несчастьемъ; это былъ опасный шагъ впередъ. Вдобавокъ, нужны были новыя траты, чтобъ пріобрѣсти себѣ друзей въ Сенъ-Жозефѣ. Эта тюрьма, болѣе отдаленная отъ насъ, чѣмъ прежняя, дѣлала сообщенія еще болѣе затруднительными. Однимъ словомъ, мнѣ казалось теперь, что всякая надежда на освобожденіе исчезла безвозвратно. Я мечтала еще иногда объ немъ за затворами прежней тюрьмы; одна только тетушка не ожидала ничего хорошаго.

Въ первое время заключенія въ новой темницѣ, когда арестантовъ было еще мало, разъ какъ-то сторожъ, принявши тетушку за посѣтительницу, взялъ ее за руку, чтобъ выпроводить за дверь. „Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ вы его не послушались!" воскликнула я въ порывѣ неописаннаго горя.—„Я плохо хожу, отвѣтила она мнѣ спокойно,—и рѣшительно никого здѣсь не знаю; куда же было мнѣ идти? Меня бы опять схватили и стали бы обращаться со мной хуже прежняго, да и остальныя заключенныя могли бы пострадать отъ этого!"... Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, изъ тюрьмы бѣжалъ воръ, и суровыя мѣры, принятыя вслѣдствіе этого, отозвались на всѣхъ арестантахъ. Помимо строгаго надзора, узницы подвергались еще худшимъ непріятностямъ въ такомъ смѣшанномъ обществѣ; несовсѣмъ безопасно было прогуливаться по этому двору, куда выходили дышать зловоннымъ воздухомъ вмѣстѣ съ героями большихъ дорогъ. Въ то время какъ вы предавались радости при видѣ голубаго неба, эти молодцы очищали ваши карманы. Такимъ образомъ, тетушка моя лишилась своего бумажника. Я просто не могу и теперь еще надивиться этой утонченности, такъ ловко пущенной въ ходъ для того, чтобъ окончательно разорить насъ.

Во время своего пребыванія въ тюрьмѣ Затворницъ, тетушка составила планъ удалить меня изъ Ліона. Не имѣя болѣе никакой надежды за себя и вполнѣ отрекшись отъ собственной жизни, она заботилась только о томъ, какъ бы спасти меня, и подъ предлогомъ важнаго дѣла, непремѣнно требовавшаго присутствія одной изъ насъ въ Парижѣ, она старалась вынудить у меня обѣщаніе поѣхать съ г-жею де-Плантъ, которая собиралась отправиться туда, какъ только будетъ освобождена. Но я не дала этого обѣщанія. Мнѣ не могло и придти на мысль покинуть тетушку; но, несмотря на мое сопротивленіе, она не отказалась отъ своего намѣренія, приводившаго меня въ отчаяніе. Г-жа де-Плантъ, какъ я уже говорила, вышла замужъ за офицера, который одинъ только спасся во время убійствъ въ Пьеръ-Сизѣ. Это обстоятельство дѣлало ея положеніе очень опаснымъ; но, несмотря

на это, она надѣялась на освобожденіе, разсчитывая, вѣроятно, на чье-то покровительство; и тетушка моя, имѣвшая въ виду только опасность моего пребыванія въ Ліонѣ, сосредоточила всѣ свои помыслы на томъ, какъ бы ускорить мой отъѣздъ; я тогда ровно ничего не знала о томъ, что порѣшили между собой эти двѣ женщины, и избѣгала дѣлать какія либо вопросы по этому поводу; но Провидѣніе, разстроивъ эти планы, избавило меня отъ несчастья оказать тетушкѣ непослушаніе. Я не могла надивиться величію ея характера и въ глубинѣ души преклонялась передъ этимъ полнымъ самозабвеніемъ, передъ этой самоотверженной любовью, которая старалась защитить и оградить меня отъ всѣхъ бѣдствій; передъ этой любовью, которая говорила мнѣ: „Лишь бы тебя спасти, а я не страшусь ни страданій, ни одиночества, ни смерти!“ Но поѣздкѣ этой не суждено было осуществиться. Г-жа де-Плантъ послѣдовала за моей тетушкой на эшафотъ. Все же этотъ планъ занималъ ихъ обѣихъ и сократилъ имъ въ послѣднее время много печальныхъ часовъ. Это было серьезное дѣло, драгоцѣнная надежда какъ для той, которая мечтала о свободѣ, такъ и для другой, которая на краю могилы заботилась о спасеніи покидаемой ею сироты.

Кто не пойметъ тревогъ ея материнскаго сердца! Сама же я въ то время не могла вообразить существованія какихъ либо опасностей лично для себя. Я и не замѣчала, что число молодыхъ дѣвушекъ, приходившихъ навѣщать заключенныхъ въ темницу Затворницъ, теперь значительно уменьшилось. Каждая мать, боясь подвергать свою дочь нескромнымъ взглядамъ и дурному обращенію людей, въ чьихъ рукахъ находилась власть, старалась держать ее вдали. Такъ, я не встрѣчала болѣе передъ дверьми темницы своей подруги, Розы Миляне; тетушка моя, подъ вліяніемъ подобныхъ же опасеній, хотѣла поступить такъ же, какъ другія; но она забывала, что всѣ эти напуганныя матери были здѣшнія жительницы города и что онѣ имѣли тысячу средствъ сообщенія, не существовавшихъ для пришельцевъ, какими здѣсь были мы. Если бы мое отсутствіе необходимо было для спокойствія тетушки, я воздержалась бы отъ посѣщенія ея, но продолжала бы заботиться о ней, насколько это мнѣ было возможно. Вѣдь въ ней была вся жизнь моего сердца, и развѣ я могла бы существовать вдали отъ нея? Страдая вблизи нея, я словно страдала вмѣстѣ съ ней и за нее. Эти долгіе часы ожиданія у тюремныхъ воротъ имѣли для меня своего рода прелесть. Одна общая забота собирала всѣхъ этихъ женщинъ и дѣтей, которыхъ я видѣла здѣсь ежедневно. Мы всѣ страдали за одно дѣло, одинаковое несчастіе соединяло насъ какъ бы въ одну семью. Изъ мужчинъ кто скрывался, кто бѣжалъ; показывались однѣ лишь женщины, да дѣти, свято передававшія довѣренныя имъ важныя тайны, которыхъ никогда не выдавали. Не имѣя иной охраны, кромѣ невинности своей, имъ часто удавалось разсѣять коварные замыслы злонамѣренныхъ людей.

Дѣло въ томъ, что въ ребенкѣ—душа взрослаго, и когда несчастья и испытанія того требуютъ, она пробуждается.

Во время заключенія тетушки въ монастырѣ Затворницъ, въ Ліонъ привели 32 человѣка изъ нашего города Мулена для казни. Впослѣдствіи я сильно сожалѣла о томъ, что не постаралась тогда проникнуть къ нимъ. Имъ было бы пріятно увидѣть свою землячку, хотя я была почти ребенкомъ. Кто знаетъ, что они могли бы довѣрить мнѣ? Я имѣла сильное желаніе повидаться съ ними, но не поддалась ему потому, что никого не знала въ Роанской темницѣ, гдѣ они были заключены; я не смѣла дѣлать такихъ попытокъ, черезъ которыя я рисковала лишить тетушку заботъ своихъ и ея единственной, хотя и слабой опоры.

Въ день казни муленцевъ, гражданка Форе явилась, по своему обычаю, поговорить со мною объ этомъ зрѣлищѣ, которое она продолжала любить до страсти; не было конца ея похваламъ, какой хорошій видъ имѣли эти несчастные. Ненависть муленскихъ якобинцевъ, доставившихъ ихъ Ліонской Временной Комиссіи на гибель, была слишкомъ нетерпѣлива, чтобъ заставить ихъ долго томиться въ подвалахъ городской ратуши. И они явились на казнь въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья. Братья Туре особенно поражали своей красотой и отличались мужествомъ; впрочемъ, всѣ они шли на смерть съ твердостью, исключая только одного, которому Туре старшій выражалъ свое неудовольствіе, сходя по лѣстницѣ ратуши. Они шли на казнь! Столько разнообразныхъ чувствъ должны тѣснить сердце человѣка въ такую минуту, что тѣло можетъ ослабѣть безъ того, чтобы сердце участвовало въ этой слабости. Впослѣдствіи я слышала, что они уничтожили большое количество ассигнацій, бросивъ ихъ въ огонь. Нѣсколькимъ арестантамъ удалось спасти часть этихъ бумажекъ и оставить ихъ въ свою пользу.

Я хотѣла скрыть отъ тетушки эту печальную новость, но оказалось, что она уже все знала; она даже просила меня разузнать имена казненныхъ, изъ которыхъ только немногія были намъ извѣстны; и для того, чтобъ удовлетворить желанію тетушки, я не имѣла другаго средства, какъ послать, по наступленіи темноты, сорвать одинъ изъ наклеенныхъ на углахъ улицъ списковъ казненныхъ, который я и принесла ей на другое утро. Этотъ списокъ заключалъ въ себѣ имена самыхъ порядочныхъ и благороднѣйшихъ людей нашей провинціи. Оплакивая ихъ, тетушка моя вмѣстѣ оплакивала и самое себя! Въ темницѣ Затворницъ я видѣла только одного человѣка изъ Мулена,—то былъ Рипу, банкиръ, который не долго оставался тамъ; тетушка моя получила разрѣшеніе повидаться съ нимъ у тюремнаго смотрителя, гдѣ тотъ обѣдалъ; я также была съ нею. Тѣ изъ заключенныхъ, которые были въ состояніи платить тюремщику дорого за этотъ плохой обѣдъ, настойчиво добивались милости занять мѣсто за его узкимъ и грязнымъ столомъ, потому что они могли тогда выдти изъ своей комнаты, и надѣялись,

что во время обѣда у Филона [1]) (такъ, помнится, звали тюремщика) среди разговора вырвется что нибудь такое, что могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ на ихъ собственную судьбу.

Въ природѣ человѣка лежитъ стремленіе узнать, что̀ его ожидаетъ впереди; неопредѣленность надрываетъ и истощаетъ его душевныя силы, и онъ снова обрѣтаетъ ихъ всецѣло, чтобъ перенести или преодолѣть тѣ бѣдствія, которыя онъ видитъ передъ собой. Недолго мучился Рипу неизвѣстностью—онъ скоро погибъ.

Что это было за время! Городъ вездѣ представлялъ картину разрушенія; во всѣхъ кварталахъ ломали зданія [2]); это служило занятіемъ для опаснаго класса людей, всегда готовыхъ къ возстанію, какъ только они испытывали голодъ. Красивые фасады площади Белькуръ исчезали одинъ за другимъ, благодаря дѣятельности столькихъ усердныхъ рукъ. Въ сосѣднихъ улицахъ также ломали дома; не безъ труда можно было пройти черезъ площадь. Съ какимъ замираніемъ сердца приближалась я къ этой грозной цѣпи, иногда тянувшейся вдоль всей площади: она состояла изъ двойнаго ряда мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которыя легко заработывали здѣсь свою поденную плату, передавая изъ рукъ въ руки то кирпичъ, то черепицу, вовсе не торопясь, потому что они хотѣли продолжать эту работу и завтра. Я не успѣвала еще попросить позволенія пройти, какъ меня уже узнавали по моей корзинкѣ: „А — а! это аристократка, она кормитъ измѣнниковъ, она несетъ имъ пищу. Изволь-ка поработать съ нами! Это лучше, чѣмъ откармливать змѣй. Вотъ тебѣ, неси-ка“. И мнѣ также совали въ руку кирпичъ, а я считала себя счастливой, когда мнѣ не навязывали тяжелой корзины съ землей и когда мнѣ удавалось скоро отдѣ-

---

[1]) Тюремщиковъ для главныхъ ліонскихъ тюремъ выписывали изъ Парижа для того, чтобы еще болѣе изолировать арестантовъ. Прим. авт.

[2]) По взятіи Ліона республиканскими войсками, Конвентъ, въ засѣданіи 12 октября 1793 года, принялъ для наказанія мятежнаго города предложенный Барееромъ декретъ, который заключалъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующіе параграфы:

Пар. 3. Городъ Ліонъ будетъ разрушенъ; все, что было обитаемо богатыми, будетъ срыто; останутся въ цѣлости только хижины бѣдняковъ, жилища умерщвленныхъ или изгнанныхъ патріотовъ; зданія, назначенныя для промышленности, и памятники, посвященные человѣчеству и народному образованію.

Пар. 4. Названіе Ліона будетъ вычеркнуто изъ списка городовъ республики. Собраніе уцѣлѣвшихъ домовъ будетъ носить отнынѣ названіе Свободнаго города (Ville affranchie).

Пар. 5. На развалинахъ Ліона будетъ воздвигнута колонна, которая будетъ свидѣтельствовать потомству о преступленіяхъ и карѣ, постигнувшей роялистовъ этого города—съ слѣдующей надписью: Ліонъ воевалъ противъ свободы; Ліонъ не существуетъ болѣе. 18-й день 1-го мѣсяца II-го года республики единой и нераздѣльной.

Для исполненія этого декрета нужны были деньги и руки. Депутаты Конвента, не долго думая, наложили контрибуцію въ 6 милліоновъ на богатыхъ гражданъ Ліона и поручили муниципальнымъ властямъ вытребовать нужныхъ работниковъ не только изъ своего, но и изъ сосѣднихъ департаментовъ. Прим. пер.

лться отъ возложеннаго труда и грубыхъ шутокъ, оскорблявшихъ мой слухъ.

Эта площадь Белькуръ разнообразила мою ежедневную жизнь печальными эпизодами. Я уже говорила, что, идя въ тюрьму, никакъ не могла миновать ея. Въ первое время заключенія тетушки, гильотина постоянно стояла на ней. Потому ли, что часъ казней тогда не былъ еще окончательно опредѣленъ, или же по какимъ либо особымъ соображеніямъ его перемѣняли,—но однажды случилось, что, хотя я и вышла изъ дому нарочно позднѣе для избѣжанія этого роковаго часа,—все-таки, на мое несчастье, я очутилась здѣсь какъ разъ во время казни. Какъ ни было опасно высказывать при этомъ неодобреніе, но я изо всѣхъ силъ бросилась бѣжать прочь, отвернувшись и не слушая замѣчаній Канта! Ноги мои превратились въ крылья; но все-же я бѣжала не довольно быстро; крики: „Да здравствуетъ республика“! донеслись семь разъ до моихъ ушей. Семь жертвъ пало при возгласахъ этой обезумѣвшей толпы, которая, къ моему счастью, была слишкомъ занята этимъ кровавымъ зрѣлищемъ, чтобъ замѣтить мое бѣгство и мой ужасъ,—иначе меня навѣрно силой вернули бы къ подножію эшафота и принудили быть свидѣтельницей казни. Въ другой разъ, еще гораздо позднѣе, я встрѣтилась съ обреченными жертвами, которыхъ, какъ говорили, хотѣли казнить при свѣтѣ факеловъ, для разнообразія; въ самомъ дѣлѣ, зрѣлище это становилось однообразно,—до того къ нему всѣ привыкли. Когда гильотина была перенесена на площадь Терро, яма, куда стекала кровь казненныхъ, была наконецъ завалена землей; но самая земля словно отказывалась укрывать невинную кровь: она выступала наружу, вопія противъ злодѣяній. На этой площади, противъ улицы св. Доминика, долго сохранялись слѣды крови; невольное чувство уваженія удаляло отсюда шаги проходившихъ.

Наконецъ-то двери темницы Сенъ-Жозефъ открылись для меня и я нашла своихъ узницъ, поселенныхъ въ глубинѣ большого двора въ отдѣльномъ флигелѣ, состоявшемъ изъ двухъ очень просторныхъ комнатъ. Въ этихъ комнатахъ совсѣмъ не было оконъ; маленькая рѣшетка, вдѣланная посреди двери, служила единственнымъ проводникомъ для воздуха и свѣта. Въ одной изъ этихъ комнатъ были кровати для тѣхъ, кто имѣлъ средства платить за нихъ; всѣ остальныя женщины были скучены во второй комнатѣ и спали на соломѣ. Тетушка моя выбрала одну изъ трехъ имѣвшихся здѣсь узкихъ кроватей для того, чтобъ не пришлось раздѣлить съ кѣмъ нибудь своего ложа; зато, какъ бы для уравновѣшенія такого преимущества предъ другими, три женщины, выбравшія эти кровати, получили самыя плохія мѣста въ комнатѣ; кровати ихъ были поставлены передъ громаднымъ каминомъ, который кое-какъ заткнули соломой, что̀ не помѣшало, однако, холоду и сырости проникать до нихъ. Недуги тетушки моей отъ этого еще усилились и съ этихъ поръ ея ревматическія боли перешли въ голову и причиняли ей ужасныя страданія. Въ этой

комнатѣ было пятнадцать кроватей; печки вовсе не было и воздухъ не освѣжался посредствомъ топки. Маленькія жаровни, или грѣлки, служили и здѣсь единственнымъ спасеніемъ заключенныхъ. На ночь ихъ запирали; утромъ двери отпирались и узницы могли, если того желали, прогуливаться по двору, окруженному очень высокой оградой. Комната, гдѣ онѣ помѣщались, представляла необыкновенное зрѣлище, которое я видѣла только здѣсь: потолокъ былъ совсѣмъ черный и весь затянутъ безчисленными нитями паутины. Эти прилежные работники, конечно, много лѣтъ трудились въ тишинѣ и сырости этой мрачной обители; каждый день прибавляя что нибудь къ этой наслѣдственной работѣ, они постепенно образовали словно шатеръ, который склонялся опрокинутымъ куполомъ до половины комнаты и казался какимъ-то мрачнымъ саваномъ, готовымъ опуститься на насъ. Невозможно было поднять глазъ безъ отвращенія. Прочность этого шатра въ новомъ вкусѣ свидѣтельствовала о числѣ и о величинѣ обитавшихъ въ немъ работниковъ. Узницы не разъ заявляли объ этомъ, тщетно прося тюремщика велѣть очистить комнату отъ паутины. Онъ согласился только тогда, когда онѣ приняли издержки на свой счетъ. Тотчасъ явилось нѣсколько арестантовъ, нанятыхъ за дорогую плату, для изгнанія этихъ многочисленныхъ сожителей, которые посреди двора были преданы сожженію вмѣстѣ съ ихъ столѣтней работой.

Г-жа Миляне имѣла и здѣсь, какъ въ „темницѣ Затворницъ", отдѣльную комнату, гдѣ помѣщалась вмѣстѣ съ тѣми же лицами. Ихъ попрежнему выпускали во дворъ два раза въ день; но теперь дозволяли дольше пользоваться прогулкой, воздухомъ и фонтаномъ. Только когда человѣкъ лишенъ всего, узнаетъ онъ настоящую цѣну вещей и убѣждается, какъ немного въ сущности ему необходимо для существованія! Всѣ узницы собирались вокругъ фонтана; свѣтлая вода его, ниспадая въ бассейнъ, придавала хоть нѣсколько жизни этому двору, гдѣ все казалось мертвымъ или обреченнымъ на смерть: намъ пріятно было слышать плескъ этой свѣжей и прозрачной струи; она была для насъ утѣшеніемъ и благодѣяніемъ. Эти встрѣчи между узницами имѣли для нихъ большую прелесть; прогуливаясь вмѣстѣ, онѣ повѣряли другъ другу свои надежды, свои опасенія и новости, достигавшія до нихъ. Если къ нимъ допускали какую нибудь новую посѣтительницу, приходившую навѣстить пріятельницу или знакомую,—гостью принимали здѣсь же, во дворѣ. Ея приходъ вызывалъ всеобщее движеніе; всѣ тѣснились вокругъ нея, въ надеждѣ узнать что нибудь новое; и если даже невѣдѣніе или осторожность посѣтительницы не позволяли ей удовлетворительно отвѣчать на столько нетерпѣливыхъ вопросовъ, то все же одинъ видъ ея былъ великою радостью, пріятнымъ развлеченіемъ среди ежедневнаго однообразія.

А иногда къ нимъ приводили узницъ всего только на нѣсколько часовъ, и смерть быстро слѣдовала за этими краткими часами. Въ

числѣ послѣднихъ помню одну монахиню. Я никогда не видѣла ничего подобнаго спокойствію этой женщины. Лишенная всякихъ средствъ существованія, не имѣя ровно ничего, она обратилась въ муниципальное правленіе съ требованіемъ пенсіи, положенной ей по закону. „А давала ли ты присягу республикѣ"? „Нѣтъ",—отвѣтила она. — „Такъ ты не имѣешь права на пенсію; присягни, тогда получишь ее". — Я не могу этого сдѣлать. — „Если ты не дашь присяги, тебя посадятъ въ тюрьму".—„Сажайте".—Было ли то желаніе подставить ей ловушку, или же въ самомъ дѣлѣ спокойствіе и твердость этой женщины тронули одного изъ тѣхъ людей, съ которыми она имѣла дѣло, и онъ хотѣлъ указать ей средство спасенія,—только онъ сказалъ ей: „Послушай, сдѣлай видъ будто присягаешь, я запишу твою присягу, а ты ничего не будешь говорить и будешь спасена".—„Совѣсть моя запрещаетъ мнѣ спасать себя ложью".—„Несчастная, вѣдь ты погибнешь"!—Ее отправили въ сенъ-Жозефъ. Здѣсь она нашла трехъ монахинь, которыя встрѣтили ее съ любовью. Она провела съ своими подругами этотъ день и всю ночь въ молитвѣ; онѣ вмѣстѣ прочитали отходную. Утромъ, среди этихъ благочестивыхъ занятій ее вызвали. Въ полдень ея уже не было на свѣтѣ.

Я уже говорила, что всякій день при наступленіи темноты арестантовъ запирали и между двумя комнатами, раздѣленными толстой стѣной, не было никакого сообщенія. Когда двери были на запорѣ, онѣ не могли болѣе ни видѣться, ни переговариваться. Сторожъ пересчитывалъ ихъ и, убѣдившись, что всѣ на лицо, спокойно уходилъ къ себѣ; и въ самомъ дѣлѣ, что̀ могли бы онѣ предпринять для своего освобожденія? Однажды ночью, въ тѣ счастливые часы, когда сонъ успокоиваетъ всѣ страданія и скорби потому, что даетъ временное забвеніе, благодѣтельный отдыхъ бѣдныхъ узницъ былъ вдругъ нарушенъ страшнымъ шумомъ, раздавшимся въ сосѣдней комнатѣ. Крики, стоны, многократный стукъ въ двери той комнаты, навели на нихъ ужасъ. Онѣ всѣ бросились къ узенькой рѣшеткѣ, единственному отверстію, черезъ которое можно было что нибудь увидѣть, стараясь, несмотря на глубокій мракъ, удостовѣриться, не палачи ли это и не началось ли избіеніе заключенныхъ. Полнѣйшее спокойствіе царствовало во дворѣ; мракъ и безмолвная тишина двора представляли странный контрастъ съ непонятнымъ шумомъ и криками, доносившимися до слуха испуганныхъ женщинъ. Поверженныя въ несказанный ужасъ при мысли близкой, но неопредѣленной, неизвѣстной опасности, онѣ присоединились къ крикамъ своихъ сосѣдокъ, этими самыми криками еще болѣе усиливая испугъ, который все возрасталъ по мѣрѣ того, какъ возвышались ихъ собственные голоса. Это дошло до какого-то изступленнаго бреда; наконецъ, когда шумъ у ихъ сосѣдокъ сталъ стихать, онѣ добились того, что ихъ услышалъ тюремщикъ. Онъ явился къ нимъ увѣренный, что онѣ хотѣли силою выломать двери; и что же? Онъ нашелъ этихъ несчастныхъ женщинъ еле живыхъ, задыхавшихся: онѣ угорѣли

отъ маленькой печки, которая топилась угольями. Г-жа де-Клерико, кажется, первая потеряла сознаніе; остальныя женщины по очереди поддерживали ее передъ маленькой рѣшеткой, пропускавшей хотя немного воздуха. Но онѣ сами скоро лишились силъ; руки ихъ опустились и ослабѣвшій голосъ уже готовъ былъ покинуть ихъ вмѣстѣ съ жизнью, если бы не явилась помощь. Ихъ перенесли во дворъ, гдѣ всѣ онѣ пришли въ себя. Послѣ этого, разумѣется, печку не топили болѣе. Тетушка моя разсказала мнѣ на другое утро про эту ужасную ночь. „Немного свѣжаго воздуха, немного воды—и мы успокоились; какъ мало нужно для того, чтобы существовать“, добавила она.

Я свыклась съ жизнью въ Сенъ-Жозефѣ еще болѣе, чѣмъ въ темницѣ Затворницъ; мнѣ было гораздо дальше ходить сюда, но зато я была увѣрена, что меня впустятъ, что я увижу и обниму свою тетушку—и усталость скоро забывалась. Мы вмѣстѣ прогуливались по пустынному, но обширномр двору, гдѣ можно было уединиться, чтобы откровенно поговорить о дѣлахъ, близко касавшихся дорогихъ лицъ, не опасаясь, что насъ подслушаютъ; вмѣстѣ прислушивались къ плеску фонтана, и этотъ легкій и мѣрный шумъ воды успокоительно дѣйствовалъ на насъ, пробуждая сладкія воспоминанія; мы чувствовали и думали заодно. Такъ какъ мы были совершенно отдѣлены отъ всего, что могутъ доставить свѣтъ и общество, то я старалась сосредоточить всѣ свои способности любви для того, чтобы лучше раздѣлить съ тетушкой немногія удовольствія, которыя были еще доступны ей. Какую-то необычайную прелесть имѣли эти мгновенья, исполненныя грусти и сладости. Тетушка была единственнымъ предметомъ моихъ помысловъ, она была вся моя жизнь! Я приходила всякій день съ надеждой, что приду и завтра; у меня явилось какое-то довѣріе, которое ослабило мои прежнія опасенія; я не могла вообразить, чтобы завтрашній день могъ быть непохожъ на вчерашній,—и меня какъ громомъ поразили слова: „Ея здѣсь болѣе нѣтъ. Она въ ратушѣ“ [1])! Надо было жить въ то время въ Ліонѣ, чтобы понять вполнѣ значеніе этихъ роковыхъ словъ: „она въ ратушѣ“! Революціонное судилище засѣдало въ этомъ красивомъ зданіи, обширные подвалы котораго служили временной тюрьмой для тѣхъ, кто долженъ былъ предстать предъ этимъ судилищемъ. Уже одни эти слова были смертнымъ приговоромъ, ибо эти кровожадные судьи, жаждавшіе казней, находили всѣхъ виновными; и если бы не необходимость, а можетъ быть страхъ, заставлявшіе ихъ иногда сохранять нѣкоторые подобіе справедливости,—они никогда не признали бы ни одного невиннаго.

---

[1]) Подвалы ратуши, обращенные въ тюрьму, приняли въ свои нѣдра тысячи несчастныхъ жертвъ, которыя отсюда переходили въ руки палача; потерянные въ глубинѣ этого подземелья, иные были забыты здѣсь и впослѣдствіи вышли на свѣтъ Божій. Подвалы съ лѣвой стороны извѣстны были подъ названіемъ дурныхъ подваловъ, правые—хорошихъ; хотя и послѣдніе часто раскрывались лишь для казни, но все же хотя слабая надежда оставалась для тѣхъ, кого въ нихъ помѣщали.

Прим. авт.

ВИКТОРЪ ИПАТЬЕВИЧЪ АСКОЧЕНСКІЙ.

Съ портрета, сдѣланнаго въ 1850 г., гравир. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 апрѣля 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ И ЕГО ВРЕМЯ 1773—1844. [1]

X.

Отношенія Голицына къ государю.—Выходка Фотія.—Книга патера Госснера.—Паденіе Голицына. — Переустройство дапартамента духовныхъ дѣлъ. — Аракчеевъ—докладчикъ по синодскимъ дѣламъ.—Положеніе опальнаго министра.—Отзывъ Гётце о Тургеневѣ.—Квакеръ Шлитто.

МИНУЯ въ книгѣ Гётце главу объ архимандритѣ Фотіи и его другинѣ, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой, какъ о личностяхъ хорошо уже извѣстныхъ, мы перейдемъ къ той главѣ, въ которой Гётце разсказываетъ о паденіи Голицына.

Несмотря на то непріятное положеніе, въ какое Голицынъ, какъ уже видно, былъ поставленъ какъ министръ, онъ, какъ частное лицо, пользовался, повидимому, прежнимъ расположеніемъ и даже дружбою Александра Павловича. Князь въ лѣтнюю пору жилъ при императорѣ или на Каменномъ островѣ, или въ Царскомъ Селѣ, и даже, въ 1822 году, какъ казалось, пріобрѣлъ опять полную его довѣренность, такъ какъ онъ участвовалъ въ это время въ составленіи акта объ отреченіи цесаревича Константина Павловича отъ престола. Въ сущности, однако, положеніе его было шатко и затѣянныя противъ него козни не прекращались.

Главнымъ двигателемъ этихъ козней былъ Фотій. Графиня Орлова устроила въ своемъ домѣ свиданіе между нимъ и Голицынымъ, и когда послѣдній явился къ графинѣ, Фотій, уже бывшій у нея, накинулся на Голицына съ обличеніями, насказалъ ему много руга-

[1] Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VIII, стр. 5.

тельствъ и дерзостей, и когда Голицынъ, не вытерпѣвшій этого нахальства, сталъ выходить изъ гостиной, то Фотій крикнулъ ему вслѣдъ: „Анаѳема! Будь ты проклятъ! Анаѳема"!

Слухъ объ этомъ дошелъ до императора и онъ, потребовавъ къ себѣ Фотія для объясненія, принялъ его грозно, но Фотій зналъ, какъ подѣйствовать на мистически-религіознаго государя. Объясненія Фотія приняли благопріятный для него оборотъ и онъ милостиво былъ отпущенъ императоромъ. Разумѣется, что Александра Павловича не могла не поразить, повидимому, чистосердечная смѣлость монаха противъ высокаго сановника и, вдобавокъ къ тому, лица, пользовавшагося дружбою императора. Фотій выставилъ государю Голицына какъ безбожника, содѣйствующаго распространенію пагубныхъ революціонныхъ стремленій, а покровительствуемое княземъ Библейское Общество—какъ гнѣздилище невѣрія, грозившаго ниспровергнуть православную церковь.

На нѣкоторое время изступленный и необразованный изувѣръ, Фотій, сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ воспитанника Лагарпа, и на вопросъ Александра Павловича, какъ предотвратить угрожающую Россіи революцію?—отвѣчалъ: „Смѣнить прежде всего министра, князя Голицына".

Видимымъ предлогомъ къ предрѣшенной уже участи Голицына послужилъ изданный на русскомъ языкѣ переводъ сочиненія католическаго патера Госснера. Магницкій, Фотій и митрополитъ Серафимъ сплотились между собою для противодѣйствія князю. Эти союзники хитрымъ образомъ успѣли достать корректурные листы перевода и съ этими листами, какъ съ явною уликою, отправился митрополитъ къ государю. Разсказывали, что Серафимъ бросился къ ногамъ Александра Павловича и умолялъ его защитить Россію.—„Отъ кого"? спросилъ государь.—Отъ министра, князя Голицына—отвѣчалъ митрополитъ. Въ подтвержденіе же такой необходимости, онъ вручилъ императору переводъ книги Госснера, какъ доказательство тому, какое зловредное, противоправославное направленіе приняла цензура, состоя подъ главнымъ завѣдываніемъ Голицына. Добавляли къ этому, что жалоба Серафима на министра не обошлась безъ театральнаго эффекта, такъ какъ митрополитъ, положивъ у ногъ императора свой бѣлый клобукъ, въ знакъ отказа отъ своего святительскаго сана, умолялъ императора, чтобы онъ возвратилъ святѣйшему синоду его прежнюю самостоятельность. Александръ Павловичъ благосклонно выслушалъ доносъ и жалобы митрополита и обѣщалъ удовлетворить его просьбу.

Адмиралъ Шишковъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, разсматривавшіе переводъ сочиненія Госснера, отозвались о немъ въ смыслѣ, желательномъ митрополиту и его союзникамъ.

Затѣмъ, 15-го мая 1824 года, послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ князь Голицынъ, въ милостивыхъ выраженіяхъ, увольнялся отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія

съ удержаніемъ имъ званія главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, несмотря на настояніе Фотія, чтобы князь былъ удаленъ и отъ этой должности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, директоры, бывшіе при Голицинѣ,—Тургеневъ и Поповъ,—были также уволены отъ занимаемыхъ ими мѣстъ. Изъ департамента духовныхъ дѣлъ были изъяты дѣла православнаго исповѣданія и онъ получилъ опять прежнее его названіе—департамента иностранныхъ исповѣданій. Голицынъ оставилъ президентство въ Библейскомъ Обществѣ и на его мѣсто государь назначилъ митрополита Серафима. По дѣламъ синодальнымъ доклады оберъ-прокурора должны были восходить до государя чрезъ Аракчеева.

Вотъ въ какихъ словахъ передаетъ Гётце о положеніи опальнаго министра: „Въ ближайшее воскресенье—пишетъ Гётце—я отправился на обыкновенный пріемъ къ князю. Я нашелъ тамъ множество посѣтителей, преимущественно изъ подчиненныхъ князя. Лица ихъ были печальны, такъ какъ они любили своего начальника за его доброту и привѣтливость. Князь съ ласковымъ видомъ подошелъ ко мнѣ и подалъ мнѣ руку. На лицѣ его не было ни малѣйшихъ слѣдовъ унынія".

О Тургеневѣ Гётце говоритъ слѣдующее: „Въ Тургеневѣ, противъ котораго была тоже направлена интрига, государь лишился очень способнаго и прямодушнаго слуги, отличавшагося высокимъ европейскимъ образованіемъ. Хотя Карамзинъ пользовался чрезвычайною благосклонностію государя, но всѣ его усилія оправдать Тургенева въ мнѣніи Александра Павловича были безуспѣшны. Какая была причина такого нерасположенія—никто дознаться не могъ. Я думаю—добавляетъ Гётце,—что государь считалъ его крайнимъ либераломъ. При выходѣ въ отставку, Тургеневъ написалъ письмо государю, послѣдствіемъ котораго, скорѣе чѣмъ по ходатайству Голицына, было увольненіе его отъ службы съ пенсіею. Что касается директора департамента народнаго просвѣщенія, Попова, то Голицынъ постарался, чтобы онъ получилъ мѣсто члена совѣта при почтовомъ департаментѣ.

Въ годъ увольненія Голицына отъ званія министра, въ Петербургъ пріѣзжалъ квакеръ Шлитто, и хотя въ то же время православно-фанатическая партія торжествовала, но тѣмъ не менѣе государь два раза принималъ квакера, котораго онъ зналъ еще въ Лондонѣ. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ о предметахъ религіозныхъ и оба они молились вмѣстѣ. Посѣтилъ квакера и князь Голицынъ и также молился о просвѣтленіи его, князя, святымъ духомъ.

XI.

Адмиралъ Шишковъ.—Его сѣтованіе.—Безучастіе его въ интригахъ.—Докладъ его по дѣлу Госснера.—Исходъ этого дѣла. — Непріязнь Шишкова къ Библейскому Обществу.—Мѣры по цензурѣ и по учебной части.

Послѣ паденія Голицына, замѣтнымъ лицомъ въ исторіи нашего просвѣщенія явился адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, такъ какъ онъ былъ назначенъ на мѣсто Голицына министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Въ это время онъ состоялъ членомъ государственнаго совѣта и президентомъ Россійской академіи. Онъ никогда не помышлялъ быть министромъ и громко сѣтовалъ на то, что его безъ его согласія, несмотря на его старость и недуги, обрекли на такія тяжелыя занятія. Литературная и ученая дѣятельность почтеннаго адмирала хорошо извѣстны, и потому мы не будемъ останавливаться на тѣхъ страницахъ книги Гётце, на которыхъ идетъ объ этомъ рѣчь. Шишковъ былъ всегда отъявленнымъ врагомъ Библейскаго Общества въ особенности за то, что оно издало переводъ „Новаго Завѣта“ на русскомъ языкѣ. Несмотря на это, онъ, какъ честный человѣкъ, не принималъ никакого участія въ интригахъ, направленныхъ противъ Голицына.

Мало того, Шишковъ даже какъ будто оправдывалъ Голицына отъ обвиненія, взведеннаго на него по поводу перевода книги Госснера. Въ своемъ обстоятельномъ докладѣ, представленномъ въ комитетъ министровъ, онъ излагалъ это дѣло въ томъ видѣ, что каждый непредубѣжденный человѣкъ изъ книги Госснера ясно увидитъ его неумѣлость и его оплошность; но Госснеръ не проповѣдывалъ ни безбожія, ни революціи, и ему вовсе ни приходило на умъ нападать на православную церковь, какъ его въ томъ обвиняли. Шишковъ не отвергалъ, что нѣкоторые тексты изъ евангелія Госснеръ истолковывалъ въ противность вѣрѣ, но такія толкованія смѣшаны у него съ правильными воззрѣніями, и надобно предполагать, что допущеніе въ книгу первыхъ было своего рода уловкою. Госснеръ хотѣлъ этимъ завлечь своихъ читателей и слушателей съ тѣмъ, чтобы потомъ еще рѣзче внушить имъ исполненіе ихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу и государю.

Когда же Шишковъ заговорилъ въ комитетѣ вообще о нападеніяхъ на православную вѣру, то министры протестантскаго исповѣданія,— графъ Нессельроде, Канкринъ, фонъ-Моллеръ и государственный контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, отдѣлались молчкомъ. Разсказывали, впрочемъ, что, когда по окончаніи засѣданія Канкринъ встрѣтилъ въ прихожей Шишкова, онъ съ обычной своей грубоватостью сказалъ ему: „Побойтесь Бога, Александръ Семеновичъ“. Мнѣніе Шишкова

было поддержано прочими министрами. Послѣ того, Госснеръ былъ высланъ за-границу, а книга его сожжена. Цензоры, фонъ-Поль и Берюковъ, первый за то, что пропустилъ подлинникъ, а второй—переводъ, содержатели типографій Гречъ и Крусъ, и Поповъ, окончившій начатый Брискорномъ переводъ книги Госснера, были отданы подъ судъ.

Шишковъ оставался постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ къ Аракчееву и нерѣдко толковалъ съ нимъ о тѣхъ мѣрахъ, какія желалъ онъ представить на усмотрѣніе государя, какъ напримѣръ, насчетъ противодѣйствія тому злу, которое истекаетъ отъ Библейскаго Общества, распространяющаго втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ книги мистическаго содержанія. Онъ поставлялъ на видъ, что наказаніе виновныхъ за пропускъ книги Госснера и ея перевода само по себѣ будетъ недостаточно, но что нужно учредить особое цензурное управленіе изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ и строго наблюдать за университетскимъ преподаваніемъ. Профессоры и учители должны быть обязаны преподавать по предписаннымъ руководствамъ, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ которыхъ высказывались не столько общіе, сколько личные взгляды преподавателей.

Государь согласился со всѣмъ этимъ, но онъ не могъ не принять въ соображеніе, что вредъ, наносимый мистико-піетистическими агитаторами, замѣнился теперь съ большею еще невыгодою тѣмъ вредомъ, которымъ угрожала противная партія.

XII.

Оправданіе Попова.—Послѣдствія этого оправданія.—Дальнѣйшая участь Попова.—Секта Татариновой.—Пріобщеніе къ ней дочерей Попова. — Упорство одной изъ сестеръ. — Жестокость отца надъ нею. — Ссылка Попова въ монастырь.—Судьба Татариновой.—Генералъ-губернаторъ Головинъ.—Обнаруженіе его принадлежности къ татариновской сектѣ.—Его испугъ.—Замѣщеніе Перовскаго Бибиковымъ.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ Гётце видно, что та перемѣна, которая, по внутреннему убѣжденію Фотія, должна была все переиначить—не повела ни къ чему. Шишковъ жаловался на слабость государя, который въ свою очередь обратился опять къ прежнему мистическо-религіозному настроенію. Дѣло Попова, по разногласію въ сенатѣ, перешло въ государственный совѣтъ. Тамъ большинство голосовъ составилось въ пользу Попова; къ числу такихъ голосовъ принадлежали голоса графа Милорадовича, Васильчикова (впослѣдствіи князя и предсѣдателя государственнаго совѣта) и адмирала Мордвинова. Поповъ былъ оправданъ и, разумѣется, что его оправданіе должно

было благопріятно отразиться на Голицынѣ и на всей его партіи, отозвавшись весьма прискорбно на партіи его противниковъ.

О дальнѣйшей судьбѣ Попова Гётце разсказываетъ слѣдующее. Поповъ присталъ къ извѣстной сектѣ Татариновой, рожденной Буксгевденъ, обратившейся изъ евангелической вѣры въ православную. Къ этой сектѣ пріобщилъ Поповъ трехъ своихъ дочерей, изъ которыхъ старшей было 18 лѣтъ, средняя же, 16-ти лѣтняя дѣвушка, не хотѣла оставаться въ татариновской сектѣ, и тогда пророчица Татаринова убѣдила отца этой дѣвушки, чтобъ онъ принудилъ свою дочь къ тому силою. Для подготовки дѣвушки въ секту, онъ сѣкъ ее розгами до крови по три раза въ недѣлю, читая самъ въ это время молитвы. Онъ не позволялъ ей быть вмѣстѣ съ ея сестрами, а когда розги не помогли, то онъ сталъ морить ее голодомъ и держать по ночамъ въ нетопленномъ чуланѣ, гдѣ ее и нашли лица, производившія слѣдствіе. По словамъ ихъ, страдалица эта возбуждала къ себѣ чрезвычайную жалость. Сестры ея говорили, что она пользовалась прежде прекраснымъ здоровьемъ, а теперь отъ нея оставались только кости, да кожа, покрытая темными пятнами.

Поповъ былъ сосланъ въ Казань, въ тамошній монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1842 году. Татаринова была заключена въ одинъ изъ женскихъ монастырей тверской епархіи. Никакія ходатайства объ освобожденіи ея не могли имѣть успѣха, такъ какъ она ни за что не хотѣла отречься отъ своихъ религіозныхъ заблужденій. Наконецъ, она согласилась дать подписку въ томъ, что пребудетъ вѣрною дщерью православной церкви, и тогда ей дозволено было жить въ Москвѣ. Она, однако, нарушила свое обязательство и составила опять тайную общину изъ своихъ прежнихъ послѣдователей, присоединивъ къ нимъ еще и новыхъ. Къ этой сектѣ принадлежалъ генералъ-губернаторъ Остзейскаго края, Головинъ, что однако не помѣшало ему, по внушенію синодскаго оберъ-прокурора, графа Протасова, обратить въ тамошнемъ краѣ въ православіе болѣе 100.000 душъ латышей и эстовъ.

Нѣкоторыя, не лишенныя интереса, подробности о сектантѣ генералъ-губернаторѣ разсказываетъ Гётце.

Онъ пишетъ, что тайная полиція, тщательно слѣдившая за татариновскою сектою, напала на слѣдъ принадлежности генералъ-адъютанта Головина къ этой сектѣ. Бывшій же въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, учредилъ особую комиссію для преслѣдованія сектъ. Комиссія эта убѣдилась, что Головинъ, въ бытность свою генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ, находился въ сношеніяхъ съ Татариновой, что онъ принялъ ея ученіе и переписывался съ нею. Получая ея письма, онъ набожно крестился, а съ письмомъ обращался какъ съ нѣкоею святынею. Головинъ цаловалъ письмо, а также и всѣхъ тѣхъ, которые находились около него во время полученія имъ письма. Онъ имѣлъ у себя молельню на подобіе той, какая была устроена у Татариновой. Узнали также, что онъ въ Петер-

бургѣ участвовалъ въ происходившихъ у Татариновой радѣніяхъ. Было даже перехвачено письмо Головина, полное піетистическихъ бредней, адресованное возлюбленной его во Христѣ сестрѣ, и письмо это въ подлинникѣ было представлено министру внутреннихъ дѣлъ.

Головинъ вовсе не думалъ объ угрожавшей ему опасности, когда одинъ камергеръ, изъ числа знакомыхъ Гётце, предупредилъ генерала о томъ, что правительство напало на слѣды татариновской ереси. При этомъ извѣстіи Головинъ замѣтно испугался и сказалъ, что онъ возьметъ отпускъ и, не заѣзжая въ Петербургъ, поселится на уединенное житье въ своей смоленской деревнѣ.

Комиссіею было втайнѣ подготовлено все, чтобы захватить Головина и его семейство на мѣстѣ преступленія, но Перовскій неожиданно оставилъ должность министра внутреннихъ дѣлъ. Мѣсто его заступилъ генералъ-губернаторъ юго-западнаго края, Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ. Бибиковъ, какъ извѣстно, былъ личность вполнѣ самостоятельная и не хотѣлъ, ни прямо, ни косвенно, подчиняться вліянію синодальнаго оберъ-прокурора, графа Протасова, принимавшаго дѣятельное, вмѣстѣ съ Перовскимъ, участіе въ преслѣдованіи сектъ, и замялъ это дѣло, такъ что, благодаря ему, Головинъ отдѣлался однимъ только страхомъ.

XIII.

Положеніе Русскаго Библейскаго Общества.—Непослѣдовательность принятыхъ противъ него мѣръ.—Бесѣда Аракчеева и Шишкова съ митрополитомъ Серафимомъ.—Затруднительное положеніе послѣдняго.—Записка Шишкова.—Доносъ Магницкаго.—Указъ императора Николая о закрытіи Русскаго Библейскаго Общества.—Гнусные поступки Магницкаго.—Поѣздка его въ Казань.

Библейское общество подвергалось въ концѣ царствованія Александра Павловича большимъ подозрѣніямъ. Обстоятельства его закрытія очень хорошо извѣстны изъ всего, что относительно этого появилось въ нашей печати за послѣдніе годы, но замѣчательна та умственная и нравственная сумятица, а также та непослѣдовательность, которыя должны были и тогда броситься въ глаза по поводу мѣръ, направленныхъ противъ этого общества и о которыхъ упоминаетъ Гётце.

Шишковъ съ точки славянскаго корнеслова негодовалъ на общество за переводъ св. писанія съ славянскаго языка. Первый совѣтникъ государя, Аракчеевъ, относился къ дѣятельности общества вполнѣ равнодушно, какъ къ учрежденію, имѣвшему въ виду религіозныя цѣли, но его пугали тѣмъ, что члены этого общества собственно—волки въ овечьей шкурѣ, такъ какъ, несмотря на благочестивую покрышку,

они въ сущности, какъ говорили, были революціонеры, иллюминаты и даже карбонаріи. Въ такомъ же непривлекательномъ видѣ представляли ихъ и государю.

2-го ноября 1824 года, Аракчеевъ и Шишковъ получили приказанія государя отправиться въ Александро-Невскую лавру къ митрополиту Серафиму, чтобы переговорить съ нимъ о дѣлахъ Русскаго Библейскаго Общества. Гётце приводитъ подробности объ этой бесѣдѣ, которая должна была поставить въ тупикъ митрополита. Шишковъ внушалъ его высокопреосвященству, какое губительное вліяніе имѣло общество и на церковь, и на государство. Аракчеевъ поддакивалъ Шишкову тамъ, гдѣ рѣчь переходила въ область политики. Между тѣмъ, митрополитъ, какъ надобно полагать, выслушивая нападки обоихъ сановниковъ на общество, долженъ былъ находиться въ недоумѣніи, спрашивая самаго себя: какимъ же образомъ все это могло случиться? Неужели же онъ, первенствующій святитель православной церкви въ Россіи, могъ втеченіе десяти лѣтъ быть вице-президентомъ въ вертепѣ безбожниковъ и заговорщиковъ? Вопросъ о переводѣ св. писанія на русскій языкъ долженъ былъ также поставить Серафима въ затруднительное положеніе, такъ какъ упомянутый переводъ былъ предпринятъ по благословенію святѣйшаго синода. То же примѣнялось и къ Катихизису Филарета, одобренному синодомъ. Такимъ образомъ, выходило, что митрополиту слѣдовало обвинять и самого себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ учрежденія, въ которыхъ онъ былъ въ настоящее время главнымъ представителемъ, какъ первенствующій членъ синода и какъ президентъ Русскаго Библейскаго Общества; наконецъ, нужно было обвинять и государя, какъ верховнаго покровителя Библейскаго Общества.

Въ виду всего этого, Серафиму не оставалось ничего болѣе, какъ отдѣлываться отъ своихъ собесѣдниковъ общими выраженіями и склонять ихъ къ терпимости въ отношеніи того положенія дѣлъ, въ какомъ общество очутилось, въ противность цѣлямъ, предположеннымъ самыми замѣтными и благонамѣренными его дѣятелями.

Несмотря на это, Шишковъ былъ неутомимъ въ преслѣдованіи Библейскаго Общества и въ 1824 году представилъ государю немало записокъ, изложенныхъ въ такомъ направленіи. Въ нихъ всѣ нападки преимущественно сводились къ неумѣстному и губительному для Россіи переводу св. писанія на русскій языкъ. Не желая раздражать болѣе почтеннаго старца, Александръ Павловичъ надѣялся сдержать ретиваго славянолюбца заявленіемъ, что переводъ этотъ былъ сдѣланъ по собственному его, государя, повелѣнію. Но старикъ не унимался и вскорѣ нашелъ удобный случай повторить свои настоянія.

Опираясь на свой разговоръ съ митрополитомъ Серафимомъ, Шишковъ докладывалъ императору, что Библейское Общество—франкмасонство, что нужно опечатать его бумаги и передать ихъ на разсмотрѣніе синода; воспретить дальнѣйшее распространеніе св. писанія

на русскомъ языкѣ; такъ какъ бо́льшая часть членовъ синода принадлежала къ лицамъ, отличавшимся вѣротерпимостію, то двоихъ надо удалить, замѣнивъ ихъ вновь назначенными. Императоръ отклонилъ эти предложенія замѣчаніемъ, что онъ долженъ быть послѣдователенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ видѣ возраженія на это замѣчаніе, Шишковъ представилъ Александру Павловичу обширную записку. Въ ней онъ доказывалъ, что твердость правительства не заключается въ поддержаніи его погрѣшностей, и что, напротивъ, оно обязано исправлять ихъ; что государю не слѣдуетъ жертвовать общимъ благомъ для своего личнаго самолюбія, и ссылался на примѣры Петра Великаго и Генриха IV. Онъ указывалъ на то, что Россія позаимствовала учрежденіе Библейскаго Общества отъ англійскихъ методистовъ, что совмѣстное засѣданіе православныхъ святителей съ разными иновѣрцами представляетъ крайнюю несообразность. На эту записку никакого отвѣта отъ государя не послѣдовало.

На сторонѣ Шишкова стоялъ упоминаемый уже нами нѣсколько разъ Магницкій, пользовавшійся благосклонностью Аракчеева. Изъ прежняго яраго приверженца Библейскаго Общества онъ, съ перемѣною вѣтра, обратился въ непримиримаго его гонителя. Чрезъ митрополита Серафима онъ представилъ государю записку о вредѣ, причиняемомъ Обществомъ церкви и государству, но послѣдствія вышли вовсе не тѣ, какихъ ожидалъ этотъ двоедушный доносчикъ. Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ Серафиму призвать къ себѣ Магницкаго и сдѣлать ему строгій выговоръ за тѣ порицанія, какія онъ позволилъ себѣ противъ членовъ этого Общества, и объявить ему, что если онъ не хочетъ принимать участія въ ихъ дѣятельности, то долженъ былъ заявить объ этомъ просто, въ приличныхъ выраженіяхъ.

12-го апрѣля 1826 года, состоялся, по настоянію Шишкова и Серафима, высочайшій указъ отъ имени вновь воцарившагося государя о закрытіи Русскаго Библейскаго Общества, которое втеченіе своего существованія напечатало 876.106 экземпляровъ библіи, частію вполнѣ, частію въ извлеченіи. Бывшій же у общества капиталъ 2.000.000 рублей ассигнаціями былъ переданъ въ распоряженіе синода. Спустя, однако, нѣсколько времени, по стараніямъ князя Карла Ливена, дозволено было учредить новое исключительно „Евангелическое Библейское Общество", только изъ членовъ протестантскаго исповѣданія.

Какъ въ прежнюю пору Магницкій былъ ревностный поборникъ ланкастерскихъ школъ и желалъ распространить ихъ до самой Камчатки, такъ теперь, напротивъ, онъ явился непримиримымъ ихъ гонителемъ, объявляя, что онѣ, какъ зловредныя учрежденія, должны быть закрыты. Онъ думалъ угодить Шишкову даже тѣмъ, что приказалъ изъ конференцъ-залы казанскаго университета вынести повѣшенный имъ тамъ прежде портретъ Голицына. Но когда позднѣе узналъ объ этомъ Шишковъ, то выразилъ свое крайнее неудовольствіе по поводу такой гнусной продѣлки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пустился во всевоз-

можные доносы, вмѣшиваясь не въ свои дѣла. Такъ, онъ подалъ на Шишкова доносъ, въ которомъ сообщалъ о разстройствѣ и безпорядкахъ въ дерптскомъ университетѣ, разсчитывая на то, что ему будетъ поручена ревизія этого университета, какъ нѣкогда была поручена ревизія казанскаго. Но онъ обманулся. По докладу объ этомъ государю Александръ Павловичу, онъ нашелъ, что такъ какъ Дерптъ находится въ близкомъ разстояніи отъ Петербурга, то лучше было съѣздить туда самому министру и лично удостовѣриться въ состояніи тамошняго университета. Шишковъ исполнилъ волю государя и по возвращеніи изъ Дерпта представилъ ему, что тамошній университетъ находится въ положеніи гораздо лучшемъ, нежели всѣ прочіе университеты.

Магницкій продолжалъ, однако, дѣйствовать какъ доносчикъ. Узнавъ, что удаленные изъ петербургскаго университета Руничемъ профессоры: статистики—Германъ, и географіи—Арсеньевъ, опредѣлены были: первый—императрицею Маріею Ѳедоровною—инспекторомъ классовъ въ Смольный монастырь, а второй—великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ—въ инженерное училище, Магницкій представилъ Шишкову, чтобы онъ довелъ до свѣдѣнія ея величества и его высочества о томъ, какъ опасны эти преподаватели. Шишковъ оставилъ доносъ Магницкаго и безъ послѣдствія, и безъ отвѣта. Магницкій разсвирѣпѣлъ и написалъ своему начальнику, что если онъ, министръ, не дастъ дальнѣйшаго хода присланнаго ему вѣрноподданническаго заявленія, то онъ, Магницкій, напишетъ прямо государю. Такое нахальство вывело, наконецъ, добродушнаго Шишкова изъ терпѣнія и онъ отписалъ Магницкому, что онъ, Шишковъ, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ распоряженіе высочайшихъ особъ, и обязанъ заниматься дѣлами только подчиненнаго ему учебнаго вѣдомства. Къ этому онъ добавилъ, что если Магницкій позволитъ себѣ въ третій разъ обратиться къ нему, Шишкову, съ подобной бумагой, то объ этомъ будетъ доведено до свѣдѣнія государя.

Желая удалить Магницкаго изъ Петербурга, гдѣ онъ занимался интригами и доносами, Шишковъ издалъ циркуляръ, чтобы попечители учебныхъ округовъ жили въ мѣстностяхъ подвѣдомственныхъ имъ округовъ. Циркуляръ этотъ былъ прямо направленъ противъ Магницкаго, который, втеченіе шести лѣтъ со времени своего назначенія попечителемъ округа, не былъ тамъ ни разу. Получивъ такое непріятное для себя предписаніе, онъ поспѣшилъ въ Грузино, къ своему покровителю Аракчееву, чтобы посовѣтоваться съ нимъ: что̀ теперь дѣлать? Аракчеевъ, строгій блюститель дисциплины, внушилъ Магницкому, чтобы онъ повиновался распоряженію своего начальника, и добавилъ, что онъ, Аракчеевъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, переговоритъ объ этомъ съ министромъ. Гостя̀ у Аракчеева въ Грузинѣ пять дней, Магницкій разсыпа̀лся передъ нимъ въ лести и угодни-

чествѣ, на что—надобно сказать къ чести Аракчеева—послѣдній былъ вовсе не податливъ.

Магницкій поневолѣ отправился въ Казань и тамъ навелъ ужасъ. Онъ не только грубо обошелся со всѣми тамошними чинами, но и далъ имъ понять о своихъ близкихъ отношеніяхъ ко всемогущему Аракчееву. Онъ принималъ профессоровъ не иначе, какъ въ торжественныхъ аудіенціяхъ, выходя къ нимъ въ мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, съ анненскою лентою черезъ плечо. Экзамены онъ заключилъ торжественнымъ собраніемъ. Здѣсь произнесъ онъ рѣчь, гдѣ въ каждомъ словѣ высказывалось его самолюбіе въ видѣ похвалъ той организаціи, какую онъ придалъ казанскому университету. Въ честь его данъ былъ балъ. На этомъ балу студенты, которыхъ Магницкій держалъ прежде какъ отшельниковъ, танцевали до утра. О запрещеніи пить вино теперь не было уже помину, такъ какъ онъ зналъ, что его начальникъ, Шишковъ, не былъ противникомъ крѣпкихъ напитковъ.

Чтобы соблюсти необходимую формальность, онъ послалъ министру коротенькое донесеніе о состояніи университета, но вмѣстѣ съ тѣмъ препроводилъ и свою рѣчь въ редакціи главнѣйшихъ газетъ той поры. Когда Пезаровіусъ, редакторъ „Русскаго Инвалида", обратился относительно этого за разрѣшеніемъ къ Шишкову, то министръ нашелъ неудобнымъ напечатать рѣчь Магницкаго; тѣмъ не менѣе, она появилась въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и въ „Вѣстникѣ Достопримѣчательностей".

Вскорѣ Шишковъ узналъ, что Магницкій оскорбительно и дерзко отзывается о немъ, и угрожаетъ, что онъ уничтожитъ всѣхъ непріязненныхъ ему чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія.

XIV.

Возвращеніе Магницкаго въ Петербургъ.—Высылка его оттуда въ Казань черезъ полицію. — Причина такой строгости. — Затрудненія Шишкова въ дѣйствіяхъ противъ Магницкаго. — Назначеніе ревизіи надъ Магницкимъ. — Высылка его изъ Казани въ Ревель. — Изданіе журнала „Радуга". — Переселеніе Магницкаго въ Одессу.—Доносъ его на графа Воронцова.—Переселеніе Магницкаго въ Херсонъ и затѣмъ въ Одессу. — Просьбы его къ Голицыну.— Его смерть.

Ведя разсказъ отчасти послѣдовательно, отчасти со вставками, относящимися къ прежней и поздней порѣ по отношенію къ современности разсказываемаго, Гётце доходитъ до убійства въ Грузинѣ Настасьи Минкиной, или Шумской. Въ этомъ разсказѣ не встрѣчается ничего такого, чтó не появлялось бы уже въ печати, и потому мы не видимъ надобности останавливаться на немъ. Смерть Настасьи при-

вела Аракчеева въ отчаяніе и онъ писалъ къ Магницкому, возвратившемуся изъ Казани въ Петербургъ, чтобы тотъ поспѣшилъ пріѣхать въ Грузино и раздѣлить съ нимъ его ужасную скорбь. Такое приглашеніе было не по вкусу Магницкому, но, опасаясь навлечь неудовольствіе Аракчеева, онъ поспѣшилъ въ Грузино. Во время бытности тамъ Магницкаго, Аракчеева постигъ новый ударъ—получено было извѣстіе о кончинѣ въ Таганрогѣ императора Александра Павловича. Магницкій, сознавая, что теперь опора его — Аракчеевъ — рухнетъ, поскакалъ въ Петербургъ. Прежде онъ, передъ отъѣздомъ въ Казань, не считалъ нужнымъ откланяться министру, а теперь, надѣвъ мундиръ, явился къ Шишкову въ качествѣ смиреннаго подчиненнаго и просилъ у него позволенія съѣздить къ Аракчееву, что̀ и было ему дозволено. Онъ, впрочемъ, и тутъ, по обыкновенію, двоедушничалъ. Не воспользовавшись даннымъ ему отпускомъ, онъ оставался въ Петербургѣ, выжидая, что̀ будетъ дѣлаться при новомъ государѣ. Но 1-го декабря 1825 года, петербургскій генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ, сообщилъ Магницкому высочайшее повелѣніе о выѣздѣ въ Казань. Просьбы его, поданныя Милорадовичу и Шишкову объ отсрочкѣ исполненія по упомянутому высочайшему повелѣнію, остались безъ послѣдствій и, какъ разсказываетъ Гётце, Милорадовичъ на другой же день отправилъ его въ Казань на курьерской тройкѣ, въ сопровожденіи полицейскаго офицера. На послѣдней станціи передъ Казанью, въѣзжавшій прежде туда съ такою грозою Магницкій, теперь, по словамъ Гётце, просилъ своего полицейскаго спутника отпустить его въ Казань одного и устроилъ свой въѣздъ туда ночью, дабы никто не могъ замѣтить, какимъ непригляднымъ способомъ онъ былъ доставленъ на мѣсто своего почетнаго служенія.

Такую строгую и небывалую съ чиновнымъ лицомъ полицейско-принудительную мѣру Гётце объясняетъ слѣдующими обстоятельствами. Магницкій, какъ мы уже говорили, два раза обращался къ Шишкову съ доносами насчетъ членовъ императорской фамиліи, оказавшихъ покровительство изгнаннымъ Руничемъ изъ университета профессорамъ—Герману и Арсеньеву. Магницкій, по всей вѣроятности, исполнилъ, при посредствѣ Аракчеева, ту угрозу, которую онъ высказывалъ въ своихъ донесеніяхъ Шишкову, т. е. написалъ прямо государю. Затѣмъ, когда великій князь Николай Павловичъ приказалъ князю Александру Николаевичу Голицыну пересмотрѣть бумаги, оставшіяся въ кабинетѣ покойнаго императора, то доносъ Магницкаго оказался на-лицо и это побудило Николая Павловича распорядиться такъ круто съ зловреднымъ доносчикомъ.

Въ департаментѣ народнаго просвѣщенія давно уже было заготовлено предписаніе объ отъѣздѣ Магницкаго въ Казань, но Шишковъ, изъ опасенія раздражить Аракчеева, не подписывалъ ее. Когда же Николай Павловичъ вступилъ на престолъ, то Шишковъ представилъ ему о необходимости произвести по казанскому учебному

округу ревизію за время управленія имъ Магницкимъ. Императоръ, хотя это и было странно, повелѣлъ поручить такую ревизію командиру лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, генералъ-маіору Желтухину. Вслѣдствіе этой ревизіи, Магницкій былъ исключенъ изъ службы съ высочайшимъ повелѣніемъ проживать ему безвыѣздно въ Казани и съ отдачею его подъ надзоръ тайной полиціи.

По прошествіи нѣкотораго времени, стали присылаться въ Петербургъ безъимянные доносы на разныхъ лицъ, проживавшихъ въ Казани. Доносы эти были писаны женскимъ почеркомъ. Всѣ ихъ велѣно было препроводить къ казанскому губернатору, барону Розену, съ порученіемъ дознаться, кто ихъ пишетъ. Тогда сдѣлалось извѣстно, что они частью составлялись подъ руководствомъ Магницкаго, а частью онъ сочинялъ ихъ самъ. Вдобавокъ къ этому, Розенъ сообщилъ, что Магницкій находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ казанскимъ архіепископомъ, у котораго онъ часто засиживается до 2-хъ часовъ ночи, и что такое обхожденіе его высокопреосвященства съ лицомъ, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи, не дѣлаетъ ему чести. Вслѣдствіе этого, императоръ Николай Павловичъ приказалъ отправить Магницкаго съ фельдъегеремъ изъ Казани въ Ревель, а архіепископъ былъ переведенъ на епархію низшаго класса.

На Магницкаго была направлена теперь всеобщая ненависть, и Сперанскій, по поводу его ссылки въ Ревель, куда и въ ту пору петербуржцы ѣздили на лѣто для морскихъ купаній, сказалъ: „зачѣмъ сослали Магницкаго въ Ревель, куда ѣздятъ для поправленія здоровья,—вѣдь онъ заразитъ тамошній воздухъ".

Живя въ Ревелѣ, онъ подбилъ тамошняго уроженца Бюргера, учителя русскаго языка, но лютеранина, издавать въ 1832 году на русскомъ языкѣ журналъ, подъ названіемъ „Радуга". Разумѣется, что въ журналѣ полнымъ распорядителемъ былъ Магницкій, и „Радуга" предназначалась быть проповѣдницею самаго крайняго обскурантизма; но по недостатку подписчиковъ журналъ этотъ въ слѣдующемъ году прекратился. Главною задачею этого журнала была борьба противъ европейскаго просвѣщенія и проведеніе въ публику мысли о необходимости отторженія Россіи отъ общенія съ Западомъ. Время татарскаго ига признавалось для Россіи благодѣтельною порою, такъ какъ, благодаря ему, наше отечество, впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, не соприкасалось съ Западомъ и вслѣдствіе этого сохранило православіе во всей его чистотѣ.

Еще въ бытность свою въ Петербургѣ, Магницкій, при своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ Аракчееву, старался на всякій случай сойтись снова съ Голицынымъ, но послѣдній уклонялся отъ этого, зная уже теперь, чѣмъ кончится приближеніе къ нему Магницкаго. Когда же Магницкій былъ исключенъ изъ службы и находился въ нуждѣ, то онъ обратился къ Голицыну съ просьбою исходатайствовать ему то содержаніе, какое онъ получалъ по должности попечи-

теля, для чего долженъ былъ быть испрошенъ особый высочайшій указъ. Голицынъ отклонилъ отъ себя это дѣло, но, тѣмъ не менѣе, какъ слышалъ Гётце, выхлопоталъ ему пенсію по общему уставу, на что Магницкій, по закону, какъ исключенный изъ службы, не имѣлъ никакого права.

Пробывъ шесть лѣтъ въ Ревелѣ, Магницкій рѣшился снова написать Голицыну покаянное письмо. Сознаваясь въ своихъ винахъ передъ княземъ, онъ просилъ прощенія и напоминалъ, что истинный христіанинъ долженъ воздавать за зло добромъ. Смиренное свое покаяніе онъ сопровождалъ просьбою о содѣйствіи съ стороны князя къ переводу его, Магницкаго, въ климатъ болѣе умѣренный, чѣмъ въ Ревелѣ. Хотя Голицынъ и не отвѣчалъ на это письмо, но все же постарался исполнить просьбу Магницкаго, которому и разрѣшено было проживать гдѣ онъ захочетъ, за исключеніемъ Петербурга. Въ маѣ 1833 года, онъ поселился около Петербурга, въ одной изъ нѣмецкихъ колоній. Между тѣмъ, послѣдовалъ указъ, чтобы тѣ лица, которымъ не дозволенъ въѣздъ въ Петербургъ, не имѣли бы права проживать вообще въ предѣлахъ Петербургской губерніи. Тогда Магницкій поѣхалъ въ Москву и, проживъ тамъ нѣсколько времени, окончательно поселился въ Одессѣ.

Бывшій въ то время одесскимъ генералъ-губернаторомъ графъ (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь) М. С. Воронцовъ принялъ Магницкаго благосклонно. Казалось бы, что въ благодарность за это и притомъ въ отношеніи такого честнаго вельможи, каковъ былъ Воронцовъ, Магницкій долженъ былъ бы отстать отъ своей прежней неблагородной привычки доносчика, но оказалось, что даже и Воронцовъ не избавился отъ его кляузъ.

Совершенно неожиданно, въ одинъ прекрасный день, Воронцовъ получилъ препровожденный къ нему изъ Петербурга доносъ на него же самого. Доносъ этотъ былъ написанъ Магницкимъ за его подписью. Когда Магницкій явился, по обыкновенію, къ Воронцову, то графъ, не обнаруживая ничего, дружелюбно разговорился съ нимъ, а между тѣмъ, слуга, получившій приказаніе заранѣе, вошелъ въ кабинетъ и доложилъ графу, что графиня проситъ его сіятельство пожаловать къ ней. Уходя изъ кабинета и извинившись передъ Магницкимъ, Воронцовъ умышленно положилъ доносъ Магницкаго на письменный столъ, такъ чтобы гнусный гость непремѣнно замѣтилъ эту бумагу. Когда же Воронцовъ возвратился въ кабинетъ, то онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ сталъ продолжать прерванную бесѣду, но Магницкій не выдержалъ позора и поспѣшилъ уйти отъ Воронцова какъ можно скорѣе.

Вскорѣ, однако, послѣдовало распоряженіе объ отправкѣ Магницкаго изъ Одессы въ мѣсто прежняго его жительства—въ Ревель. Въ Одессѣ онъ былъ уже человѣкомъ нетерпимымъ: онъ доносилъ, кляузничалъ, ссорилъ между собою всѣхъ служащихъ и т. д. Но такъ какъ

противъ пребыванія въ Ревелѣ Магницкій выставилъ свое болѣзненное состояніе, то ему разрѣшено было жить въ Херсонѣ, съ усиленіемъ надъ нимъ полицейскаго надзора. Въ мартѣ 1841 года, ему, по ходатайству великаго князя Михаила Павловича, разрѣшено было возвратиться въ Одессу съ строжайшимъ внушеніемъ, чтобы онъ не заводилъ тамъ никакихъ интригъ.

Пользуясь пребываніемъ Голицына въ его крымскомъ имѣніи—Гаспра-Александрія, Магницкій обратился къ князю съ просьбою объ исходатайствованіи ему усиленной пенсіи. Голицынъ, забывъ все зло, какое ему надѣлалъ Магницкій, выпросилъ ему, въ августѣ 1844 года, ежегодную пенсію въ 1500 рублей, но Магницкій не долго пользовался этого милостію, такъ какъ умеръ 21-го ноября того же года, за день до смерти Голицына.

Если когда-то Плутархъ выставлялъ въ примѣръ нравственнаго подражанія для юношей знаменитыхъ мужей древняго міра, то Магницкій можетъ быть выставленъ русскимъ историкомъ въ противоположномъ смыслѣ, какъ образецъ, которому подражать вовсе не слѣдуетъ...

XV.

Знакомство Гётце съ Шишковымъ. — Хорошія черты въ характеристикѣ послѣдняго. — Его поздняя женитьба. — Насмѣшки надъ нимъ. — Его гостепріимство. — Его консерватизмъ. — Его вѣротерпимость и филологическій фанатизмъ. — Неосновательное обвиненіе его въ обскурантизмѣ. — Замѣтки о цензурѣ. — Мнѣнія Шишкова о крѣпостномъ правѣ и объ университетскомъ обученіи. — Образъ дѣйствій Шишкова въ отношеніи графа Орлова-Чесменскаго. — Докладъ государю въ лагерѣ подъ Дриссою. — Увольненіе отъ должности министра. — Наружность Шишкова. — Любовь его къ дѣтямъ. — Отношеніе къ литературѣ. — Смерть Шишкова. — Д. Н. Блудовъ. — Устройство евангелической церкви въ Остзейскомъ краѣ. — Законъ о смѣшанныхъ бракахъ. — Отмѣна „Литовскаго Статута“.

Особую главу посвящаетъ Гётце Шишкову, котораго онъ зналъ лично. Знакомство Гётце съ Шишковымъ началось лишь въ царствованіе Николая Павловича. До этого времени онъ слышалъ только о немъ какъ о противникѣ Библейскаго Общества. Шишковъ не былъ вовсе интриганомъ; напротивъ, онъ былъ чрезвычайно честный и прямодушный человѣкъ, старый консерваторъ изъ школы Екатерины II, слѣдовательно—онъ былъ чуждъ племенной ненависти и церковнаго фанатизма. Религіозныя преслѣдованія начались еще за много лѣтъ до вступленія его въ министерство и они вовсе ему не нравились. Онъ являлся фанатикомъ только тогда, когда рѣчь заходила о церковномъ языкѣ и когда не хотѣли признавать тождества этого языка съ современнымъ русскимъ языкомъ.

„Во время назначенія Шишкова министромъ,—разсказываетъ Гётце—я ему лично не былъ извѣстенъ. Какъ чиновникъ особыхъ порученій департамента иностранныхъ исповѣданій, я счелъ нужнымъ явиться къ нему. Онъ жилъ тогда на Фурштатской, въ собственномъ домѣ, прямо противъ Анненской церкви. Онъ принялъ меня и вѣжливо, и ласково. Прошло немало времени, пока я его увидѣлъ снова. Онъ переѣхалъ на казенную квартиру (въ Почтамтскую улицу, въ домъ занимаемый нынѣ директоромъ почтоваго департамента) и послѣ смерти первой своей жены, нѣмки-лютеранки, которую я не зналъ, женился на семьдесятъ первомъ году жизни на католичкѣ и полькѣ, Юліи Осиповнѣ, вдовѣ Лобичевской, рожденной Нарбутъ; надъ этимъ супружествомъ въ ту пору очень смѣялись“.

Шишковъ принималъ доклады Гётце и это приблизило Гётце къ министру. Онъ пригласилъ докладчика бывать у него въ качествѣ гостя и представилъ его своей женѣ. Она была очень образованная и добрая дама и умѣла любезно принимать гостей. Домъ Шишковыхъ принадлежалъ къ числу самыхъ пріятныхъ домовъ въ Петербургѣ. Каждое воскресенье былъ у нихъ обѣдъ для званыхъ и незваныхъ, а по вечерамъ очень часто танцевали. У Шишковыхъ сходились не только высшіе сановники, представители аристократіи и лица дипломатическаго корпуса, но и чиновники министерства, и литераторы, и т. д.

„Чѣмъ болѣе я узнавалъ Шишкова,—разсказываетъ Гётце—тѣмъ болѣе я убѣждался въ его добродушіи и прямотѣ его характера. До такой степени бросалась въ глаза разница его личности, въ сравненіи съ образомъ его дѣйствій по дѣлу Госснера и борьбой съ Библейскимъ Обществомъ! Онъ былъ, такъ сказать, консерваторъ стараго закала, со всѣми предразсудками стараго времени,—консерваторъ, для котораго царствованіе Екатерины II представлялось высшимъ идеаломъ. Приливъ новыхъ, неизбѣжно-измѣняющихся среди людей понятій и воззрѣній онъ приписывалъ исключительно революціонному духу, а недовольство аракчеевскимъ управленіемъ — карбонаризму, который можно истребить сохраненіемъ церковныхъ обрядовъ и строгою цензурою. Отсюда проистекала слабость въ характерѣ этого старика, болѣе или менѣе поддававшагося вліянію Аракчеева, Фотія, Серафима, Магницкаго, братьевъ Ширинскихъ-Шихматовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ.

„Затѣмъ, вся прошедшая его жизнь была ничѣмъ не запятнана, и самые ярые его противники должны признать, что изъ занимаемыхъ имъ служебныхъ должностей онъ не извлекалъ для себя никакихъ выгодъ“.

Въ ту пору, когда Гётце сошелся съ Шишковымъ, звѣзда Аракчеева была готова померкнуть; а Магницкаго Шишковъ, къ счастью своему, отстранилъ отъ себя. Что же касается Фотія, то онъ никогда не показывался въ домѣ Шишкова. Прежнія простодушныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсталыя мнѣнія, которыя высказывалъ Шишковъ, не имѣли уже на дѣлѣ примѣненія.

Обвиненіе Шишкова въ обскурантизмѣ и въ религіозномъ фанатизмѣ Гётце, съ своей стороны, признаётъ неосновательнымъ, въ подтвержденіе чего и ссылается на слѣдующія обстоятельства.

Оба его брака, первый—съ лютеранкой, а второй—съ католичкой, доказываютъ, что Шишковъ былъ чуждъ религіозной ненависти. При немъ должность министра народнаго просвѣщенія была соединена съ званіемъ главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій и не было ни одного случая, въ которомъ бы выразилось его притѣсненіе какого либо иновѣрческаго исповѣданія. Голицынъ, вѣротерпимость котораго была всѣмъ очень хорошо извѣстна, гораздо строже сохранялъ внѣшніе обряды своей церкви, нежели Шишковъ. Такъ, Голицынъ строго соблюдалъ всѣ установленные церковью посты, тогда какъ Шишковъ былъ въ этомъ отношеніи вольнодумцемъ.

Точно такъ же онъ самъ по себѣ снисходительно относился и къ піетизму, и къ мистицизму, доказательствомъ чему можетъ служить его отзывъ о радѣніяхъ баронесы Крюденеръ, о которыхъ мы уже упоминали прежде.

Собственно, Шишковъ былъ ярымъ фанатикомъ только тогда, когда затрогивали излюбленныя имъ воззрѣнія по филологіи. Такъ, онъ никогда не хотѣлъ признать, что церковно-славянскій языкъ для большинства славянъ сдѣлался непонятенъ. Онъ утверждалъ, что русскій языкъ совершенно тождественъ съ славянскимъ, который, въ свою очередь, составляетъ только торжественный слогъ перваго. Отсюда и проистекала его ненависть къ переводу св. писанія на русскій языкъ, какъ къ предпріятію совершенно излишнему и безполезному.

„Можно ли, наконецъ, винить Шишкова въ обскурантизмѣ?"— спрашиваетъ Гётце,—и на этотъ вопросъ даетъ слѣдующій отвѣтъ. Установленная имъ цензура была во многихъ отношеніяхъ болѣе снисходительна и менѣе придирчива, нежели существовавшая до него. Самъ Шишковъ, не обнаруживалъ ни малѣйшаго самохвальства, разсказывалъ Гётце, какъ онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, испросилъ у государя разрѣшеніе на напечатаніе „Записокъ" князя Шаховскаго, бывшаго синодскимъ оберъ-прокуроромъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, такъ какъ цензура не дозволяла печатать его „Записки" въ виду того, что „Записки" эти представляли печальное положеніе Россіи въ царствованіе Елизаветы и, кромѣ того, обнаруживали интриги высшаго православнаго клира.

Должно, однако, сказать, что Шишковъ, какъ и всѣ люди его званія и той поры, былъ противникъ уничтоженія крѣпостнаго права, хотя, по словамъ Гётце, лично онъ былъ добрый помѣщикъ.

Въ одномъ изъ своихъ докладовъ императору Александру онъ высказалъ мнѣніе, что главнымъ образомъ порча студентовъ происходитъ отъ того, что они готовятся по запискамъ профессоровъ. Когда же, однако, по доносу Магницкаго, онъ долженъ былъ обревизовать

дерптскій университетъ, то, несмотря на то, что тамошніе профессоры читали лекціи также по своимъ запискамъ, онъ отдалъ полную справедливость тому благоустройству, въ какомъ онъ лично нашелъ этотъ университетъ. Кромѣ того, онъ никогда не старался распускать свои паруса по попутному вѣтру, но всегда — худо ли, хорошо ли — дѣйствовалъ по своему убѣжденію.

Онъ, судя по отзывамъ Гётце, оставался всегда вѣренъ доброму, примирительному началу. Извѣстно, что Павелъ Петровичъ приказалъ графу Алексѣю Орлову-Чесменскому выѣхать изъ Россіи за-границу. Когда, въ 1798 году, Шишковъ, уже въ званіи генералъ-адъютанта Павла, находился въ Карлсбадѣ, то Павелъ приказалъ ему наблюдать тайно за проживавшими тамъ Орловымъ и Зубовымъ. Тайная полиція была, однако, не въ духѣ Шишкова, и онъ, будучи знакомъ прежде съ Орловымъ, продолжалъ посѣщать его, больнаго, ежедневно, хотя и могъ подвергнуться за это грозной опалѣ. Когда же Орловъ, въ день имянинъ императора Павла, устроилъ въ Карлсбадѣ великолѣпное празднество, то Шишковъ написалъ объ этомъ Павлу, а также и о томъ тостѣ, какой Орловъ провозгласилъ, когда пили у него за здоровье государя. Это примирило Павла съ Орловымъ и онъ дозволилъ Чесменскому вернуться въ Россію въ его помѣстье.

Извѣстно, что Шишковъ, въ качествѣ статсъ-секретаря, сопровождалъ императора Александра Павловича въ походахъ 1812—1814 гг. По поводу этого, Гётце разсказываетъ нѣсколько малоизвѣстныхъ и даже, быть можетъ, еще вовсе неизвѣстныхъ подробностей. Императоръ отдалъ приказаніе, чтобы въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Аракчеевъ, Шишковъ и генералъ Балашевъ собирались на совѣщанія, и о постановленіяхъ, принятыхъ на такихъ совѣщаніяхъ, доводили письменно до свѣдѣнія его величества. Между прочимъ, въ то время оказалось, что присутствіе государя въ арміи, шедшей противъ Наполеона, крайне стѣсняло главнокомандующаго ею, тогдашняго военнаго министра Барклая-де-Толли, но никто не рѣшался сказать объ этомъ государю. Шишковъ, съ своей стороны, отважился отъ имени упомянутаго совѣщанія представить на счетъ этого откровенный докладъ. Балашевъ безъ особаго отпора присталъ къ мнѣнію Шишкова, но чрезвычайно трудно было склонить Аракчеева къ подписи этой бумаги.

Когда Балашевъ говорилъ Аракчееву, что дѣло идетъ о спасеніи отечества, то Аракчеевъ возражалъ: „что вы говорите мнѣ объ отечествѣ, скажите лучше, развѣ государю опасно оставаться при арміи?“— „Конечно, отвѣчалъ Балашевъ, если, напримѣръ, Наполеонъ нападетъ на насъ и разобьетъ, то въ какомъ положеніи будетъ тогда государь? Если же Наполеонъ разобьетъ только нашу армію, состоящую подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, то большой бѣды отъ этого не будетъ“.

Эти соображенія убѣдили Аракчеева и онъ обѣщалъ, подписавъ докладъ, представить его государю.

Гётце приводитъ самый переводъ этого доклада, въ которомъ указывалось на необходимость, чтобы государь уѣхалъ изъ арміи въ глубину Россіи и тамъ занялся бы приготовленіями къ отпору врагу. Приводились по поводу такого предположенія слѣдующія соображенія: во-первыхъ, что государь хотя и назначилъ главнокомандующимъ Барклая-де-Толли, но что, между тѣмъ, онъ, въ присутствіи государя стѣсненъ въ своихъ распоряженіяхъ и не можетъ нести никакой отвѣтственности за свой образъ дѣйствій. Во-вторыхъ, что хотя присутствіе государя и воодушевляетъ войска, но что они и безъ этого побуждаются къ храбрости для защиты свободы, вѣры, чести, императора, своихъ семействъ и родины. Въ-третьихъ, что если Петръ Великій и Фридрихъ Великій командовали войсками, то дѣлали это потому, что ихъ государства были обращены въ одинъ общій военный лагерь. Если же то же самое дѣлалъ теперь Наполеонъ, то это потому, что онъ взошелъ на престолъ не по праву рожденія, но только въ силу обстоятельствъ и вслѣдствіе счастья, и что поэтому императоръ Александръ и не долженъ слѣдовать его примѣру. Въ-четвертыхъ, хотя, несомнѣнно, личная храбрость и заслуживаетъ похвалы, но она не должна переходить за предѣлы благоразумія. Если она является добродѣтелью въ простомъ воинѣ, то въ полководцѣ, который напрасно подвергаетъ себя опасности, заслуживаетъ порицанія, такъ какъ, желая достигнуть личной славы, онъ вызываетъ неувѣренность въ войскѣ. Еще хуже бываетъ это въ отношеніи къ государю, который обязанъ защищать все свое государство. Если онъ будетъ разбитъ или взятъ въ плѣнъ, то все государство должно будетъ поплатиться за его храбрость. Возьмемъ, говорилось въ докладѣ, для примѣра двухъ государей. Одинъ изъ нихъ остается внутри государства и изыскиваетъ способы для защиты его границъ, другой слѣдуетъ повсюду со своимъ войскомъ. Первый изъ нихъ, въ случаѣ неудачи и потери нѣкоторыхъ областей, все-таки изъ остальныхъ своихъ земель составляетъ государство и царствуетъ надъ своимъ народомъ. Побѣдитель, который вступитъ съ нимъ въ переговоры, все-таки долженъ будетъ относиться къ нему какъ къ владѣтельной особѣ. Совсѣмъ въ иное положеніе будетъ поставленъ государь, побѣжденный на полѣ битвы. Когда онъ возвратится въ свои владѣнія, то найдетъ ихъ въ ужасѣ и въ переполохѣ и довѣріе къ нему будетъ утрачено. Если же онъ и останется при своемъ пораженномъ войскѣ и потребуетъ помощи отъ своего народа, то развѣ скоро и легко онъ получитъ ее? Если же онъ попадетъ въ плѣнъ, то осиротѣвшая безъ него страна должна будетъ принять отъ гордаго побѣдителя самыя тяжкія условія.

Въ подтвержденіе возможности того или другаго печальнаго исхода была приведена ссылка на Карла XII.

Если, говорилось далѣе, государь признаетъ за благо, не ожидая рѣшительнаго сраженія, оставить армію въ распоряженіи главнокоман-

2*

дующаго, а самъ отправится въ главнѣйшіе города государства, чтобы призвать дворянство и народъ къ продолженію упорной борьбы, то онъ встрѣтитъ тамъ самый восторженный пріемъ и воодушевитъ народъ до невѣроятной степени. Если въ это время непріятелю удастся даже преслѣдовать нашу армію, то и тогда государство не будетъ находиться въ опасности, а обезсиленный и разстроенный непріятель встрѣтитъ всюду сопротивляющіяся ему новыя силы, и онъ, такимъ образомъ, не въ состояніи будетъ разсчитывать на скорое окончаніе войны.

Докладъ этотъ оканчивался слѣдующимъ, краснорѣчивымъ, по тому времени, обращеніемъ къ императору: „Всемилостивѣйшій государь! Такое наше мнѣніе основано на вѣрности и любви къ твоей священной особѣ. Умилосердись, надежда Россіи! Мы умоляемъ тебя со слезами! Услыши нашъ голосъ и наши просьбы съ высоты твоего престола. Это голосъ всего отечества и мы готовы скрѣпить его нашею кровью“.

Докладъ этотъ былъ написанъ въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Дриссою, 30-го іюля 1812 года.

Аракчеевъ взялъ его съ собою для представленія государю. Такъ какъ въ этотъ день у Александра Павловича былъ цесаревичъ Константинъ и оставался у него цѣлый день, и онъ самъ былъ въ печальномъ настроеніи духа, то Аракчеевъ не хотѣлъ еще болѣе разстроить его представленіемъ доклада и онъ положилъ его въ спальнѣ государя на письменный столъ. Когда, на другой день утромъ, Аракчеевъ явился къ государю, то этотъ послѣдній сказалъ ему: „я прочелъ вашу бумагу“—и болѣе не прибавилъ ни слова. Точно такъ же, когда пришелъ съ бумагами Балашевъ, то и онъ не узналъ, какъ былъ принятъ государемъ представленный ему докладъ. Шишковъ, хотя и былъ еще нездоровъ, но собрался съ силами, и съ портфелемъ отправился къ государю въ надеждѣ узнать что нибудь о послѣдствіяхъ вчерашняго доклада. Шишковъ былъ очень милостиво принятъ государемъ, выразившимъ участіе на счетъ состоянія его здоровья и совѣтовавшимъ ему беречь себя, но и здѣсь о докладѣ не было и помину. Изъ пріема, сдѣланнаго ему государемъ, онъ могъ заключить, что Александръ Павловичъ не гнѣвался на него; и его тѣмъ болѣе еще мучила неизвѣстность на счетъ того, послѣдуетъ ли императоръ внушенію преданныхъ ему лицъ.

Въ надеждѣ поразвѣдать хотя кое что, Шишковъ и на слѣдующій день отправился къ государю, но не засталъ его дома, и Шишкову сказали, что императоръ поѣхалъ въ главную квартиру къ Барклаю-де-Толли. Въ это время оберъ-гофмаршалъ, графъ Толстой, отозвалъ въ сторону Шишкова и сказалъ ему на ухо, что государь приказалъ приготовить дорожные экипажи, и что онъ, вѣроятно, отправится въ Москву.

Такимъ образомъ, опасенія Шишкова разсѣялись. Ночью онъ получилъ приказаніе заготовить воззваніе къ жителямъ Москвы и мани-

фестъ о вторженіи непріятеля въ предѣлы Россіи. Тогда-то и былъ написанъ Шишковымъ тотъ извѣстный манифестъ, въ которомъ говорилось, что врагъ встрѣтитъ: въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ лицѣ—Палицына, и въ каждомъ гражданинѣ—Минина.

Но этимъ дѣло о докладѣ, въ сущности крайне непріятномъ для Александра Павловича, не кончилось.

Разумѣется, что три лица—Аракчеевъ, Шишковъ и Балашевъ сохранили относительно этого доклада полную тайну. Неизвѣстно, при какомъ именно случаѣ проговорился о немъ императоръ своей любимой сестрѣ, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Когда же, въ 1813 году, Шишковъ встрѣтился съ нею въ Карлсбадѣ, то она, подъ обѣщаніемъ ненарушимаго молчанія, стала его просить, чтобы онъ сообщилъ ей этотъ докладъ. Тщетны были всѣ отговорки Шишкова. Онъ не могъ противиться настояніямъ великой княгини, которая, выслушавъ докладъ, залилась слезами. Послѣ того, она снова приступила къ Шишкову съ просьбою дозволить ей собственноручно списать этотъ докладъ, разумѣется, сохранивъ его въ безусловной тайнѣ. Неизвѣстно, сдержала ли она вполнѣ свое обѣщаніе, но, по крайней мѣрѣ, при жизни ея о докладѣ не было никакого слуха. Когда же, въ 1819 г., она скончалась въ Штутгардтѣ и оставшіяся послѣ нея бумаги были пересланы въ Петербургъ, то между ними нашелся списокъ съ упомянутаго доклада. Императоръ былъ чрезвычайно недоволенъ нескромностью своего статсъ-секретаря. Самъ же Шишковъ, когда онъ разсказывалъ Гётце объ этомъ случаѣ, былъ сильно растроганъ и сознавалъ всю неумѣстность своей уступчивости на просьбу обворожившей его прелестной женщины. Обстоятельство это вызвало въ императорѣ охлажденіе къ Шишкову и онъ не встрѣчалъ уже адмирала съ прежнею привѣтливостью до самаго назначенія Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія.

Въ 1828 году, Шишковъ оставилъ министерство народнаго просвѣщенія и преемникомъ ему былъ назначенъ князь Карлъ Ливенъ, занимавшій до этого времени должность попечителя дерптскаго учебнаго округа.

По поводу увольненія Шишкова отъ должности министра, Гётце разсказываетъ, что—это, впрочемъ, всегда такъ ведется—пока Шишковъ занималъ самостоятельную должность, множество разныхъ лицъ заискивали его благосклонность и вниманіе; когда же мѣсто его заступилъ князь Ливенъ, то изъ гостепріимнаго салона почтеннаго адмирала исчезло немало первостепенныхъ чиновниковъ его прежняго министерства. Жена Шишкова, смѣясь, разсказывала объ этомъ Гётце и добавляла, что, встрѣтясь съ однимъ изъ этихъ лицъ въ чужомъ домѣ, она ради шутки сказала этому господину, какъ новость, что мужъ ея будетъ опять назначенъ министромъ. Тогда онъ разсыпался въ любезностяхъ, а она, съ своей стороны, любезно замѣтила ему:

„Я надѣюсь, что тогда мы будемъ имѣть удовольствіе снова видѣть ваше превосходительство въ нашемъ домѣ“,

Шишковъ былъ средняго роста. Лицо его было чрезвычайно бѣло. Его темные глаза и серебристо-сѣрые волосы придавали его физіономіи особое выраженіе. Всѣ его портреты отличаются большимъ сходствомъ. Когда онъ достигъ глубокой старости, то часто страдалъ отъ нервныхъ головныхъ болѣзней, которыя принуждали его ложиться на диванъ. Чтобы облегчить его страданія, была нанята особая женщина для чесанія ему головы голою рукою. Замѣчательно, однако, что несмотря на головныя боли, петербургскій климатъ и почти девяностолѣтній возрастъ, Шишковъ сохранилъ свои чрезвычайно густые волосы.

У Шишкова своихъ дѣтей не было, но вообще онъ ихъ очень любилъ и въ молодые свои годы онъ много переводилъ для нихъ на русскій языкъ изъ „Дѣтской Библіотеки“ Кампе. Еще не за долго до своей смерти онъ для своей любимой двоюродной внучки сочинилъ поучительно-наставительный разговоръ между дѣдушкою и внучкою.

Въ похвалу Шишкова должно сказать, что онъ не преслѣдовалъ своихъ литературныхъ враговъ, и хотя его огорчали ихъ насмѣшки, но онъ встрѣчалъ всѣ направляемыя противъ него выходки безъ всякой злобы.

Шишковъ занимался своими научными и литературными трудами до того времени, пока онъ ослѣпъ окончательно. Впрочемъ, у него въ отношеніи оцѣнки литературныхъ произведеній былъ странный, своеобразный вкусъ. Такъ, по поводу перевода однимъ молодымъ русскимъ писателемъ „Вильгельма Телля“ Шиллера, онъ отозвался: „что̀ можетъ быть интереснаго въ томъ, что швейцарскіе мужики возстали противъ своихъ помѣщиковъ? Меня даже удивляетъ,—добавилъ онъ— что Шиллеръ могъ выбрать такой предметъ для своего драматическаго произведенія“.

Когда же генералъ Скобелевъ поднесъ ему „Солдатскія письма“, не имѣвшія, конечно, никакихъ литературныхъ достоинствъ, но за то вѣрно изображавшія русскаго солдата, то Шишковъ былъ чрезвычайно доволенъ этимъ сочиненіемъ и, смѣясь отъ души, повторялъ особенно понравившіяся ему выраженія.

Шишковъ умеръ 9-го апрѣля 1841 года. Похороны его почтилъ своимъ присутствіемъ императоръ Николай Павловичъ.

Вскорѣ послѣ смерти Шишкова, а именно 25-го апрѣля 1828 г., главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій былъ назначенъ статсъ-секретарь Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. Онъ, по словамъ Гётце, былъ скорѣе поклонникомъ всего изящнаго, нежели государственнымъ человѣкомъ. Блудовъ отличался превосходнымъ слогомъ и въ этомъ отношеніи, какъ дѣловой человѣкъ, могъ быть поставленъ на ряду съ Сперанскимъ. Онъ былъ очень остроуменъ, крас-

корѣчивъ, общежителенъ и доброжелателенъ, но для государственнаго дѣятеля былъ несовсѣмъ пригоденъ по своему ханжеству. Эта черта его характера выразилась, между прочимъ, при составленіи „Уложенія о наказаніяхъ“, установившаго слишкомъ строгія кары за нарушенія противъ православной вѣры.

Время управленія Блудова дѣлами иностранныхъ исповѣданій замѣчательно изданіемъ въ 1832 году законоположеній объ устройствѣ евангелической церкви въ Остзейскомъ краѣ. Первоначально предполагалось устроить тамъ церковь епископальную, на основаніи закона, изданнаго, въ 1686 году, королемъ шведскимъ Карломъ XI. Блудовъ, однако, воспротивился этому и нашелъ болѣе удобнымъ, сдѣлавъ изъ епископскаго сана только почетный титулъ, поручить управленіе евангелической церковью въ упомянутой мѣстности коллегіальному учрежденію—генеральному синоду.

Подъ руководительствомъ Блудова, но, по всей вѣроятности, въ силу непосредственнаго желанія самого императора Николая Павловича, состоялся законъ о смѣшанныхъ бракахъ. Со временъ Петра Великаго до 1832 года у насъ было такъ, что если одинъ изъ супруговъ былъ православный, то рожденныхъ отъ такихъ браковъ дѣтей родители, по ихъ взаимному между собою соглашенію, могли и не крестить по обряду православной восточной церкви. Изданный при Блудовѣ законъ отмѣнилъ такой порядокъ въ Остзейскомъ краѣ. Законъ этотъ былъ распространенъ и на принадлежавшія прежде Польшѣ губерніи, гдѣ дворянство, при заключеніи смѣшанныхъ браковъ, обыкновенно условливалось: рождающихся отъ такого брака дѣтей крестить—сыновей по вѣрѣ отца, а дочерей—по вѣрѣ матери.

Кромѣ того, по мысли Блудова, во время кратковременнаго его управленія министерствомъ юстиціи, за отсутствіемъ министра Дашкова, въ губерніяхъ бѣлорусскихъ было отмѣнено дѣйствіе „Литовскаго Статута“ и были распространены на эти губерніи общія узаконенія.

XVI.

Участь людей, близкихъ къ императору Александру.—Его подозрительность.—Разсказъ Гётце, какъ очевидца о событіяхъ 14-го декабря.—Гороховая улица.—Адмиралтейскій бульваръ.—Карамзинъ.—Выстрѣлы.—Сборище черни.—Угрозы грабежемъ и пожаромъ.—Якубовичъ.—Митрополитъ Серафимъ.—Видъ сенатской площади на другой день.

Переходя къ разсказу о послѣднихъ годахъ жизни Голицына, Гётце дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе относительно людей, близкихъ къ императору Александру Павловичу: „Голицынъ“, говоритъ онъ, „не подвергся той участи, какую испытали другіе любимцы государя:

Кочубей, Строгановъ, Новосильцевъ, Сперанскій, Парротъ. Александръ Павловичъ былъ такой человѣкъ, что если кто нибудь ему наскучилъ или возбудилъ въ его подозрительной душѣ недовѣріе— основательно или нѣтъ,—то онъ, во всякомъ случаѣ, при измѣнившихся потомъ обстоятельствахъ, уже не возвращалъ никогда такому лицу ни своей прежней милости, ни своей довѣренности. Одинъ только Голицынъ стоялъ въ этомъ отношеніи въ исключительномъ положеніи. Хотя Голицынъ и утратилъ со временемъ свое прежнее вліяніе, тѣмъ не менѣе довѣренность со стороны привыкнувшаго къ нему государя ослабѣла лишь на короткое время и онъ оставался впослѣдствіи въ самыхъ близкихъ къ нему отношеніяхъ".

Доказательствомъ этому, по мнѣнію Гётце, можетъ служить то, что Александръ Павловичъ посвятилъ его въ тайну отреченія великаго князя Константина отъ престола.

Гётце подробно передаетъ ходъ этого дѣла, но такъ какъ обстоятельства его теперь уже очень хорошо извѣстны изъ другихъ русскихъ печатныхъ источниковъ, то мы не видимъ необходимости повторять ихъ здѣсь. То же должно сказать о событіяхъ 14-го декабря. Изъ разсказа объ этихъ послѣднихъ мы приведемъ только тѣ, весьма, впрочемъ, не лишнія частности, которыя передаетъ Гётце, какъ очевидецъ.

„Я жилъ тогда", пишетъ Гётце, „на Екатерининскомъ каналѣ, недалеко отъ Каменнаго моста, и одѣвался, чтобы выдти со двора, ничего еще не зная о предстоящемъ воцареніи Николая Павловича, какъ вдругъ я былъ испуганъ страшнымъ крикомъ и суматохою. Я отперъ форточку и увидѣлъ, что часть Московскаго полка, сопровождаемая ревѣвшею толпою, переходила черезъ Каменный мостъ. Озадаченный тѣмъ, что̀ могло бы это значить, я поспѣшилъ выбѣжать на улицу и послѣдовалъ за толпою на Исаакіевскую площадь, гдѣ находилось зданіе сената. Приближаясь къ площади, я замѣтилъ подвыпившихъ солдатъ. „Что, братцы, вы здѣсь дѣлаете?" спросилъ я одного изъ нихъ. „Мы"—отвѣчалъ онъ—„присягали Константину, а Николай, который держитъ его въ неволѣ, хочетъ, вмѣсто него, сѣсть на царство". Такая нелѣпость была внушена этимъ несчастнымъ людямъ, чтобы ввести ихъ въ заблужденіе. Они безъ умолку кричали: „ура, Константинъ!"

Упомянувъ о слишкомъ избитомъ анекдотѣ относительно крика: „ура, конституція", Гётце продолжаетъ: „когда я прошелъ нѣсколько далѣе, то замѣтилъ, что какіе-то люди, одѣтые въ военное и штатское платье, угрожали солдатамъ бѣдою, если они нарушатъ присягу, данную ими Константину. Я слышалъ, какъ одинъ солдатъ, обращаясь къ народу, говорилъ: „у насъ одна душа и мы не можемъ, какъ жиды, присягать на одной недѣлѣ то тому, то другому". Въ числѣ бунтовщиковъ—добавляетъ Гётце—я не видѣлъ ни одного офицера, но мой

знакомый разсказывалъ мнѣ, что онъ среди ихъ узналъ Александра Бестужева".

Гётце съ трудомъ пробирался черезъ толпу, наполнявшую уже Адмиралтейскій бульваръ. Здѣсь онъ встрѣтилъ Карамзина, который, идучи въ шубѣ и въ теплыхъ сапогахъ, былъ одѣтъ въ придворное платье. Тамъ же, на бульварѣ, находилось много иностранныхъ дипломатовъ, посланники англійскій и французскій, а также нидерландскій повѣренный въ дѣлахъ и другіе. Раздался выстрѣлъ, но никто не зналъ, кто произвелъ его. „Впослѣдствіи я узналъ, говоритъ Гётце, что это былъ выстрѣлъ Каховскаго, направленный въ генералъ-губернатора, графа Милорадовича, который и былъ смертельно раненъ.

Послѣ этого пистолетнаго выстрѣла, послышалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Кто стрѣлялъ—въ ту пору было неизвѣстно, точно также это не было дознано и потомъ, при производствѣ слѣдствія.

Толпы народа увеличивались все болѣе и болѣе какъ на бульварѣ, такъ равно и на площади около памятника Петра Великаго. Деревья на бульварѣ были облѣплены людьми, которые стояли также на крышахъ домовъ, прилегавшихъ къ площади, а также на деревянномъ заборѣ, окружавшемъ строившійся въ то время Исаакіевскій соборъ.

„Я—разсказываетъ Гётце—пробрался сквозь толпу къ Зимнему дворцу; здѣсь я увидѣлъ народъ въ возбужденномъ состояніи. Уже около часу находился близъ дворца императоръ; не смотря на холодъ, онъ былъ безъ шинели съ андреевскою лентой черезъ плечо". Послѣ этого Гётце заимствуетъ изъ извѣстной книги барона Корфа нѣкоторые разсказы о дѣйствіяхъ Николая Павловича на Дворцовой площади и затѣмъ продолжаетъ: „Я перешелъ снова на бульваръ по направленію къ строившемуся тогда Исаакіевскому собору. Вдоль бульвара, противъ сената до самой Невы, площадь была загромождена столбами и плитами, привезенными для постройки собора, такъ что въ этомъ мѣстѣ она была неудобна для движенія войскъ. По этой причинѣ, а также и потому, что въ это время была гололедица, кавалерія не могла дѣйствовать.

„Когда я проходилъ по бульвару, по немъ двигалась густая толпа народа, все болѣе и болѣе возраставшая, и притомъ мнѣ попадалось на глаза столько нагольныхъ тулуповъ и столько оборванцевъ, сколько я никогда еще не видывалъ въ Петербургѣ. Мнѣ казалось, что вся эта сволочь, которая выглядывала разбойниками и грабителями, примется вдругъ за булыжники, вынутые изъ мостовой. Какъ впослѣдствіи было дознано, одинъ изъ заговорщиковъ, въ послѣднемъ ихъ совѣщаніи, предложилъ отдать кабаки на разграбленіе черни и, забравъ изъ церквей хоругви, возмутить народъ подъ ихъ сѣнью. Но часть молодыхъ людей изъ аристократическихъ семействъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, не согласилась допустить эти крайности. Такое предложеніе, въ концѣ концовъ, было отвергнуто съ негодованіемъ. Былъ также распущенъ слухъ, будто бы предполагалось допустить народъ, въ воз-

награжденіе за участіе его въ мятежѣ, разграбить на Англійской набережной дома, въ которыхъ жили самые богатые банкиры".

Далѣе Гётце видѣлъ, какъ къ государю подошелъ Якубовичъ, переведенный изъ гвардіи въ армію за участіе въ качествѣ секунданта при дуэли, окончившейся смертью, и снова возвращенный съ Кавказа въ Петербургъ. Здѣсь, прибавляетъ Гётце, знали Якубовича по его звѣрской наружности, и онъ тѣмъ болѣе былъ знакомъ всѣмъ въ лицо, что постоянно бывалъ и въ театрахъ, и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Гётце былъ также очевидцемъ, какъ митрополитъ Серафимъ, въ полномъ облаченіи, съ поднятымъ надъ головою крестомъ, въ сопровожденіи кіевскаго митрополита Евгенія и двухъ иподіаконовъ, отправился, по приказанію императора, уговаривать бунтовщиковъ. Когда, разсказываетъ Гётце, митрополитъ началъ говорить солдатамъ о повиновеніи законному государю, а они стали креститься и прикладываться къ кресту, то предводители мятежа начали кричать имъ, что законный ихъ государь закованъ въ цѣпи, что имъ нѣтъ надобности въ попахъ, и что если бы митрополитъ сталъ божиться, хотя бы по два раза на одной недѣлѣ, то имъ, солдатамъ, нѣтъ до этого никакого дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ барабанный бой заглушилъ голосъ митрополита. Послышались угрозы, что въ него будутъ стрѣлять, и такимъ образомъ онъ и сопровождавшія его лица принуждены были удалиться.

Скопище бунтовщиковъ, бывшее на площади, по глазомѣру Гётце, могло состоять изъ 1.500—2.000 человѣкъ. Они стояли у зданія сената, не предпринимая ничего рѣшительнаго.

Вечеромъ Гётце пошелъ къ своему пріятелю, полковнику Ребиндеру, жившему въ главномъ штабѣ, и увидѣлъ, что весь дворецъ былъ окруженъ войсками, стоявшими на бивуакахъ около небольшихъ зажженныхъ костровъ.

На слѣдующій день утромъ, Гётце отправился снова на мѣсто вчерашнихъ событій. Хотя полиція уже прибрала трупы убитыхъ, но онъ между колоннами сенатскаго зданія увидѣлъ трупъ молодаго человѣка изъ простонародья. Убитый, по всей вѣроятности, пришелъ на площадь изъ любопытства, желая посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Снѣгъ на пространствѣ площади между сенатомъ и памятникомъ Петра Великаго былъ во многихъ мѣстахъ покрытъ кровяными пятнами. Такія же пятна попадались и далѣе. Всѣ стекла въ нижнихъ этажахъ сенатскаго зданія, а также и сосѣдняго съ нимъ дома, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится синодъ, были забрызганы кровью и залѣплены мозгами, а на стѣнахъ виднѣлись слѣды ударившейся въ нихъ картечи.

Число людей, погибшихъ въ день 14-го декабря, никогда не было приведено въ извѣстность.

XVII.

Воспоминаніе объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. — Сравненіе его съ Александромъ I.—Измѣнчивость Александра и постоянство Николая.—Разсказъ Канкрина о докладахъ. — Выборъ государственныхъ людей. — Послѣдніе годы жизни Голицына.—Полученныя имъ отличія.—Слѣпота Голицына.—Его смерть.

Въ слѣдующей главѣ Гётце разсказываетъ о привезеніи въ Петербургъ и о постановкѣ въ Казанскомъ соборѣ тѣла императора Александра Павловича. Въ этой печальной процессіи участвовалъ и онъ самъ, одѣтый, по тогдашнему церемоніалу, въ черный суконный плащъ поверхъ мундира и съ черной, широкополой шляпой на головѣ.

Затѣмъ, Гётце сообщаетъ о судѣ и приговорѣ надъ декабристами, но все это не представляетъ ничего такого, на чемъ бы можно было остановиться, какъ на какихъ нибудь еще неизвѣстныхъ въ нашей печати подробностяхъ. То же самое слѣдуетъ замѣтить и относительно разсказа Гётце о дальнѣйшей судьбѣ Аракчеева.

Послѣдняя глава въ книгѣ Гётце посвящена воспоминанію объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Воспоминанія эти могутъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе, какъ лица̀, вращавшагося въ ту пору въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Онъ,—какъ, впрочемъ, это дѣлаютъ и всѣ знавшіе болѣе или менѣе императора Николая Павловича,—отдаетъ справедливость его прямодушію и твердости характера, но признаётъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что царствованіе его было для Россіи тяжелою порою.

Сравнивая личныя свойства императора Александра Павловича съ такими же свойствами его брата и преемника, Гётце, между прочимъ, говоритъ:

„Александръ I былъ довольно непостояненъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ. На благосклонность его нельзя было твердо полагаться. Люди, которымъ онъ оказывалъ свое особенное расположеніе, или которые удостоились его горячей дружбы и которые, казалось, были достойны оказываемаго имъ высокаго отличія, неожиданно лишались его прежняго вниманія и утрачивали его дружбу. Только безсердечный Аракчеевъ, а отчасти и другъ дѣтства государя, князь Голицынъ, составляли исключеніе. Вполнѣ повредить Голицыну не могъ даже Аракчеевъ, несмотря на всѣ свои интриги. Совершенно инымъ былъ императоръ Николай Павловичъ; у него не было ни одного любимца, который имѣлъ бы такое вліяніе, какое имѣлъ Аракчеевъ. Кромѣ того, если кто либо заслужилъ однажды его милостивое вниманіе, тотъ могъ разсчитывать на его благоволеніе до тѣхъ поръ, пока не лишался его по своей собственной винѣ“.

Относительно разницы въ порядкѣ, соблюдавшемся при докладахъ какъ тому, такъ и другому государю, Канкринъ, министръ финан-

совъ, разсказывалъ Гётце, къ императору Александру Павловичу онъ, Канкринъ, долженъ былъ не только являться въ полномъ мундирѣ, но и не снимать во время доклада перчатокъ. Александръ Павловичъ приказывалъ, чтобы докладчикъ читалъ ему бумаги вслухъ. Онъ былъ глуховатъ и скрывалъ этотъ недостатокъ, и поэтому ему нравился громкій голосъ Канкрина и его рѣзкій нѣмецкій выговоръ, такъ какъ при этихъ условіяхъ императоръ могъ разслышать каждое слово. Что же касается императора Николая, то онъ обыкновенно бралъ отъ докладчика бумагу и самъ громко читалъ ее.

Императоръ Николай Павловичъ не обращалъ особеннаго вниманія на способности и знанія главныхъ государственныхъ дѣятелей, но старался выбирать ихъ изъ людей справедливыхъ.

Къ хорошимъ качествамъ императора Николая Гётце относитъ и сознаніе имъ своихъ ошибокъ. Были случаи, когда онъ, убѣдившись въ безполезности или неудобствѣ своихъ повелѣній, говорилъ: „я самъ виноватъ".

Остается теперь сказать нѣсколько словъ о князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ, котораго Гётце избралъ главнымъ предметомъ своихъ воспоминаній, но который слишкомъ заслоненъ въ его книгѣ другими лицами и разными событіями, не относящимися прямо или даже вовсе не относящимися къ Голицыну. Разумѣется, что отъ такой полноты и разнообразія воспоминанія Гётце не только ничего не теряютъ, но пріобрѣтаютъ еще болѣе, какъ общій разсказъ о томъ времени, въ которое жилъ авторъ.

Съ воцареніемъ Николая Павловича, Голицынъ нисколько не утратилъ своего прежняго положенія ни въ правительственной средѣ, ни при дворѣ. Новый государь относился къ нему съ величайшимъ довѣріемъ и въ короткое время возвелъ его на высшую степень государственной службы, отличивъ его большими наградами. Въ іюнѣ 1826 года, Голицынъ получилъ владимірскую, а спустя два мѣсяца андреевскую ленты. Въ 1828 году, ему пожалованы были брилліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, потомъ портретъ государя, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса и званіе канцлера россійскихъ орденовъ. Съ 1839 по 1841 годъ Голицынъ предсѣдательствовалъ въ общихъ собраніяхъ государственнаго совѣта. Король прусскій пожаловалъ ему высшій знакъ отличія—орденъ Чернаго орла.

Когда государь и государыня уѣзжали изъ Петербурга, то попеченіе о своемъ семействѣ они передавали Голицыну. Еще маленькіе въ ту пору великіе князья и великія княжны были очень послушны передъ Голицынымъ и называли его „дяденькой".

Несомнѣнно, что Голицынъ имѣлъ извѣстную долю вліянія на государственныя дѣла, но въ то же время онъ не искалъ для себя обширной административной дѣятельности и довольствовался относительно скромною должностью главноначальствующаго надъ почто-

вымъ департаментомъ, дававшею ему право присутствовать въ комитетѣ министровъ. Кромѣ того, въ душѣ онъ былъ недоволенъ многими тогдашними порядками, но, какъ ловкій и понаторѣлый царедворецъ, не обнаруживалъ своихъ мнѣній.

Доживъ до семидесяти лѣтъ, онъ началъ поговаривать о необходимости оставить службу и провести остатокъ жизни на свободѣ и на отдыхѣ. Многіе, знавшіе нравъ и привычки Голицына, сомнѣвались, однако, въ искренности такого намѣренія. Но Голицынъ, испросилъ себѣ отставку и, 13-го іюня 1843 года, уѣхалъ въ купленное имъ на южномъ берегу Крыма имѣніе Гаспра-Александрія. При отъѣздѣ онъ былъ полуслѣпой и въ Москвѣ ослѣпъ окончательно, но осенью того же года извѣстный въ ту пору профессоръ кіевскаго университета Караваевъ, посредствомъ искусной операціи, возвратилъ ему потерянное зрѣніе.

Голицынъ умеръ 22-го ноября 1844 года въ Гаспрѣ.

Е. Карновичъ.

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

Разсѣянная жизнь Аскоченскаго.

IV.

Ноября 17-го, суббота.

ЗАѢЗЖАЛЪ къ родственнику Лычковыхъ, Чернову, и съ однимъ изъ нихъ вотъ какой имѣлъ разговоръ:

— Скажите мнѣ, Викторъ Ипатьевичъ, спрашивалъ онъ меня, лукаво улыбаясь,—правда ли, какъ говорятъ, что у Балабухъ свадьба-то разстраивается?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Да ужъ чтó вы тамъ ни говорите, а Аристарховъ непремѣнно женится на Варенькѣ.

— А вотъ же не женится, сказалъ я, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Такъ кто жъ на ней женится?

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ", томъ VIII, стр. 80.

Въ послѣдующихъ извлеченіяхъ изъ „Дневника В. И. Аскоченскаго" мы, во избѣжаніе растянутости въ передачѣ драматической исторіи его сватовства, дѣлаемъ значительныя сокращенія, сохраняя изъ записей В. И. только тѣ, которыя непосредственно относятся къ этой живой и любопытной автобіографической характеристикѣ Аскоченскаго. Къ сожалѣнію, печатаніе ея частями неизбѣжно нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія, какое получилось бы при чтеніи исторіи сватовства сполна. Иная подробность, взятая въ отдѣльности, можетъ на первый взглядъ показаться излишней, тогда какъ въ общемъ итогѣ она имѣетъ и существенное значеніе, и свой интересъ.

Ѳ. Б.

— Кто бы то ни было, только не Аристарховъ.

— Всѣ и вездѣ говорятъ, что Варенька хочетъ выдти за васъ,— только это врядъ ли будетъ.

— Можетъ статься,—не спорю; только все же она не будетъ за Аристарховымъ. Онъ самъ откажется, и Николай Семеновичъ, оставшись при своемъ честномъ словѣ, поневолѣ убавитъ нѣсколько золотниковъ своего упорства; а тамъ и мы посмотримъ, какъ и что надо будетъ дѣлать.

„12 часовъ ночи. Какъ бы это отослать мнѣ думы, такъ самовластно нарушающія мое спокойствіе? Вотъ я и дѣломъ занимаюсь, и даже поэтизировалъ, а все эти безотвязныя сомнѣнія. Прислушиваюсь къ стуку и грому экипажей, несущихъ изъ клуба веселую молодежь и усталую, проигравшуюся въ вистъ и преферансъ, старость, и думаю, не унесется ли какъ нибудь и одна хоть моя дума за этимъ шумнымъ экипажемъ,—и что жъ? все нѣтъ. О чёмъ же эти думы? Ахъ, братцы мои! Завтра я увижу Вареньку, завтра мой праздникъ,— что-то будетъ для меня на немъ? Встрѣчу ли я Вареньку такъ же твердою въ любви, какъ была тому назадъ безконечныя двѣ недѣли? Не сбили ли ее съ настоящаго пути? Крѣпко ли она держится за данный мною ей якорь любви? Боже мой! У ней такъ слабы руки! Кто мнѣ отвѣтитъ на эти тревожные вопросы? Она сама, конечно. Но до этого еще остается цѣлыхъ двадцать часовъ: это, право, кажется, длиннѣе вѣчности. Да ужъ доживу ли я? А впрочемъ... нужно ли и доживать? Можетъ быть, лучше бы заранѣе помолить Бога, чтобы онъ не довелъ меня до той минуты, когда Варенька, уставши отъ трудной борьбы, сама мнѣ скажетъ послѣднее: оставь меня. Уфъ! кровь моя волнуется... но... нѣтъ, я не оставлю ея, пускай она меня броситъ, но я... я... нѣтъ, я не оставлю ея!"

Ноября 19-го, понедѣльникъ.

„Цѣлый день вчерашній я провелъ въ работѣ. Мнѣ хотѣлось чѣмъ нибудь укоротить часы, которые на этотъ разъ тянулись точно волы съ навьюченными возами. Я попеременно то грустилъ, то радовался, то пѣлъ, то снова садился за работу. Часы лежали передо мною—и я сердитъ былъ на нихъ. Никакое развлеченіе не шло мнѣ на умъ. Казалось, что я тѣмъ отнялъ бы нѣсколько грановъ отъ ожидавшаго меня счастія. Наконецъ, слава Бога, сѣли за столъ. Генералъ былъ важно молчаливъ; я вычитывалъ на прекрасномъ и высокомъ челѣ его какую-то неопредѣленную думу. Ужъ не занимало ли его настоящее свиданіе съ Варенькою? Что мудренаго? Онъ такъ ее хвалитъ и любитъ, онъ такъ милостивъ и внимателенъ ко мнѣ. Я почти не касался ни до одного блюда: мнѣ было не до французской кухни, когда въ жизни моей заварилась такая русско-сердечная каша.

„Насилу могъ я дождаться вечера. Смерклось. Добрый мой Сабинъ готовился уже ѣхать въ клубъ, и имѣя отъ меня порученіе предварительно поговорить кое о чемъ весьма необходимомъ въ настоящемъ случаѣ съ Варенькою. Самъ же я разсчиталъ, что ѣхать мнѣ въ клубъ заранѣе не приходится. На меня сейчасъ же обратили бы вниманіе всѣ, кто былъ въ клубѣ, и я не только не успѣлъ бы переговорить съ Варенькою, но даже неумѣстнымъ моимъ появленіемъ могъ испортить все дѣло. Николай Семеновичъ слѣдилъ бы за мною и еще болѣе вооружался бы обидною для меня мнимою невнимательностію; Марья Ѳедоровна, стѣсненная своимъ положеніемъ между двухъ огней, выбилась бы изъ силъ и убѣжала бы отъ одного изъ этихъ огней, которымъ на этотъ разъ ужъ непремѣнно былъ бы я. Сама Варенька должна бы была держать себя въ отдаленіи отъ меня, а это бы прежде всего измучило ее, а потомъ отняло бы у ней часть того жару, который такъ необходимъ былъ при ожидаемомъ появленіи генерала. По всѣмъ таковымъ соображеніямъ, я рѣшилъ ѣхать въ клубъ вмѣстѣ съ отцомъ и командиромъ моимъ.

„И славно я сдѣлалъ, дай Богъ мнѣ здоровья. Встрѣченные въ клубѣ директорами, мы вошли разомъ въ залу. Грянулъ польскій, и генералъ, откланиваясь по сторонамъ, подошелъ прямо къ Лычковой, Надеждѣ Васильевнѣ, которая на этотъ разъ, къ несчастію, была хозяйкою клуба. Варенька сама подошла ко мнѣ и, взявъ за руку, пошла польскій; за нами потянулась цѣлая кавалькада мундировъ, фраковъ и разноцвѣтныхъ платьевъ. Немного, но все въ нѣсколькихъ словахъ успѣлъ я передать Варенькѣ. Генералъ подхватилъ ее изъ рукъ моихъ и я... я остался любоваться ненаглядной моей звѣздочкой. Пышно, но съ тонкимъ вкусомъ одѣтая, счастливая своею рѣшительностію, слыша со стороны тихій говоръ, какъ дань, должную дань изумленія ея дивной красотѣ, Варенька была очаровательна! Я пожиралъ ее глазами и далъ клятву въ душѣ моей во что бы то ни стало достать себѣ это безцѣнное сокровище, которое хотятъ такъ безжалостно втоптать въ рыльскую грязь. Долго отецъ и благодѣтель мой разговаривалъ съ Варенькою; я не слышалъ о чемъ у нихъ шла рѣчь, но мнѣ довольно было раза взглянуть въ глаза моей милой бабочки, чтобы узнать всю сущность ихъ тайнаго разговора. Я не слышалъ ногъ отъ радости, видя Вареньку такъ счастливою отеческимъ вниманіемъ генерала. Я готовъ былъ зацѣловать до крови святую руку благодѣтеля моего за то вниманіе, которымъ онъ дарилъ избранницу мою.

„Заиграли контрдансъ. Лучшая, аристократическая молодежь закружилась около Вареньки; но она уже танцовала съ однимъ, какъ она сама выразилась, постояннымъ человѣкомъ, въ которомъ мы оба нашли себѣ нечаянно усерднѣйшаго агента. Странное дѣло! Всѣ, у кого есть хоть капля здраваго смысла, принимаютъ нашу сторону, только корысть и злоба стоятъ противъ насъ! Я усѣлся съ Марьею

Өедоровною, и—вообразите себѣ, что̀ я услышалъ отъ нея на мой вопросъ о томъ, благодарила ли она генерала за поздравленіе его Вареньки въ день ея рожденія.

— Николая Семеновича, отвѣчала она, — увѣрили, что это все ваша выдумка. „Онъ на все способенъ", говорилъ самъ Николай Семеновичъ, прибавила Марья Өедоровна.

— Боже мой! сказалъ я,—этого еще не доставало! Такъ думать обо мнѣ! Грустно, право, грустно! И можно ли повѣрить, чтобы я осмѣлился когда нибудь играть именемъ генерала? Это такъ грубо, что я и отвѣчать на это не съумѣю вамъ, Марья Өедоровна. Это ужасно! По крайней мѣрѣ, повѣрьте мнѣ хоть теперь и подите поблагодарить добраго генерала за такое его вниманіе къ Варенькѣ!

„Какъ скоро кончился контрдансъ, Марья Өедоровна, подхвативъ Вареньку, подошла къ генералу и... что они тамъ говорили—не знаю. По крайней мѣрѣ, Бабета мнѣ послѣ сказывала, что Дмитрій Гавриловичъ осыпалъ ее благожеланіями и привѣтствіями. Но мнѣ стало грустно. За что, думалъ я, такъ злобно вооружаются на меня эти люди? Что я имъ сдѣлалъ? И чѣмъ это должно кончить?..

„Марья Өедоровна продолжала восклицать. Мнѣ это наскучило.

— Да ужъ скорѣй бы пріѣзжалъ этотъ несносный Аристарховъ, сказалъ я, перебивая рѣчь Марьи Өедоровны.

— Пусть онъ тамъ пропадетъ! отвѣчала она со всей ненавистію, какую только можно ожидать отъ такой женщины, какъ Марья Өедоровна.

„Я захохоталъ.

— Такъ-то вы честите будущаго вашего зятя?

— Чтобъ его чортъ взялъ! продолжала она въ томъ же тонѣ.

„Весело жъ, подумалъ я, этому обрученному жениху ѣхать на пированье. Нарѣченная маменька къ чорту посылаетъ, невѣста бѣгаетъ, какъ отъ чумы, провозглашенный тесть держитъ передъ носомъ его, какъ шестъ, длинное свое слово, а жаждущіе новобранцы-родные засматриваютъ съ умиленіемъ въ туго набитый карманъ; нечего говорить, довольно весело!..

„Однако жъ и мнѣ что-то не радостно. Сабинъ говорилъ мнѣ, что я даже черезчуръ много разговаривалъ съ Варенькою; но вотъ вамъ крестъ святой, если я помню хоть что нибудь изъ моихъ разсказовъ Бабетѣ. Богъ знаетъ, гдѣ была душа моя; кажется, что далеко,—она была въ глубинѣ самой себя и искала тамъ крѣпости и смѣлости противъ скоро имѣющей разразиться тучи страшной, громоносной. Я глядѣлъ на Вареньку только вотъ этими глазами, что̀ во лбу, а тѣ, что̀ подъ сердцемъ, потускнѣли отъ тяжкихъ думъ.

Ноября 21-го, среда.

„Не думалъ, не ожидалъ я себѣ такого счастія. Отдѣлавшись, сколько могъ скорѣе, отъ работы, я одѣлся и поѣхалъ въ Братскій. Обѣдня

шла уже къ концу и я попалъ на проповѣдь, которую, къ крайнему огорченію оратора, разумѣется—не слушалъ, считая это грѣхомъ непростительнымъ, но, чтобъ окинуть взоромъ передніе ряды богомолокъ, я выползъ изъ алтаря; порядочнаго, по обревизованіи моемъ, оказалось немножко побольше нуля и поменьше единицы. Я хотѣлъ было уже тащиться домой и сказать самому себѣ: что, братъ? ѣздилъ не по что, теперь проваливай ни съ чѣмъ. Вдругъ Костя Скворцовъ, наклонясь мнѣ къ уху, шепчетъ: „Варвара Николаевна говорила, чтобы вы послѣ обѣдни заѣхали къ нимъ". Глаза мои заискрились, сердце запрыгало, и на первый разъ я не собрался сказать даже порядочной глупости. „А развѣ Николая Семеновича, спросилъ я потомъ, не будетъ дома?"—Не знаю, отвѣчалъ мнѣ мой вѣстникъ, ни мало, вѣроятно, не подозрѣвая, что я таки собрался сказать глупость. Послѣ этого мнѣ ужъ ничего не оставалось дѣлать, какъ взять шубу и летѣть маршъ-маршъ *туда* (NB. Когда будете печатать мой „Дневникъ", то, пожалуйста, это „туда" прикажите наборщику поставить курсивомъ).

„Нечего грѣха таить: подъѣзжая къ заколдованному теперь для меня дому, я чувствовалъ маленькую робость; какъ-то, думалъ я, встрѣтитъ меня Николай Семеновичъ, если я его застану?—Но была не была—иду. И вотъ я наверху. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ. Я привѣтствовалъ его—и онъ, бросивъ сначала на меня сердитый взглядъ, какъ будто опомнился и подалъ мнѣ руку.—Не со мной тебѣ возиться, думалъ я,—мы эту пѣсню знаемъ. Она начинается обыкновенно stoccato furioso; но мы ее перемѣнимъ въ allegro dolce, или, по крайней мѣрѣ, въ allegro grave. Марья Ѳедоровна не могла скрыть тревожнаго ожиданія слѣдствій первой моей встрѣчи съ Николаемъ Семеновичемъ. Замѣтивъ, что буря прошла и что я свободно и весело вхожу въ залу, Марья Ѳедоровна и сама пріободрилась, а Варенька... душа моя Варенька... ну, тутъ ужъ извините, если я въ передачѣ моихъ впечатлѣній немножко собьюсь съ панталыку. Дѣло-то, господа, больно хватаетъ за ретивое, а это ретивое—только пусти его, тотчасъ выбьется изъ ранжиру и перепутаетъ все, что наставитъ рядкомъ и по системѣ холодный разсудокъ. Варенька, смѣясь тихимъ, но сердечнымъ смѣхомъ счастливицы, выпытывала у меня о впечатлѣніяхъ, какія произвелъ на генерала послѣдній купеческій балъ. Отвѣчать мнѣ на это было не трудно, но трудно было удержаться, чтобы не глядѣть на Вареньку тою страстію, которая кипятила во мнѣ всю кровь и прорывалась насквозь въ каждомъ моемъ движеніи. Я сидѣлъ подлѣ Марьи Ѳедоровны. Она хотѣла что-то передать мнѣ: но, бѣдная, боялась—и кого жъ боялась? своихъ дѣтей. Къ намъ входилъ и Николай Семеновичъ. Я завлекалъ его въ разговоръ—и дѣло шло хорошо. Такъ я провелъ около часу и давно уже не былъ такъ веселъ и счастливъ. Марья Ѳедоровна обѣщала писать ко мнѣ завтра. Съ жаромъ поцѣловалъ я ея руку и... да что толковать дальше? Я уѣхалъ.

Ноября 22-го, четвергъ.

„Я получилъ письмо отъ доброй Марьи Ѳедоровны. Вотъ что она пишетъ:

„Добрѣйшій Викторъ Ипатьевичъ! Такъ много есть у меня кое-чего передать, что я, наконецъ, теряюсь и не знаю—съ чего начать. Я хотѣла отъ всей души угодить генералу [1]),—но что жъ? Нынѣ взглянула—они (яблоки) никуда не годятся. Вы сравните, не похожи ли они (яблоки) на тѣ, что (вы) купили у Чернова, (то) ради Бога, оставьте ихъ у себя и кушайте на здоровье и угостите Яниковскаго. Только прошу—оставьте это въ секретѣ; скажите, что вы купили сами.

„Еще убѣдительная моя просьба. Вы ждите случая, вы можете замѣтить, когда расположенъ будетъ генералъ, то откройте ему мою просьбу и поцалуйте даже ему руку, если только онъ позволитъ. Попросите его, чтобы онъ,—можетъ быть, въ послѣдній разъ,—посѣтилъ насъ въ день имянинъ моей страждущей дочери. Ахъ, она убита горемъ, котораго не могу ни вамъ и никому открыть; только прошу на вечеръ, на чай—то-есть въ семь или восемъ часовъ вечера, а по утру пусть пришлетъ поздравить. Я хочу, чтобы видѣли бабушки всѣ собственными глазами, и если бы онъ былъ такъ добръ, показалъ бы имъ или сказалъ бы—для чего или для кого онъ готовитъ мою Вареньку. Ахъ, Викторъ Ипатьевичъ,—слёзы заливаютъ строки сіи, и я не вижу, что̀ пишу. Когда это было со мной, чтобы я боялась дѣтей моихъ родныхъ, говорить съ ними! Я скоро буду бояться тѣни своей. Всѣ меня преслѣдуютъ, всѣ меня обижаютъ на каждомъ шагу. Ахъ, Викторъ Ипатьевичъ, что̀ я переношу черезъ васъ—одному Богу извѣстно! Я, наконецъ, теряю терпѣніе. Хочу кого нибудь просить, чтобы передать генералу,—но только такъ, чтобы не я была виною,—что̀ намъ дѣлаетъ Павелъ Семеновичъ и его возлюбленная маменька, то я вамъ не могу описать. Онъ насъ мучитъ вами на каждомъ шагу и такія слова говоритъ, что я выхожу изъ терпѣнія. Павелъ Семеновичъ все хочетъ, чтобъ его позвалъ генералъ къ себѣ, и онъ хочетъ ему открыть всѣ ваши гнусныя и даже скверныя продѣлки. О, я бы очень желала, чтобы онъ не въ нашемъ домѣ это сказалъ—а такъ, гдѣ бы передать, (передала бы) генералу. Посмотрѣли бы мы тогда на него, что̀ бы онъ сталъ подобное говорить намъ. Я ему говорила: Павелъ Семеновичъ! Ради Бога—потише. Вы (вамъ) съ этими словами, въ случаѣ (онъ) попроситъ, худо будетъ дѣло.—Я не боюсь никого.—Нѣтъ, надо бояться Бога. Обижать такъ человѣка—за что? За то, что онъ преданъ намъ всей душою?.. Ахъ, оставлю. Нѣтъ, не могу больше писать... Нынче мы отозваны къ

---

[1]) Я просилъ для генерала у Марьи Ѳедоровны яблокъ хорошихъ. Онъ ихъ чрезвычайно любитъ.

Скворцову на чай; но я васъ прошу—въ случаѣ и васъ Михаилъ просилъ (онъ нынче имянинникъ)—то, ради Бога, не ѣздите туда; тамъ будетъ Николаша, и матушка, и даже Павелъ, и все ихъ семейство. Для спокойствія моего вы не должны быть (тамъ), поберегите меня; мнѣ жизнь нужна еще,—хотя я и стараюсь не принимать это къ сердцу: но что жъ? Я не покойна духомъ, не могу сносить обиды ихъ. Ахъ, родные мои! Что вы мнѣ желаете? Чего вы отъ меня требуете. Ихъ бѣситъ то, что я заступаюсь за васъ. Они говорятъ, что я сама неравнодушна къ вамъ... Какіе они совѣты даютъ мнѣ, то нѣтъ силъ выразиться. Еще что? Бабка Балабухина сама везетъ въ Рыльскъ Вареньку, а вы (говоритъ) оставайтесь съ Аскоченскимъ. Онъ вамъ очень милъ. Ну, право, иногда и смѣхъ и грѣхъ! Я передала имъ слова генерала, что̀ онъ говорилъ—въ Рыльскѣ Варенькѣ не бывать, что онъ беретъ ее съ собой. Это ихъ взбѣсило до высшей степени. „Онъ не имѣетъ права (говорили они) располагать семейными дѣлами; ему дано управлять губерніями, а не семейными дѣлами. Не будетъ такъ, а будетъ такъ, какъ поблагословили"... Ждутъ—не дождутся Никанора Ивановича. Варенька говоритъ, что генералъ сказалъ ей, что надо посмотрѣть его, сто̀итъ ли онъ еще васъ и можетъ ли цѣнить васъ. Они всѣ кричатъ: „можетъ, можетъ!—Это ангелъ, а то—бѣсъ!"... Ахъ, что у насъ происходитъ, то нѣтъ словъ выразить всего! Прошу васъ убѣдительно предать сіе посланіе праху и пеплу. Я трепещу—въ случаѣ узнаетъ Николаша, котораго люблю больше жизни своей; изъ любви къ нему пожертвовала дочерью своею. Но это еще все впереди; дай Богъ только перенесть мнѣ. Еще прошу, чтобы никто не видалъ посланія. Это будетъ послѣднее мое изъясненіе къ вамъ. Кланяется вамъ Варенька. Въ воскресенье будемъ на поздней въ Братствѣ. Спѣшу, чтобы кто не помѣшалъ".

„Уфъ, Боже мой! Какъ мнѣ тяжело! Какъ больно душѣ моей отъ этихъ страданій моихъ ближнихъ, которые когда нибудь рискуютъ участвовать въ судьбѣ. Я—точно дубъ, поваленный и обросшій травою; поднимаютъ дубъ—и вырывается съ корнемъ мирно пріютившаяся къ нему трава. Тяжело! Но мужайся, Викторъ, потерпи, и да крѣпится сердце твое, уповая на Господа. Аще ополчится на тя полкъ, не убоится сердце твое; аще возстанетъ на тя брань, на него, на него одного возверзи силу твою,—и изыдетъ онъ, яко свѣтъ, правду твою и судьбу твою, яко пополудни!..

Ноября 30-го, пятница.

„Я скоро сдѣлаюсь отчаяннымъ суевѣромъ. Тревожно проглядывая въ мое будущее, я робко берусь за все, въ чемъ думаю находить какія либо указанія ожидающей меня участи. Кто не извинитъ въ этомъ случаѣ неизбѣжныхъ припадковъ маленькаго суевѣрія?

„Вчера обезпокоенъ я былъ однимъ сномъ, нынче—другимъ. Представилось мнѣ, что я какъ-то взгромоздился на дерево огромной высоты и непремѣнно долженъ улечься на одной изъ его вѣтвей, толстыхъ, дюжихъ, крѣпкихъ. Подо мною бездна, отъ которой голова кружится; покатость вѣтви, на которой я лежу, пугаетъ меня больше всего, но еще достаетъ въ рукахъ моихъ крѣпости удержаться на этой воздушной колыбели.

„Смотрите жъ теперь,—не есть ли это чудно-аллегорическое сказаніе о настоящемъ моемъ положеніи въ свѣтѣ? И посудите, какъ типически-прекрасно и философски-вѣрно разлагаетъ многодумная душа мои тяжелыя мысли на составные, такъ сказать, ихъ элементы!

„Съ нѣкотораго времени я начинаю чувствовать гдѣ-то глубокое въ душѣ моей томительное и еще неясное для меня безпокойство. Что оно? Къ чему оно? Откуда гроза—вотъ вопросы, на которые отвѣчать не дано заранѣе взволнованной душѣ моей. Но уже веселость моя оставляетъ меня и даже между людьми я иногда худо скрываю мою грусть, мои пророчественно-томительныя думы.

„Нечаянно, вовсе нечаянно, увидалъ я нынче Вареньку: она взглянула на меня—и мнѣ, повѣрите ли?—мнѣ, закаленному въ полымѣ страстей, уже отжившему первую пору молодости,—мнѣ стало отраднѣе, легче; но это былъ солнечный лучъ, торопливо проглянувшій сквозь тучи, со всѣхъ сторонъ облегающія горизонтъ моей будущности. Промелькнула Варенька—и серце мое снова заныло, и еще больнѣй заныло, еще безотраднѣе представилась мнѣ мысль уступить этакую радость, такое подаваемое мнѣ небомъ сокровище. Напрасно мой добрый Сабинъ говорилъ мнѣ восторженную рѣчь объ ожидающемъ меня счастіи житья съ Варенькою; смѣясь принужденнымъ смѣхомъ, я не вѣрилъ пророчественному говору молодости, не знающей неодолимыхъ препятствій и живущей однимъ сердцемъ. Эхъ, Варенька, Варенька! Зачѣмъ ты отняла у меня фаталистическую довѣрчивость во все, что будетъ со мною? Зачѣмъ ты велѣла мнѣ снова познакомиться съ тѣмъ болѣзненно-сладкимъ припадкомъ, отъ котораго стынетъ умъ, кипитъ кровь и такъ горячо бьется охладѣлое уже сердце?... Эхъ, Варенька, Варенька!....

„Генералъ, которому теперь попалась навстрѣчу она, полу-серьезно, полу-шутя повелъ за столомъ рѣчь о Бабетѣ: „Жаль, говорилъ онъ, что она живетъ такъ далеко, а то бы я непремѣнно отбилъ ее у васъ.

— Вѣрно, ваше в—ство, отвѣчалъ я,—это для васъ такъ легко.

— Не такъ, чтобы легко, возразилъ онъ, — даже врядъ ли это возможно.....

„И онъ смотрѣлъ на меня своими большими, прекрасными глазами, въ которыхъ такъ много отеческой любви ко мнѣ..... Я понялъ этотъ многознаменательный, продолжительный его взглядъ. И долго еще потомъ шла рѣчь, но она была уже оффиціальна и касалась только родственниковъ Вареньки.

„Наступалъ вечеръ. Куда мнѣ дѣваться? Есть много мѣстъ, гдѣ я могу убить время, но убью ли тамъ я тоску мою? Куда жъ мнѣ дѣвать этотъ вечеръ? Пойду къ Платону — и вотъ я уже у него. Но вяло и прерывисто шла обычная рѣчь наша. Я начиналъ останавливаться на продолженіи и не зналъ, чѣмъ кончить; но.....

„Съ нѣкотораго времени я замѣчаю въ генералѣ какъ будто какую-то принужденность въ участіи къ судьбѣ моей и милой Вареньки. У него есть особенныя думы.... Боже мой! Что, если я моею неосторожностію самъ повредилъ моему дѣлу! А мудренаго ничего нѣтъ. Мой разсудокъ вовсе отказался служить мнѣ, и сердце, оставшись полновластнымъ хозяиномъ, можетъ напроказить много, чего ужъ и не поправишь. О, сохрани Боже!.... 4-е декабря должно рѣшить много вопросовъ.

Декабря 2-го, воскресенье.

„Опять генералъ былъ какъ-то серьезенъ. Только къ концу стола онъ нѣсколько разговорился. Вопросъ, сдѣланный имъ мнѣ о томъ, получилъ ли я письмо изъ Рыльска, заставилъ меня покраснѣть, тѣмъ болѣе, что въ эту пору устремились на меня любопытствующія очки вице-губернатора... Впрочемъ, все обстояло благополучно.

Декабря 3-го, понедѣльникъ.

„Если бы вчерашній день, пріѣхавши изъ клуба, я взялся за перо, чтобъ вписать въ мой „Дневникъ" все, что со мной тамъ было, что мнѣ говорили, что̀ я чувствовалъ, то, ручаюсь вамъ,—я остановился бы на первомъ словѣ и задумался бы надъ нимъ до самаго разсвѣта. Таково-то мнѣ было отрадно, таково-то хорошо.

„Не буду разсказывать, какъ я вошелъ въ этотъ клубъ, какъ встрѣтился и откланялся Варенькѣ, какъ получилъ отъ Марьи Ѳедоровны холодный привѣтъ,—все это далеко меньше имѣетъ интересъ противъ того, что дальше было. Когда начали танцевать контрдансъ, я усѣлся близъ Марьи Ѳедоровны. На вопросъ мой о здоровьѣ, она заговорила прерывистыми ахами и вздохами, безпрестанно твердя, что она будетъ здорова, потому что скоро дѣло кончится. Какъ утѣшительно было мнѣ слушать — пойметъ всякій, кто сталъ бы на моемъ мѣстѣ. Однако-жъ, что̀ мнѣ оставалось дѣлать? Я старался выпытать отъ Марьи Ѳедоровны о томъ, какой ходъ въ настоящую пору имѣетъ дѣло и что пишетъ Аристарховъ Николаю Семеновичу. Всѣми силами удерживаясь отъ откровенности, она, однако-жъ, дала мнѣ понять, что Аристарховъ никакъ не думаетъ отказываться отъ своихъ исканій и съ большимъ упорствомъ спѣшитъ привести дѣло къ концу, что онъ проситъ, умоляетъ объ этомъ Николая Семеновича, который вооружился противъ меня непримиримою ненавистью

и даже, по словамъ ея, не можетъ произнести моего имени безъ брани, колкихъ насмѣшекъ и ругательствъ. Слушая все это, я сидѣлъ повѣсивъ голову; грудь моя страшно сжималась; я пытался говорить, но голосъ мой хрипѣлъ, дрожалъ, руки тряслись, голова пылала. Худо понимая состояніе человѣка, такъ безбожно и немилосердо терзаемаго, Марья Өедоровна не давала мнѣ ни одного луча свѣтлой надежды и даже (Богъ ей судья!) обнаруживала рѣшительное намѣреніе дѣйствовать противъ моихъ плановъ, заодно съ своимъ мужемъ. Мнѣ, наконецъ, не стало терпѣнія слушать мою мучительницу; я всталъ и подошелъ къ Варенькѣ.

— Что съ вами, спросила она, глядя на меня съ изумленіемъ и, вѣрно, разгадывая мучительно-адское состояніе моей души.

— Ничего, отвѣчалъ я, — все прекрасно и благополучно; меня истерзала твоя меменька и я весь теперь въ крови. Благополучно, говорю, потому что бо̀льшихъ терзаній и мученій для меня быть уже не можетъ.

— Ахъ, Аскоченскій, да одни ли вы мучитесь!

— Боже мой! да за что же?

(Пишу эти строки и плачу).

— Что̀ говорила вамъ маменька.

— Все—и ничего утѣшительнаго.

— Ахъ, какъ папенька вооруженъ теперь противъ васъ! Онъ слышать о васъ не можетъ.

— Варвара Николаевна! еще остается въ душѣ моей теплый лучъ надежды; погаснетъ онъ—и тогда все погибло. Надежда на васъ—на тебя, другъ мой!

— Что-жъ мнѣ дѣлать?

— Стоять, стоять до конца, а тамъ хоть и упасть, но не побѣжденною, а подавленною насиліемъ.

— Папенька ни за что не отстанетъ отъ Аристархова.

— Пусть такъ; но все же заранѣе мы не сложимъ рукъ... А тамъ, если ужъ все разрушится межъ нами, если у меня оторвутъ мою Вареньку, — я найду, что̀ дѣлать. О, Варенька! я понимаю теперь, какъ люди прострѣливаютъ себѣ голову, — признаюсь тебѣ, я боюсь иногда въ минуты отчаянной тоски браться за бритву, боюсь, чтобъ она нечаянно не скользнула по моему горлу. — И мнѣ захватывало дыханіе, слезы кипѣли въ груди,—я дрожалъ.

„Варенька испугалась.—Аскоченскій, сказала она,—побойтесь Бога.

— Да, я боюсь его, — и только этотъ страхъ удерживаетъ мысль мою отъ искусительнаго, страшнаго посягательства на мою жизнь. Не бойтесь, однако-жъ, за меня, я не застрѣлюсь и не зарѣжусь. Силы у меня еще есть, чтобы перенести все, что готовитъ мнѣ судьба; но, Варенька, развѣ это легче самоубійства, когда я, забывъ себя самого, брошу все, и взвихрюсь Богъ знаетъ куда и зачѣмъ, когда я погублю все, что̀ далъ мнѣ Создатель мой? А это вѣдь такъ и будетъ.

— Такъ вы бросите меня? спросила она и глаза ея были полны слезъ.

— Бросаютъ то, что въ рукахъ держатъ, а васъ у меня не будетъ,—такъ я брошу ужъ самого себя.

— Что жъ тогда будетъ со мною? О, не оставляйте меня. Я несчастна. Съ кѣмъ же я тогда помѣняюсь словами? Кому передамъ мои мысли? Вѣдь я одна, кругомъ одна. Теперь я утѣшаюсь хоть тѣмъ, что хоть и черезъ двѣ недѣли, а я все увижу васъ, наговорюсь съ вами и... и...

„Она не кончила; глубокое внутреннее волненіе выжимало у ней слезы; но, обращаемыя назадъ, онѣ—это я самъ видѣлъ—онѣ задушали ее.

— Нѣтъ, Варенька, нѣтъ, мой ангелъ,—сказалъ,—не брошу я тебя, пока это позволено мнѣ будетъ.

— А послѣ-то что будетъ?

— Охъ, не знаю, не знаю. Все кружится въ головѣ моей.

— Вы не знаете, а я знаю. Черезъ два года меня не будетъ на свѣтѣ.

„Я взглянулъ на нее и мнѣ страшно показалось это пророческое ясновидѣніе.

— Вàрвары! сказалъ я,—что они съ тобою дѣлаютъ?

— Хотятъ замужъ выдать, отвѣчала она съ горькой ироніей.

„О, какъ глубоко болѣзненны эти немногія слова!

— Да, продолжала она,—имъ думается, что сбыли съ рукъ—и дѣло кончено. А того и не воображаютъ, какъ мнѣ жить будетъ. Гдѣ этому Аристархову любить меня такъ, какъ вы любите меня? И смогу ли я сама любить его такъ...—Она не кончила, но на что это? Конецъ я знаю.

„Марья Θедоровна, которая впродолженіе этого нашего разговора сидѣла словно на раскаленной жаровнѣ, отозвала Вареньку и, вѣрно, прочитала ей родительское наставленіе, потому что лицо Вареньки сдѣлалось серьезнѣй и перестало уже пылать страстью.

„Пошли еще контрдансъ; какъ скоро выпадало время, я опять начиналъ нескончаемую рѣчь мою съ Варенькою.

— Помните ли, говорила она,—какъ тревожились вы въ послѣдній разъ, бывши у насъ? Если вы безпокоились, то что же должна была чувствовать я? У меня въ сердцѣ холодѣло, какъ скоро кто стукалъ дверьми.

— Это правда, Варвара Николаевна, я точно жестоко тревожусь, когда бываю у васъ,—но не за себя, другъ мой, а за васъ, за тебя одну. Я молю Бога, чтобъ мнѣ какъ нибудь помѣшаться; тогда я не чувствовалъ бы ничего и даже въ смутномъ снѣ не представлялись бы мнѣ тѣ муки, какія я теперь испытываю, и какія, можетъ быть, совсѣмъ меня погубятъ.

— Что жъ бы вы тогда были?

— По крайней мѣрѣ—не дуракъ, а только сумасшедшій, не дуракъ, какимъ считаютъ меня теперь злые люди, не дуракъ, какимъ и я назову себя, когда Варенька станетъ подъ вѣнецъ съ другимъ, настоящимъ дуракомъ.

„Варенька задумалась.

— Нѣтъ, сказала она, какъ бы отвѣчая самой себѣ,—я никогда не забуду Димитрія Гавриловича! Какъ я боялась тогда его, когда въ первый разъ была у него на балѣ, когда онъ подходилъ ко мнѣ съ своими ласковыми, привѣтственными словами. Мое сердце предчувствовало, что съ этой поры зародится мое несчастіе.

„Задумался и я въ свою очередь.

— Я хотѣла вамъ, заговорила Варенька,—что-то много сказать, но теперь не помню. Это всегда бываетъ со мною. Сижу одна и раздумываю: то надо сказать, другое, третье; а увижусь съ вами—и забуду. Что это значитъ?

„И она взглянула на меня, и отвѣтъ на вопросъ этотъ ясно свѣтился въ ея понятной улыбкѣ и въ горящихъ любовью глазахъ.

„Нынѣ поутру, только что я сѣлъ за мой „Дневникъ", ко мнѣ принесли записку отъ Сабина. Вотъ что тамъ написано: „Вчера, въ клубѣ, я не успѣлъ передать тебѣ разговора моего съ Марьей Ѳедоровной. Дѣло плохо и очень плохо! Она мнѣ сказала и побожилась, что третьяго дня получили письмо отъ Аристархова. Николай Семеновичъ плакалъ отъ восторга, безпрестанно повторяя: „вотъ безцѣнный зять мой! Онъ мое сокровище!" Онъ пишетъ, что къ праздникамъ будетъ, и чтобы все было готово; онъ имѣетъ пріѣхать нечаянно и на другой же день, обвѣнчавшись, сейчасъ въ Рыльскъ. И какъ я могъ догадываться, то все это хотятъ сдѣлать скоро, тихо и внезапно. Неужели въ Рыльскѣ сыскался столь злобный и умный человѣкъ, который посовѣтовалъ Аристархову оставить письмо твое совершенно безъ вниманія и какъ бы онъ не получалъ его? Это ужасная, это адская мысль!"

„Да,—повторю и я,—это злодѣйски-умная, это адски-разсчетливая мысль! Но одного я не понимаю тутъ: какъ этотъ дуракъ Аристарховъ рискуетъ на женитьбу съ дѣвицею, сердце которой, какъ онъ знаетъ, рѣшительно не принадлежитъ ему? Скотъ, вѣроятно, разсуждаетъ по своему, считая это пустякомъ и утѣшая себя тою старинною пословицею, которая годится только для быковъ и для нашихъ прабабушекъ, заливавшихся слезами предъ возлюбленнымъ своимъ на какомъ нибудь дѣвичникѣ и прямо въ глаза называвшихъ даннаго имъ какою нибудь сударыней-матушкой и государемъ-батюшкою суженаго вàрваромъ, злодѣемъ и чуть не мерзавцемъ. Пословица эта: поживется, стерпится и слюбится,—только годилась для нихъ; но приложима ли она къ Варенькѣ! Боже мой! Боже мой! Зачѣмъ это цѣпи супружества куются непремѣнно изъ золота?

„Я не знаю, пишетъ еще Сабинъ, что̀ думаетъ Варенька, а Марья

Өедоровна уже перешла на сторону мужа. Но не унывай, безцѣнный другъ, не теряй духа, смѣло въ атаку, пока время! Я знаю, что у тебя достанетъ ума и твердости души; а мнѣ какъ будто что-то говоритъ, что Варенька будетъ твоя!

„Дай Богъ, мой добрый Сабинъ, чтобы предчувствіе молодаго твоего сердца хоть на этотъ разъ не было лживо. Но милый мой! Я не надѣюсь уже на свой умъ; у меня нѣтъ ужъ его. Онъ заснулъ въ страшной летаргіи; не вѣрь твердости моей души: не тверда она, когда изъ глазъ моихъ уже побѣжали слезы. Отъ камня росы не бываетъ.

„Вчера Варенька безпокоилась о томъ, чтобы генералъ не сказалъ чего нибудь Николаю Семеновичу. „Это, сказала она, взбѣситъ его еще больше и онъ тогда на все рѣшится". Я увѣрялъ, что опасаться какой нибудь неосторожности со стороны генерала нѣтъ никакой причины, и что несвоевременно онъ не выскажетъ самъ участія своего въ нашемъ дѣлѣ. Вышло напротивъ. Сегодня всѣ купцы, подъ предводительствомъ своего головы, являлись къ генералу по одному дѣлу. Между разговоромъ Дмитрій Гавриловичъ повелъ вотъ какую рѣчь, обращая ее прямо къ Николаю Семеновичу:

— Мнѣ очень пріятно видѣть, что всѣ вы воспитываете дѣтей своихъ лучшимъ образомъ. Вотъ хоть бы ваши дочери; онѣ прекраснымъ воспитаніемъ дѣлаютъ вамъ честь, и не похвалить васъ за это нельзя. Но какъ же послѣ этого понять то, что вы дѣвушку, прекрасно воспитанную, умную, хорошенькую, отдаете въ руки человѣку, который не съумѣетъ ни понять, ни оцѣнить ее? Какъ можно отцу дѣлать несчастіе своей дочери?

— Далъ же я ему нагоняй, прибавилъ генералъ, передавая мнѣ за обѣдомъ тѣ слова свои.

— Ну, ваше в—ство, сказалъ я,—теперь ужъ мнѣ, кажется, и встрѣчаться съ нимъ опасно.

„Генералъ усмѣхнулся и рѣчь была кончена. Что мнѣ теперь дѣлать?

„Николай Семеновичъ взбѣшенъ—это вѣрно. Какова должна быть теперь у нихъ домашняя сцена! Просто—люли! Не желая, однако жъ, обнаружить предъ генераломъ моего безпокойства, я сколько могъ старался казаться веселымъ...

„Но не то было со мной, когда я остался одинъ въ моемъ кабинетѣ. Мой Сабинъ почти испугался моей глубокой скорби. Я плакалъ передъ нимъ, не думая скрывать моихъ слезъ. Напрасно онъ утѣшалъ меня. Я—стальная, закаленная душа—я плакалъ, чувствуя, что въ головѣ моей мѣшаются понятія.

— Да, мой другъ, говорилъ я Сабину,—если я, испытанный несчастіями, плàчу, то что̀ жъ было бы съ тобою, съ такимъ молодымъ, мягкимъ сердцемъ. Сабинъ! ты молодецъ, а у меня ужъ сѣдина въ головѣ. Твои десять лѣтъ впереди дѣлаютъ только мужемъ, а меня

они близятъ къ старости. Сабинъ! Вѣдь это послѣдняя дань любви! Нѣтъ, прощай, Кіевъ! Нѣтъ моей Софьи, нѣтъ и Вареньки. Одна умерла, другая умираетъ для меня. Я уйду отсюда; мнѣ душно въ этой темницѣ, погубившей столько моихъ радостей!

„И я плакалъ.

„Теперь я покойнѣе; но у меня нѣтъ свѣтлой мысли, на которой я могъ бы остановиться, нѣтъ даже утѣшительнаго упованія на Господа Бога; душа моя въ прахъ разбита.

„12 часовъ ночи. Клятва, твердость и просьба. Я долженъ взять съ Вареньки клятву, что она рѣшится на послѣднія мѣры, какія я предложу ей,—говорю, долженъ: ибо это есть одно изъ средствъ не погубить себя. Должна и она дать мнѣ клятву; иначе не стóитъ тѣхъ страданій, какія я переношу для нея и за нее; должна, потому что это уничтожитъ всѣ прочія клятвы, какія бы ни принудили ее давать когда бы то и гдѣ бы то ни было;—должна, если она дѣйствительно любитъ меня. Я потребую отъ нея послѣдней твердости. Пусть она прямо скажетъ отцу своему, что Аристархову она не можетъ сказать: да, когда сердце ея отдано мнѣ; пусть, наконецъ, рѣшится высказать отцу своему, что она не боится вслухъ всего міра передъ престоломъ Бога сказать жениху своему: нѣтъ и рискнетъ на потерю всего, лишь бы пріобрѣсть меня, если я точно любимъ ею. Грозны будутъ слова раздраженнаго отца; но такъ и быть—встрѣтить ихъ и перенесть твердою душею. Варенька, наконецъ, должна просить отца своего перемѣнить гнѣвъ на милость; пасть передъ нимъ на колѣни и плакать слезами любви и отчаянія...

„Боже мой! Какихъ жертвъ я долженъ требовать отъ любимаго мною созданія? Но нѣтъ больше оружія противъ злобы людской. И что жъ? Развѣ мои муки не стóятъ такой жертвы? Развѣ я самъ мало приношу на алтарь любви моей? О, нѣтъ! Съ настойчивостью судьбы я вытребую отъ Вареньки все, что сказано мною; и если она уступитъ, не согласится со мною,—тогда, о, тогда... Варенька, берегись меня! Мщеніе мое будетъ страшно!

Декабря 4-го, вторникъ.

„День ангела Вареньки. Не знаю отчего, но на душѣ моей послѣ вчерашней бури было такъ тихо, такъ спокойно, что я не могъ себѣ надивиться. Въ полдень я съ Serge'мъ поѣхалъ на Подолъ, къ имяниннницѣ дорогóй. Холодный, но вѣжливый пріемъ со стороны Николая Семеновича нисколько не изумилъ меня. Варенька... да что объ ней говорить! Немного я посидѣлъ близъ нея, но успѣлъ много вычитать въ прекрасныхъ ея глазахъ, понятливо устремленныхъ на меня. Визитъ нашъ, впрочемъ, былъ не длиненъ; мы откланялись, удостоившись приглашенія только отъ Марьи Ѳедоровны.

„За столомъ генералъ обращался ко мнѣ съ разными вопросами о Варенькѣ. Изъ всѣхъ, однако жъ, рѣчей его замѣтно, что онъ жалѣетъ о томъ, что связался съ такими людьми, которые вовсе не умѣютъ или не хотятъ цѣнить его вниманіе.

„Я рискую ѣхать туда. Знаю, что меня встрѣтитъ неудовольство, сплетни, да заплечное злословіе,—да чортъ ихъ всѣхъ побери! Волка бояться — въ лѣсъ не ходить. Хоть бы для того, чтобъ оразнообразить конецъ настоящаго дня—я поѣду, непремѣнно поѣду, а тамъ... будь, что будетъ.

Декабря 5-го, среда.

„Было такъ, какъ я и не думалъ, что будетъ. Еще до сихъ поръ голова кружится и сердце не на мѣстѣ.

„Не безъ волненія и тревоги входилъ я въ домъ, гдѣ собралось все поколѣніе, враждебное моему счастію. Появленіе татарскаго баскака, въ старину, надѣюсь, было менѣе непріятно прадѣдамъ нашимъ, какъ появленіе мое среди всѣхъ этихъ бабушекъ и тетушекъ, которыя видятъ во мнѣ самаго лихаго татарина. Откланявшись всѣмъ, я усѣлся на первый разъ близъ Марьи Ѳедоровны. Потупивъ глаза, повѣсивъ голову, она молчала и на всѣ мои вопросы отвѣчала односложными да или нѣтъ. Мнѣ надобно было избавить всѣхъ ихъ отъ себя—и я спустился внизъ къ карточнымъ столамъ, изъявивъ Николаю Семеновичу желаніе свое играть въ преферансъ. Онъ, замѣтно, обрадовался моему предложенію и самъ хлопоталъ составить мнѣ партію, добродушно не подозрѣвая, что это со стороны моей маленькій отводъ. Я, однако-же, усѣлся за зеленый столъ, пренаивно ставя на свой пай безконечные ремизы. Варенька черезъ Сабина посылала мнѣ сверху разныя разности. Мнѣ ужъ наступала пора найти себѣ маленькую смѣну. Попался какой-то добрый армейскій казначей. Я усадилъ его за себя, принимая проигрышъ въ свой карманъ—и маршъ наверхъ. За нами слѣдили рысьи глаза досмотрщиковъ; но на этотъ разъ Варенька прямо сказала мнѣ, что она не боится ихъ,—и рѣчь наша лилась журчащимъ потокомъ. Я старался внушить Варенькѣ ту твердость, какая нужна въ горячемъ нашемъ дѣлѣ и которая должна перевернуть всѣ затѣи нашихъ разсчетливыхъ противниковъ.

— Что жъ, Варенька? говорилъ я, — наконецъ остаешься ли ты твердою, крѣпкою, рѣшительною?

— Не знаю, отвѣчала она.

— А коль скоро такъ, то между нами все кончено!—и я уходилъ отъ нея.

— Постойте, постойте, торопливо сказала она, схвативъ меня за руку.

— Варенька! помни, что теперь все зависитъ отъ твоей рѣши-

тельности и что вся моя надежда единственно въ тебѣ, — иначе ты и не опомнишься, какъ тебя обвѣнчаютъ и увезутъ въ Рыльскъ.

— О, этого быть не можетъ.

— Отчего?

— Приданое никакъ не будетъ готово къ тому времени.

— Да Аристарховъ, чтобъ только окончить дѣло, возьметъ тебя и безъ приданаго, за которымъ явится уже послѣ.

— Кто? Аристарховъ? Съ чего это вы взяли?

— Хорошъ же молодецъ, думалъ я. — Стало быть, сказалъ я,— прибавь къ этому упорную свою волю—и дѣла пойдутъ по нашему. Иначе помни, что ты останешься клятвопреступницею.

— Но какъ же мнѣ быть? Вѣдь я при томъ обрученіи дала ему честное слово.

— Прекрасно! Но, скажи откровенно, участвовало ли въ этомъ твое сердце?

— Но все же я измѣняю своему слову?

— А что лучше: перемѣнить ли слово, наобумъ и необдуманно сказанное, или идти наперекоръ сердцу, которое ты сама отдала мнѣ? Подумай, вѣдь слово ты можешь взять назадъ, а сердца не возьмешь,—оно останется у меня. Что-жъ подаришь жениху своему и еще гдѣ же? передъ престоломъ Божіимъ! и въ какомъ случаѣ ты истинно дѣлаешься клятвопреступницею? Скажи мнѣ еще, на что смотритъ Богъ — на пустыя ли слова, или на то, чтò глубоко лежитъ въ сердцѣ? И что больше оскорбляетъ его—измѣна ли слову, или измѣна сердцу, то ли, когда ты, ставъ передъ престоломъ его съ навязаннымъ тебѣ женихомъ, украдешь у него сердце, или то, когда станешь съ тѣмъ, кому ты, не давая своего слова, отдала лучшее и тверже всякаго слова—свою душу!

„Варенька задумалась. Я читалъ въ глазахъ ея сильное бореніе, принимавшее характеръ рѣшительности.

— Но, сказала она,—чтò, если папенька, взбѣшенный моимъ упорствомъ, произнесетъ мнѣ проклятіе?

— Ничего, отвѣчалъ я,—во-первыхъ, этого быть не можетъ. Николай Семеновичъ уменъ и любитъ тебя, хотя теперь и увлеченъ корыстными разсчетами и хотя его крѣпко осѣтили родные; во-вторыхъ, клятва родительская тогда только сильна и страшна, когда она идетъ отъ ума, вѣрно передавшаго сердцу святое убѣжденіе въ томъ, что сынъ или дочь дѣйствуютъ противъ правилъ чести и долга. Но представь, если бы отецъ вмѣстѣ съ сыномъ или дочерью хотѣлъ кого нибудь обворовать и, замѣтивъ упорство и нехотѣніе въ сынѣ своемъ или дочери — произнесъ на нихъ проклятіе, имѣло ли бы оно тутъ силу? А вѣдь тебя хотятъ заставить у самой себя украсть все, что есть драгоцѣннаго въ жизни, хотятъ сдѣлать преступницею противъ того, кому даже обрекли тебя, противъ нарѣченнаго тобою жениха, хотятъ обмануть его, давая ему жену безъ

сердца и любви. Развѣ это не хуже еще воровства? Украсть кошелекъ — низко, а красть счастіе нашей жизни — богопротивно. И клятва такого хищника-отца обращается на голову самого клянущаго. Поняла ты меня?

— Теперь поняла, говорила Варенька, устремивъ на меня пылающіе умомъ и чувствомъ свои прекрасные глаза. — Но какъ все это меня безпокоило!

— Вѣрно, — и я все это прежде тебя обдумалъ.

— Еще вотъ что. Что̀, если папенька откажетъ мнѣ въ приданомъ?

— Ничего, мы поклонимся ему и пойдемъ себѣ жить-поживать, добра наживать. На прошломъ клубѣ маменька, любуясь тобою, сказала мнѣ: „каковъ виноградъ-то у ней на головѣ". А я отвѣчалъ: — хорошъ, но на комъ либо другомъ я замѣтилъ бы его, а на Варенькѣ — нѣтъ. Пусть будетъ одѣта она такъ, какъ одѣвается ваша Сашка, — для меня она и тогда такая же милая Варенька.

— Перестанемъ, сказала она, на насъ уже слишкомъ смотрятъ — и она отошла къ фортепіану. Я сошелъ внизъ къ моему преферансу.

„Спустя нѣсколько времени, явилась ко мнѣ депутація отъ всѣхъ дамъ съ просьбою пѣть. Получивъ немного передъ тѣмъ опасливое замѣчаніе Вареньки, чтобъ не садиться къ фортепіану, я потребовалъ ея разрѣшенія и, получивъ его, запѣлъ подъ прекрасный аккомпаниментъ самой Вареньки. Чѣмъ больше я пѣлъ, тѣмъ больше восхищенные слушатели мои приставали ко мнѣ съ просьбами еще и еще пѣть. Грудь моя дрожала отъ усталости, но взглядъ Вареньки — и снова уже раздаются страстные напѣвы мои. Наконецъ, по общей просьбѣ, я запѣлъ: „Что-жъ ты замолкъ и сидишь одинокій"; когда я дошелъ до той исповѣди глубоко огорченнаго насильственною разлукою юноши, въ которой онъ припоминаетъ счастливыя минуты, проведенныя съ тѣмъ созданіемъ, въ которомъ вмѣстилось все его небо, Варенька, стоявшая склонивъ голову на крошечную ручку, — заплакала. Ея слеза упала на лежавшую передъ ней тетрадь нотъ; она оторвала клочекъ, омоченный слезами, и въ ту жъ пору отдала его Сабину.

— Викторъ, Викторъ, твердилъ глубоко тронутый молодой другъ мой, — о комъ эти слезы? Вѣдь о тебѣ, злодѣй! О, какъ ты счастливъ!

Наступала пора ужина. Поднялись хлопоты и подъ шумокъ не разъ — право, нечаянно — рука Вареньки попадалась въ мою руку и крѣпкое пожатіе волновало всю мою душу. Я сталъ тамъ почти своимъ, потчивалъ гостей, разносилъ, кому находилъ нужнымъ, бокалъ съ виномъ, словомъ, хозяйничалъ напропалую, ревнуя въ усердіи прекрасной молодой хозяйкѣ — Варенькѣ. Николай Семеновичъ довольно радушно самъ потчивалъ меня виномъ и, поневолѣ, долженъ былъ хладнокровно смотрѣть на меня, хотя это и бѣсило старичковъ его.

„Начались тосты. Первый предложенъ былъ за Вареньку—и громкое ура было единодушнымъ привѣтомъ прекрасной имянинницѣ. Смекнувъ, что сейчасъ же будутъ пить здоровье нарѣченнаго ея жениха, я сказалъ объ этомъ Варенькѣ. Черезъ минуту ея уже не было въ столовой; она убѣжала въ спальню. Я остался слушать и замѣчать, что будетъ.

„Николай Семеновичъ, наполнивъ бокалы шампанскимъ, сказалъ: „Здоровье будущаго моего зятя, Никанора Ивановича Аристархова!" Поднятые кверху бокалы опустились и нескромный говоръ зашумѣлъ по всей столовой. Я замѣтилъ на многихъ лицахъ язвительныя улыбки; но шампанское попрежнему оставалось въ бокалахъ нетронутымъ. Николай Семеновичъ еще разъ прокричалъ тостъ и приложился къ бокалу. Примѣру его послѣдовали только старики и то съ явнымъ смущеніемъ. Черезъ минуту я вошелъ въ кругъ веселыхъ гостей—и многіе изъ нихъ прямо и гласно стали пить мое здоровье. Киселевскій подхватилъ меня и Вареньку въ тѣсномъ кружкѣ—стали пить за молодыхъ, указывая на обоихъ насъ. По сторонамъ шептались, а индѣ и хохотали надъ бѣднымъ суженымъ, которому такъ плохо удался въ настоящую пору громогласный тостъ.

„За третьимъ тостомъ—во славу стариковъ, я налилъ себѣ бокалъ и, привѣтствуя сѣдыхъ моихъ враговъ, хлопнулъ его до дна, пожелавъ имъ отъ души побольше ума и поменьше злобы. Надѣюсь и твердо увѣренъ, что и они тоже отъ души пожелали мнѣ подавиться этимъ бокаломъ. Къ сожалѣнію ихъ, этого не случилось и ужинъ кончился благополучно.

„Всѣ пошли наверхъ. Я сѣлъ близъ Лизаветы Алексѣевны Киселевской, которая, какъ крестная мать, и къ тому же умная, прекрасная и образованная женщина, приняла самое горячее участіе въ нашемъ дѣлѣ. Они у себя дома составятъ сегодня консиліумъ и рѣшатъ, какъ пособить намъ. Вразуми ихъ Богъ! Я тутъ много высказалъ моей доброй и милой Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

„Въ залѣ танцевали и было шумно-весело. Поздно уже разъѣхались мы домой. Николай Семеновичъ ласково пожалъ мнѣ руку и благодарилъ за посѣщеніе и мы разстались.

„Со вчерашняго вечера я еще никакъ не поправлюсь. Голова сильно болитъ, ужъ конечно, отъ усердныхъ тостовъ. Впрочемъ, надѣюсь, до свадьбы заживетъ.

„Послѣ обѣда я все разсказалъ генералу. Онъ съ участіемъ слушалъ меня, улыбаясь по временамъ продѣлкамъ моимъ. Нечаянно подошелъ онъ къ термометру, висѣвшему за окномъ: „ѣдутъ!" сказалъ генералъ. Я взглянулъ въ окно и въ ту жъ минуту, безъ поклона и безъ раздумья, побѣжалъ вонъ изъ кабинета. Цѣпляясь за скобки и скользя по лощеному паркету, я летѣлъ опрометью. Шинель на плечахъ,—и я уже на моемъ извощикѣ качу, самъ не знаю куда. Счастье мнѣ на этотъ разъ благопріятствовало. Близъ магазина

Финке я увидѣлъ Вареньку. Минута,—и я уже сталъ за нею на запяткахъ, любуясь, разговаривая съ нею. Мы заѣзжали въ магазинъ, гдѣ Ольга Семеновна выбрала для себя шляпку. Пока она толковала съ модисткою, я слушалъ разсказъ Вареньки о томъ, что̀ говорили ей вчера Кисилевскіе. И, сказать правду, рѣчи ихъ благоразумны, предостереженія правильны; но я надѣюсь на Бога и на Дмитрія Гавриловича—и не боюсь пропасть.

„Я проводилъ Вареньку до Рождественской церкви и разстался.

Декабря 7-го, пятница.

„Въ третьемъ часу воротился я вчера отъ Лычковыхъ. Само собою разумѣется, что продержать меня до такой поздней поры могло что нибудь особенное. Я скажу на это: да, особенное, потому что тамъ была Варенька, потому что все почти время я съ нею сидѣлъ и говорилъ много и долго. Передать все, что сказано было нами, я и браться не хочу: это невозможно. Варенька была счастлива моею любовью; но я... не былъ доволенъ ея нерѣшительностью. Робко и съ сомнѣніемъ идетъ она противъ враждебной намъ партіи — и потому ничего утѣшительнаго не представляетъ въ ожидающемъ обоихъ насъ переломѣ широко развитаго дѣла. Я никакъ не могъ добиться отъ нея рѣшительнаго да. Склонивъ голову, она думала, думала и думала. Жаль мнѣ ея было; но все-таки я не находилъ ее такъ твердою, какъ бы мнѣ того хотѣлось. Теперь уже все противъ нее вооружилось; это послѣдній ударъ, гдѣ враждебная намъ партія сосредоточиваетъ всѣ свои силы, чтобы сокрушить насъ въ конецъ. Марья Ѳедоровна играетъ двуличную роль и тѣмъ отнимаетъ у меня возможность принять противъ нея опредѣленную позицію. Сабинъ, котораго каждое слово ея приводитъ въ отчаяніе, сказываетъ мнѣ ея мысли, прямо вредящія ходу нашего дѣла: но схожусь я съ нею—и Марья Ѳедоровна начинаетъ другую рѣчь, передавая мнѣ все, что дѣлается у нихъ въ домѣ, и какъ бы давая тѣмъ мнѣ въ руки оружіе, которымъ бы я могъ дѣйствовать противъ ожесточеннаго насилія. Однажды, послѣ длиннаго разговора моего съ Варенькою, Марья Ѳедоровна отозвала ее отъ меня и, вѣроятно, прочитала ей сильное нравоученіе. Варенька послѣ этого сказала мнѣ: „кажется, надо будетъ сказать: да“. Но все это только кажется; рѣшительнаго я ничего отъ ней не слышу. Это даже несносно.

„Впрочемъ, любовь ко мнѣ Вареньки выше всего, что можно представить въ этомъ случаѣ. Но что мнѣ въ томъ, если Варенька не будетъ моею? Хорошъ напитокъ; но чѣмъ лучше онъ, тѣмъ томительнѣе мука жаждущаго. Къ концу вечера Варенька дала мнѣ съ руки своей перстень. Это кажется, скажу и я, немножко похоже на рѣшительное да.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„ЛИХОЛѢТЬЕ“.

(Смутное время).

Историческій романъ [1])

XV.

„Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ женъ;
Благочестивыя жены, безмужнія вдовы,
Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся“.
(Былина объ Ильѣ-Муромцѣ).

АННІЙ часъ утра, а князь Петръ Ивановичъ Буйносовъ-Ростовскій уже въ столовой свѣтлицѣ, за завтракомъ, по обычаю домашнему въ опашнѣ изъ бухарской тармаламы, застегивавшемся на груди двумя серебряными застежками—у горла и на животѣ, и въ пестро-золоченой, впрочемъ очень замасляной, ермолкѣ. При его смугломъ лицѣ, темныхъ глазахъ и какъ смоль черной, хотя засѣдѣвшейся, бородѣ, онъ смахивалъ въ этомъ видѣ на татарскаго мурзу. Онъ и ермолку носилъ по-татарски,—на затылкѣ. Не диво старому человѣку до свѣта вставать: не спится, да и привычка, вынесенная изъ ратной службы. Князь смолоду долго служилъ въ полкахъ. Его домашняя жизнь считалась на Москвѣ образцомъ старорусскаго, предковскаго обычая и съ строгимъ однообразіемъ повторялась изо дня въ день. Самое пустое уклоненіе въ чемъ либо отъ разъ установленнаго въ домѣ и во дворѣ распорядка никогда

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VIII, стр. 40.

никому не пропускалось княземъ. Его взыскательность неусыпно поддерживала разъ заведенную домашнюю машину. Начиная съ жены, княгини, и до послѣдней босоногой дѣвченки на приспѣшной,—всѣ знали твердо свои обязанности и боялись ихъ нарушить. Князь былъ человѣкъ добрый. Челядь считала его „простымъ", семья—„душевнымъ", но ни его семейные, ни его челядинцы, не выносили насмѣшливо-недоумѣвающаго тона, съ какимъ онъ, сдвигая черныя брови и уставясь темнымъ глазомъ на того, кого „распѣкалъ", спрашивалъ: „это что? зачѣмъ такъ? зачѣмъ пе этакъ?" Онъ былъ не изъ тѣхъ мужей и домоправцевъ, которые привыкли ломать все на колѣно, которые способны своевольничать и издѣваться надъ тѣми, кого судьба поставила въ зависимость отъ нихъ. Чувство строгой справедливости всегда руководило всѣми распорядками князя. Взгляды его на свои права и обязанности исходили изъ прочнаго, опредѣленнаго міросозерцанія, изъ круга нравственныхъ понятій, которымъ онъ не могъ измѣнить. Себя перваго не думалъ онъ освобождать отъ обязанностей, принятыхъ разъ навсегда. Онъ ими не тяготился и несъ ихъ безропотно и бодро, какъ бы ни тяжелы казались ему эти обязанности. Семьянинъ былъ онъ безупречный, господинъ праведный. Въ самомъ наказаніи, которому онъ иногда подвергалъ провинившагося слугу, никто изъ домашнихъ не могъ найти произвола господской власти, а всегда всякое рѣшеніе его являлось, въ ихъ убѣжденіи, справедливымъ, законнымъ. „Сама себя раба бьетъ, что худо жнетъ"—такъ обыкновенно челядинцы „Ростовскаго двора" утѣшали только что наказаннаго своего собрата. Старѣясь, князь глубже проникался чувствомъ своего общественнаго долга и никто изъ царскихъ бояръ, какой бы партіи ни былъ, не смѣлъ никогда упрекнуть его въ фальшивости или въ какомъ либо безчестномъ, небоярскомъ поступкѣ. Онъ не склонялся ни къ одной изъ боярскихъ сторонъ, а „прямилъ безъ порухи" царямъ, которымъ присягалъ: и Грозному, и Θедору, и Борису, и Лжедмитрію, назначившему даже его сына своимъ царскимъ кравчимъ. Но въ своемъ дому онъ былъ хозяинъ властный. Развѣ не въ священномъ писаніи сказано: „жена да боится мужа?" и не въ „Судебникѣ" ли царя Ивана Грознаго положено: „быть рабу и быть господину надъ рабомъ?" „И по рабу рабъ, и по рабынѣ рабъ".

Шестьдесятъ лѣтъ, изъ которыхъ тридцать провелъ онъ въ тяжелой школѣ тогдашнихъ войнъ, не согнули его широкоплечаго стана, не стерли здоровой краски съ смуглаго лица, когда-то останавливавшаго на себѣ взгляды красавицъ, не ослабили звучнаго голоса; они только чуть тронули серебромъ черныя кудри и широкую бороду съ вьющимся усомъ. Идетъ молодцомъ, только половицы подъ нимъ поскрипываютъ: тяжеленекъ, въ брюхо пошелъ. Чуть на лѣвую ногу насѣдаетъ,—знать, татарская пулька въ икрѣ засѣла. Лекарь Жозька, то есть Жозефъ, изъ жидовинъ выкрестъ, какъ ни хлопоталъ, не съумѣлъ той пульки изъ княжеской ноги достать. Плоха была тогдаш-

няя хирургія. Нѣкоторая тѣлесная тучность и неряшливость не отнимали у движеній князя своеобразной, хотя и грубоватой величавости. Не всѣ молодцы до гроба молодцами остаются. Князь Ростовскій обѣщалъ и умереть молодцомъ. При слабомъ и скучномъ освѣщеніи занимающагося дня, насупившагося на дождь, мощный станъ князя Петра Ивановича, сидящаго за столомъ къ окну спиной, казался еще шире, выдѣляясь въ тускломъ сумракѣ утреннихъ тѣней. Онъ пилъ горячій сбитень изъ фаянсовой кружки, неторопливо, какъ человѣкъ увѣренный, что за нимъ не гонятся, что никакое дѣло за нимъ не стоитъ, начальства надъ нимъ нѣтъ, а надо всѣми во дворѣ онъ самъ начальникъ. Сбитень—кипяченое молоко съ медомъ, гвоздикою и другими „душистыми травами"—былъ любимый напитокъ тогдашнихъ москвичей. Чай—китайская травка—еще мало былъ тогда извѣстенъ и не входилъ, какъ нынче, во всеобщее потребленіе.

— Здравъ буди, князь Петръ Ивановичъ! чтобы тебѣ, свѣтику, спалось да ѣлось, и меня бы, супружницу, милостью своею не забывать, да дѣтушекъ бы намъ рости въ хблѣ да въ волѣ!—заговорила, появляясь въ свѣтлицѣ, княгиня Анна и низко поклонилась мужу, ласково кивнувшему ей въ отвѣтъ и сказавшему:—И тебѣ бы здравой быть, матушка княгиня, супруга любезная. Садись.

Княгиня Анна, дородная, далеко еще не старая женщина, съ простымъ, весьма пріятнымъ лицомъ, свѣжимъ, хотя излишне полнымъ, вышла прямо изъ опочивальни, въ башмакахъ на босу ногу, впрочемъ, скрытыхъ широкимъ и длиннымъ атласнымъ лѣтникомъ. Густые русые волосы, съ рѣдкой сѣдиной, были собраны подъ бѣлый, атласный же, чехликъ. Отъ нея вѣяло здоровьемъ и добротой.

— Садись, вдвоемъ завтракать вкуснѣе! пригласилъ ее мужъ, принимаясь за кулебяку.

Она сѣла и, перекрестясь, послѣдовала его примѣру, взялась за липовую тарелку и вилку.

— Не по старинѣ приступаешь, княгинюшка, замѣтилъ ей съ легкой насмѣшкой мужъ, утирая полотенцемъ губы и бросивъ ѣсть, какъ бы чего-то дожидаясь.

Дородная хозяйка улыбнулась, какъ улыбается счастливая въ своей семейной жизни женщина при намекѣ любимаго человѣка, чтобы она его поцѣловала.

— Прости, сердечный мой, словно память отшибло у меня сегодня,—торопливо заговорила княгиня, приподымаясь со скамьи въ смущеніи, что забыла выполнить обязанность доброй жены. Вотъ ужъ много лѣтъ свою утреннюю встрѣчу съ мужемъ она начинала пожеланіемъ ему здоровья, которое утверждала поцѣлуемъ; а нынче забыла, не поцѣловала. Затѣмъ, повторивъ передъ мужемъ свой поклонъ, она съ улыбкой крѣпко обняла его смуглую толстую шею и звонко, отъ души, поцѣловала его въ губы.

— Вотъ теперь такъ, женушка, по закону православному! весело

замѣтилъ князь, принимаясь снова уплетать за обѣ скулы.—А за то, что ты меня, мужа законнаго, поцѣловала, жена вѣрная, я тебѣ радость скажу.

Дородная хозяйка остановила на мужѣ свои заплывшіе въ полныхъ щекахъ добрые глаза съ выраженіемъ женскаго любопытства и материнскаго тщеславія. Внутренній голосъ, рѣдко обманывающій мать, шепнулъ ей, что дѣло идетъ о ея красавицѣ дочкѣ. Глаза жены торопили мужа скорѣе ее обрадовать, скорѣе объяснить, въ чемъ дѣло, не томить. Князь Петръ нарочно посмѣивался себѣ въ темную бороду, съ лукавымъ желаніемъ помучить свою „глупую бабу". Онъ все твердилъ:—Дай позавтракать, тогда скажу, Анна Тимофеевна.

Княгиня знала, что приставаньемъ ничего не возьмешь, а потому прибѣгнула къ простому пріему, не разъ помогавшему ей выпытывать все, что она хотѣла знать. Она налила мужу изъ графинчика стаканъ вина—красной марсалы, и предупредительно подвинула ему стаканъ съ словами:

— Запей, Петръ Ивановичъ, бужанину-то: жирна, кабы не заболѣлъ?

— Заболѣю, боишься, баба!—засмѣялся Ростовскій князь, аппетитно поглощая тонкіе, широкіе, жиромъ проросшіе бѣлые куски любимой своей бужанины, плававшей въ жирной густой подливкѣ съ лукомъ, перцемъ и пряниостями. — Слыханное ли дѣло, чтобы русскій человѣкъ съ бужанины болѣлъ?

Онъ на минуту оторвался отъ вилки, обтеръ полотенцемъ губы и выпилъ стаканъ вина. Жена и на этотъ разъ не ошиблась: вино сейчасъ же расположило князя къ словоохотливости.

— А скажу тебѣ, Анна Тимофеевна, началъ онъ, лукаво поглядывая на жену и продолжая уничтожать бужанину, вѣсть не малую, какой ты даже не ждешь. Чего ты и во снѣ не видѣла—во очію то совершится. Благодарить мы должны Господа и Пречистую Мать Его за неоставленіе.

Дородная хозяйка съ покорностью доброй жены перекрестила свое бѣлое, полное лицо и прошептала: „Благословенна ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего".

— Слышь, Анна, стихнувъ въ голосѣ и осмотрясь, одни-ли они въ свѣтлицѣ, продолжалъ князь, — Государь Василій Ивановичъ намедни спрашивалъ меня про тебя, княгиню Анну Тимофеевну, да про нашу дщерь, княжну Марью Петровну; сказывалъ мнѣ: краше де княжны нашей, Марьи Петровны, разумнѣе и богобоязненнѣй на Москвѣ нѣтъ дѣвицы; онъ-де, государь Василій Ивановичъ, на умѣ своемъ держитъ въ супругу свою, государеву, взять княжну Марью Петровну, честнымъ бракомъ съ ней сочетаться, если-де ей, княжнѣ, и намъ, родителямъ, тотъ бракъ честный не противенъ. А велѣлъ государь тѣ рѣчи свои тебѣ перенести, княгинѣ Аннѣ, и дочери нашей, княжнѣ Марьѣ. Какъ-де онѣ? А я на тѣхъ рѣчахъ государевыхъ и

на милости его къ намъ великой благодарилъ государя Василья Ивановича многажды; сказывалъ: молъ дочь наша, княжна Марья Петровна, во истину на Москвѣ не послѣдняя; по младости-де своей дѣвичьей помыслить сама о себѣ не можетъ, а изъ воли нашей родительской не выдетъ: что съ матерью княгиней скажемъ — тако будетъ; а мы-де въ великую себѣ похвалу ставимъ съ нимъ, государемъ Васильемъ Ивановичемъ, кровнымъ родствомъ породниться. Воля де его—государева, а мы согласны.

Бѣлыя, полныя руки княгини опять крѣпко обхватили толстую шею мужа, а ея мягкій влажный ротъ опять звонко чмокнулъ его въ губы, въ глаза и лобъ. Онъ почувствовалъ на своемъ лицѣ слезы счастливой матери; онъ слышалъ учащенное, радостное біеніе ея сердца. Князь даже забылъ жирную бужанину.

— Должно угодилъ я тебѣ, баба?—самъ посмѣиваясь смѣхомъ счастливца и еле сдерживая радостныя слезы, замѣтилъ женѣ князь, цѣлуя ее.

— Охъ, угодилъ, батюшка, Петръ Ивановичъ! Вотъ какъ угодилъ!—говорила счастливая мать, утирая платкомъ глаза, разстроганная и ослѣпленная столь для нея нежданнымъ и важнымъ извѣстіемъ.— Шутка ли: Маша государыней самой будетъ, на зависть всѣмъ боярышнямъ, на досаду всѣмъ матерямъ!.. Дай-ко узнаютъ? Охъ, сердечный ты мой, помыслить даже сладко... По дочкѣ вѣдь мы, старики, величаемся... Первыми вѣдь людьми по царѣ станемъ! Охъ, ужъ не шутку-ли спутилъ со мной, бабой глупой, ты, князь Петръ Ивановичъ? Супругъ мой ласковый, ты не перевертывай мнѣ сердца материнскаго.

— Впрямь: баба глупая! спокойно подтвердилъ князь, снова принимаясь за марсалу.—Нѣшто такимъ дѣломъ шутятъ? Тебѣ, стало, она дочь, а мнѣ—не дочь? Чудныя вы, право, бабы! и у отца вѣдь родительское сердце. Ну, что плачешь? не плакать тебѣ, радоваться надо, да Бога благодарить.

— Съ радости, Петръ Ивановичъ, съ великой радости: дай узнаютъ на Москвѣ, съ зависти невѣсты-боярышни другъ дружкѣ глаза выцарапаютъ, а матери...

— А вамъ, бабью, должно, это первое дѣло, коли товарки невѣстѣ завидуютъ, да матери съ досады на нее злятся,—насмѣшливо перебилъ разсудительный князь.—Кстати, вотъ и дочушка: легка на поминѣ! какъ маковъ цвѣтъ цвѣтетъ. Здравствуй, княжна Марья Петровна,—продолжалъ онъ, обращаясь къ вошедшей въ свѣтлицу дочери съ тѣмъ улыбающимся, исполненнымъ нѣжнаго и гордаго чувства взглядомъ, какимъ обыкновенно отцы встрѣчаютъ своихъ дочерей красавицъ. И точно: онъ имѣлъ право гордиться своею дочерью, припавшей къ его родительской рукѣ съ обычнымъ поклономъ и вопросомъ:

— Хорошо-ли ты спалъ-почивалъ, батюшка родимый?

Въ своемъ домашнемъ кумачномъ сарафанѣ и ткацкой сорочкѣ съ кружевнымъ воротомъ и кружевными же нарукавниками, она казалась еще лучше, чѣмъ „наряженная“. Высокій ростъ, черная, какъ смоль, густая, туго-заплетенная коса, стройность, яркія, нѣжныя краски и пріятная полнота здоровой молодости, соединялись въ княжнѣ съ плавностью движеній и скромностью, впрочемъ исполненною величавой, красивой простоты, всѣмъ нравившейся.

Когда дочь подошла поздороваться съ матерью, княгиня съ теплой, грѣющей, материнской улыбкой взглянула въ ея ясные, выразительные, черные съ поволокой глаза и, прижавъ къ своей груди, осыпала поцѣлуями, смѣшанными со слезами. Такая необычная встрѣча смутила дѣвушку и убѣдила ее въ томъ, что отецъ съ матерью только что говорили о ней, и говорили не спроста. Опустясь на колѣни и съ нѣжною ласкою цѣлуя мокрые глаза матери, княжна успѣла уловить отцовскій взглядъ, выраженіе котораго вполнѣ утвердило возникшее у нея подозрѣніе. Ей стало ясно, что дѣло идетъ о ней и что для нея насталъ рѣшительный, важный день. Встрепенулось дѣвичье сердце смутнымъ предчувствіемъ не то радости, не то бѣды. Сердце-вѣщунъ со всею своею убѣдительностью подсказало ей, что она, молодая, пригожая княжна, кому-то понадобилась; что кто-то втихомолку татемъ высмотрѣлъ ее, подкрался къ ней, облюбилъ ее и протягиваетъ къ ней руки. Кто жъ онъ такой? Какая судьба ее ждетъ? Молодая княжна волновалась не меньше матери. Твердый, спокойный голосъ отца, котораго она такъ любила, заставилъ ее обратить глаза на него и съ сильно бьющимся сердцемъ внимательно его слушать.

— Спалъ-то я хорошо, дочка милая,—какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ княжны началъ князь съ такимъ выраженіемъ голоса, какимъ еще никогда не говорилъ съ нею, — а сонъ видѣлъ еще лучше. Аль разсказать, княжна, Марья свѣтъ Петровна?

— Разскажи, батюшка, чуть слышно прошептала дѣвушка, пряча лицо на материнской груди. Безотчетный страхъ стѣснилъ ея сердце; она чувствовала, что непремѣнно услышитъ что-то для себя новое, страшное...

— Видѣлъ я, дочка милая, во снѣ государя нашего, благовѣрнаго царя и великаго князя Василія Ивановича, ему же послужимъ. Остановилъ онъ меня въ своихъ царскихъ кремлевскихъ палатахъ, учалъ сказывать: краше-де дочки твоей, князь Петръ, княжны Марьи Петровны, разумнѣе и богобоязненнѣе на Москвѣ нѣтъ дѣвицы; онъ-де, государь, на умѣ своемъ держитъ въ супругу свою, государеву, взять тебя, княжну Марью, честнымъ бракомъ съ тобой сочетаться; если-де тебѣ, княжнѣ, и намъ, родителямъ, тотъ бракъ честный не противенъ. И велѣлъ государь свои тѣ рѣчи твоей матери княгинѣ и тебѣ, дочка, перенести. Какъ де вы? А я на тѣхъ рѣчахъ государевыхъ и на милости его къ намъ благодарилъ многажды; сказывалъ: молъ дочка наша, княжна Марья Петровна, во истину на

Москвѣ одна: что красой своей дѣвичьей взяла, что разумомъ, что страхомъ Божіимъ. По младости же своей помыслить сама о себѣ не можетъ, а изъ воли нашей родительской не выдетъ: что съ матерью княгиней скажемъ — тако будетъ. А мы-де съ княгиней въ великую себѣ похвалу ставимъ кровнымъ родствомъ породниться съ нимъ, государемъ Васильемъ Ивановичемъ; воля-де его, государева, а мы согласны.

Какъ бы бѣлымъ снѣгомъ перекрылось вдругъ румяное личико молодой княгини, а большіе черные глаза отуманились какъ бы осеннимъ туманомъ и брызнули изъ нихъ крупныя слезы. Вся задрожала она, выслушавъ толковую рѣчь отца словно бы приговоръ свой смертный.

— Аль не нравится тебѣ сонъ мой, дочка?—въ свою очередь не безъ удивленія спросилъ ее отецъ, хмуря черныя брови свои и обмѣниваясь съ женою княгинею недоумѣвающими взглядами.

Молодая княжна глубоко вздохнула всею своею всколыхнувшеюся подъ бѣлою сорочкой грудью и нетерпѣливымъ движеніемъ руки отерла широкимъ рукавомъ тонкой ткацкой сорочки заплаканные глаза. Потомъ встала, обнявъ крѣпко мать, словно прося защиты отъ ожидающей ее опасности и большого горя.

— Государыней-царицей не плохо быть, дѣвка ты глупая, дочка милая, княжна Марья Петровна!—наставительно продолжалъ отецъ, внимательно наблюдая за впечатлѣніемъ, какое производятъ на нее его слова.

— Молода я для государя Василія Ивановича, батюшка: въ отцы мнѣ гожъ! сказала княжна съ твердостью, какой отъ нея не ждали ни отецъ, ни мать.—Вѣнецъ царскій не дастъ счастья, коли супругъ не милъ, не по душѣ. Тѣмъ самымъ не нравится мнѣ сонъ твой, родимый.

— Рѣчь по уму!—одобрительно замѣтилъ князь, строго взглянувъ на присмирѣвшую и растерявшуюся княгиню, какъ бы вызывая ее себѣ въ помощь въ такую важную для ихъ княжеской семьи минуту.—Ну, дочка милая, а если сонъ мой да во-очію сбылся? какъ намъ съ тобой тогда быть? Сказывай.

Глаза отца и матери вопросительно остановились на красавицѣ дочери, стоявшей передъ ними съ безсильно опущенными руками и поникшей головкой, въ глубокой задумчивости. Въ ея чистыхъ черныхъ глазахъ свѣтилась душевная тоска. Понятно было отцу съ матерью, что вопросъ, предложенный дѣвушкѣ, вызываетъ въ ней сильную душевную борьбу.

— За государя Василія Ивановича пошла ли бы ты, княжна Марья Петровна? настойчивѣе повторилъ свой вопросъ князь и сумрачнѣе сдвинулъ черныя брови.—Не таись. Не неволимъ.

Молодая княжна вздрогнула холодною внутреннею дрожью, какъ бы насилуя себя принять рѣшеніе, угодное родителямъ и противное всѣмъ

ея свѣтлымъ мечтамъ, всѣмъ ея молодымъ, горячимъ надеждамъ, всему ея молодому женскому существу. Не того ей хотѣлось.

— Я въ волѣ родительской! прошептала она дрожащимъ голосомъ.—Велите—пойду!..

Но горечь и тяжесть этого благороднаго женскаго самопожертвованія сейчасъ же выразилась въ истерическихъ дѣвичьихъ слезахъ. Закрывшись руками, бѣдная княжна упала на грудь матери.

— Дочка милая! горлинка бѣлая! причитывала какъ бы на распѣвъ, сама заливаясь слезами, дородная княгиня, нѣжно осыпая поцѣлуями дочь.—Не томи своего сердца дѣвичьяго, не суши ты своего тѣла бѣлаго, не круши матери родимой... То твое счастье, дочушка; то всему роду твоему княжескому слава... Поклонись, дитятко, отцу, князю милостивому, покорись его волѣ родительской, порадуй насъ, старыхъ, радостью великою: государыней вѣдь будешь, царицей наречешься!..

— Бояринъ Іона Агѣичъ Ферапонтовъ, съ указомъ царскимъ къ тебѣ, князю честному, Петру Ивановичу! громко „доложилъ“ дворецкій Шульга, отвѣсивъ господину своему поясной поклонъ.

— Царскому посланцу съ честью бы войти въ мои княжескія хоромы! сказалъ, вставая изъ-за стола, князь Ростовскій и знакомъ руки указывая плачущей женѣ и плачущей дочери на „проходъ“, то есть коридоръ, куда онѣ и поспѣшили удалиться.

Въ настежъ распахнутыя царскими приставами двери своею медленною, важною поступью вошелъ Іона Агѣичъ и, прежде чѣмъ обратиться къ встрѣтившему его почтительно хозяину, помолился на иконы въ красномъ углу. Потомъ онъ поклонился хозяину и, поддерживая достоинство своего государя, приславшаго его по своему государеву дѣлу, съ громкою торжественностью сказалъ:

— Князь Петръ Ивановичъ! Государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ жалуетъ тебя, своего слугу вѣрнаго, своею государевою милостью: указываетъ тебѣ свое государево дѣло не малое—въ Путивль-городъ украйный съ ратью государевой идти. А рать готова, выступать тебѣ съ нею немѣшкотно: коли не завтра, черезъ два дня. Быть бы тебѣ, князь, у государевой руки нынче послѣ обѣдни.

Ростовскій князь выслушалъ царскій указъ съ внимательнымъ почтеніемъ и, въ поясъ поклонившись царскому посланцу, отвѣтилъ:

— На царской милости много благодарны, бояринъ именитый.—Отъ царской службы я непрочь. У царской руки буду въ то жъ число, а заутро изготовлюсь идти подъ украйный городъ Путивль, какъ царь указалъ мнѣ, слугѣ своему вѣрному и богомольцу.

Курскій бояринъ продолжалъ:

— Еще повелѣлъ государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ, мнѣ, курскому боярину Іонѣ, спросить тебя, князь Петръ Ивановичъ, о здравіи твоемъ, супруги твоей, княгини Анны Тимо-

феевны, и пречестной дочери вашей, княжны Марьи Петровны? Здравы бы были...

Опять князь Ростовскій поклонился боярину въ поясъ и отвѣтилъ:

— Не по заслугамъ нашимъ жалуетъ насъ, своихъ слугъ, государь Василій Ивановичъ. Здравы всѣ въ семьѣ моей княжеской и ему, государю нашему, здравія и долголѣтія желаемъ и о семъ же усердно Господа Бога молимъ!

Исполнивъ царское порученіе съ точностью, отличавшею всѣ дѣйствія курскаго боярина, Ферапонтовъ тотчасъ же отъ торжественнаго тона царскаго посланца перешелъ къ своему обычному веселому простодушію...

— Садись, Іона Агѣичъ, гость дорогой будешь! усаживалъ хозяинъ въ красенъ-уголъ величаваго старика.—Чѣмъ тебя велишь принять, чѣмъ подчивать?

— Посидѣть у тебя—посижу, Петруша, потому уморился верхомъ: года мои, знаешь, не молодые; и покалякаю съ тобою по душѣ, потому я тебя люблю за твою прямоту; а на угощеніи благодаренъ: медку, развѣ, кружку дашь—выпью. Медкомъ, признаться, и живъ только.

Гостепріимный хозяинъ изъ собственныхъ рукъ поднесъ царскимъ приставамъ, вытянувшимся по сторонамъ двери, по стопѣ крѣпкаго вина. По знаку Ферапонтова, пристава съ поклономъ удалились въ челядинскую.

За кружкой меда старый бояринъ пояснилъ князю спѣшность ратнаго похода въ Путивль, и почему воеводой туда посылается именно онъ, князь Петръ.

— Мѣсто то нынче опасливое, говорилъ Ферапонтовъ;—Шаховской Гришка, слышно, противъ царя претъ, измѣнникъ. Самозванецъ, вишь, тамъ обыскался; ну, а послать на него кого-жъ? Тебѣ царь и мы, бояре, вѣримъ; знаемъ, не посрамишь своего рода княжескаго. Опять же, въ родню съ тобою кровную Василій Ивановичъ входитъ: дѣвку твою, княжну, за себя беретъ. Сватомъ меня, на старости моей, взялъ... Ты на Украйнѣ заслуживай, Петруша, а мы здѣсь дѣвку твою съ царемъ окрутимъ: ждать нечего... Стоялое молоко киснетъ... Больно Василью княжна приглянулась, да и пора ему полюдски зажить. Царю безъ царицы быть—все единственно, что хозяину безъ хозяйки. Негригоже...

Когда старый бояринъ, послѣ довольно долгой бесѣды съ хозяиномъ, наконецъ, уѣхалъ, свѣтлица князя Ростовскаго огласилась громкимъ причитаніемъ княгини Анны Тимофеевны, бросившейся къ мужу въ ноги и отчаянно вопившей:

— На смерть они тебя посылаютъ на Украйну, князь Петръ Ивановичъ! Не пущу я тебя, моего ненагляднаго, изъ Москвы, хоть убей меня! Не пущу, свѣтъ ты мой, супругъ мой разлюбезный! Помутилось у меня въ глазушкахъ, защемило мое ретиво женское сердце!

Охъ, не къ добру! убьютъ они тебя, измѣнники и царскіе воры! прольютъ по степи твою княжескую кровь благородную, изсушатъ буйны вѣтры степные твои кости бѣлыя! обездолятъ они твою семью княжескую, честную! Завдовѣю я, горемышная, супружница твоя вѣрная; осиротѣютъ твои чада милыя, неразумныя! Нѣтъ, не пущу тебя, князь Петръ Ивановичъ, хоть тутъ же убей меня, бабу глупую!

— Жена! строго сказалъ князь рыдавшей и бившейся у его ногъ супругѣ, напрасно силясь приподнять её съ пола.—Государева служба—то не бабье дѣло; пойми: не называлася я, а шлетъ меня государь въ опасное мѣсто. Прятаться не буду: не привыкъ. Создатель нашъ промышляетъ надъ нами, гдѣ бы мы ни были, и смерть каждаго найдетъ въ свое время. Смерти ли убоюсь, или безчестія? Сыновья у насъ есть, Тимофеевна, молодые князья русскіе; да никто никогда не упрекнетъ ихъ, что они сыны недостойнаго отца. Не плачь, жена милая, не убивайся!.. Развѣ мнѣ легко?..

— Охъ, трудно-жъ мнѣ на свѣтѣ жить, горюшѣ! обливаясь слезами, жалобно рыдала княгиня, крѣпко обхватя ноги князя и не подымаясь съ пола.—Не ты бы говорилъ, не я бы слушала тебя, Петръ Ивановичъ! Знать, не любы мы тебѣ, сироты, жена съ дѣтками? о̀-охъ мнѣ, безталанной, охъ! Зарой ты меня лучше въ сырую могилу!..

Князь съ прибѣжавшими сыновьями и дочерью бережно подняли почти безчувственную княгиню и отнесли её въ опочивальню, на постель. Ея отчаяніе, сначала порывистое, теперь перешло въ молчаливое страданіе. Дочь осталась при ней.

Ростовскій князь глубоко задумался. Онъ былъ примѣрный семьянинъ и только въ семьѣ своей находилъ усладу и опору въ испытаніяхъ, которыя, конечно, и его посѣщали болѣе или менѣе. Трудно было ему разставаться съ этою милою, дорогою ему семьей,—кто знаетъ, можетъ быть навсегда! Но выбора ему нѣтъ: или семья, или долгъ. Человѣкъ съ такимъ опредѣленнымъ взглядомъ на свои обязанности, какъ князь, не могъ колебаться. Какъ ни больно и трудно было ему насильно оторвать себя отъ любимой жены, отъ любимыхъ дѣтей, отъ всего этого мирнаго, патріархально простаго затишья домашняго крова,—онъ рѣшилъ идти, идти туда, куда его шлютъ. Долгъ чести былъ ему дороже жизни. Но онъ можетъ не вернуться; это даже вѣрнѣе: не многіе начальники вернулись съ этой „прежде-погибшей“ Украйны. Ея мятежный духъ скоро охватывалъ московскіе полки и они измѣняли своимъ стягамъ и бѣжали, бросая своихъ воеводъ умирать подъ саблями отчаянныхъ казаковъ. Отъѣзжая на рать, нужно распорядить свои вотчины княжія, написать свою волю родительскую. Коротко время—дня два, а много надо сдѣлать. Прежде всего—написать духовное завѣщаніе. Для этого дѣла на что-жъ лучше учителя Степана Вертоградова? Приготовившись ѣхать въ Кремль „быть у царской руки“, князь велѣлъ дворецкому Шульгѣ объявить учителю, чтобъ онъ заготовилъ письменные снаряды и былъ готовъ явиться по первому зову.

XVI.

„Старый ты старикъ, старый, матерый!
Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто-поле?
Будто не кѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
Ты поставилъ бы себѣ келейку
При той путѣ, при дороженькѣ;
Сбиралъ бы ты, старикъ, въ келейку;
Тутъ бы старикъ, сытъ питатенъ былъ".
(Былина объ Ильѣ-Муромцѣ).

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ лютую зиму подняли на улицѣ, у забора „Ростовскаго двора", замерзшаго хмѣльнаго человѣка. Когда его отогрѣли и привели въ себя, онъ сказался поповскимъ сыномъ Степаномъ, черниговецъ родомъ; пришелъ-де на Москву изъ Кіева-славнаго города, гдѣ въ братскомъ училищѣ, что при церкви Богоявленія, всякимъ богословскимъ наукамъ обучался и эллинской книжной мудрости. Старшій князекъ Иванъ былъ тогда всего шести годочковъ. Подумалъ князь—пора взять для него учителя, и оставилъ у себя Степана-поповича. Ко двору пришелся учитель Степанъ. Сталъ онъ обучать князька малаго грамоткѣ; полюбилъ его князекъ малый, понравился онъ и родителямъ своею тихостью, усидчивостью. Подросталъ князекъ—Степанъ-поповичъ все дальше съ нимъ науку проходилъ, ибо „въ наукѣ зѣло бе свѣдущъ", какъ свидѣтельствовала грамота „кіевскаго высшаго духовнаго училища". Это та самая „Школа эллино-славяно-латино-польскаго письма", что̀ въ концѣ XVI-го вѣка оснавана была при Богоявленской церкви въ Кіевѣ. Успѣхи князька и не по лѣтамъ развившійся умъ его замѣтно отличали его отъ сверстниковъ. Благодаря стараніямъ учителя Степана, молодаго князька Ивана чествовали вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, и царь Борисъ Ѳеодоровичъ, самъ человѣкъ просвѣщенный, приглашалъ его для бесѣдъ къ своему сыну и дочери и любилъ, въ рѣдкія досужія свои минуты, разсуждать съ нимъ о твореніяхъ блаженнаго Августина, объ отцахъ церкви—Лактанціи и Тертулліанѣ. Лжедмитрій молодаго князя Ивана пожаловалъ въ свои царскіе кравчіе. Также, стараніями учителя Степана подготовлены были княжна Марья и князекъ Юрій. Властный князь Петръ уважалъ учителя за умъ, игралъ съ нимъ вечерами, особенно зимними, въ шашки; но, по духу времени и по своимъ убѣжденіямъ, забывалъ „въ сердцахъ", что учитель ему не крѣпостной, не холопъ, а вольный человѣкъ, и обходился съ нимъ иногда крутенько. Покладливый учитель за то не обижался. Онъ не тяготился тѣснымъ, часто тяжелымъ положеніемъ человѣка, зависящаго отъ единоличной воли, въ которое всѣ были поставлены во дворѣ Ростовскаго князя. Кончивъ свои занятія, учитель понималъ, что до завтра онъ не нуженъ въ княжескихъ хоромахъ, что собой только „господъ" стѣсняетъ, и уползалъ въ свою „норь", какъ онъ говаривалъ. „Норь" его—была изба на краю двора, гдѣ у него было двѣ

горенки, раздѣленныя неуклюжею, но жаркою печью. Тамъ скуку одиночества онъ дѣлилъ съ здоровой дѣвкой „чернавкой“, Лушкой, босой лѣтомъ и зимой, широкой и нескладной какъ его печь, что, разумѣется, составляло предметъ насмѣшки всей дворни. На „теремной“ половинѣ учитель Степанъ читалъ княгинѣ съ княжной, работавшимъ у себя женскія работы, назидательныя книги: „Хожденія св. Ѳеодоры по мытарствамъ“, „Повѣсть о горе-злосчастіи“,—какъ горе-злосчастіе довело молодца въ иноческій чинъ; а то сказывалъ „баснословную гисторію объ Александрѣ Македонскомъ“, объ чудесныхъ звѣряхъ, рыбахъ, птицахъ и каменіяхъ, именно—о звѣрѣ инорогѣ, о покентаврѣ, о птицахъ: стратимѣ, фениксѣ, сиренѣ; объ рыбѣ китѣ, объ эхинеѣ-рыбѣ; объ одноглазыхъ людяхъ съ песьими головами. Когда же учитель не читалъ, или не „сказывалъ“, то обыкновенно по цѣлымъ часамъ высиживалъ гдѣ нибудь въ углу терема, молча слушая, что говорятъ, и моргая по-совиному глазами. Тогда можно было заподозрить его въ равнодушіи къ какому бы то-ни-было устному обмѣну мыслей, или даже въ умственной ограниченности. „Подачки“—чарка водки, да кусокъ пирога изъ прекрасныхъ рукъ княжны Марьи словно бы оживляли его. Не рѣчистъ былъ Степанъ-поповичъ, ограничивался краткими отвѣтами и къ слову прибѣгалъ только тогда, когда уже нельзя было обойтисъ безъ слова. Ни его мнѣнія, ни его желаній, никто никогда не слыхалъ, словно бы ихъ у него вовсе не было.—Башка! Вмѣстилище книжное!—глубокомысленно отзывался объ учителѣ Степанѣ приходскій попъ, отецъ Филатъ.

Ростовскій князь вернулся изъ Кремля свѣтлый и радостный: обласкалъ его царь Василій Ивановичъ, а по немъ бояре старшіе къ нему липли, что твои мухи на медъ. Недаромъ сватовство царя по Москвѣ разошлось. Князь почувствовалъ себя „случайнымъ“ человѣкомъ, сталъ онъ въ походъ собираться. Надо ему свои дѣла упорядить. Всего ему сроку два дня дано. Позвалъ князь жену, Степана-поповича, заперся въ свѣтлицѣ. Велѣлъ онъ Степану со своихъ словъ духовное завѣщаніе писать. Четко вывелъ на бумагѣ Степанъ обычное начало: „Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, азъ грѣшный рабъ Господа Бога моего, бояринъ, князь Петръ Іоанновичъ сынъ князь Буйносовъ-Ростовскій, идучи на великое государево, царя и великаго князя Василія Ивановича всеа Руссіи, дѣло, съ его государевою ратной силой на его государеву Украйну, подъ Путивль-городъ, памятуя свой часъ смертный, восхотѣлъ сіе духовное мое завѣщаніе написати, въ коемъ свою болярскую волю сказываю тако“:

Степанъ прочелъ князю и, глядя на него, ждалъ.

— Буде не вернусь азъ, бояринъ и князь Петръ на Москву изъ подъ града Путивля, назначаю своею душеприкащицею супругу мою, болярыню, княгиню Анну Тимофеевну. Ей же быть попечительницею чадъ моихъ;—внятно продиктовалъ Степану князь, за тѣмъ взглянулъ на рыдающую жену и задумался: жалко ему ее стало, жалко стало дѣтей и себя.

— Уйди, княгинюшка! не мѣшай: слезою бабьей токмо сердце мужское робѣеть,—сказалъ онъ тихо, махнувъ женѣ рукой, чтобъ та шла.

Рыдая, вышла княгиня.

Когда духовная была написана, князь послалъ за своимъ приходскимъ протопопомъ и двумя пріятелями боярами—Мстиславскимъ и Ферапонтовымъ. Въ ихъ присутствіи, при сборѣ всей семьи, князь велѣлъ Степану громко прочесть свою духовную. Наступила торжественная семейная минута, печальный смыслъ которой усиливался рыданьемъ княгини и плачемъ дѣтей. Княгинѣ завѣщалъ князь свою московскую усадьбу, да подмосковное селище „Завалье", по ея, княгини, смерть, а по смерти ея—дѣтямъ же его невступно володѣти въ родѣ его Ростовскомъ княжемъ. Ярославскія свои вотчины лѣсныя росписалъ: князь Ивану село Спасъ-Назарьевское на Волгѣ на рѣкѣ; князь Юрью—село Любегощу съ пустошью; княжнѣ Марьѣ—погостъ Ягодный, да на Москвѣ два двора съ жильемъ. Подъ своею духовною князь подписался вмѣстѣ съ свидѣтелями боярами и духовникомъ, протопопомъ церкви Ризъ-Положенія, Филатомъ. Когда же Степанъ приложилъ въ концѣ подписей восковую княжью печать, князь, помолясь на икону со всѣми присутствовавшими, обѣими руками, стоя, передалъ свою духовную женѣ. Княгиня, за горькими слезами ничего не видѣвшая и не понимавшая, унесла духовную къ себѣ въ моленную и положила ее, съ горячей молитвой на колѣняхъ, въ кивотъ родоваго образа. Въ свѣтлицу она не вернулась: слегла въ постель. Напрасно утѣшала ее княжна, сама плакавшая.

Пользуясь отсутствіемъ княгини, князь Ростовскій угостилъ на прощаньи пріятелей бояръ и протопопа Филата на славу и, конечно, съ ними самъ подпилъ, не отставая отъ „братины" и „братановъ". Князьки „здравили" родителя, т. е. за отцово здоровье пили; бояре „здравили царскую невѣсту". Проводя гостей, князь опять задумался; хмѣль его не бралъ, у него изъ головы не выходили слова Мстиславскаго: „князька-де бы своего старшаго, Ваню, взялъ съ собой на рать князь Петръ: пущай бы его къ воинскому дѣлу пріобыкъ и родъ бы свой княжій ратной доблестью возвеличилъ бы". Замѣчаніе это, поддержанное и Ферапонтовымъ, тревожило князя. „Возьму съ собой старшаго", надумался онъ, глядя на своихъ молодцовъ сыновей съ нѣжнымъ чувствомъ отца, скрытымъ наружнымъ спокойствіемъ.

День незамѣтно прошелъ въ хлопотахъ князя, входившаго во всѣ мелочи домашняго распорядка и толково, безъ суеты приказывавшаго дворецкому Шульгѣ, кàкъ и что безъ него дѣлать по двору, по возможности предусматривая впередъ всѣ могущія безъ него возникнуть по хозяйству и домоправительству затрудненія. Посѣдѣлый на княжеской службѣ, Шульга стоялъ у двери, внимательно выслушивая приказанія и, отъ времени до времени вздыхая, какъ вздыхаетъ опеча-

ленный человѣкъ. Его оловянные глаза и все скуластое, рябое лицо выражало обычное опасеніе проронить малѣйшее слово господина; но за всегдашнимъ страхомъ вѣрнаго слуги, бывшаго въ отвѣтѣ за всѣ упущенія по двору не только свои, но и чужія, нынче замѣчалось смущеніе. Онъ слушалъ „господина“ и упорно молчалъ, вздыхая съ безнадежнымъ видомъ.

— Что молчишь? спросилъ князь, хмурясь на него.

Вмѣсто отвѣта Шульга опять вздохнулъ и уныло глядѣлъ въ полъ.

— Что молчишь, Шульга? настойчивѣе повторилъ князь съ досадой.

— Что жъ мнѣ сказывать, княже? тихо проговорилъ дворецкій.— Долго ли холопу словомъ ошибиться?

— Допрежде не ошибался ты словомъ; ты нынче словно не въ себѣ, братъ?..

— Прости, княже: точно—не въ себѣ... Шульга вздохнулъ и отвѣсилъ господину поклонъ.

Тотъ на него пристально глядѣлъ.

— Воля твоя, княже, а стою я передъ твоею милостью самъ не свой! какъ не моя голова на моихъ плечахъ! заговорилъ Шульга съ искренностью, понравившеюся князю.—Какъ это сказалъ ты, что съ ратью на царевы Украйны идешь — помутилась моя голова, княже! ретивое заныло!.. Не я одинъ, вся твоя дворня людная, глянь, носы повѣсила... Не въ радость намъ, домочадцамъ твоимъ, отъѣздъ твой со двора, Петръ Ивановичъ, въ дальній путь, на опасное дѣло, храни тебя Создатель!

Дворецкій Шульга долженъ былъ отвернуться, чтобы украдкой отереть мокрые глаза рукавомъ своего толстаго, домашняго сукна, кафтана.

Князь задумался и присѣлъ.

— Привыкъ я къ твоей милости, княже, продолжалъ, оправясь, дворецкій.—Не хочу безъ тебя на Москвѣ оставаться: съ собой бери меня. Смолоду не бросалъ я тебя въ тѣсномъ мѣстѣ, вѣрно на рати тебѣ служилъ, и на старости тебѣ послужу, Петръ Ивановичъ. Съ тобой пойду!

Дворецкій палъ на колѣни.

— Съ ума ты спятилъ, Шульга! съ напускною строгостью, которой въ эту минуту не вѣрилъ и слуга, сказалъ ему князь.—Ушло твое время, прихварываешь, только меня свяжешь въ полѣ, а польза отъ тебя какая? А тутъ, на Москвѣ, нуженъ ты мнѣ: дворъ съ хоромами, слышь, на тебя бросаю, а въ хоромахъ жену съ дѣтьми... Береги ты ихъ мнѣ... И, коли Господь сохранитъ меня на рати, вернусь, не забуду службу твою холопскую... Встань! не дури!..

Не возражая, всталъ дворецкій Шульга и уныло занялъ свое мѣсто у двери, опытомъ убѣжденный, что теперь никакіе доводы съ его стороны ничего не помогутъ, что надо повиноваться князю, чтобы его не прогнѣвить.

— Не равнялъ я тебя съ прочими холопами и не сравняю! продолжалъ князь, съ добрымъ желаніемъ смягчить свой отказъ на просьбу вѣрнаго слуги взять его съ собой на рать.—Пойми: вмѣсто себя оставляю тебя во дворѣ. Что всего мнѣ на свѣтѣ дороже, на тебя оставляю: жену съ дѣтьми. И ты бы безъ меня не унывалъ, а потщился бы о господскомъ добрѣ, елико можешь, яко попечительному рабу надлежитъ.

Дворецкій Шульга молча отвѣсилъ князю земной поклонъ.

Затѣмъ, князь Ростовскій обстоятельно назначилъ коней, людей, повозки и сѣдла, что съ нимъ пойдутъ. Велѣлъ тѣмъ конямъ овса задать, а тѣмъ людямъ „сбираться“ и завтра всѣмъ въ банѣ вымыться; чтобы кузнецъ осмотрѣлъ повозки и подковы и, что надо, исправилъ бы немѣшкотно. Отпустивъ дворецкаго, онъ пошелъ въ теремъ. Ничѣмъ, кромѣ привязанности къ себѣ, не могъ князь объяснить этой печали дворецкаго объ его отъѣздѣ. Ипатъ Шульга былъ „вольный“, т. е. отпущенникъ. Еще будучи холостымъ, князь отпустилъ его „за немалую послугу“. Немалая послуга состояла въ томъ, что подъ Смоленскомъ Ипатъ Шульга собой заслонилъ раненаго князя отъ польскихъ сабель и истекающаго кровью вынесъ изъ сѣчи, рискуя собственною жизнью. Это было именно то „тѣсное мѣсто“, о которомъ скромно упомянулъ Ипатъ Шульга.

Въ княгининой моленной, просторной горницѣ, рядомъ съ опочивальной, накрытый и „собранный“ столъ ждалъ князя. Рукою, дрожавшею отъ волненія, хозяйка налила своему „хозяину“ чарку водки и, подавъ ему, снова закрыла платкомъ свои красные отъ слезъ глаза. „Можетъ, никогда больше не поужинаетъ, сердешный, въ своей семьѣ“, подумала она.

— Полно, матушка Анна Тимофеевна! Не на плохое дѣло ѣду, за родную землю устаиваю! успокоительно и какъ могъ нѣжнѣе сказалъ ей князь и поцѣловалъ ее въ бѣлый лобъ. — Молитесь тутъ за насъ, на рати бьющихся; дастъ Богъ, одолѣемъ врага, скоро свидимся. Не плачь!

— Что мало ѣшь, Петя? Что мало пьешь? приговаривала княгиня, пригорюнясь у стола и не спуская съ мужа своихъ добрыхъ безхитростныхъ глазъ. — Ты бы бражки, Петя; ты бы поросенка съ хрѣнкомъ; аладьи вотъ съ медомъ, съ пылу прямо; любишь ты ихъ!

— Сама-то ни до чего не дотрогиваешься, съ упрекомъ замѣтилъ ей мужъ.—Съ голода помрешь.

— Лучше бы мнѣ и вправду помереть, Петя, чѣмъ отпущать тебя, на старость лѣтъ, на воровъ безбожниковъ! грустно прошептала княгиня, подкладывая на желтую липовую тарелку мужа горячія аладьи.— Кабы ты зналъ, каково мнѣ, горюшѣ горькой? Упорный вашъ родъ мужской, гордый! Женскія слезы вамъ—вода та же!

— Стало быть—вода! отшучивался весело князь, у котораго, впрочемъ, на душѣ было не весело.

Поужинавъ, хозяинъ почувствовалъ потребность снять съ себя длинный кафтанъ съ высокимъ козыремъ и остался въ ткацкой сорочкѣ съ косымъ воротомъ и синими ластовицами. Воротъ ея мастерски былъ расшитъ цвѣтными шелками дочерью. Въ этомъ домашнемъ видѣ князь Ростовскій выглядывалъ молодцомъ хоть куда. Помолясь и поблагодаривъ хозяйку за хлѣбъ за соль, а въ заключеніе поцѣловавъ ее, князь прилегъ на широкой лавкѣ.

— Какъ словно попъ на похоронахъ наѣлся! похвалился онъ женѣ.—У попа, дѣтки, брюхо сыто, а глаза завсегда голодны! обратился онъ къ молодымъ князьямъ и княжнѣ, ѣвшимъ за ужиномъ мало, а теперь задумчиво на него глядѣвшимъ.

Задумался и онъ. Тяжело отрываться отъ этихъ тихихъ семейныхъ радостей. Въ своей семьѣ и для семьи жилъ онъ—и вдругъ бросить ее. Но развѣ онъ не можетъ, какъ другіе его сотоварищи, отклонить отъ себя воеводство подъ благовиднымъ предлогомъ?.. Этотъ пологъ камчатный, за которымъ бѣлѣются высоко взбитыя пуховыя подушки и блеститъ отласное стеганое одѣяло, невольно напоминаетъ ему его счастливый мѣдовый мѣсяцъ, когда онъ „взялъ за себя“ молодую жену. Двадцать семь лѣтъ какъ сонъ прошли для него, съ доброю и покорливою хозяйкой. Давно ли, кажется, князьки безъ портокъ бѣгали, а гляди—уже взрослые! и княжна невѣста, да еще царская. Все, что ни видѣлъ въ этотъ вечеръ князь въ теремѣ, напоминало ему только счастье тихое и прочное. Передъ этою родовою иконою съ неугасимою лампадой сколько разъ стаивалъ онъ на колѣнахъ, скорбной душой молясь о страдающей въ родильныхъ мукахъ женѣ, о своихъ болящихъ младенцахъ, о избавленіи себя и семьи отъ какого либо угрожавшаго имъ несчастья. И всякій разъ исполнялось по молитвѣ его усердной; святая икона видимо для него покровительствовала Ростовскому княжему роду. Старинный поставецъ обѣденный, еще отъ его дѣда, князя Хохолкова-Темнаго, орѣховаго дерева, съ бронзовыми наугольниками и скобами, съ „кабачкомъ“, старинными сткляницами, тоже какъ бы одушевленнымъ, роднымъ существомъ кажется ему теперь. Сколько непогодныхъ зимнихъ вечеровъ короталъ онъ здѣсь, среди милой семьи, разсказывая про оборону отъ литвы Смоленска, въ которой и онъ участвовалъ, или слушая внятное съ хохлацкимъ выговоромъ чтеніе Степана-поповича: „На странѣ восточной за Югорскою землею, надъ моремъ, живутъ люди самоѣдь... А ядь ихъ мясо оленіе, да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ. А гость къ нимъ откуды придетъ, и они дѣти свои закалаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ. А который гость у нихъ умретъ, и они того съѣдаютъ. Въ той же странѣ иная самоѣдь: лѣтѣ мѣсяцъ живутъ въ мори, а на сусѣ не живутъ того ради, занеже тѣло на нихъ трескается, а они тотъ мѣсяцъ въ водѣ лежатъ. Въ той же странѣ другая самоѣдь. Вверху рты на темени, и не говорятъ. А образъ въ пошлину (какъ обыкновенно)—человѣчь. Въ той

же странѣ есть иная самоѣдь. По зими умираютъ на два мѣсяца. Умираютъ же тако: какъ гдѣ котораго застанетъ въ тѣ мѣсяцы, тотъ ту и сядетъ. А у него изъ носу вода изойдетъ, какъ отъ потока, да примерзнетъ къ земли. И кто, человѣкъ иныя земли, невѣдѣніемъ потокъ той отразитъ у него и сопхнетъ съ мѣста, и онъ умретъ, то уже не оживетъ; а не сопхнетъ съ мѣста, то и оживетъ, и познаетъ, и рѣчетъ ему: „о чемъ мя еси, друже, поуродовалъ?"

Сколько, бывало, страху изъ подобнаго чтенія набирались маленькія дѣтки, княжата! Особенно Маша: забьется къ матери подъ заячью тѣлогрѣю, головку кудрявую въ колѣни къ ней спрячетъ, глаза зажмуритъ, ушки пальчиками розовыми заткнетъ, чтобы неслыхать такихъ ужасовъ, какъ родители маленькихъ дѣтей своихъ гостямъ жарятъ на сковородѣ... а сама вся колотится и ни за что безъ матери спать не ляжетъ. Читаетъ Степанъ—поповичъ, слушаетъ семья и дивуется: „не такъ де тамъ совсѣмъ, какъ у насъ на Руси!" А зимняя вьюга злобно ставнями потрясаетъ, въ печную тру бувоетъ...

Протяжный ударъ въ колоколъ у Ризъ-Положенія, на приходской церкви, вывелъ князя изъ его теплыхъ семейныхъ воспоминаній. Онъ поднялся, присѣлъ на лавкѣ и замѣтилъ невесело сидѣвшимъ дѣтямъ:

— Пора, кажись, и по постелямъ, дѣтки! на спокой!

Онъ каждаго благословилъ передъ сномъ и каждому далъ поцѣловать свою руку, самъ цѣлуя въ лобъ. Дѣти разошлись по своимъ мѣстамъ.

— Тебѣ бы лечь—свернуться, встать—встряхнуться, сударь-батюшка, нашъ поилецъ и кормилецъ, князь Петръ Ивановичъ! съ поклономъ, какъ всегда, напутствовала мужа княгиня Анна, провожая его въ опочивальню, къ широкой, мягкопостланной кровати, подъ атласнымъ одѣяломъ, за камчатнымъ пологомъ. Въ ея рукѣ была зажженная восковая свѣча. — До бѣла свѣта спи себѣ почивай, родимый; а заутро — въ баньку, попарься, пропотѣй на дорожку. Небойсь, на Украйнѣ той воровской никто-то тебя, моего лебедя бѣлаго, сиротинку мою горькую, не погоститъ банькой-то. Охъ, не дожила бы до этого часа страховатаго!

Плача, княгиня съ проворствомъ, обличавшимъ въ ней привычку и словно бы не соотвѣтствовавшимъ ея дородности, раздѣла и разула мужа и съ нѣжностью уложила его „въ постельку пуховую", покрыла его „одѣяльцемъ атласнымъ". Потомъ упала въ слезахъ передъ родовой иконой Матери Божіей и начала молиться. Ея сдерживаемый, то стихавшій, то усиливавшійся молитвенный шепотъ, нарушая глубокую тишину ночнаго мрака, слабо озареннаго теплившеюся лампадой, сначала не давалъ спать взволнованному князю, но мало-по-малу онъ забылся и захрапѣлъ.

Молитва скорбнаго женскаго сердца, молитва жены, провожающей на войну любимаго мужа, молитва матери за дѣтей, могущихъ скоро

осиротѣть,—возносилась въ этой глубокой ночной тишинѣ, горячею вѣрою въ неподкупный Божій промыселъ, къ небесному престолу. Съ сердцемъ, облегченнымъ молитвой, княгиня прилегла, наконецъ, къ мужу, съ боязливою осторожностью помѣшать его сладкому сну; но сама до зари не сомкнула плакавшихъ глазъ.

XVII.

„Kochajmy: czyli serca wszystkich rasem,
Okrzeply nam twardym glazem
Kochajmy: a to z macierzynskiej reki
Rwie się k'nam z usty przez dzięki!
Jakowa zmiękczyć moglaby dziecina
J dzikiego tatarzyna.
A to ust rubin, perlom rowne lice,
Gwiazdy szczere dwie zrzenice.
Na szyjkę bialą kędziorki spuszczone,
Zlotem slonca powlączone.
Nad kość sloniowa bięlsze sciąda ręce,
Widrzeć się każe matence.
Z placzem bic pragnie gosciem twego lona,
J wiczniem twego ramiona.
Kochajmy: allo jasli serce ze stali,
Niech nas sobie glaz przywali".

„Будемъ любить: неужели всѣ сердца для насъ—твердый камень? Будемъ любить — это еще изъ материнскихъ устъ слышимъ мы, во имя благодарности. Такое дитя могло бы смягчить и дикаго татарина. Уста—какъ рубины, лицо—какъ жемчугъ, глаза—какъ звѣзды. На бѣлую шею падаютъ локоны, позолоченые лучами солнца. Руки—бѣлѣе слоновой кости, кажется, хотятъ вырваться отъ матери. Хочетъ припасть къ твоей груди, лежать въ твоихъ объятіяхъ. Будемъ любить; но если сердце ихъ насъ оттолкнетъ, пусть камень насъ завалитъ".

(Изъ V оды книги Эподонъ, латинскихъ стихотвореній Сарбѣевскаго, въ польскомъ переводѣ Самуила Твардовскаго).

Между тѣмъ, „вольные паны", „довуцы" Неборскій и Лисовскій, спѣшно уходили съ своимъ отрядомъ къ литовскому рубежу, добросовѣстно грабя проходимыя ими русскія селенія и принимая надлежащія мѣры къ тому, чтобы вѣсть о ихъ движеніи дошла въ Москву какъ можно позже. Они держались правѣе Калуги; въ Камарницкой волости они могли уже считать себя безопасными, такъ какъ

Сѣверщина явно держалась стороны самозванца, кто бы онъ ни былъ, лишь бы шелъ противъ Москвы. Если всегда пьяный Неборскій съ кичливостью родовитаго шляхтича хвастался славой польской націи, непобѣдимостью „рыцарскихъ хоренгвей", то ротмистръ Лисовскій ни мало не заботился о такихъ пустякахъ, какъ національная слава или воинская честь. Провозглашеніе тостовъ за военную славу поляковъ на попойкахъ въ устахъ Лисовскаго было не болѣе, какъ благоразумная уступка военному обществу, среди котораго онъ находился, невинное реторическое упражненіе, желаніе, чтобы его голосъ звучалъ въ одну ноту съ голосами товарищей—и только. Лисовскій былъ матеріалистъ въ полномъ смыслѣ слова. Всѣ его способности, всѣ желанія упорно стремились къ одной цѣли: разбогатѣть, и скорѣе. Какимъ способомъ—это для него было все равно. На общественное мнѣніе, на установившіяся вѣками понятія о нравственномъ долгѣ, на свое доброе имя—онъ давно махнулъ рукой. Онъ разсчитывалъ захватить Курскъ и въ немъ засѣсть, подчинивъ себѣ „уѣздъ", т. е. область до предѣловъ, „покуда рука его съ саблей достанетъ". Богатая украинская сторона соблазняла его; сабля и удача были его правомъ; иного права онъ знать не хотѣлъ. Близость безпокойныхъ степей Литвы ручалась отважному и корыстному ротмистру за успѣхъ его замысла. Провожая на Литву монсиньора Брамантини, платившаго ему значительную сумму испанскимъ золотомъ ежемѣсячно и считавшаго его на своей службѣ, Лисовскій, въ сущности, служилъ самому себѣ, ловко соединяя чужія цѣли съ своею. На пьяницу Неборскаго Лисовскій смотрѣлъ какъ на надоѣдливаго, но пока необходимаго ему сотоварища, къ важному же прелату святой католической церкви, отъ котораго порядочно поживлялся, относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Когда монсиньоръ Бруно Брамантини удостоивалъ ротмистра рѣдкимъ своимъ къ нему обращеніемъ, Лисовскій только улыбался насмѣшливо углами рта.

Время года и свѣтлые погожіе дни вполнѣ способствовали быстрому уходу за Оку польскихъ сотенъ, которыхъ малочисленность, въ случаѣ встрѣчи съ царскимъ войскомъ, едва ли бы уравновѣсилась отчаянною храбростью лисовчиковъ и пятигорцевъ. Зная, что „на берегу", т. е. по Окѣ, постоянно расположена царская рать и что въ Калугѣ стоитъ ея правое крыло, Лисовскій далеко обошелъ Калугу и благополучно на дощаникахъ переправился черезъ Оку.

Присутствіе важнаго прелата и благородныхъ дамъ, конечно, нѣсколько стѣсняли хищническія привычки „довуцъ", но болѣе въ мелочахъ; въ остальномъ же „довуцы" и ихъ жолнеры оставались себѣ вѣрными, хозяйничая на чужбинѣ, какъ у себя на дворѣ, и обращаясь съ русскимъ „быдломъ" самымъ возмутительнымъ образомъ. Попрежнему „тлустый" Неборскій напивался, высыпался и опохмѣлялся, а Лисовскій грабилъ живаго и мертваго.

Само собою разумѣется, что прекрасная Ортанса Стадницкая, съ

своими роскошными золотистыми волосами, хорошенькимъ, свѣжимъ личикомъ и неистощимымъ запасомъ веселаго звонкаго смѣха, въ своей яркой синей амазонкѣ и кокетливомъ беретѣ съ страусовымъ перомъ, была душою молодежи. Даже мрачный Болотниковъ часто слѣдовалъ въ ея „хвостѣ" и, несмотря на свои кровожадныя цѣли, для осуществленія которыхъ онъ торопился въ Путивль, не прочь былъ уловить и на свою долю одинъ изъ нѣжно-лукавыхъ взглядовъ веселой польки. Почтенная панна Гонората слѣдовала за войскомъ на возу, въ самомъ близкомъ сообществѣ клѣтки съ курами для „панской" кухни. Во время роздыховъ, она украшала собою общество „кавалеровъ" и за глаза усердно злословила ненавистную ей Ортансу за ея „пустоту и безсердечіе" съ мужчинами, конечно. Впрочемъ, „кавалеры" старались тщательно избѣгать ее, такъ какъ имъ скоро наскучили ея глубокіе нѣжные вздохи, подкатываніе подъ лобъ ея овечьихъ глазъ и сентиментальный разговоръ, постоянно вертѣвшійся вокругъ одной и той же темы: какъ близоруки мужчины и какъ вѣтрены, предпочитая смазливое женское личико и глупый смѣхъ глубоко-любящему женскому сердцу.

Ивашка Болотниковъ еще подъ Москвой снялъ свой костюмъ итальянскаго пѣвца и ѣхалъ теперь въ казакинѣ, широкихъ штанахъ и длинныхъ сапогахъ лисовчика. Овчинная шапка окончательно придавала его черноусому, черномазому лицу видъ хохла, такъ какъ онъ сбрилъ свою козлиную итальянскую бородку. Его характеръ невольно обращалъ на себя вниманіе даже такого ко всему, кромѣ золота, равнодушнаго человѣка, какъ Лисовскій. Онъ иногда цѣлый день молчалъ и мрачно ѣхалъ въ сторонѣ отъ всѣхъ, отвѣчая на вопросы лишь злой, насмѣшливой улыбкой, или болталъ безъ умолку и всѣхъ смѣшилъ своими выходками.

Важный прелатъ весь путь ѣхалъ вдвоемъ съ юнымъ неофитомъ Паоло. Когда онъ не былъ поглощенъ теченіемъ своихъ мыслей, большею частью честолюбивыхъ, то объяснялъ своему ученику и духовному сыну величіе Божіе, познаваемое человѣкомъ въ мірозданіи и въ томъ тайномъ Промыслѣ, что ведетъ человѣка къ осуществленію Его небесной воли, знакомилъ его съ величіемъ многовѣковаго Рима, этой всемірной столицы, благоденствующей подъ отеческимъ правленіемъ святѣйшаго отца папы, апостолическаго намѣстника, кому черезъ преемство отъ св. Петра и Павла дана власть самого Господа: „рѣшить и вязать" на землѣ; обѣщалъ образовать его юный умъ и укрѣпить его слабый характеръ для достойнаго служенія Богу и прославленія его въ языческихъ народахъ Индіи. Съ глубокимъ вниманіемъ выслушивалъ прелата Паоло, грусть котораго по умершему наставнику мало-по-малу смягчалась и смѣнялась настроеніемъ, болѣе соотвѣтствующимъ его возрасту. Онъ уже позволялъ себѣ глядѣть на польскую красавицу, въ свою очередь удостоивавшую его своего кокетливаго вниманія и слѣдившую за нимъ тайкомъ съ большимъ

интересомъ. Странная судьба, бросившая такъ далеко юнаго индѣйскаго раджу, оторвавшая его отъ родины и семьи, наконецъ, его замѣчательно красивая и изящная фигура и благородное поведеніе не могли не обратить на себя вниманія такой доброй и пылкой дѣвушки, какою была Ортанса. Ея звонкій смѣхъ и любезная привѣтливость могли ввести въ заблужденіе на счетъ ея безсердечности и пустоты только зависть и недоброжелательство; только изозлившаяся на людей старая дѣва Гонората могла обзывать Ортансу „пустой куклой". Женская красота безъ ума, сама по себѣ, безсильна вызвать мужское поклоненіе. Ортанса имѣла полное право называться умной и добросердечной дѣвушкой столько же, сколько хорошенькой и любезной. Ея прекрасная наружность была отраженіемъ прекрасной души.

На третій день послѣ переправы черезъ Оку „довуцы" рѣшили сдѣлать „дневку". Пора было дать роздыхъ конямъ и людямъ. Они уже находились въ Сѣверщинѣ, своей естественной союзницѣ по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Темный боръ, густо обсѣвшій нагорный берегъ многоводной сѣверской рѣки Десны, располагалъ къ отдыху, предоставляя людямъ свой вѣчно-зеленый иглистый навѣсъ отъ солнца, а лошадямъ зеленые сочные луга. Расторопный Лисовскій нанялъ изъ рыбачьей деревушки русскаго мужика, взявшагося доставить письмо панны Ортансы къ ея отцу, вельможному пану Ксаверію Стадницкому, въ „Залусцье", пограничное литовское „място". Рубежъ былъ близко. Ортанса просила отца выслать за собою скорѣе нейтычану съ надежными проводниками, такъ какъ отрядъ вольныхъ пановъ пойдетъ отсюда въ Путивль. При этомъ веселая дѣвушка въ самомъ смѣшномъ видѣ описала свой воинскій походъ изъ Москвы въ качествѣ амазонки и хвалила вниманіе къ ней ротмистра Лисовскаго, безъ котораго ей пришлось бы по сей день раздѣлять московскій плѣнъ вельможной паньи Марины, русской царицы. Впрочемъ, она прибавила, что вниманіе ротмистра Лисовскаго должно быть оплочено польскими червонцами, почему отецъ приглашался выслать ему, теперь же, тысячу червонцевъ,—условную плату, безъ чего Лисовскій не взялъ бы ее съ собою и теперь не отпуститъ до выкупа. Послѣднія строки Ортанса написала подъ диктовку самого Лисовскаго.

„Тлустый" панъ Алоизій нѣсколько „очахнулъ" въ темномъ бору отъ своего постояннаго пьянства для того, чтобы предаться „благородному дѣлу старой Литвы". На утро онъ назначилъ охоту, вѣрно разсчитывая, что въ этомъ безконечномъ бору съ „мочежинами", т. е. густою зарослью по плёсамъ, непремѣнно водятся лоси, дикіе кабаны и медвѣди.

Вѣсть о завтрашней охотѣ радостно облетѣла бивакъ, свободно раскинувшійся подъ темными соснами. Коней разсѣдлали и, кромѣ караульной сотни, остававшейся въ коновязи, отправили пастись на лугъ, отовсюду окруженный боромъ. Ортанса чувствовала себя особенно хорошо въ ожиданіи охоты и скораго пріѣзда нейтычанки, должен-

ствующей отвезти ее домой. Ее несказанно радовалъ на-скоро поставленный ей шалашъ изъ только что срубленныхъ, смолой пахнувшихъ сосновыхъ вѣтокъ, прикрытыхъ скошенной луговой травой съ благоухающими цвѣтами. Съ наслажденіемъ и шаловливостью балованнаго ребенка она бросилась на кучу травы, прикрытую ея же плащемъ, положила свою бѣлокурую головку на дамское сѣдло, служившее ей въ походѣ подушкой, и замечталась, какъ только можетъ мечтать въ ея годы хорошенькая дѣвушка, которой улыбаются жизнь и люди. Существо, нисколько не причастное ея дѣвичьимъ мечтамъ, прервало ихъ, появясь у входа въ шалашъ, въ образѣ достойной Гонораты.

— Я къ вамъ, панна Ортанса! запищала она, изображая на своемъ размалеванномъ лицѣ страданіе, испытанное ею въ обществѣ „панскихъ" куръ и панскаго кухаря.—Пріютите особу вашего пола, нуждающуюся въ отдыхѣ и исправленіи своего туалета, что̀ невозможно на глазахъ безсовѣстныхъ мужчинъ...

— Очень рада! поторопилась сказать Ортанса, подвинувшись на своей походной постели, чтобы дать ей мѣсто прилечь возлѣ себя.— Я тоже устала. Здѣсь намъ хорошо будетъ, панна Гонората. Ложитесь...

Но старая дѣва не думала ложиться и стояла величественная и какъ-бы исполненная нѣмаго, но краснорѣчиваго укора. Кому? конечно Ортансѣ. За что? Конечно, за ея вѣтренность и безсердечіе съ мужчинами. Этого не могла не понять умненькая Ортанса и, чтобы не разсмѣяться и не подать Гоноратѣ повода обидѣться, обратила вниніе на ея желтое платье, замѣтивъ, что оно ей къ лицу.

Гонората вспыхнула благороднымъ негодованіемъ.

— Вы очень любезны, панна Ортанса, начала она, явно обрадованная возможности высказать ей хоть частичку наполнявшей ее злобы.—Очень любезны, вѣроятно рѣшась наградить меня вашимъ вниманіемъ къ моему костюму за ваше невниманіе къ моей особѣ! Благодарю васъ!

Гонората съ достоинствомъ угнетенной невинности подкрѣпила свои слова величественнымъ, неисключавшимъ, впрочемъ, презрѣнія, поклономъ.

— Что я внимательна къ вашей особѣ больше, чѣмъ вы думаете, панна Гонората, тому доказательство мое желаніе взять васъ съ собой въ „Залусцье", — спокойно замѣтила Ортанса, едва удерживаясь отъ разбиравшаго ее смѣха. — Послѣ завтра за мной пріѣдутъ изъ дому, и я думаю взять васъ съ собой, если, конечно, вы ничего не имѣете противъ этого, панна Гонората.

— Я несчастная благородная дѣвица, всѣми покинутая, сказала Гонората, приложивъ къ глазамъ платокъ.—Благодарю васъ, панна Ортанса. Я поѣду съ вами. Иначе мнѣ придется ежечасно страдать отъ нескромности мужчинъ въ этомъ сонмѣ грубыхъ и пьяныхъ сол-

дать. Вы не меня спасаете, а въ моемъ лицѣ женскую невинность, окруженную опасностями и соблазномъ...

Затѣмъ Гонората рѣшилась вступить въ зеленый шалашъ и растянуться рядомъ съ ненавистной ей хорошенькой подругой на ея походной постелѣ.

Пока „дамы“ отдыхали, жолнеры варили свой обѣдъ на разложенныхъ кострахъ; паны, вмѣстѣ съ Болотниковымъ, коротали время, сидя на толстомъ стволѣ старой сосны, сваленной вѣтромъ, и попивали венгерское.

— О, напитокъ чудодѣйственный! хрипло, за каждымъ глоткомъ изъ стакана, замѣчалъ Неборскій. — Благословенна память праотца Ноя! позналъ мудрость сока винограднаго! Вкушаю, пьянѣю и веселюсь! и такъ всякій день... Куда глядишь, пане Лисовскій?

— Гляжу на городъ: бѣлѣется—вонъ на горѣ, вдали. Брянскъ...

Въ самомъ дѣлѣ, сквозь золотистые стволы деревьевъ, рѣдѣвшихъ къ рѣкѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бивака, на крутой, синѣвшейся горѣ, бѣлѣлись каменныя стѣны съ башнями, церкви и дома города Брянска, отчетливо рисуясь на голубомъ горизонтѣ.

При словѣ „Брянскъ“ Неборскій встрепенулся и отчаянно замахалъ большой головой въ магеркѣ.

— Брянскъ! — то стара Литва! хриплымъ басомъ рявкнулъ онъ, ударивъ стаканомъ о бутылку.—Мой дѣдъ воеводой брянскимъ былъ; а нынче за Москвой Брянскъ!.. Эти боры наши, не московскіе; саблей повернемъ ихъ назадъ, на Литву... Отберемъ Сѣверщину и съ Курскомъ! Такъ-ли, пане Лисовскій?

— Не такъ, пане Алоизій! спокойно возразилъ Лисовскій.—Коли отбирать этотъ славный край нашей саблей и кровью — на самихъ себя отберемъ, не на короля, чортъ-бы его побралъ съ его Рѣчью Посполитой! Мы сами себѣ короли, пане региментаже! Рувность и неподлеглость.

— Такъ есть! Рувность и неподлеглость! подтвердилъ Неборскій.— На себя самихъ край отберемъ! Будь-же здравъ, пане Лисовскій! Башка ты и подлецъ! Далибукъ! —и Неборскій опорожнилъ чарку.

Литовскій рубежъ московскаго государства, къ которому приблизились вольные польскіе паны, издавна считался „мѣстами опасными“. Остатки земляныхъ укрѣпленій и высокихъ кургановъ и понынѣ встрѣчаются здѣсь, какъ нѣмые свидѣтели мрачныхъ, кровавыхъ, отдаленныхъ отъ насъ временъ. Ржавые бердыши и древнее оружіе выпахиваютъ сохи мирныхъ крестьянъ, а лопатка корыстнаго искателя „кладовъ“ выкапываетъ часто, вмѣсто горшковъ съ серебряными деньгами, человѣчьи скелеты огромныхъ размѣровъ, черепа и кости. Отъ наблюдательнаго путника и теперь не укроется особенность постройки здѣшнихъ дворовъ съ избами внутрь, съ крытыми сараями изъ пластника, кругомъ, въ видѣ укрѣпленія. Такъ издавна ставилъ здѣсь свой крѣпкій дворъ селянинъ, по понятному

въ его тогдашнемъ беззащитномъ положеніи, чувству самоохраненія. Чуть не два вѣка раззоряли этотъ край хищные степняки—половцы, кочуя у береговъ рѣки быстрой Сосны и имѣя свои „станы“ по рѣкѣ Дону. Послѣ несчастной для русскихъ битвы на рѣкѣ Калкѣ, эти мѣста подпали подъ татарскую грозу. „Смятошася потускорье и посемье и бе туга велія, яко же николи жъ“, говоритъ курскій лѣтописецъ.

Сѣвскъ, ровестникъ Рыльску и Путивлю, вмѣстѣ съ ними пережилъ ту же горькую долю. Трубчевскъ, или Трубецъ, также входилъ въ составъ Новгородъ-сѣверскаго княжества и вмѣстѣ съ Курскомъ составлялъ удѣлъ князя Всеволода Святославича „Буй-тура“. Трубчане честно полегли костьми „въ страшной сѣчѣ съ татарами, въ первой съ ними встрѣчѣ на рѣкѣ Калкѣ. Послѣ татарскаго разгрома Сѣверщина подпала подъ власть Литвы, но многолюдный до татаръ край опустѣлъ. И нынѣ еще, близъ города Дмитрова, видны если не остатки, то слѣды черниговскаго города „Болдыжа“. Ольгердъ Гедиминовичъ покорилъ „Дебрянскъ“, уже съ XII вѣка являющійся оплотомъ Сѣверщины, и Карачевъ. Даже нынѣшній Мало-архангельскій уѣздъ въ XIV вѣкѣ принадлежалъ Литвѣ и „крѣпкій городъ Амченскъ“ считался важною пограничною литовскою крѣпостью. Послѣ раззоренія Батыемъ Чернигова (1240 г.), черниговскіе епископы удалились въ Брянскъ. Съ половины XIV вѣка черниговскіе архіереи посвящаются въ Брянскѣ и въ актахъ и лѣтописяхъ именуются то черниговскими и брянскими, то брянскими. Брянская каѳедра епископская существовала до конца XV вѣка и была единственнымъ путеводнымъ свѣточемъ, поддерживавшимъ христіанскія начала въ одичавшемъ и бѣдствовавшемъ народѣ. Уже Дмитрій Донской, а послѣ Рязанцы, пытались отнять „Дебрянскъ“ у Литвы. Московскій воевода Яковъ Захарьичъ взялъ его (1500 г.) на своего государя, великаго князя Ивана Васильича III. Тогда же „отобраны на Москву“ Трубчевскъ съ прочими сѣверскими городами. Свергнувъ съ Руси татарское иго, собиратель русской земли отнялъ у Литвы, уже соединенной съ Польшей, Курскую и всю Орловскую страну. Князь Симеонъ Можайскій, сынъ Іоанна Можайскаго, что „вышелъ изъ Московіи на Литву“, при Казимірѣ, отъ котораго получилъ городъ Брянскъ,—присягнулъ Ивану III съ Карачевымъ; великій литовскій князь Александръ обязался по договору „Карачевъ съ волостями не зацѣпляти ничѣмъ“. Съ тѣхъ поръ Карачевъ, Брянскъ и прочіе города высылаютъ свои „сторожи“ въ степь. Договорами 1503 и 1538 гг. Сѣверщина укрѣплена за Русью. Какъ важенъ былъ для Руси Трубчевскъ—видно изъ того, что Иванъ Грозный съ боярыми приговорилъ: „князьямъ Трубецкимъ вотчинъ своихъ не продавати и не мѣняти и за дочерьми своими и за сестрами въ приданое не давати; и котораго князя бездѣтна не станетъ,—и тѣ вотчины имати на государя“. Тридцать-четыре года спустя послѣ взятія Брянска воеводой Захарьинымъ, Юрій Радзивиллъ попробовалъ

было взять его, но не могъ одолѣть: сильно укрѣпили его москвичи. Пять—десять лѣтъ спустя, опять попробовали было поляки отнять Брянскъ—не смогли, только посады пожгли. Брянскъ сторожилъ Русь отъ польской и крымско-ногайской Украйнъ. Но, завладѣвъ своимъ „извѣчнымъ русскимъ“ краемъ—Сѣверщиной, Москва еще не въ силахъ была защитить его отъ гибельныхъ литовскихъ и крымскихъ набѣговъ. Еще въ концѣ XVI вѣка, эти мѣста, подъ названіемъ „Поля-дикаго“, не были почти заселены. Когда, въ предупрежденіе ожидавшагося крымскаго набѣга, въ 1572 г. „указывалось „изъ Москвы“ выжечь степь“, то было выжжено и это „Поле-дикое“. Помѣрѣ того, какъ Курскъ и Бѣлгородъ съ своими „сторожевыми линіями“, стали прикрывать „Поле-дикое“ отъ вторженія степняковъ, засѣлялись мѣста нынѣшнихъ уѣздовъ: Кромскаго, Мало-архангельскаго, Фатежскаго, Щигровскаго и Тимскаго, именно мѣста „Поля-дикаго“. Въ описываемое время уже значилась „слобода-Малоархангельская“, что нынѣ городъ, и принадлежала Чудову монастырю. Понемногу возникали изъ развалинъ города: Болховъ, Радогощъ, Вщижъ, Кромы и другіе. Насельники наползли въ лѣса, слободы надвигались къ рѣкамъ. Путивль, Рыльскъ, Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, на своихъ „неприступныхъ“ горахъ стояли, какъ стражи своей русской народности, вдоль литовскаго рубежа, силой историческихъ обстоятельствъ раздѣлившаго братьевъ по вѣрѣ, языку и происхожденію.

И иго магометанской Золотой Орды, и господство языческой Литвы, „и набѣги“ оставили въ сѣверскомъ народѣ глубокій слѣдъ. Подъ вліяніемъ столь неблагопріятныхъ историческихъ и мѣстныхъ условій, народный духъ „Сѣверской Украйны“ выработалъ себѣ характеръ, который не могли одобрить наши лѣтописцы. Эта та самая „прежде погибшая Украйна“, на которую московскія власти смотрѣли какъ на гнѣздо крамолы. Немудрено, что одичалый и воинственный сѣверянинъ, отдаленный отъ московскаго централизующаго вліянія, усвоившій себѣ тяжелымъ многовѣковымъ опытомъ коварство и независимый духъ „степняковъ“, съ которыми враждовалъ,—сталъ наконецъ „погибельнымъ воромъ“.

Характеръ Сѣверской страны ничѣмъ не отличался отъ характера сопредѣльной съ нею Литвы. По обѣ стороны рубежа одинаково темнѣютъ лѣса; по опушкамъ и у рѣкъ разбросаны сѣрыя деревушки и большія „слободы“, скученныя чувствомъ самоохраненія и хозяйственными выгодами; тѣ же убогія деревянныя церкви, подъ соломой и часто съ деревяннымъ же крестомъ; тѣ же бревенчатыя „помѣщичьи усадьбы“ служилыхъ, испомѣщенныхъ своимъ государемъ людей. Лѣсное раздолье и духъ населенія способствовали плодиться здѣсь „станичникамъ“ и „вольнымъ“ разбойникамъ, въ родѣ Кудеяра, о комъ и въ наше время народная память сохранила живыя преданія.

Роздыхъ въ тѣнистомъ бору, благоухающемъ смолой и травами, скоро возстановилъ молодыя силы хорошенькой Ортансы, поспѣшив-

шей заняться исправленіемъ своего нѣсколько пострадавшаго за походъ косютма амазонки. Соревнуя бѣлокурой красавицѣ во всемъ, Гонората не хотѣла отъ нея отстать и тоже взялась за иглу съ ниткой и принялась за починку своего желтаго платья. Завтрашняя охота очень занимала обѣихъ дамъ. Старая дѣва неумолчно болтала и только ночная темнота прервала ея болтовню; тщательно закрывшись и укутавшись, она улеглась и скоро захрапѣла къ большому удовольствію Ортансы, которой не спалось. Чудная ночь съ золотымъ полнымъ мѣсяцемъ, выкатившимся на спокойной ясной лазури, вызывала въ ней желаніе покинуть темный шалашъ. Она осторожно встала, чтобы не разбудить сладко похрапывавшую Гонорату, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась въ невольномъ восторгѣ. Сквозь негустую иглистую зелень сосновыхъ вѣтвей просвѣчивалъ серебристый мѣсячный лучъ и, заронясь въ лѣсную глушь, перебиваемый на всякомъ шагу кустами и красноватыми, блестѣвшими стволами, выводилъ по землѣ свои волшебные узоры. Надъ боромъ, вверху, радостный, все осеребряющій свѣтъ, а внизу, въ бору, голубоватыя, таинственныя тѣни... Нагрѣтый за день, напоенный смолистымъ ароматомъ, лѣтній воздухъ недвижно стоялъ въ безконечномъ бору, объятомъ дремой. Вспомнила Ортанса такія же ночи на родинѣ. Милый призракъ доброй матери промелькнулъ передъ ней, пригрѣлъ ее въ эту минуту своей лаской. Она только что вступила въ ту лучшую пору своей жизни, когда молоденькая дѣвушка безотчетно, но сладко задумывается и слушая соловья, и провожая уходящую грозу; когда чуткое дѣвичье ухо въ мимолетномъ звукѣ ловитъ ту именно ноту, которая вызываетъ грусть. Вдругъ... тихій человѣческій голосъ, перебиваемый вздохами, не то плачъ, не то горячая молитва сокрушеннаго духа, вблизи, заставилъ ее прислушаться. Нѣтъ сомнѣнія: кто-то молится, глубоко вздыхаетъ, скрытый отъ нея густою тѣнью, падавшею отъ широковѣтвистой сосны. Побуждаемая женскимъ любопытствомъ, Ортанса легкими шагами, неслышно, пробралась туда, откуда доносился голосъ...

Облитый мѣсячнымъ свѣтомъ, въ своемъ бѣломъ тюрбанѣ и бѣлой одеждѣ, молодой Паоло стоялъ на колѣняхъ, съ руками сжатыми и поднятыми къ небу. Къ этому свѣтлому, глубокому небу, въ эту горнюю обитель небеснаго Отца, неслась его порывистая, сердечная молитва. То стихали слова молитвы, то отчетливо слышались въ ночной тишинѣ. Эта бѣлая, легкая молящаяся фигура казалась дѣвушкѣ какимъ-то безплотнымъ чистымъ духомъ. Суевѣрный трепетъ овладѣлъ ею. Затаивъ духъ, она глядѣла на него и слушала. Онъ восторженно произносилъ слова XXIV-го псалма Давида:

...„Къ тебѣ, Господи, возношу душу мою. Боже мой! на Тебя уповаю, да не постыжусь во вѣкъ, да не восторжествуютъ надо мною враги мои. Да не постыдятся и всѣ, надѣющіеся на тебя; да постыдятся беззаконствующіе втунѣ“ и т. д. Когда молящійся сказалъ: „Призри на меня, и

помилуй меня, ибо я одинокъ и угнетенъ. Скорби сердца моего умножились. Выведи меня изъ бѣдъ моихъ“,—рыданье прервало его молитву, онъ упалъ ницъ на землю, безсильный справиться съ овладѣвшимъ имъ порывомъ отчаянія. Не помня себя, не отдавая себѣ отчета въ чувствахъ, волновавшихъ ее, молодая полька упала на колѣни и, со слезами растроганнаго женскаго сердца, участливаго къ чужой скорби, молилась за бѣднаго чужеземца, судьбой заброшеннаго въ такую даль отъ родины и родныхъ, бросившаго чуть не ребенкомъ все ему милое и дорогое ради Бога истиннаго. Уже на зарѣ своей жизни онъ поднялъ свой крестъ! Какъ ей жалко стало этого скромнаго, прекраснаго юношу! Она понимала его тоску, она глубоко ей сочувствовала. Выше, чище, сердечнѣе этой молитвы безъ свидѣтелей, въ ночной тиши, подъ открытымъ свѣтлымъ небомъ—что жъ можетъ быть? Какъ не похожъ этотъ благородный юноша-чужеземецъ на молодыхъ польскихъ хоронжихъ! Они пьянствуютъ, богохульствуютъ, убиваютъ—онъ молится. Неужели ей нельзя раздѣлить съ нимъ его скорбную минуту, нельзя утѣшить его, неутѣшнаго, одинокаго, бездомнаго?... Помолюсь за него!

Такія мысли волновали Ортансу, и несдерживаемыя рыданія ея заставили молодаго Паоло подняться и недовѣрчиво оглянуться. Видъ прекрасной дѣвушки изумилъ его. Онъ принялъ было ее за видѣніе, за сверхъестественное существо, за чудную „диву“ своихъ восточныхъ сказокъ, изъ тѣхъ очаровательныхъ духовъ лѣса, встрѣча съ которыми влечетъ человѣка къ погибели. Но, сдѣлавъ къ ней робкій шагъ съ скрещенными на груди руками и убѣдясь, что видитъ передъ собой живую дѣвушку, ту самую, что ему такъ нравится, онъ вскрикнулъ отъ радости. Этотъ сердечный крикъ, противъ его воли, обнаружилъ слишкомъ понятно для дѣвушки волновавшее его чувство. Ортанса смутилась теперь, какъ бы врасплохъ захваченная на дѣлѣ, которое хотѣла скрыть. Первою ея мыслью было поспѣшно встать и отереть слезы, но онѣ не скрылись отъ него и онъ ихъ понялъ. Въ его черныхъ глубокихъ глазахъ она прочла живую благодарность, вызвавшую его красивую, хотя все еще грустную улыбку. Но въ этихъ южныхъ юношескихъ глазахъ заговорило также болѣе нѣжное и страстное мужское чувство, не могшее не льстить молодому женскому самолюбію. Онъ, это чистое дитя природы, стоялъ неподвижный, прекрасный, восхищенный, безъ силъ скрыть свой восторгъ и оторвать глаза отъ дѣвушки. Безъ словъ, но съ краснорѣчіемъ истиннаго чувства, все сказалъ онъ ей. Казалось, что вмѣстѣ съ мѣсяцемъ, въ эту минуту осеребрившимъ дѣвушку и юношу, ихъ освѣтило вдругъ счастье, еще невѣданное, въ которомъ непонятная, сладкая тоска мѣшалась съ радостью.

Ортанса первая сбросила съ себя очарованіе минуты, ею овладѣвшее, и тихимъ трепещущимъ голосомъ сказала по-итальянски:

— Чужеземецъ! прости меня. Я пришла не мѣшать твоей молитвѣ,

а раздѣлить твою скорбь, утѣшить тебя. Мнѣ тебя жаль: ты одинъ на чужбинѣ. Я сочла бы себя счастливою, если бы могла своимъ участіемъ хоть немного облегчить твою скорбь...

Всякое слово, сказанное прекрасною дѣвушкою, вызывало на благородномъ лицѣ юноши и въ его горѣвшихъ глазахъ выраженіе радостнаго чувства. Онъ жадно на нее смотрѣлъ и жадно ее слушалъ, весь просіявъ.

Когда она кончила, онъ глубоко вздохнулъ, словно еще не все она ему сказала, что̀ онъ хотѣлъ бы отъ нея выслушать.

— Дива! отвѣчалъ онъ также по-итальянски, но съ образностью восточной поэтической рѣчи.—Ты такъ прекрасна, что твое появленіе не можетъ не радовать всякаго смертнаго въ горѣ. Но твоя душа еще прекраснѣе твоего вида. Благодарю тебя за доброе желаніе утѣшить меня въ горѣ. Оно, правда, велико. Я покинулъ любимыхъ родителей, любимую сестру, которую ты мнѣ напоминаешь своей красотой, и пошелъ за моимъ просвѣтителемъ въ христіанствѣ въ его землю, чтобы научиться божественнымъ истинамъ. Но христіанскіе воины, насъ сопровождающіе, особенно ихъ начальники, ежедневно оскорбляютъ величіе и правосудіе Божіе своими безчеловѣчными поступками, нарушеніемъ его заповѣдей. Ужели христіане хуже язычниковъ? Мнѣ жаль родины и семьи, но плачу я не по нимъ; оттого плачу, что убѣждаюсь въ порочности христіанъ, которыхъ назвалъ своими братьями по вѣрѣ.

Ортанса только вздохнула, вспомнивъ кровожадность „вольныхъ пановъ“ и ихъ жолнеровъ. Безсильная отвратить ужасы и насиліе, вносимые ими въ мирную московскую страну, она старалась только закрывать глаза и затыкать уши, чтобы не видѣть и не слышать истязаній и убійствъ, которымъ „довуцы“ подвергали бѣдное русское „быдло“ и русскихъ попадавшихся дворянъ. Глубоко она презирала „довуцъ“, вѣшавшихъ людей то ради грабежа, то просто ради потѣхи...

— Это разбойники, а не христіанскіе воины! сказала молодая полька, вступаясь за честь своего народа и за достоинство своей религіи.—Успокойся: ты скоро увѣришься, что христіане, твои новые братья по вѣрѣ, строго исполняютъ законъ Божій.

— То же говоритъ и монсиньоръ, то же мнѣ говорятъ разумъ и сердце, сказалъ Паоло вздохнувъ.—Но тебѣ я вѣрю, прекрасная, не могу тебѣ не вѣрить, ты такъ хороша.

Восторгъ, горѣвшій въ глазахъ юноши, заставилъ дѣвушку скромно опустить глаза. Ея сердце сильнѣе забилось. Сознаніе женской силы, подчинившей себѣ этого благороднаго юношу, несказанно ее радовало. Да! своимъ участіемъ она отерла его слезы, возстановила его вѣру въ жизнь, его ожидающую, разсѣяла его мрачныя сомнѣнія. Она уйдетъ отъ него успокоенная за него. Но какъ ей не хочется отъ него уйти! Кажется, всю ночь бы съ нимъ проговорила.

Но идти надо. Приличіе и скромность требуютъ въ эту минуту совсѣмъ не того, чего проситъ ея женское сердце...

Она вздохнула чуть слышно и, какъ могла мягче, словно боясь огорчить юношу, сказала ему:

— Прощай, иноземецъ. Подкрѣпи тебя Богъ.—И поспѣшно скрылась, какъ тѣнь мелькая въ мѣсячномъ свѣтѣ межъ деревьевъ.

В. Марковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ[1].

XX.

Фантазія князя В. Ѳ. Одоевскаго[2]).

Перваго апрѣля 1861 г. въ „Сѣверной Пчелѣ" появилась въ фельетонѣ статья подъ заглавіемъ „Зефироты", въ которой описывалась особая диковинная порода людей. Въ слѣдующемъ нумерѣ было объявлено отъ редакціи, что „Зефироты"—шутка, фантазія. Несмотря на такую оговорку, многіе изъ сотрудниковъ и читателей газеты сочли себя въ правѣ сдѣлать мнѣ возраженія и замѣчанія,—одни за помѣщеніе въ газетѣ подобной басни, не оговоривъ ее немедленно, другіе за то, что редакція, будто бы, зло подшутила надъ ними, заставивъ ихъ прочитать шутку. Особенно недовольными оказались тѣ, которые, по легковѣрію или по ограниченности ума, приняли „Зефиротовъ" за дѣйствительно существующую породу людей, недавно только что открытую въ непроходимыхъ дебряхъ южной Америки. Между тѣмъ, статья „Зефироты" написана была княземъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ Одоевскимъ и прислана была въ редакцію при слѣдующемъ письмѣ на имя Павла Ивановича Мельникова (Андрея Печерскаго), въ то время одного изъ главныхъ сотрудниковъ „Сѣверной Пчелы": „Не хотите ли, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Павелъ Ивановичъ, тиснуть 1-го апрѣля (въ фельетонѣ или на задней страницѣ „Сѣверной Пчелы") прилагаемую шутку. Ея разгадка 2-го или 3-го апрѣля можетъ быть слѣдующая: „По неосмотрительности

---

[1]) Продолженіе. См. „Ист. Вѣстн." т. VII, стр. 625—651.

[2]) См. его біографическій очеркъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ", т. I, стр. 505.

наборщика, подъ статьею: „Замѣчательная игра природы [1]) забыли означить, что она взята изъ шіапасской газеты 1-го апрѣля 2861 года". Между стрбкъ этой статьи находится, какъ увидите, намекъ на теорію Южныхъ Американскихъ штатовъ. Сверхъ того, вопросъ о возможности новой породы людей уже былъ затронутъ наукою. Если почему либо эта статья у васъ не помѣстится, то возвратите мнѣ ее, ибо, по обыкновенію, у меня черновой не осталось. А между тѣмъ все-таки мы съ вами не видаемся; хотя бы когда нибудь заглянули вы ко мнѣ въ воскресенье, отъ часа до четырехъ. Надобно иногда словомъ перекинуться. Вамъ душевно преданный кн. В. Одоевскій. 28-го марта 1861 г. Если будете печатать, то благоволите мнѣ прислать корректуру; я продержу ее быстро; всего лучше рано (около 10) утромъ, или вечеромъ поздно, чтобы я могъ ее возвратить на слѣдующій день съ зарею. На кое-какія недописки или даже на промахи въ слогѣ не обращайте вниманія; въ корректурѣ я ихъ не пропущу".

П. И. Мельниковъ, препровождая ко мнѣ статью и письмо князя Одоевскаго, написалъ на письмѣ карандашемъ: „Прикажите помѣстить 1-го апрѣля; это будетъ прехорошенькій poisson d'avril".

Сколько мнѣ извѣстно, въ печати еще не было заявлено, что фантастическій разсказъ „Зефироты" принадлежитъ князю Владиміру Θедоровичу Одоевскому.

XXI.

Къ путешествію генералъ-адмирала въ 1857 году. — „Морской Сборникъ" 1855 года.

Въ концѣ 1856 года, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи Парижскаго мира, положившаго конецъ Крымской войнѣ, генералъ-адміралъ великій князь Константинъ Николаевичъ предпринялъ путешествіе по Европѣ, причемъ, въ 1857 году, посѣтилъ въ Парижѣ императора Наполеона III [2]). Посѣщенію генералъ-адмираломъ Напо-

---

[1]) Заглавіе „Зефироты" было придумано П. И. Мельниковымъ. Поправка эта сдѣлана имъ карандашемъ на собственноручномъ письмѣ князя Одоевскаго, который согласился на это измѣненіе въ посланной къ нему корректурѣ.

[2]) Объ этомъ путешествіи было возвѣщено въ тогдашнихъ русскихъ газетахъ такими словами: „Его императорское высочество государь великій князь Константинъ Николаевичъ изволилъ выѣхать, 25-го декабря 1856 года, изъ Петербурга на Ковно и Кенигсбергъ. Его императорское высочество намѣревается провести нѣсколько времени съ государынею императрицею, родительницею своею, находящеюся въ Ниццѣ, и съ супругою, великою княгинею Александрою Іосифовною. Ея высочество изволитъ находиться у сестры своей, королевы ганноверской, въ Ганноверѣ. Великій князь изволитъ путешествовать за-границею подъименемъ адмирала Романова. Его высочество сопровождаютъ камергеръ Головнинъ и адъютанты: полковникъ Грейгъ (впослѣдствіи министръ финансовъ) и лейтенантъ князь Ухтомскій".

леона III приписывали тогда важное политическое значеніе, такъ какъ оно должно было содѣйствовать укрѣпленію дружественныхъ отношеній между Франціею и Россіею. Въ свитѣ генералъ-адмирала находился тогда состоявшій при немъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ А. В. Головнинъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія). Въ моихъ бумагахъ сохранилось слѣдующее его письмо къ Н. И. Гречу изъ Ниццы, отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1857 года: „Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. По случаю продолженія путешествія генералъ-адмирала по Франціи, считаю не лишнимъ увѣдомить васъ о слѣдующемъ: вы будете получать весьма аккуратно изъ морскаго министерства телеграфическія извѣстія [1]) о времени пріѣзда и выѣзда его императорскаго высочества по разнымъ городамъ, а болѣе подробныя свѣдѣнія совѣтую почерпать изъ „Nord", который посылаетъ на свой счетъ особаго корреспондента для сопровожденія великаго князя. Этому корреспонденту мы будемъ доставлять на мѣстахъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и предварительно просматривать его статьи. Искренно желаю встрѣтиться съ вами гдѣ нибудь въ Германіи на обратномъ пути нашемъ въ Россію. Преданный вамъ Головнинъ" [2]).

Съ какимъ вниманіемъ генералъ-адмиралъ относился, въ первые годы своего управленія морскимъ министерствомъ, къ другимъ періодическимъ изданіямъ, доставивъ съ тѣмъ вмѣстѣ въ средѣ ихъ первенствующее значеніе „Морскому Сборнику", можно видѣть изъ слѣдующаго письма ко мнѣ, отъ 10-го августа 1855 года, тогдашняго редактора этого журнала, капитана перваго ранга Ивана Ильича Зе-

---

[1]) Эти телеграммы помѣщались тогда въ „Сѣверной Пчелѣ" со времени самаго выѣзда его императорскаго высочества изъ Россіи.

[2]) Отецъ Александра Васильевича Головнина, заслуженный адмиралъ, генералъ-интендантъ-флота, былъ однимъ изъ близкихъ друзей Н. И. Греча. Василій Михайловичъ Головнинъ, во время своего кругосвѣтнаго плаванія, попалъ въ плѣнъ къ японцамъ и былъ освобожденъ Петромъ Ивановичемъ Рикордомъ (впослѣдствіи также адмираломъ). Съ тѣхъ поръ Головнинъ и Рикордъ сдѣлались искренними друзьями Это были двѣ прямыя, честныя, умныя натуры. Оба заслуженные адмирала не пользовались расположеніемъ начальника главнаго морскаго штаба (морскаго министра), адмирала князя А. С. Меншикова. Только отсутствію послѣдняго изъ Петербурга (онъ командовалъ арміею въ Крыму), адмиралъ Рикордъ обязанъ былъ своимъ назначеніемъ начальникомъ всего балтійскаго флота, который сосредоточенъ былъ, съ открытія навигаціи 1854 года, на рейдѣ между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ. Я помню, въ какомъ восторгѣ П. И. Рикордъ пріѣхалъ при мнѣ объявить Н. И. Гречу, что онъ былъ призванъ къ императору Николаю Павловичу и получилъ порученіе „охранять флотомъ доступъ къ Петербургу". „Всѣ взлетимъ на воздухъ!" говорилъ почтенный адмиралъ, „и только тогда англичане и французы пройдутъ къ Петербургу". Адмиралъ Рикордъ поднялъ свой флагъ, въ 1854 году, на стопушечномъ кораблѣ „Петръ Великій", который стоялъ на рейдѣ впереди всего флота, въ первой линіи. Знавшіе рѣшительный образъ дѣйствія П. И. Рикорда, при блокадѣ имъ Дарданеллъ со стороны Архипелага въ 1828—1829 году и при освобожденіи грековъ отъ владычества турокъ, не сомнѣвались, что Рикордъ сдержитъ свое слово.

леннаго: „Милостивый государь, Павелъ Степановичъ. Управляющій морскимъ министерствомъ, въ предписаніи своемъ ко мнѣ, какъ редактору „Морскаго Сборника“, отъ 3-го числа текущаго мѣсяца, за № 11.908, между прочимъ, пишетъ: „Къ сему государь великій князь изволилъ присовокупить, что его высочеству желательно бы въ то же время видѣть статьи о „Морскомъ Сборникѣ“ въ другихъ журналахъ, которые, его высочество надѣется, отдадутъ „Сборнику“ справедливость“. Долгомъ своимъ считаю увѣдомить васъ объ этомъ на случай, если бы желаніе его высочества генералъ-адмирала могло быть осуществлено въ издаваемомъ вами журналѣ“.

Подобныя письма отъ И. И. Зеленаго (нынѣ уже умершаго) получили почти всѣ тогдашніе редакторы.

Это письмо облегчило заимствованіе статей и извѣстій изъ „Морскаго Сборника“, по своему исключительному положенію начавшаго помѣщать съ того времени у себя статьи, которыя, по высказываемымъ въ нихъ мыслямъ, не могли быть достояніемъ другихъ періодическихъ изданій, при тогдашнихъ требованіяхъ цензуры. Даже въ 1853 году, когда „Морской Сборникъ“, по своему содержанію и по своей полнотѣ, далеко отставалъ отъ направленія, даннаго ему впослѣдствіи, и скорѣе былъ оффиціальнымъ сухимъ перечнемъ всѣхъ замѣчательныхъ событій морскаго міра, общая цензура затруднялась часто дозволять перепечатку изъ него статей. Такъ, 3-го іюля 1853 года, я получилъ изъ цензуры слѣдующее увѣдомленіе, въ настоящее время являющееся какимъ-то курьезомъ: „Статья объ уголовномъ дѣлѣ, заимствованная изъ „Морскаго Сборника“, перепечатана въ „Сѣверной Пчелѣ“ быть не можетъ. „Сборникъ“ есть журналъ оффиціальный и печатается безъ разсмотрѣнія гражданской цензуры“.

XXII.

Вызовъ Писемскаго на дуэль.

Я познакомился въ первый разъ съ А. Ѳ. Писемскимъ на дачѣ у редактора-издателя „Искры“, В. С. Курочкина, лѣтомъ 1860 года. Василій Степановичъ Курочкинъ жилъ тогда на Крестовскомъ островѣ, по набережной средней Невки, между трактиромъ и мостомъ, напротивъ Елагина острова. По какому-то случаю онъ давалъ обѣдъ, на которомъ было много гостей, преимущественно изъ литературнаго міра. А. Ѳ. Писемскій явился позже другихъ, и изъ пріема, оказаннаго ему хозяиномъ, а также изъ послѣдующаго разговора, я убѣдился въ дружественныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ тогда между ними. Менѣе чѣмъ чрезъ два года эти отношенія едва не повели къ поединку между ними. У меня сохранились два письма, въ копіяхъ

присланныя изъ редакціи „Искры", которыя разъясняютъ поводъ, приведшій къ такому столкновенію.

Письмо редакторовъ „Искры", Н. Степанова и В. Курочкина, къ редактору „Библіотеки для Чтенія", г. Писемскому, отъ 17-го марта 1862 года: „Въ февральской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія", въ фельетонѣ, напечатано... „если „Искра", по своей несовсѣмъ благородной натуришкѣ, не струситъ"... Мы не хотимъ знать, кто писалъ эту статью; она помѣщена въ журналѣ, издающемся подъ вашею редакціею, и потому вы должны за нее отвѣчать. Мы требуемъ, чтобы вы немедленно въ одной изъ ежедневныхъ газетъ отказались отъ этихъ словъ. Если вы не согласны, вы должны дать намъ удовлетвореніе, принятое въ подобныхъ случаяхъ между порядочными людьми, и тотчасъ же увѣдомить насъ, когда и гдѣ могутъ переговорить наши свидѣтели объ условіяхъ. Положительный отвѣтъ вашъ долженъ быть отданъ посланному; въ противномъ случаѣ, копіи съ этого письма будутъ сегодня же разосланы во всѣ редакціи, и, независимо отъ этой мѣры, съ нашей стороны будетъ вамъ сдѣланъ вызовъ понятнѣе".

А. Ѳ. Писемскій немедленно отвѣчалъ на этотъ вызовъ слѣдующимъ образомъ: „На какомъ основаніи вы требуете у меня отвѣта по статьѣ, напечатанной въ „Библіотекѣ для Чтенія"? Въ вашемъ журналѣ про всѣхъ и вся и лично про меня напечатано было столько ругательствъ, что я считаю себя въ правѣ отвѣчать вамъ въ моемъ журналѣ, нисколько уже не церемонясь, и откровенно высказывать мое мнѣніе о вашей дѣятельности, и если вы находите это для себя несовсѣмъ пріятнымъ, предоставляю вамъ вѣдаться со мною судебнымъ порядкомъ".

Подлинникъ отвѣта А. Ѳ. Писемскаго редакторы „Искры" выставили для публики въ тогдашнемъ книжномъ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича, но большинство читавшихъ оба письма, или знавшихъ объ этомъ столкновеніи, приняло сторону А. Ѳ. Писемскаго. Тѣмъ это дѣло и кончилось. Поединка между противниками не состоялось.

XXIII.

Контрактъ на изданіе „Journal de St.-Pétersbourg" въ 1858 г.

Издаваемую уже 57-й годъ, въ С.-Петербургѣ, на французскомъ языкѣ, газету „Journal de St.-Pétersbourg" принято признавать, какъ въ Россіи, такъ и за-границею, органомъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. На какихъ условіяхъ эта газета издается въ настоящее время ея редакторомъ, г. Горномъ,—я не знаю, но у меня оказалась въ бумагахъ копія съ контракта, заключеннаго въ 1858 году (двадцать четыре года тому назадъ), г. Дюфуромъ на изданіе

этой газеты. Къ г. Дюфуру эта газета перешла съ 1856 г. и сначала завѣдывалъ редакціею ея купецъ Гларнеръ. Оба они были главными участниками книжной торговли Беллизара, нынѣ существующей подъ фирмою Мелье, въ томъ же помѣщеніи (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ голландской церкви). До 1856 г., до назначенія министромъ иностранныхъ дѣлъ, князя А. М. Горчакова, „Journal de St.-Pétersbourg" издавался непосредственно министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Вотъ этотъ контрактъ, на которомъ написано: „Утверждаю. И. Толстой" (бывшій тогда товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ):

„1858 года, ноября 15-го числа, я нижеподписавшійся, с.-петербургскій купецъ второй гильдіи Дюфуръ, заключилъ сіе условіе съ департаментомъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ нижеслѣдующемъ: 1) Я, Дюфуръ, принимаю на себя изданіе газеты „Journal de St.-Pétersbourg", срокомъ на пятнадцать лѣтъ, съ 1-го января 1859 года по 1-е января 1874 года. Притомъ мнѣ предоставляется право, по истеченіи каждаго трехлѣтія, отказаться отъ изданія газеты и тѣмъ уничтожить сіе условіе, но неиначе, какъ предваривъ о томъ за шесть мѣсяцевъ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, для зависящаго съ его стороны распоряженія. 2) Журналъ этотъ издается на французскомъ языкѣ. Онъ долженъ сообщать русской публикѣ самыя свѣжія извѣстія объ иностранныхъ политическихъ происшествіяхъ, а заграничнымъ читателямъ—главныя правительственныя мѣры и оффиціальные акты, равно какъ любопытныя свѣдѣнія о промышленности и торговлѣ Россіи, о литературѣ, театрахъ, библіографіи Россіи и проч. Онъ также обязанъ извѣщать объ отъѣздахъ и пріѣздахъ государя императора и другихъ членовъ императорской фамиліи. 3) Журналу этому предоставляется право получать отовсюду политическія телеграфическія депеши, но неиначе, какъ чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ; также право имѣть во всѣхъ городахъ, гдѣ найдетъ удобнымъ, корреспондентовъ, для сообщенія какъ политическихъ, такъ и другихъ новостей. 4) Журналу предоставляется исключительное право печатать во французскомъ переводѣ приказы по министерству иностранныхъ дѣлъ, одновременно съ выходомъ ихъ на русскомъ языкѣ. На сей конецъ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ будетъ сообщать редакціи приказы въ самый день ихъ подписанія и одновременно съ отправленіемъ въ типографію для напечатанія на русскомъ языкѣ. Департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ будетъ также сообщать редакціи, для помѣщенія въ журналѣ, всѣ свѣдѣнія о пожалованіи орденовъ, какъ чиновникамъ министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ и иностранцамъ, о высочайшемъ разрѣшеніи на принятіе и ношеніе орденовъ, пожалованныхъ русскимъ подданнымъ, и вообще всѣ оффиціальныя по министерству свѣдѣнія, которыя могутъ интересовать читателей. Министерство же иностранныхъ дѣлъ обѣщаетъ мнѣ, Дюфуру, обязательное свое содѣйствіе къ

доставленію мнѣ доступа во всѣ тѣ вѣдомства, которыя могутъ сообщать газетѣ различныя интересныя свѣдѣнія, какъ-то: въ министерство двора, для пріобрѣтенія свѣдѣній объ императорской фамиліи, въ капитулъ орденовъ, для сообщенія грамотъ и указовъ на пожалованные ордена; въ министерство финансовъ, для свѣдѣній торговыхъ; въ министерство внутреннихъ дѣлъ, для сообщенія извѣстій изъ губерній, также о происшествіяхъ и т. п. 5) Все, что касается до редакціи и изданія журнала, будетъ на моемъ, Дюфура, иждивеніи. Я обязуюсь сообразоваться съ принятымъ порядкомъ въ отношеніи цензуры, помѣщенія оффиціальныхъ статей и правительственныхъ актовъ, для чего и имѣть мнѣ опытныхъ переводчиковъ съ русскаго языка, также соблюдать правила для напечатанія частныхъ объявленій. Министерство же иностранныхъ дѣлъ предоставляетъ себѣ право надзора за общею редакціею журнала. Я долженъ также сообразоваться съ указаніями цензора министерства иностранныхъ дѣлъ, которому предоставляется право въ случаѣ, если онъ найдетъ нужнымъ, требовать измѣненія въ составѣ лицъ, принадлежащихъ къ редакціи. Выборъ сотрудниковъ зависитъ отъ меня, Дюфура; относительно же сотрудниковъ, которыхъ редакція пожелаетъ выписать изъ-за-границы, министерство предоставляетъ себѣ право, по справкѣ о ихъ благонадежности, утвердить или отвергнуть таковой выборъ. 6) Мнѣ, Дюфуру, предоставляется право передать сіе условіе другому лицу до истеченія срока онагó, но неиначе, какъ съ согласія министерства иностранныхъ дѣлъ, и съ ручательствомъ втеченіе года за точное исполненіе условія преемникомъ моимъ. 7) Мнѣ, Дюфуру, или, въ случаѣ передачи, преемнику моему, предоставляется право выставлять на каждомъ нумерѣ газеты подпись мою, какъ главнаго редактора и издателя (directeur du journal). На время моего отсутствія изъ С.-Петербурга, я, Дюфуръ, предоставляю себѣ право избрать, вмѣсто себя, довѣренное лицо для завѣдыванія редакціею и изданіемъ газеты и для всѣхъ сношеній, какъ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, такъ и съ цензоромъ. 8) Газету обязуюсь выпускать ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ за нѣкоторыми высокоторжественными праздниками, коимъ списокъ приложенъ къ этому условію. 9) Не позже октября каждаго года будетъ предоставляемъ мною на разсмотрѣніе министерства образецъ (spécimen) формата бумаги и шрифта газеты. Форматъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть менѣе представленнаго мною и прилагаемаго мною образца. Но если бы я нашелъ возможнымъ увеличить впослѣдствіи форматъ газеты или улучшить шрифтъ, то предоставляю себѣ это право. 10) Равномѣрно предоставляется мнѣ право повышать или понижать цѣну журнала въ началѣ каждаго года и дѣлать уступку съ объявленной цѣны, для распространенія журнала за-границею. 11) Вся сумма, собираемая отъ подписчиковъ, какъ бы ни было велико число ихъ, предоставляется мнѣ, Дюфуру, на рас-

ходы по редакціи и изданію газеты, безъ всякаго отчета министерству въ этой суммѣ. 12) На тѣ же расходы и на томъ же основаніи поступаютъ въ мою пользу всѣ деньги, собираемыя за печатаніе въ текстѣ газеты статей по желанію частныхъ лицъ (réclames), а равно и частныхъ объявленій. 13) Собственно на объявленія опредѣляется мнѣ вся четвертая страница газеты, съ правомъ печатать сіи объявленія, въ случаѣ поступленія оныхъ въ большомъ количествѣ, на особомъ листѣ, въ видѣ прибавленій. Плату же какъ за статьи въ текстѣ (réclames), такъ и за частныя объявленія, назначать мнѣ, по обоюдному соглашенію съ подающими ихъ. 14) Предъ началомъ каждаго года, департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ выдаетъ мнѣ шнуровую книгу, въ которую должны быть вписываемы мною съ точностію всѣ подписчики на газету. Книгу эту въ концѣ каждаго года я обязуюсь представлять въ департаментъ. 15) Статьи, кои будутъ присылаемы изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, обязанъ я, Дюфуръ, помѣщать въ газетѣ безплатно съ тѣмъ, чтобы до пятидесяти оттисковъ таковой статьи, на отдѣльныхъ листахъ, были представляемы мною въ министерство. 16) Въ пособіе на изданіе газеты, департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ обязуется выдавать мнѣ по три тысячи рублей серебромъ въ годъ, уплачивая эти деньги но третямъ, въ концѣ каждой трети года. 17) Я, Дюфуръ, обязуюсь доставлять министерству безплатно восемьдесятъ пять экземпляровъ газеты, съ доставкою и пересылкою изъ нихъ двадцати семи экземпляровъ, по значащемуся въ прилагаемомъ у сего подъ лит. В. списку. Остальные затѣмъ пятьдесятъ восемь экземпляровъ будутъ доставляемы экзекутору департамента хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ. Какъ эти экземпляры, такъ и тѣ, которые, по существующимъ постановленіямъ, должны быть представляемы издателемъ въ разныя вѣдомства, равно экземпляры, высылаемые безденежно или въ обмѣнъ журналистамъ и разнымъ лицамъ, будутъ вносимы въ общую книгу и не поступаютъ въ число подписокъ по шнуровой книгѣ. Эта особая книга, по истеченіи года, должна быть также представляема въ департаментъ. 18) Департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ будетъ выписывать на мой счетъ изъ чужихъ краевъ каждогодно и заблаговременно всѣ газеты и журналы, которымъ я буду представлять ему списокъ. Впрочемъ, разрѣшеніе выписки такихъ журналовъ, кои не значатся въ спискѣ и на которые принимается подписка въ почтамтѣ, будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія министерства. Вмѣстѣ съ симъ будетъ сдѣлано распоряженіе о немедленномъ доставленіи означенныхъ газетъ и журналовъ ко мнѣ, безъ предварительнаго одобренія цензуры [1]; я же обязуюсь никому сихъ газетъ

---

[1]) На этомъ-то основаніи не оффиціальная, а частная редакція „Journal de St.-Pétersbourg“ уже съ 1859 года пользовалась правомъ полученія заграничныхъ газетъ безъ цензуры (см. главу III „Изъ моихъ воспоминаній“).

и журналовъ, кромѣ сотрудниковъ „Journal de St.-Pétersbourg", не сообщать, подъ строгою отвѣтственностію по закону. 19) За шесть мѣсяцевъ до истеченія срока сему условію, т. е. не позже 1-го іюля 1873 года, департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ извѣстить меня, послѣдуетъ ли согласіе министерства иностранныхъ дѣлъ на предоставленіе мнѣ изданія газеты на новый срокъ и на какихъ условіяхъ. 20) Въ случаѣ несоблюденія мною какой либо изъ вышеписанныхъ статей настоящаго условія, министерство иностранныхъ дѣлъ предоставляетъ себѣ право уничтожить сіе условіе и передать изданіе газеты другому лицу. 21) Въ обезпеченіе исправности изданія, я, Дюфуръ, представляю въ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ залогомъ полисъ на застрахованіе принадлежащаго мнѣ книжнаго магазина. 22) Условіе это содержать свято и ненарушимо съ обѣихъ сторонъ. Подписанное за моею, Дюфура, подписью, должно храниться въ хозяйственномъ отдѣленіи департамента хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, а мнѣ имѣть съ онаго копію съ надлежащею скрѣпою. С.-Петербургскій второй гильдіи купецъ С. Дюфуръ".

Такъ какъ г. Гларнеръ въ это время скончался, то Дюфуръ пригласилъ немедленно въ редакторы „Journal de St. Pétersbourg" г. Виктора Каппельманса, бельгійскаго уроженца, бывшаго одно время передъ тѣмъ редакторомъ французской газеты „Nord", которую во время Крымской войны стали издавать на русскія деньги за-границею, въ Брюсселѣ (см. ниже). Для изданія „Nord" были одно время выпущены въ Петербургѣ паи, которые были взяты здѣсь разными лицами. Г. Каппельмансъ прибылъ въ Петербургъ въ 1859 году. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, въ началѣ этого года, книжнаго магазина Дюфура, я зашелъ къ нему въ его маленькій рабочій кабинетъ, который помѣщался при лавкѣ же, окнами на дворъ. Во время нашего разговора, вошелъ посѣтитель, котораго Дюфуръ познакомилъ со мною, назвавъ его Каппельмансомъ. Онъ произвелъ на меня съ перваго же раза непріятное впечатлѣніе. Глаза на-выкатѣ, въ которыхъ временами появлялось странное какое-то выраженіе, курчавые волосы, смуглый цвѣтъ лица, были главными характеристическими чертами Каппельманса. Въ сферахъ дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ, гдѣ Каппельмансъ вскорѣ пріобрѣлъ себѣ какія-то права на гражданство, его называли бѣлымъ негромъ (nègre blanc) за его курчавые волоса. Говорили о немъ, что онъ бельгійскій еврей, но я не имѣлъ возможности повѣрить эти слухи. Въ самомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ г. Каппельманса не жаловали; особенно не любилъ его директоръ канцеляріи, Владиміръ Ильичъ Вестманъ (бывшій потомъ товарищемъ министра), какъ онъ мнѣ не разъ высказывался, когда я, по поводу политическихъ статей, бывалъ у него въ канцеляріи, по своему произволу, или по его приглашенію. В. И. Вестманъ, несмотря на свою иностранную фамилію, былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ. Но Каппель-

мансъ постоянно хвасталъ, что онъ пользуется особымъ вниманіемъ со стороны министра иностранныхъ дѣлъ, князя А. М. Горчакова, и крайне легкимъ къ нему доступомъ. Правда это была, или нѣтъ—не знаю. Каппельмансъ былъ вкрадчивъ, угодливъ до униженія съ высшими, или съ тѣми, въ комъ имѣлъ нужду, и дерзокъ до нахальства, когда дѣло доходило до какой либо просьбы къ нему. Въ началѣ 1862 года, Каппельмансъ пріобрѣлъ отъ Дюфура право на вышеприведенное условіе съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ по изданію „Journal de St. Pétersbourg", заплативши ему за то довольно крупную сумму. Такъ какъ Дюфуръ былъ книгопродавцемъ, торговцемъ въ полномъ смыслѣ слова, но не литераторомъ или публицистомъ, то онъ и постарался сдѣлать изъ своего договора съ министерствомъ наиболѣе выгодное для себя употребленіе. Въ Петербургѣ говорили въ то время, что деньги на покупку контракта у Дюфура даны были Каппельмансу однимъ петербургскимъ милліонеромъ, передъ тѣмъ только что ликвидировавшимъ свой европейски извѣстный банкирскій домъ. По однимъ слухамъ, деньги даны были безъ возврата, по другимъ свѣдѣніямъ—на крайне льготныхъ условіяхъ. У „всякаго барона своя фантазія", а бывшій банкиръ всегда отличался или крайнею осмотрительностію въ раздачѣ своихъ денегъ, или особенною щедростью къ лицамъ, почему либо заслуживавшимъ его благоволеніе. Вѣдь служилъ же у него камердинеромъ человѣкъ, бывшій тоже почти милліонеромъ во время исполненія имъ этихъ обязанностей.

Министерство иностранныхъ дѣлъ согласилось на передачу своего условія съ Дюфуромъ Каппельмансу, вслѣдствіе чего къ нему сдѣлана была приписка слѣдующаго содержанія, съ надписью: „Утверждаю. Мухановъ" (замѣстившій въ то время И. М. Толстаго въ званіи товарища министра иностранныхъ дѣлъ): „1862 года, февраля 10-го дня, я, нижеподписавшійся, с.-петербургскій второй гильдіи купецъ, Дюфуръ, на основаніи шестой статьи настоящаго условія и съ разрѣшенія министерства иностранныхъ дѣлъ, передаю право на изданіе газеты „Journal de St.-Pétersbourg", срокомъ съ означеннаго числа по 1-е января 1874 года, бельгійскому подданному Виктору Каппельмансу, съ отвѣтственностію его по всѣмъ статьямъ сего условія и съ ручательствомъ съ моей стороны, въ теченіе года, за точное исполненіе этого условія г. Каппельмансомъ. С.-Петербургскій второй гильдіи купецъ С. Дюфуръ. По сему условію принимаю на себя всѣ права и обязанности по изданію газеты „Journal de St.-Pétrsbourg", съ февраля 1862 года по 1-е января 1874 года, съ полною отвѣтственностію по этому условію; въ обезпеченіе же исправности моей по изданію означенной газеты, обязуюсь представить, до окончанія срока отвѣтственности г. Дюфура, полисъ на пріобрѣтаемую мною для печатанія этой газеты типографію. Victor Cappellemans, sujet belge."

Г. Каппельмансъ, еще до вступленія своего въ полное распоряженіе газетою, пригласилъ къ себѣ въ главные помощники г. Горна,

венгерскаго уроженца, который, во время заграничныхъ отпусковъ г. Каппельманса, замѣнялъ его въ редакціи [1]). Наступила нѣмецко-французская война 1870 года. Согласно съ желаніями петербургскаго кабинета и согласно съ тогдашнею политикою Россіи, въ „Journal de St.-Pétersbourg“ стали появляться статьи, исключительно направленныя въ пользу Германіи. Такъ какъ большинство или значительная часть русскаго общества своими симпатіями была на сторонѣ Франціи, то Каппельмансу пришлось вынести на себѣ всѣ послѣдствія подобнаго направленія газеты. Особенно ожесточилась противъ Каппельманса французская колонія въ Россіи, многіе члены которой считали его даже не бельгійскимъ подданнымъ, а французскимъ. Каппельмансу почти ежедневно посылали ругательныя письма, обидныя, вызывательныя. Говорили тогда (хотя я не могъ получить несомнѣннаго подтвержденія этимъ слухамъ), что озлобленіе французовъ въ Россіи противъ Каппельманса не ограничилось одними письмами. Такое ли невыносимое положеніе, или другія причины, вызванныя кореннымъ порокомъ организма (проявлявшимся, какъ я сказалъ выше, по временамъ, въ особомъ странномъ выраженіи въ его глазахъ),—но Каппельмансъ не выдержалъ, занемогъ душевною болѣзнію и былъ отправленъ въ Бельгію въ частное лечебное заведеніе, гдѣ, въ концѣ 1870 года, скончался, какъ говорили, отъ оспы, эпидемически развившейся въ этой странѣ въ томъ году.

Бывшій помощникъ г. Каппельманса, г. Горнъ, принялъ отъ его вдовы изданіе „Journal de St. Pétersbourg“, получивъ на то согласіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Хотя подробности его условія съ этимъ вѣдомствомъ мнѣ неизвѣстны, однако надобно полагать, что основныя статьи этого договора остались тѣ же, какія были заключены съ Дюфуромъ и Каппельмансомъ.

XXIV.

Высылка изъ Бельгіи сотрудниковъ русской газеты „Nord“.— Я. Н. Толстой.

Въ числѣ близкихъ друзей Николая Ивановича Греча находился дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковъ Николаевичъ Толстой, жившій постоянно въ Парижѣ, въ качествѣ какого-то агента нашего правительства. Гречъ и Толстой [2]) сдружились вмѣстѣ до февральской революціи 1848 года, когда Гречъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, съ не-

---

[1]) Г. Горнъ былъ одно время сотрудникомъ газеты „Голосъ“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ по биржевому и финансовому отдѣламъ. Въ 1862 году онъ, за своею подписью, составлялъ политическій отдѣлъ въ газетѣ „Вѣкъ“, при редакціи г. Вейнберга.

[2]) Ѳ. В. Булгаринъ терпѣть не могъ Толстаго.

большими перерывами, въ Парижѣ. Оба они вели между собою переписку. Я никогда не видалъ Я. Н. Толстаго. Гречъ отзывался о немъ, какъ о честномъ, благородномъ, умномъ человѣкѣ. Я. Н. Толстой, кажется, большую часть своей жизни провелъ за-границею, въ Парижѣ. Когда, въ 1854 году, послѣ разрыва съ Наполеономъ III, наше посольство и всѣ наши консулы должны были выѣхать изъ Франціи, Я. Н. Толстой, сколько мнѣ помнится, послѣднимъ оставилъ предѣлы второй имперіи, проживъ тамъ сколько возможно долѣе. Онъ поселился въ Брюсселѣ. Въ 1855 году, Н. И. Гречъ отправился на полгода заграницу для поправленія своего здоровья и прислалъ мнѣ съ дороги одно изъ писемъ къ нему Я. Н. Толстаго, изъ Брюсселя, отъ 17-го (29-го) іюня. Въ заключеніе своего письма Я. Н. Толстой писалъ: „Нашъ журналъ („Le Nord"), кажется, вскорѣ кончитъ свое земное поприще. Первый нумеръ его, въ видѣ „prospectus", вышелъ. Изложеніе правилъ и мнѣній журнала написано очень плохо и неправильно; на прочихъ столбцахъ ошибокъ куча. Вскорѣ по появленіи этого нумера, французское правительство потребовало изгнанія (изъ Брюсселя и предѣловъ Бельгіи) иностранныхъ издателей „Le Nord". Вслѣдствіе того гг. Поггенполь, Кретино, пруссакъ Стейнъ и бѣдный Жераръ (французъ), котораго я вамъ рекомендовалъ, были изгнаны изъ Бельгіи. Остался при редакціи одинъ бельгіецъ, Каппельмансъ, говорятъ — величайшая ...... Онъ намѣренъ продолжать изданіе „Le Nord", но, вѣроятно, лопнетъ [1]). Нѣкоторые журналы извѣщали о прибытіи вашемъ въ Брюссель и утверждали, что вы ѣдете сюда съ тѣмъ, чтобы устроить изданіе этого журнала. Итакъ, если бы вы пріѣхали сюда, то и васъ бы выслали, и вы испытали бы на себѣ пословицу—на чужомъ пиру похмѣлье".

Слова Я. Н. Толстаго, относительно Н. И. Греча, имѣли основаніе. Н. И. Гречъ воздержался было ѣхать въ Брюссель, гдѣ онъ обѣщалъ свидѣться съ Я. Н. Толстымъ и провести съ нимъ нѣсколько дней, но затѣмъ дѣло это уладилось. Вотъ что Н. И. Гречъ писалъ мнѣ изъ Висбадена, отъ 20-го іюля (1-го августа) 1855 года: „Скажу вамъ истинную причину, удержавшую меня отъ поѣздки въ Брюссель. Бельгійское правительство, по требованію французскаго, выслало всѣхъ небельгійцевъ, принимавшихъ участіе въ изданіи „le Nord". Вдругъ появилась въ „La Presse" статья, будто я нахожусь въ Брюсселѣ для управленія редакціею этой газеты и для сообщенія ей инструкцій нашего правительства. Я и рѣшился не ѣхать туда, чтобы меня не выслали, и написалъ о томъ Я. Н. Толстому. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что нашъ повѣренный въ дѣлахъ при бельгійскомъ правительствѣ, Гротъ, говорилъ о намѣреніи моемъ пріѣхать въ Брюссель съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, убѣдилъ его, что я съ газетою „Nord" не имѣю

---

[1]) Газету „Le Nord" сильно поддерживали деньгами изъ Россіи, а потому предположеніе Я. Н. Тостаго и не оправдалось на дѣлѣ.

никакихъ сношеній, и получилъ обѣщаніе, что меня никто не тронетъ. Притомъ Я. Н. Толстой такъ слезно просилъ меня навѣстить его, что я рѣшилъ, что все равно, гдѣ ни проживать деньги (послѣ леченія въ Липпшпринге, въ Вестфаліи, Н. И. Гречу предписано было медиками, до Гаштейна, проѣхаться по Европѣ), а проѣздъ стоитъ очень недорого".

Н. И. Гречъ былъ въ Брюсселѣ также въ 1853 году, передъ началомъ Крымской войны, и писалъ мнѣ оттуда, между прочимъ, отъ 6-го (18-го) августа: „Я пріѣхалъ сюда не даромъ, а съ порученіемъ напечатать брошюру о турецкихъ дѣлахъ, написанную Я. Н. Толстымъ, и помѣстить въ „Indépendance Belge" статью о ворѣ Сомовѣ [1]); вы ее найдете, вѣроятно, въ нынѣшнемъ нумерѣ „Indépendance Belge". О брошюрѣ еще хлопочу. Готовлю еще одну вещь за Россію".

XXV.

Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій.—Баронъ Вудбергъ.

С. Д. Полторацкій принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ библіографовъ и библіомановъ. Въ своей библіотекѣ, въ имѣніи своемъ Авчурино, близъ Калуги, онъ собралъ рѣдкій, по своей полнотѣ, „Словарь русскихъ писателей", который, какъ кажется, такъ и остался неизданнымъ. Въ его библіотекѣ было также любопытное собраніе экземпляровъ первыхъ русскихъ газетъ и періодическихъ изданій. Сверхъ калужскаго имѣнія, у него была большая поземельная собственность въ Рязанской губерніи съ игольнымъ заводомъ, кажется, единственнымъ въ то время въ Россіи. По своему характеру, С. Д. Полторацкій не могъ быть фабрикантомъ, заводчикомъ, нуждался часто въ деньгахъ и безпрестанно пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ-за нужды въ финансовыхъ средствахъ. Все свободное время онъ посвящалъ своему любимому занятію—книгамъ, журналамъ, пополненію, усовершенствованію своего „Словаря русскихъ писателей". Свои изысканія въ этомъ отношеніи онъ помѣщалъ въ разныхъ журналахъ, преимущественно же въ „Сѣверной Пчелѣ". С. Д. Полторацкій былъ человѣкъ тихій, скромный, честный, благородный. Препровождая ко мнѣ одну свою статью о Державинѣ, онъ писалъ мнѣ изъ Москвы, отъ 3-го сентября 1859 года: „Препровождаю къ вамъ, послѣ долговременной лѣни, или, справедливѣе сказать, недосуга, набросанную

[1]) Изъ другаго письма Н. И. Греча, видно было, что означенный Сомовъ служилъ тогда въ „черномъ кабинетѣ" французскаго правительства и прочитывалъ всѣ письма на русскомъ языкѣ, которыя получались въ Парижѣ, или высылались изъ него. Гречъ и Толстой переписывались, вслѣдствіе того, въ 1853 году посредствомъ особаго шифра. Гречъ придумалъ тогда такой же шифръ для писемъ ко мнѣ изъ Парижа.

мною статейку о Державинѣ, служащую продолженіемъ матеріаловъ моихъ, помѣщаемыхъ у васъ, въ „Пчелѣ", съ 1838 года. Надѣясь, что вы ее помѣстите, и не сдѣлаете никакихъ выключеній, прошу васъ не затруднять ни себя, ни скучной и медленной цензуры, ни типографіи вашей, особыми оттисками, а прислать мнѣ просто, безъ хлопотъ, въ Москву, 25 экземпляровъ того нумера „Пчелы", въ которомъ помѣщеніе этой статьи удостоится. Я слышалъ, что васъ призывали, или хотѣли призвать, въ третье, въ десятое, или въ тринадцатое (несчастная цифра!) отдѣленіе, дабы распечь васъ за фельетонъ о крестьянскомъ вопросѣ въ 172 нумерѣ „Пчелы". Правда ли это? [1]) То есть, былъ ли нагоняй?—ибо онъ готовился, я знаю это положительно. Сообщите мое письмо почтенному и доброму Николаю Ивановичу Гречу. Если rancune его на меня прошла,—въ чемъ не сомнѣваюсь,—то не черкнетъ ли онъ мнѣ словечко, чтобы объявить мнѣ: угодно ли ему будетъ продолженіе моихъ замѣтокъ о Державинѣ? Въ будущей статьѣ [2]) я коснусь переложенія псалма „Властителямъ и Судіямъ", появившагося въ „Петербургскомъ Вѣстникѣ" 1780 года, выдраннаго оттуда по мановенію „либеральной" (?) Екатерины II, потомъ вновь допущеннаго въ „Зеркалѣ Свѣта", Туманскаго, въ 1787 году, недопущеннаго потомъ опять въ изданіи сочиненій Державина, напечатанныхъ при императорѣ Павлѣ въ 1798 году, а потомъ допущеннаго опять во всѣхъ изданіяхъ Державина съ 1808 года по сегодняшнее число [3]). Все это весьма курьезно для исторіи литературы; но не попасть бы намъ отъ этихъ замѣтокъ съ

---

[1]) За эту статью редакторамъ не было сдѣлано замѣчанія или выговора.

[2]) Первая статья о Державинѣ С. Д. Полторацкаго была напечатана въ № 200 „Сѣверной Пчелы" 1859 года. Вторая статья не появлялась въ печати.

[3]) Я. К. Гротъ, въ восьмомъ томѣ изданныхъ имъ „Сочиненій Державина", на стр. 290, пишетъ, что эту оду напечатали было въ ноябрской книжкѣ „Петербургскаго Вѣстника" 1780 года, на самой первой страницѣ, подъ заглавіемъ „Преложеніе 81 псалма", но, предъ выпускомъ этого нумера, было положено ее исключить и замѣнить разгонисто перепечатаннымъ началомъ повѣсти, которая за нею слѣдовала. Но листокъ съ этою одою сохранился въ книжкѣ, только надорванный. Я. К. Гротъ говоритъ, что названная ода въ первый разъ была напечатана въ „Зеркалѣ Свѣта" въ 1787 году. По словамъ Грота, и въ наше время критики видятъ въ этой одѣ гражданскую заслугу Державина. Въ шестомъ томѣ сочиненій Державина (того же изданія) помѣщены два письма его къ князю Ѳедору Николаевичу Голицыну (стр. 76) и къ князю Алексѣю Борисовичу Куракину (стр. 79), въ которыхъ онъ жалуется на препятствія со стороны цензуры при напечатаніи собранія своихъ сочиненій въ 1798 году. Цензура не пропускала въ изображеніи „Фелицы" слѣдующихъ стиховъ:

„Самодержства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу".

На письмѣ Державина къ князю Куракину рукою послѣдняго написано: „Государь императоръ приказать соизволилъ: „внушить господину Державину, что, по искусству его въ сочиненіи стиховъ, подчеркнутые бы перемѣнилъ, чтобы получить дозволеніе сочиненія его напечатать". Подчеркнутые стихи были вышеприведенные изъ „Изображенія Фелицы".

визитомъ (хотя, впрочемъ, нынѣ вовсе не такъ страшнымъ, какъ во время оно) въ Третіе Отдѣленіе? Въ ожиданіи благосклонныхъ отвѣтовъ и предписаній отъ васъ обоихъ, есмъ и пребуду попрежнему искренно преданный вамъ С. $1^1/_2$". (Онъ любилъ подписываться въ частныхъ письмахъ вмѣсто своей фамиліи цифрою $1^1/_2$).

Въ 1855 году, съ С. Д. Полторацкимъ произошелъ за-границею непріятный случай, о чемъ мнѣ сообщалъ Н. И. Гречъ, въ письмѣ изъ Берлина, отъ 20-го сентября (2-го октября): „Вчера былъ у меня С. Д. Полторацкій и разсказалъ, плача и рыдая, свои похожденія. За долгъ въ 2.000 талеровъ его привезли сюда изъ Франкфурта и, принявъ его, по ошибкѣ, за какого-то демократа, засадили въ темницу съ убійцами и разбойниками. Потомъ, чрезъ четыре дня, перевели въ долговую тюрьму и держали 60 дней подъ арестомъ. Посланникъ нашъ, баронъ Будбергъ, поступилъ какъ......., не хотѣлъ вступиться за него, не хотѣлъ даже его выслушать. Молодой графъ Шуваловъ вошелъ въ его положеніе и освободилъ его на честное слово. Теперь онъ ждетъ денегъ изъ Авчурина, а между тѣмъ напечаталъ (за-границею) по-русски „Опаснаго сосѣда", Василія Львовича Пушкина. Но вотъ что милѣе всего. Герценъ напечаталъ въ Лондонѣ стихи: „Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ!" написанные нынѣшнимъ товарищемъ министра просвѣщенія (княземъ П. А. Вяземскимъ), но напечаталъ безъ его имени".

На нашего дипломата, барона Андрея Өедоровича Будберга, бывшаго также впослѣдствіи посломъ въ Парижѣ, многіе жаловались за его крайнее пренебреженіе къ русскимъ. Онъ обходился съ ними свысока, дерзко. Н. И. Гречъ говорилъ мнѣ, по возвращеніи изъ Берлина въ 1855 году, что баронъ Будбергъ принялъ его лежа на диванѣ, съ вытянутыми ногами, и не приподнялся при его входѣ. Извѣстно, что баронъ Будбергъ долженъ былъ въ семидесятыхъ годахъ оставить свое дипломатическое поприще и переселиться въ Петербургъ (гдѣ онъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта), вслѣдствіе столкновенія своего съ однимъ частнымъ лицомъ. Баронъ Будбергъ обязанъ былъ своею карьерою, по словамъ Н. И. Греча, одному случаю въ 1848 году. За отсутствіемъ нашего представителя изъ Франкфурта на Майнѣ, во время революціоннаго движенія въ 1848 году, баронъ Будбергъ остался старшимъ въ нашемъ тамошнемъ посольствѣ, хотя былъ еще въ началѣ своего служебнаго дипломатическаго поприща. Во время иллюминаціи, предписанной революціонными властями, баронъ Будбергъ одинъ не освѣтилъ дома русскаго посольства. Этимъ своимъ распоряженіемъ онъ понравился императору Николаю Павловичу, который двинулъ его впередъ на дипломатической службѣ. Случай съ С. Д. Полторацкимъ, находившимся въ родствѣ съ русскою аристократіею, имѣвшимъ входъ въ лучшіе петербургскіе салоны, не былъ единственнымъ въ дипломатической жизни барона Будберга, какъ разсказывалъ мнѣ Н. И.

Гречъ. Такъ какъ рѣчь зашла о немъ и нашихъ дипломатахъ, то приведу слѣдующее мѣсто изъ его письма ко мнѣ изъ Вѣны, отъ 6-го (18-го) сентября 1855 года: „Я возобновилъ знакомство съ княземъ Горчаковымъ (Александромъ Михайловичемъ, нынѣ канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, а тогда русскимъ посланникомъ при вѣнскомъ дворѣ), былъ принятъ какъ близкій человѣкъ и обѣдалъ у него уже два раза. Онъ мнѣ очень понравился, особенно твердостью своихъ правилъ, любовью къ Россіи и набожностью, искреннею и пламенною".

XXVI.

Прошеніе редактора „Русскаго Инвалида" въ главное управленіе цензуры.

Съ половины 1856 года, цензура стала становиться снисходительнѣе къ нѣкотораго рода статьямъ въ журналахъ и къ беллетристическимъ произведеніямъ, но 15 отдѣльныхъ цензуръ продолжали существовать и тормозили газетное дѣло. Редакторы и издатели протестовали прошеніями, заявленіями, противъ невозможныхъ порядковъ, но почти всегда съ не успѣхомъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода жалобы имѣли существенное вліяніе на появленіе, наконецъ, 5-го апрѣля 1865 года, закона объ освобожденіи столичныхъ періодическихъ изданій отъ предварительной цензуры. Къ числу такихъ прошеній принадлежитъ поданное, 29-го октября 1860 года, въ главное управленіе цензуры тогдашнимъ редакторомъ газеты „Русскій Инвалидъ", полковникомъ Петромъ Семеновичемъ Лебедевымъ (бывшимъ профессоромъ въ военной академіи). Онъ совѣтовался съ нѣкоторыми тогдашними редакторами при составленіи этого прошенія, и хотя оно было подано имъ однимъ, во избѣжаніе нареканія о скопѣ, однако, выражало коллективное заявленіе періодической печати того времени. Редакторы надѣялись, хотя весьма слабо, что прошеніе редактора оффиціальной военной газеты будетъ имѣть лучшіе результаты, чѣмъ заявленіе частнаго лица. Несмотря на такія предположенія, немедленнаго общаго результата для печати никакого не послѣдовало. Вотъ это прошеніе:

„По долгу присяги и по сознанію своихъ обязанностей передъ правительствомъ и публикою, принимаю смѣлость довести до главнаго управленія цензуры свѣдѣнія о безвыходномъ положеніи, въ которое поставлены въ настоящее время ежедневныя періодическія изданія, вслѣдствіе распоряженій цензуры. Прежде всего обращу просвѣщенное вниманіе главнаго управленія цензуры на значеніе ежедневной газеты и характеръ статей, въ ней помѣщаемыхъ.

„Новость есть первое и главнѣйшее условіе всего, помѣщаемаго въ ежедневной газетѣ; для нея пропустить день—значитъ утратить право на вниманіе, и всякое опоздавшее сколько нибудь извѣстіе не должно находить мѣста въ газетѣ; статьи же капитальныя могутъ считаться для ежедневной газеты исключеніемъ и появляются, какъ выводы изъ ряда летучихъ извѣстій.

„Эта цѣна новости еще болѣе увеличивается въ важнѣйшихъ случаяхъ государственной жизни. Народу хочется знать, какъ можно скорѣе, всякую радость и горе царской семьи; ему необходимо, напримѣръ, самое спѣшное извѣстіе о путешествіи государя императора, за каждымъ шагомъ котораго слѣдитъ народная любовь и жаждетъ знать всѣ новыя доказательства любви его къ Россіи, столько же, и даже болѣе, чѣмъ во время войны знать все происходящее на театрѣ военныхъ дѣйствій.

„Чѣмъ же отвѣчаютъ ежедневныя газеты на эту насущную потребность царелюбивой Россіи? Осмѣлюсь привести примѣры самые къ намъ ближайшіе, именно событія, совершившіяся съ 1-го октября.

„1) Цензура не разрѣшила перепечатать ни одной статьи о пребываніи государя императора въ Вильнѣ (приложенія 3 и 15). Статьи эти были переданы цензору министерства императорскаго двора [1]), посланы имъ въ Варшаву и возвращены въ редакцію, когда уже утратилась всякая возможность въ ихъ помѣщеніи.

„2) 20-го октября—день кончины ея императорскаго величества государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, когда народъ почти осаждалъ двери редакціи, требуя извѣстій,—ни одна ежедневная газета не сообщила о кончинѣ ея величества. „Сѣверная Пчела“ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ появились въ пятницу, 21-го октября, съ траурными рамками [2]), а между тѣмъ въ нихъ не было извѣстія о постигшемъ Россію несчастіи; что же могли думать иногородные подписчики? Въ „Русскомъ Инвалидѣ“, 21-го октября, было помѣ-

---

[1]) Собственно послано было въ канцелярію министерства императорскаго двора. Особаго цензора отъ него не было, но каждая статья представлялась министру двора. Если министръ находился въ отъѣздѣ, то статьи посылались къ нему, въ его мѣстопребываніе. Только въ апрѣлѣ 1876 года, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Тимашева послѣдовало высочайшее соизволеніе на предоставленіе А. Е. Тимашеву право разрѣшать, во время отсутствія изъ Петербурга министра императорскаго двора, печатаніе извѣстій о пребываніи государя императора заграницею, причемъ всѣ подобныя статьи доставлялись редакціями первоначально въ канцелярію главнаго управленія по дѣламъ печати, а потомъ для просмотра подобныхъ статей обыкновенно назначался членъ главнаго управленія по дѣламъ печати (Веселаго, Каменскій и друг.). Усовъ.

[2]) Хотя 18-го февраля 1855 года мы получили въ редакціи „Сѣверной Пчелы“ частное извѣстіе о кончинѣ императора Николая Павловича уже въ исходѣ третьяго часа пополудни и я самъ былъ у Зимняго дворца въ половинѣ четвертаго, однако, „Сѣверная Пчела“ появилась 19-го февраля безъ всякаго извѣстія объ этомъ событіи и даже безъ траура. Трауръ явился на газетѣ только 21-го февраля, вмѣстѣ съ манифестомъ. Усовъ.

щено приглашеніе с.-петербурргскаго военнаго генералъ-губернатора къ панихидѣ въ Исаакіевскій соборъ, безъ извѣстія о кончинѣ ея величества, и это приглашеніе напечатано потому, что сообщено помимо цензуры. Русскія ежедневныя газеты не смѣли и не могли сами сказать ничего до манифеста, потому что цензура ничего бы не пропустила, и только „Journal de St.-Pétersbourg" сообщилъ о томъ публикѣ; манифестъ же явился 22-го числа. А между тѣмъ, телеграфическія депеши о каждой случайности въ Европѣ въ тотъ же день разсылаются по Петербургу особыми прибавленіями (что составляетъ важную заслугу министерства иностранныхъ дѣлъ передъ отечественною публикою).

„3) Но русскимъ газетамъ не довольно было оскорбленія, что онѣ должны были молчать тогда, когда по чувству, понятному для каждаго русскаго, должны были говорить. Въ „Journal de St.-Pétersbourg", 22-го октября, появилось описаніе послѣднихъ минутъ ея величества императрицы Александры Ѳеодоровны. Я тотчасъ же приказалъ перевести его для „Русскаго Инвалида", но цензоръ не рѣшился самъ дозволить печатать эту статью безъ особаго разрѣшенія цензора министерства императорскаго двора, находившагося въ Царскомъ Селѣ, и статья не явилась до сихъ поръ въ печати (приложеніе I). Подобныя явленія могутъ быть объяснены только распоряженіями цензуры относительно разсмотрѣнія ежедневныхъ газетъ. Все отечественное, сколько нибудь важное для публики и касающееся живыхъ интересовъ народа, почти никогда не пропускается самимъ цензоромъ, даже какъ перепечатка, а помѣчается имъ для предварительнаго разсмотрѣнія въ одну изъ спеціальныхъ пятнадцати цензуръ. Въ спеціальной же цензурѣ прежде всего требуютъ помѣтки цензора и чаще всего оставляютъ статью для доклада, или же, утвердивъ, возвращаютъ опять къ цензору, который окончательно разрѣшаетъ ее къ печатанію. Иногда же спеціальный цензоръ (приложенія 6, 7, 8) возвращаетъ статью съ надписью, что она не подлежитъ его разсмотрѣнію, и тогда возникаютъ новыя хлопоты—кому переслать ее для утвержденія,—имѣющія послѣдствіемъ обыкновенно то, что статья не пропускается.

„Необходимо припомнить, что гг. цензора живутъ въ отдаленности другъ отъ друга; напримѣръ, цензоръ министерства внутреннихъ дѣлъ живетъ у Владимірской, театралвный—на Васильевскомъ островѣ, и между тѣмъ (что видно изъ приложеній) должно разсыльному идти отъ цензора, разсматривающаго газету, сначала къ спеціальнымъ цензорамъ, а потомъ отъ нихъ опять къ тому же цензору и, наконецъ, возвратиться въ редакцію. Сверхъ того, гг. спеціальные цензора требуютъ, чтобы представлать имъ статьи за три дня, и иногда дѣлаютъ исключенія потому, что имѣли мало времени для разсмотрѣнія. Такъ, между прочимъ, цензоръ министерства внутреннихъ дѣлъ исключилъ въ моей статьѣ о московскихъ тюрьмахъ извѣстіе о конкурсѣ на пе-

тербургскую тюрьму (давно разосланное при газетахъ), написавъ съ боку, что я могу представить это извѣстіе особо, чтобы онъ имѣлъ время подумать (приложеніе 2).

„Такимъ образомъ, статьи, задерживаемыя цензорами, не возвращаются въ редакцію и остаются въ наборѣ неопредѣленное время, отчего утрачиваютъ занимательность, и потомъ бросаются, какъ негодныя. Въ настоящее время въ редакціи „Русскаго Инвалида“ сорокъ восемь столбцовъ готоваго набора; нѣкоторыя изъ статей были въ разсмотрѣніи около мѣсяца (приложеніе 16).

„Но всего тягостнѣе, что эти рѣшенія цензора являются въ редакцію обыкновенно весьма поздно, именно около часу пополуночи и позже, и тогда, по невозможности дождаться разрѣшеній отъ спеціальныхъ цензоровъ, начинается съ усталыми рабочими и корректорами переверстка нумера и заполненіе вынутыхъ статей „пробками“ (такъ называются безцвѣтныя, большею частію переводныя статьи, вполнѣ заслуживающія подобнаго названія и по своему внутреннему содержанію). Этимъ и можно объяснить появленіе устарѣлыхъ анекдотовъ и изысканій о томъ: „курили ли въ древности трубку“, и часто именно въ то время, когда все настроено ожиданіемъ важныхъ событій; но зато подобныя статьи пропускаются цензурою легко и не нуждаются въ разсмотрѣніи и подписи спеціальныхъ цензоровъ.

„Редакціи не смѣютъ намекнуть о задержаніи цензурою статей, а между тѣмъ редакторы газетъ несутъ на себѣ упрекъ отъ своихъ сотрудниковъ за непомѣщеніе статей, и отъ подписчиковъ, зачѣмъ ихъ угощаютъ сказочками и пустяками, когда необходимо дѣло, и, наконецъ, подвергаются гнѣву правительства, что газеты какъ будто неохотно откликаются на призывъ его и хладнокровно смотрятъ на важнѣйшія отечественныя событія.

„Смѣю думать, что представленныя мною доказательства и шестнадцать приложеній, объясняющихъ движеніе статей до появленія ихъ въ печати, снимутъ съ редакторовъ ежедневныхъ газетъ этотъ упрекъ, и, убѣдивъ въ невозможности дальнѣйшаго продолженія подобнаго порядка, позволятъ мнѣ надѣяться, что главное управленіе цензуры, во вниманіе къ пользѣ общей, возьметъ на себя трудъ ходатайствовать о дозволеніи мнѣ, въ видѣ опыта, быть отвѣтственнымъ редакторомъ „Русскаго Инвалида“. Статьею 50-ю цензурнаго устава (изд. 1857 года) постановлено, что „военныя вѣдомости „Русскій Инвалидъ“ одобряются къ напечатанію при главномъ штабѣ его императорскаго величества“. Находясь на службѣ, я рѣшаюсь подвергнуться всей отвѣтственности по закону съ тѣмъ, чтобы доказать, что изданіе ежедневной газеты, дѣйствительно въ духѣ правительства, возможно не иначе, какъ съ отвѣтственнымъ редакторомъ безъ шестнадцати предварительныхъ цензуръ“.

Несмотря на свое прошеніе, Петръ Семеновичъ Лебедевъ не добился для себя званія отвѣтственнаго редактора „Русскаго Инвалида“,

но вскорѣ (въ 1861 году) оставилъ вовсе редакцію этой газеты. Съ 1-го сентября 1861 г. „Русскій Инвалидъ“ сталъ издаваться подъ редакціею Николая Григорьевича Писаревскаго, а № 86 (16-го апрѣля) этой газеты вышелъ уже за подписью помощника редактора П. С. Лебедева, Якова Николаевича Турунова. Передъ оставленіемъ редакціи „Русскаго Инвалида“, П. С. Лебедевъ успѣлъ выхлопотать этой газетѣ право печатанія частныхъ объявленій, данное ей 29-го марта 1861 года, или слишкомъ годомъ ранѣе остальныхъ періодическихъ изданій. Право это было высочайше даровано, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, на томъ основаніи, что „изданіе газеты „Русскій Инвалидъ“ составляетъ принадлежность раненыхъ воиновъ и должно служить на приращеніе инвалиднаго капитала“.

XXVII.

Вмѣшательство разныхъ лицъ въ цензуру.

Отецъ мой, профессоръ сельскаго хозяйства въ петербургскомъ университетѣ, Степанъ Михайловичъ Усовъ, началъ издавать съ 1840 года „Посредникъ, еженедѣльную газету хозяйства, промышленности и реальныхъ наукъ“, и продолжалъ это изданіе пятнадцать лѣтъ. Когда, въ 1842 году, рѣшено было приступить къ сооруженію чрезъ Неву, въ Петербургѣ, постояннаго моста, освященнаго 21 ноября 1850 года и названнаго первоначально Благовѣщенскимъ, а затѣмъ уже переименованнаго въ Николаевскій, то въ № 8 „Посредника“ (25-го февраля 1842 г.), появилась небольшая статья по поводу предполагаемой постройки. Въ замѣткѣ этой было сказано, что „надняхъ производилась съемка линіи чрезъ Неву“ для этого моста, что „глубина рѣки въ этомъ мѣстѣ пять саженъ“, и сообщались разныя подробности этого сооруженія. Въ заключеніе статьи было сказано: „никакого нѣтъ сомнѣнія, что такой мостъ на Невѣ построить можно, но остается недоумѣніе, какую степень крѣпости онъ долженъ имѣть для сопротивленія напору льда. Для разрѣшенія такого обстоятельства, опытовъ съ мостами въ иностранныхъ земляхъ недостаточно, потому что тамошній ледъ слабъ и тонокъ. Неменьше любопытенъ и тотъ вопросъ: какой ледъ можетъ быть опаснѣе—осенній или весенній?.. Сила льда, при быстромъ ходѣ, бываетъ иногда очень велика: расказываютъ примѣры, что бродячій весенній ледъ на озерахъ, будучи гонимъ вѣтромъ, надвигается нерѣдко на нѣсколько саженъ съ воды на берегъ и ходомъ своимъ срѣзываетъ встрѣчающіяся строенія. Много надобно соображеній и опытности инженерамъ для постройки прочнаго и удобнаго моста подобнаго рода, какъ постоянный чугунный мостъ чрезъ Неву. Постройкою такихъ мостовъ особенно отличилась Англія“.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ появленія этой статьи, отецъ мой получилъ приглашеніе явиться къ тогдашнему петербургскому военному генералъ-губернатору, фонъ-Эссену. Генералъ-губернаторъ спросилъ у отца, откуда онъ взялъ извѣстіе, что глубина Невы въ мѣстѣ, предположенномъ для сооруженія моста, доходитъ до пяти саженъ. Отецъ отвѣчалъ, что она обозначена на картахъ Невы, изданныхъ гидрографическимъ департаментомъ. Генералъ Эссенъ на это замѣтилъ, что глубина рѣки Невы составляетъ государственный секретъ, который не можетъ быть сообщаемъ въ печати. Затѣмъ генералъ-губернаторъ сдѣлалъ замѣчаніе по поводу соображеній въ статьѣ о крѣпости весенняго льда на Невѣ, которыя онъ нашелъ „совершенно неумѣстными", и въ заключеніе, объявивъ отцу моему, что его статья не будетъ имѣть для него на этотъ разъ никакихъ послѣдствій, предупредилъ, чтобы подобныя соображенія о постройкѣ моста болѣе не появлялись, такъ какъ газетамъ вовсе не слѣдуетъ вмѣшиваться въ сооруженія, предпринимаемыя правительствомъ.

Отецъ мой былъ съ тѣмъ вмѣстѣ редакторомъ оффиціальной „Земледѣльческой газеты", основанной въ тридцатыхъ годахъ графомъ Егоромъ Францевичемъ Канкринымъ и которая издавалась въ первые годы своего существованія при министерствѣ финансовъ, а потомъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ, на средства правительства. Ни въ „Земледѣльческой газетѣ", ни въ „Посредникѣ", не помѣщались, согласно ихъ программамъ, ни политическія, ни беллетристическія статьи или извѣстія, но, несмотря на то, мой отецъ былъ приглашаемъ, подобно всѣмъ остальнымъ тогдашнимъ редакторамъ, въ особую комиссію, которая, въ 1848 году, послѣ февральской революціи во Франціи, была учреждена, подъ предсѣдательствомъ адмирала князя Александра Сергѣевича Меншикова, для пересмотра всего, что появилось въ послѣдніе годы въ русской печати [1]). Комиссія засѣдала въ зданіи Адмиралтейства, куда отецъ мой являлся нѣсколько разъ, по приглашеніямъ. Труднѣе всѣхъ изъ тогдашнихъ редакторовъ пришлось А. А. Краевскому, редактору-издателю „Отечественныхъ Записокъ". Журналъ этотъ былъ подверженъ самому тщательному пересмотру за нѣсколько лѣтъ, съ самаго начала его изданія, причемъ въ статьяхъ его старались доискаться междустрочнаго смысла. Образованіе этой комиссіи вызвало тогда даже толки въ обществѣ о предстоящемъ запрещеніи всѣхъ газетъ и журналовъ въ Россіи. Но пересмотръ ихъ комиссіею доказалъ, что ничего

---

[1]) На докладѣ шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта графа Орлова, въ февралѣ 1848 года, о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, императоръ Николай положилъ слѣдующую собственноручную резолюцію: „Необходимо составить особый комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы. Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т. е. министерства народнаго просвѣщенія".

такого зловреднаго въ нихъ не помѣщалось, что̀ могло бы вызвать подобную исключительную мѣру. Къ нѣкоторымъ редакторамъ князь Меншиковъ относился въ комиссіи сурово и непривѣтливо, сколько мнѣ помнится изъ разсказовъ моего отца. Князь Меншиковъ отличался умомъ и многостороннимъ образованіемъ. Очень возможно, что если бы предсѣдателемъ этой комиссіи былъ не князь Меншиковъ, а другое лицо, которое подчинилось бы окончательно давленію тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ и требованіямъ безусловной реакціи, то русской печати пришлось бы очень тяжело.

Такъ какъ, въ 1848 году, я уже принималъ довольно дѣятельное участіе своими статьями по естественнымъ наукамъ, оригинальными и переводными, въ изданіи газеты „Посредникъ", то и зналъ о комиссіи князя Меншикова. Однимъ изъ ея первыхъ распоряженій было, чтобы всѣ статьи и извѣстія въ газетахъ и журналахъ, оригинальныя и переводныя, появлялись съ подписями ихъ авторовъ и переводчиковъ. Въ газетѣ „Посредникъ" это распоряженіе приведено было въ исполненіе съ 10-го марта 1848 года. Повидимому, желали знать лицъ, пишущихъ статьи въ періодическихъ изданіяхъ, такъ какъ чиновникамъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ подписками, подъ страхомъ увольненія изъ службы, воспрещено было участвовать въ газетахъ и журналахъ. Я слышалъ, напримѣръ, отъ своихъ университетскихъ товарищей, поступавшихъ въ то время на службу въ разныя министерства, что отъ нихъ отбирали подобныя подписки при самомъ вступленіи на службу. Публика была крайне удивлена, когда вдругъ газеты появились съ подписями авторовъ даже подъ переводами текущихъ мелкихъ политическихъ извѣстій изъ иностранныхъ газетъ. Въ „Сѣверной Пчелѣ" пестрили глаза фамиліи „Гречъ", „Булгаринъ", въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" фамилія „Очкинъ", въ „Посредникѣ" фамилія „Усовъ" и т. под. Распоряженіе о подписяхъ подъ всѣми статьями безъ исключенія имѣло силу не долго, именно только впродолженіе марта 1848 года. Съ апрѣля подпись подъ статьями предоставлена была попрежнему усмотрѣнію авторовъ и редакторовъ. Комитетъ князя Меншикова обозрѣлъ всѣ тогдашніе журналы и представилъ замѣчанія свои о направленіи и духѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вслѣдствіе того образованъ былъ 2-го апрѣля 1848 г. постоянный негласный комитетъ для высшаго надзора, въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ, за печатью, сверхъ существовавшихъ тогда главнаго управленія цензуры и цензурныхъ комитетовъ [1]). Этотъ не-

---

[1]) 14-го мая 1848 года, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе отношенія шефа жандармовъ, графа Орлова, сообщилъ цензурнымъ комитетамъ слѣдующее высочайшее повелѣніе: чтобы тѣ изъ воспрещенныхъ цензурою сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное, въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, направленіе, были представлены отъ цензоровъ, негласнымъ образомъ, въ III Отдѣленіе собственной канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденіе.

гласный комитетъ въ журнальномъ мірѣ извѣстенъ былъ подъ названіемъ „апрѣльскаго". Предсѣдателями его были въ самомъ началѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ Бутурлинъ, а затѣмъ членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. Къ комитету прикомандированы были чиновники изъ разныхъ вѣдомствъ (въ томъ числѣ камергеры и камеръ-юнкеры), которые исполняли обязанности чтецовъ появлявшихся въ свѣтъ произведеній печати и представляли о нихъ свои доклады предсѣдателю комитета, доводившаго о всемъ исключительномъ непосредственно до свѣдѣнія государя императора. Министры народнаго просвѣщенія, въ рукахъ которыхъ сосредоточена была оффиціальная цензура, тяготились подобною опекою и старались, по возможности, смягчать грозныя замѣчанія цензурѣ и редакторамъ, которыя нисходили къ нимъ, высочайшимъ именемъ, отъ предсѣдателей „апрѣльскаго" комитета. Негласный „апрѣльскій" комитетъ былъ закрытъ въ первый же годъ царствованія императора Александра II, именно 6-го декабря 1855 г. [1]). Замѣчательное совпаденіе учрежденія, въ апрѣлѣ 1848 года, негласнаго комитета, естественно—не въ видахъ поощренія русской литературы и журналистики, и дарованія, чрезъ семнадцать лѣтъ, 6-го апрѣля 1865 года, закона объ освобожденіи столичной періодической печати отъ предварительной цензуры.

5-го сентября 1850 года, въ Петербургѣ, въ зданіи манежа лейбъ-гвардіи Коннаго полка, открылась выставка сельскихъ произведеній, устроенная Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. На другой день открытія выставки, 6-го сентября, появилась въ „Сѣверной Пчелѣ" (№ 199) небольшая замѣтка, написанная мною объ этой выставкѣ. Въ этой статьѣ, между прочимъ, было сказано, что на выставкѣ находятся „овощи, замѣчательныя по своимъ размѣрамъ и какія обыкновенно бываютъ на выставкахъ," также „огромныя китовыя челюсти, которыя, какъ намъ кажется, вовсе не относятся къ сельскому хозяйству," и наконецъ, было замѣчено, что „для любителей изящныхъ напитковъ, у самого входа къ отдѣлу живаго скота, выставлены ликеры, особенно замѣчательные по своимъ превосходно отдѣланнымъ бутылкамъ".

Вице - президентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества былъ въ то время дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ. Передъ своимъ избраніемъ въ эту должность, онъ былъ оберъ-гофмаршаломъ при дворѣ и, какъ разсказывали, впалъ въ немилость у императора Николая Павловича

---

[1]) Бывшій тогда предсѣдателемъ комитета 2-го апрѣля, баронъ М. А. Корфъ, во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ, изложивъ вкратцѣ очеркъ дѣятельности комитета, между прочимъ, объяснилъ, что комитетъ, существовавшій всегда лишь въ видѣ изъятія изъ общаго порядка, окончательно совершилъ свое назначеніе и съ миновавіемъ вызвавшихъ оный чрезвычайныхъ обстоятельствъ, становится отнынѣ совершенно излишнимъ въ цензурной администраціи звеномъ.

за несовсѣмъ чистое бѣлье, оказавшееся за царскимъ столомъ. Жажда дѣятельности, стремленіе играть какую либо роль, побудили князя В. В. Долгорукова принять на себя (если не добиваться) званіе вице-президента Вольнаго Экономическаго Общества, хотя о сельскомъ хозяйствѣ онъ не имѣлъ понятія. В. В. Долгоруковъ былъ вельможа прежняго времени въ полномъ смыслѣ, любившій раболѣпство и покровительствовавшій только тѣмъ, даже въ „вольномъ" Экономическомъ Обществѣ, кто умѣлъ угодить этой его слабости. Статья моя возбудила въ немъ негодованіе, хотя сдѣланныя въ ней замѣчанія о выставкѣ были крайне невинны и были пропущены безъ труда тогдашнимъ очень строгимъ цензоромъ, Александромъ Лукичемъ Крыловымъ. Князь В. В. Долгоруковъ, узнавъ какъ-то, что авторомъ замѣтки былъ я, пригласилъ къ себѣ не Н. И. Греча, редактора „Сѣверной Пчелы," но отца моего, принадлежавшаго къ числу наиболѣе дѣятельныхъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ [1]), по своимъ знаніямъ, Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, къ составу котораго въ то время онъ принадлежалъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ. Отецъ мой, вообще не умѣвшій заискивать, не раболѣпствовалъ предъ княземъ Долгоруковымъ, подобно нѣкоторымъ членамъ общества, а потому и не пользовался его расположеніемъ. Явившись по приглашенію, отецъ мой встрѣтилъ со стороны князя Долгорукова рѣзкое замѣчаніе за мою статью, съ присовокупленіемъ, что „если повторятся подобные отзывы о выставкѣ, то онъ, князь, настоитъ на исключеніи моего отца изъ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества и сдѣлаетъ представленіе правительству, по мѣсту службы моего отца, о его вредномъ направленіи". На возраженіе моего отца, что онъ ничего не зналъ о замѣткѣ „Сѣверной Пчелы" до появленія ея въ печати и прочиталъ ее вмѣстѣ съ другими читателями газеты, князь Долгоруковъ отвѣчалъ, что онъ не принимаетъ во вниманіе подобнаго объясненія. Послѣ этого свиданія, отецъ мой пересталъ ѣздить въ Вольное Экономическое Общество, на собранія его членовъ, пока вице-президентомъ его оставался князь В. В. Долгоруковъ. Послѣдній до того диктаторски сталъ распоряжаться въ „Вольномъ" Экономическомъ Обществѣ, что многіе изъ членовъ его послѣдовали примѣру моего отца. Въ 1856 году, князь В. В. Долгоруковъ, видя образовавшуюся противъ него оппозицію въ этомъ Обществѣ, вызванную его деспотизмомъ, вышелъ изъ вице-президентовъ и на его мѣсто былъ избранъ Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ, директоръ департамента сельскаго хозяйства, бывшій впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и членомъ государственнаго совѣта.

---

[1]) Онъ пользовался особымъ расположеніемъ и вниманіемъ знаменитаго государственнаго дѣятеля, адмирала графа Николая Семеновича Мордвинова, направлявшаго нѣсколько лѣтъ занятія вольнаго экономическаго общества. Отецъ мой былъ частымъ собесѣдникомъ графа Мордвинова, и о немъ упоминается въ вышедшей отдѣльною книгою біографіи покойнаго адмирала.

Н. И. Гречъ, уважавшій моего отца, узнавъ о непріятности, причиненной ему статьею „Сѣверной Пчелы," поспѣшилъ загладить мою „юношескую неопытность," какъ онъ выразился, и помѣстилъ въ газетѣ нѣсколько своихъ замѣтокъ и статей г-жи Корсини (мужъ которой, архитекторъ Корсини, устраивалъ выставку), написанныхъ въ смыслѣ благопріятномъ для выставки. Не имѣя въ то время вліятельнаго голоса въ редакціи „Сѣверной Пчелы," я не могъ препятствовать появленію этихъ восхваленій, которымъ вовсе не сочувствовалъ и которыхъ не просили ни я, ни мой отецъ.

Хотя мой отецъ пересталъ вовсе посѣщать Вольное Экономическое Общество, однако одному его врагу (остзейскому барону), недолюбливавшему моего отца за то, что онъ, по своей обязанности рецензента и докладчика, неоднократно выставлялъ Обществу вздорность „ученыхъ" сообщеній этого барона по сельскому хозяйству,—вздумалось подать на него доносъ въ то учрежденіе, гдѣ они принимались. Въ доносѣ говорилось, что мой отецъ, тогдашній непремѣнный секретарь Вольнаго Экономическаго Общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Степановичъ Джунковскій и нѣкоторые другіе члены Общества, по вечерамъ, собираются въ помѣщеніи послѣдняго и затѣваютъ тамъ государственный заговоръ. Отецъ мой узналъ о томъ отъ князя Василія Васильевича Долгорукова, который, учредивъ, по приглашенію правительственной власти, секретный надзоръ надъ лицами, посѣщавшими тогда домъ Общества, убѣдился въ ложности доноса и тогда только объявилъ моему отцу, присовокупивъ, что онъ „оправдалъ передъ правительствомъ какъ его, такъ и другихъ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества отъ взведеннаго на нихъ неосновательнаго обвиненія". Отецъ мой слышалъ, будто бы остзейскому барону сдѣлано было надлежащее внушеніе въ надлежащемъ мѣстѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, или лѣтъ, послѣ кончины моего отца, послѣдовавшей 26-го іюня 1859 года, я случайно узналъ изъ достовѣрнаго источника, что отецъ мой до самой смерти все-таки состоялъ подъ „секретнымъ надзоромъ," о которомъ не догадывался ни онъ, ни его домашніе, и который не мѣшалъ повышенію его по службѣ.

XXVIII.

Запрещеніе извѣщенія объ обѣдѣ 8-го февраля 1858 года.

24-го января 1858 года, въ редакціи „Сѣверной Пчелы" получено было слѣдующее увѣдомленіе отъ канцеляріи петербургскаго оберъ-полиціймейстера, отъ 24-го января, за № 548: „Канцелярія оберъ-полиціймейстера, по приказанію г. с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, имѣетъ честь покорнѣйше просить редакцію „Сѣверной Пчелы," въ случаѣ представленія для напечатанія въ газетѣ объ-

явленія объ обѣдѣ, который предполагаютъ дать, въ началѣ будущаго февраля мѣсяца, бывшіе студенты здѣшняго университета, объявленіе это, за чьею бы подписью оно ни было, не печатать и въ то же время доставить въ канцелярію въ подлинникѣ. Правитель канцеляріи Мокрицкій."

Между тѣмъ въ редакцію никакого подобнаго объявленія не поступало.

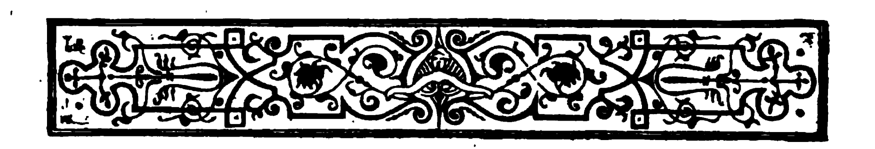
XXIX.

Замѣчательный случай паденія и спасенія.

Въ іюлѣ 1845 года, на кронштадтскомъ рейдѣ, императоръ Николай Павловичъ произвелъ свой обычный ежегодный смотръ балтійскому флоту. Когда императоръ объѣзжалъ всѣ выстроенныя въ линіи суда, то матросы, по морскому уставу, стояли на реяхъ. На одномъ линейномъ кораблѣ брамъ-рея на гротъ-мачтѣ вдругъ перевернулась; матросы, стоявшіе на ней, успѣли удержаться за снасти, но матросъ, находившійся на одномъ концѣ этой реи, оборвался и полетѣлъ съ высоты почти двадцати саженъ. На пути своемъ онъ попалъ на гротъ-марсъ-рею, которая находится подъ гротъ-брамъ-реею, сшибъ одного изъ матросовъ, стоявшихъ на гротъ-марсъ-реѣ, и, какъ ни въ чемъ ни бывало, сталъ на его мѣсто, въ фрунтъ; стоявшій же на гротъ-марсъ-реѣ матросъ оборвался, когда его столкнули, не успѣлъ удержатся за снасть, полетѣлъ внизъ, упалъ въ море и ни разу не показался на поверхности воды. Съ корабля бросили концы, боченки и другія тогдашнія приспособленія для спасанія людей, но всѣ эти мѣры оказались излишними. Нѣтъ сомнѣнія, что матросъ, стоявшій на гротъ-марсъ-реѣ, былъ ошеломленъ ударомъ въ голову со стороны матроса, слетѣвшаго съ гротъ-брамъ-реи, и упалъ въ воду въ безчувственномъ состояніи. Мнѣ разсказывалъ этотъ случай тогда же очевидецъ его, гардемаринъ старшаго класса Захарьинъ, находившійся на флотѣ во время императорскаго смотра.

(Продолженіе будетъ).

Пав. Усовъ.

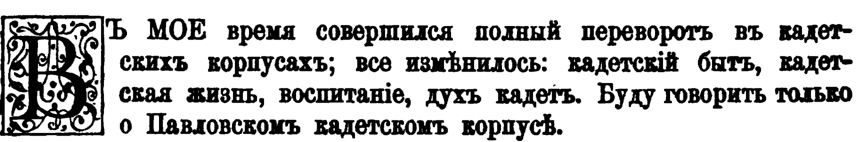


КАДЕТСКІЙ БЫТЪ ДВАДЦАТЫХЪ—ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ [1].

1826—1834.

(Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке).

IV.



ВЪ МОЕ время совершился полный переворотъ въ кадетскихъ корпусахъ; все измѣнилось: кадетскій бытъ, кадетская жизнь, воспитаніе, духъ кадетъ. Буду говорить только о Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ 1829 году, Императорскій военно-сиротскій домъ былъ переименованъ въ Павловскій кадетскій корпусъ: малолѣтнее отдѣленіе переведено въ Александровскій кадетскій корпусъ, въ Царское Село. Корпусъ раздѣленъ былъ на пять ротъ: одна гренадерская, три мушкетерскія, называвшіяся просто 1-я, 2-я и 3-я ротами, и одна резервная. Изъ четырехъ строевыхъ ротъ составился баталіонъ; ротными командирами были капитаны, а баталіоннымъ командиромъ штабъ-офицеръ. Первымъ баталіоннымъ командиромъ былъ Федоръ Васильевичъ Главацкій, тогда подполковникъ, а впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ директоръ Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

Тишениновъ и Бриммеръ сошли со сцены. Еще ранѣе смѣнены директоръ Арсеньевъ, инспекторъ классовъ Шумахеръ и главный директоръ Кутузовъ, и назначены: директоромъ генералъ-лейтенантъ Карлъ Федоровичъ Клингенбергъ, инспекторомъ полковникъ Верещагинъ и главнымъ директоромъ генералъ отъ инфантеріи Николай

[1]) Окончаніе. См. „Ист. Вѣстн.", т. VIII, стр. 110.

Ивановичъ Демидовъ. Наконецъ, по смерти цесаревича Константина Павловича, главнымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній назначенъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

Главацкій, какъ баталіонный командиръ, былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, по тогдашнему требованію. Онъ отлично зналъ воинскій уставъ, умѣлъ учить кадетъ, былъ вѣжливъ и привѣтливъ съ ними, внимателенъ и исполнителенъ предъ высшими начальниками, и немудрено, что скоро сдѣлался общимъ любимцемъ и кадетъ, и начальниковъ. Его назначеніе, его призваніе состояли въ томъ, чтобы поднять въ корпусѣ фронтовую часть, чтобы въ этомъ отношеніи не только соперничать, но и перещеголять другіе кадетскіе корпуса, и были годы, когда Главацкій дѣйствительно торжествовалъ. Но въ торжествѣ своемъ онъ опускалъ изъ вида, что успѣхъ его былъ прямо противоположенъ успѣху умственнаго образованія кадетъ.

Инспекторъ классовъ, полковникъ Верещагинъ, былъ игрушкой въ рукахъ Шенина, который изъ него дѣлалъ все, что хотѣлъ. Верещагинъ былъ фанфаронъ, любилъ поболтать, но говорилъ складно, пріятно. При званіи инспектора, онъ принялъ на себя преподованіе тактики и стратегіи и это дало ему обширное поприще морочить юныя головы слушателей разсказами о небывалыхъ военныхъ подвигахъ вымышленныхъ имъ лицъ, а если Верещагинъ выставлялъ въ примѣръ историческое лицо, то очень часто перепутывалъ событія: дѣянія Фридриха II приписывалъ Густаву Адольфу, и кадеты не разъ ловили его. Лысый или совершенно безволосый Верещагинъ, послѣ каникулъ, кажется, 1832 года, явился въ классы въ черномъ парикѣ; кадеты сговорились быть вѣжливыми, почтительными къ полковнику, но не признавать въ немъ инспектора, и Верещагинъ распинался въ увѣреніяхъ, что онъ дѣйствительно тотъ самый инспекторъ, которымъ былъ и до каникулъ.

Шенинъ, Александръ Ѳедоровичъ, при мнѣ носилъ еще званіе помощника инспектора классовъ, но въ дѣйствительности былъ инспекторомъ; его голосъ былъ рѣшающимъ на всѣхъ конференціяхъ, или комитетахъ, собиравшихся въ корпусѣ, и по всѣмъ предметамъ: по классныхъ занятіямъ, по физическому воспитанію кадетъ, по хозяйственнымъ дѣламъ, даже по фронтовымъ занятіямъ. Шенинъ первый понялъ восходящую звѣзду въ Ростовцевѣ и умѣлъ сдѣлаться для него необходимымъ. Когда всѣ корпусные чины заискивали расположенія Ростовцева, послѣдній съ своей стороны заискивалъ въ Шенинѣ. Кадеты подмѣчали, что Ростовцевъ, пріѣзжая въ корпусъ, часто говорилъ о такихъ предметахъ, близкихъ къ осуществленію, о необходимости которыхъ Шенинъ говорилъ съ кадетами недѣли за двѣ до того. Впослѣдствіи Шенинъ былъ инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ корпусѣ и руководителемъ инспекторовъ въ другихъ корпусахъ, былъ главнымъ редакторомъ энциклопедическаго лексикона, кажется, Плюшаровскаго изданія, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, и кончилъ свое

поприще въ домѣ умалишенныхъ на петергофской дорогѣ. Ростовцевъ призналъ Шенина сумасшедшимъ, чтобы спасти его отъ позорнаго суда за его отвратительно развратное поведеніе со смазливенькими кадетами, родители которыхъ подали жалобу великому князю.

Директоръ корпуса, Карлъ Федоровичъ Клингенбергъ, представлялъ примѣръ неутомимой дѣятельности и заботливости о ввѣренной ему части. Дѣятельность его особенно рѣзко выставлялась въ сравненіи съ лѣнивымъ, беззаботнымъ предшественникомъ его, Арсеньевымъ. Клингенбергъ скоро узналъ по именамъ всѣхъ офицеровъ, чиновниковъ, учителей, всѣхъ кадетъ, барабанщиковъ, служителей, всѣхъ женъ и дѣтей, жившихъ въ корпусномъ зданіи. Всякій день обходилъ онъ всѣ уголки корпуса, всюду самъ являлся во всякое время дня и ночи; ничто не укрывалось отъ его глазъ, никто не зналъ, когда онъ спитъ. О дѣятельности его скоро заговорили въ Петербургѣ въ разныхъ слояхъ общества. Онъ вполнѣ заслуживалъ уваженіе всѣхъ, сколько нибудь знавшихъ его, и немудрено, что когда праздновался 50-ти-лѣтній юбилей его службы въ кадетскихъ корпусахъ, кажется, въ 1839 году, то въ праздникѣ, вмѣстѣ съ высочайшими особами, приняли участіе многіе изъ тогдашней петербургской знати. Помню стихъ, пропѣтый въ тотъ день за обѣдомъ:

Не далъ Богъ тебѣ карать,
Злыхъ враговъ Руси и трона,
Въ думахъ царскихъ засѣдать,
Иль держать вѣсы закона.
Ты вѣнокъ другой свивалъ,
Съ сердцемъ молодецкимъ,
И до чести той дожилъ,
Жезлъ фельдмаршальскій сдружилъ
Съ тесакомъ кадетскимъ.

Фельдмаршалъ князь Паскевичъ былъ пажемъ, когда Клингенбергъ былъ ротнымъ офицеромъ въ Пажескомъ корпусѣ.

Но все-таки кадеты не любили Клингенберга, во-первыхъ, за то, что онъ видимо болѣе благоволилъ къ кадетамъ изъ нѣмцевъ, чѣмъ къ русскимъ, и во-вторыхъ, за рѣзкій, грубоватый разговоръ съ кадетами; онъ каждаго называлъ „проклятымъ". Выговоръ или замѣчаніе, похвалу или ласку, онъ всегда начиналъ словами: „ахъ ты проклятый". Клингенбергъ не былъ достаточно образованъ для того, чтобы быть директоромъ учебнаго заведенія; но если бы для него можно было создать должность оберъ или генералъ-полиціймейстера всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, или если бы его сдѣлали главнымъ инспекторомъ всѣхъ учебныхъ заведеній, въ смыслѣ прежнихъ университетскихъ инспекторовъ, которые не отвѣчали за учебную часть,— то Клингенбергъ былъ бы на своемъ мѣстѣ.

Главный директоръ корпусовъ, Николай Ивановичъ Демидовъ, былъ дѣйствительнымъ чудакомъ, или представлялся таковымъ. „При-

чуды и предразсудки его были извѣстны не только всѣмъ корпусамъ, но, кажется, и всему Петербургу. Онъ имѣлъ особый взглядъ на воспитаніе дѣтей, хотѣлъ дѣйствовать на массу юныхъ головъ одною силою своего слова, и потому, при каждомъ пріѣздѣ въ корпусъ,—что случалось очень часто,—онъ собиралъ всѣхъ кадетъ вокругъ себя и, болѣе часа громко и протяжно говоря рѣчи, страшно надоѣдалъ всѣмъ. Демидовъ, обыкновенно одинъ, стоялъ въ срединѣ кадетскаго кружка и безпрестанно обращался лицомъ то въ ту, то въ другую сторону; корпусное начальство стояло позади кадетъ. Тѣ кадеты, къ которымъ Демидовъ временно былъ обращенъ спиною, пользуясь этою минутой, дѣлали гримасы, изображали самого оратора и тѣмъ смѣшили тѣхъ кадетъ, которые были обращены лицомъ къ Демидову; этимъ кадетамъ было невыносимо смѣшно, но смѣяться было страшно: Демидовъ не только за смѣхъ, но и за улыбку въ подобныхъ случаяхъ сѣкъ, и сѣкъ больно. Но случалось, что иногда цѣлая сотня кадетъ, долго сдерживаясь, разражалась громкимъ хохотомъ, и тогда ораторъ, среди проповѣди своей, самъ улыбался.

До классныхъ занятій и вообще до учебной части Демидовъ вовсе не касался; онъ прежде всего требовалъ, чтобы кадеты благочинно и внимательно стояли въ церкви; частыми вопросами повѣрялъ, слушали ли кадеты евангеліе, читанное въ церкви, и требовалъ объясненія слушаннаго. Затѣмъ, Демидовъ внимательно слѣдилъ за опрятностью одежды кадетъ, особенно на улицахъ, за исправнымъ отданіемъ чести при встрѣчѣ съ офицерами и повѣрялъ успѣхи фронтоваго обученія. Но вообще должность главнаго директора, при главномъ начальникѣ великомъ князѣ и при Ростовцевѣ,—скоро сдѣлалась безцвѣтною. Должность эта еще болѣе потеряла значеніе въ глазахъ кадетъ, когда Демидовъ былъ замѣненъ Сухозанетомъ, безногимъ, извѣстнымъ у кадетъ подъ именемъ хромого.

Я уже былъ въ старшихъ классахъ, когда Сухозанетъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ корпусовъ, и хорошо помню наизусть одно мѣсто изъ перваго его приказа: „Вышедъ изъ среды вашей и пройдя бурное поприще военной службы, я возвращаюсь къ вамъ, юные питомцы, хотя изувѣченнымъ, но счастливымъ воиномъ, какъ бы для того, чтобы служить вамъ живымъ примѣромъ, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ“. Къ кадетамъ Сухозанетъ не имѣлъ почти никакого отношенія и очень рѣдко посѣщалъ корпусъ, но онъ презрительно относился къ корпуснымъ офицерамъ и послѣдніе поселяли въ кадетахъ нерасположеніе къ Сухозанету. Помню, что между кадетами ходилъ листокъ какой-то французской газеты, гдѣ, послѣ извѣщенія о назначеніи Сухозанета главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ, поставлена была звѣздочка, и въ выноскѣ говорилось, что Сухозанетъ извѣстнымъ ему манеромъ сорвалъ французскій банкъ. Тогда въ Парижѣ существовалъ публичный банкъ, называвшійся французскимъ, кажется, даже королевскимъ, и

разсказывали, что Сухозанетъ поставилъ на карту три пачки золота въ обложкахъ; банкометъ спросилъ, что онъ ставитъ? Сухозанетъ отвѣтилъ: „кушъ на столѣ подъ картой". Карта дана; Сухозанетъ загнулъ уголъ; данъ и уголъ; Сухозанетъ загнулъ на 6 кушей—даны и шесть кушей, Сухозанетъ гнетъ на 12 кушей—даны и 12. Сухозанетъ проситъ разсчета, а въ банкѣ лежала огромная груда золота; ему отвѣчаютъ, что на 12 кушей не стоитъ дѣлать разсчета, но Сухозанетъ настоялъ на разсчетѣ и, раскрывъ свои пачки, раскрылъ и обложки, которыя представляли банковые билеты на значительныя суммы, и банкъ былъ сорванъ. Неизбѣжныя коментаріи были тѣ, что если бы Сухозанетъ проигралъ свой кушъ, то, выложивъ золото на столъ, обложки взялъ бы въ карманъ.

Навсегда останется памятнымъ для современныхъ мнѣ кадетъ Павловскаго кадетскаго корпуса первый пріѣздъ въ корпусъ великаго князя Михаила Павловича. Самъ императоръ Николай I уже нѣсколько разъ бывалъ въ корпусѣ; кадеты уже бывали въ лагерѣ, уже чувствовали и понимали милости и ласки императора; но Николай I, являясь въ корпусъ, однимъ взглядомъ окидывалъ все и всѣхъ, мгновенно проходилъ по всѣмъ камерамъ, коридорамъ, классамъ, отхожимъ мѣстамъ, вскрывалъ кадетскія кровати, шкафики, просматривалъ тетради, ласкалъ кадетъ, дѣлалъ замѣчанія начальникамъ. Все это дѣлалось такъ быстро, что кадеты какъ бы не успѣвали опомниться. Великій же князь, пріѣхавъ въ корпусъ не какъ главный начальникъ, но какъ отецъ, пробылъ въ корпусѣ нѣсколько часовъ, все осмотрѣлъ, вошелъ во все, обласкалъ всѣхъ и каждаго, истинно очаровалъ кадетъ, и когда уѣхалъ, то у всѣхъ кадетъ были на глазахъ слезы умиленія. Эти слезы не были притворными: масса дѣтей, не на глазахъ начальника, немогла притворяться.

Дѣйствительно, великій князь Михаилъ Павловичъ смотрѣлъ на всѣхъ кадетъ какъ на своихъ дѣтей, и рѣдкій отецъ такъ много желалъ добра родному сыну, какъ великій князь желалъ добра каждому кадету. Къ несчастію, великій князь не могъ сосредоточить все свое вниманіе на кадетскихъ корпусахъ. Его высочество былъ обремененъ другими занятіями: онъ, вмѣстѣ со званіемъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, былъ командиромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генералъ-фельдцейхмейстеромъ артиллеріи и генералъ-инспекторомъ по инженерной части. Еще къ большему несчастію, помощники великаго князя искажали благія намѣренія и его высочества, и самого императора Николая I. Ближайшимъ помощникомъ великаго князя скоро сдѣлался Ростовцевъ. Онъ въ мое время былъ только что произведенъ въ полковники, носилъ званіе адъютанта великаго князя и управлялъ канцеляріею его высочества по званію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, но уже и тогда все корпусное начальство преклонялось передъ Ростовцевымъ, и когда онъ пріѣзжалъ въ корпусъ одинъ, безъ великаго князя, то его встрѣчали

такъ же, какъ и самого великаго князя. Уже и тогда не казалось страннымъ, что офицеръ помогалъ Ростовцеву надѣть шинель, или даже подавалъ ее.

Въ то время сохранилось только прежнее распредѣленіе классныхъ занятій, дневная же жизнь кадетъ и вся наружная обстановка совершенно измѣнились.

Утромъ на завтракъ, вмѣсто ломтя черстваго хлѣба, куска соли и ковша тухлой воды, стали давать каждому кадету по бѣлой булкѣ и по кружкѣ сбитню, для чего весь корпусъ собирали въ столовую; полудники отмѣнены; обѣдъ давался ровно въ часъ дня, а ужинъ въ половинѣ 9-го часа; пища за обѣдомъ и ужиномъ была улучшена, а столовое бѣлье и столовая посуда возобновлены. Бѣлье на кадетахъ стали мѣнять два раза въ недѣлю; бѣлье было всегда исправно и гораздо тоньше, чѣмъ прежде. Въ баню водили каждую недѣлю,—сыпи и особенно часотка стали рѣдкимъ явленіемъ. Постельное бѣлье, одѣяла, тюфяки—возобновлены, подъ постелями нельзя уже было положить ни одного лоскутка бумаги. Для учебныхъ принадлежностей и другихъ вещей, на каждыхъ двухъ кадетъ дали шкафикъ или комодикъ, стоявшій между двумя кроватями. Обязательно было для кадетъ вычистить себѣ утромъ сапоги и пуговицы и въ случаѣ нужды пришить пуговицу или крючекъ, но другая починка платья, починка бѣлья и сапогъ, мытье бѣлья и бѣленіе амуниціи были запрещены. Каждый кадетъ имѣлъ двѣ смѣны платья, старую и новую, каждый имѣлъ казенную шинель, наушники, рукавицы и проч. Въ камерахъ и коридорахъ стало чисто, тепло, свѣтло; сальныя свѣчи замѣнились лампами, даже появились паркеты; умножено число рукомойниковъ и доставлены всѣ удобства для мытья. Въ классахъ не было ни въ чемъ недостатка: бумаги, перьевъ, карандашей, давали сколько нужно; послѣобѣденные торги уничтожены; строго слѣдили за чистотою въ комнатахъ, за чистотою и опрятностью самихъ кадетъ, за прическою ихъ волосъ; появились въ камерахъ зеркала; стали учить кадетъ танцовать, дѣлать поклоны, привѣтливо смотрѣть въ глаза начальнику, требовали вѣжливости не только въ обращеніи съ офицерами, но и младшихъ кадетъ со старшими, отчего значеніе унтеръ-офицеровъ возвысилось; введены гимнастическія упражненія и усилено фронтовое ученіе, что вмѣстѣ съ танцами сдѣлало кадетъ развязнѣе. Каждую субботу великій князь бралъ къ себѣ во дворецъ нѣсколькихъ кадетъ на обѣдъ и на вечеръ; по воскресеньямъ наряжали также кадетъ къ большому двору для игръ вмѣстѣ съ цесаревичемъ, покойнымъ императоромъ Александромъ II.

Все это вмѣстѣ должно было облагородить кадетъ и возвысить нравственную сторону воспитанія. Но къ несчастію, этого-то послѣдняго и не было; напротивъ—поселился обманъ, наружный лоскъ при внутренней пустотѣ, при внутренней неправдѣ, и этотъ обманъ укоренялся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе.

Объясню это подробнѣе. Усиленныя фронтовыя занятія отнимали у кадетъ время для приготовленія уроковъ. Фронтовое ученіе продолжалось ежедневно около двухъ часовъ, съ 11 часовъ утра до часу дня. Послѣ обѣда, отъ исхода втораго часа до 3-хъ часовъ, т. е. до вечернихъ классовъ, кадеты надѣвали новое платье. Корпусному начальству было извѣстно, что государь и великій князь могли посѣтить корпусъ только въ эти часы дня, и къ этому времени кадеты ежедневно наряжались въ новое платье. Въ новомъ платьи, застегнутые, причесанные, примазанные, въ ежеминутномъ ожиданіи когонибудь, кадеты, конечно, не могли приготовлять уроки, а между тѣмъ хорошо сознавали, что новое платье хранится у нихъ собственно для того, чтобы показаться высочайшимъ особамъ, въ остальное же время дня платье на кадетахъ было не въ лучшемъ видѣ, какъ и въ старое время. Весеннія ученія производились два раза въ день, послѣ утреннихъ и послѣ вечернихъ классовъ; усталый кадетъ уже не имѣлъ физической возможности приготовлять уроки къ слѣдующему дню. Передъ парадами же или смотрами, классы прекращались на нѣсколько дней; въ эти дни производились усиленныя фронтовыя репетиціи и кадеты приготовлялись, чистились къ параду. И тогда чистка всей мѣдной принадлежности обмундированія и снаряженія, чистка ружей и бѣленіе этишкетовъ къ киверамъ, относились къ личной обязанности кадетъ. Даже постройка мундировъ или куртокъ считалась выше классныхъ занятій. При каждой постройкѣ нѣсколько разъ требовали кадетъ въ швальню для примѣрки платья: съ фронтоваго ученья нельзя было взять кадета въ швальню, а изъ класса можно было.

Унтеръ-офицеры, воспитанники старшихъ классовъ, днемъ почти не имѣли времени приготовлять уроки; желающіе могли заниматься только ночью. Унтеръ-офицеры стали отвѣтственными за кадетъ своихъ отдѣленій, т. е. унтеръ-офицеры отвѣчали за опрятность кадетъ, за прическу, за привѣтливый взглядъ, за опрятность постелей и шкафиковъ, за чистоту въ камерахъ, за первоначальное одиночное обученіе по фронту, за первоначальные успѣхи въ гимнастикѣ и танцахъ, за чистоту и исправность всей аммуниціи при выходѣ на парады и смотры.

Успѣхъ по фронту и ловкое дѣланіе ружейныхъ пріемовъ стали брать верхъ надъ успѣхами классныхъ занятій; ловкій ординарецъ цѣнился корпуснымъ начальствомъ гораздо дороже лучшаго ученика въ классѣ.

Зло быстро возрастало. Лучшимъ кадетомъ считался уже не тотъ скромный мальчикъ, который хорошо учился и который кротко, тихо, но свято исполнялъ все то, что требовалось по корпуснымъ правиламъ, а такой кадетъ, который хотя и не хорошо учился, который хотя и пошаливалъ, но который въ глазахъ начальства былъ привѣтливъ, боекъ, ловокъ, притомъ пригожъ собою. Кадеты скоро потеряли вѣру въ аттестацію начальства.

Ко двору великаго князя и на игры цесаревича стали посылать не достойнѣйшихъ кадетъ, а смазливыхъ и ловкихъ. Одно время ходила молва, что великій князь и самъ государь замѣтили обманъ въ нарядѣ кадетъ ко двору, — не знаю, справедливо ли это, но помню, что одно время требовались къ обѣду великаго князя лучшіе ученики по класснымъ спискамъ. Также помню, что во время этихъ толковъ государь самъ, послѣ развода, назначалъ кадетъ для игръ съ наслѣдникомъ и назначалъ не тѣхъ, у которыхъ глаза горѣли, а тѣхъ, которые смотрѣли поскромнѣе.

Самые экзамены въ старое время производились не шумно, безъ церемоніи, при сальныхъ свѣчахъ, но правдиво, и кадеты сами впередъ опредѣляли, кто будетъ первымъ, вторымъ, третьимъ и т. д. ученикомъ въ классѣ, и никогда не ошибались. А въ описываемое время экзаменамъ придано пышное значеніе; директоръ Клингенбергъ постоянно присутствовалъ на нихъ и только портилъ дѣло. Не зная вовсе, или совершенно забывъ тотъ предметъ, въ которомъ экзаменовались кадеты, директоръ хвалилъ не того, кто отвѣчалъ спокойно, но дѣльно, а того, кто говорилъ бойко, хотя и совершенный вздоръ. Высшій или низшій номеръ въ классѣ сталъ зависѣть не отъ дѣйствительныхъ успѣховъ, а отъ произвола экзаменаторовъ. А если на экзаменъ ожидали великаго князя, или кого либо изъ петербургскихъ знаменитостей, то наканунѣ пріѣзжалъ Ростовцевъ, подъ предлогомъ устроить порядокъ, церемонію экзамена, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы сдѣлать репетицію экзамена, т. е. дать кадетамъ именно тѣ вопросы, на которые они же будутъ завтра отвѣчать при постороннихъ свидѣтеляхъ. Этотъ обманъ сдѣлался обыкновеннымъ, и законоучитель священникъ Лавровъ былъ руководителемъ такихъ продѣлокъ.

Кажется, съ 1828 года, а можетъ быть съ 1827 года, кадеты стали ходить въ лагерь.

Въ мое время кадеты любили лагерное время и съ нетерпѣніемъ ждали его. Ихъ восхищало то, что они почти ежедневно видѣли государя и всѣхъ особъ императорской фамиліи; что ихъ пускали гулять въ сады, даже въ Александрію; восхищали ежегодные большіе обѣды во дворцѣ, лазаніе на петергофскіе каскады, тревоги, маневры, ежедневные обѣды на открытомъ воздухѣ, купанья въ Финскомъ заливѣ. Кадеты хохотали отъ души, когда палатки пробивались насквозь сильнымъ дождемъ, а въ тѣхъ палаткахъ, которыя для предохраненія отъ дождя изнутри обшивались клеенкою, или другою непромокаемою матеріею, умышленно дѣлали разрѣзы при наступленіи дождя. Лагерная жизнь была привольнѣе камерной: дозволялось больше спать, не требовалось той чистоты въ палаткахъ и на лагерныхъ линейкахъ какая надоѣдала въ камерахъ; учебныхъ занятій не было никакихъ; самыя фронтовыя ученья были легче, чѣмъ передъ лагерными смотрами и парадами; лагерные разводы и аванпостныя ученья болѣе занимали, чѣмъ утомляли кадетъ; упражненія въ топографической

съемкѣ также очень интересовали кадетъ старшихъ классовъ. Главнымъ начальникомъ лагеря назначался посторонній генералъ, не свой директоръ, и кадеты радовались, что хотя на короткое время избавлялись отъ вездѣсущаго Клингенберга, безпрерывно торчащаго передъ ихъ глазами. Да и вліяніе Ростовцева на лагерную жизнь было благотворнѣе, чѣмъ на корпусную въ четырехъ стѣнахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что корпусные офицеры были гораздо ближе къ кадетамъ, чѣмъ учителя въ классахъ; корпусные офицеры, и въ камерахъ и въ лагерѣ, всегда были при кадетахъ; они были собственно воспитателями, но у кадетъ въ мое время сердце склонялось болѣе на сторону учителей, чѣмъ на сторону офицеровъ; учителями кадеты болѣе интересовались, чѣмъ офицерами, и я, даже за послѣдніе годы пребыванія въ корпусѣ, мало помню офицеровъ, а учителей помню всѣхъ. Изъ корпусныхъ офицеровъ остановлюсь на немногихъ: о В. Л. Вишняковѣ и Л. М. Павловскомъ я уже говорилъ; затѣмъ ротнымъ командиромъ моимъ, въ гренадерской ротѣ, былъ капитанъ Софіенко-Сухомлиновъ; чѣмъ онъ кончилъ свое поприще—не знаю, но будучи ротнымъ командиромъ, не отличался особою ретивостью; былъ честный, правдивый человѣкъ, былъ любимъ и уважаемъ кадетами. Капитанъ Шумилинъ, добрякъ, и шумилъ по фамиліи. По переводѣ меня унтеръ-офицеромъ во 2-ю роту, ротнымъ командиромъ, послѣ В. А. Вишнякова, былъ капитанъ Дмоховскій; онъ былъ вѣжливъ, но постоянно имѣлъ наушниковъ; кадеты знали этихъ лицъ изъ среды своей и не могли уважать ротнаго командира. Но зато въ той же ротѣ былъ прекрасный молодой офицеръ—Петръ Ивановичъ Грязновъ, поступившій впослѣдствіи студентомъ въ Медико-хирургическую академію.

Важнѣйшими учебными предметами тогда считались: математика, физика и химія, артиллерія, фортификація и русская словесность.

Учителями математики были Виндеревъ и Кушакевичъ, друзья между собою; они вмѣстѣ перевели на русскій языкъ курсъ математики Белявена. Кушакевичъ, приставленный учителемъ математики къ цесаревичу, какъ-то легко относился къ обязанностямъ своимъ въ корпусѣ, часто опаздывалъ въ классъ, читалъ лѣниво, очень мало спрашивалъ или повѣрялъ кадетъ въ ихъ знаніи и балы ставилъ по вдохновенію. Александръ Семеновичъ Виндеревъ, небольшаго роста, толстый, въ очкахъ, говорилъ басомъ, былъ проникнутъ желаніемъ научить кадетъ, не красовался въ чтеніи, но говорилъ толково, вразумительно; при спросѣ кадетъ всегда шутилъ, говорилъ остроты, вообще былъ любимъ и уважаемъ.

Физику и химію преподавалъ Александръ Петровичъ Максимовичъ, впослѣдствіи инспекторъ Технологическаго института; онъ страстно любилъ и кадетъ, и науку; испрашивая разрѣшеніе, часто читалъ лекціи не въ урочный часъ, по вечерамъ, и кадеты охотно ужъ не сходились къ нему, а прямо сбѣгались. Максимовичъ и читалъ

отлично—громкимъ, звучнымъ голосомъ, и записки его были кратки, вразумительны; онъ умѣлъ и освѣжить бодрость усталыхъ кадетъ, разсказавъ какой-нибудь забавный анекдотъ. Спустя много лѣтъ по выходѣ изъ корпуса, о немъ часто вспоминали съ особымъ удовольствіемъ.

Учителемъ артиллеріи былъ генералъ-маіоръ, впослѣдствіи генералъ отъ артиллеріи, Алексѣй Васильевичъ Дядинъ. Его чинъ и наружный видъ вселяли уваженіе. Онъ лекцій почти не читалъ, но давалъ превосходныя записки, четко написанныя. Листки его записокъ для Павловскаго корпуса, какъ говорилъ самъ Дядинъ, переписывала дочь его, тогда дѣвица, а потомъ жена генералъ-лейтенанта Роде; она, по словамъ отца, знала артиллерію не хуже его самого и изучила полный курсъ математика съ дифференціалами и интегралами. Дядинъ являлся въ классъ всегда акуратно и большую часть своего времени въ классѣ проводилъ въ спрашиваніи кадетъ, которые усердно готовились къ его урокамъ. Надъ незнающими урокъ онъ такъ мило и забавно острилъ, что смѣшилъ весь классъ, а самъ оставался всегда серьезнымъ.

Фортификацію долго читалъ Шенинъ, а въ послѣдній годъ моего пребыванія въ корпусѣ, — поступилъ молодой, прелестный военный инженеръ-поручикъ; Аркадій Захарьевичъ Теляковскій, нынѣ маститый старецъ, инженеръ-генералъ-лейтенантъ. Эту милую, превосходную личность кадеты просто обожали. Онъ прекрасно говорилъ нѣжнымъ, звонкимъ голоскомъ, его слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы боясь проронить слово, а чертилъ онъ на классной доскѣ такъ отчетливо, такъ хорошо, что у кадетъ не поднималась рука стереть его рисунокъ къ приходу другаго учителя.

Учителями русской словесности были: Плетневъ, впослѣдствіи ректоръ петербургскаго университета, а послѣ Плетнева Талызинъ. Этими личностями корпусъ безспорно гордился, но эти знаменитости не приносили кадетамъ никакой пользы. Плетневъ всегда запаздывалъ въ классъ по меньшей мѣрѣ на 1/2 часа и, войдя, почти не поздоровавшись съ кадетами, ходилъ изъ угла въ уголъ, поглядывая на часы. Минутъ за 10 до звонка, Плетневъ читалъ отрывокъ изъ какого-нибудь сочиненія и по звонку, мимоходомъ, давалъ листокъ, сказавъ: „прочтите это къ слѣдующему моему приходу". А Талызинъ весь классъ проводилъ въ чтеніи какого-нибудь литературнаго сочиненія, но читалъ такимъ плаксивымъ тономъ и такъ протяжно, что почти весь классъ засыпалъ; самые прилежные ученики, съ помощію табака, едва удерживались отъ сна.

Затѣмъ, по значенію своему въ корпусѣ, шли слѣдующіе предметы: исторія всеобщая и русская; географія политическая, физическая и математическая; статистика Европы и Россіи; тактика и стратегія; военное судопроизводство; французскій и нѣмецкій языки, черченіе и рисованіе.

О преподаваніи Закона Божьяго, тактики и стратегіи уже было говорено.

Учителемъ исторіи былъ Г. Вознесенскій, составитель учебника по исторіи; онъ былъ очень внимателенъ и старателенъ, но читалъ тихо, вяло. Потомъ, когда я уже оканчивалъ курсъ, поступилъ молодой, энергичный А. А. Краевскій, нынѣ редакторъ-издатель газеты „Голосъ“. Онъ и читалъ лекціи, и велъ обыкновенный разговоръ всегда съ жаромъ, увлекательно, да и всѣ движенія его отличались быстротою.

Географію и статистику преподавалъ г. Хитрово, по старой методѣ, давая урокъ отъ такой-то до такой-то страницы.

Французскій языкъ преподавалъ полковникъ Вранкенъ, служившій, кажется, по горному вѣдомству, а нѣмецкій языкъ—полковникъ Бриммеръ, бывшій ротный командиръ въ Военно-сиротскомъ домѣ. Оба преподавали по-тогдашнему: перевести такую-то страницу, выучить фразы съ такой-то страницы.

Военное судопроизводство преподавалъ аудиторъ Казанскій; онъ требовалъ, чтобы кадеты каждый отвѣтъ начинали словами: „Петръ Великій, изданіемъ Воинскаго Устава и Генеральнаго Регламента, положилъ твердое основаніе военному и гражданскому судопроизводству“.

По математикѣ кадеты сами должны были составлять записки; по всѣмъ остальнымъ предметамъ учителя давали записки въ одномъ экземплярѣ—ихъ слѣдовало переписать. Это, конечно, облегчало повтореніе, но отнимало много времени для переписки, а во времени-то кадеты тогда болѣе всего нуждались.

Между кадетами развито было тогда поэтическое направленіе. Потому-то, можетъ быть, кадеты и недолюбливали Талызина и Плетнева. Талызинъ читалъ исключительно одну прозу, а Плетневъ изрѣдка читалъ отрывки изъ стихотвореній Державина, и еще рѣже—изъ фонъ-Визина, кадетамъ же хотѣлось слышать творенія Пушкина. Въ мое время, кадеты начинали заниматься или интересоваться стихами только съ 5-го курса, т. е. съ 3-го и 4-го верхнихъ классовъ, или съ выпускныхъ классовъ въ армейскіе офицеры и съ поступленія въ гренадерскую роту, и это занятіе продолжалось въ двухъ старшихъ курсахъ, или во 2-мъ и въ 1-мъ верхнихъ классахъ. Что болѣе запрещалось, то болѣе и интересовало: рукописные стихи, которыхъ не было въ печати, и всѣ думы Рылѣева. Стихи переписывались ночью, съ большою осторожностію, чтобы дежурный офицеръ не поймалъ. При перепискѣ стиховъ кадеты окружали себя учебными тетрадями, чтобы, заслыша офицерскіе шаги, можно было моментально перейти къ учебникамъ; стихи писались какъ проза — въ строчку, и перемѣшивались математическими формулами; многіе изъ дежурныхъ офицеровъ, завидя математическія выкладки, не прикасались къ тетрадямъ. Особенно озабочивало кадетъ пряtаніе стиховъ; верхъ печей былъ главнымъ убѣжищемъ; также пользовались наружною стороною дна шкафиковъ, къ которымъ подвѣшивались стихи на гвоздикахъ, и такъ

какъ шкафики были на ножкахъ, то это не представляло большого затрудненія, но все-таки главная масса стиховъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, выносилась изъ корпуса. И это было не легко; при увольненіи изъ корпуса кадеты осматривались и подъ наблюденіемъ начальства направлялись къ выходнымъ дверямъ.

Коноводами стихотворнаго дѣла, въ мое время, были Семеновъ и Ершовъ; жалѣю, что не прослѣдилъ судьбу ихъ по выходѣ изъ корпуса. Они большую часть праздниковъ оставались въ корпусѣ и въ субботніе вечера, или днемъ въ воскресенье, собирали вокругъ себя новичковъ, любителей стиховъ, сами декламировали и учили декламаціи новичковъ; они поочередно становились на табуретъ или на столъ и въ присутствіи офицера декламировали стихи Державина и тѣ отрывки, которые какъ примѣры были напечатаны въ учебникахъ, а по уходѣ офицера декламировали рукописные стихи. Нѣкоторые изъ офицеровъ догадывались объ этой хитрости, но показывали видъ, что не замѣчали ее. Стихи Пушкина, „Горе отъ ума“ и думы Рылѣева обязательно было учить наизусть. Семеновъ и Ершовъ задавали на урокъ, что выучить къ слѣдующему воскресенью, и къ этимъ урокамъ, хотя и секретно, приготовлялись усердно, да и опасно было не твердо выучить заданное: за ошибки сыпались злыя остроты и насмѣшки.

Кадеты сознавали, что дѣйствія Ростовцева были противоположны девизу герба, кажется, Перовскихъ: „не слыть, а быть“, что Ростовцевъ какъ бы вкоренялъ въ кадетахъ обратный девизъ: „не быть, а слыть“. Кадеты хорошо сознавали, что ни государь, ни великій князь, не могли войти въ сущность дѣла, и винили Ростовцева. Юныя головы, видя раболѣпство передъ Ростовцевымъ всего корпуснаго начальства, начиная съ директора, принимали Ростовцева за вельможу и примѣняли къ нему четырехстишіе Рылѣева:

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Но тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья“.

Слѣдуетъ однако отдать справедливость и Ростовцеву: оперившись и утвердившись на посту начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, онъ совершенно измѣнилъ свою воспитательную систему. Разсказы о Ростовцевѣ офицеровъ выпусковъ самыхъ послѣднихъ тридцатыхъ годовъ и начала сороковыхъ были совсѣмъ не тѣ, что чувствовалось при мнѣ и говорилось офицерами выпусковъ, непосредственно слѣдовавшихъ за моимъ. Шенину приписывалось благотворное вліяніе на Ростовцева: на экзаменахъ Ростовцевъ сталъ отличать дѣйствительное знаніе отъ болтовни; часто посѣщая корпусъ въ классное время, обходилъ классы, внимательно слушалъ и преподавателя, и отвѣты кадетъ, и дѣлалъ полезныя указанія; заботился о предоставленіи кадетамъ свободнаго времени для приготовленія уроковъ; строго добивался того, чтобы часы фронтовыхъ ученій были умень-

шены; ординарцами къ великому князю и къ государю допускалъ только тогда, когда удостовѣрялся, что они въ то же время хорошо учились и хорошо вели себя; значительно улучшилъ составъ офицеровъ-воспитателей и проч.

V.

И этотъ отдѣлъ окончу повѣствованіемъ о самомъ себѣ, для лучшаго выясненія тогдашняго кадетскаго быта.

Въ августѣ 1831 года, 15-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ я во 2-й верхній классъ, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, съ переводомъ во 2-ю роту и съ назначеніемъ старшимъ унтеръ-офицеромъ въ 4-й камерѣ, а братъ мой былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, съ переводомъ въ ту же роту, но съ назначеніемъ младшимъ унтеръ-офицеромъ во 2-ю камеру. Мы перестали спать рядомъ, и хотя раздѣлены были всего двумя комнатами, но намъ казалось, что бездна раздѣляла насъ. Командиромъ роты былъ Вишняковъ, а моимъ отдѣленнымъ офицеромъ—Грязновъ. Оба меня любили и, по тогдашнимъ требованіямъ, я считался исправнымъ и строгимъ унтеръ-офицеромъ; въ мое отдѣленіе переводили шалуновъ изъ другихъ отдѣленій и даже изъ другихъ ротъ. Кадеты тогда чтили унтеръ-офицера, какъ бы онъ ни былъ строгъ, если онъ самъ хорошо учился и могъ быть руководителемъ кадетъ по наукамъ. Днемъ занимаясь съ кадетами, самъ заниматься я могъ только ночью. Несмотря на то, что меня считали однимъ изъ исправнѣйшихъ унтеръ-офицеровъ, я въ этомъ званіи былъ два раза штрафованъ.

Незадолго до великаго поста 1832 года, ко мнѣ въ отдѣленіе былъ переведенъ большой тогда шалунъ, кадетъ Лосевъ, котораго впослѣдствіи я встрѣчалъ солиднымъ офицеромъ. Лосевъ былъ недоволенъ мною за то, что я, преслѣдуя его, предупреждалъ его шалости и, повѣряя его учебныя тетрадки, часто заставлялъ многое переписывать заново,—и придумалъ своеобразную месть: во время утренняго обхода камеръ директоромъ, незадолго до сбора въ классы, Лосевъ такъ ловко ударился о желѣзко кровати, что разсѣкъ себѣ губу; потекла кровь, губа моментально вздулась. Лосевъ, вымазавъ лицо своею кровью, съ жалобнымъ крикомъ побѣжалъ навстрѣчу директору. Клингенбергъ съ большимъ участіемъ спросилъ Лосева, что случилось? Тотъ отвѣчалъ, что я такъ сильно ударилъ его, что онъ упалъ и расшибся о кровать; Клингенбергъ, ни слова мнѣ не сказавъ, приказалъ ротному командиру посадить меня въ карцеръ, а Лосева отправить въ лазаретъ, что и было тотчасъ же исполнено. По уходѣ директора, Вишняковъ спросилъ кадетъ, какъ было дѣло, и всѣ единогласно отвѣчали, что я не только не ударилъ Лосева, но даже въ то утро ни слова не говорилъ съ нимъ, что Лосевъ самъ, умышленно, ударился о кровать. Вишняковъ отправился въ лазаретъ, добился отъ

Лосева сознанія и доложилъ директору. Я былъ тотчасъ же освобожденъ и опоздалъ въ классъ не болѣе, какъ на одинъ часъ. Во время 10-ти-минутнаго перерыва классныхъ занятій, товарищи замѣтили мнѣ, что я былъ арестованъ за то, что оказался не нѣмцемъ, а русскимъ. И это имѣло основаніе: Клингенбергъ часто ходилъ въ церковь при сборѣ туда кадетъ, но стоялъ не долго, уходилъ и опять приходилъ къ концу службы. Случилось такъ, что когда я, въ томъ же великомъ посту, подходилъ къ святому причащенію, Клингенбергъ, схвативъ меня за руку, вытащилъ изъ шеренги въ тотъ моментъ, когда я былъ уже готовъ подойти къ чашѣ съ дарами, и сказалъ: „ты зачѣмъ здѣсь, вѣдь ты нѣмецъ“? На мой отвѣтъ, что я русскій, онъ опять втолкнулъ меня въ шеренгу, громко произнеся свою любимую фразу: „ахъ ты проклятый“. Даже младшіе кадеты замѣтили бестактность директора.

Тогда существовало строгое постановленіе: если высочайшая особа или кто либо изъ высокопоставленныхъ лицъ заговоритъ съ кадетомъ, гдѣ бы то ни было и о чемъ бы то ни было, то кадетъ, по возвращеніи въ роту, долженъ доложить о томъ своему ближайшему начальнику, который по командѣ доводилъ до свѣдѣнія высшаго корпуснаго начальства. Былъ такой случай: лѣтомъ, въ 1832 году, государь, какъ это часто бывало, пріѣхалъ въ кадетскій лагерь, часу въ 3-мъ дня; всѣ кадеты, мимо лагеря которыхъ проѣхалъ государь, бѣжали за коляской государя; въ концѣ лагеря государь остановился и спрашивалъ кадетъ, какое вечернее лагерное занятіе было назначено на тотъ день; кадеты разныхъ корпусовъ отвѣчали, у насъ будетъ то-то, а у насъ то-то. На разсказы кадетъ государь громко отвѣтилъ: „вы всѣ наврали мнѣ, у васъ будетъ совсѣмъ не то“—и приказалъ генералу, командовавшему кадетскимъ лагеремъ, всѣхъ кадетъ поголовно отпустить гулять во всѣ сады. Самые благонадежные кадеты отпускались поодиночкѣ; большею же частью, для прогулокъ въ петергофскихъ садахъ, составлялись команды, или партіи, подъ начальствомъ унтеръ-офицеровъ; надъ нѣсколькими партіями назначался офицеръ. Я съ своею партіею, по общему желанію, направился прямо въ Александрію. Подходя къ Александріи, мы были застигнуты небольшимъ дождемъ и заслышали голосъ государя, напѣвавшаго маршъ тихаго шага. Подойдя ко дворцу, мы увидѣли государя, державшаго за руки двухъ великихъ княженъ—Марію Николаевну и Ольгу Николаевну и маршировавшаго съ ними; нѣсколько партій пажей, артиллеристовъ и 1-го кадетскаго корпуса уже стояли у дворца, а много партій разныхъ корпусовъ подошли послѣ меня. Государь и великія княжны вошли во дворецъ и очень скоро великія княжны вышли къ кадетамъ, держа въ своихъ ручкахъ небольшіе подносы съ конфектами. Великія княжны предлагали кадетамъ брать конфекты. Кадеты церемонились; наконецъ, пажи подошли первыми, и какъ только коснулись подносовъ, вся толпа кадетъ разомъ бросилась къ

подносамъ. Великія княжны уронили подносы и сами убѣжали во дворецъ, а между кадетами завязалась борьба изъ-за конфектъ, разсыпавшихся на песчаныя дорожки; десятки кадетъ падали и пачкались въ пескѣ, приставашемъ къ мокрому платью; конфекты были раздавлены подъ ногами, но и раздавленныя конфекты кадеты оспаривали одинъ у другаго и увлеклись этимъ до того, что не замѣтили государя и императрицу, стоявшихъ на крыльцѣ, смотрѣвшихъ на всю эту сцену и смѣявшихся отъ души. Вскорѣ раздался громкій голосъ государя: „Смирно!“. Кадеты встрепенулись. Государь отрывисто сказалъ: „хорошо молодцы“. Кадеты восторженно прокричали: „рады стараться, ваше императорское величество!“. Вслѣдъ за тѣмъ два лакея вынесли конфекты на огромныхъ подносахъ; конфекты вновь были опрокинуты на землю, но подносы уцѣлѣли въ рукахъ лакеевъ. Возвратясь въ лагерь, я разсчитывалъ, что такъ какъ ни къ кому изъ кадетъ, бывшихъ въ моей партіи, ни государь, ни великія княжны не обратились ни съ однимъ словомъ, то и не было надобности доносить о происшедшемъ своему начальству; пажи же донесли. Главный директоръ, Демидовъ, узнавъ, что были кадеты и другихъ корпусовъ, приказалъ всѣхъ старшихъ унтеръ-офицеровъ, бывшихъ въ Александріи, поставить на часы въ ранцахъ, и я простоялъ два часа за рядоваго у палатки баталіоннаго командира.

Въ августѣ 1832 года, я былъ переведенъ въ послѣдній 1-й верхній классъ вторымъ ученикомъ. Меня назначали фельдфебелемъ, но такъ какъ брата не удостоивали въ это званіе, то я упросилъ баталіоннаго командира Главацкаго, чтобы и меня оставили унтеръ-офицеромъ въ той же ротѣ. Такъ и сдѣлали, и брата назначили старшимъ унтеръ-офицеромъ въ той же 2-й ротѣ, ротнымъ командиромъ которой былъ уже Дмоховскій. Служебныя занятія въ ротѣ были тѣ же, что и въ предъидущемъ году, но классныя занятія усилились; я вставалъ уже не въ 4-мъ часу утра, а бóльшею частью во 2-мъ. На мнѣ лежала забота не только самому приготовлять уроки, но и другимъ помогать; я былъ какъ бы репетиторомъ по математическимъ предметамъ; предъ экзаменами, въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, ко мнѣ въ камеру, по ночамъ, собирался весь или почти весь 1-й верхній классъ. Это время памятно мнѣ: оно изъ лучшихъ въ жизни моей; кадеты чрезвычайно любили меня, все корпусное начальство знало это, и многіе изъ офицеровъ, въ видѣ исключенія, обращались ко мнѣ не по фамиліи, а по имени и отчеству. Привожу эти слова не для того, чтобы самому похваляться: они необходимы для уясненія послѣдующихъ корпусныхъ событій.

Мнѣ только что минуло 17 лѣтъ въ іюнѣ 1833 года, когда я выдержалъ послѣдній выпускной экзаменъ. Нашъ выпускной экзаменъ начался математикой и шелъ очень дурно: половина класса имѣла неудовлетворительные баллы. При 12-ти бальной системѣ, многіе имѣли 3, 2 и даже 1 баллъ и при всевозможномъ снисхожденіи имъ нельзя

было прибавить ни одного балла. Директоръ Клингенбергъ шумѣлъ и прекратилъ экзаменъ, а Шенинъ объявилъ, что онъ настоитъ на томъ, что директоръ будетъ просить великаго князя, чтобы весь классъ былъ оставленъ въ корпусѣ на лишній годъ. Тогда классъ рѣшилъ просить прощенія у директора, просить, чтобы экзаменъ по математикѣ былъ назначенъ во второй разъ, по окончаніи всѣхъ прочихъ экзаменовъ, и выбрали изъ класса депутацію, въ числѣ двухъ человѣкъ. Выборъ палъ на меня, какъ на такого ученика, котораго лично директоръ не могъ укорять, и на представителя по другой части, т. е. на фельдфебеля гренадерской роты, Гудиму, нынѣ кіевскаго коменданта. Просить прямо директора не было нарушеніемъ дисциплины; ротные и баталіонный командиры хотя и не касались классныхъ дѣлъ, но были предупреждены, а надъ Шенинымъ директоръ былъ непосредственный начальникъ. Клингенбергъ очень ласково принялъ насъ, выслушалъ, обѣщалъ исполнить нашу просьбу и дѣйствительно исполнилъ. На другой день Шенинъ, войдя въ классъ, обратился ко мнѣ и къ Гудимѣ съ двусмысленными словами: „вы ходили жаловаться директору, жаловаться на меня,—хорошо, хорошо, можетъ, быть и раскаетесь, да будетъ поздно".

Зловѣщія слова Шенина стали оправдываться. Вышло постановленіе, объявленное по всѣмъ классамъ, чтобы на экзаменахъ никому, и при самыхъ лучшихъ отвѣтахъ, не прибавлять болѣе 3-хъ балловъ.

Къ экзамену во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ учителя этихъ языковъ, полковники Вранкенъ и Бриммеръ, поставили мнѣ по три балла, тогда какъ я втеченіе двухъ лѣтъ ни разу не получалъ отъ нихъ менѣе 9, а иногда получалъ 10 и даже $10^{1}/_{2}$. Вліяніе Шенина было въ этомъ случаѣ по сердцу учителямъ; у каждаго изъ нихъ было по сыну въ одномъ со мною классѣ, притомъ оба сына, особенно Вранкенъ, конкурировали со мной изъ-за номера въ классѣ. На экзаменѣ Клингенбергъ прибавилъ мнѣ по 3 балла, но, имѣя въ двухъ предметахъ по 6 балловъ, я сталъ вторымъ ученикомъ въ классѣ, а Вранкенъ первымъ.

Шенинъ настоялъ на томъ, чтобы рѣшеніе конференціи не объявлять до конца лагеря, что было выгодно и для баталіоннаго командира въ томъ отношеніи, что до объявленія выпускныхъ всѣ фельдфебеля и унтеръ-офицеры оставались въ строю, безъ всякой перемѣны.

Въ августѣ, при началѣ новаго курса, объявили выпускныхъ; я и Гудима были оставлены на лишній годъ въ корпусѣ по молодости, хотя Гудимѣ минуло уже 18 лѣтъ. Мы вновь стали ходить въ классъ, какъ вдругъ получено было приказаніе главнаго директора, Сухозанета, чтобы выпускные артиллерійскаго класса посланы были на Волково поле для присутствованія при артиллерійскихъ опытахъ. Мнѣ очень хотѣлось видѣть стрѣльбу изъ мортиръ, и я, пользуясь проходомъ директора по камерамъ, просилъ его отпустить и меня на эти опыты, сказавъ, что по классамъ въ одинъ день я ничего не поте-

ряю, а видѣть опыты для меня будетъ полезно. Клингенбергъ охотно исполнилъ мою просьбу. Помню, что день былъ пасмурный, моросилъ дождь; мы рано пришли на Волково поле и долго ожидали Сухозанета. Наконецъ, онъ пріѣхалъ и спросилъ, кто первый ученикъ по артиллеріи. Дядинъ указалъ на меня. Сухозанетъ посадилъ меня въ свою коляску и во все время опытовъ бесѣдовалъ со мной или, вѣрнѣе, экзаменовалъ меня, былъ доволенъ моими отвѣтами и въ заключеніе спросилъ, куда я желаю быть произведеннымъ въ офицеры? Я отвѣчалъ сначала уклончиво, а потомъ высказалъ все. Сухозанетъ сказалъ мнѣ, что такихъ учениковъ, какъ я, не выпускаютъ: они сами выходятъ въ офицеры,—выпускаютъ посредственность, а дурныхъ выгоняютъ изъ корпуса. Вечеромъ въ тотъ день получено было приказаніе отъ Сухозанета, чтобы я назначенъ былъ къ выпуску, а Гудима остался въ корпусѣ. Интрига Шенина относительно меня не удалась.

Спустя мѣсяцъ, получено было указаніе для распредѣленія выпускныхъ по войскамъ, при чемъ изъ артиллерійскаго класса разрѣшено было двухъ лучшихъ назначить въ гвардію, а остальнымъ, по желанію самихъ кадетъ, записываться въ артиллерійскія бригады или саперные баталіоны. Въ составившейся конференціи Шенинъ убѣдилъ всѣхъ, что первый ученикъ, унтеръ-офицеръ Вранкенъ, безусловно долженъ быть назначенъ въ гвардію, но, отдавъ предпочтеніе класснымъ успѣхамъ, слѣдуетъ не забывать и другую воспитательную сторону, т. е. вторымъ въ гвардію назначить того изъ фельдфебелей, чей номеръ въ классѣ выше, хотя бы этотъ фельдфебель по общему классному списку стоялъ и ниже многихъ унтеръ-офицеровъ. Такъ и было сдѣлано; въ гвардію назначили унтеръ-офицера Вранкена и фельдфебеля Кульмана, который по общему классному списку стоялъ пятымъ, а я съ братомъ и Дроздовскимъ записались въ гренадерскій саперный баталіонъ.

Вскорѣ получено было новое предписаніе, чтобы въ корпусѣ заведена была бѣлая мраморная доска, куда вносить имя и фамилію лучшаго ученика каждаго выпуска, начиная съ нашего. Умышленно или неумышленно, въ предписаніи сказано—лучшаго, а не перваго ученика. Составилась новая конференція, въ которой Шенинъ положительно высказался за меня изъ опасенія, чтобы въ корпусѣ не обнаружилось ропота, неудовольствія.

Директоръ долженъ былъ лично доложить великому князю объ этихъ назначеніяхъ; великій князь отвѣчалъ ему: „что же это такое? въ гвардію должны быть назначены двое лучшихъ, на мраморную доску одинъ самый лучшій, а назначены разныя лица". Клингенбергъ не могъ такъ рельефно доложить великому князю, какъ говорилъ Шенинъ въ конференціяхъ, и запутался въ объясненіяхъ до того, что великій князь, ничего не понявъ изъ его разсказа, сказалъ ему: „тутъ какія нибудь шашни". Старикъ Клингенбергъ расплакался,

великій князь пожалѣлъ его и порѣшилъ тѣмъ, чтобы въ томъ году на мраморную доску никого не назначать.

Въ тотъ же, или на другой день, великій князь, пріѣхавъ въ корпусъ, остановился передо-мной и протяжно сказалъ: „ты выходишь въ гренадерскій саперный баталіонъ“—и послѣ нѣкоторой паузы еще разъ протянулъ: „въ гренадерскій саперный баталіонъ“. Всѣ замѣтили, что великій князь еще хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но, простоявъ передо мной нѣсколько секундъ, пошелъ далѣе.

Все, что касалось моего выпуска, мнѣ тогда же передавали корпусные офицеры и самъ баталіонный командиръ Главацкій, а когда я, черезъ 4 года по выпускѣ, пріѣхавъ въ Петербургъ, зашелъ въ корпусъ, то Шенинъ сказалъ мнѣ: „теперь, смотря другими глазами на недавно минувшее, вы вѣрно и сами признаете, что я не такъ виноватъ передъ вами, какъ казался при выпускѣ вашемъ“. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Шенина въ 1842 или 1843 году, сидѣвшаго у дачи Кондаурова, возлѣ дома умалишенныхъ, на петергофской дорогѣ.

Слишкомъ за годъ до выпуска и я былъ удостоенъ одинъ разъ назначеніемъ на обѣдъ къ великому князю. Наканунѣ, или за день передъ тѣмъ, Клингенбергъ, по обыкновенію, дѣлалъ репетицію, т. е. звалъ обѣдать къ себѣ, при чемъ училъ, какъ держать въ рукѣ ложку, ножъ, вилку, объяснялъ, при какихъ кушаньяхъ употребляется одна вилка, когда ножъ и вилка, какъ привстать на мѣстѣ, если великій князь обратится съ личнымъ вопросомъ, совѣтывалъ отказываться отъ тѣхъ блюдъ, которыя увидятъ въ первый разъ, и проч. При мнѣ за обѣдомъ у великаго князя было много гостей; кадеты сидѣли черезъ одного между гостями. Помню, что къ обѣду подавались щи и каша, подавались и устрицы, отъ которыхъ кадеты большею частію отказывались, но великій князь заставлялъ брать устрицы и училъ, какъ ихъ ѣдятъ. Послѣ обѣда кадетъ забавляли фокусами; вечерній чай разливала собственноручно сама великая княгиня Елена Павловна; при отъѣздѣ изъ дворца, кадетскіе кивера наполнялись конфектами.

Весною 1833 года, въ разводѣ на Дворцовой площади, я былъ правофланговымъ унтеръ-офицеромъ, и самъ государь назначилъ меня въ тотъ день на игры къ цесаревичу. Въ тотъ же день назначенъ былъ къ наслѣднику отъ Главнаго Инженернаго Училища кондукторъ Вансовичъ, нынѣ завѣдывающій гальваническою частью, инженеръ генералъ-лейтенантъ. Во дворцѣ Вансовичъ сошелся со мною и мы были постоянно вмѣстѣ. Меня восхищала солнечная система; я долго ее разсматривалъ, но не все понималъ; цесаревичъ, замѣтя это, самъ подробно объяснилъ мнѣ машину. Мнѣ было тогда около 17-ти лѣтъ, а его высочеству 15-ть лѣтъ, и я убѣдился, что его высочество по географіи далеко опередилъ меня, а когда разговоръ коснулся математики, то цесаревичъ самъ тогда сознался, что въ математикѣ онъ уступитъ мнѣ. Цесаревичъ показывалъ свои учебныя тетради и сознавался, что его затрудняютъ переводы на англійскій языкъ и сочи-

ненія на англійскомъ языкѣ. Когда же начались игры, то я съ Ванссовичемъ большею частію прятались за колонны; паркетъ былъ такъ скользкъ, что я съ трудомъ ходилъ по немъ, а бѣгать просто боялся.

Время отъ назначенія на выпускъ до приказа о производствѣ въ офицеры было самымъ отраднымъ въ корпусной жизни; но оно для моего выпуска тянулось очень долго. Тогда постановлено было, чтобы производство въ офицеры производилось по каждому корпусу отдѣльно, по особо установленной очереди между корпусами. Въ сентябрѣ 1833 года, говорили, что наше производство состоится къ 6-му декабря; къ этому дню была уже готова вся офицерская обмундировка, а между тѣмъ, не знаю—почему, приказъ затянулся до 30-го января 1834 года, и мы почти 1/2 года жили въ корпусѣ, считаясь выпускными. По камерной службѣ и по фронтовой части, мы оставались при прежнихъ своихъ званіяхъ и обязанностяхъ, на смѣну же насъ всѣ чины были уже предназначены. Въ классы мы не ходили и во время ихъ насъ собирали въ рекреаціонное зало. Въ это время мы исключительно занимались русскою литературою; намъ дозволялось читать все, что было напечатано на русскомъ языкѣ; днемъ мы читали, а ночью, или рано утромъ, я и многіе другіе дѣлали выписки изъ книгъ; сочиненія Пушкина, Жуковскаго и многое изъ сочиненій Державина и фонъ-Визина учили наизусть; учили и переписывали многое изъ рукописныхъ сочиненій, но очень осторожно; за выпускными въ этомъ отношеніи слѣдили не менѣе, чѣмъ за всѣми кадетами.

Приказъ 30-го января 1834 года доставленъ былъ въ корпусъ на разсвѣтѣ того дня. Въ 12-мъ часу мы уже въ офицерской формѣ собрались въ корпусную церковь для присяги.

Послѣ присяги были общія поздравленія и пожеланія, а священникъ Лавровъ сказалъ приличное слово и въ заключеніе предложилъ подписку въ пользу церкви. Большинство молодыхъ офицеровъ было озадачено этимъ поборомъ, многіе колебались; тогда священникъ пояснилъ, что можно подписаться хоть по 10-ти рублей; опять начались совѣщанія, наконецъ всѣ согласились подписаться по 10-ти рублей,—хотя 10 рублей были тогда большими деньгами, и за эти 10 рублей священника Лаврова долго поминали лихомъ.

Наконецъ, въ назначенный день всѣ молодые офицеры собрались въ корпусъ проститься съ начальниками и съ оставшимися кадетами и получить разсчетъ. Разсчетъ этотъ на прощанье и досадилъ, и насмѣшилъ насъ. Вышелъ какой-то чиновникъ изъ корпусной канцеляріи и послѣ небольшого предисловія, заключающагося въ томъ, что кто можетъ внести деньги теперь, теперь же и слѣдуетъ уплатить, а кто не можетъ уплатить теперь же лично, съ того деньги будутъ взысканы изъ жалованья, по сношенію съ новымъ его полковымъ начальствомъ. И началось чтеніе разсчетовъ: мы всѣ знали, что съ выпускныхъ дѣлаются какіе-то вычеты, но никакъ не ожидали, чтобы предъявлены были такіе огромные счеты, большею частію вымышлен-

ные и по меньшей мѣрѣ давно забытые кадетами. За все время пребыванія въ корпусѣ высчитывали число разбитыхъ тарелокъ, стакановъ, стеколъ, утраченныхъ книгъ и проч.; на каждаго счеты доходили до 20-ти и болѣе рублей. Тутъ начались возгласы, въ родѣ слѣдующихъ: „какъ же смѣли меня пороть за разбитыя вещи, когда теперь требуются деньги за все разбитое!“ или: „почему же не поставили въ счетъ стоимость розогъ, которыми меня пороли?“

В. Кренке.

ЦЕРКОВНЫЕ ИНТРИГАНЫ.

Историческія картины.

„Исторія не есть игра отвлеченностей, и люди въ ней значатъ болѣе, нежели ученія".
Эрн. Ренанъ.

I.

Высокопреосвященный митрополитъ Макарій, кромѣ очередного тома русской-церковной исторіи, подарилъ литературу интересною статьею, выпущенною нынѣ въ Москвѣ отдѣльною брошюрою [1]. Вопросъ, котораго касается эта небольшая книжка, есть больное мѣсто нашей церкви—расколъ, вызванный исправленіемъ книгъ и обрядовъ, или, вѣрнѣе сказать, объявившійся по поводу исправленія книгъ и обрядовъ. Предметъ этотъ сколько любопытенъ, столько же исчерпанъ, кажется, до самаго дна,—такъ много сдѣлано для него литературою, особенно въ послѣднія двадцать лѣтъ; но однако новый трактатъ, вылившійся по этому же вопросу изъ-подъ пера нашего достоуважаемаго историка, исполненъ живаго интереса и бросаетъ новый лучъ свѣта на старое дѣло. Такой небольшой по объему, но острый и основательный томикъ дороже огромныхъ, увѣсистыхъ книгъ, наполненныхъ одною казуистикою церковныхъ споровъ, и вполнѣ достоинъ вниманія всякаго любознательнаго человѣка.

Книга написана, очевидно, въ интересахъ церковныхъ, и если бы мы были призваны цѣнить въ ней то, что клонится къ выясненію

---

[1]) „Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ" высокопреосвященнаго Макарія, митрополита московскаго. Москва. 1881 г. Типографія М. Н. Лаврова. 116 страницъ.

вопросовъ о клятвахъ и тому подобномъ, тогда намъ пришлось бы показать, какъ высокопреосвященный Макарій выводитъ, что церковную распрю ожесточилъ до крайности не Никонъ, а его безтактные наступцы, что клятвы собора 1667 г. положены на ослушниковъ, а не на старый обрядъ, и что „начало единовѣрія", которое обыкновенно относятъ къ „Николаеву времени", на самомъ дѣлѣ было положено еще Никономъ. Въ существѣ дѣла все это имѣетъ свой вѣсъ и даже очень большое значеніе въ церкви и въ церковной литературѣ, но читателей общеисторическаго изданія много интересовать не можетъ, а потому мы вправѣ считать себя непризванными заниматься этою стороною новаго сочиненія высокочтимаго митрополита московскаго. Насъ интересуетъ въ этой книгѣ нѣчто гораздо болѣе живое и любопытное, а притомъ, можетъ быть, и гораздо болѣе поясняющее исторію раскола,—это люди, при которыхъ разъигралась знаменитая „Никонова распря". Высокопреосвященный Макарій дѣлаетъ такія сообщенія, которыя разсѣяваютъ во многомъ туманъ, окутывавшій историческія картины прошлаго, и превосходно выясняютъ личные характеры людей, имѣвшихъ на ходъ исторіи несравненно большее вліяніе, чѣмъ казуистическіе споры, въ которыхъ наша церковная мудрость два вѣка доказываетъ свою правоту заблужденнымъ и до сихъ поръ еще не вполнѣ искоренила ихъ заблужденія.

II.

Митрополитъ Макарій начинаетъ свой сказъ съ того, какъ умеръ въ Москвѣ престарѣлый патріархъ Іосифъ, который былъ вообще слабъ, а въ послѣдніе годы такъ опустился, что, опутанный московскими протопопами, смотрѣлъ только одно: какъ бы его не смѣнили съ патріаршества. Этого онъ очень боялся (Знаменскій, изд. 1870 года, стр. 297). Дѣлами управлялъ Никонъ, а самимъ патріархомъ свободно орудовали интриганы изъ бѣлаго московскаго духовенства: царскій духовникъ Вонифатьевъ и казанскій протопопъ Нероновъ,— „люди сильные при дворѣ" до того, „что могли оказывать покровительство даже кандидатамъ на епископство" (Знам., 294) [1]. Къ ихъ

---

[1]) Типъ этотъ не исчезъ и до сего дня, хотя нѣсколько видоизмѣнился при синодальныхъ порядкахъ. Таковыхъ протопоповъ острословы синодальной канцеляріи обыкновенно именуютъ крутопопами. Я имѣю въ своемъ распоряженіи копіи заискивающихъ писемъ, писанныхъ къ одному изъ такихъ крутопоповъ не только кандидатами, добивающимися епископства, но уже епископами, и всѣ они исполнены удивительнаго ласкательства и лести. Особенно драгоцѣнны въ этомъ родѣ письма викарныхъ архіереевъ, описывающихъ свои злостраданія отъ епарховъ и даже отъ ихъ келейниковъ. Не дерзая безпокоить особъ, кои сами имѣютъ власть епарховъ, викаріи открываютъ скорби и желанія сердецъ своихъ сильнымъ крутопопамъ и вѣроятно обрѣтаютъ у нихъ утѣшеніе и поддержку. Свести эти письма съ рѣчами о не-

кружку примыкали другіе протопопы, какъ-то: плѣняющій нашихъ романистовъ Аввакумъ, Даніилъ и Логгинъ. Всѣ они до избранія Никона на патріаршество были съ нимъ въ дружествѣ и коротко знали его крутой и неподатливый нравъ. Поэтому, когда со смертью Іосифа общая молва стала называть вѣроятнымъ преемникомъ ему Никона, именитые крутопопы сейчасъ же сложили союзъ противъ его назначенія и повели энергическую интригу, въ которой не останавливались ни передъ какими гнусными пріемами клеветы и предательствъ, составлявшихъ сильную родовую черту московскихъ политическихъ партій. Погубленіе Никона было рѣшено ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать что либо мнимо вредное. Никонъ еще не былъ патріархомъ и находился о ту пору въ Соловкахъ, куда ѣздилъ за мощами св. Филиппа, а „дома", въ Москвѣ, интриганами ему уже было заготовлено организованное противодѣйствіе, которое нуждалось только въ предлогѣ. Свое пагубническое дѣло въ старомосковскомъ духѣ крутопопы начинають съ молитвы, путемъ которой они заранѣе надѣялись войти въ блаженное собесѣдованіе съ Богомъ.

Лжедруги отсутствующаго Никона сначала „постились и молились цѣлую недѣлю", а потомъ подали челобитную, чтобы патріархомъ быть „царскому духовнику Вонифатьеву", а когда эта ихъ челобитная не подѣйствовала и опасность возвышенія Никона стала еще очевиднѣе, они пустились каверзить, и „явились первыми виновниками раскола"

Итакъ, основная причина церковнаго немирства была въ немирственномъ настроеніи немирственныхъ людей московской соборной аристократіи, т. е. тѣхъ крутопоповъ, которые любили властвовать и потому не желали имѣть патріархомъ умнаго и сильнаго характеромъ человѣка. Поводъ же къ тому, чтобы уронить Никона, вначалѣ пріискивался и былъ найденъ въ первомъ поступкѣ Никона, къ которому можно было придраться, чтобы перетолковать его въ дурную сторону и возбудить противъ него неразумную чернь и узкое благочестивство.

Пылкій Никонъ далъ такой поводъ извѣстною „памятью", посланною по церквамъ, чтобы при великопостной молитвѣ Ефрема Сирина „не творити метанія въ колѣна, но въ поясъ (вмѣсто 17 земныхъ поклоновъ класть только 4 земныхъ, а 13 въ поясъ). Этого было довольно. Интрига тотчасъ же заработала, обнаруживая чрезвычайное знаніе тусклости религіознаго міросозерцанія своей страны, гдѣ, по мѣткому опредѣленію славянофильскаго поэта:

достоинствѣ, произносимыми при „нареченіи", было бы очень интересно. Асхоченскимъ было сочинено такое „смиренное слово отреченія", въ коемъ „нареченный епископъ" отпрашивается отъ „непосильнаго ига своего ради недостоинства". Оно извѣстно очень многимъ и вѣроятно будетъ прочитано въ его дневникѣ.

Н. Л.

„Недостатка нѣтъ въ попахъ,
Но вѣры не видать отъ вѣка,—
Гдѣ Богъ въ однихъ лишь образахъ,
Не въ убѣжденьяхъ человѣка".

Немедленно пошли въ ходъ всевозможныя мелкія каверзы и придирки, съ пріосѣненіемъ себя крестнымъ знаменіемъ и съ широковѣщательными обращеніями къ ревности христіанъ, призываемыхъ защищать родную вѣру и благочестіе, изъ коихъ, какъ объ одномъ, такъ и о другомъ, имѣли самыя смутныя и во многомъ вовсе невѣрныя и прямо противорѣчащія христіанскому духу понятія. Но, хлопоча будто бы о чистотѣ и неприкосновенности вѣры въ Бога по откровенію того, кто „трости надломленной не преломилъ и льна курящагося не угасивъ", эти ратаи вѣры каверзили весьма живописно и даже выработали себѣ для того особый языкъ. Извѣстный Аввакумъ, узкій, но неугомонный фанатикъ, съ которымъ современные намъ историческіе романисты носятся какъ съ „тихою лампадою", заговорилъ, „яко зима хощетъ быти и у него сердце озябло и ноги задрожали", а другой, протопопъ Нероновъ,—эта крапчатая лань табуна, шарахнувшагося съ тѣмъ, чтобы перескочить ограду,—покинулъ храмъ и „скрылся въ палатку..." Тамъ неугомонный интриганъ началъ молиться во все свое удовольствіе,—творя „метанія" какъ ему хотѣлось, противъ никоновой „памяти". Темные благочестивцы сейчасъ же были оповѣщены о такомъ востеченіи крутопопа на подвигъ, а самъ подвижникъ взошелъ въ непосредственныя сношенія съ Богомъ. „Отъ образа ему гласъ бысть: время приспѣ страданію, — подобаетъ вамъ неослабно пострадати".

Это, разумѣется, немедленно разнеслось по всей благочестивой Москвѣ и производило свое полезное для интригановъ дѣло—сбивало имъ партію. Но они не дремали и съ такою же смѣлостію и энергіею дѣйствовали и въ другомъ направленіи,—по верху, какъ и по низу: они составили „выписки" о видѣніи Неронова и о переговорахъ его съ образомъ и послали тѣ выписки государю, но тутъ случилось чего они не ожидали. Алексѣй Михайловичъ ихъ выписки „скрылъ,—мнится, Никону отдалъ". Тишайшій царь, можетъ быть, затруднялся—какъ ему отнестись къ сказываемому церковному чуду, которое сталось помимо старшаго лица въ церковной іерархіи...

Тогда недоросшіе чиномъ интриганы обращаются къ другому, давно испытанному, домашнему средству, коимъ можно орудовать во всякомъ призваніи: они представляютъ Никона непочтительнымъ къ государю и опаснымъ для его царственной власти. Ябедствуютъ они опять съ своимъ букетомъ. Они доводятъ, будто Никонъ сказалъ:

— „Мнѣ царская помощь не нужна и не годна,—я на нее плюю и сморкаю".

Врали они все отъ начала до конца, или только нѣчто „подправили" въ этой дерзкой и глупой фразѣ, имѣющей какъ будто нем-

ножко наивно-каверзный и безстыжій пошибъ Аввакума, но про всякій случай они запаслись свидѣтелемъ высшаго освященнаго сана. Они сослались въ этомъ на митрополита Іону, который будто бы „хульныя слова“ Никона слышалъ, но митрополитъ вышелъ плохимъ соучастникомъ,—онъ одинъ разъ сказалъ: „было-де такъ“, т. е. будто Никонъ говорилъ, что онъ „на царскую помощь плюетъ и сморкаетъ“, а Нероновъ его будто за это укорялъ и воздерживалъ, но потомъ, вѣроятно сообразивъ, что св Никономъ нелегко тягаться, митрополитъ заперся и показалъ, что „Никонъ-де такихъ словъ не говорилъ“. Дѣло получило характеръ оговора и клеветы.

Гнѣвливый Никонъ, обнаруживъ противъ себя такіе низкіе и явно на пагубу его разсчитанные подходы, разсвирѣпѣлъ и сталъ расправляться съ интриганами сурово, въ духѣ своего времени. Нероновъ полетѣлъ на Кубенское озеро, а Аввакумъ—въ Даурію. Оба они при этомъ „сподобились пріять вѣнцы страданія“, которыя добыли довольными муками, особенно Аввакумъ: „той-бо и срачицу съ тѣлеси снявъ, въ алтарь ее чрезъ двери покину“ [1]). Придворный духовникъ, уклончивый Вонифатьевъ, уцѣлѣлъ, но когда черезъ него искали защиты у государя его бывшіе друзья Аввакумъ и Нероновъ, то придворный поступилъ по-придворному: онъ „всяко ослабѣлъ и челобитій ихъ государю не снесъ“. Вонифатьевъ—это въ своемъ родѣ особа того типа, представитель коего нынче часто именуется въ шутку „popa mitratus“,—но нынче отъ нихъ ничего серьезнаго не ждутъ и на нихъ ни въ чемъ не полагаются.

Вотъ нравы противниковъ Никона, какъ ихъ представляетъ въ этомъ любопытномъ очеркѣ митрополитъ Макарій. Очевидно, что сколь бы ни былъ жестокъ въ своихъ гнѣвныхъ увлеченіяхъ Никонъ—чего нашъ авторъ не отрицаетъ и даже не умаляетъ,—Никонъ все-таки несравненно честнѣе этихъ интригановъ и не оставляетъ мѣста для предпочтенія ихъ дѣятельности, исполненной коварства и вытекавшей изъ побужденій нечистыхъ и вопросамъ вѣры совершенно посторонникъ. Крутопопы всполошили церковь, оболгавъ передъ нею и человѣка, и Бога, который будто подговаривалъ ихъ бунтоваться за отмѣну „метаній“ и за намѣреніе пересмотрѣть перепорченныя книги... И все это только изъ того, чтобы имѣть **предлогъ** для начала открытой борьбы противъ Никона. Если бы Никонъ не затѣялъ пересмотра книгъ и не мѣшалъ интриганамъ метаться, какъ они прежде метались, то они, конечно, выискали бы другой предлогъ для открытія враждебнаго противъ него похода, потому что такой умный и въ то же время крутой и властный человѣкъ, какъ

---

[1]) Одинъ современный романистъ написалъ, будто протопопъ снялъ также съ себя въ церкви и „портишки“ и перебросилъ ихъ въ алтарь черезъ царскія двери, но собственно этой красоты Аввакумъ не сдѣлалъ и излишнее обнаженіе его срамоты надо отнести къ слишкомъ пылкой фантазіи романиста.

Н. Л.

Никонъ, былъ совершенно неудобенъ для церковныхъ интригановъ, стремившихся къ чисто земнымъ цѣлямъ небесными путями [1]).

Все дѣло шло не о томъ, чтобы отстоять мнимую старину, но о томъ, чтобы погубить Никона.

Митрополитъ Макарій, какъ рѣдкій знатокъ церковной литературы и всего, что касается обряда, ясно и убѣдительно доказываетъ, что Никонъ самъ былъ большой любитель настоящей старины и во всѣхъ своихъ „справкахъ" толковѣе всѣхъ заботился возстановить дѣло въ подобающемъ древнемъ стилѣ и характерѣ. Но что особенно интересно для характеристики Никона и для оцѣнки его умнаго взгляда на дѣло,—это то, что Никонъ не считалъ непозволительнымъ и вреднымъ держать и тотъ обрядъ, за который выступали борцами и страдальцами Нероновъ, Аввакумъ и ихъ сотоварищи. Тутъ высокопреосвященный Макарій рисуетъ такую трогательную картину, которая даетъ настоящему художнику матеріалъ несравненно большій и величественный, чѣмъ пестрядинные „портишки", спущенные романическимъ сочинителемъ съ раскольничьихъ лядвій узкаго фанатика Аввакума.

III.

Клеветы на Никона съ удаленіемъ Неронова и другихъ не только не унимаются, но онѣ множатся, ростутъ и ожесточаются въ своей дерзости. Запѣвалы усланы, но въ Москвѣ остались ихъ подголоски, и они распускаютъ слухъ, что Никонъ утопилъ епископа коломенскаго Павла, который просто сошелъ съума отъ Никоновой жестокости и пропалъ безъ вѣсти (полагаютъ—утонулъ). Съумасшествію никто не вѣритъ, и хотя приходили вѣсти, что Павелъ велъ себя нѣсколько странно, но это объясняли иначе. Епископъ не простой человѣкъ, онъ изъ другой глины слѣпленъ, ему нельзя сойти съума, а онъ Христа ради юродуетъ [2]). Это уже такое положеніе, исходящее, можетъ быть, изъ преувеличеннаго мнѣнія о подчиненіи природы

[1]) Міряне всему вторили; между ними находились такіе, которымъ неправилось, что въ „церквахъ людей учить стали, а прежъ сего людей въ церкви никогда не учивали, учивали ихъ втайнѣ". (Знам. 295). И достойно вниманія и удивленія, что такая нелѣпая, невѣжественная претензія не окончилась тѣмъ вѣкомъ, людьми котораго мы теперь занимаемся. Нѣтъ; прошло слишкомъ двѣсти лѣтъ—и въ наши дни, одновременно со многими заботами объ обращеніи Руси въ „глухую деревню", одинъ свѣтскій писатель съ общеизвѣстнымъ именемъ, два года тому назадъ объявилъ, что учительство нужно тайное, „старческое", а въ церкви ненужно учительство. „Намъ проповѣди и ненужно, писалъ онъ.—У насъ священникъ выйдетъ передъ царскія врата,—скажетъ: „Господи, Владыко живота моего",—и все сдѣлано"... Все сдѣлано,—пора ко дворамъ, „въ глухую деревню". Н. Л.

[2]) И въ этомъ опять мы не далеко ушли отъ тогдашняго времени. Черезъ нѣсколько лѣтъ, вѣроятно, станетъ извѣстно, что годъ тому назадъ у насъ былъ подобный же несчастный случай съ святителемъ, котораго тщательно прятали, чтобы только не сказать, что онъ сошелъ съума,—какъ будто въ этомъ есть что-то унижающее православную вѣру.

силамъ благодати, сообщаемымъ при хиротоніи. Рядомъ съ этою клеветою за Павла, на Никона въ неистощимомъ изобиліи сказываютъ ложныя чудеса—видѣнія, и наипаче голоса отъ иконъ. Медіумическія способности произведеній благочестивыхъ изографовъ обнаруживались однообразно, но въ количествѣ чрезвычайномъ, хотя, впрочемъ, не превышавшемъ силы невѣжественнаго легковѣрія. Заговорили и иконостасные „мѣстники", и малые образки верхнихъ таблов̀ъ, и разное домашнее „Божіе милосердіе", и во всѣхъ этихъ сношеніяхъ неба съ Москвою только и рѣчи было что про Никона, да про его беззаконія, противъ которыхъ добрые христіане призывались постоять и помужествовать до кровей за оскорбленную святость. Слышанія въ этомъ родѣ давались людямъ всякаго чина, какъ духовнаго, такъ и не духовнаго. Были откровенія которыя нисходили съ неба даже при посредствѣ какихъ-то „калужскихъ жонокъ". Въ народѣ разсказывали еще бо̀льшія чудеса, и патріархъ напрасно писалъ указы, что бы „таковымъ небылишнымъ вракамъ не вѣрили". (Знаменскій, 300). Невѣжество всегда склонно вѣрить „небылишнымъ вракамъ", а боговидцы и богослышатели, противъ коихъ шли эти указы, мстили Никону и слагали на патріарха самыя разнообразныя и самыя скандалезныя и оскорбительныя небывальщины. Партія росла, ширилась и, наконецъ, пріобрѣла людей, которые рѣшились обойти Никона иначе: они выручаютъ его врага Неронова изъ заточенія и постригаютъ его въ иночество надъ именемъ Григорія. Никонъ, понятно, лютуетъ и готовъ обуздывать своихъ недруговъ, но послѣднее, т. е. постриженіе Неронова, его особенно обидѣло, и тутъ въ немъ происходитъ большая внутренняя борьба, прелюбопытно передаваемая въ разсказѣ высокопреосвященнаго Макарія, дѣловитому перу котораго впрочемъ не дано той живой образности, какою владѣютъ Евг. Голубинскій, П. Знаменскій и Ф. Терновскій. Однако и въ сжатомъ до лѣтописной краткости повѣствованіи высокочтимаго митрополита московскаго Никонъ овладѣваетъ симпатіями умнаго и справедливаго читателя.

„Нероновъ, проживая на Кубенскомъ озерѣ, удобно пересылалъ свои письма въ Москву къ царю, царицѣ, царскому духовнику Вонифатьеву, и въ этихъ письмахъ постоянно хулилъ Никона, какъ врага Божія, и возставалъ противъ начатаго имъ исправленія церковныхъ обрядовъ". Никонъ ссылаѐтъ его далѣе, сажаетъ на цѣпь, лишаетъ чернилъ, но тотъ бѣжитъ и постригается въ иночество, непримиренный съ церковью. Значитъ, принимаетъ ея реформы, которыя и прежде считалъ нужными, пока не думалъ, что патріархомъ будетъ Никонъ. Соборъ предаетъ Неронова проклятію. Тутъ крапчатая лань поворачивается другимъ бокомъ и показываетъ иныя пѣжины. Нероновъ размышляетъ: „Кто я окаянный? Не хочу творити раздора", и 4-го января 1657 г. онъ пришелъ на патріаршій дворъ, сталъ у крестовой палаты и поклонился Никону, когда онъ шелъ къ Божественной литургіи. Никонъ спросилъ: „Что ты за старецъ"?

— „Я тотъ, отвѣчалъ Григорій (Нероновъ), кого ты ищешь,—казанскій протопопъ Іоаннъ, во иночествѣ Григорій“.

Никонъ пошелъ въ церковь, и Григорій, идя передъ нимъ, говорилъ:

— „Что ты одинъ ни затѣваешь, то дѣло не крѣпко; по тебѣ будетъ иной патріархъ—все твое дѣло передѣлывать станетъ: иная тогда тебѣ честь будетъ, святый владыко“.

Гнѣвливый патріархъ, котораго любятъ представлять безсердечнымъ и бездушнымъ звѣремъ, терпѣливо сноситъ это отъ „проклятого“, котораго ему ничего не стоило бы немедленно велѣть убрать; но онъ однако ничего подобнаго не дѣлаетъ.

„Никонъ вошелъ въ соборную церковь, а Григорій остановился на порогѣ церковномъ. По окончаніи литургіи, патріархъ велѣлъ Григорію идти за собою въ Крестовую. Здѣсь Григорій началъ говорить:

— „Ты, святитель, приказалъ искать меня по всему государству и многихъ изъ-за меня обложилъ муками... Вотъ я предъ тобою: что хочешь со мною дѣлать? Вселенскимъ патріархамъ я не противлюсь, а не покорялся тебѣ единому“, и далѣе въ этомъ же родѣ.

Никонъ ничего не отвѣчалъ, но молчалъ. Григорій продолжалъ:

— „Какая тебѣ честь, владыко святой, что всякому ты страшенъ и про тебя, грозя другъ другу, говорятъ: знаете ли, кто онъ,—звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ? Дивлюся,—государевой-царевой власти уже не слыхать, а отъ тебя всѣмъ страхъ и твои посланники страшны всѣмъ болѣе царевыхъ“.

Чего бы, кажется, опять надо было ожидать послѣ такихъ обличеній отъ Никона, если бы онъ былъ только таковъ, какъ его представляли давніе раскольники и нѣкоторые новѣйшіе писатели, переписывающіе въ свои произведенія житіе Аввакума и „Сказаніе объ отцѣхъ и страдальцахъ соловецкихъ“.

Конечно, надо было ожидать совсѣмъ не того, о чемъ сейчасъ услышимъ отъ нашего достовѣрнаго и безпристрастнаго автора.

IV.

Выслушавъ смѣлую рѣчь Григорія Неронова въ обличеніе жестости, Никонъ отвѣчалъ: „не могу, батюшка, терпѣть“. И затѣмъ, подавая Григорію челобитныя, которыя поданы были царю протопопами Аввакумомъ и Даніиломъ съ братіею, сказалъ: „возми, старецъ Григорій, и прочти“.

Кажется—просто и душевно, какъ нельзя болѣе. Слово Никона, очевидно, шло прямо отъ сердца и должно бы, кажется, прямо дойти къ другому сердцу. Почти невозможно думать иначе; какъ, въ самомъ дѣлѣ,—патріархъ, человѣкъ властный и могущественный, такъ покорно винится подначальному въ своей нетерпячей слабости; такъ

простодушно говоритъ: „не могу стерпѣть, батюшка“, и неужели же тотъ останется глухъ къ такому покаянію? Но, однако, это такъ именно и вышло: „батюшку“ патріаршее раскаяніе не трогаетъ, его сердце не откликается на миръ—ибо ему дорого не примиреніе, а продолженіе урекательствъ и споровъ, и онъ ихъ продолжаетъ.

Взявъ изъ рукъ Никона челобитныя своихъ друзей, Нероновъ „продолжалъ“ перечислять ему другія его вины, заключавшіяся въ томъ, что онъ измѣнилъ свои мнѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ и приблизилъ къ себѣ людей, которыхъ прежде осуждалъ. Неронову, повидимому, совсѣмъ непонятно, что мнѣнія можно перемѣнять неосужденно, если къ тому есть основанія, и онъ какъ будто не знаетъ, что, любя дѣло, можно ради его пользы сносить участіе способныхъ людей, хотя бы они были людьми несовсѣмъ пріятными. Но этого мало,—отецъ протопопъ обращается еще къ упорной и самой гадкой клеветѣ, для которой нѣмы всякія разувѣренія и резоны. Онъ коритъ Никона за Арсенія Грека, котораго патріархъ взялъ къ справкѣ книгъ, между тѣмъ какъ Неронову хочется считать этого ученаго монаха еретикомъ и даже басурманомъ. Протопопъ отлично знаетъ, что Арсеній былъ на искусѣ и на исправленіи въ Соловкахъ и тамъ „добре исправленъ“ самымъ педантическимъ образомъ, но Нероновъ все-таки досадительно тычетъ этимъ въ глаза патріарху. Такая наглость производится, конечно, съ тѣмъ, чтобы вывести гнѣвнаго патріарха изъ терпѣнія, но Никонъ его обманываетъ: сильный въ гнѣвѣ, онъ превозмогаетъ себя въ минуту добрую. Отселѣ мы его видимъ въ настроеніи, которое по истинѣ надо назвать умилительнымъ и прекраснымъ.

„Никонъ отвѣчалъ:—лгутъ на него, старецъ Григорій, то на него солгалъ по ненависти троицкій старецъ Арсеній Сухановъ, что въ Троицкомъ монастырѣ келарь“.

Но старецъ Григорій не умиляется смиренію патріарха, а шпилитъ его еще долѣе доводками отъ писанія, которыя, выходя изъ лицемѣрныхъ устъ, напоминаютъ о превращеніи семидала въ кровь свиную.

— „Добро было бы тебѣ, говоритъ Григорій,—подражать кроткому нашему учителю Спасу Христу, а не мученіемъ санъ держать. Смиренъ сердцемъ Христосъ, а ты очень сердитъ“.

Никонъ отвѣчаетъ: „прости, старецъ Григорій,—не могу терпѣть“.

Но Григорій еще все-таки „бесѣдуетъ въ этомъ же родѣ“ и потомъ попросилъ „указать ему мѣсто для жительства“.

Патріархъ сейчасъ же шлетъ на Троицкое подворье боярскаго сына, чтобы для Григорія очистили келью. Онъ заботливо устроиваетъ своего бывшаго врага, — несмотря на его немирныя гримасы, — устроиваетъ какъ искренняго и милаго друга—„чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался“. Мало этого, онъ даритъ его такимъ даромъ, какимъ рѣже всего дарили въ недовѣрчивой и подозрительной Москвѣ

людей даже ничѣмъ не проступившихся, а не только завѣдомыхъ клеветниковъ и интригановъ,—патріархъ Никонъ приказываетъ, „чтобы за нимъ (за Нероновымъ) не наблюдали, куда онъ будетъ ходить и кто къ нему будетъ приходить".

Радъ возвращенію Неронова и государь,—онъ торопитъ патріарха окончить съ разрѣшительными молитвами возвратившемуся. Все вокругъ протопопа такъ дружелюбно и привѣтно, что нельзя бы, кажется, не отмякнуть, но интриганъ только больше ярится отъ ласокъ.

Описаніе разрѣшительнаго обряда преинтересно:

„Въ слѣдующее воскресенье за литургіею Никонъ приказалъ ключарю ввести старца Григорія по заамвонной молитвѣ въ соборную церковь и вопросилъ:

— „Старецъ Григорій, пріобщаешься ли святѣй, соборной и апостольской церкви?"

— „Не знаю, что ты говоришь, отвѣчалъ Григорій,—я никогда не былъ отлученъ... Ты положилъ на меня клятву своею дерзостію, по своей страсти гнѣваясь на меня, какъ проклялъ и черниговскаго протопопа, и скуфью съ него снялъ".

Нероновъ, какъ видимъ,—и тутъ все сварится и вспоминаетъ старое и за себя, и за другихъ. Тутъ весь его мелочной, дрязгливый и въ эту минуту, прямо сказать,—гадостный характеръ, ни на мгновеніе не возвышающійся до великодушія надъ смягченнымъ и кающимся врагомъ. Столь же ясно и его сердце сухое и не внемлющее. Словомъ, это не только не христіанинъ, хотя онъ и бойко приводитъ тексты отъ писанія, но это и не человѣкъ, а честолюбецъ, интриганъ, и только въ наилучшемъ своемъ проявленіи какой-то злой крѣпышъ, котораго ничѣмъ не смаслишь, доколѣ онъ не сломаетъ врага въ конецъ и не увидитъ его въ прахѣ.

V.

Теперь сравните съ этимъ „страдальцемъ" близьстоящую возлѣ него фигуру угнетателя его—Никона.

Пока старецъ Григорій вмѣсто короткаго форменнаго отвѣта говоритъ патріарху при всемъ клирѣ обидныя укоризны, „Никонъ, ничего не отвѣчая, горько плакалъ и началъ читать разрѣшительныя молитвы".

Какіе бы ни были на Никонѣ грѣхи, но мы опять видимъ передъ собою характеръ живой и сердце, доступное добрымъ чувствамъ и впечатлѣніямъ. Онъ „горько плакалъ",—значитъ, это было глубоко, искренно и то, что съ нимъ творилось, шло не на одну минуту, а въ долготу дней. Это была святая внутренняя борьба, гдѣ грѣшникъ самъ становился не на своей сторонѣ, а на сторонѣ обидимыхъ. Въ душѣ и въ сердцѣ патріарха поднималось и клокотало все, для того

чтобы переплавиться на огнѣ плавильномъ и выйти инымъ. Удалось это ему или неудалось, но во всякомъ случаѣ—это моментъ чрезвычайно высокій и поразительный, — моментъ, остановясь на которомъ истинный поэтъ и художникъ могутъ создать произведеніе вдохновенное и вдохновляющее. Показать, на сколько кипучая и страстная натура Никона крупнѣе его враговъ—есть въ то же время прекрасная задача для всякаго писателя, уважающаго истину и способнаго различать между симпатіями, которыя въ насъ возбуждаютъ раскольники, какъ люди, обдѣленные правами свободы исповѣданія, и тѣми чувствами, какія способны вызывать въ душѣ идеалы раскола, имѣющіе чрезвычайно мало общаго съ идеаломъ сознательнаго христіанства.

Изучайте „мужей древняго благочестія" терпѣливо со стороны ихъ правилъ и характеровъ—и вы поймёте, что здѣсь о многомъ стóитъ жалѣть, но не о томъ, что церковь не застыла въ ихъ духѣ.

Старецъ Григорій тоже плакалъ, но онъ „плакалъ, пока читались надъ нимъ разрѣшительныя молитвы".

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что высокопреосвященный Макарій, мало заботящійся о художественной отдѣлкѣ своихъ произведеній, но всегда выражающійся точно и употребляющій слова въ самомъ ихъ надлежащемъ смыслѣ, поставилъ здѣсь слово „пока" не случайно. Григорій „плакалъ, пока читались надъ нимъ разрѣшительныя молитвы, и причастился св. даровъ изъ рукъ Никона", но сердце его и тутъ не смирилось: духъ Христовъ не снизошелъ къ нему вмѣстѣ съ принятыми имъ „тѣломъ и кровью". Старецъ не пустилъ Христа къ себѣ въ душу, не уготовилъ для него въ своемъ сердцѣ горницу убранную и постланную, а оставилъ тамъ прежній мусоръ и прежняго темнолицаго жильца, съ которымъ Христу нѣтъ общенія...

Никонъ въ тотъ же день „устроилъ у себя за радость мира трапезу, за которою посадилъ Григорія выше всѣхъ московскихъ протоповъ, а послѣ трапезы одарилъ Григорія и отпустилъ съ миромъ".

Но, можетъ быть, Нероновъ былъ такъ суровъ потому, что онъ носилъ не свои однѣ обиды въ сердцѣ, а помнилъ обиды, которыя Никонъ сдѣлалъ друзьямъ его, Неронова, до сихъ поръ страждущимъ въ заточеніяхъ?

Это, разумѣется, могло быть нѣкоторымъ извиненіемъ. Какая радость возможна при страданіи нашихъ друзей?.. Но, къ сожалѣнію, дѣло было не такъ: Неронову и на этотъ счетъ было все сдѣлано.

Григорій, „посѣщая Никона", попросилъ освободить „страждущихъ ради его", между коими были люди грубо и тяжело оскорблявшіе патріарха, и... Никонъ „тотчасъ послалъ грамоты, чтобы освободили всѣхъ ихъ, а Григорію отдалъ всѣ письма, какія тотъ писалъ на него, Никона, царю, къ протопопу Стефану и къ прочимъ духовнымъ братіямъ".

Честнѣе и рѣшительнѣе мириться, кажется, уже невозможно, но патріархъ, дѣлая такимъ образомъ еще одинъ шагъ далѣе того, чего проситъ Нероновъ, и на этомъ не останавливается,—онъ еще обнаруживаетъ прелестную деликатность. Наединѣ, у себя въ домѣ, возвращая Григорію писанныя имъ пасквили, Никонъ ему ничего не вспоминаетъ и не выговариваетъ,—даже не ставитъ на видъ, что „вотъ-де какъ я тебѣ вѣрю", а просто говоритъ:

— „Возми, старецъ Григорій, твои письма".

И ни слова болѣе!.. Ни о чемъ прошломъ,—ни о какомъ старомъ душевномъ мозолѣ ни малѣйшаго помина...

Сравните съ этимъ поступкомъ попреки старца Григорія во время чтенія ему патріархомъ разрѣшительныхъ молитвъ въ соборѣ и вы еще разъ будете имѣть передъ собою оба эти характера въ превосходномъ и ясномъ конкретѣ.

VI.

Представивъ сейчасъ изложенную сцену возвращенія Неронову его оскорбительныхъ писемъ, митрополитъ Макарій справедливо замѣчаетъ: „Никонъ очевидно желалъ искренно примириться съ Григоріемъ". Но замѣчаніе это, кажется, могло бы быть выражено даже гораздо сильнѣе, и это непремѣнно обошлось бы безъ всякаго ущерба исторической истинѣ. Напротивъ, усиленіе послужило бы къ болѣе яркому освѣщенію картины, соотвѣтствующему ея тону. Патріархъ не только „желалъ искренно примириться съ Григоріемъ", но онъ, очевидно, совершенно примирился съ нимъ съ образцовою христіанскою искренностью, которой, къ сожалѣнію, черствая натура самолюбиваго протопопа не была способна ни почувствовать, ни понять, ни оцѣнить.

Это умиленное раскаяніе гнѣвливаго и пылкаго, но вполнѣ доступнаго высокимъ побужденіямъ сердца Никона было „бисеромъ", брошеннымъ подъ ноги, способныя попрать что угодно...

„Григорій отвѣчалъ не такъ" патріарху: онъ свою мстительность и злобу не уставалъ проявлять противъ Никона не только послѣ того, когда личное неудовольствіе его на патріарха было уже достаточно искуплено симъ послѣднимъ, но даже когда Неронову разъяснилось, что и обще-церковной-то причины къ упрекамъ Никону за гонительство на попорченныя книги и поврежденные обряды не существуетъ.

Слѣдующее мѣсто важно какъ для историка, такъ и для церковнаго казуиста:

„Однажды Нероновъ сказалъ Никону: „иностранныя (греческія) власти нашихъ служебниковъ не хулятъ, но похваляютъ".

„И Никонъ отвѣчалъ: обои-де добры,—все равно, по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь".

— „Я старыхъ добрыхъ и держусь", сказалъ Григорій.

„Никонъ его благословилъ...

„Вотъ когда началось единовѣріе въ русской церкви!“ говоритъ высокопреосвященный Макарій, и конечно это вполнѣ справедливо, но мы не будемъ вдаваться въ то, что можетъ быть сказано противъ такого замѣчанія неуемными казуистами раскола, буквенный геній которыхъ ищетъ распри, а не истины. Возвратимся скорѣе опять къ лицамъ и картинамъ нравовъ, которые болѣе говорятъ уму и сердцу.

VII.

Успокоенный Никономъ въ томъ, что составляло предметъ церковныхъ пререканій, и получивъ патріаршее благословеніе „служить по коимъ хочешь книгамъ“, — Нероновъ, — будь онъ человѣкъ мирный и искренній, и желай онъ церкви спокойствія, а не отместки Никону,—конечно, долженъ бы объявить своей „братіи“, что дѣло разъяснилось и спорить больше не о чемъ;—что обряды и книги „обои-де добры“ и что патріархъ въ его лицѣ даже благословилъ служить „все равно, по коимъ кто хочетъ“.

Разумѣется, только такъ, а не иначе, долженъ бы поступить всякій человѣкъ доброй совѣсти, а тѣмъ паче христіанинъ и пастырь, обязанный дорожить спокойствіемъ церкви. Здѣсь самое присловіе, что „сказанное слово—серебро, а не сказанное—золото“, являлось несостоятельнымъ, ибо слово мира, способствующее водворить нарушенное спокойствіе, непремѣнно должно не замереть въ сомкнутыхъ устахъ, а идти въ міръ и принести плодъ свой. Умолчаніе въ подобномъ случаѣ являлось преступленіемъ, которое и совершилъ чествуемый старовѣрами старецъ, и совершилъ его съ весьма отягчающими его вину обстоятельствами.

Нероновъ не сдѣлалъ того, что долженъ былъ сдѣлать для мира церковнаго, а послужилъ продленію недоумѣнной распри именно потому, что „онъ не хотѣлъ помириться съ Никономъ и злобствовалъ на него“.

Такъ это выводитъ и объясняетъ митрополитъ Макарій (стр. 108), да и по всему ходу дѣла видно, что это иначе даже не можетъ быть объясняемо. А съ этой вѣрной и твердо установленной митрополитомъ Макаріемъ точки зрѣнія враждовавшіе противъ Никона протопопы заслуживаютъ строгаго осужденія и сами выходятъ ничто иное, какъ безпокойные честолюбцы, для которыхъ ничто не было дороже возможности верховодить плохонькимъ патріархомъ. Но они еще противнѣе, какъ жесткіе люди, не умѣвшіе расплатиться за дружбу искренно раскаявшагося Никона ничѣмъ, кромѣ предательской неблагодарности, съ которою продолжалъ до самаго конца свою интригу представитель ихъ, старецъ Григорій Нероновъ.

Съ нею и съ нимъ мы сейчасъ окончимъ.

VIII.

Обласканный Никономъ, Нероновъ затаился и, служа по какимъ хотѣлъ книгамъ, ждалъ благопотребна часа, да возложитъ руки своя на плеща своего довѣрчиваго врага. Злобный старецъ не спускалъ съ Никона глазъ и, конечно, чутко прислушивался ко всему, въ чемъ слышались отраженія колебаній придворныхъ стихій. Въ монастыряхъ вообще такая чуткость чрезвычайно развита даже до сего дня, но въ то тревожное и неустроенное время, когда газетъ не было, тутъ существовала превосходно организованная линія передачъ, и притокъ самыхъ живыхъ и самыхъ секретныхъ новостей двора прямо стремился къ вратамъ св. обителей. Иногда этотъ притокъ былъ такъ силенъ, что бурлилъ и бился у ограды, ища какою бы щелью пролиться внутрь. Главнѣйшіе вѣстовые органы были надежны и располагались не длинною цѣпью: царь говорилъ съ царицею; отъ царицы слова царскія становились извѣстны царевнамъ; отъ царевенъ тѣмъ изъ пѣвчихъ, которые обладали свойствами, доставлявшими имъ болѣе или менѣе короткое расположеніе царевенъ или случайныхъ дворскихъ женщинъ. Положеніе пѣвчихъ при дворѣ было весьма удобное, а сносъ вѣстей во святыя обители доставлялъ этимъ кавалерамъ доходы. Это были персонажи самые любопытные, и надо удивляться, что ни одинъ изъ нашихъ многочисленныхъ нынѣ историческихъ романистовъ не обратитъ на нихъ надлежащаго вниманія. Придворный пѣвчій — это едвали не интереснѣйшій, и притомъ художественный и вполнѣ законченный типъ, вполнѣ отражавшій дворскіе нравы именно съ той стороны, которой избѣгаетъ историкъ, но романистъ можетъ ее касаться съ большимъ удобствомъ. Пѣвчихъ иронически называли „усладителями" и нимало ихъ не уважали, но услугами ихъ дорожили и пользовались охотно,—черезъ что роль „усладителей" осложнялась, и помимо всякаго рода пріятствъ могла быть и очень выгодною.

Пѣвчіе, умѣвшіе снискать себѣ расположеніе сановитыхъ затворницъ терема, были гораздо въ высшемъ курсѣ, чѣмъ нынѣшніе наилучшіе оперные пѣвцы изъ итальянцевъ,—и это понятно, потому что роль итальянскихъ пѣвцовъ, по ихъ легкомысленной заносчивости и отчужденности отъ интересовъ внутренней политики нашего государства, гораздо проще, одностороннѣе и безъ сравненія ничтожнѣе, чѣмъ роль одареннаго пріятствами пѣвчаго до-петровской поры.

Приспособительность усладителей для того, сравнительно грубаго, вѣка достигала такой замѣчательной тонкости, что властелинъ иногда еще только собирался произнесть какое нибудь значительное слово, а догадливая молва уже перекатывала его мысли подъ сводами монастырскихъ келій и вскорѣ начинались слышанія и видѣнія, отвѣчавшія въ тонъ замысламъ властелина. Тутъ простодушному взгляду

многое въ самомъ дѣлѣ легко могло казаться удивительнымъ и даже чудеснымъ. Такъ оно дѣйствительно и казалось. Въ этомъ иные видѣли „пріуготовленіе царскаго пути" указаніемъ Всевышняго... Кощунство этой поры было такъ грубо и нагло, что его трудно себѣ представить при нашихъ нынѣшнихъ понятіяхъ, хотя послѣднія считаются самыми безвѣрными...

Въ такой атмосферѣ и болѣе или менѣе въ такой обстановкѣ жили и дѣйствовали и наши церковные интриганы временъ „тишайшаго царя" Алексѣя Михайловича, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если Нероновъ, сидя въ монастырѣ, зналъ все, что касалось повышенія или пониженія фондовъ Никона въ теремѣ. Обо всемъ извѣщаемый, онъ могъ хорошо соображать погоду, когда ему вновь поднимать парусъ на своей ладьѣ и выплывать въ море суетствій, гдѣ видѣлись его завѣтныя цѣли.

IX.

Въ день великомученицы Татьяны, 12-го января слѣдующаго уже 1658 года, царь и патріархъ были у всенощной въ соборной церкви; тутъ же былъ и старецъ Григорій. Когда Никонъ пошелъ въ алтарь, чтобы облачаться, государь, сошедши съ своего мѣста, приблизился къ Григорію и сказалъ:

— „Не удаляйся отъ насъ, старецъ Григорій".

Конечно, можно бы ожидать, что старецъ отвѣтитъ на эту просьбу лично о немъ самомъ, такъ какъ вопросъ только его и касался. Но это было не по его логикѣ.

Нероновъ, конечно, имѣлъ что нибудь на слуху о колебаніяхъ въ расположеніи государя къ Никону и дорожилъ этою секундою, а потому, вмѣсто почтительнаго отвѣта государю о неудаленіи своемъ, онъ проговорилъ въ слѣдъ уходившему въ алтарь патріарху:

— „Доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такого врага Божія? Смутилъ всю землю русскую и твою царскую честь попралъ—и уже твоей царской власти не слышать: отъ него, врага, всѣмъ страхъ".

„И государь, какъ бы устыдившись, скоро отошелъ отъ старца, ничего ему не сказавъ".

Почтенный исторіографъ не поясняетъ, чего именно „устыдился" Алексѣй Михайловичъ, и не дѣлаетъ указанія—откуда онъ взялъ это свѣдѣніе — (можетъ быть, изъ рукописей Шушерина). Между тѣмъ, для уясненія облика Алексѣя Михайловича не безразлично—„устыдился" ли онъ ради того, что допустилъ Никону „попрать царскую власть" и сдѣлать ее „неслышною", или, какъ хотѣлось бы думать, онъ устыдился безстыдныхъ словъ старца, сказанныхъ такъ не во-время и некстати,—въ храмѣ, предъ алтаремъ живаго Бога и при гробахъ святыхъ, которымъ въ эти самыя минуты предстоялъ и готовился служить тотъ, на кого ябедствовали уста старца.

Повторяемъ, хотѣлось бы думать, что государь „устыдился" за низость Неронова и, кажется, такъ будетъ вѣрнѣе, ибо иначе трудно изъяснить тотъ порывъ, съ которымъ государь, „ничего не сказавъ, скоро отошелъ отъ Неронова".

„Скоро" здѣсь, очевидно, стоитъ въ смыслѣ спѣшно, т. е. сразу поворотился и отошелъ. Движеніе, которое должно быть понятно каждому мало-мальски нравственно чистоплотному человѣку, какимъ, безъ сомнѣнія, былъ Алексѣй Михайловичъ. Это движеніе—бѣжать отъ подлости, которая тѣмъ отвратильнѣе и непереносиѣе, чѣмъ возвышеннѣе принципы, которыми она себя прикрываетъ. Нероновъ же ябедствовалъ, будто бы, стоя только за вѣру и за авторитетъ царской власти.

Вволю насмотрѣвшись на то, какъ мало значили для этого церковнаго интригана интересы вѣры, которыми онъ только маскировалъ свою личную злобу и вымещалъ досаду неудачнаго честолюбія, мы сейчасъ увидимъ, какъ онъ любилъ и чтилъ своего государя. Нашъ досточтимый авторъ даетъ намъ возможность заглянуть въ другой заповѣдный уголокъ души интригана, откуда тотъ вытаскивалъ на-показъ царю свою огнедышущую скорбь объ умаленіи его достоинства.

X.

Алексѣю Михайловичу иногда сродны были движенія сентиментальности, напоминающія отчасти того сказочнаго властелина, о которомъ повѣствуетъ Гофманъ. Тому хотѣлось, чтобы всѣмъ въ его королевствѣ было пріятно и чтобы всѣ стремились неустанно обнимать другъ друга. Это, если умѣстно взять примѣненіе изъ новѣйшей, художественной литературы, имѣетъ нѣчто „маниловское". Но какъ въ королевствѣ сказочнаго властелина нашлись и разбойники, съ которыми мирнымъ людямъ якшательство было очень неудобно, то послѣдніе просили убрать разбойниковъ, а это добраго короля очень огорчало: онъ хотѣлъ, чтобы всѣмъ было хорошо, а они не слушались. Въ этомъ онъ видѣлъ сопротивленіе и никакъ не могъ разобраться: кто его вреднѣйшіе противники и какъ опять всѣхъ свести къ дружбѣ и взаимной любви. Въ сказкѣ это забавно, но въ дѣйствительности крайне неудобно и ведетъ не къ торжеству добродѣтели. А такъ именно и было въ русской дѣйствительности. Государь Алексѣй Михайловичъ любилъ и уважалъ Никона и предоставилъ ему почести дотолѣ неслыханныя,—что̀ и давало врагамъ патріарха поводъ толковать объ „умаленіи царской власти",—но онъ чувствовалъ расположеніе и къ Неронову, и къ Вонифатьеву, и даже къ Аввакуму и къ другимъ недругамъ патріарха, которыхъ нечего было и думать помирить съ Никономъ, такъ какъ у нихъ была одна забота—погубить его, или, по крайней мѣрѣ, лишить всякаго значенія и захватить его власть въ свои руки. Такихъ людей соединить невозможно, но царю Алексѣю Михайловичу

все неутолимо манулось соединить ихъ въ великое братское общеніе, которому умилялась бы его душа. Желаемость и возможность осуществленія у него часто смѣшивались и обнаруживающаяся между ними дисгармонія его огорчала. Но зато, когда самъ Никонъ поступался въ своей суровости и поступался настолько, что первый шелъ навстрѣчу къ своему врагу и не только открывалъ ему объятія, но еще приговаривалъ: „прости, старецъ",—тогда легко представить, какое это было для „тишайшаго царя" удовольствіе!.. Онъ такъ долго самъ склонялъ Никона къ примиренію и торопилъ его поскорѣе возстановить Неронова въ союзѣ съ церковью, но когда Никонъ, „за радость мира", пошелъ даже дальше того, на что можно было надѣяться, то это уже сдѣлало Алексѣю Михайловичу настоящія именины сердца. Государь, утѣшенный радостью въ его самомъ излюбленномъ родѣ, несовладѣлъ съ собою и подошелъ къ Неронову въ церкви, конечно, съ сердцемъ, переполненнымъ восторгомъ миролюбія. Конечно, въ это время онъ былъ радъ реставраціи Неронова и благодарилъ Никона за дарованіе ему возможности теперь обоихъ ихъ обнимать въ его любящей душѣ. Этого нельзя было не понять и этимъ не тронуться. Слова Алексѣя Михайловича: „не удаляйся отъ насъ" и сейчасъ еще волнуютъ и трогаютъ... Надо было имѣть дрянное сердце, чтобы на такія душевныя и такія теплыя слова отвѣчать чѣмъ нибудь, кромѣ готовности утѣшить государя въ его добромъ желаніи, и старецъ Григорій обнаружилъ именно такую дрянность. Съ несомнѣнною цѣлію досадить государю, котораго онъ будто бы любилъ и ревниво заботился о неограниченности его власти, кичливый старикъ начинаетъ ломаться.

„По окончаніи службы, Григорій сказалъ: Время мнѣ, владыко, въ пустынь отъити".

Это одно, что онъ съумѣлъ надумать, стоя на молитвѣ послѣ ласковой просьбы государя:

„И патріархъ отпустилъ его, давъ довольную милостыню", которую старецъ, конечно, принялъ.

Въ пустыню Неронова, разумѣется, ничто не тянуло, да и жить тамъ онъ, какъ сейчасъ увидимъ, не хотѣлъ, но „время отъити" приспѣло именно потому, чтобы сдѣлать что нибудь на зло государю, и при этомъ, конечно, подвести подъ непріятное мнѣніе Никона, который отпускаетъ и награждаетъ Григорія, ничего рѣшительно о его шепотничествѣ царю не подозрѣвая.

Предполагать—не испугался ли Григорій того, что государь „ничего ему не отвѣтилъ и скоро отошелъ", значило бы предполагать невозможное. Алексѣй Михайловичъ, по мѣткому опредѣленію Евг. Голубинскаго („Ист. Р. Церкви" т. I. 703), рѣзче всѣхъ отличался отъ князей норманскаго рыцарственнаго типа тѣмъ, что ему „былъ присущъ только духъ смиренной молитвы и монашескихъ помысловъ",—а потому смириться въ подобномъ положеніи было болѣе въ его вкусѣ, чѣмъ разгнѣваться.

XI.

Оказавъ грубость ласкѣ своего государя, старецъ Григорій, „черезъ нѣсколько времени“, въ томъ же 1658 году, опять возвращается въ Москву, опять беретъ у Никона благословеніе и снова ходитъ къ нему каждый день въ Крестовую, но въ душѣ онъ все тотъ же строптивикъ. До Никона доводятъ вѣсть, что старецъ Григорій „сжегъ новый служебникъ“. Въ доносѣ заключалось преувеличеніе: на самомъ дѣлѣ старецъ только разсуждалъ съ Ртищевымъ, что „слѣдуетъ сжечь новый служебникъ“, но пока это разъяснилось, по обычаямъ времени и страны, были уже сдѣланы аресты. Григорій отправился къ патріарху, „бывшему за всенощной въ соборной церкви“, и какъ только дѣло объяснилось, Никонъ немедленно „приказалъ освободить всѣхъ взятыхъ и на другой день послалъ къ Григорію отъ себя столъ, довольно пищи и питія, чтобы угостить невинно пострадавшихъ“.

Григорій могъ отразить только одно обвиненіе, что онъ не жегъ новаго служебника, но не отражалъ разговора о томъ, что его, „слѣдуетъ сжечь“. Это, конечно, совсѣмъ не то, что говорилъ Никонъ, — „обои добры“, и Никонъ, не поражая придирчивостью, могъ бы поставить Неронову на видъ такую разницу въ ихъ поведеніи, но онъ настойчиво предпочитаетъ быть великодушнымъ, — онъ просто выпускаетъ арестованныхъ и посылаетъ имъ „довольно пищи и питія“.

Зато такъ же настойчиво продолжаетъ свое дѣло и Нероновъ, и притомъ все съ возрастающею наглостію. Онъ устроиваетъ патріарху открытый скандалъ въ церкви: „21 января 1658 года, за всенощной въ Успенскомъ соборѣ, Никонъ приказалъ троить аллилуію, но Григорій сталъ тутъ же укорять Никона“ и ставить ему на видъ книгу Евфросина. А когда патріархъ назвалъ эту завѣдомо ложную книгу „ложною“, то Григорій „умолилъ успенскаго протопопа съ братіею, чтобы аллилуіи не троили, и тѣ послушали старца, а патріархъ ничего имъ не замѣчалъ“.

Нероновъ не только самъ упротивничаетъ, но онъ подбиваетъ къ тому же противъ патріарха весь клиръ:

„Во всѣ дни старецъ приходилъ въ церковь и аллилуія говорили по-дважды, а патріархъ во всѣ дни посылалъ столы старцу и, отпуская его въ пустыню, далъ ему довольную милостыню“.

Такъ они простились въ послѣдній разъ: въ маѣ Нероновъ былъ въ своей пустынѣ, а 10 іюля Никонъ оставилъ патріаршую каѳедру.

Теперь, когда мы видѣли эти характеры въ эпизодѣ интереснѣйшемъ и вырисовывающемъ ихъ обоихъ очень ярко, становится совершенно ясно, что не никоновы „пересмотры и справки“ были поводомъ къ церковной распрѣ, создавшей расколъ, а дрянное направленіе въ восхваляемомъ безусловными любителями старины духовенствѣ, которое не содержало духа Христова, и въ этомъ отчуж-

деніи отъ того, что есть въ христіанствѣ самаго главнаго и существеннаго, воспитывало немирные характеры, подобные Неронову и его сподвижникамъ.

Такая постановка и освѣщеніе вопроса намъ кажутся вполнѣ вѣрными и благотворными, ибо въ нихъ человѣкъ, незаглушившій въ себѣ способности любить и уважать истину, непремѣнно долженъ понять, что расколъ есть дѣло церковныхъ интригановъ и честолюбцевъ, съ искательствами которыхъ не имѣетъ ничего общаго евангельская истина, отъ которой только міръ и вправѣ ждать „дней прохлады и свободы". (Іоан. 832).

Отсюда понятно, какъ желательно и какъ достойно идей просвѣщеннаго вѣка, чтобы разсмотрѣнныя историческія изысканія митрополита Макарія послужили на пользу и тѣмъ представителямъ нашей литературы, которые, подчиняясь добрымъ сердечнымъ побужденіямъ, увлекаются въ своихъ сужденіяхъ о расколѣ. Конечно, вполнѣ понятно, что литература соболѣзнуетъ страданіямъ людей, до сихъ поръ еще претерпѣвающихъ стѣсненія въ святѣйшемъ человѣческомъ чувствѣ—въ свободѣ религіозной совѣсти. Иначе это не можетъ быть и не будетъ, и въ этомъ отношеніи всѣ усилія литературы, много сдѣлавшей для того, чтобы расположить умы и сердце соотечественниковъ къ мягкости и уваженію религіозной свободы каждаго,—достойны самаго глубокаго почтенія и всяческой похвалы. Но настроивать умы такъ, чтобы людямъ представлялся идеалъ христіанской вѣры въ старовѣріи,—это уже есть ошибка и вредное заблужденіе [1]).

Всякое лучшее разумѣніе и въ томъ счету и лучшее религіозное понятіе—конечно находятся впереди, а не позади нашего времени, когда люди не могли „носити слышанныхъ ими глаголовъ любви Христовой, и творили себѣ боговъ отъ камени и древа".—Къ лучшему богопознанію ведетъ духъ Христовъ, въ которомъ есть всеобъемлющая

---

[1]) Увлеченія въ этомъ родѣ шли такъ далеко и съ такимъ вредомъ для историческаго дѣла, что, напримѣръ, авторъ одного новѣйшаго историческаго романа изъ разсматриваемой нами эпохи,—человѣкъ несомнѣнно независимыхъ убѣжденій,—снявъ „портишки" съ Аввакума, совсѣмъ въ нихъ запутался и проглядѣлъ не только то, на что указываетъ въ Никонѣ высокопреосвященный Макарій, но и то, что надо бы знать безъ его указаній. Въ этомъ обширномъ романѣ, напримѣръ, не получило художественнаго воспроизведенія живое и полное интереса сотоварищество ученыхъ людей, группировавшихся въ „учительномъ Андреевскомъ монастырѣ" у Ѳедора Ртищева. Неужто люди этого „ученаго братства", которые, „поучившись грамматикѣ становились ученѣе своего отца духовнаго и начинали небрежно отзываться о такихъ столпахъ, какъ Нероновъ и Ванифатьевъ" (Знамен. 297), не представляли собою любопытныхъ типовъ и характеровъ, которые могутъ сильно интересовать читателя и пояснять событія, созданныя не ученіями, а людьми, дѣйствовавшими подъ вліяніемъ личной обиды, какъ Нероновъ (Зн. 299), или подъ бременемъ темнаго невѣжества, какъ масса, вѣровавшая не уму и добродѣтелямъ, а тѣмъ (Зн. 300), „кто гласи отъ образовъ слышалъ, кто исцѣлялъ болѣзни, кто изгонялъ бѣсовъ". Тутъ, конечно, были характеры и драматическія положенія, достойные художественнаго творчества не менѣе, чѣмъ Аввакумъ и иже съ нимъ. Н.

любовь и освободительная истина, а онъ еще все раскрывается и уясняется. Буквенный же геній раскола далекъ отъ этого безмѣрно, и съ движеніемъ религіозныхъ идей въ духѣ христіанской свободы онъ отстаетъ еще все далѣе и далѣе,—онъ окаменѣлъ въ своей неподвижности, онъ не можетъ шевельнуть своими крыльями не потому, что имъ мѣшаетъ „облакъ стѣсненія", а потому что они отягчены солію хитросплетённыхъ словесъ.

Такая косность не можетъ быть предметомъ сочувствія христіанскаго чувства, а слѣдовательно и литературы, но она конечно должна быть предметомъ ихъ сострадания.

XII.

Въ книгѣ митрополита Макарія, кромѣ нами указаннаго и помимо многихъ другихъ очень любопытныхъ вещей, читатель найдетъ еще интересно изложенную исторію съ исправленіемъ Арсенія Грека, при чемъ московская типическая каверза и волокита являются во всемъ ихъ досадительномъ и возмутительномъ видѣ. Есть и другіе любопытные эпизоды, изъ коихъ, впрочемъ, въ изложеніи одного чувствуется значительная недомолвка, нѣсколько непонятная въ такомъ обстоятельномъ писателѣ, какъ высокопреосвященный Макарій. Для полноты и ясности нашего отчета отмѣтимъ это и попробуемъ недостающее къ сказанію восполнить.

На 17-й стр. высокопреосвященный Макарій упоминаетъ о константинопольскомъ патріархѣ Аѳанасіи, „одномъ изъ высшихъ святителей Востока", который прибылъ въ Москву 16-го апрѣля 1653 года и оказалъ здѣсь поддержку Никону. Патріархъ Аѳанасій былъ человѣкъ очень замѣчательный, какъ по своимъ характернымъ качествамъ, такъ и по превратностямъ своей судьбы, и по особенностямъ его посмертнаго значенія. Онъ былъ, что называется, несчастливъ въ жизни; счастье его точно только дразнило и едва святитель его касался, какъ оно снова отъ него убѣгало, но въ концѣ концовъ шаткое его положеніе при жизни превосходно установилось послѣ его кончины.

Высокопреосвященный Макарій отмѣчаетъ, что Аѳанасій „три раза восходилъ на патріаршій престолъ, но оставался на немъ въ первый разъ только сорокъ дней, во второй около года, и въ третій разъ только пятнадцать дней". Передъ пріѣздомъ къ намъ „онъ проживалъ въ волошской землѣ, гдѣ имѣлъ въ управленіи монастырь",— очевидно, очень бѣдный, потому что, когда патріархъ пріѣхалъ въ Москву „съ многочисленною свитою", у него не было съ собою даже порядочнаго облаченія. Все около него было лишено великолѣпія и его приняли не важно,—даже самъ государь Алексѣй Михайловичъ, которому „былъ присущъ только духъ смиренной молитвы и монашескихъ помысловъ", отнесся къ святителю Аѳанасію немножко свысока,—

онъ „принялъ его не съ такою торжественностію, какъ іерусалимскаго патріарха", имѣвшаго каѳедру. Алексѣй Михайловичъ принялъ Аѳанасія „не въ царскомъ одѣяніи, не въ золотой палатѣ, и не на престолѣ, а въ обыкновенномъ платьѣ и въ столовой избѣ".

Но Аѳанасій былъ въ такой захудалости, что этимъ пріемомъ не обидѣлся и, предпочитая почести пользѣ, умѣлъ достичь полезнаго, твердо вѣруя, что затѣмъ своею чредою придетъ и время почестей. Аѳанасій въ этомъ и не ошибся: онъ „билъ челомъ государю и поднесъ ему образъ, деревянный крестъ, мощи евангелиста Матѳея, св. мvро и сказалъ рѣчь. Царь позвалъ его къ рукѣ", и съ сихъ поръ начинается ему „жалованье", списокъ котораго довольно длиненъ, а способы полученія онаго не лишены интереса. Разсказъ высокопреосвященнаго Макарія, страдающій неполнотою въ отношеніи загробныхъ судебъ патріарха Аѳанасія, представляетъ довольно много, чтобы судить, какъ негорделивъ былъ Аѳанасій и сколько ему это принесло. Сначала Аѳанасію даютъ (1) серебряный кубокъ съ золоченою крышкою, (2) два сорока соболей и (3) денегъ сто рублей. Кромѣ того ему отпускаютъ на подворье (4) „яства и питіе", разумѣется, со всею его „многочисленною свитою". Получивъ, что можно было на первыхъ норахъ въ Москвѣ, Аѳанасій съ разрѣшенія государя „со всею свитою" идетъ на поклоненіе въ Троицкую лавру и тамъ получаетъ (5) дары, въ подробности не перечисленные. Въ томъ же самомъ мѣсяцѣ онъ попадаетъ въ крестный ходъ, и тутъ, „лично указывая государю на свои обветшавшія святительскія одежды, просилъ пожаловать ему новыя, и государь приказалъ выдать ему (6) на омофоръ, саккосъ и митру двѣсти рублей". Это было въ іюнѣ, а въ августѣ онъ опять выслужилъ себѣ (7) „кубокъ въ сорокъ двѣ гривенки, (8) сорокъ соболей и (9) восемнадцать рублей. Въ октябрѣ, собираясь домой, Аѳанасій „подалъ челобитную, чтобы государь пожаловалъ ему грамоту, по которой иноки его галацкаго монастыря могли бы приходить въ Москву за милостынею ежегодно, пока онъ, Аѳанасій, живъ будетъ", (10) и въ томъ же октябрѣ получилъ еще отъ царицы и царевенъ 1.200 р. соболями (11), а въ ноябрѣ ему всего этого показалось мало и онъ „выпросилъ у государя себѣ на панагію и для монастыря на иконы 50 руб. (12). Послѣ этого Аѳанасій съ свитою 13-го декабря пошли откланиваться государю и имъ это опять принесло 2.000 рублей (13); но прежде чѣмъ выѣхать, онъ подалъ царю еще одну грамоту, въ которой „благодарилъ его за милости и выражалъ передъ нимъ опять еще новыя нужды".

Такое частое и неотступное попрошайство по-истинѣ могло показаться даже и для тогдашняго времени докучнымъ сверхъ мѣры, но Аѳанасій за то льстилъ и государю, и Никону. Высокопреосвященный Макарій приводитъ посланіе Аѳанасія изъ Малороссіи, гдѣ онъ задержался ради нарочитыхъ причинъ. Аѳанасій пишетъ Алексѣю Михайловичу, что его „царская премногая милость какъ солнце сіяетъ во всю все-

ленную; ты, государь, нынѣ учинился всѣмъ православнымъ христіанамъ, а святѣйшій Никонъ глава церкви и исправленіе православныя христіанскія вѣры... Только тебя, великій государь, мы имѣемъ столпъ и утвержденіе вѣры, а святѣйшему Никону освящать соборную апостольскую церковь Софіи премудрости Божіей (въ Константинополѣ)".

Человѣкъ, говорившій такимъ языкомъ, какъ бы онъ ни казался надоѣдливъ,—долженъ былъ „найти у сердца уголокъ", особенно у сердца такого государя, какъ Алексѣй Михайловичъ, которому хотѣлось быть столпомъ вѣры, и у такого іерарха, какъ Никонъ, которому призваніе святить византійскую Софію было очень заманчиво. А что призваніе освятить обезчещенную мусульманами византійскую св. Софію насъ, русскихъ, миновать не можетъ,—въ томъ въ тогдашнее время увѣренныхъ было болѣе, чѣмъ нынче. Болѣе — потому, что тогда вѣрили въ это и греки, которые теперь отъ такого чаянія отложились.

Но захудалый патріархъ всѣмъ, что мы разсказали, не ограничилъ свои просьбицы; онъ выпросилъ у Алексѣя Михайловича еще нѣчто такое, передъ чѣмъ пришлось бы остановиться, какъ передъ дѣйствіемъ крайне соблазнительнымъ съ православной точки зрѣнія, если бы посмертная судьба Аѳанасія, о которой ничего не сказано у митрополита Макарія, не сдѣлала такое сужденіе неумѣстнымъ.

XIII.

Прося у Алексѣя Михайловича дозволенія ежегодно присылать въ Москву монаховъ за милостынею, патріархъ Аѳанасій писалъ еще: „да вели, государь, мнѣ же, богомольцу твоему, напечатать на своемъ дворѣ 500 разрѣшительныхъ грамотъ, потому, что какъ я ѣхалъ къ тебѣ въ Москву черезъ войско запорожскихъ казаковъ, въ то, государь, время приходили ко мнѣ на исповѣдь многіе черкасы и по обычаю своему просили у меня разрѣшительныхъ грамотъ, и мнѣ не кого было послать въ Кіевъ для напечатанія ихъ (только за тѣмъ дѣло остановилось). А какъ я, богомолецъ твой, поѣду изъ Москвы назадъ, тѣ казаки опять учнутъ у меня разрѣшительныхъ грамотъ просить, а иные вновь на исповѣдь приходить будутъ. Царь-государь, смилуйся пожалуй". Алексѣй Михайловичъ „пожаловалъ": просьба Аѳанасія „была уважена". Просьбу эту было бы мало назвать смутительной,—она, повидимому, просто невозможная и даже крайне оскорбительная для православія, въ которомъ и патріархъ Аѳанасій, и Никонъ, и самъ государь Алексѣй Михайловичъ, были не только знатоки, но и „столпы".

Дѣло въ томъ, что эти „разрѣшительныя грамоты" были ничто иное, какъ отпустительныя индульгенціи, которыя, по свидѣтельству

Крижанича, „патріархъ Аѳанасій продавалъ на Руси“, т. е. совершалъ дѣло, за которое мы строго порицаемъ римское духовенство: Объ исповѣди патріархъ разсказывалъ государю напрасно,—при торговлѣ индульгенціями у него дѣло обходилось совсѣмъ безъ исповѣди. Стало быть, это ни въ какомъ случаѣ не былъ родъ свидѣтельствъ въ полученіи отпущенія грѣховъ посредствомъ таинства покаянія, а чисто-на-чисто индульгенціи, и притомъ индульгенціи, продаваемыя съ торга, а не за предложенную цѣну. Въ нихъ „разрѣшали ото всѣхъ грѣховъ, не упоминая ни слова объ исповѣди и покаяніи“. Но высокопреосвященный Макарій справедливо не желаетъ, чтобы патріархъ Аѳанасій считался единственнымъ продавцомъ отпустительныхъ индульгенцій, и замѣчаетъ, что „и другіе патріархи, приходившіе къ намъ съ Востока прежде и послѣ Аѳанасія, а по примѣру ихъ иногда и митрополиты греческіе, точно также раздавали отъ себя разрѣшительныя грамоты въ Малороссіи и Россіи людямъ всѣхъ званій, даже лицамъ царскаго семейства, и православные русскіе съ вѣрою и благодарностью пріобрѣтали себѣ такія грамоты. (Не даромъ, значитъ, Груберъ и другіе іезуиты считали нашихъ предковъ склонными къ католическому культу, несмотря на то, что они пренебрегали католичествомъ и ругались ему). Но нѣкоторые изъ стороннихъ этимъ соблазнялись“.

„Сторонними“, конечно, надо считать людей чужестранныхъ, какъ сербъ Крижаничъ, католическій священникъ, который въ свое время былъ трактуемъ въ Москвѣ чѣмъ-то—если можно такъ выразиться—въ родѣ церковнаго нигилиста. Онъ соблазнялся индульгенціями и сожалѣлъ „бѣдныхъ людей, которые берегутъ эти грамоты, какъ великое сокровище и завѣщаютъ класть съ собою во гробъ“.

Крыжаничъ же оставилъ и чинокъ, который православные греки скампановали для передачи приносившихъ хорошій доходъ индульгенцій, чѣмъ опять несомнѣнно доказывается, что грамоткамъ этимъ придавалось значеніе благодатное. Крижаничъ пишетъ: „я видѣлъ одного митрополита, который всюду, бывало, куда ни придетъ къ знатному человѣку, прежде всего спроситъ его: не хочетъ ли онъ имѣть разрѣшеніе отъ грѣховъ? Тотъ выражаетъ желаніе и митрополитъ, освятивъ воду въ домѣ этого человѣка, кропитъ его самого и все его семейство; потомъ кладетъ руки и книгу на голову хозяина и читаетъ надъ нимъ длинное и подробнѣйшее отпущеніе грѣховъ, безъ всякой передъ тѣмъ исповѣди“...

Все это производилось, разумѣется, въ высшей степени чинно, благоговѣйно и серьезно, и было выгодно продавцамъ и пріятно покупателямъ индульгенцій, а потому критика такихъ вещей естественно должна была неправиться всѣмъ и, конечно, много помогла привмѣненію всѣхъ винъ, собранныхъ на Крижанича, который за то и получилъ мзду свою въ снѣгахъ Сибири. Тотъ же продавецъ индульгенцій, судьба котораго насъ теперь достойно занимаетъ, т. е. патріархъ

Аѳанасій, не довезъ собранныхъ имъ съ большою докукою денегъ, соболей и прочаго въ свою волошскую землю, а скончался въ Малороссіи, гдѣ онъ нашелъ привѣтъ у гетмана Хмельницкаго и, сѣвъ въ Лубенскомъ монастырѣ, началъ помѣщать въ частныя руки полученныя имъ отъ царя Алексѣя Михайловича пятьсотъ бланковъ индульгенцій. Но едва ли всѣ эти бланки были имъ надписаны и распроданы, потому что святѣйшій Аѳанасій, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ, 5-го апрѣля, въ Лубнахъ, скончался.

Высокопреосвященный Макарій далѣе въ изображеніи судьбы этого человѣка не идетъ, а между тѣмъ исторія патріарха Аѳанасія смертью не окончилась, но тутъ-то именно получила новое и притомъ самое неожиданное направленіе.

XIV.

Патріархъ Аанѳасій опочилъ сидя и не былъ схороненъ, какъ принято хоронить всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ. О погребеніи его есть свѣдѣнія въ X-мъ томѣ актовъ южной Россіи. Вскорѣ же было замѣчено и удостовѣрено, что тѣло его, покоящееся въ сидячемъ положеніи, пребываетъ нетлѣнно, что, какъ извѣстно, составляетъ нѣкоторый признакъ святости. А вскорѣ затѣмъ явился и другой признакъ, свидѣтельствовавшій о томъ же: стали замѣчать, что сидящій покойникъ источаетъ чудеса, — особенно исцѣленія, за которыми въ Лубенскій-мчарскій монастырь начали стекаться вѣрующіе, принося свои посильные вклады по усердію. Монастырь сталъ быстро поправляться явнымъ заступленіемъ угодника Божія, котораго иноки св. обители и окрестные міряне стали называть святымъ, подъ именемъ „Аѳанасія сѣдящаго", а съ 1663 года уже и память его празднуется, по благословенію митрополита кіевскаго (собственно чигиринскаго) Іосифа Тукальскаго. Сначала святость Аѳанасія сѣдящаго признавалась достовѣрнымъ и явленнымъ фактомъ въ одной Малороссіи, но съ теченіемъ времени—трудно указать, въ какіе именно годы,—сему поревновала и Великая Россія, и съ тѣхъ поръ уваженіе къ Аѳанасію сѣдящему утвердилось по всей Великороссіи, но описанія его житія съ описаніемъ его святости, за которую онъ удостоенъ нетлѣнія и дара чудесъ, очень долго не было. Вѣра благочестивыхъ поклонниковъ не нуждалась въ подробномъ изложеніи жизни новоявленнаго святого и почти два столѣтія обходилась съ одними устными разсказами, которые слагались на основаніи данныхъ, намъ неизвѣстныхъ. Болѣе же всего къ мощамъ Аѳанасія влекло ихъ необычайное „сидячее" положеніе, которое необыкновенно интересовало богомольцевъ, а для пропаганды дѣла употреблялись „образки", на которыхъ изображалась нѣсколько странная фигура, похожая на человѣка, сидящаго въ коротенькомъ сундукѣ или ларцѣ (скрынькѣ). Это и былъ Аѳанасій сѣдящій. Образки

его продавали въ Кіевѣ, но впрочемъ не на всякомъ мѣстѣ владычества мѣстной епархіальной власти, а только на Подолѣ, подъ деревцами, окружавшими домъ кіево-лубенскаго инспекторства аптекарской части. Тутъ только можно было получать странный образокъ сидящихъ мощей, но однако превратность судьбы и тутъ не разставалась съ св. Аѳанасіемъ: инспекторство было упразднено и образковъ Аѳанасія не гдѣ стало продавать, а епархіальныя власти Кіева, гдѣ много своихъ мощей, о лубенскомъ угодникѣ, кажется, не сильно заботились. Но что̀ упущено было властями духовными, то исправилъ „вѣрующій міранинъ". Такой титулъ, нынѣ присвояемый нѣсколькимъ лицамъ,—тогда былъ присвоенъ впервые одному Андрею Николаевичу Муравьеву, помимо котораго всѣ остальные міряне Россіи, во всемъ ихъ преизобильномъ числѣ, привмѣнились къ невѣрію. „Вѣрующій мірянинъ" радѣлъ объ истинной вѣрѣ и, не будучи „призванъ" къ управленію дѣлами церкви, „добровольцемъ" исправилъ въ свою жизнь бездну упущеній въ „вѣдомствѣ православнаго исповѣданія". Дѣйствуя „добровольцемъ", или партизаномъ, онъ усвоилъ себѣ особенную партизанскую отвагу, которую обремененные его докукою бѣльцы и чернецы прозвали „Андреева непобѣдимая дерзость". Эта „непобѣдимая дерзость" давала Андрею Николаевичу возможность совершать manu intrepidae такія смѣлыя дѣла, за которыя кромѣ его никто не дерзалъ взяться. Какъ неутомимый писатель, имѣвшій въ дарованіяхъ и умѣ много общаго съ кн. Владиміромъ Мещерскимъ, Муравьевъ постоянно писалъ о вѣрѣ, но при особыхъ событіяхъ усугублялъ рвеніе. Такъ, въ 1863 году, въ разгаръ „нечесанаго нигилизма", Муравьевымъ было выпущено нѣсколько брошюръ, направленныхъ къ тому, чтобы остановить бурный потокъ невѣрія и спасти истинное народное благочестіе, и въ числѣ этихъ произведеній вдругъ появилось сочиненое имъ житіе св. Аѳанасія сѣдящаго, лубенскаго чудотворца. Оно должно было служить большему прославленію угодника и вообще поднятію религіознаго чувства въ народѣ, но нигилистическая партія этой попытки перваго „вѣрующаго мірянина", кажется, вовсе не замѣтила, а духовная литература прошла его молчаніемъ, какъ будто не рѣшаясь закрѣпить за нимъ того значенія, какое придавалъ ему авторъ, или, можетъ быть, наши духовные писатели просто не смѣли критиковать сочиненіе человѣка, обладавшаго „непобѣдимою дерзостію". Такъ оно и прошло не оцѣненнымъ по достоинству и какъ-то столь невѣроятно быстро исчезло изъ обращенія, что въ Петербургѣ сочиненное Муравьевымъ житіе св. Аѳанасія, лубенскаго чудотворца, въ продажѣ давно не существуетъ и считается библіографической рѣдкостью.

Высокопреосвященному Макарію, который въ своемъ историческомъ трудѣ коснулся нѣкоторыхъ подвиговъ преподобнаго Аѳанасія, кажется, слѣдовало бы упомянуть о прославленіи этого святителя, какъ святаго угодника Божія и чудотворца. Недостатокъ упоминанія объ этомъ грозитъ двойною опасностію,—во-первыхъ, наша литературная

критика, весьма мало знакомая съ произведеніями того рода, къ которому принадлежитъ житіе лубенскаго чудотворца, написанное Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, можетъ отнестись къ лицу Аѳанасія критически и, пожалуй, станетъ указывать въ характерѣ святаго что либо мало совмѣстимое съ свойствами святости, — межъ тѣмъ какъ святость преподобнаго Аѳанасія уже признана церковью. И хотя это можетъ случиться безъ всякаго злого умысла и вовсе не по невѣрію, а единственно по недостатку свѣдѣній—однако это всетаки можетъ быть поставлено на счетъ дурному и вредному направленію свѣтской литературы, которой и въ самомъ дѣлѣ лучше не критиковать лицо, поставленное небомъ и непререкаемымъ церковнымъ сознаніемъ выше критики. А во-вторыхъ, когда критика пожелаетъ оправить свою неосторожность, она должна будетъ объяснить причину, черезъ которую дозволила себѣ поступокъ, возбраняемый русскимъ благочестіемъ, то люди, дорожащіе сочиненіями Андрея Муравьева болѣе, чѣмъ сочиненіями высокопреосвященнаго Макарія, изрекутъ по старинѣ: „и то тебѣ, владыко, вина".

Опасаясь такихъ нежеланныхъ послѣдствій, мы дѣлаемъ это замѣчаніе къ высоко нами цѣнимому историческому труду уважаемаго автора, съ твердою надеждою, что его это ни мало не обидитъ, такъ какъ онъ, конечно, знаетъ, что всякую исторію дѣлаютъ люди, а имъ, по справедливому замѣчанію Шера, всегда есть окота „завести исторію изъ-за исторіи".

Несчастная наклонность эта не оставляетъ въ сторонѣ и нашу церковно-историческую науку, значеніе которой до сихъ поръ еще не оцѣнено по достоинству, между тѣмъ какъ у насъ ея значеніе сугубо важно. Исторія русская не только въ ея прошломъ крѣпко сцѣплена съ исторіею церкви, но она еще и теперь чувствуетъ вліяніе людей, стремящихся поставить всестороннюю жизнь государственнаго организма въ зависимость отъ церковныхъ взглядовъ. Если для какой нибудь Швейцаріи не составляетъ уже вопроса: возможно ли дружное единеніе въ государственномъ смыслѣ подданныхъ, придерживающихся разныхъ церковныхъ мнѣній, то у насъ этотъ вопросъ еще стоитъ нерѣшеннымъ, или даже рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Въ этомъ, конечно, слѣдуетъ видѣть несомнѣнную особенность нашей современной жизни и вѣрнѣйшій признакъ нашей глубокой отсталости въ пониманіи интересовъ вѣры и пользы государственной. А потому, событія нашей церковной исторіи и особенно нравы и характеры людей, вліяющихъ на эти событія, достойны всего нашего вниманія. Тотъ, кто, желая знать исторію Россіи и понять причины нынѣшняго несчастнаго настроенія умовъ, надѣется достичь этого безъ внимательнаго изученія нашей церковной исторіи, — тотъ ничего ясно себѣ не уяснитъ и останется въ вѣчно досаждающемъ и раздражающемъ состояніи, вращаясь сѣмо и овамо. Этого, къ сожалѣнію, не избѣгаютъ даже люди той фракціи, которая по преимуществу присвоила себѣ наименованіе народной партіи. Разгла-

гольствуя о томъ, какъ судитъ будто бы народъ о „правовыхъ порядкахъ“, о коихъ народъ никакъ не судитъ, ибо никакихъ „правовыхъ порядковъ“ не понимаетъ, — народники не видятъ серьезныхъ явленій, гдѣ народъ дѣлаетъ исторію своего самосознанія, въ самыхъ важныхъ и существеннѣйшихъ вопросахъ, доступныхъ высшимъ сторонамъ его духа. Есть нѣчто необъяснимое и даже, можетъ быть, роковое, что люди этой партіи, присвоющіе себѣ исключительное право на изъясненіе народнаго міровозрѣнія, допускаютъ такую ложь, что влагаютъ въ уста простолюдина слово „господчина“, котораго никто близко къ народу стоящій отъ простолюдиновъ не слыхалъ, а между тѣмъ не окинуть взоромъ интереснѣйшаго умственнаго движенія въ области вѣры, хотя бы, напримѣръ, за тотъ періодъ, когда предки нынѣшнихъ людей рѣшили почтить святость Аѳанасія сидящаго, а ихъ нынѣшніе потомки надѣются угождать Богу живучи по одному „завѣту евангельскому“. Если взять одинъ этотъ періодъ отъ патріарха Никона до пастора Николая Рибке, имя котораго нельзя будетъ вычеркнуть изъ новѣйшей церковной исторіи, какъ насадителя „штунды“, то картина возраста народнаго сознанія въ этой самой высшей сферѣ проявленія его духу будетъ громадна и поразительна. И она не выразитъ ни застоя, ни наклонности къ нигилизму, въ видахъ противодѣйствія которому писалъ житіе св. Аѳанасія „непобѣдимо дерзновенный“ Муравьевъ.

Въ состояніи полной косности и застоя окажутся только одни старовѣры, которые такъ нравятся нѣкоторымъ писателямъ. Старовѣры какъ въ 1663, такъ и въ 1882 году, не ходятъ въ Лубны прикладываться къ колѣнямъ „Аѳанасія сѣдящаго“ единственно по той причинѣ, что „онъ крестился треми персты“. Въ двѣсти лѣтъ ни что другое ихъ не коснулось, и еще Богъ вѣсть сколько лѣтъ не коснется.

Ошибочность большихъ симпатій расколу несомнѣнна и она станетъ очевидна для всякаго, кто захочетъ знать истину безъ предвзятыхъ мнѣній. А этому всего болѣе способствуетъ знакомство съ русской церковной исторіей, которая въ наше время стала излагаться живо, интересно и правдиво. Такое благотворное направленіе дано ей только въ наши дни, почитаемые временемъ упадка литературы и науки, и дано группою терпѣливыхъ и талантливыхъ писателей, во главѣ которыхъ будущій правдивый историкъ литературы, конечно, поставитъ высокопочтенное имя митрополита Макарія. Онъ не только началъ и продолжаетъ въ союзѣ съ строгою правдою свой безцѣнный историческій трудъ, но онъ же вызвалъ, онъ создалъ себѣ даровитыхъ послѣдователей и даже, какъ извѣстно, оказывалъ прозорливѣйшему изъ нихъ существенную поддержку даже послѣ обнаружившагося между ними разногласія. Это свойственно только истинному любителю просвѣщенія, ставящему интересы науки выше всякихъ соображеній ревниваго самолюбія, отличающаго посредственность.

Николай Лѣсковъ.

ОДИНЪ ИЗЪ НЕМНОГИХЪ.

Подпись, выставленная въ заголовкѣ нашего очерка, являлась не разъ подъ анонимными статьями двухъ-трехъ писателей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Она нѣсколько самолюбива и притязательна: желанія не походить на „многихъ" еще недостаточно, чтобы выдвинуться изъ массы, стать особнякомъ среди дѣятелей литературы, или, вообще, на любомъ поприщѣ служенія своей родинѣ. Но встрѣчаются имена, которыя все общество безспорно и съ глубокимъ уваженіемъ причисляетъ къ разряду „немногихъ" и однимъ изъ нихъ является свѣтлое имя Александра Иларіоновича Васильчикова, одного изъ первыхъ русскихъ публицистовъ, высоко талантливаго изслѣдователя устройства народнаго быта и существенныхъ вопросовъ соціальной организаціи. Вслѣдъ за его преждевременной кончиной, „Историческій Вѣстникъ" представилъ уже краткій очеркъ его дѣятельности и значенія (см. „Ист. Вѣст., томъ VI, стр. 798) преимущественно по отношенію къ двумъ капитальнымъ произведеніямъ покойнаго. Но Васильчиковъ изучилъ не только русское самоуправленіе и землевладѣніе, онъ изслѣдовалъ вопросы и народнаго образованія, и административнаго устройства, и многихъ отраслей гражданскаго и общественнаго быта. Указаніе на то, что сдѣлалъ онъ въ этомъ отношеніи, посильная оцѣнка его заслугъ, характеристика его, какъ писателя и гражданина—послужитъ предметомъ настоящей статьи. Всѣ необходимые для того данныя и матерьялы мы найдемъ въ замѣчательномъ біографическомъ очеркѣ— „Князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ", составленномъ весьма подробно и тщательно А. В. Голубевымъ, авторомъ многихъ добросовѣстныхъ монографій и сборниковъ. Взявъ въ основаніе этюдъ

г. Голубева, мы постараемся представить въ этомъ очеркѣ глубоко симпатичную, но такъ мало еще оцѣненную у насъ личность Васильчикова.

И прежде всего: отчего такъ мало цѣнило его общество? Въ 1876 году, произнося по поводу смерти Ю. Ф. Самарина прочувствованную рѣчь, Васильчиковъ заключилъ ее слѣдующими словами: „нельзя не пожалѣть—не о покойномъ Самаринѣ: онъ исполнилъ честно передъ русской землей свой христіанскій и человѣческій долгъ, — но надо пожалѣть о томъ обществѣ, гдѣ не находитъ себѣ мѣста и голоса такой человѣкъ, какъ Юрій Самаринъ". Слова эти вполнѣ примѣнимы и къ сказавшему ихъ—прибавляетъ г. Голубевъ, и находитъ, совершенно справедливо, что положеніе русской общественной жизни ненормально, что она не заключаетъ въ себѣ необходимаго условія для развитія въ ней выдающихся общественныхъ дѣятелей, людей мысли, что „постоянный страхъ за личную безопасность"—и можно бы прибавить: постоянныя заботы о личныхъ выгодахъ,—уступили мѣсто общественнымъ идеаламъ, что въ литературѣ существуютъ противорѣчивые взгляды на самыя элементарныя понятія о гражданскомъ устройствѣ, какъ, напримѣръ, о томъ, „будто государство можетъ провести что либо существенное въ область экономическихъ реформъ, не сдѣлавъ соотвѣтствующихъ улучшеній въ другихъ сферахъ. „Дѣйствительно, общество наше не будетъ понимать и цѣнить своихъ честныхъ дѣятелей, пока не установитъ въ лицѣ своихъ представителей—органовъ печати правильнаго и однообразнаго взгляда, по крайней мѣрѣ, на главныя требованія общественнаго мнѣнія, на основныя условія развитія общественной дѣятельности. Тяжело читать въ нашей періодической прессѣ эти безконечные споры о западничествѣ и славянофильствѣ, о правовомъ порядкѣ и лжелиберализмѣ, объ интелигенціи и буржуазіи, о народной политикѣ и національномъ достоинствѣ, споры, въ которыхъ прежде всего забывается достоинство человѣка и писателя. И большею частью споры эти идутъ только о словахъ, а не о дѣлѣ, или, лучше сказать, за спорами забывается самое дѣло, которое могло бы быть такъ плодотворно, если бы творилось единодушно, упорно, постоянно. Теперь враги всякаго общественнаго почина говорятъ о его представителяхъ: „они сами не знаютъ, чего хотятъ, ни о чемъ не сговорились, у нихъ сколько головъ, столько и умовъ. Какъ же можно уважать ихъ мнѣніе, если своя же братія—писатели забрасываютъ грязью не только эти мнѣнія, но и тѣхъ, кто ихъ высказалъ". Передъ нами примѣръ писателя, положившаго всю душу въ свои произведенія, старающагося разъяснить, отчего страдаетъ нашъ народъ, найти средство облегчить его страданія; богатый землевладѣлецъ, аристократъ, высказывается противъ крупнаго землевладѣнія и аристократіи, создаетъ капитальное изслѣдованіе, доказывающее глубокое знаніе, гуманныя, прогресивныя идеи,—кажется, оставалось бы только удивляться такому чело-

вѣку,—и между тѣмъ либеральнѣйшіе журналы осмѣиваютъ не идеи автора, а его личность, издается даже отдѣльное сочиненіе, въ которомъ трудъ его называется „княжескою забавою, побрякушками, опернымъ маскарадомъ". Правда, сочиненіе это было встрѣчено заслуженными упреками, но тѣмъ не менѣе въ исторіи остался фактъ осмѣянія человѣка, „посвятившаго себя безпристрастному изслѣдованію общественнаго быта въ самыхъ насущныхъ его потребностяхъ, честно указывавшаго, вопреки сословнымъ интересамъ, не подавившимъ въ немъ совѣсти гражданина, на гибельныя язвы общества и честно совѣтовавшаго изцѣлять ихъ". И хотя въ послѣднее время стали отдавать полную справедливость его трудамъ и усиліямъ, онъ все-таки умеръ не вполнѣ оцѣненный большинствомъ нашего общества. Г. Голубевъ надѣется, что на смѣну ему придутъ болѣе сильные и многочисленные дѣятели. „Довольно могилъ, довольно смертей!" говоритъ авторъ въ заключеніи біографическаго очерка князя Васильчикова,— „да живетъ все живое, честное и гуманное, искренно, не льстиво любящее русскій народъ, но да будетъ и вѣчная память всѣмъ тѣмъ, кто работалъ на народную пользу, какъ умѣлъ, и сколько могъ". Эта-то память и должна быть достояніемъ Васильчикова еще болѣе потому, что, не раздѣляя надеждъ г. Голубева, мы не видимъ, какъ это ни прискорбно, ни въ старѣющемъ, ни въ развивающемся поколѣніи никого, кто бы могъ не только замѣнить, но просто напомнить своими трудами покойнаго писателя-гражданина.

Какимъ образомъ могъ сформироваться такой цѣльный, выдержанный характеръ „среди нашего соннаго, невѣжественнаго, апатичнаго общества, среди аристократіи, прозябающей внѣшнею и искусственною жизнью гостиныхъ, праздно сорящей свои тысячи", — какъ говоритъ авторъ, уже цитированный нами. Г. Голубевъ сообщаетъ очень мало свѣдѣній о первыхъ порахъ воспитанія и образованія Васильчикова, почти ничего о его отцѣ и ни одного слова о его матери. А между тѣмъ вліяніе первыхъ годовъ дѣтства, первыхъ лицъ, окружающихъ ребенка, въ которомъ начинаетъ развиваться сознаніе — оставляетъ впечатлѣніе часто на всю жизнь человѣка. Отецъ Александра Илларіоновича считался совершеннымъ типомъ кавалерійскаго генерала. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ 1812—1814 годовъ и, въ бытность въ Версалѣ, сформировалъ новый гвардейскій Конно-егерскій полкъ, шефомъ котораго былъ назначенъ; потомъ онъ пять лѣтъ командовалъ гвардіею. Въ царствованіе Николая I, когда чинъ генерала давалъ возможность всякому стать во главѣ учрежденій, требовавшихъ повидимому спеціальныхъ знаній, Васильчиковъ былъ сдѣланъ предсѣдателемъ департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ и пожалованъ графомъ. Черезъ восемь лѣтъ, въ 1839 году, онъ былъ уже княземъ и предсѣдателемъ всего совѣта. Г. Голубевъ говоритъ только, что старикъ Васильчиковъ былъ человѣкъ весьма строгій, стараго закала и не мѣшалъ сыновьямъ самимъ

выбирать родъ дѣятельности. Александръ Илларіоновичъ, въ 1835 г., поступилъ въ петербургскій университетъ на 17-мъ году. Это было время „нѣкотораго переворота и въ настроеніи правительства“. Къ высшимъ должностямъ призывались люди съ высшимъ образованіемъ, съ либеральными традиціями: Жуковскій, Сперанскій, Дашковъ, Блудовъ, Киселевъ, Уваровъ. Бенкендорфы, Клейнмихели, Чернышевы, Дубельты, Орловы еще не имѣли той власти, какую пріобрѣли впослѣдствіи. Во время пребыванія Васильчикова въ университетѣ, смерть Пушкина произвела на него сильное впечатлѣніе, какъ на всю молодежь. „Это былъ первый случай моей жизни,— говорилъ онъ впослѣдствіи,—что я услыхалъ ту фальшивую ноту, которая потомъ почти постоянно поражала мой слухъ, именно: что мнѣніе высшаго петербургскаго общества шло въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, съ воззрѣніемъ и сужденіемъ всѣхъ образованныхъ людей“. Въ то же время и о студенчествѣ онъ высказывалъ самыя вѣрныя понятія: „Опасаются, что организація студенческихъ обществъ подстрекнетъ ихъ къ демонстраціямъ. Но открытыя и признанныя общества менѣе опасны, чѣмъ тайныя сходки. Изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее: въ молодыхъ людяхъ, слушающихъ курсъ высшихъ наукъ, всегда будетъ проявляться стремленіе къ идеаламъ и къ ихъ реализаціи. Это неизбѣжно и неотвратимо“.

Изъ университета Васильчиковъ вышелъ кандидатомъ юридическаго факультета и не чувствовалъ желанія поступить ни въ гражданскую, ни въ военную службу. Правительство не терпѣло, чтобы молодые люди, особенно знатныхъ фамилій, оставались не у дѣлъ— и кандидатъ правъ долженъ былъ отправиться на Кавказъ, для введенія тамъ новаго административнаго устройства, въ свитѣ барона Гана. Насажденіе гражданственности въ краѣ, гдѣ въ то время грабили горцы, а не чиновники, кончилось ничѣмъ, такъ же какъ и всѣ подобныя попытки, но только нѣсколько раньше—и уже въ 1841 году всѣмъ сотрудникамъ Гана данъ былъ отпускъ. Только-что сблизившійся съ поручикомъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовымъ, Васильчиковъ въ этомъ же году долженъ былъ принять на себя званіе секунданта въ дуэли поэта съ маіоромъ Мартыновымъ и, такимъ образомъ, былъ невольнымъ устроителемъ гибели поэта. Васильчиковъ впрочемъ всегда сознавалъ, что причиною дуэли былъ самъ Лермонтовъ. За участіе въ ней онъ не подвергся никакому наказанію, во вниманіе къ заслугамъ его отца и за эти же заслуги былъ сдѣланъ церемоніймейстеромъ при дворѣ. Вернувшись въ Петербургъ, новый придворный былъ вскорѣ же заподозрѣнъ въ свободомысліи — преступленіи, хотя часто и неуловимомъ, но тѣмъ не менѣе нетерпимомъ, особенно въ то время. Николай I призвалъ къ себѣ виновнаго и далъ ему строгій выговоръ за сужденія въ обществѣ, нерекомендующія молодого человѣка, причемъ совѣтовалъ ему „перемѣниться“. Васильчиковъ откровенно заявилъ императору, что не признаетъ за собой

никакой вины, но услышалъ энергичное повтореніе слова: „перемѣнись!“.

Необходимо было перемѣниться, и онъ поступилъ въ 1845 году на службу во II Отдѣленіе Собственной Канцеляріи, но очень скоро „почувствовалъ всю ничтожность канцелярской и придворной службы“ и съ того же времени началъ стремиться въ провинцію, чтобы ближе узнать бытъ народа. Выбранный предводителемъ дворянства Новгородской губерніи, онъ заявилъ желаніе уѣхать въ провинцію. Прямой начальникъ его, графъ Блудовъ, отказался даже доложить государю объ этой просьбѣ, „такъ какъ образъ мыслей князя не вполнѣ благонамѣренъ, о чемъ извѣстно и императору, да и вообще на сословныхъ представителей смотрятъ съ подозрѣніемъ“. Только ходатайству министра двора князь обязанъ тѣмъ, что ему разрѣшили уѣхать въ Новгородъ. Поселившись тамъ, онъ на первыхъ же порахъ нашелъ странныя злоупотребленія. „По обязанности предводителя,—говоритъ онъ,—я производилъ о распутномъ поведеніи помѣщиковъ нѣсколько дѣлъ, сопровождавшихся самыми отвратительными преступленіями, и къ стыду нашего времени долженъ признаться, что рѣдко находилъ возможность обвинить преступника. Какъ только дѣло доходило до спроса свидѣтелей, или повальнаго обыска, мнѣ возражали, что показанія крестьянъ противъ господъ не принимаются, а дворяне отзывались невѣдѣніемъ или даже одобряли поведеніе того же самаго барина, котораго никто не пускалъ къ себѣ въ домъ, обзывая мерзавцемъ и подлецомъ“. Другой фактъ, приводимый Васильчиковымъ, еще ужаснѣе, хотя нисколько не исключительный и не единичный. Въ 1851 году, около 300 крестьянъ, отпущенныхъ на волю по завѣщанію и долгое время жившихъ свободными, были снова закрѣпощены наслѣдниками завѣщателя. Крестьяне протестовали—и протестъ ихъ назвали бунтомъ. Губернское начальство „требовало примѣрнаго наказанія бунтовщиковъ — и оно дѣйствительно было примѣрное. Десять дней ихъ усмиряли всякими средствами, добиваясь отъ нихъ повинной, что они будутъ жить за помѣщикомъ, но повинной не добились“. Поэтому, заковавъ пятнадцать человѣкъ, увели ихъ подъ прикрытіемъ цѣлой роты прямо въ Сибирь.

Что долженъ былъ дѣлать „свидѣтель этихъ дикихъ, нечеловѣческихъ жестокостей, почти поголовнаго взяточничества и нравственнаго растлѣнія“? Уйти отъ этихъ безобразій, „пропасть въ какой нибудь отчаянной схваткѣ“, или облегчать сколько можно крѣпостной гнетъ, хоть въ предѣлахъ своего имѣнія, „выжидая окончанія мрачнаго періода нашей исторіи“. Васильчиковъ рѣшился быть свидѣтелемъ тяжелой русской дѣйствительности, утѣшая себя сознаніемъ, что развязка должна непремѣнно послѣдовать. Но и свидѣтелемъ ему пришлось быть не долго. Противъ него начались интриги; искорененіе имъ всякаго рода безобразій громко осуждалось. На второе трехлѣтіе онъ уже самъ не захотѣлъ балотироваться въ предводители. Дѣя-

тельность его нашла новый исходъ. Въ Крымскую войну онъ вступилъ въ ряды ополченія. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ, доблестнымъ защитникомъ Севастополя, Викторомъ Иларіоновичемъ, Васильчиковъ былъ убѣжденъ, что „неудачи войны служили предостереженіемъ, чтобы мы, русскіе, не зазнались окончательно, взглянули серьезно на внутреннія наши неурядицы и подумали о врачеваніи своихъ недуговъ".

Наступило новое царствованіе, при сознаніи лучшей части общества, что „долѣе такъ жить нельзя". Черезъ шесть лѣтъ поднялась заря возрожденія Россіи, а еще черезъ четыре года Васильчиковъ сдѣлался новгородскимъ гласнымъ. Говоря о введеніи крестьянской реформы, г. Голубевъ, по примѣру другихъ историковъ этой эпохи, утверждаетъ, что дворянство раздѣлялось на двѣ враждебныя группы: одна стояла за крестьянскіе надѣлы и самоуправленіе, другая за священныя права собственности, за вотчинную власть, за обезземеленіе. Послѣ недавнихъ изслѣдованій этой реформы и въ особенности послѣ записокъ Я. А. Соловьева, пора бы признать преобладаніе только одной послѣдней группы крѣпостниковъ, а противниковъ ея считать не десятками, а единицами. Не даромъ же на замѣчаніе Соловьева, что даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ за широкое рѣшеніе крестьянскаго вопроса стоялъ только одинъ государь — онъ самъ написалъ: „совершенно справедливо". Сторонники его идей считались исключеніемъ очень рѣдкимъ, и присоединялись къ нимъ медленно и неохотно. Доказательствомъ этому служитъ то, что тотчасъ же за введеніемъ реформы началась и реакція противъ нея. Почти всѣ вѣдомства и учрежденія стали тормозить ея развитіе и стѣснять каждый шагъ только что возникшаго земства. Въ концѣ первой сессіи новгородскаго земства, открывшагося въ мартѣ 1856 года, Васильчиковъ уже долженъ былъ заявлять въ своей рѣчи о преградахъ, какія встрѣтила земская дѣятельность: „Передъ нами открывается безконечно длинный рядъ ходатайствъ, представленій, просьбъ, проектовъ. Мы ходатайствуемъ о возвращеніи намъ собственныхъ нашихъ денегъ, безспорно намъ принадлежащихъ, ходатайствуемъ о сокращеніи такихъ расходовъ, которые единогласно признаны излишними и, несмотря на это, остаются для насъ обязательными. Наконецъ, ходатайствуемъ, чтобы законъ былъ признанъ закономъ и чтобы положеніе о земствѣ, утвержденное государемъ, не было истолковываемо отдѣльными вѣдомствами вопреки его смыслу и духу... Мы должны, однако, смиренно сознаться, что на всѣ наши ходатайства до сихъ поръ слышимъ только одинъ краснорѣчивый отвѣтъ—молчаніе".

Въ этихъ немногихъ словахъ одного изъ лучшихъ земскихъ дѣятелей — вся исторія нашего земства, начиная отъ его учрежденія вплоть до нашего времени, съ тою только разницею, что иногда на ходатайство, чтобы законъ былъ закономъ, вмѣсто молчанія администрація отвѣчала категорическимъ отказомъ. И послѣ этого нѣкоторые

наивные органы нашей журналистики посвящають обширныя статьи глубокомысленнымъ изслѣдованіямъ: отчего это земство у насъ не развивается?.. Теперь на этотъ вопросъ отвѣчаютъ, что положеніе о земствѣ требуетъ серьезнаго пересмотра, но семнадцать лѣтъ тому назадъ Васильчикову напомнили, что онъ самъ принадлежитъ къ администраціи, числясь, хотя и номинально, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Слѣдствіемъ этого напоминанія было то, что онъ окончательно оставилъ службу. Будь на его мѣстѣ, замѣчаетъ г. Голубевъ, человѣкъ безъ „особаго положенія" — общество вовсе лишилось бы своего лучшаго дѣятеля, а самъ дѣятель — всѣхъ средствъ существованія, не существующихъ даже и въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ.

Въ то же время Васильчиковъ участвовалъ и въ одной изъ безчисленныхъ комиссій по изысканію мѣръ для уменьшенія пьянства. Въ комиссіи этой читались какія-то записки чиновниковъ, отвергавшія самый фактъ распространенія пьянства, доказывавшія, что ограниченіе числа питейныхъ заведеній не можетъ быть принято, потому что стѣснило бы казенные интересы. Комиссія, разумѣется, кончилась ничѣмъ, какъ бо́льшая часть комиссій, нерѣдко для того собирающихся, чтобы не рѣшить, а отложить вопросъ, вслѣдствіе необходимости собрать разнаго рода свѣдѣнія, разъясненія, соображенія. Васильчиковъ участвовалъ и въ обсужденіи вопросовъ объ улучшеніи экономическаго быта и образованіи народа и вездѣ вносилъ здравыя мысли, вѣрные взгляды, которые, однако, не имѣлъ возможности осуществить. Въ вопросѣ о замѣнѣ подушной подати подворнымъ и поземельнымъ налогомъ онъ прямо указалъ на несправедливость привлечь къ этому налогу одно крестьянское сословіе, какъ предлагалось въ проектѣ. Поземельный налогъ съ крестьянъ онъ отвергалъ потому, что земля ихъ, по раскладкѣ разныхъ податей и обязательныхъ платежей, выплачиваетъ болѣе, чѣмъ даетъ дохода. Подворный же налогъ не можетъ считаться уравнителемъ платежной тяжести, лежащей на крестьянской землѣ; но такъ какъ изъ общей массы прямыхъ налоговъ, казенныхъ и земскихъ, на крестьянахъ лежитъ 83%, а на крупныхъ землевладѣльцахъ только 4%, то честный земецъ находилъ, что для уравненія податной тягости нельзя найти другого основанія, какъ перенесеніе 46% изъ суммъ крестьянскихъ платежей на другія имущества и сословія не крестьянскія. Для приведенія этого въ исполненіе и для соблюденія постепенности онъ предлагалъ весьма практическія мѣры, но податной вопросъ, несмотря на десятки томовъ, исписанныхъ податною комиссіею, десятки лѣтъ получающею солидные оклады,—и до сихъ поръ не рѣшенъ ни въ какомъ смыслѣ. Къ чему же и собираются разные свѣдущіе люди, если ихъ мысли и знанія не примѣняются къ дѣлу?

Плодомъ долгаго и добросовѣстнаго изученія Васильчиковымъ нашихъ земскихъ и общественныхъ учрежденій сравнительно съ ино-

странными, явилось въ 1869 году сочиненіе его „О самоуправленіи". Этотъ катехизисъ земства менѣе чѣмъ въ два года разошелся въ двухъ изданіяхъ. Ничего подобнаго этой книгѣ не являлось до сихъ поръ на русскомъ языкѣ, да и на иностранныхъ языкахъ не было такого яснаго, вполнѣ практическаго руководства по этому вопросу. Основная мысль земца, въ пятьдесятъ лѣтъ сдѣлавшагося писателемъ-публицистомъ, проста и категорична: „самоуправленіе означаетъ участіе народа въ мѣстномъ, внутреннемъ управленіи своего отечества. Но система, возлагающая на мѣстныхъ обывателей всѣ тягости управленія безъ соотвѣтствующихъ правъ—не заслуживаетъ названія самоуправленія. Дѣйствительное самоуправленіе состоитъ изъ раскладки податей, расходованія земскихъ сборовъ и мѣстнаго суда". Примѣняя его къ Россіи, авторъ находитъ, что у насъ основное начало самоуправленія—не личная свобода, не политическое равенство, не соціальное братство, а „земское уравненіе". Право на землю и сельская община составляютъ главныя отличительныя черты нашего общественнаго быта отъ быта другихъ народовъ. Для разрѣшенія задачъ земскаго, то-есть соціальнаго благосостоянія, авторъ предлагаетъ нѣсколько мѣръ: вольный переходъ изъ общества, широкую систему колонизаціи, передачу земству части казенныхъ земель въ видѣ фонда для начальнаго образованія, введеніе подоходнаго налога и др. Лучшимъ судьею въ этихъ вопросахъ, возникающихъ изъ практики народной жизни, долженъ быть самъ народъ, некомпетентный въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ и не подготовленный къ нимъ по недостатку просвѣщенія и опытности; рѣшеніе такого рода дѣлъ принадлежитъ людямъ опытнымъ и просвѣщеннымъ, то-есть интелигенціи. Поэтому-то, для поднятія народныхъ массъ въ уровень съ интелигенціей, авторъ признаетъ два пути: учебный—въ формѣ безплатной школы, и практическій—въ формѣ гласныхъ совѣщаній на земскомъ собраніи и открытаго мирового суда. „Народное образованіе, говоритъ онъ, есть вопросъ жизни и смерти для народовъ нашего вѣка. Величіе современныхъ державъ зависитъ болѣе отъ числа грамотныхъ, чѣмъ отъ числа солдатъ". Чиновники всѣхъ странъ, конечно, всѣми силами отстаиваютъ громадныя смѣты расходовъ на содержаніе и награжденіе военныхъ и гражданскихъ чиновъ, но расходы на народное образованіе будутъ гораздо болѣе производительны. Однако, признавая въ Россіи преобладаніе демократическаго начала, авторъ вовсе не желаетъ, чтобы народъ вернулся ко временамъ обособленности и варварства, не льститъ грубымъ народнымъ инстинктамъ, не видитъ въ нихъ высшей мудрости, которая могла бы рѣшать сложные вопросы общественной жизни. Онъ желаетъ, напротивъ, чтобы образованные классы были руководителями народа, просвѣтителями его, лишь бы они не радикальничали, не ломали народныхъ воззрѣній, выражающихся въ общинѣ и артели, но и не давали этимъ „первообразамъ ассоціацій" застывать въ мертвой неподвижности, чего

желаютъ не друзья народа, а враги его, видящіе въ интелигенціи какую-то „господчину".

Вотъ главныя мысли книги Васильчикова. Чтобы понять и оцѣнить ихъ значеніе—достаточно высказать ихъ. Коментаріи тутъ излишни. Благонамѣренный гражданинъ можетъ только не согласиться съ мнѣніемъ автора, что „самоуправленіе, при постепенномъ и благоразумномъ развитіи, ведетъ неминуемо къ народному представительству; и какъ ручьи, слѣдуя естественному склону почвы, сливаются въ рѣки и моря, такъ отдѣльныя мѣстныя учрежденія, слѣдуя естественному ходу событій, стекаются въ представительныя собранія".

Приверженецъ земскаго самоуправленія не могъ быть, конечно, поклонникомъ административнаго самоуправства и потому возстаетъ со всею силою своей неотразимой, энергической аргументаціи противъ двухъ тогдашнихъ представителей реакціи и крѣпостничества: псковскаго губернатора Обухова и министра народнаго просвѣщенія Толстого. Въ двухъ брошюрахъ Васильчиковъ спокойно, но безпощадно разоблачаетъ ихъ ретроградныя поползновенія, прикрытыя, конечно, краснорѣчивыми возгласами о храненіи основъ, пользахъ родины, патріотическихъ чувствахъ. Губернаторъ, девять мѣсяцевъ управлявшій губерніею и успѣвшій втеченіе лѣта посѣтить лично 124 волости (то-есть въ три мѣсяца всякій день по $1^1/_3$ волости), предлагаетъ средства „къ спасенію всей Россіи отъ язвъ гласности, самоуправленія и свободы". Средства эти состоятъ главнѣйше въ „необходимости вмѣшательства администраціи во всѣ виды общественной дѣятельности, подчиненіи вступленія въ бракъ—непремѣнному условію грамотности и рѣшительномъ отказѣ въ участіи правительства земскимъ и общественнымъ учрежденіямъ, когда они обратятся къ нему съ ходатайствомъ". При этихъ условіяхъ, народъ, по замѣчанію Васильчикова, „неминуемо перейдетъ въ руки прежнихъ своихъ властителей: чиновниковъ и помѣщиковъ, а предварительныя занятія—обученія народа грамотности займутъ цѣлыя поколѣнія и отсрочатъ надолго ненавистныя реформы".

Опровергнувъ безъ труда софизмы „псковскаго Макіавелли", Васильчиковъ, въ другой брошюрѣ, въ нѣсколькихъ словахъ неопровержимо доказываетъ всю несостоятельность системы графа Толстого, клонившейся къ преграждепію доступа къ высшему и даже среднему образованію непривилегированнымъ классамъ. Эта система „бичеванія юношества древними языками", въ которой роль земства сводилась къ простой асигновкѣ денегъ на школы, была принята для огражденія общества отъ язвы нигилизма. Но Васильчиковъ доказываетъ, что при этой системѣ нигилизмъ развился еще больше, а удары, которые начала наносить ему наша „вольно-отпущенная пресса", были остановлены предостереженіями и запрещеніями, исходившими не отъ графа, но „отъ лицъ, съ которыми онъ шелъ однако рука объ руку". Никакое другое ученіе, говоритъ Васильчиковъ,—не затемняетъ въ такой степени, какъ исторія древняго міра, нравственныя, религіозныя

и общественныя понятія учащейся молодежи. Высшая культура въ Греціи и Римѣ совпадала съ высшимъ развратомъ. Аргументъ, будто класицизмъ охраняетъ юные умы отъ колебаній и сомнѣній—есть чистый вымыселъ. Реальное направленіе онъ признаетъ прирожденнымъ человѣчеству; въ доступѣ лучшихъ учениковъ среднихъ заведеній въ высшія школы видитъ наше право и возстаетъ противъ несправедливости обвиненія прессы за то, что она служила вѣрнымъ отголоскомъ ропота большинства отцовъ и матерей. „Ропотъ этотъ, прибавляетъ онъ,—былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ политики, исповѣдуемой нашими современными администраторами, то-есть полнѣйшаго ихъ пренебреженія къ общественному мнѣнію". Удовлетвореніе это мнѣніе получило въ томъ, что „графъ Толстой не самъ сошелъ со сцены, а былъ удаленъ верховною властью", и вотъ съ какими словами обращается къ нему авторъ: „Преисполненные благихъ намѣреній къ поддержанію власти и порядка, вы, графъ, какъ и другіе сановники вашей школы, каждый въ своемъ вѣдомствѣ работаете усердно, неутомимо надъ потрясеніемъ всякой власти, и гдѣ только послѣдовало нѣкоторое сближеніе между сословіями, вы бросаетесь между ними, чтобы ихъ разъединить, какъ будто опасаясь, чтобы первое дѣйствіе ихъ соглашенія не былъ заговоръ противъ васъ".

Казалось бы, что этихъ дѣйствительныхъ подвиговъ гражданскаго мужества въ печати и общественной жизни было достаточно для снисканія Васильчикову глубокаго уваженія его согражданъ, но онъ принадлежалъ къ числу людей, упорно борющихся со всѣми неправдами, не покидающихъ до конца жизни своего тернистаго, хотя и почетнаго поприща. Въ 1872 году была учреждена комиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи. Въ эту комиссію были приглашены исключительно крупные землевладѣльцы и въ числѣ ихъ князь Васильчиковъ. И эта комиссія также окончилась ничѣмъ; она, по крайней мѣрѣ, хоть напечатала свои „труды", засвидѣтельствовавшіе повсемѣстный упадокъ у насъ сельскаго хозяйства, но не приняла никакихъ мѣръ къ улучшенію этого положенія. Въ этой комиссіи Васильчиковъ высказалъ свое убѣжденіе, что „крестьянскія хозяйства приходятъ въ упадокъ по той, если не единственной, то высшей причинѣ, что земли, поступившія въ надѣлы крестьянамъ, обременены налогами выше ихъ доходности". Узелъ „вопроса объ улучшеніи сельскаго хозяйства" князь видѣлъ въ податной реформѣ. Посвятивъ еще нѣсколько лѣтъ изученію аграрнаго вопроса, онъ издалъ въ 1876 году вторую настольную книгу каждаго образованнаго русскаго земца „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ". Это обширное двухтомное сочиненіе, второе изданіе котораго, приготовленное къ печати самимъ авторомъ, вышло уже послѣ его смерти, въ началѣ нынѣшняго года, посвящено изслѣдованію состоянія земли, ея обработки, порядковъ владѣнія и пользованія ею, также положенію народа, воздѣлывающаго эту землю. Справед-

ливая крестьянская реформа должна, по его мнѣнію, обезпечить наибольшему числу жителей права на владѣніе землей. Онъ не признаетъ такихъ государствъ благоденствующими, гдѣ лишь меньшинство пользуется и политическими правами, и матерьяльнымъ благосостояніемъ. Со многими второстепенными положеніями автора можно не соглашаться, но нельзя отказать ему въ глубокомъ изученіи аграрнаго вопроса и стремленіи рѣшить его на началахъ гуманности и справедливости. Авторъ признаетъ плачевный фактъ—зарожденіе въ Россіи сельскаго пролетаріата, потому что „платежи сельскихъ податныхъ сословій въ большей части губерній почти равняются доходности ихъ хозяйствъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ—превышаютъ ихъ“. И здѣсь авторъ выказалъ вполнѣ свою добросовѣстность: не признавая сначала недостаточность надѣловъ причиною бѣдности крестьянъ, онъ впослѣдствіи, въ виду фактовъ, значительно отступилъ отъ этого мнѣнія. Неотложное устройство правильной колонизаціи онъ считаетъ единственнымъ средствомъ предупредить увеличеніе сельскаго пролетаріата.

Появленіе этой книги было событіемъ, обратившимъ на себя вниманіе даже иностранной литературы; русская была недовольна компромисами, къ которымъ прибѣгалъ авторъ. Но когда мы рѣшимся трезво и прямо взглянуть на аграрный вопросъ безъ предвзятыхъ идей и ретроградныхъ расчетовъ, книга Васильчикова будетъ для насъ путеводнымъ маякомъ, указывающимъ свѣтлую будущность Россіи. Изъ послѣдующихъ брошюръ его огромное значеніе имѣетъ только „Мелкій земельный кредитъ въ Россіи“. Основная мысль брошюры, что „отказъ народнымъ массамъ въ кредитѣ составляетъ такое же общественное преступленіе, какъ отказъ народу въ правосудіи“—была названа, ретроградами, соціалистическою. Но не задолго до смерти автора „ему была объявлена царская благодарность за дѣятельность по народному кредиту. Усердные не по разуму поборники порядка, эти настоящія темныя, вредоносныя силы Россіи, замолчали“. Въ брошюрѣ „Восточный вопросъ“ авторъ стоитъ за упраздненіе Турецкой имперіи и отдачу територіи Балканскаго полуострова грекамъ и славянамъ. Онъ говоритъ, что „народы ничего не выигрываютъ отъ блеска побѣдъ и расширенія предѣловъ своего отечества; сомнительно, чтобы правители имѣли право жертвовать кровью и достояніемъ своихъ подданныхъ изъ одного чувства состраданія къ бѣдствіямъ и угнетеніямъ другихъ народовъ“. Болѣе всего считаетъ онъ опасными въ восточномъ вопросѣ притязанія Германіи, такъ какъ „германское племя, для дальнѣйшаго своего существованія и самостоятельнаго развитія, болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ нуждается въ пріобрѣтеніи новыхъ территорій“. Брошюра „Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи“, вышедшая въ 1881 году, является только сжатымъ конспектомъ книги „Землевладѣніе и земледѣліе“.

Дѣятельность Васильчикова, какъ предсѣдателя славянскаго комитета, составитель біографіи князя излагаетъ кратко и сбивчиво. Видно,

что тутъ многое недосказано, невыяснено. Ясно однако, что князь здѣсь не могъ дѣйствовать самостоятельно и долженъ былъ бы „совсѣмъ отстраниться, а онъ только сторонился, самъ называя это малодушіемъ, о которомъ нерѣдко высказывался съ грустью". Самъ безукоризненно честный, онъ, не зная многаго, что̀ дѣлалось въ знаменитой комиссіи по сбору пожертвованій, такъ и не представившей отчета по израсходованнымъ ею суммамъ, прикрывалъ собою двусмысленные поступки другихъ, что̀ г. Голубевъ называетъ „слишкомъ гуманнымъ стремленіемъ", тогда какъ требовалось строгое отношеніе къ эпохѣ, когда, по словамъ фельетониста, слышались „на площадяхъ молебны, въ домахъ—патріотическія рѣчи, а сзади, въ темнотѣ, воровски протягивалась рука за общественнымъ добромъ".

За два года до смерти, Александръ Иларіоновичъ задумалъ издавать газету для распространенія здравыхъ и честныхъ идей, но время было до того тяжелое, что онъ долженъ былъ отказаться отъ осуществленія своего намѣренія и ограничился помощью „Сѣверному Вѣстнику", также вскорѣ прекратившемуся, вслѣдствіе независящихъ обстоятельствъ. Еще въ іюнѣ 1881 года, онъ былъ приглашенъ въ комиссію о пониженіи выкупныхъ платежей, какъ свѣдущій человѣкъ, но недождался конца ея совѣщаній, и подавъ особое мнѣніе, уѣхалъ къ себѣ въ деревню. 2-го октября его не стало. Онъ умеръ, не достигнувъ 60-ти лѣтъ. Смерть его была тяжелымъ горемъ для крестьянъ, бывшихъ его крѣпостныхъ; она была бы горемъ и для всего народа, если бы народъ нашъ зналъ, что покойный аристократъ и богачъ посвятилъ всю свою жизнь русскому народу, заботамъ объ улучшеніи его тяжелой участи, о его образованіи, хозяйствѣ, здоровьи. Это былъ „идеалъ земскаго человѣка", какъ мѣтко назвалъ его г. Стоюнинъ, въ одной изъ журнальныхъ статей, посвященныхъ памяти Васильчикова и собранныхъ г. Голубевымъ въ приложеніи къ его монографіи. Князь могъ бы, если бъ захотѣлъ, быть и государственнымъ человѣкомъ, но предпочелъ всю жизнь остаться земскимъ... Правы ли мы были, послѣ прочтеннаго нами очерка его дѣятельности, назвать его „однимъ изъ немногихъ?"

В. Зотовъ.

РОССІЯ ПОДЪ ПЕРОМЪ НОВѢЙШИХЪ РЕФОРМАТОРОВЪ [1])

IV.

Авторъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи" характеризуетъ существующій у насъ бюрократическій строй полнымъ его разложеніемъ. Много прекрасныхъ страницъ посвящено авторомъ описанію болѣзни, которой страдаетъ Россія. Эта болѣзнь, по его словамъ, — безобразныя экономическія и политическія условія, среди которыхъ мы принуждены влачить свою утробную, умственную и общественную жизнь. Г. Новосельскій, какъ помнитъ читатель, въ этихъ безобразныхъ условіяхъ видитъ корень соціальной пропаганды и считаетъ её роднымъ дѣтищемъ, а не подкидышемъ. Авторъ „Писемъ" объясняетъ появленіе на Руси соціализма совсѣмъ иначе. „Революціонныя движенія, извѣстныя подъ названіемъ нигилизма,—говоритъ онъ,—лишены всякаго оправданія въ условіяхъ нашего быта. У насъ не существуетъ ни бездомнаго и безвѣрнаго народа, ни стѣсненія въ заработкѣ (до такой степени, что ни одинъ слуга и рабочій не дорожитъ своимъ мѣстомъ), ни зависимости труда, ни колебаній биржи, ни сосредоточенности народной жизни въ одномъ городѣ, ни организованнаго покровительства врагамъ общества; наша верховная власть всесословна въ глазахъ самого народа и не расшатана. Со временъ самозванцевъ и до Чигиринскаго дѣла мы не видали иного способа къ возбужденію смуты въ русской землѣ, кромѣ подлога царскаго имени или царской воли, чѣмъ самымъ подсѣкается въ корнѣ мысль о возможности сознательнаго переворота посредствомъ народа. Революціонное движеніе не

---

[1]) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.", томъ VIII, стр. 168.

нашло въ Россіи почвы въ смыслѣ общественныхъ условій, но нашло достаточно обильный личный матеріалъ. Трудно доступное въ своихъ подпольяхъ для преслѣдованія полицейскаго, и не опасаясь окружающихъ людей, какъ граждань, это революціонное движеніе, не искорененное во-время, грозитъ стать для современной Россіи нравственно тѣмъ же, чѣмъ была вещественно Запорожская Сѣчь для старой Польши: прибѣжищемъ всѣхъ отчаянныхъ людей, не находящихъ себѣ мѣста въ общественномъ строѣ. Подземная крамола не въ силахъ, конечно, поколебать русскій государственный порядокъ, какъ видимая Сѣчь не разрушила польскаго, но можетъ затормозить дальнѣйшее его развитіе и тѣмъ самымъ довести до какой нибудь катастрофы“.

Отчего же злоумышленники такъ неуловимы и такъ быстро пріобрѣтаютъ себѣ сторонниковъ? Почвы для нихъ нѣтъ, а ученіе соціализма вотъ уже два десятилѣтія отнимаетъ всѣ силы государства на борьбу съ собою и, послѣ каждаго пораженія, вновь показывается на свѣтъ въ болѣе крайней и радикальной формѣ. Гдѣ нибудь должно же быть объясненіе этому. Авторъ „Писемъ“ старается развязать этотъ узелъ, но всѣ его усилія напоминаютъ намъ прокурорскія рѣчи для публики „по билетамъ“. Большое заблужденіе считать казачину, которую онъ приравниваетъ къ соціализму, — наноснымъ явленіемъ: въ неустроенной Руси, при деспотизмѣ воеводъ и „царевыхъ указовъ“—казачина была туземнымъ явленіемъ.

Исходя изъ ложнаго представленія о нашемъ нигилизмѣ, авторъ „Писемъ“ объясняетъ живучесть его чисто „игрушечной“ философіей: несовершенствомъ дѣйствующей полиціи. Пока не будетъ земской выбранной полиціи и администраціи, до тѣхъ поръ крамола не переведется. Въ настоящее время ей потакаетъ сама администрація, переполненная либеральными, неблагонадежными чиновниками: „Самыя условія бюрократическаго быта служатъ проводникомъ безсодержательному красному либерализму, служащему въ свою очередь подпочвой для настоящаго нигилизма. Человѣкъ, живущій практическою жизнію въ какомъ бы то ни было званіи—въ земствѣ, на желѣзной дорогѣ, въ промышленномъ предпріятіи, ежедневно соприкасается съ толпою и видитъ собственными глазами исходъ своихъ мѣропріятій; онъ безпрестанно наталкивается на случаи, заставляющіе его свѣрять дѣйствительность съ идеями, взятыми имъ на вѣру; черезъ нѣсколько лѣтъ такой жизни, онъ не можетъ уже оставаться глухимъ утопистомъ и проникается живою средою, не заносною, а своею русскою, въ которой вращается. Для чиновника канцеляріи или учителя (къ нимъ еще надобно причислить большинство сотрудниковъ періодической печати) рѣдко возможенъ житейскій опытъ. Чиновникъ, особенно же петербургскій, вычитываетъ свои идеи, или принимаетъ ихъ съ чужихъ словъ, не видитъ практическихъ послѣдствій своихъ распоряженій, не можетъ повѣрять своихъ мнѣній на опытѣ и судитъ

всё на свѣтѣ съ точки зрѣнія теоріи, къ которой, однако же, привѣнился,—случайно или по складу своего ума. Оттого наши чисто канцелярскіе дѣятели, дослужившіеся даже до званія дѣятелей государственныхъ (а такихъ не мало) остаются во многихъ отношеніяхъ существами полудѣтскими съ заимствованными понятіями безъ собственной провѣрки. При такой закваскѣ людей, самый утопическій либерализмъ, дѣйствительно привлекательный въ чистой теоріи, легко внѣдряется въ душу". Такимъ образомъ, кромѣ чиновничества, оказывается, что и литературный міръ, и педагогическій, и полицейскій, переполнены либерализмомъ, едва не краснымъ. Правительство лишено возможности провести всецѣло, сверху до низу, духъ какой нибудь рѣшительной мѣры: либералы всегда её съумѣютъ смягчить, исказить или приложить на практикѣ, въ смыслѣ прямо противоположномъ правительственной волѣ. Общество, не служилое, а партикулярное, также снисходительнымъ своимъ отношеніемъ къ преступнымъ личностямъ содѣйствовало укрывательству. Многіе благонамѣренные люди гнушаются доноса, хотя готовы бороться со зломъ, какъ граждане. У этихъ лицъ нѣтъ органа, чтобы бороться съ нигилизмомъ не въ роли полицейскихъ агентовъ, но достойно, открыто и гордо. Правительство и общество не связаны между собою никакими сборными мнѣніями, единомышленными кружками, солидарными учрежденіями; существуютъ между ними нравственныя пустоты, дающія просторъ всякому противозаконному явленію. Общество разсыпалось; одно лицо безъ связи съ другимъ, другіе — безъ связи съ правительствомъ. „Разъединенные люди по неволѣ впустятъ въ свою среду всякую, даже ничтожную группу людей, обладающую сборною силою; такимъ образомъ они впустили въ Россію нигилизмъ. Проповѣдь его пришла и непремѣнно должна была придти къ намъ съ Запада, какъ ученіе, вмѣстѣ со всякимъ другимъ ученіемъ. Что за дѣло до того, что оно не было вызвано никакою внутреннею потребностью. Въ соціализмѣ выражается такой же естественный плодъ западной мысли и жизни, какъ всё прочее, а насъ учили преклоняться передъ всѣмъ европейскимъ. Не опасаясь скораго отпора со стороны бездѣйственной массы, онъ легко могъ укрыться на время отъ такой полиціи, какъ наша, а затѣмъ русская учебная система дала ему рекрутъ въ изобиліи". Далѣе авторъ „Писемъ" разсуждаетъ о томъ, какъ классицизмъ вручаетъ рѣдкимъ счастливцамъ аттестатъ зрѣлости и какъ многихъ несчастныхъ онъ выбрасываетъ на улицу безъ всякихъ среднихъ профессіональныхъ знаній, съ пустымъ желудкомъ и пустымъ карманомъ. Юноша скоро озлобляется; голодный желудокъ оказывается гораздо воспріимчивѣе головы ко всякимъ обѣщаніямъ на скорый государственный переворотъ.

Итакъ: ослабленіе въ полиціи сыскныхъ талантовъ, развитіе въ обществѣ либерализма и гуманнаго отношенія къ „гонимымъ", наконецъ, пустые карманы „недоучившихся мальчишекъ"—вотъ истинныя

причины зарожденія въ Россіи соціализма. Опровергать автора „Писемъ“, намъ кажется, не стоитъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за такой генеалогіей соціализма, авторъ, говоря о томъ, чѣмъ мы дѣйствительно больны,—самъ себя побиваетъ безжалостно. Діагнозъ, поставленный имъ, ужасенъ: нѣтъ въ государственномъ организмѣ Россіи ни одной клѣточки, ни одной мышцы, ни одной ткани, которыя были бы здоровы и нормальны. Столь серьезной причиной мы, съ своей стороны, и объясняемъ появленіе въ Россіи разрушительныхъ теорій, ихъ живучесть, ихъ прогрессъ и тотъ фанатизмъ, который толкаетъ людей на смерть. Эта болѣзнь, разрушающая Россію и тщательно изслѣдованная авторомъ „Писемъ“, такова: давно уже опорная сила правительства, т. е. помѣстное дворянство, ослабѣло. Послѣ Крымской кампаніи, послѣ освобожденія крестьянъ, умственнаго и литературнаго движенія 60-хъ годовъ, это дворянство совершенно стушевалось и исчезло неизвѣстно куда. Между правительствомъ и подданными остались разрозненныя министерства, разрозненные департаменты одного и того же министерства и надъ всѣмъ этимъ разрозненныя центральныя канцеляріи. Автору „Писемъ“ одинъ изъ высшихъ сановниковъ говорилъ: „на насъ, министровъ, возлагаютъ отвѣтственность за все происходящее въ Россіи, хотя, въ сущности, мы невиннѣе младенцевъ, избитыхъ Иродомъ. Мой идеалъ заключается въ томъ, чтобы когда нибудь управленіе дѣлами сосредоточилось хотя въ рукахъ директоровъ департаментовъ: все же это будетъ шагомъ впередъ; пока оно не восходитъ выше начальниковъ отдѣленій“. Эти канцеляріи, какъ центральныя (министерскія), такъ и провинціальныя (губернаторскія), въ дѣйствительности функціонирующія въ себѣ всю государственную жизнь Россіи, были безсильны и въ борьбѣ съ крамолой, и въ проведеніи государственныхъ реформъ. „Какія бы преобразованія ни задумывало высшее правительство, — такъ какъ дальнѣйшее руководство новыми учрежденіями сосредоточивается все-таки не въ рукахъ живыхъ лицъ, а въ канцеляріяхъ, — то черезъ нѣсколько лѣтъ отъ первоначальной мысли законодателя остается одна шелуха, наполненная формальностью; во всѣхъ нововведеніяхъ скоро оказывается, можно сказать, одинъ и тотъ же вкусъ — бюрократическій“. Отсюда явилось полное недовѣріе общества къ правительственнымъ силамъ и ихъ благотворному вліянію на прогрессъ. Событія, которыми полны послѣднія два десятилѣтія, еще болѣе укрѣпили въ обществѣ сознаніе, что дѣла не могутъ такъ идти далѣе. И въ этотъ-то ужасный моментъ, когда антагонизмъ между обществомъ и правительствомъ возросталъ все сильнѣе, власть упорствовала и не рѣшалась избрать новые пути. Она думала управлять свободной Россіей такъ же, какъ это было до реформъ и до общественнаго пробужденія, т. е. административно распоряжаться страною, не совѣтуясь съ нею, но преимущественно заботясь о своихъ казенныхъ интересахъ. Въ результатѣ получилось страшно печальное положеніе

дѣла. Авторъ „Писемъ“ такъ его характеризуетъ: „Теперь, когда высшее правительство не ограничивается руководствомъ, а само всѣмъ управляетъ, все рѣшаетъ въ своихъ центральныхъ канцеляріяхъ, ведетъ издали на помочахъ самомалѣйшее проявленіе русской жизни и вслѣдствіе того необходимо предоставляетъ дѣйствительное завѣдываніе дѣлами мелкимъ чиновникамъ, — теперь не только не можетъ оказаться въ немъ связности и единомыслія, не только управляемые не могутъ имъ удовлетворяться, но самая верховная власть не владѣетъ вполнѣ этимъ орудіемъ, а потому должно сказать,—давно уже нѣтъ у насъ органическаго правительства въ подлинномъ значеніи слова; есть только источникъ власти и безконечное множество властныхъ людей. Если признается въ современной Россіи какая-либо безспорная истина, то именно эта: отсутствіе у насъ органическаго правительства, способнаго преслѣдовать избранныя цѣли, совокупностію своихъ силъ, безъ раздѣленія въ самомъ себѣ, знающаго своихъ друзей и недруговъ, правительства, на которое добрые граждане могли бы опереться, силою котораго недоброжелатели не могли бы злоупотреблять противъ него самого. Иными словами: у насъ нѣтъ правительства политическаго, руководящаго русскою жизнію и даже собственными своими мѣропріятіями по ихъ сущности; есть только правительство административное, формальное, представляемое комитетомъ министровъ и довольно многочисленными, не обязанными однородностію направленія, личными докладчиками государя. Комитетъ министровъ, служащій въ теоріи общей связью между вѣдомствами, въ дѣйствительности можетъ наблюдать только за однородностію и законностію формъ, а не дѣйствій: онъ слишкомъ многолюденъ, члены его принадлежатъ самымъ различнымъ направленіямъ, результатъ его постановленій чисто механическій, основанный на большинствѣ голосовъ; онъ обремененъ мелочами, лишенъ иниціативы, и, наконецъ, каждый министръ можетъ обойти его, пользуясь личнымъ докладомъ. Роль комитета кончается подписаніемъ журнала; далѣе онъ ни зачѣмъ не наблюдаетъ и примѣненіе его рѣшенія передается всецѣло подлежащему вѣдомству, въ нашей практикѣ положительно не отвѣтственному. При нынѣшнихъ порядкахъ управленіе Россіей можетъ объединяться только въ личномъ сознаніи государя; но такой способъ объединенія былъ пригоденъ лишь въ древнія времена“. Высочайшая воля, также какъ и народная, въ настоящее время зависитъ отъ правительственной обстановки; наша же правительственная обстановка характеризуется главнымъ образомъ расхищеніемъ власти разными несвязными вѣдомствами и лицами.

Этотъ режимъ повліялъ усыпляющимъ образомъ на духовную сторону русской жизни. Если мы будемъ искать эту духовную жизнь въ печати, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народа, въ его умственномъ и эстетическомъ развитіи, то намъ представится печальное зрѣлище.

Русская печать не имѣетъ подъ собою общественной почвы. Печать не служитъ подспорьемъ жизни, потому что самой этой жизни, вольной и широкой, въ русскомъ обществѣ не существуетъ. Чтобы выдѣлиться изъ этого печальнаго положенія печати, редактору русскаго журнала приходится дѣлать неимовѣрныя усилія. Провинція молчитъ, столичная жизнь исчерпана, и приходится редактору давать направленіе журнала изъ себя самого, внѣ всякаго умственнаго соприкосновенія со страною. „Въ Европѣ—говоритъ авторъ—„Писемъ" положительно не существуетъ политическаго органа, котораго направленіе зависѣло бы исключительно отъ его редактора; каждое изданіе воспроизводитъ тамъ мнѣнія цѣлой группы людей, большой или малой, дѣйствительно сложившейся въ обществѣ, безъ чего оно не пойдетъ. Давно сказано, что настоящіе редакторы европейскаго журнала—это его подписчики. Изъ такой связи періодической печати съ общественной жизнію, изъ ихъ взаимодѣйствія, истекаютъ вмѣстѣ и обдуманность печатнаго слова, и извѣстная степень его дисциплины. Какъ бы партія ни была малочисленна, она не можетъ впасть въ легкомысліе одиночнаго лица: она взвѣшиваетъ свои интересы и не станетъ рисковать ими изъ-за эффекта пустыхъ фразъ. Въ Россіи общественныя группы не могли покуда сложиться, а потому и не отражаются въ печати. Наши журналы выражаютъ не болѣе, какъ личныя, рѣдко даже выдержанныя мнѣнія, мимолетныя впечатлѣнія петербургскаго или московскаго дня. При всемъ томъ запросъ на періодическую печать сильно ростетъ; а какъ русскіе читатели живутъ въ обществѣ безсвязномъ, не принадлежатъ въ большинствѣ ни къ какой группѣ мнѣній, не имѣютъ самостоятельнаго взгляда и потому не способны къ отпору, то они чрезвычайно легко поддаются вліянію своего журнала". Воспитательное значеніе такой литературы сказывается въ томъ, что читатели начинаютъ думать и жить по книжкамъ. Отталкивающій типъ такихъ людей слишкомъ хорошо извѣстенъ.

Проникновеніе бюрократической опеки въ малѣйшее проявленіе русской жизни отразилось гнетущимъ образомъ и на церкви. Когда-то между клиромъ и жизнью была тѣсная связь, но Петръ I создалъ чиновничество церковнаго клира, преградивъ къ нему доступъ общественныхъ силъ, создавъ наслѣдственную касту, расписанную впослѣдствіи по табели о рангахъ. „Міряне—говоритъ авторъ „Писемъ"—служили церкви не одними вкладами, а мыслію и дѣломъ, участвовали въ ея совѣтахъ, проводили ея начинанія, какъ и теперь это происходитъ на Востокѣ. А церковь съ своей стороны оставалась въ тѣсномъ единеніи съ обществомъ, принимала живое участіе во всѣхъ явленіяхъ народной жизни. Но времена эти прошли давно. Дѣятельное общеніе міра съ церковью прервалось въ Россіи, осталось одно наружное: со стороны церкви, потому что она не можетъ сдѣлать шага безъ разрѣшенія, со стороны мірянъ—потому что за каждымъ дѣй-

ствіемъ церкви они видятъ скрѣпу оберъ-секретаря святѣйшаго синода, съ которымъ религіозное чувство не имѣетъ ничего общаго. Народъ, видя въ церкви одну внѣшнюю формальность, сталъ искать „божественнаго“ внѣ ея. Духовное просвѣщеніе грамотныхъ русскихъ сословій ограничилось заучиваніемъ краткаго катехизиса въ школѣ и разрѣшилось полнѣйшимъ невѣдѣніемъ въ дѣлахъ вѣры, а потому и равнодушіемъ къ ней. Русскій простолюдинъ идетъ въ расколъ для удовлетворенія душевной потребности жить сознательно религіозною жизнію, которой онъ лишенъ въ нынѣшней отечественной церкви, ограниченной наружною обрядностью. Въ этой причинѣ заключается настоящее объясненіе упорства раскольниковъ: они не хотятъ духовнаго рабства“. Между тѣмъ, церковь, свободная, проникнутая современнымъ просвѣщеніемъ, проникающая въ реальные интересы народной жизни и его нравственное настроеніе, такая церковь пріобрѣла бы такое же значеніе, какое она имѣетъ, положимъ, въ Америкѣ. Но съ какой же стати бюрократія выпуститъ церковь изъ подъ своей опеки, когда все остальное стоитъ подъ ея вѣдѣніемъ!

Авторъ „Писемъ“ рядомъ статистическихъ данныхъ доказываетъ раззорительность бюрократіи для государственнаго и народнаго хозяйства. Сущность бюрократическихъ реформъ состоитъ не въ сокращеніи государственныхъ расходовъ, а въ приращеніи ихъ. Наше „преобразованіе“ требуетъ новыхъ источниковъ дохода и тѣмъ самымъ оно ложится бременемъ на народъ. Бюрократическая реформа руководится слѣдующею моралью: реформа не должна нарушать ничьихъ существующихъ интересовъ, она должна всѣмъ угодить; къ старому прибавить новое, одинаково выгодное обѣимъ сторонамъ. Однако эта государственная мудрость на практикѣ приноситъ всегда обратные плоды. Авторъ „Писемъ“, касаясь финансоваго вопроса, прямо говоритъ, что каждая новая реформа прибавляетъ новые расходы къ тѣмъ старымъ, которые существавили до реформъ и, такимъ образомъ, нашъ прогрессъ ведетъ государство неизбѣжно къ банкротству. „Когда преобразованіе не преобразовываетъ стараго, а только дополняетъ его новымъ, то конечно оно становится невозможнымъ безъ предварительнаго приращенія доходовъ“. Такая характеристика нашихъ реформъ есть убѣжденіе не одной интеллигенціи. Народъ, испытавшій на своей шкурѣ реформаторскую дѣятельность нашихъ канцелярій, держится такого же скептическаго, почти отрицательнаго, отношенія къ законодательнымъ мѣропріятіямъ. Онъ мечтаетъ о милости, о равненіи земли по восьми десятинъ на душу и т. п., но къ каждой практической мѣрѣ, исходящей отъ чиновничества, относится наперекоръ правительственной волѣ. Циркуляръ министра Макова принимали за доказательство царской милости, а къ вопросу о сложеніи недоимокъ и уменьшеніи выкупныхъ платежей относились какъ къ барской, чиновнической затѣѣ, ничего не имѣющей общаго съ мужицкимъ интересомъ.

Народъ, всего болѣе чувствующій тяжесть существующаго порядка, неизбѣжно долженъ былъ относиться такъ, а не иначе къ правительственной агентурѣ и ждать исцѣленія непосредственно отъ государя, для него существа всемогущаго, всезнающаго, богоподобнаго. Народъ чувствовалъ, какъ разрослась правительственная администрація, направившая всю свою дѣятельность на предметы, не имѣющіе даже косвеннаго отношенія къ нуждамъ народа. Мужикъ это чувствовалъ, и почти убѣжденно говорилъ, что казнѣ надо много денегъ: правительственный механизмъ, каковъ онъ есть въ его теперешнемъ составѣ, требуетъ увеличенія расходовъ, а не сокращенія. Эту же самую мысль интеллигенція выражала другими словами и болѣе убѣдительно: она прямо указывала на необходимость сокращенія нынѣшняго правительства. Авторъ „Писемъ" даже указываетъ, какія министерства подлежатъ полному упраздненію, какія лишь частью; какія министерства должны нѣкоторыя отрасли управленія передать земству и, наконецъ, какія министерства, сближающія власть съ землею, (напр., министерство народнаго просвѣщенія) требуютъ приращенія. „Этихъ сокращеній—говоритъ авторъ „Писемъ",—оказалось бы достаточно для сильнаго облегченія податныхъ сословій". Такимъ образомъ, финансовыя затрудненія разрѣшатся у насъ не тѣми палліативными, канцелярскими мѣрами, какими до сихъ поръ мы обманываемъ самихъ себя, но полнымъ преобразованіемъ правительственнаго механизма. Автора „Писемъ" видитъ возможность такого преобразованія въ широкомъ развитіи земскаго дѣла, въ созданіи, какъ онъ выражается, земской монархіи.

Но для того, чтобъ въ Россіи развилась земская монархія,—чиновническая должна сознать, что въ исторіи каждому политическому фактору есть мѣра и срокъ. До сихъ поръ чиновническій элементъ какъ бы намѣренно игнорируетъ этотъ законъ и затѣваетъ тяжбы съ своимъ прямымъ наслѣдникомъ—съ земствомъ. Авторъ „Писемъ" мрачными красками характеризуетъ эту тяжбу и предсказываетъ много печальныхъ послѣдствій для Россіи, если непризнаніе земства законнымъ наслѣдникомъ продлится еще нѣкоторое время съ тѣмъ же упорствомъ, какъ это было и есть до сихъ поръ. Бюрократія поставила земство въ такія условія, чтобъ нарочно сдѣлать его непопулярнымъ во мнѣніи родной страны и, такимъ образомъ, подорвать къ нему всякое довѣріе. Слишкомъ долго было бы перечислять всѣ безобразныя условія, которыя компрометировали земское дѣло; главныя изъ нихъ—это уставъ о земскихъ учрежденіяхъ, по существу, демократическій, а благодаря циркулярамъ, дополненіямъ и объясненіямъ министерскимъ,—никуда не годный для своего назначенія. Бюрократія, сдавшая земству массу своихъ собственныхъ занятій, предоставивъ земству одну дѣятельность—облагать новыми поборами населеніе и при этомъ, сдѣлавъ, при помощи ценза, землевладѣльческій элементъ преобладающимъ надъ земледѣльческимъ, а торгово-прика-

щичій, промысловой,—надъ образовательнымъ,—бюрократія, даже въ такомъ фальшивомъ земскомъ самоуправленіи, назначила предсѣдательствовать не выборнаго человѣка, а предводителя дворянства по назначенію. Опираясь на нѣкоторыя статьи земскаго положенія, предсѣдатель, чисто административно-полицейскою властью, могъ вмѣшиваться въ общественныя дѣла, даже безъ вмѣшательства губернатора, которому также предоставлена полная свобода тормозить народное самоуправленіе, т. е. малѣйшую самостоятельность въ лучшихъ земскихъ людяхъ принимать за политическую неблагонадежность, данныя права искажать новыми толкованіями, испрашивать у ревностныхъ министерскихъ канцелярій соизволеніе упразднить ту или другую личность, тотъ или другой параграфъ. Такимъ образомъ, самостоятельные земцы—вѣрные слуги царя—для министерскихъ и губернаторскихъ канцелярій стали бунтующими подданными, а самое земское учрежденіе стало толковаться какъ учрежденіе, противорѣчащее основному складу нашего государства. „Администрацію, объясняетъ авторъ „Писемъ", смѣшиваютъ съ источникомъ власти, и все, что ограничиваетъ бюрократическій произволъ, считаютъ ограниченіемъ самаго правительства, какъ будто земскія и всякія выборныя учрежденія, правильно поставленныя, не имѣютъ того же значенія прямаго истеченія царской власти, не могутъ быть руководимы ею въ такой же степени, какъ и учрежденія административныя, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ ея опору, чего въ послѣднихъ не заключается. Но если такъ, то слѣдуетъ гласно признать значеніе земства, обращаться съ нимъ и его органами какъ съ опорною силою государства, какъ обращались съ прежнимъ дворянствомъ; оказать ему полное довѣріе, не опасаясь расширенія его правъ, и не отказывать ему въ способностяхъ, признаваемыхъ за каждымъ начальникомъ отдѣленія".

Чтобы создать экономію и цѣльность государственнаго устройства, основаніемъ котораго будетъ мѣстное самоуправленіе, авторъ „Писемъ" рекомендуетъ цѣлый планъ, освѣщая его пространными разсужденіями о несостоятельности другаго новаго политическаго режима, за послѣднее время усиленно пропагандируемаго, т. е. о несостоятельности въ Россіи конституціи. Разсужденія эти такъ смѣлы, такъ идутъ наперекоръ европейскому опыту, что, читая ихъ, удивляясь плавности рѣчи, мѣстами даже соглашаясь, вы все-таки, подъ конецъ, уже почти вполнѣ убѣжденные, спрашиваете автора: но почему же все европейское: наука, искусство, мода, ремесла и т. д.—не чуждо русской натурѣ, а вотъ европейскій политическій режимъ и европейскія политическія событія не могутъ къ намъ ни привиться, ни самостоятельно развиться, при существованіи аналогичныхъ условій? Почему для политики сдѣлано исключеніе? Чѣмъ она заслужила или прогнѣвала русскій народъ, что онъ одной ея чурается, а все остальное европейское уживается въ немъ прочнѣе и съ большею пользою, чѣмъ туземное-самородное?

Для окончательной реорганизаціи существующаго порядка, авторъ „Писемъ“ требуетъ слѣдующаго: во-первыхъ, само правительство должно признать свою воспитательную задачу оконченною и предоставить русскому обществу и народу права совершеннолѣтнихъ, т. е. правительство должно не вмѣшиваться въ ихъ жизнь, не руководить ею, а напротивъ, самому приглядываться къ ней и быть руководимому новыми, нарождающимися потребностями въ этомъ обществѣ и народѣ. Такъ прежніе государи, до-Петра, и поступали. Они были вполнѣ самодержцами, но окружали себя народными силами, вѣрующими въ самодержавіе, и такимъ образомъ Россія была ведома впередъ съ ея же вѣдома, своими же людьми, съ домашними привычками и тенденціями, а не космополитными. Петръ I иначе повелъ дѣла. Ему понравились западные государственные порядки и онъ за-одно съ бытовой стороной жизни началъ передѣлывать государственный строй Россіи. Послѣдняя не охотно подчинялась его преобразовательнымъ планамъ и потому надо было ее къ этому принудить. Этою принудительной силой явилась бюрократія. Законный срокъ этого принужденія, называемый „воспитательнымъ періодомъ русскаго народа“, давно уже истекъ, но бюрократія не сходила и не сходитъ со сцены. Преобразованія Сперанскаго еще болѣе усилили ее. Но лучше поздно, чѣмъ никогда,—и теперь, говорятъ реформаторы второй группы, наступилъ самый послѣдній срокъ, далѣе котораго терпѣть бюрократическій порядокъ невозможно! Необходимо, наконецъ, дать развитіе не наноснымъ силамъ, а нашимъ почвеннымъ; вглядѣться въ лицо Россіи и размежевать власть, которая теперь вся въ рукахъ бюрократіи, между мѣстными самоуправленіями и областными начальствами, подчинивъ ихъ центральной власти государя. Въ Россіи не можетъ возникнуть вопроса объ источникѣ власти, а только о перенесеніи центра этой власти съ обветшалой „Табели о рангахъ“ въ земство.

Народное же представительство съ ограниченіемъ верховной власти авторъ „Писемъ“ рѣшительно не признаетъ для Россіи возможнымъ и желательнымъ: во-первыхъ, потому, что самъ народъ, обожающій верховную власть, на это не согласится, а, во-вторыхъ, это надѣлило бы правами людей, заинтересованныхъ въ охраненіи формъ или буржуазнаго, или полицейскаго строя, но не демократическаго. Въ качествѣ представителей народа, ограничивающихъ власть царя, явились бы тѣ же самые чиновники, или представители нарождающагося имущаго класса. Надъ всѣми отправленіями народной жизни распоряжалось бы то же самое чиновничество подъ диктаторскимъ надзоромъ представительныхъ собраній. Россія не Англія, а французская или прусская конституція не благодѣяніе, и пока въ Россіи не будетъ развитія мѣстной жизни, до тѣхъ поръ некому будетъ представлять и отстаивать ея интересовъ. Теоретическія требованія для плодотворнаго конституціоннаго режима выставляются авторомъ „Пи-

семъ" какъ препятствія для конституціонныхъ порядковъ у насъ, въ Россіи; при этомъ имъ забывается, что реформы почти всегда и всюду опережали дѣйствительность, превосходили наличныя силы общества, и отъ этого страна нисколько не страдала, а, напротивъ, процвѣтала. Авторъ указываетъ на тотъ отечественный идеалъ, который будто бы намѣченъ въ Россіи самою исторіей и какой-то особенной организаціей народнаго духа и народныхъ міровоззрѣній. Этотъ отечественный идеалъ — есть всесословный, земскій царь. „Выборные земскіе люди будутъ представлять у насъ не огульное настроеніе толпы, господствовавшее во дни выборовъ и имѣющее выразиться впослѣдствіи, въ парламентѣ, по поводу всякихъ вопросовъ, которыхъ при выборахъ вовсе не имѣлось въ виду, какъ это происходитъ на Западѣ; они станутъ представителями опредѣленнаго мнѣнія пославшихъ ихъ земствъ по вопросамъ, заранѣе поставленнымъ, а потому приблизительно уже обсужденнымъ ихъ довѣрителями. По ходу развитія русской исторіи, у насъ выразится передъ правительствомъ не впечатлѣніе, подъ которымъ толпа подходила къ избирательнымъ урнамъ, а мнѣніе, предварительно уже организованное въ своемъ источникѣ, какъ оно получается, хотя подъ другими формами и по инымъ причинамъ, въ англійскомъ избирательномъ слоѣ. При нынѣшнемъ нашемъ складѣ, вызвать дѣйствительное русское мнѣніе можно не сословными выборами, по-старинному, и не чуждымъ общинному устройству всенароднымъ голосованіемъ по-западному; его можно добыть только отъ земствъ, поставленныхъ въ правильныя отношенія къ крестьянскому населенію. Кромѣ того, въ одномъ земскомъ самоуправленіи можетъ заключаться впредь опорная сила государства, а потому нельзя будетъ обращаться къ землѣ иначе, какъ черезъ него. Но въ земствахъ, какъ въ тѣсно сплоченныхъ группахъ, непремѣнно сложится заранѣе опредѣленное мнѣніе по каждому выдвигаемому вопросу, и онѣ не пошлютъ представителемъ иначе, какъ члена своего большинства, а потому обязательное мнѣніе выборнаго (mandat impératif), не допускаемое на Западѣ, станетъ у насъ основнымъ правиломъ. Но, по нашимъ условіямъ, это послѣдствіе приведетъ не къ затрудненію, а къ вящшей прочности общаго устоя. Нельзя, конечно, допустить сбродную толпу избирателей навязывать депутату свое проходящее увлеченіе; наши же земскія собранія представляютъ узаконенную власть, истеченіе и продолженіе власти общегосударственной—каждое рѣшеніе ихъ и безъ того требуетъ полной обдуманности; при должной обстановкѣ они будутъ вѣрно отражать мнѣніе и интересы своей мѣстности". Авторъ „Писемъ" для упроченія земскихъ учрежденій даетъ русскому правительству положительно инструкціи, заключающія въ себѣ, по его мнѣнію, наше будущее благоустройство. Такъ, напримѣръ, для связи народныхъ массъ съ просвѣщеннымъ русскимъ слоемъ рекомендуется возобновленіе мировыхъ посредниковъ. Далѣе говорится, что связью между прави-

тельствомъ и земствомъ не можетъ служить губернаторъ, какъ это считается нынѣ. „Русскій губернаторъ не имѣетъ достаточнаго значенія для самостоятельнаго дѣйствія по совѣсти; онъ не болѣе, какъ чиновникъ, на котораго каждый министерскій департаментъ смотритъ свысока. Связью между правительствомъ и земствомъ можетъ служить только довѣренное государемъ лицо, дѣйствующее на мѣстѣ, генералъ-губернаторъ или, по-старинному, намѣстникъ. Въ краяхъ, гдѣ извѣдано значеніе высшаго посредника между правительствомъ и населеніемъ, какъ, напримѣръ, въ Новороссійскомъ, всѣ того мнѣнія, что безъ мѣстнаго правителя, имѣющаго прямой доступъ къ государю, не только теряется связь между мѣстностями, связанными общими интересами, но заявленія о потребностяхъ страны сейчасъ же сводятся на гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Учрежденіе высшихъ мѣстныхъ управленій не пошло у насъ; они упразднялись по всякому удобному предлогу единственно вслѣдствіе ревнивости министерскихъ канцелярій, которымъ гораздо удобнѣе имѣть дѣло съ губернаторомъ изъ своихъ же чиновниковъ, чѣмъ съ самостоятельнымъ лицомъ. Въ областяхъ нужны не подчиненные министровъ, а люди, имѣющіе прямой доступъ къ государю. Подъ рукою умнаго генералъ-губернатора, особенно при взаимной связи земствъ ввѣренныхъ ему губерній, эти нужды могутъ добиться отдѣльнаго удовлетворенія, между тѣмъ какъ въ рукахъ самаго умнаго министра онѣ сливаются въ общую заботу о благѣ Россіи, слишкомъ широкую для одиночнаго пониманія. Безъ сомнѣнія, дѣйствія генералъ-губернаторовъ должны быть объединяемы сообразно съ видами правительства, насколько то допускается разнообразіемъ мѣстныхъ условій. Общее направленіе принадлежитъ естественно министрамъ, какъ непосредственнымъ органамъ верховной власти; но между такимъ способомъ управленія и нынѣшнимъ лежитъ цѣлая бездна. Руководить дѣйствіями генералъ-губернатора въ отношеніи къ земству и всему прочему министры будутъ и могутъ не иначе, какъ лично, теперь же отправленіями областной жизни завѣдуютъ безотвѣтно ихъ начальники отдѣленій. Подъ руководствомъ довѣренныхъ лицъ гражданскіе губернаторы остались бы начальниками администраціи и полиціи своей губерніи, съ отстраненіемъ отъ нихъ всякой политической задачи, въ общемъ итогѣ для нихъ непосильной".

Надъ всѣмъ этимъ самодержавно правитъ царь,—„не глава исполнительной власти—подражательная ложь, о которой мечтаютъ оторванные отъ почвы кружки, замѣняющая нравственную правду большинствомъ голосовъ и личную совѣсть государя безличной и даже передъ Богомъ неотвѣтственной баллотировкой. По непреложному закону человѣческихъ обществъ, верховная власть можетъ быть только одноличной и всегда бываетъ такою въ лицѣ монарха, диктатора или ловкаго вожака мнѣнія; ясно, стало быть, что первое благо для народа—наслѣдственная власть, избавленная отъ ежедневной заботы о

своемъ охраненіи, а потому свободная и чистосердечная въ отношеніи къ народу. Принципъ раздѣленія властей въ государствѣ — неосуществимая мечта, такъ какъ одна только исполнительная власть, распоряжающаяся войскомъ, полиціей, выборомъ начальствующихъ лицъ и расходованіемъ денегъ, есть власть дѣйствительная. По русскому сознанію, насколько оно русское, а не заимствованное, царь, какъ источникъ власти, и личная его совѣсть, охранительница всякой правды, составляютъ краеугольный камень государственнаго зданія. Богъ избавитъ насъ, покуда стоитъ Россія, отъ какого либо клочка бумаги, похожаго на хартію, даже отъ тѣни договора между русскимъ государемъ и его народомъ. Сначала самодержавное слово и рядъ преобразованій, нечувствительно открывающихъ новую эру русской исторіи, впослѣдствіи—обоюдная привычка, замѣнятъ намъ всякія хартіи. Нашей верховной власти не съ кѣмъ заключать условій—и не за кѣмъ признавать политическихъ правъ, въ виду того, что народное мнѣніе не утвердитъ никакого самоотреченія съ ея стороны".

Таковы взгляды славянофильской партіи, народившейся за послѣдніе годы. Мы видѣли, что одни изъ новѣйшихъ реформаторовъ предлагаютъ Россіи царя съ дворянствомъ, другіе, — царя съ народомъ. Партіи, которая стоитъ за интеллигенцію, мы не касались. Эта послѣдняя—внѣ сословія; ея идеалъ—осуществленіе условій, способствующихъ счастью всѣхъ—по скольку эти условія выразились во всеобщей исторіи человѣчества, а не въ одной русской. Мы хотѣли уже кончить свою статью, когда намъ случайно попался второй номеръ французскаго журнала „La Nouvelle Revue", издаваемаго знаменитой г-жою Аданъ, и были принуждены отложить окончаніе нашей статьи до слѣдующей книжки „Историческаго Вѣстника". Въ журналѣ г-жи Аданъ есть статья „О положеніи дѣлъ въ Россіи", писанная не ею самой, но однимъ высоко поставленнымъ лицомъ изъ русскихъ. Издательница говоритъ, что статья выражаетъ не личный взглядъ автора „О положеніи дѣлъ въ Россіи", но „стремленія и взгляды цѣлой группы" лицъ, близко стоящихъ къ государственному управленію Россіей. Само собою разумѣется, что это имѣетъ прямое соприкосновеніе къ новѣйшимъ русскимъ реформаторамъ, о которыхъ мы пишемъ; кромѣ того, современныя правительственныя „вѣянія" имѣютъ, кромѣ отвлеченнаго интереса, и практическое значеніе для насъ, русскихъ. По этому мы считаемъ нужнымъ познакомить читателя съ этою статьею. Кстати уже кратко упомянемъ еще о нѣкоторыхъ новыхъ именахъ, появившихся также съ реформаторскими цѣлями, съ претензіями „свѣдующихъ людей". Это, напр. — г. Николай Алышевскій — („Что̀ такое истинно-русская государственная программа?") и нѣкто К. М. Базили („Бесѣда о конституціи и о примѣненіи представительныхъ началъ въ государственномъ управленіи"). О г-жѣ Аданъ мы обязаны сказать еще здѣсь нѣсколько словъ. Парижанка съ ногъ до головы, эта женщина такъ-же честна, какъ умна и любезна. Ея салонъ,

гдѣ собираются люди всевозможныхъ партій, одинъ изъ лучшихъ парижскихъ салоновъ съ оттѣнкомъ преимущественно республиканскимъ. Во внутреннемъ обозрѣніи однаго русскаго журнала было сказано, что „уважаемая издательница „La Nouvelle Revue" имѣла случай не однажды принимать у себя русскихъ, притомъ изъ самыхъ высшихъ сферъ общества, которые приглашали ее посѣтить ихъ столицу; она же, съ своей стороны, пожелала не только видѣть, но изучить Россію". Эти русскіе „изъ высшихъ сферъ общества", когда пріѣхала Аданъ въ Россію, служили ей чичероне и снабдили ее свѣдѣніями и статьями, которыя появились въ февральской книжкѣ издаваемаго ею журнала. Не правда-ли, какъ интересно со всѣмъ этимъ познакомиться? Тѣмъ болѣе, что сами парижане пишутъ о ней: „для насъ, парижанъ, было истиннымъ горемъ закрытіе ея салона, вслѣдствіе ея отъѣзда въ Россію. Мы увѣрены, что наша путешественница воротится къ намъ съ обильнымъ запасомъ изслѣдованій и наблюденій, которыми она подѣлится съ читателями „La Nouvelle Revue", отчего мы много выиграемъ, а вы, русскіе, ничего не потеряете".

Въ слѣдующей книжкѣ „Историческаго Вѣстника" читатель самъ увидитъ, насколько знаменитая парижанка оправдала цѣль своей поѣздки въ Россію.

А. И. Фаресовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ФАБРИКАЦІЯ УЧЕБНИКОВЪ ИСТОРІИ.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ намъ не разъ приходилось говорить о безпочвенности и безплодности современнаго преподаванія исторіи въ нашихъ школахъ. Въ статьѣ „Тенденціозный взглядъ на преподаваніе исторіи“ [1]) мы указывали на пагубныя послѣдствія искаженія историческихъ фактовъ въ русскихъ учебникахъ, на послѣдствія насилованія исторіи съ псевдо-патріотическими цѣлями. Въ другой статьѣ—„Историческая подготовка“ [2]), вызванной брошюрой харьковскаго профессора Петрова, мы разсмотрѣли недостатки школьнаго изученія исторіи. Теперь г. Иловайскій даетъ намъ поводъ снова вернуться къ тому же вопросу, разъясняя, такъ сказать, закулисную причину несостоятельности историческаго преподаванія, причину, доселѣ скрывавшуюся отъ взоровъ общества подъ покровомъ оффиціальныхъ порядковъ. Въ этомъ отношеніи помѣщенный на-дняхъ въ „Новомъ Времени“ его фельетонъ, подъ заглавіемъ „Нѣчто объ историческихъ руководствахъ“, навѣрное не пройдетъ незамѣченнымъ никѣмъ, кто такъ или иначе заинтересованъ помянутымъ вопросомъ. Спѣшимъ оговориться. Мы оставляемъ въ сторонѣ личные мотивы, явно выступающіе наружу въ этой статьѣ и подвинувшіе почтеннаго историка на нѣкотораго рода обличеніе своихъ конкуррентовъ-составителей наиболѣе распространенныхъ въ нашихъ школахъ руководствъ по исторіи. По крайней мѣрѣ, самъ г. Иловайскій говоритъ, что только „въ виду послѣднихъ перемѣнъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія“ онъ рѣшился указать на „существующія стѣсненія и недостатокъ конкурренціи“ въ дѣлѣ историче-

[1]) См. „Ист. Вѣст.“, т. IV, стр. 168—176.
[2]) Ibid., томъ V, стр. 127—133.

скаго преподаванія. Но, безъ сомнѣнія, каковы бы ни были мотивы этихъ указаній, послѣднія не могутъ быть оставлены безъ вниманія, особенно, если они прямо бьютъ въ цѣль. А въ данномъ случаѣ это именно такъ. Указанія г. Иловайскаго и ихъ обличительная сторона сами по себѣ настолько краснорѣчивы, такъ ярко освѣщаютъ затронутый вопросъ, что всякаго рода личныя побужденія стушевываются и отходятъ въ сторону. Можно пожалѣть развѣ только о томъ, что указанія эти являются слишкомъ поздно. Но, разумѣется, лучше поздно, чѣмъ никогда.

Ни для кого не тайна, что одной изъ главныхъ причинъ малоуспѣшности учащихся по исторіи надо считать слишкомъ зависимое положеніе учителя отъ тѣхъ предписаній, которыя обязываютъ его пройти извѣстный курсъ непремѣнно съ такимъ-то классомъ и непремѣнно по такому-то руководству. Весьма естественно, преподаваніе исторію, стѣсненное программою, должно идти самымъ рутиннымъ образомъ. Но рутинность является безграничной и безусловно неотъемлемымъ свойствомъ этого преподаванія въ особенности потому, что ее завѣдомо и умышленно поддерживаютъ обязательныя школьныя руководства по исторіи. Казалось бы, при указанномъ требованіи отъ учителя строго держаться предписаннаго „руководства", слѣдовало ожидать, что выборъ между „руководствами" будетъ производится осмотрительно и осторожно, по меньшей мѣрѣ съ соблюденіемъ самыхъ элементарныхъ требованій педагогіи. Но дѣйствительность показываетъ иное. Вотъ что говоритъ г. Иловайскій по этому поводу:

„Съ началомъ семидесятыхъ годовъ наступила учебная реформа. Тутъ, вмѣстѣ съ усиленіемъ классическихъ языковъ, почему-то понадобилось реформировать систему преподаванія нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, и чуть ли не главнымъ образомъ исторіи. Началось составленіе новыхъ плановъ и программъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ введеніе новыхъ руководствъ. Можно было надѣяться, по крайней мѣрѣ, что такое немаловажное дѣло будетъ поручено людямъ опытнымъ, заявившимъ себя трудами въ наукѣ и педагогикѣ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужила министерская признательность за труды по составленію учебныхъ плановъ, объявленная разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ члену ученаго комитета Беллярминову и учителю VI гимназіи Рождественскому (см. „Жур. М. Нар. Просв." 1872, ноябрь), которые не задолго передъ тѣмъ издали свои историческія руководства. Такимъ образомъ, по исторіи одни и тѣже лица составляли программы, изготовляли учебники, писали на нихъ рецензіи и оффиціально ихъ одобряли. Не забудемъ, что въ это время г. Беллярминовъ былъ членомъ ученаго комитета именно по исторіи, слѣдовательно просмотръ и одобреніе историческихъ руководствъ зависѣли отъ него непосредственно".

При такомъ порядкѣ вещей оставалось только не дремать привиллегированнымъ „историкамъ". Они и не дремали. Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" появилась оффиціальная рецензія на книгу г. Рождественскаго съ цѣлью доказать вложенныя въ нее „патріотическія чувства" и „благонамѣренность". Въ то же время вышла книга г. Беллярминова, одобренная какъ руководство для младшаго курса, книга, стяжавшая автору справедливые укоры въ недобросовѣстномъ и невѣжественномъ отношенія къ дѣлу. Это доказала печать. А въ оффиціальной сферѣ, повидимому, смотрѣли иначе на двухъ историческихъ „братьевъ близнецовъ". Господа Рождественскій и Беллярминовъ на нивѣ историческаго преподаванія произвели полюбовное размежеваніе. Первый взялъ на долю своего участка руководства для старшаго возраста, а второй—для младшаго. Но этимъ не ограничились претензіи фабрикантовъ-историковъ. Очевидно, зная, какъ легко имъ добыть на свои издѣлія патентъ, даже если бы эти издѣлія не отличались доброкачественностью работъ и матеріала, гг. Рождественскій и Беллярминовъ мало-по-малу повыпускали цѣлую серію руководствъ съ обязательной вывѣской „одобрено", руководствъ, обнимающихъ всѣ возрасты и всѣ роды учебныхъ заведеній. Мало того, заговорили о наглядности въ преподаваніи, и гг. фабриканты-историки не преминули отозваться на этого рода педагогическій спросъ и, конечно, отозвались своеобразно, въ предѣлахъ крайняго разумѣнія. Такъ, „эти господа испестрили свои учебники для младшаго возраста множествомъ лубочныхъ рисунковъ. Напримѣръ, въ элементарномъ курсѣ г. Беллярминова вы можете найти всевозможныя изображенія: іероглифы и мумію, пушку и мортиру, Троицкую лавру и Мекскую каабу, которыя непривычный глазъ не отличитъ другъ отъ друга, видъ Новгорода, въ которомъ ничего нельзя разобрать, и нелѣпую сцену битья папы Бонифація рыцаремъ Колонною и т. д. (всего 74 рисунка). Такимъ образомъ, книга, подъ предлогомъ наглядности, представляетъ безпорядочное смѣшеніе пособія съ руководствомъ; текстъ отходитъ на второй планъ, а на первомъ—иллюстрація. Понятно, что при этомъ условіи главная и, конечно, не легкая задача руководства—послѣдовательное, научное, хорошо обработанное изложеніе—уступаетъ мѣсто спекулятивному изготовленію плохихъ картинокъ. Учебное вѣдомство, вмѣсто того чтобы поощрять развитіе дешевыхъ историко-археологическихъ атласовъ (въ родѣ изданнаго г. Добряковымъ), начало покровительствовать этому спекулятивному направленію, въ ущербъ здравой педагогики".

Конечно, было бы странно считать виновниками такого порядка вещей самихъ гг. Беллярминова и Рождественскаго. Они — только чуткіе фабриканты, не пожелавшіе упустить подходящаго случая для сбыта своихъ издѣлій.—

„Когда не я—другой пойдетъ
И ваши денежки возьметъ..."—

Зачѣмъ же другимъ уступать, когда эти „денежки" сами пристаютъ къ рукамъ счастливыхъ фабрикантовъ? Но расторопность ихъ поучительна съ другой стороны. Мы видимъ ясно, что порядки, заведенные графомъ Д. Толстымъ и послѣ него остающіеся въ полной силѣ, направлены именно къ упроченію монополіи, исключающей возможность какихъ бы то ни было улучшеній въ области историческаго преподаванія, сдавливающей всякую разумную и самостоятельную попытку придти на встрѣчу потребностямъ школы въ данномъ случаѣ. Словомъ, какъ видите, дѣло обставлено такъ, что школьная исторія предназначена служить для какихъ-то посторонних педагогіи и чуждыхъ наукѣ цѣлей. Понятно, изготовленіе учебниковъ съ подобной закваской должно стать предметомъ спекуляціи, и эта спекуляція, при поощреніяхъ и покровительствѣ, неминуемо грозитъ сдѣлаться безпредѣльной. Сегодня излагается предметъ такъ, что понять и изучить причинную связь историческихъ явленій нѣтъ никакой возможности по привиллегированнымъ учебникамъ; завтра намѣренно ложно будутъ искажаться историческіе факты, а тамъ можетъ, пожалуй, дойти дѣло и до измышленія небывалыхъ „событій". Таково ужъ отличительное свойство безграничной и ничѣмъ неудержимой монополіи: за доброкачественными издѣліями являются низкопробныя, а за этими — порожденіе прямой контрфакціи. Надо же сознать, наконецъ, что господствующіе въ нашей школѣ историческіе учебники не далеко ушли отъ того, чтобы занять почетное мѣсто въ ряду фальшивыхъ и завѣдомо поддѣльныхъ произведеній учебной промышленности. Разумѣется, пока не исчезнетъ недовѣріе къ самодѣятельности учащагося, къ личности учащаго, который освѣщалъ бы историческіе факты, пока въ преподаваніи исторіи будутъ дѣйствовать постороннія наукѣ и воспитанію цѣли,—до тѣхъ поръ будетъ царить въ школѣ исторія, принаряженная гг. Белларминовыми и Рождественскими съ казенной стороны; до тѣхъ поръ не ищите въ ней стороны общественной, жизненной, народной, т. е. именно такой, которая только и можетъ быть поучительна для взрослыхъ, полезна и не обременительна для дѣтей.

Ѳ. Булгаковъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СЮЖЕТЫ ВЪ ЯПОНСКОМЪ ИСКУССТВѢ.

(Статья Шорна).

Японскій художникъ выказываетъ особенную склонность къ воспроизведенію явленій природы. Другую характерную его черту составляетъ способность къ передачѣ юмористическихъ и даже комическихъ сюжетовъ. Помимо необыкновеннаго искусства и естественности въ изображеніи предметовъ изъ органической природы, онъ обладаетъ въ значительной степени пониманіемъ геометрическихъ формъ и умѣніемъ примѣнять ихъ къ декоративнымъ цѣлямъ. Во всей японской орнаментаціи, при самомъ тщательномъ изученіи художественнаго примѣненія прямой и изогнутой линій, постоянно проглядываетъ стремленіе къ фантастической неправильности, которой вездѣ предоставляется полный просторъ. Хотя въ рисованіи и живописи японецъ въ высшей степени способенъ къ художественному воспроизведенію сюжетовъ, заимствованныхъ изъ природы, но способъ примѣненія и изображенія ихъ остается неизмѣнно декоративнымъ. Такимъ образомъ, искусство у японцевъ имѣетъ почти исключительно декоративный характеръ, и это обстоятельство должно служить мѣриломъ нашихъ сужденій о художественномъ достоинствѣ ихъ произведеній.

Что же касается способа, какимъ японскій художникъ рисуетъ портреты, ландшафты и т. п., то здѣсь мы не находимъ ни малѣйшаго соблюденія законовъ, которые въ художественномъ отношеніи считаются у насъ обязательными.

Изображеніе человѣческаго тѣла составляетъ наиболѣе слабую сторону японскаго художника, что̀ тотчасъ же бросается въ глаза людямъ, изучающимъ японское искусство. Фигуры имѣютъ слишкомъ

условный характеръ; форма, повидимому, связана традиціей, господство которой безгранично въ японской жизни. При этомъ весьма вѣроятно, что старинное тяжелое вооруженіе и некрасивая одежда, существующая и до сихъ поръ, немало способствовали условной неподвижности фигуръ.

Дошедшія до насъ превосходныя рѣзныя издѣлія на слоновой кости служатъ доказательствомъ что японскій художникъ въ состояніи придать выразительность человѣческимъ лицамъ. Равнымъ образомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что японцы знакомы съ анатоміей человѣческаго тѣла. На международной выставкѣ 1873 года показывали скелетъ въ 9 дюймовъ высоты, сдѣланный изъ слоновой кости, въ которомъ каждая часть человѣческаго тѣла была выполнена въ высшей степени отчетливо и естественно. Это небольшое мастерское произведеніе представляетъ результатъ величайшаго труда и тщательнаго изученія. Тѣмъ не менѣе, знаніе анатоміи у японцевъ не оказало плодотворнаго вліянія на ихъ художественныя произведенія. Японское искусство особенно привлекаетъ насъ своей выразительностью; но оно болѣе удовлетворяетъ нашу фантазію, нежели художественный

Рис. № 2. Цвѣтъ сливы.

Рис. № 1. Летящія утки.

Рис. № 3. Разрисованная тарелка.

вкусъ. Поэтому, разсматривая рисунки, сдѣланные отъ руки, мы удивляемся естественности и быстротѣ дѣйствія, которая выражена въ самомъ положеніи фигуръ.

Лучшія изображенія человѣческихъ фигуръ и физіономій встрѣчаются на картинахъ, висящихъ за буддійскими алтарями. Эти произведенія по своему общему характеру напоминаютъ миніатюры нашихъ средневѣковыхъ рукописей. Они также выполнены въ строго религіозномъ стилѣ, отличаются чрезвычайно тщательной отдѣлкой частностей, живостью красокъ и богатой позолотой. Существенно различный характеръ носятъ фигуры, которыя мы встрѣчаемъ на рельефахъ и преимущественно на новѣйшемъ фарфорѣ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ изображаютъ воиновъ въ ихъ тяжеломъ вооруженіи, лишающемъ ихъ всякой свободы движеній, или придворныхъ въ неуклюжихъ церемоніальныхъ одеждахъ, которыя по своему напыщенному великолѣпію производятъ впечатлѣніе театральныхъ костюмовъ. (Рис. № 7-й).

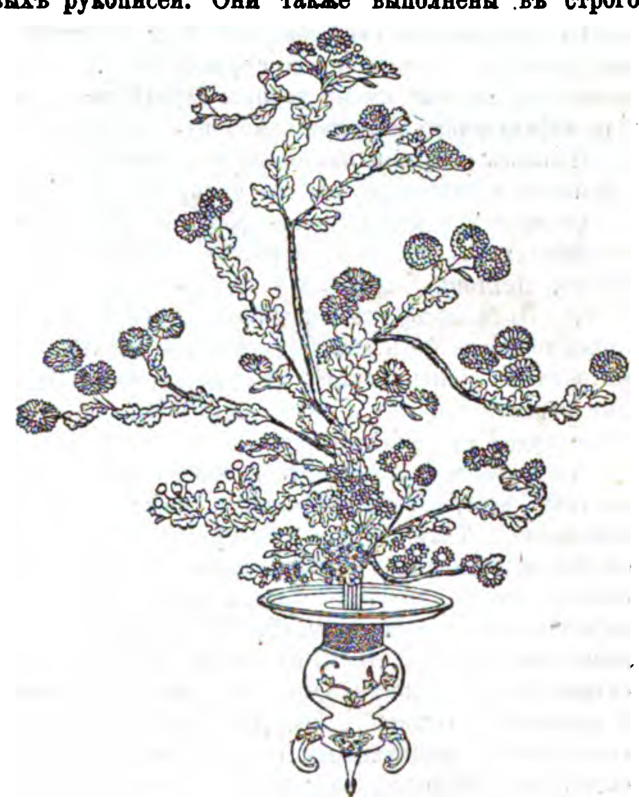


Рис. № 4. Растеніе „кику".

Въ изображеніи Будды японцы достигли наибольшаго совершенства не только въ живописи, но и въ скульптурѣ. Лучшая его статуя, которая можетъ считаться образцовымъ произведеніемъ восточнаго искусства, находится въ храмѣ Кома-Коура; она имѣетъ 60 футовъ высоты и изображаетъ основателя религіи сидящимъ на листѣ лотоса. Колоссальная статуя совмѣщаетъ въ себѣ серьезное величіе съ необыкновенной простотой и кротостью выраженія. Знаменитый реформаторъ, повидимому, проникся блаженствомъ, описаннымъ въ его ученіи о „Нирванѣ", презрѣніи къ земнымъ благамъ. Художнику

вполнѣ удалось придать физіономіи колосса выраженіе высшаго духовнаго созерцанія. Массивные члены его тѣла обвиты волнообразной драпировкой; голова увѣнчана подобіемъ короны, сдѣланной изъ рыбьей чешуи. Всѣ прочія — весьма многочисленныя — изображенія Будды представляютъ бо̀льшею частью подражаніе этой колоссальной фигурѣ и, подобно ей, носятъ на себѣ отпечатокъ внутренняго спокойствія и поглощенія радостями загробной жизни.

Въ изображеніи сюжетовъ изъ міра животныхъ господствуетъ та же простота, которую можно считать отличительной чертой японскаго искусства; но она ни въ какомъ случаѣ не составляетъ препятствія для характернаго выраженія момента, избраннаго художникомъ.

Японецъ особенно мастерски изображаетъ птицъ, которыя служатъ главнымъ украшеніемъ въ его инкрустаціяхъ. (См. рис. №№ 1-й и 8-й).

Сюжеты изъ растительнаго царства удаются японцамъ только въ частностяхъ, какъ, напримѣръ, въ художественномъ воспроизведеніи вѣтвей, цвѣтовъ, усиковъ и т. п. (Рис. №№ 2-й, 3-й, 10-й, 11-й, 12-й, 15-й). Въ нѣкоторыхъ японскихъ книгахъ изображены растенія во всевозможныхъ фазисахъ ихъ развитія, цвѣта и увяданія, при солнечномъ и лунномъ свѣтѣ, въ бурю, при дождѣ и снѣгѣ. Всѣ подобные этюды отличаются силой выраженія, которая придаетъ имъ высокое художественное значеніе.

Что касается ландшафтной живописи, то японецъ въ простомъ рисункѣ изображаетъ единичныя явленія наиболѣе характерными признаками. Такъ, напримѣръ, вѣтеръ представленъ у него въ видѣ слегка колеблющихся стеблей травы, вѣтвей, склоненныхъ въ одну сторону, птицы, которая дѣлаетъ напрасныя усилія, чтобы полетѣть въ извѣстномъ направленіи. (Рис. № 14-й). Дождь изображается отвѣсными линіями (рис. № 13-й), весна—въ нѣжномъ колоритѣ молодой, свѣжей растительности. Особенно любимымъ сюжетомъ для рисованія и живописи служитъ „Fusiyama“—святая гора, которая пользуется величайшимъ почитаніемъ во всей странѣ. Въ своихъ фантастическихъ ландшафтныхъ картинахъ японецъ преимущественно воспроизводитъ утесистые склоны горъ, пропасти, живописную и дикую обстановку.

Вліяніе миѳологіи, давшей могущественный импульсъ художественному творчеству у всѣхъ народовъ, сказывается и на японскомъ искусствѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ различныя и до извѣстной степени самобытныя системы миѳологическихъ представленій. Иногда боги, святые и герои изображены въ видѣ отдѣльныхъ фигуръ, или же въ обществѣ смертныхъ; нерѣдко также за самыми разнообразными занятіями, съ добавленіемъ баснословныхъ и миѳическихъ звѣрей въ качествѣ аттрибутовъ.

Сюжетами художественныхъ произведеній чисто догматическаго характера служатъ радости и муки загробной жизни за добрыя и злыя дѣла, или же сотвореніе міра, которое обыкновенно изображается

въ шести отдѣленіяхъ. Въ числѣ изображеній божествъ, исполненныхъ изъ фарфора, полированнаго камня и пр., выставленныхъ въ домахъ съ религіозной цѣлью, первое мѣсто занимаетъ богъ долголѣтней жизни—„Shion-Rô", называемый также „Giogogin", изображаемый въ видѣ старика съ сѣдой бородой. Затѣмъ слѣдуетъ „Daikoku", богъ богатыхъ, приземистый человѣкъ, пріятной наружности, въ одеждѣ „Daimio" старой школы, и на ряду съ нимъ „Yebis", богъ ежедневнаго пропитанія, который считается отверженнымъ братомъ солнца. Онъ также покровитель рыбаковъ и, сообразно японскимъ вѣрованіямъ, своего рода Нептунъ: его изображаютъ сидящимъ на скалѣ; въ одной рукѣ онъ держитъ удилище, въ другой—знаменитую рыбу „Taï". Домашній богъ довольства—„Hoteï" представляетъ собой странника, не имѣющаго постояннаго мѣста жительства; онъ въ особенности любимъ дѣтьми, такъ какъ, по преданію, посѣщаетъ ихъ, чтобы разсказывать имъ свои исторіи. Его изображаютъ приземистымъ человѣкомъ съ толстымъ животомъ и непокрытой головой; въ рукахъ у него обыкновенно мѣшокъ, лампа, или вѣеръ. Иногда онъ представленъ верхомъ на буйволѣ, или же сидящимъ на мѣшкѣ съ ребенкомъ, который поглотилъ все его вниманіе. „Hoteï", богъ довольства судьбой въ бѣдности и нуждѣ, и своего рода японскій Діогенъ; онъ пользуется преимущественно любовью народа.

Рис. № 5. Бамбуковыя деревья. Рис. № 6. Сосновый лѣсъ.

За „Hoteï" слѣдуетъ „Tossi-Toku", почтенный, чрезвычайно ученый докторъ, серьезный и любезный старикъ, одѣтый въ широкій халатъ съ длинными рукавами, съ козулей въ видѣ аттрибута. Онъ держитъ въ рукѣ вѣеръ и длинную палку, къ которой привязаны его рукописи. Необыкновенная ученость его выражается сильно развитой верхней частью головы, большими глазами и ушами. Онъ вѣчный странникъ и вездѣ расточаетъ сокровища своей мудрости.

Наиболѣе замѣчательное божество домашняго очага — это „Benzaiten-go" или „Benten", богиня красоты, здоровья и истинной любви. Она не имѣетъ значенія греческой Венеры, воплощающей въ себѣ

чувственную любовь и тѣлесную красоту, но является скорѣе олицетвореніемъ женственности и эмблемой возвышенной материнской любви.

Обыкновенно „Benten“ изображаютъ сидящей въ задумчивой позѣ. Пальцы ея слегка касаются струнъ изобрѣтеннаго ею инструмента. Но такъ какъ при этомъ она считается олицетвореніемъ моря, источника благоденствія и богатства японцевъ, то они представляютъ ее сидящей на берегу. Она извлекаетъ изъ струнъ восхитительныя мелодіи, для которыхъ аккомпаниментомъ служитъ прибой волнъ. Если она изображена безъ инструмента, то держитъ въ одной рукѣ ключъ, въ другой — драгоцѣннѣйшую жемчужину; на ней надѣта дорогая мантія, а голова ея украшена діадемой.

Въ числѣ японскихъ домашнихъ божествъ мы должны еще упомянуть „Bis-ja-mon'a“, бога славы. Это богъ военной доблести и всѣхъ рыцарскихъ добродѣтелей. Но такъ какъ онъ покровитель князей и воиновъ, то его рѣдко можно встрѣтить въ крестьянскихъ хижинахъ, гдѣ простодушный „Hotei“ пользуется наибольшимъ почетомъ. „Bis-ja-mon“ неособенно популяренъ, такъ какъ онъ представляетъ собою символъ войны, которая вредно отзывается на благосостояніи торговца и крестьянина. Онъ также считается покровителемъ жрецовъ, которые оказываютъ ему большія почести въ угоду высшему сословію. „Bis-ja-mon“ обыкновенно изображается въ видѣ воина въ богатомъ вооруженіи, съ копьемъ и знаменемъ въ рукѣ. Иногда онъ держитъ въ рукахъ модель пàгоды, т. е. храма, что̀ указываетъ на его жреческое значеніе.

Рис. № 7. Японская придворная дама (фаянцовая фигура).

Изъ прочихъ божествъ наиболѣе заслуживаютъ вниманіе боги: вѣтра, грома и войны. Богъ вѣтра изображенъ въ видѣ страннаго чудовища, который силится идти на встрѣчу бури съ пустымъ мѣшкомъ, развѣвающимся за его плечами. Богъ грома, полу-животное и полу-человѣкъ, возсѣдаетъ за темными облаками, окруженный барабанами, по которымъ онъ бьетъ попеременно, производя такимъ образомъ раскаты грома. Богъ войны изображается съ тремя головами и многочисленными руками, которыя держатъ различное оружіе (лукъ, мечи и копья); его представляютъ бо̀льшею частью ѣдущимъ по воздуху верхомъ на медвѣдѣ или лошади.

Что касается декоративной стороны художественныхъ японскихъ произведеній, то здѣсь прежде всего проявляется величайшая свобода, чуждая всякаго стѣсненія, и произволъ въ примѣненіи и сопоставленіи геометрическихъ фигуръ. Это составляетъ основной принципъ всего развитія и характера японскаго искусства, и рѣзко противорѣчитъ законамъ симметріи, которые почти вездѣ служатъ основой орнаментаціи у европейскихъ народовъ. Тѣмъ не менѣе, художественныя произведенія японцевъ отличаются естественностью въ самомъ способѣ примѣненія формъ растеній и животныхъ къ орнаментаціи, что слѣдуетъ признать результатомъ тщательнаго и добросовѣстнаго изученія всѣхъ явленій природы съ цѣлью ихъ художественнаго воспроизведенія.

Одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ способовъ японскаго декоративнаго искусства заключается въ томъ, что художникъ совмѣщаетъ въ одномъ сюжетѣ самыя разнообразныя формы, съ цѣлью составить иногда правильное, но въ большинствѣ случаевъ возможно неправильное геометрическое цѣлое. Равнымъ образомъ, японецъ не принимаетъ въ соображеніе размѣры предмета, на который предполагаетъ навести рисунокъ, но произвольно отступаетъ отъ нихъ и дѣлаетъ добавленія по своему усмотрѣнію. Что касается самаго рисунка, то онъ настолько же отличается богатствомъ и разнообразіемъ отдѣльныхъ формъ, какъ и высокимъ творчествомъ. (Рис. №№ 3-й, 10-й и 11-й).

Рис. № 8. Изображенія птицъ и растеній.

Другой пріемъ, употребляемый въ декоративномъ японскомъ искусствѣ, заключается въ томъ, что орнаментъ разбиваютъ произвольно на нѣсколько частей и затѣмъ покрываютъ пустое пространство небольшими отдѣльными украшеніями, образовавшимися этимъ способомъ. Иногда большія плоскости остаются вслѣдствіе этого незанятыми, а въ иныхъ случаяхъ богато украшены цвѣтами и растеніями, которые очень кстати прерываютъ однообразіе рисунка.

Не подлежитъ сомнѣнію, что японецъ съ давнихъ поръ освоился съ геометрическими формами, такъ какъ это доказываетъ его геральдической

дика, снимки которой встрѣчаются или отдѣльно, или въ связи съ другими геометрическими украшеніями, на мебели, тканяхъ и т. п. Они являются здѣсь въ видѣ рисунковъ, чрезвычайно точныхъ по чистотѣ и строгости линій, и нерѣдко напоминаютъ греческіе орнаменты, а также сюжеты, встрѣчаемые въ египетской орнаментаціи.

Японское декоративное искусство наиболѣе своеобразно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ украшеніями служатъ исключительно цвѣты, зелень и сплетеніе усиковъ вьющихся растеній. Здѣсь японскій художникъ неудержимо проявляетъ свою богатую фантазію въ вѣчно новыхъ сопоставленіяхъ, а равно и въ примѣненіи самыхъ блестящихъ и эффектныхъ красокъ. При этомъ онъ старается по возможности избѣгнуть повтореній и неистощимъ въ изобрѣтеніи новыхъ неправильностей. (Рис. №№ 3-й и 10-й).

Чрезвычайно богатая растительность, роскошно развившаяся на вулканической почвѣ, величественная мѣстность, перерѣзанная горами и холмами и раскинутая у морскаго берега, должны были съ давнихъ поръ подѣйствовать на фантазію японца и его пониманіе красотъ природы.

Нѣкоторые виды растеній, какъ, напримѣръ, chrysanthemum, піоніи, ирисы и лиліи, преимущественно служатъ для художественнаго воспроизведенія сюжетовъ изъ растительнаго царства.

Не менѣе часто повторяемымъ мотивомъ въ японской орнаментаціи является одно вьющееся растеніе—„fudse“, которое достигаетъ значительной высоты и, благодаря своимъ длиннымъ свѣсившимся вѣткамъ и роскошнымъ цвѣтамъ, вполнѣ заслуживаетъ художественнаго воспроизведенія.

Рис. № 9. Рыбы и черепахи.

Деревья едва ли не имѣютъ еще большее значеніе въ орнаментаціи, нежели цвѣты, такъ какъ они играютъ первую роль въ Японіи при всѣхъ торжественныхъ церемоніяхъ. Изъ всѣхъ деревьевъ самымъ важнымъ считается „kiri-mon“, названное Зибольдомъ „paulownia imperialis“ (одинъ изъ видовъ bignonia), листья котораго, связанные тремя стебельками, образуютъ гербъ великаго японскаго полководца Тайкозама. На щитѣ императорскаго герба также изображенъ „kiri“.

Это растеніе имѣетъ сходство съ европейскимъ дикимъ каштаномъ. Оно большею частью изображается въ натуральномъ видѣ; но въ геральдикѣ его рисуютъ въ извѣстномъ условномъ стилѣ.

Кромѣ этихъ деревьевъ, особенно часто встрѣчается слива, которая разцвѣтаетъ здѣсь въ февралѣ, вслѣдствіе чего считается символомъ весны и служитъ для украшенія алтарей. Она называется святымъ деревомъ и обыкновенно ростетъ по близости храмовъ. Почти такимъ же почетомъ пользуется сосна, которая равнымъ образомъ употребляется для всевозможныхъ украшеній. Ее садятъ передъ императорскимъ дворцомъ, какъ символъ долголѣтія. Покрытая снѣгомъ, она представляетъ собою олицетвореніе счастливой старости. Ея примѣненіе къ рельефнымъ украшеніямъ на лакированныхъ и бронзовыхъ издѣліяхъ необыкновенно эффектно, особенно въ соединеніи съ орлами, изображенными на ея вѣтвяхъ. Въ заключеніе, мы упомянемъ о бамбуковомъ деревѣ, стройный стволъ котораго и удлинненные листья доставляютъ богатый матеріалъ для японскихъ художниковъ.

Рис. № 10. Ваза „Satsuma".

Изъ царства животныхъ всего чаще изображаются птицы, особенно въ живописи на фарфорѣ, и при этомъ весьма различнымъ образомъ. Павлинъ и достигающій въ Японіи одинаковой величины съ нимъ фазанъ, представляютъ особенную прелесть для художниковъ по великолѣпной окраскѣ своихъ перьевъ.

Рис. № 11. Ваза „Kioto".

Рис. № 12. Ваза „Satsuma".

Что касается млекопитающихъ, то японцы считаютъ ихъ неблагодарнымъ сюжетомъ въ смыслѣ примѣненія къ декоративнымъ цѣлямъ,

такъ что весьма немногіе изъ нихъ удостоились этой чести. Исключеніе составляетъ лошадь, изображаемая въ самыхъ фантастическихъ видахъ на доскахъ, повѣшенныхъ въ храмѣ по обѣту; затѣмъ различные дикіе звѣри, какъ, напримѣръ, лиса и барсукъ, которымъ приписываютъ способность превращаться въ любую человѣческую фигуру. Сюда слѣдуетъ еще причислить обезьяну: она пользуется особеннымъ предпочтеніемъ и является въ самыхъ разнообразныхъ юмористическихъ изображеніяхъ на рѣзьбѣ изъ слоновой кости и въ глиняныхъ издѣліяхъ, гдѣ японецъ мастерски передаетъ извѣстныя свойства, въ которыхъ проявляется сходство обезьянъ съ людьми. Слонъ считается исключительно эмблемой Будды и заимствованъ изъ индѣйскаго искусства.

Весьма естественно, что у народа, живущаго по близости моря,— у котораго, вдобавокъ, существуетъ преданіе, что прародителями великой японской націи были простые рыбаки,— рыба играетъ особенно важную роль. (Рис. № 9-й). Съ нею связаны у японцевъ всевозможные обычаи; такъ, напримѣръ, къ каждому подарку они присоединяютъ вяленую рыбу и пр. Такимъ образомъ, рыба на ряду съ птицами играетъ весьма важную роль въ японской орнаментаціи.

Рис. № 13. Дождь. Рис. № 14. Вѣтеръ.

Посѣтители послѣдней всемірной парижской выставки съ удовольствіемъ вспоминаютъ небольшой акварій, устроенный на холмѣ Трокадеро. Здѣсь, среди разнообразныхъ японскихъ рыбъ, они видѣли живые образцы тѣхъ рыбъ, которыя до того казались намъ такими странными на украшеніяхъ японскихъ вазъ, бронзовыхъ издѣлій и т. п. Помимо удивительной формы, разнообразіе и блескъ красокъ на ихъ чешуѣ должны представлять особенную привлекательность для художника. Изъ нихъ наиболѣе поражаетъ насъ своимъ своеобразнымъ видомъ такъ называемая „чортова рыба“, которая часто встрѣчается въ рѣзьбѣ изъ слоновой кости.

Лягушки, ящерицы, раки, змѣи и всякаго рода черепокожныя животныя служатъ украшеніями на ряду съ рыбами и изображаются

различнымъ способомъ на кожаныхъ и лакированныхъ вещахъ, рѣзьбѣ изъ слоновой кости и въ металлическихъ издѣліяхъ.

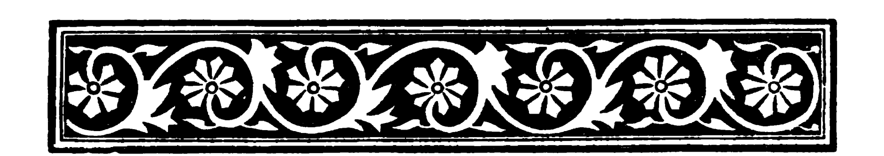
Кромѣ существующихъ животныхъ, въ декоративномъ искусствѣ играютъ важную роль миѳическія изображенія животныхъ, большею частью заимствованныя изъ японской миѳологіи. Изъ нихъ всего чаще встрѣчается драконъ, который съ незапамятныхъ временъ былъ перенесенъ въ японское искусство изъ Китая. Его змѣеобразное тѣло покрыто частой чешуей; головѣ его приданъ самый ужасающій видъ. Судя по этому уродливому изображенію, можно думать, что онъ представляетъ собой символъ зла, между тѣмъ какъ, по японскимъ понятіямъ, онъ только эмблема хитрости и силы. Они относятся съ извѣстнымъ уваженіемъ къ этому чудовищу, которое въ народныхъ сказаніяхъ является дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ важныхъ событіяхъ жизни ихъ государей и героевъ. На императорской одеждѣ, вооруженіи, дворцовой мебели и коврахъ изображенъ вездѣ драконъ, держащій въ когтѣ большую жемчужину. Японская миѳологія, подобно китайской, заключаетъ массу разсказовъ, въ которыхъ драконъ совершаетъ чудеса на водѣ и въ воздухѣ. Въ морѣ онъ является преимущественно хранителемъ большихъ сокровищъ, въ воздухѣ — побѣдителемъ другихъ баснословныхъ чудовищъ. Въ видѣ украшенія онъ встрѣчается всего чаще на выложенныхъ эмалью мѣдныхъ сосудахъ (вазахъ, курильницахъ и пр.). При этомъ на новѣйшихъ издѣліяхъ мы находимъ его гораздо рѣже, нежели на старинныхъ.

Другое животное, имѣющее важное значеніе въ японской миѳологіи, носитъ названіе „kirim". Его изображаютъ съ головой и грудью дракона, тѣломъ и ногами оленя, и хвостомъ, похожимъ на львиный. Аттрибутомъ его служитъ пламя, которое охватываетъ его ноги на мѣстѣ сочлененія съ верхней частью тѣла. „Kirim" считается сверхъестественнымъ животнымъ, которое появилось на свѣтъ подъ особымъ созвѣздіемъ, въ часъ рожденія благороднѣйшаго изъ людей. Его бѣгъ отличается такою легкостью, что онъ не задѣнетъ ни одного стебелька травы, не раздавитъ ни одного насѣкомаго. По японскому вѣрованію, его изображеніе приноситъ счастье.

Рис. № 15. Вьющееся растеніе.

Рядомъ съ нимъ рисуютъ иногда легендарную птицу „Ho-ho", которая равнымъ образомъ встрѣчается довольно часто между баснословными животными японцевъ. Сообразно ихъ вѣрованіямъ, она невидимо пребываетъ въ заоблачномъ пространствѣ и опускается на землю только при рожденіи героя, великаго философа, или законодателя. Она нерѣдко изображается въ видѣ летящей массы перьевъ безъ опредѣленной формы, иногда же простой птицей, и только длинный фантастическій хвостъ напоминаетъ ея миѳическое значеніе.

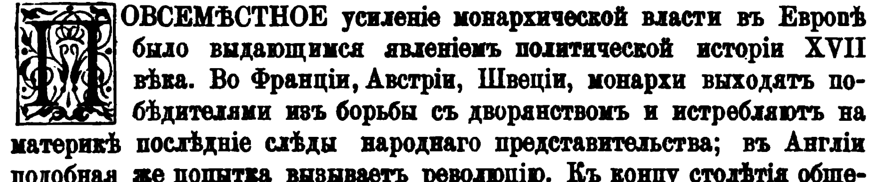
Такимъ образомъ, чѣмъ ближе мы знакомимся съ примѣненіемъ японскаго декоративнаго способа къ художественнымъ произведеніямъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что онъ вовсе не представляетъ собой безсмысленнаго произвола и что, наоборотъ,—въ основѣ едва ли не каждаго, даже самаго простаго сюжета, заимствованнаго изъ растительнаго и животнаго міра, заключается опредѣленная идея и высокое символическое значеніе. Эта доказанная истина, въ связи съ сознательнымъ отношеніемъ къ тому, что̀ до сихъ поръ казалось намъ безотчетнымъ произволомъ, должна существенно увеличить интересъ, возбуждаемый въ насъ декоративной стороной японскихъ художественно-промышленныхъ издѣлій, въ смыслѣ рисунка и красокъ.



СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Данія.

(„Струэзе“. Соч. доктора Карла Виттиха).



ПОВСЕМѢСТНОЕ усиленіе монархической власти въ Европѣ было выдающимся явленіемъ политической исторіи XVII вѣка. Во Франціи, Австріи, Швеціи, монархи выходятъ побѣдителями изъ борьбы съ дворянствомъ и истребляютъ на материкѣ послѣдніе слѣды народнаго представительства; въ Англіи подобная же попытка вызываетъ революцію. Къ концу столѣтія общеевропейское движеніе достигаетъ и маленькой Даніи. Два раза втеченіе четырехъ лѣтъ (1657—60) сильныя ополченія шведовъ отважились ступить на датскую почву; два раза, несмотря на страшныя затрудненія, они проникали черезъ проливы въ сердце Архипелага и два раза, гонимые впередъ гордой надеждой на побѣду, достигали воротъ столицы, чтобы въ случаѣ удачи занять ее и жестоко унизить враговъ: тѣмъ не менѣе эти бури прошумѣли надъ Даніей, не поколебавъ надолго состава государства.

Правда, области, уступленной по Рёскильдскому миру, нельзя было воротить назадъ, но зато опасности войны вызвали новое напряженіе силъ. Новый подъемъ духа у отдѣльныхъ членовъ государственнаго организма, преимущественно усиленіе королевской власти и болѣе тѣсное сближеніе между ней и подданными были слѣдствіемъ этихъ событій, такъ что бѣдствія войны повели даже къ новому разцвѣту датскаго могущества. Главнымъ образомъ, благодаря непоколебимому мужеству, вѣрному и твердому самопожертвованію гражданъ Копенгагена, столица была избавлена отъ позора сдачи. Это усилило довѣріе королевскаго управленія къ горожанамъ; съ помощью ихъ и съ одобренія духовенства, вскорѣ вслѣдъ затѣмъ удалось устранить

стѣснительныя привиллегіи знати, которая своимъ упорствомъ навлекла на Данію послѣднія опасности. Такимъ образомъ королевская власть могла на долгое время укрѣпить новымъ „королевскимъ закономъ" свое собственное неограниченное могущество. Съ этого указа Фридриха III (1665) начинается новый отдѣлъ въ датской исторіи, періодъ наслѣдственной абсолютной монархіи, послѣдніе отпрыски котораго достигаютъ достопамятнаго 1848 года. Въ этой эпохѣ, длившейся почти два столѣтія, можно ясно отмѣтить двѣ различныя ступени развитія: первую можно означить временемъ преимущественно чужестранныхъ вліяній; стремленія, направленныя къ выработкѣ датской національности, наполняютъ собой вторую.

Съ послѣдняго переворота для Даніи наступила эпоха, блестящая съ внѣшней стороны. Сильныя и слабыя стороны абсолютнаго правленія развертываются и здѣсь съ разнообразными оттѣнками и переходами въ рядѣ королей различныхъ характеровъ и способностей. Одни заботились болѣе о матеріальныхъ интересахъ, о подъемѣ торговли и промышленности, объ увеличеніи доходовъ государства, разумѣется, исключительно съ точки зрѣнія пользы короны; другіе съ гордостью ставили своей цѣлью великолѣпной обстановкой двора и торжественнымъ церемоніаломъ возвысить представленіе о божественной силѣ королевской власти. Не было недостатка и въ такихъ личностяхъ, которыя, окружая себя представителями наукъ и искусствъ, какъ щедрые меценаты, покровительствовали просвѣщенію; иные, наконецъ, преданные строгому соблюденію ученія церкви, стараются вести народъ въ строго-церковномъ духѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаютъ духовенство, какъ это дѣлалось въ Англіи при Стюартахъ, въ проповѣдяхъ и книгахъ теоретически выводить авторитетъ короля изъ источника божественнаго всемогущества. Несомнѣнно, что главнымъ образцомъ для ряда этихъ королей, какъ и для большинства державныхъ властителей Европы, служилъ версальскій дворъ. Но при этомъ заслуживаетъ вниманія, что наслѣдственная монархія Даніи, въ первый періодъ ея существованія, получала своихъ усерднѣйшихъ слугъ изъ нѣмецкихъ областей страны,—явленіе, причины котораго не трудно отыскать. Если датская знать, первоначально глубоко оскорбленная уничтоженіемъ ея привиллегіей, была склонна со злобой сторониться отъ участія въ правительственныхъ дѣлахъ, то для того, чтобы пополнять образовавшійся пробѣлъ изъ среды горожанъ, датскому населенію не доставало достаточнаго образованія; такимъ образомъ, для замѣщенія государственныхъ и придворныхъ должностей короли принуждены были обратиться къ болѣе интеллигентнымъ и образованнымъ жителямъ нѣмецкихъ областей. Отсюда тотъ перевѣсъ, которымъ нѣмецкіе элементы такъ долго пользовались при дворѣ датскихъ королей, перевѣсъ, постоянно находившій себѣ новую опору въ томъ, что властители выбирали себѣ супругъ преимущественно изъ семействъ нѣмецкихъ государей. Поэтому министры, которые въ

первый періодъ въ качествѣ совѣтниковъ поддерживали абсолютныхъ королей Даніи, почти исключительно принадлежали къ знатнымъ родамъ герцогствъ Шлезвига и Голштиніи; тѣ же нѣмцы наполняютъ среднія и нижнія ступени дворцовой и правительственной лѣстницы; даже нѣмецкій языкъ, какъ болѣе совершенный, пользуется преимуществомъ передъ датскимъ. Но съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ этомъ отношеніи наступаетъ замѣчательный переворотъ: господство чужеземныхъ и нѣмецкихъ элементовъ должно уступить мѣсто вновь образующейся датской національности.

Поводъ къ этому перевороту подали вполнѣ опредѣленные факты и событія, связанные съ именемъ человѣка, на долю котораго выпадаетъ то строгое осужденіе, то теплая защита. Рѣчь идетъ о Струэнзе, всемогущемъ министрѣ короля Христіана VII. Хотя тщательныя изслѣдованія потомковъ, которые вообще безпристрастнѣе и спокойнѣе, нежели современники, посвящали свое вниманіе достопамятному эпизоду изъ датской исторіи, давно уже приподняли таинственное покрывало, которымъ поэзія и преданіе окутали появленіе Струэнзе, однако въ быстромъ возвышеніи, въ мощной и широкой дѣятельности, въ рѣзкой смѣнѣ высоты и паденія этого человѣка, такъ высоко вознесеннаго счастіемъ, такъ глубоко униженнаго несчастіемъ, все еще столько неожиданнаго и удивительнаго! Снова и снова влечетъ насъ набросать образъ этой личности, разсмотрѣть его и заглянуть въ глубь обстоятельствъ, предопредѣлившихъ ему возвыситься и пасть. Такъ, еще въ послѣднее время профессоръ Карлъ Виттихъ взялъ на себя трудъ разсмотрѣть жизнь Струэнзе, преимущественно его кратковременную правительственную дѣятельность, въ очеркѣ, отличающемся наглядностью изложенія и добросовѣстнымъ изученіемъ источниковъ. Если авторъ и не даетъ какихъ либо новыхъ важныхъ разъясненій, то все-таки за нимъ остается та заслуга, что онъ основательно подтверждаетъ все, уже извѣстное прежде, и проливаетъ новый свѣтъ на жизнь при датскомъ дворѣ и на личности, принимавшія участіе въ этомъ эпизодѣ.

Въ 1766 году скончался Фридрихъ V, великодушный покровитель искусствъ и наукъ, щедрый поклонникъ и другъ Клопштока, и на королевскій престолъ Даніи взошелъ, едва достигнувъ семнадцати лѣтъ, Христіанъ VII. Молодой, самъ по себѣ не лишенный способностей, государь былъ воспитанъ, правда, въ строго церковныхъ правилахъ, но покуда крайне односторонне: тѣ стороны, на которыя слѣдовало бы обратить главное вниманіе при развитіи будущаго монарха,— внутреннее нравственное самообузданіе и знакомство съ государственными дѣлами,—остались въ немъ почти не затронутыми. Поэтому, какъ только исчезли границы, которыя внѣшнимъ образомъ сдерживали его склонный къ грубости и страстности нравъ, онъ предался на свободѣ порывамъ чрезмѣрной пылкости и распутной чувственности, не умѣя цѣнить, даже не понимая серьезныхъ обязанностей своего королев-

скаго призванія. Съ поразительною скоростью развились, подъ вліяніемъ низкихъ товарищей, худшія стороны его характера. Имъ овладѣла необузданная страсть къ буйству; непреодолимая наклонность къ грязнымъ приключеніямъ гнала его ночью по улицамъ столицы. Съ какимъ-то страхомъ передъ обязанностью правителя онъ предоставлялъ всѣ серьезныя дѣла своимъ министрамъ, встрѣчая въ то же время оскорбительной насмѣшкой и ядовитымъ злорадствомъ тѣхъ, кто былъ ему подчинёнъ или работалъ на него. Только исполненія суровыхъ приговоровъ имѣли для него прелесть и привлекательность; на нихъ онъ смотрѣлъ съ нечестивой жестокостью. Чтобы опредѣлить складъ его нрава, серьезные историки, какъ Нибуръ, сравниваютъ его съ римскимъ императоромъ Калигулой. Еще при жизни своего отца Христіанъ былъ обрученъ съ Каролиной-Матильдой, младшей сестрой Георга III, короля англійскаго. Чтобы спасти молодаго короля отъ возраставшаго распутства, совѣтники ускорили его свадьбу. Прибывъ въ Данію, королева съумѣла повсюду произвести пріятное впечатлѣніе. Но красота и привѣтливость его супруги не могли получить никакого продолжительнаго, того менѣе облагораживающаго, вліянія на испорченный нравъ государя, клонившійся къ глубокому духовному разстройству. Вскорѣ онъ уже относился къ ней съ возраставшимъ равнодушіемъ и продолжалъ гоняться за самыми унизительными наслажденіями. Казалось, планъ заграничнаго путешествія еще подавалъ его министрамъ надежду на исправленіе и воздержанную жизнь. За него король ухватился съ живостью; онъ отправился въ Лондонъ и Парижъ не для того, чтобы образовать себя или успокоиться, но чтобы разсѣяться и новыми проявленіями необузданности возбудить свои ослабѣвшіе нервы. Вернувшись затѣмъ послѣ шестимѣсячнаго отсутствія, онъ, казалось, почти исправился и успокоился; но это была только видимая перемѣна. Ее приписывали тогда вліянію молодаго врача, котораго король Христіанъ взялъ во время путешествія къ себѣ на службу и который теперь появился въ его свитѣ въ Копенгагенѣ. Этимъ врачемъ былъ Струэнзе.

Іоаннъ-Фридрихъ Струэнзе, сынъ лютеранскаго пастора, родился 5-го августа 1737 года въ Галле на Сале. Послѣ основательнаго, но суроваго воспитанія подъ руководствомъ отца, ревностнаго приверженца піэтистическаго направленія, онъ рано освободился отъ узкой строгости ортодоксальнаго направленія. Изученіе медицины и естественныхъ наукъ, равно какъ и чтеніе философскихъ сочиненій, привели его къ свободнымъ воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ вѣкъ, такъ называемаго, просвѣтленія. Вслѣдствіе этого онъ пришелъ къ слѣдующему убѣжденію относительно назначенія человѣка: „Обязанности человѣка оканчиваются, какъ и его существованіе, съ земной жизнью. На этомъ онъ строилъ свою мораль, мораль практическаго эвдемонизма. Человѣческія дѣйствія хороши или дурны лишь постольку, поскольку имѣютъ полезныя или вредныя послѣдствія для

общества. Стремленіе приносить обществу пользу и вредъ дѣятельностью съ елико возможно далекимъ, широкимъ вліяніемъ и на этомъ строить собственное счастье, пренебрегая всѣми опасностями,—вотъ его добродѣтель, его идеалъ. Могущество высшихъ этическихъ идей, вѣчныхъ благъ, великихъ рычаговъ душъ, чувство и вѣра, одушевленіе, любовь къ отечеству, болѣе глубокая нравственность—не существуютъ для него".

Струэнзе послѣдовалъ за своимъ отцомъ, когда министръ Бернсторфъ назначилъ его обер-пасторомъ въ Альтону. Безъ большихъ затрудненій онъ достигъ, правда, не очень прибыльной должности штадтфизика и литературными занятіями старался добиться большихъ средствъ и вліянія. Это привело его къ личнымъ сношеніямъ съ графомъ Карломъ Рантцау-Ашебергомъ, человѣкомъ съ тонкимъ великосвѣтскимъ образованіемъ, но съ дурной славой и неособенной честности. Прошедшее графа, проведенное въ обширныхъ путешествіяхъ по Швейцаріи и Италіи, было полно сомнительныхъ приключеній. Долгое время онъ провелъ въ Петербургѣ и, если вѣрить довольно достовѣрнымъ слухамъ, принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ, сопровождавшихъ воцареніе Екатерины II. Вернувшись на родину, онъ удалился въ Альтону и ждалъ здѣсь, чтобы благопріятная перемѣна обстоятельствъ привела его снова къ копенгагенскому двору. Благодаря его посредничеству, Струэнзе получилъ сначала обширную докторскую практику среди именитыхъ семействъ голштинской знати, а вскорѣ затѣмъ, во время путешествія Христіана VII, былъ представленъ королю и принятъ имъ на службу въ званіи придворнаго врача. На первое время это само по себѣ подчиненное положеніе дало молодому человѣку, исполненному пылкаго честолюбія, возможность добиться вліянія у короля личными, располагавшими къ себѣ, сторонами характера, въ особенности качествами занимательнаго собесѣдника. Затѣмъ, по поводу болѣзни королевы, онъ проникъ въ ея интимный кругъ и съумѣлъ пріобрѣсти благодарность, вскорѣ даже живѣйшее расположеніе съ ея стороны. Скоро послѣ того ловкому придворному врачу удалось улучшить взаимныя отношенія королевской четы и, заручившись довѣріемъ обоихъ, расчистить поле для своихъ дальнѣйшихъ честолюбивыхъ плановъ.

Доказательствомъ возраставшаго королевскаго довѣрія могли служить почетныя должности, порученныя ему съ весны 1770 года. Званіе королевскаго чтеца, домашняго секретаря королевы и конференцъ-совѣтника были какъ бы созданы для того, чтобы поставить его въ непосредственныя и ежедневныя сношенія съ державной четой. Уже это начало пробуждать зависть придворныхъ. Но скоро имъ, равно какъ и вліятельнымъ министрамъ и чиновникамъ, пришлось узнать, чего слѣдовало ожидать отъ этого человѣка, котораго они презирали, какъ выскочку и фаворита. Лѣтомъ того же года король и королева въ сопровожденіи Струэнзе предприняли путешествіе въ Шлезвигъ-

Гольштейнъ. Во время путешествія ихъ величествамъ, какъ бы случайно, представился поводъ дозволить возвращеніе въ столицу двумъ аристократамъ, жившимъ до тѣхъ поръ въ удаленіи отъ двора. Съ обоими вошедшими снова въ милость, графомъ Рантцау и Эневольдомъ фонъ-Брандтомъ, назначеннымъ вскорѣ вслѣдъ затѣмъ камергеромъ, Струэнзе былъ въ тѣсной дружбѣ во время своего пребыванія въ Альтонѣ. Соединившись съ ними, онъ думалъ не только вполнѣ господствовать надъ дворомъ, но и получить государственныя дѣла въ свои руки. Этихъ трехъ людей называли датскимъ тріумвиратомъ и вполнѣ справедливо приписывали ихъ возраставшему вліянію послѣдовавшія затѣмъ перемѣны въ правительственной системѣ и личномъ составѣ высшихъ должностей.

Перемѣны держались первоначально въ тайнѣ и вышли наружу съ полною ясностью только тогда, когда, 15-го сентября 1770 г., король постановилъ дать отставку своему первому министру Бернсторфу. Правда, Струэнзе самъ осторожно держался на заднемъ планѣ, но ни для кого не оставалось болѣе тайной, подъ чьимъ руководствомъ выходила масса кабинетныхъ указовъ короля, которые, какъ бы по единому плану, должны были преобразовать внутреннее управленіе. Между тѣмъ, графъ Рантцау стремился идти по слѣдамъ Бернсторфа во всемъ, что касалось внѣшней политики; побуждаемый жаждой мести, онъ, казалось, хотѣлъ впутать датское государство въ серьезныя затрудненія съ Россіей. Вслѣдствіе этого Струэнзе съ самаго начала сталъ съ нимъ въ противорѣчіе, которое должно было сдѣлаться роковымъ для него самого. Въ дѣйствительности ему стоило немалаго труда и ловкости съ одной стороны обуздывать пылкость своего прежняго друга и союзника, а съ другой—внушать довѣріе иноземнымъ державамъ къ новому правительству. Послѣднее все-таки удалось Струэнзе до извѣстной степени; но зато ему пришлось увидѣть, какъ мало-по-малу возрасло отчужденіе между нимъ и графомъ Рантцау, какъ, наконецъ, въ злобѣ графъ совершенно отстранился отъ дѣлъ. Слѣдовало ожидать, что коварный человѣкъ дождется минуты, когда можно будетъ свирѣпо отомстить за это приниженіе. Отношеніе къ тщеславному, менѣе опасному камергеру фонъ-Брандту осталось дружелюбнымъ, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны. Правда, они оба не были связаны узами откровенной преданности и даже не питали уваженія другъ ко другу; но одинаковые интересы—слѣдить за дворомъ и стеречь свое собственное вліяніе—связывали ихъ взаимно, пока обманчивое счастье не увлекло обоихъ въ общую погибель. Главною опорой господствовавшаго положенія Струэнзе были слабость короля и еще болѣе благосклонность и любовь королевы. Равнодушіе къ достоинству своего королевскаго званія и къ дѣламъ государства дѣлали Христіана VII тупымъ орудіемъ чужой воли, а сердце и умъ Матильды настолько были расположены къ новому министру, что даже соображенія разсудка не могли помѣшать ей открыто высказывать это

передъ народомъ. Но настоящую опору человѣкъ, отважившійся на выполненіе такой громадной задачи, долженъ былъ искать въ своей собственной груди. И дѣйствительно: честолюбіе побудило его, чужестранца, безъ преимуществъ знатнаго происхожденія, изъ простаго буржуазнаго круга дѣятельности подняться къ необычайнымъ при такихъ условіяхъ, могуществу и почести. Собственный геній внушилъ ему планъ реформы датскаго государства; смѣло и энергично принялся онъ за выполненіе своихъ идей, выбравъ себѣ образцомъ не болѣе, не менѣе, какъ Фридриха Великаго. Но зато ему было отказано въ другой незамѣнимой способности—вѣрно обсуждать затрудненія и задержки, которыя должны были выростать изъ упорства существующихъ отношеній, изъ предубѣжденій человѣческой ограниченности, неудовольствія потерпѣвшихъ сословій, а главное — своевременно предупреждать ихъ сопротивленіе. Ему не удалось убѣдить противниковъ въ превосходствѣ своихъ воззрѣній, не удалось и сохранить умѣренность и безкорыстіе, которыя онъ первоначально выставлялъ на показъ. А когда коварство и сила враговъ уже торжествуютъ надъ нимъ, тогда покидаютъ его и самоувѣренность, и твердость, которыя истинно великіе люди, наперекоръ злорадству, сохраняютъ даже въ несчастіи.

Правленіе Струэнзе въ Даніи продолжалось только полтора года. Поразительно, съ какимъ усердіемъ онъ приступаетъ къ ниспроверженію старой феодальной системы, съ какой проницательностью умѣетъ поражать слабыя мѣста, съ какой неутомимой дѣятельностью преобразовываетъ отдѣльные органы государства и подчиняетъ ихъ своему личному надзору. Первоначально его собственное участіе скромно и осторожно остается на заднемъ планѣ. Первыя рѣшительныя дѣйствія правительства, отставка Бернсторфа и появленіе слѣдовавшихъ затѣмъ кабинетныхъ указовъ, происходятъ, повидимому, какъ вполнѣ свободныя проявленія королевской воли. Только постепенно новый министръ появляется открытымъ совѣтникомъ короля и только тогда выступаетъ съ личными требованіями, когда уже считаетъ себя на вершинѣ могущества. Шесть сотъ кабинетныхъ указовъ насчитываютъ за краткій періодъ господства Струэнзе, содержаніе и цѣль которыхъ вполнѣ въ духѣ просвѣтительной эпохи. Постепенное уничтоженіе сословной исключительности, облегченіе положенія крестьянскаго населенія, покровительство матерьяльнымъ интересамъ являются главными задачами новаго управленія. Извѣстная мѣра духовной свободы должна быть удѣлена каждому подданному, но при этомъ всюду ясно сказывается главная цѣль— централизація общаго управленія. И здѣсь слѣдуютъ принципу просвѣтительнаго деспотизма: „Все для народа, и ничего посредствомъ него"; и здѣсь заботятся объ образованіи дѣльнаго чиновничества на службѣ у короля. Иныя мѣры поражаютъ своимъ свободомысліемъ; въ частностяхъ Струэнзе смѣло опережаетъ правителей и министровъ— преобразователей своего времени.

Одинъ изъ первыхъ кабинетныхъ указовъ короля направленъ противъ злоупотребленій чинами и титулами. Хотѣли положить конецъ лакейству, бывшему до тѣхъ поръ въ обычаѣ въ дворцовой и государственной службѣ; доступъ къ должностямъ поставили въ зависимость отъ достоинства, опредѣляемаго дипломами и испытаніями. Но изумленіе и удивленіе вызвало въ Европѣ второе распоряженіе, даровавшее полную свободу печати въ датскихъ областяхъ, постановленіе, которое, впрочемъ, дало и врагамъ новой системы самое острое оружіе въ руки для борьбы противъ нея. Уже давно чувствовалась необходимость болѣе строгой правильности въ финансовомъ хозяйствѣ: теперь елико возможная бережливость была выставлена основнымъ правиломъ при всѣхъ расходахъ, и дворъ впереди всѣхъ подавалъ хорошій примѣръ. Вскорѣ реформы распространяются на всѣ области внутренней жизни государства. Повсюду даютъ себя знать руководящіе принципы: упрощеніе и ускорѣніе дѣлопройзводства, усиленіе надзора и подчиненія общему верховному руководству; такъ въ дѣлахъ юстиціи, полиціи, въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ управленія. Послѣ того, какъ отдѣльныя правительственныя коллегіи были обращены въ простыя присутствія съ одинаковымъ порядкомъ дѣлопроизводства, а тайный совѣтъ уничтоженъ, образуется полное управленіе кабинета. Къ первому министру присутственныя мѣста обращаются съ своими отношеніями и докладами; первый министръ посылаетъ имъ рѣшенія и инструкціи. Послѣднимъ шагомъ въ этомъ централизующемъ направленіи было возведеніе Струэнзе въ званіе тайнаго кабинетъ-министра короля, отъ 14-го іюля 1771 года. Ему были вручены неслыханныя полномочія, по которымъ всѣ исходящіе отъ него постановленія и приказы должны были имѣть полную силу, если бы даже безъ всякой королевской подписи и исходили отъ одного Струэнзе. Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и всѣмъ чиновникамъ было вмѣнено въ обязанность безусловно повиноваться этимъ постановленіямъ перваго министра точно такъ же, какъ приказамъ самого короля.

Такія обширныя, такія внезапныя преобразованія не могли быть проведены безъ сильныхъ потрясеній, безъ рѣшительнаго сопротивленія затронутыхъ органовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вводились несомнѣнныя облегченія и улучшенія, перерывъ обычнаго дѣлопроизводства все-таки долженъ былъ вызывать безпокойство и заботу въ душѣ заинтересованныхъ лицъ, потому что намѣченное дѣйствіе не вездѣ наступало немедленно и въ желанномъ видѣ, а потерпѣвшіе въ его интересахъ люди не могли тотчасъ же найти удовлетворительное вознагражденіе за свои потери. Наибольшій ущербъ потерпѣли привиллегіи дворянства. Сокращеніе войска, распущеніе гвардіи, сначала конной, а затѣмъ и пѣшей, прекращеніе доступа къ должностямъ въ силу протекціи и привиллегій, лишили ея членовъ важнѣйшихъ средствъ ихъ собственнаго обезпеченія, а съ уничтоженіемъ тайнаго совѣта погибло ихъ вліяніе на управленіе страной. Возраставшее неудовольствіе давало себѣ волю

въ печати, освобожденной Струэнзе. Въ пасквиляхъ и сатирахъ новаго министра осыпали позорящими прозвищами частью такими, къ которымъ легко подавало поводъ его прошедшее, какъ „костоправъ, цирульникъ, докторъ-чародѣй“, частью другими, взятыми изъ его настоящаго, какъ „фаворитъ, узурпаторъ, новый Кромвелль“. Отвратительные анекдоты выдумывались съ ненавистнымъ злорадствомъ объ его отношеніи къ королевѣ и пускались въ ходъ съ необузданной наглостью. Злоба и досада достигли своей высшей точки, когда король Христіанъ возвелъ въ графское достоинство своего министра и его презираемую креатуру, камергера фонъ-Брандта, подаривъ первому значительную сумму— въ 60 тысячъ талеровъ. Къ этому присоединилось неслыханное полномочіе, которое поставило любимца по его авторитету почти наравнѣ съ королемъ. Выдумками о планахъ насильственныхъ ниспроверженій взволновали народъ и самое дѣйствительное средство для этого нашли въ указаніи на предпочтеніе иностранцевъ и на предстоящее подавленіе датской національности. Разумѣется, и къ этому подалъ поводъ Струэнзе. Множество кабинетныхъ указовъ короля, которые вышли въ его управленіе, было составлено всецѣло и единственно на нѣмецкомъ языкѣ.

Съ знатными соединилось духовенство, возбужденное противъ чужеземнаго выскочки и его новшествъ. Въ проповѣдяхъ и книгахъ оно гремѣло противъ распространявшейся испорченности, къ которой, будто-бы, подавала поводъ свобода при дворѣ. Въ просвѣщеніи народа оно видѣло серьезную опасность для существованія монархіи. О положеніи короля распространяли самые дурные слухи, будто-бы съ нимъ обходятся жестоко и силой удерживаютъ его отъ дружественныхъ сношеній съ вѣрнымъ народомъ. Особенную досаду вызвало воспитаніе кронпринца, которое Струэнзе расположилъ вполнѣ согласно съ основными положеніями Руссо; говорили, будто-бы черезмѣрное стараніе закалить его организмъ систематически разрушаетъ здоровье принца, что его образованіемъ пренебрегаютъ, убиваютъ въ немъ всякое религіозное чувство. Случайности, злобно искаженныя и преувеличенныя слухами, помогли и здѣсь придать оттѣнокъ правды враждебнымъ обвиненіямъ. Эти постоянные происки не могли не взволновать умовъ народа, и въ странѣ стали готовиться къ самому худшему и ужасному.

Что-же дѣлалъ самъ Струэнзе? Первоначально онъ относился, правда, съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ celoзнямъ своихъ враговъ, считая свое положеніе надежнымъ, пока ему удавалось управлять дворомъ по своему произволу. Но мало-по-малу сознаніе своей отчужденности должно было сдѣлаться ему непріятнымъ; слишкомъ ясно пасквили и угрозы давали ему понять, какой избытокъ ненависти и вражды скопился постепенно и что противники дожидаются только случая излить свою злобу противъ него. Сознаніе приближавшейся опасности охватило его душу; на это указываетъ шаткость его пове-

денія при событіяхъ, которыя, какъ предвѣстники, возвѣстили приближавшуюся бурю. Въ сентябрѣ 1771 года, 300 матросовъ произвели сильную смуту вблизи замка Гиршгольма, гдѣ дворъ обыкновенно располагалъ свою лѣтнюю резиденцію. Упорствомъ добились они выдачи имъ недоплаченнаго жалованья и не были наказаны за свое мятежное поведеніе. Еще болѣе дурное впечатлѣніе произвелъ другой случай слабости власти и открытаго непослушанія, который около Рождества разыгрался внутри самой столицы и вдобавокъ при живѣйшемъ участіи населенія въ пользу возставшихъ. Струэнзе хотѣлъ въ это время уничтожить пѣшую гвардію и постановилъ, чтобы солдаты были распредѣлены между остальными полками. Но гвардія, видя въ этомъ приниженіе, воспротивилась приказанію, овладѣла постами во дворцѣ и съ насиліями и угрозами требовала, чтобы ее лучше распустили совсѣмъ. Въ порывѣ непростительнаго безсилія министръ не только согласился на это требованіе, но даже выхлопоталъ мятежникамъ милостивое награжденіе.

Между тѣмъ, нити заговора уже были готовы и положено начало предпріятію, которое должно было принести всеобщему раздраженію и тайно, и явно намѣченную жертву. Преимущественно личные интересы побудили участниковъ къ общему дѣйствію. Только для тѣхъ, чье содѣйствіе приходилось пріобрѣтать искусными убѣжденіями, успѣшно ставили на первый планъ вопросъ о государственной пользѣ. Тотъ-же графъ Рантцау, который еще не задолго передъ этимъ помогъ своему другу Струэнзе достичь милости и значенія при дворѣ, принялъ на себя, изъ страсти къ ковнямъ и съ жаждой мести за собственное приниженіе, печальную обязанность путемъ низкихъ интригъ свергнуть ненавистнаго выскочку. Вѣрно разсчитывая, что его заговоръ слѣдуетъ освятить извѣстнымъ авторитетомъ, а, на случай неудачи, запастись для себя нужнымъ прикрытіемъ, онъ пользуется, какъ средствомъ, всякимъ обманомъ и подлогомъ, чтобы въ средѣ самой королевской семьи найти главныя опоры для своего предпріятія. Вдали отъ двора, недовольная оборотомъ дѣлъ въ Даніи, вела тогда уединенную жизнь съ своимъ сыномъ-принцемъ вдовствовавшая королева Юліана-Марія, вторая жена Фридриха V. Разумѣется, и она видѣла въ поступкахъ узурпатора серьезную опасность для датской монархіи, и на нее дѣйствовала ужасная картина разрушительныхъ плановъ любимца, которую съ ловкостью опытнаго интриганта въ живыхъ краскахъ набросалъ графъ Рантцау. Еще болѣе оскорбляло ее, что королева, какъ казалось, совершенно забывала свое достоинство, какъ женщины и государыни. Изъ изложенія профессора Виттиха очевидно, что здѣсь нужно искать главную причину, побудившую робкую вообще мачиху короля примкнуть къ заговору.

Раннимъ утромъ, 17-го января 1772 года, слабоумный король, только что вернувшійся съ бала въ замкѣ Христіанборгѣ, неожиданно увидѣлъ заговорщиковъ около своей постели. Пораженный необычайнымъ

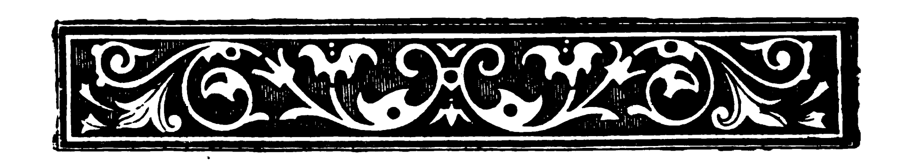
событіемъ, еще болѣе испуганный картиной низложенія и смерти, которыя будто бы ему угрожали, онъ безъ всякого сопротивленія согласился подписать приказы объ арестѣ, поданные ему уже готовыми. Выполненіе ихъ послѣдовало немедленно. Струэнзе, Брандтъ и еще 12 человѣкъ, считавшіеся ихъ усерднѣйшими помощниками, были схвачены и заключены въ крѣпость. Графъ Рантцау лично возвѣстилъ несчастной королевѣ приказъ короля отправиться подъ конвоемъ солдатъ въ замокъ Кронборгъ. Проснувшись, столица узнала неожиданную новость. Ликующіе граждане тѣснились по улицамъ къ королевскому двору и требовали взглянуть на своего „добраго короля". Король, окруженный заговорщиками, съ балкона привѣтствовалъ народъ, затѣмъ въ парадномъ экипажѣ проѣхался по городу, сопровождаемый восторженными криками толпы. Вернувшись въ замокъ, разслабленный и равнодушный, онъ предоставилъ вдовствовавшей королевѣ и ея совѣтникамъ дальнѣйшія мѣропріятія. Съ этихъ поръ мачиха сдѣлалась какъ бы опекуншей короля. Подъ ея руководствомъ было образовано новое управленіе, во главѣ котораго сталъ статскій совѣтникъ Гульдбергъ, одинъ изъ главныхъ участниковъ заговора.

Для суда надъ заключенными была назначена слѣдственная комиссія. Ея члены были выбраны изъ среды знати, духовенства и высшаго чиновничества; между ними многіе были извѣстны за непримиримыхъ противниковъ Струэнзе. Обвиненіе было выставлено по оскорбленію величества. Для ряда пунктовъ можно было привести несомнѣнныя доказательства. Но именно того, на что въ особенности разсчитывала торжествовавшая партія,—опасный заговоръ противъ жизни короля и намѣреніе свергнуть династію,—нельзя было подтвердить никакими убѣдительными доказательствами. Пять недѣль Брандтъ и Струэнзе оставались въ отвратительномъ заключеніи. Когда ихъ, наконецъ, привели къ допросу, послѣдній, казалось, уже начиналъ терять твердость и достоинство. Но вскорѣ оба эти качества совершенно оставили его и онъ призналъ себя виновнымъ въ интимныхъ отношеніяхъ къ королевѣ. Еще одно торжество праздновали надъ нимъ его противники: они могли возвѣстить вѣрующимъ христіанамъ полное обращеніе свободнаго мыслителя. Признаніе Струэнзе повело за собой разводъ королевы съ ея супругомъ. Глубоко оскорбленная слабостью горячо любимаго человѣка и все-таки великодушно прощая ему, она покинула Кронборгъ, чтобы вдали, лишенная дѣтей, каяться въ своей винѣ. Послѣдніе годы своей жизни она прожила въ уединеніи въ Целле. Тамъ она скончалась въ 1775 году, едва достигнувъ 24-хъ лѣтъ; искренне горевали и оплакивали ее тѣ, кто видалъ съ ея стороны неоднократныя доказательства сердечной доброты; мягче судили и сожалѣли тѣ, кто могъ понять, что не по собственной волѣ, а изъ разсчетовъ политики она была прикована къ недостойному супругу.

Брандту и Струэнзе вынесли смертный приговоръ; и король подписалъ его. Если бы можно было думать о помилованіи, оно скорѣе выпало бы на долю послѣдняго. Христіанъ самъ сознавался, что онъ никогда не испытывалъ оскорбленій съ его стороны; но Брандта онъ ненавидѣлъ смертельно съ тѣхъ поръ, какъ камергеръ, за нанесенное ему оскорбленіе, отважился отомстить королю побоями. 28-го апрѣля 1772 года казнь была совершена на Остерфельдѣ близъ Копенгагена, въ присутствіи необозримой толпы. Каждому изъ обвиненныхъ отрубили сначала правую руку, затѣмъ голову, и даже тѣло было еще разрублено на куски. Лишь только были зарыты тѣла обоихъ виновныхъ въ оскорбленіи величества, уже начали, серьезно взвѣшивая, обдумывать только что пережитыя событія. Ввиду мѣропріятій новаго правительства, которое быстро устранило большинство нововведеній Струэнзе и только за немногими исключеніями возстановило прежній порядокъ, болѣе благоразумные начинали справедливо оцѣнивать, чего собственно хотѣлъ реформаторъ и что̀ онъ въ дѣйствительности сдѣлалъ для государства. Вскорѣ и среди датскаго народа не было недостатка въ защитникахъ его либеральныхъ идей и намѣреній. Вѣдь, въ сущности говоря, это новое правительство добилось господства только хитростью и насиліемъ. Поэтому дѣломъ справедливости показалось, когда вскорѣ затѣмъ графъ Рантцау, пользовавшійся дурной славой, былъ принужденъ сложить съ себя свои должности и съ значительнымъ годовымъ содержаніемъ удалиться отъ дѣлъ. Не менѣе заслужило одобренія во всей Даніи и то, что послѣ паденія Струэнзе власть начала вести борьбу противъ перевѣса чужеземцевъ и всячески заботиться о развитіи въ Даніи національнаго чувства. Въ этомъ и заключается существенное послѣдствіе дѣятельности Струэнзе. Заграницей приговоръ образованныхъ людей еще раньше не былъ благопріятнымъ для слишкомъ поспѣшнаго образа дѣйствія реформатора. Извѣстно, съ какимъ пренебреженіемъ отозвался Фридрихъ Великій о выскочкѣ изъ мѣщанъ, какъ просвѣтителѣ и благодѣтелѣ народа. Но все-таки насильственное судопроизводство, которое притомъ же обнаружило полную невозможность доказать главнаго пункта обвиненія, возбудило теплое сочувствіе къ несчастному реформатору. Такъ было въ особенности въ Германіи, гдѣ къ подобному процессу примѣняли названіе „юридическаго убійства“. Жестокое преслѣдованіе и истребленіе всего нѣмецкаго со стороны датскихъ государственныхъ людей способствовало, съ своей стороны, распространенію въ Германіи этого снисходительнаго расположенія и склонности къ оправданію. Болѣе спокойный и справедливый приговоръ надъ Струэнзе, надъ его личностью и его проступками сдѣлался возможнымъ только тогда, когда сошли со сцены поколѣнія какъ тѣхъ, которые пережили его появленіе и паденіе, такъ и тѣхъ, которые еще находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ этихъ событій. Такой приговоръ лежитъ

передъ нами въ прекрасномъ изложеніи профессора Виттиха; и въ высокую заслугу можно поставить ему, что съ объективностью серьезнаго историка онъ соединилъ участливую теплоту сердечнаго человѣка.

Иф...лъ.



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ II. М. 1881 г.

ДИРЕКТОРЪ Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, обладаетъ такою громадою матеріаловъ для отечественной исторіи, что обнародованіе каждой части этой сокровищницы есть уже важная услуга наукѣ. Въ настоящее время напечатанъ второй выпускъ Сборника Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, о первомъ выпускѣ котораго было уже говорено въ „Историческомъ Вѣстникѣ". Въ этомъ второмъ выпускѣ первою статьею помѣщена диссертація на степень магистра, написанная молодымъ ученымъ г. Уляницкимъ подъ названіемъ „Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. Очеркъ дипломатической исторіи восточнаго вопроса". Кромѣ архивныхъ дѣлъ, изъ которыхъ извлеченія приложены при второмъ выпускѣ, диссертація г. Уляницкаго сообщаетъ свѣдѣнія, извѣстныя намъ по сочиненіямъ Устрялова, Соловьева, Ложье, Гаммера, Цинкейзена и другихъ, написана безукоризненно хорошо, и безъ сомнѣнія никто изъ прочитавшихъ ее не осмѣлится сказать, чтобъ авторъ былъ недостоинъ полученія степени, которая всегда бываетъ прямою цѣлію такихъ сочиненій. Авторъ занимается, главнымъ образомъ, долго неудававшимися попытками Россіи открыть для своихъ торговыхъ судовъ Черное море, которое Турція ревниво оберегала отъ вторженія въ него вообще иностранцевъ, а русскихъ въ особенности, такъ какъ западная дипломатія постоянно старалась возбудить у турецкаго правительства опасеніе коварныхъ замысловъ Россіи. Далѣе, во второмъ выпускѣ Сборника, слѣдуютъ извлеченія изъ бумагъ князя Дмитрія Алексѣевича Голицына, бывшаго съ 1762 по 1768 годъ посломъ въ Парижѣ, а потомъ въ Гагѣ въ томъ же званіи, одного изъ умнѣйшихъ государственныхъ мужей русскихъ въ XVIII вѣкѣ. Мы не станемъ придавать большого значенія отысканнымъ въ этихъ бумагахъ письмамъ Вольтера, потому только, что ихъ не

было прежде въ бывшихъ изданіяхъ сочиненій знаменитаго писателя; эти письма ничего не заключаютъ, кромѣ комплиментовъ и лести Екатеринѣ. Важнѣе письма самого Д. А. Голицына къ родственнику его, вице-канцлеру А. М. Голицыну, гдѣ проводится мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ,—мысль, уже занимавшая умы передовыхъ русскихъ людей въ XVIII вѣкѣ. Достойно замѣчанія, что Д. А. Голицынъ подаетъ мысль объ учрежденіи объѣздныхъ судей (juges ambulants) для суда по предмету разныхъ недоразумѣній, могущихъ возникнуть какъ между освобожденными крестьянами, такъ равно между крестьянами и ихъ бывшими владѣльцами, что во многомъ походитъ на учрежденныхъ въ царствованіе Александра II мировыхъ посредниковъ. Письма эти—не новость въ нашей литературѣ. Нѣкоторыя были сообщены тѣмъ же барономъ Бюлеромъ въ Русское Историческое Общество и напечатаны въ XV томѣ Сборника этого Общества (стр. 618—639), а другія помѣщены были въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" за 1876 годъ. Сверхъ того, въ Сборникѣ Московскаго Главнаго Архива (вып. II, стр. 121) указывается, будто еще въ февральской книжкѣ „Русской Старины" помѣщены были по этому же вопросу четыре письма къ вице-канцлеру А. М. Голицыну и одно изъ этихъ писемъ отъ генералиссимуса Суворова; но въ указанной книжкѣ „Русской Старины" такихъ писемъ не оказывается. Не можемъ пройти молчаніемъ то обстоятельство, что мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ заявлена была еще гораздо ранѣе однимъ изъ Голицыныхъ. Но кѣмъ именно? Василіемъ Васильевичемъ, извѣстнымъ любимцемъ царевны Софіи, такъ высоко поднявшимся и такъ трагически павшимъ съ своего величія! Это было извѣстно Погодину, напечатавшему въ концѣ 1874 и въ началѣ 1875 г. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія монографію о стрѣлецкихъ бунтахъ, составленную на основаніи французской современной брошюры, гдѣ на стр. 215 говорится, что le prince Galischine voulait commencer par affranchir les paysans et leur abandonner les terres qu'ils cultivaient... (кн. Голицынъ хотѣлъ освободить крестьянъ, предоставивъ имъ тѣ земли, которыя они воздѣлывали). Такимъ образомъ, эта историческая личность, оставившая по себѣ въ исторіи память поступками вовсе не похвальными, является съ такими свѣтлыми чертами, которыя даютъ о ней совсѣмъ иное представленіе. Затѣмъ, во второмъ выпускѣ Сборника, встрѣчаемъ мы статью „Московскій Главный Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ", писанную покойнымъ Аммономъ, бывшимъ дѣлопроизводителемъ въ означенномъ Архивѣ. Это—историческій очеркъ, обнимающій кратко посольскій приказъ и коллегію иностранныхъ дѣлъ и указывающій на судьбы Московскаго Главнаго Архива. Въ видѣ приложеній г. Бюлеромъ здѣсь же помѣщены свѣдѣнія объ участіи, какое принималъ Архивъ въ ученыхъ съѣздахъ IV-мъ и V-мъ археологическихъ и III-мъ—географическомъ.

Н. Костомаровъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ. Біографіи и характеристики. Татищевъ, Шлёцеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, Ешевскій, Гильфердингъ. Спб. 1882 г.

Нельзя не благодарить ученаго, когда онъ издаетъ въ одномъ сборникѣ статьи свои за много лѣтъ, разсѣянныя по различнымъ журналамъ и относящіяся къ одному и тому же кругу. Статьи, собранныя въ книгѣ К. Н. Бестужева-Рюмина, въ общей связи своей представляютъ какъ бы небольшой и общедоступный курсъ русской исторіографіи. Жаль, что авторъ не включилъ въ этотъ сборникъ и старыхъ своихъ статей о славянофилахъ (хотя въ настоящее время ему и пришлось бы во многомъ ихъ измѣнить). Обзоръ нашей исторіографіи вышелъ бы тогда полнѣе. Правда, и тогда бы не доставало такъ называемыхъ предшественниковъ славянофильства: кн. М. М. Щербатова и Болтина, которые въ сущности (особенно первый) далеко не заслуживають этой клички. Въ нашей исторіи особенно любопытнымъ вѣдь и представляется постепенное пробужденье чутья народности сквозь напускной европеизмъ и тѣсно связанную съ нимъ лже-народность, очень еще замѣтную и у Карамзина.

Особенно содержательною въ сборникѣ надо признать обширную ученую монографію о Татищевѣ (съ подробнымъ изложеніемъ его сочиненія, до сихъ поръ остающагося въ рукописи—„Разговоры о пользѣ наукъ"). Особенною живостью и задушевностью изложенія отличается характеристика С. В. Ешевскаго, о которомъ авторъ говоритъ по личнымъ воспоминаніямъ, какъ ближайшій къ нему человѣкъ. Много также мѣткаго и живаго представляютъ характеристики М. П. Погодина и С. М. Соловьева. Съ наибольшимъ сочувствіемъ однако же авторъ отнесся къ старому и общему учителю—Карамзину. Пишущему эти строки пришлось въ свое время читать за автора эту его блестящую юбилейную рѣчь на нашемъ университетскомъ актѣ. Но онъ не можетъ теперь не замѣтить съ товарищескою откровенностью, что съ нея не мѣшало бы поснять юбилейный ея колоритъ. Онъ замѣтенъ, напримѣръ, въ словахъ: „Не думаю, чтобы кому нибудь изъ людей, хорошо знающихъ „Исторію Государства Россійскаго", показалось страннымъ то мнѣніе, что трудно найти въ какой либо литературѣ произведеніе болѣе благородное". Но еще юбилейнѣе отзывъ почтеннаго автора о Карамзинѣ, что „этотъ одинъ изъ самыхъ геніальныхъ людей Русской земли былъ если не самый чистый, то одинъ изъ самыхъ чистыхъ". Даже относительно „обѣихъ безсмертныхъ записокъ" Карамзина, „изъ которыхъ каждая была подвигомъ гражданскаго мужества", пора бы уже, повидимому, высказываться съ меньшей восторженностью—и именно съ народной точки зрѣнія.

Совершенно вѣрно, конечно, что своею запискою о Польшѣ Карамзинъ патріотически помѣшалъ отмежевать къ ней западно-русскія губерніи, но онъ не могъ договориться въ этомъ случаѣ до конца, т. е. до подъема въ этихъ губерніяхъ русскаго народа. Мало вѣдь было оставить ихъ за Россіею; надо было вывести въ нихъ народъ изъ подъ ига панства, а Карамзину пришлось объ этомъ молчать, чтобы не поколебать крѣпостнаго права. Отстаивая его въ „Запискѣ о древней и новой Россіи," онъ явился прямымъ продолжателемъ М. М. Щербатова и Болтина. Его точка зрѣнія на землевладѣніе—прямо противонародная. Предложеніе, чтобы государь по временамъ являлся

народу въ дворянскомъ мундирѣ, конечно, противорѣчитъ народному представленію о земскомъ царѣ. Дѣло въ томъ, что Карамзинъ оставался истымъ представителемъ вѣка той „великой царицы, примѣръ которой,—по мѣткому выраженію г. Бестужева-Рюмина,—обязывалъ если не быть, то казаться русскимъ". Я бы сказалъ прямо: только казаться. Если „идеальное представленіе образа Екатерины" въ знаменитомъ „Похвальномъ словѣ" Карамзина, „свидѣтельствуетъ, по справедливому замѣчанію нашего автора, о высокомъ историческомъ талантѣ," то оно значительно противорѣчитъ той идеѣ самодержавія, которую проводитъ Карамзинъ въ своей исторіи. Екатериною онъ восторгался именно какъ дворянской императрицей, а совѣтуя Александру Павловичу являться народу въ дворянскомъ мундирѣ, онъ этимъ заявлялъ желаніе, чтобы самодержавіе и при немъ было по-прежнему ограничено барствомъ. Оно и оставалось имъ ограниченнымъ даже при Николаѣ Павловичѣ. Самодержавіе скинуло съ себя путы барства и выступило на широкій земскій путь только при томъ во вѣки незабвенномъ царѣ, жизнь котораго насильственно прекратилась 1-го марта. Освобожденіе крестьянъ было слишкомъ надолго задержано вліяніемъ барства и тяжесть экономическаго переворота именно отъ этого и усилилась. Отвѣтственность въ этомъ отношеніи въ значительной степени падаетъ и на Карамзина, хотя бы и можно было согласиться съ мнѣніемъ К. Н. Бестужева-Рюмина, что „поколѣніе, воспитанное Карамзинымъ, уже не могло повторить Куралесова или Салтычиху; по крайней мѣрѣ оно значительно смягчило эти типы". Думается, что „сентиментальность" очень мало смягчаетъ нравы. Достоевскій не даромъ замѣтилъ про Өедора Павловича Карамазова, что „онъ былъ золъ и сентименталенъ".

Надѣюсь, что многоуважаемый авторъ проститъ мнѣ мое упорное мнѣніе о томъ, что „народность" Карамзина подчасъ оказывается народностью безъ народа. Одинаково со мною благоговѣя, какъ я это хорошо знаю, передъ памятью покойнаго государя, онъ долженъ до нѣкоторой степени отказаться отъ стараго и общаго учителя—Карамзина.

Очень жаль, что многоуважаемый авторъ не началъ своихъ прекрасныхъ исторіографическихъ очерковъ съ общей характеристики нашего древняго лѣтописца. Сопоставленіе съ нимъ общаго типа нашего историка-европейца было бы во многихъ отношеніяхъ поучительно. Несмотря ни на какой византинизмъ, нашъ древній лѣтописецъ умѣлъ вѣрно схватывать и воспроизводить основныя черты своей славянской народности. Нашъ историкъ-европеецъ сразу какъ-то оглохъ и ослѣпъ по отношенію къ нимъ. Фальсификація нашей лѣтописи въ историческихъ запискахъ Екатерины II вовсе не единичное явленіе. Въ своемъ родѣ фальсификаціей (хотя и невсегда умышленной какъ у Екатерины) нашей исторической жизни остается еще во многомъ и исторія Карамзина.

Такому глубокому знатоку нашей древней лѣтописи, какъ К. Н. Бестужеву-Рюмину, не трудно будетъ внести ея общую характеристику въ новое изданіе своей книги. А пока пожелаемъ публикѣ поскорѣе запастить ея первымъ изданіемъ.

Ор. Миллеръ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томъ VII. Спб. 1882.

Въ недавно вышедшемъ седьмомъ томѣ сочиненій покойнаго князя П. А. Вяземскаго помѣщены его литературные, критическіе и біографическіе очерки, писанные съ 1855 до 1877 г. включительно. Между ними читатели не найдутъ такихъ капитальныхъ произведеній, какія заключаются въ первыхъ частяхъ изданія: тутъ собраны большею частію статьи, писанныя какъ-бы случайно, изъ которыхъ многія, вѣроятно, и не предназначались для печати. Но эти легкіе очерки представляютъ богатый источникъ для полнаго уясненія личности, взглядовъ и образа мыслей князя Вяземскаго по различнымъ вопросамъ русской литературы и общественной жизни. Едва-ли въ его чисто-литературныхъ сочиненіяхъ обнаруживается столько ума, наблюдательности и вкуса, какъ въ напечатанныхъ въ этомъ томѣ личныхъ и семейныхъ воспоминаніяхъ, сужденіяхъ о разныхъ лицахъ и мелкихъ замѣткахъ о литературныхъ и общественныхъ явленіяхъ. Тутъ видѣнъ вполнѣ твердый, самостоятельный взглядъ умнаго и даровитаго человѣка, выработанный продолжительнымъ жизненнымъ опытомъ и постояннымъ размышленіемъ. Видно, что въ самые послѣдніе годы жизни, князь Вяземскій не переставалъ горячо интересоваться всѣмъ, что занимало современное общество, и если въ его сужденіяхъ выражалось больше сочувствія къ прошлому, чѣмъ къ настоящему, то это зависѣло не отъ старческой привязанности къ былымъ симпатіямъ и увлеченіямъ, а отъ разумнаго убѣжденія, сложившагося въ блестящую эпоху нашего искусства. Отъ вниманія его не ускользали новые фазисы въ политическомъ и литературномъ мірѣ, но онъ относился къ нимъ критически, не поддаваясь вліянію одностороннихъ партій, и при умѣніи угадать и оцѣнить свѣтлую сторону предмета, смѣло указывалъ на его темныя пятна, которыхъ не видѣли или не хотѣли видѣть люди, подкупленные слѣпымъ поклоненіемъ какому-нибудь новому авторитету или модной идеѣ. Трезвость его взгляда ясно обнаруживается во всѣхъ его отзывахъ и замѣчаніяхъ.

Въ то время, когда наша критика съ одной стороны безусловно преклонялась передъ Гоголемъ, величая его геніальнымъ „творцомъ Шинели“, а съ другой унижала его какъ человѣка, упрекая въ низкопоклонствѣ и выпрашиваніи пособій отъ правительства,—князь Вяземскій не поддавался ни тому, ни другому теченію и стоялъ на болѣе прочной почвѣ. Въ высокомъ талантѣ Гоголя онъ никогда не сомнѣвался, но не раздѣлялъ мнѣнія слѣпыхъ поклонниковъ корифея натуральной школы и не относился съ благоговѣніемъ къ каждой его печатной страницѣ. Онъ основательно доказываетъ, что слѣдуетъ совершенно обратно понимать ту мысль, будто Гоголь былъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ мыслителемъ: онъ не находитъ этого ни въ „Ревизорѣ“, ни въ „Мертвыхъ Душахъ“, ни въ повѣстяхъ. „Въ нихъ ярко обозначается великій художникъ,—говоритъ онъ,—но мыслителя въ принятомъ вообще и полномъ значеніи этого слова—нѣтъ“. Къ этому онъ прибавляетъ справедливо, что мыслителя въ Гоголѣ можно видѣть только въ „Перепискѣ съ друзьями“, хотя-бы мы и не сочувствовали направленію этого сочиненія. „Гоголь,—пишетъ князь Вяземскій—съ изумительнымъ искусствомъ фотографировалъ пошлыя и смѣшныя стороны человѣческой натуры... Если онъ былъ вдохновенный и своеобразный каррикатуристъ, то былъ онъ и великій живописецъ въ дру-

гихъ картинахъ, какъ напримѣръ, въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“, и другихъ произведеніяхъ, а особенно въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Обращаясь къ обвиненію Гоголя въ вымогательствѣ пособій у правительства, Вяземскій находитъ, что ходатайство Жуковскаго и Уварова о доставленіи средствъ къ труду недостаточному, но высоко-талантливому художнику, не можетъ быть поставлено въ упрекъ ни ему, ни его друзьямъ, ни правительству. „Гоголь—говоритъ онъ—не былъ способенъ сдѣлаться литературнымъ барышникомъ; ему для труда нужны были время, спокойствіе и свобода. Онъ былъ богатъ талантомъ, но бѣденъ деньгами и здоровьемъ. Все это сообразили „патріархальные“ доброхоты;—они обратили милостивое вниманіе государя на Гоголя и дали ему до нѣкоторой степени возможность писать, гдѣ онъ хочетъ, когда хочетъ и что захочетъ“. Конечно, подобные взгляды, нѣсколько лѣтъ назадъ, многимъ должны были казаться ретроградными и даже дикими, но кто же изъ безпристрастныхъ людей не признаетъ теперь, какъ много въ нихъ мѣткаго и справедливаго.

Неменѣе смѣлы и правдивы замѣчанія князя П. А. Вяземскаго о романѣ графа Л. Толстаго „Война и миръ“, который встрѣтилъ въ нашей критикѣ одни преувеличенные восторги, но не вызвалъ дѣльныхъ отзывовъ о его недостаткахъ, кромѣ одной развѣ статьи А. С. Норова, помѣщенной въ „Военномъ Сборникѣ“ и недавно перепечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“. Князь Вяземскій отдаетъ полную справедливость романисту какъ художнику, но оспариваетъ взглядъ его на эпоху 1812 года и ея дѣятелей. Какъ участникъ въ великихъ событіяхъ того времени и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ несомнѣнно правдивый, князь Вяземскій ясно показываетъ, на какомъ предвзятомъ пессимизмѣ основанъ взглядъ графа Л. Толстаго на главныя событія и героевъ Отечественной войны. „Съ исторіей—пишетъ онъ—надлежитъ обращаться добросовѣстно, почтительно и съ любовью. Не святотатственно ли, да и не противно ли всѣмъ условіямъ литературнаго благоприличія и вкуса, низводить историческую картину до каррикатуры и до пошлости?.. Новѣйшая литература наша, по слѣдамъ французской, т. е. по слѣдамъ ея второстепенныхъ писателей, любитъ опошлять жизнь, дѣйствія, событія, самыя страсти общества. Она все низводитъ, все сплющиваетъ, съуживаетъ. Пора людямъ съ талантомъ возвысить общій уровень умозрѣнія и творчества... Передъ вами жизнь со всѣми своими таинствами, глубокими пропостями, свѣтлыми высотами, со своими назидательными уроками; предъ вами исторія съ своими драматическими событіями и также со своими уроками, еще болѣе наставительными, чѣмъ первые. А вы изъ всего этого выкраиваете однихъ Добчинскихъ, Бобчинскихъ, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ... Не забывайте, что Гоголь уже геніально разработалъ и истощилъ до самой сердцевины поле нашей пошлости. Какъ послѣ Гомера нечего писать новую Иліаду, такъ послѣ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ нечего гоняться за Ильями Андренчами, за Безухими, за „старичками-вельможами“, у которыхъ въ такую минуту, когда дѣло, или, по крайней мѣрѣ, слово шло о спасеніи отечества, одно выражалось—что „имъ очень жарко“. Не спорю, можетъ быть, были и такіе; но не на нихъ должно было остановиться вниманіе писателя, имѣющаго несомнѣнное дарованіе... Нельзя описывать историческіе дни Москвы, какъ Грибоѣдовъ описывалъ въ комедіи своей ея ежедневную жизнь. Да и въ самой комедіи есть уже замашки каррикатуры“. При этомъ князь Вяземскій показываетъ, какія крупныя историческія ошибки допустилъ графъ Л. Толстой въ своемъ романѣ изъ желанія быть естественнымъ и реальнымъ. И конечно съ мнѣніями критика согласятся всѣ безпристрастные люди,

не ослѣпленные блестящими достоинствами художественной стороны романиста.

Князь П. А. Вяземскій, по своимъ идеямъ и убѣжденіямъ, стоялъ независимо отъ всѣхъ литературныхъ партій. Относясь всегда съ уваженіемъ къ старымъ, многими уже забытымъ, дѣятелямъ нашей литературы, онъ радостно встрѣчалъ появленіе новыхъ талантовъ и новыхъ путей въ искусствѣ. Съ какимъ уваженіемъ вспоминаетъ онъ о Державинѣ, Озеровѣ, съ такой же любовью говоритъ о Пушкинѣ и Гоголѣ, но это не мѣшаетъ ему относиться къ тѣмъ и другимъ съ критическимъ безпристрастіемъ. Смѣло и честно отстаивалъ онъ несогласныхъ съ его убѣжденіями людей, когда видѣлъ взводимыя на нихъ несправедливыя обвиненія. Такъ, онъ горячо вступился за славянофиловъ, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности ихъ идей, будто бы вредныхъ по ихъ отношенію къ старинѣ и панславизму. Князь Вяземскій смѣло возстаетъ противъ притѣсненій этой партіи со стороны цензуры. Замѣчая, что прозваніе славянофиловъ, данное нѣкоторымъ московскимъ литераторамъ, у насъ не ново со временъ Шишкова, онъ пишетъ: „Что̀ можетъ быть вреднаго въ любви къ славянамъ, нашимъ предкамъ и единоплеменнымъ братьямъ, и въ любви къ славянскому языку, который былъ языкомъ нашей исторіи и есть языкъ нашей церкви? Отказаться отъ чувства любви ко всему славянскому—значило бы отказаться намъ отъ исторіи нашей и отъ самихъ себя. Государь императоръ Николай I, въ достопамятныхъ словахъ своихъ, обращенныхъ къ профессорамъ, сказалъ: „надобно сохранить то въ Россіи, что искони бѣ“. Слѣдовательно, должно сохранить и родовое чувство любви къ славянскому нашему происхожденію“. Въ другой запискѣ князь Вяземскій съ такою же энергіею защищаетъ литературу отъ излишней подозрительности и придирчивости со стороны цензуры. Онъ справедливо замѣчаетъ, что притѣсненія цензуры могутъ только вызвать подпольную литературу, для многихъ привлекательную по своей таинственности. Говоря о томъ направленіи новыхъ писателей, которое въ погонѣ за реализмомъ низвело художественное творчество до фотографическихъ снимковъ съ одной темной стороны предметовъ, князь Вяземскій находитъ это направленіе весьма неутѣшительнымъ, но думаетъ, что противодѣйствовать ему можетъ только появленіе новаго крупнаго художественнаго таланта, а не цензурныя мѣропріятія. „Литературу нашу—пишетъ онъ—можно усыпить и заставить ее молчать, но возвратить ее насильственно къ патріархальной и пастушеской простотѣ золотаго вѣка—дѣло невозможное. Мы живемъ въ вѣкъ испытаній и великихъ событій. Литература не можетъ оставаться беззаботною посреди озабоченнаго общества“. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Вяземскій говоритъ о несостоятельности самыхъ цензурныхъ постановленій и невозможности урегулировать ихъ и оградить отъ личнаго взгляда и произвола цензоровъ. „Въ цензурѣ, пишетъ онъ, кромѣ коренныхъ началъ, все прочее условно и неуловимо. Здѣсь нѣтъ ясныхъ указаній, непреложныхъ запрещеній, буквально означающихъ то, что дозволено, и то, что запрещено. Многое зависитъ отъ внутренняго сознанія, въ силу коего авторъ выразилъ свою мысль, отъ понятія и догадки цензора при сужденіи того, что написано, и отъ частныхъ впечатлѣній и личныхъ расположеній разнородныхъ читателей при чтеніи написаннаго. Тутъ открывается безграничное поле для встрѣчъ и столкновеній мнѣніямъ и убѣжденіямъ разномысленнымъ и другъ другу противорѣчащимъ. Отдѣльно взятое убѣжденіе каждое можетъ быть равно основательно и добросовѣстно, но въ общемъ итогѣ выводятся заключенія спорныя и взаимно-

обвинительныя. Можно ли требовать отъ автора, чтобы онъ въ увлеченіи своемъ никогда не обмолвился или не подалъ повода къ превратному толкованію того, что онъ хотѣлъ сказать? отъ цензора, который съ утра до вечера обязанъ прочитывать исписанныя кипы бумагъ и производить формальныя слѣдствія надъ каждою фразою, надъ каждымъ словомъ, чтобы онъ ничего не просмотрѣлъ или понялъ все имъ прочитанное точно такъ, какъ поймутъ оное послѣ и на досугѣ читатели?“ Все это было высказано еще въ пятидесятыхъ годахъ.

Нельзя не обратить вниманія на мысли князя П. А. Вяземскаго о театрѣ, высказанныя имъ нѣсколько лѣтъ назадъ, но не утратившія своего значенія и въ настоящую минуту. Дѣлая оговорку въ томъ, что самъ онъ не принадлежитъ къ числу „блюстителей общественнаго благочинія“, которые смотрятъ на театръ какъ на исправительный домъ, куда нужно засаживать публику ради укрощенія пороковъ, онъ въ то же время думаетъ, что театръ прежде всего долженъ имѣть въ виду произведенія чистаго искусства, доставляющаго наслажденіе прекраснымъ и дѣйствующаго благотворно на человѣческую природу. При этомъ въ замѣчаніяхъ князя Вяземскаго нѣтъ никакого ригоризма. Онъ не настаиваетъ на ограниченіи репертуара одними серьезными пьесами и вполнѣ допускаетъ постановку фарсовъ и пародій, замѣчая справедливо, что иная такъ-называемая нравоучительная и народная драма, представляющая человѣческую природу въ реальной наготѣ, дѣйствуетъ гораздо вреднѣе, чѣмъ „Прекрасныя Елены“ и всѣ причудливыя шалости оффенбаховской школы. „Нѣкоторые драматурги, говоритъ онъ, выставляя пьянаго негодяя и безстыдную женщину, думаютъ, что драма у нихъ уже и готова. Предпочитаемъ шутки, выдаваемыя за шутки, всѣмъ этимъ притязаніямъ на какое-то преподаваніе народной нравственности въ образцахъ распутства и чувственной развратности“. Въ ряду идей князя Вяземскаго о театрѣ есть такія, какія не мѣшало-бы помнить тѣмъ, въ рукахъ которыхъ находятся судьбы нашей сцены. Дирекція прекратила послѣ двухъ разъ представленіе трагедіи Озерова „Поликсена“ на томъ основаніи, что пьеса не дала достаточнаго сбора. По поводу этого случая князь Вяземскій говоритъ: „Этотъ рублевый и копѣечный разсчетъ, этотъ взглядъ на выручку театральной кассы, несовмѣстны со взглядомъ, который должно обращать на творенія искусства. Развѣ театръ промышленное и торговое заведеніе? Театръ долженъ быть прежде всего изящнымъ и просвѣщеннымъ развлеченіемъ публики... Часто вопреки ей самой обязанъ очищать, облагораживать ея понятія, ея требованія и наклонности. Обязанъ онъ возвышать уровень ея вкуса, воспитывать его; однимъ словомъ, такъ образовать публику, чтобы она съ просвѣщенною взыскательностію вызывала и порождала великихъ авторовъ и великихъ актеровъ“. Къ сожалѣнію, должно сказать, что этотъ правдивый голосъ и до сихъ поръ остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Кто не знаетъ, какая масса бездарностей держится подолгу на репертуарѣ, а порядочная пьеса проходитъ часто безслѣдно, благодаря тому, что постоянно портился и портится вкусъ нашей публики.

Та особенность князя Вяземскаго, что онъ, не принадлежа ни къ какой партіи, умѣлъ въ каждой найти хорошія стороны и крайнія увлеченія, нерѣдко сбивала съ толку его критиковъ. Его заподозривали то въ аристократизмѣ, то въ симпатіяхъ съ западниками, то въ сочувствіяхъ къ славянофиламъ, и это-то самое доказываетъ его трезвый взглядъ на различныя направленія, которыя возникали въ нашемъ обществѣ и литературѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ смотрѣлъ онъ на народъ. „Нѣкоторые изъ нашихъ мыслителей и писателей при-

знаютъ за русскій „народъ“ то, что на дѣлѣ и по исторіи есть „простонародье“. Большинство имѣетъ, конечно, свое значеніе и свою силу; но въ государственномъ устройствѣ и меньшинство, особенно когда оно отличается образованіемъ и просвѣщеніемъ, должно быть принято въ счетъ и уважено... При имени Минина, представителя большинства, есть рядомъ и имя князя Пожарскаго, представителя меньшинства, которое дало ходъ дѣлу и окончательно его порѣшило“. Часто высказывается онъ противъ необдуманнаго поклоненія европейскимъ порядкамъ и увлеченія западными идеями и авторитетами, но это нисколько не мѣшаетъ ему, съ одной стороны, глубоко уважать европейскую науку и просвѣщеніе, а съ другой—относиться критически къ мнѣніямъ славянофильской партіи. Мы позволимъ себѣ еще небольшую выписку. „Сѣтованія о русскомъ разладѣ со времени Петра I, —замѣчаетъ онъ,—у многихъ, вѣрю, искреннія и слѣдовательно почтенныя: какъ всякое крайнее мнѣніе или парадоксъ, имѣютъ и они свою долю истины; но во всякомъ случаѣ эти сѣтованія безполезны... Перевороты и событія перешли въ исторію, исторія перешла въ жизнь, а исторіи перестраивать нельзя. Попытки на это возсозданіе, если бы и можно было серьезно за него приняться, только загромоздили бы насъ и дорогу нашу новыми обломками, а не создали бы ничего новаго“.

Чуткость князя Вяземскаго къ явленіямъ нашей общественной жизни не оставляла его и въ послѣдніе годы. Замѣтки его объ обязательномъ народномъ обученіи, женскомъ трудѣ, новостяхъ печати, событіяхъ за-границей и въ Россіи, показываютъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣми современными вопросами. И въ сужденіяхъ его постоянно видѣнъ все тотъ-же свѣтлый умъ, чуждый предвзятыхъ идей, крайности и раздраженія. Въ то время, когда уже по поводу прискорбныхъ событій, волновавшихъ наше общество, слышались повальныя обвиненія на всю нашу молодежь, князь Вяземскій остался безпристрастнымъ судьею между ею и ея порицателями, не заботясь объ угожденіи той или другой сторонѣ. Вотъ что читаемъ мы въ одной изъ его статей: „Молодежи намъ нельзя не любить. Въ ней видимъ мы отблескъ, въ ней слышимъ мы отдаленный отголосокъ самихъ себя. Молодежь для насъ и воспоминаніе, и надежда. Въ этомъ чувствѣ есть что-то семейное, родительское. Старики-отцы новаго поколѣнія и любятъ ее, какъ отецъ любитъ дѣтей своихъ. Но надобно, чтобы и дѣти питали чувства почтенія и любви къ своимъ родителямъ... Позорить старину не тоже-ли, что кусать грудь кормилицы, которая вспоила насъ молокомъ своимъ? Можно и не оставаться навсегда груднымъ ребенкомъ, но все же не мѣшаетъ признательно обращаться съ кормилицею и любить ее“.

Въ седьмомъ томѣ сочиненій князя П. А. Вяземскаго есть нѣсколько статей, составляющихъ родъ мемуаровъ и семейныхъ воспоминаній. Тутъ находимъ весьма живыя и характерныя картины русской жизни за цѣлое полустолѣтіе и мастерски написанные портреты многихъ замѣчательныхъ лицъ. Въ особенности интересны страницы, посвященныя разсказамъ о Москвѣ, въ которыхъ наша древняя столица съ ея самобытнымъ обществомъ представляется во всей полнотѣ ея оригинальнаго облика. Вообще, воспоминанія князя Вяземскаго отличаются отъ большинства подобныхъ записокъ тѣмъ, что въ нихъ не видно ни старческаго утомленія, ни излишняго многословія, ни безотчетныхъ привязанностей и антипатій, а постоянно высказывается свѣтлый умъ, не поддающійся никакимъ случайнымъ увлеченіямъ и поддерживаемый прочнымъ, многостороннимъ образованіемъ.

А. М.

Археологія Россіи — каменный періодъ. Гр. А. С. Уварова. Т. I и II. 1881.

Русская археологическая наука обязана графу Уварову нѣсколькими, весьма важными, учеными сочиненіями, а равно и множествомъ произведенныхъ, по его почину, весьма цѣнныхъ археологическихъ раскопокъ; не можетъ быть также забыта его дѣятельность по организаціи археологическихъ съѣздовъ въ Россіи и по устройству московскаго „Археологическаго Общества". Вышеприведенный трудъ графа Уварова несомнѣнно составляетъ цѣнный вкладъ въ литературу русской археологіи, какъ первый и чрезвычайно удачный по выполненію опытъ систематическаго очерка того начальнаго періода доисторической древности, который въ наукѣ носитъ названіе **каменнаго вѣка**. По богатству и группировкѣ собраннаго матеріала, это въ своемъ родѣ систематическій курсъ исторіи каменнаго періода въ Россіи. Первый томъ его заключаетъ подробный очеркъ развитія человѣческой культуры съ древнѣйшихъ временъ до начала утилизаціи металловъ; второй содержитъ въ себѣ полный указатель всѣхъ предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ на территоріи Россіи, съ обозначеніемъ мѣста и обстоятельствъ находки; сборникъ рисунковъ всѣхъ, сколько нибудь замѣчательныхъ, типовъ издѣлій каменнаго періода и археологическую карту, на которую нанесены всѣ находки предметовъ, относящихся къ данной эпохѣ какъ въ европейской, такъ и въ азіатской Россіи. Еще недавно составить такой трудъ было бы немыслимо. Только благодаря археологическимъ съѣздамъ, которые въ значительной степени содѣйствовали быстрой и успѣшной разработкѣ археологическихъ данныхъ, удалось собрать матеріалъ, необходимый для такого труда. Накопившійся матеріалъ нуждается въ группировкѣ, и гр. Уваровъ впервые дѣлаетъ попытку привести въ систему всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ каменному періоду,—одинаково археологическія, геологическія и палеонтологическія. Но прежде всего авторъ разбираетъ воззрѣнія, существовавшія у разныхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней.

Въ данномъ случаѣ авторъ не довольствуется изложеніемъ теорій, какія выработаны западными археологами, признающими двѣ системы подраздѣленій каменнаго періода, основанныя или на данныхъ геологическихъ и палеолитическихъ, или на болѣе или менѣе грубой отдѣлкѣ орудій. Сличая памятники быта въ каменный періодъ въ Россіи съ такими же памятниками въ западной Европѣ, авторъ находитъ нужнымъ, кромѣ подраздѣленія на эпоху древнѣйшую, или палеолитическую, и позднѣйшую, или неолитическую, для Россіи принять еще третью эпоху—переходную, которая отличается отъ первыхъ двухъ какъ внѣшнимъ видомъ орудій, такъ и сопровождающими ихъ звѣриными остатками. При этомъ гр. Уваровъ высказываетъ мысль, что не всегда грубость отдѣлки можетъ служить доказательствомъ большой древности предмета, такъ какъ она во многихъ случаяхъ зависитъ отъ продолжительности времени и отъ потребности, на какую разсчитанъ предметъ. Поэтому весьма важное значеніе въ опредѣленіи большей или меньшей древности неполированныхъ орудій имѣютъ геологическія и палеонтологическія условія, сопровождающія находку. Гр. Уваровъ представляетъ положительныя и весьма любопытныя данныя о времени колонизаціи европейской Россіи. Разобравши нѣсколько высказанныхъ донынѣ теорій по этому вопросу, которыя всѣ сво-

дятся къ тому, что въ древнѣйшую пору—именно въ эпоху мамонта—могла быть заселена только южная полоса Россіи, онъ дѣлаетъ перечень всѣхъ извѣстныхъ понынѣ находокъ остатковъ мамонта, какъ сопровождаемыхъ кремневыми орудіями, такъ и безъ нихъ, на всей территоріи азіатской и европейской Россіи и, такимъ образомъ, намѣчаетъ тѣ мѣстности, въ которыхъ слѣдуетъ искать слѣдовъ человѣка. Послѣ подробнаго и обстоятельнаго очерка палеолитической эпохи, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Исконною родиною мамонтовой фауны была сибирская низменность, отличавшаяся въ то время болѣе умѣреннымъ климатомъ и болѣе роскошною растительностью, чѣмъ въ настоящее время; по мѣрѣ пониженія температуры, стада первобытныхъ животныхъ мало-по-малу подвигались на юго-западъ и заселили весь материкъ Европы, исключая Скандинавіи и южныхъ полуостровов. Вмѣстѣ съ животными произошло переселеніе изъ Азіи первобытныхъ жителей, принесшихъ въ Европу культуру каменнаго вѣка. Палеолитическія орудія, находимыя въ Россіи, вмѣстѣ съ мамонтовыми остатками принадлежатъ къ гораздо болѣе глубокой древности, чѣмъ такія же орудія и остатки палеонтологическія всей остальной Европы. Представителями фауны, характеризующей палеолитическую эпоху, были породы, теперь большею частью вымершія или измѣнившіяся,—это такъ называемыя допотопныя животныя: мамонтъ, носорогъ, первобытный быкъ или туръ, пещерный медвѣдь и гіена, исполинскій олень, зубръ, лисица и др., служившія пищею людямъ. Характернымъ признакомъ палеолитической эпохи служитъ отсутствіе домашнихъ животныхъ.

Большой интересъ въ разсматриваемой книгѣ представляетъ весьма обстоятельный и подробный обзоръ пещеръ каменнаго вѣка, составлявшихъ первоначальное жилище человѣка. Изъ множества пещеръ, находящихся во всѣхъ горахъ какъ азіатской, такъ и европейской Россіи, большая часть еще не изслѣдованы и не описаны. Между извѣстными, нѣкоторыя принадлежатъ къ такъ называемымъ звѣринымъ пещерамъ, потому что были обитаемы исключительно дикими звѣрями какъ исчезнувшихъ, такъ и нынѣ существующихъ породъ. Остальныя представляли жилища для человѣка въ палеолитическую эпоху; такихъ пещеръ много находится во всѣхъ горахъ европейской Россіи и въ особенности въ нагорныхъ обрывахъ по берегамъ большихъ рѣкъ. Азіатскія пещеры изслѣдованы больше европейскихъ, но скорѣе съ точки зрѣнія геологіи и палеонтологіи, нежели археологіи. Многія изъ пещеръ, судя по находимымъ въ нихъ предметамъ быта и остаткамъ животныхъ, служили жилищемъ для людей послѣдовательно въ эпохи палеолитическую, переходную и неолитическую. Такихъ пещеръ много открыто въ Сибири, на Уралѣ, на Кавказѣ, въ восточной Россіи, а именно: въ гористыхъ мѣстностяхъ губерній Архангельской, Пермской, Уфимской, Казанской, Оренбургской, Астраханской, Нижегородской, въ Землѣ войска Донскаго и въ губерніяхъ Кіевской и Подольской. Много пещеръ находится и въ Крыму, но тамъ они большею частью подверглись позднѣйшей передѣлкѣ. На основаніи памятниковъ древнѣйшаго періода каменнаго вѣка, гр. Уваровъ представляетъ далѣе очеркъ быта человѣка въ эту эпоху.

Хотя отъ палеолитическаго періода не сохранилось ни одного черепа, по которому можно было бы хотя приблизительно опредѣлить расу людей того времени, но на основаніи археологическихъ данныхъ можно уже прослѣдить, откуда пришло племя, заселившее въ первоначальную пору сперва европейскую Россію, а затѣмъ мало-по-малу и всю Европу. Первобытный человѣкъ выбиралъ для своихъ поселеній по преимуществу гористыя мѣстности, къ ко-

торымъ его привязывало присутствіе пещеръ, служившихъ ему жилищемъ даже долгое время послѣ окончанія мамонтовой эпохи.

За описаніемъ палеолитическаго періода слѣдуетъ очеркъ устанавливаемой авторомъ переходной эпохи, первымъ признакомъ которой является отсутствіе мамонта и носорога; они смѣняются сѣвернымъ оленемъ и другими породами, которыя, видоизмѣнившись, продолжаютъ существовать и въ настоящее время. Однимъ изъ главныхъ признаковъ переходной эпохи каменнаго вѣка есть изобрѣтеніе гончарнаго искусства, хотя и стоящаго еще на очень низкомъ уровнѣ развитія. Всѣ издѣлія керамическія были ручнаго производства, безъ помощи круга, но уже въ то время человѣкъ умѣлъ, хотя и плохо, обжигать сосуды и украшать ихъ различными орнаментами. Первое появленіе гончарныхъ издѣлій, равно какъ и колонизація, начинается для западной Европы гораздо позже, чѣмъ для восточной. Въ то же время замѣчается усовершенствованная выдѣлка орудій изъ кремня посредствомъ мелкихъ отбоинъ. Въ Россіи такія орудія достигаютъ замѣчательнаго изящества отдѣлки и большого усовершенствованія типовъ палеолитическихъ. Не менѣе важное значеніе для развитія культуры въ переходную эпоху имѣла первая попытка полировать каменныя орудія, которая повела къ замѣнѣ кремня каменными породами, легче поддающимися полировкѣ, и мало-по-малу привела къ существенному измѣненію основныхъ типовъ предшествовавшей эпохи. Однако въ это время не были еще извѣстны способы сверлить камень; это изобрѣтеніе принадлежитъ уже позднѣйшей неолитической эпохѣ. На территоріи европейской Россіи переходная эпоха характеризуется искусственными пещерами, вырытыми въ слоѣ желтой глины или лёса, представляющаго наиболѣе удобства для этого. Такихъ пещеръ много находится вдоль средняго теченія Днѣпра— отъ устья Ирпени до устья Роси, и въ другихъ мѣстахъ: въ Крыму и въ царствѣ Польскомъ, большею частью по теченію рѣкъ. Многія изъ первобытныхъ пещеръ уже въ историческое время получили другое назначеніе, заслонившее отъ вниманія изслѣдователей ихъ первоначальное значеніе; такъ, напримѣръ, многія изъ нихъ послужили жилищемъ для отшельниковъ, уничтожившихъ здѣсь всѣ остатки каменнаго вѣка. Нѣсколько лёсовыхъ пещеръ было изслѣдовано въ окрестности Кіева, у Кирилловскаго монастыря, и предметы, найденные въ нихъ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что пещеры эти были заселены именно въ переходную эпоху. Такіе же результаты дало изслѣдованіе пяти пещеръ въ долинѣ р. Рудавы, произведенное гр. Завишею. Стоянка у с. Волосова, Муромскаго уѣзда на берегу Оки, изслѣдованная гр. Уваровымъ, принадлежитъ эпохѣ переходной и началу неолитической. Кромѣ множества орудій весьма изящной отдѣлки, главный интересъ этой стоянки составляетъ открытіе 5-ти могилъ съ однообразно, слѣдовательно—правильно, установленнымъ погребальнымъ культомъ. Похороны безъ сожженія составляютъ характерный признакъ каменнаго вѣка. Въ эпохи палеолитическую и переходную покойниковъ хоронили въ пещерахъ, чему многочисленные примѣры мы видимъ въ пещерахъ западной Европы. Въ названныхъ волосовскихъ могилахъ уцѣлѣлъ одинъ черепъ, дающій возможность возстановить до нѣкоторой степени ту расу, къ которой принадлежали жители палеолитической эпохи. Это было племя скорѣе короткоголовое, чѣмъ длинноголовое. Къ переходной эпохѣ относятся также интересныя стоянки на берегахъ Онежскаго озера.К о всему, что было уже замѣчено въ стоянкахъ этого времени, стоянки волосовская и онежская представляютъ много свѣдѣній о большомъ развитіи гончарнаго искусства

и о томъ, что населеніе здѣсь занималось рыболовствомъ въ большихъ размѣрахъ; главною его пищею были рыба и молюски, о чемъ свидѣтельствуютъ находимые здѣсь въ огромномъ количествѣ двустворчатыя раковины, а также рыбьи кости и издѣлія изъ нихъ: иглы, шила и множество рыболовныхъ снарядовъ—крючковъ, гарпуновъ и грузилъ для сѣти. Довольно значительное количество полированныхъ орудій и украшеній изъ камня, найденныхъ въ этихъ стоянкахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ были заселены какъ въ переходную, такъ и въ неолитическую эпоху. Тотъ же характеръ носятъ стоянки на берегу Вислы у Варшавы и др. Главнымъ признакомъ новой ступени развитія въ культурѣ неолитической эпохи являются: умѣніе сверлить камень, которое повело за собою измѣненіе формъ орудій на болѣе удобныя и прочныя, для чего выбирались породы камня, легче поддающіяся полировкѣ и сверленію, чѣмъ кремень. Гр. Уваровъ цитируетъ нѣсколько способовъ сверленія камня, употреблявшихся на территоріи Россіи. Вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ искусства полировать камень, появляются и первые зачатки скульптуры: сохранилось много полированныхъ каменныхъ молотовъ и топоровъ, украшенныхъ скульптурными изображеніями звѣриныхъ головъ и т. п.

Въ первоначальную пору всѣ орудія выдѣлывались изъ каменныхъ породъ, находимыхъ на мѣстѣ, слѣдовательно—мѣстными жителями, но, наравнѣ съ ними, часто попадаются на всемъ пространствѣ Россіи, какъ азіатской, такъ и европейской, и даже въ западной Европѣ, полированныя орудія изъ нефрита, имѣющія особенное значеніе для русской археологіи, такъ какъ нефритъ добывается только въ Туркестанѣ и въ центральной Азіи. Ни въ древнѣйшую, ни въ переходную эпоху, не только въ европейской Россіи, но и въ Сибири, не выдѣлывались орудія изъ нефрита; поэтому остается допустить, что они были занесены въ Европу путемъ новаго наплыва выходцевъ изъ Азіи въ періодъ неолитическій, при чемъ наблюдается интересный фактъ: чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ отдѣлка орудій изъ нефрита становится изящнѣе, изъ чего можно заключить, что, по мѣрѣ удаленія изъ Азіи, болѣе и болѣе совершенствовалась культура палеолитической эпохи.

Главнѣйшимъ признакомъ, характеризующимъ неолитическую эпоху, служитъ появленіе домашнихъ животныхъ, давшее возможность охотничій бытъ замѣнить болѣе культурнымъ—пастушескимъ. Изящество отдѣлки орудій въ эту эпоху достигаетъ высшаго развитія и кромѣ того появляются нѣсколько новыхъ типовъ, какъ напримѣръ: кинжалъ, кирка для копанія земли и др. Авторъ цитируетъ двѣ стоянки, относящіяся къ эпохѣ неолитической: одна у Ладожскаго озера изслѣдована г. Иностранцевымъ, другая у д. Фатьяновки, вблизи Ярославля—самимъ графомъ Уваровымъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе изслѣдованія графа Уварова о каменномъ вѣкѣ въ Россіи. Даже изъ этого неполнаго отчета видно, что оно составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ литературу русской археологіи. Однимъ изъ важныхъ достоинствъ сочиненія является популярность изложенія, рѣдкая въ нашихъ ученыхъ трудахъ, въ особенности по части археологіи. Это же дѣлаетъ доступнымъ монографію гр. Уварова и для лицъ, не обладающихъ спеціальной подготовкой. Такъ какъ авторъ сводитъ и цитируетъ всѣ открытія, относящіяся къ каменному періоду, какія сдѣланы понынѣ на территоріи Россіи, то его трудъ, помимо высокаго научнаго интереса, имѣетъ всѣ достоинства справочной книги для занимающагося археологическими изслѣдованіями.

Е. М.

Нѣмецъ и іезуитъ въ Россіи. К. В. Трубникова. Спб. 1882 г.

Господинъ Трубниковъ 25 лѣтъ издавалъ и продавалъ разныя газеты и журналы и игралъ нѣкоторую роль на биржѣ. Въ настоящее время онъ издалъ брошюру, въ которой является „народникомъ".

Какъ совершилось превращеніе г. Трубникова изъ биржевика въ народника—не беремся рѣшать; но, во всякомъ случаѣ, въ брошюрѣ его нѣтъ ни одной дѣльной или порядочной мысли. По словамъ г. Трубникова, существуетъ идеализмъ мысли и демократизація ея. Отсюда: цивилизація бываетъ чувственная (на Востокѣ), утилитарно-реалистическая (въ Германіи) и идеалистическая (въ истинно-христіанскихъ странахъ, какова Россія). „Въ Россіи теперь выступаютъ впередъ истинно русскіе люди, нося въ себѣ идеалъ своей цивилизаціи: всемірный прогрессъ на національной почвѣ, насаждаемый русскимъ геніемъ и талантомъ. Одна славянская расса сохранила въ себѣ высочайшіе принципы идеализма, который Христосъ, являясь въ міръ, принесъ всѣмъ народамъ".—Итакъ, русскій народъ—единственный: одна славянская расса проникнута идеалистичной цивилизаціей! Европейцы же, особенно нѣмцы, съ которыми намъ чаще всего предстоитъ сталкиваться, проникнуты утилитарно-реалистическимъ направленіемъ. Конфуцій, Чингисханъ и современный нѣмецъ молятся одному и тому же культу и разрушаютъ сообща христіанскій міръ. Наше несчастіе заключается въ томъ—пропагандируетъ г. Трубниковъ,—что пустили въ Россію нѣмца, а тотъ сейчасъ же началъ вытѣснять нашу идеалистическую цивилизацію. Съ одной стороны мысль и чувства „демократизировались", съ другой—нѣмецъ ходу не давалъ русскимъ людямъ. Онъ всюду: на биржахъ, въ банкахъ, въ акціонерныхъ обществахъ желѣзныхъ дорогъ, на фабрикахъ, въ кассахъ въ бухгалтеріи, на телеграфахъ, въ больницахъ, въ аптекахъ, въ таможняхъ, въ коммерческихъ фирмахъ, въ академіяхъ наукъ, даже въ III Отдѣленіи—всюду нѣмцы и нѣмцы. „Русскій, отбитый нѣмцами отъ всякаго полезнаго труда, лишается заработка и бросается во всѣ нелегкія, дѣлаясь или праздношатающимся, или анархистомъ. Наши политическіе, экономическіе и соціальные интересы совершенно перепутаны нѣмецкою паутиной. Цѣлую четверть вѣка нѣмцы хозяйничали у насъ, какъ у себя дома, насаждая германскую цивилизацію вверху и нигилизмъ внизу". Вотъ онѣ, истинныя причины нашего несчастія! Не правда ли, какъ хорошо и доказательно проведена мысль, что только нѣмецъ и „демократизація мысли" создали въ Россіи соціализмъ? На помощь къ нимъ г. Трубниковъ еще призвалъ іезуитовъ. Теоріи Лассаля и Маркса поддерживали католики: Деллингеръ, Кеттлеръ, Муфанга и др. „Работа іезуитовъ въ Германіи и цѣль ихъ союза съ нѣмецкими соціалистами заключается въ томъ, чтобы выхватить изъ рукъ демократовъ возжи, вручить ихъ представителямъ католицизма и все движеніе подчинить цѣлямъ и указаніямъ римской куріи. Впослѣдствіи двѣ дѣйствующія политическія силы—іезуитизмъ и соціализмъ—были разъединены въ Германіи, и этотъ взрывчатый матеріалъ изъ Германіи былъ вытѣсненъ въ Россію. Между тѣмъ, въ Австріи революціонное гнѣздо получило новыя подкрѣпленія. Въ Вѣнѣ, Краковѣ, Львовѣ, оказался въ польскомъ элементѣ самый лучшій цементъ, связывающій соціалистовъ-демократовъ съ соціалистами-католиками. Аттака этой арміи демагоговъ, направленная противъ Россіи, имѣетъ іезуитовъ въ центрѣ и соціалистовъ на флангахъ". Что

же предпринять русскому правительству въ виду такого непріятеля? Г. Трубниковъ рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:

„Нѣмецъ у насъ хозяйничаетъ, повторяетъ онъ слова Скобелева,—и мы отъ него не избавимся иначе, какъ силою религіознаго и національнаго самосознанія, но „съ мечемъ въ рукахъ". При этомъ, разумѣется, требуется отречься отъ „чужеземныхъ ученій", отъ „религіознаго индифферентизма" и „открытаго матеріализма".—„Покончить съ пагубнымъ вліяніемъ у насъ невѣрія можно только—какъ совѣтуетъ г. Трубниковъ—подготовкою къ борьбѣ съ современнымъ раціонализмомъ. Раціонализмъ—это логическое знаніе, отрѣшенное отъ нравственнаго начала; знаніе, ограниченное древомъ познанія, но безъ прибавки: добра и зла. Раціонализмъ—это ученіе, стремящееся освободить умъ человѣка безусловно отъ всякихъ стѣсненій; въ жизни онъ отрицаетъ общепринятый существующій порядокъ. Мы не можемъ освоиться съ современнымъ просвѣщеніемъ и найти устои, охраняющіе нравственность и добрые нравы. А безъ этого русская національность стушевывается. Этого-то и желали, для ослабленія Россіи, достигнуть исконные враги наши, нѣмцы, приславъ къ намъ легіонъ воинства, еврея Лассаля, а съ нимъ и большой взрывчатый аппаратъ учености для защиты его утопій, при помощи запальчивой критики существующаго порядка, какъ двигателя народныхъ страстей".

Раціонализмъ, просвѣтляющій душу знаніемъ природы и самого человѣка, считается г. Трубниковымъ источникомъ безвѣрія и матеріализма! Раціонализмъ, который вывелъ людей изъ мрака теологіи и метафизики на свѣтъ Божій, изъ инквизиторской тюрьмы—въ храмъ и на форумъ,—этотъ раціонализмъ теперь объявленъ врагомъ общественнаго счастья и государственнаго порядка!... Если бы г. Трубниковъ не вращался 25 лѣтъ „около литературы", то можно было бы подумать, что настоящая брошюра написана какимъ нибудь невѣждой и аферистомъ съ цѣлями не болѣе какъ спекулятивными.

А. Ф.

Евреи и обязанности христіанъ. Публичная лекція Госсана. Русское изданіе г. А. А., съ его же предисловіемъ. Спб. 1881 г.

Когда какой бы то ни было вопросъ разбирается большинствомъ въ духѣ страстнаго раздраженія и безпокойныхъ возбужденій минуты, для истиннаго любителя правды получаетъ особенную цѣнность независимая мысль, касающаяся спорнаго дѣла. Пусть она будетъ наивна и несвободна отъ иныхъ недостатковъ—все-таки она интересна и пріятна, какъ искреннее слово, за которымъ не сверкаютъ заднія мысли. Къ числу такихъ явленій относится разбираемая намъ брошюра—„Евреи и обязанности христіанъ". Это, собственно говоря, публичная лекція, произнесенная г. Госсаномъ еще въ 1843 году, но по-русски она издана только въ концѣ 1881 года. Переводъ этотъ напечатанъ „во вниманіе къ тому, что въ общемъ и главномъ книга и теперь не потеряла своего значенія". И въ самомъ дѣлѣ это такъ: брошюра имѣетъ цѣлію устроить евреевъ съ христіанами, а это теперь вопросъ весьма живой и интересный. Съ этой же точки зрѣнія брошюра вообще и ея русское предисловіе въ особенности достойны вниманія.

Книжка эта вышла изъ рукъ добрыхъ и самыхъ благонадежныхъ. Подъ русскими иниціалами „А. А.", которыми обозначенъ издатель брошюры, основательно подразумѣваютъ образованное лицо, преданное евангельской пропагандѣ и стоящее во главѣ весьма дѣятельнаго христіанскаго учрежденія въ Петербургѣ. Это не іудофилъ и не іудофобъ, точно такъ же, какъ и не либералъ и не консерваторъ во что бы то ни стало. Политика чужда его вкуса и его дѣятельность такъ счастлива, что онъ можетъ не сталкиваться съ этимъ противнымъ элементомъ современной русской жизни; но издатель брошюры интересенъ, потому что онъ можетъ быть признанъ выразителемъ мнѣній довольно большой и быстро наростающей общественной фракціи „свѣтскихъ благочестивцевъ", о которыхъ часто говорятъ съ укоризною по поводу ихъ „непризванности", точно какъ будто любить благочестіе позволительно только по полученіи на то особеннаго приглашенія повѣсткою.

Другое дѣло—способность этихъ людей служить дѣлу, которому они преданы съ охотою смертною, но съ участью горькою. Объ этомъ судить не только можно, но даже и должно, ибо такъ или иначе—это все-таки часть нашихъ силъ, знакомство съ которыми необходимо.

Русскій издатель брошюры Госсана въ своемъ предисловіи говоритъ, что „холодное равнодушіе, ненависть и злоба должны, наконецъ, измѣниться". Онъ не отрицаетъ вреднаго вліянія еврейства, которое въ общемъ „опутываетъ многихъ сѣтью безмѣрныхъ процентовъ" и въ болѣе частномъ видѣ „грозитъ намъ литературою либертализма и саддукейства", распространяющею въ обществѣ „циническій индиферентизмъ къ религіознымъ вопросамъ и полную деморализацію". Но виновниками всѣхъ этихъ явленій, по мнѣнію автора, выходятъ не евреи, а „мы сами, которые долгое время не понимали предопредѣленія Божія и не питали къ нимъ должной любви". Христіане же теперь должны поправить дѣло такимъ образомъ: они обязаны явить свою любовь къ евреямъ заботами объ обращеніи ихъ ко Христу, послѣ чего іудейство „снова примется за свое прежнее наслѣдіе — за законъ и пророковъ и станетъ источникомъ благодати для старѣющагося христіанства".

Вся брошюра служитъ развитію этой мысли съ доказательствами изъ книгъ св. писанія и указаніями на мнѣнія людей, извѣстныхъ своимъ умомъ, какъ Лютеръ, который „возставалъ въ негодованіи противъ еврейскаго лихоимства и старался склонить князя отказать имъ въ убѣжищѣ", но въ то же время „просилъ и совѣтовалъ обращаться съ ними дружелюбно и учить ихъ св. писанію, чтобы обратить хоть нѣкоторыхъ въ христіанство,—принимать ихъ, позволять имъ сближаться съ нами и работать, чтобы они могли быть около насъ, видѣть христіанскую жизнь и слышать христіанское ученіе".

Духъ брошюры отсюда весь ясенъ, а детали ея состоятъ изъ представленія доказательствъ, что евреи—племя умное, способное и чудесно богохранимое при всѣхъ чрезмѣрно тяжкихъ испытаніяхъ, выпавшихъ на ихъ долю. Слѣдовательно, книжечку эту надо считать попыткою рѣшить еврейскій вопросъ въ духѣ примирительномъ, но что тутъ есть практическаго и благонадежнаго къ достиженію? Представители русскаго и великосвѣтскаго благочестиваго братства, къ которому примыкаетъ издатель нашей брошюры, безъ сомнѣнія, люди весьма добрые и благонамѣренные, но, къ сожалѣнію, они имѣютъ несчастную привычку думать и жить заднимъ числомъ. Милые невѣжды сердцемъ, чуждые всякой житейской опытности и нарочито бѣдные историческими познаніями, они думаютъ, что положеніе дѣлъ въ мірѣ то самое, какое было при Лютерѣ.

Въ своей безконечной наивности они полагаютъ, что все дѣло въ томъ, что евреи терпятъ недостатокъ въ евангельской проповѣди. Благочестивые люди большого свѣта, повидимому, какъ будто не знаютъ, что евреи отнюдь не встрѣчаютъ ни малѣйшаго затрудненія слышать такую проповѣдь отъ проповѣдниковъ призванныхъ и „непризванныхъ", которые предлагаютъ имъ свои услуги „благовременно и безвременно", но евреи находятъ евангельскую проповѣдь для себя мало убѣдительною и даже вовсе ненужною... Авторъ и издатель благочестивой брошюры возлагаютъ большія надежды на возвращеніе евреевъ „къ пророкамъ". Конечно, здѣсь они подразумѣваютъ отклоненіе ихъ отъ громоздкихъ комбинацій Талмуда (Мишны и Гемары) и привлеченіе ихъ къ Библіи, въ концѣ которой стоитъ Христосъ, какъ краеугольный камень, завершающій все зданіе. Но добрымъ людямъ, которые этого добиваются съ младенческою вѣрою, что Библія непремѣнно „приводитъ ко Христу", повидимому, неизвѣстны многочисленные примѣры противнаго (Болинброкъ, Вольтеръ и пр.). Имъ даже чужды признанія очень честныхъ и очень искреннихъ людей изъ евреевъ, которые свидѣтельствуютъ, что для нихъ нѣтъ труда сдѣлаться съ вычисленіями, по которымъ пришествіе Мессіи надо признать совершившимся во второмъ храмѣ (разрушенномъ Титомъ), но что никакія усилія не могутъ совмѣстить въ ихъ вѣрѣ и понятіи, какъ сотворенная Дѣва Марія, будучи дочь Бога по акту творенія, была его женою по акту зачатія Сына и его же матерью по рожденію Бога". Еврей, не упорствуя, а желая понять или повѣрить, приходитъ въ крайнее затрудненіе отъ многихъ положеній церковной догматики, въ которой не только не могутъ согласиться, но даже путаются и сами себѣ противорѣчатъ христіане, и кстати одно такое доказательство есть на лицо въ разсматриваемой брошюрѣ. Въ ней, напримѣръ, упоминается о несторіанахъ,—но вѣдь послѣдователи Несторія не раздѣляютъ общехристіанскаго вѣрованія насчетъ прирожденности божескихъ свойствъ въ Іисусѣ Христѣ, и евреи несторіанскій взглядъ считаютъ болѣе вѣрнымъ. Притомъ христіанскій взглядъ на искупленіе и на значеніе страданій одного за грѣхи множества евреямъ хотя и извѣстенъ, но тоже ими никакъ не усвоивается, и такихъ пунктовъ въ христіанскомъ ученіи есть немало. „Христіанская жизнь", о которой говорилъ Лютеръ, конечно, могла бы привлечь евреевъ, но, къ сожалѣнію, у многихъ принято искать ея образцы въ одномъ аскетизмѣ, который мало свойственъ духу семитическаго племени, видящемъ въ бракѣ и многочадствѣ знакъ Божія благословенія. Притомъ, по мнѣнію знакомыхъ съ евангеліемъ семистовъ, многое въ современной христіанской догматикѣ не отвѣчаетъ самому духу ученія Христова, а составляетъ позднѣйшія „мудрованія вѣковъ упадка", заканчивающихся нынѣшнимъ временемъ, въ которое, уже и по мнѣнію самого издателя разсматриваемой брошюры, „для старѣющагося христіанства" понадобился „источникъ благодати" отъ евреевъ...

Вѣрно это или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, религіозное разномысліе евреевъ и христіанъ совсѣмъ не такъ легко уловить, какъ предполагаютъ многіе современные крестители, и если это можетъ быть улажено, то совсѣмъ не въ нынѣшнемъ состояніи религіозныхъ мнѣній. Думая такимъ образомъ, мы не увеличиваемъ этимъ тягости обвиненій, падающихъ на евреевъ, и не считаемъ себя отступающими отъ исторической правды и отъ самого св. писанія. Очень возможно, что „дѣло рѣшительное", которое „совершитъ Господь на землѣ", будетъ именно раскрытіе высокаго богопознанія, которое заставитъ

человѣчество „перековать мечи на рала"; но неизвѣстно, будетъ ли такое „рѣшительное дѣло" совершено тѣми способами, которые вычислены и намѣчены авторами легковѣсныхъ брошюръ, и передъ этою неизвѣстностію гораздо благочестивѣе преклониться, чѣмъ бойко „плести аѳинейскія плетенія".

Н. Л.

Историческіе этюды русской жизни. Вл. Михневича. Спб. 1882 г.

Читатели „Историческаго Вѣстника" знакомы уже съ характеромъ литературныхъ трудовъ г. Михневича по напечатаннымъ въ этомъ журналѣ статьямъ его объ особенностяхъ русской жизни въ тотъ періодъ нашей исторіи прошлаго столѣтія, когда, съ воцаренія императрицы Екатерины I до кончины Екатерины II, правленіе государства съ небольшими перерывами было въ рукахъ женщинъ. Въ этихъ статьяхъ ясно выразилось какъ основательное знакомство автора съ исторіею нашего общества, такъ и его взглядъ на бытовыя стороны народа. Теперь вышла книга, въ которой собрано нѣсколько такъ же замѣчательныхъ историческихъ этюдовъ, по болѣе или менѣе интереснымъ предметамъ и вопросамъ, касающимся либо минувшихъ, либо современныхъ особенностей въ русской общественной жизни. При большой начитанности автора, умѣньи пользоваться разнообразными источниками и обрисовать факты повидимому мелкими, но въ сущности яркими чертами,—каждый очеркъ его представляетъ полный и живой обзоръ предмета и читается съ непрерываемымъ интересомъ. Многочисленные матеріалы, какими пользовался авторъ, пополняются его собственнымъ наблюденіемъ надъ бытовой стороною русской жизни, въ которой онъ внимательно отдѣляетъ сохранившіеся отголоски старины отъ позднѣйшихъ вліяній, внесенныхъ духомъ времени и неизбѣжнымъ дѣйствіемъ цивилизаціи. Избирая предметомъ своего изслѣдованія какую-нибудь сторону русскаго быта, г. Михневичъ не довольствуется тѣмъ, чтобы обозрѣть ее въ различныя эпохи нашей исторіи, но ищетъ связи ея съ другими народностями и часто начинаетъ свой этюдъ съ самыхъ далекихъ временъ, основываясь на указаніяхъ древнихъ писателей и западно-европейскихъ хроникъ. Это придаетъ болѣе полноты и основательности его характернымъ монографіямъ. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ „Исторія русской бороды", онъ не только показываетъ измѣненіе понятій по этому предмету, какъ это можно видѣть въ нашихъ лѣтописяхъ, пастырскихъ посланіяхъ и старинныхъ юридическихъ актахъ, но предпосылаетъ своему изслѣдованію и свѣдѣнія о понятіяхъ, какія существовали о бородѣ у другихъ народовъ, начиная съ самой глубокой древности, при чемъ приводитъ цитаты изъ Библіи, Иліады и проч.

Самый обширный этюдъ г. Михневича—„Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ". Здѣсь авторъ, по обыкновенію своему, начинаетъ издалека, съ происхожденія танцевъ и появленія въ древности плясокъ религіозныхъ, военныхъ, бытовыхъ и эротическихъ, потомъ переходитъ къ стариннымъ русскимъ игрищамъ и потѣхамъ, показываетъ бытовое значеніе и сценическій характеръ хоровода и, наконецъ, не теряя изъ виду главной своей задачи, излагаетъ довольно полную исторію театра въ Россіи, съ первыхъ представленій иноземныхъ артистовъ въ Москвѣ, до состоянія балета во время императора

Александра I. Особенно подробно и основательно обработанъ у автора позднѣйшій періодъ нашихъ сценическихъ зрѣлищъ со времени учрежденія придворныхъ спектаклей при императрицахъ Аннѣ Ивановнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ. Тутъ читатели найдутъ любопытныя свѣдѣнія о постепенномъ водвореніи у насъ хореографическаго искусства, о балетахъ и дивертиссементахъ, извѣстныхъ балетмейстерахъ и балеринахъ, и наконецъ о всѣхъ употребительныхъ бальныхъ танцахъ, по мѣрѣ появленія ихъ въ Россіи. Мы не знаемъ другаго сочиненія, въ которомъ этотъ предметъ разобранъ былъ бы такъ основательно и переданъ въ такомъ живомъ и интересномъ разсказѣ. Множество любопытныхъ подробностей и анекдотовъ придаютъ ему еще больше занимательности. Что касается той части очерка, въ которой г. Михневичъ говоритъ о русскихъ зрѣлищахъ и пляскахъ въ до-петровскую эпоху, то, по нашему мнѣнію, у него остается недостаточно разъясненнымъ вопросъ о степени вліянія на нихъ со стороны духовенства. Извѣстно, что съ самаго принятія христіанства въ Россіи, церковь старалась истребить въ народѣ все, что напоминало язычество, а въ томъ числѣ и народныя игры, пѣсни и пляски, въ которыхъ она видѣла бѣсовскія потѣхи. Но извѣстно также, что и народъ, не смотря на постоянное противодѣйствіе духовныхъ властей, сохранилъ до позднѣйшаго времени и свои старинныя былины и пѣсни, и свои хороводы и пляски. Вотъ этотъ-то вопросъ: насколько вліяніе проповѣдей и обличеній могло парализовать развитіе нашихъ народныхъ зрѣлищъ и удовольствій и насколько недостатокъ этого развитія зависѣлъ отъ другихъ причинъ, лежащихъ, можетъ быть, въ самомъ характерѣ народа,—недостаточно изслѣдованъ и опредѣленъ авторомъ. Г. Михневичъ пишетъ, что „ни проповѣдническія увѣщанія, ни строгія со стороны властей запрещенія, преслѣдованія и кары, не достигали цѣли и не могли искоренить въ народѣ естественныхъ художественно-увеселительныхъ потребностей и наклонностей". Но вслѣдъ за этимъ онъ прибавляетъ, что „вліяніе аскетическаго ученія не прошло безслѣдно: проводимый этимъ ученіемъ рѣзко-отрицательный взглядъ на игрища и пляски глубоко проникъ въ сознаніе русскаго человѣка, какъ одинъ изъ принциповъ религіозно-нравственнаго порядка". Но какъ же примирить съ этимъ тотъ фактъ, что царь Иванъ Васильевичъ, издатель „Стоглава", возставшаго противъ скомороховъ и народныхъ игрищъ, на дворцовыхъ пиршествахъ, съ своими ближними людьми, наряжался въ „хари", т. е. въ маски, и участвовалъ въ плясках; что со времени Михаила Θедоровича при дворѣ, въ „потѣшныхъ хоромахъ", бывали пляски и разныя скоморошныя хитрости"; что самъ благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ допускалъ музыку и пляску въ своей „потѣшной палатѣ", и что, наконецъ, по всей русской землѣ, несмотря на часто повторявшееся запрещеніе со стороны правительства и церкви, бродили толпы потѣшниковъ и скомороховъ? Не безъ основанія можно думать, что если изъ нашего народнаго хоровода и скоморошныхъ „дѣйствъ" не образовался самобытный театръ, то это зависѣло отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, кромѣ старанія церкви противодѣйствовать всякому „еллинскому бѣсованію". Вотъ на этотъ-то вопросъ желательно было-бы найти болѣе положительный отвѣтъ.

Въ связи съ этимъ этюдомъ можно поставить другую не менѣе любопытную статью г. Михневича: „Извращеніе народнаго пѣснотворчества" [1]). Оску-

---

[1]) Статья эта была напечатана въ „Историческомъ Вѣстникѣ" въ прошломъ году и является въ отдѣльномъ изданіи значительно дополненной.

дѣніе нашей народной поэзіи началось давно. Со времени реформы Петра I, отъ соприкосновенія съ иноземной цивилизаціей, наше народное творчество мало-по-малу утрачиваетъ самостоятельный, индивидуальный характеръ. Старыя поэтическія пѣсни еще остаются въ памяти народа и пользуются его любовью, но въ нихъ понемногу начинаетъ обнаруживаться чуждая примѣсь, а въ новыхъ созданіяхъ народной фантазіи нѣтъ уже прежняго полета и прежнихъ чисто-самобытныхъ красокъ. Солдатскія пѣсни, сложенныя при Петрѣ I и Екатеринѣ II, въ художественномъ отношеніи никакъ не могутъ быть поставлены на раду съ старинными волжскими пѣснями ни по выраженію чувства, ни по языку. Но окончательное искаженіе русской народной поэзіи произошло во второй половинѣ настоящаго столѣтія. Какъ подъ вліяніемъ новыхъ понятій и вкусовъ измѣнялись старые обычаи и костюмъ, сначала въ городахъ, а потомъ и въ деревнѣ, такъ же начала забываться или извращаться и наша народная поэзія. „Ныньче—говоритъ справедливо г. Михневичъ—такого „боярскаго дома", въ которомъ справлялись-бы русскія святки по старинѣ, со всѣмъ разгуломъ народной фантазіи, и днемъ съ огнемъ не сыскать. Ныньче нетолько въ „боярскихъ" домахъ, но и въ скромной хатѣ городскаго мѣщанина русскія „народныя фантазіи" и обряды на святкахъ вытѣснила заѣзжая модница—нѣмецкая „елка". Даже въ деревняхъ святочныя и всякія другія праздничныя „народныя фантазіи", игры, забавы и пѣсни сильно амальгамированы городскою „образованностью", а кое-гдѣ ради нея и вовсе выброшены изъ памяти и житейскаго обихода". Дѣйствительно, въ настоящее время въ народной массѣ повторяется то, что въ прошломъ столѣтіи пережили высшіе слои русскаго общества. Какъ тогда, при усвоеніи внѣшнихъ формъ западной цивилизаціи, наша аристократія отрекалась отъ родныхъ обычаевъ и замѣняла прежнія удовольствія новыми, вывезенными изъ Европы, такъ теперь народъ начинаетъ быстро усвоивать то, что разносится изъ городовъ по деревнямъ путемъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и отхожихъ промысловъ. Остатки прежнихъ увеселеній исчезаютъ: по селамъ невидать уже качелей, балалайка смѣнилась гармоникой, вмѣсто прежней пляски въ деревнахъ танцуютъ подобіе кадрили, а въ хороводахъ и на посидѣлкахъ, которыя видны рѣже и рѣже, старинная народная пѣсня начинаетъ вытѣсняться произведеніями новѣйшаго творчества. А каково это творчество—можно видѣть изъ образцовъ, приводимыхъ г. Михневичемъ въ его очеркѣ. „Благодаря нашей страсти къ переимчивости, говоритъ авторъ, народный языкъ коверкается и уснащается массой большею частію обезображенныхъ, ни къ селу ни къ городу нацѣпленныхъ иностранныхъ и техническихъ словъ и оборотовъ, выдернутыхъ изъ лексикона городской интеллигенціи... Весь этотъ потокъ новыхъ словъ и понятій естественно проникаетъ и въ народное пѣснотворчество, вытѣсняя самобытность и чистоту поэтическихъ формъ старинной пѣсни, которая мало-по-малу совершенно забывается. Вмѣсто нея нарождается фальшивая и дикая сюртучно-трактирная поэзія, непріятно поражающая искусственностью и вычурностью своего склада, отсутствіемъ живости и красоты, которыми такъ плѣняетъ истинно-народная пѣсня, и наконецъ какою-то лоскутной пестротой языка и содержанія". Противъ такого печальнаго явленія едва ли можно что-нибудь сдѣлать. Какъ напрасно Фонвизинъ, Грибоѣдовъ и другіе наши писатели осмѣивали рабски-обезьянническое усвоеніе иностранныхъ обычаевъ нашимъ высшимъ обществомъ, такъ напрасны были бы и теперь усилія истинно-просвѣщенныхъ людей остановить крестьянъ отъ печальнаго подражанія трактирно-фабричнымъ

нравамъ. Остается надѣяться, что и въ этой средѣ рано или поздно возникнетъ реакція, какъ она начинаетъ уже проявляться въ образованныхъ классахъ русскаго общества.

Не входя въ разборъ остальныхъ историческихъ этюдовъ г. Михневича, болѣе или менѣе интересныхъ какъ по содержанію, такъ и по изложенію, замѣтимъ вообще, что статьи его, помѣщенныя въ настоящей книгѣ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы компиляціями. Пользуясь обширнымъ матеріаломъ для избранной темы, онъ группируетъ извлекаемые факты не по наружной ихъ связи и послѣдовательности, но по отношенію къ самостоятельной мысли. Его монографіи принадлежатъ къ числу сочиненій, которыя въ живыхъ и разнообразныхъ картинахъ знакомятъ насъ съ тѣми сторонами русской общественной жизни, какія только слегка затрогивались или даже вовсе пропускались нашими историками, обращавшими больше вниманія на внѣшнія событія, чѣмъ на проявленіе народнаго характера въ его духовной дѣятельности, въ его развлеченіяхъ и удовольствіяхъ и въ творчествѣ его фантазіи. Если разсказы г. Михневича не вполнѣ объективны и мѣстами въ нихъ замѣтна тенденціозность, какъ напримѣръ, въ томъ этюдѣ, гдѣ онъ показываетъ прежнее и настоящее значеніе нашихъ монастырей, то во всякомъ случаѣ фактическая сторона смягчаетъ нѣкоторую рѣзкость его отзывовъ. Читатель можетъ не соглашаться съ иными его выводами, но отдастъ справедливость и полнотѣ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, и живости въ ихъ изложеніи.

А. М.

Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Спб. 1882 г.

Всегда очень дѣльно, очень основательно—главное, очень здраво, и всегда немножко скучно — вотъ характеръ всего, что пишетъ г. Страховъ; таковъ же характеръ и его послѣдней книги, заглавіе которой мы выписали выше. Прежде всего книга не оправдываетъ своего заглавія. Въ ней съ Западомъ ведетъ борьбу самъ г. Страховъ; но исторіи борьбы съ Западомъ въ нашей литературѣ читатель въ книжкѣ не найдетъ. А именно найти это было бы очень заманчиво; именно этого ожидаешь отъ книги, именно разработка этой темы была бы въ высшей степени и современна и, что главнѣе, своевременна, ибо борьбу нашу съ Западомъ совершенно можно уподобить борьбѣ Іакова съ Богомъ. И выйдемъ ли мы изъ нея, подобно Іакову, израненные, но не побѣжденные, а потому съ новыми, или, лучше сказать, съ вполнѣ раскрывшимися, затаенными въ насъ пока, духовными силами, или падемъ подъ бременемъ непосильнаго напряженія—это вопросъ столь назойливый и настоятельный, что всякая, хотя бы слабая, попытка его рѣшенія должна быть встрѣчена съ напряженнымъ вниманіемъ и любопытствомъ. Въ чемъ же, однако, дѣло,—что это за борьба и что собственно надо прослѣдить? Это именно тѣ пункты, на которыхъ путаются всѣ наши, такъ называемыя, литературныя партіи, тѣ пункты, около которыхъ, главнымъ образомъ, скопляются фантомы и миражи, не дающіе ясно и отчетливо различать явленія нашей жизни. Одни говорятъ, что никакой борьбы нѣтъ, не было, да и быть не можетъ, ибо мы ученики—Западъ учитель. Учитель и въ либерализмѣ, и въ консерватизмѣ, и въ радикализмѣ, и въ соціализмѣ—въ чемъ хотите, смотря по вкусу, ремеслу и

наклонностямъ, но, какъ бы то ни было—учитель. Другіе же утверждаютъ, что не только не учитель, а прямо врагъ, а притомъ еще и лжеучитель. И характерно у этихъ другихъ, что хоть съ частичкой „лже", а все же учитель. Но это въ скобкахъ. Теперь же отмѣтимъ, что и тѣ и другіе, и отрицающіе и признающіе, явно не понимаютъ смысла и, что важнѣе, характера борьбы нашей съ Западомъ, которая была, есть и будетъ и отъ исхода которой именно зависитъ наше будущее.

Постараемся, насколько то возможно въ коротенькой рецензіи, пояснить нашу мысль, намѣтивши хотя главнѣйшіе пункты.

Начнемъ немного издалека—безъ этого нельзя, но пусть читатель не пугается, ибо мы тронемъ старину лишь слегка. Когда стольникъ Лихачевъ ѣздилъ посломъ къ „дуку Фердинандусу въ градъ Флоренксъ" отъ царя Алексѣя Михайловича, то съ необычайною наивностью непосредственно-типичнаго человѣка, врытаго корнями въ свою почву, повѣствовалъ, между прочимъ, слѣдующее: „въ Ливорнѣ церковь греческая во имя Николая Чудотворца и протопопъ Аѳанасій—да въ Венеціи церковь же греческая, а больше того отъ Рима до Кольскаго острога нигдѣ нѣтъ благочестія" Просто, ясно и убѣдительно, т. е. убѣдительно для такихъ же непосредственно-типовыхъ людей почвы, каковъ самъ Лихачевъ, а таковыми была вся тогдашняя Россія. Просто, ясно и убѣдительно, ибо для Лихачева всѣ эти соборы Св. Марка, Св. Петра и пр. и пр., вовсе не есть „благочестіе", а есть лишь „хитрость нѣмецкая", интересующая его совсѣмъ съ другой стороны, на ряду съ другими „хитростями". И вотъ другой тогдашній „туристъ", Чемодановъ, чрезвычайно тщательно, ловко и хитро выспрашивая венеціанъ насчетъ разныхъ полезныхъ вещей, въ то же время очень холодно относится къ фантастической, трагически-сладострастной Венеціи, не приходитъ отъ нея въ лиризмъ, какъ то случится навѣрное съ его далекимъ потомкомъ вѣка черезъ два. А штука, конечно, въ томъ, что онъ, этотъ Лихачевъ, или Чемодановъ, носитъ въ себѣ до того простое и наивное вѣрованіе, что скорѣе комично отнесется ко всѣмъ другимъ типамъ, чѣмъ усумнится въ самомъ себѣ, въ своей исключительной законности, тѣмъ болѣе, что онъ еще и не имѣлъ случая и нужды сличить себя съ другими жизненно-историческими типами. Типъ хранится ими такъ вѣрно, такъ искренно, что они и понять не могутъ ничего того, что ихъ типу противорѣчитъ. Потемкинъ во Франціи, оскорбленный откупщикомъ, хотѣвшимъ взять пошлину съ окладовъ св. иконъ, прямо называетъ его „врагомъ Креста Христова и псомъ несытымъ" — и знать не хочетъ, что у откупщика „свои права". Фонвизину, этому послѣднему могикану, неразложившагося еще типа, звуки польскаго языка кажутся „подлыми", а о цѣлой великой націи онъ замѣчаетъ только, что „французъ ума не имѣетъ, да и имѣть его почелъ бы за величайшее несчастіе"; въ энциклопедистахъ же видитъ лишь людей жадныхъ до денегъ...

Но вотъ эта же самая природа съ богатыми стихійными силами и съ безпощаднымъ критическимъ здравымъ смысломъ вдругъ была поставлена, и поставлена не случайно, а навсегда, въ столкновеніе съ иною, чуждою ей жизнью, съ иными, крѣпко же, но притомъ еще и полно и роскошно сложившимися, идеалами — поставлена навсегда въ столкновеніе съ Европою, съ ея мыслью, съ ея духомъ. Сперва она, эта стихійная сила, какъ Фонвизинъ, отнеслась къ чуждымъ ей типамъ только критически. Но тотчасъ же послѣдовалъ неминуемо и другой процессъ. Всколебленныя стихіи начинаютъ страш-

ную ломку, выворачиваютъ всю внутренность, всю бездонную пропасть. Старый, исключительный типъ разлагается, сличая себя съ чуждыми идеалами, и вотъ тутъ-то начинается борьба. Она начинается уже съ Карамзина (всѣ перепитіи его развитія), но, конечно, главный и исходный пунктъ ея—Пушкинъ, этотъ, если позволено такъ выразиться, микрокозмъ русской жизни. Пушкинъ боролся, сличая себя, со всѣмъ великимъ, въ области духа, что выработала Европа, и выходилъ всегда торжествующимъ побѣдителемъ, т. е. самимъ собой. Такимъ вышелъ онъ изъ борьбы съ великимъ нигилистомъ—Байрономъ, воплотившимъ и выносившимъ въ себѣ всю тоску всколебленнаго до дна европейскаго міра, съ мрачнымъ отчаяніемъ оглянувшагося на развалинахъ погибшихъ великихъ иллюзій; такимъ онъ является въ неслыханномъ превращеніи изъ Пушкина—„Алеко" и „Кавказскаго плѣнника" въ Пушкина „Капитанской дочки", „Лѣтописей села Горохина". Но Пушкинъ, какъ геній, намѣтилъ лишь работу вѣковъ. Конечно, къ тому, что намѣтилъ онъ, опытъ чего показалъ онъ, жизнь должна была привести медленнымъ, тяжелымъ и болѣзненнымъ процессомъ. Она и привела — привела къ необходимости борьбы. И случилось это вотъ какъ. Намъ нужна была исторія, ибо безъ исторіи жить нельзя,—и Карамзинъ создалъ ее, подложивши требованія западно-европейскихъ идеаловъ подъ факты нашей жизни, подогнавши нашу жизнь, нашу исторію, подъ европейскую мѣрку. И исторія до того была нужна намъ, что всѣ повѣрили этому фокусу,—повѣрилъ Пушкинъ, испортившій, подъ давленіемъ Карамзина, своего „Бориса", повѣрилъ Бѣлинскій, не усумнившійся назвать литературный періодъ дикихъ историческихъ драмъ и романовъ романтически-народнымъ. Не повѣрилъ лишь великій аналитикъ—но и только онъ,—фанатически вѣрившій въ красоту и значеніе западныхъ идеаловъ, какъ единственно человѣческихъ, западныхъ вѣрованій, западныхъ понятій о нравственности, чести, добрѣ—не повѣрилъ Чаадаевъ. Онъ сразу разгадалъ фальшь Карамзинскихъ представленій, онъ холодно приложилъ свои данныя къ нашей исторіи, къ нашему быту—и сразу разбилъ Карамзинскіе воздушные замки. Онъ имѣлъ смѣлость сказать, что въ нашей народности нѣтъ никакихъ идей добра, правды, нравственности. Никакихъ, на языкѣ Чаадаева, значило западныхъ. „Единственно человѣческія формы жизни есть западныя, говорилъ онъ; въ эти формы наша жизнь не укладывается, или укладывается, какъ у Карамзина, фальшиво". Изъ такой постановки вопроса можно было сдѣлать лишь два вывода—они и были сдѣланы. Мы не люди, и чтобы сдѣлаться людьми, намъ надо отречься отъ себя. Это былъ одинъ выводъ, породившій цѣлое литературное и жизненное теченіе. Нѣтъ, мы люди, но только совсѣмъ иные люди, и наша жизнь совсѣмъ иная жизнь, хотя не менѣе человѣческая, но шла и идетъ по инымъ законамъ, чѣмъ западная. Значитъ, надо узнать, что это за жизнь и каковы ея законы. Это былъ другой выводъ, опять-таки породившій цѣлое литературное и жизненное теченіе.

Но чтобы понять и осмыслить свою жизнь, узнать ея особые законы, необходимо было сличить эту жизнь съ чужою жизнью, необходима, значитъ, была духовная борьба съ этой чужой жизнью. Вотъ эту-то борьбу съ Западомъ, хотя бы лишь въ области литературы, искусства и науки, любопытно и необходимо прослѣдить, эту борьбу съ Западомъ, изъ которой мы должны вынести вновь свой непосредственный, твердо сложившійся типъ, типъ, вышедшій изъ сличенія съ чужою жизнью, типъ самъ себя сознающій. Чрезвычайно любопытной исторіи этой борьбы, какъ мы уже замѣтили выше,

г. Страховъ не далъ въ своей книгѣ. Статьи о Миллѣ, Ренанѣ, парижской коммунѣ, Штраусѣ, скорѣе являются исторіей борьбы Запада съ самимъ собой. (особенно очень любопытная статья о Ренанѣ), либо борьбой г. Страхова съ западными ученіями, имѣвшими вліяніе у насъ. Одна лишь статья о Герценѣ (составляющая, впрочемъ, почти болѣе трети всей книги) и сама по себѣ въ высшей степени интересная, могла бы дать матерьялъ для исторіи именно такой „борьбы съ Западомъ", на какую мы указывали выше. На этой статьѣ мы и остановимся. Г. Страховъ собственно не приводитъ никакихъ новыхъ фактовъ о Герценѣ. Все, что есть въ его статьѣ, извѣстно, или должно быть извѣстно русскому образованному читателю. Но большая заслуга г. Страхова состоитъ въ указаніи того, чего никто не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣчать. Г. Страховъ своею статьею совершенно разбиваетъ ходячія у насъ понятія о Герценѣ, какъ о политическомъ дѣятелѣ, протестантѣ, революціонерѣ, соціалистѣ и пр. и пр., въ чемъ у насъ привыкли видѣть смыслъ и значеніе личности и дѣятельности Герцена. Правда, Герценъ прошелъ черезъ все это—но только прошелъ, какъ ступени развитія, чтобы выйти изъ всего этого самимъ собой, т. е. великимъ и глубокимъ скептикомъ. И Герценъ былъ именно не поверхностнымъ отрицателемъ „въ пятачекъ серебра", какихъ у насъ много, а великимъ скептикомъ, который, какъ и всякій великій скептикъ, не вѣритъ въ свой скептицизмъ, не хочетъ, да и не можетъ въ него вѣрить. Вотъ эта-то вѣчная и мучительная потребность вѣры, при основѣ глубочайшаго скептицизма, заставляла Герцена вѣчно создавать себѣ идоловъ и кумировъ, надъ которыми самъ же онъ, съ страшною болью и стонами, почти въ ту же минуту глумился, которыхъ почти въ ту же минуту оплевывалъ. Да иначе и быть не могло. Обладая обширнымъ и глубокимъ, притомъ чисто аналитическимъ умомъ, стоя къ тому же, по образованію, на ряду съ самыми мудрѣйшими мудрецами западнаго міра, Герценъ не могъ долго оставаться ни при иллюзіяхъ, созданныхъ имъ самимъ, ни при иллюзіяхъ, созданныхъ западнымъ міромъ. Съ безпощадною послѣдовательностью неподкупнаго мыслителя разбивалъ онъ ихъ одну за другою, холодно, безжалостно, съ мрачнымъ отчаяньемъ, оставаясь съ страшною пустотою въ сердцѣ, съ давящею мыслью въ головѣ. Какъ настоящій, во весь ростъ русскій Гамлетъ, Герценъ не могъ помириться на маломъ, не могъ подчиниться малому—не могъ подчиниться доктринѣ, теоріи, не могъ жить и дѣйствовать во имя ихъ. Какъ и для всякаго великаго скептика, для Герцена было лишь два выхода—или холодное отчаянье, или все примиряющая, или все разъясняющая вѣра—вѣра, дающая мѣру страданію, исходъ мысли и чувству. До такой вѣры Герценъ не добился, быть можетъ, по самому свойству своей натуры, и не могъ добиться. „Жизнь обманула, исторія обманула", писалъ онъ въ своей знаменитой книгѣ „Съ того берега"—писалъ, едва лишь вступивши реально въ кругъ европейской жизни. И на закатѣ дней, измученный и разбитый, когда отъ всего чада и дыма прожитой жизни остались лишь одни „разсудка злыя сожалѣнья", когда стало „пусто и страшно въ прекрасномъ мірѣ Божьемъ", онъ опять и опять могъ повторить тѣ же слова: „жизнь обманула, исторія обманула"! Личность Герцена, помимо его значенія, какъ первокласснаго русскаго писателя, еще въ высшей степени интересна и поучительна, какъ типъ героя всякой переходной эпохи, когда старое, забитое въ крѣпкія рамы, распадается, когда новаго ничего не сложилось, когда все замутилось въ общей путаницѣ мыслей, чувствъ и понятій, когда среди миража, встающаго на мѣсто всколебленной до корней жизни,

даже лучшіе люди, лучшіе умы теряютъ Бога, теряютъ вѣру въ жизнь, въ ея правду и красоту.... Вотъ эти-то „слѣпые, хромые и убогіе, чающіе движенія воды", вотъ эти-то „маловѣры", алчущіе и жаждущіе Бога и вѣры,—они-то и дадутъ матерьялъ для той глубоко-трагической основы, которую будущій великій художникъ возметъ для своего, такъ сказать, „историческаго" романа—романа изъ жизни русскаго „скитальца". И конечно, личность Герцена, его біографія—съ которою, наконецъ, пора и давно пора ознакомить русскихъ читателей—дадутъ богатый матерьялъ и для историка, и для романиста,—матерьялъ, смыслъ и значеніе котораго далеко уходятъ за предѣлы эпохи, въ которую жилъ Герценъ, освѣщая многое и многое изъ позднѣйшаго, изъ сегодняшняго.... Видѣвшій гораздо дальше многихъ „премудрыхъ и разумныхъ", окруженный вѣчнымъ недовѣріемъ своихъ сторонниковъ, оклеветанный врагами, непонятый даже друзьями, А. И. Герценъ навсегда останется въ исторіи русскаго развитія одной изъ личностей глубоко-трагичныхъ....

Повторяемъ, въ коротенькой рецензіи мы не могли указать на все интересное и достойное вниманія въ книжкѣ г. Страхова. Заинтересованнаго читателя отсылаемъ къ ней самой, въ увѣренности, что онъ не потеряетъ даромъ времени. Въ своей книгѣ г. Страховъ—правда, слегка и безъ системы,—касается столькихъ назойливыхъ и наболѣвшихъ вопросовъ, и касается ихъ притомъ столь оригинально, безъ обычныхъ, такъ всѣмъ надоѣвшихъ, журнальныхъ и газетныхъ вывертовъ, не только ничего не разрѣшающихъ, но даже ничего не указывающихъ, что читатель подкупленъ уже, чувствуя, что съ нимъ говорятъ серьезно, а не пережевываютъ обязательную, „строчную" жвачку, никому ненужную и не интересную....

Г. Ю.

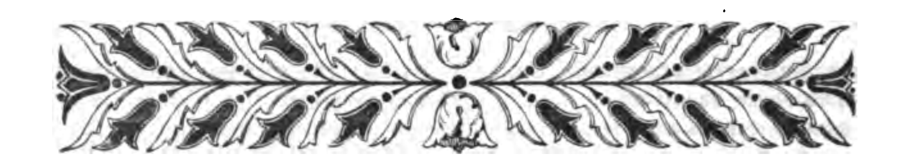
Исторія реформаціи Гейссера, переводъ подъ редакціей В. Михайловскаго. М. 1882.

Изъ всѣхъ событій всемірной исторіи реформація принадлежитъ къ самымъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ и по вліянію, какое она оказала на умственное развитіе Европы. Недаромъ историкъ этого развитія, Джонъ Вильямъ Дреперъ, въ своей извѣстной книгѣ, достигшей даже на русскомъ языкѣ трехъ изданій, говоритъ: „основанная на правѣ частнаго толкованія св. писанія, реформація ввела лучшія правила жизни и сдѣлала значительный шагъ въ умственной свободѣ. Она заставила людей быть болѣе нравственными и позволила имъ быть болѣе учеными. Суевѣрныя преданія она замѣнила правилами здраваго смысла. Она положила конецъ мнимымъ чудесамъ и суевѣріямъ, которыя, къ стыду Европы, имѣли силу столько вѣковъ". Послѣ реформаціи, давшей человѣку свободу мыслить, оставалось только—возвратить ему свободу дѣйствовать въ сферѣ государственныхъ и соціальныхъ отношеній — и этого достигъ онъ послѣ великаго политическаго движенія въ концѣ XVIII вѣка. Реформація была скорѣе протестомъ противъ религіозной тираніи, чѣмъ ея преобразованіемъ (реформою), и вотъ почему за противниками папства и католицизма осталось въ исторіи названіе протестантовъ, а не реформатовъ, хотя на второмъ Шпейерскомъ соборѣ нѣкоторые князья и города протестовали сначала только противъ отмѣны власти, данной князьямъ им-

періи управлять духовными дѣлами въ ихъ владѣніяхъ. Извѣстно, какъ далеко развился впослѣдствіи этотъ скромный протестъ. Онъ не только дошелъ до полной терпимости всякаго религіознаго убѣжденія и не остановился на этомъ, какъ ошибочно полагаетъ Маколей и другіе историки реформаціи, но выразился въ полномъ отдѣленіи церкви отъ государства, совершившемся во время сѣверо-американской революціи. И въ этомъ отношеніи философъ Дреперъ лучше понимаетъ реформацію, чѣмъ историкъ Гейссеръ, замѣчая, что она „и теперь незамѣтно, но непоколебимо подвигается впередъ и остановится только, когда настанетъ время полной умственной эмансипаціи человѣка“.

Дѣйствительно, профессоръ гейдельбергскаго университета Гейссеръ (Häusser), взглянулъ на великое движеніе XVI вѣка довольно односторонне. Г. Михайловскій справедливо замѣчаетъ, что въ своихъ лекціяхъ Гейссеръ исключительно обратилъ вниманіе на внѣшнюю, политическую сторону реформаціи, почти вовсе игнорируя ея внутреннее значеніе, умственное и соціальное движеніе этой эпохи. Такъ, онъ ничего не говоритъ о многочисленныхъ сектахъ, существовавшихъ во всѣхъ странахъ одновременно съ офиціальной реформаціей. Можно ли было не обратить вниманіе на роль, какую играли въ общемъ движеніи анабаптисты, антитрипоторіи, квакеры? Безъ изслѣдованія ихъ ученій очень многое въ исторіи реформаціи становится непонятнымъ. А между тѣмъ за переводъ и изданіе этого обширнаго (слишкомъ 800 страницъ) труда мы все-таки должны быть благодарны г. Михайловскому, потому что изъ всѣхъ историковъ этой эпохи Гейссеръ едва ли не самый безпристрастный, взглянувшій на нее съ общеисторической точки зрѣнія, лишенной всякаго богословскаго характера, и разсматривающій реформацію, какъ общечеловѣческое явленіе, а не какъ часть исторіи церкви. Книга его начинается съ жизнеописанія Лютера, излагаетъ религіозное движеніе въ Германіи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи, Англіи, всѣ историческія событія эпохи, кальвинизмъ, антиреформаціонныя мѣры католицизма: инквизицію и учрежденіе ордена іезуитовъ, возстаніе Нидерландовъ, религіозную войну во Франціи, тридцатилѣтнюю войну, царствованіе Елизаветы англійской. Книга оканчивается исторіей революціи и республики въ Англіи. Со многими выводами и характеристиками автора нельзя согласиться, но надо отдать справедливость добросовѣстному изложенію имъ фактовъ и искусной групировкѣ событій. Языкъ русскаго перевода хорошъ и правиленъ. Замѣчательному труду историка г. Михайловскій предпослалъ, въ видѣ введенія, очеркъ эпохи, подготовившей революцію. Очеркъ этотъ носитъ названіе: „Главные предвѣстники и предшественники реформаціи въ XIV и XV столѣтіи“. Не говоря уже о томъ, что предшественники и въ особенности предвѣстники реформаціи являлись и ранѣе XIV вѣка и что нельзя, какъ утверждаетъ авторъ, считать почином ъреакціи противъ папства споръ Филиппа IV Красиваго съ Бонифаціемъ VIII,— очеркъ вообще могъ бы быть составленъ подробнѣе и обстоятельнѣе.

В. З—въ.



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Похороны графа Андрея Ивановича Ушакова.

МЯ графа Андрея Ивановича Ушакова, знаменитаго инквизитора Бироновскихъ временъ, не можетъ возбуждать инаго чувства, кромѣ ужаса и отвращенія,—съ этимъ именемъ связаны лишь однѣ кровавыя и позорныя страницы въ русской исторіи. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на стоны и вопли ежедневно пытаемыхъ и терзаемыхъ имъ людей, Ушаковъ прожилъ свою долгую жизнь въ полномъ спокойствіи, почетѣ и довольствѣ. Но вотъ наступилъ часъ воли Божіей: умеръ графъ Андрей Ивановичъ,—и похоронили его, по выраженію имѣющагося у насъ документа, тоже „съ немалымъ довольствомъ" на счетъ государственной россійской казны.

Упомянутый документъ есть „Книга приходная и расходная, коликое число къ погребенію тѣла его сіятельства графа Андрея Ивановича Ушакова куплено вещей, дано за работу мастеровымъ людямъ и роздано при выносѣ и погребеніи духовнымъ персонамъ и другимъ чинамъ, марта отъ 20-го числа по 29-е число 1747 года".

Эта рукопись сохранилась въ бумагахъ Дмитрія Ѳедоровича Бехтѣева, церемоніймейстера Елизаветинскаго времени, затѣмъ русскаго повѣреннаго при дворѣ Людовика XV и, наконецъ, воспитателя великаго князя Павла Петровича.

Весь документъ слишкомъ великъ, чтобы напечатать его здѣсь вполнѣ, а потому заимствуемъ изъ него только нѣкоторыя, наиболѣе любопытныя подробности. Такъ, напримѣръ, мы узнаемъ, что на обивку для „сіятельной персоны" гроба бархатомъ и серебрянымъ атласомъ, также на покрытіе тѣла его графскаго сіятельства тафтой и на золотую парчу, израсходовано 794 р. 3 к. Атласныя подушки въ гробѣ стоили 138 руб. 2 коп. Не мало поживился отъ хладной высокографской персоны нѣкто Яганъ Эгерцъ, „иноземецъ, столярнаго дѣла мастеръ", который, безъ сомнѣнія, съ величайшей нѣмецкой аккуратностью, устроилъ „для покойнаго его сіятельства" послѣднее жилище — гробъ, ровно за 70 рублей. Конечно, гробы узниковъ, замученныхъ тѣмъ же графомъ въ застѣнкахъ и въ другихъ мѣстахъ, обходились русской казнѣ не-

сравненно дешевле. Товарищъ названнаго нѣмца Ягана Эгерца, нѣкто Георгъ Гроссъ (тоже „иноземецъ, мѣднаго дѣла мастеръ"), получилъ 90 рублей „за сдѣланіе ко гробу восьми скобокъ, а подъ ними бляхи, и за бляхи-жъ въ головѣ съ гербомъ, а въ ноги съ написаніемъ его сіятельства ранга".

Впрочемъ, смерть Ушакова доставила нѣкоторую выгоду не однимъ только петербургскимъ нѣмцамъ. Благодаря ей, нѣсколько коренныхъ русскихъ людей также успѣли нажить копѣйку. Такъ, напримѣръ, оброчный крестьянинъ Костромскаго уѣзда, Конюшенской дворцовой волости, села Даниловскаго, (нынѣ—Даниловъ, уѣздный городъ Ярославской губерніи) Алексѣй Осиповъ получилъ за купленныя у него восковыя похоронныя свѣчи 61 руб. 42½ коп. Серебряная парча на двѣ ризы, назначенная въ церковь, „въ поминки по его сіятельствѣ", стоила 120 рублей. Въ похоронной процессіи участвовало множество духовныхъ персонъ, и каждая изъ нихъ получила приличное своему сану вознагражденіе. Между прочимъ, с.-петербургскій преосвященный Өеодосій и Митрофанъ, архіепископъ тверской, получили каждый по 15 рублей. Вятскій же епископъ заработалъ отъ похоронъ гр. Ушакова только 8 рублей. Архимандритъ (впослѣдствіи знаменитый митрополитъ московскій) Платонъ оцѣненъ былъ на 1 рубль дешевле вятскаго владыки, т. е. его наградили за похороны семью рублями; но архимандритъ Соловецкаго монастыря Геннадій долженъ былъ удовольствоваться лишь 6-ю рублями; ту же сумму выдали архимандриту Спасо-Казанскаго монастыря Веніамину. Протопопы получили по 2 рубля, попы по 1 рублю, дьяконы по 50 коп. Причты церковные награждены разно: отъ 50 коп. до 2 руб. на причтъ. Изрядный взносъ послѣдовалъ въ Александро-Невскій монастырь, именно 100 рублей, которые были раздѣлены между тридцатью іеромонахами, четырнадцатью іеродьяконами и одинадцатью монахами. Пѣвчіе новгородскаго и с.-петербугскаго преосвященнаго „выпѣли" 10 рублей. На „содержаніе стола для духовныхъ персонъ" потребовалось 100 рублей; за чтеніе надъ „его сіятельства гробомъ денно и нощно" выдано 44 руб.; а на годовой сорокоустъ—150 рублей. Всего курьезнѣе, что при этихъ торжественныхъ похоронахъ прибѣгли къ католикамъ: изъ петербургскаго католическаго костела, названнаго въ этомъ документѣ „киркою", позаимствованы были „на прокатъ", за 5 рублей, семь посеребреныхъ подсвѣчниковъ. Взяты были, также на прокатъ, нѣкоторыя похоронныя принадлежности, какъ-то: черныя попоны для лошадей, черныя эпанчи и проч., изъ Александро-Невскаго монастыря—за 20 рублей.

Вообще „его высокографское сіятельство", графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, вызвалъ своею кончиной расходъ изъ русской казны въ 2,514 рублей 70½ коп. Вѣроятно, во время оно не дороже стоили испанскому правительству похороны великихъ инквизиторовъ, дѣятельность коихъ напоминалъ собою въ Россіи гр. Ушаковъ.

Сообщено **Л. Н. Трефолевымъ.**

Какъ прежде обращали раскольниковъ въ православіе — домашними средствами.

Въ 1848 году, въ концѣ зимы, по дѣламъ службы, я пріѣхалъ въ гор. Тамбовъ, гдѣ тогда былъ губернаторомъ Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ, одинъ изъ честнѣйшихъ, дѣятельныхъ администраторовъ.

6-го декабря, по случаѣ тезоименитства государя императора, у губернатора былъ парадный обѣдъ, на который былъ приглашенъ и я. Между разговорами во время обѣда, преосвященный сказалъ, „что теперь съ правилами, преподаваемыми синодомъ, трудно обращать въ православіе раскольниковъ,—(прежде консисторіи предоставлялось вызывать раскольниковъ для увѣщеванія, но сроковъ не было опредѣлено — и тогда консисторія вызывала богатыхъ раскольниковъ, выбирая самую торговую пору, и назначала 500 и даже 1.000 и болѣе рублей выкупа, и пока раскольникъ не внесетъ требуемое, до тѣхъ поръ его все держали для увѣщанія въ консисторіи. Впослѣдствіи на таковыя притѣсненія жаловались синоду, который и приказалъ — болѣе 7 дней раскольниковъ не задерживать, что было ударомъ для консисторіи),—и вотъ въ настоящемъ году мы обратили въ православіе всего трехъ раскольниковъ“.

На это сѣтованіе преосвященнаго вдругъ послышался съ другаго конца стола, тоненькій, визгливый голосъ полковника, командира баталіона внутренней стражи.

— А я былъ счастливѣе вашего преосвященства: я въ 10 лѣтъ, командуя баталіономъ, успѣлъ обратить въ православіе до 200 раскольниковъ!

— Это очень интересно, господинъ полковникъ, отвѣчалъ архіерей,—расскажите, какимъ это средствомъ?

— Мы, ваше преосвященство, люди военные и не имѣемъ времени для увещаній, — это все равно, что воду толочь; а я употреблялъ домашнія средства. Вотъ, напримѣръ, послѣ набора приводятъ ко мнѣ партію рекрутъ, я сейчасъ говорю—раскольники, впередъ! выйдетъ иногда человѣкъ 5 — 6 и даже до 20; я и спрашиваю—что братцы, вы раскольники? „Точно такъ, ваше высокоблагородіе“.—„Ну ладно. Максимовъ! (фельдфебель—крещеный изъ евреевъ) съ завтрашняго дня представляй мнѣ по одному изъ этихъ раскольниковъ“. Наслѣдующее утро является Максимовъ и приводитъ одного раскольника — я и говорю ему: „Ну что, любезный, ты православный?“—„Никакъ нѣтъ—раскольникъ!“ — „Ну, хорошо. Максимовъ, дай ему 250 розогъ“. На слѣдующій день другому очередному то же самое. Наконецъ приходитъ опять первая очередь.— „Ну, что любезный, спрашиваю—ты православный?“ „Никакъ нѣтъ—раскольникъ“.—„Ну, хорошо, дать ему 500“. Такимъ образомъ, очередь снова доходила до перваго. —„Ну что, любезный, ты православный?“—„Точно такъ, ваше высокоблагородіе“.—„Православный—ну, хорошо, отвести его къ священнику, и когда отговѣетъ, представить ко мнѣ“. Является вновь обращенный.—„Ну что, милый, православный?“—„Имѣлъ счастіе, ваше высокоблагородіе, пріобщиться святыхъ тайнъ“. — „Ну, поздравляю, вотъ тебѣ рубль и дать чарку водки“. Но одинъ, ваше преосвященство, былъ очень упрямый раскольникъ, такъ что, когда ему дали 750 розогъ, онъ пролежалъ въ больницѣ съ мѣсяцъ. Опять приводятъ его ко мнѣ.—„Ну что, любезный, ты православный?“—„Никакъ нѣтъ ваше высокоблагородіе“.—„Ну, дѣлать нечего; дать ему 1.000“. Ну, послѣ этого онъ пролежалъ мѣсяца два, наконецъ опять его ко мнѣ приводятъ, я со страхомъ спрашиваю:— „Ну что, милый, ты православный?“ Къ моему счастью, говоритъ—православный. Я такъ обрадовался, что далъ ему 5 руб. и двѣ чарки водки. Вотъ такими домашними средствами я, ваше преосвященство, обратилъ до 200 раскольниковъ въ православіе и за такое усердіе къ службѣ удостоился высочайшей награды,— получилъ Анну на шею. И что удивительно—это то, что ни одинъ изъ обращенныхъ мною не возвратился въ расколъ! Ахъ, виноватъ, ваше преосвященство—разъ мнѣ докладываетъ фельдфебель, что одинъ солдатикъ, который по-

лучилъ 750 розогъ—обращенный въ православіе, уже другой годъ не былъ у причастія; я сейчасъ его къ себѣ; спрашиваю: „Правда ли, что ты два года не говѣлъ?"—„Виноватъ, ваше высокоблагородіе, правда; я былъ въ отпуску и родныя меня уговорили отъ православія".—„Ну, хорошо, милый. Максимовъ, дай ему 1.000". Послѣ мѣсячнаго лежанія въ госпиталѣ, этотъ отщепенецъ и домой уже не ходилъ и сдѣлался самымъ усерднымъ православнымъ.

— Что же, полковникъ, вамъ эти средства были указаны начальствомъ?

— Никакъ нѣтъ—это я лично самъ выдумалъ, по усердію къ православной церкви.

— Ну, намъ эти средства не пригодны, замѣтилъ архіерей.

Можно судить, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ присутствующихъ разсказъ полковника.

Сообщено **Г. В. Ч.**

СМѢСЬ.

Графъ С. Г. Строгоновъ. (Некрологъ). Въ страстную субботу, 27-го марта, вечеромъ, скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей — графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ. Онъ родился въ 1793 году. Отецъ его былъ баронъ; но С. Г. Строгоновъ, женившись на послѣдней въ родѣ графовъ Строгоновыхъ, получилъ графское достоинство и всю свою долгую жизнь поддерживалъ честь и высокую репутацію этого древняго рода русскихъ именитыхъ людей. Еще очень молодымъ человѣкомъ, графъ С. Г. Строгоновъ служилъ въ военной службѣ и уже въ царствованіе императора Александра Благословеннаго, въ 1811 году, былъ произведенъ въ офицеры, а при императорѣ Николаѣ, въ 1835 году, получилъ званіе генерала-адъютанта. Графъ Строгоновъ, будучи полковникомъ, былъ назначенъ попечителемъ московскаго учебнаго округа и время попечительства графа С. Г. Строгонова составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи московскаго университета. То была эпоха Грановскаго, Кудрявцева, Крюкова, Крылова, Бодянскаго и другихъ многихъ, эпоха сосредоточенія въ стѣнахъ старѣйшаго русскаго университета наиболѣе выдающагося умственнаго и прогрессивнаго движенія русской мысли. Съ памятью о московскомъ періодѣ государственной дѣятельности графа Строгонова тѣсно связаны его предсѣдательство въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ и основанное на средства графа Строгоновское училище рисованія въ Москвѣ, положившее начало этой отрасли техническаго образованія въ нашемъ отечествѣ. При постоянно тепломъ и просвѣщенномъ участіи своего основателя, „Строгоновское училище" достигло высокой степени развитія и въ настоящее время дало уже значительный контингентъ рисовальщиковъ-техниковъ, въ которыхъ такъ настоятельно нуждается русская художественная промышленность.

Московскій періодъ дѣятельности графа Строгонова былъ прерванъ высокимъ довѣріемъ императора Александра Николаевича, ввѣрившаго графу С. Г. Строгонову воспитаніе покойнаго цесаревича Николая Александровича. Въ 1870 году С. Г. назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета, имѣвшаго цѣлью обсудить планы министерства народнаго просвѣщенія графа Толстаго.

Состоя членомъ государственнаго совѣта, графъ С. Г. Строгоновъ, почти до послѣднихъ дней своей жизни, не переставалъ интересоваться дѣлами этого высшаго государственнаго учрежденія. Ему же принадлежитъ почетное имя и въ исторіи искусства. Въ числѣ немногихъ русскихъ меценатовъ, графъ С. Г. Строгоновъ немалую часть своего громаднаго состоянія удѣлялъ на покровительство художествамъ и всякаго рода отраслямъ изящныхъ искусствъ. Его картинная галлерея въ Строгоновскомъ дворцѣ растрелліевской постройки (у

Полицейскаго моста)—одна изъ лучшихъ въ Петербургѣ. Описаніе Владимірскаго собора (изданіе 1849 г.) служитъ плодомъ его знаній по исторіи русскаго искусства. Бѣдные труженики всегда находили самое задушевное участіе со стороны графа Строгонова, и его кончину, безъ сомнѣнія, будетъ оплакивать также масса бѣдняковъ, пользовавшихся его щедрою поддержкой.

Тѣло этого замѣчательнаго человѣка, послужившаго Россіи втеченіе четырехъ царствованій, предано землѣ въ фамильномъ склепѣ графовъ Строгоновыхъ, въ Александро-Невской лаврѣ.

† **В. К. Савельевъ.** Недавно въ городѣ Казани скончался извѣстный въ ученомъ мірѣ нумизматъ-самоучка Викторъ Константиновичъ Савельевъ. Исторія жизни покойнаго Савельева довольно любопытна. Онъ былъ сынъ бѣднаго учителя рисованія въ Нижнемъ-Новгородѣ, учился на мѣдные гроши и не пошелъ дальше пятаго класса гимназіи. Но втеченіе сорока лѣтъ усидчивыхъ занятій пріобрѣлъ такой навыкъ, что съ перваго взгляда безошибочно опредѣлялъ любую монету изъ извѣстныхъ въ нумизматической наукѣ. Онъ скупалъ клады, часто въ цѣломъ составѣ привозившіеся въ Казань для продажи серебряныхъ дѣлъ мастерамъ, завелъ себѣ мелкихъ комиссіонеровъ, которые до послѣдняго времени носили ему всякую находку. Благодаря такой энергіи, покойному удалось спасти отъ гибели множество рѣдкихъ, еще совершенно неизвѣстныхъ монетъ и другихъ рѣдкостей. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ В. К., сдѣлавшись извѣстнымъ русскимъ нумизматомъ, былъ принятъ въ число членовъ Импер. Русск. Археол. Общ. въ Петербургѣ и Москвѣ и помѣстилъ въ „Трудахъ" этихъ обществъ нѣсколько статей. Долгое время покойный собиралъ исключительно русскія и джучидскія монеты. Было время, когда онъ одинъ обладалъ полнѣйшею коллекціей болгарскихъ монетъ, какой нигдѣ не было. Въ трудную минуту онъ продалъ эту коллекцію богачу-археологу А. С. Лихачеву и до послѣдняго времени не могъ простить себѣ этого.

Покойный оставилъ богатую коллекцію монетъ, которую онъ самъ цѣнилъ свыше 5 тыс. руб. Если принять во вниманіе, что въ его коллекціи есть много нумизматическихъ рѣдкостей, особенно много варіантовъ русскихъ серебряныхъ копѣекъ, еще нигдѣ не описанныхъ (покойный въ послѣднее время, пріобрѣтя большой кладъ копѣекъ, все собирался ихъ описать), то стоимость коллекціи еще увеличится. Кромѣ того, у покойнаго осталась коллекція раковинъ, коллекція камеевъ, найденныхъ въ Персеполѣ, небольшая коллекція русскихъ древностей (картинъ и гравюръ) и, между прочимъ, серебряный кубокъ, превосходящій по красотѣ отдѣлки и оригинальности два подобныхъ же кубка, хранящіеся въ Грановитой палатѣ.

† **Дарвинъ.** Въ прошломъ мѣсяцѣ весь міръ понесъ незамѣнимую потерю. Скончался знаменитый натуралистъ Чарльзъ-Робертъ Дарвинъ, на 73-мъ году. Онъ родился 19-го февраля 1809 г. въ Шрюсбери, учился въ Эдинбургскомъ и Кэмбриджскомъ университетахъ и затѣмъ началъ свою ученую карьеру участіемъ въ кругосвѣтной экспедиціи капитана Фицроя. Результаты пятилѣтняго путешествія его на кораблѣ „Beagle" послужили основами его дальнѣйшихъ незамѣнимыхъ сочиненій. Двадцать три года спустя, Дарвинъ, наконецъ, издалъ свой безсмертный трудъ—„О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора". Здѣсь онъ развилъ впервые съ неопровержимой точностію теорію „эволюціонизма", теорію измѣнчивости и развитія видовъ. Эта теорія была формулирована и раньше Дарвина, именно французскимъ натуралистомъ Ламаркомъ, но величайшая заслуга англійскаго ученаго заключалась именно въ открытіи законовъ, которые подтверждали теорію. Отсюда она была признана неотъемлемой доктриной Дарвина. Успѣхъ ея объясняется какъ простотой вытекавшихъ изъ нея выводовъ, такъ и многочисленностью фактическихъ доказательствъ, собранныхъ Дарвиномъ. Никогда прежде ни одна изъ научныхъ доктринъ не вызывала такихъ яростныхъ нападеній, какъ равно и такой страстной и горячей защиты. Философское значеніе дарвинизма, его вліяніе на пониманіе міра—еще болѣе, нежели его научныя стороны, дало мѣсто безконечнымъ спорамъ и полемикѣ. Нѣтъ такой научной области, гдѣ бы эволюціонистская доктрина не оказала своего вліянія. Что касается толчка, какой данъ ею изученію естественныхъ наукъ, онъ былъ такъ плодотворенъ, что этого одного было бы достаточно, чтобъ обезсмертить имя Дарвина. Въ 1871 г. Дарвинъ напечаталъ другое сочиненіе, оказавшее также огромное вліяніе на развитіе человѣческой мысли,—сочиненіе „О происхожденіи чело-

вѣка". Тутъ идея эволюціонизма получила новое торжество. Дальнѣйшія работы Дарвина только упрочивали его популярность. Таковы: „О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ" (1872 г.), „Растенія насѣкомоядныя„ (1875), „Данныя скрещивающагося и прямаго оплодотворенія въ растительномъ царствѣ" и пр. и пр.

Нѣтъ сомнѣнія, что, когда исторія дастъ отчетъ о людяхъ, прославившихъ девятнадцатое столѣтіе, имя Дарвина займетъ первое мѣсто въ числѣ пяти или шести величайшихъ авторитетовъ. Величайшій геній—тотъ, кто не только дѣлаетъ открытіе, но и своимъ открытіемъ измѣняетъ основы человѣческаго мышленія. А Дарвинъ именно изъ такихъ геніевъ. Капитальная черта ученой физіономіи Дарвина заключается въ необычайномъ соединеніи терпѣнія при изученіи подробностей и смѣлости въ обобщеніяхъ. Онъ больше наблюдатель, изслѣдователь, нежели мыслитель. То, что нынѣ именуется дарвинизмомъ, такъ общеизвѣстно, что едва ли есть надобность распространяться хотя бы о главныхъ чертахъ этой теоріи. Таково ужъ свойство мощныхъ воззрѣній науки, что они разливаютъ свѣтъ во всѣхъ направленіяхъ, измѣняя вмѣстѣ съ системой нашихъ познаній самую сущность человѣческой мысли.

† **Лонгфелло.** Недавно скончался Лонгфелло, геніальный американскій поэтъ. Въ лицѣ его Америка и весь цивилизованный міръ потеряли не только великаго пѣвца „Song op Hiawatha" и „Spanish Student", замѣчательнаго переводчика „Божественной комедіи", которую онъ передалъ по-англійски, съ соблюденіемъ необыкновенной точности смысла подлинника и обогатилъ цѣнными комментаріями, но и одного изъ типическихъ писателей, оказавшихъ услуги всемірной литературѣ. Лонгфелло зналъ девять новыхъ языковъ и въ его многочисленныхъ переводахъ сохраненъ самый тонъ подлинныхъ произведеній словесности, которыми онъ обогатилъ англійскую и американскую переводную литературу. Великій поэтъ родился въ 1807 году въ Портлэндѣ (въ штатѣ Мэнъ), и только будучи сорока одного года, пріобрѣлъ всемірную извѣстность своей „Evangeline". Въ 1855 г. „Пѣснь Гайваты" расширила эту извѣстность. Америка наконецъ получила себѣ поэта. Тихія, пріятныя, исполненныя стройной мелодіи пѣсни, подобно звукамъ эоловой арфы, раздавались съ большихъ рѣкъ и изъ дѣвственныхъ лѣсовъ и дошли до Европы. „Пѣсней Гайваты" впервые заявили свою литературную независимость народы американскаго союза, независимость, которую долгое время отрицали и этимъ отрицаніемъ долгое время пользовалась Англія въ своей исконной ненависти къ штатамъ. Дѣйствительно, наиболѣе выдававшіеся въ то время американскіе писатели — Куперъ и Вашингтонъ Ирвингъ, искали себѣ образцовъ вездѣ, только не на американской почвѣ. Куперъ, правда, описывалъ туземные нравы, но личности, имъ изображенныя въ своихъ романахъ, идеализировались настолько, что Купера всегда зачисляли въ разрядъ учениковъ Вальтеръ Скотта. Объ Ирвингѣ и говорить нечего. То же и относительно Эдгарда Поэ. Одаренный оригинальнымъ талантомъ, этотъ писатель не выказывалъ въ себѣ американскаго гражданина и въ жанрѣ его творчества не видно характера, исключительно свойственнаго Америкѣ. Эмерсонъ старался отклонить своихъ современниковъ отъ подражанія и въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ почетное мѣсто въ плеядѣ англо-американскихъ писателей, рядомъ съ Куперомъ и Галлибуртономъ. Лонгфелло въ началѣ свой дѣятельности, когда занимался преподаваніемъ новѣйшихъ языковъ (въ 1829 г.), весьма естественно, самъ слѣдовалъ по тому же пути, подъ вліяніемъ окружавшей его среды. Онъ, побывавши въ Европѣ разъ двадцать, переводилъ Шиллера, Уланда, Гете, Данте, увлекался попеременно то нѣмецкой и скандинавской поэзіей, то англійской и французской литературой. Быть можетъ, эта непрерывная Одиссея ученаго лингвиста-поэта и возбудила въ немъ желаніе создать новое твореніе, достойное стать на ряду съ своими первообразами. Въ исторіи своей родной страны Генри Вадворсъ Лонгфелло и нашелъ источникъ для вдохновенія. Онъ оздалъ „Evangeline". Но если поэтъ явился оригинальнымъ и великимъ уже въ этой поэмѣ, то „Пѣснь Гайваты" и вовсе не имѣетъ себѣ прецедента въ исторіи литературы. Тутъ поэтъ создаетъ цѣлый культъ своей отчизны, обнаруживая неномѣрную любовь свою къ небу Америки. „Пѣснь" эта и удивительна, и гуманна. Поэтъ воскрешаетъ въ ней цѣлый циклъ забытыхъ легендъ. Американцы справедливо гордятся этимъ твореніемъ, истинно національнымъ чадомъ ихъ родины. Лонгфелло оставилъ много другихъ поэмъ. „Excelsior" и

„Псаломъ жизни“ переведены на всѣ языки. Многіе изъ иностранныхъ поэтовъ перелагали ихъ на стихи, но объ этихъ передѣлкахъ можно сказать только, что traduttore—traditore (переводчикъ—предатель). Мысль Лонгфелло лучше передавать прозой, нежели стихами, которые нерѣдко извращаютъ оригинальный видъ подлинника.

Нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о живописцѣ Людовикѣ Каравакѣ [1]).

Существуетъ предположеніе, что Каравакъ писалъ царевенъ Анну и Елизавету Петровну (на одной картинѣ, въ видѣ геніевъ съ крылышками мотылька за плечами и съ развѣвающимися по вѣтру драпировками) въ 1717 г., вслѣдствіе письма А. К. Толстой къ кн. Меншикову изъ Шверина, отъ имени имп. Екатерины I, которой былъ посланъ передъ тѣмъ портретъ царевича Петра Петровича. Въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца (подъ № 5351) дѣйствительно хранится такой портретъ царевенъ, но былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ писанъ въ 1717 г., или только въ 1724 г. (о чемъ говорено въ своемъ мѣстѣ)—мы не знаемъ навѣрное.

Далѣе, о портретѣ Петра I, писанномъ Амикони съ оригинала Каравака 1722 г., сохранились свѣдѣнія въ письмахъ кн. Кантемира къ президенту академіи наукъ, барону Корфу, изъ Лондона отъ 10 (21) апрѣля и 27 іюня 1738 г., откуда видно, что портретъ этотъ былъ гравированъ Вагнеромъ уже въ 1738 г. и что собственникомъ этой гравюры оставался самъ Амикони, собиравшійся въ то время уѣхать изъ Лондона.

При Екатеринѣ I, Каравакъ долженъ былъ рисовать чертежи для тріумфальнаго столба съ изображеніями баталій Петра I; 13 августа 1725 г. императрица отдала приказъ объ этомъ Нартову. Подготовительныя работы были начаты, но самый памятникъ никогда не былъ исполненъ.

Послѣ смерти Анны Ивановны († 17 октября 1740), Караваку поручено было составленіе рисунковъ для траурнаго убранства дворцовъ, „фюнеральнаго зала“, трона, балдахиновъ, катафалковъ, самаго гроба, а также расписываніе знаменъ, золоченіе латъ и протазановъ, исправленіе погребальныхъ саней и проч. для „Печальной комиссіи“, равно производство разныхъ живописныхъ работъ въ Петропавловскомъ соборѣ. При немъ находилось нѣсколько живописцевъ, изъ которыхъ лучшіе были: Ив. Вишняковъ, Логинъ Дворицкій и Алексѣй Поспѣловъ. Впослѣдствіи, по требованію Каравака, прислано было къ нему еще 18 помощниковъ. При живописцахъ этихъ состояли ученики, число которыхъ простиралось до 30, и разные мастеровые.

Еще въ 1740 г. Каравакъ, жившій самъ въ „верхнемъ опартаментѣ“ стараго Зимняго дворца, дѣлалъ рисунки для серебряныхъ парчей, обоевъ и кровати въ прежнюю опочивальню правительницы Анны Леопольдовны (№ 26) въ новомъ Зимнемъ дворцѣ, а въ 1741 г. на него возложено было убранство новой опочивальни (№ 42)—тамъ же, съ устройствомъ кровати, креселъ и стульевъ. Всѣ работы производились здѣсь (съ апрѣля по августъ) подъ его руководствомъ и наблюденіемъ. Для рисовки обоевъ и шитья ихъ при немъ состояло два ученика „живописнаго художества“; въ его вѣденіи находились и золотошвейныя мастерицы; въ помощь къ нему назначенъ былъ (въ іюлѣ) кроватный мастеръ Антонъ Рожбартъ; стулья и кресла обивались серебряными обоями подъ личнымъ руководствомъ Каравака. Кромѣ того, онъ обивалъ кресла въ галлереѣ (съ 7 покоями), предназначавшейся для разныхъ придворныхъ торжествъ, празднествъ и церемоній въ апартаментахъ его величества Ивана Антоновича; писалъ орнаменты въ овалахъ той комнаты, гдѣ ставилась новая поволочная картина, подлѣ названной галлереи. Ему помогали въ послѣднемъ его ученики: Иванъ и Алексѣй Поспѣловъ (въ апрѣлѣ и маѣ) и Мина Колокольниковъ (въ концѣ мая). Въ живописныхъ работахъ помяну-

---

[1]) См. статью мою „Французскіе художники въ Россіи въ XVIII вѣкѣ“ въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ стр. 138.

тыхъ покоевъ участвовали также: живописныхъ дѣлъ мастеръ Карлъ Легренъ (въ апрѣлѣ) и историческихъ дѣлъ живописецъ Вареоломей Тарсій (въ маѣ). Наконецъ Каравакъ, вмѣстѣ съ другимъ придворнымъ живописцемъ Громомъ, находился въ 1741 г. при украшеніи придворныхъ церквей новыми иконами и при исправленіи старыхъ. Въ мартѣ того же года, онъ написалъ большой стоячій портретъ отца его величества, Антона Ульриха, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго.

Лучшею работою Каравака имп. Екатерина II считала портретъ Елисаветы Петровны въ профиль, хранившійся въ кладовой ораніенбаумскаго дворца и доставшійся ей черезъ посредство живописца Ротари; сообщая объ этомъ портретѣ скульптору Фальконету 17 сентября 1769 г., она предлагала ему, чтобы ученица его Колло сдѣлала бюстъ покойной императрицы на основаніи названнаго портрета.

Послѣднею по времени работою Каравака можетъ почесться портретъ гр. А. Г. Разумовскаго, отправленный гр. М. И. Воронцовымъ къ гр. К. Г. Разумовскому изъ Петербурга въ Глуховъ, при письмѣ отъ 28 апрѣля 1752 г. и находящійся теперь у гр. А. С. Уварова въ Порѣчьѣ.

Н. Собко.

ГЛАВА XII.

Зала допроса.—Я здѣсь вижу тетушку.—Списокъ оправданиыхъ.—Тетушка не въ числѣ ихъ.—Ее отводятъ въ „дурной“ подвалъ.—Я обращаюсь къ Парсену, къ Коршану.—Все тщетно.—Казнь тетушки.—Ея послѣднее письмо.—Г-жи де-Бельсизъ и Миляне.

Итакъ, тетушка моя была въ ратушѣ! Нѣтъ болѣе будущаго, а настоящее ужасно! Я сейчасъ же бросилась въ ратушу. При видѣ большой красной печати на моемъ свидѣтельствѣ о разрѣшеніи входа, часовые меня пропустили, а тюремщикъ позволилъ войти въ ратушу. Я нашла тетушку въ Торговой залѣ (salle du Commerce), вмѣстѣ съ ея подругами,—узницами изъ Сенъ-Жозефа и другими арестантами, уже допрошенными, или ожидавшими допроса. Зала эта, рядомъ съ палатой, гдѣ засѣдалъ революціонный трибуналъ, находилась въ первомъ этажѣ. Изъ окна видна была вся площадь Терро, которая заканчивалась гильотиной.

Не знаю, что̀ сказала я тетушкѣ; я цѣловала ее, сжимая въ своихъ объятіяхъ. Удивляясь тому, что попала сюда, я притаила дыханіе, я не смѣла даже думать, боясь привлечь вниманіе, пробудить опасность и скромрометировать ее.

Огромная толпа собралась въ этой залѣ, совсѣмъ пустой и безъ всякой мебели; только полъ былъ весь устланъ соломой, превратившейся чуть не въ прахъ подъ ногами множества несчастныхъ, ступавшихъ по ней тревожными шагами. Сколько скорбныхъ стенаній носилось по этой залѣ! Пребываніе въ ней, полное ужаса и мучительной тоски, служило краткимъ переходомъ отъ жизни къ смерти. Здѣсь чувствовалось, что всѣ связи готовы порваться и во всѣхъ устахъ были только эти два слова: „Жизнь, или смерть“? Каждый изъ арестантовъ, привлеченныхъ къ суду, подавленный ожиданіемъ, чѣмъ рѣшится его участь, въ несказанной тревогѣ метался на этомъ небольшомъ пространствѣ, не будучи въ силахъ справиться среди этой томительной неизвѣстности съ раздиравшими его чувствами страха и надежды. Тетушку мою разъ уже вызывали къ допросу. Ее упрекали за фанатизмъ [1]), за власть надъ братомъ, котораго она побудила къ мятежу, и кромѣ того, сама содѣйствовала успѣхамъ этого мятежа. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ вопросовъ, ее отпустили. Допросъ все еще продолжался. Я слышала, какъ арестантовъ вызывали одного за другимъ; я видѣла, какъ они шли въ залу суда и быстро возвращались назадъ. Эти судьи скоро справляли свое дѣло! Каждый возвращался съ допроса, не понявши, къ

[1]) Это обвиненіе было основано на томъ, что у нея въ карманѣ нашли молитвенникъ. Прим. авт.

чему онъ присужденъ [1]); но эта неизвѣстность должна была скоро разсѣяться.

Среди этой встревоженной толпы я узнала скульптора Шинара, котораго я видала въ темницѣ Затворницъ. Мнѣ кажется, точно еще вижу его передъ собою, какъ онъ расхаживалъ взадъ и впередъ большими шагами, въ смятеніи души все болѣе ускоряя ихъ по мѣрѣ того, какъ приближалась рѣшительная минута, толкая и задѣвая всѣхъ вокругъ и никого не видя; онъ думалъ, что находится здѣсь одинъ, видѣлъ только одного себя и громко говорилъ: „Буду ли я когда нибудь на свободѣ? Настанетъ ли минута, когда я переступлю порогъ этой двери, и будетъ-ли то на жизнь, или же“... И взоры его, скользя вдоль площади, останавливались на эшафотѣ, издали виднѣвшемся на концѣ ея. Я видѣла здѣсь еще ту, которую мы прозвали дѣвицей-солдатомъ. Это была чудесная дѣвушка и храбрый воинъ. Она одѣлась въ мундиръ своего жениха, убитаго во время осады возлѣ нея, желая отомстить за его смерть и замѣнить солдата на опустѣвшемъ постѣ. Всѣ любили эту славную дѣвушку; тутъ я замѣтила, что и она дрожала. Но ея солдатскія ухватки и выраженія понравились судьямъ и она была оправдана. Г-жа де Сенъ-Фонъ была въ страшномъ волненіи; уже тогда начинавшееся разстройство ея ума могло-бы быть замѣчено, если бы всѣ не были слишкомъ заняты другимъ. Она окончательно потеряла разсудокъ, когда услышала свой смертный приговоръ; но для нея было сдѣлано исключеніе и ее отослали въ больницу. Большая же часть находившихся здѣсь женщинъ имѣли видъ спокойный и покорный; онѣ молчаливо ожидали рѣшенія своей судьбы. Между тѣмъ, участь иныхъ лицъ какимъ-то образомъ стала извѣстна заранѣе. Нѣкоторыя изъ бывшихъ здѣсь женщинъ знали впередъ, что будутъ освобождены. Я никогда не забуду выраженія этихъ лицъ, на которыхъ сіялъ лучъ надежды, и другихъ, не имѣвшихъ ея.

На площади Терро въ нетерпѣливомъ ожиданіи уже толпился народъ, готовый горячо привѣтствовать счастливцевъ, которымъ была дарована жизнь. Тетушка моя не расчитывала быть въ ихъ числѣ. „Я знаю,—говорила она мнѣ,—что много женщинъ должны погибнуть въ эту декаду, и я предвижу свою участь: я умру“. Я пыталась бороться противъ такой увѣренности, но не могла ее переубѣдить. Ахъ, мнѣ необходимо было надѣяться и считать ея гибель невозможной!

---

[1]) Когда подсудимый былъ приговоренъ къ разстрѣлянію, предсѣдатель суда подносилъ руку ко лбу; если же онъ дотрагивался до топорика, висѣвшаго у него на шеѣ, — это означало казнь гильотиной; наконецъ, если онъ протягивалъ руку къ списку, лежавшему возлѣ него, подсудимый былъ оправданъ. Можно себѣ представить, что такіе знаки, неотчетливо сдѣланные, или плохо понятые тѣми, которые должны были исполнять приговоръ, могли стоить жизни немалому количеству невинныхъ жертвъ.

Какъ теперь вижу ее: вотъ она передо мной спокойная, полная покорности судьбѣ, съ яснымъ выраженіемъ лица. Вокругъ насъ суетятся, ходятъ, шумятъ, но она никого не видитъ! Она смотритъ только на меня, а я вокругъ себя не вижу ничего, кромѣ нея. Все ея существо выражаетъ несказанную скорбь и безконечную нѣжность. Я видѣла только одну ее; а между тѣмъ, словно какое-то покрывало подернуло эти послѣднія минуты. Память моя не удержала даже ея послѣднихъ словъ... можетъ быть и оттого, что въ такую минуту не находишь словъ...

„Ты придешь ко мнѣ послѣ оправданія и сама принесешь мнѣ обѣдъ“, сказала она, провожая меня; она стояла у самой двери и глядѣла на меня такъ нѣжно, такъ печально, обнимая меня въ послѣдній разъ... О, мой Боже! Благословила ли она меня этимъ взглядомъ? Зачѣмъ отворилась эта дверь, потомъ закрылась за мною?—Я ее не видѣла болѣе.

Тюремщикъ довершилъ мое отчаяніе, разорвавши мое разрѣшеніе на входъ въ темницу. „Оно не годится теперь, ты сюда не придешь больше“. Необычная жалость заставила его на этотъ разъ пропустить меня. „Ахъ, позвольте мнѣ вернуться, чтобъ не уходить болѣе отсюда“ воскликнула я, прижимаясь къ этой двери, уже раздѣлявшей меня отъ нея на всегда. „Нельзя ли мнѣ еще разъ увидѣть ее?“. Но эта дверь, ставшая между нами вѣчной преградой, не раскрылась болѣе для меня. Меня оттолкнули отъ нея; я была въ передней, рядомъ съ залой, гдѣ засѣдалъ судъ; меня протолкали дальше. Все было кончено!

Бо̀льшая часть этого дня совершенно стерлась въ моихъ воспоминаніяхъ. Одна мысль была жива во мнѣ: я не могла болѣе видѣть ее! Что мнѣ было до всего остальнаго?

Сенъ-Жанъ присутствовалъ при освобожденіи оправданныхъ; онъ вернулся мрачный; я не стала расправшивать его, а онъ не посмѣлъ назвать мнѣ тѣхъ, которые были отпущены на свободу. Все говорило мнѣ: она умретъ. Я находилась въ какомъ-то безчувственномъ состояніи, я была совсѣмъ уничтожена.

Къ вечеру г-жа де-Бельсизъ прислала мнѣ сказать, чтобъ я взошла къ ней наверхъ. Ея дочь, г-жа де-Миляне, которую освободили въ это утро, была у нея. Вся кровь прилила мнѣ къ сердцу. „Нѣтъ, нѣтъ, я этого не могу, я не хочу ее видѣть! Что же такое сдѣлала тетушка моя, что ее не выпустили!“. И страшная горечь переполнила мою душу... Вдругъ я увидѣла передъ собою прекрасное лицо г-жи де-Бельсизъ: миръ и ясность были разлиты во всѣхъ его чертахъ, и она представилась мнѣ въ эту минуту какимъ-то ангеломъ утѣшителемъ. Она получила отъ своего стража разрѣшеніе сойти ко мнѣ. Ея ласкающій взоръ искалъ моего взора, она заговорила со мной такъ нѣжно, что сразу преодолѣла мое сопротивленіе. Я послѣдовала за ней, но это стоило мнѣ большихъ усилій; въ первомъ порывѣ своего горя я находила даже несправедливымъ такое принужденіе. Между

тѣмъ, доброе чувство побудило г-жу Миляне искать встрѣчи со мной, и если бы нашъ стражъ не внушалъ ей недовѣрія, она сама пришла бы ко мнѣ; но положеніе ея требовало крайней осторожности во всѣхъ ея поступкахъ, чтобы не привлечь вниманія тѣхъ, кого необходимо было избѣгать ради безопасности.

Слезы полились у меня градомъ, когда я увидѣла ее; она тоже плакала надо мной, предвидя мое одиночество и сиротство. Въ ея жалости было что-то материнское и это раскрыло ей мое сердце. Она старалась утѣшить меня и придала мнѣ немного бодрости, внушивъ мнѣ нѣкоторую надежду, основанную на томъ, что бывали случаи, когда и послѣ продолжительнаго пребыванія въ ратушѣ иныхъ арестантовъ отпускали на свободу. Она сказала мнѣ, что ее извѣстятъ обо всемъ, что̀ тамъ произойдетъ, и что она увѣдомитъ меня, какія попытки можно будетъ сдѣлать для спасенія тетушки.

„Вы должны употребить всѣ усилія, чтобы спасти ее“, прибавила она. Я легла спать нѣсколько болѣе спокойная, потому что имѣла еще передъ собой хлопоты и заботы о той, которая была единственнымъ предметомъ моей привязанности.

На другое утро рано горничная г-жи де-Миляне пришла за мной. Это была особа очень умная и чрезвычайно дѣятельная; она знала многихъ лицъ, бывшихъ въ то время въ силѣ, и не разъ оказывала важныя услуги своей госпожѣ. Тетушка моя была въ дурномъ подвалѣ, куда ее перевели въ эту ночь. „Значитъ, нѣтъ болѣе никакой надежды!“ воскликнула я.—„По крайней мѣрѣ сегодня не будетъ казней, отвѣтила она. Линейный полкъ и революціонная армія парижская отказываются вмѣстѣ служить; дошло до того, что они дрались. Эта ссора обезпечиваетъ намъ хотя одинъ день отдыха. Идемъ, надо пользоваться этимъ и постараться найти доступъ къ Парсену“.—Парсенъ былъ предсѣдателемъ революціоннаго трибунала. Я пошла вслѣдъ за ней на набережную Сенъ-Клеръ, гдѣ онъ жилъ.

Намъ пришлось ожидать во дворѣ занимаемаго имъ дома вмѣстѣ со множествомъ женщинъ всѣхъ званій, которыхъ, конечно, сюда привело одинаковое несчастье. Нелегко получить доступъ къ сильнымъ міра сего, и мы прождали очень долго, когда вдругъ увидѣли офицера, который, быстро спустившись съ лѣстницы, сталъ удаляться скорыми шагами. „Это Парсенъ!“ воскликнуло нѣсколько голосовъ“.—Нѣтъ, отвѣчалъ человѣкъ, поставленный здѣсь для того, чтобы преградить намъ путь:—это комендантъ крѣпости.—„Бѣгите поскорѣй, догоните его“, шепнула мнѣ на ухо моя покровительница, „я знаю его, это онъ; дѣйствительно онъ комендантъ крѣпости; но онъ не хочетъ быть узнаннымъ“.—Я съ большимъ трудомъ могла нагнать его: такъ быстро онъ шагалъ; а когда догнала его, то не могла перевести духъ и не въ состояніи была произнести явственно ни одного слова. Такъ какъ онъ не останавливался на мои возгласы, то я ухватила его за руку и, едва поспѣвая за нимъ, дала полную волю

своему горю. „Она невиновна, ее навѣрно принимаютъ за другую, пусть ее еще разъ допросятъ, отдайте ее мнѣ, она невинна! Отдайте ее мнѣ! Я сирота, у меня никого нѣтъ, кромѣ нея; что будетъ со мною? Это моя вторая мать, я всѣмъ обязана ей, она моя опора, она для меня все на землѣ! Она невинна; допросите ее еще разъ, отдайте ее мнѣ, она невинна!"—Я могла только произносить отрывочныя слова, слезы и быстрая ходьба прерывали мнѣ дыханіе и отнимали голосъ. Лицо его показалось мнѣ неподвижнымъ, я не замѣтила на немъ ни малѣйшаго слѣда чувства; онъ не удостоилъ меня ни однимъ взглядомъ и пробормоталъ только одно слово: „Увижу". Я удвоила свои мольбы—„Увижу"—и, грубо оттолкнувъ меня, онъ пошелъ еще скорѣе. Моя проводница догнала меня. Она повела меня къ Коршану; это былъ одинъ изъ судей. Доступъ къ нему былъ легче; насъ впустили къ нему; онъ былъ занятъ своимъ туалетомъ и въ эту минуту брился. Про него говорили, что онъ мягче своихъ товарищей. На мои настоятельныя просьбы онъ также отвѣтилъ только однимъ: „Увидимъ". Проникнуть къ остальнымъ судьямъ оказалось невозможнымъ. Наконецъ, я отправилась къ Маринó; онъ принялъ мнѣ вѣжливо и отказалъ мнѣ во всемъ. „Это дѣло до меня не касается", сказалъ онъ мнѣ.—„Но не можете ли вы попросить за меня", возразила я, заливаясь слезами. Онъ остался непоколебимъ. Весь этотъ день я провела на улицѣ, блуждая вокругъ ратуши. Г-жа Миляне сочинила для меня короткое прошеніе къ Парсену, которое я вручила ему, высторoживъ его на поворотѣ улицы. „Увижу", было мнѣ однимъ отвѣтомъ. Наконецъ, вечеромъ я отправилась во Временную Комиссію, гдѣ по обыкновенію стала ожидать въ прихожей, подвергаясь грубымъ насмѣшкамъ находившихся тутъ же дежурныхъ солдатъ. „Ты плачешь,—развѣ ты потеряла любовника? Найдешь себѣ другаго!" Одинъ изъ нихъ хотѣлъ подойти ко мнѣ. О, Боже мой! сколько горечи примѣшивалось къ моему безмѣрному горю. Въ эту минуту мнѣ сказали: „Гражданинъ Парсенъ идетъ!" Его только я и ждала, чтобъ еще разъ просить о пощадѣ тетушки [1]). Я бросилась ему на встрѣчу съ рыданіями:—„Тетушку свою, ея жизни пришла я просить у васъ; нужно отдать ее мнѣ! Это мать моя! Это все, что я имѣю. Лучше бы мнѣ умереть вмѣстѣ съ нею!" Онъ повторилъ мнѣ свою обычную фразу: „Какъ частный человѣкъ, я раздѣляю твое горе; какъ общественный дѣятель—я не могу ничего сдѣлать". И онъ повернулся ко мнѣ спиною безъ малѣйшаго признака состраданія.

Потомъ я узнала, что этотъ человѣкъ, къ которому я обращалась съ мольбой,—тотъ самый, котораго я прежде не разъ видала у своего отца, который, бывало, сидѣлъ за его столомъ,—этотъ человѣкъ, къ

---

[1]) Я уже ходила къ нему на квартиру, гдѣ застала его одурѣвшимъ отъ пьянства, съ полузакрытыми глазами, красными и распухшими. Онъ принялъ меня безъ грубости, но отказалъ во всемъ. Прим. авт.

которому я подходила безъ ужаса, самъ произнесъ приговоръ тетушки; онъ отвѣчалъ: „Она должна погибнуть“,—тѣмъ, которые говорили ему: „Противъ этой женщины, твоей землячки, нѣтъ никакихъ обвиненій“.—„Она должна погибнуть; нужно очистить республиканскую землю отъ этого исчадія аристократіи“. Вотъ какого человѣка я умоляла въ довѣрчивомъ порывѣ безконечной скорби. Слезы мои лились безъ удержу, какъ и моя рѣчь; никакой страхъ не могъ смягчить моихъ выраженій. Увы! Чего же мнѣ теперь было еще страшиться?

На слѣдующее утро рано я была уже у ратуши. Я стала внизу лѣстницы, ведшей въ залу суда, надѣясь, что увижу, когда будутъ проходить судьи; но они имѣли другіе ходы, позволявшіе имъ избѣгать взоровъ несчастныхъ просителей. Тутъ какой-то неизвѣстный человѣкъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я шла за нимъ, спросивши меня прежде мое имя. Я съ замираніемъ сердца издали послѣдовала за нимъ: я надѣялась увидѣть ее, но горько ошиблась. Я поднялась вслѣдъ за нимъ до третьяго этажа, гдѣ проводникъ мой ввелъ меня въ комнату, выходившую окнами на дворъ, и, убѣдившись, что никто не видитъ насъ, онъ вручилъ мнѣ футляръ и ножичекъ моей тетушки, которые она возвращала мнѣ и которые были переданы ему, какъ онъ говорилъ, какимъ-то неизвѣстнымъ. Такъ она чувствовала, что я нахожусь здѣсь поблизости; она догадывалась о моемъ присутствіи въ этомъ мѣстѣ, она знала, что меня здѣсь найдутъ. Я приняла съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія эти вещи, какъ драгоцѣнную память отъ нея, и настоятельно умоляла, чтобъ меня тайно допустили къ ней [1]). Онъ остался нѣмъ къ моимъ вопросамъ, безчувственъ къ моимъ мольбамъ, и не хотѣлъ брать на себя ничего. Я набожно приложилась къ этимъ вещамъ, которыхъ касалась рука тетушки. Все-таки нашлись сострадательныя души, пролившія нѣкоторую сладость въ горькую чашу, которую намъ суждено было испить до дна. Можетъ быть, человѣкъ этотъ, хотя и не обѣщалъ мнѣ ничего, все-таки передалъ моей тетушкѣ слова ея дѣтища и этимъ доставилъ материнскому ея сердцу единственное утѣшеніе, которое ей было еще доступно на землѣ; можетъ быть, онъ сказалъ ей: „Я видѣлъ ее, она любитъ и оплакиваетъ тебя... она молится за тебя“.

Во все это роковое утро, 11-го февраля 1794 года, я не отходила отъ ратуши и находилась въ неописанномъ горѣ. Я кружилась по обширному двору, не замѣчая и тѣхъ, кого искала. Если бы часовые не отогнали меня, я бросилась бы въ самую залу суда требовать ее у судей. Наконецъ, я остановилась неподвижно передъ роковой дверью, изъ которой она должна была выйти. Мнѣ хотѣлось еще разъ увидѣть ее и затѣмъ умереть самой. Мнѣ хотѣлось еще разъ увидѣть ее!

---

[1]) Разсказывали, что нѣсколькимъ лицамъ удалось проникнуть въ „дурной“ подвалъ; но это стоило большихъ денегъ, а у меня ихъ совсѣмъ не было.

Прим. авт.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я боялась быть замѣченной ею, чтобы не поколебать ея мужества. И все-таки я неистово восклицала: „Я хочу видѣть ее!" Но здѣсь память измѣняетъ мнѣ. Какъ сквозь сонъ вижу людей, освѣдомлявшихся о причинѣ моихъ слезъ, и только это напоминало мнѣ, что я въ слезахъ; слышу бой часовъ; какъ быстро проносились они!.. Одиннадцать три четверти. Я хочу еще оставаться здѣсь. Назначено въ двѣнадцать... Меня хотятъ увести, меня уводятъ. Ахъ, зачѣмъ я ушла? Зачѣмъ я поддалась слабости? Не подумала ли она, что я покинула ее? Если что можетъ меня утѣшить въ томъ, что я не увидѣла ея болѣе—это мысль, что мое присутствіе и мое отчаяніе сдѣлали бы для нея эту минуту еще тяжелѣе.

Я оставалась безъ движенія, погруженная въ свое горе, словно въ какую-то глубокую бездну, когда около трехъ часовъ раздался звонокъ. Незнакомая женщина сунула мнѣ въ руку какую-то записку и исчезла. Эта записка была отъ моей тетушки, которой уже не было на свѣтѣ! Боже мой! Сердце мое разрывалось отъ боли! Вотъ эта записка: „Обнимаю тебя, мой добрый и дорогой другъ. Вчерашняя записка моя не дошла до тебя. Благодарю за кофе; я сейчасъ пила его. Береги свое здоровье и твоихъ двухъ друзей. Совѣтую тебѣ отправиться съ ними навѣстить твою сестру. Ничего не требуй отъ нихъ и присылай мнѣ какъ можно меньше. Все принадлежитъ Канта и Мариньи. Обнимаю васъ отъ всей души; не имѣю надежды сдѣлать это самой. Я просила, чтобъ меня еще разъ подвергли допросу. Береги себя и люби свою тетку, которая горячо любитъ тебя и молитъ Бога о свиданіи съ тобой и о твоемъ счастьи. Не хлопочи о разрѣшеніи видѣться со мной. Передай мой дружескій привѣтъ нашимъ сосѣдямъ; постарайся внушить имъ участіе къ твоей судьбѣ. Прощай, мой маленькій, мой дорогой другъ. Посылаю тебѣ ящичекъ [1]), ты перешлешь мнѣ его назадъ завтра послѣ обѣда вмѣстѣ съ футляромъ и прочей мелочью. У меня есть еще ящикъ на сегодня, а больше мнѣ ничего не нужно. Мнѣ хотѣлось бы отплатить вамъ за все, чѣмъ я вамъ обязана. Я здорова".

Записка эта, адресованная на имя Канта, была написана на маленькомъ клочкѣ бумаги, вырванномъ, вѣроятно, изъ старой книги, и безъ числа. Надо пережить эти страшныя времена, чтобъ понять нѣжную заботливость и осторожность писавшей, чтобы постигнуть, съ какой предусмотрительностью было начерчено каждое слово этой записки, столь простой на первый взглядъ, и оцѣнить это спокойствіе духа и эту покорность судьбѣ, которая не позволяетъ себѣ ни жалобы, ни одного лишняго слова..

Что сталось со мной при чтеніи этихъ строкъ? Рука, начертившая ихъ, была теперь безъ движенія. Еще нѣсколько часовъ тому

---

[1]) Это была табакерка. Я не получила ни ея, ни другихъ вещей. Вѣроятно, тотъ, который передалъ мнѣ футляръ и ножичекъ, все остальное присвоилъ себѣ.

Прим. авт.

назадъ полная жизни и здоровья, написавшая эти строки для моего утѣшенія—теперь была уже на небесахъ. „Я здорова", писала она, „я люблю тебя и хотѣла бы отплатить вамъ за все, чѣмъ обязана вамъ". Она считала себя обязанной за заботы, которыя я была такъ счастлива оказывать ей! Она была для меня самой любящей матерью; ее арестовали за моего отца, она умерла за него!

Сколько поученія въ этихъ краткихъ строкахъ, гдѣ она старалась воздерживать свою нѣжность, чтобы въ запискѣ не нашли ничего такого, что помѣшало бы доставить ее мнѣ, какъ было со вчерашней. „Береги свое здоровье", повторила она два раза. Она говоритъ о нашихъ двухъ друзьяхъ: это Канта и Сенъ-Жанъ; она выражаетъ свою благодарность за ихъ труды во время ихъ услуженія у нея, желая этимъ поощрить ихъ остаться вѣрными мнѣ. „Ничего не требуй". Она боялась, чтобы я не навлекла на себя опасности, требуя возвращенія нашего секвестрованнаго имущества. Словами: все принадлежитъ Канта и Мариньи—она хотѣла сказать, чтобы они потребовали его за меня; она запрещала мнѣ хлопотать о свиданіи съ ней изъ того же опасенія. Этотъ запретъ былъ прощаніемъ на вѣки. Она ясно говорила этимъ, гдѣ находилась. „Присылай мнѣ какъ можно меньше"—развѣ это не значило: жизнь моя будетъ не продолжительна; я уже не получу того, что ты пошлешь мнѣ. „Совѣтую тебѣ отправиться навѣстить твою сестру"; указывая мнѣ это убѣжище, она, вѣроятно, имѣла въ виду, что своимъ присутствіемъ я помѣшаю продажѣ земли въ Ешероль и сохраню это имѣніе для отца; она, вѣроятно, надѣялась, что мой возрастъ предохранитъ меня отъ ненависти, какую питали къ нашей семьѣ. „Я не имѣю болѣе надежды увидѣться съ тобою"; между тѣмъ, она старалась поддержать во мнѣ бодрость, давая мнѣ слабую надежду: „я просила, чтобы меня еще подвергли допросу". А этотъ ящичекъ, который она просила возвратить ей завтра; она хотѣла заставить меня повѣрить, что для нея еще настанетъ завтрашній день!..

Наконецъ, она поручала меня расположенію сосѣдей нашихъ: судьба моя была предметомъ всѣхъ ея помысловъ! Моя судьба! Какъ тяжело должно было ей покидать меня, осиротѣлую, на произволъ судьбы! Вечеромъ мнѣ послышалось, что кто-то возлѣ меня тихо плачетъ; это была г-жа де-Бельсизъ. Она долго плакала, не пытаясь утѣшать меня, и это нѣжное состраданіе нѣсколько облегчило тяжесть моего горя. Какія слова могли замѣнить эти слезы? Сиротство мое сокрушало мою душу. Я была въ совершенномъ невѣдѣніи, гдѣ находился мой отецъ; я не знала, живы ли еще мои братья. Нить, которая руководила моей жизнью и поддерживала ее, была подрѣзана; мнѣ оставались въ удѣлъ однѣ только слезы, но я не могла плакать. Г-жа де-Бельзисъ чувствовала это. Она не отходя долго стояла надо мною, подобно ангелу хранителю, и когда ея слезы смягчили мое сердце,

я сама заплакала и взоромъ стала искать ея взора, говорившаго мнѣ, что ея сердце страдало вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ, душа отзывалась моей душѣ; вдругъ я почувствовала, что я не одна; мнѣ показалось, будто тетушка моя говоритъ мнѣ ея слезами, ея мягкимъ, ласковымъ взоромъ; и когда она предложила мнѣ послѣдовать за ней, я встала и пошла безъ неудовольствія, чтобы мочь плакать и стонать близъ нея. Къ ней пришла также дочь ея, г-жа Миляне, которая повидимому очень была тронута моей судьбой и увѣряла меня въ своей дружбѣ.

„Думаете ли вы сдѣлать какую нибудь попытку, чтобъ увидѣться съ вашимъ отцомъ?" спросила она меня; „я знаю одну семью (это была она сама), которая скоро собирается въ Швейцарію и возьмется довезти васъ туда. Можетъ быть, вы найдете тамъ отца. Во всякомъ случаѣ вы могли бы оставаться въ этой семьѣ до тѣхъ поръ, пока вамъ можно будетъ съѣхаться съ нимъ". Я отказалась, потому что въ своемъ предсмертномъ письмѣ тетушка выразила желаніе, чтобъ я отправилась къ сестрѣ. „Вы видите сами, что я не могу".—„Въ такомъ случаѣ, Александрина, если я только могу быть вамъ чѣмъ нибудь полезной въ устройствѣ этой поѣздки, располагайте мною вполнѣ".

Если что еще могло меня огорчить послѣ потери тетушки, такъ это совершенное невѣдѣніе, въ которомъ я находилась относительно того, что̀ предшествовало послѣднимъ ея минутамъ. Впослѣдствіи, благодаря счастливому случаю мнѣ удалось узнать нѣсколько подробностей, которыя всего умѣстнѣе привести именно здѣсь. Я обязана ими г. Реверони, который, благодаря особенному покровительству, былъ освобожденъ изъ дурнаго подвала за нѣсколько часовъ до казни. Онъ находился тамъ съ нѣсколькими женщинами и вмѣстѣ съ ними готовился къ смерти. Провидѣніе послало имъ въ утѣшеніе религіозную помощь священника, который долженъ былъ раздѣлить ихъ участь. Всю послѣднюю ночь передъ казнью онѣ провели въ молитвѣ. Онѣ со смиреніемъ исповѣдались во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и просили Бога объ одной милости: помочь имъ умереть съ мужествомъ. Ихъ покорность судьбѣ, ихъ благочестивое рвеніе были таковы, что г. де-Реверони, имѣвшій жену и дѣтей, не безъ сожалѣнія покинулъ ихъ; жизнь показалось ему ничтожной въ виду такой прекрасной смерти. Онъ отрѣшился отъ жизни и земля уже исчезла передъ нимъ. Ему было тяжело проститься съ этими существами, предназначенными для жизни небесной, и онъ съ трудомъ возвратился къ заботамъ и суетѣ этого міра.

Онъ говорилъ, что картина эта никогда не изгладится изъ его памяти, что никакія человѣческія слова не въ состояніи передать мира и тишины этой торжественной ночи. Безмятежное спокойствіе, царившее подъ этими мрачными сводами, сопровождало ихъ и на эшафотъ. Когда въ послѣдній разъ растворилась передъ ними дверь ихъ

темницы, онѣ двинулись впередъ совершенно спокойно. Въ глубокомъ молчаніи выслушали онѣ свой смертный приговоръ и, спустившись по лѣстницѣ ратуши на площадь, съ той же душевной ясностью твердыми шагами пошли на встрѣчу смерти. Когда онѣ достигли подножія эшафота, священникъ благославилъ ихъ. Тетушка моя взошла первая на эшафотъ, за ней дѣвица Оливье, которая хотѣла было обратиться къ народу съ рѣчью, но этого не допустили. За ними послѣдовали остальные. Божій человѣкъ благословилъ ихъ всѣхъ и умеръ послѣдній.

ГЛАВА XIII.

Я провожу весь день въ уединеніи.—Вечеромъ является г. Александръ и хочетъ увести меня съ собою.—Огорченіе Канта́.—Онъ отводитъ меня въ Фонтэнъ и самъ уѣзжаетъ въ ту же ночь.—Въ нашу квартиру приходятъ, чтобы меня арестовать.—Отвѣтъ старика Форе́.—Расположеніе Магдалины ко мнѣ. Я провожу у нихъ три недѣли.—Прощаніе съ друзьями.—Я уѣзжаю въ Ешероль.

На другой день я удалилась въ маленькую гостинную, рядомъ съ моей комнатой, и провела тамъ весь день въ полномъ уединеніи. Уважая мою скорбь, старикъ Форè имѣлъ деликатность не входить ко мнѣ. Погруженная въ глубокую думу, одному Богу извѣстную, я сѣтовала предъ нимъ о безполезности моего существованія; вокругъ меня образовалась страшная пустота и душа моя совсѣмъ отрѣшилась отъ земли. Со смертью тетушки жизнь потеряла для меня всякій смыслъ; она была предметомъ всѣхъ моихъ заботъ; моя первая мысль, когда я просыпалась, обращалась къ ней, также какъ и послѣдняя въ концѣ дня. Что было дѣлать мнѣ теперь на землѣ? Безъ нея все стало для меня пусто; я желала умереть, чтобы быть вмѣстѣ съ ней.

Я не считала часовъ, не видѣла ничего вокругъ, никакой шумъ, ничто, казалось, не могло вывести меня изъ этого глубокаго и тягостнаго раздумья,—когда дверь моя неожиданно отворилась. Вошелъ старый Форе́ въ сопровожденіи солдата изъ революціонной стражи, видъ котораго привелъ меня въ смущеніе; онъ сдѣлалъ повелительный жестъ, и Форе́ почтительно удалился, а я осталась съ глазу на глазъ съ старымъ своимъ знакомымъ, Г. Александромъ. „Какъ, это вы?—воскликнула я,—а что съ отцомъ?“—Не знаю, гдѣ онъ въ настоящую минуту, отвѣтилъ онъ;—насъ арестовали на границѣ, потому что заподозрили подлинность нашихъ бумагъ. Въ то время, какъ пошли за комиссарами, которые должны были ихъ освидѣтельствовать, отецъ вашъ подкупилъ человѣка, сторожившаго насъ, предложивъ ему свои часы; тотъ выпустилъ насъ въ окно и мы имѣли счастье вернуться въ Фонтэнъ

послѣ кратковременнаго отсутствія. Тамъ не замѣтили моей отлучки, и я снова принялся за свою должность. Отецъ вашъ недавно уѣхалъ оттуда одинъ. Бурденъ отправился въ другую сторону, а Шарме остался у себя. Такъ какъ меня придупредили, что на меня сдѣланъ доносъ въ правленіе городскаго округа, то я поспѣшилъ засвидѣтельствовать свой настоящій паспортъ въ управленіи сельскаго округа прежде, чѣмъ доносъ сдѣлался тамъ извѣстенъ, чтобъ не подвергаться болѣе той же опасности. Я удаляюсь изъ этихъ мѣстъ и уже простился съ добрыми Шозьеръ, но я обѣщалъ имъ справиться, есть ли у васъ еще хлѣбъ. (Эти добрые люди часто доставляли мнѣ хлѣбъ). Если вы нуждаетесь въ немъ, дайте имъ знать: они пришлютъ вамъ.— „Ахъ, мнѣ ничего больше не нужно,—отвѣчала я,—тетушки моей уже нѣтъ на свѣтѣ со вчерашняго дня!“—А вы, живо возразилъ онъ,— что вы будете дѣлать? Что станется съ вами?—„Я ожидаю своей участи, она извѣтна мнѣ; въ эту ночь будутъ производить обыски; я знаю, что буду арестована“. —Какъ?—„Да, меня предупредили объ этомъ; тюрьмы пустѣютъ, надо же ихъ опять наполнить“. — И вы остаетесь на мѣстѣ?—„Да“.—Вы хотите ожидать ихъ спокойно здѣсь; вы этого хотите?—„Да, я не имѣю инаго желанія и не могу дождаться этой минуты“.—Въ такомъ случаѣ, возразилъ онъ,—ужъ лучше пойдемте со мною! Я вернусь въ Фонтэнъ и отведу васъ къ теткѣ Шозьеръ. — „Нѣтъ, сударь, уходите, я не хочу бѣжать отъ своей судьбы, я хочу умереть, я хочу послѣдовать за ней: что мнѣ остается на землѣ? Я желаю смерти“...—А я, сказалъ онъ твердымъ голосомъ,— не допущу этого; само Провидѣніе привело меня сюда, чтобъ исполнить священный долгъ, и я исполню его волю. Я здѣсь единственный человѣкъ, который знаетъ отца вашего, я послѣдній видѣлъ его; я взываю къ вамъ въ эту минуту его именемъ и его властью приказываю вамъ уйти отъ смерти, которой вы такъ желаете. А кто сказалъ вамъ, что вы будете имѣть счастье умереть? Кто можетъ знать, какая участь ожидаетъ васъ въ этой тюрьмѣ, куда вы желаете попасть? Вы посвящали всѣ свои заботы тетушкѣ, а кто же станетъ заботиться о васъ? Или вы расчитываете на наемныя услуги, которыя даже тетушку вашу не всегда удовлетворяли? Сохраните себя для отца, для братьевъ, съ которыми вы со временемъ увидитесь. Я требую и приказываю вамъ ихъ именемъ встать и послѣдовать за мной!—Онъ говорилъ повелительнымъ тономъ, но я все еще противилась. „Не хочу я жизни, не нужна мнѣ жизнь, уходите! Можетъ быть, у меня уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ никого изъ близкихъ; я вижу ясно передъ собою свой путь; Господь мнѣ указываетъ его и я послѣдую по немъ“.—Если такъ, возразилъ г. Александръ,—то и я останусь здѣсь и на васъ падетъ отвѣтственность за мою гибель.— При этихъ словахъ я встала. „Вы побѣдили, сказала я ему; идемъ, я не имѣю права располагать вашей судьбой“. Едва только я выразила ему свое согласіе, какъ вошла моя горничная. „Я увожу вашу

госпожу,—сказалъ онъ ей,—она не останется здѣсь на ночь". Канта залилась слезами при такомъ неожиданномъ извѣстіи. — Какъ! вы ее уводите съ собой! воскликнула она,—а что же станется съ нами? Въ эту ночь придутъ ее ареставать; ее здѣсь не найдутъ и насъ посадятъ въ тюрьму; ахъ, оставьте ее"!

Трудно было бы описать выраженіе, которое приняло лицо г. Александра при этихъ словахъ Канта. Сначала это было просто удивленіе, какъ будто онъ ничего не понималъ, а затѣмъ такая ярость, что онъ едва могъ владѣть собой. „Что!! И ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь, несчастная? Какъ! вѣдь она послѣдняя изъ семьи твоихъ господъ, единственная, которая осталась у васъ, и ты можешь жертвовать ею, ты, которая должна бы почитать за счастье отдать свою жизнь, чтобы спасти ее; но нѣтъ, ты не заслуживаешь такой прекрасной участи, ты не достойна умереть за нее"!

Негодованіе и справедливый гнѣвъ придали такую силу его голосу, что бѣдная Канта словно окаменѣла передъ этимъ энергическимъ человѣкомъ. Можно было подумать, что самая жизнь пріостановилась въ ней на мгновеніе; она стояла неподвижно, безмолвно, не смѣя произнести ни одного слова. Въ эту минуту вошелъ Форе. Онъ не разслышалъ того, что говорилъ Александръ, но до него доносились звуки его возвышеннаго голоса; поэтому онъ пришелъ узнать о причинѣ распри. Г. Александръ не далъ ему времени даже сдѣлать вопросъ и объявилъ ему повелительнымъ тономъ, что онъ имѣетъ приказъ сейчасъ же увести меня. Старикъ Форе, исполненный уваженія къ его мундиру, поклонился въ знакъ согласія и отворилъ намъ дверь. Изъ всего случившагося было одно ясно: что времени нельзя терять, и я вышла изъ дому почти не помня себя.

Все это произошло необыкновенно быстро, и я увѣрена, что мы ложно истолковали мысль Канта, а она не успѣла даже объяснить ее намъ. Я чувствую потребность упомянуть здѣсь, что эта бѣдная дѣвушка, хотя очень непріятнаго характера, но была вовсе не злая, и я не имѣла никакого основанія считать ее враждебной мнѣ. Я все еще думаю, что она тогда приняла г. Александра за то именно, чѣмъ онъ казался, т. е. за настоящаго республиканскаго солдата; добившись отъ него, чтобы онъ оставилъ меня въ покоѣ, она вѣроятно сама намѣревалась потомъ удалить меня изъ нашей квартиры до того, какъ придутъ въ нее съ обыскомъ.

Должна признаться, что, не желая смущать ее, я никогда не расспрашивала ее объ этой минутѣ помраченія или заблужденія ея встревоженнаго ума.

Я покинула свою квартиру, сильно сожалѣя только о единственномъ существѣ, всегда остававшемся мнѣ вѣрнымъ и которое я не смѣла взять съ собой: это была моя маленькая собачка, которая своимъ живымъ взглядомъ и нѣжными ласками утѣшала меня каждый вечеръ по возвращеніи моемъ къ домашнему очагу, гдѣ я давно уже не нахо-

дила болѣе ни тихой бесѣды, ни любви. Я съ радостью встрѣчала этого вѣрнаго друга, единственнаго, который еще умѣлъ любить меня. Отецъ мой и тетушка любили эту собачку; она представляла для меня связь съ прошедшимъ и воспоминаніе о прежнихъ свѣтлыхъ дняхъ; мой послѣдній взглядъ говорилъ ей на прощанье: и ты тоже была ею любима!

Я быстро удалилась съ моимъ провожатымъ, мундиръ котораго вездѣ давалъ намъ свободный проходъ. Мы прошли черезъ городскія ворота безъ малѣйшаго препятствія и очутились за городомъ на свободѣ. Намъ нужно было поспѣшить выйти изъ города, потому-что становилось темно, а такая поздняя прогулка могла бы показаться подозрительной. Скоро наступила глубокая тьма; шелъ мелкій, насквозь пронизывающій дождь. Вслѣдствіе невозможности что-либо различить въ темнотѣ мы подвигались впередъ очень медленно и скоро почувствовали сильное утомленіе. Только благодаря тому, что г. Александръ зналъ эту дорогу чуть не на память, онъ могъ находить ее среди непроницаемаго мрака, благопріятствовавшаго нашему бѣгству. Что же касается до меня, то я спокойно и довѣрчиво отдалась попеченіямъ этого великодушнаго человѣка, который шелъ впереди меня, осторожно шагая и избѣгая шума и встрѣчъ. Во время этого ночного путешествія я перебрала въ своей памяти всѣ печальныя событія, которыя довели меня до того, что пришлось мнѣ, молодой дѣвочкѣ, скитаться по большой дорогѣ въ глубокую ночь съ совершенно чужимъ молодымъ человѣкомъ.

Мы дошли въ Фонтэнъ очень поздно. Добрые люди, у которыхъ я должна была искать убѣжища, приняли меня очень радушно. Г. Александръ разсказалъ имъ про мое несчастье, поручая меня ихъ заботамъ. Они проливали слезы вмѣстѣ со мною и высказали въ своемъ радушномъ пріемѣ всю деликатность, свойственную избраннымъ душамъ. Половина ночи прошла въ разсказахъ; возвращеніе г. Александра было великою радостью для всей семьи; пылающій каминъ, хорошій ужинъ возстановили наши силы. Проговоривши долго о бѣдствіяхъ настоящихъ дней, о грозномъ будущемъ и роковомъ прошедшемъ,—я пожелала доброй ночи своему провожатому и, протянувъ ему руку, хотѣла было высказать ему свою благодарность; но я не находила словъ для выраженія ея. „До завтра!“ могла только я сказать ему. Я никогда болѣе не видала его послѣ этого. Онъ ушелъ до разсвѣта. Не знаю, живъ ли онъ еще и гдѣ обитаетъ—мнѣ не пришлось болѣе слышать его имени. На другое утро, проснувшись, я была грустно разочарована; я считала себя виноватой передъ нимъ въ неблагодарности; я такъ мало, такъ плохо поблагодарила его! Онъ спасъ и защитилъ слабую и одинокую сироту съ опасностью собственной жизни; такой подвигъ долженъ быть награжденъ свыше, и въ моихъ молитвахъ я не переставала Бога просить за него.

Дѣйствительно, въ самую ночь моего бѣгства явились въ нашу квартиру, чтобъ меня арестовать. Спросили, куда я дѣвалась? Нашъ стражъ Форѐ отвѣчалъ, что я уже была арестована около шести часовъ вечера солдатомъ изъ республиканской стражи. „Въ какой же она тюрьмѣ?"—Не знаю, куда онъ ее отвелъ.—Они удалились. Успокоенная тѣмъ, что этимъ отвѣтомъ удовольствовались, и что мое удаленіе не подвергало ѐе самое опасности, Канта не выдала моей тайны. Огромное число арестовъ, производившихся въ эту ночь, не позволяло скоро удостовѣриться въ справедливости показаній; очень важно было выиграть хоть нѣсколько времени. Въ случаѣ, если бы бѣдную дѣвушку засадили въ тюрьму, не знаю, до какой степени у нея хватило бы мужества, но надѣюсь, что она нашла бы силу въ самомъ несчастьи. Впрочемъ, несмотря на то, что г. Александръ тщательно скрылъ отъ нея мѣсто моего убѣжища, она легко могла догадаться, что я въ Фонтэнѣ, куда вскорѣ послѣ того и явился Сенъ-Жанъ, чтобы увидаться со мною.

Я провела три недѣли у этихъ славныхъ людей, чья доброта никогда не измѣнила мнѣ. Не могу вспомнить безъ умиленія о вниманіи и заботахъ, какія они мнѣ расточали; только послѣ многократныхъ моихъ настояній я могла добиться, чтобы меня допустили ѣсть за однимъ съ ними столомъ и то же самое, чѣмъ они сами питались. „Вы не привыкли ни къ часу нашего обѣда, ни къ нашей пищи", говорили они мнѣ. А у меня, право, не было болѣе никакихъ привычекъ. Магдалина, добрѣйшая Магдалина, окружала меня самымъ деликатнымъ вниманіемъ. Всегда во-время предупреждаемая о домашнихъ обыскахъ, которые производились въ селѣ, она тотчасъ отводила меня окольной дорогой за предѣлы департамента; я возвращалась домой лишь по удаленіи комиссаровъ. Охраненіе меня не было для нея какимъ нибудь второстепеннымъ интересомъ; я была для нея первымъ лицомъ, которое нужно было спасать; на мнѣ одной была сосредоточена вся ея нѣжная попечительность. Покой и праздность, въ которые я вдругъ погрузилась, казались мнѣ невыносимыми; дни мои не были наполнены никакой заботой. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ не о комъ было думать, кромѣ себя самой, ничто не привязывало меня болѣе къ жизни. Я словно была оторвана отъ дерева, давшаго мнѣ жизнь—и стала безполезной вѣткой, которой суждено было засохнуть и умереть вдали отъ него. Мною овладѣла глубокая тоска и чувство моего сиротства внушило мнѣ сильнѣйшее желаніе найти отца; это желаніе обратилось въ какое-то болѣзненное состояніе, которое отчасти даже поколебало мое намѣреніе исполнить завѣтъ тетушки. Когда Сенъ-Жанъ и Канта развѣдали о моемъ намѣреніи, ихъ страхъ возвратиться однимъ въ Муленъ заставилъ ихъ пустить въ ходъ всевозможныя хитрости, чтобы склонить меня вновь къ первому плану. Не стану углубляться, имѣли ли они въ этомъ случаѣ

въ виду волю моей тетушки, или просто боялись, что съ нихъ взыщутъ, если они вернутся безъ меня.

Провидѣніе, казалось, избрало своимъ орудіемъ эти малодушныя существа для того, чтобъ напомнить мнѣ и обратить меня къ моему долгу, и я уже была готова исполнить его. Между тѣмъ,—должна сознаться,—я не безъ страха помышляла о возвращеніи въ родныя мѣста, гдѣ, вслѣдствіе ненависти къ моему отцу, я могла ожидать очень дурной встрѣчи, и эта неизвѣстность относительно пріема, какой мнѣ сдѣлаютъ, еще усиливала мое смущеніе.

Я вела очень тихую жизнь, которая могла бы показаться мнѣ даже пріятной, еслибы не тяжкія воспоминанія и горькое сожалѣніе, наполнявшія мое сердце. Каждый вечеръ я читала вслухъ житія святыхъ. Около полуночи тетка Шозьеръ читала вслухъ вечернія молитвы и послѣ того благочестивое общество расходилось. Такая жизнь вполнѣ удовлетворяла меня. Каждое воскресенье я читала всю обѣдню соединенной семьѣ; стоя на колѣнахъ, исполненные горячей вѣры, всѣ мы молили Бога о раскаяніи грѣшныхъ и объ утѣшеніи несчастныхъ. Дурачекъ Пьеръ принималъ участіе въ нашихъ молитвахъ всѣми силами своихъ способностей; за отсутствіемъ разсудка, онъ молился сердцемъ. Развѣ этого не достаточно Богу? У него было искреннее смиреніе и хватало ума на то, чтобы свято хранить важныя тайны, которыя по неволѣ иногда приходилось ему довѣрять.

Увы! во исполненіе воли моей тетушки мнѣ приходилось начать самое несчастное существованіе; я должна была жить одна, сама рѣшать каждый свой поступокъ и отвѣчать за свои рѣчи: ужасная и опасная свобода; я не имѣла друзей, никого, кто бы могъ руководить мною. О! какъ велика премудрость Того, кто скрылъ отъ насъ будущее! Кто бы могъ вынести его бремя, если бъ оно впередъ было намъ извѣстно! Если бы я тогда могла предвидѣть всю совокупность горя и испытаній, которыя собирались надъ моей головой, я думаю, что, вернувшись въ Ліонъ, я стала бы умолять, какъ благодѣянія, чтобы мнѣ позволили сложить ее на плахѣ. Но Господь зналъ мою слабость и поддерживалъ меня въ бѣдствіяхъ.

Я ничего не могу сказать о своемъ характерѣ; событія руководили мною; я дѣйствовала подъ ихъ вліяніемъ болѣе, чѣмъ по собственному влеченію. Я была въ одно и то же время робка и настойчива, сдержана и довѣрчива; одиночество заставляло меня сосредоточивать въ себѣ всѣ мои чувства; высказывать ихъ и не быть понятой—казалось мнѣ какимъ-то святотатствомъ. И мнѣнія свои я скрывала по той же причинѣ. Молчаніе часто служитъ намъ охраной. Впослѣдствіи мнѣ приходилось слышать похвалы моему мужеству, и меня это удивляло. Могла ли я поступать иначе? Обстоятельства увлекали меня за собой, и я слѣдовала по тому пути, на который они меня наталкивали. Меня легко было провести подъ личиной искренности, потому что, несмотря на многія испытанія, я съ трудомъ вѣрила злу, или,

лучше сказать, я имѣла настоятельную потребность вѣрить добру. Разувѣрившись въ Сенъ-Жанѣ и Канта, я чувствовала къ нимъ непреодолимое отчужденіе, и въ то же самое время по старой привычкѣ, образовавшейся съ дѣтства, я относилась съ нѣкоторымъ вниманіемъ къ ихъ мнѣніямъ. Необходимость выказывать имъ довѣріе, котораго я болѣе не имѣла, было для меня истинной пыткой. Это противорѣчіе моихъ чувствъ съ моимъ положеніемъ было мнѣ тяжелѣе всего переносить. Незамѣтно овладѣвшее мною равнодушіе, которое я не осмѣлюсь назвать покорностью судьбѣ, отнимало у меня всякій страхъ или безпокойство за самое себя.

При такомъ состояніи ничего не могло быть для меня счастливѣе пребыванія въ Фонтэнѣ. Несмотря на праздность проводимыхъ мною дней, на одиночество и невѣдѣніе того, что меня ожидало впереди, я находила большое удовольствіе жить близъ Магдалины. Сдѣлавшись для нея понемногу новой Соріакъ, я наслѣдовала ей въ сердцѣ Магдалины; и въ самомъ дѣлѣ, положеніе мое не могло не внушать участія. Она не покидала меня, придумывая и употребляя всевозможныя средства, чтобы меня развлечь; и она становилась для меня со всякимъ днемъ дороже. Старушка Шозьеръ съ своей стороны, заботливо изучая мои вкусы, старалась угодить мнѣ и всегда подавала мнѣ какое нибудь кушанье болѣе изысканное, чѣмъ ихъ обычная пища. Всѣ замѣчанія мои по этому поводу были напрасны. „Вы не такъ созданы, чтобы жить, какъ мы“, говорила она, и я ничего не могла подѣлать съ ней. Даже мужъ ея оказывалъ мнѣ вниманіе, насколько былъ къ тому способенъ; участь моя видимо трогала его. Въ то время одна только я жила у нихъ и возрастъ мой, вѣроятно, не представлялся ему достаточной причиной, чтобы опасаться за спокойствіе свое; онъ постоянно былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

Сенъ-Жанъ, безъ труда догадавшійся, гдѣ я скрывалась, скоро явился ко мнѣ и привелъ мнѣ Кокетку, мою любимую собачку. Это была моя первая радость послѣ всего пережитаго въ послѣднее время и я была искренно тронута вниманіемъ, доставившимъ мнѣ ее. Радость этого вѣрнаго друга была столь же велика. Кокетка любила меня, она была мнѣ предана, она была моимъ единственнымъ достояніемъ. Надо быть лишеннымъ всего, какъ я была тогда, чтобъ понять, какую цѣну имѣли для меня ея ласки: это была нить, которая еще связывала меня съ тѣмъ, чѣмъ я была, со всѣмъ, что я прежде имѣла. Отецъ мой и тетушка тоже любили и ласкали ее. Мнѣ казалось, что на ней еще сохранились слѣды дорогихъ рукъ, ласкавшихъ ее; мнѣ казалось, что она еще питаетъ благодарность къ нимъ. Сколько воспоминаній вернулось ко мнѣ вмѣстѣ съ нею! Ея присутствіе говорило мнѣ обо всемъ, что я утратила. Я заплакала, увидѣвши ее; мнѣ казалось, будто она понимаетъ меня, и я не чувствовала уже себя такой одинокой.

Сенъ-Жанъ объявилъ мнѣ, что по просьбѣ его и Канта, печати съ нашего имущества были сняты для того, чтобы они могли отобрать свои вещи, согласно съ полученнымъ ими разрѣшеніемъ. Затѣмъ онъ сообщилъ еще, что они намѣрены уѣхать изъ Ліона и воспользоваться возвращеніемъ въ Муленъ одного извощика, который оттуда привезъ для продажи деревянные башмаки и ѣхалъ обратно порожнякомъ. „И вотъ я пришелъ спросить васъ, что вы намѣрены дѣлать?" прибавилъ Сенъ-Жанъ. „Я поѣду вмѣстѣ съ вами; я не имѣю ни силы, ни воли поступить иначе". Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ я приняла твердое рѣшеніе исполнить желаніе тетушки, всѣ мои страхи исчезли. Я отправила Сенъ-Жана къ г-жѣ Миляне, чтобы увѣдомить ее о моемъ предстоящемъ отъѣздѣ и просить ея совѣта, какимъ образомъ достать мнѣ паспортъ.

Онъ вскорѣ вернулся за мной и отвелъ меня къ г-жѣ Миляне, не говоря ни слова о моемъ присутствіи въ Ліонѣ гражданину Форе. Я никогда не забуду доброты и нѣжности г-жи Миляне, ея чисто материнской привязанности и того сладкаго чувства, какое вселяли мнѣ ея заботы, ея ласковыя рѣчи и пріемы; прежнія привычки и чувства, какъ старые знакомые, живо возникли передо мной и я не могла удержать слезъ при мысли о томъ, что̀ я утратила безвозвратно.

Для того, чтобъ получить паспортъ, надо было имѣть свидѣтельство изъ участка. Я не могла, не подвергая себя опасности, отправиться лично хлопотать о немъ въ своемъ участкѣ; было рѣшено, что сто-франковая ассигнація замѣнитъ мнѣ это свидѣтельство; выдававшій ихъ охотно шелъ на эту сдѣлку. Это дѣло было поручено горничной г-жи де-Миляне, чрезвычайно умной и находчивой женщинѣ. Лицо, отъ котораго все это зависѣло, было заранѣе предупреждено, и я отправилась вмѣстѣ съ нею въ его канцелярію; я подала ему ассигнацію подъ видомъ свидѣтельства; онъ сдѣлалъ видъ, будто внимательно прочиталъ поданную бумагу и, бережно спрятавши ее въ ящикъ, выдалъ мнѣ паспортъ съ обозначеніемъ званія бѣлошвейки, которое подходитъ всякой женщинѣ;—а необходимо было имѣть какое нибудь званіе.

Я поужинала у г-жи Миляне и переночевала въ ея комнатѣ. Когда я стала раздѣваться, она замѣтила красную ленточку на моемъ корсетѣ. „Александрина, что это у васъ такое?" — Это крестъ св. Луи, принадлежащій моему отцу. — „Какъ! съ ума вы что-ли сошли, милый другъ мой? И вы постоянно носите его?" — Конечно! у меня остался только этотъ крестъ и я хочу сохранить его отцу.—„А когда вы ходили въ тюрьму?" — Онъ всегда былъ на мнѣ; отецъ своею кровью заплатилъ за него.—„Александрина, пожертвуйте мнѣ его. Если бы васъ стали обыскивать, это могло бы подвергнуть васъ опасности; вамъ пришлось бы, можетъ быть, поплатиться за это жизнью; неблагоразумно такъ рисковать!"

Мнѣ было тяжело уступить ей, но я не могла долго противиться въ виду благоразумной ея осторожности, ея дружбы и своей благодарности къ ней. Я рѣшилась разстаться съ крестомъ и вручила ей свое сокровище.

Въ моемъ корсетѣ хранились еще бумаги, тщательно запрятанныя мною; онѣ были довѣрены мнѣ отцомъ и тетушкой. [1]) Не получая болѣе новыхъ распоряженій, я осталась вѣрна тѣмъ, которыя были даны ими прежде. Пришлось отдать все это моей предусмотрительной покровительницѣ—рѣшеніе, тѣмъ болѣе для меня тягостное, что это лишало меня еще одной заботы: я становилась все бѣднѣе въ этомъ отношеніи.

На другой день я отправилась во Временную Комиссію для засвидѣтельствованія моего паспорта. Эта обязанность была возложена на бывшаго начальника мулеискаго училища. Онъ всматривался въ меня долго и пристально. „Съ какихъ поръ ты занимаешься шитьемъ бѣлья?"—Съ тѣхъ поръ, какъ я научилась шить у своей матери.—Онъ больше ничего не сказалъ.

Возвратившись изъ Временной Комиссіи, я собралась назадъ въ Фонтэнъ; наше прощанье было самое нѣжное. Я разставалась съ истинной благодѣтельницей, и г-жа Миляне была глубоко тронута моею участью. Она сама скоро должна была уѣхать изъ Ліона къ своимъ дѣтямъ, которыя уже давно были перевезены въ Швейцарію, гдѣ находились внѣ всякой опасности у одной изъ ея сестеръ, жившей въ этой странѣ съ того времени, какъ началась эмиграція.

Въ минуту разлуки г-жа Миляне вручила мнѣ маленькую пачку немного обгорѣлыхъ ассигнацій. „Возьмите — сказала она мнѣ;—это бумажки, случайно уцѣлѣвшія отъ пламени, куда ваши несчастные земляки передъ смертью бросили все, что имѣли. Кое-что было спасено, и я вручаю эти бумажки вамъ, какъ единственному лицу, могущему имѣть притязаніе на нихъ, потому что вы изъ того же города".

Этотъ деликатный способъ оказать мнѣ помощь тронулъ меня до глубины души; а когда я хорошенько раздумала, то еще болѣе убѣдилась, что она просто воспользовалась ходившими въ городѣ слухами, чтобъ помочь мнѣ въ бѣдности. Какъ бы могли эти ассигнаціи попасть въ ея руки? Я благословила ее всѣмъ сердцемъ и, очутившись снова въ печальномъ одиночествѣ, направилась вмѣстѣ съ Сенъ-Жаномъ къ Фонтэну, гдѣ должна была провести все остальное время до своего отъѣзда.

---

[1]) Они оба забыли, что въ критическую минуту дали ихъ мнѣ спрятать. Я не нашла болѣе вѣрнаго мѣста, какъ свой корсетъ, гдѣ онѣ были зашиты. Тутъ-же хранилось у меня прежде нѣсколько бланковъ, подписанныхъ де-Пресси и довѣренныхъ почему-то моему отцу; но отъ нихъ я давно отдѣлалась, понявши, какая опасность была связана съ этимъ именемъ.

Прим. авт.

Магдалина не могла утѣшиться при мысли о моемъ отъѣздѣ. Она не любила ни Сенъ-Жана, ни Канта, и разсказала мнѣ про ихъ интриги, имѣвшія цѣлью помѣшать мнѣ остаться въ Фонтэнѣ; она увѣряла меня, что всѣ ихъ разсказы, передаваемые мнѣ съ тѣмъ, чтобы отклонить мое намѣреніе ѣхать въ Швейцарію, были крайне преувеличены, а частью даже сочинены ими самими. „И вотъ люди, съ которыми вы собираетесь уѣзжать", говорила она мнѣ. „Пока я думала, что это для вашего блага, я молчала; но они боятся только за себя. Оставайтесь съ нами, мы любимъ васъ, мы будемъ заботиться о васъ".—Магдалина, я должна исполнить волю тетушки.—„Ахъ, ваша тетушка не думала, что вамъ придется плохо на вашей сторонѣ; она желала вамъ добра, а вѣдь они хотятъ увезти васъ туда только для того, чтобы не подвергнуть себя наказанію".

Я могла отвѣчать этой добрѣйшей дѣвушкѣ одними лишь слезами. Ея привязанность глубоко трогала меня, но не могла поколебать моей рѣшимости. „Нечего дѣлать! говорила она; но если вы будете несчастливы, напишите мнѣ,—я съумѣю пробраться къ вамъ, я васъ спасу и уведу назадъ къ себѣ; пока я жива, здѣсь съ вами не случится ничего дурнаго, и вы станете у насъ дожидаться возвращенія отца вашего. Онъ вернется сюда, будьте въ этомъ твердо увѣрены". Добрая Магдалина! она такъ бы и сдѣлала, какъ говорила, она была способна на это! Я могла только горевать вмѣстѣ съ нею и оплакивать нашу разлуку, лишавшую меня такого преданнаго друга. Я провела еще нѣсколько дней въ Фонтэнѣ; прекрасные, тихіе дни, дни отдохновенія послѣ бури, когда набираешься новыхъ силъ передъ новыми грозами.

Покончивши всѣ свои дѣла, Сенъ-Жанъ и Канта пришли за мной и я распростилась съ доброй семьей Шозьеръ. Печально было это прощанье. Никогда еще рѣшеніе мое не имѣло такой важности, какъ теперь: оно повліяло на всю мою остальную жизнь.

Въ Ліонѣ, передъ отъѣздомъ въ Муленъ, я провела ночь въ квартирѣ тетушки: какая это была тяжелая ночь! Когда Форе увидѣлъ, что я снабжена паспортомъ, вполнѣ исправнымъ, онъ не думалъ противиться моему отъѣзду, который былъ, впрочемъ, скорѣе выгоденъ для него: онъ не могъ жалѣть объ удаленіи единственнаго лица, имѣвшаго право требовать вещи, довѣренныя ему на храненіе и которыя онъ привыкъ считать своими. Говорятъ, будто, по наущенію и съ помощію жены, онъ раскралъ бо̀льшую часть того, что было опечатано. Впослѣдствіи онъ погибъ вмѣстѣ съ нею во время реакціи.

Я пошла проститься съ г-жею Сулинье и ея дочерью, моей ровестницей, съ которой мы были очень дружны. Ихъ стражъ пропустилъ меня къ нимъ по случаю моего отъѣзда. Мужъ г-жи Сулинье погибъ на эшафотѣ; онѣ же надѣялись получить разрѣшеніе покинуть Ліонъ, чтобы удалиться въ маленькое имѣніе, поблизости города Санъ, принадлежавшее г-жѣ Сулинье. Всѣ эти прощанья надрывали мнѣ сердце.

Придется ли еще когда нибудь свидѣться? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, что я стремлюсь въ какую-то бездну.

Я пошла наверхъ къ г-жѣ де-Бельсизъ, которую я почитала, какъ святую, и любила, какъ мать. Она со слезами благословила меня. Тутъ я рѣшилась спросить ее, гдѣ находится ея дочь,—гдѣ та, которая внушала мнѣ такое уваженіе и удивленіе, что я не знала ни одной молодой дѣвушки выше Фелисите де-Бельсизъ.

„Она въ безопасности", отвѣчала мать.—Слава Богу, сказала я,—да возвратитъ вамъ ее Господь, и да сохранитъ ея дружбу ко мнѣ. Старый маркизъ де-Бельсизъ присоединился къ пожеланіямъ своей жены, и я простилась съ ними. Я видимо внушала имъ большую жалость.

На другое утро рано я сѣла въ телѣжку башмачника и мы выѣхали изъ этого злополучнаго города, гдѣ я все потеряла; съ нами еще ѣхалъ маленькій мальчикъ, лѣтъ четырехъ или пяти, отецъ котораго былъ казненъ, а мать, находясь въ крайней нищетѣ, отдавала его на попеченіе дядѣ, книжному продавцу въ Муленѣ. Видъ ребенка моложе и несчастнѣе меня заставилъ меня подумать о томъ, что̀ у меня еще оставалось въ жизни; я ѣхала къ своей сестрѣ, къ своей старой нянѣ; я возвращалась въ свой домъ, гдѣ родилась; можетъ быть, тамъ найдутся и друзья.

Путешествіе наше было невеселое; тонъ и манеры моихъ спутниковъ, Сенъ-Жана и Канта, ихъ грубость, никогда не поражали меня въ такой степени прежде; они теперь не церемонились болѣе. Я замѣтила въ мѣшкѣ у Канта нѣсколько платьевъ тетушки. „Она подарила ихъ мнѣ", сказала она; видно, она буквально поняла послѣднее письмо тетушки, хотя та имѣла въ виду совсѣмъ иное. Я молчала, начиная понимать, какъ тщетны были бы всякія жалобы!

ГЛАВА XIV.

Возвращеніе мое въ Ешероль.—Я нахожу тамъ сестру и няню.—Мой допросъ.—Муленскій Революціонный Комитетъ хочетъ меня посадить въ депо.—Докторъ Симаръ противится этому.—Меня подвергаютъ временно домашнему аресту.—Г-жа де-Гримо.—Жизнь моя въ Ешеролѣ.—Дерево свободы.—Дѣвица Мелонъ, моя тетка.—Она получаетъ разрѣшеніе взять меня къ себѣ.

Я пріѣхала въ Ешероль чудеснымъ утромъ; это было въ концѣ мая (1794 г.); а между тѣмъ, какъ все показалось мнѣ пусто и мрачно! Меня здѣсь не ожидали, но меня встрѣтила наша няня съ искренней радостью, какъ потерянное дитя, на возвращеніе котораго она не надѣялась болѣе. На другой день спутники мои уѣхали далѣе, въ Муленъ, и я почувствовала облегченіе, точно съ меня свалилось большое

бремя, потому что послѣ всѣхъ хитростей, какія они пускали въ ходъ по отношенію ко мнѣ, они внушили мнѣ сильное недовѣріе, дѣлавшее мнѣ ихъ присутствіе крайне тягостнымъ.

Съ той поры, когда я была принуждена жить съ людьми, которымъ я не довѣряла,—я привыкла задерживать въ глубинѣ души свои чувства и скрывать свои мысли; эта привычка, въ иныхъ случаяхъ имѣвшая для меня и счастливыя послѣдствія, слишкомъ часто лишала меня утѣшенія и совѣтовъ, доставляемыхъ довѣрчивыми отношеніями.

Счастливо то дѣтство, которое протекаетъ среди любви и подъ взорами нѣжной и бдительной матери, чья рука направляетъ и поддерживаетъ нетвердые шаги, чей разумъ наставляетъ и просвѣщаетъ неокрѣпшій дѣтскій умъ, чье сердце влагаетъ въ юное сердце ребенка свои добрыя качества и, вселяя въ него любовь къ Богу, разсѣеваетъ его страхи и укрѣпляетъ его вѣру! Я была лишена всѣхъ этихъ благъ! Уже когда я стала входить въ возрастъ, я начала понимать всю ихъ цѣну, сознавать ихъ лишеніе, равно какъ и происходившіе оттого недостатки свои.

Итакъ, я вернулась въ Ешероль, исполненная недовѣрія къ другимъ и къ самой себѣ. Мнѣ казалось, однако, что я все-таки лучше воспитана, чѣмъ тѣ, которые меня окружали, а это смущало меня за нихъ и какая-то внутренняя неловкость, незнакомая мнѣ доселѣ, сдѣлалась обычнымъ моимъ настроеніемъ.

Воспоминаніе о прежнихъ дняхъ, проведенныхъ мною среди своей семьи въ этомъ дорогомъ моему сердцу мѣстѣ, дѣлало мнѣ настоящее очень горькимъ. Я очень любила свою няню, но мое довѣріе къ ней было поколеблено мнѣніями, высказанными ею еще при самомъ началѣ революціи. Ненависть, которую она питала къ злоупотребленіямъ произвола, ослѣпляя ее, заставляла ее полагать благо отечества въ совершаемыхъ переворотахъ; она привѣтствовала ихъ съ жаромъ, который я еще живо помнила, и это невольно налагало въ моихъ глазахъ нѣкоторую тѣнь на расположеніе, которое она высказывала мнѣ. Нетерпимость, столь свойственная молодости, искажала мое сужденіе и смущало мое сердце. Я считала ее чуть не преступной потому, что она одинъ разъ была неправа, и совѣты ея уже не имѣли болѣе вѣса въ моихъ глазахъ. Однако жъ я чувствовала, что привязанность ея ко мнѣ нисколько не измѣнилась; скоро я могла убѣдиться въ рѣдкомъ благородствѣ ея души и въ такомъ великодушіи сердечномъ, что нельзя было иначе относиться къ ней, какъ съ глубочайшей признательностію; она сдѣлалась необходимой для моей сестры и была вполнѣ предана ей; вся ея жизнь была посвящена самымъ нѣжнымъ попеченіямъ о ней; я не могу описать всѣхъ услугъ, оказанныхъ намъ этой женщиной, всей ея изобрѣтательности въ изысканіи для насъ средствъ къ существованію. Она давно отреклась отъ заблужденія, происшедшаго изъ ея любви къ справедливости, и предала

проклятію революціонеровъ и ихъ неистовства. Сдѣла́вшись снова тѣмъ, чѣмъ была прежде, она съ ожесточеніемъ обратила теперь противъ нихъ всю свою ненависть. Какъ я счастлива, что могу отдать справедливость ея памяти и засвидѣтельствовать на этихъ страницахъ, какъ много я ей обязана!

Дворъ передъ нашимъ за́мкомъ показался мнѣ огромнымъ пустыремъ, по которому моя плохинькая телѣжка медленно подъѣхала къ крыльцу. Я слѣзла съ нея. Какъ все было безмолвно вокругъ! Полтора года тому назадъ я уѣхала отсюда въ покойномъ экипажѣ, сидя рядомъ съ тетушкой, окруженная вниманіемъ и заботами. А теперь оставалась ли еще у меня семья? Отецъ, братья мои, существовали ли они еще? Суждено ли было мнѣ снова увидѣться съ ними?—Я невольно вздрогнула, холодъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ членамъ. Если бы не опасеніе, что другіе замѣтятъ то, что̀ я испытывала, если бы не страхъ разслабить себя, я не могла бы скрыть сердечной боли, терзавшей меня; а болѣе всего страхъ расчувствоваться при равнодушныхъ зрителяхъ заставилъ меня уйти въ себя и подавить глубокое волненіе, поколебавшее мою твердость; я не пролила ни одной слезы, вступая въ запустѣлый и запущенный домъ моего отца.

Я нашла свою няню всецѣло предавшейся заботамъ, которыхъ требовало состояніе моей больной сестры, и полагавшей все свое счастье въ томъ, чтобъ сколько нибудь усладить печальную жизнь бѣдной Одиліи. Бабета, славная дѣвушка, бывшая у насъ въ услуженіи еще до нашего отъѣзда, помогала ей во всемъ и служила преданно. Она тоже встрѣтила меня любовно; сестра же не узнала меня. Остальные обитатели замка, исключая Верньера, честнаго нашего садовника, смотрѣли на меня скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ участіемъ.

Меня помѣстили въ кухнѣ, или, вѣрнѣе сказать, она служила намъ гостиной. Спала же я въ узкой комнаткѣ подъ чердакомъ вмѣстѣ съ сестрою, няней и Бабетой. Все остальное, какъ сказали мнѣ, было подъ секвестромъ. Однако, этотъ мнимый секвестръ не мѣшалъ фермерамъ пользоваться нашимъ жилищемъ и даже пускать туда своихъ друзей. Я видѣла сама, какъ окна въ комнатѣ матери моей открывались для чужихъ; только я одна была изгнана изъ этой комнаты, гдѣ я получила ея благословеніе и послѣднее прости, гдѣ она испустила послѣдній вздохъ на моихъ глазахъ; только я одна не смѣла переступить порога этой священной для меня комнаты; помѣщенная въ кухнѣ отцовскаго за́мка, я видѣла, какъ расхаживали, распоряжались въ немъ тѣ, которые, бывало... Это было жестоко!

Едва я успѣла вступить въ домъ, какъ уже былъ отправленъ нарочный въ Муленъ, чтобы довести до свѣдѣнія Революціоннаго Комитета эту важную новость. Четырнадцатилѣтняя дѣвочка, спасшаяся какимъ-то чудомъ отъ смерти и нищеты; ребенокъ,—несчастный отпрыскъ этой ненавистной семьи, прибылъ въ имѣніе отца!

На другой день меня будятъ въ четыре часа утра: надо вставать, такъ приказано—меня ожидаютъ. Я схожу въ садъ, гдѣ нахожу нѣкоего С., бывшаго аптекаря, теперь члена Революціоннаго Комитета. Онъ находился въ крытой аллеѣ, превратившейся въ эту минуту въ судилище, гдѣ я подверглась строгому допросу. „Гдѣ твой отецъ?"—Я не знаю.—„Видѣла ли ты Пресси?" [1])—Нѣтъ.—„Было ли тебѣ извѣстно что нибудь о планахъ гнуснаго города Ліона?"—Нѣтъ.—„Не говорилось ли когда либо въ твоемъ присутствіи о противореволюціонныхъ замыслахъ?"—Нѣтъ.—„Гдѣ твои братья?"—Я не знаю.—Вотъ приблизительно въ какомъ родѣ были его вопросы и мои отвѣты.

Этотъ человѣкъ, малорослый и весьма невзрачный, пронизывалъ меня своимъ взглядомъ и, казалось, хотѣлъ проникнуть въ глубину души моей; онъ допрашивалъ меня очень долго, измѣняя и переворачивая тѣ же самые вопросы: я оставалась при томъ же лаконизмѣ. Няня моя въ это время трепетала за меня и тихонько молилась.

Не добившись ничего, онъ, наконецъ, прекратилъ допросъ и, недовольный тѣмъ, что былъ побѣжденъ ребенкомъ, прибавилъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ: „Слушай-ка внимательно, что я скажу тебѣ, и изволь повиноваться. Ты имѣешь несчастье принадлежать къ семьѣ, измѣнившей отечеству; и ты должна смыть это пятно, загладить ея преступленія и очистить нечестивую кровь, которая течетъ въ твоихъ жилахъ; ты можешь это сдѣлать только служа народу и трудясь на его пользу. Работай на солдатъ, а главное—доноси на измѣнниковъ, раскрывай ихъ преступные замыслы, объявляй ихъ злодѣянія; такимъ только образомъ ты можешь искупить позоръ своего имени; такимъ образомъ ты можешь послужить на пользу республикѣ!" Вмѣсто отвѣта я горько улыбнулась, а онъ ушелъ, издали еще крича мнѣ: „Доноси, доноси!"

Посѣщеніе это страшно напугало мою няню. Она сейчасъ же объявила мнѣ: „Нужно повиноваться и работать, какъ онъ приказалъ; я велю попросить въ Муленѣ рубашекъ и куртокъ для волонтеровъ, чтобы ты могла потомъ доставить свою работу въ комитетъ [2])".—Я? я не стану работать, няня.—„Да развѣ ты не слышала, что̀ онъ сказалъ"?—Я не буду работать.—„Александрина, ты еще увеличишь свое несчастье".—Что дѣлать, буду терпѣть; но ничто на свѣтѣ не заставитъ меня исполнять волю этого человѣка.—„По крайней мѣрѣ, щипли корпію".—Нѣтъ, не стану.—Моя бѣдная няня, въ отчаяніи отъ моего упрямства, сама принялась щипать корпію. Я видѣла, что она шила рубашки и куртки, которыя, вѣроятно, потомъ посылала отъ моего

[1]) Де-Пресси былъ назначенъ главнокомандующимъ во время осады Ліона; я часто видала его у отца. Не зная, къ чему могло повести это первое признаніе,—я держалась неуклонно своей системы полнаго отрицанія. Я никогда не упрекала себя за эту невинную ложь. Прим. авт.

[2]) Многихъ дамъ принуждали такимъ образомъ работать на солдатъ, которые крайне нуждались въ одеждѣ. Прим. авт.

имени въ муленскій Революціонный Комитетъ; со мною она не говорила больше объ этомъ.

Мэръ нашей коммуны въ свою очередь явился къ намъ для осмотра того, что я привезла съ собой. Каждую вещь онъ развертывалъ, трясъ и тщательно осматривалъ, чтобы убѣдиться, не скрывалось-ли въ ней какихъ-нибудь мятежныхъ прокламацій; затѣмъ былъ составленъ актъ и посланъ въ Революціонный Комитетъ. Изъ осторожности, которую я понимала, не одобряя ее, няня моя спрятала половину изъ немногихъ пожитковъ моихъ, такъ что у меня осталось только одно платье, которое я носила каждый день; оно было очень плохо, и я совѣстилась его. Няня повторяла мнѣ: „Нужно казаться совсѣмъ бѣдной". А я возражала:—Я не хочу внушать жалости.—Ея нѣжная заботливость страшилась всего, что, по ея мнѣнію, могло компрометировать меня. Я же ничего такъ не боялась, какъ внушить состраданіе; благодаря тому, что мое чувство гордости легко страдало, я была склонна рѣзко отклонять покровительственный тонъ, который мнѣ было труднѣе переносить, чѣмъ самое несчастье. А между тѣмъ, именно въ это время я должна была вызывать глубокое чувство жалости, вслѣдствіе ожидавшей меня участи. Но я тогда не имѣла и понятія о позорѣ, который готовили мнѣ, и узнала уже гораздо позднѣе то, что разскажу здѣсь.

Послѣ допроса въ Комитетѣ стали обсуждать, что̀ со мною дѣлать. Меня считали за опасное существо, носившее ненавистное имя, прибывшее изъ мятежнаго города и, можетъ быть, посвященное въ такія тайны, которыя нужно было помѣшать мнѣ сообщить другимъ лицамъ нашей партіи. Поэтому меня не хотѣли сажать въ темницу, гдѣ многіе изъ нихъ находились въ заключеніи; къ тому-же для меня было бы просто счастьемъ очутиться тамъ среди родныхъ и друзей; а имъ хотѣлось именно въ моемъ лицѣ какъ можно болѣе унизить весь нашъ родъ и наказать меня за преступленія моей семьи. Результатомъ этого совѣщанія былъ приговоръ, по которому присудили отвезти меня и заключить въ депо. При одномъ этомъ названіи еще теперь у меня вся кровь останавливается въ жилахъ, несмотря на многіе годы, протекшіе съ тѣхъ поръ. Депо служило темницей для проститутокъ изъ самаго послѣдняго разряда, которыя, помимо самаго низкаго разврата, были виновны въ преступленіяхъ почти доказанныхъ и подвергнулись-бы смертной казни, если бы неполнота выставленныхъ уликъ не помѣшала суду произнести приговоръ. Тамъ-то, въ этомъ мѣстѣ, зараженномъ порокомъ, меня присудили жить!

О, мать моя! въ такомъ-то ужасномъ жилищѣ дочь твоя должна была дышать испорченнымъ воздухомъ. Но ты узрѣла мое бѣдственное положеніе. Конечно, твоя молитва была услышана и Провидѣніе не допустило моей гибели. Приговоръ не былъ тотчасъ приведенъ въ исполненіе и замедленіе это спасло меня, давши время раскаянію пробудиться въ сердцѣ человѣка, который зналъ меня съ рожденія. То

былъ Симаръ, нашъ домашній докторъ, со времени революціи показавшій себя врагомъ отца; онъ засѣдалъ, какъ членъ Революціоннаго Комитета, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ прежде втеченіе многихъ лѣтъ былъ принятъ какъ другъ [1]), и гдѣ онъ теперь готовъ былъ осудить на позоръ ребенка, котораго когда-то любилъ, ласкалъ и не разъ возвращалъ къ жизни. Онъ поднялъ голосъ въ мою защиту, выставивъ на видъ, что возрастъ мой дѣлалъ меня неопасной, и что, такъ какъ наше имѣніе Ешероль не было еще продано, то я могла оставаться въ немъ подъ надзоромъ мѣстной муниципальной власти и фермера Аликса, который за меня будетъ отвѣчать; и, наконецъ, что приговоръ всегда можно будетъ привести въ исполненіе, какъ только Комитетъ найдетъ то нужнымъ. Это мнѣніе доктора Симара было принято. Пусть покровительство, оказанное имъ сиротѣ, послужитъ ему въ пользу предъ вѣчнымъ Судьей!

Я ничего не знала въ то время объ этомъ новомъ бѣдствіи, висѣвшемъ надо мною, и очень благодарна окружавшимъ за деликатное чувство, помѣшавшее имъ говорить со мной о томъ заранѣе. Возрастъ мой скрылъ бы отъ меня то, что было тутъ всего ужаснѣе, но я все-таки поняла бы достаточно, чтобы придти въ отчаяніе, когда вдругъ очутилась бы въ этомъ ужасномъ вертепѣ.

Я совершенно не замѣчала, что нахожусь подъ домашнимъ арестомъ; за мной слѣдили, безъ сомнѣнія, но я не испытывала отъ этого никакого стѣсненія. Впрочемъ, я и сама не желала тогда иного существованія; я вернулась сюда по желанію покойной тетушки и ея воля, бывшая для меня священной, служила мнѣ самой лучшей охраной, поэтому мнѣ и въ голову не приходило пытаться бѣжать отсюда. Да и куда было бы мнѣ дѣваться? Не зная, гдѣ найти отца, какая польза была-бы мнѣ покинуть Ешероль? Изъ друзей семьи нашей многіе находились въ заключеніи, иные бѣжали. Никто не смѣлъ даже произнести имени моего отца, боясь скомпрометировать себя; никто не имѣлъ власти, ни воли оказать мнѣ покровительство, потому что никто не обладалъ свободой дѣйствій. Г-жа Гримо, единственный достойный другъ моей матери, узнавши о крайней бѣдности моей по возвращеніи изъ Ліона, тотчасъ поручила передать мнѣ, что она удѣлитъ мнѣ часть туалета своей дочери Жозефины, моего перваго и самаго дорогаго друга. Я отказалась, но была глубоко тронута такимъ вниманіемъ.

Впослѣдствіи я узнала, что если бы приговоръ Революціоннаго Комитета состоялся, то, довѣривши свою дочь одной вѣрной пріятельницѣ, г-жа Гримо рѣшилась сама переѣхать вмѣстѣ со мной въ депо; находясь также подъ домашнимъ арестомъ, она хотѣла хлопотать, чтобы ее перевели въ эту темницу. „Я находила, сказала она мнѣ

---

[1]) Революціонный Комитетъ занялъ домъ моего отца въ Муленѣ для своихъ засѣданій. Прим. авт.

потомъ совершенно просто,—что обязана была сдѣлать это въ память вашей матери". Въ этихъ немногихъ словахъ заключается величайшая похвала обѣимъ достойнымъ женщинамъ, связаннымъ такой дружбой, которую не могла нарушить даже смерть; никто не могъ у меня отнять этого священнаго наслѣдія. Велика же была добродѣтель моей матери, если она пріобрѣла ей такого вѣрнаго и преданнаго друга и за могилой еще охраняла ея осиротѣлую дочь!

Отличаясь рѣдкими качествами души, г-жа Гримо съ благороднымъ достоинствомъ переносила свое семейное горе,—ей приходилось много терпѣть отъ дурнаго поведенія и тяжелаго характера мужа. Никогда ни одной жалобы не вырвалось у нея по этому поводу. Она пользовалась такимъ общимъ уваженіемъ, что самые якобинцы питали къ ней невольное почтеніе, и я убѣждена, что она безъ труда получила бы ихъ согласіе раздѣлить со мною заключеніе.

Жизнь моя въ Ешеролѣ потекла тихо и мирно; меня все менѣе и менѣе поражало отсутствіе шума и необычайныхъ событій, къ которымъ бурная ліонская жизнь меня такъ пріучила. Невѣдѣніе того, что творилось на свѣтѣ, внесло миръ и спокойствіе въ наше житье и дни мои проходили какъ-то сами собой въ печальномъ, но успокоительномъ однообразіи, которое не всегда было лишено прелести. За невозможностью входить въ комнаты замка, я часто блуждала по обширному прекрасному парку, полному воспоминаній моего дѣтства [1]). Я находила тамъ старыхъ знакомыхъ, дорогихъ моему сердцу; я упивалась ихъ ароматомъ. Каждый кустикъ, каждое деревце, напоминали мнѣ какое нибудь слово моего отца. Его образъ возникалъ передо мною на каждомъ шагу.

Какъ часто съ высокой террасы онъ, бывало, указывалъ мнѣ рукою на окрестныя села и отдѣльныя жилища, разсѣянныя среди виноградниковъ этого веселаго холма! Взоръ мой, мягко скользя по зеленымъ лугамъ, разстилавшимся у нашихъ ногъ, встрѣчалъ вдали своевольныя воды Аллье, этой красивой рѣчки, соперницы Луары; вотъ эта хорошенькая усадьба, почти у подножія холма, принадлежитъ одному родственнику нашему; а тамъ, налѣво, эта гора съ округленной верхушкой, увѣнчанной облаками,—кто же не узнаетъ ее изъ тысячи? Это Пюи-дю-Домъ. Вотъ бесѣдка моей матери; отсюда я видѣла, какъ она сама поливала цвѣты, улыбаясь моимъ рѣзвымъ играмъ. Вонъ тамъ стоятъ еще деревья, собственноручно ею посаженныя; только одного дерева, того именно, которое было посажено на ея счастье,—недостаетъ; не странно-ли, что оно погибло въ тотъ самый годъ, какъ она умерла? Остальныя деревья, живое подобіе нашей судьбы, печально прозябаютъ, не пропадая окончательно, но не имѣя силы рости. Не было ни одного мѣстечка, которое не было бы связано съ

---

[1]) Крытыя аллеи изъ грабинъ были послѣ того срублены; плугъ сравнялъ все остальное. Отъ великолѣпнаго парка не осталось ни слѣда. Прим. авт.

какимъ нибудь воспоминаніемъ и не говорило бы мнѣ о миломъ прошломъ, о моихъ дѣтскихъ играхъ и забавахъ. Какъ далеко было это время! Революція сдѣлала изъ меня столѣтнюю старуху въ 14 лѣтъ!

Въ самомъ дѣлѣ, кажется, и цѣлое столѣтіе не могло бы произвести столько перемѣнъ въ Ешеролѣ, какъ послѣдніе полтора года. Фермеры, которые жили въ строеніяхъ, примыкавшихъ къ нашей усадьбѣ, начинали тогда быстро наживать большія состоянія благодаря неимовѣрно быстрому паденію ассигнацій и страшному вздорожанію всѣхъ сельскихъ продуктовъ; многочисленные гости, ежедневно садившіеся за ихъ столомъ, свидѣтельствовали о ихъ достаткѣ. Крики, вакхическія пѣсни, буйная веселость, часто длившаяся за полночь и доносившаяся до насъ, ясно говорили, какого рода общество собиралось у нихъ, чтобы помочь имъ пріобрѣсти и прожиться. Никогда, кажется, богатство не имѣло такой притягательной силы и никогда не обманывало такъ, какъ въ то время. Обогатиться было такъ легко, что всякій спѣшилъ это сдѣлать. Каждый хотѣлъ возвыситься и достигнуть того положенія, того отличія, которыхъ только что лишили прежнихъ владѣльцевъ; пріобрѣтали за безцѣнокъ драгоцѣнную мебель, а вмѣстѣ съ нею и новыя потребности. Немногія изъ этихъ легко добытыхъ состояній оказались прочными; чтó такъ легко доставалось, такъ же быстро и тратилось.

Что было непріятно въ моемъ пребываніи въ Ешеролѣ—это недостатокъ занятій. Я ровно ничего не имѣла даже для того, чтобы мочь работать для себя; никакихъ книгъ,—только изрѣдка мнѣ давали кое-что изъ отцовской библіотеки. Дни проходили для меня въ опасной праздности; я старалась какъ могла помочь этому горю, работая кое-что для крестьянокъ. Одна изъ нихъ какъ-то разъ принесла мнѣ кисейный платокъ, прося меня вышить по немъ, и этимъ указала мнѣ средство употребить съ пользою мое время; за эту работу она принесла мнѣ масла и яицъ, и я воспользовалась этимъ урокомъ. Няня моя шила чепчики и шапочки для крестьянскихъ дѣтей, и такимъ образомъ хозяйство наше обогащалось сыромъ и даже цыплятами. Разъ въ недѣлю посылали покупать говядины на немногія оставшіяся ассигнаціи изъ привезенныхъ мною; арендаторъ давалъ намъ муку, изъ которой Бабета пекла намъ хлѣбъ; а Верньеръ, вѣрный нашъ садовникъ, доставлялъ намъ овощи. Я садилась за эту скромную трапезу въ той самой кухнѣ, гдѣ еще такъ недавно собиралась за столъ многочисленная дворня отца; но я все-таки не промѣняла бы своего обѣда на тотъ, съ котораго доносились до насъ отголоски буйной веселости. У меня былъ хлѣбъ, а развѣ этого было недостаточно для той, которая не разъ бывала лишена его? [1]) Теперь меня не страшилъ болѣе го-

[1]) Въ то время, приглашая васъ на обѣдъ, вамъ безъ церемоніи говорили, чтобъ вы принесли съ собою хлѣбъ. Даже на такихъ обѣдахъ, гдѣ собиралось большое общество, бывало, что каждый гость вынималъ изъ кармана свой хлѣбъ и на столѣ оказывался, такимъ образомъ, хлѣбъ всѣхъ сортовъ. Прим. автора.

лодъ,—магическое слово, гигантскій рычагъ, которымъ всегда можно поднять массы и обыкновеннымъ послѣдствіемъ котораго являются опустошеніе и смерть. Голодъ, которымъ запугивали народъ Освобожденной Коммуны, не смѣвшей болѣе называться Ліономъ, — это страшное бѣдствіе оказывалось вездѣ, гдѣ хотѣли произвести мятежъ. Парижъ не разъ видалъ, какъ пользовались этимъ искусственнымъ голодомъ для того, чтобъ распространять тревогу среди черни, скученной въ его стѣнахъ; опьяненная собственнымъ страхомъ, эта бѣшеная толпа опрокидывалась на тѣхъ, кого хотѣли погубить. Можно было найти въ изобиліи все, въ чемъ народъ не нуждается; но хлѣба, добываемаго имъ въ потѣ лица и составляющаго его главную пищу,—его лишали, какъ только хотѣли возбудить его гнѣвъ.

Я провела нѣсколько мѣсяцевъ въ полнѣйшемъ спокойствіи и ничто не нарушило бы однообразія моей жизни, если бы вдругъ не былъ поднятъ вопросъ о насажденіи передъ нашимъ зàмкомъ дерева свободы. Нашъ арендаторъ Аликсъ увѣрялъ, что не въ состояніи болѣе противиться этому; я только и слышала кругомъ себя разговоры о приготовленіяхъ къ этой церемоніи, которая должна была привлечь сюда большое стеченіе народа. Мнѣ даже принесли показать красную шапку, назначенную для того, чтобъ увѣнчать это дерево; это было обязательнымъ украшеніемъ праздника. Няня моя, очень встревоженная этимъ планомъ, который она считала отложеннымъ въ сторону, и опасаясь, чтобъ не заставили меня присутствовать на празднествѣ, рѣшилась прежде всего выпытать у меня, кàкъ я отношусь къ этому. „Знаешь ли ты, что у насъ будетъ посажено дерево свободы?“ сказала она мнѣ. — Да, знаю, а мнѣ что за дѣло до него? — „Но вѣдь...“ — Ну, что же?—„Какъ что! а пойдешь ли ты на эту церемонію?“—Пойду ли я? Да что же бы я стала тамъ дѣлать?—„Но вѣдь это будетъ у самыхъ воротъ замка, продолжала она,—можетъ быть, того потребуютъ“—. Я не пойду.—„Захотятъ, чтобы ты присутствовала на церемоніи, чтобы ты плясала вокругъ этого дерева, однимъ словомъ, чтобы ты дѣлала то же, что они!“—Нѣтъ, я не пойду; меня могутъ силой потащить, но добровольно я не покажусь туда ни за что; я не стану ни пѣть, ни плясать, ни цѣловать этого дерева.—„Сжалься надо мною, Александрина! не возбуждай ихъ гнѣва, вѣдь ты можешь поплатиться за это жизнью“.—Я готова скорѣе лишиться жизни, чѣмъ такъ унизить себя; я не боюсь смерти“. Бѣдная няня, въ совершенномъ отчаяніи, употребила всѣ усилія, чтобы вразумить меня, но я осталась непоколебима. [1]) Она тотчасъ побѣжала къ Аликсу, чтобы сообщить ему о моемъ упорствѣ, могущемъ имѣть для меня самыя гибельныя по-

---

[1]) Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, въ надеждѣ спасти жизнь своихъ родителей, имѣли слабость принять участіе въ этихъ вакханаліяхъ и этимъ лишь сами себя погубили, не добившись помилованія, за которое онѣ такъ дорого поплатились.

Прим. автора.

слѣдствія. Потерявши всякую надежду заставить меня измѣнить мое намѣреніе, она совѣтовала ему сдѣлать все возможное, чтобъ отсрочить этотъ злосчастный праздникъ, и добилась этого; между тѣмъ какъ я, въ полномъ убѣжденіи, что праздникъ состоится, оставшись одна, обрѣзала свои чудесные волосы, чтобъ не давать этого труда палачу.

Выиграть хоть сколько нибудь времени много значило тогда. Смерть Робеспьера измѣнила, наконецъ, судьбу Франціи. Казни стали рѣже; надежда снова возродилась для нашей несчастной страны. Столько ужасовъ притомили народъ: онъ также жаждалъ отдыха. Я съ радостью узнала объ этомъ событіи, которое, какъ говорили, обѣщало возвратить намъ миръ. Какая-то смутная надежда счастья, спокойствія—явилась вмѣстѣ съ этой важною новостью, великія послѣдствія которой я еще не въ состояніи была тогда понять. Но возлѣ меня не было никого, кто бы могъ объяснить мнѣ это; а на своей собственной жизни я не ощутила никакой замѣтной перемѣны. Страхъ властвовалъ еще надъ всѣми умами; никто не смѣлъ вѣрить дѣйствительному паденію этой страшной силы. Эгоизмъ, корыстные интересы, ожиданіе, что̀ послѣдуетъ за этой катастрофой,—все это разно волновало гражданъ. Одни жалѣли о потерѣ своей доли власти, другіе еще сомнѣвались, вѣрно-ли это, что гидра сражена. Жители Ешероля принимали участіе въ общемъ волненіи и всякій старался, если можно такъ выразиться, придать событіямъ ту форму, которая соотвѣтствовала его желаніямъ или нуждамъ, по своему располагая новымъ будущимъ. Я чувствовала себя униженной и оскорбленной всѣмъ, что окружало меня; жадность мелкихъ людей выказывалась во всей наготѣ съ тѣхъ поръ, какъ терроръ, витавшій одинаково надо всѣми, ослабѣлъ.

Помню, однажды въ то время, какъ я сидѣла въ саду съ сестрой и няней, пришли арендаторы отца и растянулись на травѣ у самой лавочки, гдѣ мы помѣщались. Они продолжали начатый разговоръ о раздѣлѣ имущества эмигрантовъ—химерическая надежда, пущенная въ ходъ съ самаго начала эмиграціи для эксплуатаціи народа и которой многіе все еще грезили. Эти люди меня любили, жалѣли меня и, несмотря на это, они, нисколько не стѣсняясь, говорили при дочери своего господина: „Я буду доволенъ и тою частью, которую арендую, я не стану требовать бо̀льшаго". Мужъ моей кормилицы былъ въ числѣ ихъ.

Реакція, задавившая Робеспера, установила болѣе умѣренный порядокъ. Тюрьмы раскрылись; большая часть заключенныхъ была выпущена на свободу; всѣмъ стало легче дышать; всякому казалась, будто онъ ожилъ; этотъ переворотъ отозвался и на моей судьбѣ, которая совершенно неожиданно для меня измѣнилась.

У отца моего была двоюродная сестра, которой было, говорятъ, болѣе восьмидесяти лѣтъ; жила она въ деревенской глуши и, благодаря такому уединенію, да еще попеченію г. Бонвана, ея управляющаго, нѣсколько посвященнаго въ тайны революціи,—избѣгла ужасовъ того

времени. Своимъ спасеніемъ она была вполнѣ обязана его стараніямъ скрыть ее, такъ сказать, отъ свѣта; и каковы-бы ни были средства, которыя онъ съумѣлъ употребить въ дѣло, ему удалось спасти ее. Дѣвица Мелонъ была предана старому порядку вещей по своему положенію, состоянію и по своимъ привычкамъ; я могла бы прибавить—и по своимъ лѣтамъ. Она не ясно понимала ту эпоху, которую переживала Франція, и каждое ея слово могло бы стоить ей жизни. Она находилась въ одномъ изъ своихъ имѣній, гдѣ собиралась построить домъ, когда разразились смуты, порожденныя революціей. Бонванъ, хорошо знакомый съ необузданнымъ нравомъ дѣвицы Мелонъ, тотчасъ понялъ всю опасность, какой она могла бы подвергнуться вслѣдствіе своего характера; и онъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобъ удержать ее въ этомъ уединенномъ уголкѣ. Она согласилась выждать здѣсь возврата порядка; въ одномъ изъ выстроенныхъ зданій этой предполагаемой усадьбы на̀скоро была устроена маленькая квартирка; конюшня была превращена въ четыре комнаты, если не особенно удобныхъ, то на первое время удовлетворительныхъ, гдѣ она поселилась съ двумя служанками; остальная прислуга была разсѣяна по обширнымъ службамъ будущей усадьбы.

Пока дѣвица Мелонъ была занята этимъ устройствомъ, Революціонный Комитетъ Ньеврскаго департамента, распоряжаясь своевольно чужою собственностью, нашелъ удобнымъ занять ея домъ въ городѣ Неверѣ, и ей поневолѣ пришлось остаться въ ея имѣніи, называвшемся Омбръ. Правда, она часто поговаривала о томъ, что въ одинъ прекрасный день отправится въ городъ и палкой разгонитъ изъ своего дома всѣхъ этихъ мошенниковъ; но такъ какъ ея слова не переходили далѣе нашего порога, то этимъ мошенникамъ мало было до нихъ дѣла. Впрочемъ, г. Бонванъ, вполнѣ располагавшій частью состоянія своей госпожи, находилъ пріятнымъ для себя продлить это пользованіе и ловко успѣвалъ отводить жадные взоры республики отъ этого лакомаго куска. Такимъ образомъ, дѣвицѣ Мелонъ жилось если не очень весело, то по крайней мѣрѣ безопасно въ то время, какъ вокругъ нея все страдало или гибло. Не получая ни одной газеты, ровно никого не видя, она совсѣмъ не знала тогдашняго міра.

Случилось однажды, что въ то время, какъ она обѣдала вдвоемъ съ Бонваномъ, пришли доложить ей, что какой-то крестьянинъ желаетъ видѣть ее немедленно. M-elle Мелонъ велѣла тотчасъ его впустить. Человѣкъ этотъ по глупости, или отъ смущенія, никакъ не могъ объяснить цѣли своего посѣщенія. На многократныя просьбы яснѣе выражаться, онъ приободрился и произнесъ слѣдующія слова: „Вы знаете, что теперь всѣ равны, и я пришелъ подвергнуть васъ реквизиціи [1]).—Какъ? переспросила дѣвица Мелонъ, ничего не пони-

[1]) Во многихъ департаментахъ якобинцы принуждали такимъ образомъ богатыхъ наслѣдницъ выходить за нихъ замужъ. Прим. авт.

мавшая. „Я говорю, что такъ какъ мы теперь свободно пользуемся своими правами, то я налагаю на васъ реквизицію.—Но что же это значитъ? возразила та уже съ нетерпѣніемъ. „Это значитъ, что вы должны выйти за меня замужъ". При этихъ словахъ старуха встала, взяла палку и принялась колотить этого жениха въ новомъ вкусѣ; все это было дѣломъ одной минуты. Тотъ робко пятился назадъ, а она колотила его изо всей мочи, приговаривая: „А! ты хочешь жениться на мнѣ! хорошо же, я тебѣ задамъ свадьбу!" Растерявшійся крестьянинъ, поджимая то одну, то другую ногу, все пятился назадъ. „Гражданка, мнѣ сказали..."—Ахъ, теперь я гражданка! Подожди же, подожди-ка, вотъ тебѣ за гражданку!—Такъ этотъ олухъ и удалился со стыдомъ, какъ въ баснѣ лисица, которую изловила курица.

M-elle Мелонъ долго еще не могла успокоиться отъ гнѣва, а Бонванъ, говорятъ, смѣялся себѣ втихомолку. Странное сватовство это происходило въ самый разгаръ террора и задолго до моего пріѣзда. Такъ и осталось неяснымъ, былъ ли этотъ крестьянинъ просто тщеславный глупецъ, или онъ служилъ орудіемъ какого нибудь злого насмѣшника,—только онъ не показывался болѣе. Нѣкоторымъ молодымъ дѣвушкамъ благороднаго происхожденія не удалось такъ счастливо отдѣлаться, какъ моей тетушкѣ. По слабости, или въ надеждѣ спасти своихъ родныхъ отъ гибели, иныя соглашались на эти позорные браки и все-таки не спасли этимъ ни своихъ семействъ, ни своего имущества. Что могло быть ужаснѣе такихъ унизительныхъ узъ! Одна изъ моихъ кузинъ, прелестной наружности, которой было предъявлено подобное требованіе вступить въ бракъ, отвѣчала, что она невѣста одного солдата республиканца и что должна остаться вѣрной защитнику отечества, который въ эту самую минуту, можетъ быть, подвергаетъ свою жизнь опасности и проливаетъ за него кровь. Ея твердость вызвала одобреніе и ей предоставили свободу ожидать этого республиканскаго солдата, который существовалъ лишь въ ея воображеніи.

Я до сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ извѣстіе о моемъ печальномъ положеніи и о несчастіяхъ, постигшихъ нашу семью, дошло до m-elle Мелонъ. Она провела нѣсколько лѣтъ въ своей молодости у моей бабушки и считала себя обязанной выказыть внучкѣ свою признательность. Тронутая моимъ одиночествомъ, она рѣшилась придти мнѣ на помощь. Отъ этой-то родственницы, которая меня вовсе не знала, и которую я сама едва знала по имени,—я получила доказательство большого участія, особенно для меня драгоцѣннаго въ тѣ трудныя времена; ибо, хотя послѣ паденія Робеспьера умы нѣсколько успокоились, но всѣ должности были еще заняты прежними лицами.

Движимая великодушнымъ желаніемъ улучшить мою судьбу, m-elle Мелонъ послала Бонвана къ депутату Ноэлю, находившемуся въ это время въ командировкѣ въ Ньеврскомъ департаментѣ, чтобъ освѣдомиться у него, не разрѣшатъ ли ей, принявши во вниманіе ея пре-

клонныя лѣта, одиночество и плохое ея здоровье, вытребовать къ себѣ внучку, которая жила вдали отъ нея совсѣмъ одиноко и находилась подъ домашнимъ арестомъ. Послѣ того, какъ ему разъяснили положеніе дѣла, гражданинъ Ноэль отвѣтилъ, что моя крайняя юность дозволяла, по крайней мѣрѣ, сдѣлать попытку въ мою пользу, но что съ этой просьбой нужно обратиться въ Революціонный Комитетъ Мулена. Какъ скоро ей былъ переданъ этотъ отвѣтъ, она немедленно отправила въ Муленъ своего управляющаго, которому и поручила представить это прошеніе. По совѣщаніи Комитетъ рѣшилъ отправить къ старушкѣ мою сестру вмѣсто меня. Бонванъ объяснилъ имъ, что гражданкѣ Мелонъ болѣе восьмидесяти лѣтъ и что, нуждаясь сама въ уходѣ, она не могла взять на свое попеченіе существо, которое требовало еще гораздо болѣе заботъ, чѣмъ она сама, и не согласился на такой обмѣнъ. Цѣлые три дня прошло въ обсужденіи этого вопроса. Тутъ я въ первый разъ увидѣла Бонвана въ Ешеролѣ. Никогда не забуду, какъ я была изумлена, когда услышала, что еще есть на свѣтѣ лицо, которое принимаетъ во мнѣ участіе. Я слушала, несовсѣмъ понимая, какъ эта тетка можетъ требовать къ себѣ внучку. Такъ у меня была еще другая тетушка и она думала обо мнѣ! Надежда покинуть Ешероль придавала мнѣ необычайное оживленіе: передо мною раскрывалась новая будущность и я уже готова была считать себя счастливой. Наконецъ я покину мѣсто, гдѣ я видѣла вокругъ себя много дурнаго, гдѣ я жила вполнѣ предоставленная самой себѣ; я воображала, что другая обстановка дастъ мнѣ все, чего мнѣ тогда не доставало.

Разсказавши мнѣ про тетушку и про ея великодушныя намѣренія, Бонванъ вернулся въ Муленъ, а я вся предалась новымъ для меня впечатлѣніямъ. На четвертый день я получила разрѣшеніе, или, лучше сказать, приказъ уѣхать.

Комитетъ согласился на мое передвиженіе въ Коммуну Тэ, гдѣ я должна была жить подъ надзоромъ мѣстныхъ муниципальныхъ властей, съ тѣмъ, чтобы Бонванъ взялъ на себя доставить меня Революціонному Комитету, по первому его требованію. На этихъ условіяхъ мнѣ позволено было ѣхать.

Я была совершенно не нужна своей сестрѣ, которая меня не признавала и находила въ постоянныхъ заботахъ и нѣжныхъ попеченіяхъ няни все, что было необходимо для ея существованія. И все-таки мнѣ стало жаль покинуть ее, не смотря на блестящія, хотя и смутныя надежды, овладѣвшія мною. Въ самомъ дѣлѣ, я сама не знала, на что я надѣялась; возбужденное воображеніе мое уносилось въ пространство, наслаждаясь мечтами, имъ созданными; но все же въ этой надеждѣ на что-то новое было движеніе, была жизнь!

Одна изъ дочерей нашего арендатора проводила меня до Мулена, гдѣ мы остановились въ гостинницѣ. Аликсъ и Бонванъ ожидали меня здѣсь. Аликсъ долженъ былъ передать Бонвану вмѣстѣ со мною

ПЕРВОЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНІЕ ВЪ УСТЬЯХЪ НЕВЫ ВЪ 1703 ГОДУ.

Картина проф. Лагоріо. Гравюра А. Клосса въ Штутгартѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 мая 1882 г.
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Мнимыя видѣнія и пророчества.

ВЪ КАЖДОЙ исторической эпохѣ наблюдаются явленія, до нѣкоторой степени только ей свойственныя и замѣтно отличающія ее отъ другихъ эпохъ. Это тѣ явленія, которыя характеризуютъ собою ростъ общественной мысли: явленія эти могутъ быть очень мелкія, почти совсѣмъ ничтожныя; но изъ совокупности ихъ и изъ сопоставленія съ другими явленіями часто возникаетъ представленіе о цѣлой эпохѣ, обликъ которой какъ бы самъ собою выступаетъ среди этихъ мелкихъ деталей.

Предлагаемые здѣсь бытовые очерки, выхваченные изъ русской жизни прошлаго вѣка и сохраненные архивами, мы надѣемся, достаточно объяснятъ рядомъ повторяющихся, почти тождественныхъ явленій, какъ медленно совершался у насъ ростъ общественной мысли даже послѣ того, какъ ей данъ былъ сильный толчекъ событіями, приготовившими переходъ Россіи къ новой, такъ сказать, европейской жизни.

I.

Корнилка-пророкъ.

25-го января 1701 года, изъ преображенскаго приказа въ приказъ земскихъ дѣлъ былъ присланъ стрѣлецъ Мишка Балахнинъ, который обвинялся въ томъ, что разглашалъ о какомъ-то Корнилкѣ-пророкѣ.

Въ письменномъ извѣтѣ, поданномъ стрѣльцомъ Мишкою, значилось: „Суздальскаго уѣзду, вотчины Ивана Кулова, деревни Рогатины, дворовый человѣкъ Корнилка Ѳадѣевъ, будучи на пустоши Агапихѣ,

говорилъ многія сбывательныя вещи къ воинственному дѣлу и смертные часы: въ кое время кому умереть узнаваетъ многимъ людемъ въ предбудущіе годы, за десять лѣтъ и больше, и эти сбывательныя вѣствовательныя слова надъ многими людьми сбывались".

Что-жъ это за „сбывательныя вѣствовательныя слова?"

Давно когда-то, когда стрѣлецъ Мишка былъ въ деревнѣ Рогатинѣ и вмѣстѣ съ другими сельчанами „сѣно въ стоги ставили" на пустоши Агапихѣ, случился тутъ и Корнилка.

— Оглянись назадъ, сказалъ Корнилка Мишкѣ.

Тотъ оглянулся. На березовомъ пнѣ бѣгалъ человѣкъ „въ образѣ Корнилки". Изъ дѣла не видно—самъ ли это Корнилка очутился на березовомъ пнѣ и бѣгалъ по немъ, или это былъ только „образъ Корнилки". Но только этотъ „образъ" оказался пророкомъ.

— Азовъ будетъ взятъ въ пятницу, говорилъ этотъ пророкъ;—племянникъ твой, Мишка,—Ивашка—умретъ черезъ пять лѣтъ.

Потомъ Корнилка принесъ кисть рябины и подалъ ее Мишкѣ.

— Нà—ѣшь рябину.

Стрѣлецъ началъ ѣсть.

— Не ѣшь, Мишка, останавливалъ его бывшій тутъ же на работѣ крестьянинъ:—Корнилка положилъ въ кисть ящерицыно жало.

Какое у ящерицы жало — это вѣдомо, вѣроятно, одному только Мишкѣ.

— Какъ я съѣлъ кисть—говорилъ Мишка въ приказѣ,—стала мнѣ, Мишкѣ, быть тоска и нашелъ туманъ.

А Корнилка-пророкъ не унимался.

— Ступай въ Харьковъ жить, Мишка—говорилъ онъ;—коль будешь тамъ жить, государю царю Петру Алексѣевичу и царевичу Алексѣю Петровичу будетъ жить по 90 лѣтъ, а не пойдешь въ Харьковъ—имъ, государямъ, вѣкъ малъ будетъ.

Началось „дѣло". Еще бы!—вѣдь глупый стрѣлецъ говорилъ „государево слово". Притащили припутанныхъ къ этому дѣлу—Корнилку-пророка и другихъ свидѣтелей. Начались допросы, передопросы, очныя ставки, путешествія въ застѣнокъ, „пристрастіе" съ дыбой и кнутомъ—все какъ слѣдуетъ.

Оказалось, что бѣдному Корнилкѣ было всего двѣнадцать лѣтъ, когда онъ, по показанію стрѣльца Мишки, яко-бы пророчествовалъ о взятіи Азова, о томъ, что если болтуна Мишку пошлютъ въ Харьковъ, да еще наградятъ за его вранье, то государи будутъ жить до 90 лѣтъ, а не наградятъ Мишку — и „имъ, государямъ, вѣкъ малъ будетъ". Мнимый пророкъ, конечно, показывалъ, что онъ ничего подобнаго не говорилъ. Свидѣтели тоже не подтвердили вранья глупаго стрѣльца— и злополучный Мишка вмѣсто Харькова попалъ въ Сибирь, въ Даурскіе остроги, да еще „былъ битъ батогѝ нещадно".

Видно, что бѣдный стрѣлецъ Мишка жилъ преданіями добраго стараго времени, когда при благодушномъ царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ,

а кольми паче при „тишайшемъ“ родителѣ его, за такія пророчества мнимыхъ пророковъ за святыхъ почитали и всякимъ добромъ ублажали. Но Мишка жестоко ошибся. Извѣстно, что когда святѣйшій синодъ преподнесъ государю Петру Алексѣевичу „докладные пункты“, изъ коихъ въ пунктѣ 10-мъ вопрошалъ синодъ: „когда кто велитъ для своего интересу или суетной ради славы огласить священникамъ какое чудо (или пророчество) притворно и хитро чрезъ кликушъ, или чрезъ другое что или подобное тому прикажетъ творить суевѣріе“— то блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти его императорское величество на это собственноручно написалъ: „Наказанье и вѣчную ссылку на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей“.

Такъ-то промахнулся и стрѣлецъ Мишка съ пророкомъ Корнилкою. Корнилку отпустили, а Мишку отослали въ Даурскіе остроги „на вѣчное житье“.

II.

Огненный змій о семи главахъ.

Это было въ 1728 году.

Знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, доносилъ правительствующему синоду, что содержавшійся въ Москвѣ въ келейной конторѣ „по нѣкоторому дѣлу“ села Валдая попъ Михаилъ Іосифовъ объявилъ, что когда онъ содержался по тому же дѣлу въ новгородскомъ архіепископскомъ домѣ, при разрядѣ, въ конторѣ раскольническихъ дѣлъ подъ арестомъ, то приходилъ къ нему келейникъ Іаковъ Алексѣевъ и говорилъ ему такія слова: „что-де было нощію на небѣ видѣніе, яко бы леталъ надъ новгородскою соборною церковію змій огненный о семи главахъ, который взялся отъ Ладоги и вился-де надъ тою церковію и надъ домомъ нашимъ (Ѳеофана Прокоповича—архіепископскимъ) и надъ Юрьевымъ и надъ Клопскимъ монастырями, а потомъ полетѣлъ къ Старой Русѣ. И въ томъ-де будетъ какъ дому, такъ и монастырямъ не безъ причины; которое-де видѣніе и многіе граждане видѣли, а кто имянно — того не сказалъ“.

Само собою разумѣется, что раньше этого донесенія синоду, когда Ѳеофану Прокоповичу доложили только объ этой болтовнѣ про „огненнаго змія“, онъ тотчасъ же велѣлъ разслѣдовать — что̀ и какъ. Въ новгородскую консисторію полетѣлъ указъ: „вышеозначеннаго келейника Іакова о вышепоказанномъ видѣніи допросить обстоятельно, и если дойдетъ до тѣлеснаго розыска („тѣлесный розыскъ“—хорошо выраженіе!), то отослать къ мірскому суду, куда надлежитъ“.

Началось „дѣло“ объ огненномъ зміѣ. Взяли къ допросу и попа Михаила, и келейника Іакова. Послѣдній запирался. Онъ твердилъ, что „никогда у него, Іакова, съ нимъ, попомъ, таковыхъ рѣчей ни о

какомъ видѣніи нигдѣ не бывало, и ни отъ кого о томъ не слыхалъ, а все-де то показано имъ, попомъ, на него, Іакова, напрасно".

Взялись за попа.

— Слышалъ ты отъ него таковыя рѣчи?

— Подлинно слышалъ, токмо не въ раскольническихъ дѣлъ конторѣ.

— А гдѣ же?

— Въ луковной палатѣ, въ которой я тогда содержался подъ арестомъ.

— А для чего ты прежде не то показывалъ?

— А то я показалъ безпамятствомъ своимъ.

Свели допрашиваемыхъ на очную ставку. Бились-бились съ ними!— каждый стоитъ на своемъ: „ты сказывалъ" — „нѣтъ, не сказывалъ".

„А и съ очной ставки какъ онъ, Яковъ, такъ и объявленный попъ говорили тѣ же рѣчи и подписались въ томъ между собою вѣдаться гражданскимъ розыскомъ".

А гражданскій розыскъ—это уже пытка, застѣнокъ.

Что же это заставило попа выдумать такую небылицу о „зміѣ"? А что онъ самъ выдумалъ ее—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Онъ, какъ видно изъ дѣла, былъ подъ судомъ „по нѣкоторому дѣлу", сидѣлъ подъ арестомъ и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ. Сначала его судили въ Новгородѣ, потомъ перевели въ Москву—и опять судятъ „по тому же нѣкоторому дѣлу". И вотъ тутъ, сидя подъ арестомъ, онъ додумывается до „огненнаго змія о семи главахъ" и плететъ уже на Новгородъ: „тамъ-де мнѣ говорили о „зміѣ", когда я тамъ сидѣлъ и судился". И кто же говорилъ?—Какой-то Яковъ, „келейникъ судіи архимандрита Андроника". Въ этомъ, кажется, и вся разгадка: судилъ его, вѣроятно, этотъ самый Андроникъ... Такъ вотъ и надо насолить ему „огненнымъ зміемъ", хоть черезъ его келейника. А что̀ значитъ, что змій вился надъ новгородскимъ соборомъ, да надъ архіепископскимъ домомъ, да надъ монастырями Юрьевымъ и Клопскимъ, а потомъ полетѣлъ къ Старой Русѣ"—это-де пускай сами судьи раскусываютъ, да на усъ себѣ мотаютъ..."

И вотъ преосвященный Ааронъ, епископъ корельскій и ладожскій (недаромъ и „змій взялся отъ Ладоги), въ консисторіи котораго, въ Новгородѣ, производилось слѣдствіе о таинственномъ „зміѣ" и шли допросы попа Іосифова и обвиняемаго имъ судейскаго келейника Якова, доноситъ Ѳеофану Прокоповичу, что оба допрашиваемые уперлись на своихъ прежнихъ показаніяхъ и требуютъ „гражданскаго розыска"— а этотъ „розыскъ", конечно, зацѣпитъ и другихъ... Всѣмъ имъ думаетъ насолить попавшійся „по нѣкоторому дѣлу" злополучный попъ.

Получивъ это доношеніе епископа Аарона и новгородской консисторіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ обо всемъ доноситъ синоду, руководствуясь заключеніемъ Аарона и консисторскаго доношенія: „А понеже-де, когда оной Яковъ отошлется по силѣ того нашего прежняго опредѣленія къ гражданскому суду, тогда-де для надлежащихъ при-

томъ доказательствъ и очныхъ ставокъ востребуется, можетъ быть, и оной попъ Михаилъ. Но безъ нашего опредѣленія отсылать его, попа, въ гражданскій судъ опасны, и требуютъ на то нашей резолюціи. Того ради, симъ предложивъ вашему святѣйшеству, требую на вышеобъявленное благоразсмотрительныя отъ святѣйшаго правительствующаго синода резолюціи. Вашего святѣйшества нижайшій послушникъ, смиренный Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій".

Удалось ли однако попу Михаилу насолить „огненнымъ зміемъ", кому онъ хотѣлъ насолить,—изъ дѣла не видно.

III.

Тотемскій праведный Ной.

21-го іюля 1735 года, въ городѣ Тотьмѣ, на крыльцѣ тотемской воеводской канцеляріи сидѣлъ тотемскій — окологородской волости — крестьянинъ Степанъ Харинскій. У Степана было дѣло въ канцеляріи; а какъ нашъ мужикъ вообще недолюбливаетъ всякое приказное дѣло даже теперь,—а тогда онъ и подавно ненавидѣлъ и боялся воеводскихъ ярыжекъ,—то Степанъ и находился въ мрачномъ расположеніи духа.

Но это бы еще ничего. Только на него вдругъ нашелъ духъ пророчества.

— Сего лѣта въ Тотьмѣ будетъ моръ на людей, сказалъ онъ сидѣвшимъ тутъ же на крыльцѣ мужикамъ и канцелярскимъ сторожамъ.

— Что ты! какой моръ?

— Моръ на людей, и вымрутъ всѣ люди, и останусь я одинъ.

— Какъ же такъ? Съ чего это?

— Такъ... А въ Вологдѣ весь скотъ выпадетъ, продолжалъ тотемскій Ной.

На Ноя сейчасъ же, конечно, донесли канцелярскимъ ярыжникамъ тотемскіе Булюбаши. Воеводская канцелярія тотчасъ же донесла о глупыхъ словахъ мужика тайной канцеляріи, какъ о государственномъ преступленіи. Умны же были, значитъ, и тогда охранители!

А бѣдный Ной уже сидѣлъ подъ арестомъ.

10-го апрѣля 1736 года, почти черезъ девять мѣсяцевъ послѣ произнесенія мужикомъ глупыхъ словъ, изъ тайной канцеляріи послѣдовалъ въ тотемскую воеводскую канцелярію указъ: „пытать Степана—нѣтъ ли у него сообщниковъ, и въ какую силу онъ это говорилъ?"

„Сообщники" въ глупости и невѣжествѣ—да такимъ „сообщникомъ" была у него почти вся Россія...

Пытаютъ дурака. „Говорилъ?"—„Нѣтъ, не говорилъ". А Булюбаши настаиваютъ на своемъ: „говорилъ!".

Въ этотъ же день—10 апрѣля—бѣдный Ной и умеръ. Не сбылось его пророчество...

Сколько надо было имѣть государственнаго ума, чтобы „вчинать" дѣла о подобномъ вздорѣ и за этотъ вздоръ губить людей!..

IV.

Неудавшіяся мощи.

17-го февраля 1739 года, во дворецъ явился отставной барабанщикъ Григорій Сорокинъ и требовалъ, чтобъ его представили императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Старикъ ветхій-преветхій.

— Зачѣмъ? спрашиваютъ.

— Для объявленія ея императорскому величеству тайнаго дѣла.

Старика, конечно, берутъ и ведутъ къ доброму Андрею Ивановичу Ушакову.

— Ты кто? любезно спрашиваютъ старика.

— Былъ я прежде крестьянинъ дворцовой Тамбовской Старой волости, и въ прошломъ въ 1702 году отданъ въ рекруты и поступилъ въ кронштадтскій гварнизонъ, а потомъ барабанщикомъ въ первый морской полкъ. Тому нынѣ лѣтъ съ пять отставленъ.

— А какое такое тайное дѣло имѣешь ты объявить ея императорскому величеству?

— Когда я служилъ въ Кронштадтѣ и стоялъ на караулѣ, въ самую заутреню святой Пасхи у меня родился сынъ и во снѣ мнѣ явился Господь...

— Такъ ты, стоя на караулѣ, уснулъ?... Продолжай.

— Виноватъ, ваше сіятельство, ненарокомъ.

— Ну, что-жъ дальше?

— Ко мнѣ явился Господь и рекъ: сынъ-де твой будетъ святъ... А потомъ черезъ четыре года сынъ мой умре и погребенъ въ Кронштадтѣ при церкви Богоявленія.

— Что-жъ изъ этого?

— Изъ этого я, ваше сіятельство, полагаю, что тѣло сына моего лежитъ въ землѣ нетлѣнно... Прикажите, ваше сіятельство, вырыть его изъ земли и освидѣтельствовать.

— А какое же тайное дѣло?

— Другого тайнаго дѣла, ваше сіятельство, я не имѣю.

— Для чего же ты осмѣлился безпокоить ея императорское величество?

— Да вотъ объ сынѣ, ваше сіятельство, да попросить государыню по бѣдности моей дать мнѣ что нибудь денегъ на пропитаніе.

Этого стараго дурачка даже и не пытали: ужъ слишкомъ наивна была его просьба—открыть мощи его сына! Но умыселъ другой

тутъ былъ—и Андрей Ивановичъ сразу смекнулъ, въ чемъ дѣло. Онъ довелъ стараго лгунишку до того, что тотъ самъ сознался во лжи: никакого сна онъ не видѣлъ и объ мощахъ приплелъ только такъ, на всякій случай, чтобъ попасть во дворецъ и попросить деньженокъ на бѣдность.

Доложили государынѣ. Андрей Ивановичъ, по привычкѣ, хотѣлъ-таки, для порядка, постегать кнутикомъ стараго дурака и сослать въ каторжную работу; но императрица, принимая во вниманіе его старость, всемилостивѣйше повелѣла заточить его въ отдаленный монастырь на вѣчное житье.

V.

Непризнанный апостолъ.

25-го августа 1740 года, въ синодальную канцелярію пришелъ какой-то странникъ, въ духовномъ одѣяніи, и просилъ „допустить его до перваго въ синодѣ архіерея".

Пришлецъ назвалъ себя Алексѣемъ Аѳанасьевымъ, дьячкомъ церкви Николая чудотворца, что въ селѣ Орѣховомъ-Погостѣ, владимірскаго уѣзда, стану Ловчаго-Пути, и говорилъ, что онъ имѣетъ объявить „первому архіерею" о какой-то ереси и „нѣкія тайности".

Его ввели въ присутствіе синода.

Пришлецъ поклонился и началъ говорить... „незнаемымъ языкомъ!"

Какой это языкъ — никто не зналъ, да и самъ диковинный панглоттъ конечно не вѣдалъ, что̀ онъ болтаетъ на „незнаемомъ языкѣ", не существующемъ въ мірѣ.

Чудака стали увѣщевать, чтобъ онъ перестал молоть вздоръ и заговорилъ бы по-русски. Онъ заговорилъ по-русски—и опять какой-то вздоръ.

Полагая, конечно, что это какой нибудь сумасшедшій, его вывели изъ присутствія и посадили подъ арестъ.

Черезъ десять дней безумецъ, вѣроятно соскучившійся сидѣть подъ арестомъ, потребовалъ, чтобъ его опять представили предъ синодъ. Его привели. Онъ началъ разсказывать разныя нелѣпыя видѣнія и такія же нелѣпыя пророчества.

Его опять вывели и приказали доктору освидѣтельствовать.

Прошло болѣе мѣсяца. Докторъ, свидѣтельствовавшій чудака, медицинской канцеляріи лекарь Христіанъ Эгидій, 30-го сентября подалъ рапортъ, въ которомъ доносилъ о порученномъ ему странномъ человѣкѣ, что „при осмотрѣ-де его, помѣшательства ума у него никакого не признавается, понеже-де онъ всѣмъ корпусомъ здоровъ, къ тому же и по разговорамъ отвѣтствовалъ такъ, какъ надлежитъ быть въ состояніи ума, и ежели-де оное помѣшательство ума у него бы-

ваетъ, то подлежитъ болѣе разсмотрѣть при вседневномъ съ нимъ обхожденіи“.

Но синодъ, имѣя въ виду, что въ словахъ страннаго человѣка замѣчается „дѣло не малой важности“, отослалъ его въ тайную канцелярію. Куда-жъ больше! Вали туда всѣхъ сумасшедшихъ: тамъ все разберутъ—тамъ такіе доктора душевныхъ болѣзней, что современный Шарко передъ ними—„мальчишка и щенокъ“, какъ сказалъ бы Гоголь.

Взяли бѣднаго дьячка, поставили передъ ласковыя очи Андрея Ивановича Ушакова и генералъ-прокурора князя Никиты Юрьича Трубецкого.

— Разсказывай о своихъ видѣніяхъ, пригласилъ Андрей Ивановичъ.

— Первое видѣніе было мнѣ въ домѣ моемъ, сего году въ великой постъ, на средокрестной недѣлѣ, такимъ случаемъ: когда я молился Богу въ домѣ своемъ наединѣ, и тогда въ свѣтлицѣ, въ которой я молился, осіялъ свѣтъ и гласъ бысть мнѣ, чтобъ я объявилъ въ синодѣ, что многія есть ереси, и блудныя дѣти осквернили церковь и переходятъ отъ мѣста на мѣсто, и будетъ-де гладъ и моръ великъ и огнь великъ, и притомъ былъ я яко мертвъ... А объ ономъ о всемъ слышалъ я духомъ и сказано мнѣ то чрезъ Духа Божія и объявлено мнѣ, что станешь-де ты разными языки говорить...

— И ты говорилъ? полюбопытствовалъ Андрей Ивановичъ.

— Говорилъ... Того ради я и въ святѣйшемъ синодѣ говорилъ.

— А на какихъ языкахъ?

— Какимъ языкомъ и что̀ я говорилъ—того я и самъ не знаю.

Бѣдный! въ какое неловкое положеніе поставили его сошедшіе съ неба „незнаемые языки“.

Какъ бы то ни было, новаго апостола продолжали допрашивать.

— Второе видѣніе — объяснялъ онъ—случилось мнѣ во снѣ, мая на 6-е число сего 740 года, въ ночи, такимъ образомъ, что пресвятая Богородица, Спаситель, Николай и преподобный Сергій чудотворецъ шли пѣшіе, а передъ ними въ позлащенной колесницѣ ѣхалъ, а кто—того я не призналъ, и при томъ говорено мнѣ, чтобъ я о вышеобъявленномъ первомъ видѣніи объявилъ въ синодѣ.

Но простымъ допросомъ не ограничились. Андрея Ивановича ни видѣніями, ни пророчествами, ни даже „незнаемыми языками“ нельзя было удивить. Если-бъ Андрей Ивановичъ жилъ во время сошествія святаго Духа на апостоловъ, онъ бы и этихъ послѣднихъ непремѣнно допросилъ „съ пристрастіемъ“: что и какъ? какіе „огненные языки?“ откуда сошли? кто свидѣтель? да не было ли въ этомъ дѣлѣ сообщниковъ?

Алексѣя Аѳанасьева отправили въ застѣнокъ. Но и тамъ, когда его подняли на дыбу и допрашивали кнутомъ, онъ говорилъ, что показываетъ сущую правду. Мало того — онъ и въ застѣнкѣ пророчествовалъ.

— Въ будущее лѣто не будетъ хлѣбъ родиться, а будетъ гладъ и моръ—и о томъ мнѣ было откровеніе, твердилъ несчастный.

Сколько ни бились съ нимъ—онъ стоялъ на своемъ.

Мнимаго апостола отправили въ Тобольскъ, а оттуда въ Тару. Тамъ онъ и умеръ.

VI.

Слѣпой монахъ Михей, прорицатель взятія Константинополя русскими.

Идея взятія Константинополя едва ли не современна первымъ зачаткамъ государственнаго строя въ русской землѣ. Насколько идея эта была живучею за тысячу лѣтъ назадъ, настолько осталась она таковою и до настоящаго времени.

О взятіи Царяграда мечталъ Олегъ, вѣшая свой щитъ на воротахъ этого города. О томъ же мечтали и запорожскіе казаки, „окурившіе мушкетнымъ дымомъ" стѣны Константинополя.

Мечтали объ этомъ и въ прошломъ столѣтіи гораздо ранѣе, чѣмъ стали извѣстны міру грандіозныя мечтанія на этотъ счетъ Потемкина и Екатерины II-й.

О взятіи Константинополя мечталъ и слѣпой кирилловскій монахъ Михей, въ 1745 году.

Въ мартѣ 1745 года, изъ московской губернской канцеляріи присланъ былъ въ контору тайныхъ розыскныхъ дѣлъ нѣкій слѣпой монахъ, показавшій за собою государево „слово и дѣло". Его стали допрашивать.

— Въ мірѣ имя мнѣ было Михайло — говорилъ о себѣ слѣпой чернецъ: — а отецъ мой, Герасимъ Андреевъ, былъ Кирилова монастыря Бѣлозерскаго слуга, и въ прошлыхъ давнихъ годѣхъ умре, а я послѣ отца своего остался въ малыхъ лѣтѣхъ, и какъ отъ рожденія моего лѣтъ съ восемь лежалъ я въ постелѣ, и отъ той болѣзни ослѣпъ, и за тою моею слѣпотою, за неимѣніемъ себѣ пропитанія, въ прошломъ 1727 году, по прошенію моему, онаго Кирилова монастыря архимандритомъ Иринархомъ въ тотъ монастырь постриженъ монахомъ, и былъ въ томъ монастырѣ по нынѣшній 1745 годъ. А сего году въ генварѣ, въ послѣднихъ числѣхъ, будучи я въ томъ монастырѣ, пришедъ, того монастыря въ приказѣ монастырскаго правленія сказалъ за собою государево слово и дѣло, и въ томъ сказываніи отосланъ въ бѣлозерскую провинціальную канцелярію, а изъ той канцеляріи присланъ въ тайную канцелярію, и въ той канцеляріи показывалъ я помянутаго монастыря на намѣстника Димитрія, а въ чемъ имянно—о томъ явно въ той канцеляріи по дѣлу. И по тому моему показанію явился я виновенъ, и за ту мою вину, по опредѣленію тайной канцеляріи, для учиненія мнѣ наказанія, отосланъ

я былъ въ святѣйшій правительствующій синодъ, и въ томъ синодѣ учинено мнѣ наказанье плетьми, и, по учиненіи того наказанья, посланъ я былъ подъ началъ коломенской епархіи въ тульскій Предтечевъ монастырь. А сего марта 11-го числа, будучи въ помянутомъ Предтечевѣ монастырѣ подъ началомъ, государево слово и дѣло за собою сказывалъ я вновь. И по присылкѣ, въ коломенской воеводской канцеляріи, о томъ, что я слово и дѣло за собою знаю, по второму пункту, я показалъ для того: какъ я напредь сего имѣлся въ вышеозначенномъ Кириловѣ монастырѣ Бѣлозерскомъ монахомъ, и по обѣщанію моему читывалъ повседневныя молитвы Господу Богу и канонъ пресвятѣй Богородицѣ, а святымъ тропари и кондаки, и сталъ во отлученіи отъ того монастыря, и содержался въ номянутомъ Предтечевѣ монастырѣ въ больнишнѣй тюрьмѣ подъ началомъ, и вышеозначенныхъ повседневныхъ молитвъ не читывалъ; и тогда напала на меня великая печаль, отъ которой печали пришелъ я въ отчаяніе, и въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ—не упомню, въ ночи, привязалъ я въ имѣющихся при той больницѣ сѣняхъ къ брусу веревочную петлю и обвѣсился, и хотѣлъ удавиться. И въ то время напалъ на меня великій страхъ, и отъ того удавленія изъ той петли я незнаемо кѣмъ свобожденъ, и о томъ обрадовался и былъ въ веселіи. И потомъ на другой день, въ ночи жъ, взявъ ножъ, и хотѣлъ себя заколоть до смерти, и отъ того незнаемо же кѣмъ свобожденъ же, и ножъ у меня изъ рукъ выпалъ, и я тогда былъ дни съ три въ безпамятствѣ. И сего жъ марта 11-го числа—продолжалъ допрашиваемый,—какъ пришелъ я въ совершенный разумъ попрежнему, и того числа часу въ седьмомъ ночи, вставъ съ постели, молился Богу, и, вспомянувъ вышеозначенное прежнее свое обѣщаніе, читалъ означенныя повседневныя молитвы, и по окончаніи тѣхъ молитвъ незнаемо отчего задумался, и, облокотясь на столъ, немного заснулъ легкимъ сномъ, и въ томъ снѣ увидѣлъ свѣтъ и предъ собою стоящаго человѣка въ бѣлыхъ ризахъ, на подобіе монашескаго одѣянія, и лице его сіяющее пребезмѣрно свѣтомъ, которой говорилъ мнѣ: миръ тебѣ, рабъ Божій! и знаешь ли ты меня?—И я сказалъ, что не знаю. И тотъ человѣкъ говорилъ: моя-де обитель отъ твоего обѣщанія шестьдесятъ поприщъ, о чемъ-де ты и самъ свѣдомъ, и имя мнѣ Кирилъ, игуменъ новозерскій. И говорилъ мнѣ: чего-де ради отвергъ ты по обѣщанію своему повседневныя молитвы Спасителю Богу и пресвятѣй Богородицѣ и угодникамъ ихъ?—И я тому Кирилу сказалъ, что-де мнѣ милости отъ святыхъ не стало. И Кирилъ говорилъ: аще бы-де тебѣ милости не стало, то бы-де ты издавна зле погинулъ, а ты-де и отъ нынѣшней смерти нами-жъ сохраненъ. И отъ сего времени тебѣ заповѣдую, да ничто же не утаи у себя; однако жъ самъ дерзновенія такого не имѣешь, то повѣдай чрезъ правителей, что Богомъ вѣнчанная государыня императрица Елисавета Петровна по волѣ всемогущаго Бога, и учиненъ нашими молитвами наслѣдникъ, благо-

вѣрный государь Петръ Ѳеодоровичъ, и по волѣ Божіей, тако-жъ и нашихъ молитвъ учинена ему обрученная невѣста, благовѣрная государыня Екатерина Алексѣевна. И какъ будутъ они въ совершенномъ супружествѣ, и тогда родятъ сыны и дщеріи, и изъ нихъ единъ высокая преизыдетъ, а имя ему будетъ Петръ, и познается во всѣхъ языцѣхъ, и по волѣ всемогущаго Бога и нашими молитвами по времеціи возраста его будетъ государемъ, и возьметъ градъ, а какой имянно—не выговорилъ, его же и многіе цари желать будутъ, однако-де по волѣ всемогущаго Бога и нашими молитвами ему дастся, и въ то-де время просвѣтится церковь Софіи, то-есть премудрость Божія. И рекъ: сіе есть слово мое не ложно, и будетъ такъ, и ты, человѣче, не убойся — повѣдай о семъ.—И потомъ тотъ человѣкъ сталъ быть невидимъ. И отъ меня свѣтъ отъ очей отнялся попрежнему. И объ ономъ видѣніи я никому не разглашалъ, и объ ономъ о всемъ показываю сущую правду, въ совершенномъ умѣ и разумѣ, а не затѣвая отъ себя ложно. А окромѣ того государева слова и дѣла за мною нѣтъ и за другими ни за кѣмъ не знаю.

Казалось бы—чего же лучше!—Взятіе Константинополя, хотя въ видѣніи имя его и не названо, — но кто же не догадается, что это Константинополь съ святою Софіею?

Но Андрею Ивановичу Ушакову этого мало. Онъ большой скептикъ, и пророчествамъ несовсѣмъ довѣряетъ, какъ бы они ни были патріотичны.

И вотъ въ тайной канцеляріи разсуждаютъ такимъ образомъ:

„Хотя оной монахъ Михей въ оной конторѣ распросомъ яко бы о освобожденіи его незнаемо кѣмъ отъ удавленія и поколонія до смерти себя ножемъ и что будто бы было ему нѣкоторое во снѣ видѣніе и показывалъ; но тому его показанію вѣрить и за истину принять не можно, понеже, какъ видѣть можно, что о томъ онъ показываетъ ложно (даже стихами заговорилъ Андрей Ивановичъ), вымышленно, знатно въ такомъ разсужденіи, что тому его показанію имѣетъ быть повѣрено, и чрезъ то могъ бы онъ получить себѣ какое награжденіе,—того ради“... Бѣдный Михей! непризнанный патріотъ!..

„Того ради — заключаетъ тайная канцелярія — ко изысканію въ немъ сущей правды, снявъ съ него монашескій чинъ, привесть его въ застѣнокъ и, поднявъ на дыбу, разспросить накрѣпко—съ какого подлинно умыслу и для чего о вышесказанномъ ложно онъ показываетъ, и собою-ль то вымыслилъ, или кто о томъ ложно показывать его научилъ?“

И вотъ изъ тайной конторы посылается въ синодъ копіистъ Иванъ Ярой за іеромонахомъ, чтобъ снять съ бѣднаго Михея монашескій чинъ. Является іеромонахъ Иринархъ, „обнажаетъ“ несчастнаго Михея монашескаго чина, остригаетъ на головѣ его и на бородѣ волосы— и вмѣсто инока Михея предъ грозныхъ судей предстаетъ разстрига Михайло Герасимовъ.

Михайлу ведутъ въ застѣнокъ. Онъ не выдерживаетъ пытокъ и винится.

— Все то я показывалъ, вымысля, затѣявъ собою ложно, желая получить изъ подъ начала свободу и быть монахомъ въ Кириловѣ по прежнему.

Бѣдный! соскучился о своемъ родномъ монастырѣ, затосковалъ— и наплелъ на свою голову.

— А видѣніе?

— И видѣнія такого никогда не видалъ, и согласія, чтобъ ложно о томъ вымышлять, ни съ кѣмъ не имѣлъ, и никто меня о томъ не научалъ, и ея императорскаго величества слова и дѣла за мною нѣтъ.

Его поднимаютъ на дыбу и вновь допрашивоютъ „съ пристрастіемъ", накрѣпко.

„И съ подъему говорилъ то жъ, что и въ разспросѣ показалъ, и въ томъ утвердился".

Въ тайной канцеляріи опредѣлено: „за всѣ продерзости..." „учинить Михайлѣ жестокое наказаніе: бить кнутомъ нещадно и сослать въ дальній монастырь въ заточеніе вѣчно.

Вотъ тебѣ и взятіе Константинополя!

VII.

Спиритка XVIII-го столѣтія.

Проживавшая въ Петербургѣ маіорша Элеонора Делувизе; 13-го іюля 1747 года, явилась въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и подала генералъ-лейтенанту графу Шувалову письмо на нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ Делувизе жаловалась на мужа, что онъ 30 лѣтъ живетъ съ нею нечестиво и тирански—жалованья и содержанія никакого не даетъ, и оттого маіорша терпитъ голодъ и холодъ. Просительница умоляла, чтобъ графъ Шуваловъ испросилъ у императрицы милости—чтобъ выдавали ей половину содержанія мужа. Наконецъ, объявила, что имѣетъ еще сообщить императрицѣ тайное, важное дѣло, если только государынѣ угодно будетъ приказать ей о томъ.

Графъ Шуваловъ доложилъ Елисаветѣ Петровнѣ, и по ея приказанію маіорша 16-го іюля представила Шувалову записку на нѣмецкомъ языкѣ о „тайномъ дѣлѣ".

Записку перевели. Въ ней маіорша разсказывала о своихъ „пророческихъ сновидѣніяхъ", въ которыхъ будто бы нѣкій таинственный гласъ отдавалъ ей приказанія въ разные дни.

Вотъ эти „приказанія" въ современномъ переводѣ:

16-го апрѣля. „Слушай, Карлевена! я буду семь разъ съ тобою говорить: примѣчай, держи тайно, дабы сіе наружу не вышло. Скажи ты сама императрицѣ Елисаветѣ, которая безопасно почиваетъ: смотри

на башню сію, во опасеніи стоящую. Ежели тебѣ жизнь твоя мила, то скажи ей про все сама, что я ей говорить приказываю, или ты до 20-го числа августа не доживешь".

Въ чемъ смыслъ этихъ „приказаній"—понять невозможно. И что это за „башня, во опасеніи стоящая?"

Посмотримъ другія „приказанія":

Апрѣля въ 17 день. „И для того ты не прямо предъ сею шатающеюся башнею молишися". Я отвѣтствовала:—Ахъ, Боже! что мнѣ молиться и что молитва моя поможетъ?—„Молися ты такъ, какъ обыкла съ 1730 года за нее молиться, сіе хорошо удалося".

Апрѣля 19-го дня. „Вставай—здѣсь мученіе близко, а еще ты приказомъ моимъ медлишь!"—Я осмѣлилась спросить: кто ты—духъ благій въ благословеніи Христа? Отвѣтъ: „я—который мучитъ".

Хотя чепуха, но страшно.

Мая 28-го дня. „Учися по-русски, то много душъ избавишь. Спѣши и не молчи—время спѣшитъ".

Іюня 7-го дня. „Я тебѣ говорю—спѣши, ничего не умолчи, понеже она безопасно почиваетъ и не прямо жертву приноситъ".

Іюня 26-го дня. „Елисаветѣ еще сильно бороться надлежитъ!"—Ахъ, Боже—съ кѣмъ? Отвѣтъ: „съ сильными, съ львами, съ зміями". Ахъ, я въ страхѣ и чувствую смертное мученіе! Отвѣтъ: „для того поспѣшай, я тебѣ говорю".

Вотъ и всѣ таинственныя приказанія „духа".

Медіумъ-маіорша такъ оканчиваетъ свою записку: „Я сіе персонально изъясню лучше, если позволено будетъ".

Но ей не позволили. Удивительно еще, какъ въ застѣнокъ не повели.

На другой день графъ Шуваловъ вынесъ спириткѣ такую резолюцію: императрица приказала сновидѣнію маіорши не вѣрить и чтобъ она впредь никакимъ своимъ сновидѣніямъ не увѣрялась и объ ономъ сновидѣніи никому не разглашала".

Счастливая маіорша! А попалась бы въ руки Андрею Ивановичу—не то бы было.

VIII.

Проворовавшійся пророкъ.

Дворовый человѣкъ московскаго помѣщика Сахарова, Ѳедоръ Васильевъ, покравши господскія деньги, бѣжалъ изъ Москвы. Его поймали и привели въ полиціймейстерскую канцелярію къ допросу. Ѳедька, струсивъ розогъ, объявилъ за собою „государево слово и дѣло.

Его свели въ тайную контору.

— Какое за тобой государево слово и дѣло?

— О томъ я скажу только самой великой государынѣ, а въ тайной конторѣ не объявлю.

Ему сказали, что императрицѣ онъ не будетъ представленъ, и если „слово и дѣло" не объявитъ, то будетъ пытанъ.

Нечего было дѣлать—пришлось пророчествовать.

— Въ прошломъ 1754 году, послѣ Петрова дня спустя дней шесть, а подлинно сказать не упомню, какъ я былъ въ московскомъ господина своего домѣ, которой имѣется за Москвою-рѣкою въ приходѣ церкви Козмы и Даміана, что называется въ Кадашевѣ,—и въ ночи спалъ на сушилѣ, и тогда видѣлся мнѣ во снѣ образъ Печерской Пресвятой Богородицы, которой имѣется за Успенскимъ большимъ соборомъ, въ углу, близъ Грановитой палаты,—и при немъ стоятъ два святителя въ образѣхъ человѣческихъ—Петръ и Алексѣй, митрополиты московскіе и вся Россіи, и просили у помянутаго образа Пресвятой Богоматери такими рѣчьми: „о! мать пресвятая Богородица! просимъ у тебя о наслѣдникѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ, чтобъ ему всероссійскій престолъ всемилостивѣйшая государыня изволила вручить". И того же часу отъ того образа былъ гласъ такой: „чадо Ѳеодоре! пойди, повѣждь всемилостивѣйшей государынѣ, чтобъ изволила наслѣднику своему Петру Ѳеодоровичу вручить всероссійскій престолъ". А послѣ того гласа оной образъ и преждереченные святители стали быть невидимы, а я вскорѣ послѣ того проснулся и оное сновидѣніе содержалъ въ себѣ секретно.

Надо было столѣтіями воспитывать народъ въ наглой лжи, чтобъ онъ дошелъ до такого невозмутимаго нахальства и выдумывалъ такіе нелѣпые сны. Коли всѣ выдумываютъ, такъ отчего жъ и Ѳедькѣ не выдумать чудо!

И Ѳедька продолжалъ плести:

— Послѣ того, въ разные мѣсяцà и числа, четыре раза я видѣлъ тотъ же самый сонъ и слышалъ тотъ же гласъ. Наконецъ, 14-го декабря, снова во снѣ образъ и святители явились мнѣ и отъ образа былъ гласъ: „чадо Ѳеодоре! что же я тебя многократно посылала до всемилостивѣйшей государыни,—что ты не объявляешь, о чемъ я приказывала (то-то хорошъ посредникъ между Богородицей и императрицей!), чтобъ на всероссійскій престолъ учинила всемилостивѣйшая государыня наслѣдника своего Петра Ѳеодоровича! Аще сего ты не повѣдаешь всемилостивѣйшей государынѣ, то узриши смерть свою вскорѣ". И потомъ оной образъ и святители стали невидимы, а я проснулся и началъ думать—какимъ образомъ объ этомъ сновидѣніи донести самой ея императорскому величеству?

И онъ надумался: лучше всего украсть деньги!

— Черезъ три дня—продолжалъ плести Ѳедька—помѣщикъ мой прислалъ изъ вотчины своей, Ефремовскаго уѣзда, изъ села Рождественскаго, обозъ съ хлѣбомъ и писалъ ко мнѣ, чтобъ я продалъ этотъ хлѣбъ. Я и продалъ его на 85 рублей. Изъ этихъ денегъ на

20 рублей купилъ сукна для помѣщика, а остальные отдалъ въ-займы одному своему знакомому крестьянину, торговавшему квасомъ у Ивановской колокольни, съ тою цѣлью, что когда помѣщику я объ этомъ скажу, то онъ не повѣритъ и станетъ меня сѣчь, и тогда для доносу о своемъ сновидѣніи я и скажу за собою слово и дѣло.

— А для чего ты побѣгъ учинилъ изъ Москвы?

— Побѣгу я не чинилъ, а ходилъ передъ Рождествомъ Христовымъ въ деревню къ крестьянину, которому далъ деньги, и когда возвратился въ Москву, то зять моего помѣщика, поручикъ Гурьевъ, сковалъ меня и представилъ 18-го генваря сего 55 года въ полицію, гдѣ я и сказалъ для доносу о сновидѣніи слово и дѣло.

Московская тайная контора, разумѣется, стала пытать этого пророка. Пытали три раза; но Ѳедька все стоялъ на своемъ: послала-де сама Богородица!

Пророка отправили въ Петербургъ—въ тайную канцелярію.

Здѣсь уже не вытерпѣлъ Ѳедька—во всемъ сознался.

— Никакихъ такихъ сновидѣній я не видалъ, а когда меня привели въ полицію, то, желая избавиться истязаній за побѣгъ и растрату денегъ, объявилъ ложно „слово и дѣло".

Ѳедьку сослали въ Соловецкій монастырь.

IX.

Галлюцинатъ.

Въ томъ же 1755 году, 24-го августа, явился въ тайную канцелярію ревизіонъ-конторы копіистъ Григорій Корольковъ и подалъ въ запечатанномъ пакетѣ прошеніе.

Прошеніе было такое странное, что даже тайная канцелярія подобныхъ не читывала.

Вотъ его содержаніе:

„Въ прошломъ 1748 году, по грѣхамъ моимъ, божіимъ попущеніемъ, по Пасцѣ, въ недѣлю св. апостола Ѳомы, со вторника на среду, нижѐ имѣя я какова въ себѣ пьянства, въ ночи съ вечера мало забывшись, сдѣлался не малой шумъ, страшные разговоры въ обоихъ горницахъ, живучи тогда мнѣ въ домѣ у с.-петербургскаго купца Ивана Овчинникова, въ Большой Никольской улицѣ, и испужася весьма, и отъ того часа учинился безъ ума, отъ чего прикоснулось множественное число демоновъ и дьяволовъ и притомъ съ ними древній треклятый змій Сатана персонально, на подобіе какъ въ церкви Воскресенія Христова, что въ кадетскомъ корпусѣ, подъ архангеломъ Михаиломъ (нижѐ имѣю я за собою какого еретичества, такожъ и ни о какихъ непотребныхъ книгахъ не слыхивалъ), и мучатъ всяко.

„И по не маломъ времени вселися въ меня духъ ихъ, и такое вселеніе бываетъ, что иногда и дохнуть невозможно, и отъ того какъ въ головѣ, въ грудяхъ, на сердцѣ, животѣ, въ бокахъ, въ лицѣ и на лицѣ, въ ушахъ и за спиною, такожъ передо мною и за мною, и во всемъ, да и кромѣ гдѣ ни бываю, при людяхъ, демоны говорятъ всякую непотребность, и при всякомъ дѣлѣ день и нощь не даютъ покоя, и навыкши говорятъ персонально моимъ и разными голосами, не токмо у меня, но и у людей, и не даютъ мнѣ слова молвить, но впредь говорятъ и нижѐ на людей и ни на что взглянуть не даютъ, а нижѐ въ церкви и нигдѣ покоя не имѣю, и напущаютъ дрожь, колотье необычное, и всякую скорбь съ насмѣшествомъ всякимъ и подъ видомъ лукавствія, и уже изнемогше, меня какъ сами и сильно разиня ротъ мой, со всѣми лаютъ на Бога, архангелъ и ангелъ и святыхъ его и ругаютъ всяко неподобно, и на ея императорское величество, чего ни отъ начала свѣта не слыхано, и что налаютъ, такожъ и что надъ людьми гдѣ дѣлается, иногда же и людей пужаютъ, говорятъ на меня, яко бы я велю, чего ни мало слышать не хотѣлъ, и на носящій на мнѣ крестъ плюютъ персонально, и съ меня срываютъ, и колютъ глаза, и бьютъ всяко, и уже въ себѣ ни малой власти не имѣю, на что уже, видя меня погибающа, надъ спящимъ мною и ангелъ Господень яко человѣкъ плакалъ неутѣшно, и гдѣ сижу бываетъ, за мною отъ боренія ихъ, уповаю что со архангеломъ Божіимъ, немалая зыбь землѣ и трясеніе персонально, и тѣ треклятыя бубны обращаются въ святые ангелы и поютъ аминь и аллилуя и стихи божественные, яко же и люди, и нижѐ отъ пѣтуховъ пѣтья и отъ ладону выходу изъ горницы имѣютъ, но и въ святую церковь входятъ и какъ видно приведеніе ихъ въ первое достоинство, и притомъ называютъ Антихристомъ, и хотятъ больныхъ исцѣлять и мертвыхъ воскрешать мною и на имя мое, чего чрезъ ихъ во мнѣ насильство опасаюсь тому и вправду быти, понеже уже всяко претворяютъ и дѣлаютъ, пахнетъ и ладономъ, и называютъ же святымъ, чего ни мало къ святости не слѣдуетъ; и искалъ себя всяко умертвить, такожъ и объ ономъ о всемъ донести, но токмо насиліемъ ихъ не допущенъ; сверхъ же того имѣю мать мнѣ родную, вѣнчанную первую жену и родныхъ пятерыхъ человѣкъ живыхъ дѣтей, которыя лѣтами: дочери 15, сыну 12, дочери же 9, сыну 4; дочь же по второму году, изъ которыхъ дочь и сынъ божественному чтенію и писать научены, дочь же часословъ доучиваетъ; но и всегда желалъ и желаю божественному ученію, но, но насильству вышеписанныхъ треклятыхъ бубновъ или сатанинскихъ денщиковъ, тѣхъ моихъ, какъ жену, такъ и дѣтей бьютъ, разъярясь изъ-за меня персонально мнѣ, иногда и до крови, а имъ не видно, къ тому же и наиболѣе происходитъ насиліе и мученіе.

„И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое доношеніе въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ

дѣлъ принять и для Пресвятыя Троицы и Пресвятыя Казанскія Богоматери, архангелъ и всѣхъ святыхъ, отъ вышеписанной погибели меня помиловать и отъ насильствъ и страстей душу мою свободить, а скверное мое тѣло, яко невольное, хотя либо какъ и мертво будетъ, но по страсти цѣла не пустить, но анатомить и въ пепелъ сварить... Но къ тому уже болѣе прошу отъ меня не требовать, понеже суще не самъ говорю; а отецъ мой былъ христіанинъ и человѣкъ безграмотный, который служилъ при прежнихъ государяхъ истопникомъ, Михайло Степановъ сынъ Корольковъ, которой въ Москвѣ волею божіею умре и погребенъ, а я оставленъ въ малыхъ лѣтахъ и обученъ читать и писать матерью своею, которою и опредѣленъ къ дѣламъ въ ревизіонъ-коллегію въ 1735 году.

„Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ доношеніи милостивое рѣшеніе учинить. Августа дня 1755 г. Къ поданію надлежитъ въ канцелярію тайныхъ розъискныхъ дѣлъ.

„Доношеніе писалъ я, Григорій Корольковъ, и руку приложилъ".

Вѣдь это ужасное состояніе! Этотъ уже не лгалъ, не выдумывалъ: само прошеніе говоритъ за себя. Вѣроятно жестоки были нравственныя и физическія страданія человѣка, когда самъ проситъ анатомировать себя живого или мертваго и тѣло превратить въ пепелъ.

На прошеніи имѣется помѣтка: „Подано августа 24 го дня 1755 года. Записать въ книгу, а подателя отдать подъ особливой караулъ и доложить".

Что было дальше съ несчастнымъ—неизвѣстно; неужели и его пытали?—Вѣроятно: это было въ порядкѣ вещей—это былъ законъ...

О дальнѣйшей судьбѣ страдальца въ дѣлѣ есть только одинъ слѣдъ—это рапортъ дежурнаго по караулу подпоручика князя Ивана Трубецкого—о томъ, что „колодникъ Григорій Корольковъ, сего сентября 29-го 1755 года, пополудни въ 11-мъ часу скоропостижно волею Божіею умре".

X.

Лгунъ себѣ-на-умѣ.

16-го іюня 1759 года, Алаторской провинціи, дворцоваго села Новотроицкаго, Ардатово тожъ, слѣпой крестьянинъ Василій Думновъ, явившись къ управляющему, объявилъ за собою „великое и тайное слово Божіе и государево".

Василія тотчасъ же отправили въ Москву, въ тайную контору. Съ привезеннаго стали снимать допросъ.

„Отъ роду мнѣ лѣтъ съ тридцать, а ослѣпъ я будучи четырехъ лѣтъ. Въ прошломъ 1758 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, на день праздника Иліи пророка, въ ночи, въ бытность мою въ селѣ Новотроицкомъ,

пошелъ я въ церковь Николая чудотворца и, стоя на паперти, молился Богу долгое время одинъ, и во время того моленья былъ мнѣ изъ той церкви яко бы человѣческій гласъ: „человѣче! подвизайся въ крѣпости твоей ко Господу, велій гнѣвъ Божій изліянъ на землю вашу за многое прегрѣшеніе человѣческое, многіе человѣцы имутъ кровію пострадати и въ тѣхъ своихъ страданіяхъ вѣнцы отъ Господа мученически примутъ; но да сохранитъ Господь грады ваши, избранные ради рабы его Божіей и за благое и избранное дѣло". И я, устрашась того гласа, отъ той церкви пошелъ въ свой домъ и, пришедъ, въ домѣ своемъ тою же ночью, и послѣ того приходя къ той церкви неоднократно, молился и просилъ у Господа Бога, чтобъ явилъ мнѣ Господь такую рабу Божію и благое избранное ею дѣло, токмо такого гласу съ того времени не было. И какъ въ томъ же 758 году, на день праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, въ ночи, пришелъ я для моленія къ той же церкви и, стоя на паперти, молился Богу одинъ и молилъ, просилъ же у Господа Бога, чтобъ мнѣ Господь показалъ рабу Божію и благое избранное ею дѣло. И тогда былъ мнѣ изъ той же церкви яко человѣческій гласъ, говоренный тако: „человѣче! услыша Господь Богъ труды твои и молитвы. Послушай гласа Божія: раба Божія, избранная Богомъ, царствуетъ надъ вами (ну, конечно—кому же больше быть!); благое избранное ею дѣло—многія души она въ державѣ своей приведе ко Господу, крестила ихъ святымъ крещеніемъ, сотвориша ихъ познати единаго истиннаго Бога, сотворившаго небо и землю, и еще она въ державѣ своей имать много таковыхъ не крестившихся и не знающихъ истиннаго Бога привесть; подобаетъ бо и тѣмъ тако пріяти св. крещеніе и познати единаго Бога, и за сіе благое и избранное дѣло покоритъ ей Господь Богъ вся враги, мыслящіи на ню злая, уподобитъ ее Господь Богъ избранному Владиміру, пріявша святое крещеніе нареченному Василію, той многія души приведе ко Господу. И ты, человѣче, пойди до рабы Божіей, избранной Богомъ надъ вами царствовать, повѣдай предъ ней реченная гласомъ Божіимъ, и не убойся! Богу тако изволыпу!"

Каковъ слѣпой ораторъ! И какъ долго гласъ разговаривалъ съ нимъ и все коверканнымъ церковно-славянскимъ языкомъ...

— Только я—закончилъ свое показаніе лгунъ себѣ-на-умѣ—о томъ (т. е. о томъ, что онъ сочинилъ) никогда нигдѣ никому не разглашалъ и самъ я о томъ показывать ни для чего не вымышлялъ (конечно!) и никто меня объ ономъ показывать не научалъ и согласія въ томъ ни съ кѣмъ я не имѣлъ.

Но тайная контора не повѣрила „гласамъ". Она вывела на справку уже приведенные нами выше вопросные пункты или докладные пункты синода, на которыхъ, противъ пункта 10-го, Петръ I, вообще не вѣрившій „гласамъ", видѣніямъ и чудесамъ, собственноручно написалъ, что тому, кто будетъ распускать слухи о чудесахъ и видѣ-

ніяхъ, слѣдуетъ назначать—„наказанье и вѣчную ссылку на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей".

Но лгунъ себѣ-на-умѣ зналъ, что̀ онъ дѣлаетъ: онъ все это продѣлывалъ яко бы во славу императрицы, въ томъ убѣжденіи, что за лесть, какъ бы она груба и нахальна ни была, ноздрей не вырѣзываютъ.

Тайная контора, въ виду этой лести, такъ разсудила:

„Хотя вышеписанной Думновъ яко бы о бывшемъ ему нѣкоторомъ гласѣ и показываетъ, но того за справедливость почесть не можно, а по обстоятельству дѣла видно, что онъ показываетъ вымыслъ отъ себя ложно, желая только получить себѣ какое-либо награжденіе, или ради одной суетной своей славы, и хотя же оному Думнову за то его вымышленное показаніе, по силѣ именнаго блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти его императорскаго величества Петра Великаго на докладные отъ святѣйшаго правительствующаго синода пункты указа, наказанье кнутомъ и ссылку учинить бы и надлежало; но понеже въ томъ его показаніи высочайшей ея императорскаго величества персонѣ и чести никакого оскорбленія не имѣется, къ тому же и глазами ничего онъ не видитъ и за тѣмъ никакой каторжной работы понести не можетъ, и того ради, а на̀че для многолѣтняго ея императорскаго величества и высочайшей ея императорскаго величества фамиліи здравія, разсуждается: отъ того наказанія и ссылки учинить его свободна, а дабы впредь такихъ ложно вымышленныхъ и притворныхъ показаній, а паче и въ народѣ разглашенія происходить отъ него не могло, разсуждается—по сношенію изъ тайной конторы святѣйшаго правительствующаго синода съ конторою, къ неисходному до кончины живота его пребыванію послать его безъ наказанія въ монастырь, въ каковой та синодская контора заблагоразсудитъ, и въ томъ монастырѣ велѣть содержать его до кончины живота его неисходна, а пищу давать ему противъ обрѣтающихся въ томъ монастырѣ работныхъ людей".

Такимъ образомъ, лгунъ себѣ-на-умѣ нашелъ и пріютъ, и обезпеченное содержаніе; между тѣмъ какъ слѣпого же монаха Михея, проповѣдывавшаго о взятіи Константинополя, и многократно пытали, и били кнутомъ нещадно, и все-таки сослали. А все потому, что Михай не въ тотъ огородъ кидалъ льстивые камушки, куда слѣдовало.

XI.

Пророкъ спьяна.

15-го мая 1792 года, во дворецъ великаго князя Павла Петровича пришелъ тверской мѣщанинъ Гаврило Калининъ и просилъ, чтобъ его допустили къ его высочеству.

Вмѣсто того, чтобъ представить Калинина великому князю, оберъ-полицiймейстеръ Рылѣевъ велѣлъ свести его на гауптвахту, а потомъ доставилъ въ тайную канцелярiю, гдѣ уже вмѣсто Андрея Ивановича Ушакова исповѣдывалъ всякихъ пророковъ не менѣе любезный Степанъ Ивановичъ Шешковскiй.

Шешковскiй спросилъ Калинина о причинахъ, побудившихъ его искать великаго князя.

— Въ Твери приснилось мнѣ во снѣ—показывалъ Калининъ,— что пришелъ ко мнѣ старикъ и говоритъ: ходи въ монастырь къ Арсенiю Божiю угоднику, и ты будешь въ жизни доволенъ. Почему я недѣль съ шесть въ церковь и ходилъ. Послѣ того взяли меня на съѣзжую, а изъ оной отослали въ смирительный домъ, гдѣ я пробылъ недѣли съ двѣ. А какъ оттуда меня освободили, и я, пришедъ домой, легъ спать, то надо мною вдругъ возсiяла свѣча, и услышалъ я гласъ такой: „ступай къ великому князю“. Однако жъ послѣ думалъ— куда бы мнѣ идти?—и пошелъ, то и на дорогѣ тотъ гласъ твердилъ: „ступай къ великому князю, и что онъ тебѣ прикажетъ, то и дѣлай, а притомъ скажи и сiи слова: какъ вы батюшка поминаете—за упокой или за здравiе? Ежели за упокой—то за упокой пожалуйте меня, а ежели за здравiе—то за здравiе пожалуйте меня. Когда же ты сiи слова выговоришь, то съ тобою опредѣленiе будетъ“. И я по сему гласу пришелъ во дворецъ и намѣренъ былъ его высочеству сказать, и буде бы его высочество мнѣ приказалъ идти въ солдаты, то бъ я и пошелъ въ солдаты, ибо я и въ Твери просился, чтобъ меня отдать въ солдаты. И потомъ были мнѣ разныя привидѣнiя, и сдѣлалась около меня тьма, и во тьмѣ былъ гласъ: „брось деньги!“—коихъ у меня было полтора рубля, почему я ихъ и бросилъ, послѣ чего сдѣлался свѣтъ и какъ бы свѣча предо мною возсiяла.

Ясно, что человѣкъ допился до чортиковъ и ему стали слышаться всякiе „гласы“ и свѣчи передъ нимъ возсiяли.

Но Шешковскiй навелъ справки о любопытномъ субъектѣ, писалъ объ немъ въ Тверь, и получилъ оттуда отъ Архарова свѣдѣнiя, какiя и можно было ожидать.

Архаровъ писалъ, что этотъ Калининъ въ Твери все „пьянствовалъ и въ пьянствѣ дрался съ женою, а посему и взятъ былъ подъ стражу и посаженъ былъ для вытрезвленiя въ городовую больницу, и послѣ сего выпущенъ“.

Вотъ тутъ-то и напало на него пророчество.

„Впрочемъ — прибавлялъ Архаровъ—онъ жизни порядочной, но только клеплетъ на себя, что онъ умѣетъ садовому ремеслу, ибо хотя и нанятъ былъ однимъ дворяниномъ въ садовники, но, будучи у него, всѣ деревья испортилъ“.

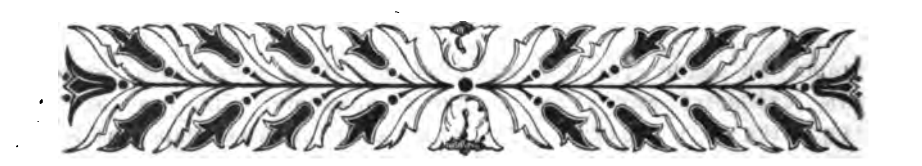
На основанiи всего этого въ тайной канцелярiи опредѣлено было: „Оной Калининъ за дерзкой во дворецъ приходъ и что онъ лгалъ о бывшемъ яко бы ему голосѣ—достоинъ наказанiя; но какъ изъ

исторіи его видно, что онъ испиваетъ довольно, а отъ сего, можетъ быть, сдѣлалось ему такое пустое воображеніе, а къ тому же онъ содержится подъ стражею здѣсь, гдѣ уже по многимъ спросамъ говоритъ, что никакого гласа и явленій нѣтъ, слѣдовательно показанные гласы были ему по причинѣ пьянства его, и сего ради, вмѣня ему въ наказаніе содержаніе подъ стражею, отъ онаго избавить, а чтобъ здѣсь онъ не шатался, то отослать его къ генералу-поручику Архарову съ тѣмъ, чтобъ впредь его изъ Тверской губерніи не отпускать, а также приказать, кому должно, и отъ пьянства его удерживать".

Этотъ отдѣлался счастливѣе всѣхъ, и конечно потому, что это было при Екатеринѣ, которая въ принципѣ пытки не оправдывала, хотя на дѣлѣ „пристрастіе" при допросахъ практиковалось еще очень долго даже въ нашемъ столѣтіи.

Изъ всѣхъ этихъ бѣглыхъ очерковъ можно видѣть, до какой степени въ XVIII вѣкѣ, послѣ Петра, упалъ кредитъ во всякія чудеса, курсъ которыхъ стоялъ очень высоко въ до-Петровской Руси, и какъ долго однако держались въ народѣ грубѣйшія суевѣрія, посѣянныя за тысячу лѣтъ назадъ и доселѣ еще не исчезнувшія.

Д. Мордовцевъ.



ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

Декабря 9-го, воскресенье.

За глупою перепиской чего — совѣщусь даже сказать, — я совсѣмъ было упустилъ случай видѣться съ Варенькою. Не знаю ужъ по какому вдохновенію я рѣшился повернуть въ Братскій. Вхожу и... у, да какой же я оселъ! Варенька была въ церкви, а я сидѣлъ дома чортъ знаетъ зачѣмъ. Я готовъ былъ посадить себя подъ строжайшій арестъ за такое упущеніе по службѣ, — но сжалился, тѣмъ болѣе, что сама Варенька взяла мою сторону. „Что вы мнѣ скажете новаго?— говорила она, выходя со мною изъ церкви, и въ этомъ, повидимому, обыкновенномъ вопросѣ было такъ много смысла, что я не могъ вдругъ отвѣчать на него. Новаго-то собственно ничего нѣтъ; но у насъ теперь старое одѣвается въ новую кожу, и сдернуть ее съ этого нарумяненнаго и позолоченнаго истукана — вотъ въ чемъ мои хлопоты, моя забота. Удадутся ли они — одинъ Богъ знаетъ; но безъ помощи самой Вареньки — я очень хорошо знаю — не бывать ничему.

„Однако жъ, я заходилъ въ домъ Балабухъ. Горячее, крѣпкое пожатіе руки—вотъ все, чѣмъ подарила меня Варенька. Говорить намъ было нельзя. Марья Ѳедоровна стала въ рѣшительной противъ насъ позиціи. Замѣтивъ, что мой визитъ походитъ на старинный визитъ незванаго татарина, я откланялся, холодно поцѣловавъ принужденно протянутую мнѣ руку Марьи Ѳедоровны. Съ корридора я могъ видѣть грустный взоръ, которымъ провожала меня Варенька.

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VIII, стр. 270.

„Сабинъ потащилъ меня къ Лычковымъ. Съ перваго разу по двусмысленнымъ улыбкамъ и переглядываніямъ я замѣтилъ, что тутъ что-то не просто, и что Лычковы имѣютъ какую-то особенную новость, важную и интересную для меня. Наконецъ, дѣло объяснилось и изъ ожидаемой мною новости вышла порядочная старость.

— Слышали вы, говорила Александрина,—Аристарховъ сюда ѣдетъ?

— Слышалъ, отвѣчалъ я покойно.

— А знаете, что онъ торопится поскорѣе сыграть свадьбу?

— Знаю и это.

— А это знаете, что Николай Семеновичъ откладываетъ свадьбу до пасхи?

— Вотъ этого ужъ не знаю,—сказалъ я, а между тѣмъ думалъ: дай Богъ, намъ нужно время, и если я выиграю его, то вся армія Балабухъ и Аристарховыхъ непремѣнно будетъ разбита. Чортъ возьми! Какъ вѣрны прозорливыя предсказанія моего Платона! Я самъ письмомъ моимъ поставилъ на карту самую драгоцѣнную вещь въ настоящемъ порядкѣ дѣла—время, время. Если эта карта будетъ убита, то банкъ съ-оника сорванъ!..

— Что жъ вы сегодня не въ траурѣ?—спросила меня потихоньку Людмила.

— Это зачѣмъ?

— Какъ же? А Варенька-то? Вѣдь она ужъ не ваша.

— Еще увидимъ. Она для меня еще не умерла; съ ней только кризисъ, переломъ, — а по живому, хоть и умирающему, траура не надѣваютъ. Притомъ, Людмила Семеновна, горе мое глубоко, тоска на днѣ души — и я, какъ юноша, не пущусь въ ахи и охи... Не жалѣйте обо мнѣ, жалѣйте о Варенькѣ; ее вѣдь живую кладутъ въ могилу.

„И я показалъ горькую долю, какая ожидаетъ Вареньку, если она останется такою же, какою мы всѣ ее теперь знаемъ, и какою знаю въ особенности я.

Декабря 12-го, среда.

„Проводилъ я, наконецъ, моего добраго благодѣтеля, ненаглядкаго Дмитрія Гавриловича, и Сержъ мой тоже оставилъ меня—и я теперь круглый сирота. Если бъ и если бъ—то я бы самъ непремѣнно уѣхалъ въ Питеръ,—но какъ оставить тутъ горячо закипѣвшее дѣло? Знаю, что и присутствіе мое не въ силахъ дать благопріятнѣйшаго оборота моимъ обстоятельствамъ,—а все какъ-то покойнѣе, когда до конца сраженія останешься на полѣ. Что-то будетъ, что-то будетъ?

Декабря 13-го, четвергъ.

„Друзья мои! Я сейчасъ изъ театра; я хохоталъ тамъ; но только одному Богу извѣстно, что̀ дѣлалось въ душѣ моей. Да, теперь, кажется, ужъ все кончено. Аристарховъ пріѣхалъ, Варенька уступила, и я—осмѣянъ, я въ дуракахъ. О, если не презрѣнная любовь, то жестоко задѣтое самолюбіе должно взбѣсить меня до послѣдней степени! Впрочемъ, чего жъ тутъ удивляться? И съ чего я взялъ, чтобъ дѣвушка, предъ глазами которой вертятъ алмазную игрушку, не зазѣвалась и не потянулась за нею? Откуда я взялъ вѣру въ постоянство юной любви? Экой я оселъ!

— Что жъ? вы видѣли Аристархова,—спрашивалъ я Чернова, съ трудомъ скрывая жестокое волненіе въ себѣ.

— Видѣлъ,—прилизанный, примазанный, раздушеный.

— А Варвару Николаевну?

— И ее видѣлъ.

— Что жъ она?

— Ничего. Я не могъ не подивиться тому, ка̀къ она ведетъ себя,—точно какъ будто прежде ничего между нею и вами не было. Надобно ужъ рѣшительно отказаться отъ своей воли въ угоду родителямъ, чтобъ идти противъ собственныхъ чувствъ, противъ...

— Не договаривайте, Григорій Семеновичъ...

— Это правда, говорилъ онъ смѣясь,—всего этого надо было ожидать.

„И смѣхъ его сосалъ мое сердце. А онъ безбожно продолжалъ терзать и мучить меня.

„Братцы мои! Мнѣ духъ стѣснило,—охъ, тошно мнѣ! Что будетъ со мною? Жду, страшно нетерпѣливо жду свиданія съ Варенькою—послѣдняго свиданія!

Декабря 15-го, суббота.

„Да, друзья мои,—вотъ такъ-то! Плохо нашему брату съ сѣдиной въ головѣ приниматься опять за старую пѣсню, которую такъ мастерски поетъ лелѣемая небомъ молодость. Поневолѣ приходитъ мнѣ теперь въ голову то, что̀ когда-то я написалъ Варварѣ Николаевнѣ,—слышите ли, я уже зову ее не Варенькою, а Варварою Николаевною. Да, такъ надо,—Вареньки теперь уже нѣтъ, осталась Варвара Николаевна, которая сама спѣшитъ прибавить къ своему титулу бумажную фамилію Аристарховой. Посмѣйтесь, говорилъ я ей нѣкогда...

. . . .

Посмѣйтесь, онъ того вѣдь сто̀итъ!
Его напрасно безпокоитъ,
Напрасно такъ волнуетъ кровь
Не кстати пылкая любовь...

„Вотъ и напророчилъ я себѣ. Точно, она мнѣ посмѣялась такъ, какъ смѣется палачъ надъ своей жертвой, какъ, вѣроятно, смѣялся сатана, когда видѣлъ праотцевъ нашихъ, выгоняемыхъ изъ рая. Мало этого,—она продала меня, какъ Іуда, за золото; продала то, чего не купитъ она уже за всѣ блага ея міра. Богъ ей судья! Не произнесутъ уста мои и заслуженнаго ею проклятія за то, что она разбила въ прахъ всѣ лучшія желанія моей души. Какъ Везувій, я скрою лаву страсти подъ ледяною корою мнимой холодности,—и не покажу людямъ моего окровавленнаго сердца....

„Промежутка между вчерашнимъ и нынѣшнимъ днемъ у меня не было. Вчера поѣхалъ я часовъ въ шесть къ Лычковымъ, а сегодня воротился отъ нихъ часу въ четвертомъ утра. До преферанса я, сказать правду, игралъ преглупую роль мокрой курицы. Это двусмысленное сожалѣніе дѣвицъ, этотъ пытливый дозоръ мужчинъ, которые какъ будто хотѣли взглянуть въ глубь души моей, наконецъ—неудачно принимаемая мною маска веселости,—все это пытало и мучило меня. Противъ воли моей я былъ молчаливъ и грустенъ; отъ сильнаго внутренняго волненія я даже потерялъ голосъ и съ трудомъ могъ говорить.

— Она не стоитъ того, сказала Людмила, какъ бы продолжая рѣчь или отвѣчая на мои жалобы. У меня навернулись слезы. Я отошелъ прочь. Черезъ минуту ко мнѣ подошла Людмила.

— Скажите-жъ мнѣ что нибудь, Людмила Семеновна, кромѣ того, что вы сказали.

— Что-жъ вамъ сказать? Женихъ привезъ Варенькѣ богатую бриліантовую брошку,—она любуется этимъ подаркомъ—и очень весела, весела такъ, что я не могла надивиться ей. Марьи Ѳедоровны я не понимаю. Какъ она можетъ смотрѣть въ глаза Аристархову послѣ того, что говорила объ немъ? Теперь ужъ и нахвалиться не можетъ своимъ зятькомъ. Странно! Но страннѣй всего сожалѣніе о васъ Вареньки: „какъ онъ жалокъ!“—сказала она.

„Я вздрогнулъ.

— Людмила Семеновна! Я вамъ не вѣрю. Она не должна была, не могла сказать такъ. Я знаю ее: она можетъ быть легкомысленна, нетверда, но не безстыдна. Нѣтъ, я вамъ не вѣрю. Она сказала: какъ мнѣ жаль его.

— Это все равно.

— Нѣтъ, не все равно; за ту жалость, которую вы навязали Варварѣ Николаевнѣ, я съумѣлъ бы отомстить ей зло, ужасно. Я навѣкъ отравилъ бы всю ея жизнь; а за сожалѣніе, угадываемое въ ней мною, я много, много-что улыбнусь.

— Однако, мнѣ все-таки странно кажется теперешнее ея поведеніе.

— Что-жъ дѣлать,—она женщина.

„Меня усадили въ преферансъ,—и я игралъ, какъ школьникъ, ко-

торый не умѣетъ отличить туза отъ короля. Не до игры мнѣ было. Въ душѣ у меня былъ другой преферансъ, въ которомъ я съигралъ чуть ли не девять безъ пяти.

„Сегодня, проснувшись съ отяжелѣвшей головой, я унесся думами моими все туда же, все къ ней, которая такъ властительно долго управляла душею моей и потомъ такъ предательски бросила ее, какъ никуда негодную вещь,—и слезы полились на подушку. Да, друзья мои! Простите этимъ слезамъ. Вѣдь онѣ—послѣдняя дань тому чувству, которое волнуетъ, или, можетъ быть, будетъ волновать васъ только въ первый разъ,—я уже отжилъ эту пору, и не могу быть хладнокровнымъ, когда слышу, что судьба начинаетъ пѣть вѣчную память лучшимъ желаніямъ моей души и костлявою рукою останавливаетъ сладкое біеніе сердца, всегда горѣвшаго любовью. Простите, говорю, и даже пожелайте, чтобъ я еще какъ-нибудь заплакалъ такъ.

„Трудно мнѣ было вставать; но еще хотѣлось мнѣ взглянуть на нее, убѣдиться самому въ томъ, что она уже не моя, что и сердце ея не мнѣ уже принадлежитъ,—и я явился въ церковь Заступницы всѣхъ скорбящихъ, но не съ теплою молитвою, а съ грѣшнымъ на этотъ разъ желаніемъ жестоко растерзаннаго сердца. Ея тамъ не было. Я поскакалъ въ Братскій, но и тамъ не увидалъ ея; пролетѣлъ мимо дома нѣсколько разъ, но только одинъ круглый столъ видѣнъ былъ въ окно, тотъ столъ, за которымъ, бывало, сидѣла она вмѣстѣ со мною веселая, страстная, понятно говорившая мнѣ чуднымъ своимъ взоромъ. Я заѣхалъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ и, заливъ тоску пѣнистымъ портеромъ, сталъ глупъ и пошлъ до круженія головы.

„Теперь сижу дома и никуда не хочется мнѣ ѣхать. Не хочется потому, что было бы смѣшно показывать мое глупо-задумчивое лицо, а, съ другой стороны, и мнѣ было бы досадно слышать колкія сожалѣнія о томъ, что̀ уже невозвратно потеряно для меня. Но все еще желалъ бы я увидѣть Вареньку, и ей-ей не для того, чтобы наглядѣться на нее, а чтобы сказать ей нѣсколько словъ, которыя, можетъ быть, не такъ будутъ холодны и спокойны, какъ этотъ дневной отчетъ мой.

Декабря 18-го, вторникъ.

„Вечеромъ, не зная куда дѣвать себя, я пошелъ въ театръ. Чудная, превосходнѣйшая игра Сомника на время развлекла меня. Послѣ спектакля я воротился домой. Мой камердинеръ подалъ мнѣ записку мою, которую я посылалъ туда, къ Балабухамъ, съ требованіемъ моего „Музыкальнаго Альбома". „Варвара Николаевна—говорилъ мнѣ человѣкъ мой—приказала кланяться вамъ десять разъ". Не обращая вниманія на слова его, я развернулъ записку и увидѣлъ знакомую мнѣ руку Марьи Ѳедоровны и Вареньки.

„Вотъ что писала первая изъ нихъ: „В. И. „Звѣздочку“ Варенька отдастъ, а книги мы не дадимъ; одно утѣшеніе мнѣ, когда она играетъ изъ нея. Она вамъ возвратитъ послѣ ее. Благодарю васъ, что писали вы въ Петербургъ. Будьте здоровы. Желаю вамъ всего лучшаго въ мірѣ. Остаюсь М. Б.“.

„А вотъ приписка Варвары Николаевны: „Отчего вы думаете, что ваши ноты мнѣ теперь не нужны? Я вамъ отдамъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Вотъ „Звѣздочка“ мнѣ не нужна“.

„Такое варварское хладнокровіе той, для которой я жертвовалъ всѣмъ, что было у меня драгоцѣннаго, взволновало мою душу. Я схватилъ перо и вотъ что написалъ въ отвѣтъ имъ:

„Напрасно благодарите меня за то, что я писалъ въ Петербургъ о вашей *жалкой* радости. Она у меня убила всю энергію моей души, всю такъ прекрасно свѣтившуюся мнѣ будущность, всѣ лучшія надежды моихъ дней. Да, вы вообразить не можете, что̀ эта *радость* ваша отняла у меня. Богъ судья Варварѣ Николаевнѣ! Я говорю: Богъ судья,—а съ этимъ судьею шутить нельзя. Онъ разберетъ праваго и виноватаго — и страшно отомститъ послѣднему. Знайте, я не призываю на виновницу гнѣва Божія: но придетъ пора — и помните мое слово—придетъ непремѣнно, когда у кого нибудь въ груди подъ брилліантовою брошкою закипятъ жгучія слезы. Не знаю отчего, но я это вижу, вижу, какъ будто это теперь предо мною. Молюсь теперь предъ отмстителемъ моимъ, чтобы онъ отвратилъ судъ свой отъ той, которая за золото продала то, что ужъ никогда не купитъ. Понимаете меня, Варвара Николаевна? Не говорите жъ послѣ этого, какъ вы сказали недавно: „бѣдненькій! какъ мнѣ жаль его!“ Не меня, а васъ мнѣ жаль. У, да и страшно жъ ваше будущее! Постарайтесь поскорѣе убить въ себѣ все, что было въ васъ человѣческаго! Постарайтесь заранѣе сдѣлаться рыльскою купчихой, а не то — вы погибли! Повторяю, не жалѣйте меня, ваше состраданіе послѣ того, что вы дѣлали со мной, хуже остраго ножа. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ; вы не жалѣете, а злобно смѣетесь надо мною.

„А генералу, вы думаете, пріятна будетъ моя вѣсть? Что и говорить. Вѣдь вы, Варвара Николаевна, въ глаза ему насмѣялись, и чрезъ васъ я лишился той благосклонности, которую я наравнѣ цѣнилъ съ вашею любовью ко мнѣ. Помните ли, что онъ мнѣ сказалъ о васъ, если вы не устоите? Что—не подписать ли мнѣ ужъ приговоръ его? Какъ думаете? Что говоритъ вамъ ваша совѣсть?

„Идите къ алтарю Божію, но идите, какъ клятвопреступница, какъ... не хочу договорить. Отвѣчайте же потомъ ваше: *да*; можетъ быть, Богъ не услышитъ, а то какъ разъ обличитъ онъ васъ въ обманѣ. Засыпьте брилліантами то чувство, которое вы питали ко мнѣ. У Аристархова ихъ будетъ пропасть. Но по временамъ я не перестану являться къ вамъ ужасающимъ призракомъ. Съ этой поры я становлюсь неумолимою вашею совѣстью!

„Не радуйтесь и вы, Марья Өедоровна. Смотрите впередъ и бойтесь, чтобы Богъ не наказалъ васъ не въ васъ самихъ, а въ вашихъ дѣтяхъ. Благожеланій вашихъ я не принимаю. Нейдутъ они въ разбитую вами мою душу. Да судитъ и васъ Богъ! Да судитъ Богъ и Николая Семеновича! Я мстить вамъ не хочу, хоть и могу, да могу такъ, что вы и представить того не можете. За меня есть другой мститель, посильнѣе, повсемогущѣе меня. Онъ тамъ—откуда къ намъ сходитъ истинная, а не корыстная любовь, забавляющаяся игрушками.

„Въ запискѣ вашей я не понимаю двухъ вещей. Что за утѣшеніе вамъ, Марья Өедоровна, когда Варвара Николаевна играетъ вамъ изъ моей книги? Меня, что-ль, припоминаете? Спасибо вамъ! Не нужно! Забудьте, что я когда-то бывалъ у васъ и дѣлился съ вами моими думами, моимъ сердцемъ — забудьте все. Вы говорите, что Варвара Николаевна возвратитъ мнѣ книгу послѣ; нѣтъ, я не приму ее отъ Варвары Аристарховой, — тогда я, не касаясь самъ до ней моими руками, прикажу моему человѣку бросить книгу въ огонь. Теперь же она придетъ ко мнѣ отъ Варвары Николаевны, которая до конца моей жизни останется въ сердцѣ моемъ Варенькою, даже и тогда, когда станетъ Варенька рыльскою купчихою, знаменитою Аристарховой.

„Вы, Варвара Николаевна, тоже спрашиваете меня, отчего я думаю, что мои ноты вамъ теперь не нужны. Оттого, чтобы вы, продавъ мою душу за золото, не продали и книги моей Варварѣ Аристарховой; оттого, что я ужъ не буду пѣть подъ вашъ нѣкогда любимый мною аккомпанементъ; оттого, что вашъ прилизаный и примазаный Никаноръ не найдетъ въ этой книгѣ приличныхъ ему пѣсенъ; наконецъ, оттого, что я разрываю все, что привязывало меня къ вамъ. Не прикажете ли возвратить вамъ разныя бездѣлки, которыя я цѣнилъ, какъ драгоцѣнность? Не велите ли отдать вотъ этотъ букетъ, который поставленъ мною когда-то у иконы Заступницы моей, какъ поручительницы взаимной нашей любви. Все отдать,—вы подарите ихъ своему избранному; можетъ, онъ лучше моего оцѣнитъ ихъ. Впрочемъ, не давайте ему этихъ бездѣлокъ. Онѣ не слишкомъ цѣнны; а для такихъ людей, какъ рыльскіе обожатели, нужны вещи этакъ-съ дорогія, галантерейныя, рублевъ во сто серебряныхъ. Повторяю, все отдать; не отдать только того, что дано мнѣ вами вмѣсто рѣшительнаго „да". Понимаете меня? Съ этимъ... я стану передъ вами всегда, какъ вѣчный вашъ укоръ, какъ неумолимая ваша совѣсть.

„Вы обѣщали отдать мнѣ книгу въ сентябрѣ мѣсяцѣ, — не изъ Рыльска ли пришлете? Нѣтъ, ужъ лучше сожгите ее тогда; повторяю вамъ, отъ Аристарховой я не приму горсти земли, чтобы посыпать закатившіеся въ темномъ гробѣ мои глаза. Слышите ли?

„Звѣздочка" мнѣ не нужна—говорите вы. Да, точно, она вамъ не нужна. Она такая простая, а вы теперь полюбили брилліантовыя. Жаль только, что первая, хотя и простая, горитъ на небѣ, а брил-

ліантовая зарыта въ глинѣ, да въ грязи. Да, точно, „Звѣздочка" не нужна вамъ, мнѣ она нужнѣй; да на что жъ вы ее отняли у меня? О, да судитъ васъ Богъ!..

„Варвара Николаевна! Вы знаете мой твердый характеръ, мою стальную душу, — посмотрите жъ, она плачетъ. Пусть же каждый бриллiантъ, свѣтящiйся на груди вашей, припоминаетъ вамъ во всю жизнь вашу тѣ слезы, которыя (стыжусь сказать) пролилъ я въ эту недѣлю.

„Просите меня, чтобъ я не писалъ о васъ больше генералу. Онъ любилъ васъ, какъ отецъ, онъ отличалъ васъ передъ всѣми, онъ цаловалъ вашу руку, онъ самоотверженно привѣтствовалъ васъ однихъ изъ всего вашего сословiя съ днемъ рожденiя и съ днемъ вашего ангела—и все это для кого онъ сдѣлалъ? Неужели для рыльской купчихи, неужели даже для фамилiи Балабухъ? О, нѣтъ;—все это для Вареньки, для дѣвочки хорошенькой и умненькой—которую онъ такъ отечески хотѣлъ помѣстить въ томъ кругу, къ которому нашелъ онъ ее способною по ея образованiю,—все это для другаго человѣка, который имѣлъ счастiе заслужить высокое вниманiе генерала. Послѣ этого, неужели вы думаете, что мои вѣсти будутъ прiятны ему? Нѣтъ, если я и пишу ему о васъ, то для того только, чтобъ показать, какъ вы насмѣялись надъ его милостями и вниманiемъ. Онъ предчувствовалъ это и отъѣзжая уже ни полъ-слова не сказалъ мнѣ о васъ. Судите послѣ этого, какъ долженъ онъ теперь стыдиться тѣхъ своихъ ласкъ, которыя онъ расточалъ передъ г-жею Аристарховою, и для которой теперь ласки какого нибудь уѣзднаго городничаго будутъ высокою милостiю! Поздравляю васъ, почтеннѣйшая madame Аристархова! Презавидная ваша доля! Куча бриллiантовъ, ѣсть и пить вы будете много, по аршинамъ отмѣриваемая любовь дражайшаго супруга, вниманiе городничаго и проч. и проч.,—чудо, какъ хорошо!.. Поздравляю васъ!

„Поздравьте и меня. Я замѣтилъ, что генералъ сильно жалѣетъ о своемъ вмѣшательствѣ въ наше дѣло; я отказываюсь отъ должности въ академiи, уѣду, куда глаза глядятъ,—и безъ мѣста, а можетъ быть и безъ чистаго куска хлѣба, буду вспоминать вашу любовь, такъ меня осчастливившую. Поздравьте меня!

„Но довольно съ васъ. Теперь радуйтесь, веселитесь, вѣдь, право, есть отъ чего?"

„Жестоко, но справедливо!...

Декабря 19-го, среда.

„Воротившись домой, я нашелъ у себя отвѣтъ на посланное мною туда письмо. Варенька написала только адресъ, а Марья Өедоровна отвѣчала мнѣ вотъ что:

„Викторъ Ипатьевичъ. Что я вчера благодарила васъ, то въ торопяхъ я не помню, о какой радости благодарила васъ и что вы от-

писали въ Петербургъ. При первомъ свиданіи вы поясните мнѣ все, а до того я ничего не понимаю. Я бы писала вамъ много, но нѣтъ словъ для объясненія. Скажу вамъ только, что насчетъ Вареньки у насъ все кончено. Вѣрно такъ Богу угодно, чтобы она улетѣла далеко отъ меня. Остаюсь васъ почитающая Марія Балабуха.

„P. S. Викторъ Ипатьевичъ. Не лишайте меня послѣдней памяти о васъ. Прошу, пусть побудетъ книга ваша у насъ. Я вамъ сама ее доставлю, чѣмъ много одолжите. За мыло благодаритъ васъ отъ души Варенька".

„А Варенька между тѣмъ не потрудилась написать мнѣ и строки... Ужъ чуть ли я въ самомъ дѣлѣ не былъ глупцомъ, когда думалъ найти въ ней что нибудь похожее на мою любовь. Варенька, какъ сказываетъ мой человѣкъ, сама требовала отъ матери своей, чтобъ отдать мнѣ мою нотную книгу. Ай, молодецъ! Я почти увѣренъ, что она успѣшно пользуется моими совѣтами и уже начинаетъ заглушать въ себѣ всякое благородное чувство. Vivat рыльское купечество! Ты взяло надо мною верхъ!..

Декабря 20-го, четвергъ.

„Хоть бы одинъ день въ жизни моей, когда бы я могъ уснуть спокойно, не ожидая къ себѣ на завтра безотвязныхъ кредиторовъ! Это нестерпимо! Только лишь проглянетъ солнышко, только лишь успѣешь перекрестить лобъ, какъ уже начнутъ взадъ и впередъ шнырять эти шмели, жадно высасывая у меня кровь по каплѣ. Право, въ иную пору жизни своей бываешь не радъ. Сергѣй мой, который мотаетъ десятки тысячъ, не вздумаетъ пособить мнѣ самымъ пустякомъ,—разумѣется, для него. Вотъ уже почти полтора года, какъ я питаюсь только надеждою, которая—особенно въ этомъ случаѣ—самая непитательная пища.

— Я сталъ совершенно Vagans Hebreus, или—говоря по-французски—Juif errant. Не знаю, что̀ и дѣлать съ собою. Нигдѣ мѣста не найду. По два, по три раза въ день ѣзжу на Подолъ,—и что жъ? проѣзжая мимо... нарочно отвернусь. Сегодня я увидалъ въ окно Марью Ѳедоровну; она грозила мнѣ что-то, но холодный поклонъ мой былъ ей на это отвѣтомъ.

„У меня обѣдалъ сегодня одинъ изъ инженерныхъ офицеровъ, П. М. Кузеневъ, пріѣзжавшій ко мнѣ по порученію Варвары Николаевны. Она просила его взять у меня назадъ „Звѣздочку".—Нѣтъ, говорилъ я,—не отдамъ я ей моей „Звѣздочки", хоть бы она сама стала тутъ,—не отдамъ;—и написанный мною когда-то романсъ разлетѣлся въ клочки. Молодой человѣкъ умѣлъ понять мое глубокое огорченіе и выпросилъ у меня для ней два клочка изорванной бумаги. Я отдалъ ему: пусть покажетъ ей.

Декабря 23-го, воскресенье.

„Съ нетерпѣніемъ ждалъ я одного изъ моихъ знакомыхъ, который вчера видѣлся съ нею. Вотъ и пришелъ онъ: но мало того, что безъ утѣшительныхъ вѣстей,—онъ принесъ съ собою смѣхъ и то же кощунство. Мнѣ стало больно. Варенька боится встрѣчаться со мною: видно—у кого изъ насъ больше нечиста совѣсть. Она меня предупреждаетъ, чтобъ я въ клубѣ не сходился съ ея избраннымъ. За кого она тутъ боится? Если за меня, то очень напрасно. Я съумѣю не уронить себя передъ какимъ нибудь рыльскимъ мужикомъ; а ужъ бѣгать отъ него, право, не стану. Посмотримъ, кто изъ насъ больше сконфузится—онъ ли, горделиво теперь протягивающій руку къ тому, что когда-то неотъемлемо принадлежало мнѣ, или я, испытавшій безстыдную измѣну той, которая гласно называлась моею,—посмотримъ.

Декабря 26-го, среда.

„Нуте-съ, вотъ я и изъ клуба. Теперь еще рано, а я ужъ пріѣхалъ изъ клуба; что мнѣ тамъ дѣлать! Играть роль страждущей невинности или поросенка въ мѣшкѣ—это не по моему характеру,—а больше мнѣ тамъ нечего было дѣлать! вотъ я и пріѣхалъ домой, и буду сидѣть дома, и ужъ не поѣду теперь глазѣть попусту на любимыя мною окна.

„О, да какъ же я былъ золъ! Пока еще не пріѣзжала она, пока еще душа моя ныла ожиданіемъ, я давалъ волю мрачнымъ моимъ думамъ; но она явилась—и къ чорту раздумье! Кто это выступаетъ за нею мѣрнымъ, гусинымъ шагомъ? А,—это Аристарховъ. Посмотримъ поближе! Тьфу, чортъ возьми! Хорошъ! Настоящій лавочный сидѣлецъ. Ну, разгуляйся жъ моя злоба! Раскипись, желчь! Терзай дьявольски эту, эту... которая продала меня такъ дешево!

„Я стою за стуломъ будущей madame Аристарховой.

„Она предлагаетъ мнѣ яблоко.

— Благодаримъ-съ за угощеніе; много довольны-съ,—говорю я и не принимаю яблока.

— Посмотрите, продолжаю я, какъ хорошо идетъ это кольцо къ бѣлой перчаткѣ.

— Покажите, говоритъ она.

„Я показываю.

— Отдайте мнѣ его.

— Нѣтъ-съ; оно для меня слишкомъ дорого, — дороже вашей брилліантовой брошки. Конечно, въ галантерейномъ отношеніи брилліанты цѣннѣе, но для меня они ничто противъ этой трехрублевой бездѣлки.

— Правду ли вы говорите?

— Я не бралъ у васъ уроковъ обманывать.

„Она вспыхнула. На глазахъ ея появились слезы.

— Довольны ли вы сегодняшнимъ вечеромъ? спросила она нѣсколько времени спустя меня.

— Больше, чѣмъ прежними другими.

— Отчего же такъ?

— Оттого, что вижу васъ въ счастливой парѣ.

— Аскоченскій! — сказалъ мнѣ графъ Мелинъ, — ты ужасно дерзокъ.

— Не хочешь ли стрѣляться со мною.

— Пожалуй.

— И, полно, братецъ, стоитъ ли рисковать благосостояніемъ лба изъ-за такихъ пустяковъ.

„Еще кончился контрдансъ. Она сѣла. Какъ тѣнь ея — я снова очутился за ея стуломъ.

— Не правда ли, Варвара Николаевна, я очень веселъ?

— Не знаю, васъ трудно понять; я держусь въ этомъ случаѣ того, что вы сказали о себѣ:

„Я не легко читаемая книга".

— Кстати. Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы ту книгу, изъ которой взяли этотъ стишокъ, сожгли.

— Вамъ развѣ хочется этого?

— Отъ всей души.

— Будетъ по вашему.

— Прекрасно! Меньше воспоминаній—легче сердцу.

„Мы ходимъ по залу.

— Вы со мной танцуете, — говоритъ она, обращаясь къ графу Мелину.

— Виноватъ, но я долженъ отказаться, надѣясь, что въ слѣдующее собраніе я буду имѣть это счастіе, отвѣчаетъ онъ.

— Да вѣдь вы ѣдете скоро.

— Тѣмъ лучше,—подхватилъ я,—кстати и вы ѣдете.

— О, я еще не скоро.

— Помилуйте, да вы ужъ и теперь далеко отъѣхали, по крайней мѣрѣ, станціи на двѣ. Поглядите-ка кругомъ. Предметы все новые, виды другіе—и все, что прежде такъ рисовалось кругомъ васъ, осталось позади.

— Такъ вы хотите, чтобъ я истребила ту книгу,—заговорила она, стараясь перемѣнить тяжелый для нея разговоръ.

— Хочу, очень хочу.

— Но все-таки, зачѣмъ же?

— Затѣмъ, чтобъ она послѣ не попалась въ нечистыя руки.

„И ее умчали отъ меня въ шумномъ вальсѣ.

„Черезъ нѣсколько времени графъ Мелинъ подошолъ ко мнѣ и сказалъ: „она велѣла передать тебѣ стихъ изъ Гамлета:

„Онъ смѣется надо мною,—
Что жъ мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ быть?“

„Я подошелъ къ ней:

— Вамъ хочется слышать отъ меня отвѣтъ на вашъ Гамлетовскій вопросъ? Извольте.

„Что вамъ дѣлать? Какъ вамъ быть?
Жениха свово любить,
Полюбовно вмѣстѣ жить,
И судьбу благодарить—
И всѣмъ людямъ говорить:
Моего вы знали друга?
Онъ былъ рыльскій молодецъ,
Въ круглой шляпѣ толстый парень
Первой гильдіи купецъ!“

„Но я уже увидѣлъ, что моя злость выступаетъ изъ границъ. Кровь клокотала въ груди моей, высоко воздымавшейся. Я худо владѣлъ собою. Ѣхать—сказалъ я себѣ,—и меня ужъ нѣтъ тамъ.

„И прекрасно! теперь я домосѣдъ.

„Боже мой, Боже мой! Какъ близко было ко мнѣ мое счастіе! И гдѣ оно теперь?..

Декабря 27-го, четвергъ.

„За все, что дѣлалъ и говорилъ я вчера, меня мучитъ раскаяніе. Въ самомъ дѣлѣ, за что я такъ терзалъ дѣвушку, которую задавили насиліемъ? Мнѣ стыдно, право, стыдно. Развѣ мало мнѣ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя въ иную пору купилъ бы цѣною цѣлыхъ грустныхъ дней? Эхъ, Боже мой! не терзать насмѣшками, а благодарить бы мнѣ ее слѣдовало — за то, что она

„...пустой презрѣвъ толпой
Досужихъ сплетниковъ, на мой закатъ печальный
Явилась хоть взглянуть—и съ любящей душой
Меня привѣтствовать съ улыбкою прощальной“.

„Нѣтъ, какъ угодно, а еще много, много у меня глупаго, юношескаго! Теперь бы я готовъ стать на колѣни передъ милою Варенькою и умолять ее забыть всѣ дерзости, на которыя я былъ такъ нескупъ вчерашній день.

„Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ!
Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, праздень умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ“.

Развязка столь романическаго сватовства должна была, разумѣется, оставить надолго глубокій слѣдъ въ душѣ Аскоченскаго. Желчное настроеніе, гнетъ раскаянія за свои увлеченія и желаніе скрыть свои огорченія отъ назойливаго участія досужихъ людей,—все это проглядываетъ теперь въ каждой строкѣ дневника. Изрѣдка только самолюбіе его подъискиваетъ въ свою пользу успокоительныя объясненія.

„Но вотъ, однако жъ, встрѣча, такъ встрѣча"—пишетъ Аскоченскій 23-го января (1846 г.)—совсѣмъ неожиданная. Марья Ѳедоровна и Варвара Николаевна... холодно и вѣжливо откланялся я имъ; Марья Ѳедоровна отвѣтила мнѣ, по обычаю, низкимъ и двусмысленно ласковымъ поклономъ, а дочка ея потупила внизъ глаза и промелькнула мимо меня такъ, какъ будто бы я ей вовсе былъ незнакомъ. Впрочемъ, это, можетъ быть, не такъ. Можетъ быть, въ сердцѣ ея глубоко залегла грусть о счастіи, которое оба мы когда-то сулили себѣ такъ безразсчетно, такъ обольстительно; можетъ быть, Гамлетовскій вопросъ о жизни измучилъ ея душу, широко раскрывшуюся для всего прекраснаго и изящнаго; можетъ быть, ей — этой милой Бабетѣ—больно взглянуть въ блистающую свѣтомъ даль минувшаго, гдѣ стою я самъ неотразимымъ упрекомъ ея совѣсти и грустнымъ памятникомъ лучшихъ дней, святыхъ желаній, упоительно блаженныхъ надеждъ; можетъ быть, для ея понятливой души больно сравненіе настоящаго и ожидающаго ее быта съ тѣмъ, который мы сами когда-то создавали себѣ, мечтая одни или на балконѣ, при тускломъ свѣтѣ выкатывающейся изъ-за облаковъ луны, или въ углу залы, чуть-чуть озаренномъ сомнительнымъ свѣтомъ двухъ нагорѣвшихъ свѣчей. Все это можетъ быть—и кто послѣ этого не отворотится, прикованный, какъ Прометей, къ скалѣ страданія отъ чудной долины радостей, недоступныхъ уже страдальцу. Легче не видать, легче совсѣмъ ослѣпнуть, чѣмъ вѣчно мучиться, сидя въ мрачной темницѣ и тоскуя по солнцу, рѣющему въ прекрасномъ, голубомъ эѳирѣ... Но оставимъ. Я замечтался. Это, друзья мои, аккордъ финальный, уже замирающій; это послѣднія ноты requiem'а, которыя я пою моему прекрасному минувшему".

Настоящее же, дѣйствительно, обѣщало мало отраднаго...

V.

Служба въ Житомірѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Житоміръ. — Матеріальное положеніе Аскоченскаго. — Бѣгство отъ кредиторовъ.—Прозелитизмъ въ литературномъ мірѣ.—Вторичная женитьба. — Раскаяніе въ прежнихъ увлеченіяхъ. — Міръ подъячества, окружавшій Аскоченскаго. — Вице-губернаторъ — покровитель доноса и ябеды. — Подъячій оригиналъ.—Характеристика П. И. Карпенка.—Отзывы о сослуживцахъ Аскоченскаго: о Квистѣ, князѣ И. И. Васильчиковѣ, Львовѣ, Ключаревѣ, Карпиловичѣ, Шванебахѣ, Малаховскомъ, Саноцкомъ, Посниковѣ, Волковѣ, Яшинѣ, Новицкомъ, Качурѣ, Чернявскомъ, Лукьяновѣ, Опоцкомъ, Барановскомъ и Шаржинскомъ.—„Подъячіе разбойники".—Непріятности по службѣ.—Тогдашніе выборы въ общественныя должности. — Грабовскій. — Изолированность Аскоченскаго отъ общества. — Озлобленіе противъ него. — На прощаніе съ Житоміромъ.

Однимъ изъ послѣдствій сватовства за В. Н. Балабуху была необходимость перемѣнить родъ службы. Надежды на счастливый финалъ его романа, какъ мы видѣли, не покидавшія Аскоченскаго, заставили его согласиться на предложеніе Д. Г. Бибикова бросить ученую карьеру и искать болѣе обезпеченнаго положенія. Отступать было нельзя даже послѣ неудачной развязки. Бибиковъ зачислилъ его въ свою секретную канцелярію и Аскоченскому, въ ожиданіи новаго назначенія, пришлось испытывать непріятность неопредѣленнаго положенія.

„Я теперь (23-го января 1846 г.)—какъ бы вамъ сказать? чиновникъ, служащій вездѣ и нигдѣ. Сейчасъ вы видѣли меня за профессорскимъ столикомъ, и весьма основательно заключили, что я, точно, профессоръ. Но вотъ я въ канцеляріи, толкую о дѣлахъ судейскихъ, на меня смотрятъ вотъ эти молодые, образованные юристы, какъ на товарища своего, и вы не знаете, что обо мнѣ подумать, вы обращаетесь ко мнѣ съ вопросительнымъ видомъ и я отвѣчаю вамъ улыбкою, изъ которой ни вы, ни я, ничего не поймемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что я теперь такое? По всему городу разнеслось, что я уже совѣтникъ житомірскаго губернскаго правленія, всѣ поздравляютъ меня, жмутъ отъ души руку, желая про себя сломить мнѣ шею, а между тѣмъ я самъ долженъ отклонять отъ себя эти поздравленія по весьма простой причинѣ,—слишкомъ они ранни. И мнѣ приходитъ тутъ на умъ предостерегательная пословица: „рано ты птичка запѣла, какъ бы тебя кошка не съѣла". И опять-таки остается нерѣшеннымъ вопросъ: кто жъ я такое?"

Недѣлю спустя, Аскоченскій отмѣчаетъ въ дневникѣ:

„Говорятъ, по первому дню въ мѣсяцѣ можно заключить, какъ проведешь цѣлый мѣсяцъ. Посылка въ этомъ случаѣ вѣрна, по крайней мѣрѣ, для меня. Я встрѣтилъ первый день января за стаканомъ портеру и за бокалами шампанскаго — и вотъ впродолженіе почти всего мѣсяца хрусталь часто вертѣлся въ рукахъ моихъ, опорожняе-

мый отъ влаги и шипучей, какъ юность, и скромной, какъ купеческій женихъ передъ невѣстою. Теперь, если позволено дѣлать отъ частнаго заключенія къ общему, думать надобно, что такъ же проведу я и цѣлый годъ. Но это, напередъ вамъ скажу, невѣрно. Я не захочу означать каждый день, даже каждую недѣлю опорожненными бутылками, потому что это была бы самая глупая отмѣтка. Между прочимъ, замѣтилъ я, что этотъ мѣсяцъ былъ крѣпко для меня скученъ; никогда еще уныніе не овладѣвало мною такъ сильно, какъ въ нѣкоторые дни прошедшаго мѣсяца: и боюсь пророчествовать, чтобы начало не пошло потомъ на продолженіе и не довело меня до конца"...

Къ непріятностямъ неопредѣленнаго положенія Аскоченскаго присоединилось въ это время еще крайнее безденежье. О немъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ, занесеннымъ въ дневникъ 6-го февраля:

„Не удивляйтесь, господа, такому скачку въ моемъ дневникѣ [1]). Вы поймете его, если узнаете, что съ самаго понедѣльника (4-го) совсѣмъ не былъ, даже не ночевалъ дома. Не удивляйтесь и тому, если я не обстоятельно разскажу вамъ, гдѣ и почему, тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ ночевалъ я. Никто бы, клянусь вамъ, не выгналъ меня изъ дому, если бы не эти кредиторы, съ утра до ночи осаждающіе всѣ мои двери и пытающіе меня рѣшительно по-инквизиторски. Рекомендую, милостивые государи, если кто хочетъ совсѣмъ лишиться спокойствія, потерять сонъ и аппетитъ, тотъ пусть постарается задолжать такъ, какъ задолжалъ я — и вдобавокъ, пусть увидитъ впереди самые ничтожныя надежды отдѣлаться отъ этихъ ужасно нестерпимыхъ визитовъ моихъ нежданыхъ посѣтителей. Боже мой, хоть бы одинъ мѣсяцъ, одинъ день, вздохнуть мнѣ безъ этихъ дьявольскихъ долговъ! Вотъ, слышите ли? У дверей моихъ уже стучится одинъ кредиторъ. Я притихъ и боюсь даже скрыпомъ пера дать знать, что я тутъ, дома. Прошу покорно предаваться въ такомъ случаѣ liberalibus litteris, когда голова поминутно вертится то къ окну, то къ двери, когда ухо на сторожѣ—и безпокойство убиваетъ всякій экстазъ души!.. Не зная, куда дѣваться, я пустился на удалую шататься, и эти дни, глупо проведенные мною, вычеркнуты изъ короткаго списка порядочныхъ дней моей жизни. Не хочу и вспоминать объ нихъ. Боже мой! что еще впереди будетъ со мной!"...

Кредиторы рѣшительно атаковали Аскоченскаго, а между тѣмъ жалованье въ это время онъ не получалъ ни изъ академіи, ни изъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Если что и давало ему нѣкоторую, впрочемъ, весьма скудную поддержку, такъ это его литературныя произведенія. Къ тому времени относится появленіе въ свѣтъ стихотвореній и „Исторіи русской литературы". Но тогда уже, бу-

---

[1]) Пропущены два предшествующіе дня, т. е. 4-е и 5-е февраля.

дучи еще неофитомъ въ литературѣ, сознавалъ онъ ясно, какія трудности ожидаютъ каждаго прозелита на этомъ тернистомъ пути.

„Господа прозелиты въ мірѣ литературномъ!“ пишетъ онъ подъ 10 мъ іюля. „Когда придетъ вамъ охота явиться печатно, возьмите на себя иго терпѣнія, будьте кротки и смиренны сердцемъ—и тогда только вы обрящете покой думамъ вашимъ. Знаю, по опыту знаю, что иго это не благо и бремя это не легко есть, ибо вамъ придется столкнуться со всѣмъ, что имѣетъ унизительнаго раздражительный эгоизмъ человѣка. Начать съ того, что на васъ будутъ уже всѣ смотрѣть, какъ на писателя, на сочинителя. Съ этимъ словомъ большая часть рода человѣческаго соединяетъ понятіе о такомъ опасномъ существѣ, которое вреднѣе для общества сулемы, который выброситъ грязь, скрываемую въ душѣ этимъ грязнымъ обществомъ, который поэтому есть врагъ порядка, который ни къ чему не годенъ—и плохой чиновникъ, и вольтерьянецъ по правиламъ. Но вы не обращаете вниманія на эти жалкіе предразсудки; вы печатаете себѣ и книга ваша вышла въ свѣтъ. Хорошо, если состояніе ваше позволяетъ вамъ бросить сотни двѣ серебряныхъ рублей на-авось, вы хладнокровно будете смотрѣть на пирамиду, составленную изъ печатныхъ экземпляровъ вашего творенія, вы, пожалуй, безъ значительнаго ущерба для себя, раздарите ваше сочиненіе своимъ знакомымъ въ знакъ, дескать, глубокой расположенности. Но худо, очень худо, если на изданіи своемъ вы основали какіе нибудь меркантильные разсчеты и если къ тому жъ имя ваше недавно явилось печатнымъ. Не пособитъ этому горю и то, что ваше сочиненіе полно всякаго рода совершенствъ. Это даже тѣмъ хуже для васъ, тѣмъ больнѣе слышать близорукія сужденія литературныхъ Катоновъ, съ которыми вы даже и спорить не можете „по прикосновенности къ разбираемому и осуждаемому дѣлу“. И знаете ли что,—легче, во сто разъ легче, перенести горделиво безтолковый приговоръ, произносимый вашему сочиненію, какъ никуда негодному, и вамъ самимъ, какъ человѣку, который взялся не за свое дѣло. Тутъ, по крайней мѣрѣ, можно утѣшиться, молча и не отвѣчая ни слова на безтолковую брань. Но горе, если ваше сочиненіе попадется въ руки недоученому ученику и если онъ въ порывѣ многознайства начнетъ теребить вашу книгу своими мучительными сужденіями и взглядами. Во-первыхъ, вы видите, что онъ не понялъ васъ, даже не хочетъ понять и сердитъ на васъ потому только, что ваши мысли не сходятся съ его мыслями; во-вторыхъ, онъ хвалитъ у васъ то, что по законному порядку идетъ заурядъ и чинно, и хулитъ напропалую тѣ мѣста, которыя долго не давали вамъ заснуть спокойно и которыя вышли на бумагу съ вашею плотію и кровію. Знаете, на что походитъ эта пытка? На то, если бы передъ вашими глазами уродовали ваше дитя и доказывали въ то же время, что этакъ будетъ гораздо лучше: Попробуйте сохранить въ такую пору стоическое хладнокровіе! Трудно, а неизбѣжно, ибо иначе вашъ кри-

тикъ, серьезно разсуждающій о вашей книгѣ, засмѣетъ васъ, если вы горячо вступитесь за то. Только въ случаѣ крайней нужды защищайтесь, и то съ готовностью уступить при крикахъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ судіи такого рода. Разумѣется, на каждомъ шагу васъ ожидаютъ грубости. Терпите, непремѣнно терпите, ибо на то вы и призваны. Какъ вы смѣли, въ самомъ дѣлѣ, возвышать свой голосъ и занимать публику, когда вотъ, напримѣръ, его превосходительство, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ орденомъ на шеѣ, молчитъ, и если позволяетъ себѣ говорить, то развѣ только о томъ, что вчера оно изволило сыграть семь безъ прикупки, имѣя на рукахъ всего самъ-четвертъ туза козырей съ маленькими, или когда вотъ его высокоблагородіе, служившее на флотѣ и знающее Камчатку, какъ свой кошелекъ, позволяетъ себѣ только такъ, между друзьями, поразмазать диковинныя вещи, въ родѣ не любо—не слушай, а лгать не мѣшай, или когда вотъ они, честь имѣющіе быть ординарнымъ профессоромъ при университетѣ и самимъ небомъ призванные дѣятели учености не печатаютъ себя, отдѣлываясь въ министерскихъ отчетахъ вѣчною обдѣлкою никогда небывалыхъ на бумагѣ и глупо импровизируемыхъ лекцій. Какъ это можно! Да кто вы такой? Да какъ вы?.. Да что вы, изъ призванныхъ что ли? Подъ судъ васъ, подъ неумолимый литературный судъ!:. И вотъ вслѣдствіе этого является въ какомъ нибудь журналѣ или газетѣ статья, въ которой не пропущена ни одна опечатка, гдѣ вы разбранены по-извощицки, гдѣ вы просто-на-просто названы безтолочемъ, съ пересыпкою другихъ такого же рода вѣжливыхъ выраженій... Но вы уныли, прозелитъ литературный! Богъ съ вами! Трудитесь, работайте, если у васъ есть силы, пишите и печатайте, помня русскую пословицу: собака брешетъ, а баринъ ѣдетъ. Та же толпа, которая теперь, съ голосу вашего критика, бранитъ васъ и смѣется вамъ въ глаза, будетъ аплодировать вамъ безъ устали, какъ скоро вы, не сморгнувъ, встрѣтите первый бѣшеный натискъ ея, возбужденный опіумомъ желчной критики журналиста. Слушайте не эту пустую, безмозглую толпу, а людей образованныхъ, истинно ученыхъ. Если, впрочемъ, ужъ и они сказали, что вы не умѣете владѣть литературнымъ перомъ, тогда бросьте его и беритесь за рапорты и отношенія. Если же ваше твореніе успѣло заслужить одобреніе двухъ-трехъ крѣпкихъ головъ, то ступайте съ Богомъ своею дорогою!"...

Аскоченскому, однако, не удалось скоро попасть на эту дорогу. Теперь ему предстояла совсѣмъ не соотвѣтствующая ни его характеру, ни его умственному кругозору и нравственному уровню карьера чиновника, на которую волей-неволей толкнула его судьба. Но прежде чѣмъ покинуть Кіевъ, Аскоченскій успѣлъ въ весьма короткое время отыскать себѣ невѣсту. Этотъ эпизодъ вторичнаго сватовства увѣнчался успѣхомъ, словно для того, чтобы въ результатѣ доставить Аскоченскому новое испытаніе и приблизить начало безповоротнаго пере-

лома въ его жизни. Прочитывая дневникъ 1846 г., случайно попадаешь подъ 9-мъ августа на замѣтку, какихъ не мало встрѣчается и подъ другими числами, замѣтку, ничего особеннаго не предвѣщающую. Замѣтка гласитъ:

„Еще одно знакомство, и очень пріятное. У Панферова есть старшая дочка, которая поетъ премило. Не съ большимъ, но мелодическимъ голосомъ, она манерою своею припоминаетъ мнѣ Лидію, и вечеръ, проведенный мною въ этомъ семействѣ, есть лучшій изъ вечеровъ, которые попадаются въ моемъ дневникѣ".

И только. Черезъ десять дней, именно подъ 20-мъ августа, находимъ уже слѣдующее заявленіе по поводу этого знакомства:

„Это у меня новое знакомство, случайно сведенное мною у здѣшняго почтмейстера. Впрочемъ, я такъ точно писалъ объ этомъ подъ 9-мъ числомъ, слѣдовательно и толковать много нечего. Но не подумайте, чтобъ я, по привычкѣ моей, и тутъ влюбился. Нѣтъ, Надина не изъ такихъ дѣвицъ, которыя способны шевелить самое влюбчивое сердце. Она не казиста собою, и строгая критика много найдетъ недостатковъ въ ея ненарочитомъ лицѣ; но при всемъ томъ, я не безъ удовольствія просиживаю съ нею по нѣскольку часовъ. Ея восхитительная, мастерская игра, ея милое пѣніе, а главное—какая-то умная манера,—все это невольно приковываетъ къ себѣ человѣка такой категоріи, какъ я. До смерти люблю, когда душа находитъ сочувствующую себѣ душу! Какъ-то довольнѣе становишься самъ собою, и чувствуется лучше, и разсуждается умнѣе".

А на другой день Аскоченскій пишетъ:

„Странная у меня натура! Вѣдь, нечего грѣха таить, скоро стукнетъ мнѣ полторы четверти вѣка, и въ головѣ подозрительно проглядываетъ волосъ сѣдой, и кровь какъ-то холоднѣе бѣжитъ въ моихъ жилахъ, а все порывается сердце на любовь. Что же это такое? Неужели не придетъ для меня пора сказать: полно?—Что, братъ, скажете вы, плутовски наклонясь къ моему лицу,—или Надина-то того?... Нѣтъ, господа, не то, чтобы... а такъ какъ-то... но, ей-Богу, она чудесная дѣвушка, даромъ что не красавица. Попробуйте-ка, по моему, просидѣть съ нею, да попѣть, да поговорить, такъ вы и забудете про все, чего обыкновенно ищетъ въ дѣвицѣ влюбчивая молодость. Если бы этой дѣвушкѣ да покрѣпче здоровье! А то былинка былинкою. А ужъ мнѣ эти эфирныя созданія дались знать. Но знаете ли что? Лучше годъ счастья, чѣмъ десятки лѣтъ скуки съ какою нибудь намазанною куклою, умѣющею только пироги печь, да сплетничать! Что-то Богъ дастъ, а я жалѣю, что нѣтъ теперь въ городѣ моего отца и командира—Дмитрія Гавриловича. Съ нимъ бы я пораскинулъ умомъ-разумомъ".

Но, послѣ такихъ предательски-успокоительныхъ размышленій, не представлялось уже надобности въ чьихъ бы то ни было совѣтахъ. Подъ 8-мъ сентября находимъ слѣдующую замѣтку:

„Были-таки въ моихъ дневникахъ пропуски, но такого важнаго еще не бывало. Въ эти немногіе дни [1]) столько передѣлалось, что будь это въ пору кипѣнія юношеской крови, читатели мои имѣли бы несчастіе просидѣть, по крайней мѣрѣ, битыхъ часа два за моимъ дневникомъ. Однако жъ слушайте и поучайтесь, господа! Да, поучайтесь. Неисповѣдимы судьбы Промысла Божія!

„Долго на свѣтѣ не зналъ я пріюту,
Долго носила земля сироту,
Долго я въ сердцѣ носилъ пустоту...

„Наполнилась-было эта пустота однимъ созданіемъ, мною самимъ возведеннымъ въ драгоцѣнный перлъ, но его вырвали у меня, обмазали грязью, и само-то созданіе успокоилось, видя себя въ теплотѣ грязной и не отражая безпокоившихъ его жгучихъ лучей солнца. Я простился съ этимъ созданіемъ, кощунственно осмѣявъ свои собственныя чувства и желанія.

„И снова сталъ я сирота!
И снова въ сердцѣ пустота!

„Но дивны и неисповѣдимы судьбы Божіи! Невидимо посланъ мнѣ ангелъ, съ которымъ теперь объ руку пойду я по тернистому пути моей жизни. Поздравьте меня, други и недруги мои: Наденька моя, моя навсегда, до моей или до ея гробовой доски. 4-го числа, замѣтьте этотъ день, я благословленъ; да, благословленъ. О, Боже мой! Удержи волны твоего несказаннаго ко мнѣ милосердія! Такъ много счастья, такъ много любви!...“

8-го сентября Аскоченскій уѣхалъ въ Житоміръ и съ этого числа вплоть по 6-е декабря нѣтъ ни слова въ дневникѣ; но изъ дальнѣйшихъ замѣтокъ видно, что свадьба его состоялась 10-го ноября, а 23-го молодые выѣхали изъ Кіева. Подъ 6-мъ декабря читаемъ:

„Опять начинаются сказанія мои и снова предстаетъ предо мною семейная жизнь съ ея неизбѣжными хлопотами, съ ея думами, съ ея радостью и горемъ и, наконецъ, съ тѣмъ счастьемъ, отъ котораго я было отказался и которое я нашелъ въ моей чудной, несравненной Нѣжинькѣ“.

Соображая то, что теперь съ нимъ сбылось, съ тѣмъ, что было недалѣе какъ за годъ тому назадъ, Аскоченскій готовъ уже вѣрить, что все свершается къ лучшему. Онъ радъ теперь за неудачный исходъ своего сватовства за В. Н. Балабухой, онъ старается увѣрить себя, что ничего добраго не сулила бы жизнь съ нею.

„Я“—пишетъ онъ 9-го декабря—„обращаюсь къ самому себѣ съ вопросомъ: могла ли меня любить такъ же, какъ любитъ Нѣжинька, она, которую я святотатственно называлъ моимъ вдохновительнымъ

---

[1]) Съ 26-го августа по 8-е сентября.

геніемъ? Успокоилась ли бы на ней вѣчно алкающая любви душа моя? Нашелъ ли бы я счастье съ тою, которая только силою моей, а не своей воли отрывалась на нѣсколько минутъ отъ блестящихъ бездѣлокъ суетливой моды? Нѣтъ, нѣтъ и милліонъ разъ нѣтъ! Любовь Бабеты была вспышка сердца, мной самимъ возбужденнаго къ этому высокому чувству. Это не была потребность духа, исподоволь и произвольно, разумно сознавшая ничѣмъ ненаполняемую пустоту буденной жизни; это не была привязанность, родившаяся тихо и таинственно, а это походило на крѣпость, сдавшуюся отъ сильной блокады крѣпкаго и могучаго непріятеля. Бабета могла бы любить меня до тѣхъ поръ, пока я самъ не переставалъ бы раздувать насильно въ ней пламень любви; привыкнувъ къ прихотямъ моды, она скоро осуетилась бы, и моя душа отвергла бы ее, а за этимъ началась бы жизнь—каторга...

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„ЛИХОЛѢТЬЕ“.

(Смутное время).

Историческій романъ [1])

XVIII.

Iuz wyprzęgaja naręcznego,
By najpilniej trzeba tego,
Bo owo gniady leniwy,
A siwy bardzo sadniwy.
Trab co richléj, a psy zwieraj,
Zwolaj czeladz, konie siodlaj,
Bo teraz dobra pogoda,
Iscie jéj zamieszkać szcoda.
Więc gnija na polu kopy,
A pan w lesie wrzeszczy z chlopi,
Ze psij się po polu goni,
Zito, owies—wszystko lomi“.

„Отпрягай пристяжную, потому что скоро нужно; да гнѣдко лѣнивъ, а сивка измученъ. Труби скорѣе, собакъ сзывай, собирай людей, сѣдлай коней, потому что теперь ясная погода и жаль ее пропустить. И такъ копны гніютъ въ полѣ, а панъ съ охотниками кричитъ въ лѣсу, гоняется съ собаками по полямъ, топчетъ рожь, овесъ и все что попадется“.

(Изъ сатирической поэмы Николая Рея, пана изъ Нагловицъ, польскаго писателя XVI вѣка).

Рано утромъ Ивашка Болотниковъ сидѣлъ верхомъ, совсѣмъ готовый ѣхать въ Путивль. Лисовскій пѣшкомъ провожалъ его лѣсомъ къ парому у рыбачьей деревушки. Старые товарищи погружены были въ серьезныя думы, изрѣдка обмѣниваясь вопросами и отвѣтами, которыми уясняли себѣ взаимныя отношенія въ предстоящемъ имъ общемъ дѣлѣ.

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VIII, стр. 289.

— Либо панъ, либо пропалъ, высказалъ Болотниковъ уже на берегу Десны, матовая зеркальная поверхность которой туманилась въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ.—Поворота мнѣ нѣтъ. Подыму голытьбу на боярство, казачину на Москву; накормлю голодныхъ животами богатыхъ, напою холопей дворянскою кровью. Хоть день, да мой. А коли выгоритъ наше холопское дѣло—не бывать старому московскому порядку, а быть порядкамъ новымъ... За слободу людскую помру!

— Веди, поспѣшай, самозваннаго царя на Москву, добавилъ Лисовскій.—А мы, вольные атаманы, поработаемъ. На падлу вѣдь воронье слетается.

Рѣзкое, зловѣщее карканье тяжело слетѣвшаго съ макушки дерева ворона невольно заставило Болотникова вздрогнуть. Суевѣрный страхъ, врожденный еще съ дѣтства, вдругъ заговорилъ въ немъ. Злобный взглядъ его умныхъ глазъ засвѣтился еще мрачнѣе.

— Не къ добру! прошепталъ онъ и слѣзъ съ коня.

— Не отвыкъ ты, должно, Ивашка, въ чужеземцахъ отъ бабьихъ вашихъ вздоровъ, насмѣшливо замѣтилъ ему Лисовскій, желая ободрить товарища.—Задумалъ какъ мужчина, а вертишься по-бабьи,—робѣешь.

— Увидишь, сробѣетъ ли Ивашка Болотниковъ въ нужный часъ, сказалъ уже спокойно и твердо Болотниковъ, направляясь къ парому, слегка покачиваемому зыбью.—Прощай! голосъ его звучалъ рѣшительно.

— Въ добрый часъ, напутствовалъ его Лисовскій, слѣдя съ минуту за отважнымъ товарищемъ, спускавшимся съ лошадью по меловымъ рытвинамъ крутаго берега.

Когда утренній жаръ спалъ, на бивакѣ раздался звукъ охотничьяго рожка. Столь нетерпѣливо желанный сигналъ вызвалъ суетливый сборъ охотниковъ. Призывный звукъ рога разносился услужливымъ эхо подъ лиственнымъ сводомъ, заглушаясь лѣсною безконечною далью. Рогамъ вторилъ нестройный лай собакъ, прыгавшихъ на сворахъ. Крики псарей, звонкое хлопанье арапниковъ, конское ржанье и веселый смѣхъ мѣшались въ общій гулъ, празднично отдававшійся въ душѣ панны Ортансы. Даже старый „упіусъ“, панъ Неборскій, вопреки своему правилу напиваться спозаранку, сидѣлъ на своемъ складномъ стулѣ только въ-полпьяна и хриплымъ басомъ отрывисто выкрикивалъ приказанія. Старый ловчій Якубъ подобострастно выслушивалъ распоряженіе „оцѣпить островъ“ и поднять лося, котораго лежка „досконально“ была опознана, по указанію полѣха, знавшаго свой темный боръ во всѣхъ его подробностяхъ, со всѣми его хищными и дикими звѣрями. Послѣ всякаго возгласа „тлустаго пана“: „слухай, панъ Якубъ“,—старый ловчій прикладывалъ къ груди правую руку и низко кланялся съ сокрушеннымъ видомъ какъ бы вѣчно виноватаго слуги. Онъ превращался въ вопросительный знакъ, нагнувъ стриженую голову съ униженьемъ, какъ бы всегда твердившимъ: „падамъ до ногъ панскихъ“ и сдѣлавъ надъ

своимъ ухомъ щитокъ изъ ладони лѣвой руки, чтобы не проронить ни малѣйшаго панскаго слова. Но въ ту самую минуту, какъ панъ Неборскій, сдѣлавъ съ глубокомысліемъ стараго, опытнаго охотника, всѣ необходимыя распоряженія, приказалъ „пускать" гончихъ, изъ передоваго отряда прискакалъ жолнеръ съ извѣстіемъ, что въ виду показалось московское войско, конное и пѣшее.

— На коны! хрипло заревѣлъ Неборскій въ досадѣ, что „пшеклянты москали" отрываютъ его отъ веселаго занятія,—Москали! нехъ ихъ вшистки дзяблы везьмо!.. Мы имъ зададимъ, коллеженство, добраго прочухана! Дай мнѣ ихъ!

На бивакѣ поднялась страшная суматоха. Жолнеры бросались къ лошадямъ, спѣшно сѣдлали ихъ. Обозные торопились убрать панскіе пожитки и войсковыя тяжести и кое-какъ грузили ихъ на воза.

— Живо, лайдаки! Садись! громко кричалъ, покраснѣвъ съ натуги, Лисовскій, разъѣзжая по шумѣвшему и суетившемуся какъ обезпокоенный пчелиный рой биваку съ саблей въ рукѣ.—Садись! Стройся!

Вышколенные имъ лисовчики скорѣе распущенныхъ пятигорцевъ выстроились въ сотни, и Лисовскій на рысяхъ повелъ ихъ изъ лѣсу. Подвернувшійся тутъ „полѣхъ" взялся указать ему направленіе, котораго они должны были держаться, чтобы не встрѣтиться съ наступавшимъ царскимъ отрядомъ, повидимому сильнымъ и разсчитывавшимъ захватить ихъ въ лѣсу. Полѣхъ вызвался вывести поляковъ лѣсомъ, за Брянскъ, къ самому литовскому рубежу. Основательно опасаясь брянскаго гарнизона, могшаго отрѣзать полякамъ отступленіе въ Литву и, такимъ образомъ, дать возможность царскому отряду, наступавшему отъ Калуги, разбить ихъ, Лисовскій рѣшился лѣсами прикрывать свое движеніе. Какъ только Неборскій со своими пятигорцами присоединился къ Лисовскому, довуцы повели свой отрядъ спѣшно, безъ оглядки. Панна Ортанса, верхомъ на конѣ, ѣхала въ рядахъ жолнеровъ, а панна Гонората снова возсѣла на свой возъ съ „панскимъ" курятникомъ, приходя въ отчаяніе отъ мысли снова попасть въ московскій плѣнъ, столько грозившій, какъ ей казалось, ея женскому цѣломудрію.

— Панъ Ромуальдъ, жалобно говорила она, обращаясь къ хорунжему Голынскому, начальствовавшему обозомъ,—я надѣюсь, панъ не дастъ москалямъ въ обиду несчастныхъ женщинъ... Храбрый панъ съумѣетъ защитить ихъ и этимъ навсегда пріобрѣтетъ себѣ любовь тѣхъ, которые...

Но почтенная дѣвственница не договорила и, пронзительно вскрикнувъ, въ непритворномъ ужасѣ упала ничкомъ на куриную клѣтку. Передъ нею изъ-за кустовъ выросла свирѣпая, бородатая фигура москаля съ рогатиной въ рукѣ. Прежде чѣмъ хорунжій Голынскій успѣлъ опомниться и съ крикомъ „Москали!" обнажилъ саблю, какъ увидѣлъ себя окруженнымъ толпой мужиковъ, старыхъ и молодыхъ, вооруженныхъ чѣмъ попало: кто съ рогатиной, кто съ старой пищалью

безъ курка; у кого сбоку висѣла сабля, а въ рукахъ торчала пика; большинство же грозно махало тяжелыми дубинами. Толпа, съ громкими криками „бей ляховъ, бей нехристей!“ напирала со всѣхъ сторонъ изъ кустовъ, густо обсѣвшихъ въ этомъ мѣстѣ лѣсную дорожку. Одни хватались за поводья и били дубьемъ по лошадинымъ мордамъ, другіе стаскивали за ноги поляковъ, стѣсненныхъ отовсюду соснами и кустами и не имѣвшихъ возможности выстроить ряды и пробиться сквозь густую толпу нападающихъ. Ободряющіе крики, русская и польская брань, звякъ сабель и глухіе удары дубинъ, мѣшались съ отчаянными стонами раненыхъ и умирающихъ. Пистолетнымъ выстрѣломъ хорунжій Голынскій положилъ на мѣстѣ здороваго мужика въ треухѣ изъ собачьяго мѣха, рваномъ полушубкѣ и лаптяхъ; другому раскроилъ саблей голову, но добрый ударъ дубины по затылку лишилъ его чувствъ и повергъ на землю. Сотня хорунжаго Голынскаго смятая, разсѣянная, гибла подъ сокрушительными ударами невѣдомо откуда взявшейся толпы.

— Ратуйте, дѣтушки! Порадѣйте, православные, во имя Божіе и Миколы чудотворца! Съ нами крестная сила!—ободрялъ эту нестройную, но дружную толпу нападающихъ рослый брюханъ, по виду попъ, въ черномъ нанковомъ подрясникѣ, опоясанномъ саблей, въ нагрудникѣ изъ желѣзныхъ ржавыхъ колецъ, застегивавшихся на спинѣ частыми ремнями съ мѣдными пряжками, тоже нѣсколько защищавшими отъ удара спину; на огромной какъ котелъ головѣ его, съ заплетенной на затылкѣ косицей, плотно сидѣла желѣзная шапка, съ остріемъ на верху, придерживаемая ремешкомъ, завязаннымъ подъ подбородкомъ. Сверхъ панцыря блестѣлъ, вися на шеѣ, мѣдный крестъ; въ его рукахъ не бездѣйствовала длинная пика, съ насаженнымъ ниже острія топоромъ. Ободряя своихъ поработать во имя „Миколы“ чудотворца хриплымъ, грубымъ голосомъ, онъ поталкивалъ въ шею то одного, то другаго, съ краткимъ приказомъ: „помочи дай; убери!“ Онъ самъ мощною рукою „помогалъ и убиралъ“, то есть, попросту, кололъ своей пикой и рубилъ своимъ топоромъ. Хладнокровіе и спокойная распорядительность этого воинствующаго попа, а также замѣчательное презрѣніе опасности, направлявшее его въ самый разгаръ боя, всегда склонявшагося на его сторону, какъ только онъ являлся, обличала въ немъ привычнаго къ ратному дѣлу человѣка. Онъ чуть не цѣлою головой возвышался надъ толпой, которою повелѣвалъ.

— За Миколу чудотворца поратуйте, дѣтушки! Царствіе небесное себѣ уготовьте, православные! хрипло покрикивалъ онъ, ссаживая съ коня своею длинною пикою то того, то другаго поляка.

— Бей нехристей! бей раззорителей нашихъ! бей ляховъ на ущалъ! ревѣла дикая мужичья толпа, плотно охватившая своею живою, сѣрою волной убывающую все быстрѣй и быстрѣй сотню лисовчиковъ, попавшихъ въ засаду.

Между тѣмъ, какъ гибла задняя караульная сотня хорунжаго Голынскаго подъ дубинами разъяренныхъ мужиковъ, шедшій впереди Лисовскій вдругъ очутился передъ глубокимъ лѣснымъ оврагомъ, перерѣзавшимъ отряду путь „мочежиной“, то есть топкимъ, сочившимся всюду водой болотомъ, заросшимъ лозой. Самъ попробовавъ перебраться черезъ эту топь и чуть не утопивъ въ ней своего выносливаго степнаго коня, Лисовскій убѣдился, что топь непроходима, и что она тянется въ обѣ стороны, на далекое разстояніе.

— Проводника! вскричалъ онъ, понявъ, что тотъ завелъ ихъ въ чертову трущобу.—Повѣсить лайдака!

— Проводника! пошло по рядамъ лисовчиковъ и прокатилось по безконечному бору.

Но сѣрый холопъ, такъ добродушно вызвавшійся ихъ проводить, надъ кѣмъ всю дорогу глумились поляки, бѣжалъ, конечно, къ своимъ, сдѣлавъ свое дѣло. Въ безсильной злобѣ, не зная на комъ ее выместить, довуцы рѣшили взять круто вправо къ полю и, въ случаѣ встрѣчи тамъ съ царскимъ войскомъ, пробиться къ литовскому рубежу. Тотъ же глубокій лѣсной оврагъ, съ тѣмъ же „мочежинникомъ“, непролазною топью болотною скоро встрѣтилъ ихъ и на этомъ пути. Было ясно, что они попали въ ловушку, что на эту ловушку разсчитываютъ ихъ коварные враги, москали. Выстрѣлы, крики и шумъ боя, раздавшіеся въ тылу отряда, скоро подтвердили довуцамъ основательность ихъ подозрѣній. Оставалось имъ повернуть назадъ и спѣшить на помощь сотнѣ Голынскаго. Но опытные довуцы невольно терялись при мысли объ условіяхъ, при которыхъ имъ, кавалеристамъ, приходится сражаться; что̀ можетъ сдѣлать самая лихая въ свѣтѣ конница, каковою были лисовчики и пятигорцы, въ густомъ лѣсу, противъ пѣшихъ стрѣлковъ, укрывающихся за деревьями и кустами? Натискъ строемъ—эта сила конницы, здѣсь невозможенъ; впрочемъ, эти невеселыя соображенія, которыми по необходимости обмѣнялись между собою довуцы, не умалили ихъ мужества. Они слишкомъ были закалены всякою военною случайностью и, къ чести своей, не падали духомъ въ самыхъ трудныхъ и неожиданданныхъ обстоятельствахъ. Вызвавъ лучшихъ стрѣлковъ впередъ, приказавъ имъ по возможности неразрывать строя и подаваться впередъ съ непрерывнымъ мѣткимъ огнемъ, довуцы пошли назадъ. Лисовскій велъ конныхъ стрѣлковъ, Неборскій разсчитывалъ охватить пикинерами москалей справа и слѣва и врубиться въ нихъ.

— Пропали мы! отчаяннымъ голосомъ сказалъ довуцамъ встрѣтившійся жолнеръ, весь въ крови, спасшійся изъ сотни Голынскаго.

— Хорунжій? спросилъ Неборскій.

— Убитъ!

— Сотня?

— Побита!

— Москалей много?

— Туча,—мужичье-сиволапы!

— Мужичье! надменно воскликнулъ Неборскій. — Мы зàразъ съ ними раздѣлаемся!.. Достанетъ для нихъ сосенъ въ лѣсу. Жолнеры! каркнулъ онъ своимъ вороньимъ крикомъ, — ни единому москалю нѣтъ пощады! Нехъ меня дзябли вписткн везьмо! Выручай своихъ, храбрые поляки! Смерть москалямъ!!

— Смерть москалямъ! гаркнули сотни, торопившіяся, насколько позволялъ имъ лѣсъ, къ мѣсту кипѣвшаго боя. Между тѣмъ уже наступили сумерки. Невѣрный свѣтъ только что поднявшагося мѣсяца освѣтилъ въ глазахъ польскаго отряда нестройную мужичью толпу, расправлявшуюся съ двумя десятками жолнеровъ, отчаянно защищавшихъ свою жизнь. Лисовскій только усмѣхнулся своей злой, сухой усмѣшкой, и его правая рука, съ заряженной винтовкой, изъ которой онъ не зналъ промаха, задрожала отъ радостнаго нетерпѣнія.

— Хлопцы! скомандовалъ онъ своимъ стрѣлкамъ съ винтовками, лежащими наготовѣ, на сгибѣ лѣвой руки.—Стрѣляй въ это быдло по моему знаку! Зададимъ скотамъ перцу!

Но зоркій глазъ его вдругъ поразили блестящія точки и полоски, словно разбросанныя капризомъ мѣсячнаго свѣта по темнымъ кустамъ. Внимательнѣе оглянувшись, онъ убѣдился, что множество ружейныхъ стволовъ цѣлятся въ нихъ въ эту минуту отовсюду, гдѣ только можно спрятаться. Незнакомый отважной душѣ Лисовскаго холодъ ужаса невольно охватилъ его и заставилъ вздрогнуть при мысли, чтò это стрѣльцы царскаго войска, успѣвшаго занять лѣсъ, съ которыми имѣть дѣло, да еще въ лѣсу, совсѣмъ не то, что съ сѣрымъ быдломъ, которое оретъ и дерется дубинами. Не успѣлъ Лисовскій сообщить свое невеселое открытіе Неборскому, какъ грянулъ страшный ружейный залпъ, отъ краснаго, зловѣщаго огня котораго какъ бы вспыхнулъ на минуту мрачный лѣсъ, зароко̀талъ и отдался въ немъ далеко тысячами грозныхъ звуковъ.

Жалкую безпорядочную толпу оробѣлыхъ, онѣмѣвшихъ отъ ужаса людей представляли стройныя сотни, только что грозно шедшія и несшія смерть сѣрому московскому „быдлу", когда разсѣялся пороховой дымъ. Чуть не третья часть стрѣлковъ и копейщиковъ валялась въ крови; крики и стоны раненыхъ, отчаянный скокъ лошадей безъ всадниковъ, на мигъ смутили даже такихъ привычныхъ къ нечаянностямъ и капризамъ военной фортуны бойцевъ, какими были оба довуцы.

— Впередъ! держись поляки! гаркнулъ Неборскій. За старымъ довуцей!

Но тутъ послѣдовалъ второй залпъ, убѣдившій поляковъ, что лѣсъ кишитъ царскими воинами и что дѣло ихъ, поляковъ, скверное.

Остатки разстроенныхъ сотенъ безпорядочной толпой бросились за довуцами, съ пиками на перевѣсъ и саблями на голо... Въ ту минуту, когда они врубились отчаянно въ сѣрую толпу мужиковъ,

топча ихъ и разгоняя конями, нѣсколько сотенъ конныхъ стрѣльцовъ ударили на нихъ съ тылу, съ боковъ, рубя саблями съ громкимъ восклицаніемъ: „Святой Микола—не выдай!"

Лисовчики и пятигорцы дрогнули; раздались крики о пощадѣ и еще громче крики: „спасайся, кто можетъ!.." Мрачный лѣсъ загудѣлъ подъ топотомъ бѣглецовъ и погони; гремѣли и рокотали выстрѣлы, все удаляясь отъ мѣста боя, заваленнаго убитыми и ранеными; побѣдителями остались все же сѣрые мужики съ своимъ дюжимъ попомъ. Пѣшій стрѣлецкій приказъ спѣшно ушелъ по слѣдамъ бѣжавшихъ поляковъ; конница гнала ихъ и рубила. Богатый обозъ пана Неборскаго, его нейтычанка съ чудесными лошадьми, повозка Лисовскаго, все имъ досталось. Но ни одинъ изъ этихъ оборванныхъ, большею частью босоногихъ, сѣрыхъ мужиковъ не дотронулся ни до лоскута, ни до какой уздечки, доставшейся ему по праву побѣды.

Все сносилось въ кучу и складывалось на возы польскаго обоза, подъ строгимъ всевидящимъ окомъ дюжаго попа. Хуже прочихъ ободранный старый мужиченка, словно бы правившій казначейскую должность, старательно укладывалъ и увязывалъ добычу, не переставая бормотать, что-де народъ нынче дюже сталъ воровать, правды отъ него не сыщешь: несетъ на возъ кошель, а два, гляди, за пазуху сунулъ. Мужики только простодушно посмѣивались по поводу стариковой подозрительности, обмѣнивались съ нимъ остротами, и снова шли „обирать убитыхъ", то есть, попросту, всѣхъ валявшихся на полѣ битвы, безжалостно добивая раненыхъ.

— И куръ, гляди, полнехонька клѣтка, отче Винохватъ, замѣтилъ старый мужиченка дюжему попу.—Должно, нашинскія куры, мужицкія, не покупныя?

— Будетъ покупать полякъ у мужика куръ, коли женку мужичью силою на постель къ себѣ беретъ, а самого какъ собаку вѣшаетъ! смѣясь замѣтилъ старику попъ.—А ты, Семейко, не ошибайся въ моемъ поповомъ имени; понеже отцемъ Вонифатіемъ нарекся, а не Винохватъ. И то прозвище мнѣ зазорно,—ибо кто есть Винохватъ? Винолюбецъ, виноблудникъ, виночерпій жаждущій!

— По нашему, мужицкому, Винохватъ будто пріятнѣе, простодушно утверждалъ старый Семейко,—потому мужицкій языкъ, самъ вѣдаешь, неповоротень: я твоего имени настоящаго, хоть убей, не вымолвлю, чудное право: Во... Вонь... хватъ; нѣтъ, ужъ ты на насъ не серчай, попъ. Э, э! батька: да намъ Господь, никакъ, и дѣвку польскую послалъ? Подъ возъ забилась со страстей!—ну, панна, вылѣзай, слышь? аль оглохла? вылѣзай, не то за косу выволоку.

Старый Семейко, безъ дальнихъ нѣжностей, потащилъ спрятавшуюся подъ возомъ панну Гонорату за ногу, къ ея несказанному ужасу, вызвавшему, конечно, пронзительный крикъ.

— Тащи красотку! одобрительно замѣтилъ тучный попъ, прилегши на возу съ своей доблестной пикой поотдохнуть отъ немалыхъ рат-

ныхъ трудовъ, подъятыхъ имъ во славу Божію и „Миколы“ чудотворца. Но когда передъ тучнымъ, тяжко сопѣвшимъ брюханомъ - попомъ предстала во всей своей дѣвственной красотѣ тощая панна Гонората съ размалеванныхъ лицомъ, выражавшимъ ужасъ, съ подкаченными подъ лобъ овечьими глазами и съ взбитыми вверхъ волосами,—онъ даже трижды плюнулъ въ сторону и трижды перекрестился со словами: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!

— Ты изъ какихъ же это будешь, панна? Женка, аль дѣвка? спросилъ онъ, наконецъ, трепещущую Гонорату.—Можетъ, гадальщица ты какая, аль чародѣйница? Слыхалъ я, самыя онѣ такія, видъ такой имутъ: поваплены вапами, посуромлены сурьмою, и власы вспутаны...

— Якъ пана Бога кохамъ, естемъ дóбра католичка, и невинна дѣвчина! съ плачемъ упавъ передъ попомъ на колѣни и поднявъ къ небу руки, взвыла Гонората.—Прóшу милости: въ Литву отпусти меня, почтенный человѣкъ! Можетъ быть, у тебя самого есть такая же дочь?..

— Избави Богъ отъ такой дочери! Съ нами крестная сила! и тучный попъ сплюнулъ. Убери дѣвку, Семейко: кабы не путящи у ней глаза... чуръ насъ; противъ ночи бѣсовскія ухищренія сугубо дерзновенны, и ликъ принимаютъ женскій, подобный сей Iезавели нечестивой.

— Нарядна, ѣдятъ тебя мухи, могъ только замѣтить оборванный старикашка Семейко, неодобрительно и опасливо покачивая головой и разглядывая престарѣлую раскрашенную польскую дѣву.—Ей помирать пора, а она скоморошницей обрядилась, проклятая! Мудреныя эти полячки, даже на женскій полъ не похожи!—Ну, одёръ, подымайся! крикнулъ онъ на бѣдную Гонорату.—Полно выть-то; чего добраго, вытьемъ-то этимъ всѣхъ своихъ бѣсоугодницъ скличешь сюда... садись на возъ...

Гонората безпрекословно сѣла на возъ, покоряясь своей горькой участи и сознавая себя плѣнницей этихъ одичалыхъ людей. Тучный попъ, погрозивъ ей внушительно своимъ толстымъ перстомъ, грозно произнесъ:

— Гляди у меня, польская тварь, ни гу-гу: а замѣчу твое волхвованіе на мѣсяцъ, или на звѣзды, или на иную Господню планиду,— тутъ тебѣ и карачунъ!

Затѣмъ, скинувъ свой желѣзный шишакъ и отдуваясь тяжко, онъ съ усиліемъ слѣзъ съ воза, снялъ съ груди своей мѣдный крестъ, взялъ его въ руку, надѣлъ старенькую эпитрахиль сверхъ желѣзнаго нагрудника и медленно двинулся къ говорливой мужицкой толпѣ, окружавшей снесенныхъ съ поля битвы павшихъ русскихъ, уложенныхъ рядышкомъ, съ связанными изъ сосновыхъ вѣтокъ крестами въ рукахъ. При приближеніи попа, мужицкая толпа набожно обнажила головы и смолкла, какъ бы въ церкви. Попъ „Винохватъ“ приступилъ къ панихидѣ по православнымъ христіанамъ, доблестнымъ ратникамъ,

животъ свой положившимъ на брани за Христа, его церковь святую и родину. Глубокое умиленіе вызвало въ сѣрой мужицкой толпѣ эта панихида, при мѣсячномъ свѣтѣ и красномъ отблескѣ большого костра. Послышались рыданія, вздохи, головы набожно наклонялись, руки крестились. Исполнивъ свой долгъ „по чину Мелхиседекову", то есть какъ іерей, тучный попъ направился къ „болящимъ и недужнымъ"— раненымъ. Каждаго раненаго попъ распросилъ, осмотрѣлъ рану, промылъ, перевязалъ, при помощи нѣсколькихъ „удосужливыхъ" мужиковъ. Вернулся онъ къ веселому костру усталый, обливаясь пòтомъ, и отирая его безпрестанно скомканнымъ платкомъ, имѣвшимъ полное право называться тряпкой.

— Алчу и жажду! кратко, но выразительно обратился онъ къ старому Семейкѣ, грузно повалясь у костра.

— Нѣшто литовскій харчъ отвѣдаешь, попъ? не то спросилъ, не то утвердилъ шустрый Семейко, таща съ воза огромный липовый складень съ польскими колбасами и прочей благодатью, искусно приготовленной для взыскательнаго желудка „тлустаго" пана Алоизія его панскимъ кухаремъ.

— Что жъ? согласился попъ.—Поляки все же Христовой вѣры, ихняя снѣдь не скверная. Давай, старикашка, жрать; вотъ какъ взалкалъ! Поворочалъ-таки десницей и шуйцей! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Благословивъ польскіе припасы, православный попъ принялся за нихъ съ необычайнымъ усердіемъ. А въ то же время его сѣренькіе мужиченки, тоже усталые и голодные, присѣвъ и прилегши кругомъ костра, изъ своихъ холщевыхъ сумокъ и торбъ достали ломти ржанаго хлѣба и, посоливъ его для вкуса, запивали ключевой водой, лѣниво позѣвывая и вспоминая „горячую баню", что задали они вмѣстѣ со стрѣльцами полякамъ.

Звукъ военной трубы, торжественно прокатившійся по лѣсу, заставилъ всѣхъ находившихся у костра оглянуться. Къ нимъ приближались московскіе стрѣльцы въ длинныхъ алыхъ кафтанахъ со стоячимъ воротникомъ и бѣлыми кожанными перевязями черезъ плечо, на которыхъ висѣли сабли. Одной рукой они несли на плечѣ длинныя копья, въ другой пукъ ярко пылавшихъ сосповыхъ вѣтвей. Эти незатѣйливые факелы ярко освѣщали по лѣсу путь боярину, слѣдовавшему верхомъ на гнѣдомъ могучемъ жеребцѣ, между двумя рядами стрѣльцовъ. Повидимому, то былъ воевода; за нимъ валили густые ряды стрѣльцовъ. Не доѣзжая костра, бояринъ остановился и слѣзъ съ коня, подхваченнаго стрѣльцомъ. Когда онъ подошелъ, опираясь на саблю и слегка похрамывая, къ мужицкой толпѣ, озиравшей его съ любопытствомъ людей, рѣдко видящихъ знатныхъ военачальниковъ, отблескъ костра обнаружилъ въ немъ пожилаго боярина замѣчательной, мужественной красоты.

То былъ князь Петръ Ивановичъ Буйносовъ-Ростовскій, нашъ московскій знакомецъ. Его-то рать, заставившая Лисовскаго и Неборскаго бѣжать лѣсомъ къ литовскому рубежу, задала трепку этимъ отважнымъ разбойникамъ. Вѣрные „языки", во все время его похода изъ Москвы, сообщали князю свѣдѣнія о движеніи вольныхъ польскихъ пановъ къ Деснѣ, о жестокостяхъ и насиліи, которымъ подвергалось отъ нихъ, по пути ихъ, русское населеніе. Возмущенный всѣми доходившими до него слухами, благородный князь поклялся настигнуть ихъ прежде, чѣмъ они переправятся за Десну. Послѣдніе его переходы сообразовались съ переходами хищныхъ пановъ. Орелъ охотился на ястребовъ. Полѣхъ, взявшійся вывести поляковъ лѣсомъ къ рубежу, былъ подосланъ княземъ и, заведя ихъ въ дремучую часть бора между Десною и глубокимъ оврагомъ съ болотомъ, весною заливаемымъ водою, бѣжалъ къ царской рати и указалъ стрѣлецкому приказу псковскаго головы Изота удобное мѣсто для засады и встрѣчи Лисовскаго и Неборскаго, которые—хочешь не хочешь—должны были повернуть назадъ. Станъ свой князь разбилъ близъ бора, на чистомъ полѣ; конница его стояла на „чуку", дабы вòвремя помочь стрѣльцамъ въ лѣсу и преслѣдовать бѣгущихъ поляковъ; что они побѣгутъ,—въ этомъ онъ былъ увѣренъ; онъ зналъ псковскаго голову Изота. Но князя удивилъ нежданный союзникъ: какой-то толстый, кое-какъ вооруженный мордатый попъ съ толпой мужиковъ, такъ начисто отдѣлавшій сотню Голынскаго. За тѣмъ самымъ и пріѣхалъ князь, чтобы во-очію увидѣть толстаго попа и спросить его: кто онъ, и почему священническій крестъ не мѣшаетъ ему браться за мечъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—прохрипѣлъ попъ Вонифатій, при чемъ вздрагивала его небольшая съ просѣдью бороденка, когда онъ тяжело поднялся при помощи стараго Семейки для того, чтобы благословить подошедшаго къ нему князя жирною, большою и грязною лапою; при этомъ князь убѣдился по лицу попа, что онъ немного выпивши.

— Должно, нàбольшій ты воевода царской рати, что на Петрушку самозванца, да на его потаковниковъ—Шаховскаго князя и прочихъ воровъ, идешь? Здравствовать бы тебѣ, честный бояринъ, именитый князь,—имя отечество твое не вѣдаю.

— Рабъ Божій Петръ Ивановъ сынъ, князь Буйносовъ-Ростовскій, вѣрный воевода благочестиваго царя всея Россіи, Ивана Васильевича, многая ему лѣта! отвѣчалъ бояринъ, молодецкій видъ котораго и богатый бархатный красный кафтанъ подъ золоченымъ панцыремъ, золоченый шеломъ и красивое лицо, опушенное черной бородой, произвели на густую толпу валявшихся у костра мужиковъ самое благопріятное впечатлѣніе, вызвавшее лестный для самолюбія князя шепотъ, взгляды и замѣчанія.

Попъ Вонифатъ не спускалъ съ князя своихъ маленькихъ, сѣрыхъ глазъ, заплывшихъ жиромъ и разрумяненныхъ сивухой. Высокая

4*

грудь его подымалась часто, переводя духъ: одышка его брала; онъ низко поклонился князю.

— Пришедъ къ огню, княже именитый, военачальникъ царскій, почетнымъ гостемъ да будешь, сказалъ онъ и самъ грузно опустился на мѣшокъ съ польскимъ добромъ только тогда, когда князь сѣлъ на польское сѣдло, проворно подсунутое ему мужикомъ.

— Добре, добре, старикашка, одобрительно замѣтилъ попъ Семейкѣ, явившемуся съ двумя бутылками венгерскаго вина и двумя серебряными чарками, найденными въ запасахъ „тлустаго“ пана Неборскаго.

— Погостить честнаго гостя, жажду утолить жаждущаго, то дѣло Богу угодное; выкушай, княже, панскаго винца на доброе здоровье.— Попъ налилъ чарку и съ поклономъ передалъ ее боярину; другую чарку налилъ себѣ и не замедлилъ поднести ее къ своему объемистому рту.

— Спасибо тебѣ, попъ, что порадѣлъ ты съ своимъ мужичьемъ царскому дѣлу, началъ князь, съ удовольствіемъ глотая чудесное крѣпкое вино, дѣлавшее честь вкусу стараго пьяницы, пана Алоизія.— Но какъ ты попалъ въ этотъ боръ одновременно со мною, словно бы столкнулись мы,—то мнѣ въ диво! Повѣдай мнѣ то!

— Господня планида навела насъ, княже, въ сей боръ дремучій, порадѣть царскому дѣлу: „перелеты“ мои сѣрые оповѣстили—молъ, царская рать лисовчиковъ въ бору семъ накроетъ, быть-де кровоточенью. Самъ вѣдаешь: орлы слетаются, а воронье за ними. Схоронился я въ кустахъ частыихъ, а со мной полтысящи сѣрмяжниковъ сихъ дубино-носцевъ. Пока ты дѣло свое воеводское налаживалъ, мы польскую-то сотенку прибрали и съ обозомъ... на бѣдность нашу на сиротскую Господь-таки послалъ намъ; всего довольно, что казны денежной, что рухобы, и харчи, и прочаго. И тебѣ, именитый княже, великое наше благодареніе за твое неоставленье. Плохо бы намъ пришлось отъ сихъ вспять вернувшихся лисовчиковъ, кабы не твои мушкеты стрѣлочьи; тѣсноту себѣ отъ лисовчиковъ мы видѣли малую, понеже конники твои заразъ ихъ саблями погнали. И въ томъ помогъ имъ Архистратигъ Михаилъ, съ легіономъ силъ небесныхъ.

— Но самъ ты, іерея чинъ имущій, почтò подъялъ мечъ бранный?— спросилъ князь, съ понятнымъ любопытствомъ разглядывая тучнаго попа, добросовѣстно осушавшаго другую чарку венгерскаго. Наливъ себѣ и князю по третьей чаркѣ, попъ, тяжело отдуваясь и отеревъ скомканнымъ платкомъ жирное, красное лицо, важно началъ:

— Азъ, неключимый рабъ Божій, іерей недостойный Вонифатій, возста со мнози вои и препояса чресла своя оружіемъ ратнымъ, ополчился на врази,—зря знаменіе перста Божія! Не тати мы въ нощи и не убивцы, и не человѣконенавистники, а церкви православной воины! Попъ Вонифатъ—не то чтобы какой нибудь „невѣгласъ попъ“ и не изъ неграмотныхъ сельскихъ поповъ. Книжному ученью вельми я обученъ, княже; самъ брянскій владыко меня, іерея,

хиротонисалъ; въ пѣніи церковномъ я регентомъ состоялъ, ибо громогласенъ бѣ. Не послѣднимъ попомъ сельскимъ числился: благочиніемъ завѣдывалъ и не пустымъ домомъ жилъ, но хозяйствовалъ и пріумножалъ достатки свои. Сидѣла наша слобода „Ѣздоцкая" на муравскомъ шляху, въ Амченскомъ уѣздѣ. Іерействовалъ азъ въ той слободѣ при церкви деревянной, Миколы чудотворца. Самъ вѣдаешь, княже, татаровя, литва, казаки и свои воры русскіе сколько вотъ годовъ изводомъ изводятъ крестьянство православное, раззоромъ раззоряютъ! Въ прошломъ годѣ, осенью, набѣжали на слободу нашу Ѣздоцкую лисовчики съ Литвы, пограбили наши животы, бабъ молодыхъ да дѣвокъ свели за собой, а дворишки наши на дымъ подняли, пожогомъ пожгли, даже честный храмъ Миколы чудотворца. Ночью наѣхали. Моя семья, какъ спала въ избѣ, такъ и осталась; ни единая душа не выскочила. Жена, попадья моя, трое дѣтокъ, царство имъ небесное, вѣчный покой!.. Страстотерпцы!..

Тучный попъ не могъ продолжать своего разсказа за волненіемъ, овладѣвшимъ имъ при столь тяжкомъ воспоминаніи. Его заплывшіе, красные съ хмѣлю глаза вдругъ блеснули слезами; высокая грудь чаще переводила дыханіе, а все лицо выражало несносную душевную боль. Въ мужицкой толпѣ, валявшейся у костровъ, послышались сочувственные попу вздохи и шепотъ.

— Эхъ-ма! вздохнувъ, замѣтилъ старикашка Семейко, все время не спускавшій своихъ рысьихъ глазъ съ польскаго обоза. — Ну, и жизнь наша, украинская! какъ переночевалъ—слава Богу!

Попъ Вонифатъ скоро оправился и рукавомъ засаленнаго ваточнаго нанковаго подрясника не безъ досады дернулъ по мокрымъ глазамъ, словно бы устыдясь своей минутной слабости и продолжалъ:

— Видючи себѣ обиду несносную и обороны себѣ ни откуда жъ, собрались мы, сироты горькіе, всѣмъ селомъ своимъ Ѣздоцкимъ и порѣшили: пепелище сельное покинувши, паки скрыться въ скрытное мѣстушко, во дремучіе лѣсы, въ часты кусты, въ теплы станы, съ женскимъ поломъ и дѣтворой, дабы въ конецъ насъ не повоевали злыдни. Отслужилъ я сельчанамъ панихиду по убіеннымъ и по въ литовскій полонъ сведеннымъ, а послѣ молебствіе напутственное съ колѣнопреклоненіемъ. И пошли всѣмъ селомъ на Тускарь на рѣку. Стали въ похоронномъ мѣстушкѣ, во темныхъ лѣсахъ, въ частыхъ кустахъ теплымъ станомъ. „Дугой" кормимся, чужбинкой. Грѣхъ, да дѣлать нечего: не съ голоду людишкамъ пухнуть. Взяться не за что: раззорены. Мужичье дѣло—присѣваемъ, траву косимъ. А коли гладенъ мужикъ, аки волкъ, и нищъ, аки Лазарь на гноищѣ, тотъ же онъ волкъ лѣсовой. Кровной же обиды я не велю, упаси Боже, памятуючи писаніе Божіе. И бѣдноту не обижаемъ. И мужичье изъ моей поповской власти не выходятъ, ибо азъ есмь не наемникъ, а пастырь добрый, душу свою полагаяй за овцы своя. Татара и ляшка изводимъ, гдѣ

способно, съ помощью Миколы чудотворца, а своимъ, православнымъ, мы не вразн.

— Свой своему поневолѣ братъ, замѣтилъ князь, внимательно слушая попа и невесело обдумывая положеніе украинскихъ дѣлъ, правдивую картину которыхъ усмотрѣлъ изъ попова разсказа.

— Не душегубы мы, княже, но токмо горемыки, себя обороняемъ отъ конечной гибели, продолжалъ попъ, наливая князю и себѣ по четвертому стакану вина.—И добро творимъ, о немъ же всуе свидѣтельствовать: пропитываемъ старыхъ, убогихъ, младенцевъ неповинныхъ. Злодѣевъ же, Русь православную воюющихъ, казнимъ и сокрушаемъ, яко Самсонъ костью ослячею сокрушилъ филистимлянъ... Не мало пристало къ намъ, въ станъ темный, тѣхъ-то „горюновъ", что съ полѣсья литовскаго, изъ-за „рубежа", ради горя своего притекли, на своихъ польскихъ пановъ рыкающе.

XIX.

„Oczy mi czemus płacza,
A drźy wszystko cialo,
Serçe w jakiéjś źalości,
Juz prawie struchlało".

„Изъ моихъ глазъ текутъ слезы, я всѣмъ тѣломъ дрожу, сердце изнемогаетъ отъ какого-то томленія".

(Жизнь Іосифа, драматическое сочиненіе Николя Рея, польск. писателя XVI в.).

Возвратимся къ Ортансѣ, прелату и его юному индѣйскому ученику, слѣдовавшимъ за польскимъ отрядомъ. Когда отрядъ, встрѣтивъ на своемъ пути непроходимый оврагъ съ топкимъ болотомъ, долженъ былъ повернуть назадъ и спѣшилъ на выстрѣлы и шумъ битвы выручать заднюю сотню хорунжаго Голынскаго, попавшуюся въ засаду, прекрасная полька растерялась и заплакала. Положеніе ея, въ самомъ дѣлѣ, было ужасное, безвыходное. Равно ужасно было для нея: остаться ли въ безконечномъ лѣсу, или раздѣлить судьбу польской конницы, по всей вѣроятности печальную. Въ эту минуту къ ней подъѣхалъ Пабло и, по своему восточному обычаю, приложа ладонь къ груди, обратился къ ней съ самымъ теплымъ участьемъ:

— Прекрасная дѣва, сказалъ онъ ей на итальянскомъ языкѣ, которымъ Ортанса владѣла очень свободно, такъ какъ еще со времени королевы Бóны, родомъ итальянки, ея языкъ вмѣстѣ съ утонченными, хотя и испорченными, нравами проникъ въ высшее польское общество.—Наступилъ часъ подумать тебѣ о своей безопасности. Ты по-

слѣдуешь за мною и моимъ патрономъ, я не допущу тебя идти съ этими разбойниками. Ихъ часъ насталъ: кажется, въ этомъ лѣсу, совершится божеское правосудіе и они получатъ возмездіе, достойное ихъ преступной жизни. Съ ними—твоя гибель, съ нами—надежда на спасеніе. Такъ хочетъ Богъ всевидящій и правый. Не возражай! Я нашелъ тропу, чуть проложенную по лѣсу. Она насъ куда нибудь приведетъ. Мои глаза привыкли находить слѣдъ человѣка въ самыхъ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ Индіи. Вѣрь, что я употреблю всѣ свои силы и способности къ твоему спасенью. Довѣрься мнѣ, какъ своему лучшему другу!

Ортанса выслушала слова благороднаго юноши съ тѣмъ довѣріемъ и воскрешающею надеждой, которыя ей подсказало нѣжное чувство, свѣтившееся въ его черныхъ глазахъ и грустной, красивой улыбкѣ. Могла ли она ему не вѣрить? Ея большіе синіе глаза, еще блестѣвшіе крупными слезами, молча благодарили его за доброе участіе, столь для нея дорогое въ эту минуту. Не возражая, она позволила ему взять чумбуръ, т. е. запасный длинный поводъ ея лошади и вести ее за собой. Прелатъ, не покидавшій и теперь важности, ждалъ ихъ на своемъ красивомъ мулѣ, не трогаясь съ того чуть протоптаннаго человѣческой ногой слѣда, что отыскалъ Паdло. Осторожный монсиньоръ боялся потерять эту слабую, послѣднюю надежду на свое спасеніе. Но, какъ всегда, наружное спокойствіе прикрывало его безпокойство. Онъ только плотнѣе укутался въ широкій суконный плащъ, повидимому, разсчитывая провести ночь въ сыромъ лѣсу.

— Не плачь, юная дщерь Сіона! успокоительно замѣтилъ онъ молодой полькѣ. — Вспомни слова апостола Павла коринѳянамъ: „васъ постигло искушеніе не иное, какъ человѣческое; и вѣренъ Богъ, который не попуститъ вамъ быть искушаемыми сверхъ силъ, но при искушеніи дастъ и облегченіе, такъ чтобы вы могли перенести“.

Паdло слѣзъ съ коня и, ведя его въ поводу, пошелъ впередъ, внимательно глядя себѣ подъ ноги, иногда останавливаясь и нагибая къ землѣ голову. Въ молчаніи, полномъ затаенной тревоги, слѣдовали за нимъ Ортанса и прелатъ. Для нихъ непонятны и невидимы были признаки, которые отыскивалъ ихъ юный проводникъ, всякій разъ какъ только терялся слѣдъ. Шумъ битвы, выстрѣлы, топотъ конницы и крики „довуцъ“ давно заглохли въ лѣсной дали, а они все шли, и лѣсъ все не кончался. Ортанса замѣтила, что тропа извивалась вдоль того самаго, тоже безконечно тянувшагося оврага, что помѣшалъ довуцамъ вести отрядъ къ литовскому рубежу. Великодушіе Паdло не могло не трогать гордой красавицы и по достоинству ею оцѣнивалось. Всякому благородному душевному движенію, изъ какихъ бы основаній оно ни исходило, она такъ всегда сочувствовала. Ортанса воспитывалась въ знатной родной семьѣ, издавна хранившей лучшія преданія старой Литвы. Любезность красавицы,

отражавшая утонченные нравы королевскаго двора, при которомъ она состояла, маленькіе капризы, безъ чего трудно представить себѣ прелестную дѣвушку, не мѣшали Ортансѣ держаться строго нравственныхъ правилъ и быть религіозной. Мечтательность только что заговорившаго молодаго женскаго сердца соединялась въ ней съ глубокою набожностью католички. Религіозное настроеніе Паоло только возвышало его въ ея глазахъ. Въ своей бѣлой восточной одеждѣ, въ бѣломъ, красиво повязанномъ тюрбанѣ, серебримыхъ мѣсяцемъ, пробивавшимся сквозь зелень сосенъ, омрачившуюся съ наступленіемъ ночи, Паоло казался ей чистымъ горнимъ духомъ, посланнымъ для ея спасенія. Она усердно шептала молитвы за себя и за него. Онъ для нея сталъ дорогимъ существомъ, для счастья котораго она всѣмъ бы пожертвовала.

— Ambulamus in tenebris! (скитаемся во мракѣ), прошепталъ усталый прелатъ, подумывавшій о прелести покойнаго ночлега и горячаго ужина съ тонкимъ виномъ.—Что за варварская страна! Онъ безпокойно глянулъ на небо: большая темная туча низко нависла и скрыла мѣсяцъ. Паоло остановился; теплыя дождевыя капли падали, все усиливаясь, темнота быстро сгущалась. Лѣсная чаща чернѣлась, въ нее уже не ронялъ услужливый мѣсяцъ своихъ голубоватыхъ, фантастическихъ лучей. Мрачная туча, изъ-подъ которой пахнуло сырымъ, холоднымъ вѣтромъ, плотно задвинула небо. Ударилъ проливной дождь. Ни зги не было видно въ лѣсу. Усталыя лошади двигались, уныло повѣсивъ головы. Напрасно Ортанса съ головой завернулась въ дорожный плащъ: ливень промочилъ ее насквозь. Въ это трудное для нея время ее особенно тронуло нѣжное участіе Паоло, великодушно предложившаго ей свой плащъ.

— Никогда, добрый чужеземецъ, не сниму я съ тебя твоей одежды, въ чемъ ты теперь нуждаешься не менѣе моего! твердо возразила ему дѣвушка.—Твоя индійская кисея плохая защита отъ такого дождя! О, Матка Боска! о, свенты Кржижъ! змилуйся!

— „Бодрствуйте, потому что не знаете, въ который часъ Господь вашъ придетъ", пробормоталъ прелатъ слова Спасителя міра, прячась съ своимъ муломъ подъ широковѣтвистую сосну, обдававшую его дождемъ.

Путниками овладѣло уныніе, даже страхъ.

— Я слышу человѣческій стонъ! вдругъ замѣтилъ Паоло голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія и холода, и сталъ внимательно прислушиваться.

— Человѣкъ простоналъ! подтвердилъ онъ.

— И мнѣ послышался стонъ! добавила панна, не попадая зубъ на зубъ отъ страха и холода.

— Іезусъ! Марія! вшистки свенты! помогите!

На мигъ ярко блеснула голубымъ, слѣпящимъ глаза свѣтомъ молнія, и ея изломанныя—углами—стрѣлы ослѣпительными зигза-

гами прорѣзали мрачно нависшую тучу, глухо загрохотавшую. Въ этомъ мгновенномъ голубомъ освѣщеніи путники увидѣли передъ собой человѣка въ одной рубахѣ, распятаго на деревѣ. Его руки и ноги были привязаны къ сосновымъ сукамъ, голова безсильно упала на грудь. Ортанса вскрикнула и зажмурилась, какъ бы ослѣпленная ужасомъ такой страшной картины. Но Паоло поспѣшно сѣлъ на лошадь и подъѣхалъ къ распятому человѣку. Своимъ индѣйскимъ „крикомъ“ онъ перерѣзалъ веревки, связывавшія его руки и ноги, и напрягъ всю свою молодую силу, чтобы не дать ему упасть. Съ сѣдла онъ осторожно спустилъ его на мокрую землю. Распятый, въ полномъ изнеможеніи, съ глухимъ стономъ упалъ и не шевелился. Паоло слѣзъ съ лошади и нагнулся къ нему. Спросить его онъ не могъ, не зная русскаго языка. Что распятый—русскій мужикъ, не было сомнѣнья. Ортанса подъѣхала и вывела своего путеводителя изъ затрудненія.

— Живъ ты, бѣдный человѣкъ? Кто ты? спросила она, пересиливая свой страхъ и дрожа какъ въ лихорадкѣ.—Живъ ли?..

— Живъ! отвѣчалъ слабымъ голосомъ несчастный.

— Кто жъ ты?

— Бортникъ.

— Кто тебя повѣсилъ?

— Разбойники.

— Далеко твой дворъ?

— Недалече: въ оврагѣ.

— Можешь подняться?

— Слабъ.

Прелатъ досталъ изъ своей дорожной сумы сткляницу съ водкой и передалъ Паоло. Тотъ далъ бѣдняку выпить нѣсколько глотковъ, которые привели его въ себя и подняли на ноги.

— Спасибо вамъ, проѣзжіе люди, заговорилъ онъ, глубоко вздохнувъ и потирая себѣ отекшія отъ веревокъ руки и ноги. — Наслалъ васъ Господь въ эту глушь: пропасть бы мнѣ тутъ!

Только Ортанса понимала мужика. Литовское „быдло“ ея отца, пана Ксаверія,—тѣ же русскіе мужики, говорящіе по-русски же. Ея кормилица, русская баба, выучила ее своему языку и своимъ пѣснямъ.

— Укрой насъ отъ непогоды, сказала Ортанса.—Мы щедро тебѣ заплатимъ.

— Платы не возьму! словно бы на нея обидясь, рѣзко замѣтилъ бортникъ.—Не брали вы съ меня платы, съ древа сняли, и съ васъ грѣхъ взять... Господь васъ храни, невѣдомые люди, а отъ меня, глядите, не отставайте.

Бортникъ, охая отъ боли въ ногахъ, пошелъ впередъ какъ могъ скорѣе, а промокшіе и продрогшіе путники слѣдовали за нимъ. Скоро они почувствовали, что спускаются подъ гору и что высокій, густой орѣшникъ охватилъ ихъ кругомъ. Приходилось сквозь него проди-

раться. Гибкія вѣтки въ листвѣ хлестали справа и слѣва, обдавая ихъ дождевой водой. Усталыя лошади то и дѣло спотыкались и скользили съ крутизны. Къ несказанной радости Ортансы она услыхала собачій лай и черезъ нѣсколько минутъ очутилась у высокаго пластоваго двора, кругомъ крытаго. Онъ мрачно темнѣлся среди густыхъ кустовъ.

— На меня держите! послышался голосъ бортника, отворявшаго скрипучія ворота. — Цыцъ, Лохматка! цыцъ! свои! въѣзжайте, съ Богомъ!

Сама себѣ не вѣрила напуганная и иззябшая дѣвушка, что она, наконецъ, въ жиломъ мѣстѣ, на дворѣ, и что въ маленькое оконце избы такъ привѣтно и мирно свѣтится огонь, отражаясь въ лужахъ. Снова послышался скрипъ тяжелыхъ воротъ, и бортникъ заложилъ ихъ здоровымъ засовомъ. Хорошо стало на душѣ у Ортансы при сознаніи, что они спасены, что они спасли человѣка. Можетъ быть, именно этою цѣною они купили у Провидѣнія свое спасеніе? Она такъ устала и окоченѣла отъ холода, что не могла сама сойти съ лошади. Паоло снялъ ее съ сѣдла, обхватя сильными руками и нѣжно ей улыбаясь своимъ блѣднымъ измученнымъ лицомъ. О! какъ и она измучилась! Этотъ день она никогда не забудетъ! никогда!

Въ дверяхъ сѣнецъ Ортансу встрѣтила еще молодая баба въ полосатой панёвѣ домашняго тканья, простоволосая и босая, какъ спала, съ пукомъ пылавшей лучины въ рукѣ надъ головой. При видѣ красивой панны въ невиданномъ еще ею нарядѣ съ хвостомъ, простодушная женщина въ испугѣ вскрикнула и, отступая въ сѣни, крестилась и повторяла:

— Чуръ меня! чуръ! съ нами крестная сила!

— Въ избу господъ сведи, Аксютка! прикрикнулъ на нее изъ подъ крытаго сарая бортникъ, привязывавшій къ плѣтенымъ яслямъ лошадей пріѣзжихъ.

— Ты это, што-ль, Еремѣичъ? опросила мужа баба, какъ бы желая удостовѣриться, что это онъ точно и она не ослышалась. — Гдѣ жъ ты пропадалъ?

— Долго сказывать! грубо замѣтилъ ей мужъ.—Кабы не добрые люди наѣхали, только бы ты меня, должно, и видѣла. Поворачивайся, баба глупая! Не держи людей на дождѣ! и такъ измокли. Кулешу свари горяченькаго... Поворачивайся, ну!

— Горюша! вздохнувъ и грустно закачавъ головой замѣтила про себя женщина.—Кто жъ это тебя? какъ?

— Кто? Вѣстимо, разбойники. Какъ? на древѣ привязали, какъ словно Христа распяли! изъ подъ сарая отвѣчалъ бѣдный мужъ. — Да поворачивайся, слышь! людей по-пусту не зноби!

На этотъ разъ баба съ жалобнымъ причитаньемъ: „живутъ-де они въ лѣсѣ дремучемъ, въ страхѣ отъ злыдней", пошла, вперевалку, въ избу.

— Полушубокъ мнѣ вынеси, да портки! крикнулъ ей изъ подъ сарая мужъ,—въ рубахѣ оставили!

Не обращая вниманія на вошедшихъ въ избу пріѣзжихъ, баба зажгла пукъ сухой лучины и ущемила его въ желѣзный рогачикъ, вдѣланный въ уголъ неуклюжей печи. Догорѣвшую лучину она бросила въ печь, на кучу валежника, вспыхнувшаго краснымъ веселымъ огнемъ. Освѣтилась дрожавшимъ свѣтомъ внутренность мрачной просторной избы съ низко нависшимъ закопченымъ потолкомъ и закопчеными стѣнами, съ ползающими по нимъ прусаками и тараканами. Продрогшіе путники сбросили мокрые плащи и, сидя на широкой лавкѣ, съ удовольствіемъ грѣлись противъ разгорѣвшагося съ трескомъ огня. Хозяйка сняла старый полушубокъ и суконные мужицкіе зимніе портки, висѣвшіе на длинной жерди, привязанной подъ потолкомъ, и вышла съ ними на дворъ, къ мужу.

— „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ", повторилъ вслухъ прелатъ слова Христа Іисуса.

Баба не замедлила привести въ избу бѣднаго мужа, колотившагося словно въ лихорадкѣ, несмотря на надѣтый полушубокъ. Онъ полѣзъ прямо на печь, говоря:

— Ты бы, Аксюта, проѣзжимъ людямъ кулешику!.. кулешику!.. гостила бы ихъ!.. Небойсь, голодные!.. Бражки нацѣди... мѣдку... кулешику... го-о-о-раченькаго...

— Ужъ лежи, коли лежишь, горюша!.. лежи, коли Богъ убилъ!.. съ сердцемъ прикрикнула на него жена, проворно ставя въ печь, на загнетку, горшокъ съ водой и ухватомъ придвигая его къ огню. — Сама знаю, сама крещеная: голодными да холодными не лягутъ. Господь ихъ на тебя, горюшу, нанесъ. Шутка ли: день-деньской на древѣ распятъ висѣлъ! Охъ! невтерпежъ жизнь наша полѣхская, опасливая! что твои звѣри лѣсовые прячемся... Ждала его поджидала къ обѣду,—пообѣдалъ: накормили, злыдни! до-сыта!

Бабёнка вышла, хлопнувъ дверью и продолжая причитать.

Въ избѣ водворилась тишина, нарушаемая стонами хозяина, да легкимъ храпомъ спавшихъ на полатяхъ ребятишекъ, изрѣдка ворочавшихся съ-бока-на-бокъ и шумѣвшихъ соломенной подстилкой.

Воротясь черезъ нѣсколько времени въ избу съ ендовой браги, хозяйка ловко выхватила изъ печи ухватомъ горшокъ и поставила его на загнетку; въ кипящую воду всыпала горсть крупъ и помѣшала самодѣльной деревянной ложкой. На мигъ ея голова съ руками, ухватомъ и горшкомъ спряталась въ устьѣ печи. Когда кулешъ закипѣлъ, она опять выдвинула горшокъ на загнетку и бросила въ него изъ кубана ложки три желтаго топленаго коровьяго масла и всыпала горсть соли. Затѣмъ покрыла столъ, грубо сбитый изъ притесанныхъ топоромъ осиновыхъ досокъ, грубою же, хотя чистою, ширинкой; положила деревянныя ложки, полотенце; поставила ендову съ брагой, нарѣзала огромные, во всю краюху, ломти ржанаго хлѣба,

влила въ большую чашку, тоже домодѣльную, горячаго кулешу и поклонилась неловко пріѣзжимъ съ приглашеніемъ: „хлѣба-соли откушать, не побрезговать“.

— Благодаримъ тебя, добрая женщина, отвѣтила ей Ортанса за себя и своихъ спутниковъ, не понимавшихъ ни слова по-русски.

Согрѣвшійся и нѣсколько обсохнувшій передъ огнемъ прелатъ съ своей обычною важностью благословилъ трапезу.

Проголодавшіеся путники съ большимъ удовольствіемъ принялись за грубыя ложки и за горячій, вкусный кулешъ, окончательно ихъ согрѣвшій и подкрѣпившій.

— Слѣзъ бы ты, Еремѣичъ, похлѣбалъ бы кулешику, душеньку бы горяченькимъ попарилъ свою, обратилась хозяйка къ мужу. — Слѣзъ бы!

— И то! согласился съ женою бортникъ, съ усиліемъ подымаясь съ печи и, при помощи дюжей хозяйки своей, слѣзъ на земь, присѣлъ къ столу. Прелатъ далъ ему передъ ужиномъ хорошенько глотнуть своей водки изъ скляницы.

— Ухъ! важнецкая! по жилкамъ пошла, по суставчикамъ! похвалился бортникъ женѣ, сострадательно на него глядѣйшей, и перекрестясь, взялся за ломоть и за горячій кулешъ. Ѣлъ онъ за двоихъ—затощалъ.

Поужинавъ и испивъ хмѣльной бражки, всѣ повеселѣли, даже бѣдный бортникъ. На него напала словоохотливость и онъ началъ разсказывать о грозившей ему недавно гибели.

— Оглядаю это я борти пчелиныя по лѣсу, за волчатникомъ. Глядь—они! человѣкъ восемъ. Ну, ихъ заразъ видать, что за люди: въ трухменкахъ красныхъ, ножи здоровые за поясами, съ кистенями, въ сапогахъ; облавили меня: давай деньги! ножъ къ горлу, а другой кистенемъ замахнулся. Взмолился я — откуда у меня деньги, говорю.—Дворъ твой гдѣ? веди на дворъ.—Двора, сказываю, у меня нѣтъ, городской я, съ посада. Съ тѣмъ пристали, веди я ихъ на свой дворъ. Видючи ихній разбой—звѣри тѣ же, твердо я на своемъ сталъ: съ посада я, молъ, тяглецъ, а въ лѣсу не живу и въ лѣсу и двора у меня нѣтъ никакого. Въ лѣсъ-де прихаживаю борти дозирать, прибытка своего пчельнаго ради. А самъ въ себѣ дерзнулъ: согласился лютую смерть принять отъ воровъ да семью свою закрыть. Потому жалко мнѣ стало хозяйку свою и ребятокъ малыхъ, кровныхъ своихъ. Вспомню это, какъ они, ангельскія души, на полатяхъ зорькой спятъ, разметавшись; либо мать у стола тюрей ихъ кормитъ—такъ меня, слышь, варомъ и окатитъ. Знаю: доведу воровъ до двора своего—карачунъ семьѣ. Бабу съ собой возьмутъ, благо здорова да молода; ребятъ за ногу да объ уголъ, какъ щенятъ побьютъ. А ужъ мнѣ, горькому, тамъ ли, здѣсь ли—пропадать все равно! Самъ пропалъ, по крайности семью свою отъ нихъ обороню. Били они меня, руки крячикомъ крячили—не ошибся я въ своемъ словѣ. Набольшій

на деревѣ распять меня велѣлъ, веревками привязать. Ушли—ищи вѣтра въ полѣ! Ужасти подобныя!

— Ужасти подобныя! повторила за мужемъ хозяйка.—Натерпѣлся ты за насъ, Еремѣичъ...

— Пріялъ бы за васъ мученическую кончину, семья любезная, кабы не добрые люди,—закончилъ скромно свой разсказъ бортникъ, нисколько не хвастаясь и не придавая особеннаго значенія своему подвигу. Онъ какъ бы не предполагалъ даже возможности поступить не такъ, какъ онъ поступилъ въ страшную минуту, грозившую его жизни. Его разсказомъ руководило простодушіе человѣка, мужа и отца, свято исполнившаго свой долгъ. Но прекрасная полька слушала его съ глазами, полными восторженныхъ слезъ, съ сердцемъ, бившимся глубокимъ уваженіемъ къ этому простому, оборванному, невзрачному полѣху, въ которомъ она теперь видѣла героя.

— Сохрани тебя Богъ съ твоею семьею, хорошій человѣкъ! съ чувствомъ сказала ему Ортанса.

Она передала своимъ спутникамъ о подвигѣ бортника. Тѣ въ свою очередь выразили глубокое уваженіе и удивленіе, ограничивавшееся, конечно, по необходимости, краснорѣчивыми взглядами, бросаемыми на рыжеватаго, заросшаго бородой, сухощаваго бортника. Прелатъ попросилъ Ортансу сказать хозяину о томъ, чтобы онъ завтра провелъ ихъ на рубежъ. Хозяинъ отвѣчалъ, что рубежъ близко, что онъ ихъ рано „на рубежъ поставитъ“.

Ортанса осталась спать въ избѣ, а ея спутники легли въ сѣняхъ. Передъ сномъ прелатъ повторилъ своему ученику слова апостола Павла коринѳянамъ: „если должно мнѣ хвалиться, то буду хвалиться немощью моею“. Сладокъ, крѣпокъ былъ сонъ нашихъ утомленныхъ путниковъ на постланномъ имъ сухомъ ароматномъ сѣнѣ.

Когда Ортанса проснулась на другой день, и, при содѣйствіи хозяйки, умылась, привела въ порядокъ свою прическу и платье, стояло чудное утро. Она поторопилась покинуть душную избу и полною грудью вдохнула чистый, освѣженный ночною грозой воздухъ. На голубомъ небѣ ни облачка. Безслѣдно, невѣдомо куда ушла и скрылась мрачная дождевая туча. Птицы радостно пѣли, перелетая съ вѣтки на вѣтку и, весело освѣщенныя раннимъ солнцемъ, величественныя сосны блестѣли мокрыми иглами своей темной зелени. Какъ бы нѣжась въ теплыхъ лучахъ, стройно, недвижно тянулись вверхъ высокіе, гибкіе кусты орѣшника, сбѣгавшаго, вмѣстѣ съ оврагомъ, къ ярко-зеленѣвшемуся болоту. Круглые красивые листы, сверкавшіе каплями дождя, еще не высохшими, сообщали орѣшнику блескъ и прелесть сказочнаго лѣса. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось мечтательной Ортансѣ. Она нашла своихъ спутниковъ совсѣмъ готовыми въ путь. Лошади и мулъ, бодрые и накормленные, были засѣдланы. Ихъ въ поводу держалъ оправившійся бортникъ, за яснымъ утромъ какъ бы

забывшій о своемъ вчерашнемъ страданьи. Хозяйка вынесла изъ избы просохшіе плащи.

— Прекрасная панна спѣшитъ на родину, но только отъ нея самой зависитъ скорѣе ее увидѣть, замѣтилъ Ортансѣ прелатъ, съ своей обычной тонкостью намекая ей, что нечего мѣшкать въ этомъ ужасномъ лѣсу, гдѣ они столько натерпѣлись.

— Монсиньоръ не можетъ сомнѣваться въ моемъ нетерпѣніи скорѣе увидѣть родину и родныхъ, отвѣчала дѣвушка, понявшая намекъ.— Но я такъ устала, что проспала и, кажется, задерживаю васъ; простите, padre.

Она улыбкой поблагодарила услужливаго Паоло, подсадившаго ее въ сѣдло, и замѣтила прелату:

— Я готова, монсиньоръ.

— Прощай, добрая женщина! обратилась она къ хозяйкѣ.—Я помолюсь за твою семью!

Бортникъ шелъ впередъ; онъ зналъ боръ, какъ свои пять пальцевъ. Его увѣренность въ себѣ вполнѣ успокоивала слѣдовавшихъ за нимъ путниковъ. Онъ, помахивая своей дубиной, взялся вести ихъ черезъ болото, виднѣвшееся внизу, на днѣ оврага. Бортникъ по-колѣно перешелъ въ „бродъ" узкую, какъ змѣя извивавшуюся въ кочкахъ, лѣсную рѣчку, и очутился на той сторонѣ оврага. Лошади жадно напились воды и благополучно перенесли своихъ всадниковъ черезъ оврагъ. „Больше переправъ нѣтъ", отвѣтилъ бортникъ на безпокойный вопросъ Ортансы,—„полемъ пойдемъ".

И точно: выбравшись изъ лѣснаго оврага, они покинули лѣса. Нарочно избѣгая дороги, чтобъ не повстрѣчаться съ опасными людьми, бортникъ велъ ихъ полемъ. Лѣса отдалялись отъ нихъ. Скоро онъ указалъ нетерпѣливой дѣвушкѣ рукою на бѣлѣвшуюся вдали каплицу и сказалъ:

— Рубежъ!

Ортанса не помнила себя отъ восторга. Ея глаза улыбались синимъ полоскамъ лѣсовъ, оттѣнявшимъ небосклонъ. На фонѣ этихъ синихъ полосокъ—литовскихъ лѣсовъ—отчетливо обрисовывалась бѣлая каплица. То ея родные лѣса, родное небо! Всему, что теперь видѣла, Ортанса улыбалась съ радостной довѣрчивостью. Забыты ужасы московскаго погрома, плѣнъ, жестокосердые грабители—„довуцы", страшная вчерашняя ночь. Одно она помнила, что видитъ родную сторону и сейчасъ въ ней будетъ. Она забыла даже, что ею любуется молодой Паоло. Радостное волненіе сообщило ей новую прелесть. Щеки ея горѣли, какъ роскошно расцвѣтшія розы; отливавшіе нѣжнымъ золотомъ свѣтлые волосы никогда еще не выбивались изъ подъ кокетливаго берета въ такомъ истинно „поэтическомъ" безпорядкѣ, какъ теперь; никогда еще ея гибкая талія не двигалась съ такою граціей при каждомъ шагѣ коня, которому выпала честь на своей спинѣ

нести такую прелестную амазонку. Она торопила свою шагистую лошадь идти скорѣе, заставляя проводника чуть не бѣжать.

Наконецъ, вотъ бѣлая каплица, старинная, сложенная изъ тесанныхъ плитъ, съ темною черепичною крышей и крестомъ. Благочестіе одного изъ предковъ Ортансы поставило эту каплицу на перекресткѣ, тамъ, гдѣ сходятся двѣ дороги, въ память спасенія отъ московскихъ копій въ пограничной битвѣ. Въ глубинѣ наружной ниши бѣлѣлась мадонна.

— Родина! милая Литва! воскликнула Ортанса, смѣясь и плача въ одно время. И, съ помощью Паоло сойдя съ сѣдла, она преклонила колѣни, поцѣловала землю и устремила плачущіе глаза на Мадонну.

— O Maria, Mater Deï, ora pro nobis, peccatoribus, sanctissima! торжественно произнесъ прелатъ, набожно снявъ свою широкополую шляпу и крестясь.

Ортанса сѣла на лошадь.

— Прощай, панна! робко, словно запуганный, напутствовалъ ее бортникъ.—На Литвѣ ты: шлякъ прямой... Онъ приподнялъ свою шапку и пошелъ назадъ, на „московскую" сторону.

— Постой! воскликнула дѣвушка, въ порывѣ хорошаго чувства, поспѣшно снимая съ своей шеи золотой крестикъ на серебряной цѣпочкѣ.—Возьми этотъ крестикъ на память о польской дѣвушкѣ, обязанной тебѣ жизнью. Когда подростетъ твоя маленькая дочка, отдай ей его, какъ мое благословеніе. Прощай!

Бортникъ держалъ на своей грязной ладони дорогой подарокъ, не то имъ любуясь, не то раздумывая: брать-ли? Онъ не успѣлъ или забылъ поблагодарить панну; когда же оглянулся, путники были уже далеко. Онъ только передернулъ плечами и, засунувъ дорогой подарокъ за пазуху, зашагалъ домой.—Хорошіе, должно, и изъ нихъ бываютъ,—надумался онъ дорогою, разумѣя подъ словомъ „изъ нихъ"— поляковъ.

Конскій топотъ и стукъ колесъ, приближавшійся на встрѣчу путникамъ, напомнилъ вдругъ Ортансѣ, что, быть можетъ, это спѣшитъ ея отецъ за ней. Ея сердце сильно забилось. Она должна была остановить лошадь. Волненіе ея увеличивалось съ приближеніемъ толпы всадниковъ.

— Отецъ! воскликнула она при видѣ почтеннаго стараго пана съ бѣлыми, длинными, падавшими на грудь, усами, рѣзко выдѣлявшимися на черномъ кунтушѣ. Онъ еще молодцомъ скакалъ впереди толпы, хотя лѣта согнули его широкоплечій станъ. Черезъ минуту она была въ его объятіяхъ, плачущая и счастливая.

— Моя коханна Ортанса! шепталъ счастливый старикъ, любуясь красавицей дочкой. Твоя мать ждетъ насъ къ обѣду. Она очень о тебѣ печалится и мы поспѣшимъ ее обрадовать.—Но гдѣ-жъ панъ Лисовскій, которому я долженъ заплатить тысячу червонцевъ? продолжалъ панъ

Стадницкій, съ недоумѣніемъ останавливая взглядъ на важномъ прелатѣ и оригинальной фигурѣ его ученика.

— Пана Лисовскаго мы покинули въ лѣсахъ, близъ рубежа, отецъ, сказала дѣвушка съ тихимъ вздохомъ, вызваннымъ въ ней тяжелыми воспоминаніями.—На нихъ напало царское войско въ лѣсу... Мы едва спаслись...

— Лисовскій разбойникъ, которому веревка свита изъ польской пеньки! замѣтилъ раздражительно Стадницкій.—Чѣмъ скорѣе повѣсятъ его поляки или москали—тѣмъ лучше. Только подобный негодяй можетъ осмѣлиться брать деньги за охрану благородной дѣвушки и грозить ей плѣномъ у себя, если за нее не будетъ ему заплочено! Подлецъ! я пошлю къ нему тысячу червонцевъ вмѣстѣ съ веревкой, къ которой онъ присужденъ польскимъ сенатомъ!

Высказавъ свое негодованіе на „разбойничаго атамана", какъ въ Польшѣ называли Лисовскаго, благородный панъ снялъ магерку и подошелъ подъ благословеніе прелата.

— Padre! обратился онъ къ нему.—Ты и твой спутникъ найдете убѣжище въ домѣ пана Ксаверія Стадницкаго, добраго католика.

— Принимаю, панъ Ксаверій, твое приглашеніе съ тѣмъ же чистосердечіемъ, съ какимъ ты его мнѣ предлагаешь, недостойному служителю алтаря.

— Ты утомлена походомъ, дочь моя, и я прошу тебя сѣсть въ нейтычанку, ласково сказалъ Ортансѣ отецъ и, по знаку его руки, къ ней подкатила богатая четырехмѣстная нейтычанка—красиво сплетенный и раскрашенный кузовъ на покойныхъ рессорахъ, съ бархатными подушками и спинкой, на высокихъ красивыхъ колесахъ. Четверка рослыхъ вороныхъ жеребцовъ была запряжена въ высокихъ „кракусскихъ" шорахъ, украшенныхъ посеребренными бляхами, шелковой бахромой и разноцвѣтными кистями, чуть не достававшими до земли. На уздахъ блестѣли серебряныя гремушки, подобранныя въ тонъ и издававшія тонкій, разсыпающійся звонъ. Бравый возница, въ красной ливреѣ съ фамильными гербами дома Стадницкихъ, съ длиннымъ бичомъ, ловко правилъ красиво подобраннымъ четверикомъ. Ортанса съ легкостью веселой птички вспорхнула въ щегольской экипажъ и граціозно откинулась на его высокую бархатную спинку.

— Думаю, почтенный pater, обратился Стадницкій къ прелату,— что ты тоже непрочь промѣнять своего мула на мѣсто въ нейтычанкѣ.—Прошу.

— Охотно воспользуюсь добрымъ совѣтомъ и твоею любезностью, панъ Ксаверій, совсѣмъ уже развеселясь сказалъ прелатъ, слѣзая съ надоѣвшаго ему мула. Онъ усѣлся рядомъ съ Ортансой съ удовольствіемъ избалованнаго жизнью человѣка, возвращающагося, наконецъ, къ своимъ привычкамъ и удобствамъ, на время забытымъ.

— Прежде чѣмъ мы тронемся въ путь, Ортанса, замѣтилъ дочери панъ Ксаверій съ серьезнымъ видомъ, заставившимъ ее насторожиться

и вспомнить нѣчто ей непріятное,—я напомню тебѣ нашего общаго друга, пана Вицента, пожелавшаго встрѣтить тебя вмѣстѣ со мною. Панъ! обратился онъ къ стоявшему въ сторонѣ верхомъ и задумчиво глядѣвшему на дѣвушку шляхтичу среднихъ лѣтъ, не отличавшемуся ни молодцеватостью, ни изысканностью костюма, ни щегольствомъ коня, приглашая его подъѣхать къ дочери.

Панъ Вицентъ Подгурскій, плотный и нѣсколько неуклюжій человѣкъ, приближавшійся къ сороколѣтнему возрасту, въ бархатномъ, хотя поношеномъ кунтушѣ съ откидными рукавами, видимо оробѣлъ, услыша свое имя и понявъ, что ему надо подъѣхать къ прекрасной дѣвушкѣ и привѣтствовать ее съ благополучнымъ возвращеніемъ на родину. Нерѣшительно давъ коню шпоры, онъ тронулся съ добродушнымъ видомъ „кавалера", неувѣреннаго, что его любезность будетъ принята благосклонно тою, ради которой онъ пріѣхалъ. Онъ ей поклонился съ растерянной, но весьма расположенной улыбкой, при чемъ краска затронутаго самолюбія ударила ему въ загорѣлое лицо съ маленькими темными усами. Порывистымъ, неловкимъ движеніемъ онъ скорѣе сорвалъ, нежели снялъ смушковую шапку.

— Съ пріѣздомъ, панна Ортанса! какъ бы заставилъ себя сказать панъ Вицентъ, котораго принужденность въ обращеніи съ дѣвушкой, повидимому, не соотвѣтствовала доброму и глубокому чувству, свѣтившемуся въ его сѣрыхъ спокойныхъ глазахъ.—Соскучились мы безъ тебя...

— Благодарю тебя, панъ, отвѣтила дѣвушка, какъ могла короче, явно избѣгая встрѣчаться съ добрыми глазами и желая ограничиться лишь формальнымъ обмѣномъ общепринятыхъ привѣтствій. — Мнѣ пріятно видѣть друзей моей семьи, которую, надѣюсь, не скоро теперь покину...

Панъ Ксаверій сѣлъ на своего коня съ легкостью, не соотвѣтствовавшей его годамъ и отяжелѣвшей, массивной фигурѣ, и вмѣстѣ съ Подгурскимъ поскакалъ впередъ, приказавъ своимъ „надворнымъ казакамъ", т. е. двумъ десяткамъ исправно вооруженныхъ шляхтичей, провожать нейтычанку.

Только что нейтычанка тронулась, Ортанса не утерпѣла—оглянулась на ѣхавшаго сбоку молодаго Паоло, и подарила его свѣтлымъ взглядомъ и нѣжною улыбкой. Близкое сосѣдство важнаго прелата не помѣшало ей отдаться мыслямъ и чувствамъ, вызваннымъ встрѣчею съ отцомъ. Этотъ неуклюжій панъ Вицентъ вдругъ разбудилъ въ ней многое, что она считала забытымъ и что ей было такъ непріятно вспоминать. Она считала „дѣло съ нимъ" поконченнымъ, такъ какъ ему уже было отказано въ сватовствѣ. Но ея отецъ, очевидно, не смотритъ на него, какъ на отверженнаго жениха, и продолжаетъ лелѣять свою мечту видѣть его своимъ зятемъ. Панъ Вицентъ богатъ, хотя скупъ и одѣвается хуже своего эконома; а отецъ ея такъ уважаетъ богатыхъ. Но ей не надо женихова богатства, если

женихъ ей не по сердцу. Правда, онъ добрый, умный и, говорятъ, хорошій человѣкъ; онъ давно ее любитъ, хотя не умѣетъ высказать ей свое чувство такъ, какъ бы она желала; но ей мало его любви: надо, чтобы и она его любила; а она любить его не можетъ. Несмотря на просьбы и наставленія матери, она на него не обращала вниманія. Если онъ сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ—не она виновата. Онъ „долженъ" былъ разсчитывать только на отказъ. Но ей жалко было его въ ту минуту, когда онъ къ ней подъѣхалъ, какъ бы виноватый. Какъ онъ смутился! Въ чемъ же онъ передъ ней виноватъ? Что ее любитъ? но онъ честно любитъ. Его чувство, хотя ею нераздѣляемое, не можетъ ее оскорблять. Чувство справедливости указывало Ортансѣ въ „отверженномъ" ею женихѣ качества, способныя дать счастье женщинѣ,—другой, если не ей, Ортансѣ. Но почему же не ей? Потому что ей съ нимъ скучно, потому что въ своихъ дѣвичьихъ мечтахъ она представляетъ себѣ мужчину, который назоветъ ее своею женою, совсѣмъ не похожаго на пана Вицента ни наружностью, ни характеромъ. Если она не согласилась быть его женою тогда, когда сердце ея было свободно, то теперь это еще менѣе возможно: теперь она любитъ молодаго Паоло... какая между ними разница во всемъ!... Одинъ—земля, другой—небо; хлѣбъ-насущный—и высокая мечта!

Прекрасная полька себя не обманывала. Она вторила внушенію своего заговорившаго впервые сердца.

Сладокъ этотъ первый любовный шепотъ собственнаго сердца! она заслушивалась его...

XX.

— Дитя ли, мое дитятко,
Дитя ли, мое милое,
Князья-бояре не меня зовутъ,
Не меня зовутъ, позываютъ,
Не ко мнѣ они пріѣхали,
А тебя ли, мое дитятко,
А тебя ли, мое милое,
Зовутъ они, позываютъ,
Къ себѣ они кличутъ, выкликаютъ,
Къ тебѣ они пріѣхали!
Увезти тебя съ собой хотятъ,
Къ твоему ли то суженому,
Къ Василью-то Ивановичу."—
(Русская пѣсня передъ вѣнчаніемъ.
Собр. И. Сахарова).

Только нѣсколько недѣль всего царствовалъ Шуйскій, а призадумался, опустилъ свою унылую головушку, почувствовалъ усталость душевную. Задумчивый, часто молчаливый, онъ невольно вызывалъ

къ себѣ участіе стараго курскаго боярина Іоны Агѣича тѣмъ напрасно скрываемымъ въ себѣ внутреннимъ страданіемъ, что является послѣдствіемъ непосильной борьбы. Василія Ивановича покидало его прежнее ровное расположеніе духа. Онъ сознавалъ, что съ каждымъ днемъ осложняется опасность, въ какой очутилось государство московское. Въ боярской думѣ только что судили да рядили „воровскія украйныя дѣла". Тамъ, на „преждепогибшей Украйнѣ", крамола глубоко пустила свои корни и колебала спокойствіе обширнаго государства. Самозванецъ „Петрушка" хозяйничалъ на Дону; Шаховской поднялъ Сѣверщину во имя царя Дмитрія и, въ ожиданіи его изъ Польши, звалъ къ себѣ, въ Путивль, на „Петрушку"; холопъ Болотниковъ шелъ на соединеніе съ возставшими рязанцами, ведомыми смѣлымъ Ляпуновыхъ, и съ туляками Истомы-Пашкова. Волновалось заволжье съ инородцами, даже далекая Пермь и Вятка, на Москвѣ замѣчалась „шатость" умовъ и смута, не обѣщавшая правителю ничего добраго. Что дѣло стало вовсе не изъ-за царя Дмитрія, въ кого переставалъ вѣрить даже простой народъ, не только „заводчики" дѣла—дворяне и боярскіе дѣти,—это понималъ основательный умъ Шуйскаго. Въ „грамотахъ" холопа Болотникова, подымавшаго „меньшихъ и худшихъ людишекъ на бóльшихъ и лучшихъ людей", Шуйскій уже усмотрѣлъ иныя, новыя противугосударственныя цѣли. „Холопы!" взывалъ Болотниковъ къ обездоленной черни,—„побивайте своихъ бояръ, берите себѣ ихъ женъ и достоянье; убивайте торговыхъ людей богатыхъ, дѣлите межъ собой ихъ животы; послѣдніе да будутъ первыми".

— На этакую золотую удочку, на этакова вкуснаго червячка—какъ не клевать мелкой рыбишкѣ, раздумывалъ Шуйскій.—Народъ-голытьба поднялъ вѣдь голову, слушаетъ, ждетъ, разсчитываетъ, какъ ему выгоднѣй и куда пристать. Это ужъ не тѣнь царевича Дмитрія, это факелъ всероссійскаго пожара!.. А тутъ польскій круль своему королевичу московскій столъ высматриваетъ, какъ бы добыть...

Было отчего задуматься царю Василію Ивановичу. Очень его разстраивали ежедневныя вѣсти о жестокостяхъ мятежнаго холопа, о разграбленіи дворянскихъ вотчинъ, о злой смерти дворянскихъ семей, о безчестіи дворянскихъ женъ и дѣвицъ. Народная молва переносила подвиги холопа Болотникова въ свои народныя сказанія, полныя сказочнаго, суевѣрнаго блеска и надеждъ на переворотъ въ судьбахъ темнаго народа, переворотъ для него, конечно, къ лучшему. Народъ зналъ, что его „братъ", холопъ Ивашка, въ фряжской землѣ обучался чужеземной наукѣ; что дерзновеніемъ преисполненъ великимъ на царя и на бояръ, живущихъ не по правдѣ, то есть обижающихъ народъ; онъ въ Ивашкѣ видѣлъ своего народнаго героя, ополчившаго черную кость на бѣлую...

— Воровъ въ лѣсѣ сторожили, а они изъ дому выносили! съ усмѣшкой замѣтилъ курскій бояринъ, намекая царю на неспособность

его воеводъ, высланныхъ „въ поле“ на врага.—Воръ тамъ не тащитъ гдѣ много, а тутъ тащитъ, гдѣ плохо!

— Знамо дѣло,—поддакнулъ боярину Василій Ивановичъ.—Волкъ не глядитъ на хозяйскую заботу, а тащитъ овецъ и изъ счету, и безъ счету... Волкъ овецъ не собираетъ...

Шуйскій усталыми глазами глядѣлъ на бѣлѣвшійся на зеленомъ коврѣ кремлевской площади Архангельскій соборъ, словно бы завидуя покоящимся подъ его толстыми сводами русскимъ царямъ.

— Да ты, царюшка, никакъ оробѣлъ? замѣтилъ бояринъ Іона.—Не въ пору. Робостью-то этою нынче ничего не подѣлаешь. Раскинемъ-ка лучше умомъ-разумомъ, какъ дѣлу нашему, правому, пособить... Завтра, въ думѣ, нарядимъ-ка въ поле стратеговъ твоихъ царевыхъ съ ратью твоею царскою, великою: не поправятся ли? А нынче вспомни-ка невѣсту свою, Василій Ивановичъ, младу княжну Марью Петровну. Не бывалъ еще ты у нея. А пора!

— Пора, согласился Шуйскій, оживляясь.

— Стало, распорядиться, государь?

— Что-жъ, распорядись, Агѣичъ.

Согласно изстари заведенному обычаю, часа за два до выѣзда царя изъ дворца, въ тихій домъ княгини Ростовской „прибѣжалъ“, т. е. пріѣхалъ, по государеву приказу, стрѣлецкій голова и „сказывалъ имъ, княгинѣ Аннѣ Тимофеевнѣ и княжнѣ Марьѣ Петровнѣ государево милостивое слово: де-гости къ нимъ будутъ, великій государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ съ бояры въ то жъ число“.

— И то намъ съ княжною въ великую честь, съ низкимъ поклономъ отвѣчала царскому посланцу княгиня, выслушавшая стрѣлецкаго голову стоя и съ такимъ же уваженіемъ, какъ бы она выслушала самого царя.—Благодаримъ на царской милости. Ждемъ гостей.

Нечего говорить, какую суматоху подняло въ княжескомъ домѣ извѣстіе о царскомъ пріѣздѣ. Дебелая хозяйка забѣгала, торопя слугъ прибирать свѣтлицу, дворецкаго—подместь крыльцо и дворъ, ключницу—готовить иноземныя вина и сладкія закуски.

— Да гостинцы накладывай не скупо! поучала она скупую свою ключницу, смѣшную старуху съ сморщенымъ, какъ мерзлое яблоко, лицомъ и нижней губой, достававшей до носа, въ платкѣ, повязанномъ по самые глаза, совсѣмъ одурѣвшую при словѣ „царь“.—И питейное чтобъ... дѣло ихъ мужское: не похотѣли бы побаловаться... Да ты, гляди, не травниковъ домашнихъ, не осрамись съ-дуру... это не къ обѣду... мальвазіи, ликантскаго... не травниковъ... гость-то не какой нибудь, слышь: самъ царь къ намъ жалуетъ...

— Самъ царь! шутка ли? аль-ни страховато, матушка-княгиня! твердила старуха-ключница, тычась безъ толку не туда, куда слѣдуетъ, таща, къ гнѣву хозяйки, вмѣсто аликантскаго и мальвазіи, бутылки съ травникомъ и настойками.

— Хивря! Домка! Листратушка! кричала озабоченная хозяйка,— ковры тащите изъ кладовой, по крыльцу стелите, по сѣнцамъ!... А въ свѣтлицу кизильбашскій большой!... Охъ, дѣтушки, не осрамите вы меня!... женское ли это, подумаешь, дѣло: государя въ гости принимать!... Бросилъ ты меня, князь Петръ Ивановичъ, Богъ тебѣ судья!... какъ тутъ, безъ хозяина, управиться?... Женское ли это дѣло?... Свѣчи восковыя въ шандалы правьте... стираксой курите!...

Распорядясь по дому, княгиня побѣжала въ теремъ къ дочери, не на шутку было всплакнувшей. Стоило-таки матери труда успокоить взволнованную дочь и уговорить ее пріодѣться, „дабы въ грязь лицомъ не ударить при такомъ гостѣ“.

— Дѣвка ты у насъ на-выданьѣ, Маша, Василій Ивановичъ холостъ живетъ, тебя брать за себя хочетъ,—то Москва знаетъ, говорила дочери мать, не обращавшая вниманія на ея убитый и грустно-покорный видъ.—Ѣдетъ, знамо зачѣмъ: свататься!

Когда, сопровождаемый бояриномъ Іоной, Василій Ивановичъ взошелъ по ковру на крыльцо, окруженное княжескими челядниками въ праздничныхъ кафтанахъ, безъ шапокъ, и только что успѣлъ расправить пальцами свою рѣдковатую свѣтлорусую бородку съ проглядывавшей сѣдиной, а бояринъ Іона обдернулъ складки его новаго, богатаго парчеваго наряда, въ дверяхъ широкихъ сѣней встрѣтила его княгиня съ дочерью. Княгиня на серебряномъ блюдѣ держала бѣлый каравай, сверхъ котораго блестѣла золотая солонка. У княжны въ рукахъ была золоченая стопа мальвазіи на серебряной тарелкѣ. Ростовская семья — зналъ Шуйскій — не порочила честные предковскіе обычаи; она встрѣчала дорогаго гостя съ хлѣбомъ-солью, съ полнымъ бокаломъ, на крыльцѣ. Будь хозяинъ, князь, дома, онъ, конечно, высадилъ бы своего гостя и государя изъ колымаги и безъ шапки проводилъ бы его въ хоромы.

— Здравы будьте, княгиня съ княжной! привѣтствовалъ Шуйскій хозяекъ съ скромнымъ поклономъ, передавая свою великолѣпную высокую пушистую шапку курбскому боярину.

Дородная, когда-то красивая, княгиня ни мало не смутилась, очутясь лицомъ къ лицу съ своимъ государемъ. Она еще не забыла его княжескія любезности, расточавшіяся ей, дѣвушкѣ, молодымъ Шуйскимъ, обыкновенно при выходѣ изъ церкви. Она низко поклонилась государю съ тою спокойною, какъ бы величавою пріятностью, тѣмъ плавнымъ поклономъ, что отличалъ тогдашнюю женщину благороднаго званія и что̀ вообще такъ къ лицу русской полной женщинѣ. Съ непривычки обращаться къ чужимъ мужчинамъ, воспитанная въ теремѣ, княгиня нѣсколько покраснѣла и сказала громко:

— Самъ здравъ буди, государь-надёжа! Прости наше неумѣнье женское. Князь, хозяинъ, на рати твоей, въ полѣ. Онъ лучше нашего принялъ бы тебя, по твоему царскому чину, въ хоромахъ своихъ

княжескихъ... Прости, Христа-ради, коли что не такъ, государь Василій Ивановичъ!

— Все такъ! все будетъ ладно, матушка княгиня Анна Тимоѳеевна! торопливо, словно самъ смущаясь, вкрадчиво заговорилъ Шуйскій. — Насъ, вотъ, извини на своемъ безпокойствѣ; похотѣлось провѣдать васъ, княгинюшка съ княжной, отъ дѣлъ думскихъ съ вами отдохнуть, про твоего князь Петра разспросить; вдовствуешь безъ него, меня за то худымъ словомъ поминаешь... Бояринъ Іона Агѣичъ князю твоему пріятель вѣдь старый... тоже похотѣлъ къ вамъ со мной...

— На великой чести много благодарны, великій государь!

Княгиня повторила поклонъ государю, не смѣя въ то же время кланяться его боярину.

— Дорогіе будете гости! Просимъ милости: выкушай на доброе здоровье, ради веселаго сердца! Не обидь, государь, выкушай почетный тотъ кубокъ!

— Здравствуйте еще, честна хозяюшка, княгиня, съ честной юницей, княжной, во честной храминѣ! весело, по старинѣ, провозгласилъ Шуйскій, взявъ съ серебряной тарелки золоченый кубокъ и въ то же время невольно любуясь на горѣвшую какъ маковъ цвѣтъ княжну Марью, высокую, стройную, въ дѣвичьемъ малиноваго бархата съ серебрянымъ шитьемъ кокошникѣ и ярко-пунцовомъ штофномъ сарафанѣ, обитомъ по подолу широкимъ серебрянымъ позументомъ. Длинныя, густыя рѣсницы клали тѣнь на стыдливо опущенные черные глаза, а свободная бѣлая рука, въ пышномъ батистовомъ рукавѣ, скромно лежала ниже груди. Черезъ правое плечо у нея висѣло щегольски расшитое по концамъ длинное полотенце.

— Тебѣ во здравіе и въ честь, великій государь!

Молодая княжна, пуще горѣвшая оттого, что царь ею любуется, сопровождала свои слова поклономъ. Ловко принявъ на свою тарелку пустой кубокъ, она подала государю конецъ тонкаго широкаго полотенца, которымъ тотъ отеръ себѣ усы и бороду.

— Такого бокала еще никто на свѣтѣ не выпилъ — живая вода! поддѣлываясь подъ веселость молодаго счастливца, замѣтилъ княгинѣ Шуйскій.—Сразу помолодѣлъ я! какъ словно витязь въ сказкѣ, Анна Тимоѳеевна!

Княгиня, а за ней княжна, совсѣмъ сгорѣвшая, а потому еще болѣе прелестная, снова поклонились молча государю.

Расторопный дворецкій проворно налилъ пустой кубокъ, который, съ поклономъ княжна поднесла курскому боярину. Не дотрогиваясь до кубка, бояринъ вопросительно глянулъ на государя, словно спрашивая его разрѣшенія.

— Слѣдуетъ выпить, Агѣичъ! весело замѣтилъ Шуйскій, переводя свои глаза съ княгини на княжну и обратно.—Помолодѣешь!

— Кабы не помолодѣть! сказалъ бояринъ, поднимая кубокъ и лукаво прищуривая старый глазъ такъ смѣшно, что княжна не вы-

держала—разсмѣялась, блеснувъ бѣлымъ жемчугомъ своихъ прекрасныхъ зубовъ.—Худа въ томъ нѣтъ, когда государь слугу своего вѣрнаго помнитъ. Во здравіе и въ честь нашему государю, Василью Ивановичу!

Бояринъ выпилъ кубокъ, опрокинулъ его себѣ на бѣлую голову и стукнулъ имъ молодецки по зазвенѣвшей серебряной тарелкѣ.

— Въ свѣтлицу, государь, пожалуй, осчастливь! съ новымъ поклономъ обратилась къ Шуйскому дородная хозяйка.

— Хозяйкамъ впередъ идти, какъ водится! замѣтилъ Шуйскій ласково, не трогаясь съ мѣста.

Княгиня, не возражая, плавно пошла въ хоромы съ хлѣбомъ-солью. За ней слѣдомъ, словно опасаясь отстать, едва касаясь земли и шурша длиннымъ сарафаномъ по полу, двинулась княжна; за нею Шуйскій и бояринъ.

Княгиня поставила на „поставецъ" хлѣбъ-соль и, кланяясь, пригласила царственнаго гостя сѣсть въ „красное мѣсто"—въ передній уголъ, за дубовъ столъ, „наряженный", то есть покрытый скатерью, уставленный сладкими яствами, скляницами съ иноземнымъ виномъ и сушеными заграничными же фруктами.

— Садись-ка, Іона Агѣичъ, пригласилъ Шуйскій боярина, указывая ему мѣсто возлѣ себя на скамьѣ,—и вы бы, княгиня со княжной, сѣли.

Мать съ дочерью поклонились съ достоинствомъ, ни на минуту ихъ не покидавшимъ, переглянулись, но не сѣли.

— То время помню, какъ ты замужъ за князя Петра шла, Анна Тимоѳеевна, замѣтилъ бояринъ.—Красоткой по Москвѣ слыла. Дочка-то, княжна Марья, и въ мать, и въ отца...

Хороша стояла молодая княжна. Черные волосы и черныя дугой брови сообщали ея красивому румяному лицу, освѣщенному большими черными глазами, выраженіе скорѣе восточной женщины, страстное, воспламеняющееся. Не смотря на обычай тогдашнихъ московскихъ молодыхъ женщинъ знатныхъ семей, свѣжее, полное лицо ея не знало бѣлилъ и румянъ, употребленіемъ которыхъ справедливо упрекали иностранцы русскихъ красавицъ, не нуждавшихся въ подобной поддѣлкѣ. Невниманіе княжны къ русскому обычаю малевать свое лицо Шуйскому не казалось страннымъ. Уже въ то время, подъ вліяніемъ польской моды, занесенной въ Москву Мариною Мнишекъ и сопутствовавшими ей польками, нашлись многія русскія красавицы, бросившія бѣлиться и сурмиться. Не взирая на „осудъ" и злословіе, чему, конечно, подвергнулись со стороны женскаго мнѣнія, эти боярыни и боярышни уже не выводили себѣ черныхъ бровей, не чернили рѣсницъ и зубовъ, не красили ногтей, не пускали черную краску въ зрачекъ—составъ металлической сажи съ „гуляфною" водкой или розовой водой. Шуйскій, какъ здравомыслящій и при томъ русскій человѣкъ, женскую красоту понималъ, прежде всего, въ смыслѣ цвѣ-

тущаго женскаго здоровья; а избыткомъ его, очевидно, могла похвалиться княжна. Чуть не брызгала молодая алая кровь, приливавшая къ гладкой, атласистой кожѣ полныхъ, немного смугловатыхъ щекъ. Тяжелая черная коса блестѣла ниткой жемчуга, искусно вплетенной въ пряди шелковистыхъ волосъ, и заканчивалась алою лентою. Сарафанъ какъ нельзя лучше выказывалъ всю прелесть ея женскаго, вполнѣ развитаго стана.

— Жениха княжнѣ Марьѣ не скоро подберешь! съ доброжелательной улыбкой замѣтилъ старый бояринъ Іона, знатокъ женской красы, шутливо подмигнувъ на дочь матери.—Пошла бъ за меня—сватовъ бы прислалъ къ тебѣ, княгиня-матушка.

— Зачѣмъ дѣло: сватай, бояринъ Іона Агѣичъ! въ тонѣ боярина, шутливо, любуясь на вспыхивавшую дочь, сказала княгиня.

— Пойдешь за такого парнюгу, княжна? лукаво поглядывая на нее и охорашиваясь передъ нею, обратился къ ней бояринъ.—Глянь: бородушка серебряная, разчесанная; головушка побѣдная, обычай молодецкій!..

Княжна разсмѣялась и пуще зардѣлась,

— Вишь-во, княгиня! на смѣхъ меня, стараго, дочь твоя подняла! шутливо пожаловался бояринъ. —Жди череду, когда со стола понесутъ...

— Сватай, бояринъ, можетъ—пойду! осмѣлилась сказать пѣвучимъ голосомъ княжна.

— Напервa загадку мою отгадай, княжна.

— Не отгадаю, бояринъ. Плоха-то я отгадчица, недосмысленная...

— Да садитесь! настоятельно повторилъ хозяйкамъ Шуйскій свое приглашенье.—То не ладно: гости сидятъ, а хозяева стоятъ, бесѣда не та будетъ...

Мать съ дочерью снова ему поклонились и, молча переглянувшись, сѣли на лавку у изразцовой печи.

— Ну, отгадай, княжна, продолжалъ бояринъ;—чего со стѣны не вырубишь?

— Солнца, подумавъ, отвѣчала княжна.

— Не княженецкой породы, а ходитъ съ короной; не ратный ѣздокъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоитъ, а всѣхъ рано будитъ. Что есть?

— Пѣтухъ.

— И лѣтомъ весело, и осенью сытно, и зимой тепло. Что такое, княжна?

— Дерево.

— Ай да княжна Марья-свѣтъ Петровна! уважила! три стариковскія загадки отгадала! обратился бояринъ къ Шуйскому, не сводившему стареньких, подслѣповатыхъ глазъ съ скромной красавицы.—Повели, великій государь, старому Іонѣ сватовъ по княжну послать?

— Съ Богомъ! отшучивался Шуйскій.—Меня, Агѣичъ, сватомъ пошли...

— Холостаго сватомъ не посылаютъ, государь. Тебя сватомъ пошли—ты, чего добраго, женихомъ вернешься...

— Не плохое дѣло! весело сказалъ Шуйскій.

Княгиня поднялась съ лавки и, кланяясь государю, сказала:

— Винцомъ прохладись, Василій Ивановичъ! пожалуй насъ, государь, твоихъ сиротъ: не обиды!

Потомъ съ поклономъ же пригласила и боярина „винцомъ прохладиться".

— Изъ хозяйкиныхъ рукъ винцо слаще! замѣтилъ Шуйскій.

Княгиня поняла: налила мальвазіей двѣ золоченыя стопы и съ поклономъ, на той серебряной тарелкѣ, подала ихъ Шуйскому и боярину.

Подъ раскрытыми окнами горницы послышался конскій топотъ; по мощеной камнемъ дорогѣ къ крыльцу зазвенѣли подковы. Шуйскій увидѣлъ нѣсколько запыленыхъ конниковъ, подъѣхавшихъ къ крыльцу. Княгиня покосилась въ окно, безпокойно прислушиваясь къ голосамъ; изъ нихъ одинъ показался ей какъ бы знакомымъ, именно голосомъ старшаго сына, Вани. Она поблѣднѣла и трепетала, не трогаясь съ мѣста...

— Княгинюшка! Никакъ наши пріѣхали! Князь съ князькомъ! радостно подала свой голосъ хозяйкѣ старая ключница, сама прячась за притворенною дверью въ другой горницѣ и какъ бы уже не обращая вниманія на только что пугавшаго ее однимъ своимъ именемъ царя.

— Господи! Князь мой! Супругъ! Съ князькомъ сыночкомъ! вернулись съ поля! воскликнула, сама себя не помня, радостная мать, покраснѣвъ и изъ неподвижности быстро переходя къ оживленію.— Прости, великій государь! Должна я встрѣтить главу свою и сына, вернувшихся съ поля, какъ въ домѣ семъ, княжо̀мъ, испоконъ вѣка заведено: со святою иконой Божіей Матери Корсунской, родовымъ образомъ, отпускала я ихъ въ поле, съ нею же встрѣчу ихъ!

Словно бы извиняясь въ своихъ словахъ передъ государемъ, она подкрѣпила ихъ поклономъ.

— Съ молитвою честно проводить изъ дома и въ домъ принять съ молитвою близкихъ,—то богоугодное дѣло, княгиня Анна Тимофеевна, замѣтилъ Шуйскій успокоительно, хотя въ душѣ обезпокоился вдругъ при этой вѣсти о неожиданномъ возвращеніи изъ подъ Путивля своего воеводы, князя Ростовскаго, такъ какъ оттуда не предвидѣлъ для себя добрыхъ вѣстей.

— Встрѣчай своихъ по домашнему обычаю, Тимофеевна, добавилъ курбскій бояринъ, озабоченно поглядывая въ окно на крыльцо.

Наружно сохраная спокойствіе, благообразная княгиня удалилась съ дочерью въ моленную. Она незамедлила возвратиться, держа на

груди обѣими руками большой образъ, полтораста лѣтъ жившій въ родѣ Ростовскихъ. Впереди шла княжна съ большою, толстою зажженою восковою свѣчей. При ихъ появленіи гости, крестясь, встали. Княжна стала справа матери, ожидавшей по серединѣ свѣтлицы дорогихъ ей людей. Празднично горѣла серебряная, потемнѣвшая отъ времени, риза съ широкимъ золотымъ вѣнцомъ при веселомъ свѣтѣ яркаго лѣтняго солнечнаго заката. Въ потокахъ горячихъ лучей, врывавшихся въ открытыя окна, красное пламя свѣчи придавало этой домашней картинѣ высокій, торжественный характеръ. Трепетное ожиданіе, напрасно скрываемое, выражали лица старой и молодой женщинъ. Вотъ и онъ, молодой князь Иванъ, ея милый сынъ и милый братъ княжны! Но онъ идетъ тяжело, такъ неохотно, словно по принужденію. Поступь невѣрная, усталая. Самъ худой, въ пыли, въ грязи, взглядъ мрачный. Мрачно у него на душѣ, словно бы не радуетъ его встрѣча съ матерью, съ сестрой; неужели своему возвращенію подъ родной кровъ не радъ онъ? Другой совсѣмъ князекъ Иванъ домой вернулся, не тотъ, котораго мать съ сестрой проводили въ поле. Отчего одинъ князекъ, безъ отца своего—князь Петра? Такія мысли волновали мать и сестру, слѣдившихъ съ замирающимъ отъ радости и какого-то тайнаго страха сердцемъ каждый шагъ, каждый взглядъ, каждое движеніе молодаго воина. Что онъ глядѣлъ возмужалымъ, загорѣлымъ и сильно похудѣвшимъ витяземъ—это понятно: поле—не домъ, не мать; военная гроза скоро передѣлываетъ мальчика въ воина... Но онъ плачетъ... Это не радостныя, не счастливыя слезы... И все-таки онъ одинъ, отца нѣтъ!.. Боже! Что съ отцомъ?

Статный молодецъ прямо съ походнаго сѣдла вошелъ въ свѣтлицу съ видомъ воина, увѣреннаго въ томъ, что честно исполнилъ свой долгъ въ полѣ. Непослушныя гребешку черныя кудри казались бурыми подъ слоемъ пыли. Бѣлки глазъ, оттѣненные черными зрачками и рѣсницами, какъ бы озаряли темное съ загара, опушенное бородкой, красивое смѣлое лицо. Мѣдный панцырь, сзади застегнутый пряжками на ремняхъ, облегалъ его плѣчистый, сильный станъ въ короткомъ темнозеленомъ полукафтаньѣ. Стальныя остроги, т. е. шпоры, звенѣли на каблукахъ длинныхъ сапогъ. Въ рукѣ мѣдная, съ остріемъ на макушѣ, шапка, съ стальнымъ козырькомъ и стальною же чешуей по ременнымъ застежкамъ. Станомъ онъ такъ напоминалъ своего отца. Преклонивъ колѣна, перекрестясь и ударивъ земной поклонъ, князь Иванъ всталъ съ глазами полными слезъ, и видимо удерживаясь отъ тѣснившихъ его молодую грудь рыданій, приложился къ иконѣ. За тѣмъ молча, не въ силахъ слова сказать, поцѣловался съ матерью и сестрою. Его печальное, зловѣщее молчаніе въ радостную минуту свиданія, его слезы тревожили не только мать и сестру, но и гостей. Невыносима казалась всѣмъ эта глубокая тишина, нарушаемая лишь шепотомъ челядинцевъ, столпившихся въ сѣняхъ, да звякомъ сабли.

— Благослови Богъ твой приходъ съ ратнаго поля, князь Иванъ, любезный сынъ! обратилась къ нему мать дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.—Гдѣ жъ отецъ твой, а мой супругъ, князь Петръ Иванычъ?.. Живъ ли онъ?

Князь Иванъ зарыдалъ, закрывъ лицо руками, и покачнулся. Бояринъ Іона торопливо его поддержалъ, смекая въ чемъ дѣло и хмурясь.

— Скажи свое горе, Иванушка, не томи ты кровныхъ своихъ, пробормоталъ, какъ могъ успокоительнѣе, Іона Агѣичъ, жалостливо поглядывая на мать съ дочерью.

Князь рукавомъ полукафтанья отеръ глаза, глубоко вздохнулъ и нерѣшительно взглянулъ на мать и сестру, замершихъ на своихъ мѣстахъ.—„Что скажу?" говорило выраженіе его лица. Онъ колебался.

„Легка радостная вѣсть, а на черную языкъ не ворочается", подумалъ бояринъ.

— Несчастье съ князь-Петромъ? прошептала блѣдная княгиня,—говори!

— Приказалъ вамъ долго жить! проговорилъ, насилуя себя, князь Иванъ, и опять зарыдалъ, закрывшись руками.

Разомъ вздрогнули и серебряная икона, и горящая свѣча. Для княгини и княжны померкло солнце...

— Убитъ! въ ужасѣ воскликнули обѣ женщины, словно сговорившись, съ глубокимъ отчаяніемъ.

Княгиня, шатаясь, понесла икону въ моленную. Ее поддерживали старая ключница и дворецкій Шульга, иначе она упала бы. Поставя икону на свое мѣсто, дородная княгиня безъ чувствъ опустилась на руки дочери и вѣрныхъ слугъ.

— Убитъ твой отецъ, а мой воевода, князь Ростовскій? приступилъ къ князю Василій Ивановичъ, горѣвшій нетерпѣніемъ знать, что сталось съ его царской ратью?—Сказывай, князь Иванъ, свои вѣсти!..

Князь только сейчасъ увидѣлъ передъ собой царя; подивился, что царь у нихъ въ домѣ именно въ такую минуту и, вспомнивъ свой долгъ подданнаго, поклонился государю... Онъ забылъ, что сестра его, княжна, царская невѣста, а вопроса царскаго просто не разслыхалъ, за своимъ горемъ.

— Сказывай свои вѣсти, князь! нетерпѣливо повторилъ Шуйскій.

— Прогнѣвался Богъ на тебя, государь! вздохнувъ, сказалъ князь Иванъ. — Петрушка воръ съ вольными казаками, да измѣнникъ твой князь Шаховской побили на голову насъ, твою царскую рать... Воевода твой храбрый, мой родитель, князь Петръ, посѣченъ казацкими саблями.

— Царство ему небесное, вѣчный покой! со вздохомъ замѣтилъ курбскій бояринъ и перекрестился.

Перекрестился и царь. Слòва больше не сказалъ. Ошеломила его

ужасная вѣсть. Онъ отдался мрачнымъ мыслямъ, забывъ, гдѣ онъ и зачѣмъ онъ въ домѣ Буйносовыхъ.

— Воля Божія, государь! строго замѣтилъ ему бояринъ.—Господь беретъ видимо, а подаетъ невидимо...

Шуйскій внимательно глянулъ своими подслѣповатыми глазами на тихо плакавшаго князя Ивана и, дружески взявъ его за руку, грустнымъ, прочувствованнымъ голосомъ сказалъ:

— Тамъ всѣ будемъ, Иванъ Петровичъ, куда отошелъ твой доблій отецъ! Не убивайся: поддержи свою мать и сестру... А за свою службу ратную награжденъ будешь...

Василій Ивановичъ поцѣловалъ неутѣшнаго князька, взялъ свою соболью шапку съ посохомъ у Ферапонтова и, сопровождаемый имъ, медленно направился на крыльцо, у котораго ждала ихъ царская колымага, окруженная конными стрѣльцами.

— Вотъ, Іона Агѣичъ, доля моя несчастная, жизнь безталанная! съ мрачнымъ раздраженіемъ заговорилъ дорогой Шуйскій, когда нѣмецкой работы каптана закачалась по глухимъ улицамъ „Разгуляя“.— Того мнѣ мало, яко государю сердобольному, увѣдати пораженіе рати своей царской отъ мятежниковъ; яко человѣкъ пораженъ горемъ семьи, откуда возжелалъ жену себѣ взять. Диво: началъ за здравіе, кончилъ за упокой!

— Воля Божья, Василій Ивановичъ! еще строже замѣтилъ бояринъ.—Ропотъ—великій грѣхъ!

— Знаю, другъ: да вѣдь человѣкъ я, пойми, человѣкъ!..

В. Марковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ЗАКЛЮЧЕННАГО [1].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Годъ въ модлинскихъ казематахъ.

I.

ПРОСНУЛСЯ въ 11 часовъ утра, и первое, что попалось мнѣ на глаза — это былъ стаканъ кофе съ булкой, щедро намазанной масломъ. Кофе оказался холоднымъ, но далеко вкуснѣе, чѣмъ давали въ десятомъ павильонѣ Александровской варшавской цитадели. Во время моего завтрака слышались, Богъ вѣсть откуда, голоса: „Игнацій!.. Ксаверій!“.. Голоса эти передавали (по-польски) вѣсть, что ночью привезли кого-то. Я началъ вслушиваться,—влѣзъ въ амбразуру (на окно), и понялъ загадку: это заключенные переговаривались въ окна. Я поздоровался съ ними. Меня спросили, кто я и за что сижу; затѣмъ вкратцѣ разсказали о себѣ и просили никого не называть по фамиліи, а по именамъ.

— Тутъ жечь посполита [2]), крикнулъ назвавшійся Ксаверіемъ. Этотъ Ксаверій, по фамиліи Линебергъ—отставной поручикъ Эстляндскаго полка, отданный подъ судъ „за демонстраціи“; его здѣсь всѣ „боятся, всѣ трусятъ“, въ особенности — плацъ-маіоръ Износковъ (о которомъ Линебергъ отзывается какъ о „страшномъ ненавистникѣ поляковъ“), и потому его содержатъ уже съ полгода одного. Прочіе мои сосѣди: Леонъ Піотровскій посаженъ „за пропагандированіе возстанія между хлопами“ (мужиками), Антоній Невѣровскій—„за поби-

---

[1]) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VII, стр. 365.

[2]) Жечь посполита—республика.

тіе шпега (шпіона) и одного офицера", Игнацій Тоновичъ—тоже, и еще „за демонстрацію". Первый (Піотровскій) былъ приговоренъ къ смерти, затѣмъ, по конфирмаціи — къ заключенію въ здѣшніе казематы на годъ, прочіе—тоже на годъ въ казематы; но въ день рожденія у намѣстника царства Польскаго, великаго князя Константина Николаевича, сына (Вячеслава), всѣмъ троимъ сбавлено по полгода, и они скоро должны получить свободу.

— Если желаешь, приготовь къ роднымъ и пріятелямъ письма къ 25-му числу,—доставимъ, предложилъ мнѣ Игнацій.

— А какъ передать ихъ вамъ? спросилъ я.

— На знакъ „попукай" въ стѣну, потомъ ступай въ „преветъ" [1]) и положи ихъ на верхъ дверной рамы, а какъ вернешься — опять „попукай" ко мнѣ,—я выйду и возьму.

— Никогда не посылай писемъ черезъ крѣпостное начальство, раздался опять голосъ Ксаверія, — оно читаетъ ихъ, много вымарываетъ, а то и вовсе не посылаетъ,..

„Нѣтъ, здѣсь, кажется, будетъ посвободнѣе, чѣмъ въ десятомъ павильонѣ", подумалъ я, сползая съ амбразуры.

Расположеніе модлинскихъ казематовъ въ это время было слѣдующее:

По сторонамъ темнаго, съ каменнымъ поломъ [2]) коридора (В) (100 шаговъ длины, см. профиль), гдѣ стоитъ караулъ, на двѣ неравныя половины, тянутся — по одну сторону свѣтлые (А), по другую—темные (С) номера, съ дверьми на запорахъ. На нашей половинѣ или, вѣрнѣе, въ маломъ коридорѣ (42 шага длины) — 8 свѣтлыхъ (отъ № 1-го до № 8-го) и 2 темныхъ (№№ 9-й и 10-й) номера; цейхгаузъ (М') и пріемная для посѣтителей заключенныхъ (№' и №"); на той половинѣ, или въ другомъ коридорѣ (58 шаговъ длины) — 10 свѣтлыхъ (отъ № 6-го до № 15-го) и 5 темныхъ (отъ № 1-го до № 5-го) номеровъ [3]), и темное-же отхожее мѣсто (Г и Г'). Свѣтлые №№, въ 9 шаговъ длины, 4 шага ширины и около 2 саж. вышины, съ сводчатыми потолками и деревянными полами,—выходятъ своими амбразурами на рѣку Наревъ, по берегу которой тянется дорога (R), у самой подошвы контръ-эскарпа (Р); по бермѣ (О), съ канавкою (К) или, какъ здѣсь говорятъ, „на валу"—ходитъ часовой.

Въ каждомъ свѣтломъ номерѣ — по одной амбразурѣ въ наружной стѣнѣ саженной толщины, по одной одностворчатой двери во внутренней, относительно — тонкой стѣнѣ, выходящей въ кори-

---

[1]) Преветъ—отхожее мѣсто.

[2]) Полъ выложенъ булыжникомъ.

[3]) По словамъ одного служителя, счетъ номеровъ въ другомъ коридорѣ продолжается, начиная съ номера сосѣдняго съ „преветомъ", т. е. означенный номеръ — не первый, какъ сообщилъ мнѣ жандармъ, а одиннадцатый, затѣмъ слѣдуетъ двѣнадцатый, и т. д. Находя жандарма въ этомъ отношеніи компетентнѣе служителя, я пронумеровалъ казематы на планѣ съ его словъ.

доръ, и на каждые два смежные номера — по большой печкѣ (i). По серединѣ амбразуры (шириною съ внутренней стороны $1^1/_2$ фута съ наружной — 1 футъ), вдѣлано окошко съ двумя толстыми желѣзными рѣшетками и проволочною сѣткой; стекла въ окнѣ—чисты. Надъ дверью (n), расположенною противъ амбразуры, находится тусклое окно съ толстою желѣзною рѣшеткой, а въ ней самой, по серединѣ—вдѣлано чистое овальное стеклышко (2 вершка ширины и $2^1/_2$ вершка длины), закрываемое снаружи (съ коридора) желѣзною заслонкой, на которой обозначенъ номеръ каземата. Жандармы и часовые наблюдаютъ въ эти стеклышки за заключенными,

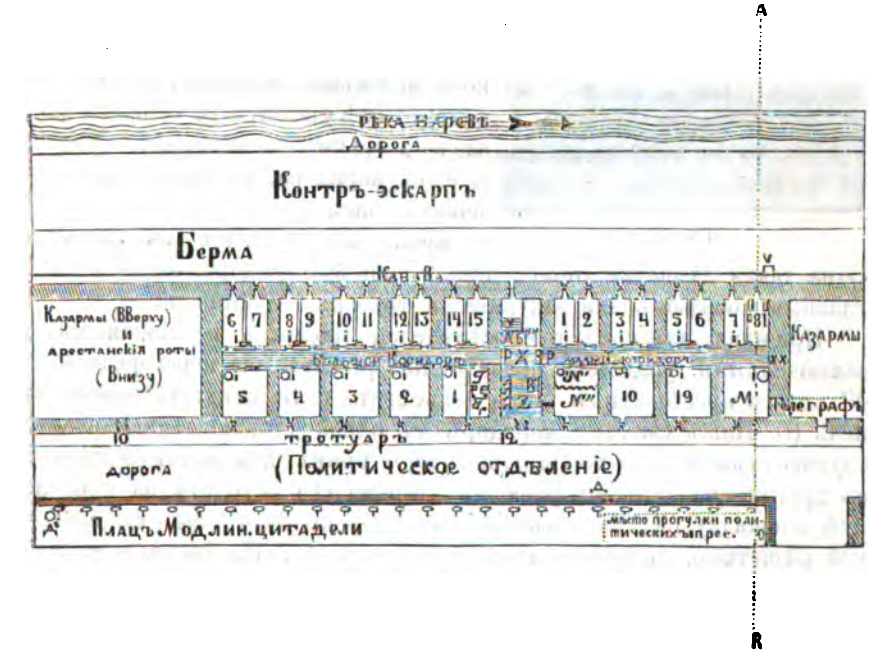


Рис. 1.

но я на первыхъ же порахъ замазалъ свое, и безъ того тусклое, стеклышко разжеваннымъ хлѣбомъ, что, впрочемъ, не останавливаетъ стражей отъ „обязанности“ поминутно отодвигать заслонку и подолгу напряженно всматриваться... въ туманъ.

Въ моемъ казематѣ (№ 5-й), кромѣ столика, стоятъ двѣ нары, каждая—съ покатою доской у изголовья; одна нара пустая, другая—съ „соломенникомъ“ (соломеннымъ тюфякомъ), съ сжатою въ лепешку соломенною подушкой, грубою простыней и жиденькимъ, застиранным шерстянымъ одѣяломъ. На столикѣ — лампочка, вѣрнѣе — коптилка, да въ углу, у печки — купленная на мой счетъ большая глиняная миска для умыванья и такой же кувшинъ, вмѣщающій въ себѣ съ полъ-ведра воды.

Темные номера, съ потолками въ уровень съ тротуаромъ (F), и каменными [1]) полами—на $^1/_2$ фута ниже уровня пола коридора, за исключеніемъ № 1-го или 11-го, самаго холоднаго, сыраго и вонючаго, имѣющаго въ ширину всего $3^1/_2$ шага и окно общее съ преветомъ, — просторнѣе свѣтлыхъ: длина ихъ 9 шаговъ, ширина тоже 9 шаговъ, вышина около двухъ саженъ. Въ каждомъ номерѣ по маленькой печкѣ (i); дверь (n) — какъ и въ свѣтлыхъ казематахъ; маленькое (въ $^1/_2$ фута вышины и $1^1/_2$ фута ширины), тусклое, почти не пропускающее свѣта и глухое, никогда не открываемое окошечко (c) съ желѣзными рѣшетками выходитъ съ потолка на тротуаръ. Съ вечера зажигаются на ночь маленькія лампадки, по одной на номеръ; онѣ ставятся на оконныя рамы надъ дверьми съ наружной стороны, т. е. съ коридора, но никому, за исключеніемъ насъ трехъ (Г—скаго, З—на и меня) не подаются въ казематы.

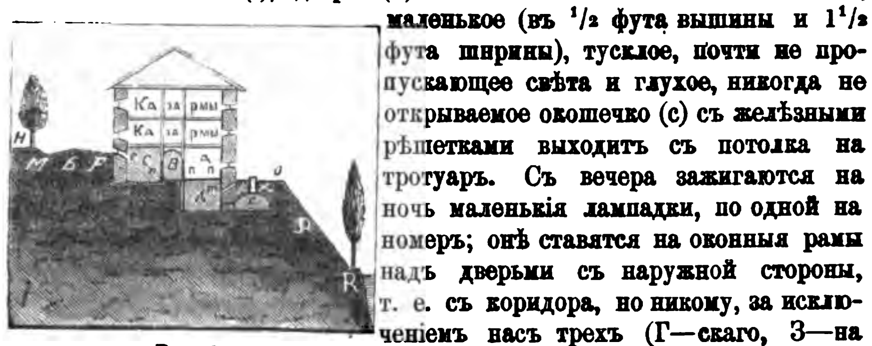


Рис. 2.

Одна такая лампадка горитъ день и ночь въ коридорѣ, около № 10-го, главнымъ образомъ для закуриванія трубокъ и папиросъ.

Пріемная, для свиданія посѣтителей (родныхъ и знакомыхъ) съ заключенными, раздѣлена проволочною рѣшетчатою перегородкой: въ N' стоитъ арестованный, въ N''—посѣтители. Въ цейхгаузѣ—большая печь (i). Нашъ (малый) коридоръ съ одной стороны заканчивается глухою стѣной, въ которой однако-жъ я примѣтилъ какую-то дверь [2]), съ другой—на день отворяемыми дверьми (P) выходитъ на караульную площадку (X), загороженную со стороны лѣстницы (Y) деревянной рѣшеткою, съ рѣшетчатою же дверью (A). На означенной площадкѣ стоятъ скамьи (B') для караульныхъ солдатъ и дежурныхъ жандармовъ, столъ (B), на которомъ они ѣдятъ, а также раздѣваютъ вновь арестованныхъ и осматриваютъ ихъ вещи, и сошка для ружей (Z).

Я началъ прибирать свою постель,—вдругъ входитъ ко мнѣ какой-то штатскій, протягиваетъ руку и торопливо рекомендуется: „сосѣдъ, Ксаверій Линебергъ“.

Не успѣлъ я пожать ему руку, какъ вбѣгаетъ жандармъ:

— Что это значитъ?

— Ахъ! я ошибся,—это не мой номеръ, проговорилъ Линебергъ и вышелъ.

---

[1]) Булыжникъ.

[2]) Куда ведетъ эта таинственная дверь — никто не могъ, или не хотѣлъ объяснить мнѣ втеченіе всего моего заточенія здѣсь.

Спустя нѣсколько минутъ, вызвавъ меня къ окну, онъ сообщилъ, что заключенные здѣсь, „ошибаясь подобнымъ образомъ, часто посѣщаютъ другъ друга и не рѣдко просиживаютъ одинъ у другаго по цѣлымъ часамъ“, что, конечно, бываетъ только на дежурствѣ какого-нибудь „глупенькаго солдатика“. Въ это время дверь тихо отворилась и на порогѣ показался съ узелкомъ тотъ самый длинный офицеръ, котораго я видѣлъ ночью съ плацъ-маіоромъ Износковымъ. Это былъ смотритель политическаго отдѣленія (№ 12-й) казематовъ, подпоручикъ Тороповъ.

— Вотъ ваши вещи, подалъ онъ мнѣ узелокъ съ извѣстною уже ветошью, ночевавшею въ ордонансъ-гаузѣ, гдѣ, конечно, ее тщательно осмотрѣли.

— Какъ здѣсь насчетъ грязнаго бѣлья? спросилъ я у него.

— Будутъ мыть отъ казны... Я пришелъ узнать, какъ вы желаете брать обѣдъ: по порціямъ, или по пол-порціямъ?

— А поскольку полагается мнѣ на содержаніе?

— По четырнадцати копѣекъ въ сутки.

— А что стоитъ пол-порціи?

— Семнадцать съ половиною копѣекъ.

— Въ такомъ случаѣ—по пол-порціямъ.

Отмѣтивъ это въ своей записной книжкѣ — истрепанной тоненькой тетрадкѣ изъ сѣрой бумаги въ осьмушку, Тороповъ сказалъ, что о нашемъ содержаніи пойдетъ еще запросъ въ Варшаву, а тѣмъ временемъ, по распоряженію плацъ-маіора по хозяйственной части, Иванова, намъ будетъ выдаваться обѣдъ безплатно изъ здѣшняго трактира, откуда продовольствуются и прочіе „политическіе“. Трактиръ этотъ, равно какъ и единственная на всю крѣпость лавочка, занимаютъ собою пять надказематныхъ номеровъ, нанимаемыхъ хозяиномъ ихъ отъ крѣпостнаго начальства.

Все говорило въ Тороповѣ, что онъ изъ солдатъ, но человѣкъ скромный, не злой.

Спустя четверть часа по уходѣ его, мнѣ принесли „полупорціонный“ обѣдъ, въ обыкновенной трактирной посудѣ, но ложка была деревянная, а ножа и вилки вовсе не было—строго, молъ, запрещено давать ихъ „политическимъ“ [1]). Обѣдъ состоялъ изъ тарелки хорошаго супа, ломтика сочнаго мяса („штука менса“) подъ соусомъ и изряднаго куска жаркого, при которомъ наложено было съ полъ-тарелки крутой гречневой каши съ масломъ; хлѣбъ — полубѣлый. И вкусно, и изобильно, — настолько изобильно, что съ жаркимъ я не могъ справиться и оставилъ его на вечеръ. (Оно и кстати было, такъ какъ вечеромъ, кромѣ чаю, ничего не дали).

---

[1]) Впослѣдствіи мнѣ разрѣшили заказать себѣ деревянный ножъ съ таковою же вилкой.

Послѣ обѣда я прилегъ. Тишина... Вотъ выскочила изъ норки, что у стѣны, мышь, — понюхала, поднявъ рыльце въ воздухъ, и весело, вприпрыжку выбѣжала на середину пола; за ней — другая, третья. Я пошевелился—опять нюхнули воздухъ, посмотрѣли на меня и—назадъ въ норку. Я всталъ, привязалъ кусочекъ сальной свѣчи (купленной мнѣ служителемъ) къ ниточкѣ, а эту послѣднюю — къ карандашику, на который и установилъ стаканъ на полу, дномъ кверху такъ, чтобы мышкѣ было свободно пройти подъ него; затѣмъ — улегся и притихъ... Опять выскочилъ грызунчикъ, обнюхалъ воздухъ и—подъ стаканъ, къ салу; но какъ только схватилъ его — карандашикъ соскользнулъ и стаканъ захлопнулъ лакомку. Я взялъ ее и— чтобы разъ на всегда покончить съ этими блудливыми подпольными сосѣдями—всю обкапалъ саломъ и пустилъ, — она въ норку; но не прошло и трехъ минутъ, какъ подъ поломъ поднялась возня съ ужаснымъ пискомъ и взвизгиваніями, и затѣмъ оня выскочила оттуда, на половину обгрызенная до мяса, и бросилась въ уголъ комнаты; за нею — шесть другихъ и, догнавъ жертву, продолжали грызть съ саломъ и шкурку ея. Я приподнялся — они назадъ, въ норку, а та, дрожа и жалостно глядя на меня, ни съ мѣста—отдалась человѣку, чтобы не быть заживо съѣденною своими. Я оставилъ ее въ покоѣ, а на утро, когда проснулся,—и слѣдъ ея простылъ; вѣрно, разошлась по желудкамъ собратій своихъ. (Съ этихъ поръ ни одна мышь уже не отваживалась заглядывать ко мнѣ—вѣроятно, вся семья переселилась къ сосѣдямъ моимъ, которые не разъ потомъ жаловались мнѣ, что имъ „нѣтъ отбою отъ мышей: по ночамъ пробираются даже подъ одѣяла, ползаютъ по лицамъ, и все съѣдобное грызутъ").

Прогулка еще не разрѣшена, а воздухъ убійственъ... И вотъ, въ седьмомъ часу вечера на третій день (22-го сентября), со мною сдѣлалось вдругъ дурно: ноги подкосились и, обезсиленный, я рухнулся пластомъ на нару. Послали за докторомъ; является, выставивъ кокарду своей шапки напоказъ, какая-то потертая, засаленная фигура, съ одутловатымъ краснымъ лицомъ и рекомендуется „поддокторомъ"; а самъ, молъ, докторъ уѣхалъ въ „Новый Городъ", что въ трехъ верстахъ отсюда, за покупками, такъ какъ въ „крѣпостной лавченкѣ многаго не достанешь". Объясняю ему болѣзнь,—ничего не понимаетъ, только ворочаетъ зрачками, да мычитъ подъ носъ себѣ: „гм... гм... н-да!.. гм..." Такъ и не добился отъ него толку! Хорошо еще, что къ ночи болѣзнь какъ рукой сняло.

Въ 11 часовъ утра на слѣдующій день (23-го сентября) приходитъ Износковъ, въ сопровожденіи нѣкоего штабъ-ротмистра, съ которымъ я встрѣчался въ Саксонскомъ отелѣ и не разъ вступалъ въ разговоръ; тогда онъ выказывалъ изъ себя большого либерала, а теперь состоитъ въ здѣшней жандармской командѣ. И какъ же онъ

покраснѣлъ, увидавъ меня! Я пристально посмотрѣлъ на него, и на его поклонъ отвѣтилъ холодно.

— Здоровы? спросилъ меня Износковъ.

— Теперь здоровъ.

— Г—скій-Д—вичъ просится жить вмѣстѣ съ вами,—можете перейти къ нему...

— Передайте, пожалуйста, коменданту, что я желаю написать протестъ на рѣшеніе аудиторіата.

— На протестъ нужно испросить разрѣшеніе изъ Варшавы. Мы напишемъ.

Затѣмъ, я попросилъ у плацъ-маіора письменныхъ матеріаловъ,—разрѣшилъ покупать изъ лавки на свои деньги; просилъ его и о банѣ, ссылаясь на то, что въ десятомъ павильонѣ насъ ни разу не водили въ нее; просилъ и о прогулкѣ,—онъ обѣщалъ доложить обо всемъ этомъ коменданту и, простившись, вышелъ.

II.

Въ 3-мъ часу пополудни Тороповъ „переселилъ“ меня въ № 3-й, къ Г—му-Д—вичу.

— На меня кто нибудь да донесъ послѣ суда! говорилъ мой товарищъ по заключенію, шагая изъ угла въ уголъ въ то время, какъ я прибиралъ свою нару.—Не будь доноса, мнѣ не увеличили бы наказанія.

— Сомнѣваюсь, возразилъ я,—иначе бы въ выпискѣ аудиторіата (которую намъ прочли при конфирмаціи) было помѣщено, если не кто именно донесъ на васъ, то непремѣнно чтò, но этого не было; выписка обвиняла васъ въ томъ же, въ чемъ и судъ.

— Совершенно согласенъ съ вами.

— Дѣло судомъ было покончено, а потому было бы поздно; да и какая цѣль у людей, не знающихъ васъ, дѣйствовать противъ васъ? Я, напримѣръ, до слѣдствія и въ лицо не зналъ васъ...

— Я никогда бы не позволилъ себѣ и подумать о васъ что нибудь дурное!

— Наконецъ, вамъ извѣстенъ весь ходъ моего дѣла... Кого жъ еще вы можете подозрѣвать? З—на?

Г—скій молчалъ.

— Вы знаете его? продолжалъ я.

— Знаю.

— Что онъ за человѣкъ?

— Любитъ порисоваться своимъ либерализмомъ, но дѣло съ словомъ не ладится у него... Не проговоритесь какъ нибудь, что это я вамъ говорилъ.

Потолковавъ еще о панихидѣ, Г—скій началъ рыться въ своихъ вещахъ.

— Однако, имущества у васъ не мало! улыбнулся я.

— Да денегъ нѣтъ; скоро не на что будетъ покупать табаку.

— Продайте мнѣ пару кальсоновъ,—вотъ и деньги будутъ у васъ.

— Если желаете, возьмите такъ.

— Хорошо; а вы примите отъ меня тоже такъ стоимость ихъ,— если стѣсняетесь деньгами, то вещами, и я подалъ ему фунтъ табаку.

Затѣмъ мы улеглись, совершенно довольные другъ другомъ.

На слѣдующій день (24-го сентября) Тороповъ сообщилъ, что намъ „разрѣшено гулять по получасу утромъ и послѣ обѣда".

— Одѣвайтесь же, господа, прибавилъ онъ.

Въ сопровожденіи жандарма сбоку и двухъ караульныхъ солдатъ, одного впереди, другаго сзади, мы въ своихъ офицерскихъ костюмахъ поднялись по лѣстницѣ *(Y*, см. планъ), перешли наискосокъ дорогу *(B)* и по деревяннымъ сходнямъ *(D)* въ откосѣ *(M)* вступили въ заповѣдный кругъ для прогулокъ узниковъ, или, яснѣе, въ оцѣпленный девятью караульными солдатами ближайшій къ казематамъ уголокъ обширнаго, окаймленнаго деревьями, плаца *(H)* цитадели, замкнутаго со всѣхъ четырехъ сторонъ разными сооруженіями. По сю сторону его тянутся двухъ-этажныя казармы, съ казематами подъ ними; въ первомъ этажѣ, по крайней мѣрѣ надъ нашимъ, такъ называемымъ „секретнымъ" или политическимъ, № 12-й, отдѣленіемъ находятся офицерскія квартиры, трактиръ и лавка; въ верхнемъ—живутъ солдаты; лѣвѣе отдѣленія № 12-й—помѣщеніе для роты гражданскихъ арестантовъ (отдѣленіе № 10-й): большіе ихъ казематы съ рѣшетками (вмѣсто внутреннихъ стѣнъ), выходящими въ коридоръ, заставлены нарами. На противоположной сторонѣ, за плацемъ, расположены тоже казармы, 3-й редюитъ и башня съ часами; влѣво водопроводная башня и еще какія-то зданія, вправо опять казармы, церковь, садъ, за которымъ виднѣется комендантскій домъ съ ордонансъ-гаузомъ и помѣщеніе для плацъ-маіоровъ и пр., съ конюшнями и дворами.

Жандармъ сталъ на сходняхъ, двое конвойныхъ примкнули къ цѣпи караульныхъ, а мы оживленно зашагали и скоро смѣряли, что каждая сторона мѣста прогулки равняется 30-ти шагамъ. Передъ глазами снуютъ взадъ и впередъ то по одному, то попарно, съ конвойнымъ сзади, несчастные изъ здѣшнихъ арестантскихъ ротъ, военной и гражданской; нѣкоторые въ цѣпяхъ и всѣ истощены, старообразны (хотя большинство изъ нихъ молодые) и страшно обезображены нарядомъ: у однихъ сѣрыя, грубѣйшаго сукна, неуклюжія куртки съ чернымъ (въ видѣ бубноваго туза) ярлыкомъ на спинѣ, таковые же штаны и шапки съ на-крестъ нашитымъ кантомъ изъ чернаго сукна наверху; у другихъ половина костюма, по длинѣ, чернаго цвѣта, половина сѣраго, одна половина головы обрита, другая нѣтъ. Изрѣдка промелькнетъ и гарнизонный солдатикъ—теперь утро и они заняты;

еще рѣже увидишь офицера или женщину, и какимъ недосягаемымъ блаженствомъ для насъ кажется эта послѣдняя!?..

Когда вели насъ съ прогулки, жандармъ велѣлъ проходившимъ вблизи насъ солдатамъ остановиться; вообще строго наблюдается, чтобы никто изъ постороннихъ не могъ какимъ либо путемъ сноситься съ „секретнымъ“.

30-го сентября, вышелъ „на волю“ Леонъ Піотровскій. Въ нашемъ коридорѣ остается всего шесть арестантовъ: насъ трое (З—нъ, Г—скій и я), офицеръ Низовскаго полка Алопеусъ, посаженный за побои, нанесенные другому офицеру, и еще за какое-то, кажется, тоже не политическое дѣяніе (онъ шведъ, по-русски говоритъ плохо, по-польски вовсе не понимаетъ, а потому „перепукиваться“ съ нимъ нельзя); затѣмъ, Антоній Войно и Витольдъ Улятовскій, приговоренные судомъ за то же, за что и освобожденный теперь Піотровскій, на 10 лѣтъ въ каторгу, но они надѣются отдѣлаться, какъ и тотъ, одними казематами. Въ томъ же коридорѣ сидитъ только одинъ изъ „политическихъ“—Ксаверій Динебергъ, переведенный туда сегодня утромъ.

Съ 24-го сентября по 7-е октября я писалъ замѣтки о трехъмѣсячномъ пребываніи своемъ въ десятомъ павильонѣ, а въ минуты отдыха полемизировалъ съ Г—скимъ по разнымъ вопросамъ. Но объ этомъ послѣ; теперь же занятъ письмомъ въ императорскую академію наукъ по поводу рѣшенія мною одной математической задачи, остающейся, кажется, до сихъ поръ не рѣшенною.

Я не спеціалистъ по части математики и уже пять лѣтъ, какъ, прощаясь съ кадетскою скамьей, дружески простился и съ нею. Но вчера, на сонъ грядущій, пришло мнѣ въ голову о возможности найти „квадратуру круга“ на основаніи отношенія діаметра къ окружности. Проснувшись, занялся и рѣшилъ эту задачу съ тою же точностью, съ какою опредѣлено Архимедомъ и Мецомъ отношеніе діаметра къ окружности. Можетъ быть, до меня рѣшали ее этимъ же путемъ тысячи другихъ, въ такомъ случаѣ ее не слѣдуетъ причислять къ неразрѣшеннымъ, какъ не причисляютъ къ таковымъ и отношенія діаметра къ окружности. А можетъ быть, этотъ способъ рѣшенія по простотѣ своей и не приходилъ никому въ голову; можетъ быть и то, что онъ въ самомъ основаніи своемъ не вѣренъ... Но теперь я глубоко, искренно увѣренъ въ непогрѣшимости его, съ чѣмъ соглашается и сильный въ математикѣ Г—скій. Не будь этой увѣренности, конечно, я не рѣшился бы заявлять о своемъ открытіи академіи наукъ; а между тѣмъ, на слѣдующій же день послалъ его туда за-

коннымъ путемъ, т. е. черезъ ордонансъ-гаузъ, не излагая, впрочемъ, самаго хода рѣшенія задачи, состоящаго въ слѣдующемъ:

Площадь круга $= \pi R^2$; площадь искомаго квадрата должна быть также πR^2.

Площадь всякаго квадрата равна квадрату стороны его, слѣдовательно, чтобы опредѣлить сторону искомаго квадрата, нужно извлечь корень квадратный изъ πR^2. $\sqrt{\pi R^2} = R\sqrt{\pi}$.

Вотъ и все тутъ.

Вечеръ прошелъ непріятно.

Люблю я Польшу... но рѣдко сближался съ поляками. Врядъ ли сойдусь и съ товарищемъ по заключенію, хотя общность нѣкоторыхъ политическихъ идеаловъ и связываетъ меня съ нимъ нравственно; но въ остальномъ онъ положительно не нравится мнѣ. Переходя отъ одной крайности къ другой, онъ способенъ охладить къ себѣ даже самаго снисходительнаго человѣка; то навязывается, заискиваетъ, деликатничаетъ, унижается чуть не до „падамъ до ногъ", то, не вынося возраженій, раздражается, говоритъ колкости, дерзости... вмѣсто опроверженій. Но главное—это страсть чернить всѣхъ за глаза. По поводу ея говорю ему сегодня:

— Чтобы имѣть право судить людей или общество, нужно имѣть данныя, да и не лишнее со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть свою особу; вѣдь осуждать все легче, чѣмъ исправлять себя или другихъ.

Разсердился, чуть не къ деспотамъ причислилъ меня за это!

— Неужели вы просились жить вмѣстѣ для того только, чтобы быть такимъ несноснымъ въ такомъ несносномъ положеніи? замѣтилъ ему я.

— Я не просился, отвѣтилъ онъ.

— Какъ не просились! Мнѣ самъ плацъ-маіоръ говорилъ...

— Не просился! Я даже послалъ ему сегодня записку—спросите сами—о переводѣ къ намъ З—на; а если нельзя втроемъ жить, то, такъ какъ у З—на есть всѣ руководства по математикѣ, чтобы перевелъ меня къ нему.

— Ну, теперь вы сняли съ себя совершенно маску...

Да, вліяніе десятаго павильона и здѣшняго подземелья начинаетъ сказываться въ насъ.

Сегодня (8-го октября) товарищъ по заключенію что-то очень предупредителенъ ко мнѣ.

— Увѣряю васъ, говорилъ онъ на утренней прогулкѣ,—я готовъ со всякимъ быть до крайности вѣжливымъ; но мнѣ казалось, что вы хотите подчинить меня себѣ,—вотъ почему я выставилъ себя такимъ рѣзкимъ...

— И записка послана плацъ-маіору изъ того же побужденія?

— Никакой записки я ему не писалъ.

Только что вернулись мы съ прогулки, какъ входитъ кругленькій, пухленькій, съ помятымъ ночными кутежами лицомъ плацъ-адъютантъ, капитанъ Селиверстовъ, съ бумагой въ рукѣ.

— Господа, сказалъ онъ,—комендантъ приказалъ прочесть вамъ присланный отъ главнокомандующаго отвѣтъ на запросъ о вашемъ содержаніи.

Судя по смыслу прочитанной имъ бумаги, комендантъ ходатайствовалъ о прибавкѣ намъ содержанія; на это главнокомандующій отвѣчаетъ, что по закону—офицеры, отставленные за политическія преступленія отъ службы и находящіеся въ заключеніи, получаютъ отъ казны (изъ государственнаго казначейства) по 14-ти копѣекъ, и что онъ не имѣетъ ни средствъ, ни права, увеличить намъ это содержаніе на счетъ суммъ царства Польскаго.

— Такъ какъ же, господа, продолжалъ плацъ-адъютантъ, — хотите ли вы получать обѣдъ по-прежнему и приплачивать по $3^1/_2$ копѣйки, или же—вамъ будетъ отпускаться за 14 копѣекъ два блюда, но въ размѣрѣ бо̀льшемъ противъ прежняго? Кофе же и чай, во всякомъ случаѣ, вамъ придется покупать на свои деньги.

— Мы, кажется, никого не просили о прибавкѣ содержанія, отвѣтилъ я,—пусть насъ кормятъ на тѣ деньги, какія полагаются отъ правительства.

Селиверстовъ удивленно посмотрѣлъ на меня.

— А по скольку идетъ здѣсь на штатскихъ? спросилъ его Г—скій.

— Политическіе преступники царства Польскаго не изъ военныхъ содержатся на суммы царства, и это содержаніе очень достаточно: что-то около 50-ти копѣекъ въ день на каждаго... Такъ какъ же, господа, передать мнѣ коменданту?

Мы остались при рѣшеніи обѣдать на 14 копѣекъ, и просили его похлопотать о банѣ и книгахъ для насъ, а также о дозволеніи видѣться съ З—номъ.

Спустя часъ, является Тороповъ съ извѣстіемъ, что обѣдъ мы будемъ получать „по-прежнему“, т. е. полупорціонный; свиданіе съ З—номъ разрѣшено, „но только на два, на три часа по послѣ-обѣдамъ“; въ баню онъ будетъ водить насъ самъ, безъ конвоя, разъ въ двѣ недѣли; о книгахъ же комендантъ обѣщалъ переговорить съ начальникомъ здѣшней артиллеріи: „нельзя ли намъ пользоваться ими безплатно изъ артиллерійской библіотеки“.

— Пожалуйста, достаньте гдѣ нибудь хоть газету, просили мы его.

— Газетъ и книгъ тутъ во всей крѣпости не найдете, рѣшительно объявилъ онъ... Однако же черезъ часъ, когда между мною и Г—скимъ поднялся горячій споръ по поводу одного политическаго процесса, Тороповъ принесъ французскую книгу, кажется, изъ библіо-

теки коменданта, и затѣмъ, сильно озабоченный чѣмъ-то, вышелъ; но вскорѣ опять пожаловалъ къ намъ.

— Извините, господа, заговорилъ онъ какъ-то несмѣло;—я хочу вамъ сказать... Хотя здѣсь такой порядокъ, хотя это и не позволительно... но, вотъ видите, господа, мнѣ привезли картофель, и я хочу попросить у васъ, не можете ли дать мнѣ взаймы 2 руб. серебромъ. Само-собою, я могъ бы взять въ лавкѣ, или у товарищей, но одинъ, другой—видно теперь спитъ... Я вамъ отдамъ перваго числа,—я получаю жалованье перваго.

Все это онъ произнесъ въ сильномъ смущеніи.

По началу монолога можно было подумать, что онъ собирается сдѣлать намъ замѣчаніе за шумные диспуты, или иные какіе нибудь безпорядки, но конецъ—нѣсколько удивилъ меня. Впрочемъ, я обрадовался случаю стать поближе къ этому добряку и предложилъ ему вмѣсто двухъ—три рубля, угостилъ папироской и просилъ посидѣть съ нами, поразсказать о предсмертныхъ минутахъ разстрѣлянныхъ товарищей нашихъ.

— Да, господа, началъ онъ въ тонъ намъ, хотя и съ замѣтно-пробивающимся наружу чувствомъ восторга отъ получки „зелененькой",—нахлопотался тогда я; два дня не спалъ, былъ какъ пьяный, хотя и рюмки не бралъ въ руки. Въ ту ночь, какъ ихъ должны были привезти сюда, я совершенно не смыкалъ глазъ.. Наконецъ, привезли ночью, подъ большимъ конвоемъ—до 60-ти казаковъ было, разсадили по разнымъ нумерамъ въ томъ коридорѣ, къ дверямъ приставили жандармовъ. Днемъ пришли къ нимъ попы съ плацъ-маіоромъ Износковымъ, а я хлопоталъ о чистомъ для нихъ бѣльѣ. На третью ночь (съ 15-го на 16-е іюня) почти весь гарнизонъ не спалъ; въ три часа утра пришли опять попы, въ черныхъ ризахъ,—исповѣдывали, причастили; въ четыре—уже всѣ пять баталіоновъ гарнизона стояли на валу и во рву за большою крѣпостью. Прибылъ къ казематамъ конвой изъ жандармовъ и казаковъ; Сливицкаго, Арнгольдта, Ростковскаго и Щура вывели по одному; справа ихъ стали попы съ крестами, слѣва—плацъ-маіоръ Износковъ, жандармскій капитанъ Бѣлановскій, старшій плацъ-адъютантъ Юнинъ, я и другіе офицеры; конвой размѣстился со всѣхъ четырехъ сторонъ, солдаты—сзади, за ними—толпа любопытныхъ (больше—бабъ) и въ такомъ порядкѣ направились черезъ цитадель и большую крѣпость къ тому мѣсту, гдѣ расположены были войска. Тутъ прочиталъ аудиторъ конфирмацію: первыхъ трехъ разстрѣлять, а послѣдняго прогнать сквозь строй черезъ сто человѣкъ шесть разъ и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ. Послѣ этого, на приговоренныхъ къ смерти надѣли бѣлыя рубашки и повели къ столбамъ, барабанщики забили „сквозь строй"... Привязали къ столбамъ, завязали глаза, потомъ вызваны были стрѣлки, на каждаго по

двѣнадцати; они тихо подошли къ нимъ шаговъ на пятнадцать, фельдфебель махнулъ платкомъ,—раздался залпъ...

Тутъ голосъ у разсказщика дрогнулъ, и онъ замолчалъ.

— Какъ подѣйствовали на нихъ всѣ эти приготовленія къ смерти?

— Лица у всѣхъ были какъ мертвыя—ни кровинки! а шли—спокойно... Аудиторъ разсказывалъ потомъ, что надежда не покидала Арнгольдта до послѣдней минуты.

По уходѣ Торопова, я тихо разговорился въ дверяхъ съ дежурнымъ жандармомъ—хохломъ, съ которымъ вотъ уже третій разъ вступаю въ интимную бесѣду. Онъ добръ, съ открытымъ лицомъ и улыбающимися глазами,—понимаетъ многое и недурно разсуждаетъ.

Какъ бы въ дополненіе къ разсказу Торопова, онъ сообщилъ, что въ послѣднюю ночь Арнгольдтъ, разговаривая съ жандармами, между которыми находился и разсказщикъ, сказалъ: „насъ разстрѣляютъ; но намъ жалко Ростковскаго и Щура". Затѣмъ, когда пришли съ Износковымъ попы, Сливицкій и Арнгольдтъ просили перваго: по совершеніи казни отдать ихъ еще новыя пальто Канареву и другому жандарму, что̀ тотъ и исполнилъ; но, спустя три дня, плацъ-маіоръ по хозяйственной части, Ивановъ, потребовалъ пальто обратно (яко бы для отсылки роднымъ казненныхъ, а въ сущности, какъ думаетъ разсказщикъ, чтобы сохранить ихъ у себя на память), что возбудило между всѣми жандармами сильное и, конечно, скрытое негодованіе.

Вотъ еще разсказъ, слышанный мною позже отъ другаго жандарма:

„... Двѣ ночи приговоренные не спали, а въ послѣднюю заснули; жандармы, которые поминутно засматривали въ окошечки къ нимъ, спрашивали другъ друга: „не предчувствуютъ ли смерть, что заснули?"— Больно ужъ жаль ихъ было намъ... Передъ разсвѣтомъ пришли два попа: одинъ къ Сливицкому, другой къ Арнгольдту, и ксендзъ къ Ростковскому. Когда попъ началъ говорить Сливицкому о будущей жизни, онъ постучалъ въ дверь и попросилъ у жандарма воды: „Ничего не ѣлъ... ослабъ... дай воды!.. Что такъ холодно?.. Меня ознобъ бьетъ"... Когда вели всѣхъ на казнь (по цитадели) мимо церкви, Сливицкій и Арнгольдтъ остановились и помолились, а то бы и не узнать, что они живые люди: лица—бѣлыя какъ снѣгъ, щеки и запекшіяся кровью губы впали, ну, просто—смерть!"..

Какъ вспомню я о несчастныхъ товарищахъ, невольно сжимается сердце. Знать о часѣ смерти, знать, что завтра конецъ,—какая мука, какая агонія!

III.

После обѣда пришелъ З—нъ. Разговорились о панихидѣ.

З—на, какъ уже упомянуто было, я не зналъ, но слышалъ о немъ какъ о человѣкѣ „ходульныхъ, шатающихся убѣжденій", у котораго—

по отзыву Г—скаго—между словомъ и дѣломъ вѣчный разладъ, но который любитъ порисоваться своимъ либерализмомъ. Все это подтверждалось теперь изъ бесѣды съ нимъ; именно за страсть къ либеральничанью онъ и попалъ сюда.

Говоря о панихидѣ, онъ обозвалъ участвовавшихъ на ней однихъ—„дураками“, другихъ—„свистунами“ и даже „подлецами“. Онъ наговорилъ бы, можетъ быть, еще больше, если бъ Г—скій, съ утра еще раздраженный Богъ вѣсть на кого и за что, не перебилъ его, высказавъ, что онъ-де, Г—скій „не пострадалъ бы, если бъ панихида не была съ подленькою цѣлью изобрѣтена подленькими людьми“.

Это меня взорвало. Разговоръ принялъ острый характеръ и кончился крупной ссорой между мною и Г—скимъ.

Когда насъ вывели на утреннюю прогулку, я пошелъ врозь съ нимъ: мнѣ было противно ходить вмѣстѣ; даже хуже: мнѣ вдругъ сдѣлалось нестерпимо видѣть этого человѣка, и я, погулявъ минутъ пять, вернулся, конечно въ сопровожденіи жандарма, въ казематъ,—написалъ письмо коменданту о желаніи своемъ сидѣть особо и попросилъ Торопова передать его по назначенію. Тотъ уже уходилъ, какъ является (съ прогулки) и Г—скій, и тоже вручаетъ ему письмо къ плацъ-маіору Износкову.

— Вотъ что, господа, нетерпѣливо затоптался на мѣстѣ Тороповъ, протягивая къ намъ руку съ нашими письмами,—подержите ихъ у себя, пока я справлюсь съ однимъ дѣломъ,—въ одну минуточку вернусь.

Воспользовавшись его отсутствіемъ, я сказалъ Г—скому:

— Не желая компрометировать ни себя, ни васъ, вообще, во избѣжаніе толковъ въ крѣпости, я прошу коменданта, съ общаго согласія нашего, о переводѣ васъ къ З—ну... вотъ по какимъ причинамъ,—и я подалъ ему письмо.—Можете, продолжалъ я, прочесть и подписать его,—тогда оно получитъ значеніе коллективной просьбы.

Г—скій началъ читать вслухъ: „Не желая стѣсняться и стѣснять своими занятіями другихъ, прошу“... и т. д.; затѣмъ, подписавъ его, прочелъ мнѣ свое письмо къ плацъ-маіору и, скомкавъ его въ рукѣ, съ легкою дрожью въ голосѣ проговорилъ:

— Извините, что я оскорбилъ васъ вчера.

— Давайте письма господа, заглянулъ къ намъ Тороповъ.

— Я своего не пошлю, отвѣтилъ Г—скій.

— А мое, пожалуйста, поскорѣй передайте, сказалъ я.

— Сію минуточку снесу въ орданансъ-гаузъ, а тамъ распорядятся...

„Прочнаго примиренія между нами быть не можетъ не вслѣдствіе вчерашней сцены, а по причинѣ дѣйствительно діаметрально-противоположныхъ взглядовъ“, думалъ я, растянувшись на постели... какъ вдругъ раздалось въ коридорѣ звяканье цѣпей. Я кликнулъ жандарма-хохла, по обыкновенію угостилъ его папироскою, и разспро-

силъ. Оказывается, что въ номера, расположенные противъ нашихъ (свѣтлыхъ), сажаютъ и „гражданскихъ“ (изъ здѣшнихъ арестантскихъ ротъ), за драки между собою и т. п., и держатъ ихъ нерѣдко въ цѣпяхъ по нѣскольку мѣсяцевъ,—сажаютъ и „политическихъ“ изъ привилегированнаго сословія; такъ, Ксаверій Линебергъ просидѣлъ въ этихъ темныхъ, холодныхъ подвалахъ цѣлую недѣлю, за какую-то ссору съ плацъ-маіоромъ Износковымъ. Этотъ же несчастный, кандалы котораго такъ тяжело отозвались на душѣ у меня, сидитъ тутъ уже съ годъ за то, что зарѣзалъ какого-то доктора, кажется, изъ ревности. Ужасное положеніе не видѣть свѣта годъ! Тѣмъ болѣе ужасно, что онъ (преступникъ) еще молодъ. Тутъ же сидитъ съ полгода какой-то солдатикъ... безъ рубахи (ибо нельзя же назвать рубахой грязныя лохмотья на немъ)! Его „безсудно“ (безъ суда) упекъ сюда плацъ-маіоръ Износковъ за неоднократныя просьбы къ начальству „о вытребованіи изъ полка вещей его“, что было принято за грубость; и теперь онъ—„вовсе безъ вещей“ и свѣту... спитъ „на голыхъ доскахъ“.

Славный хохолъ, заслышавъ чей-то голосъ, притворилъ дверь... Но въ ту же минуту снова распахнулъ ее, и къ намъ ввалилась мясистая, съ одутловатою, обрюзглою, масляною физіономіею фигура средняго роста въ плацъ-маіорскомъ костюмѣ. Я догадался, что это Ивановъ.

— Здравствуйте, любезно раскланялся онъ.—Я пришелъ узнать, какъ вы поживаете, господа, хорошо ли вамъ здѣсь...

Мы молчали.

— Можетъ быть, продолжалъ онъ,—теперь васъ будутъ кормить по-человѣчески; а то вѣдь четырнадцать копѣекъ—что это такое?

— Ужъ не частная ли благотворительность вмѣшалась въ наше положеніе? въ такомъ случаѣ благодарю васъ за хлопоты, отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, мы опять послали запросъ въ Варшаву о вашемъ содержаніи и, вѣрно, разрѣшатъ прибавку.

— Если насъ содержатъ подобнымъ образомъ, словно звѣрей, по закону, то отъ всякихъ прибавокъ, по крайней мѣрѣ я, отказываюсь.

— Зачѣмъ же вы употребляете этакое выраженіе, обидѣлся Ивановъ,—вѣдь это по закону.

— Но, согласитесь, четырнадцать копѣекъ — это все равно, что солдату; намъ приходится много доплачивать...

— Да, дѣйствительно, здѣсь даже простымъ арестантамъ полагается по 20-ти копѣекъ въ сутки.

— Ну, вотъ видите, я правъ, выразившись такъ.

— А мнѣ, промолвилъ, наконецъ, вкрадчивымъ голосомъ съ сладчайшею улыбкой Г—скій, — хоть хлѣбъ-воду давайте, только книгъ присылайте...

Что за іезуитизмъ! Вѣдь знаетъ, что на 14 копѣекъ можно купить что нибудь получше, нежели хлѣбъ и воду, но вездѣ-то ему

нужно покривить душею — до книгъ-то онъ небольшой охотникъ, развѣ сказочку, романчикъ прочитаетъ.

Пообѣщавъ намъ книгъ, Ивановъ съ тою же любезностью удалился.

— Комендантъ прислалъ,—подалъ мнѣ Тороповъ (13-го октября) не разрѣзанную толстую книгу: „О продовольствіи войскъ“ Затлера.

— Поблагодарите генерала, но теперь намъ подобныя сочиненія лишнія; мы уже не военные, отвѣтилъ я.—Да, пожалуйста, достаньте отъ почтмейстера росписку въ отправкѣ моего письма въ академію наукъ.

— Знаете... Тамъ, въ ордонансъ-гаузѣ, говорили, что эта задача рѣшена.

— Ну, у нихъ тамъ есть своя, другаго рода спеціальность, а въ этой задачѣ они понимаютъ столько же, сколько свинья въ апельсинахъ...

Черезъ часъ (въ 9 часовъ утра) Тороповъ приноситъ означенное письмо и говоритъ, что плацъ-маіоръ „получилъ носъ“ изъ-за меня.

— За что?

— Вы на верху письма надписали: „Модлинскіе казематы“, такъ вотъ за это.

— Но вѣдь это правда, такъ зачѣмъ же скрывать?

— Да, это правда, но, видите ли, въ Варшавѣ учреждено особое отдѣленіе, гдѣ просматриваются всѣ ваши письма, и уже по цензурѣ ихъ пропускаютъ, или нѣтъ.

— Хорошо, не медля перепишу письмо...

Спустя часъ, опять пришелъ Тороповъ.

— Собирайтесь, господа, въ баню... Комендантъ—обратился онъ ко мнѣ—соглашается на ваше письмо: велѣлъ ихъ—онъ кивнулъ на Г—скаго—перевести къ З—ну.

Эта вѣсть, кажется, нѣсколько смутила Г—скаго; ему было, видимо, какъ-то не по себѣ, неловко. Онъ зналъ грубый характеръ З—на, зналъ его дерзкое навязыванье всѣмъ „убѣжденій“ своихъ, если только позволительно назвать такъ какую-то смѣсь изъ противорѣчащихъ одно другому понятій, которою тотъ любитъ забрасывать противника (не давая ему рта раскрыть).

IV.

Часа въ три пополудни Г—скаго перевели и я остался одинъ. Опять одинъ, но я не сожалѣю объ этомъ. Время у меня все распредѣлено; по утрамъ обыкновенно занимаюсь по самоучителю польскимъ языкомъ, послѣ обѣда читаю, вечеромъ пишу.

Г—скому (а черезъ него и З—ну) извѣстно о моемъ дневникѣ, и это начало безпокоить меня; я долго обдумывалъ, куда бы припрятать его; наконецъ, обратилъ вниманіе на деревянное изголовье нары: выдернулъ деревянные гвозди, прикрѣпляющіе его къ ней и деревянному треугольнику, который и вынулъ съ помощью гвоздя; пустота внутри оказалась подходящимъ убѣжищемъ для дневника; я спряталъ его туда и опять вставилъ треугольникъ на мѣсто, не опасаясь уже внезапной ревизіи...

14-го октября, въ воскресенье, въ 12 часовъ утра, входитъ какой-то генералъ.

„Комендантъ“, подумалъ я, и не ошибся.

— Не имѣете ли какихъ нибудь претензій, спросилъ онъ меня съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Не имѣю, но я хочу просить васъ о книгахъ.

— Да, да, я уже говорилъ начальнику артиллеріи; вамъ будутъ давать книги, но только за послѣдній мѣсяцъ нельзя будетъ, потому что по рукамъ.

— Я узналъ, что письма заключенныхъ здѣсь просматриваются въ Варшавѣ, такъ хочу просить васъ, нельзя ли избѣжать этого моему письму въ академію наукъ? Тамъ помѣщено рѣшеніе квадратуры круга,—это моя тайна, и я не желалъ бы, чтобы ее знала цензурная комиссія.

— Этого никакъ не можно; всѣ письма осматриваетъ Рожновъ,—ужъ такой законъ; какой бы онъ ни былъ, а нужно исполнять.

Генералъ немного пожевалъ, не измѣняя добродушнаго выраженія, и затѣмъ выразилъ надежду, что теперь насъ „будутъ кормить хорошо“. Я поблагодарилъ его за вниманіе. Дѣйствительно, вниманіе и вообще участіе къ намъ здѣшнихъ властей представляетъ пока поразительный контрастъ съ тѣмъ, что приходится испытывать въ десятомъ павильонѣ.

— Я бы самъ платилъ за васъ, продолжалъ онъ съ доброю улыбкой,—но это на трехъ приходится 400 рублей въ годъ, а я не имѣю такихъ средствъ.

— Очень благодаренъ вамъ за участіе, но позвольте мнѣ принять только то, что полагается отъ правительства, или что въ состояніи оно дать мнѣ.

Генералъ, слегка кивнувъ головой, удалился.

Комендантъ, генералъ-лейтенантъ Эдуардъ Ѳедоровичъ Гагманъ, здѣсь не больше года. Человѣкъ онъ, кажется, добрый; впрочемъ, пусть факты говорятъ сами за себя.

На слѣдующій день (15-го) я послалъ В. Яповичу, при письмѣ, 10 рублей, прося его купить мнѣ теплую шапку и таковое же статское пальто. Вскорѣ послѣ того пришелъ З—нъ и самодовольно заявилъ, что Г—скаго знаетъ „отлично и, безъ сомнѣнія, хоть десятки лѣтъ“ будетъ „жить съ нимъ душа въ душу“. Затѣмъ, все разглагольствованіе его клонилось къ тому, чтобы убѣдить меня, что онъ-де, З—нъ, несовсѣмъ такой, какъ молва о немъ гудитъ, что его-де „не поняли“; короче сказать, онъ сильно навязывалъ мнѣ о себѣ ту репутацію, какую бы желалъ, чтобы объ немъ составили.

Спустя два дня, я получилъ отъ матери письмо. Пишетъ о намѣреніи своемъ подать черезъ три мѣсяца просьбу великому князю Константину Николаевичу „о помилованіи меня“. Любящая мать всегда останется матерью, и ея чувства и права матери—для меня неприкосновенны, святы. Если она хочетъ хлопотать обо мнѣ, то, конечно, на томъ основаніи, что мое счастіе и несчастіе составляютъ и ея счастіе и несчастіе, и хлопоча обо мнѣ, она вмѣстѣ съ тѣмъ заботится и о себѣ. Съ этой точки зрѣнія я, конечно, не имѣю права препятствовать ея намѣренію, но, какъ заинтересованное въ немъ лицо, я не могъ не высказать ей въ отвѣтѣ и своего мнѣнія. Если бы она имѣла юридическія данныя для оправданія меня, я бы, пожалуй, согласился съ нею, потому что тогда бы она требовала правосудія; а теперь ей ничего больше не остается въ мою пользу, какъ выставить свои материнскія чувства и просить „помилованія“ за человѣческія побужденія! Нѣтъ, я примирился съ своимъ положеніемъ и не хотѣлъ бы унижаться до просьбы о помилованіи...

20-го октября. Сумерки. Ничто не нарушаетъ могильной тишины, и только заунывные переливы вѣтра какъ-то мягко дѣйствуютъ на душу: то тихая грусть перейдетъ на счастливое прошедшее, то заглянетъ въ будущее. И подъ этотъ ласкающій душу напѣвъ и прошедшее, и будущее являются въ какихъ-то заманчивыхъ образахъ. Но вотъ голосъ узника, тяжелые шаги часоваго и скрыпъ засова холодомъ отозвались въ душѣ: они вывели меня изъ задумчивости и напомнили ледяное настоящее.

Опять все стихло, кромѣ вѣтра подъ окномъ. Люблю я пѣсню вѣтра! Вотъ тихое, ровное завыванье перешло вдругъ въ сильный ревъ... Вслушиваюсь... И эти мотивы природы напомнили мнѣ своимъ сходствомъ недавнее время. Военная академія оставлена, и я, уѣзжая въ Варшаву, заворачиваю къ матери проститься. Ея любящее сердце ноетъ, но я прошу ее сдержать материнскія чувства: мнѣ тяжело ихъ видѣть, они даже раздражаютъ меня! Я увѣренъ въ горячей любви матери и деспотически распоряжаюсь ея чувствами. Она рабски послушна моему дрожащему голосу. Я чувствую всю глубину ея любви, но мнѣ это больно, потому что я не въ состояніи осязательно отвѣ-

тить ей такою же любовью, хотя скрытое чувство сильно... Но вотъ, берусь молча за шапку, мать блѣдна, глаза ея опущены, лицо выражаетъ непосильную борьбу внутреннихъ чувствъ съ наружною покорностью мнѣ; беру за руку—холодна.

— Сынъ мой...

Но она не можетъ болѣе бороться съ собою, и какъ мѣрное, тихое завыванье вѣтра, слышится ея тоскливый плачъ. Сильно защемило у меня сердце... Что-то задавило въ груди... Свинцовая тяжесть силится вырваться наружу... Слезы подступаютъ къ горлу, но я ихъ глотаю... Поднялъ глаза—какое страданіе на лицѣ у матери! Слезы ее душатъ... Вырвался звукъ безконечной тоски изъ глубины груди и, какъ громкій переливъ заунывнаго вѣтра, раздалось рыданіе ея...

Что-то оборвалось въ груди моей и слезы хлынули градомъ... стало легче.

— Пора, матушка, не плачьте, не безпокойтесь обо мнѣ.

— Можетъ быть, не увидимся... Предчувствую я что-то... Будь остороженъ...

Но непослушныя слезы все болѣе и болѣе льются по ея лицу, не даютъ ей говорить.

— Прощайте...

И я выбѣжалъ; свѣжій вѣтерокъ подулъ мнѣ въ лицо... Но образъ доброй матери еще долго преслѣдовалъ меня.

Грустно, грустно... „Что-то ждетъ меня въ Варшавѣ", подумалъ я, и мысли мои мало-по-малу занялись будущимъ.

23-го октября. Уже второй день, какъ начались сильные холода,— такіе холода, что кожа на рукахъ у меня трескается, а въ лѣвой сторонѣ головы сильно колетъ. Утромъ просилъ протопить печь,— протопили, но холодъ не уменьшился.

— Велите еще протопить, прошу Торопова вечеромъ.

— Развѣ „зимно" (холодно)? удивляется онъ.

— Даже очень.

— Ничего не подѣлаешь: топить полагается разъ въ сутки.

— Да развѣ отъ одного раза можетъ нагрѣться это подземелье?

— Ничего не подѣлаешь: положеніе...

— Если теперь съ вашимъ положеніемъ такъ „зимно", то что жъ будетъ дальше!

Тороповъ, въ сознаніи безсилія своего передъ „положеніемъ", развелъ руками и вышелъ.

На слѣдующій день онъ принесъ мнѣ нѣсколько книгъ „изъ артиллерійской библіотеки" и обѣщалъ „доставлять" ежедневно газеты „изъ трактира"... что и выполняетъ аккуратно вотъ уже втеченіе десяти дней—сегодня 3-е ноября.

Страсть къ чтенію, овладѣвшая мною, отбила охоту писать. Впрочемъ, въ эти десять дней и не было надобности заглядывать въ дневникъ: ничто не нарушало однообразія заключенной жизни. Только сегодня въ обѣдъ приходилъ плацъ-маіоръ Селиверстовъ съ бумагою и объявилъ, что такъ какъ къ нашему содержанію (т. е. къ 14-ти копѣйкамъ) прибавлено еще 6 коп., то обѣдъ теперь мнѣ будетъ обходиться 17½ коп.

— А остальныя 2½ коп. пусть остаются у васъ въ экономіи, закончилъ я дѣловой его визитъ.

Затѣмъ, послѣ обѣда пожаловалъ З—нъ.

— Никакъ не могу сойтись съ Г—скимъ! воскликнулъ онъ, сообщивъ мнѣ „изъ вѣрныхъ источниковъ" объ арестованіи въ Варшавѣ нѣсколькихъ членовъ „Центральнаго Комитета". Его восклицаніе удивило меня, хотя я и замѣтилъ въ послѣднее время, что эти голубки что-то часто воркуютъ между собою довольно громко, и притомъ—въ этомъ воркованьи слышится довольно рѣзкая нотка.

Прошелъ еще день. Висла, при впаденіи въ которую рѣки Нарева и стоитъ Новогеоргіевская крѣпость (Модлинъ), начала застилаться льдомъ.

Возвращаясь утромъ съ прогулки, я заглянулъ въ полуотворенную дверь сосѣдняго съ моимъ каземата (№ 4-й) и увидалъ знакомую фигуру Г—скаго въ халатѣ—онъ стоялъ лицомъ къ амбразурѣ. Хотя мнѣ и небезъизвѣстно было, что „не все то на дѣлѣ, что на словахъ", однако жъ разрыва между такими „большими пріятелями", какъ Г—скій и З—нъ, я не ожидалъ, и немедля отправился къ послѣднему.

— Какъ, развѣ вы одинъ? Гдѣ же Г—скій? спрашиваю его, не подавая вида, что видѣлъ того.

Сконфуженный З—нъ немного замялся.

— Мы... разошлись... тихо, безъ всякихъ исторій. Онъ необыкновенно мелоченъ, навязчивъ,—началъ говорить мнѣ дерзости...

З—нъ старался всѣми силами оправдать себя; но я зналъ неукротимый пылъ его, хорошо зналъ и навязчивость Г—скаго.

28-го ноября получилъ я отъ товарища по корпусу денежный долгъ. Метафоры письма его мнѣ хорошо понятны. Дорогой товарищъ, что-то ждетъ тебя и нашихъ общихъ друзей впереди?... 4-го декабря послалъ ему отвѣтъ съ отправившимся въ ссылку (въ Пермь) Ксаверіемъ Линебергомъ, приславшимъ мнѣ вчера „на память" польскіе стишки „Надежда".

Спустя два дня освободили Витольда Улятовскаго.

V.

1-го января 1863 года. Сегодня „выпустили“ Антонія Войно, и во всемъ подземельи остались только мы,—не съ кѣмъ и перестукиваться въ стѣну.

Однако не долго длилось затишье: вечеромъ 7-го января привели 16 варшавянъ; всѣхъ посадили въ темный номеръ. Въ 11 ч. вечера привели еще трехъ, изъ которыхъ одинъ студентъ; затѣмъ—еще и еще, но уже закованныхъ въ кандалы.

— За что? спрашиваю служителя:

— Уходятъ отъ рекрутчины въ лѣса. Изъ одной Варшавы ушло 12.000 разныхъ ремесленниковъ, а сколько изъ другихъ городовъ!—и не счесть... Наши дѣлаютъ облаву на нихъ, значитъ—ловятъ, и приводятъ сюда.

Прошло два дня. Мы гуляли, какъ въ отдаленіи показалась какая-то толпа въ пыли. Медленно двигалась она по дорогѣ къ ордонансъ-гаузу. То было нѣсколько поляковъ, окруженныхъ сильнымъ конвоемъ; за ними хромалъ впереди двухъ казаковъ привязанный къ лошади одного изъ нихъ какой-то господинъ безъ шапки. Повысыпали гарнизонные солдаты, бабы и офицеры; столпились и, глазѣя на „мятежниковъ“, хохочутъ, горланятъ...

— Все равно, и это—злодѣи, указалъ на насъ одинъ солдатъ,—и насъ проводили съ прогулки наглымъ смѣхомъ,—даже военный мундиръ не защитилъ! Взволнованный, я обратился за разъясненіемъ всего этого къ Торопову.

— Плюньте, отвѣчалъ онъ.—Теперь по всей Польшѣ возмущеніе. „Мятежники“, вооруженные больше пиками, косами и пистолетами, телеграфы рвутъ, казаковъ бьютъ, а кого рѣжутъ, вѣшаютъ,—вотъ солдаты и злы.

Теперь все понятно,—дѣло начинается.

12-го января, привезли въ госпиталь 30 раненыхъ и трехъ убитыхъ солдатъ Могилевскаго полка. Служитель сообщилъ мнѣ, конечно подъ большимъ секретомъ, что подъ Плоцкомъ собралось 5.000 повстанцевъ; русскіе сперва не хотѣли стрѣлять въ нихъ, но когда тѣ открыли по нимъ огонь, то пошло жаркое дѣло. Сегодня прошелъ туда черезъ крѣпость казацкій полкъ. Этого служителя переводятъ на-дняхъ въ роту; жаль,—славный малый. Кто-то теперь будетъ передавать намъ вѣсти, хоть и сильно приправленныя нелѣпостями?

Къ вечеру накопилось въ казематахъ до 100 плѣнныхъ повстанцевъ, за малымъ исключеніемъ—все молодежь.

Ночью я былъ пробужденъ чьимъ-то надрывающимъ душу воемъ. Утромъ узнаю отъ жандарма, что „это заболѣлъ еврей, отъ того что ничего не ѣстъ,“—пищу, молъ, даютъ съ саломъ, а хлѣба всего фунтъ на день.

Еще одинъ казацкій полкъ прошелъ черезъ крѣпость. Патріотическія пѣсни его перемѣшивались со стонами и рыданіями заключенныхъ, число которыхъ быстро ростетъ. Часовымъ теперь трудная работа (ихъ трое: одинъ въ нашемъ коридорѣ, да двое въ томъ, дежурятъ по три часа). Поминутно во всѣхъ концахъ слышится нетерпѣливый стукъ въ двери—просятся выйти, а преветъ крошечный, нужно ждать очереди, и солдатики бѣгаютъ, ругаются, не скупятся и на толчки; и при всемъ томъ—нерѣдко получаютъ преизрядныя пощечины отъ караульнаго „унтера", или дежурнаго жандарма „за упущенія".

Во время нашей послѣобѣденной прогулки (въ половинѣ пятаго часа вечера) провезли на пяти подводахъ раненыхъ повстанцевъ. Ни клочка соломы! и головы несчастныхъ сильно бились о дерево. За ними съ крикомъ и смѣхомъ бѣжали гарнизонные солдаты; проходившіе же мимо офицеры захлебывались отъ восторга.

15-го января—новая картина. Человѣкъ сто повстанцевъ („изъ мѣстечка Плонскаго"), выстроенные въ двѣ шеренги и густо окруженные конвоемъ, съ барабанщикомъ и торжествующими гарнизонными солдатами впереди, были проведены мимо насъ въ казематы.

Подхожу, возвращаясь съ прогулки къ номеру своему, и вижу часовымъ... вотъ не ожидалъ! хохла Сидорчука, бывшаго денщика товарища моего по баталіону, Кузнецова, и общаго нашего повара во время похода изъ мѣстечка Немирова въ г. Староконстантиновъ. Кузнецовъ отослалъ его въ полкъ за непомѣрное влеченіе къ Бахусу, Венерѣ и богу лжи; но въ другихъ отношеніяхъ Сидорчукъ—добрый, славный малый, и я, отвѣчая на его сильную радость при видѣ меня, протянулъ ему руку, какъ старому знакомому и, по крайней мѣрѣ, не злостному человѣку.

Другая пріятная неожиданность: одинъ изъ трехъ, назначенныхъ сюда въ служители—больной грудью солдатъ 4-го стрѣлковаго баталіона изъ команды Сливицкаго. Онъ говоритъ, что всю эту команду, человѣкъ шестьдесятъ, сослали на Кавказъ, а унтеръ-офицера, который донесъ на Сливицкаго и Арнгольдта, назначили чиновникомъ тайной полиціи въ Петербургъ; баталіонный командиръ и офицеры все новые, и называютъ солдатъ, оставшихся въ баталіонѣ, „бунтовщиками".

Ночью, съ 15-го на 16-е января, была „примѣрная „тревога" въ крѣпости,—ожидаютъ нападенія. Утромъ тронулся ледъ на Вислѣ.

Во время прогулки провели въ орданансъ-гаузъ, какъ потомъ оказалось, гарибальдійца—капитана Вольскаго, подпоручика Витебскаго полка Маркевича, чиновника Пostриха и Штибельта. Одинъ изъ нихъ шелъ бодро, легко—я поклонился ему, онъ отвѣтилъ; остальные тяжело шагали, поникши головами...

Къ вечеру слѣдующаго дня (17-го янв.), понакопилось только въ нашихъ казематахъ до 370 плѣнныхъ; говорю—только въ нашихъ казематахъ, ибо многихъ изъ побывавшихъ уже на допросѣ переводятъ отсюда, предварительно осмотрѣвъ ихъ и ихъ вещи, въ 3-й редюитъ (гдѣ теперь сидитъ уже 150 челов.) и въ арсеналъ „на Кавказъ", т. е. въ кавказскія казармы. Послѣднее помѣщеніе состоитъ изъ двухъ, разобщенныхъ между собою запертыми дверьми, половинъ, съ нумерамъ на 6—12 человѣкъ и коридоромъ; двери нумеровъ не запираются днемъ, и плѣнные могутъ ходить другъ къ другу, прохаживаться по коридору, но только на своихъ половинахъ. Ихъ приводятъ въ крѣпость по одному, по двое, по трое и цѣлыми партіями. Говорятъ, „казаки кого ни встрѣтятъ по дорогѣ—мигомъ оберутъ и ведутъ сюда".

При такомъ наплывѣ заключенныхъ, о насъ почти забыли: книгъ не даютъ, въ баню не водятъ; прогулки тоже манкируются, такъ какъ во время доставки сюда вообще „политическихъ" и осмотра ихъ съ ихъ вещами на караульной площадкѣ [1]), а также и при увольненіи ихъ отсюда, коридорныя двери запираются и никого не выпускаютъ не только на прогулку, но даже въ преветъ, изъ опасенія, чтобы кто изъ заключенныхъ „не увидалъ въ лицо другаго заключеннаго"—не узналъ бы, кто тутъ сидитъ, что̀, однако, мы узнаемъ отъ самихъ „стерегущихъ" насъ, несмотря на строгое запрещеніе имъ разговаривать съ нами о чемъ бы то ни было. Конечно, въ этомъ нарушеніи обязанности фигурируютъ деньги, подарки, дружественныя отношенія, вообще—подкупъ; въ противномъ случаѣ, дѣйствительно, жандармъ не проронитъ слова, или—если онъ добръ—отвѣтитъ на вашъ вопросъ: „ей-Богу, ничего не знаю", и при этомъ скорчитъ удивленную, глупую физіономію.

Не погулять разъ, другой—непріятно, но оставаться безъ бани въ нашемъ положеніи еще непріятнѣй, и мы написали объ этомъ плацъ-маіору—отвѣта никакого, написали коменданту—тоже. Полагая, что письма наши не дошли по назначенію, я послалъ 18-го января записку Торопову, прося его къ себѣ для объясненій. На слѣдующій день дверь отворяется, и на порогѣ появился помощникъ его, прапорщикъ Калужанинъ изъ солдатъ—косой хрычъ лѣтъ подъ семдесятъ.

— Какъ на счетъ бани? спрашиваю его.

Онъ продолжаетъ стоять у дверей, безсмысленно вперивъ въ меня глаза и, кажется, въ затруднительномъ положеніи.

— Да войдите въ комнату на минуту.

— Нельзя, мой другъ, раскрылъ онъ наконецъ ротъ и показалъ на свой сапогъ.—Я вамъ говорю, что просто, минуты нѣтъ свободной! Все это бродяги! Вѣдь ихъ здѣсь четыреста сидитъ...

[1]) См. на планѣ (чертежъ I) X.

И, не договоривъ, Калужанинъ озабоченно пошелъ дальше. Минутъ черезъ пятнадцать онъ снова заглянулъ ко мнѣ.

— Я бы для васъ, голубчикъ, все, но Износковъ сказалъ: „скажите имъ, что теперь не до бани, ни до чего!“

— Теперь здѣсь хуже, чѣмъ подъ Севастополемъ, пояснилъ жандармъ, припирая за нимъ мою дверь.

Однако, посѣтившій меня послѣ обѣда комендантъ обѣщалъ и книгъ, и баню. И дѣйствительно, спустя день, тотъ же хрычъ повелъ насъ въ крѣпостную баню, что̀ недалеко отъ казематъ.

Возвратившись въ казематъ, даю служителю, бывшему стрѣлку, деньги—купить мнѣ солдатскаго хлѣба.

— Не нужно, ваше благородіе, отвѣчаетъ онъ,—я принесу такъ.

— Какъ такъ?

— Да мы много благодарны вашимъ благородіемъ, не нужно денегъ...

И только тогда взялъ ихъ, когда я убѣдилъ его, что безъ того не могу принять отъ него хлѣба,—взялъ и почувствовалъ себя очень неловко.

Вечеромъ онъ сообщилъ, что здѣсь сидитъ фельдфебель 4-й роты мѣстнаго гарнизоннаго баталіона, за продажу пороха полякамъ.

Ледъ на Наревѣ расходится.

Утромъ 24-го января, Г—скаго опять перевели ко мнѣ, подъ предлогомъ, что номеръ его временно назначенъ подъ комиссію. Тяжелый человѣкъ, если жить съ нимъ въ одной комнатѣ и при казематной обстановкѣ!

28-го января, ходили въ баню съ однимъ только жандармомъ,— намъ-то хорошо, сравнительно съ прочими заключенными.

Вечеромъ зашелъ добрякъ-хрычъ, Калужанинъ.

Мы навели старика на разговоръ о текущихъ событіяхъ въ Польшѣ, и узнали, что „много побито бродягъ по лѣсамъ“ и что войска наши „поминутно передвигаются по страшнѣйшей грязи“, тоже не безъ убыли—„раненыхъ и убитыхъ довольно“. Затѣмъ мы узнали, что между заключенными здѣсь „много пановъ“ и съ сегодняшняго дня всѣхъ ихъ, за исключеніемъ шести, „посадили на солдатскую пищу“. Въ иной темный номеръ понапихано человѣкъ тридцать; валяются они на голомъ полу или на соломѣ, рѣдко кто на голой нарѣ. Темь, міазмы, грязь и вши въ изобиліи! Нѣкоторымъ дали казенныя рубахи, остальные въ своихъ—рваныхъ, грязныхъ. Гулять почти никого не выпускаютъ; а послѣ того какъ заключенные въ кавказскихъ казармахъ хотѣли поджечь сгнившую, зараженную солому, на которой спятъ,—запрещено и курить, почти всѣмъ запрещено и покупать что либо на свои деньги. Такъ распорядился Износковъ, ворочающій всѣми дѣлами въ крѣпости, „старикъ же комендантъ только

живетъ на хлѣбахъ", или, по выраженію одного жандарма, „ничего здѣсь не значитъ, ни во что не входитъ" и—добавлю отъ себя, на основаніи наблюденій и слуховъ,—воровство, грабительство и безправіе царствуютъ здѣсь.

Деньги, отбираемыя у заключенныхъ, хранятся у плацъ-маіора Иванова. Къ тѣмъ немногимъ, которымъ плацъ-маіоръ Износковъ разрѣшилъ курить и брать обѣдъ изъ трактира, вообще покупать на свои деньги все дозволенное здѣсь,—каждый день обыкновенно является по вечерамъ дежурный по караулу офицеръ съ книгою, куда и вносятся „жыченья", т. е. кто что желаетъ себѣ купить; плацъ-маіоръ вычеркиваетъ, или утверждаетъ ихъ подписью своею, и затѣмъ все потребное забирается у жида Гвегена (по-солдатски Фегена, Фейкнера), какъ уже упомянуто—единственнаго на всю крѣпость лавочника и вмѣстѣ съ тѣмъ трактирщика и кабачика—монополиста, который, торгуя подъ чужимъ именемъ (такъ какъ торговля здѣсь евреямъ запрещена), деретъ за все ужасно дорого (напримѣръ: за рюмку отвратительной водки—7 грошей), и деретъ, конечно, съ соизволенія начальства, съ которымъ и дѣлится барышами.

Инымъ удается скрыть при обыскѣ деньги, но такимъ приходится и пользоваться ими съ большими затрудненіями: служителямъ строго воспрещено покупать что либо для забранныхъ бунтовщиковъ, а если кто изъ нихъ и покупаетъ что тайкомъ—булку какую нибудь, немного табаку,—то рискуетъ, по крайней мѣрѣ, быть изгнаннымъ „съ позоромъ" отсюда назадъ въ роту.

Далѣе Калужанинъ разсказывалъ, что въ одномъ изъ „свѣтлыхъ" номеровъ вотъ уже вторую недѣлю сидятъ шесть мальчиковъ, отъ 10-ти до 14-ти-лѣтняго возраста, дѣти какихъ-то чиновниковъ и помѣщика, схваченныя въ то время, „когда они хотѣли выстрѣлить въ кого-то изъ пистолета". Содержатъ ихъ такъ же мерзко, какъ и взрослыхъ плѣнныхъ, „а они все между собою играютъ". Одного я разъ встрѣтилъ въ преветѣ,—босикомъ, въ толстой солдатской, не по росту сорочкѣ и таковыхъ же рваныхъ подштанникахъ.

Сидятъ здѣсь въ-разбродъ, и цѣлыми семьями; такъ, въ темномъ номерѣ наискось меня—пятнадцати-лѣтній Франковскій, рядомъ съ нимъ—братъ его, а въ томъ коридорѣ, тоже въ темномъ номерѣ—отецъ ихъ.

29-го января. Чуть свѣтъ разстрѣляли двухъ: подпоручика Витебскаго полка Маркевича и „итальянца", какъ называетъ очевидецъ казни гарибальдійца Вольскаго. Послѣдній, идя на казнь, не проронилъ ни слова; первый обратился-было въ солдатамъ: „Вотъ русское правосудіе"... но Износковъ крикнулъ: „Заткнуть ему ротъ!"—и ксендзъ, сопровождавшій ихъ, сказалъ ему: „замолчите,—ужъ это воля Божья"... По прочтеніи конфирмаціи, ихъ хотѣли раздѣть, но

аудиторъ просилъ не дѣлать этого. „Итальянецъ“ (а по словамъ служителя—Маркевичъ) снялъ съ себя пальто и смушковую шапку и, передавая ихъ черезъ плацъ-маіора одному инвалидному солдату, сказалъ: „Возьми это себѣ, братъ, можетъ—помянешь меня по-христіански“ [1]); потомъ обратился къ прочимъ солдатамъ: „Прощайте, братья“... Но плацъ-маіоръ закричалъ, и на него начали надѣвать „саванъ“.

— Маіоръ, сказалъ онъ Износкову,—я привыкъ къ пулямъ и штыкамъ, хочу и теперь видѣть передъ собою пули.

— Нѣтъ! былъ отвѣтъ.

Онъ „посмотрѣлъ на небо, сдѣлалъ три поклона“... и казнь, о которой объявлено было имъ „за недѣлю впередъ“, совершилась „по всей формѣ“... если не вникнуть въ одно обстоятельство, происшедшее съ „итальянцемъ“: разстрѣливали стрѣлки Низовскаго полка, слѣдовательно могли бы покончить съ нимъ сразу, какъ покончили съ Маркевичемъ, выпустивъ въ него 15 пуль, но нѣтъ! Первый залпъ—живъ; подошли на шесть шаговъ и опять выстрѣлили—живъ.

— Стрѣляйте, я еще живъ, проговорилъ онъ, и только тогда прекратились его мученія.

5-го февраля, двѣнадцать плѣнныхъ, между которыми было пять студентовъ, отказались отъ пищи,—такъ она дрянна! Плацъ-маіоръ распорядился „посадить всѣхъ ихъ на двѣнадцать дней на хлѣбъ и воду“. Одновременно зашумѣли по тому же поводу и заключенные въ арсеналѣ (въ кавказскихъ казармахъ). На этотъ шумъ прибѣжалъ караулъ—„болѣе тридцати солдатъ“; дали знать въ ордонансъ-гаузъ, прибѣжалъ и Износковъ съ обоими плацъ-адъютантами, и отличился же онъ! Подъ прикрытіемъ штыковъ бросился бить палкою направо-налѣво... и затѣмъ отправилъ двадцать человѣкъ сюда, въ темные номера, „на хлѣбъ и воду на 16 дёнъ“.

Желая провѣрить этотъ разсказъ служителя, я зазвалъ къ себѣ ненавистника „мятежниковъ“, но со мной очень откровеннаго жандарма Давыдку, и вотъ что услышалъ отъ него: „Плацъ-маіоръ Ивановъ—хорошъ бы, да ужъ слишкомъ заступается за этихъ-то... Когда Сыровъ былъ дежурнымъ въ арсеналѣ, то говорилъ тамъ панамъ „ты“, а паны ему говорятъ: „что тыкаешь! вѣдь ты солдатъ, жандармъ, пся кревъ!“ [2])—и пожаловались Иванову; Ивановъ какъ крикнетъ на него: „Ахъ ты!.. А не хочешь ли за это въ гарнизонтъ?!.. Какъ смѣешь быть съ ними грубымъ!“—А я на то время былъ тоже въ арсеналѣ, думаю себѣ: „погодите-жъ, я-же вамъ“! Прихожу туда на другой день дежурить,—все тихо; принесли имъ обѣдать,—

---

[1]) Потомъ это пальто взялъ отъ солдата комендантъ.

[2]) Пся кревъ—собачья кровь, брань, безъ которой иной полякъ, какъ иной русскій безъ крѣпкаго словца, и фразы не свяжетъ.

не хотятъ ѣсть: взбунтовались! Говорятъ, что покажутъ эту пищу коменданту, что ихъ помоями кормятъ... 150 человѣкъ отставили миски въ сторону и только ѣсть не хотѣтъ, а другіе 150 поставили свои въ рядъ, построились и ходятъ около нихъ, да поютъ, — говорятъ, что ѣсть не будутъ, пока комендантъ не придетъ. Что тутъ дѣлать?.. Далъ знать Иванову, говоритъ: „болѣнъ", — послалъ меня къ Износкову, а Износковъ сказалъ, что послѣ самъ придетъ, а теперь — „скажи объ этомъ старшему плацъ-адъютанту, — онъ раздѣлается съ ними". — Юнинъ-то знатокъ на этомъ, — ухъ, берегись только!.. Ну вотъ, какъ только доложилъ Юнину, онъ сейчасъ почти бѣгомъ туда, крикнулъ караулу: „Заряжай ружья!"—Зарядили; разставилъ его вдоль, и пошелъ лупить, самъ своею рукою: кому волосы оборвалъ, кого прямо въ лицо,—по чемъ попало билъ, билъ,— ей-Богу, болѣе тридцати человѣкъ избилъ, многихъ въ кровь. Мы удивлялись, какъ это у него руки не заболѣли... Мы только ловили пановъ, вытаскивали изъ подъ кроватей, а онъ уже ихъ тормошилъ,— молодецъ такой, сильный!.. Ну, тамъ и мы немного помогли (добавилъ Давыдка, когда я усумнился въ столь относительно скромной роли жандармовъ, и продолжалъ:) наконецъ, пришелъ самъ Износковъ, и выругалъ же ихъ: Ахъ-вы такіе, сякіе паны, — мятежники, воры, подлецы!!"... Да и потѣшился немного (при этомъ Давыдка сдѣлалъ жестъ, яко-бы бьетъ кого),—потомъ велѣлъ нѣкоторыхъ пересадить сюда, въ темные номера, на хлѣбъ и воду".

10-го февраля, двое караульныхъ (солдатъ) говорили мнѣ, что носятся слухи, яко-бы насъ трехъ выпустятъ къ 19-му февраля „на волю"; жандармъ же увѣряетъ, что только Г—скаго и меня, а З—на нѣтъ. Какъ ни сомнительно, чтобы въ такое время освободили насъ, а все-таки надежда пошевеливается... Изъ тѣхъ же источниковъ узналъ, что въ прежнемъ номерѣ (4-мъ) Г—скаго — не комиссія, а четверо „политическихъ". Ухитрился зайти къ нимъ на минутку, какъ бы по ошибкѣ, и условившись съ однимъ изъ нихъ, Леономъ, хорошо говорящимъ по русски, переписываться черезъ славнаго служителя, незамедлилъ послать имъ при запискѣ табаку, сорочку, полотенце и вмѣсто водки, которой просили они у меня какъ лекарства,—бутылку пуншу, т. е. чаю съ водкой.

Въ отвѣтной запискѣ ко мнѣ Леонъ сѣтуетъ на нераспорядительность „вождей повстанія" такъ: „Послали добрыхъ хлопцевъ въ лѣса вокругъ Модлина, но оружія не роздали, а русское войско уже начало преслѣдовать насъ, и мы прозѣвали Модлинъ". Далѣе записка гласила, что В. Домбровскій—мой товарищъ по военной академіи генеральнаго штаба—разстрѣлянъ здѣсь, въ Модлинѣ, но это неправда: онъ былъ посаженъ въ 10-й павильонъ варшавской Александровской цитадели за мѣсяцъ до отправки меня оттуда въ эти „склепы", и мнѣ досконально извѣстно, что его сюда пока еще не привозили.

Передавъ мнѣ эту записку, служитель сказалъ, что плацъ-маіоръ велѣлъ принести въ № 5-й, гдѣ сидитъ уже съ мѣсяцъ еще очень молодой саперный юнкеръ Лессижъ, „большую свѣчу изъ церкви".

— Это значитъ, что его завтра разстрѣляютъ, второпяхъ договорилъ онъ, заслышавъ чей-то грозный голосъ, и вышелъ; черезъ полчаса—опять вошелъ. Я послалъ несчастному папиросъ.

На слѣдующій день (11-го февраля) Лессижа уже не было. Его разстрѣляли „секретно" въ 7 часовъ утра.

— Что значитъ „секретно?" спросилъ я служителя, сообщившаго мнѣ это.

— Былъ только конвой изъ шести человѣкъ, да полъ-взвода стрѣлковъ Низовскаго полка, отвѣчалъ онъ,—и затѣмъ передалъ слѣдующее о послѣднихъ минутахъ страдальца: первое время по выслушаніи приговора, онъ „все улыбался" и нѣсколько разъ повторялъ, обращаясь къ жандармамъ: „Что жъ такъ долго русскіе судьи не рѣшали дѣло?" Потомъ внесли къ нему церковную свѣчу; пришелъ ксендзъ, зажегъ ее и долго оставался съ нимъ... Когда ксендзъ ушелъ, Лессижъ заплакалъ... „плакалъ и цѣлую ночь молился и читалъ принесенныя ему ксендзомъ книги"... Утромъ „пришли за нимъ". Онъ „былъ бѣлъ, какъ снѣгъ"... Проходя (по нашему) коридору онъ, обращаясь въ присутствіи обоихъ плацъ-маіоровъ къ караульнымъ и служителю, сказалъ: „Прощайте, братья!" и, поблагодаривъ послѣдняго за его уходъ за нимъ, прибавилъ: „Дай Богъ пулю въ лобъ тому, кто такъ справедливо осудилъ меня". Дорогою тоже что-то заговорилъ, но плацъ-адъютантъ (вѣроятно, Юнинъ) прикрикнулъ на него: „Я тебѣ зажму ротъ, бродяга!"... Шелъ онъ тихо, „еле двигался", и тотъ же плацъ-звѣрь опять остервенился: „Ну, погоняй его!.. Дайте ему въ шею, конвой! Идти живѣй, бодрѣй,—что звѣрьми смотрите!"

12-го февраля всѣ плѣнные, за исключеніемъ только сорока, „болѣе важныхъ", переведены отсюда въ кавказскія казармы; ну, слава Богу! Какъ они рады, что выбрались изъ тьмы кромѣшной; тамъ все-таки посвободнѣй, а главное—свѣтло и воздухъ почище.

На слѣдующій день, часовъ въ 8 вечера, приходитъ ко мнѣ по обыкновенію служитель справиться: не нужно ли чего купить въ лавочкѣ на ужинъ—селедку или сала, но что-то на этотъ разъ очень угрюмый, молчаливый.

— Что съ тобою? спрашиваю его.

— Ксендзъ пришелъ въ тотъ коридоръ.

— А... значитъ, завтра опять совершится казнь.

И дѣйствительно, на разсвѣтѣ 14-го февраля явились къ Пострыху жандармскій капитанъ Бѣлановскій и плацъ-адъютантъ Юнинъ, и затѣмъ онъ былъ разстрѣлянъ, какъ и Лессижъ, секретно.

Вскорѣ послѣ этого, я вошелъ въ переписку съ Штибельтомъ, „забраннымъ" одновременно съ Вольскимъ, Маркевичемъ и Постры-

хомъ и тоже приговореннымъ къ разстрѣлянію „za naczelstwo"; но горькая чаша миновала его, и вотъ что сообщилъ онъ мнѣ о нихъ:

1) Казиміръ Вольскій былъ капитаномъ у Гарибальди, имѣетъ три ордена; участвовалъ съ Гарибальди въ 13-ти сраженіяхъ; послѣ остался въ Италіи; въ плѣнъ взятъ вмѣстѣ съ Гарибальди, потомъ по амнистіи освобожденъ. Впослѣдствіи былъ приглашенъ Герценомъ отправиться въ Грецію, во время изгнанія короля Оттона; затѣмъ отправился въ польскіе легіоны, что̀ въ Турціи, откуда былъ вызванъ Народнымъ Комитетомъ въ Польшу. По прибытіи сюда, получилъ распоряженіе, черезъ плоцкій штабъ, собрать всѣ партіи подъ свое начальство, и едва соединился съ первою, составлявшею около 80-ти человѣкъ,—настигнутый 600 казаками и 2 ротами пѣхоты—схваченъ... (слѣдующее слово написано неразборчиво). (Разстрѣлянъ 10-го февраля н. с.).

2) Владиславъ Маркевичъ — подпоручикъ Витебскаго полка, вышелъ въ отставку и впослѣдствіи сидѣлъ въ цитадели, а затѣмъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи „do Raciοżza"; тутъ познакомился съ Вольскимъ и сошелся. (Разстрѣлянъ 10-го февраля н. с.).

3) Едуардъ Пострихъ — защитникъ при міровомъ судѣ въ Плоцкѣ... (тутъ непонятно) причемъ ловко спроваживалъ (?) шпіоновъ въ адъ. (Разстрѣлянъ 26-го февраля н. с.).

VII.

Слухи объ освобожденіи насъ двухъ, въ приснопамятный день 19-го февраля, держатся упорно, и я предложилъ сосѣдямъ 4-го номера приготовить письма къ роднымъ и друзьямъ, обѣщаясь доставить ихъ по принадлежности. Сосѣди, конечно, воспользовались этимъ предложеніемъ и передали мнѣ черезъ служителя цѣлую пачку писемъ. Г—скій надулся, почему-де они довѣрили ихъ мнѣ, а не ему, и вотъ пошли опять капризы, принявшіе вскорѣ форму очень пошлую. Нужно знать, что противъ насъ сидитъ какой-то „прусскій полякъ", которому, какъ бывшему начальнику одного инсургентскаго отряда, военно-судная комиссія угрожаетъ смертью, и которому, какъ выразился служитель, „страшно хочется курить, да нѐоткуда взять табаку". Вотъ я и рѣшился помочь ему и совѣтомъ, какъ надлежитъ отвѣчать въ комиссіи, и табакомъ, который не переводится у меня. Но по-польски я пишу плохо, онъ же по-русски вовсе не знаетъ. Оставалось составить записку по-русски и просить Г—скаго переписать ее по-польски, что я и сдѣлалъ. Г—скій прочелъ, нашелъ ее „радикальною" и побоялся переводить.

— Въ такомъ случаѣ я обращусь къ Леону, сказалъ я.

— Дѣлайте какъ знаете, нахмурился онъ.

— Я скажу ему, что вы больны и теперь не можете перевести, а между тѣмъ время не терпитъ.

Онъ промолчалъ.

Вызвавъ Леона къ окну, я объяснилъ, въ чемъ дѣло, и уже хотѣлъ посылать ему записку, какъ Г—скій нервно схватилъ клочекъ бумаги, перо, и застрочилъ; по лицу и жестамъ видно было, что онъ въ сильномъ возбужденіи. Зная характеръ этого господина и къ чему онъ можетъ быть способенъ при исключительныхъ обстоятельствахъ, я догадался, что онъ пишетъ что-нибудь о моей запискѣ; и дѣйствительно, онъ предостерегалъ Леона не переводить ее, какъ „опаснаго содержанія".

Безъ сомнѣнія, его поступокъ не понравился мнѣ. Писать незнакомому человѣку обо мнѣ, съ кѣмъ онъ уже давно живетъ, — чѣмъ оправдать это! Ужъ, конечно, не желаніемъ предостеречь Леона отъ опасности, каковой вовсе и не предвидѣлось... такъ какъ нельзя же допустить, чтобы несомнѣнный польскій патріотъ изъ Пруссіи—представилъ нашу работу по начальству!..

Не желая компрометировать ни его, ни себя передъ незнакомыми людьми, я разорвалъ свою записку, но далъ понять ему, что онъ „скоро мѣняетъ своихъ товарищей" и готовъ первому встрѣчному броситься на шею. Тогда онъ уже тайно настрочилъ противъ меня посланіе къ сосѣдямъ и незамедлилъ войти въ тайное же сношеніе съ З—омъ.

Послѣ этого оставалось только разойтись, и мы разошлись на сей разъ тихо, безъ скандала: сосѣдей изъ 4-го номера перевели въ темный номеръ, а его на ихъ мѣсто.

18-го февраля Сидорчукъ былъ опять на часахъ.

— Что новаго? спрашиваю его.

— Поляки хотятъ брать черезъ двадцать четыре часа Модлинъ.

При такихъ вѣстяхъ не вѣрится, чтобы завтра освободили меня Подъ вечеръ мною овладѣла тоска.

Слѣдующій день я провелъ въ тревожномъ ожиданіи—вотъ-вотъ явится благовѣстникъ; но нѣтъ!.. Только травка показалась подъ окномъ у меня. Но и она не веселила,—самыя мрачныя мысли бродили въ головѣ. Это—вслѣдствіе разрушительной казематной жизни...

21-го февраля Калужанинъ сказалъ мнѣ:

— Вчера и сегодня много перепороли и выпустили на свободу, а завтра будутъ поро́ть „студента". Берутъ невинныхъ и за деньги отпускаютъ, — теперь нажива судамъ! добавилъ онъ, выходя.

Дѣйствительно нажива. Напримѣръ, мой сосѣдъ № 2-го, кассиръ Моссаковскій „z Sirocka", пишетъ: „Я арестованъ за то, что хотѣлъ принять у себя двухъ повстанцевъ, а нашъ бургомистръ былъ посаженъ сюда за доставку повстанцамъ провизіи; меня до сихъ поръ

держать, а его освободили... не потому ли, что на немъ была богатая шуба?"

По приказанію великаго князя Константина Николаевича, съ 15-го марта всѣхъ „забранныхъ" кормятъ „съ котла", ибо ихъ уже не считаютъ „политическими преступниками, а плѣнными инсургентами". Пища такъ дурна, что въ первое время „никто изъ пановъ не ѣлъ ничего".

Носятся слухи, что мѣстный (гарнизонный) баталіонъ преобразуется къ 26-му апрѣля въ полкъ, который и будетъ называться „Новогеоргіевскимъ"; далѣе, яко бы „женщинъ изъ крѣпости отправятъ въ мѣста ихъ родины", и что „въ Польшу ждутъ много войскъ".

19-го марта, вмѣсто Торопова (такъ и не возвратившаго мнѣ денегъ) назначенъ смотрителемъ или „хозяиномъ" казематовъ штабсъ-капитанъ здѣшняго гарнизона **Радкевичъ** — тоже „изъ выслуженныхъ" солдатъ, но видимо иного пошиба, чѣмъ тотъ. Невысокій, неуклюже-тучный, на толстыхъ, короткихъ, какъ бревешки, ногахъ, съ рожею широкою, украшенною свиными, вѣчно опущенными долу глазами, тонкими, бѣлыми, сжатыми губами и ужасно развитыми челюстями—видѣнъ хищникъ! длани—здоровенныя.

Съ утра 22-го марта, по всѣмъ казематамъ возня: раздаютъ плѣннымъ „соломенники" (тюфяки изъ соломы). Поздненько, да ужъ лучше, чѣмъ никогда.

Послѣ обѣда вваливается ко мнѣ, отдуваясь, вся въ поту туша—Радкевичъ:

— Измучился... Не повѣрите: сто пятьдесятъ ступенекъ наверхъ [1]) и внизъ,—и это нѣсколько разъ въ день... Сегодня имъ раздавалъ тюфяки... Сперва внесли одинъ тюфякъ; они какъ завидѣли его, такъ и бросились—и на мелкіе кусочки. Я прикрикнулъ: „Тихо! По мѣстамъ... а то не дамъ тюфяковъ!.." Понюхали, хорошо пахнетъ солома... Ну, потомъ и роздалъ.

Отвратительно мнѣ было слушать его разсказъ, пересыпанный хихиканьемъ, напоминающимъ поросячій восторгъ; кажется, скоро начну принимать его съ пренебреженіемъ,—авось отучится ходить ко мнѣ.

Вернувшись съ прогулки, я „запукалъ" къ Моссаковскому—отвѣта не послѣдовало; стучу сильнѣе—послышались удаляющіеся изъ его номера шаги; затѣмъ онъ, вызвавъ меня къ окну, сообщилъ, что въ то время какъ я „пукалъ", у него сидѣлъ караульный офицеръ—записывалъ „życzenia", т. е. что̀ купить для него на завтра.

— Непремѣнно донесетъ на пана, добавилъ онъ.

И дѣйствительно, на слѣдующій день приходитъ ко мнѣ уродъ Радкевичъ.

---

[1]) Какъ видно, и въ казармахъ надъ нами помѣщаются теперь плѣнные.

— На васъ есть жалоба, сказалъ онъ, беря меня за руку, но избѣгая моего взгляда — онъ никогда не смотритъ въ глаза, когда говоритъ со мною; а сколько подлости сверкаетъ въ его взорѣ!

— Какая? спросилъ я.

— Вы стучали вчера въ стѣну?

— Стучалъ.

— Зачѣмъ же?

— Отъ скуки.

— Мм, мм... А вотъ видите, плацъ-маіоръ тàкъ добръ къ вамъ, что позволилъ вамъ безъ конвоя и въ баню ходить, позволилъ теперь и въ церковь на праздники ходить, и говѣть... а вы стучите, какъ-то особенно мягко проговорилъ Радкевичъ, дѣвственно опустивъ глаза.

— Я не просилъ плацъ-маіора ни о томъ, ни о другомъ, такъ не зачѣмъ вамъ и говорить мнѣ это. Вы, кажется, выдаете эти непрошенныя позволенія за милости, но мнѣ ихъ не нужно, — пусть со мною поступаютъ такъ, какъ и съ другими, по здѣшнимъ правиламъ.

Тюремщикъ помялся немного.

— Да вотъ, видите, все-таки нехорошо: скажутъ—„немилосердные".

— Повторяю: никакихъ милостей не желаю и не принимаю.

— Пожалуйста, прошу васъ, не стучите, проговорилъ онъ опять какъ-то неестественно мягко и, какъ кошка, тихо удалился.

Я распросилъ объ немъ преданнаго мнѣ жандарма, и вотъ что узналъ. „Это—жестокій человѣкъ". Онъ прежде завѣдывалъ „военно-арестантскою ротой", но за то, что „билъ арестантовъ палкою до крови", былъ переведенъ оттуда „смотрителемъ гражданской арестантской роты"; но и тутъ не разставался съ палкою,—прогнали; и теперь вотъ этакое чудовище „поставили хозяиномъ надъ секретными!!"

Онъ получаетъ, по чину, около 200 руб. въ годъ, но держитъ свой экипажъ („дормезъ") и имѣетъ „капиталецъ", сбитый изъ пота и крови арестантовъ.

24-го марта—„польская Пасха". Плѣннымъ раздавали по рюмкѣ водки, по два яйца, по куску мяса и по фунту солдатскаго пирога, но насъ лишили обычной прогулки, а меня, помимо того, перевели въ крайній (№ 8-й) казематъ. Вѣроятно, Радкевичъ передалъ плацъ-маіору вчерашній разговоръ мой съ нимъ по поводу „пуканья", за которое здѣсь другихъ пересаживаютъ въ темные номера на хлѣбъ и воду, съ приправою изъ града ругательствъ. Вѣроятно такъ, и вотъ отвѣтъ. Единственный сосѣдъ—З—нъ (въ № 7-мъ), слѣдовательно, придется пуще прежняго скучать: уже со дня смѣны Торопова не вижу газетъ, а теперь не съ кѣмъ будетъ и „попукать"...

Кажется, одурѣю совсѣмъ! Нѣтъ работы ни для ума, ни для тѣла,— чувства точно нѣмѣютъ, душа глохнетъ. Одна надежда теперь дѣлитъ

со мною участь, и я ее не отгоняю... Что-то скажетъ будущее? — Неизвѣстно; да и не люблю я серьезно заглядывать въ эту безформенную темь,—все равно ничего не увижу...

Нашелъ развлеченіе! Войдя въ преветъ, я услышалъ стукъ въ стѣну и затѣмъ глухой голосъ; ощупываю (въ потьмахъ) стѣну—дырочка; приложившись къ ней, спрашиваю: „Кто?"—„Леопольдъ Межеевскій", былъ отвѣтъ. Далѣе узналъ, что онъ — „слегка раненъ" и сидитъ здѣсь уже нѣсколько дней. Условились переписываться черезъ означенную дырочку.

Возвращаясь къ себѣ, я спросилъ дежурнаго жандарма Сырова, отчего такъ долго не выпускали меня въ преветъ.

— Сволочь тамъ засѣла, отвѣчалъ онъ.—Никакъ не выгонишь ее оттуда!

— Какая сволочь?

— Да эти, махнулъ онъ рукой на номера.

— Тутъ сволочи не сажаютъ!.. Въ другой разъ не смѣй мнѣ такъ называть политическихъ, а иначе я приму это на себя, потому что и я здѣсь сижу и испытываю одинаковую съ ними участь, слѣдовательно... всѣ здѣсь равны!.. Да и, наконецъ, ты мало въ этомъ понимаешь!.. Лучше исполняй только свою обязанность, и не смѣй дѣлать того, чего никто не смѣетъ...

— Да это еврей былъ.

— Ну, такъ что же? Развѣ онъ не такой, какъ мы съ тобой? Нѣтъ, я тебѣ скажу, что ты ближе подходишь къ сволочи, потому что рѣшаешься обижать человѣка, котораго не знаешь и который тебѣ ничего дурнаго не сдѣлалъ... И это я буду помнить.

— Да вѣдь я ему не въ глаза сказалъ, послышалось уже за спиной у меня.

Спустя нѣсколько минутъ, одинъ плѣнный запѣлъ въ полголоса по-польски молитву, и тотъ же Сыровъ, забывъ только что полученный отъ меня при всемъ караулѣ урокъ, съ шумомъ отворилъ дверь сосѣдняго темнаго номера и пошелъ, пошелъ: „Кто тутъ поетъ!.. Молчи! Я тебя, подлецъ... Смѣй только пѣть, я тебѣ задамъ!"... Не прошло и часа послѣ этого, какъ въ томъ же номерѣ раздался крикъ и площадная брань Радкевича! Разсвирѣпѣлъ ради великаго праздника, или ужъ сильно „выпивши"... хотя и безъ выпивки эта обезьяна-человѣкъ поминутно угощаетъ крѣпкимъ словцомъ то жандармовъ и караульныхъ солдатъ, то несчастныхъ плѣнныхъ.

На слѣдующій день онъ зашелъ ко мнѣ справиться, буду ли я говѣть,—отказался, какъ „отъ крѣпостной милости", послѣ чего отъ меня отобрали всю постель: Тороповъ, молъ, сдаетъ вещи новому хозяину, т. е. Радкевичу.

— У всѣхъ, что ли, отбираютъ? спросилъ я часоваго.

— У всѣхъ.

Если не вретъ, то правда; во всякомъ случаѣ, отъ этой нелѣпой формальности страдаютъ бока и не спится.

31-го марта. Вотъ и наша Святая! А насъ и гулять не пустили, да и завтра не пустятъ. Вообще, въ большіе праздники здѣсь никого не выпускаютъ изъ гробовъ.

Тоска смертельная!

VIII.

Удалось мнѣ вызвать на откровенность часоваго изъ гарнизонныхъ. Вотъ что онъ говорилъ (урывками, поминутно оглядываясь и прислушиваясь, нейдетъ ли кто), и это далеко не единичный голосъ:

„... Нашъ полковникъ, Пахомовъ—не приведи Богъ, какой мошенникъ. У насъ свои огороды, а мы помои ѣдимъ; только и есть корысть; что три фунта хлѣба (на день)... А они-то, эти мошенники, строятъ себѣ каменные дома... Вонъ, Пахомовъ купилъ мызу, а мы молчи, а кто заикнется, такъ скажутъ: „а не хочешь въ сквозь строй, такой-сякой!“ или нашивки спорютъ... Хоть бы скорѣй взбунтовали,—можетъ, лучше будетъ... Вонъ, армейцы-то сейчасъ зашумятъ, какъ пища не хороша; а у насъ народъ-то молодой—рекруты, да старый. Рекрутъ—глупъ, а старому что?—онъ говоритъ: „не завтра, такъ послѣ завтра пойду домой, такъ и водицы похлебаю,—и биться-то не изъ чего; а то еще не пустятъ“...

3-го апрѣля разговорился со мною по душѣ другой солдатикъ:

„Да что, сказалъ онъ,—теперь насъ посылаютъ все равно, что на своихъ, значитъ—братъ на брата“... „А какъ ходили мы подъ Яблоня [1]), продолжалъ онъ,—Боже мой, что казаки дѣлали! Идетъ кто нибудь, такъ себѣ, значитъ безъ оружія, по своему дѣлу,—сейчасъ схватятъ, ограбятъ и въ крѣпость; такимъ манеромъ мы шестьдесятъ человѣкъ пригнали сюда“... „А и намъ здѣсь служба хуже, чѣмъ адъ; не только за крѣпость, изъ казармъ не выпускаютъ посмотрѣть на свѣтъ Божій, потому—начальство ходитъ тамъ—намъ нельзя“.

Пришелъ новый часовой, такой же теплый малый.—„Боже, какія страсти смотрѣть, какъ разстрѣливаютъ, говорилъ онъ по поводу казни Вольскаго и пр.,—у насъ у всѣхъ слезы были на глазахъ“...

Пропуская уже слышанныя мною отъ другихъ подробности этихъ казней, перейду къ дальнѣйшему разсказу его: „А вотъ, еще хуже того, когда вѣшали панну. Народу-то было—кажись, вся Варшава... Привезли ее,—такая еще молоденькая, хорошенькая; вся въ черномъ, а бѣлая-бѣлая—бѣлѣе снѣга, и какъ плакала!.. Надѣли на нее саванъ, повели на скамеечку, выдернули скамеечку изъ-подъ ногъ,—

---

[1]) Станція Яблони, о которой упоминалось въ І-й части.

она, бѣдненькая, два раза вздрогнула всѣмъ тѣломъ, вытянулась и Богу душу отдала... Висѣла она съ 10-ти часовъ утра до трехъ вечера, а Ярошинскій висѣлъ сутки, „чтобы народъ видѣлъ и боялся".

Къ кому относится этотъ разсказъ—не знаю. Одновременно со мною сидѣли въ 10-мъ павильонѣ, кажется, только двѣ женщины: пани Заленска, лѣтъ подъ 35, и другая—дѣйствительно молоденькая панна, гувернантка, у которой, какъ говорили, нашли во время выстрѣла въ великаго князя Константина Николаевича кинжалъ, не то револьверъ. Она скрывала свою настоящую фамилію, называясь разъ такъ, другой разъ этакъ, и—то пѣла на весь павильонъ разныя патріотическія пѣсни, то смѣялась, то плакала, то ругала жандармовъ, не исключая и самого Жучковскаго—„пся кревъ" и т. п. Не ее ли ужъ постигла эта участь? Очень можетъ быть, ибо помню—В. Яповичъ какъ „святыней" дорожилъ полученнымъ отъ нея на память кусочкомъ стали отъ ея кринолина... что, однако жъ, не помѣшало ему подѣлиться имъ со мною.

Послѣ обѣда наткнулся въ преветѣ на виднаго, здороваго молодца въ штатскомъ костюмѣ—„Кто?" спрашиваю его.—„Леопольдъ Межеевскій".—„А!"... И мы тутъ же поцѣловались. Онъ успѣлъ только сказать, что вышелъ положить въ условленное мѣсто записку для меня,—дальше жандармъ помѣшалъ.

Въ запискѣ значилось: „Wszyscy więzniowi mają wielką nudzieju na wolnosc Polski! Wiwat wolnosc!

Bardzo smutno przepędzam czas, bo niemam książek (oprócż kawałku grammatyki polskiego języka)" [1]).

Прежде, въ началѣ инсуррекціи, еще дозволяли нѣкоторымъ читать привезенныя съ собою или доставленныя родными и предварительно осмотрѣнныя въ ордананса-гаузѣ книги, но теперь, кажется, никому.

5-го апрѣля, встрѣтился тамъ же (въ преветѣ) съ отставнымъ корнетомъ „Гусарскаго, в. к. Ольги Николаевны, полка". Онъ обѣщалъ прислать мнѣ газету „Курьеръ". Затѣмъ я получилъ черезъ служителя отъ нѣкоего Дембицкаго апельсины, при запискѣ, въ которой онъ проситъ меня войти въ сношеніе съ нимъ и благодаритъ за мою дружбу къ „бѣдному Межеевскому". Вообще, у меня теперь обширныя связи, требующія переписки... что развлекаетъ и служитъ для меня практикой въ польскомъ языкѣ.

Передъ обѣдомъ заходилъ Радкевичъ, что теперь рѣдко бываетъ... ибо онъ понимаетъ, что я его видѣть не могу и съ перваго же раза

---

[1]) „Всѣ заключенные сильно надѣятся на свободу Польши! Да здравствуетъ свобода!

Очень скучно провожу время, потому что не имѣю книгъ (кромѣ куска польской грамматики)".

инстинктивно возненавидѣлъ! А главное—ему непріятно, что я не измѣняю своего положенія при его посѣщеніяхъ меня, т. е., если лежу, то и не встану. Зато почетъ ему у З—на,—рыбакъ рыбака видитъ издалека! По нѣскольку разъ въ день забѣгаетъ онъ къ нему, и все хихикаетъ, шутитъ, иногда и совѣтуется...

Примирившіеся между собою, но продолжающіе жить врозь (въ разныхъ померахъ) Г—скій и З—нъ, за неимѣніемъ средствъ, начали ѣсть „съ котла", т. е. солдатскую пищу, которую отпускаютъ имъ безплатно, и такимъ образомъ, „деньги по положенію" идутъ у нихъ на табакъ, чай, сахаръ и пр. потребности.

Вотъ уже въ третій разъ вижу Сидорчука у своихъ дверей. Сегодня онъ (вопреки строжайшему приказу: ни о чемъ не говорить съ арестованными) разсказалъ мнѣ, какъ ихъ рота ходила за восемьдесятъ верстъ отсюда въ лѣсъ „на полеванье" [1]). Пришли, молъ, въ лѣсъ и увидали большой домъ; въ домѣ нашли одного только повстанскаго кашевара, прочіе жъ убѣжали. Въ верхнемъ этажѣ казаки увидали большой сундукъ съ бѣльемъ, примѣрно на 200 рублей,—мигомъ очистили его.

— Да они, злодѣи, вездѣ грабятъ да убиваютъ, а нашему-то брату, армейцамъ, не позволяютъ, добавилъ онъ, какъ бы сожалѣя, что не позволяютъ.

— Что еще новенькаго? спросилъ его я.

— Да вотъ, спохватился онъ,—читали намъ цѣлыхъ пять часовъ всякой всячины... что всѣхъ васъ выпустятъ къ 1-му маю, чтобъ здѣсь никого не было арестантовъ и чтобы уже не брать въ плѣнъ, а забивать всѣхъ на мѣстѣ... Читали, чтобъ поляки положили оружіе, и тогда все будетъ по-старому, какъ было, и крестьяне тоже будутъ...

Зная, что Сидорчукъ имѣетъ способность не только лгать, но и приготовлять въ своей головѣ изъ всѣхъ собранныхъ имъ извѣстій нѣчто среднее, въ родѣ винегрета, я уже не пошелъ на объясненія (тѣмъ болѣе, что долго разговаривать опасно, и онъ поминутно то отворялъ, то притворялъ двери, и съ боязнью оглядывался во всѣ стороны), а задалъ ему вопросъ:

— Какъ теперь въ Россіи?

— Въ Россіи? переспросилъ онъ съ видомъ, точно впервые слышитъ это слово.

— Да, у насъ въ Россіи.

— Да что! (и онъ сдвинулъ кепи на затылокъ).—То же самое, что здѣсь!.. Я вамъ скажу: теперь всѣ поднимаются!.. Агличанка и фран-

---

[1]) Солдаты здѣсь экспедиціи на „повстанцевъ" называютъ „полеваньемъ" „облавою". Полеванье (polewanie)—по-польски—охота.

пузъ идутъ за Польшу, да еще какой-то народъ, который еще никогда не дрался...

— Какой же это народъ,—не итальянцы ли? спросилъ я шутя.

— Такъ, такъ—они самые, итальянцы... Да, чортъ побери (Сидорчукъ энергично отплюнулся и, поправивъ кепи, подбочинился),—какъ говорятъ солдатики, то и черногорецъ, и турка, и всѣ теперь повстали на Россію...

— Ну, а было что въ Москвѣ?

— Да я же вамъ говорю, чортъ знаетъ, что такое тамъ дѣлается,— и китайцы, и французы, и агличане тамъ,—венгры...

Я улыбнулся, онъ продолжалъ:

— Да я, право, самъ-то не умѣю читать... Вотъ ежели бъ умѣлъ, то все бы читалъ, а теперь я что? Все на память понимаю...

Досадно, смѣнили политика; а то бы, можетъ быть, еще болѣе узналъ чудесъ (въ родѣ тѣхъ, что китайцы въ Москвѣ), изъ которыхъ однако жъ можно кое-что вывести—приблизительно.

Походивъ изъ угла въ уголъ, я влѣзъ въ амбразуру и былъ свидѣтелемъ смѣны часоваго на валу.

— Что сдачи? спросилъ новый часовой у стараго.

— Семьдесять два окна [1]), ходить отъ будки до будки,—чтобъ секретные не разговаривали черезъ окна, не выбросили записки, не подпилили рѣшетки,—ничего не принимать отъ секретныхъ, и не отвѣчай ничего, ежели будутъ спрашивать: какой губерніи, али что;— безъ ефрейтора на валъ никого, кромѣ дежурнаго охвисера, не пущай никого, хоша бы самъ охвисеръ пришелъ—скажи: не приказано, а если что—подай сигналъ... Ни-ни, никого, а ни Бога не пущай, добавилъ уже на ходу хмуро служака. Въ это время вдругъ изъ-за рѣки грянула веселая солдатская пѣсня.

— Не въ экспедицію ли? спрашиваю новаго часоваго.

Ни слова въ отвѣтъ, только посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ за рѣку, и пошелъ ходить.

— Ну, скажи же, кто это поетъ? повторилъ я ласково, когда онъ поравнялся съ моимъ окномъ.

— Не показано разговаривать... Гренадеры намъ на смѣну въ крѣпость идутъ, отвѣтилъ-таки—видно добрый человѣкъ.

Ихъ патріотическія пѣсни что-то расшевеливали въ моей душѣ... Взгрустнулось, и я тоже запѣлъ. Громко говорить и даже тихо пѣть—въ казематахъ не дозволяется, но и то, и другое я дѣлаю безпрепятственно послѣ слѣдующаго маленькаго случая. Какъ-то на дежурствѣ дряннаго Сырова я въ полголоса запѣлъ „Не слышно шуму городскаго".

---

[1]) Собственно въ нашемъ (№ 12-й) отдѣленіи 19 наружныхъ (выходящихъ на валъ) оконъ, остальныя жъ 53—относятся къ помѣщенію (казематамъ) арестанскихъ ротъ.

— Ваше благородіе, сказалъ онъ, отворяя мою дверь,—слышно, какъ вы поете,—услышатъ... здѣсь нельзя.

Это замѣчаніе взбѣсило меня:

— Скажи всѣмъ, кто только ни спроситъ тебя, кто поетъ,—что я пою, и буду пѣть,—такъ и скажи.

Съ тѣхъ поръ уже никто не замѣчаетъ мнѣ: „пѣть нельзя"... хотя плѣннымъ за нарушеніе этого правила сильно достается.

Пробили вечернюю зорю. На валу (на бермѣ) поминутно раздается „слу-шай!" Послѣ вечерней зари (а когда раньше темнѣетъ, то и до нея) приходитъ къ „дневному" караулу еще „ночной", въ такомъ же числѣ, т. е. караулъ—какъ внутри казематовъ, такъ и наружный, что стоитъ не далеко отсюда внизу вала при крѣпостныхъ воротахъ, напротивъ мостика—удвоивается, и у наружныхъ дверей нашего (№ 12-й) отдѣленія ставится часовой (чего днемъ не бываетъ). Ночная сдача, при смѣнѣ часовыхъ на валу—такая жъ, какъ и днемъ, только ефрейторъ послѣ зари передаетъ часовымъ „пароль" и „лозунгъ". Когда кто идетъ или ѣдетъ по дорогѣ, будь то одинъ, или нѣсколько человѣкъ,—часовой спрашиваетъ „пароль", и если до трехъ разъ не получитъ отвѣта—подаетъ караулу, что у воротъ, сигналъ выстрѣломъ,—тогда этихъ прохожихъ или проѣзжихъ арестуютъ. Иные при сдачѣ передаютъ, чтобы при семъ „брать на руку и близко къ себѣ не подпущать".

Помимо удвоиванія караула, крѣпость ночью обходится во всѣхъ направленіяхъ рундомъ. Итакъ, кромѣ стѣны саженной толщины, запоровъ и желѣзныхъ рѣшетокъ—всюду глазъ и глазъ караульныхъ. Чуть замѣтятъ что̀ они, иль услышатъ малѣйшій шумъ, — сейчасъ могутъ произвесть осмотръ номера. При такой обстановкѣ не убѣжишь отсюда, даже въ самую глухую ночь; удивляюсь только, какъ это бѣжало недавно изъ варшавской цитадели нѣсколько человѣкъ?

7-го апрѣля. Сколько есть добрыхъ, умныхъ и честныхъ солдатъ! Сегодня заступилъ въ караулъ Нидерландскій (Самогитскій) гренадерскаго корпуса полкъ. Солдатики еще не привыкли къ тому, что видятъ теперь здѣсь, и вотъ что говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, часовой при дверяхъ—...„А какіе это живодеры звѣри-казаки! Идетъ себѣ жидъ или полякъ по плацу и, кажется, ничего не сдѣлалъ, а вдругъ казакъ подлетитъ, да и начнетъ его тузить ногайкой,—съ непривычки кажется какъ-то нехорошо"........ „Вонъ, казаки разсказывали, продолжалъ онъ черезъ минуту,—три дня тому назадъ, за 12 верстъ отсюда, было большое дѣло; наши окружили лѣсъ и истребили цѣлую шайку поляковъ: раненыхъ не забирали, а пришли еще солдаты, да всѣхъ ихъ и перекололи,—говорятъ, 700 человѣкъ такъ положили".

О—въ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ И ДРУГІЯ СРЕДСТВА КЪ ИСКОРЕНЕНІЮ РАЗГУЛА И БЕЗСТЫДСТВА.

(Справка для свѣдущихъ людей).

I.

Во ВСЕ время совѣщанія свѣдущихъ людей по вопросу о пьянствѣ, въ обществѣ встрѣчались лица, выражавшія смущеніе отъ предложенія такихъ мѣръ, которыя уже давно въ Россіи были испробованы и въ свое время брошены за ихъ несостоятельность. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ свѣдущихъ людей предлагали ихъ какъ мѣры новыя и, обширно трактуя объ нихъ, вовсе не приводили на справку ничего изъ былой, старой практики.

Это очень многихъ удивляло и, по справедливости говоря, не могло не удивлять.

Къ числу такихъ наново предлагаемыхъ старинныхъ мѣръ безспорно относится казенный или, какъ въ старину говорили, „царевъ кабакъ". О немъ очень много говорили какъ о полезномъ нововведеніи, которое можетъ сильно помочь въ нашемъ распойномъ дѣлѣ, и мысль эту до сихъ поръ самымъ энергическимъ образомъ отстаиваетъ одно изъ наиболѣе основательныхъ и наиболѣе независимыхъ московскихъ изданій. Поразительное невниманіе къ справкамъ со стороны свѣдущихъ и не свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ людей дошло до того, что когда Н. А. Лейкинъ въ одномъ изъ фельетоновъ „Петербургской Газеты" разсказалъ кое-что изъ исторіи происхожденія и развитія кабацкихъ операцій, то свѣдѣнія эти произвели самое не-

ожиданное впечатлѣніе. Одна большая и притомъ весьма бережливая на похвалы петербургская газета не только отмѣтила это, какъ указанія, имѣющія большой интересъ, но даже остановилась съ почтеніемъ передъ изумившимъ ее изобиліемъ свѣдѣній Н. А. Лейкина по питейной части и необинуясь подивилась: гдѣ онъ могъ все это такъ хорошо разузнать?

Вопросъ этотъ до сихъ поръ остается безъ отвѣта, а между тѣмъ отвѣчать на него было не трудно: свѣдѣнія о кабакахъ, во-время и кстати помѣщенныя въ фельетонѣ Н. А. Лейкина, составляютъ крупицу изъ интереснѣйшихъ свѣдѣній, заключающихся въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Исторія кабаковъ въ Россіи“ г. Прыжова.

Вопросъ о казенныхъ кабакахъ и понынѣ трактуется безъ справокъ съ книгою Прыжова, которая хотя и считалась запрещенною въ прекрасное время М. Н. Лонгинова, но изъята изъ обращенія не особенно аккуратно и во всякомъ случаѣ она не исчезла, по желанію Лонгинова, изъ библіотекъ частныхъ лицъ, которыя ею запаслись. Книга Прыжова могла бы дать и должна дать интереснѣйшія данныя для многихъ вопросовъ по дѣлу объ урегулированіи виннаго производства и торговли, но о ней какъ будто позабыли и она никѣмъ ни разу не упомянута. Г-нъ Лейкинъ былъ единственнымъ въ это время смѣлымъ гражданиномъ, который если и не рѣшился о ней упомянуть, то все-таки заглянулъ въ нее и привелъ хорошую справку, которую охотно приняли за новость.]

Такова наша поразительная малоначитанность и забывчивость, особенно странная и смѣшная между людьми soit disant свѣдущими ex-officio... Смѣшно и грустно. А между тѣмъ, сколь вредною такая забывчивость была въ дѣлѣ питейномъ, такою же она можетъ оказаться и въ другихъ дѣлахъ, обсужденіе которыхъ стоитъ на очереди и вызываетъ, какъ разсказываютъ, множество совѣтовъ и предложеній, приходящихъ въ центральныя учрежденія съ разныхъ сторонъ и отъ лицъ самыхъ разнообразныхъ положеній.

Историческое изданіе, мнѣ кажется, въ подобныхъ случаяхъ не должно молчать, а обязано приходить на помощь обществу съ тѣми, относящимися къ дѣлу, справками, какія могутъ къ данному случаю оказаться въ непосредственномъ распоряженіи редакціи, или въ портфеляхъ ея сотрудниковъ.

Имѣя нѣчто въ этомъ родѣ, я считаю сообразнымъ съ общественнымъ интересомъ и пользою предложить это общественному вниманію на страницахъ „Историческаго Вѣстника“.

II.

Въ числѣ дѣлъ, или, лучше сказать,—въ числѣ такихъ вопросовъ, которые теперь занимаютъ едва ли не самое видное мѣсто, стоитъ

вопросъ о народной нравственности и о благочестіи, которое будто бы было когда-то у насъ въ сильномъ процвѣтаніи, но нынѣ пало и не удовлетворяетъ требованіямъ христіанской совѣсти. Заботы объ этомъ въ Россіи, впрочемъ, были постоянны и нельзя указать ни одной поры, когда бы совѣстливые люди не находили въ русской жизни много безчинства и безсовѣстности, но до сихъ поръ объ этомъ по преимуществу заботилось вѣдомство православнаго исповѣданія, гдѣ потому и должно искать полезныя указанія и справки.

По вѣдомствамъ всѣхъ другихъ исповѣданій, терпимыхъ въ Россіи, нигдѣ нѣтъ столько мѣропріятій къ возвышенію благочестія, какъ у православныхъ. У чужевѣрцевъ дѣло о нравственности и благочестіи стоитъ какъ-то иначе и частыхъ хлопотъ не вызываетъ. Тамъ даже не слышно желчныхъ жалобъ духовенства на неисправность вѣрующихъ, между тѣмъ какъ съ православной каѳедры жалобы эти стали постоянны и неумолчны. У разновѣрцевъ нѣтъ и усиленныхъ и неистощимыхъ заботъ объ охранѣ умовъ отъ соблазновъ печати, зрѣлищъ и „заносныхъ идей", противъ распространенія коихъ среди православныхъ оказываются безсильными самый бдительный надзоръ и охрана, какими отличается наша церковь. По всей вѣроятности, у иновѣрцевъ или дѣло обстоитъ благополучнѣе, или же тамъ духовные прилагаютъ менѣе заботъ о нравственности и благочестіи, чѣмъ это стремится проявлять наша іерархія, усилія которой по этому достойны вниманія какъ русскихъ, такъ и чужеземцевъ.

У всѣхъ живущихъ въ Россіи разновѣрцевъ до сихъ поръ совсѣмъ не существуетъ многихъ видовъ такого попечительнаго надзора за вкорененіемъ благочестія въ народѣ, какой имѣетъ вѣдомство исповѣданія православнаго. Доказательствъ этому множество и нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ очевидны. Они даже сами кидаются въ глаза,—такъ напр., во всѣ субботы и предпраздничныя навечерія, когда театральныя представленія воспрещены русскимъ, залы нашихъ театровъ уступаются инославнымъ—французамъ и нѣмцамъ, и тѣ даютъ въ эти часы свои театральныя представленія и какъ будто не предъусматриваютъ въ томъ никакого вреда для нравовъ и благочестія (которые и имъ, хотя въ нѣкоторой степени, все-таки могли бы на что нибудь пригодиться). Но высота нравственныхъ идеаловъ, которой достичь намъ предназначено нашимъ избранническимъ призваніемъ и нашею по преимуществу благочестивою культурою, обязываетъ насъ заботиться еще о бо́льшемъ, и потому по нѣкоторымъ вѣдомствамъ поступаетъ съ нѣкоторыхъ поръ множество предложеній и совѣтовъ, имѣющихъ благія цѣли еще выше приподнять уровень нравственности въ русскомъ народѣ. Многіе находятъ, что это и на самомъ дѣлѣ совершенно необходимо и достойно самыхъ горячихъ сочувствій, но только не хотѣлось бы, чтобы это дѣлалось безъ толку, и чтобы не обращались къ тому, что было уже испробовано и брошено. А потому въ этомъ случаѣ, какъ показываетъ опытъ съ вопросомъ о рас-

пойствѣ, умѣстнѣе всего заблаговременно позаботиться о справкахъ.

Желая послужить этому по мѣрѣ моихъ малыхъ силъ и слабыхъ мозланій, я считаю небезъинтереснымъ и небезполезнымъ довести до всеобщаго вниманія нижеслѣдующій оффиціальный документъ, изъ коего можно видѣть, какія мѣры у насъ уже были въ свое время принимаемы для того, чтобы установить городское и сельское благочиніе, съ недостатками котораго мы безуспѣшно возимся отъ вѣка и ни чесо же успѣваемъ.

III.

Сто лѣтъ тому назадъ, когда не было еще никакихъ признаковъ проникновенія „въ народъ мутныхъ потоковъ литературнаго яда", у насъ замѣчали недостатокъ благочинія и благочестія точно такъ же, какъ и теперь, и церковная власть, обладавшая тогда достаточною свободою вмѣшательства въ общественныя дѣла, прилагала весьма энергическія заботы къ исправленію нравовъ. Распоряженія на этотъ счетъ бывали самыя попечительныя и властныя, но многія изъ нихъ, весьма интересныя — совсѣмъ позабыты и, какъ слышно, теперь будто бы опять предлагаются, какъ новость, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Я имѣю въ своихъ бумагахъ нижеслѣдующій указъ, посланный 30-го октября 1795 года „изъ алексопольскаго духовнаго правленія исправлявшему должность благочинническую священнику Петру Савченко"; а въ интересномъ указѣ этомъ писано про то, какъ благочинно тогда жили у насъ по городамъ и по селамъ и какими мѣрами церковная власть старалась поправить дѣло.

Вотъ текстъ этого любопытнаго указа, показывающаго умилительную картину нравовъ „стараго, добраго времени".

„Города Алексополя городничій секундъ-маіоръ Иванъ Степановъ при сообщеніи своемъ доставилъ сему правленію указъ, состоявшійся къ нему изъ екатеринославскаго помѣстническаго правленія по сообщенію господина генералъ-маіора и правителя екатеринославскаго намѣстничества и кавалера о прекращеніи происходящихъ въ городахъ ночнымъ временемъ криковъ, чинимыхъ по прежнимъ обыкновеніямъ (?) по улицамъ обоего пола людей сборищъ (sic), отъ коихъ происходятъ ночью же разныя скверпословія и пѣсни и другія непристойности, а наипаче противу тѣхъ чиселъ, которыхъ бываютъ праздники Господни. Тожъ и кулачныхъ боевъ, въ коихъ нѣкоторые изъ составляющихъ таковую партію, оставя должную благопристойность и бывъ подкрѣпляемы въ предпріятыхъ мечтательною похвалою, устремляются на противную имъ сторону и по причинѣ взаимнаго продолженія боя подвергаютъ члены и здоровье поврежденію, а притомъ и открытыя части тѣла обезображиваются,—что чинить само собою жителямъ по указу 1726 года

іюня 21-го запрещено. Какъ же по многимъ опытамъ дошло сему правленію до свѣдѣнія, что по мѣстечкахъ и селахъ доселѣ обычай безчинія по вечерамъ и ночамъ пѣнія и криковъ во дни предпраздничные и воскресные не токмо не искоренен, но впротивъ того отцы и матери дѣтей своихъ юныхъ обоего пола не удерживая выпускають на улицу въ противность 61-му пункту городоваго положенія; да и при бракахъ бываемыхъ тоже чинятся безчинія, крики и плясанки въ напилостяхъ (т. е. въ пьяномъ видѣ)[1]) не токмо въ домахъ, но и по улицахъ; въ правилахъ же святыхъ вселенскихъ соборовъ въ книгѣ Кормчей напечатано на листу 83-мъ помѣстнаго собора, иже въ Лаодокіи, 52: „не подобаетъ христіанамъ, позваннымъ бывшимъ на бракъ, плесканія или плясота, но честно и съ говѣніемъ обѣдовати, яко же лѣпо есть христіанамъ во главѣ 51-й о тайнѣ супружества на листѣ 523-мъ—бракъ и учрежденіе на немъ справляти со всякою тихостію и подобающею христіанамъ честностію, а не съ косноглаголаніемъ діявольскимъ, въ плясаніи и піянствѣ. Къ прекращенію таковыхъ происходившихъ и поднесь въ народѣ нелѣпыхъ дѣйствій, изъ духовной консисторіи, по распоряженію покойнаго митрополита Арсенія, указомъ было предписано приходскимъ священникамъ прихожанъ своихъ отъ таковыхъ противузаконныхъ поступковъ публично, не именуя лицо, отвращать и разными правильными средствами смирять, устрашая ихъ Божіимъ нелицемѣрнымъ судомъ и грядущею вѣчною казнію. Но если бы гдѣ прихожане таковыхъ отъ священниковъ своихъ увѣщаній не принявъ, но оныя презрѣвъ, по-прежнему соблазнительныя оныя дѣла творить дерзнули, то возъимѣть священникамъ съ мірскою властію сношеніе, дабы и отъ свѣтской команды таковыхъ, по улицамъ воплющихъ и невѣрнымъ нарѣчіемъ, подающимъ соблазнъ, людей ловлено и наказано было. Въ высочайшемъ же ея императорскаго величества манифестѣ, изданномъ 1793 года сентября во 2-й день, напечатано матерински увѣщанія, дабы пастыри и учители духовные преподавали истинное понятіе о благочестіи, чуждомъ всякаго суевѣрія. Для сего въ алексопольскомъ духовномъ правленіи опредѣлено предписать всѣмъ священникамъ прихожанъ своихъ увѣщаніями и всѣми другими средствами удержать, дабы они впредъ сборищъ по улицамъ ночью, криковъ, пѣній и кулачныхъ боевъ, тоже и при бракахъ плясаній въ домахъ и по улицахъ не чинили. Для чего имъ указъ сей прочитать въ праздничные дни. Отцевъ же и матерей тайно увѣщевать, чтобы они своихъ дѣтей по улицамъ ночнымъ временемъ изъ домовъ своихъ отнюдь не выпускали, и велѣть церковнымъ сторожамъ и состоящимъ въ сборныхъ избахъ каждаго вечера по захожденіи

---

[1]) Напилость непремѣнно значитъ пьянство до безпамятства. Такъ это слово читаетъ и Ѳ. А. Терновскій, („Кіевская Старина", май, 1882, стр. 336). „Іеромонахъ Самуилъ напивается, но не часто, и въ напилости спокоенъ".

солнца бить въ колоколъ, въ знакъ тотъ, чтобы по пробитіи трехъ разъ никто изъ жителей по улицамъ не шатался. Взятыхъ же таковыхъ, равно при бракахъ плесканія творящихъ, представлять нижнему земскому суду".

IV.

Далѣе этого, кажется, уже едва ли можно желать, чтобы простиралась материнская заботливость церкви о нравственности ея чадъ, но, какъ видимъ, вся ея энергія, чтобы удержать нашихъ предковъ отъ разгула, свойственнаго широтѣ некультивированной натуры, оказалась безуспѣшною. Къ большому нашему сожалѣнію, всѣми этими сильными мѣрами, которыми такъ сильно и такъ властно вооружилась церковь, народная безнравственность и безстыдство не искоренены, можетъ быть, потому, что самое примѣненіе всѣхъ этихъ правилъ, стройно изложенное на бумагѣ, въ практическомъ примѣненіи оказалось неудобнымъ. И вправду, это иногда вызывало послѣдствія совсѣмъ неожиданныя. Напримѣръ, на кулачные бои, гдѣ множество здоровыхъ людей выходили и о сю пору еще иногда выходятъ биться стѣною противъ стѣны,—блюстители строгихъ церковныхъ указовъ о благочиніи вовсе не дерзали показываться и не показывались, что и не должно имъ ставить въ осужденіе, ибо они не могли здѣсь разсчитывать ни на какой успѣхъ, и дѣйствительно на него не разсчитывали. И нынѣ во многихъ мелкихъ городахъ, гдѣ еще кулачные бои не вышли изъ употребленія, не только церковные сторожа, но и полиція во всемъ своемъ жалкомъ составѣ оказывается противъ нихъ безсильною. Духовенство же иногда здѣсь присутствуетъ, но только въ лицѣ представителей молодаго поколѣнія, принимающихъ участіе въ качествѣ болѣе или менѣе замѣчательныхъ бойцовъ.

Плесканія и пьянство на бракахъ какъ шло, такъ идетъ и до сихъ поръ. Если же это гдѣ либо по мѣстамъ выводится или становится немного лучше противъ тогдашняго времени, когда пьянство было, безъ сомнѣнія, безобразнѣе нынѣшняго, то это произошло не по внушеніямъ духовныхъ, кои сами много претерпѣваютъ отъ соблазновъ бѣса пьянства, а благодаря общему смягченію нравовъ и общему же облагороженію вкусовъ. А это пришло въ нѣкоторой долѣ съ умноженіемъ школъ, нѣсколько распространившихъ въ народѣ грамотность, да съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, облегчившихъ жителямъ глухихъ захолустій сношенія съ болѣе образованными центрами, гдѣ полудикари могли увидать жизнь людей болѣе образованныхъ, съ нравами нѣсколько смягченными, и ознакомиться съ удовольствіями болѣе тихими и чистыми, чѣмъ „ночные крики воплющихъ по улицамъ невѣрнымъ нарѣчіемъ". Такія „вопленія" тѣхъ, которые сто лѣтъ тому назадъ еще имѣли усладу жить „образомъ звѣринымъ", предаваясь полускотскимъ дикостямъ, „наипаче противъ дней, когда

бываютъ праздники Господни, „если еще и не совсѣмъ перевелись, то переводятся, но переводятся только по мѣрѣ того, какъ народъ знакомится съ удовольствіями болѣе облагороженными. Человѣку, который видѣлъ театральное представленіе, дикое „вопленіе невѣрнымъ нарѣчіемъ“, конечно, уже становится болѣе или менѣе противно и гадко и онъ не вопитъ „противъ праздника“, если ему есть гдѣ провести этотъ вечеръ иначе. Духовенство заботилось привлечь народъ ко всенощнымъ бдѣніямъ, но, судя по заявленіямъ многихъ проповѣдниковъ, это какъ-то не увѣнчалось успѣхомъ. То же самое видимъ и съ „сквернословіемъ, сквернословными пѣснями и другими непристойностями“. Сквернословіе—эта гадчайшая черта нашего народнаго навыка, составляетъ у насъ „приправу жизни“ и „пристала къ ней, какъ хлѣбъ ко щамъ, какъ масло къ кашѣ“. Эта безнравственная и омерзительная гадость до сихъ поръ не поддалась никакимъ церковнымъ мѣропріятіямъ и понынѣ продолжаетъ самымъ непріятнымъ образомъ давать себя чувствовать почти еще повсемѣстно. Церковь не разъ принималась выводить изъ общенароднаго употребленія это „татарское наученіе“, и все совершенно безуспѣшно. Духовенство увѣщевало православныхъ „не ругаться скверно“ не только убѣжденіями священниковъ, но даже пустило въ народное обращеніе особые листы поученія о сквернословіи, напечатавъ во главѣ этихъ листовъ весьма наивное, но нелѣпое надписаніе, будто это поученіе сочинилъ „иже во святыхъ отецъ нашъ Іоаннъ Златоустъ“, который никогда этого поученія не сочинялъ и не произносилъ, да и не имѣлъ надобности произносить, такъ какъ въ Константинополѣ русской сквернословной бранью не ругались. Церковь наша, конечно, знала объ этомъ, но желая употребить самыя сильныя мѣры къ тому, чтобы вывести сквернословья, она приписала упомянутые листы Златоусту, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы придать „поученію“ болѣе авторитета. Такой пріемъ, какъ извѣстно, издавна многими церквами считался за позволительный и практиковался, когда предстоятели церкви не полагались на силу собственнаго авторитета, а считали нужнымъ привлекать имена лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ. Кстати или не кстати было притягивать къ данному вопросу лицъ, которыя къ нему были непричастны — этимъ въ старину не стѣснялись. Такимъ образомъ и Златоусту навязали поученіе о русскомъ гадкомъ словѣ. Но слово это пришло народу нашему такъ по вкусу, что тутъ оказался безсильнымъ даже некстати привлеченный авторитетъ Златоуста. Въ наше время наивныхъ реставрацій всякой стари, этому, однако, не дали вѣры и зимою 1882 года былъ сдѣланъ новый опытъ реставраціи этой старинной мѣры въ Петербургѣ. По распоряженію нынѣшняго синодальнаго оберъ-прокурора, на многихъ видныхъ мѣстахъ были нѣкоторое время развѣшиваны большіе картоны съ наклеенными на нихъ листами „поученія св. Іоанна Златоуста о сквернословіи“, но и на этотъ разъ успѣхъ, на который надѣялись, очевидно, не оправдалъ ожиданій. Слухъ нашъ и теперь,

какъ было до этого послѣдняго мѣропріятія, еще не отдыхаетъ отъ всенароднаго „сквернословія“ и „криковъ невѣрнымъ нарѣчіемъ“, „наипаче противъ дней, когда бываютъ праздники Господни“; а между тѣмъ выставлявшіяся нѣкоторое время поученія давно уже сняты и убраны и никто не знаетъ, для чего они убраны... Всякъ это изъясняетъ по своему и усматриваетъ въ этомъ какъ бы нѣкій конфузъ, да и конечно они убраны не безъ какой нибудь основательной причины, и всего вѣроятнѣе не иначе, какъ послѣ основательной убѣжденности въ ихъ удивительной, но совершенно полной безвліятельности на мимоходящихъ сквернослововъ. Этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать и нѣкоторыми газетами это было предсказано еще при самомъ разлючинѣ разновѣса. Подобныя вещи имѣютъ своего рода значеніе и успѣхъ въ странахъ, гдѣ народъ уже давно освоенъ съ духомъ ученія христіанскаго, но у насъ, гдѣ на этотъ счетъ совсѣмъ темно, — подобные листы еще не могутъ оказывать своего вліянія. У насъ, какъ говоритъ устами Кулигина А. Н. Островскій, еще „жестокіе, сударь, нравы въ нашемъ городѣ“.

V.

Все это, кажется, достойно какого нибудь вниманія свѣдущихъ людей, а можетъ быть и вообще—вниманія всякаго человѣка, волею-неволею впадающаго въ необходимость поддерживать разговоръ о нашихъ общественныхъ язвахъ,—безъ чего теперь нѣтъ собесѣдованія. Но язвы эти, по справедливому выраженію г. Гилярова, у насъ хотятъ лечить не правильными пріемами медицинской науки, а только одними старинными лекарствами, имѣвшими мѣсто у знахорей... Это не дѣйствуетъ и, какъ въ старину же говорили,—только „загоняетъ болѣзнь внутрь“.

Справка однако же была бы неполна, если бы вопросъ о заботахъ, прилагаемыхъ къ подъему народной нравственности, не былъ мною выставленъ и съ другой стороны, откуда онъ имѣетъ иное освѣщеніе. Есть мѣры въ этомъ направленіи, которыя принесли несомнѣнно хорошіе результаты, вполнѣ способные питать въ дальнѣйшемъ весьма живыя надежды. Но объ этомъ, къ сожалѣнію, почти вовсе не говорятъ и даже какъ будто не желаютъ замѣчать ихъ.

1) Отъ вниманія свѣдущихъ людей по питейному вопросу какъ будто вовсе ускользнуло то замѣчательнѣйшее явленіе, что пьянство у насъ всего менѣе встрѣчается между обитающими въ Россіи иновѣрцами и, наконецъ, вовсе не существуетъ среди сектантовъ евангелическаго толка. Какія есть этому причины, или это „слѣдствіе безъ причины?“ Не достойно ли по этому случаю вникнуть, чѣмъ отличается жизнь этихъ сектантовъ, о которыхъ теперь снова есть возможность имѣть ясное понятіе, благодаря выходу въ свѣтъ новаго изданія, давно считавшагося запрещеннымъ,—сочиненія кiев-

скаго профессора Ореста Новицкаго [1]). Вообще сравнительная нравственная высота и благосостояніе людей въ названныхъ общинахъ обязываетъ, кажется, безъ страха и предубѣжденій вникнуть въ сущность ихъ ученія, воспитавшаго такой трезвый и бодрый духъ, который въ свою очередь въ силахъ былъ выработать мужественные и твердые характеры... Изъ вчерашнихъ лѣнтяевъ и гулякъ явились люди, которымъ вдругъ стала мила жизнь, свободная отъ соблазновъ распутства, и притомъ все это привилось до того крѣпко, что для этихъ людей всякія правила питейной торговли, доставляющей доходъ правительству, одинаково безвредны. По книгѣ проф. Новицкаго, написанной пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и совершенно свободной отъ всякой тенденціи, которой опасаются такіе представители свободы печати съ православной точки зрѣнія, какъ викарій дмитровскій, Амвросій Ключаревъ,—есть полная возможность судить о томъ, что имѣло благотворное вліяніе на нравы „духовныхъ христіанъ".

Не будетъ ли полезно начать дѣло народнаго отрезвленія съ той стороны, гдѣ уже есть очевидные результаты опыта, оказавшаго несомнѣнные успѣхи, тогда какъ въ начинаніи отрезвленія распившейся Руси съ реформы кабаковъ—успѣхъ всегда будетъ сомнителенъ, ибо при всякомъ устройствѣ питейной части у насъ все-таки останутся тѣ же слабовольные и безрелигіозные люди, не питающіе къ пьянству ни стыда, ни омерзѣнія. Не будетъ ли полезнѣе поскорѣе его обучить грамотѣ и научить вѣрѣ христіанской, которая даетъ свой плодъ—христіанскую жизнь.

2) Изъ многихъ дѣлъ военно-суднаго разбирательства по нарушенію субординаціи нижними чинами видно, что подсудимые между прочимъ, считали тяжкою для себя обидою поношеніе ихъ извѣстной площадной бранью, и подъ вліяніемъ этого оскорбленія доходили до неоправдимаго забвенія долга воинской подчиненности. За свою вину они, разумѣется, получали слѣдующую имъ законную кару, но чувствительность солдата въ поношенію площадною бранью, безъ сомнѣнія, есть явленіе новое и само по себѣ не худое, эта чуткость указываетъ на совершившійся въ солдатѣ сравнительный подъемъ, выражающійся въ его нравственномъ чувствѣ. Кто бы какъ на это ни смотрѣлъ, но это явленіе очень характерно и оно показываетъ, конечно, духовный ростъ, а не убыль въ войскѣ, а слѣдовательно и въ народѣ. Но есть еще другое тожественное, только ещё болѣе тонкое обозначеніе того же чувства и при томъ въ той же самой солдатской средѣ, которая есть и среда народная, хотя нѣсколько обособленная и болѣе удобная для извѣстныхъ наблюденій. У старыхъ „сдаточныхъ солдатъ", когда ихъ начали обучать грамотѣ въ „милютинскихъ школахъ", явился свой

---

[1]) Старое изданіе 1832 г., напечатанное въ типографіи Кіево-печерской лавры, давно не было въ продажѣ. Новое изданіе, судя по отчету „Кіевской Старины", гораздо полнѣе стараго.

„любимый писатель",—это былъ Александръ Ѳомичъ Погосскій, человѣкъ очень талантливый и близко знавшій вкусъ и нравы прежняго, „сдаточнаго" солдата. Стараясь попадать въ этотъ народный „скусъ",—Погосскій написалъ множество повѣстей и разсказовъ весьма добрыхъ и даже иногда нравственныхъ по идеѣ, но изложенныхъ обыкновенно въ томъ разухабистомъ тонѣ, который составлялъ главный букетъ забористой шутки и прибаутки солдатскаго склада. Это дало повѣстямъ Погосскаго такую окраску, что министерство народнаго просвѣщенія нашлось вынужденнымъ оградить отъ нихъ библіотеки народныхъ школъ, куда онѣ и не допущены. Но за то солдаты „сдаточной" комплектовки, обучась грамотѣ, всласть зачитывались „Посестрой Танькой", идеальной сельской красавицей, которая представляла такія крайности темперамента и здоровья, что продовольствовала „своею любовью" всю команду, за которою она ходила „неистомная и неуемная". Она всѣхъ объединила и всѣхъ сдѣлала, такимъ образомъ, „побратимами". Сдаточный солдатъ это смаковалъ и реготалъ отъ восхитительной Таньки. (Пушкинъ далъ Татьяну,—Погосскій—Таньку). Такъ же и съ тѣмъ же наслажденіемъ читали новообученные грамотники про „Подосиновиковъ", т. е. про ребятишекъ, которыхъ нарожала солдатка ни вѣсть отъ кого во время службы мужа, а солдату это бывало ничего,—„даже въ удовольствіе", и читателю тоже. Такъ же онъ, этотъ бѣдный новобранецъ литературы, читалъ и другія повѣсти, сложенныя для него въ этомъ же безстыжемъ духѣ и направленіи, и долго, долго никто ни словомъ не обмолвился, что для этого и читать учить не стоило бы. Но наконецъ одинъ изъ наиболѣе живыхъ нашихъ духовныхъ журналовъ—„Православное Обозрѣніе", семь лѣтъ тому назадъ, указало на эту специфическую литературу и выразило свое мнѣніе о такомъ матеріалѣ для чтенія. По правдѣ сказать—все это было очень противно, но за то послужило хорошимъ средствомъ къ провѣркѣ: ростемъ мы, или мàлимся? По свѣдѣніямъ сколько многочисленнымъ, столько же и несомнѣннымъ,—нынѣшніе солдаты, комплектуемые по новымъ правиламъ всеобщей воинской повинности, повѣстей Погосскаго „болѣе не обожаютъ"... Скоромные сюжеты и разухабистый тонъ съ извѣстною „приправою"—претитъ уже нѣсколько смягченнымъ вкусамъ людей, поучившихся въ школахъ съ дѣтства и видѣвшихъ лучшее съ собою обхожденіе, которое съ достоинствомъ вводили и поддерживали офицеры лучшихъ лѣтъ „милютинскаго времени"...

Что же вызвало въ душѣ солдата такую прекрасную перемѣну?

Конечно, во-первыхъ—школа, а во-вторыхъ—та humanoria, надъ которой въ послѣдніе дни беззастѣнчиво и громко смѣется поднимающая голову наглость блаженнаго невѣжества. Оно счастливо тѣмъ, что вмѣсто вѣрныхъ и оправданныхъ средствъ во врачевствѣ недуговъ,—снова можетъ „отъ лихой болѣсти на парàхъ сидѣть".

VI.

Группамъ свѣдущихъ людей не разъ было поставляемо на видъ: кѣмъ и какъ они выдѣлены изъ общественной массы для выраженія своихъ „свѣдущихъ мнѣній?“

Напрасный счетъ и нерезонная претензія! Они пришли на совѣтъ какъ могли, и гораздо хуже сдѣлали бы, если бы не пришли вовсе. Но желательно бы было, чтобы передъ ними ни на минуту не исчезалъ тотъ душевный трепетъ, которымъ выражается жизнь страны, прислушивающейся къ ихъ словамъ и съ болью сердца вопрошающей ихъ: гдѣ же все то, о чемъ они слышали, живя посреди насъ, и о чемъ сами говорили до отшествія своего? Общество недоумѣваетъ: что омрачаетъ порою память „свѣдущихъ“ до того, что они поступаютъ какъ будто несвѣдущіе, и вмѣсто указаній на источники зла, говорятъ о такихъ мѣрахъ къ его исправленію, несостоятельность которыхъ не только очевидна, но даже и многажды доказана.

Въ послѣднее время газеты отмѣчали въ обществѣ новое явленіе— равнодушіе къ трудамъ свѣдущихъ людей, которыми вначалѣ всѣ очень интересовались. Замѣчаніе газетъ вѣрно, и сколько я могу судить по случаямъ, доступнымъ для моей личной наблюдательности, равнодушіе общества къ „свѣдущимъ“ возникло какъ будто послѣ нѣкотораго неудовольствія за обнаружившійся въ портфеляхъ сихъ послѣднихъ недостатокъ хорошихъ справокъ, благодаря чему свѣдущимъ не удалось ни одного вопроса повернуть къ свѣту тою стороною, съ какой на него долженъ смотрѣть здравый умъ, чуждый канцелярской узости.

Пьянство и многіе другіе виды безчинства въ народѣ нашемъ не суть самостоятельныя явленія, а они—только проявленія другой общей и болѣе глубокой болѣзни, противъ которой и должно и можно дѣйствовать тѣмъ легче, что причины ея очевидны и средства—тоже. Поступать иначе, т. е. уничтожать симптомы болѣзни, а не самую болѣзнь—это значитъ поступать по-знахарски,—что ни въ комъ, кромѣ невѣждъ, сочувствія встрѣтить не можетъ. Если это пойдетъ у „свѣдущихъ“ точно такъ же и далѣе, то равнодушіе къ нимъ станетъ полное, и будущій историкъ, отнесясь за справкою для объясненія этого явленія къ протоколамъ „свѣдущихъ“, навѣрное почувствуетъ себя въ возможности сказать—отчего неинтересно стало слѣдить за ними. Но онъ, конечно, ошибется, если станетъ этимъ мѣрять гражданскую зрѣлость русскаго общества, ибо для этого пришлось бы брать совсѣмъ другія справки.

Наши желанія, впрочемъ, идутъ пока не далѣе того, чтобы „свѣдущіе“ обнаруживали по крайней мѣрѣ хотя нѣкоторое знакомство съ тѣми старыми и давно отмѣненными мѣрами, которыя имъ предлагаютъ въ видѣ новостей, подлежащихъ испытанію. Одно простое

напоминаніе объ этомъ, сдѣланное во-время и кстати, какъ одни они имѣютъ возможность сдѣлать, принесло бы немало пользы дѣламъ и послужило бы живымъ доказательствомъ полезности присутствія на совѣтѣ людей дѣйствительно свѣдущихъ. Приходя же безъ справокъ, конечно можно счесть за новость всякое давно оставленное мѣропріятіе, въ родѣ всеобщаго вечерняго ареста по часамъ, вызваниваемымъ какимъ нибудь пономаремъ изъ его церковной сторожки.

Н. Лѣсковъ.

РОССІЯ ПОДЪ ПЕРОМЪ НОВѢЙШИХЪ РЕФОРМАТОРОВЪ [1])

V.

Мы закончимъ наши статьи о новѣйшихъ русскихъ реформаторахъ разборомъ сочиненій: г. Алышевскаго („Что такое истинно-русская государственная программа?“), г. Базили („Бесѣда о конституціи“) и статьи „La situation en Russie“, помѣщенной въ журналѣ г-жи Аданъ (въ Revue Nouvelle, въ № 2-мъ) однимъ изъ ея русскихъ друзей.

Въ сущности, всѣ поименованныя лица, выступающія съ претензіями свѣдущихъ людей, напоминаютъ собою скорѣе нѣкоторые типы изъ „Писемъ къ тетенькѣ“ Щедрина, нежели реформаторовъ. Но необходимость заставляетъ насъ говорить о нихъ и посвящать имъ цѣлую статью. Другъ г-жи Аданъ увѣряетъ, что его мнѣнія — суть мнѣнія цѣлой группы русскихъ государственныхъ людей, близко стоящихъ въ настоящее время къ браздамъ правленія. Нужно же знать: что это за мнѣнія и дѣйствительно ли они выражаютъ собою мнѣнія цѣлой группы „государственныхъ“ людей, или просто профановъ? Кромѣ того, статья „О положеніи дѣлъ въ Россіи“ печатается въ весьма популярномъ и распространенномъ французскомъ журналѣ и имѣетъ въ виду знакомить Францію съ современной Россіей. Надо же знать, съ какой стороны насъ рекомендуютъ.

Изъ коротенькаго предисловія, которое г. Базили сдѣлалъ въ своей брошюрѣ, также видно, что онъ стоялъ или стоитъ близко къ „государственнымъ людямъ“. Онъ самъ о себѣ заявляетъ: „излагаемые мною историческіе и политическіе факты, и мысли почерпнутыя изъ личнаго наблюденія въ дипломатической моей службѣ и въ земской моей дѣятельности, послужатъ—не скажу къ рѣшенію какой либо изъ

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VIII, стр. 403.

насущныхъ задачъ злобы дня интеллигентнаго общества нашего, но къ проведенію нѣкотораго свѣта въ самую среду предразсудковъ и увлеченій, гдѣ зарождаются эти задачи". Что касается г. Алышевскаго, то изъ его брошюры не видно, какой его собственный формулярный списокъ, но если другъ г-жи Аданъ и г. Базили считаютъ себя государственными людьми, то мы не видимъ причины отказывать въ этомъ титулѣ и господину Алышевскому. Впрочемъ, онъ не нуждается ни въ чьемъ соизволеніи: онъ самъ произвелъ себя въ „государственные мужи" и рекомендуетъ правительству и обществу „истинно-русскую государственную программу".

Что же собственно характеризуетъ этихъ господъ, помимо ихъ служебнаго поприща? Что соприкасаетъ ихъ съ нашей „національной партіей" и что разъединяетъ ихъ отъ западниковъ?

Прежде всего, въ ихъ статьяхъ и брошюрахъ видно одно и то же группированіе „государственныхъ" мыслей, которое характеризуетъ и славянофильскую партію, именно: 1) какъ тѣ, такъ и другіе тщательно стараются доказать, что русская нація—особенная; 2) что, въ силу этого, соприкосновеніе съ Европою было всегда для русской націи губительно, и въ 3-хъ) что наше исцѣленіе заключается въ томъ-то и томъ, ничего не имѣющемъ общаго съ европейскими порядками и европейскими преобразованіями.

Развить эти положенія научно, т. е. доказать, что они вытекаютъ изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы (изъ психологіи) и провѣрить это наблюденіемъ и опытомъ (изъ исторіи), славянофилы никогда не могли. Поэтому въ ихъ аргументаціи масса безсодержательныхъ словъ и терминовъ,—цѣлый рядъ посылокъ, требующихъ доказательствъ, прежде чѣмъ дѣлать изъ нихъ выводы, и, наконецъ, въ аргументаціи ихъ установились такія произвольныя положенія, которыя западники либо никогда не отстаивали, либо никогда не защищали.

Другъ г-жи Аданъ, гг. Алышевскій и Базили заражены всѣми этими видами заблужденій. Они, прежде всего, считаютъ Россію—„за міръ невѣдомый не только иностранцу, но даже просвѣщеннѣйшимъ изъ русскихъ". И это не потому, что у насъ вообще мало настоящихъ свѣдущихъ людей, но сама „природа" русскаго человѣка полна „таинственныхъ глыбъ", неподдающихся изслѣдованію и опредѣленію. „Національныя чувства", „національные нравы", „національныя традиціи", „національная политика", „русское сознаніе" „національная почва"—все это слова, о которыхъ рѣшительно не знаешь, что̀ думать. Между тѣмъ, этими словами испещрена статья „О положеніи дѣлъ въ Россіи". Г. Базили этимъ словамъ придаетъ значеніе „духовныхъ началъ", разрушеніе которыхъ создаетъ нигилизмъ. Въ другомъ мѣстѣ самыя эти „духовныя начала" онъ переводитъ фразой: „принципъ власти, присущій Россіи". Г. Алышевскій еще мечтательнѣе, еще болѣе мистически объясняетъ все тѣ же „слова". Онъ говоритъ, что голосъ русскаго на-

рода долженъ быть понятъ „и умомъ, и изученіемъ, и болѣе всего—нашимъ чувствомъ". „Русской интеллигенціи прозрѣвать и воспринимать инстинктомъ пути народной жизни—обязательно болѣе, чѣмъ какой другой, потому что на ея рукахъ и попеченіи многомилліонный дитя-народъ, не много мыслящій, но много хранящій въ себѣ залежей наивнаго и трудно-уловимаго, но добраго чувства: понять и отгадать хотѣнія этого народа, изучить его нужды и стремленія—нельзя умомъ и холоднымъ анализомъ опытнаго и ученаго только разума. Непосредственно наивной, мистически-инстинктивной и самоувѣренной философіи намъ и недостаетъ въ нашихъ ежечасныхъ, но покуда безплодныхъ поискахъ за разрѣшеніемъ задачи: что дѣлать на Руси?.. А между тѣмъ, отвѣтъ такой давно лежитъ готовымъ внутри насъ же самихъ. Извѣрившись слишкомъ въ творящую силу человѣческаго духа, мы требуемъ знаній, опыта и наблюденій, науки и знакомства съ жизнью, забывая или не желая признать и согласиться, что жизнь отъ насъ убѣгаетъ именно потому, что мы, въ своемъ излишнемъ поклоненіи рутинерскому доктринерству, ловимъ и усвоиваемъ обстоятельно только верхи жизни, или наносныя ея пятна, но сути-то самой вещей разгадать не умѣемъ и не можемъ. И это безплодное накапливаніе жизненныхъ фактовъ, это жизненное, такъ сказать, буквоѣдство и педантическая, безплодная ученость будутъ тяготить и истощать наши силы до тѣхъ поръ, пока не возстановятся права человѣческаго духа столько же, сколько теперь властвуетъ доктрина, реальность и позитивный, безчувственно-черствый разумъ—анализаторъ только, но не строитель жизни. Правда, настоящая правда, прежде всего—въ нашихъ собственныхъ сердцахъ, а потомъ—въ жизни найдется; вѣра теперь нужна въ наши внутреннія силы—прежде всего и больше всего; идеалы нужны необходимо, но изъ насъ же взятые, въ насъ уже заложенные, а потомъ—придутъ, уже само собою, и силы внѣшнія, и опытъ, и знаніе всѣхъ подробностей жизни и нашей будущей исторіи... Россіи нужна — сейчасъ и прежде всего — философская программа, нужно правдивое и трезвое государственное міровоззрѣніе такое, каково оно должно быть, какъ теперь уже есть и теплится въ нашихъ добрыхъ и отзывчивыхъ душахъ. Требуются тѣ идеалы, которые всякій знаетъ и чувствуетъ, если захочетъ чувствовать и искренно, въ собственной душѣ—или мы ихъ никогда не выработаемъ, сколько бы ни смотрѣли и въ книги, и въ самую жизнь нашу, „на Западъ и Востокъ"... Неправда ли, какъ драгоцѣнна эта шумиха словъ и фразъ? Какъ плохо она прикрываетъ отсутствіе у людей знанія того предмета, который они взялись судить и рядить!

Впрочемъ, никто изъ славянофиловъ ничего другаго, кромѣ фразъ, и не придумалъ для опредѣленія особенностей русской націи. Между тѣмъ, эта нація, несомнѣнно, имѣетъ свои типичныя черты. Щаповъ, Костомаровъ не разъ указывали ихъ въ своихъ произведеніяхъ и

этими особенностями, какъ органическими, такъ и соціально-педагогическими, объясняли развитіе русскаго народа: его отсталость отъ Европы, необходимость для него догнать ее, избѣгая ея ошибокъ, чтобъ потомъ вмѣстѣ, рука объ руку, идти къ общечеловѣческому идеалу! Но тактика славянофиловъ, особенно послѣдней формаціи, напоминаетъ тактику Щедринскаго Ноздрева: „по всякому вопросу непремѣнно писать статью, но не за тѣмъ, чтобъ выяснить самую сущность вопроса, а единственно ради того, чтобы высказать по новоду его „русскую точку зрѣнія". Мы видѣли, сколь не научна была эта „русская точка зрѣнія" у славянофиловъ при опредѣленіи разныхъ „національныхъ традицій", „національныхъ привычекъ", „національныхъ духовныхъ началъ" и т. п. Прослѣдимъ теперь эту же самую точку зрѣнія по другимъ вопросамъ русской жизни, затронутымъ другомъ г-жи Аданъ и гг. Алышевскимъ и Базили.

Другъ г-жи Аданъ твердитъ о насильственномъ привитіи русскимъ людямъ „совершенно чуждой ихъ натурѣ цивилизаціи и ложной европейской образованности". Правда, что европейскую цивилизацію съ ея служилымъ сословіемъ и полнымъ забвеніемъ о народѣ, можетъ быть, и возможно выслѣдить во всемъ томъ, что творилъ Петръ Великій; но развѣ Петръ I-й исчерпалъ всѣ функціи европейской жизни? Развѣ его вина, что потомки преобразователя не шли далѣе, не привили къ русской жизни другихъ, болѣе благодѣтельныхъ сторонъ европейской жизни? Можно ли поэтому утверждать, что „въ настоящее время въ Россіи происходитъ реакція противъ этого геніальнаго человѣкъ", т. е. вообще противъ западной, европейской жизни, какъ утверждаетъ государственный другъ г-жи Аданъ? Въ лучшихъ людяхъ происходитъ реакція, но реакція противъ застоя и нежеланія идти тѣмъ путемъ, которымъ должны идти младшія страны за опередившими ихъ. Другъ г-жи Аданъ самъ признаетъ этотъ путь естественнымъ и необходимымъ: „Россія, говоритъ онъ, восприняла цивилизацію отъ народовъ, ее опередившихъ, подобно тому, какъ Европа получила свою цивилизацію отъ грековъ и римлянъ". Если до сихъ поръ это воспріятіе было болѣе въ интересахъ бюрократіи, автократіи и всего менѣе для народа и интеллигенціи, то неужели Европа исчерпывается первымъ, а не вторымъ? Мы видимъ теперь именно то, что первый престижъ тамъ увядаетъ, на смѣну ему идетъ другой, и если исторія учитъ избѣгать ошибокъ, то почему намъ неслѣдовать за послѣднимъ словомъ европейской жизни? Если найдутся основанія противъ этого, то ихъ слѣдуетъ взять во вниманіе. Но тò, что говорятъ поименованные нами реформаторы, есть ничто иное, какъ славянофильская голословность. Противъ нея-то мы и возстаемъ.

Невольно изумляешься, когда читаешь такія вещи: „Утонченность" была принята за европейскую цивилизацію. „Ходъ идей нельзя остановить... идеи вѣка проникли въ Россію и создали реакцію противъ стѣснительнаго режима автократіи. Крымская война и реформы

Александра II еще болѣе познакомили Россію съ Западомъ, со вкусомъ западной политики. Едва вѣковое бремя, тяготѣвшее надъ обществомъ, было снято, какъ пружина распаталась съ неудержимой силой. Соприкосновеніе съ иностранной цивилизаціей—при отсутствіи истинной національной цивилизаціи—вызвало то, что всегда происходитъ при соприкосновеніи дѣвственныхъ и примитивныхъ тѣлъ съ тѣлами, зараженными ядомъ наслѣдственнымъ и хронически дѣйствующимъ. Что переносится вторыми, то среди первыхъ производитъ смертельныя опустошенія. А піонеры „новой Россіи" восприняли не продуктъ опыта, науки, упорнаго труда сотни поколѣній,—тутъ бы они нашли много хорошаго рядомъ со многимъ дурнымъ. Нѣтъ, они быстро вдались въ крайности. Таково уже свойство юности, что она нейдетъ на сдѣлки и компромиссы, свойственные зрѣлому возрасту. Что для западныхъ обществъ являлось вершающимъ дѣло пунктомъ, конечною цѣлью, то для піонеровъ „новой Россіи" стало достигнутымъ результатомъ и исходнымъ пунктомъ. Они бросились прямо въ соціализмъ и, передѣлавъ его па русскій манеръ, сдѣлали изъ него нигилизмъ. Лже-цивилизаціи иностранной, изысканно извращенной, которую правительство насадило въ высшихъ классахъ, низшіе классы отвѣчали другимъ, вывезеннымъ изъ-за границы, продуктомъ: западной проказой радикализма, коммунизма, соціализма и интернаціоналя. Это было логично".

Что за несчастная, подумаешь, страна Европа: каждое прикосновеніе къ ней дѣвственныхъ странъ порождаетъ въ послѣднихъ либо канцеляризмъ, либо соціализмъ! Желательно было бы спросить, кто же въ этомъ виноватъ: Европа, или тѣ, которые соприкасалась съ нею, которые руководили этимъ соприкосновеніемъ? Если бъ другъ г-жи Аданъ заглянулъ въ русскую исторію, онъ увидалъ бы, что виноваты мы сами, русскіе, тѣмъ, что брали изъ Европы либо одно дурное, либо искаженное хорошее. Послѣдствіемъ естественно явилось недовольство на себя и на Европу.

Гг. Базили и Алышевскій, конечно, также (какъ и другъ г-жи Аданъ) смотрятъ косо на сближеніе Россіи съ Европою. Въ ихъ рѣчахъ также нѣтъ доказательствъ и провѣрки выводовъ исторіей или психологіей человѣка. Они не страшатся ни раціонализма, ни нѣмцевъ, ни жидовъ, ни іезуитовъ; но все же, по ихъ мнѣнію, намъ слѣдуетъ держаться подальше отъ Европы. Чѣмъ лучше будетъ въ ней, тѣмъ намъ хуже: она тогда, безъ сомнѣнія, плѣнитъ и обольститъ насъ. А противъ этого возставалъ самъ Моисей въ X-й заповѣди. Европа насъ можетъ прельстить конституціонализмомъ, автономіей областей и т. п., между тѣмъ, у насъ есть свой, отечественный путь, исторически выработанный, и его-то г. Базили рисуетъ слѣдующимъ образомъ.

Ни въ древней, ни въ новой Россіи, народъ нашъ не боролся со властью за свои права. На Западѣ было иначе, и потому тамъ ко-

рона должна была вступить въ договоръ съ подданными и тѣмъ создать систему конституціоннаго государства. „Съ первыхъ дней политическаго существованія Россіи,—говоритъ г. Базили,—княжеская, царская и императорская власть пребываетъ въ неразрывной связи съ народомъ. Изъ вѣка въ вѣкъ крѣпнетъ въ народѣ вѣра въ законность и святость, въ охранительную силу самодержавія, всегда чуткаго къ нуждамъ народнымъ и знаменіямъ времени".—Но частыя столкновенія съ Европою породили въ русскихъ людяхъ превратныя толкованія о томъ, что правительство наше могло бы болѣе дѣлать, чѣмъ это есть,—могло бы всегда быть на буксирѣ прогрессивныхъ идей, проникающихъ въ общество, и потому русское правительство безъ содѣйствія общества скоро совсѣмъ закоченѣетъ на одномъ мѣстѣ и тѣмъ вызываетъ необходимость подражать европейцамъ, которые, въ этихъ случаяхъ, выразивъ правительству свое недовѣріе, обязываютъ его тѣмъ или другимъ формальнымъ договоромъ къ принятію реформъ". Г. Базили укоряетъ объевропеившихся русскихъ въ томъ, что они забываютъ разноплеменности, изъ которыхъ состоитъ Россія, если домогаются обязать самодержавную власть выслушивать мнѣнія представителей этихъ разноплеменностей и даже подчиняться имъ. На какомъ языкѣ будутъ объясняться эти представители и какъ представители Бессарабіи и Грузіи поймутъ нужды Поволжья—и обратно? Всероссійскій парламентъ не можетъ быть, а парламенты незначительныхъ географическихъ районовъ не стоитъ заводить, и главнымъ образомъ потому, что тогда огромная русская имперія распадется. А между тѣмъ, наша сила въ центро-стремительномъ собираніи императорской Руси. Впрочемъ, г. Базили добродушно относится къ этому европеизму, къ этимъ „превратнымъ толкованіямъ и иллюзіямъ"—во-первыхъ, потому добродушно, что свои собственныя—непревратныя—толкованія онъ нисколько не доказываетъ; во вторыхъ, онъ мирится вдругъ и съ конституціонализмомъ, и даже съ нигилизмомъ: „въ физическомъ мірѣ, говоритъ онъ,—здоровые организмы сами изъ себя изгоняютъ извѣстную долю вредныхъ элементовъ. То же дѣлаетъ и здоровый духовный организмъ русскаго народа". Наше тѣло выдѣляетъ мокроту, потъ, или что другое, но отъ этого оно не страдаетъ; точно такъ-же и политическій организмъ выдѣляетъ, привитой ему Европою, конституціонализмъ, соціализмъ—и все такое, но онъ отъ этого нисколько не страдаетъ, и приходить въ ужасъ отъ Европы—просто ребячество.

Какъ ни потѣшна такая аргументація и такія аналогіи между органическимъ міромъ и политическимъ, но только ими г. Базили и могъ выразить свои убѣжденія.

Мы видѣли, какъ неопредѣленны всѣ представленія новѣйшихъ славянофиловъ объ особенностяхъ русской націи; видѣли также, какъ ложны и смѣшны всѣ ихъ опасенія отъ дальнѣйшаго нашего сближенія съ Европою. Что же предлагаютъ они намъ въ исцѣленіе?

Авторъ „Положенія дѣлъ въ Россіи“ говоритъ: „Настала пора отыскать серьезное средство къ излѣченію. На нашъ взглядъ есть только одно такое средство: сознать, что мы расплачиваемся за ошибки нашихъ отцовъ, которые удалились отъ національнаго духа, и рѣшительно, непостыдно возвратиться вспять, къ тому пункту, когда русское общество находилось на хорошей дорогѣ, закалиться въ національномъ чувствѣ, въ національныхъ нравахъ, въ національныхъ традиціяхъ, не для того, чтобы заплѣснѣвѣть въ этомъ и не идти впередъ, но чтобъ найти здѣсь исходный пунктъ русской цивилизаціи, русскаго прогресса“. Чтобъ стать на національной почвѣ, авторъ, послѣ многихъ противорѣчій самому себѣ, взываетъ къ высшимъ классамъ и рекомендуетъ имъ что-то похожее на „сліяніе“ съ народомъ. „Теперь, говоритъ онъ, надъ всѣмъ міромъ царитъ духъ демократизма; важно различать два вида демократіи: одинъ стремится все, что имѣется вверху, низвести на самую низшую ступень соціальной лѣстницы. Другой, напротивъ, стремится все, что находится внизу, возвести до высшаго уровня. Мы думаемъ, что первая демократія—лучшая. Поэтому надо, чтобы высшіе классы, располагая досугомъ для обогащенія своего ума и усовершенствованія своихъ нравовъ, представляли бы низшимъ классамъ образчикъ лучшаго существованія, имъ доступнаго, которое они могли уразумѣть и которому они подражали бы, но не издалека только“. Вслѣдъ за этимъ рекомендуется, для уврачеванія нашихъ язвъ и недуговъ, перенесеніе столицы изъ Петербурга въ Москву. „Извѣстно, что Петербургъ есть живое воплощеніе политической системы, которая повела къ западничеству въ русскомъ обществѣ, тогда какъ Москва—живое воплощеніе національной идеи. Не менѣе извѣстно, что съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, морскія нужды, побудившія великаго государя основать Петербургъ, болѣе уже не существуютъ. Сверхъ того, Петръ I не предвидѣлъ несовмѣстимость климата Петербурга съ условіями новѣйшей цивилизаціи,—это болото дѣлаетъ невозможной ассенизацію, необходимую въ главныхъ пунктахъ населенія; эти канавы безъ стока превращаются неизбѣжно въ гнѣздилища заразы. Онъ не предвидѣлъ, что эпидеміи, возникающія отсюда, сдѣлаютъ то, что столичное населеніе въ 44 года совершенно вымерло бы, если бы не было новаго наплыва изъ внутренней Россіи. Онъ не предвидѣлъ, что эта атмосфера замедляетъ самое развитіе промышленности, ибо бѣдный рабочій чахнетъ здѣсь въ нищетѣ, въ безпорядочномъ образѣ жизни и болѣзняхъ; что высшіе классы, которые вызваны имъ здѣсь къ жизни насильственно, испытываютъ на себѣ это гибельное вліяніе и вырождаются изъ поколѣнія въ поколѣніе до такой степени, что лучшія имена аристократіи исчезаютъ изъ общества. Онъ не предвидѣлъ, что средніе и низшіе классы деморализуются въ свою очередь въ этой средѣ, заражаются морально и матеріально; что лишеніе и испытаніе бѣдности должны сдѣлаться невыносимыми и что, вмѣстѣ съ скрофулёз-

ными болѣзнями и анеміей, они создаютъ среду, благопріятную для чудовищныхъ дѣяній нигилизма. Онъ, наконецъ, не предвидѣлъ, что народности эстская, финская, польская, еврейская и др., устремляясь въ этотъ космополитическій центръ, привлеченныя его ложнымъ блескомъ, искореняютъ элементъ русскій и вносятъ сюда зародыши международной деморализаціи, безусловно враждебные генію русской націи".

Мысль о перенесеніи столицы была одно время весьма серьезно обсуждаема въ нашей прессѣ, причемъ большинство органовъ печати высказалось противъ перенесенія. Доказательства сторонниковъ Петербурга были настолько основательны, что намъ нѣтъ надобности повторять все это здѣсь.

Вслѣдъ за перенесеніемъ столицы въ Москву, другъ г-жи Аданъ продолжаетъ развивать свой государственный проектъ и увѣрять, что намъ слѣдуетъ окончательно отрѣшиться отъ жажды западническихъ порядковъ. „Конституціонная система, говоритъ онъ, затаскана и дискредитована даже въ такихъ странахъ, какъ Англія, гдѣ она пустила глубокіе корни. Не далеко то время, когда западныя націи будутъ принуждены подвергнуть пересмотру такъ называемыя либеральныя доктрины, которыя имѣли значеніе лишь въ то время, когда была надобность ограничить верховную власть въ пользу извѣстныхъ классовъ общества. Теперь все это затаскано, и очевидно, что крошеніе партій, за которыми скрывается интересъ или личное самолюбіе, до такой степени запутало парламентскую машину, что чтеніе парализуетъ производительную силу. Нѣтъ! Россія создана самодержавіемъ, она можетъ существовать только при этой формѣ правленія. Имперіи сохраняются тѣми же средствами, какія создали ихъ. Кромѣ царя—нѣтъ иной связи между Варшавой и Иркутскомъ, Гельсингфорсомъ и Тифлисомъ, Кіевомъ и Ташкентомъ. Стоя выше всѣхъ различій, рассовыхъ, религіозныхъ и партіозныхъ, онъ ихъ естественный объединитель, онъ—въ одно и то же время представитель большинства и покровитель меньшинства. Онъ достигаетъ того, чего тщетно домогаются на Западѣ въ миражѣ революцій—устойчивости въ прогрессѣ. Но въ настоящее время царь долженъ окружить себя другими учрежденіями и опираться на иныя основанія". Эти иныя основанія, по мнѣнію друга г-жи Аданъ,—есть развитіе земскаго дѣла, его независимость и совѣщаніе царя съ представителями отъ земствъ, пославшихъ ихъ. Рецептъ этотъ прописывается также и господами Базили и Алышевскимъ. Съ послѣднимъ можно познакомиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ въ предлагаемыхъ имъ мѣрахъ есть мысли, на которыхъ могли бы сойтись и націоналисты, и западники.

Первый пунктъ своей программы онъ называетъ „земельнымъ"— собираніе земли, второй—„земскимъ", собираніе дѣла и для него русскихъ людей, третій—„государственно-архитектурнымъ", „политико-организаторскимъ". Сущность земельнаго вопроса разрѣшается г. Алы-

шевскимъ такъ: „Если русскій мужикъ шатается и голодаетъ по городамъ и весямъ подъ фирмою „рабочаго“, то это только временный безпорядокъ: такого голоднаго и невольно добровольнаго самозванца слѣдуетъ только для водворенія порядка обратить вспять, надѣливъ, сколько требуется, землей. Если русскій купецъ начинаетъ проявлять кулачество или рядится въ буржуа, для процвѣтанія яко бы благодѣтельной отечественной мануфактуры и промышленности, то его слѣдуетъ только не баловать ни закономъ, ни щедростью казны,— и нашъ кулакъ или буржуа либо исчезнетъ съ лица земли, или приметъ другую, болѣе для него подходящую и для нашего государства полезную личину: такова сила добраго закона и такъ цѣлительна будетъ въ этомъ случаѣ скупость и бережливая замкнутость казеннаго сундука, неподатливаго на разныя „субсидіи“, „покровительственные тарифы“, „концессіи“ и т. п. привиллегіи и казенныя милости и подачки, поощряющія, какъ извѣстно, не полезную промышленность, а міроѣдскіе и буржуазные аппетиты“. Наше несчастіе по отношенію къ землѣ въ томъ, говоритъ г. Алышевскій, что помѣщичья земя переходитъ не въ руки крестьянъ-земледѣльцевъ, а въ руки кулаковъ и купцовъ; надо измѣнить эту смѣну собственниковъ земли. Государство обязано сдѣлать Разуваевымъ и Колупаевымъ конкурренцію, ускорить реализацію помѣщичьяго оскудѣнія, явившись само покупщикомъ земли, чтобъ впослѣдствіи, путемъ выкупа, передать эту землю мужику-земледѣльцу. Помѣщику г. Алышевскій совѣтуетъ бросить скорѣе землю и заняться чѣмъ нибудь другимъ: кормиться въ Россіи отъ земли безъ труда собственнаго невозможно,—недостаетъ для этого фермерскаго и земледѣльческаго пролетарія. „Государство должно облегчить помѣщику избраніе имъ новаго подвига служенія родному народу въ рядахъ интеллигенціи. Помѣщичье наслѣдіе (земля), и такъ уже выбиваемое изъ рукъ помѣщика самою жизнью, должно перейти свободно, разумно и добровольно-мудро въ руки новыхъ владѣльцевъ, болѣе искусныхъ имъ управлять. Такимъ наслѣдникомъ помѣщичьей земли называетъ сама русская жизнь только земледѣльца. Настала пора подумать о средствахъ не давать воздвигаться на развалинахъ традиціоннаго помѣщичьяго наслѣдія буржуазному и кулаческому, хищническому хозяйничанью землей“. Для этого, какъ сказано, г. Алышевскимъ рекомендуется выкупъ земли у помѣщиковъ государствомъ такъ же, какъ прежде былъ выкупъ у нихъ крестьянскихъ душъ. Теперь настало время выкупить крестьянскую землю. Для такого дѣла, разумѣется, необходимы люди,—земскіе, умѣющіе разрѣшить аграрную задачу. Къ земскому вопросу г. Алышевскій подходитъ также, что называется, вплотную.

„Годится ли для такого великаго и труднаго дѣла, спрашиваетъ онъ,—наше старое поколѣніе людей опытныхъ, авторитетныхъ, даже умудренныхъ знаніемъ и ученостью, но людей—давно воспитанныхъ, взросшихъ въ тѣхъ фальшивыхъ традиціяхъ, которыя причинили

столько бѣдъ Россіи, и которыя само государство наше осудило и отбросило уже прежде, въ годину незабвенныхъ реформъ и теперь обязано вырвать изъ жизни вонъ съ корнемъ?" Вопросъ этотъ такъ рѣшенъ у него: „Старому интеллигентному поколѣнію даже не нужно оказывать теперь довѣрія, потому что оно и пользовалось имъ неуспѣшно до сей поры, и само не надѣется—по крайней мѣрѣ, въ убѣжденіи лучшихъ его представителей,—оправдать это довѣріе, какъ слѣдуетъ, въ новомъ, предстоящемъ теперь дѣлѣ Россіи. А молодому образованному поколѣнію и простому народу — ужасно необходимо дать вѣру и заправское русское дѣло, потому что это дѣло должно хорошо дѣлаться, и потому этотъ простой народъ и эта образованная молодежь вполнѣ заслуживаютъ всякаго довѣрія. Молодежь теперь грѣшитъ заблужденіями и даже враждою къ государству, но это не отъ того, что таковъ испорченный тлетворными ученіями и заразой характеръ этого русскаго молодаго общества, а—яснѣе солнца, оттого, что мы сами дискредитировались своей безпутностью и непрограмностью, и тѣмъ самымъ—оттолкнули отъ себя всё молодое и свѣжее, по самой уже своей природѣ нетерпящее компромиссовъ правды съ фальшью, дѣла—съ словомъ, или — ребячески-близорукаго полудѣла. Молодость ищетъ правды жизни и идеаловъ, ищетъ живаго, настоящаго и свѣтлаго дѣла, и жаждетъ привязанностей и заслуженнаго уваженія. А мы на каждомъ шагу творимъ ошибку за ошибкой,—и сердимся, когда насъ, заслуженно, за это критикуютъ. Сами не дѣлаемъ никакого дѣла, или занимаемся отвратительными пустяками, а когда сама жизнь нарушитъ нашъ покой или пошлое бездѣлье, и ужаснетъ своими язвами и бѣдами, вкравшимися въ жизнь по нашему неумѣнью и бездѣлью,—мы сваливаемъ вину съ больной головы на здоровую, во всемъ винимъ нашихъ, яко бы недружелюбныхъ, критиковъ — сѣятелей смуты и бѣдъ".

Такимъ образомъ, люди для „русскаго, земскаго дѣла" найдены. Надо ихъ организовать и пристроить къ государственнымъ учрежденіямъ. Г. Алышевскій, настаивая на усиленномъ государственномъ контролѣ за порядками, требуетъ на ряду съ этимъ не одного прокурорскаго надзора. Контроль государственной жизни, главнымъ образомъ, зиждется въ гласности, въ свободѣ слова и критики, въ подсудности исполнителей закона, въ безпрепятственномъ развитіи и вліяніи общественнаго мнѣнія на государственную жизнь.

Заканчивая наши статьи, мы предоставляемъ самому читателю судить, насколько наши новѣйшіе реформаторы понимаютъ государственные вопросы и насколько основательны тѣ мѣры, которыя они предлагаютъ для спасенія отечества?

А. И. Фаресовъ.

НАРКИЗЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ЧУПИНЪ.

(Некрологъ).

Давно признано за непреложную истину, что умнымъ, хорошимъ людямъ не везетъ на Руси: не весела ихъ жизнь и очень не долга. Глядишь—и умеръ талантливый человѣкъ, какъ разъ въ то время, когда ему жить бы, да жить, работать и работать. Можно сдѣлать еще другое, не менѣе печальное замѣчаніе: чѣмъ талантливѣе человѣкъ, чѣмъ онъ скромнѣе, добросовѣстнѣе, чѣмъ болѣе приближается къ идеалу человѣка, тѣмъ менѣе у насъ его знаютъ, тѣмъ менѣе интересуются его личностью. Намъ нужна вывѣска, нужно, чтобы человѣкъ умѣлъ выставлять напоказъ свои добродѣтели, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуется, чтобы выставлялъ умѣло, ловко, не нагло, съ оглядкой. Чѣмъ бо̀льшимъ искусствомъ обладаетъ въ этомъ отношеніи согражданинъ, тѣмъ бо̀льшаго вниманія заслуживаетъ со стороны общества. Въ подобномъ искусствѣ заставлять говорить о себѣ у насъ имѣются великіе художники, просто артисты. Примѣровъ много, но—nomina sunt odiosa, и мы не тронемъ примѣровъ. Скажемъ только, что всякій мыслящій честно, умѣющій наблюдать явленія вокругъ него совершающіяся, согласится съ справедливостью высказаннаго нами замѣчанія.

Быть однимъ, казаться другимъ—способность, получившая особенное развитіе, особенную силу въ нашемъ обществѣ.

12-го апрѣля настоящаго года, скончался на Уралѣ, въ Екатеринбургѣ, Наркизъ Константиновичъ Чупинъ, инспекторъ горнаго уральскаго училища. Мы не говоримъ уже про общество, но многіе ли изъ присяжныхъ литераторовъ и вообще людей науки слышали о немъ? А между тѣмъ, этотъ человѣкъ въ высшей степени замѣчате-

ленъ, какъ ученый и какъ человѣкъ. Плодами его научной дѣятельности остались труды, которые будутъ жить въ далекомъ будущемъ и для которыхъ лучшій судья—время. Какъ человѣкъ, покойный Чупинъ представляется самой свѣтлой личностью, обладавшей величайшей скромностью, можно сказать, дѣтскимъ непониманіемъ своихъ заслугъ на поприщѣ науки, своего значенія въ интеллигентномъ мірѣ. Вотъ причина, скрывшая его значеніе отъ общества, какъ ученаго. Читатель припомнитъ выше высказанный нами взглядъ на оцѣнку обществомъ людей, неспособныхъ артистически рисоваться своими достоинствами.

Въ 1850 г. я прибылъ на Уралъ, свою родину, по окончаніи курса въ университетѣ, съ тѣмъ, чтобы опредѣлиться на службу. Въ числѣ семи человѣкъ бывшихъ студентовъ петербургскаго и казанскаго университетовъ, уже служившихъ въ Екатеринбургѣ, я встрѣтилъ и Нарциза Константиновича. Время было крѣпко трудное, для нашего брата тяжелое. Во главѣ управленія на Уралѣ стоялъ артиллерійскій генералъ Г...., человѣкъ жесткій, военная косточка стараго закала, мало образованный и очень недалекій. Чиновники творили съ нимъ все, что хотѣли, даже, какъ гласила молва, показывали одинъ томъ свода законовъ вмѣсто другого. Въ то время на все существовала такса и никакихъ лишнихъ разговоровъ не допускалось. Золотопромышленники и управляющіе заводами знали свои обязанности отлично: являлись въ извѣстное, разъ навсегда опредѣленное время, и подносили, смотря по положенію и значенію чиновника, барашка въ бумажкѣ. Въ экстраординарныхъ случаяхъ, конечно, выступалъ на сцену особый разсчетъ. Словомъ, время было хорошее, покойное; никакихъ изобличеній или преслѣдованій за казнокрадство не было и въ поминѣ; газетчики также молчали. Нужно, бывало, заводчику показать, что у него лѣсовъ совершенно не имѣется—получитъ планъ, что дѣйствительно не имѣется; потребуется жечь больше угля, чѣмъ опредѣлено для завода—выдадутъ планъ, что лѣсовъ непочатый край. Подчасъ управляющіе и наказывали не исполнительныхъ чиновниковъ: возьмутъ и прекратятъ положеніе, какъ обыкновенно на мѣстномъ языкѣ назывался упомянутый постоянный гонораръ чиновникамъ. Наказаніе полагалось на время, смотря по винѣ. Мѣра эта дѣйствовала отлично. Генералъ былъ совершенно чистъ отъ всѣхъ подачекъ и никакихъ барашковъ въ бумажкахъ не получалъ, но зато кругомъ работали въ обѣ руки, ни малѣйшимъ образомъ не думая о генеральскомъ гнѣвѣ, ибо генералъ, какъ малое дитя, творилъ не свою волю, а волю чиновниковъ, которые, напримѣръ, безъ малѣйшаго стѣсненія докладывали ему, при ревизіи завода, что заводская крыша не проржавѣла, а нарочно устроена съ дырами, чтобы желѣзо принимало лучшій цвѣтъ, или окислялось, какъ они выражались, для пущей важности—технически. Съ такимъ начальствомъ, значитъ, нечего было оглядываться, творя различныя безобразія. Все новое, свѣжее составляло

для генерала явленіе ненавистное. Про Гоголя онъ выражался слѣдующимъ образомъ: „щелкоперъ, который чуть платковъ не таскалъ изъ кармана". На одномъ экзаменѣ урядниковъ, выслужившихъ сроки на полученіе перваго классного чина, покойный Чупинъ, руководившій ходомъ всего экзамена, продиктовалъ для грамматическаго разбора какое-то мѣсто изъ „Мертвыхъ душъ", въ которомъ упоминалось имя Чичиковъ.

Какъ теперь вижу страшно-сердитый взглядъ генерала, устремленный на доску. „Какъ, Чичиковъ? закричалъ онъ.—Это значитъ Гоголь, щелкоперъ! Какъ не стыдно тебѣ, Наркизъ Константиновичъ? Почтенный ты человѣкъ, а диктуешь на казенномъ экзаменѣ такую мерзость! Никогда тебѣ не забуду этого. Сейчасъ стереть съ доски! Продиктуй что нибудь изъ сочиненій многоуважаемаго Василія Андреевича Жуковскаго".

Живой стоитъ предо мной и Наркизъ Константиновичъ, скромный, терявшійся отъ всякаго рѣзкаго слова. Его небольшая фигура, немного сутуловатая, совершенно исчезла въ описываемой нами сценѣ предъ мощной, грозной фигурой генерала, кричавшаго и размахивавшаго руками.

Дѣйствительно можно сказать: и смѣхъ и горе.

При такихъ-то условіяхъ, при такомъ-то храбромъ воинѣ приходилось намъ, университетскимъ, въ томъ числѣ и покойному Чупину, служить и работать. Мы, бывшіе студенты, сплотились крѣпкой стѣной; завели у себя домашнія чтенія, собирались другъ къ другу, бесѣдовали, спорили и, конечно, повременамъ, вспоминали студентское веселье. Дѣло кончилось тѣмъ, что на наши вечера, на наше совершенно безобидное для общества препровожденіе времени, генералъ, а главнымъ образомъ очень несимпатично относившіеся къ намъ чиновники, взглянули какъ нельзя болѣе недружелюбно. Послѣдовали намеки о Макарѣ, гоняющемъ телятъ, о странахъ, куда воронъ и костей не заносилъ, о возможности и власти отправить прогуляться на казенный счетъ, безъ всякихъ лишнихъ разговоровъ.

Все это заставило насъ съежиться, крѣпче прижаться другъ къ другу и быть осторожнѣе, бесѣдовать и собираться съ оглядкой.

Меня все вышесказанное волновало, как и другихъ моихъ товарищей. Я чувствовалъ, что никогда въ жизни не примирюсь съ мыслью провести хотя нѣсколько мѣсяцевъ въ провинціи, если только Богъ поможетъ выбраться изъ нея; но Наркизъ Константиновичъ, весь отданный своимъ ученымъ занятіямъ, своимъ языкамъ, отрѣшившійся отъ всякихъ мірскихъ стремленій и заботъ, забывавшій за книгой все, что совершалось и творилось на бѣломъ свѣтѣ, постоянно успокоивалъ насъ такими словами: „все пройдетъ; будетъ лучше, право, будетъ".

Во время нашихъ бесѣдъ, нашихъ частыхъ свиданій, иногда изо дня въ день, продолжавшихся втеченіе семи лѣтъ, я узналъ весь огром-

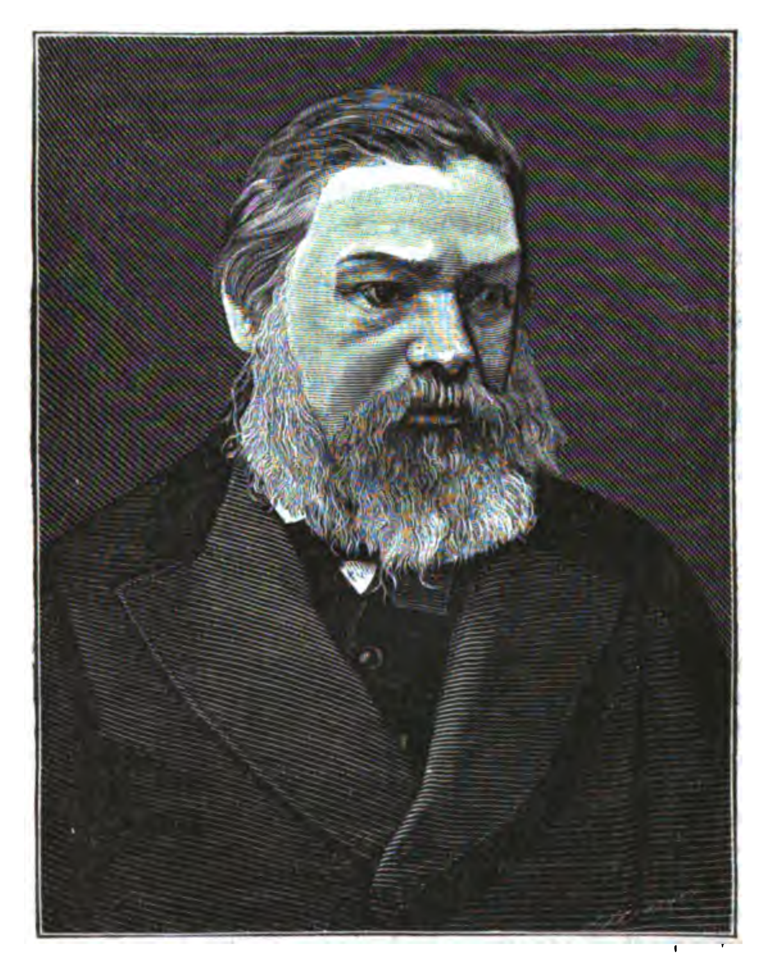
ный запасъ свѣдѣній, огромную эрудицію покойнаго своего пріятеля и сотоварища по службѣ, ибо мы въ одно время преподавали въ горномъ уральскомъ училищѣ. Кончивъ курсъ въ казанскомъ университетѣ, если не ошибаюсь—по двумъ факультетамъ, со степенью кандидата, по филологическому и, сколько помню, по камеральному, Чупинъ долженъ былъ занять каѳедру славянскихъ нарѣчій, въ которыхъ настолько успѣлъ, что покойный Григоровичъ, извѣстный знатокъ этихъ нарѣчій, профессоръ казанскаго университета, до конца жизни глубоко, искренно сожалѣлъ, что упомянутое назначеніе его дорогого ученика, по семейнымъ обстоятельствомъ послѣдняго, не состоялось.

Такимъ образомъ, славянскія нарѣчія были ему близко извѣстны, въ чемъ мы имѣли случай неоднократно убѣждаться. Затѣмъ, онъ совершенно свободно читалъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, не исключая и испанскаго. Въ послѣднее мое свиданіе съ нимъ, лѣтъ семь тому назадъ, я засталъ его за чтеніемъ венгерской книги. На мой вопросъ: „зачѣмъ тебѣ понадобился венгерскій языкъ?“ онъ отвѣчалъ: „а вотъ, видишь ли— я нашелъ указанi въ одной книгѣ, что о вогулахъ, изученіемъ которыхъ теперь занимаюсь, имѣется хорошее сочиненіе на венгерскомъ языкѣ; ну, конечно, я и принялся за этотъ языкъ“. „Что же, ты на немъ уже читаешь?“ спросилъ я.—„Да, читаю“, отвѣчалъ онъ лаконически и при этомъ началось чтеніе, сопровождаемое переводомъ.

Онъ равнымъ образомъ читалъ на еврейскомъ, турецкомъ, персидскомъ, арабскомъ языкахъ и учился по-китайски. Само собой понятно, что латинскій и греческій языки были ему извѣстны въ совершенствѣ. Только чудной его памятью и можно сколько нибудь объяснить такую удивительную способность усвоенія языковъ, тѣмъ болѣе удивительную, что Чупинъ всѣ упомянутыя знанія пріобрѣталъ, такъ сказать, шутя, безъ всякихъ особенныхъ усилій.

Въ моемъ воображеніи онъ всегда рисуется съ книгой въ рукахъ, въ старой студенческой шинели и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Г. Максимовъ въ своемъ некрологѣ называетъ его ученымъ чудакомъ. Да, онъ дѣйствительно былъ чудакомъ, но своеобразнымъ, въ извѣстной степени такимъ, какимъ пожелаешь быть всякому близкому человѣку, т. е. если пожелаешь, чтобы близкій тебѣ былъ хорошимъ человѣкомъ въ нравственномъ значеніи, хотя въ то же время онъ былъ чудакомъ и въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ чудилъ, потому что ни мало не заботился о мірскихъ благахъ; для него несуществовало самой мысли о какихъ бы то ни было служебныхъ отличіяхъ, которыхъ онъ, сколько намъ извѣстно, никогда и не получалъ; не существовало самой мысли о такъ называемомъ черномъ днѣ, о запасѣ про этотъ черный день. Онъ былъ чуждъ всѣхъ чиновничьихъ стремленій, ожиданій, волненій. Наука, книга, захватили его всецѣло, безъ остатка. Начальство, по крайней мѣрѣ въ бытность мою

на Уралѣ, относилось къ нему снисходительно, подчасъ острило надъ нимъ и забавлялось различными разсказами объ его странностяхъ, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, и считало положительно негоднымъ къ дѣлу, понимая, конечно, подъ дѣломъ писаніе казенныхъ бумагъ; огромнымъ знаніямъ его по исторіи, географіи и



Н. К. Чупинъ.

статистикѣ Урала не давало никакого значенія, но нисколько не препятствовало ему рыться въ мѣстныхъ архивахъ и глотать архивную пыль. „Пускай дескать роется, если есть охота". Наркизъ Константиновичъ былъ безконечно благодаренъ за такое разрѣшеніе, не желая никакихъ иныхъ благъ. А между тѣмъ, не было европейской знаме-

нитости, время отъ времени проѣзжавшей чрезъ Екатеринбургъ, которая не заглянула бы въ его квартиру. Всѣ европейскіе ученые, посѣщавшіе Уралъ съ учеными цѣлями, запасались у Чупина различными свѣдѣніями, по различнымъ отраслямъ знаній, освѣщавшихъ имъ горное дѣло Урала, его исторію, географію, топографію, статистику. Лѣтъ семь тому назадъ, мнѣ привелось быть на Уралѣ. Бесѣдуя съ Чупинымъ и вспоминая прожитые вмѣстѣ годы, я совершенно случайно замѣтилъ визитную карточку съ иностраннымъ именемъ, которое, какъ оказалось, принадлежало извѣстному европейскому ученому горному инженеру, мною забытому въ настоящее время, такъ какъ мнѣ совершенно чужда его спеціальность. Изъ дальнѣйшаго разговора объяснилось, что ни одинъ изъ европейскихъ ученыхъ не проѣзжалъ мимо моего пріятеля, что у него имѣются и карточки, и письма, и что онъ съ нѣкоторыми изъ нихъ находится въ перепискѣ. Подобныя отношенія покойнаго Чупина къ ученому міру совершенно понятны: его могли игнорировать русскіе люди, свое начальство, но не европейскіе ученые, стремившіеся для научныхъ изслѣдованій на Уралъ; но суть дѣла въ томъ, что свои связи съ знаменитостями, свои очень близкія отношенія къ нимъ, онъ передалъ мнѣ до такой степени просто, до такой степени скромно, безъ малѣйшаго поползновенія къ тому, чтобы выдвинуть впередъ свою личность, что я, глядя на него, невольно подумалъ: „ахъ ты, простота, простота! Другой бы на твоемъ мѣстѣ, не при десяткахъ карточекъ, а при одной, сколько нашумѣлъ, накричалъ и наговорилъ бы!“

Былъ Чупинъ чудакомъ и въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ обыкновенно понимаютъ это слово.

Квартира его представляла величайшій хаосъ. Едва ли когда нибудь по ней ходила щетка. Въ столовой, гдѣ стоялъ столъ и диванъ для спанья, все оставалось нетронутымъ, какъ напримѣръ, на столѣ, до той поры, когда уже не представлялось возможности что либо поставить. Только тогда нѣкоторыя вещи были уносимы и на ихъ мѣсто постепенно являлись новыя. Подъ столомъ лежали корки хлѣба. различные остатки пищи. На мое замѣчаніе, сдѣланное ему какъ-то по поводу этой подстольной кучи, что было бы не излишне приказать вымести подъ столомъ, Наркизъ Константиновичъ отвѣчалъ: „зачѣмъ убирать; я нарочно оставляю все подъ столомъ для мышей. Онѣ у меня не бродятъ по всѣмъ комнатамъ, слѣдовательно меня не безпокоятъ, а въ извѣстное время являются подъ столъ, поѣдятъ и уйдутъ“. Все это сообщалось самымъ серьезнымъ тономъ, не допускающимъ возраженія, съ полнымъ убѣжденіемъ въ справедливости и основательности его взгляда.

Деньги онъ держалъ не въ комодѣ, а въ подушкѣ, на томъ основаніи, что если кто нибудь пожелаетъ учинить кражу въ его квартирѣ, то, конечно, прежде всего возьмется за комодъ и шкапы. „Кому придетъ въ голову, что деньги лежатъ и вообще хранятся въ по-

душкѣ, подъ наволочкой?" замѣчалъ онъ съ таинственностью. Но, къ сожалѣнію, деньги находились зачастую въ различныхъ книгахъ, между листами, гдѣ мой пріятель открывалъ ихъ совершенно неожиданно для себя, о чемъ съ величайшимъ удовольствіемъ и сообщалъ своимъ знакомымъ при первомъ свиданіи. Въ этомъ случаѣ онъ радовался, какъ ребенокъ. Разъ такимъ образомъ онъ заложилъ между листами книги казенный пакетъ съ 50-ю рублями, которые, конечно, и долженъ былъ уплатить. Но чрезъ полгода пакетъ былъ найденъ, т. е. тогда, когда онъ снова принялся за чтеніе скрывавшей его книги, и радости не было конца. Потирая, по своей привычкѣ, руки и немного наклонившись на сторону, онъ говорилъ всѣмъ приходившимъ къ нему съ торжественнымъ видомъ: „нашелъ 50 рублей. Вотъ, посмотрите",—причемъ показывалась книга и показывались листы въ ней, между которыми былъ обрѣтенъ пакетъ. Въ подобныхъ случаяхъ, кажется, его не столько радовали найденныя деньги, сколько подтвержденіе его убѣжденія, что не представляется ни малѣйшей необходимости имѣть для ихъ храненія какой-либо особый ящикъ или вообще помѣщеніе.

Всѣ приходившія ему мысли, названія уральскихъ рѣкъ, мѣстечекъ, урочищъ, иностранныя слова, тѣ или другіе предметы, имѣвшіе отношеніе къ его научнымъ занятіямъ, онъ записывалъ карандашемъ на дверяхъ, какъ обыкновенно записываютъ ихъ въ памятную книгу, для чего ему служила одна половинка двери; другая же половинка назначалась для записыванія различныхъ хозяйственныхъ предметовъ и покупокъ. И это дѣлалось не безъ принципа, а именно на томъ основаніи, что доставляетъ болѣе удобства и избавляетъ отъ лишнихъ хлопотъ; записную книгу храни, куда нибудь ее затеряешь, а на двери не затеряется. Понадобится—подошелъ и прочиталъ.

Въ отдѣльной комнатѣ находилась его библіотека, или, вѣрнѣе, складочное мѣсто всѣхъ книгъ, бумагъ, бумажекъ, исписанныхъ листочковъ, цѣлыхъ тетрадей. Все это лежала грудой, въ которой, повидимому, не представлялось ни малѣйшей возможности разобраться. Стояли книги и на полкахъ, но безъ всякихъ нумеровъ, ярлычковъ, въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. На замѣчаніе, что въ такомъ хаосѣ невозможно добраться до того, что именно нужно въ данную минуту— Наркизъ Константиновичъ обыкновенно отвѣчалъ: „я закрою глаза и возьму какъ разъ ту книгу, которая мнѣ нужна". И дѣйствительно: съ закрытыми глазами онъ бралъ книгу, и наощупь опредѣлялъ ея названіе безъ малѣйшей ошибки. Точно также отдѣльными грудами лежали на полу бумаги. Онъ подходилъ къ какой нибудь кучѣ и вытаскивалъ то, что было ему нужно. Убѣдивъ, такимъ образомъ, посѣтителя въ совершенномъ излишкѣ шкаповъ, ящиковъ, употребляемыхъ для храненія различныхъ вещей, онъ всегда прибавлялъ съ торжествующей улыбкой: „на кой чортъ мнѣ нѣмецкій порядокъ? Только вотъ начинаю забывать, какія бумаги лежатъ подъ

самымъ низомъ. Много ихъ больно накопилось". Прочитавъ въ газетахъ депешу о смерти Чупина, я съ болью въ сердцѣ вспомнилъ, послѣ глубокаго, тяжелаго вздоха о немъ, о книгахъ и бумагахъ, оставшихся послѣ его смерти. Сохранятъ ли ихъ? Подумаетъ ли кто нибудь, что между ними должны находиться и не конченные и конченные труды величайшей важности по отношенію исторіи края? Или отнесутся къ этому вопросу такъ, какъ у насъ почти всегда относятся, т. е. вполнѣ индеферентно? Тяжело даже подумать о такомъ равнодушіи. Покойный Чупинъ особенно усиленно началъ заниматься исторіею края съ 1857 года. Онъ былъ живой лѣтописью Урала, по пальцамъ могъ передать вамъ исторію даже всякой отдѣльной промышленной отрасли края; спрашивали ли его о пріискахъ, желѣзномъ, мѣдьомъ дѣлѣ, лѣсахъ, водныхъ путяхъ, о городищахъ, урочищахъ,—на все можно было получить обстоятельную, ясную, полную записку. Храненію въ головѣ подобныхъ данныхъ, повторяю, помогала его необыкновенная память. Умѣйте употребить такого человѣка—и онъ явится неоцѣненнымъ кладомъ.

Лѣтъ пять или шесть тому назадъ, ко мнѣ явился незнакомый господинъ, съ покорной просьбой сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія объ Уралѣ, о лицахъ тамъ заправляющихъ различными отраслями администраціи, такъ какъ онъ отправляется, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, на Уралъ, съ тѣмъ, чтобы собрать свѣдѣнія къ пріѣзду министра, который пріѣдетъ на Уралъ вскорѣ послѣ него. Все это говорилось по потербургски-министерски: скоро, съ громкими фразами, съ намеками на великія преобразованія, которыя готовятся въ будущемъ по горному вѣдомству. Я сообщилъ все, что могъ и что находилъ нужнымъ; затѣмъ, въ концѣ бесѣды указалъ на Нарвиза Константиновича, какъ на человѣка драгоцѣннаго для министерства, котораго слѣдуетъ перевести въ Петербургъ, обставить его покойно, дать ему возможность разработывать различные вопросы по горному дѣлу, имѣющіе непосредственное отношеніе къ исторіи, географіи и статистикѣ Урала, каковые вопросы составляютъ дѣло величайшей важности для министерства, желающаго идти въ своихъ преобразованіяхъ не ощупью, а болѣе или менѣе по дорогѣ вѣрной. При этомъ, разумѣется, я передалъ все, что мнѣ было извѣстно о Чупинѣ, объ его высокомъ образованіи, огромныхъ знаніяхъ, и указалъ на литературные труды покойнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я прямо высказалъ, что дождаться согласія Чупина на переходъ въ Петербургъ рѣшительно невозможно, ибо онъ, какъ человѣкъ по натурѣ въ высшей степени неподвижный, будетъ собираться цѣлые года и кончитъ все-таки тѣмъ, что не двинется съ мѣста; что необходимо его, такъ сказать, увезти, къ чему, конечно, можно было найти немало предлоговъ, напримѣръ,—предписаніе начальства. По пріѣздѣ въ Петербургъ, нужно безъ замедленія дать ему по сердцу работу и, по всей вѣроятности, онъ скоро на новомъ мѣстѣ раскинетъ свою паутину, забывъ за работой все и всѣхъ.

Упомянутая выше поѣздка министра—кстати замѣтимъ, очень не продолжительная,—не принесла, какъ извѣстно, какихъ бы то ни было особыхъ преобразованій. Само собой понятно, что совершенно безслѣдно прошло и мое указаніе на Чупина: сколько помнится, господинъ, съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу Наркиза Константиновича, даже и не видалъ его въ бытность свою на Уралѣ, и мой покойный пріятель продолжалъ жить въ Екатеринбургѣ безъ малѣйшей перемѣны въ своей обстановкѣ.

Все это болѣе чѣмъ печально; все это камнемъ ложится на душу, но остается только примириться съ тѣмъ, чего нельзя передѣлать.

Печально именно потому, что всѣ наши министерства, при рѣшеніи болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ, съ величайшимъ трудомъ обращаются къ историческимъ даннымъ, по недостатку людей, посвятившихъ себя изученію исторіи вѣдомства, нерѣдко охватывающаго массу различныхъ явленій нашей внутренней жизни; а между тѣмъ безъ историческаго уясненія того или другаго вопроса не можетъ быть рѣшенъ и самый вопросъ, уясненія котораго добиваются.

Плодомъ занятій Чупина, плодомъ изученія Урала съ разныхъ сторонъ, явились слѣдующія печатныя произведенія, которыя, по своей спеціальности, извѣстны, конечно, не многимъ: 1) Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи, 2) Василій Никитичъ Татищевъ, его управленіе уральскими заводами; жизнь его съ 1722—1734 годъ, 3) Полуторастолѣтіе Екатеринбурга, 4) Историческіе очерки многихъ уральскихъ горныхъ заводовъ, 5) О сибирскихъ слободахъ, 6) Къ столѣтію дня рожденія императора Александра I-го и о состояніи заводовъ въ его время, 7) О старыхъ и новыхъ путяхъ въ Сибирь, 8) Баймаковъ и дѣйствія его во время пугачевщины, 9) Приписные крестьяне и пугачевщина на уральскихъ горныхъ заводахъ, и др. Много его статей напечатано въ „Горномъ Журналѣ". Статьи свои Чупинъ печаталъ, за весьма малыми исключеніями, въ мѣстныхъ органахъ, которые онъ хотѣлъ поддерживать по мѣрѣ силъ и возможности, а именно: въ „Пермскомъ Сборникѣ", „Запискахъ Уральскаго Общества любителей естествознанія", „Ирбитскомъ Ярмарочномъ Листкѣ", „Сборникѣ пермскаго земства" и „Губернскихъ Вѣдомостяхъ".

Небезъинтересно также знать, что гонораръ его за всѣ труды въ упомянутыхъ журналахъ ограничивался полученіемъ опредѣленнаго числа оттисковъ. О деньгахъ покойникъ никогда не упоминалъ мнѣ. Положимъ, „Пермскій Сборникъ" составлялъ частное изданіе, которому трудно было производить плату, по крайней мѣрѣ, такъ можно предполагать; но „Сборникъ земства", „Вѣдомостя", „Ярмарочный Листокъ", кажется, могли бы вознаграждать труды человѣка, составлявшаго для изданія дорогаго по достоинствамъ статей сотрудника. Все дѣло въ томъ, что покойный былъ не отъ міра сего. Любимый трудъ заставлялъ его совершенно забывать мірскія благопо-

лучія. Казеннаго жалованья хватало на существованіе; нужды, по крайней мѣрѣ тяжелой, онъ не испытывалъ, слѣдовательно нѣтъ необходимости, а главное — желанія пріобрѣтать больше. Не много такихъ работниковъ на бѣломъ свѣтѣ, особенно въ настоящее время.

Всѣ его труды носятъ печать необыкновенной солидности и добросовѣстности; но изъ нихъ выдается, по своему значенію, какъ богатѣйшій матеріалъ, для самаго разнообразнаго изученія края, „Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи". Для того, чтобы показать до какой степени Чупинъ положилъ много труда на свое твореніе и до какой степени оно богато содержаніемъ, приведемъ одно изъ историческихъ замѣчаній, въ изобиліи разсыпанныхъ въ „Словарѣ, встрѣчающееся подъ словомъ „Благодать" (извѣстная по богатству рудъ гора на Уралѣ): „гора Благодать извѣстна и разработывается уже почти 140 лѣтъ. Весною 1735 года шихтмейстеръ Ярцовъ, завѣдывавшій Шайтанскимъ заводомъ Никиты Никитича Демидова (младшаго сына родоначальника Демидовыхъ, Никиты Демидовича, и младшаго брата Акинфія Никитича, владѣльца и строителя весьма многихъ заводовъ, богача и могучаго человѣка), ѣздилъ съ прикащикомъ того завода на сибирскую сторону Уральскаго хребта осматривать желѣзные рудники, найденные заводскими служителями на рѣкѣ Баранчѣ. Во время пути Ярцовъ и спутникъ его останавливались въ вогульской деревнѣ Ватиной (нынѣ уже не существующей, но находившейся, вѣроятно, либо на Баранчѣ, либо на Тагилѣ, выше впаденія въ него Баранчи). Тамъ явились къ нимъ хозяинъ квартиры Яковъ Ватинъ и жившій у него въ домѣ другой вогуличъ— Степанъ Чумпинъ и представили куски магнитной желѣзной руды изъ недалекой оттуда горы, на берегу рѣчки Кушвы, впадающей въ Туру. Вогуличъ Чумпинъ увѣрялъ, что такой руды тамъ чрезвычайно много". Далѣе авторъ „Словаря" подробно передаетъ всѣ обстоятельства окончательнаго открытія, по указаніямъ упомянутыхъ вогулъ, богатства горы Благодати, описываетъ всѣ собранія горныхъ инженеровъ, понявшихъ важность открытія, на которыхъ шли совѣщанія о томъ, кто и на какихъ условіяхъ можетъ разработывать вновь открытую руду.

Затѣмъ встрѣчаются слѣдующія интересныя подробности: „въ поѣздкѣ на гору (Благодать) Татищева сопровождалъ объявившій объ ней вогуличъ Чумпинъ. Онъ передъ тѣмъ ѣздилъ недѣль семь съ надзирателемъ лѣсовъ Куроѣдовымъ, указывая ему мѣста для проложенія дорогъ и строенія заводовъ, за что Куроѣдовъ далъ ему 2 р. 70 коп. Вогуличъ былъ этимъ недоволенъ и просилъ, чтобъ его еще наградить за пріискъ руды. Но такъ какъ на открытіе магнитной горы изъявлялъ претензію и другой вогуличъ—Ватинъ, то Татищевъ велѣлъ Куроѣдову распросить порознь всѣхъ жителей вогульской деревни, одинъ ли Чумпинъ нашелъ магнитную гору, или вмѣстѣ съ

Ватинымъ, а между тѣмъ, пока, выдалъ Чумпину [1]) еще два рубля. По распросамъ Куроѣдова, оказалось, что магнитную гору отыскалъ еще лѣтъ за семь до того отецъ Степана Чумпина, Анисимъ (значитъ, около 1728 года), о чемъ онъ и сказывалъ жителямъ своей деревни; но не указывалъ мѣста самой горы, Яковъ же Ватинъ явился вмѣстѣ съ Чумпинымъ къ Ярцову только съ цѣлью получить также награду. Вслѣдствіе того Степанъ Чумпинъ былъ вытребованъ въ Екатеринбургъ, въ канцелярію заводскаго правленія, и 24-го января 1736 года выдано ему въ награду двадцать рублей (слѣдовательно, онъ всего получилъ 24 руб. 70 коп.). Не велика награда за милліоны рублей, которые государству дала гора Благодать и, по всей вѣроятности, будетъ давать еще и въ далекомъ будущемъ. Только вогулъ и могъ считать себя счастливымъ отъ подобной оцѣнки его великаго по послѣдствіямъ дѣла".

Далѣе авторъ „Словаря" приводитъ осязательныя историческія доказательства въ пользу того мнѣнія, что вогулы не убивали Чумпина за открытіе горы Благодати, какъ до сей поры предполагали, хотя на мѣстѣ его воображаемаго убіенія и поставленъ памятникъ. Въ первый разъ легенда эта, т. е. объ убіеніи Чумпина вогулами, явилась въ 1827 г. въ „Горномъ Журналѣ", въ статьѣ Галляховскаго, горнаго офицера: „Геогностическія замѣчанія въ округѣ Гороблагодатскихъ заводовъ".

Такія подробныя историческія примѣчанія встрѣчаются очень часто въ „Словарѣ" Чупина, и именно при всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, названіяхъ, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія; короче сказать—„Словарь" является богатѣйшимъ источникомъ для всякаго изслѣдователя исторіи, географіи и статистики Урала. Подобные труды чѣмъ болѣе живутъ, тѣмъ дѣлаются дороже и дороже въ смыслѣ нравственномъ, ибо ихъ значеніе тѣсно связано съ развитіемъ науки.

Лѣтъ шесть или семь тому назадъ, Чупинъ передавалъ мнѣ, что для „Словаря" совершенно готовы матеріалы до буквы Л. Кончилъ ли онъ свой трудъ—я не знаю, ибо давно не имѣлъ отъ него никакихъ извѣстій.

Извѣстно мнѣ также, что онъ желалъ написать подробную исторію горныхъ заводовъ и вообще исторію развитія горнаго дѣла на Уралѣ. Задача была задумана широко. Его особенно интересовали личности

[1]) Мнѣ случалось говорить съ покойнымъ Наркизомъ Константиновичемъ о томъ, не происходитъ ли его родъ отъ означеннаго вогула Чумпина, открывателя горы Благодать. Онъ не отвергалъ возможности такого происхожденія, но при этомъ прибавлялъ, что не имѣетъ никакихъ историческихъ и родословныхъ доказательствъ, которыя подтверждали бы подобное предположеніе. Буква „м", составляющая разницу въ его фамиліи и фамиліи вогула, могла быть легко выброшена, по духу русскаго языка или, что вѣрнѣе, по духу русскаго говора, не терпящаго стеченія согласныхъ. Лицо покойнаго Чупина дѣйствительно болѣе подходило къ типу финскому, чѣмъ славянскому.

нашихъ піонеровъ въ открытіяхъ на Уралѣ—Демидовы, Походяшины, Расторгуевы, Строгоновы и многіе другіе. Очень возможно, что всѣ эти матеріалы лежатъ въ тѣхъ кучахъ, о которыхъ я говорилъ выше. Поневолѣ опять спросишь: сохранятся ли они? Или повторится та же исторія, какъ въ одномъ нижегородскомъ монастырѣ, гдѣ монахъ совершенно равнодушно передалъ мнѣ, что „бумагъ въ этой кладовой было много, да школьники растаскали на свои нужды".

Скажемъ нѣсколько словъ о Чупинѣ, какъ о педагогѣ. Онъ скончался, состоя инспекторомъ горнаго уральскаго училища и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ горнаго искусства. Правда, прежде всего:— трудно ему было нести эти обязанности при томъ условіи, что онъ нерѣдко забывалъ даже дни, отдавшись чтенію какой бы то ни было книги или изслѣдованію историческихъ актовъ. Какъ преподаватель, онъ былъ бы на своемъ мѣстѣ на университетской каѳедрѣ, но мало отвѣчалъ требованіямъ учебнаго заведенія, программы котораго чуть ли не меньше программъ средняго учебнаго заведенія. Такъ какъ я преподавалъ въ этомъ же уральскомъ училищѣ въ одно время съ нимъ, то очень хорошо знаю, что онъ увлекался своимъ предметомъ до послѣдней степени, вдаваясь въ такія мелкія подробности, какія умѣстны въ высшемъ спеціальномъ училищѣ, вслѣдствіе чего рѣдко успѣвалъ дойти до конца курса. Онъ съ большой любовью относился къ своимъ воспитанникамъ, но для того, чтобы вести дѣло воспитанія, мало одной способности любить. Между кабинетнымъ ученымъ, каковымъ былъ Чупинъ, и между педагогомъ—огромная разница. На повѣрку выходитъ, что некуда дѣвать ученаго человѣка, а если некуда, то лучше всего поручить ему учебное заведеніе, и именно потому, что онъ ученый.

Намъ кажется, что изъ нашей статьи довольно ясно обрисовался покойный Наркизъ Константиновичъ Чупинъ, какъ человѣкъ. Мы уже сказали, что онъ былъ младенчески чистъ душей, чѣмъ и объясняется его незнаніе жизни, его житейская непрактичность, подъ которой обыкновенно понимаютъ совершенное отсутствіе житейской ловкости, снаровки пользоваться обстоятельствами, чтобы хорошо устроить свое матеріальное благополучіе. Добрый, мягкій, отзывчивый на всякое чужое страданіе, онъ естественно долженъ былъ быть робкимъ, до послѣдней степени скромнымъ. Во всякомъ мало знакомомъ ему обществѣ онъ терялся, стушевывался, оставался въ тѣни и люди мало или совсѣмъ не знавшіе его, конечно, никакъ не могли предположить, что предъ ними замѣчательный по образованію, учености и талантамъ человѣкъ. Подобному взгляду много помогала и невзрачная, невидная фигура покойника, вообще нисколько не отличавшагося представительностью. Но въ своемъ, близкомъ ему кружкѣ, онъ являлся другимъ человѣкомъ—живымъ, подвижнымъ, даже въ извѣстной степени юмористомъ, способнымъ очень комично передать анекдотъ, подмѣтить въ комъ бы то ни было смѣшныя стороны.

Молчаливый и угрюмый среди незнакомыхъ ему людей, Чупинъ, какъ мы замѣтили, перерождался въ иного, совершенно противоположнаго человѣка, когда чувствовалъ себя въ близкомъ, родномъ ему по духу кружкѣ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ, между прочимъ, говоритъ мнѣ: „ты зовешь меня въ Петербургъ, указываешь другую, болѣе широкую дорогу. Но подумай и скажи, по совѣсти, положа руку на сердце: не заключается ли истинное благополучіе въ полномъ довольствѣ своимъ положеніемъ? Если истинное благополучіе дѣйствительно заключается въ этомъ довольствѣ,—а я какъ нельзя болѣе доволенъ всѣмъ, что имѣю и что могу дѣлать,—то слѣдовательно незачѣмъ и мнѣ отъ добра искать добра. Да, затѣмъ, подумай также—гожусь ли я для вашего Питера и дастъ ли онъ мнѣ возможность жить такъ и работать такъ, какъ я живу и работаю здѣсь, въ преддверіи Урала? Такихъ, какъ я, не бойкихъ, у васъ не любятъ".

Невольно задумаешься надъ этими словами покойника. Не правъ ли онъ? Годился ли онъ для Петербурга, этого города по преимуществу ловкихъ людей, ловкихъ чиновниковъ, бьющихъ на деньги и карьеру?

Петербургъ, дѣйствительно, менѣе всего способенъ быть Меценатомъ и менѣе всего можетъ открывать поле дѣятельности для людей подобныхъ Чупину, который подчасъ забывалъ дни, выходилъ на улицу безъ галстуха и съ бородой, наполовину обритой. Да, пожалуй, не для Петербурга такіе люди. Повторяемъ, можетъ быть, и правъ мой пріятель въ своемъ упомянутомъ письмѣ, и не правъ я, хлопотавшій объ его переводѣ. Пусть спитъ онъ мирно въ родной уральской землѣ, которая вспоила и вскормила его; пусть спитъ мирно въ томъ краю, для котораго онъ такъ много поработалъ, которому отдалъ весь свой умъ, всѣ свои знанія, все свое чистое сердце.

Ив. В—въ.

МИѲЪ О ПРОМЕТЕѢ.

(Статья Пфлейдерера).

Берлинская „Національная галлерея“ пріобрѣла, два года тому назадъ, замѣчательное скульптурное произведеніе, невольно приковывающее вниманіе посѣтителей. Это группа Прометея, изваянная въ Римѣ нѣмецкимъ художникомъ Мюллеромъ, — твореніе, поражающее глазъ и душу зрителя какъ мастерскимъ исполненіемъ, такъ и воплощенной въ немъ грандіозной идеей. Въ центрѣ группы — могучая фигура Прометея, съ непокорнымъ страдальческимъ лицомъ, обращеннымъ къ небу разгнѣваннаго Зевса, ниспославшаго ему мучительнаго коршуна. Коршунъ впился когтями въ плечо титана, готовясь вонзить въ его грудь свой острый клювъ. Возлѣ Прометея статная женская фигура старается отстранить рукою хищную птицу, между тѣмъ какъ другая дѣвушка съ нѣжными, юными формами распростерта безъ чувствъ на скалѣ, какъ бы сломленная ужаснымъ зрѣлищемъ, котораго не въ силахъ вынести. Это океаниды—существа, родственныя прикованному титану, вышедшія изъ волнъ морскихъ на помощь страдальцу, но безсильныя облегчить его муки. Скульпторъ изобразилъ трагическій моментъ миѳа о Прометеѣ, представленнаго Эсхилломъ въ его драмѣ „Прикованный и освобожденный Прометей“. Чтобы лучше понять этотъ моментъ, разсмотримъ этотъ миѳъ, одинъ изъ самыхъ глубокихъ во всемъ эпосѣ и драмѣ грековъ, да и всѣхъ историческихъ народовъ.

Въ греческой миѳологіи Прометей олицетворяетъ собою родственный божеству геній человѣчества и является представителемъ его разума и мужества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ страданій, которыя родъ людской претерпѣваетъ за свое безмѣрное, безпокойное стремленіе къ

культурѣ. Миѳъ о Прометеѣ содержитъ древнѣйшую философію исторіи, культуры и религіи человѣческой; это греческій pendant къ германскому сказанію Фауста; проступокъ, искупленіе и освобожденіе человѣка-титана составляютъ тему Эсхилловской трилогіи, точно такъ же, какъ и Гётевскаго „Фауста“.

Прометей—сынъ титана Іапета и одной изъ дочерей Океана. Титаны — это стихійныя силы природы, укрощаемыя и обуздываемыя Зевсомъ, т. е. подчиняющіяся разумному міровому началу. Корень имени Іапетъ одинаковый съ еврейскимъ именемъ Ноева сына Іафета и египетскаго бога „Птахъ“, слѣдовательно Іапетъ представляетъ собою прародителя человѣчества. Сыновья его: Атласъ и Менетій, Прометей и Эпиметей, т. е. терпѣливый и непокорный, стремящійся къ прогрессу и отсталый. Въ этомъ ясно выражается самая природа человѣка съ его нравственной и умственной силой и слабостью. Въ борьбѣ Зевса съ титанами Прометей, согласно греческому сказанію, становится на сторону бога противъ своего же собственнаго племени; это глубокая эмблема того срединнаго положенія, которое человѣкъ занимаетъ между природой и божествомъ: принадлежа къ первой своей физической стороной, онъ, однако, чувствуетъ влеченіе къ божеству въ силу духа своего, родственнаго съ божествомъ. Но первоначальное единеніе его съ небомъ непродолжительно; Прометей, земной полубогъ, убѣждается, что братья его, люди, слишкомъ разъединены съ небеснымъ; онъ чувствуетъ состраданіе къ несчастнымъ, которымъ грозитъ гибель въ тяжелой борьбѣ за существованіе; презирая могущество неба, онъ вступается за человѣка, поддерживаетъ силой и способностями своего изобрѣтательнаго ума тѣхъ, которыхъ природа создала безпомощнѣе всѣхъ другихъ своихъ твореній. До тѣхъ поръ люди бродили, какъ во снѣ; онъ открылъ ихъ очи и чувства, надѣлилъ ихъ силою духовной, чтобы съ помощью ея восполнить недостатокъ силы физической. Прежде всего онъ добылъ имъ огонь, главное средство культуры, которымъ до тѣхъ поръ обладали одни боги; Прометей похитилъ огненную искру съ небесъ и сдѣлалъ ее вспомогательнымъ орудіемъ человѣческаго искусства. Затѣмъ, онъ научилъ людей, скрывавшихся до тѣхъ поръ, подобно звѣрямъ, въ темныхъ логовищахъ, строить себѣ свѣтлыя жилища, научилъ ихъ воздѣлывать землю, строить корабли, управлять ими на морѣ, научилъ руководиться звѣздами для измѣренія времени и для указанія пути. Потомъ открылъ имъ даръ изложенія мысли на письмѣ, научилъ ихъ основамъ медицины и поэзіи; наконецъ, выучилъ людей обработывать металлы, изготовлять утварь и предметы украшенія. Такимъ образомъ, Прометей сдѣлался основателемъ культуры, благодѣтелемъ человѣчества, и съ горделивымъ самосознаніемъ хвалился своимъ подвигомъ передъ богами, людьми и титанами.

Но именно эта горделивая самоувѣренность титаническаго духа, непокоряющагося божеству въ увѣренности въ своей собственной силѣ, воз-

будила гнѣвъ боговъ и навлекла кару сперва на все человѣчество вообще, затѣмъ и на Прометея въ отдѣльности. Въ наказаніе за похищеніе огня, Зевсъ повелѣлъ богу огня, Гефесту, создать очаровательную женщину, Пандору, украшенную всѣми качествами боговъ и богинь; Аѳина одарила ее умомъ и ловкостью, Афродита — красотой, соблазнительными чарами и кокетствомъ, Гермесъ — льстивой, вкрадчивой хитростью, Оры снабдили ее драгоцѣнностями, такъ что видъ ея доставлялъ наслажденіе и богамъ, и людямъ. Затѣмъ, Гермесъ привелъ эту богато одаренную женщину къ Эпиметею, безразсудному, сластолюбивому брату Прометея, который, не взирая на предостереженіе послѣдняго, принялъ ее въ свой домъ, какъ даръ Зевса. Но очаровательница получила отъ мстительнаго бога сосудъ, полный разныхъ золъ, и когда открыла его, движимая любопытствомъ, всѣ напасти, болѣзни, заботы и мученія, о коихъ люди не вѣдали до тѣхъ поръ, распространились по всей землѣ и только надежда осталась средствомъ утѣшенія, сомнительнымъ, обманчивымъ и слѣпымъ.

Эта часть миѳа изображаетъ оборотную сторону всѣхъ благъ, доставленныхъ Прометеемъ. Прогрессъ отъ первобытнаго состоянія къ культурѣ, какъ бы онъ ни былъ необходимъ и полезенъ для человѣка, отнюдь не имѣлъ послѣдствіемъ одно счастье, но повлекъ за собою много зла; съ утонченностью жизни, съ умноженіемъ ея благъ и прелестей, пробуждается сластолюбіе, алчность, корыстолюбіе и высокомѣріе; недовольство терзаетъ душу, роскошь разслабляетъ тѣло — и такъ нарождается масса болѣзней и мученій, отъ которыхъ страдаетъ цивилизованный міръ, между тѣмъ какъ они не были знакомы первобытному человѣку. Ту же черту мы находимъ въ персидскомъ и еврейскомъ миѳѣ; во взглядахъ древности цивилизація всегда является въ этомъ двойственномъ видѣ: съ одной стороны необходимый прогрессъ человѣка, который пробуждается изъ глухаго дремотнаго состоянія, познаетъ самого себя, освобождается отъ естественнаго рабства и становится властелиномъ земли; но съ другой стороны этотъ прогрессъ, познаніе свободы—влечетъ за собою утрату счастливаго невѣдѣнія, свойственнаго первобытному состоянію, влечетъ неповиновеніе божескимъ велѣніямъ и законамъ, разгулъ эгоистическихъ страстей, чувственности, горделивое стремленіе уподобиться божеству, слѣдовательно проступокъ, послѣдствіемъ котораго является божеская кара—Немезида. И въ библіи также, Адамъ и Ева, послушавшись прельстительныхъ рѣчей змѣя—„eritis sicut Deus, scientes bonum et malum“, должны были искупить свой грѣхъ потерей рая.

Самого Прометея Зевесъ подвергъ особому наказанію: повелѣлъ Гефесту приковать его къ скалѣ на Кавказѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не отречется отъ своей непокорности. Но гордый титанъ не поддается. Онъ призываетъ весь міръ въ свидѣтели своего страданія, которое долженъ претерпѣвать безвинно; онъ не признаетъ за собой никакого проступка и обвиняетъ разгнѣваннаго бога въ жестокой

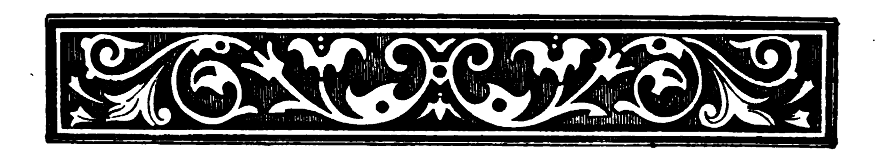
несправедливости; и въ своемъ безсильномъ упорствѣ онъ доходитъ до того, что предсказываетъ самому богу его предстоящую погибель отъ болѣе могущественнаго сына. Испуганный этимъ предвѣщаніемъ, Олимпъ требуетъ болѣе точнаго объясненія; но Прометей отказывается; презирая угрозы Зевса, онъ хранитъ свою тайну, чувствуя себя въ этомъ смыслѣ выше боговъ, несмотря на то, что безсиленъ противъ ихъ могущества. За эту дерзость онъ подвергается новому, еще худшему наказанію: среди грома и молніи земля разверзается и поглощаетъ его. Этимъ заканчивается вторая часть драмы. Въ третьей части мы видимъ, что страданія титана еще усиливаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ открывается путь избавленія. Прометей снова прикованъ къ скалѣ, и коршунъ Зевса ежедневно пожираетъ его печень, которая ежедневно выростаетъ съизнова. И вотъ человѣкъ, возмутившійся противъ божества, долженъ страдать нетолько отъ сознанія своего безсилія противъ высшаго могущества, которое онъ ощущаетъ въ видѣ желѣзныхъ оковъ, но муки его еще усиливаются сознаніемъ своей вины, отъ котораго онъ не можетъ избавиться и которое гложетъ его внутренности; сломленный и растерзанный въ своемъ существѣ, онъ чувствуетъ, что гордыня его исчезаетъ, и онъ повинуется голосу предопредѣленія. Прометей, прежде считавшій себя безсмертнымъ, тоскуетъ и жаждетъ смерти, какъ избавительницы отъ скорби. Но къ нему является лучшій избавитель въ лицѣ сына Зевса и Алкмены, Гераклій, на котораго еще въ началѣ его страданій указывало ему предсказаніе Іо, прародительницы Гераклія. И вотъ это предсказаніе сбывается: сынъ бога убиваетъ коршуна. Но Прометей все еще не можетъ избавиться отъ оковъ; гнѣвный Зевсъ поклялся освободить его не раньше того, какъ одинъ изъ безсмертныхъ добровольно приметъ за него смерть. Но и это условіе исполняется— центавръ Хиронъ предлагаетъ добровольно сойти въ адъ. Избавленный отъ оковъ, Прометей покоряется волѣ божества; онъ разоблачаетъ свою тайну: отъ союза Зевса съ богиней Ѳетидой долженъ родиться сынъ, могущественнѣе самого Зевса. Такимъ образомъ, онъ заключаетъ миръ съ богами и его снова принимаютъ въ ихъ сонмъ въ качествѣ пророка и совѣтчика, но отнынѣ онъ носитъ желѣзное кольцо и ивовый вѣнокъ, какъ символъ своего плѣна и неразрывной зависимости.

Такой исходъ миѳа о Прометеѣ знаменателенъ во многихъ отношеніяхъ. Вражда между Прометеемъ и Зевсомъ, человѣкомъ и богомъ, примиряется съ помощью посредника, олицетворяющаго въ самомъ себѣ сродство борющихся силъ, такъ какъ, будучи сыномъ женщины, онъ въ то же время божественнаго происхожденія. Ни гнѣвъ небесъ, ни боязнь ада, не могли сломить непокорнаго титана; онъ сдается только богу-человѣку, „любезному сыну ненавистнаго бога", въ которомъ видитъ уже не враждебнаго, завистливаго, гнѣвнаго властелина, а сознаетъ доброжелательнаго избавителя, родственнаго

духа, самого себя въ усовершенствованномъ видѣ, словомъ—идеальнаго человѣка. Его воплощаетъ въ себѣ Гераклій: онъ обратная сторона, двойникъ Прометея; если Прометей представляетъ собою враждебнаго божеству, самовольнаго человѣка по естеству, то Гераклій является дружескимъ божеству, служащимъ ему бого-человѣкомъ; если Прометей внесъ внѣшнюю цивилизацію, ведущую къ высокомѣрію и всякому бѣдствію, то Гераклій принесъ элементы духовной культуры, правоваго порядка, съ помощью которыхъ созидается высшій міръ надъ чувственнымъ наслажденіемъ и физическимъ трудомъ, міръ божественнаго добра, нравственности, добродѣтели. Если въ виду титаническаго высокомѣрія воля и рѣшеніе боговъ являлись въ видѣ тяжкихъ оковъ, вражды и гнѣва, то вмѣстѣ съ горделивымъ сопротивленіемъ человѣка исчезаетъ и божій гнѣвъ и его власть признается добровольно, какъ законная и благодѣтельная. Такой поворотъ въ познаніи божества началъ подготовляться уже въ греческой религіи: писатели, какъ Эсхилъ и Софоклъ, мыслители, какъ Сократъ и Платонъ, уже высказывали мысль, что воля Зевса неразрывна съ добромъ, съ разумнымъ міровымъ порядкомъ, и что высшее назначеніе человѣка—уподобляться ему въ добрѣ. Однако, въ основѣ религіи у грековъ все еще оставался непреодолимый страхъ передъ темнымъ рокомъ, или суровой завистью боговъ,—чувства, не допускавшія полнаго довѣрія и полной любви къ божеству; точно такъ же рабская боязнь божьяго гнѣва еще не вполнѣ изгладилась дѣтской любовью, и освобожденный Прометей все еще носитъ желѣзное кольцо и ивовый вѣнокъ въ знакъ рабства. Такое положеніе не можетъ длиться вѣчно, и настанетъ время,—предвѣщаетъ Прометей,—когда придетъ болѣе могущественный сынъ Ѳетиды, который установитъ господство нравственности и добра на мѣсто несовершеннаго, столь сходнаго съ человѣческимъ, господства греческихъ боговъ веселаго Олимпа.

Эта часть миѳа напоминаетъ подобное же предвѣщаніе о затмѣніи боговъ въ германской миѳологіи. Повидимому, у этихъ двухъ народовъ индо-германской семьи, грековъ и германцевъ, рано проснулось сознаніе, что ихъ боги, воплощающіе самую природу и близкіе къ ней, еще не олицетворяютъ самаго высшаго и совершеннаго въ мірѣ, что господство ихъ когда нибудь кончится и уступитъ мѣсто чистому нравственному царству духовнаго божества. Съ осуществленіемъ этого предчувствія въ христіанствѣ, миѳъ и Прометеѣ получилъ истинное значеніе; образъ прикованнаго и ожидающаго избавленія Прометея имѣетъ сходство съ самымъ символомъ христіанства. Подобно тому, какъ „дружескій человѣчеству демонъ“ прикованъ къ скалѣ между небомъ и землею, такъ и въ христіанствѣ лучшій другъ и Спаситель рода человѣческаго, страждущій ради благодѣянія, принесеннаго людямъ, пригвожденъ ко кресту. И какъ возлѣ страдальца-титана стоятъ родственныя ему женщины свидѣтельницами его му-

ченій, такъ и у подножія креста Спасителя нашего стояли его мать и любимый ученикъ,—представители человѣчества, оплакивающаго своего лучшаго сына и брата. Но какъ ни изумительно это сходство, такъ велико, съ другой стороны, различіе между миѳомъ и его позднѣйшимъ осуществленіемъ. Прикованный титанъ страдаетъ противъ воли въ безсильной непокорности божьему промыслу; поэтому, избавленіе можетъ явиться ему лишь извнѣ, съ помощью подвига героя Геракла, который заключаетъ въ себѣ мощь титана, но безъ его самоволія и виновности, и который приходитъ на помощь страждущему Прометею въ видѣ его же собственнаго, но болѣе чистаго образа. Напротивъ того, никакой герой не является избавителемъ страдальца на крестѣ; онъ самъ долженъ испить до дна скорбную чашу; но именно потому, что онъ страдаетъ не противъ воли и не въ наказаніе за непокорность, а добровольно, въ силу повиновенія подчиняется волѣ Божіей, именно потому, что онъ не ждетъ, подобно Прометею, избавленія цѣною смерти другаго, а самъ предаетъ душу свою въ искупленіе за многія души, именно поэтому онъ самъ является божественнымъ героемъ, который попираетъ смерть своими страданіями и становится избавителемъ, благодѣтелемъ своихъ страждущихъ братій. Если прикованный Прометей представляетъ образъ титаническаго человѣческаго духа, который въ своемъ непокорномъ своеволіи обрекаетъ самого себя на страшныя муки, то христіанскій его символъ представляетъ намъ избавительную силу въ видѣ божественнаго смиренія и любви, побороающихъ свои и людскія страданія и превращающихъ ихъ въ источникъ спасенія. То, что греческій миѳъ дѣлитъ между Прометеемъ и Геракліемъ—страданіе и избавленіе, то христіанство совмѣщаетъ въ образѣ Распятаго; средство и цѣль сливаются въ немъ во едино.



ЗАПИСКИ КЛОДА.

I.

Интересъ возбуждаемый полиціею.—Значеніе полиціи въ эпоху второй имперіи.—Три рода полиціи.—Префектура полиціи.—Стоимость ея.—Плата за мѣста и взяточничество.—Предметы издержекъ тайной полиціи.—Благонамѣренныя и благонадежныя лица. — Агенты-подстрекатели. — Макіавелизмъ Луи-Наполеона.—Вскрытіе писемъ.—Недогадливый редакторъ.—Чувство чести и полицейскія обязанности.—Прусская полиція во Франціи.—Пивныя заведенія и трактиры, какъ этапы прусскихъ войскъ.—Исторія гостинницы въ Пуасоньеръ.—Сестры соперницы и нѣмецкій ловеласъ. — Трагическая развязка семейной драмы.—Упадокъ нравственности во всѣхъ классахъ общества.—Распутство при дворѣ.—Похожденія Луи-Наполеона.—„Охота при факелахъ“ въ Фонтенебло.—Жандармъ и его дочь.—Тайны Компьенскаго лѣса.—Причина мексиканской войны.—Сцена между коронованными супругами.—Праздники и спектакли.—Актрисы въ двойныхъ роляхъ.—Встрѣча двухъ соперницъ въ Компьенскомъ лѣсу и ея послѣдствія.—Таинственный посѣтитель Компьенскаго замка.—„Маленькій Наполеонъ“ и великій Гюго.—Исторія сенатора.—Клятва Клода.—Кто такой авторъ „Записокъ“.—Ласенеръ.—Неправдоподобная проницательность.—„Черный кабинетъ“ при Луи-Филиппѣ.—Распайль и орденъ почетнаго легіона.—Изумрудная булавка.—Двойная полиція Луи-Филиппа.—Заговоръ 5-го мая.—Политическая шляпа.—Тьеръ и правительство іюльской революціи.— Баронъ Тайлоръ.—Какъ опасно полицейскимъ ухаживать за гризетками.—Будущій императоръ въ кабакѣ и тюрьмѣ.—Зеленая шаль.—Трущобы въ Пасси.— Значеніе „Записокъ Клода“.

ВЪ КОНЦѢ прошлаго года вышли въ свѣтъ первые томы „Записокъ Клода“, начальника сыскной полиціи, выдержавшія нѣсколько изданій и имѣвшія большой успѣхъ. Помимо интереса, который всегда возбуждаетъ въ публикѣ все, что относится до полиціи, книга Клода замѣчательна еще и потому, что сообщаетъ любопытныя подробности объ эпохѣ, когда полиція была органическою, преобладающею частью государственнаго управленія, главною функціею въ жизни цѣлаго народа. Эпоха эта — вторая имперія, разоблаченія которой могли явиться, конечно, только послѣ ея паденія. И въ лите-

ратурѣ имѣется уже немало подобныхъ разоблаченій, но всѣ они, принадлежа лицамъ, не входившимъ въ составъ учрежденія полиціи, или бывшимъ ея жертвами, могли быть заподозрѣны въ преувеличеніи фактовъ или недостаткѣ правдивости. Теперь же, когда историкомъ полицейскихъ событій является лицо вполнѣ компетентное, 20 лѣтъ стоявшее въ главѣ этого учрежденія и не имѣющее надобности ни скрывать его тайнъ, ни относиться къ нимъ враждебно, мы, конечно, еще ближе знакомимся съ эпохою, о которой потомки наши будутъ отзываться съ изумленіемъ и негодованіемъ. Самый тонъ „Записокъ" Клода отзывается такою искренностью, такимъ добродушіемъ; они сопровождаются часто такими документальными доказательствами, находящими себѣ подтвержденіе въ историческихъ событіяхъ и въ мемуарахъ другихъ современниковъ, что мы ставимъ автора этихъ „Записокъ" въ ряду лицъ, рисующихъ намъ самую вѣрную картину времени, еще такъ недавно пережитаго нами. Картина эта относится собственно къ частной, интимной жизни имперіи. Полиція безопасности, или, точнѣе, сыскная (police de sureté), наблюдала собственно за преступленіями противъ лицъ и имуществъ; наблюденія же за преступленіями противъ государства принадлежали вѣдѣнію особой политической, или такъ называемой тайной полиціи, о которой Клодъ говоритъ только вскользь, насколько она касается общественной безопасности. Сверхъ этихъ двухъ полицій, у главы государства была еще третья, своя полиція, охранявшая личность императора и наблюдавшая за другими полиціями и за отдѣльными личностями: министрами, даже самыми близкими къ Луи-Наполеону.

Чтобы ознакомиться ближе съ нравами имперіи, мы представимъ, въ сжатомъ разсказѣ, нѣсколько очерковъ изъ книги Клода и прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о самомъ устройствѣ полиціи. Префектура полиціи — цѣлый отдѣльный міръ, говоритъ Клодъ, и ея реорганизація составляетъ стройное, вполнѣ законченное, любимое созданіе въ царствованіе Наполеона III. Бывшій карбонаръ въ Италіи, полисменъ въ Лондонѣ, Луи-Наполеонъ, сдѣлавшись императоромъ, употребилъ всѣ старанія для устройства полицейской префектуры. Бывши столько разъ въ своей жизни то заговорщикомъ, то сыщикомъ, онъ хорошо зналъ оба эти ремесла, и это знаніе прежде всего помогло ему совершить государственный переворотъ, въ то же время бывшій и полицейскимъ. Уже въ декабрѣ 1851 года, онъ возстановилъ министерство общей полиціи, созданное въ 1804 году, и поручилъ его своему сообщнику Мопà. Впослѣдствіи, изъ приличія, министерство это было названо главнымъ управленіемъ общественной безопасности. Завися отъ другого сообщника заговора 2-го декабря, герцога Морни, учрежденіе это развилось съ чрезвычайною силою и пользовалось огромною извѣстностью. Императоръ, принимая ежедневно доклады управленія общественной безопасности, былъ настоящимъ шефомъ полиціи. Подъ его руководствомъ работали Мопа,

Піетри, Колле-Мегрэ, въ свою очередь дававшіе наставленія Алесcандри, Румини и другимъ корсиканцамъ.

Префектура полиціи, кромѣ главныхъ начальниковъ, въ числѣ семи лицъ, занимала работою до 400 чиновниковъ, на содержаніе которыхъ городъ платилъ до 800.000 франковъ. Главныя четыре отдѣленія префектуры наблюдали за розысканіемъ преступленій, за охраною безопасности, за нравственностью и за публичными заведеніями. Отъ управленія зависѣло множество полицейскихъ комисаровъ (до 80), кромѣ комисаровь спеціальныхъ, наблюдавшихъ за рынками, театрами, бойнями, постройками, санитарными условіями, экипажами, освѣщеніемъ, навигаціею по Сенѣ и пр. Клодъ говоритъ, что во всѣхъ этихъ отрасляхъ господствовало самое наглое, открытое взяточничество. Мѣста инспекторовъ, контролеровъ, смотрителей, раздавались не иначе, какъ лицамъ благонадежнымъ и благонамѣреннымъ, а такими лицами считались всѣ, кто могъ заплатить за свои мѣста. Отъ послѣдняго носильщика, чистильщика сапоговъ, открывателя ложъ или каретъ, требовался, для полученія мѣста, залогъ, гарантирующій ихъ нравственность. Понятно, что всѣ такія лица были преданы правительству, которому они платили за право собирать съ публики посильныя приношенія. Эти поборы шли также на покрытіе секретныхъ издержекъ. Въ 1855 году, т. е. на четвертый годъ существованія имперіи, префектура полиціи стоила уже 4.917.295 франковъ, кромѣ платы тайнымъ агентамъ и комисарамъ, наблюдавшимъ спеціально за охраною императорскихъ резиденцій. На всѣ полиціи вообще, вмѣстѣ съ политической, въ годъ издерживалось 14 мильоновъ франковъ.

Въ эту сумму входили издержки тайной полиціи по рапорту ея директора, на слѣдующіе предметы: 1) подготовленіе оваціи, при встрѣчѣ его величества во время поѣздокъ; 2) жалованье корсиканскимъ бригадамъ, охраняющимъ особу императора; 3) плата тайнымъ подстрекателямъ (agents provocateurs) и 4) плата шпіонамъ за сообщеніе обо всемъ, что они видѣли и слышали. Сообщенія иногородныхъ агентовъ о политическомъ движеніи въ департаментахъ оплачивались особо. Агенты эти обязаны были представлять министру внутренныхъ дѣлъ списки вліятельныхъ лицъ въ ихъ мѣстности—благомыслящихъ или либеральныхъ, и сообщать ихъ подробныя біографіи. Комисары выбирались обыкновенно изъ агентовъ-подстрекателей. Послѣднихъ было въ особенности много на фабрикахъ и въ заведеніяхъ, гдѣ работало много народа. Они угощали тамъ рабочихъ, и, вмѣстѣ съ ними браня правительство, вывѣдывали всѣ планы интернаціонали. Когда ея отдѣленіе устроилось въ Парижѣ, полиція тотчасъ узнала объ этомъ, потому что ея агенты втерлись въ бюро общества. Послѣ заговора Орсини, опасаясь вторичныхъ покушеній на свою жизнь, Луи-Наполеонъ прибѣгнулъ къ другой макіавелевской тактикѣ, понимая, что нельзя постоянно избавляться отъ опасныхъ людей съ помощью своихъ корсиканцевъ. Императоръ являлся лично на фабрику, какъ

въ Сен-Дени, или въ казармы, какъ послѣ плебисцита въ казарму св. Евгенія, и собственноручно раздавалъ крѣсты этимъ опаснымъ людямъ, въ присутствіи всѣхъ ихъ товарищей. Въ тайной полиціи служило много письмоносцевъ и почтальоновъ: они указывали домовымъ привратникамъ на подозрительныя кореспонденціи, которыя отправлялись въ особое отдѣленіе префектуры, гдѣ распечатывались и потомъ уже разсылались по назначенію. Вскрытыя такимъ образомъ письма указали на отправленіе изъ Лондона Кельша и другихъ заговорщиковъ—съ цѣлью убить императора. Всѣ они были схвачены корсиканской бригадой, а Кельшъ убитъ во время ареста.

Луи-Наполеонъ часто приказывалъ полиціи посылать въ иностранныя газеты, особенно въ „Indépendance Belge" извѣстія, касающіяся его плановъ или придворныхъ происшествій — чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ они на европейскую журналистику. Одинъ изъ наивныхъ редакторовъ бонапартистской газеты вздумалъ какъ-то найти неприличнымъ, что извѣстія, интересующія Францію, являются сначала въ заграничныхъ изданіяхъ и обвинялъ полицію въ сообщеніи такихъ извѣстій иностранцамъ. Мона призвалъ къ себѣ добродушнаго редактора и объявилъ, что сошлетъ его въ Кайенну, если онъ позволитъ себѣ еще подобное замѣчаніе. Достойные сподвижники августѣйшаго авантюриста шпіонили другъ за другомъ; полиція Персиньи — этого сочинителя системы „предостереженій" въ печати, наблюдала за Руэромъ, полиція Руэра интриговала противъ Персиньи. Клодъ говоритъ, что поставленный своею службою среди всѣхъ этихъ низостей, подкуповъ и насилій печальнаго царствованія, онъ все время оставался чуждъ имъ и видѣлъ „въ политическихъ преступникахъ, которыхъ долженъ былъ арестовать, только враговъ порядка, свободы и общественнаго спокойствія". Но не говоря уже объ эластичности такого понятія о политическихъ преступникахъ, честный человѣкъ скорѣе откажется отъ мѣста, занятіе котораго заставляетъ его дѣйствовать противъ его убѣжденій, нежели будетъ оправдывать насильственные поступки исполненіемъ своего долга. Клодъ негодуетъ на то, что императоръ видѣлъ въ каждомъ полицейскомъ Видока, и много распространяется о томъ, что онъ сдѣлалъ полицію безопасности вполнѣ достойною тѣхъ заслугъ, которыхъ общество вправѣ ожидать отъ нея; но обществу оказываютъ услугу многія учрежденія; только вступать въ эти учрежденія способенъ не всякій и восхваляютъ ихъ только тѣ, которые тамъ служатъ. Клодъ самъ говоритъ, что онъ избѣгалъ сколько могъ, на своемъ мѣстѣ, пользоваться услугами подстрекателей, значитъ, все-таки иногда долженъ былъ ими пользоваться. Преслѣдованія его комуною онъ приписываетъ тому, что его полицію смѣшивали съ полиціей политическою; но, значитъ, смѣшеніе это было возможно. Охрану безопасности общества очень трудно отдѣлить отъ охраны лицъ, стоящихъ въ главѣ этого общества. Стало быть, всѣ разъясненія Клода не болѣе какъ громкія фразы, напрасно стараю-

щіяся оправдать то, что не можетъ быть оправдано голосомъ чести и справедливости.

Политическая полиція Луи-Наполеона, покрывшая всю Францію такимъ множествомъ тайныхъ агентовъ, встрѣтилась, къ концу его царствованія, еще съ одною полиціею, болѣе многочисленною и гораздо лучше организованною: это была прусская полиція, достигшая въ 1867 году, въ эпоху всемірной выставки, своего полнаго развитія. Не для того только, чтобы ознакомиться съ этой блестящей выставкой, прусскій король и его вѣрный канцлеръ сдѣлались гостями въ Тюльери. Наполеонъ III, въ офиціальной рѣчи говорилъ, что высокіе гости съѣзжались въ столицу Франціи „для того, чтобы принести къ себѣ вѣрное сужденіе о нашей странѣ". Вторая половина фразы говорила о „новой эрѣ согласія и прогреса", но для иноземныхъ гостей достаточно было и одного „вѣрнаго сужденія", давшаго потомъ такіе осязательные результаты. Это вѣрное сужденіе ясно указывало, до какого печальнаго, хотя и блестящаго по наружности, положенія довелъ Францію авантюристъ, захватившій ее въ свои руки. У прусской канцеляріи при тюльерійскомъ дворѣ была уже давно шпіонкою извѣстная герцогиня. Чрезъ нея въ Пруссіи получались самыя подробныя свѣдѣнія о всѣхъ похожденіяхъ Луи-Наполеона и, въ особенности, о степени разложенія учрежденій имперіи и всего общества. Русскій императоръ, только что подвергнувшійся покушенію поляка Березовскаго, вѣроятно, также горько улыбался, слушая восхваленія „новой эры согласія и прогреса", начало которой въ Европѣ было положено захватомъ датскихъ герцогствъ и битвою при Садовѣ. Въ эту эпоху, по словамъ Клода, Парижъ и вся Франція были покрыты сплошною сѣтью, все болѣе и болѣе сжимавшеюся и нити которой шли изъ Берлина: множество пруссаковъ, разсѣянныхъ по всей странѣ, подробно изучали ее во всѣхъ отношеніяхъ, прежде чѣмъ вернуться въ нее уланами прусскихъ авангардовъ. Въ концѣ выставки, въ Парижѣ возникло множество пивныхъ заведеній, подъ вывѣскою „Гамбринуса". Во всѣхъ уголкахъ Парижа копошились массы нѣмцевъ, пристально наблюдавшихъ за ходомъ дѣлъ. Самъ Луи-Наполеонъ былъ опутанъ сѣтями своей возлюбленной герцогини. Лучшіе отели Парижа содержали нѣмцы. Баварское пиво, быстро вошедшее въ моду, развязывало языки французу, и безъ того всегда и во всемъ черезчуръ откровенному. Пивныя заведенія въ особенности размножались въ предмѣстьяхъ Сен-Мартена, Сен-Дени въ Бельвилѣ, на Монмартрѣ, — вездѣ, гдѣ толпились массы недовольнаго народа, и существовали казармы и центры военнаго управленія. Пивоварни, устройство которыхъ началось съ Эльзаса, шли черезъ Ліонъ по главнымъ городамъ до Парижа. Въ то же время нѣмецкія гостинницы, распространяясь отъ Женевы по склонамъ Альпъ, шли къ центру и на сѣверъ Франціи. Онѣ служили съ математическою точностью этапами, по которымъ, при началѣ войны съ Франціею, подвигались

корпуса Мантейфеля, принца Фридриха Карла и баварцевъ. До войны эти пивоварни и трактиры служили обсерваціонными пунктами. Трактиры, занимавшіе болѣе важные пункты и принадлежавшіе французамъ, постепенно занимались нѣмцами, выживавшими прежнихъ хозяевъ всѣми мѣрами, часто незаконными, иногда преступными. Драматическую исторію перехода одного изъ такихъ трактировъ въ руки нѣмцевъ разсказываетъ Клодъ въ своихъ „Запискахъ".

Въ 1867 году, близъ казармы Пуасоньеръ, существовала гостинница, посѣщаемая множествомъ народа и содержимая двумя сестрами, природными парижанками. Старшая сестра, лѣтъ 35-ти, но еще очень красивая, не отличалась строгостью поведенія, но строго смотрѣла за своею сестрою, двадцатилѣтнею блондинкою, чрезвычайно привлекательною. Пріобрѣтя гостинницу на деньги одного богатаго офицера, хозяйка ея не считала однако же нужнымъ оставаться ему вѣрною и имѣла много поклонниковъ между его товарищами, жившими бо́льшею частью въ ея меблированныхъ комнатахъ. Вскорѣ послѣ выставки, между жильцами гостинницы явился польскій полковникъ, служившій въ австрійской арміи, но вышедшій, по его словамъ, въ отставку послѣ Садовой. Онъ началъ ухаживать за хозяйкой отеля, которая, несмотря на свой вѣтренный характеръ, сильно къ нему привязалась. Увлеченная новымъ чувствомъ, она долгое время не замѣчала, что ловеласъ-полковникъ ухаживалъ въ то же время и за ея сестрою. Когда же она не могла уже болѣе сомнѣваться въ этомъ, между сестрами произошла сильная сцена, имѣвшая печальную развязку. Младшая сестра, на упреки старшей, отвѣчала, что полковникъ любитъ ее и обѣщалъ на ней жениться и что она скорѣе умретъ, чѣмъ откажется отъ него. Тогда старшая сестра объявила, что она выгоняетъ меньшую изъ дома, а та отвѣчала, что уйдетъ охотно, но не одна, а съ своимъ полковникомъ. Старшей сдѣлалось дурно и младшая, разставаясь съ нею, принесла ей стаканъ воды. Въ то же время горничная пришла сказать хозяйкѣ гостинницы, что жилица ихъ, нѣмка изъ Бадена, желавшая купить у нея гостинницу, уѣзжаетъ и проситъ немедленно и окончательно переговорить съ нею, такъ какъ она давно уже ждала въ сосѣдней комнатѣ, когда сестры окончатъ бесѣду. Несмотря на свое разстроенное состояніе, хозяйка приняла нѣмку, полулежа на кушеткѣ и извиняясь нездоровьемъ. Нѣмка сказала, что она слышала нѣсколько словъ, изъ которыхъ могла заключить, что ее очень огорчила сестра, пожалѣла о неблагодарности даже близкихъ лицъ и, обратясь къ предмету своего посѣщенія, стала толковать объ условіяхъ уступки ей гостинницы, которую давно торговала. Хозяйка отвѣчала отказомъ на окончательные переговоры съ нѣмкою, такъ какъ сумма, предложенная ей, была слишкомъ ничтожна, и нѣмка объявила, что оставляетъ Парижъ и ѣдетъ обратно въ Баденъ. Но, прощаясь съ хозяйкой, она незамѣтно всыпала въ стаканъ воды, стоявшій передъ

нею, какой-то порошокъ. Выпивъ, по уходѣ нѣмки, эту воду, хозяйка вскорѣ почувствовала жгучія боли въ желудкѣ. Вспомнивъ, что стаканъ съ водой подала ей сестра, она послала за нею и стала упрекать, что та отравила ее. Младшая сестра пришла въ ужасъ при этомъ обвиненіи и, чтобы доказать его неосновательность, хотѣла допить стаканъ, но умирающая остановила ее и сказала, что несчастная была только орудіемъ въ рукахъ полковника и что онъ точно также погубитъ и младшую сестру, какъ погубилъ старшую. Когда же докторъ, явившійся къ больной, нашелъ въ стаканѣ мышьякъ, она сказала, что отравилась сама, видя, что полковникъ не любитъ ее и что она мѣшаетъ счастью сестры. Вскорѣ послѣ этого признанія, она умерла, а сестра ея, ослѣпленная страстью, вышла всетаки за полковника и передала ему гостинницу и все, что имѣла. Затѣмъ, случилось то, чего надобно было ожидать: австрійскій полковникъ оказался пруссакомъ. По своему званію, онъ не могъ управлять гостинницей и поручилъ это своей кузинѣ, той самой нѣмкѣ, которая торговала гостинницу у покойной хозяйки. Вскорѣ несчастная жена убѣдилась, что эта кузина была гораздо ближе къ полковнику, чѣмъ она сама. Супругъ очень скоро сбросилъ съ себя маску и началъ такъ обращаться со своей женою, что она, послѣ одной изъ домашнихъ сценъ, родила преждевременно мертваго ребенка и вслѣдъ затѣмъ умерла сама. Мужъ ея уѣхалъ въ Германію со своей кузиною, передавъ гостинницу своему соотечественнику, и черезъ три года явился во Франціи, въ передовыхъ отрядахъ прусскихъ улановъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что нравы всѣхъ классовъ французскаго общества были очень распущены въ эту эпоху: примѣръ имъ подавали высшіе классы, лица, близкія къ трону, и самъ императоръ, о многочисленныхъ похожденіяхъ котораго говорятъ всѣ записки того времени и многія изъ отдѣльныхъ сочиненій. Когда, въ началѣ имперіи, въ Лондонѣ вышелъ громовый памфлетъ Виктора Гюго—„Napoléon le Petit", „Les nuits de S-t Cloud", „Le Pilori", „Le nouveau César" и множество подобныхъ брошюръ—ихъ сочли пасквилями, преувеличеніями, клеветою. Прошедшее „преступника второго декабря", какъ его называли тогда, было, конечно, запятнано разнаго рода темными и грязными дѣлами, но по общепринятой рутинѣ полагали, что, достигнувъ власти, онъ сдѣлается если не образцомъ величія и добродѣтели, то по крайней мѣрѣ не будетъ таскать въ грязи порфиру, запачканную только въ крови и захваченную обманомъ и клятвопреступленіемъ. Ожиданія не сбылись. Второй и послѣдній монархъ изъ династіи наполеонидовъ перещеголялъ распутствомъ Людовика XV. Это говорятъ всѣ, близко знавшіе новаго Цезаря; объ этомъ свидѣтельствуетъ даже Клодъ, отзывающійся вообще очень неблагосклонно о нравственныхъ качествахъ императора. Но что дѣлалось вокругъ этого стараго развратника,—онъ достигъ власти уже

на 55-мъ году—этому трудно и повѣрить, если бы эротическія похожденія этого двора, составленнаго изъ проходимцевъ безъ чести и совѣсти, не подтверждались многочисленными свидѣтельствами людей, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія. Клодъ передаетъ только немногіе отдѣльные эпизоды этихъ похожденій, говоритъ объ нихъ въ сдержанныхъ выраженіяхъ, очевидно недосказывая многаго, но и изъ того, что̀ приведено имъ, можно видѣть, каковы были нравы представителей и правителей второй имперіи и отчего эта имперія рухнула такъ быстро и съ такимъ позоромъ. Думая спастись отъ внутренняго толчка, гніющее, хотя и блестящее мишурою, зданіе, само напросилось на внѣшній толчокъ и разсыпалось въ крови и грязи, изъ которой возникло.

Въ послѣдніе годы имперіи, въ Европѣ ходили слухи о чудовищныхъ оргіяхъ въ Фонтенебло, куда дворъ отправлялся на охоту вслѣдъ за своимъ повелителемъ. Въ одинъ день къ Клоду явилась его старинная знакомая, г-жа М*. (Клодъ нигдѣ не называетъ своихъ героевъ и предувѣдомляетъ, что мѣняетъ даже начальныя буквы фамилій). Принадлежа ко двору, она нѣсколько разъ прибѣгала къ помощи полиціи для того, чтобы скрыть разныя некрасивыя похожденія, и теперь явилась съ просьбою—вывести изъ большого затрудненія ее и нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ. М* была женщина лѣтъ подъ сорокъ, но все еще красивая, хотя и не безъ помощи косметики. Это была настоящая Мессалина, участница всѣхъ оргій, лучшій другъ герцогини, шпіонки Пруссіи и соперницы императрицы. Клодъ замѣтилъ, что М* была ранена въ руку и щеку, и она разсказала, что получила эти раны на „охотѣ при факелахъ" въ фонтенеблоскомъ лѣсу. На эту охоту являлись ночью избранныя дамы изъ свиты герцогини и Евгеніи, въ костюмѣ нимфъ—и за ними гонялись, по извѣстному огороженному мѣсту парка, недоступному для непризванныхъ, придворные Актеоны. Но такъ какъ во время погони въ потьмахъ можно наткнуться на кусты и попасть въ канаву, то въ извѣстныхъ мѣстахъ сада, на перекресткахъ извилистыхъ дорожекъ и у входа въ темные гроты, стояли обнаженныя женщины съ факелами, освѣщая дорогу охотникамъ и нимфамъ. Описывая эти пикантныя сцены, напоминающія древнія вакханаліи и оргіи средневѣковаго шабаша на Брокенѣ, г-жа М* дошла до такихъ циническихъ откровенностей, что Клодъ попросилъ ее не вдаваться въ подробности того, что она развязно называла „наши дурачества" (nos betises), и разсказать только самую сущность дѣла. Тогда М* сообщила, что въ числѣ обнаженныхъ факельщицъ, завербованныхъ ею же для этой роли и еще для другой, болѣе пріятной, была дочь жандарма, состоявшаго при фонтенеблоскомъ дворцѣ. Дѣвушка эта, нѣсколько разъ исправно занимавшая свое амплуа, почувствовала вдругъ „какіе-то упреки совѣсти" и нетолько отказалась участвовать въ послѣдней „охотѣ при факелахъ", но и разсказала обо всемъ отцу, а „старый

болванъ, взбѣсившись", отправился подъ утро въ паркъ и, увидя въ пруду нимфъ, которыя, утомившись ночною охотою, брали прохладную ванну вмѣстѣ со своими Актеонами — выстрѣлилъ въ нихъ изъ своего карабина. Одна изъ купавшихся была ранена въ спину, другая—г-жа М* въ руку и шею. Испуганныя нимфы, конечно, разбѣжались, но за нихъ отмстили двое изъ ихъ кавалеровъ: прежде, чѣмъ жандармъ успѣлъ вторично зарядить карабинъ—они мѣткимъ выстрѣломъ свалили его въ прудъ.

— И что всего хуже,—прибавила циническая дама: это грубое животное, жандармъ, остался живъ. Его вытащили изъ воды, а чтобы помириться съ папенькой, дочка кричитъ громче о потерѣ своей чести. Скверное положеніе дѣлается еще хуже тѣмъ, что былъ еще свидѣтель этой сцены. Такъ какъ музыка располагаетъ къ веселью, то на время охоты привозили въ паркъ шарманщика и кларнетиста съ Пон-нёфа. Музыкантъ, правда, слѣпой, но и онъ все-таки кричитъ, что балъ внизу кончился тѣмъ, что подстрѣлили нѣсколько танцорокъ.

Клодъ взялся устроить это дѣло „въ интересахъ государства", такъ какъ нимфы принадлежали къ высокопоставленнымъ придворнымъ дамамъ. Онъ отправился къ жандарму и нашелъ его раненымъ въ голову, но не опасно. Бѣднякъ сбирался жаловаться самому императору и сомнѣвался только въ томъ, допустятъ ли къ его величеству. Клодъ также изъявилъ сомнѣніе, такъ какъ лица, виновныя въ несчастіи его и дочери, стоятъ слишкомъ высоко, повывѣдалъ о томъ, что̀ могло бы удовлетворить оскорбленнаго отца, убѣдился, что желанія его не такъ велики, чтобы ихъ нельзя было исполнить. Жандармъ готовъ былъ помириться на крестикѣ и пенсіонѣ, да на прінсканіи жениха его дочери. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ орденъ почетнаго легіона и визитъ жениха, приносившаго въ приданое дочери жандарма порядочную сумму. Заставить молчать слѣпого музыканта было нетрудно. Боязнь потерять на мосту выгодное мѣсто, гдѣ онъ собиралъ обильную дань съ добросердечныхъ прохожихъ, сдѣлали его и нѣмымъ. Въ послѣднее время полиція имперіи только тѣмъ и занималась, что вездѣ старалась замять всякаго рода скандалы, выроставшіе какъ грибы въ тлетворной атмосферѣ наполеоновской имперіи [1]).

Вмѣстѣ съ „охотою при факелахъ" въ Фонтенебло славилась и „охота à la Louis XV" въ Компьенѣ. Лѣсъ этой загородной императорской резиденціи видѣлъ много тайныхъ сценъ, слѣды которыхъ остались въ исторіи. Одна изъ этихъ сценъ послужила поводомъ, хотя

---

[1]) Фонтенеблоскія оргіи описали подробно Луи Нуаръ, братъ Виктора Нуара, убитаго Петромъ Бонапарте въ 1870 году, и аббатъ С., писатель правдивый и серьезный, представившій въ своихъ мемуарахъ печальную картину наполеоновскаго режима.

и не главнымъ, къ мексиканской войнѣ. Вскорѣ послѣ итальянской кампаніи, императоръ, проводившій часто осень въ Компьенѣ, завелъ тамъ блистательные праздники и охоты, на которыя приглашенные должны были собираться въ охотничьихъ костюмахъ временъ Людовика XV, въ то время какъ дамы являлись какъ на картинахъ Ватто и Ланкре, только еще больше декольтированныя. Ихъ голыя плечи спорили въ блескѣ съ грудью кавалеровъ, покрытою всякаго рода крестами и звѣздами. Самыми блестящими свѣтилами, вращавшимися вокругъ сумрачнаго Юпитера, были: австрійская княгиня Меттернихъ, полька—графиня Валевская и нѣмецкая „герцогиня“, бывшая въ то время офиціальною фавориткою. Стараясь, конечно, сохранить за собой это пріятное званіе, она узнала, что герцогъ Морни, опасаясь ея вліянія на своего братца Луи Наполеона, задумалъ выставить ей опасную конкурентку, въ лицѣ красавицы испанки, находившейся въ родствѣ съ банкиромъ Джекеромъ, выгнаннымъ изъ Мексики, не хотѣвшей признать своего долга Испаніи по займу, устроенному и заключенному Джекеромъ. Родственница банкира явилась во Францію, съ цѣлью хлопотать о средствахъ понудить Мексику къ уплатѣ Испаніи своего долга, безъ чего Джекеръ долженъ былъ потерять огромную сумму. Морни устроилъ такъ, чтобы первое свиданіе императора съ красавицей испанкой произошло на охотѣ въ Компьенѣ. Объ этомъ узнала „герцогиня“ и предупредила Евгенію. На одномъ изъ перекрестковъ парка, зорко охраняемомъ полиціею, должны были „случайно“ встрѣтиться императоръ и прекрасная амазонка, блиставшая свѣжестью молодости, которой уже не имѣла герцогиня, и страстностью, какою никогда не отличалась натура Евгеніи. Но при самомъ началѣ свиданія, когда испанка только что стала разсказывать о своемъ затруднительномъ положеніи, къ бесѣдовавшей парѣ неожиданно подскакалъ охотникъ и, вскричавъ: „ваше величество! императрица!..“ тотчасъ же скрылся. Вслѣдъ за нимъ, въ костюмѣ амазонки съ картины Ватто, къ разговаривавшимъ примчалась императрица. Луи-Наполеонъ въ эту минуту успѣлъ уже придумать, какъ повести дѣло и, обратившись къ Евгеніи, сказалъ съ апломбомъ:

— Представляю вамъ, милая Евгенія, молодую вашу соотечественницу, заинтересовавшую меня разсказомъ о своихъ несчастіяхъ: Мексика лишила ее всего состоянія, не признавъ долга, заключеннаго ея банкиромъ Джекеромъ. Вы, какъ испанка, конечно, примете въ ней участіе.

— Меня предупредили, отвѣчала императрица,—что васъ будутъ просить по одному дѣлу, но я никакъ не ждала, что ваше величество будете сами чинить судъ и расправу, какъ святой Людовикъ, въ лѣсу, и подъ тѣнью дуба. Но—прибавила она—вопросъ о Мексикѣ, разорившей особу, которою такъ интересуется императоръ, принадлежитъ къ числу кабинетныхъ вопросовъ, разсмотрѣть который долженъ

герцогъ Морни. На охотѣ не время заниматься серьезными дѣлами. Впередъ, господа! за дичью!

Разстроивъ, такимъ образомъ, свиданіе Луи-Наполеона, Евгенія не достигла, однако, своей цѣли: онъ все-таки не отказался отъ покровительства красавицѣ и плодомъ его требованій, обращенныхъ къ Мексикѣ, была несчастная война, стоившая Франціи столько крови и покрывшая ее такимъ позоромъ, когда онъ отдалъ на жертву озлобленнымъ мексиканцамъ эрц-герцога Максимиліана, разстрѣляннаго за его попытку ввести въ Мексику такое же управленіе, какое ввелъ во Франціи его покровитель—Луи-Наполеонъ [1]).

Въ Компьенѣ имперія давала свои послѣдніе праздники. Придворные, стекавшіеся туда въ костюмахъ временъ Людовика XV, повторяли, какъ этотъ король: „послѣ насъ хоть потопъ!" не подозрѣвая, что потопъ этотъ наступитъ очень скоро—въ видѣ вторженія пруссаковъ. На компьенскихъ праздникахъ играли и пьесы, для исполненія которыхъ привозили труппу французскаго театра. Но возмутительнѣе всего было то, что актрисы театра Мольера исполняли въ этихъ случаяхъ и другія, постыдныя роли. Это сдѣлалось извѣстно всему Парижу послѣ одного скандальнаго случая. Въ концѣ ужина актеровъ, слѣдовавшаго за парадныиъ спектаклемъ, явились два флигель-адъютанта и пошептали что-то двумъ самымъ хорошенькимъ артисткамъ труппы. Тѣ, покорно вставъ съ своихъ мѣстъ и взявъ шляпки, приготовились идти за адъютантами. Тогда одинъ изъ актеровъ бросился къ этимъ дамамъ и остановилъ ихъ рѣзкими, но правдивыми упреками.

— Во имя власти императорскаго двора! я требую, чтобы вы послѣдовали за мною—сказалъ актрисамъ одинъ изъ адъютантовъ.

— Во имя достоинства французскаго театра! вскричалъ актеръ,— во имя всѣхъ моихъ товарищей, я требую, чтобы вы остались.

И онъ бросился къ дверямъ, преградивъ дорогу сконфуженнымъ актрисамъ, которыя должны были вернуться на свои мѣста при крикахъ негодованія всей залы. „Послѣ этой сцены на актрисъ перестали смотрѣть какъ на гетеръ при дворѣ распутнѣйшаго изъ императоровъ" (à la cour du plus libertin des empereurs), прибавляетъ Клодъ.

Онъ говоритъ далѣе въ сдержанныхъ, но довольно ясныхъ выраженіяхъ о другой сценѣ, бывшей въ томъ же лѣсу, когда Евгенія, все въ томъ же костюмѣ амазонки, застала герцогиню на свиданіи съ ея вѣтреныиъ супругомъ. Тутъ были такіе крики, вопли, даже

---

[1]) Теодоръ Лабурье приводитъ ту же причину мексиканской войны въ своемъ классическомъ сочиненіи о второй имперіи, не упоминая только объ интригахъ „герцогини", которыя разоблачены въ „Запискахъ" барона Римини и въ сочиненіяхъ: „La verité sur Orsini", „Les mystères de l'Empire" и въ „Histoire secrète de Napoléon III".

свистъ хлыста, что ихъ слышали далеко стоявшіе полицейскіе агенты, несмѣвшіе передать даже своему начальнику подробности этой сцены. На другой день Евгенія, блѣдная, со впалыми глазами, объявила своему двору, что ѣдетъ въ Сирію. Офиціальныя газеты объявили, что императрица имѣетъ намѣреніе посѣтить святыя мѣста, которыя она, однако, не посѣщала, а съѣздила только въ Каиръ, въ гости къ галантному хедиву, да въ Константинополь къ неменѣе галантному Абдулъ-Азису, пріѣзжавшимъ на парижскую выставку. Послѣ этого вояжа, она находилась въ холодныхъ, натянутыхъ отношеніяхъ къ Луи-Наполеону до того времени, когда, желая обратить умы безпокойныхъ французовъ на внѣшнюю политику, онъ задумалъ начать войну съ Пруссіей. Евгенія, изъ ненависти къ герцогинѣ-шпіонкѣ, схватилась съ восторгомъ за эту идею, подкупала журналистовъ, чтобы они разжигали народныя страсти, поддерживала воинствующую партію, возбуждала энергію даже въ своемъ апатичномъ мужѣ и твердила не стѣсняясь: „мнѣ нужна эта война! Это моя война!“ Извѣстно, во что обошлась Франціи ссора двухъ соперницъ въ Компьенскомъ лѣсу.

Черезъ этотъ же лѣсъ, въ одинъ изъ послѣднихъ дней 1869 г., пробирался во дворецъ странный посѣтитель. Луи-Наполеонъ ждалъ его въ девять часовъ вечера, въ комнатѣ зàмка, которую занималъ когда-то Наполеонъ I. Императоръ, видимо озабоченный, ходилъ по комнатѣ, съ вѣчной сигаретой во рту, изрѣдка взглядывая на сосѣднюю комнату, гдѣ жилъ когда-то римскій король, а теперь императорскій принцъ. Въ своей прогулкѣ по комнатѣ Луи-Наполеонъ останавливался иногда передъ картиною Шарлè, представляющею ночной смотръ тѣней Наполеономъ I въ Елисейскихъ поляхъ. Наполеонъ III былъ суевѣренъ,—и только въ этомъ походилъ на Наполеона I. Въ эту эпоху бывшій заговорщикъ находился въ такомъ же критическомъ положеніи, какъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, наканунѣ своего государственнаго переворота. Ему и теперь необходимо было произвести переворотъ, который долженъ былъ рѣшить его судьбу. Какъ тогда, онъ и теперь ждалъ спасителя, но Морни давно умеръ, а тотъ, кого онъ ждалъ, врядъ ли могъ спасти кого нибудь. Между тѣмъ, въ Компьенскомъ дворцѣ все было приготовлено къ свиданію, которое должно было остаться для всѣхъ тайною. Весь дворецъ былъ погруженъ во мракъ; едва была освѣщена передняя, гдѣ дремалъ камер-лакей. Въ залѣ, передъ кабинетомъ, гдѣ ждалъ императоръ, грѣлись у едва горѣвшаго камина два адъютанта. Въ паркѣ, прилегавшемъ къ обширному двору зàмка, мелькали группы сбировъ изъ бригады Пьетри. Они также съ нетерпѣніемъ ожидали ночного посѣтителя, перебѣжчика изъ либеральной партіи, министра „съ легкимъ сердцемъ“, который обѣщалъ спасти имперію отъ грозящей ей гибели. Наполеонъ III и Эмиль Оливье сходились въ загородномъ зàмкѣ, потому что Тюльери было наполнено прусскими шпіонами, сходились ночью и тайно, потому что и въ Компьенѣ весь дворъ, всѣ прибли-

женные императора, были противъ его сближенія съ вождемъ опозиціи, врагомъ имперіи. Оливье обѣщалъ ему содѣйствіе всей молодежи, хотя самое появленіе его въ Компьенѣ ночью, инкогнито, закутаннымъ въ кашне, безъ очковъ, подъ охраною корсиканскихъ сбировъ, не могло внушать довѣрія. Но больной, встревоженный, упавшій духомъ императоръ вѣрилъ поневолѣ и долженъ былъ вѣрить этому дезертиру изъ либеральнаго лагеря. Оливье оставилъ Компьенъ только въ часъ утра. О чемъ говорили они? Павшій съ позоромъ министръ, конечно, никогда не передастъ этого потомству, а если и разскажетъ, то кто же повѣритъ ему?.. Что же касается до послѣдствій ихъ продолжительной бесѣды—они обнаружились вскорѣ же—приготовленіями къ войнѣ съ Пруссіей и связанными съ нею бѣдственными событіями.

Предвѣстникомъ паденія правительства служитъ всегда упадокъ нравственныхъ качествъ въ высшихъ классахъ общества, болѣе близкихъ къ кормилу правленія. Стараясь идти во всемъ по слѣдамъ правителей, стоящихъ такъ высоко, что ихъ не достигаетъ кара закона, высшія сферы, часто пользуясь безнаказанностью проступковъ, въ свою очередь производятъ растлѣвающее вліяніе на средніе и даже низшіе классы общества. Клодъ приводитъ ужасающіе примѣры безнравственности всѣхъ этихъ классовъ въ эпоху имперіи и даже ранѣе. Конечно, все это случаи исключительные, но частое повтореніе одного и того же вида преступленій во всѣхъ слояхъ общества доказываетъ уже его нравственное паденіе—понятное, когда примѣръ идетъ свыше. Каковы были эти высокопоставленныя лица—теперь объ этомъ уже знаетъ исторія, хотя еще въ самомъ недавнемъ времени, политика, то-есть современная исторія, отзывалась объ нихъ съ величайшимъ уваженіемъ, и все, что писалось о второй имперіи, называлось пасквилемъ и строго преслѣдовалось. Говорить истину считалось чуть не преступленіемъ, и когда заговорщикъ, похитившій престолъ, сообщалъ, съ презрительной улыбкой, своему двору о появленіи въ свѣтъ „Маленькаго Наполеона", сочиненіи великаго Гюго, журналистика Франціи и всей Европы удивлялась остроумію и великодушію императора, не преслѣдовавшаго зловреднаго писателя, потрясавшаго въ своемъ жгучемъ памфлетѣ основы имперіи, воздвигнутой на клятвопреступленіи и убійствахъ.

Что приближенные къ Луи-Наполеону хорошо знали этого безсердечнаго, сумрачнаго и распутнаго авантюриста—доказываетъ то, что даже полицейскій агентъ, какъ Клодъ, отзывается о немъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Но онъ все-таки служитъ этому императору и зорко охраняетъ его отъ всякихъ опасностей, заговоровъ и даже простыхъ непріятностей, и все только потому, что покровитель Клода, сенаторъ Л., помѣстившій его въ Парижѣ писцомъ въ контору нотаріуса, просилъ его, умирая, не оставлять императора и оберегать его во всѣхъ случаяхъ. Эта привязанность сенатора къ сво-

ему государю и вѣрность Клода данному имъ слову—очень трогательны, но мало правдоподобны, особенно, когда прочтешь главу „Записокъ“, въ которой Клодъ описываетъ смерть этого сенатора, стараго, грязнаго развратника, уже разбитаго параличемъ, но все еще требовавшаго ласкъ отъ своей служанки и приползавшаго къ ней съ своей постели на четверенькахъ, такъ какъ ноги уже отказывались служить ему. Въ „Запискахъ“ подробно передана возмутительная сцена, когда солдатъ, пришедшій къ своей возлюбленной, служанкѣ сенатора, слышалъ изъ другой комнаты, какъ приползшій къ ней старикъ умолялъ ее отвѣчать его желаніямъ. Взбѣшенный солдатъ бросился на паралитика, втолкнулъ его въ стоявшій тутъ же шкафъ и, приперевъ дверь, самъ началъ обнимать служанку на глазахъ ея господина, не имѣвшаго силы сдѣлать движеніе. Онъ такъ и умеръ въ этомъ шкафу...

И такіе люди могли питать самоотверженную привязанность къ Луи-Наполеону и въ минуту смерти думать только о его охранѣ, и такимъ людямъ начальникъ полиціи давалъ слово — свято соблюдать эту охрану!.. Правда, сенаторъ Л. спасъ однажды жизнь Клоду и вообще сдѣлалъ много добра, но, какъ холодный эгоистъ, не разъ самъ говорилъ, что для него не существуетъ ни религіи, ни нравственности, ни политики, что онъ живетъ только для чувственныхъ наслажденій. Могъ ли такой человѣкъ думать передъ смертью о Луи-Наполеонѣ, котораго онъ нисколько не уважалъ?.. Нѣтъ, какъ ни старается начальникъ полиціи выставить себя человѣкомъ въ высшей степени честнымъ, исполняющимъ только свой долгъ, многое въ его запискахъ даетъ намъ право сомнѣваться въ его непреклонной честности. Самое вступленіе его на полицейское поприще представляется мало правдоподобнымъ, хотя онъ подробно разсказываетъ объ этомъ въ первомъ томѣ своихъ „Записокъ“. Въ концѣ царствованія Карла X, онъ былъ однажды приглашенъ на товарищескій обѣдъ, вмѣстѣ съ другими писцами адвокатовъ и нотаріусовъ. Обѣдъ давалъ сынъ богатаго негоціанта изъ провинціи; его звали просто Жоржъ и онъ намѣренъ былъ на другой день опредѣлиться на службу въ контору нотаріуса, по рекомендаціи писцовъ, не разъ встрѣчавшихся съ нимъ въ увеселительныхъ заведеніяхъ Парижа. Молодой человѣкъ до того времени былъ извѣстенъ только своей дуэлью съ племянникомъ Бенжамен-Констана, съ которымъ онъ поссорился въ игорномъ домѣ,—и убилъ его наповалъ, въ отмщеніе будто бы за то, что дядя убитаго, называвшій Наполеона Аттилой и Чингис-ханомъ, когда онъ ушелъ съ острова Эльбы, принялъ отъ него, во время Ста-дней, званіе государственнаго совѣтника. Жоржъ выдавалъ себя за крайняго радикала и на обѣдѣ провозгласилъ тостъ за здоровье своихъ бывшихъ спутниковъ веселой жизни и будущихъ товарищей, такихъ же, какъ и онъ, „жертвъ неравенства соціальныхъ условій“. Входя въ составъ „буржуазной магистратуры, такой же глупой и рутинной, какъ

и другія касты", Жоржъ предсказывалъ, что будущее отмстить за нихъ, принадлежащихъ къ паріямъ цивилизаціи. Онъ назвалъ тогда же свою фамилію, прибавивъ, что скрывалъ ее прежде оттого, что отецъ его былъ объявленъ банкротомъ. Это былъ—Ласенеръ, попавшій въ томъ же 1829 году за кражу кабріолета въ тюрьму, гдѣ писалъ сентиментальные стихи, потомъ, выпущенный на свободу, поддѣлывалъ векселя и, наконецъ, убилъ и ограбилъ одну старуху и ея сына. Казненный въ 1836 году, Ласенеръ встрѣтилъ необыкновенное участіе въ парижской публикѣ; дамы большого свѣта просили его стиховъ, посѣщали его въ тюрьмѣ. Онъ издалъ два тома своихъ сочиненій—„Mémoires, révélations et poesies de Lacenaire", и напрасно честные писатели, какъ Жюль Жаненъ, Леонъ Гозланъ, Гежезиппъ Моро, возставали противъ постыднаго увлеченія этимъ циническимъ убійцею. Клодъ увѣряетъ, что онъ сразу угадалъ, увидя Ласенера за обѣдомъ, что это преступникъ и врагъ общества. Изъ товарищей одни посмѣялись надъ предсказаніемъ, другіе назвали Клода клеветникомъ, но когда, вслѣдъ затѣмъ, будущій убійца укралъ кабріолетъ, всѣ стали удивляться проницательности Клода, и судебный слѣдователь принялъ его къ себѣ на службу. Сказать за веселымъ обѣдомъ, что хозяинъ его, нисколько не опьянѣвшій, по словамъ самого Клода, черезъ семь лѣтъ сдѣлается убійцею—дѣло не легкое и мало правдоподобное. По словамъ Клода, только черезъ него и могли узнать Ласенера, хотя и тутъ была одна простая случайность. Еще задолго до убійства вдовы Шаронъ и ея сына, Ласенеръ былъ уличнымъ писцомъ и, встрѣтясь съ Клодомъ, жаловался, что его обкрадываютъ журналисты. Одна изъ его пѣсенокъ, подъ названіемъ „Просьба вора его величеству", была напечатана въ газетѣ „Le bon Sens", но съ подписью редактора. Ласенеръ подарилъ эту пѣсенку Клоду съ своею собственноручною подписью; когда же онъ былъ арестованъ въ Бонѣ подъ другимъ именемъ, то долго не могли удостовѣриться въ томъ, что лицо, являвшееся подъ четырьмя различными фамиліями, было Ласенеромъ. Только по сличеніи его почерка съ автографомъ пѣсенки убѣдились въ ихъ тожественности—и поэтъ-убійца былъ гильотинированъ.

Клодъ мало говоритъ о своей полицейской службѣ въ царствованіе Луи-Филиппа, хотя по званію актуаріуса (greffier), слѣдственнаго судьи, обязаннаго составлять протоколы по всѣмъ преступленіямъ, могъ бы сообщить много интереснаго объ этой эпохѣ. Однако, онъ приводитъ очень немного случаевъ изъ этого времени. Несмотря на свой добродушный характеръ, король-гражданинъ едва успѣлъ взойти на тронъ, какъ сдѣлался предметомъ нападокъ всѣхъ партій. Онъ принужденъ былъ усилить полицію и, для собственной защиты, возстановилъ такъ называемый „черный кабинетъ", только что уничтоженный революціей 1830 года. Кабинету этому, существовавшему до 1848 года и возстановленному въ 1852 году, было не мало дѣла:

перечитывать частныя письма республиканцевъ, бонапартистовъ, легитимистовъ и всѣхъ тайныхъ обществъ. Одинъ изъ корифеевъ іюльской революціи, знаменитый Распайль, ученый химикъ, фармацевтъ и въ то же время артилеристъ, печаталъ въ своей газетѣ „La Tribune“ рѣзкія выходки противъ правительства, но еще рѣзче отзывался объ немъ въ частныхъ письмахъ, копіи съ которыхъ черный кабинетъ постоянно пересылалъ въ Тюльери, и король, читая нелестные отзывы о немъ яраго республиканца, сказалъ однажды министру внутреннихъ дѣлъ:

— Да чего же хочетъ этотъ человѣкъ?

— Вѣроятно, получить крестикъ, какъ и всѣ іюльскіе герои, замѣтилъ Монталиве.

— Ну, такъ дайте ему, лишь бы онъ оставилъ меня въ покоѣ, отвѣчалъ король.

На другой же день редакторъ „Трибуны“, президентъ общества „Друзей народа“, получилъ увѣдомленіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что согласно съ его представленіемъ его величество пожаловалъ г. Распайлю орденъ почетнаго легіона. Республиканецъ отвѣчалъ министру письмомъ, копію съ котораго послалъ во всѣ газеты и въ которомъ отказывался отъ ордена, говоря, что его хотѣли этимъ подкупить. Несмотря на это, въ офиціальномъ „Монитёрѣ“ явился декретъ о пожалованіи ордена и редакторъ „Монитёра“ не согласился напечатать отказъ Распайля. Черезъ нѣсколько дней сенскій префектъ сообщилъ насильно-пожалованному орденомъ, что ожидаетъ прибытія его въ префектуру, для исполненія обряда принятія въ число кавалеровъ ордена. Въ то же время Распайль получалъ поздравленія отъ разныхъ корпорацій и даже отъ командора ордена, епископа Грегуара. Чтобы принудить врага правительства принять орденъ, его потребовали къ судебному слѣдователю, по обвиненію въ распространеніи оскорбительныхъ для правительства статей и въ принадлежности къ тайному обществу. Отказъ отъ ордена приписали тому, что статуты этого общества запрещали ношеніе орденовъ. Казимиръ Перье, ставъ въ главѣ кабинета, потребовалъ категорически, чтобы Распайль принялъ крестъ, или отправился въ тюрьму. Ученый выбралъ тюрьму и его заперли въ Сент-Пелажи.

Полиція при Луи-Филиппѣ была наполнена, по словамъ Клода, мошенниками и негодяями. У одного значительнаго лица была произведена покража драгоцѣнныхъ вещей. Воръ былъ вскорѣ пойманъ и приведенъ полиціей въ квартиру обворованнаго, чтобы показать, какимъ образомъ совершена кража. Послѣ этого „осмотра мѣстности“, пострадавшій сообщилъ полицейскому комисару, что хотя ему возвратили украденныя вещи, но у него вновь пропала изъ спальни дорогая булавка съ изумрудомъ, осыпанная брильянтами. Очевидно, что она не миновала рукъ одного изъ полицейскихъ, бывшихъ при осмотрѣ квартиры. Комисаръ придумалъ слѣдующій фортель,

чтобы открыть новаго вора между своими полицейскими агентами. Онъ увѣдомилъ ихъ, что долженъ на дняхъ представить ихъ префекту полиціи и поэтому просилъ явиться къ нему въ назначенный день, какъ можно лучше одѣтыми, съ часами, брелоками, цѣпочками, кольцами, чтобы показать, что въ полиціи служитъ не сволочь, а лица достаточныя. Добрый начальникъ предложилъ даже выкупить часы тѣхъ, у кого они въ закладѣ, и въ одно утро полицейскіе явились къ нему разодѣтые и разфранченные. У одного изъ нихъ на галстухѣ была драгоцѣнная булавка съ изумрудомъ. Комисаръ безъ церемоніи вырвалъ ее у него, воткнулъ въ свой шейный шарфъ и сказалъ агенту:

— Вы не только воръ, но и дуракъ. Васъ слѣдовало бы отправить на галеры, но на этотъ разъ я васъ прощаю, ради вашего семейства. Пусть это послужитъ вамъ урокомъ.

Клодъ прибавляетъ, что комисаръ, вѣроятно, для „чести полицейскаго мундира" оставилъ у себя булавку, такъ какъ не могъ допустить, что въ полиціи служатъ воры. Если бы онъ былъ знакомъ съ русскою литературою, то могъ бы прибавить еще замѣчаніе, что нельзя же брать не по чину.

Безконечные заговоры и покушенія на Луи-Филиппа повели, какъ при Луи-Наполеонѣ, къ учрежденію второй полиціи—для личной охраны государя. Начальникомъ этой полиціи былъ генералъ Ataленъ, старый другъ короля, но дѣйствіямъ ея много мѣшалъ самъ Луи-Филиппъ, не вѣрившій, чтобы у него было столько враговъ. Такъ, во время военнаго заговора 5-го мая 1831 года, Аталенъ получилъ извѣстіе, что въ Парижъ пріѣхала герцогиня Сен-Лё, бывшая королева Голландіи, Гортензія, со своимъ сыномъ, принцемъ Луи-Наполеономъ, для того, чтобы на Вандомской площади, въ присутствіи остатковъ императорской арміи въ годовщину смерти Наполеона I, провозгласить императоромъ сына его, Наполеона II. Гортензія, на аудіенціи у Луи-Филиппа, выпросила позволеніе проѣхать черезъ Францію въ Англію, куда она отравлялась по дѣламъ. Король далъ ей даже денежное пособіе для этого вояжа, и она увѣрила его, что если ея сынъ, принцъ Луи, не явился съ нею поклониться королю, то потому, что его удерживаетъ болѣзнь. На другой день, на совѣтѣ министровъ, они потребовали, чтобы Гортензія и сынъ ея были арестованы, такъ какъ принцъ былъ у главныхъ бонапартистовъ и предводителей партій, съ планами низверженія монархіи. Но король не позволилъ производить арестовъ и сказалъ:

— Я вѣрю здравому смыслу общества. Заговоръ этотъ не можетъ удасться. Довольно заниматься королемъ французовъ. Займемтесь дѣлами Франціи.

Заговоръ дѣйствительно не удался, потому что министры военный и внутреннихъ дѣлъ приняли всѣ мѣры предосторожности. Сильные отряды кавалеріи разсѣяли у вандомской колонны многочисленныя

толпы солдатъ и народа, кричавшихъ: да здравствуетъ Наполеонъ II! Патрули, занявшіе главные пункты города, предупредили возстаніе, которое легко могло разростись въ революцію. Король приказалъ только скорѣе выпроводить въ Англію Гортензію, но сынъ ея еще два мѣсяца скрывался въ Парижѣ, вербуя приверженцевъ и подготовляя реставрацію имперіи. Если бы его тогда же заперли въ отдаленную крѣпость, какъ предлагалъ Казимиръ Перье, не было бы, вѣроятно, ни страсбургской, ни булонской попытки.

По поводу высадки въ Булони, разсказываетъ Клодъ, въ Парижѣ взятъ былъ одинъ шляпникъ-бонапартистъ, смастерившій такую шляпу, которая спереди походила совершенно на обыкновенный, круглый цилиндръ, но перевернутая задомъ напередъ, представляла форму наполеоновской треуголки. При успѣхѣ заговора всѣ приверженцы его, запасшіеся этими шляпами, перевернули бы ихъ въ данную минуту, но попытка, какъ извѣстно, не удалась; Луи-Наполеона, этого вѣчнаго заговорщика захватили въ то время, какъ онъ спасался вплавь на англійское судно, привезшее его къ берегамъ Франціи, а шляпникъ-заговорщикъ былъ взятъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ его политическою шляпою.

Когда вспыхнула іюльская революція, Клодъ жилъ въ Монморанси, у своего покровителя, будущаго сенатора Л*. Сосѣдомъ его былъ Тьеръ, ожидавшій въ загородномъ уединеніи окончанія борьбы народа съ войскомъ. Въ то время, когда вожди революціи думали о томъ, кто воспользуется ею—республика, Наполеонъ II или даже Генрихъ V,—о Луи-Филиппѣ никто не думалъ; Тьеръ думалъ только о себѣ. Онъ отправилъ Клода, рекомендованнаго ему Л*, въ Парижъ, узнать, что тамъ дѣлается, и когда тотъ, вернувшись, сообщилъ, что партія газеты „National“ собирается въ отелѣ Лафита организовать революцію, Тьеръ поѣхалъ въ Парижъ, взявъ съ собою Клода секретаремъ. Л* совѣтовалъ ему не довѣрять Тьеру, который, не имѣя никакихъ политическихъ принциповъ, стремится только играть во всѣхъ обстоятельствахъ первую роль. Во время существованія временного правительства, предложившаго намѣстничество Франціи герцогу Орлеанскому, Клодъ занимался тѣмъ, что записывалъ желанія и просьбы лицъ, явившихся съ предложеніемъ услугъ къ временному правительству. Онъ докладывалъ о Гизо и о Казимирѣ Перье, о Дюпенѣ и Одилонѣ Барро, о д'Аргу и Казимирѣ Делавинъ. Изъ числа этихъ лицъ, желавшихъ посвятить свои услуги новому правительству, Клодъ останавливается на баронѣ Тайлорѣ, явившемся съ неожиданнымъ подаркомъ правительству въ то время, когда всѣ просили только о мѣстахъ—конечно, съ приличнымъ содержаніемъ. Отправленный на Востокъ Карломъ X, съ ученой цѣлью и съ пятьюстами тысячами франковъ для изслѣдованія Нильскаго басейна, Тайлоръ вернулся изъ Египта, при извѣстіи о революціи во Франціи, и возвратилъ неизрасходованныя имъ сто тысячъ. Этотъ поступокъ поразилъ правительство,

и баронъ Тайлоръ, къ тому же первый перебѣжчикъ отъ Бурбоновъ къ Орлеанской династіи, получилъ въ награду за свое безкорыстіе мѣсто директора французскаго театра. Онъ, впрочемъ, недолго управлялъ домомъ Мольера, не оказавши особенныхъ способностей на этомъ мѣстѣ и выхлопотавъ своему другу Сансону орденъ почетнаго легіона, когда тотъ уже былъ въ отставкѣ. Крестъ былъ ему данъ, „несмотря на то", что онъ актеръ, а не „потому что" онъ актеръ — тонкое различіе, доказывающее, однако, какъ сильны предразсудки всѣхъ этихъ кавалеровъ, гордящихся преимуществами, соединенными съ нацѣпленною на нихъ балаболкою. Тайлоръ, впрочемъ, сдѣлалъ много хорошаго для артистовъ и художниковъ вообще. Онъ основалъ пять обществъ вспомоществованія по разнымъ отраслямъ искуствъ и литературы и не жалѣлъ своего состоянія для благотворительныхъ и полезныхъ цѣлей. Это былъ настоящій филантропъ, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова.

Вернувшись къ своей скромной должности у слѣдственнаго судьи, Клодъ, въ первый же годъ новаго царствованія, убѣдился, что обязанность ловить воровъ и убійцъ можетъ повести къ тому, что и его самого начнутъ ловить тѣ же воры и убійцы. Однажды на площади, гдѣ возвышается зданіе судовъ (Palais de Justice), и гдѣ выставляли тогда къ позорному столбу осужденныхъ преступниковъ, Клодъ встрѣтилъ хорошенькую гризетку, и такъ какъ званіе полицейскаго не мѣшаетъ ухаживать за хорошенькими, то Клодъ послѣ непродолжительной бесѣды съ гризеткой добился того, что она назначила ему свиданіе въ тотъ же вечеръ въ улицѣ Бобовъ, въ домѣ, гдѣ былъ знаменитый кабакъ подъ вывѣской „Бѣлаго Кролика", описанный потомъ Евгеніемъ Сю, въ его романѣ „Парижскія тайны". Этотъ домъ и улица находились въ части города, пользовавшейся самою дурною репутаціей и наполненною самымъ грязнымъ и опаснымъ слоемъ парижскаго населенія. Отправляясь на свиданіе, Клодъ принялъ однако жъ всѣ мѣры предосторожности: въ улицѣ было поставлено нѣсколько городскихъ сержантовъ, которые, по свистку Клода, должны были явиться къ нему на помощь. Таверна „Бѣлаго Кролика" помѣщалась въ залѣ съ низкимъ закопченнымъ потолкомъ; въ ней было шесть столовъ, прибитыхъ къ стѣнамъ, выбѣленнымъ известкой; на стойкѣ, обитой свинцомъ, стояли огромныя кружки съ желѣзными обручами, прикрѣпленныя цѣпями. Входъ въ эту трущобу освѣщалъ разбитый фонарь съ красными буквами на немъ: „здѣсь и ночуютъ". Это былъ настоящій притонъ мошенниковъ; погреба его сообщались съ городскими клоаками, куда удобно можно было спускать трупы убитыхъ и ограбленныхъ въ кабакѣ. Когда Клодъ вошелъ, за столомъ сидѣли три оборванца и играли въ карты. За стойкой стоялъ хозяинъ, самой непривлекательной наружности; въ то же время изъ глубины залы вышла гризетка и, обращаясь къ игравшимъ, вскричала: „вотъ рыжакъ (полицейскій), котораго я заманила сюда,

чтобы вы его охолодили (убили). Все же однимъ канальей будетъ меньше". Въ ту же минуту изъ-за стола оборванцы бросились на Клода. Онъ опустилъ руку въ карманъ, чтобы вынуть свистокъ, но сзади его схватилъ за руки хозяинъ, а спереди два мошенника быстро очистили его карманы, вырвавъ часы, деньги и свистокъ въ то время, когда третій приставилъ къ его горлу длинный ножъ. Клодъ считалъ уже себя погибшимъ, какъ вдругъ сзади него раздались шаги новыхъ лицъ, вошедшихъ въ таверну, и знакомый голосъ сказалъ:

— Довольно шутить! Нина Флорета и вы господа—оставьте моего друга Клода. Онъ уже довольно поплатился страхомъ за свое любопытство.

Въ ту же минуту руки, сжимавшія Клода, опустились и онъ увидѣлъ передъ собою, въ грязной курткѣ рабочаго,—своего стараго покровителя, бонапартиста Л*, и съ нимъ другого, также очевидно переодѣтаго молодого человѣка, съ некрасивой физіономіей и блестящими глазами, составлявшими контрастъ съ неподвижными чертами лица. Маленькаго роста, съ короткими ногами, онъ, очевидно, привыкъ играть первенствующую роль во всякомъ обществѣ. При видѣ его, Нина Флорета бросилась ему на шею и, поцѣловавъ его, дружески протянула руки Л.* Клодъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, когда Л* шепнулъ ему на ухо: „уходите скорѣе и завтра утромъ будьте у меня: я все объясню вамъ".

Клодъ явился на другое же утро, какъ ему было сказано, и Л* вышелъ къ нему, взволнованный и раздраженный.

— Чтó за глупости надѣлали вы вчера! вскричалъ онъ: сами чуть не погибли, вздумавъ ухаживать за любовницей принца, да и его вмѣстѣ со мною захватили ваши сбиры, когда мы вышли изъ „Бѣлаго Кролика". Хорошо, что меня узнали въ префектурѣ и отпустили домой, а принца такъ и отправили въ Сент-Пелажи.

— Принца? Какого принца? вскричалъ озадаченный Клодъ.

— Людовика Бонапарта, сына королевы Гортензіи, который нѣсколько дней тому назадъ пробовалъ поднять противъ Луи-Филиппа остатки наполеоновской арміи на Вандомской площади, а теперь вербуетъ себѣ приверженцевъ между рабочими и пролетаріями. Занимаясь изслѣдованіемъ пауперизма, принцъ посѣщаетъ даже такія трущобы, какъ „Бѣлый Кроликъ", куда полиціи вовсе не слѣдовало совать свой носъ, а тѣмъ болѣе арестовывать такое лицо.

— Но вѣдь если изъ префектуры его отправили въ Сент-Пелажи, замѣтилъ Клодъ,—то, конечно, не за посѣщеніе кабаковъ, а за то, что онъ составлялъ заговоры.

— Да, вы правы, отвѣчалъ Л* уже спокойнымъ тономъ: и принца, конечно, не посмѣютъ долго держать въ тюрьмѣ; Лафайетъ потребуетъ, чтобы его тотчасъ же выпустили.

И онъ, дѣйствительно, не долго оставался въ Сент-Пелажи, гдѣ сидѣлъ Распайль, познакомившійся съ принцемъ и отозвавшійся о

немъ слѣдующимъ образомъ: „Въ жилахъ его есть нѣсколько наполеоновской крови: онъ и въ тюрьмѣ даетъ аудіенціи; тюремщики служатъ ему камергерами. Когда онъ прогуливается по двору тюрьмы, всѣ кланяются ему съ уваженіемъ. Подъ его окномъ ему часто даютъ серенады. Онъ издаетъ республиканскій журналъ „Революція".

Выпущенный изъ тюрьмы, принцъ Людовикъ поспѣшилъ уѣхать въ Англію, гдѣ продолжалъ составлять заговоры противъ Луи-Филиппа и покровительствовать особамъ, въ родѣ Нины Флореты. Въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ кварталовъ Лондона—Вапингъ, онъ сошелся съ проституткою Элизою Говардъ, которую потомъ, сдѣлавшись констаблемъ, вывелъ изъ грязи и сдѣлалъ кокоткою, завлекавшею джентльменовъ. Она отдала ему всѣ свои сбереженія, когда онъ явился принцемъ-претендентомъ во Францію, — и онъ отплатилъ ей за это самою черною неблагодарностью.

Къ эпохѣ іюльской монархіи, въ первой части „Записокъ" Клода, относятся еще три очерка. Мы передадимъ два изъ нихъ въ сжатомъ разсказѣ.

Покровитель Клода Л*, несмотря на свои годы, продолжалъ гоняться по бульварамъ за хорошенькими женщинами. Въ одну изъ такихъ экскурсій его встрѣтилъ Клодъ и сообщилъ, что полиція подозрѣваетъ его въ вербовкѣ приверженцевъ имперіи во всѣхъ классахъ общества и въ томъ, что онъ высылаетъ въ Лондонъ фонды на изданіе бонапартистской газеты „Le Capitole", хотя издателемъ ея подписывается Круаси-Шанель. Л* отвѣчалъ на это, что если бы это и было, такъ никто не можетъ запретить ему часть своего состоянія, которое онъ получилъ отъ Наполеона I, употреблять на поддержку его племянника. Во время ихъ бесѣды, гризетка, которую поджидалъ Л*, вышла изъ магазина, и Клодъ былъ пораженъ тѣмъ, что на ней была великолѣпная кашемировая шаль съ красными пальмами по зеленому фону. Онъ вспомнилъ, что наканунѣ фабрикантъ шалей въ улицѣ св. Евстафія подалъ заявленіе въ полицію, что у него украли изъ магазина дорогую шаль, примѣты которой, по описанію, совершенно сходились съ рисункомъ и цвѣтомъ шали, въ какую куталась гризетка въ юбкѣ съ отрепаннымъ подоломъ и въ стоптанныхъ башмакахъ. Клодъ сообщилъ Л* свое подозрѣніе и тотъ, подумавъ, сказалъ, что, добившись свиданія съ гризеткой, попроситъ, вмѣсто себя, сходить Клода, чтобы узнать, насколько основательны подозрѣнія въ кражѣ шали. Гризетка дала адресъ: позади Каирскаго пасажа, на „Собачьемъ балу"—и Клодъ отправился туда. Это было сборище самаго низшаго слоя общества: лакеевъ, уличныхъ бродягъ, гаменовъ, прислуги, проститутокъ. Въ грязной залѣ съ деревянными скамьями, прислоненными къ засаленной стѣнѣ, при свѣтѣ кенкетъ, налитыхъ вонючимъ масломъ, прыгало и изгибалось до 50-ти паръ. Тутъ не было передней для храненія верхняго платья, а танцующіе отдавали свои платья и шляпки сторожу, сидѣвшему въ одномъ изъ угловъ

залы и исчезавшему подъ грудой поношенныхъ накидокъ и чепцовъ. На балу была и гризетка въ зеленой шали. Клодъ пригласилъ ее танцовать, разговорился съ нею и она объяснила ему, что служитъ у знаменитой Помаре, танцорки Мабиля, и утромъ заходила въ магазинъ продать, по порученію своей госпожи, зеленую шаль, подаренную ей однимъ изъ ея обожателей. Клодъ на другое же утро отправился къ Помаре, прославленной, вмѣстѣ съ Могадоръ, модной пѣсенкой Надо [1]). Ему отворила дверь знакомая служанка. Нѣкогда блистательная канканерка была только тѣнью прежняго величія и умирала отъ чахотки, покинутая своими поклонниками. Она не могла быть воровкой и откровенно разсказала ему, что одинъ изъ ея обожателей служитъ прикащикомъ въ магазинѣ шалей, въ улицѣ св. Евстафія. Въ паркѣ она увидѣла на хозяйкѣ магазина зеленую шаль: она очень понравилась Помаре, потребовавшей, чтобы прикащикъ подарилъ ей такую шаль. Тотъ, вѣроятно, не имѣлъ средствъ купить ее и укралъ у хозяина. Она догадалась объ этомъ на послѣднемъ балу Мабиля, гдѣ танцовала въ этой шали. Къ несчастью, на тотъ же балъ явился и хозяинъ магазина и, увидя на Помаре пропавшую у него шаль, вздумалъ воспользоваться этимъ и прямо предложилъ ей заплатить за шаль — натурою. Танцорка назвала его старой свиньей и прогнала. Тогда онъ обѣщалъ ей отплатить за оскорбленіе позоромъ—и подалъ въ полицію заявленіе о покражѣ у него шали, отъ которой Помаре уже успѣла, однако, избавиться въ то же утро съ помощью своей служанки.

— Я знаю, прибавила танцорка,—что полиціи нужно найти виноватаго. Пусть лучше обвинятъ меня, чѣмъ этого молодого человѣка, совершившаго проступокъ изъ любви ко мнѣ. Вѣдь вся будущность его навсегда испорчена, если его осудятъ, какъ вора. Мнѣ недолго остается жить; доктора уже объявили мнѣ это, да я и сама вижу, что проживу не больше недѣли. У меня нѣтъ ничего, кромѣ имени, никогда не замараннаго подозрѣніемъ въ воровствѣ. Позвольте мнѣ и этимъ пожертвовать моему послѣднему другу.

Клодъ ушелъ отъ канканерки, взволнованный ея предложеніемъ, и отправился къ хозяину магазина попробовать упросить его взять обратно свою жалобу. Его не было дома и онъ вздумалъ обратиться къ его женѣ, разсчитывая на то, что женщины вообще снисходительнѣе мужчинъ, а жены имѣютъ гораздо болѣе вліянія на своихъ мужей, чѣмъ посторонніе лица. Его приняла дама лѣтъ сорока, еще довольно свѣжая и привлекательная. Когда онъ сказалъ, что прикащикъ ихъ

---

[1]) Que j'aime autour de ta prunelle noire
Ce cercle bleu tracé par le bonheur,
Ce lustre qui rapelle à ta mémoire
Tous les amants oubliés par ton cœur.
Va, cambre toi, ma sublime sultane, и т. д.

магазина, по обвиненію мужа ея, заподозрѣнъ въ покражѣ зеленой шали, хозяйка поблѣднѣла и вскричала въ сильномъ волненіи:

— О! не погубите Жоржа! Онъ не виноватъ въ кражѣ. Я... я сама подарила ему эту шаль!

Дѣло, такимъ образомъ, усложнялось и запутывалось. Ясно было, что хозяйка принимала въ прикащикѣ участіе чуть ли не больше, чѣмъ сама Помаре. Клодъ просилъ разсказать ему все, чтобы знать, какъ направить дѣло, и супруга, краснѣя, созналась, что была раза два съ Жоржемъ на загородныхъ гуляньяхъ и, чтобы не надѣвать своего обыкновеннаго, верхняго платья, слишкомъ хорошо извѣстнаго мужу, брала изъ магазина новую шаль, которую нелязя было положить обратно въ витрину, такъ какъ шаль немного замаралась, и потому она сказала Жоржу, чтобы онъ взялъ себѣ эту шаль. Когда явился мужъ, Клоду не стоило большого труда уговорить его—взять назадъ свою просьбу, такъ какъ репутація его, какъ комерсанта строгой нравственности, можетъ также сильно пострадать отъ разоблаченія предложеній, какія онъ дѣлалъ Помаре на балу Мабиля. Такимъ образомъ, это запутанное дѣло о зеленой шали уладилось къ общему удовольствію. Вскорѣ послѣ смерти Помаре, хозяинъ магазина взялъ даже товарищемъ по торговлѣ своего прикащика. Жена съумѣла доказать мужу необходимость этой асосіаціи.

Другая исторія, которая могла окончиться трагически, произошла въ Пасси, гдѣ Клодъ былъ полицейскимъ комисаромъ. Тамъ ходили по домамъ скромно одѣтыя дѣвушки, предлагая за ничтожную цѣну разныя женскія рукодѣлья и давая свои адресы благотворителямъ, съ просьбой убѣдиться въ страшной бѣдности семействъ этихъ дѣвушекъ; когда же благотворители являлись въ трущобы, примыкавшія къ Трокадеро, ихъ грабили, а въ случаѣ сопротивленія и убивали. На другой день, въ этихъ притонахъ мошенниковъ полиція находила только однѣ голыя стѣны. Въ такую западню попались четыре лица изъ высшаго круга, но Клоду удалось спасти ихъ и накрыть разбойниковъ.

Подобныхъ исторій немало разсказано въ шести томахъ, вышедшихъ доселѣ „Записокъ Клода“ и имѣвшихъ уже нѣсколько изданій (первый томъ вышелъ уже девятнадцатымъ изданіемъ). Мы не будемъ передавать ихъ нашимъ читателямъ, а представимъ только, какъ въ этой статьѣ, картины и сцены, рисующія нравы общества въ данную эпоху и поясняющія его отношенія къ правительству. Извлекая болѣе характеристическія черты изъ „Записокъ“ и относясь къ нимъ критически, мы провѣримъ ихъ показаніями другихъ современниковъ, отбросивъ все маловѣроятное или преувеличенное, хотя дѣйствительно жизнь бываетъ часто неправдоподобнѣе всѣхъ вымысловъ фантазіи, а вторая имперія представляетъ такія невозможныя событія и исключительныя личности, что поневолѣ вѣришь самымъ возмутительнымъ разсказамъ.

Вл. З—въ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Гефкенъ, „Къ исторіи Восточной войны 1853—56 гг.“ [1]).

Политическое положеніе Россіи на Востокѣ, установившееся въ послѣднее время, ведетъ свое начало собственно еще со временъ Крымской войны. Во всѣхъ странахъ, принимавшихъ въ ней участіе, скопились за послѣднее время важныя и обширныя разоблаченія относительно этого крупнаго событія. Съ одной стороны сами правительства открыли свои архивы, съ другой стороны отдѣльные государственные люди въ воспоминаніяхъ, біографіяхъ и спеціальныхъ трудахъ, пролили свѣтъ на событія, которыя для большинства публики были извѣстны едва ли не въ однихъ внѣшнихъ очертаніяхъ. Замѣчательно, что Германія, принимавшая наименѣе прямое участіе въ Крымской войнѣ, первая освѣтила тайную дипломатическую исторію этого событія въ „Турецкой рѣчи“, появившейся анонимно еще въ 1857 году и составленной на основаніи тайныхъ государственныхъ актовъ, въ мемуарахъ Бунзена, воспоминаніяхъ Штокмара и перепискѣ Фридриха Вильгельма II-го. Въ Англіи, кромѣ „Восточныхъ документовъ“, еще болѣе обширные вклады представляютъ собой „Вторженіе въ Крымъ“ Кинглека, „Жизнь принца-супруга“ Мартина, „Жизнеописаніе лорда Пальмерстона“ Ашлея и „Воспоминанія и совѣты“ лорда Джона Росселя. Не менѣе сдѣлала и Франція своими „желтыми книгами“, „Archives diplomatiques“ Аміо, „Мирнымъ договоромъ 30-го марта“ Дебро, извѣстнымъ сочиненіемъ Базанкура, и въ послѣднее время „Исторіей Крымской войны“ Камилла Руссе, изданной съ документами военна-

[1]) Heinrich Geffcken. Zur Geschichte des orientalischen Krieges 1853—56.

го министерства. Россія и Австрія съ своей стороны существенно обогатили литературу Крымской войны. Первой принадлежатъ „Etude diplomatique sur la guerre de Crimée“ и „Восточная война 1853—56“ Богдановича, второй—главнымъ образомъ мемуары ф. Брука. Уже за разборъ этого матеріала, который въ скоромъ времени едва ли будетъ подъ силу одному человѣку, новѣйшая исторіографія должна отъ души поблагодарить Гефкена. Но онъ обогатилъ ее еще собственными разысканіями, воспользовавшись въ рукописи дипломатической перепиской лорда Пальмерстона съ лордомъ Кларендономъ, и такимъ образомъ издалъ документальный трудъ, важный для исторіи восточнаго вопроса. Мы передадимъ вкратцѣ существенное содержаніе этого труда.

Государственный переворотъ далъ Наполеону III-му возможность связать имя своей династіи съ внѣшними судьбами Франціи. Тьеръ съ самаго начала предвидѣлъ политическій образъ дѣйствія новаго властителя, даже почти оправдывалъ его, выразившись очень характеристично: „Если Наполеонъ не съумѣетъ льстить нашему тщеславію и самомнѣнію, онъ не продержится и трехъ лѣтъ. Вѣроятно, онъ падетъ вслѣдствіе войны, но миръ еще вѣрнѣе приведетъ его къ паденію. Довольно одного намека, что онъ желаетъ войны, и его дипломаты принудятъ его къ ней черезъ три мѣсяца“. Друэнъ де-Люисъ составилъ планъ вывѣдать намѣренія Россіи и съ этой цѣлью сдѣлалъ попытку мнимаго сближенія съ Россіей. Когда Нессельроде отклонилъ его предложеніе и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ русская дипломатія открыла англійскому послу въ Петербургѣ свои планы, Англія узнала, чего она могла ожидать отъ Россіи, и Франція на половину выиграла игру. Впрочемъ, англійская дипломатія около года держала въ тайнѣ русскій планъ. Въ Лондонѣ хотѣли по возможности избѣжать тѣснаго сближенія съ Наполеономъ. Этимъ объясняется тотъ лицемѣрный отвѣтъ, который Джонъ Россель послалъ въ С.-Петербургъ послѣ первыхъ сообщеній: „Въ общемъ правительство ея величества убѣждено, что нельзя придерживаться политики болѣе мудрой и безкорыстной, болѣе благодѣтельной для Европы, чѣмъ та, которой такъ долго слѣдовалъ его императорское величество и которая сдѣлаетъ его имя болѣе славнымъ, нежели имена знаменитѣйшихъ властителей, искавшихъ безсмертія путемъ безпричинныхъ войнъ и преходящей славы“. Кларендонъ, смѣнившій лорда Джона Росселя, перешелъ къ болѣе враждебной политикѣ, и, когда Меншиковъ отправился въ Константинополь съ тайной миссіей, для Франціи открылись пути къ англійскому союзу. Къ этому времени Англія уже выслала свой флотъ и притомъ, какъ это доказываетъ Гефкенъ, приводя признанія Друэна де Люиса, только послѣ колебаній со стороны Наполеона, который первоначально держалъ себя очень осторожно относительно Россіи.

Князь Меншиковъ предложилъ Портѣ въ защиту четырехъ-сотъ-

тысячное русское войско и просилъ Рифаата-пашу держать это въ строжайшемъ секретѣ. Въ то же время онъ объявилъ посламъ державъ въ Константинополѣ, будто бы единственною цѣлью движенія русскихъ войскъ было помѣшать нападенію Омера-паши на дунайскія княжества и распространенію въ нихъ идей Мадзини. Послѣ отъѣзда князя изъ Константинополя, русскіе перешли Прутъ въ началѣ іюля 1853 года. Уничтоженіе турецкой эскадры при Синопѣ ускорило дѣйствія обѣихъ западныхъ державъ, и хотя враждебный Россіи лордъ Пальмерстонъ оставилъ министерство 15-го декабря 1853 года, 4-го января ихъ флоты вошли въ Черное море. Черезъ мѣсяцъ русскіе послы были отозваны изъ Лондона и Парижа, а 27-го марта западныя державы объявили Россіи войну.

Излагая тогдашнее отношеніе Австріи и Пруссіи къ Россіи и обѣимъ западнымъ державамъ, Гефкенъ почти исчерпываетъ свой предметъ. Ни въ одной изъ приведенныхъ выше работъ нѣтъ ничего, что хотя бы приблизительно могло равняться съ этимъ очеркомъ. Императоръ Николай сообщилъ австрійскому послу въ С.-Петербургѣ, графу Менсдорфу, содержаніе плана, предложеннаго имъ сэру Гамильтону Сеймуру, такъ что Австрія могла хорошо знать цѣли Россіи. Престарѣлый князь Меттернихъ заранѣе сказалъ Менсдорфу, что, если Россія не оставитъ въ покоѣ Востока, всѣ отношенія въ Европѣ подвергнутся перемѣнѣ. Въ виду такого взгляда Австріи на восточный вопросъ, фельдмаршалъ Паскевичъ былъ правъ, полагая, что интересы Австріи предписываютъ ей путь враждебный Россіи. Онъ даже прямо высказалъ поэтому императору Николаю мнѣніе, что раздробленіе Австріи должно предшествовать раздѣлу Турціи.

Въ Берлинѣ дѣла приняли еще болѣе своеобразный характеръ. Личныя отношенія короля къ императору Николаю и религіозныя соображенія измѣнили здѣсь точку зрѣнія. Австрія, по словамъ Гефкена, была не столько нейтральна, сколько нейтрализирована; поэтому она желала подѣлиться опасностью съ Пруссіей и Германіей, чтобы уменьшить ее лично для себя. Но Пруссія не хотѣла покидать своего нейтральнаго положенія ни для союзниковъ, ни для Россіи. Впрочемъ, своеобразныя соображенія и дѣйствія самого Фридриха Вильгельма IV нарушали послѣдовательность этой политики. Въ докладной запискѣ, доставленной въ Лондонъ графомъ Альбертомъ Пурталесомъ, Пруссія, очевидно, недовѣряя Франціи, потребовала, чтобы обѣ западныя державы обезпечили неприкосновенность Германіи. Она заявила при этомъ, что желаетъ не какой нибудь нѣмецкой области, а свободы идти по пути къ нѣмецкому союзному государству. На случай войны записка требовала передачи предводительства Пруссіи въ видахъ военнаго единства. Миссія графа Пурталеса должна была кончиться неудачей, потому что Англія не могла согласиться нанести ущербъ Франціи, съузить сферу австрійскаго могущества въ Германіи. Къ тому же Пруссія, даже въ случаѣ удовлетворенія ея требованій,

обѣщала не присоединеніе къ западнымъ державамъ, а только строгій нейтралитетъ. Но державы очень хорошо знали нерасположеніе Пруссіи къ союзу съ Россіей, даже къ договору, который обязывалъ бы ее только соблюдать нейтралитетъ. Вслѣдствіе этого нерасположенія перейти на сторону Россіи, въ Петербургѣ были также недовольны Пруссіей, какъ въ Лондонѣ и Парижѣ. Принцъ Альбертъ выразился, что это политика 1805 года и поссоритъ Пруссію со всѣми партіями. Фридрихъ Вильгельмъ IV посылалъ новыя чрезвычайныя миссіи въ Лондонъ и Парижъ. Князь Гогенцоллернскій, который доставилъ письмо своего государя Наполеону III, получилъ отвѣтъ, проникнутый глубокимъ уваженіемъ, и даже увѣреніе, что Франція всегда готова привѣтствовать сильную Пруссію, хорошо округленную, съ правильными географическими и военными границами. Но Наполеонъ высказалъ въ то же время, что послѣдствія отказа со стороны Пруссіи неисчислимы вслѣдствіе возможности войны. Одновременно онъ поручилъ Гранье-де-Кассаньяку выработать измѣненія въ картѣ Европы, по которымъ Австрія должна была получить дунайскія княжества и Бессарабію, Сардинія — Ломбардію, а Пруссія — Польшу. Его разговоры съ герцогомъ Кобургскимъ, бывшимъ тогда въ Парижѣ, замѣчательны главнымъ образомъ потому, что, по словамъ Гефкена, „они заключали въ себѣ тѣ же принципы, которыми впослѣдствіи воспользовался Бисмаркъ для своей умной и отважной политики по отношенію къ Франціи". Миссія князя Гогенцоллернскаго, равно какъ и генерала фонъ-Грёбена въ Лондонѣ, окончилась безъ результата. Наконецъ, Бунзенъ попробовалъ послѣдній приступъ, пославъ въ Берлинъ 1-го марта 1854 года докладную записку, которая подавала виды на измѣненіе карты Европы въ ущербъ Россіи. По этому случаю онъ потерялъ свой постъ. Король заявилъ, что Бунзенъ формально и торжественно отказался повиноваться и хотѣлъ добыть ему „хорошія деньги на водку" за войну, но что онъ любитъ его по-прежнему сердечно и преданно, что это скорѣе опьянѣніе, чѣмъ сумасшествіе, и что онъ снова придетъ въ себя. Наконецъ, 20-го апрѣля былъ заключенъ договоръ между Пруссіей и Австріей. При этомъ Пруссія согласилась на условія болѣе тяжкія, нежели тѣ, которыя наложила бы на нее предложенная западными державами конвенція, такъ какъ они не требовали активнаго участія. Пруссія, говоритъ Гефкенъ, попала, въ силу апрѣльскаго договора, на буксиръ къ Австріи и должна была раздѣлять всѣ опасности этого пестраго сплава земель.

Западныя державы съ своей стороны подписали 12-го марта договоръ съ Портой, по которому онѣ обязались помогать ей, между тѣмъ какъ всѣ три державы вмѣстѣ отказались отъ всякихъ переговоровъ съ Россіей безъ предварительнаго взаимнаго соглашенія. 10-го апрѣля Англія и Франція заключили свой особый союзъ. Но и Франція, и Англія были недостаточно подготовлены, хотя война на

Востокѣ длилась уже пять мѣсяцевъ. Камиллъ Руссе, теперь членъ французской академіи, приводитъ, что маршалъ де-Сентъ-Арно писалъ уже изъ Марселя: „Нигдѣ нѣтъ угля"; на это Дюко (морской министръ) отвѣчалъ, будто бы, приказаніемъ: „топить патріотизмомъ матросовъ". Войска, прибывавшія въ Галлиполи, не нашли назначеннаго для нихъ вооруженія, потому что оно медленно шло за ними на парусныхъ судахъ. Не лучше были и приготовленія англичанъ, такъ что западныя державы все болѣе и болѣе напирали на активную помощь Австріи. Австрія заключила, по особому настоянію барона Брука, союзъ съ Портой отъ 14-го іюня. Она обязалась „добиться очищенія княжествъ какими бы то ни было средствами, въ случаѣ надобности даже потребнымъ для того количествомъ войскъ, и не заключать съ Россіей никакого соглашенія, основными условіями котораго не были бы права султана и неприкосновенность государства". За это Турція передала Австріи до заключенія мира пользованіе ея прерогативами въ обоихъ княжествахъ. Въ то же время по настоянію Австріи въ Парижѣ были формулированы наименьшія требованія на случай заключенія мира. Такимъ образомъ, были установлены пресловутые четыре пункта. Изъ нихъ третій, который подъ видомъ нейтрализаціи Чернаго моря долженъ былъ уничтожить на немъ могущество Россіи, былъ самымъ важнымъ и въ то время тѣмъ болѣе немыслимымъ для Россіи, что судьба оружія еще ничего не рѣшила. Этотъ періодъ колебаній австрійской политики лучше всего, кажется, характеризуетъ заявленіе той самой Австріи, которая упрекала Пруссію въ постоянной шаткости, что она поспѣшитъ на помощь побѣдителю.

Первыя военныя операціи союзниковъ шли, какъ извѣстно, очень медленно. Тогда Наполеонъ рѣшительно вмѣшался въ дѣла, пославъ въ Константинополь планъ нападенія на Севастополь, весь написанный его рукой. Гефкенъ подозрѣваетъ здѣсь совѣтъ Тьера, добытый благодаря посредничеству Вальяна. И Франція, и Англія главнымъ образомъ имѣли въ виду Севастополь, какъ центръ военныхъ операцій на юго-востокѣ. Уже Сентъ-Арно при своемъ отправленіи выразилъ надежду взять Севастополь. Правда, въ военномъ совѣтѣ на мѣстѣ голоса раздѣлились относительно предпріятія, такъ что, напримѣръ, оба адмирала, герцогъ Кембриджскій и принцъ Наполеонъ подали свои голоса противъ. 14-го сентября войско высадилось близъ Евпаторіи. Оно состояло изъ 29.000 французовъ, 21.000 англичанъ и 6.000 турокъ, не считая осаднаго парка. По мнѣнію Ньеля въ то время Севастополь легко было взять съ южной стороны, гдѣ его защищалъ одинъ только валъ съ 12-ю пушками. Но Сентъ-Арно, разбивъ русскихъ 20-го сентября на Альмѣ, заболѣлъ и умеръ 29-го. Обстрѣливаніе 18-го и 19-то октября не имѣло успѣха. 25-го октября русскіе были отбиты при Балаклавѣ, а 5-го ноября союзники одержали побѣду при Инкерманѣ. Впрочемъ, ихъ потери при этомъ были такъ значительны, что они принуждены были отложить всѣ дальнѣйшія

операцiи до прибытiя подкрѣпленiя. Оказалось, что очищенiе дунайскихъ княжествъ, вызванное исключительными интересами Австрiи, было очень кстати для Россiи, которая при Инкерманѣ могла выставить 100.000 человѣкъ. Во время войны соединенныя армiи, въ особенности англiйская, терпѣли очень чувствительныя лишенiя, вслѣдствiе недостатковъ интендантской части. Въ Алжирѣ 3.000 лошадей и муловъ цѣлые мѣсяцы напрасно ждали англiйскихъ кораблей, которые должны были отвезти ихъ на театръ военныхъ дѣйствiй. О зимней одеждѣ не подумали. Англiйскiе солдаты умирали главнымъ образомъ отъ лишенiй, между тѣмъ какъ въ шести миляхъ отъ нихъ былъ провiантъ въ достаточномъ количествѣ. Уходъ въ лазаретахъ находился въ жалкомъ состоянiи. Одинъ французскiй офицеръ писалъ, будто бы то, что онъ видитъ передъ собой, можно сравнить развѣ только съ отступленiемъ изъ Москвы. Въ виду такой нужды, Францiя вызвалась послать 20.000 человѣкъ подкрѣпленiя, если Англiя согласится дать корабли для перевозки, и это предложенiе было принято.

2-го декабря 1854 года, состоялся, наконецъ, договоръ между Австрiей и западными державами; впрочемъ, Австрiя еще не обязалась въ немъ принять участiе въ войнѣ. Истинное значенiе этого соглашенiя разъяснилось, когда еще до истеченiя года Австрiя заключила новый договоръ съ одной только Францiей, по которому послѣдняя, на случай наступательнаго союза Австрiи съ западными державами, обезпечивала за ней на все время войны ея владѣтельное положенiе въ Италiи. Это тѣмъ чувствительнѣе должно было поразить Россiю, что, послѣ продолжительнаго колебанiя, незадолго передъ тѣмъ она приняла четыре гарантирующiе пункта, набросанные впервые Друэнъ-де-Люисомъ, какъ наименьшiя требованiя для окончанiя войны.

Въ краткомъ, но мастерскомъ очеркѣ, опираясь главнымъ образомъ на „Storia documentata della diplomazia Europea in Italia“ Бiанки, Гефкенъ изображаетъ подготовленiе важнаго присоединенiя Пьемонта къ союзу западныхъ державъ. Графъ Кавуръ видѣлъ, что разъ участiе Австрiи рѣшитъ войну въ пользу западныхъ державъ, она займетъ мѣсто въ рядахъ ихъ союзниковъ, а Сардинiя будетъ уединена. Наоборотъ, если можно будетъ оттѣснить Австрiю въ русскiй лагерь, успѣхъ войны въ Италiи будетъ обезпеченъ съ помощью Францiи. Если же Австрiя попрежнему будетъ колебаться между воюющими сторонами, она возбудитъ вражду обѣихъ и выйдетъ изъ кризиса изолированной. Какъ извѣстно, этотъ третiй случай осуществился въ дѣйствительности. Благодаря вмѣшательству Францiи, Австрiя была вытѣснена изъ Италiи, а съ помощью русскаго нейтралитета, въ 1863 году,—изъ Германiи. Чтобы не обойти здѣсь ни одного важнаго источника, нужно замѣтить, что изложенiе дѣятельнаго присоединенiя Пьемонта къ западнымъ державамъ въ духѣ Кавура развито наиболѣе связно и наиболѣе наглядно въ его бiографiи, написанной Массари. Вообще этотъ трудъ имѣетъ выдающееся политическое и

литературное достоинство и захватываетъ самые корни въ томъ, что касается Крымскаго похода. Дѣятельное участіе пьемонтской арміи стоило Кавуру тяжелой борьбы въ парламентѣ. Но еще раньше онъ настоялъ на томъ, чтобы молодой капитанъ генеральнаго штаба, Джузеппе Говонне, присутствовалъ при военныхъ операціяхъ западныхъ державъ. Это тотъ самый офицеръ, который впослѣдствіи въ званіи генерала былъ посредникомъ въ Берлинѣ, при заключеніи союза Пруссіи и Италіи противъ Австріи. Вообще, главнымъ образомъ изъ труда Массари можно получить полную картину по-истинѣ творческой политики Кавура въ противоположность къ чисто эмпирическому и нерѣшительному образу дѣйствія Австріи.

Путаница въ англійскомъ министерствѣ, дальнѣйшая политика Пруссіи съ ея возобновленными миссіями въ Лондонъ и Парижъ, съ ея характеристичными событіями въ Берлинѣ, переплетавшимися съ русскими вліяніями, нигдѣ еще не были изложены такъ связно и такъ тщательно, какъ въ трудѣ Гефкена. Въ Парижъ былъ посланъ для тайныхъ переговоровъ генералъ фонъ-Ведель, который вручилъ тамъ планъ договора между Пруссіей и западными державами, выработанный въ его существенныхъ частяхъ графомъ фонъ-Узедомомъ по образцу декабрскаго договора съ Австріей. Во время его аудіенціи у Наполеона III-го, 14-го февраля 1855 года, императоръ завелъ рѣчь объ англо-французскомъ контръ-проэктѣ. По этому поводу завязался замѣчательный въ историческомъ отношеніи разговоръ, который генералъ фонъ-Ведель буквально сообщилъ автору книги. Быть можетъ, относительно обѣихъ редакцій еще могло состояться соглашеніе, если бы въ Берлинѣ не наступила перемѣна. Эту перемѣну поддержала вѣсть о желаніи, высказанномъ передъ смертью императоромъ Николаемъ—найти поддержку въ Пруссіи. Гефкенъ просмотрѣлъ, что въ этомъ шагѣ назадъ заключалось довольно важное оправданіе тогдашней политикѣ министра-президента фонъ-Мантейфеля. Вся тайна ея заключалась въ его глубокомъ убѣжденіи, что Фридрихъ Вильгельмъ IV-й никогда не рѣшится начать войну противъ Россіи, а западныя державы, разъ они заручатся договоромъ, подписаннымъ Пруссіей, поведутъ совершенно иныя рѣчи, чѣмъ прежде. Считая поэтому положительно опасной необыкновенную щедрость дипломатіи на частныя миссіи, онъ не поддерживалъ миссій Узедома и Веделя. Вслѣдствіе этого онъ нѣсколько мѣсяцевъ буквально находился въ немилости у своего монарха, котораго онъ, въ сущности, хотѣлъ предохранить только отъ послѣдствій оскорбленія, нанесеннаго его чувству собственнаго достоинства приниженіемъ Пруссіи со стороны западныхъ державъ. Тѣмъ болѣе значенія имѣло для него удовлетвореніе, до котораго онъ дожилъ, когда впослѣдствіи, по случаю призванія его на Парижскій конгрессъ, Фридрихъ Вильгельмъ IV-й прислалъ ему очень теплое поздравительное письмо съ приложеніемъ ордена Чернаго Орла.

Мы опускаемъ почти вполнѣ новыя частности, касающіяся военныхъ дѣйствій въ Крыму, плана Наполеона самому отправиться на театръ войны, неудачи вѣнскихъ конференцій, паденія Друэнъ-де-Люиса, взятія Севастополя, политическихъ плановъ Наполеона и многаго другаго. Остановимся прямо на важномъ для исторіи восточнаго вопроса Парижскомъ конгрессѣ. Вполнѣ справедливо, что Франція послѣ паденія Севастополя не имѣла такого же интереса, какъ Англія, растягивать войну на неопредѣленное время и приносить страшныя жертвы. Наоборотъ, полное уничтоженіе морскаго могущества Россіи было бы положительно противно ея интересамъ. Поэтому миръ былъ преимущественно дѣломъ Франціи. Тайная исторія его ясна только теперь и этому существеннымъ образомъ способствовалъ трудъ Жомини. Самый тяжелый ударъ нанесли Россіи ультиматумъ, переданный австрійскимъ посломъ, и, о чемъ нельзя было умолчать, потребованная Австріей уступка Бессарабіи. Россія увидѣла, такимъ образомъ, исполненіе предсказанія, что Австрія поспѣшитъ на помощь побѣдителю, и безъ преувеличенія можно утверждать, что это разоблаченіе сдѣлалось роковымъ для судьбы Австріи. Изъ этой части историческаго труда, которая особенно важна, потому что Гефкенъ именно для нея могъ воспользоваться еще не напечатанной перепиской лорда Пальмерстона съ Кларендономъ, оказывается, между прочимъ, что 24-го февраля лордъ Пальмерстонъ за спиной королевы потребовалъ внезапно независимости черкесовъ. Россія отвергла это требованіе, какъ равносильное территоріальной уступкѣ. Вообще до сихъ поръ относительно совѣщаній конгресса были извѣстны едва ли не одни только обнародованные протоколы засѣданій. Книга Гефкена въ первый разъ даетъ точныя свѣдѣнія касательно промежуточныхъ актовъ, подготовлявшихъ засѣданія и заключавшихъ въ себѣ настоящія рѣшенія. Мы узнаёмъ, что графъ Валевскій въ званіи президента конгресса долженъ былъ два раза въ день отдавать отчетъ императору и получалъ отъ него уже выработанныя предложенія. Разсужденіе Гефкена относительно способа допущенія Пруссіи къ конгрессу и касательно ея отношенія къ Парижскому миру по международному праву нарушаетъ строго историческій характеръ труда и изъ тона повѣствованія переходитъ въ доктринерскій тонъ профессора государственнаго и международнаго права. Относительно лицъ, принимавшихъ участіе въ конгрессѣ, любопытны обвиненія лорда Кларендона противъ Валевскаго, будто бы онъ не столько лживъ, сколько человѣкъ безъ принциповъ, безъ убѣжденій, безъ всякаго чувства личнаго и національнаго достоинства и по своей слабохарактерности желаетъ угодить всѣмъ. Не слишкомъ ли строго такое сужденіе объ этомъ сынѣ Наполеона I-го. Во время конгресса Наполеонъ III-й неоднократно пытался склонить Англію къ пересмотру договоровъ и къ измѣненію карты Европы. Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ хотѣлъ формально отмѣнить постановленія договора отъ 20-го ноября

1815 года, которыя навсегда исключали фамилію Бонапарте отъ французскаго трона. Австрія и Россія, въ особенности послѣдняя, были вполнѣ согласны; только о сопротивленіе Англіи разбилось это требованіе. Затѣмъ онъ желалъ по поводу упомянутаго измѣненія карты формальнаго европейскаго конгресса, до котораго его не допустили опять-таки затрудненія со стороны лорда Кларендона. Затѣмъ наступила очередь для предложеній по поводу Италіи и Польши, находившихъ болѣе сочувствія со стороны англійской дипломатіи. Впрочемъ, графу Орлову удалось отговорить лорда Кларендона отъ совѣщаній по поводу Польши. Онъ заявилъ, будто бы императоръ Александръ, имѣя, правда, въ виду реформы въ Польшѣ, совѣтуетъ не заводить на конгрессѣ рѣчь объ этихъ обстоятельствахъ; иначе Россія будетъ находиться по отношенію къ Польшѣ въ такомъ положеніи, какъ будто бы она уступила только давленію западныхъ державъ.

Касательно развитія итальянскихъ отношеній мы получаемъ важныя разоблаченія. Уже въ 1853 году Наполеонъ началъ ободрять Сардинію. Въ февралѣ 1856 года Кавуръ передалъ Франціи и Англіи болѣе подробную докладную записку по вопросу—„que peut-on faire pour l'Italie"? Его программа была умѣренна. Онъ предлагаетъ прежде всего реформы въ Неаполѣ и Папской области, итальянскій таможенный союзъ и присоединеніе Пармы и Модены, котораго ихъ населеніе громко требовало еще въ 1848 году. За усиленіе Австріи на Дунаѣ онъ считалъ возможнымъ ослабить ее на По. На Пьяченцу и Феррару Сардинія имѣла притязанія въ силу договора отъ 1743 г. Но Наполеонъ былъ связанъ французской окупаціей Рима. 21-го марта Англія выслала инструкцію относительно итальянскаго вопроса, а 8-го апрѣля она попала на разсмотрѣніе конгресса. Папскій нунцій заранѣе протестовалъ противъ каждаго постановленія, принятаго безъ его участія; Австрія грозила оставить конгрессъ. Поэтому Кавуръ ограничился простымъ изложеніемъ своихъ мнѣній. На конгрессѣ Англія защищала итальянскіе интересы гораздо болѣе, нежели Франція. Поэтому Наполеонъ внушилъ Кавуру рѣшимость отправиться въ Англію для соглашенія съ лордомъ Пальмерстономъ, а затѣмъ посѣтить его уже на возвратномъ пути. Можно прибавить, что вскорѣ вслѣдъ затѣмъ онъ съ радостью сказалъ въ Парижѣ: „nous sommes à cheval".

30-го марта былъ подписанъ миръ. Передъ послѣднимъ засѣданіемъ конгресса Австрія заключила 15-го апрѣля извѣстный договоръ съ западными державами, который обезпечивалъ ее отъ мести со стороны Россіи. Авторъ вводитъ насъ въ тайную мастерскую, гдѣ былъ изготовленъ этотъ любопытный актъ. Этого одного достаточно, чтобы объяснить глубокую ненависть Россіи къ Австріи. Гефкенъ называетъ апрѣльскій договоръ частнымъ союзомъ недовѣрія къ Россіи. Теперь Россія должна была обвинить въ коварствѣ и императора Наполеона, которому она протянула руку. Наполеонъ самъ сознался, что съ Рос-

сіей поступили нечестно, не сообщивъ ей до подписанія мира намѣреніе заключить договоръ для обезпеченія Австріи. Гефкенъ подвергаетъ строгой критикѣ этотъ договоръ и иронически обсуждаетъ его судьбу. По этому поводу онъ опять дѣлаетъ то же уклоненіе отъ строго историческаго изложенія, на которое мы указали уже выше. Но тѣмъ драгоцѣннѣе по содержанію и по формѣ заключительная глава всего труда. Здѣсь онъ подвергаетъ широкой критикѣ весь мирный трактатъ, приводя отзывы королевы Викторіи и Наполеона III. Къ этому онъ присоединяетъ обсужденіе политики отдѣльныхъ государствъ до и послѣ Парижскаго мира. При этомъ всего болѣе достается Англіи и Австріи: „Колеблясь изъ стороны въ сторону между обѣими партіями и обманывая по очереди то ту, то другую, Австрія пожала ненависть обѣихъ“.

Иф...лъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія Сергѣя Михайловича Соловьева. Спб. 1882 г.

КНИГА, на которую въ настоящее время мы обращаемъ вниманіе читателей, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ книгъ, появившихся за много лѣтъ въ русской литературѣ. Ей предназначено постоянное мѣсто и на полкахъ всякой серьезной библіотеки, и на страницахъ исторіи русской литературы. Имя С. М. Соловьева знаменуетъ собою цѣлую эпоху въ развитіи русской исторической науки. Вліяніе его, сильное уже давно, станетъ еще сильнѣе въ будущемъ, хотя бы нѣкоторыя изъ воззрѣній, имъ впервые высказанныхъ, и не нашли себѣ признанія въ средѣ ученыхъ историковъ, хотя бы новыя розысканія и доказали неправильность его сужденій. Все это мелочи и частности. Заслуги его гораздо выше. Онъ первый представилъ высоко-даровитую попытку связать въ одно цѣлое явленія русской исторической жизни, онъ первый провозгласилъ цѣлію исторіи — народное самозналіе и 34 года ревностно и неутомимо работалъ надъ осуществленіемъ своего идеала исторіи, надъ насажденіемъ и укрѣпленіемъ его въ средѣ общества: онъ высказывалъ свои идеалы не только въ большомъ своемъ трудѣ, съ которымъ нераздѣльно соединено имя его въ представленіи русскаго образованнаго общества, но и публичными лекціями, рѣчами, учебниками, журнальными статьями. Списокъ его сочиненій, приложенный къ появившемуся (надѣемся—не послѣднему) тому, свидѣтельствуетъ о многоплодной его дѣятельности; а между тѣмъ списокъ этотъ неполонъ, по словамъ самихъ издателей. Вѣроятно, въ бумагахъ покойнаго существуютъ еще ненапечатанныя сочиненія. Такъ, мы слышали объ одномъ юношескомъ его произведеніи, ненапечатанномъ; такъ, остаются неизвѣстными большинству публики его лекціи послѣднихъ годовъ, представляющія, по словамъ знакомыхъ съ ними, обзоръ движенія русской исторической жизни. Курсъ, читанный имъ въ небольшомъ кружкѣ весною 1879 г., излагавшій его взгляды на законы историческаго развитія, къ сожалѣнію, не былъ записанъ ни имъ,

ни кѣмъ либо изъ слушавшихъ, и потому можетъ считаться потеряннымъ; а между тѣмъ курсъ этотъ былъ его послѣднимъ словомъ: въ немъ сосредоточивалась многолѣтняя упорная умственная работа. Значеніе Соловьева важно преимущественно этою умственною работою: онъ стремился объяснить событія русской исторіи событіями исторіи другихъ народовъ и обратно, а изъ такого сравнительнаго изученія выводилъ онъ уже законы общаго развитія. Въ лежащемъ передъ нами томѣ примѣромъ такой работы служатъ „Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ", которыя доведены только до перехода императорскаго титула къ германскому королю. Въ связи съ ними стоитъ его „Курсъ новой исторіи", остановившійся на Людовикѣ XIV. Въ этихъ очеркахъ прежде всего поражаетъ читателя трезвость и широкое воззрѣніе. Не вѣря въ безконечное, а стало быть и безцѣльное развитіе, вѣря въ неустойчивость и измѣнчивость всего земнаго, относя все прочное и вѣчное къ высшему міру, къ божественному началу, Соловьевъ ставилъ въ обязанность каждому человѣку жить и дѣйствовать: фатализмъ былъ чуждъ его просвѣщенному христіанскою мыслію воззрѣнію. Слѣдующія слова его должны быть приняты сердцемъ и мыслію каждаго сознающаго себя человѣка: „Гражданинъ просвѣщенный, зная по вѣрнымъ признакамъ, что народъ его находится далеко не въ юношескомъ возрастѣ, долженъ всѣми силами содѣйствовать тому, чтобы народъ его жилъ какъ можно долѣе, чтобы самая старость его какъ можно долѣе была крѣпка и свѣжа, тѣмъ болѣе, что предѣлы жизни народовъ неограничены такъ, какъ предѣлы жизни частныхъ людей. Зная, что въ извѣстные возрасты народной жизни господствуютъ извѣстныя начала и что отъ односторонности, исключительности ихъ происходитъ вся бѣда—слабость и паденіе, просвѣщенный гражданинъ долженъ противодѣйствовать прежде всего этой исключительности, односторонности, умѣрять одно начало другимъ, ибо отъ этого, главнѣйшимъ образомъ, зависитъ правильность отправленій народной жизни, здоровье народа, его долговѣчность". Въ жизни каждаго народа Соловьевъ признаетъ двѣ существенныя эпохи: эпоху преобладанія чувства—время молодости народа, время подвиговъ богатырскихъ, безсознательныхъ дѣйствій, время полной дѣтской вѣры, и эпоху преобладанія разума, появленія сознанія, появленія критики. Для народовъ европейскихъ онъ указываетъ на возрастающій матеріализмъ, время паденія вѣрованій, паденія идеальныхъ стремленій, личнаго интереса и эгоизма, влекущее за собою паденіе народовъ. Для Россіи, по его воззрѣнію, второй періодъ наступилъ только со времени Петра Великаго. Его „Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ", перепечатанныя въ этомъ томѣ, служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, до какого высокаго краснорѣчія, отражающаго въ себѣ возвышенность мысли, могъ достигать Соловьевъ. Эти-то чтенія начинаются блистательною характеристикою указанныхъ періодовъ развитія. Характеръ русской исторіи до Петра изображенъ въ статьяхъ „Древняя Россія", „Взглядъ на установленіе государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго" (публичныя лекціи 1851 г.), „Начала Русской земли". Эта послѣдняя статья частью полемическая: она направлена противъ новыхъ теорій происхожденія Руси. Любопытно, что Соловьевъ до конца интересовался всѣми вопросами о происхожденіи народовъ и искалъ подкрѣпленія своей теоріи въ трудахъ новѣйшихъ антропологовъ и этнографовъ. Изъ этой статьи ясно, что онъ внимательно слѣдилъ за новою литературою этихъ предметовъ. Когда онъ находилъ время! Статья „Историческія письма" направлена противъ внесенія въ науку постороннихъ цѣлей и пре-

имущественно имѣетъ въ виду Риля; замѣтки о теоріи Гегеля, и притомъ чрезвычайно вѣскія, встрѣчаются въ вступленіи къ „Наблюденіямъ надъ историческою жизнью народовъ". Опроверженія взглядовъ Лорана на христіанство составили содержаніе статьи: „Прогрессъ и религія", дѣлающія честь и уму, и сердцу Соловьева. Въ томъ же томѣ помѣщена статья „Восточный вопросъ", опредѣляющая общее значеніе этого роковаго вопроса и изображающая затрудненія, встрѣченныя въ разрѣшеніи его Россіею въ концѣ царствованія Александра Павловича и въ началѣ царствованія Николая Павловича.

Таково содержаніе этого тома, который, конечно, будетъ прочитанъ не разъ каждымъ мыслящимъ человѣкомъ, даже несогласнымъ съ мнѣніями Соловьева. Голосъ его слишкомъ силенъ и важенъ, чтобы не вызвать къ себѣ вниманія. Мы же пожелаемъ, чтобы изданіе не закончилось этимъ томомъ, а чтобы перепечатаны были по крайней мѣрѣ обѣ диссертаціи Соловьева, статьи о Смутномъ времени и о Малороссіи, въ которыхъ много такого, что не вошло въ „Исторію Россіи".

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ (до XIX в.), соч. X. Трусевича. Москва. 1882 г.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла въ Москвѣ, съ дозволенія юридическаго факультета тамошняго университета, историческая монографія, принадлежащая къ диссертаціямъ на избранную или заданную тему. Ознакомившись добросовѣстно съ литературою избраннаго предмета, съ трудами русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ въ Китай въ прошлыхъ столѣтіяхъ, авторъ, сверхъ того, имѣлъ въ своемъ распоряженіи китайскія и монгольскія дѣла главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, куда онъ былъ допущенъ завѣдующимъ имъ, барономъ Бюлеромъ. Эти китайскія и монгольскія дѣла дали автору богатый самостоятельный матеріалъ для его историческаго изслѣдованія, а потому и книга его пріобрѣла своего рода значеніе въ нашей исторической литературѣ.

Г. Трусевичъ въ своемъ трудѣ разсматриваетъ начало и исторію посольскихъ сношеній Россіи съ Китаемъ; дороги въ Китай изъ Сибири и Россіи, ихъ состояніе и стоимость по нимъ провоза; казенную торговлю русскаго правительства съ Китаемъ и предметы ея; устройство казенныхъ каравановъ, выгоды ихъ и невыгоды; частную торговлю купцовъ съ Китаемъ, ея обороты, исторію предметовъ торговли и исторію ихъ цѣнъ и, наконецъ, выгоды и невыгоды торговли между Китаемъ и Россіею.

Авторъ доказываетъ, что прямыхъ посольскихъ сношеній съ Китаемъ у насъ не было до 1653 года, что ни бухарцы, ни другіе знакомые съ Китаемъ народы, китайскихъ товаровъ къ намъ не привозили, что вообще эти товары не были извѣстны въ Сибири и что вообще торговыхъ сношеній русскихъ съ Китаемъ не было въ Сибири до пятидесятыхъ годовъ семнадцатаго столѣтія. На этомъ основаніи г. Трусевичъ опровергаетъ справедливость показанія г. Аристова („Промышленность древней Руси"), что еще въ 1404 году русскихъ купцовъ „замѣчали въ Самаркандѣ наравнѣ съ купцами Индіи и Китая" и что „китайскіе караваны доставляли въ Самаркандъ и даже въ Тавризъ шел-

ковыя матеріи, мускусъ, драгоцѣнные камни, жемчугъ, ревень". Точно также г. Трусевичъ опровергаетъ слова Карамзина („Исторія Государства Россійскаго", т. IX, прим. 648), что древнѣйшее извѣстіе о Китаѣ принесли намъ два казака, Иванъ Петровъ и Бурнашъ Ялычевъ, посланные въ 1567 г. Иваномъ Васильевичемъ для развѣдыванія неизвѣстныхъ странъ. Г. Трусевичъ замѣчаетъ, что о Петровѣ ни слова не говорится ни въ китайскихъ, ни въ монгольскихъ посольскихъ дѣлахъ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, но въ нихъ находится статейный списокъ казака Ивана Петлина, посланнаго въ 1618 году въ Китай. Статейный списокъ Петлина удивляетъ своимъ сходствомъ съ разсказомъ Ивана Петрова въ 1567 году, не только въ началѣ своемъ, не только въ описаніи народовъ, странъ и городовъ, но даже въ именахъ, такъ что въ промежутокъ 52-хъ лѣтъ царствуютъ въ Монголіи и Китаѣ однѣ и тѣ же личности. Карамзинъ говоритъ, что Иванъ Петлинъ не былъ въ Китаѣ, а списалъ съ Ивана Петрова свой разсказъ. Г. Трусевичъ доказываетъ противное. Во всякомъ случаѣ, если посольство въ 1567 году и было, то имъ не установились наши торговыя сношенія съ Китаемъ и до семнадцатаго столѣтія болѣе не было русскихъ пословъ въ этомъ государствѣ.

Изъ русскихъ первымъ пилъ чай казакъ Тюменецъ, ѣздившій въ 1616 году къ мунгальскому князьку, Кункантшу (Алтынъ-царю). Его угощали, повидимому, кирпичнымъ чаемъ, потому что, по его словамъ, „пили молоко, топленно съ масломъ, а въ немъ листье невѣдомо какое", „а иное листье красное невѣдомо какое". Въ 1638 году, у брата Алтынъ-хана, Дайанъ-Нойона, русскій посолъ Старковъ пилъ какую-то жидкость изъ неизвѣстной ему травы: „называютъ эту жидкость чай, но не знаю, листья ли это деревъ, или трава; ихъ варятъ въ водѣ и примѣшиваютъ немного молока". Пить собственно чай русскіе начали, и то только при дворѣ и богатые люди, съ конца шестидесятыхъ годовъ семнадцатаго столѣтія, но этотъ чай шелъ не изъ Китая, а чрезъ Архангельскъ отъ голландцевъ и португальцевъ. Потребленіе чая въ народѣ въ Россіи въ началѣ восемнадцатаго столѣтія было ничтожное: въ 1727 году казенный караванъ вывезъ его изъ Китая всего на 11.674 руб. (около 4000 пудовъ); за 1759—1761 года привезено его тѣмъ же путемъ около 12.000 пудовъ. Много стали потреблять чая въ Россіи около 1792 года, когда его было привезено 24.568 пудовъ. Привозъ сталъ затѣмъ увеличиваться и въ 1800 году дошелъ до 69.854 пудовъ.

Изъ Россіи самымъ цѣннымъ предметомъ вывоза считался соболь. Въ Сибири богатство соболя было въ первое знакомство русскихъ съ нею какъ бы баснословное. Сибиряки ходили въ собольихъ шубахъ; лыжи ихъ были подбиты соболями. Камчадалы еще въ 1701 году ходили въ собольихъ шкурахъ; они мѣняли одного соболя на три, четыре трубки табаку, а такихъ трубокъ въ одномъ золотникѣ было до пятидесяти. Камчадалы смѣялись надъ казаками, что они мѣняли ножикъ на 8, а топоръ на 18 соболей и считали соболей хуже собакъ. Сибиряки за котелъ давали столько соболей, сколько ихъ въ него вмѣстится. Шведъ Идесъ, посланный въ Китай посломъ съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Петра I, замѣчаетъ, въ 1693 году, что у вогуловъ уже соболей нѣтъ, а Гмелинъ, въ 1736 году, говоритъ, что у Киренскаго Острога прежде водились соболя, а теперь ихъ нѣтъ ни однаго. При завоеваніи русскими якутскихъ земель, якуты часто ловили соболей у своихъ юртъ. Уменьшенію соболей способствовалъ болѣе всего громадный сбытъ ихъ мѣховъ въ Россію и Китай, увеличеніе народонаселенія, вырубка лѣсовъ и пожары ихъ.

Графъ Рагузинскій доноситъ, что соболи убѣгали на двѣсти верстъ отъ дыма лѣсныхъ пожаровъ. Соболи переселились на юго-востокъ Сибири, когда промышленники-звѣроловы направились за ними на востокъ и сѣверо-востокъ.

Г. Трусевичъ сообщаетъ въ своемъ трудѣ интересныя свѣдѣнія о казенной торговлѣ съ Китаемъ. Съ начала открытія торга съ Китаемъ онъ былъ свободный. Частные караваны отправлялись въ Китай безъ увѣдомленія о томъ высшаго правительства. Въ 1693 году, нуждаясь въ большемъ сбытѣ мягкой рухляди, правительство постановило, что частные караваны должны идти въ Пекинъ вмѣстѣ съ казеннымъ и продавать тамъ свои товары только послѣ казенныхъ. Въ 1706 году, купцамъ запрещено было торговать въ Китаѣ мѣхами, главнымъ, если не единственнымъ, тогда предметомъ торговли съ этою страною. Купцы перестали ѣздить въ Пекинъ и стали собираться изъ обоихъ государствъ въ калмыцкой Ургѣ, но въ 1728 году правительство уничтожило и этотъ китайскій пунктъ торговли и установило только торгъ въ самой Сибири (Кяхта). Правительство пріобрѣло себѣ, такимъ образомъ, монополію торговли съ Китаемъ, но его караваны приносили ему одни убытки. Въ 1727 году Петръ II возстановилъ свободный торгъ, но въ 1731 году возвратились къ прежней системѣ, и только, 10 августа 1762 года, при Екатеринѣ II, „всѣ прежнія запрещенія на отпускъ за-границу мягкой рухляди велѣно оставить, торгъ ими производить и за-границу отпускать всѣмъ невозбранно“. Монополія, присвоенная себѣ правительствомъ по торговлѣ мѣхами, вызвана была обиліемъ мягкой рухляди, поступавшей къ нему въ видѣ ясака, подушной подати съ сибирскихъ жителей. Ясакъ сперва взимался безъ всякаго масштаба, а потомъ пропорціонально возрасту: съ десятилѣтняго брали одного соболя, съ одиннадцатилѣтняго двухъ и т. д. Въ 1697 году, опредѣлено было взимать ясакъ только съ здоровыхъ, въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ, а до того брали съ дѣтей, слѣпыхъ, увѣчныхъ. Первоначально ясакъ собирался одними соболями, но съ уменьшеніемъ ихъ—другимъ пушнымъ товаромъ, а наконецъ и деньгами. Злоупотребленія при этомъ были неисчислимыя. Агенты казны наживались на ея счетъ при сборѣ ясака, при отправкѣ казенныхъ каравановъ въ Пекинъ, при продажѣ тамъ казенныхъ мѣховъ. Хорошіе мѣха брали себѣ, подмѣнивали ихъ попорченными молью, негодными, которыхъ китайцы не рѣшались брать, и казенные мѣха возвращались обратно въ Сибирь. Та же исторія была съ монопольнымъ торгомъ нашего правительства ревенемъ въ прошломъ столѣтіи.

Русскіе послы, бывшіе въ Китаѣ съ начала сношеній съ нимъ, единогласно завѣряли о „трусливости китайцевъ“. Казакъ Ялычевъ еще въ 1567 году говоритъ: „а китайскіе люди робливы“. Рагузинскій, въ тридцатыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія, вынесъ такое мнѣніе о китайскомъ народѣ: „гордость, лукавство и трусость занимаетъ все ихъ упражненіе“. Въ 1760 году китайцы отказались идти войною на Россію, потому что она большое государство. Въ 1806 году, на предложеніе Наполеона I напасть на Россію, китайцы отвѣтили, что съ Россіею лучше жить въ мирѣ.

П. У.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг. включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Т. I и II. Спб. 1882. Тип. Акад. Наукъ. 8°, XII+436 и I+458 стр. Цѣна 2 р. 50 к. за томъ.

Нашъ почтенный и неутомимый библіографъ, В. И. Межовъ, обогатилъ русскую науку и литературу новымъ капитальнымъ трудомъ—на нынѣшній разъ по части библіографіи исторіи. Его „Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно", издаваемая теперь Академіей Наукъ, служитъ продолженіемъ его же „Литературы русской исторіи за 1859—1864 включит.", а равно „Русской исторической библіографіи " гг. Ламбиныхъ за 1855—63 гг., въ 9 томахъ. Въ прежнемъ трудѣ г. Межова, обнимавшемъ всего 6 лѣтъ, показано лишь 5.611 статей; у гг. Ламбиныхъ за періодъ времени 1855—58 ихъ названо 10.237, да за періодъ 1859—64, т. е. за тотъ же, что и у Межова,—26.037, слѣдовательно всего-навсего—26.037; въ нынѣшнемъ трудѣ г. Межова, обнимающемъ 12 лѣтъ, будетъ приведено, какъ мы узнаёмъ изъ предисловія къ I-му тому, отъ 70 до 75.000 статей. Громадная разница въ числѣ статей у Межова и Ламбиныхъ за одно и то же время (1859—64) произошла оттого, что у перваго были выпущены статьи: по исторіи иностранныхъ народовъ, а также по географіи, этнографіи и статистикѣ Россіи, равно какъ по исторіи словесности, языкознанію, педагогикѣ, правовѣдѣнію,—въ виду того, что имъ были составлены уже или составлялись тогда спеціальные библіографическіе указатели по нѣкоторымъ изъ этихъ предметовъ. Такъ, имъ изданы: „Литература русской географіи, этнографіи и статистики" за 1859—78 гг., въ 8 томахъ, при чемъ за время 1859—63 г. исчислено 9.199, а всего 73.327 статей (и еще: „Библіографическій указатель русской этнографической литературы" за 1860—61 г.); „Литература русской педагогики, дидактики и методики" за 1859—72 гг., въ 3-хъ томахъ, причемъ за время 1859—63 исчислено 4.688, а всего 16.142 статей; „Литература русскаго правовѣдѣнія" за 1859—69 гг., въ 1 томѣ, причемъ за время 1859—63 исчислено 2.017, а всего 6.340 статей; „Библіографическій указатель... по части языкознанія" за 1859—62 г., гдѣ исчислено 345 статей; наконецъ, „Библіографическій указатель исторіи русской и всеобщей словесности" за 1855 — 70 гг., гдѣ исчислено 15.705 статей. Но, не считая даже послѣдняго, мы получимъ указанныхъ Межовымъ статей по географіи, педагогикѣ, правовѣдѣнію и языкознанію за 1859—63 гг. — 16.249, что составитъ вмѣстѣ съ указанными имъ же статьями по исторіи за то же время—21.860, а это уже подходитъ къ цифрѣ гг. Ламбиныхъ, хотя здѣсь не упомянуты еще статьи по исторіи словесности, которыхъ навѣрно наберется свыше 4.000. Кромѣ названныхъ уже трудовъ, г. Межовымъ выданы также: „Литература русской археологіи" за 1859—68 гг. (свыше 1.600 №№), „Повременныя изданія въ Россіи" за 1858—67 гг., „Труды центральнаго и губернскихъ статистическихъ комитетовъ" до 1873 г. (522 №№, заключающіе около 3.600 статей); равно библіографическіе указатели по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ, какъ напр.: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи" за 1764—1864 гг. (3.305 №№), „Земскій и крестьянскій вопросы" за 1865—71 гг. (около 1.200 №№), „Библіографическій указатель книгъ и статей, относящихся до обществъ, основанныхъ на началахъ взаимности, и проч." до 1876 г. (1854 №№), „Библіографія еврейскаго вопроса" за 1855—75 гг. (около 1.200 №№), и указатели по библіографіи нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ напр.: „Библіографическій указа-

тель книгъ и статей (по исторіи и географіи), относящихся до южно-русскаго края" за 1858—60 гг. (332 №№) и „Библіографія вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ южно-русскомъ краѣ" за 1857—60 гг. (до 60 №№), „Библіографическій указатель галицко-русской литературы" за 1837—62 гг. (253 №№), „Туркестанскій сборникъ сочиненій и статей, относящихся до Средней Азіи вообще и Туркестанскаго края въ особенности" (2.007 №№). Затѣмъ г. Межовымъ сдѣланы изъ общихъ указателей отдѣльные оттиски по нѣкоторымъ предметамъ, напр.: „Краткій статистическій и библіографическій обзоръ литературы русскаго отечествовѣдѣнія" за 1859—68 (изъ 3-го т. „Литературы русской географіи"), „Юбилеи Ломоносова, Карамзина и Крылова" въ 379 №№ (изъ „Библіографическаго указателя исторіи словесности" за 1855—70 гг.), „Юбилей Петра Великаго" въ 1.049 №№ (изъ 1-го т. „Русской исторической библіографіи" за 1865—76 гг.). Если прибавить сюда: „Алфавитный указатель къ Отеч. Запискамъ" за 1854—58 гг., „Библіографическій отдѣлъ въ „Книжномъ Вѣстникѣ" за 1860—64 гг., „Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ"—при „Журн. Мин. Нар. Просв.", начиная съ 1869 г., „Библіографическій указатель статей о Лермонтовѣ" при „Запискахъ г-жи Хвостовой" 1870 г., то всѣ указатели г. Межова будутъ исчислены. Останутся только его каталоги, а таковыхъ нѣсколько: 1) „Библіографія за 1856 и 1857 гг., изд. „Русской Бесѣды", или „Библіографическій указатель изданныхъ въ Россіи книгъ и проч. въ теченіи 1856—1857 гг." (былъ помѣщенъ сперва при „Отеч. Запискахъ" и содержитъ 3.927+248 №№) и такіе же указатели за 1858 и 1859 гг. (въ 2.036+254 и въ 2.283+279 №№,—при „Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ"); 2) „Каталогъ книжной торговли Сеньковскаго" 1863 г. (въ 6.556 №№, перепечатывавшійся и для другихъ книгопродавцевъ); 3) „Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова" за 1825—68 гг. и 6 прибавленій къ нему за 1869—74 гг., равнымъ образомъ такіе же каталоги за 1875—78 гг. для Я. А. Исакова—въ видѣ 4 новыхъ прибавленій къ первому (тутъ, какъ въ самомъ каталогѣ, такъ и во всѣхъ 10 прибавленіяхъ, указаны: 36.791 русская книга и до 64.000 рецензій и иностранныхъ переводовъ). Принявши все это въ соображеніе, можно безошибочно сказать, что, когда г. Межовъ доведетъ всѣ свои указатели до 1878 г., получатся слѣдующія цифры по русской литературѣ за 20 лѣтъ (1859—78): всѣхъ вообще книгъ до 36.000 и рецензій къ нимъ до 64.000, статей по географіи и проч. слишкомъ 73.000, по исторіи и проч. до 80.000, по педагогикѣ и проч. до 20.000, по правовѣдѣнію до 18.000, по словесности свыше 7.000 (если считать, что половина изъ 15.000 №№, за 1865—70 гг., войдетъ въ „Русскую историческую библіографію" за 1865—76 гг.), по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ (крестьянскому, земскому, артельному, еврейскому, средне-азіатскому) до 12.000, а всего свыше 300.000 указаній на книги и статьи. Мы слышали, что г. Межовъ давно уже занятъ составленіемъ общаго указателя ко всѣмъ русскимъ журналамъ съ 1800 г. по 1855, со включеніемъ сюда кромѣ того С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей со времени основанія ихъ до 1800 г., такъ какъ онѣ пропущены въ указателѣ А. Н. Неустроева: „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ" (гдѣ изложено вообще содержаніе 136 журналовъ и сборниковъ прошлаго столѣтія). Будущій трудъ г. Межова обнимаетъ свыше 200.000 №№, такъ что, съ выходомъ его въ свѣтъ, общая цифра указанныхъ почтеннымъ

библіографомъ русскихъ книгъ и статей за первыя три четверти нынѣшняго столѣтія возрастетъ до полумилліона, а если прибавить еще сюда указатель г. Неустроева къ періодическимъ изданіямъ прошлаго столѣтія и др. и каталоги Сопикова (свыше 12.000 №№) и Смирдина (до 10.000 №№), гдѣ исчислены русскія книги со времени появленія ихъ до первой четверти нынѣшняго столѣтія включительно, то будемъ имѣть по всей вообще русской литературѣ цифру, пожалуй, въ 600.000 №№, изъ которыхъ $^5/_6$ будутъ все-таки указаны г. Межовымъ.

Надо имѣть громадное самоотверженіе и большую любовь къ дѣлу, чтобы вѣкъ свой заниматься исключительно такимъ сухимъ предметомъ, какъ библіографія, требующимъ особенной усидчивости и кропотливости, и къ тому же заниматься съ такимъ толкомъ и съ такою послѣдовательностью, какъ г. Межовъ. Всѣ труды его, несмотря на свои неизбѣжные ошибки и пропуски, служатъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую научную литературу и крайне важны для ученыхъ по разнымъ спеціальностямъ, значительно облегчая ихъ работы при разнаго рода изслѣдованіяхъ. Къ сожалѣнію только, многіе изъ нихъ сдѣлались уже библіографическою рѣдкостью (какъ напр. первые томы „Литературы русской географіи“ и „Литературы русской педагогики“, „Литература русскаго правовѣдѣнія“, „Литература русской исторіи“, „Литература русской археологіи“, не говоря уже о болѣе мелкихъ); ихъ давно слѣдовало бы издать вновь, а равно составить общіе алфавитные указатели именъ и предметовъ къ трудамъ по разнымъ спеціальностямъ за многіе годы,—чѣмъ не мѣшало бы заняться и гг. Ламбиными, съ выходамъ въ свѣтъ 10-го т. ихъ „Русской исторической библіографіи“ (за 1864 г.). Разумѣется, такіе общіе указатели, къ нѣсколькимъ томамъ заразъ, представляютъ огромное преимущество передъ указателями къ каждому тому отдѣльно, такъ какъ въ нѣсколько разъ сокращаютъ время при справкахъ. Правда, съ выходомъ 7-го, послѣдняго, тома „Русской исторической библіографіи“ г. Межова, у насъ будетъ, кромѣ систематическаго, также и общій алфавитный указатель по литературѣ исторіи за 12 лѣтъ (1865—76), но къ прежнимъ 10 годамъ (1855—64) такой же библіографіи гг. Ламбиныхъ есть только отдѣльные указатели къ каждому тому особо.

Покуда г. Межовымъ выпущено въ свѣтъ всего 2 тома его новаго труда, въ составъ которыхъ вошли: источники и матеріалы (лѣтописи, акты и документы), исторія Россіи вообще и по царствованіямъ въ особенности, исторія областей и губерній, историческая этнографія, исторія инородцевъ,—всего слишкомъ 10.000 №№, и жизнеописанія русскихъ дѣятелей—до 26.250 №№, итого—до 26.250 №№. Какъ видно изъ предисловія къ I-му т., въ слѣдующіе тома войдутъ приблизительно: въ 3 т.—исторія христіанской вѣры и церкви вообще и православной въ особенности и исторія народнаго просвѣщенія въ Россіи; въ 4 т.—исторія русской словесности; въ 5 т. — исторія военная (сухопутныхъ силъ и флота), исторія дипломатическихъ сношеній Россіи съ сосѣдними государствами и проч., исторія права и проч., исторія искусствъ; въ 6 т.—вспомогательныя науки (археологія, нумизматика, хронологія, генеалогія, геральдика и палеографія) и всеобщая исторія; въ 7 т.—азбучный указатель ко всѣмъ 6 томамъ. Чрезвычайно дробная система, принятая г. Межовымъ, очень полезна; но, отдавая все должное его труду, нельзя не сдѣлать нѣсколькихъ замѣчаній противъ, особенно насчетъ порядка размѣщенія нѣкоторыхъ статей и насчетъ неровности работы. Не говоря о простыхъ опечаткахъ (въ родѣ того, что „Записки

Болотова“ № 3882 были приложены къ „Русской Бесѣдѣ“, а не къ „Русской Старинѣ“), пропускахъ (какъ пропускъ соч. Забѣлина—„Бытъ русскихъ царей“, когда его же „Бытъ русскихъ царицъ“ упомянутъ подъ № 9.596) и повтореніяхъ (см. №№ 8.256 и 8.266, 9.213 и 9.219 въ I т. и перечни статей о Карамзинѣ, Крыловѣ, Ломоносовѣ, Пушкинѣ и пр., во II-мъ), у нѣго встрѣчаются погрѣшности въ алфавитномъ и хронологическомъ порядкѣ размѣщенія статей въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ. Такъ: въ отдѣлѣ „Переписка частныхъ лицъ“ письма Исаіи №№ 3.489—90 помѣщены между письмами Іосифа и Іоанна, письмо Долгорукова къ В. Ясинскому № 3.495—подъ буквой К, письма Филарета къ Игнатію № 3.581—между письмами его къ Протасову и Смарагду, письма къ Гречу № 3.666 — между письмами Давыдова и Даля, и т. д.; въ отдѣлѣ „Исторія Россіи вообще и проч.“—совершенно напрасно сдѣлано нѣсколько алфавитовъ, изъ которыхъ нѣкоторые можно бы было соединить вмѣстѣ; въ отдѣлѣ „Юбилей Петра“—алфавитъ соблюденъ не вполнѣ (ср. №№ 6.139, 32—33, и проч.); въ отдѣлѣ „Царство Польское“ и „Остзейскій Край“ біографіи и некрологи помѣщены то въ латинскомъ, то въ русскомъ, то въ смѣшанномъ алфавитѣ; въ отдѣлѣ „Исторія Россіи по царствованіямъ“ хронологія нѣкоторыхъ событій нарушена. Болѣе же всего замѣчается недосмотровъ въ распредѣленіи статей по отдѣламъ: тутъ, кромѣ того, что самые отдѣлы иногда можно бы было размѣстить иначе (напр. „Историческіе атласы“ изъ-подъ рубрики „Историческіе и историко-юридическіе акты—переставить подъ рубрику „Историко-статистическія и историко-топографическія свѣдѣнія о Россіи“), многія статьи въ разныхъ отдѣлахъ попали не въ свое мѣсто. Такъ, въ I т.: въ отдѣлѣ „Источники и матеріалы отечественные. Лѣтописи и хронографы“ встрѣчаются (на стр. 3) ливонскія и лифляндскія хроники, которыя приведены потомъ, какъ слѣдуетъ, въ отдѣлѣ „Остзейскій край. Источники и матеріалы“ (на стр. 394—395); въ отдѣлѣ „Собственно акты историческіе и историко-юридическіе“ (на стр. 14)—лифляндскіе акты, которымъ тоже слѣдовало бы быть въ отдѣлѣ „Остзейскій край“ (на стр. 396), (на стр. 15) — иностранные акты и (на стр. 7)—Scriptores rerum Rossicarum, которымъ приличнѣе бы было стоять въ отдѣлѣ „Записки иностранцевъ“ (на стр. 176), (на стр. 9) — нѣкоторыя статьи объ изданіяхъ Археографической комиссіи, которыя слѣдовало бы помѣстить въ отдѣлъ „Устройство архивовъ“ (на стр. 6), а также (между №№ 2.374 и 3.014)—очень многіе акты, которые изъ перечня отдѣльныхъ изданій надо бы было перенести въ перечни сборниковъ; въ отдѣлѣ „Переписка русскихъ государей“—письма Петра I, которыя должно бы было переставить въ отдѣлъ „Историческіе акты, относящіеся къ Петру I“; въ отдѣлѣ „Переписка духовныхъ лицъ“—письмо Гославскаго (№ 3.447), хотя другія письма частныхъ лицъ къ духовнымъ помѣщены въ „Перепискѣ частныхъ лицъ“, и письмо сераевскаго архимандрита Саввы (№ 3.611), хотя другія подобныя письма помѣщены въ „Перепискѣ иностранцевъ“; въ отдѣлѣ „Записки русскихъ людей“—воспоминанія Бурнашева о разныхъ лицахъ (на стр. 145 и слѣд.), между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ спокойно могли бы быть помѣщены во II т., въ отдѣлѣ „Біографіи“, подъ именами этихъ лицъ, и записки Пассекъ, Толстаго и проч., несмотря на то, что подобныя же записки Солнцева, Сѣрякова и др. отнесены въ отдѣлу „Біографіи“; въ отдѣлѣ „Путешествія русскихъ людей“—путешествія иностранцевъ Верна и Вашингтона (№№ 4.157—58); въ отдѣлѣ „Историческіе атласы“ (русскіе)—атласъ Сре-

дизешнаго моря (иностранный); въ отдѣлѣ „Письма иностранцевъ къ русскимъ"—письма изъ Россіи въ Англію отъ г-жи Вильмотъ къ ея сестрѣ (№ 4.219) и письма изъ Петербурга въ Италію отъ гр. де-Местра къ сардинскому королю (№ 4.234), которыя просто слѣдовало бы помѣстить въ отдѣлъ „Записки иностранцевъ"; въ отдѣлѣ „Записки иностранцевъ" (въ концѣ)—нѣкоторыя иностранныя сочиненія о Россіи, однородныя съ тѣми, что приведены въ отдѣлахъ „Исторія Россіи вообще" и „Сочиненія и статьи историческія"; въ отдѣлѣ „Философія и критика исторіи"—нѣкоторыя статьи, скорѣе относящіяся къ слѣдующимъ затѣмъ отдѣламъ, какъ „Дидактика и методика" (№ 4.411), „Сочиненія и статьи историческія" (№№ 4.433—35), „Начало и происхожденіе Россіи" (№ 4.422), „Исторія русскаго стариннаго быта" и проч. (№ 4.450—54); въ отдѣлѣ „Сборники статей историческаго содержанія"—„Протоколы засѣданій Археографической комиссіи", хотя „Лѣтопись занятій той же комиссіи" помѣщена въ отдѣлѣ „Повременныя изданія по русской исторіи"; въ отдѣлѣ „Повременныя изданія по русской исторіи"—„Сборникъ Рускаго Историческаго Общества" (№ 4.857), который слѣдовало бы помѣстить въ отдѣлѣ „Сборники статей историческаго содержанія", гдѣ приведены „Русская Историческая Библіотека", изд. Археограф. комиссіи, и „XVIII и XIX вѣкъ", изд. Бартенева; въ отдѣлахъ „Исторія Россіи вообще" и „Сочиненія и статьи историческія"—такія статьи, которыя относятся скорѣе къ отдѣлу „Исторія Россіи по царствованіямъ"; въ отдѣлѣ „Начало и происхожденіе Россіи"—статьи, однородныя съ тѣми, что помѣщены въ отдѣлѣ „Исторія инородцевъ" (обитавшихъ въ прежнее время въ Россіи); въ отдѣлахъ „Исторія Россіи по царствованіямъ" и „Исторія составныхъ частей Россіи"—статьи, относящіяся до разныхъ мѣстностей (въ первомъ) и до разныхъ государей (во второмъ), а также и до иностранныхъ сказаній, какія находятся и въ отдѣлѣ „Записки иностранцевъ"; въ отдѣлѣ „Малороссія"—статьи о Новороссійскомъ краѣ (№№ 8.211—15); въ отдѣлѣ „Литва"—статьи о Малороссіи, именно о Кіевской губ. (№ 8.276); въ отдѣлѣ „Сѣверо-западный и юго-западный край Россіи"—статьи по „Польскому вопросу" (№№ 8.362—68, 82); въ отдѣлѣ „Гражданская и политическая исторія Царства Польскаго"—статьи изъ отдѣловъ „Церковная исторія Ц. П." (№№ 8.435, ... 8.511) и „Источники и матеріалы" (№№ 8.428,... 8.512...); въ отдѣлѣ „Исторія польскихъ возстаній"—статьи изъ отдѣловъ „Исторія польскаго возстанія 1863 г. въ сѣверо и юго-западной Россіи" (№№ 8.612, 13, 19, 97), „Источники и матеріалы" (№№ 8.596, 8.660—61), „Польская эмиграція" и „Польскій вопросъ" (№№ 8.679, 81); въ отдѣлѣ „Біографіи и некрологи поляковъ"—статьи изъ отдѣла „Исторія Польши" (№ 8.846); въ отдѣлѣ „Польскій вопросъ"—статьи изъ отдѣловъ „Источники и матеріалы" (№ 8.953) и „Исторія Польши" (№ 9.076); въ отдѣлѣ „Исторія Остзейскаго края"—статьи изъ отдѣла „Источники и матеріалы" (№ 9.269, 81); въ отдѣлѣ „Остзейскій вопросъ"—статьи изъ отдѣла „Церковная исторія Остз. кр." (№ 9.461); въ отдѣлѣ „Исторія русскаго стариннаго быта"—статьи, относящіяся до исторіи отдѣльныхъ эпохъ и мѣстностей; въ отдѣлѣ „Исторія инородцевъ вообще"—статьи, принадлежащія къ „Исторіи инородцевъ въ частности" (Казанская губ., Скандинавія); въ отдѣлѣ „Евреи"—статьи, относящіяся до исторіи разныхъ мѣстностей (Малороссіи, Новороссійскаго края, Литвы, Польши); наконецъ, подъ рубрикой „Царствованіе Петра I" (которое вышло также отдѣльно подъ заглавіемъ: „Юбилей Петра

Великаго"): въ отдѣлѣ „Сочиненія и статьи общаго характера" помѣщены статьи изъ отдѣла „Бытъ Петра" или „Преданія о Петрѣ" (№ 5.692); въ томъ же отдѣлѣ и въ отдѣлѣ „Публичныя чтенія о Петрѣ" — статьи изъ отдѣла „Юбилей Петра I"; въ отдѣлѣ „Бытъ Петра" — статьи изъ отдѣла „Государственная дѣятельность Петра"; въ отдѣлѣ „Отношенія Петра къ религіи"— статьи изъ отдѣла „Бытъ Петра" (№№ 5.920—21); въ отдѣлѣ „Памятники въ честь Петра"—статьи изъ отдѣла „Петровская археологія" или „Преданія о Петрѣ" (№№ 6.141—42); въ отдѣлѣ „Преданія о Петрѣ" — статьи изъ отдѣла „Путешествія Петра" (№№ 6.143, 52). Не съ цѣлію умалить замѣчательный трудъ г. Межова мы остановились такъ долго на его недостаткахъ: мы единственно имѣли въ виду изслѣдователей, которымъ необходимо будетъ при своихъ работахъ обращаться не къ одному какому нибудь отдѣлу указателя по данному предмету, а къ нѣсколькимъ, и нашими замѣчаніями мы хотѣли только облегчить ихъ розыски. Самъ Межовъ, еще въ предисловіи къ своей „Литературѣ русской исторіи за 1859—64 вкл." (стр. VII), замѣтилъ, что „трудъ гг. Ламбиныхъ, посвященный тому же предмету, которому посвящена и его книга, имѣетъ то преимущество передъ его трудомъ, что составленъ съ соблюденіемъ всевозможныхъ требованій современной библіографіи, на что онъ не всегда обращалъ вниманіе, а часто и не могъ обращать его, по недостатку времени, занятый составленіемъ указателей по всѣмъ вообще предметамъ".

Къ главнымъ заслугамъ его новаго труда принадлежитъ то, что г. Межовъ, кромѣ возможно полнаго перечня всѣхъ историческихъ сочиненій за послѣднія 12 лѣтъ и рецензій ихъ, помѣстилъ у себя содержаніе книгъ съ разными статьями и главами—правда, къ сожалѣнію, не вездѣ. Такъ, во многихъ случаяхъ имъ приведено содержаніе историческихъ сборниковъ, но для нѣкоторыхъ—нѣтъ (какъ „XVIII и XIX вѣкъ" Бартенева, „Сборникъ" Михайлова и проч.), на томъ основаніи, что статьи, въ нихъ заключающіяся, уже вошли въ текстъ всего указателя и размѣщены тамъ по отдѣламъ (см. т. I, стр. 205), хотя иногда, несмотря на это, онъ помѣщалъ статьи изъ сборниковъ и при изложеніи содержанія послѣднихъ, и отдѣльно, въ своемъ мѣстѣ (напр. „Лѣтопись о временахъ Ивана Грознаго"—и вмѣстѣ съ другими статьями „Русской Исторической Библіотеки", и особо—подъ № 20). Конечно, лучше бы было, если бы онъ при всѣхъ сборникахъ указалъ ихъ содержаніе, а потомъ сдѣлалъ бы только ссылки въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, или наоборотъ.

Вообще же наши замѣчанія могутъ могутъ быть сведены къ слѣдующему: 1) Статьи каждаго отдѣла и подраздѣленія слѣдовало бы помѣщать въ строгомъ алфавитномъ порядкѣ упоминаемыхъ въ нихъ предметовъ или лицъ, а относящіяся къ одному и тому же предмету или лицу—въ хронологическомъ порядкѣ (но никакъ не въ случайномъ), напр.: а) изданія лѣтописей—въ алфавитѣ ихъ названій (Вологодская, Ипатьевская, Лаврентьевская, Несторова, Новгородская, Святотроицкой лавры, Сибирская, Тверская, Устюжская и т. д.); б) описанія архивовъ — въ алфавитѣ именъ предметовъ, къ которымъ они относятся, и мѣстностей, гдѣ они находятся (военные, иностр. дѣлъ, межевые, синодскіе, судебныхъ мѣстъ, центральные — въ разныхъ городахъ: Казанской, Кіевской, Московской, Псковской, С.-Петербургской губ.); в) изданія актовъ—въ алфавитѣ ихъ названій и мѣстностей, перечисляя особо сборники и отдѣльныя изданія лѣтописей или актовъ изъ

разныхъ мѣстностей или архивовъ и отдѣляя изданія самихъ текстовъ отъ изслѣдованій о нихъ; г) письма государей къ частнымъ лицамъ (и обратно) не мѣшало бы помѣстить въ алфавитѣ именъ этихъ послѣднихъ, не ограничиваясь однимъ хронологическимъ порядкомъ именъ самихъ государей, письма же частныхъ лицъ къ царственнымъ лучше бы было всѣ отнести къ „Перепискѣ частныхъ лицъ" (а то въ числѣ послѣдней встрѣчаются и такія письма, напр. подъ №№: 3.229, 3.234, 3.276, 3.280) и всѣ вообще размѣстить въ алфавитѣ ихъ авторовъ, но не адресатовъ (а то въ большинствѣ случаевъ они помѣщены подъ именами авторовъ, иногда же подъ именами адресатовъ); д) путешествія русскихъ людей—въ алфавитномъ порядкѣ лицъ и мѣстностей и въ хронологическомъ событій; е) критическія статьи по поводу однихъ и тѣхъ же изслѣдованій—всѣ вмѣстѣ; ж) біографическія статьи, кромѣ алфавита упоминаемыхъ въ нихъ лицъ,—въ алфавитѣ именъ авторовъ и въ хронологическомъ порядкѣ и т. д. 2) Статьи, относящіяся въ каждомъ отдѣлѣ къ одному и тому же лицу, мѣсту или году, когда онѣ въ большомъ количествѣ, слѣдовало бы отдѣлять отъ прочихъ хоть небольшимъ бѣлымъ пространствомъ. 3) При перечисленіи статей въ алфавитномъ или хронологическомъ порядкѣ не мѣшало бы, кромѣ заглавій ихъ и фамилій авторовъ, печатать также имена и года какъ нибудь особенно. 4) Въ тѣхъ случаяхъ, если однѣ и тѣ же статьи могутъ относиться къ разнымъ предметамъ и лицамъ, или вообще возбуждать какія либо сомнѣнія, лучше бы всего дѣлать ссылки въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Несмотря однако на указанныя нами ошибки и недомолвки въ новомъ трудѣ г. Межова, къ нему все-таки нельзя не относиться съ полнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ: онъ вполнѣ заслуживалъ бы даже Уваровской преміи отъ Академіи Наукъ.

S.

Матеріалы для исторіи Дворянскаго полка до переименованія его въ Константиновское военное училище. Составилъ бывшій воспитанникъ полка, М. Гольмдорфъ. Спб. 1882.

Подъ такимъ заглавіемъ, ко дню 75-ти лѣтней годовщины основанія Дворянскаго полка, изданъ сборникъ историческихъ матеріаловъ объ этомъ учебномъ заведеніи, въ настоящее время уже не существующемъ: сначала, въ 1855 году, полкъ былъ переименованъ въ Константиновскій кадетскій корпусъ, а впослѣдствіи, въ 1859 г.,—въ Константиновское военное училище.

Въ „Очеркѣ", какъ назвалъ свой трудъ г. Гольмдорфъ, кромѣ данныхъ изъ соотвѣтствующихъ оффиціальныхъ архивовъ (главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній и 2-го Константиновскаго военнаго училища), собраны: свѣдѣнія изъ различныхъ печатныхъ источниковъ, устныя и письменныя сообщенія бывшихъ воспитателей и питомцевъ Дворянскаго полка и личныя воспоминанія автора (съ 1848 по 1855 г.).

Въ былое время Дворянскій полкъ считался, и вполнѣ справедливо, „обильнѣйшимъ разсадникомъ" офицеровъ нашей арміи. Дѣйствительно, въ полувѣковой періодъ своего существованія полкъ выпустилъ въ войска свыше 14-ти тысячъ человѣкъ. Воспоминанія о своей юности, а слѣдовательно и времени, проведенномъ на школьной скамьѣ, безъ сомнѣнія, дороги каждому, въ комъ не остыло еще чувство любви и признательности къ заведенію, давшему сво-

имъ питомцамъ и научныя знанія, и необходимую подготовку для предстоявшей имъ дѣятельности. Освѣжая въ памяти факты минувшей кадетской жизни, имѣвшей, сколько извѣстно, много аналогическаго во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, „Очеркъ“ небезъинтересенъ и вообще: въ немъ сгруппированы матеріалы для изученія стороны бытовой, учебной и воспитательной.

„Очеркъ“ представляетъ брошюру въ 12½ печатныхъ листовъ. Къ ней принадлежитъ также, изданный отдѣльною книгой (210 стр.), „имянной“ списокъ воспитанниковъ всѣхъ выпусковъ какъ изъ Дворянскаго полка и состоявшаго при немъ кавалерійскаго эскадрона (1807—1855 г.), такъ и изъ Константиновскаго кадетскаго корпуса (1855—1859 г.).

Брошюра подраздѣлена на 4 главы и дополнена приложеніями, которыя составляютъ, однако, одну третью часть всей книги.

Въ первой главѣ говорится объ учрежденіи полка, а впослѣдствіи—и кавалерійскаго эскадрона, и пріемѣ въ нихъ воспитанниковъ; затѣмъ перечислены преобразованія, послѣдовавшія въ заведеніи, до тѣхъ поръ, когда оно переформировано было въ военное училище, сдѣлавшееся уже теперь, на основаніи „Положенія“ о немъ, доступнымъ не однимъ только дворянамъ, какъ прежде, но и молодымъ людямъ всѣхъ сословій, не исключая нижнихъ чиновъ, состоящихъ на службѣ и числящихся въ запасѣ. Вторая глава заключаетъ свѣдѣнія о помѣщеніи полка, управленіи имъ, научномъ и фронтовомъ образованіи воспитанниковъ; глава третья—физическое и нравственное воспитаніе; глава четвертая — выпускъ воспитанниковъ на службу.

Въ первое 25-тилѣтіе (до 1832 г. включительно), когда Дворянскій полкъ не былъ еще учебно-воспитательнымъ заведеніемъ, изъ него произведено въ офицеры 9070 человѣкъ,—вдвое болѣе числа выпущенныхъ за тотъ же періодъ времени изъ 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ въ сложности. Въ послѣднія же 27 лѣтъ Дворянскій полкъ, а затѣмъ Константиновскій кадетскій корпусъ снабдилъ нашу армію 5313-ю офицерами.

Въ „Очеркѣ“ г. Гольмдорфа, представляющемъ лишь сборъ въ одно цѣлое нѣкоторыхъ разрозненныхъ свѣдѣній объ описываемомъ заведеніи, замѣтны весьма важные пробѣлы, и хотя на этотъ недостатокъ указываетъ въ предисловіи самъ составитель, но онъ приводитъ далеко неполный перечень всего не вошедшаго въ программу „Очерка“; въ особенности же много пропусковъ по части хозяйственной и учебной. Всѣ собранные авторомъ матеріалы сгруппированы безъ критической оцѣнки ихъ и принадлежатъ, не говоря объ оффиціальныхъ данныхъ, къ разряду компилятивныхъ; оригинальнаго же, т. е. разработаннаго самимъ составителемъ „Очерка“, — немного. Даже примѣры, наиболѣе рельефно обрисовывающіе бытовую сторону и другія черты изъ жизни полка, преимущественно заимствованы изъ напечатаннаго ранѣе. Кромѣ того, г. Гольмдорфа слѣдуетъ упрекнуть еще въ нерѣдко встрѣчающихся повтореніяхъ прежде сказаннаго и въ излишнихъ деталяхъ, всего замѣтнѣе бросающихся въ глаза при характеристикѣ воспитателей Дворянскаго полка: „большой ростъ, щеголеватая одежда, высокіе каблуки, походка съ выворачиваніемъ носковъ внаружу“ и проч. Всѣ эти подробности, вѣрнѣе—мелочи, легко могли бы быть исключены безъ вреда для сути дѣла, и изданіе много выиграло бы съ серьезной точки зрѣнія.

Что касается приложеній, то въ нихъ, помимо неполноты и значительныхъ пропусковъ, довольно часто встрѣчаются неточности и ошибки, противорѣчащія или тексту брошюры, или другимъ приложеніямъ.

Однако же, несмотря на это, нельзя не отнестись сочувственно къ труду г. Гольмдорфа, положившему, такъ сказать, начало для разработки въ будущемъ исторіи Дворянскаго полка, на что заведеніе это имѣетъ неоспоримое право, хотя бы потому, что дало нашему отечеству полезныхъ дѣятелей на многихъ ступеняхъ государственной и общественной службы,—какъ напр., генералы: Бруннеръ, Хрулевъ, Черняевъ, Драгомировъ, нашъ военный историкъ М. И. Богдановичъ и др.

В. К.

Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка. В. Водовозова. С.-Петербургъ. 1882 г.

Отдавая справедливость г. Водовозову за его знанія и трудолюбіе, мы должны сознаться, что несовсѣмъ понимаемъ цѣль и назначеніе послѣдняго его сочиненія. Авторъ извѣстенъ до сихъ поръ какъ педагогъ, составившій нѣсколько болѣе или менѣе дѣльныхъ и цѣлесообразныхъ книжекъ для народныхъ школъ, а также сочиненій, служащихъ пособіемъ въ преподаваніи исторіи и русской литературы. Одни изъ его изданій назначались для учащихся, другія могли не безъ пользы служить руководствомъ для учителей. Составленная теперь имъ книга очевидно не можетъ быть дана первымъ, по своей обширности и непедагогическому характеру многихъ подробностей, и едва ли удовлетворитъ послѣднихъ—по своему эпизодическому характеру. Остается предположить, что г. Водовозовъ назначаетъ свои очерки просто для чтенія тѣхъ, кто желаетъ познакомиться съ подробностями историческаго хода русской жизни, не имѣя возможности прибѣгать для этого къ многочисленнымъ матеріаламъ и источникамъ, или недоступнымъ большинству читателей, или требующимъ значительныхъ средствъ и затраты времени. При такомъ назначеніи книга имѣетъ смыслъ, но вызываетъ также и нѣкоторыя недоумѣнія. Предлагая очерки изъ исторіи русской жизни въ XVIII вѣкѣ, или, лучше сказать, во второй его половинѣ, такъ какъ большая часть сочиненія посвящена царствованію императрицы Екатерины Великой,—авторъ одни событія излагаетъ подробно, а другія слегка и не въ послѣдовательномъ разсказѣ. Это потому, говоритъ онъ въ предисловіи, что „отчасти для нѣкоторыхъ очерковъ представлялось болѣе матеріала, а отчасти онъ считалъ ихъ болѣе важными“. На этомъ основаніи у него съ особенной подробностью разсказаны такія событія, какъ засѣданія Комиссіи Уложенія, московская чума, путешествіе Екатерины въ Крымъ, раздѣлъ Польши и Пугачевскій бунтъ. Что для описанія этихъ событій въ рукахъ автора было больше матеріала, нежели для другихъ эпизодовъ, объ этомъ говорить нечего, но едва ли можно согласиться съ нимъ насчетъ ихъ преимущественной важности. Въ историческихъ произведеніяхъ есть перспектива, и никто, конечно, не захочетъ требовать, чтобы въ нихъ, какъ въ китайской живописи, все стояло на одномъ планѣ; но въ то же время нельзя, покрывая однѣ части красками, другія оставлять въ однихъ абрисахъ. Если бы сочиненіе г. Водовозова дѣйствительно представляло отдѣльные очерки тѣхъ или другихъ событій, то они сами по себѣ удовлетворяли бы читателей, какъ популярные изъ нашей исторіи прошлаго столѣтія. Но дѣло въ томъ, что, несмотря на скромное и соотвѣтственное книгѣ назва-

ніе, авторъ претендуетъ на систематическое и связное представленіе русской жизни отъ царствованія Алексѣя Михайловича до вступленія на престолъ императора Александра I. Въ этомъ отношеніи сочиненіе его не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Въ первомъ очеркѣ „—До-петровская Русь" авторъ представляетъ общественное устройство и народную жизнь въ древней Россіи преимущественно съ бытовой стороны, а затѣмъ для опредѣленія переходнаго времени разсказываетъ о жизни и дѣятельности патріарха Никона и извѣстнаго сербскаго выходца Крижанича, но онъ вовсе не касается ни царствованія Бориса Годунова, ни воцаренія дома Романовыхъ. Не показано также, какое вліяніе имѣло на бытъ и нравы народа правленіе Самозванца, пребываніе въ Москвѣ поляковъ и смутная эпоха междуцарствія. Этого слѣдовало коснуться для опредѣленія переходнаго времени отъ стараго московскаго быта къ эпохѣ преобразованій Петра Великаго. Что касается очерковъ царствованій Петра и Екатерины II, то эта часть книги обработана съ достаточной полнотою. Напрасно только г. Водовозовъ, заканчивая свое сочиненіе указаніемъ на современное поднятіе народной жизни, высказываетъ такое заключеніе: „Много еще остается сдѣлать, чтобы отыскать этотъ народъ, расчиствъ остатки той чиновничьей и помѣщичьей стѣны, которая его отъ насъ заслоняла". Такая тенденціозная мысль можетъ быть высказана въ журнальной статьѣ, но едва ли она умѣстна въ серьезномъ историческомъ трудѣ.

А. М.

Жизнь и политика маркиза Велепольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Сочинилъ В. Д. Спасовичъ. СПБ. 1882.

Трудъ г. Спасовича, печатавшійся около двухъ лѣтъ въ „Вѣстникѣ Европы", представляетъ собою не только новый біографическій опытъ, вызванный или навѣянный трудами Лисицкаго (на польскомъ и французскомъ языкахъ) и другихъ польскихъ писателей относительно личности и дѣятельности знаменитаго польскаго государственнаго человѣка. Самъ г. Спасовичъ въ началѣ книги объясняетъ свой трудъ желаніемъ представить безпристрастную характеристику Велепольскаго, какой онъ не нашелъ ни въ трудѣ Лисицкаго, похожемъ больше на панегирикъ, ни въ другихъ очеркахъ личности маркиза, писанныхъ иногда подъ вліяніемъ антипатіи, которую въ свое время внушалъ къ себѣ Велепольскій. Но, въ сущности, задача книги г. Спасовича, повидимому, шире: онъ задался мыслью послужить дѣлу примиренія двухъ націй, которыя обѣ считаютъ талантливаго автора своимъ—одна по происхожденію и національнымъ симпатіямъ, другая—по бывшей профессорской, а также литературной дѣятельности. Въ послѣсловіи къ своей книгѣ г. Спасовичъ самъ говоритъ, что имѣлъ въ виду не только польское, но и русское дѣло, а во введеніи вооружается противъ точки зрѣнія „Бородинской годовщины", „кичливаго ляха" и „вѣрнаго росса", преобладающей донынѣ, какъ увѣряетъ авторъ, въ русской образованной публикѣ. Каковы причины такихъ взглядовъ, и какимъ характеромъ одушевлены соотвѣтствующія прозвища русскихъ людей среди большей части культурнаго польскаго общества („проклятый москаль" и

т. п.)—это другой вопросъ, изысканіе отвѣта на который привело бы, пожалуй, къ выводамъ, не особенно благопріятнымъ для желаемаго примиренія. Но въ историческомъ отношеніи труды, подобные книгѣ г. Спасовича, подъ условіемъ фактической вѣрности, въ извѣстной степени несомнѣнно полезны, даже при своей тенденціозности, потому что послѣдняя можетъ быть разоблачена при безпристрастномъ разборѣ, а собранные факты останутся. Съ исторической точки зрѣнія имѣетъ значеніе, напримѣръ, такое обстоятельство, напоминаемое авторомъ, что въ средѣ польскаго общества издавна были попытки образовать русскую партію, прочность и вліятельность которой, къ сожалѣнію, бывали непродолжительны. Способствовало-ли и насколько способствовало сформированію такой партіи развитіе такъ называемой славянской идеи—это вопросъ крайне спорный; вѣрнѣе, что къ сближенію съ Россіей склонялъ иныхъ видныхъ польскихъ дѣятелей—еще съ прошлаго столѣтія—прямой политическій расчетъ. Наибольшей силы взаимно-дружелюбное направленіе достигло въ контитуціонный періодъ существованія Польши, при Александрѣ I. „Великъ и всеобщъ былъ энтузіазмъ къ возстановителю Польши, по дарованіи имъ въ 1815 году конституціи", говоритъ авторъ. Но помимо энтузіазма, который вообще бываетъ крайне непроченъ и одностороненъ, въ двадцатыхъ годахъ были и болѣе существенные хорошіе признаки если не сближенія, то хотя взаимнаго ознакомленія русскаго и польскаго обществъ. Тогда, по словамъ историка нашей литературы, „возникало извѣстное научно-поэтическое сближеніе съ польской литературой; завязывались нити примиренія и взаимнаго интереса; у насъ съ уваженіемъ назывались имена Лелевеля, Нарушевича, Линде, отдавалась дань удивленія Мицкевичу. „Историческія пѣсни" Нѣмцевича послужили образчикомъ для историко-патріотическихъ „думъ" Рылѣева, Кюхельбекера. Сами писатели польскіе обращались къ общеславянскимъ вопросамъ". (Пыпинъ).

Сближеніе это было подорвано политическими причинами, которыя съ тѣхъ поръ дѣйствуютъ почти непрерывно, вызывая вражду въ двухъ родственныхъ племенахъ. Въ шестидесятыхъ годахъ нужна была такая энергическая и дальновидная личность, какъ Велепольскій, чтобъ высказаться за сближеніе съ Россіей, но даже и эта желѣзная натура отступила предъ потокомъ политическихъ страстей, волновавшихъ польское общество. Странно было бы винить кого бы то ни было въ такомъ направленіи польско-русскаго вопроса, направленіи, которое и до сихъ поръ не подаетъ надежды на улучшеніе, несмотря на частые разговоры на эту тему.

Въ исторіи, какъ извѣстно, виновныхъ не бываетъ; существуютъ только причины и послѣдствія. Менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, умѣстно взваливать вину на которую нибудь сторону за неуспѣхъ попытокъ къ сближенію. Польскіе писатели укажутъ, въ объясненіе неуспѣха, на извѣстныя политическія событія, на нежелательныя, быть можетъ, для ихъ стороны русскія государственныя формы и внутренній строй, даже на общую политику русскаго государства. Въ книгѣ Спасовича нѣчто подобное проглядываетъ опредѣлительно: „русское правительство конца XVIII вѣка разочло, что ему выгоднѣе поддерживать олигарховъ и анархію", говоритъ авторъ. Но послѣдователямъ столь исключительныхъ взглядовъ можно бы отвѣтить весьма характерными словами самого Велепольскаго, который, въ порывѣ раздраженія на польскую партію дѣйствія, сказалъ однажды: „въ пользу поляковъ можно еще иногда что-нибудь сдѣлать, но съ поляками—никогда!" Эту мысль, съ русской точки зрѣнія, можно пояснить и еще болѣе по отношенію къ занимающему насъ вопросу.

Такъ, несмотря на весь газетный шумъ о „примиреніи", поднятый за послѣднія пять лѣтъ, наиболѣе отчетливо выдѣлился только одинъ выводъ, формулированный съ польской стороны приблизительно такъ: русскому скипетру еще можно подчиниться; русскому народу—никогда. Иными словами, поляки желаютъ автономіи прежде всего; автономія для нихъ даже первѣе свободныхъ политическихъ формъ. Въ сообразности съ преобладаніемъ такого направленія находится возрастающая и усердно раздуваемая посмертная популярность Велепольскаго, который въ своей короткой, но не лишенной трагизма политической дѣятельности, былъ именно представителемъ строго автономистскаго начала. Основою его онъ ставилъ союзъ съ Россіей, но понимаемый въ односторонне-польскихъ интересахъ: доказательствомъ этого служитъ то, что Велепольскій не зналъ даже поверхностно-русскаго языка, хотя такое знаніе вовсе не трудно для человѣка, многосторонне образованнаго, и нелишнее для польскаго государственнаго дѣятеля, принимавшаго близко къ сердцу, если вѣрить біографамъ, судьбы славянства. Къ нѣкоторымъ русскимъ учрежденіямъ и законамъ, которыхъ и не зналъ хорошенько, маркизъ относился свысока, характеризуя ихъ выраженіемъ: „законы сербскаго царя Душана". Впрочемъ, о дѣйствительныхъ законахъ царя Душана маркизъ понятія не имѣлъ, но считалъ себя вправѣ употреблять подобный терминъ для обозначенія варварскаго фазиса состоянія общества. Какъ истый европеецъ и притомъ послѣдователь, по словамъ г. Спасовича, принциповъ 1789 года, маркизъ былъ горячимъ поклонникомъ кодекса Наполеона, но, какъ кровный аристократъ, бережно охранялъ интересы крупнаго землевладѣнія. Сознаніе въ этомъ послѣднемъ качествѣ, присущемъ герою книги, авторъ старается, повидимому, замаскировать, много распространяясь о quasi-демократическомъ характерѣ, какой придавался маркизомъ проектированной имъ всесословной гминѣ. Г. Спасовичъ съ особеннымъ удареніемъ останавливается на томъ, что при прежнемъ порядкѣ, при императорѣ Николаѣ, помѣщикамъ, по званію гминныхъ войтовъ, принадлежала патримоніальная власть, вотчинная полиція, и только Велепольскій вырвалъ съ корнемъ помѣщичью полицію и юстицію; поставивъ помѣщика на одну ногу съ осѣдлыми земледѣльцами и вообще интеллигентными людьми, онъ все устройство гмины основалъ на выборномъ началѣ. Гмину онъ расширилъ, отождествивъ ее съ приходомъ и введя въ нее нѣчто въ родѣ всеобщей подачи голосовъ (такъ принимаетъ авторъ). Ограждая своего героя отъ упрека въ излишнемъ аристократизмѣ, г. Спасовичъ поясняетъ, что „демократическій институтъ всеобщаго голосованія и аристократическое преобладаніе единицы съ ея челядью и агентами суть два совершенно несовмѣстимыя понятія".

Но дѣло въ томъ, во-первыхъ, что именно эти понятія вполнѣ совмѣстимы, какъ доказалъ опытъ второй французской имперіи, а во-вторыхъ, что по проекту Велепольскаго каждому помѣщику дѣйствительно не трудно было овладѣть фактическимъ вліяніемъ въ гминѣ чрезъ посредство своихъ арендаторовъ, работниковъ и тому подобнаго людá, снабженнаго правомъ голоса, въ силу придуманнаго маркизомъ ценза. Это именно была искусственная поддержка падавшаго значенія дворянства, въ силу необходимости окрашенная легкимъ демократическимъ цвѣтомъ. Самъ г. Спасовичъ, критикуя проекты учредительнаго комитета, говоритъ слѣдующее: „кодексъ Наполеона до того перемололъ всѣ состоянія, что они вовсе не существовали въ 1864 г., что дворянство сдѣлалось мифомъ, и осталось только одно органическое, но не юридическое дѣленіе людей по профессіямъ и роду занятій. Итакъ, по необходи-

мости надо было склониться къ идеѣ Велепольскаго и организовать всесословную волость". Это-то недостающее юридическое значеніе дворянства маркизъ старался пополнить по новѣйшему способу. Логическимъ дополненіемъ подобнаго устройства гмины служилъ проведенный Велепольскимъ въ 1862 г. законъ объ обязательномъ „очиншеваніи" (заоброченіи) крестьянскихъ земель, далеко оставленный за собою, по словамъ самого автора, послѣдовавшимъ въ 1864 г. поземельнымъ устройствомъ крестьянъ въ царствѣ Польскомъ, которые, какъ извѣстно, сдѣлались собственниками своихъ земель.

Весьма интересенъ въ книгѣ г. Спасовича, хотя и мимолетный, разборъ нѣкоторыхъ мѣропріятій Милютина, который явился преемникомъ гордаго маркиза по устройству русской Польши. Что взгляды автора на дѣятельность Н. А. Милютина крайне пристрастны и односторонни—это подразумѣвается само собою. Правда, г. Спасовичъ не называетъ Милютина, подобно Лисицкому, „homme néfaste" и даже признаетъ его несомнѣнную талантливость, но затѣмъ не скупится на язвительныя толкованія и всей его политики, и даже выдернутыхъ на удачу цитатъ изъ писемъ Милютина, приводимыхъ у Леруа-Болье. Опровергать подобное отношеніе къ незабвенному русскому государственному человѣку—не стòитъ; дѣло будущихъ біографовъ Н. А. Милютина возстановить въ должномъ свѣтѣ его труды, которые ему стоили здоровья и жизни. Достаточно сказать, что этотъ „крестьянофилъ, односторонній человѣкъ, чистокровный бюрократъ", какъ называетъ Милютина г. Спасовичъ,—человѣкъ, который будто-бы сошелъ со сцены, даже и не указавъ, кàкъ устроить страну, однако-жъ, положилъ такую хорошую экономическую основу ея устройства, что теперь въ этой „обновленной, демократизированной" странѣ „идетъ муравьиная работа, развивается промышленность, дѣлаютъ успѣхи науки и искусства". Этотъ „крестьянофилъ", быть можетъ, дѣйствительно не создавая себѣ a priori, кабинетнымъ способомъ, будущей картины возрожденной русской Польши, понялъ, гдѣ существенная сторона ея быта, которая приведетъ весь край къ обновленію. Это та сторона, преобладаніе которой среди русскихъ г. Спасовичъ, въ главѣ о дѣятельности маркиза въ церкви и школѣ, ставитъ русскимъ какъ бы въ упрекъ, въ доказательство ихъ малой культурности; это—сторона экономическая, которая должна быть упрочена у основы государства—у крестьянскаго сословія.

Въ этомъ состоитъ коренная разница между русскимъ и польскимъ реформаторами, признаваемая и авторомъ, но, съ своеобразнымъ освѣщеніемъ. Говоря о томъ, что Велепольскій выбралъ для своего ближайшаго завѣдыванія области школьную и церковную, „самыя красивыя и самыя заманчивыя для поляка", г. Спасовичъ такъ разъясняетъ упомянутую разницу: „русскій государственный человѣкъ предпочелъ бы, можетъ быть, вѣдомство внутреннихъ дѣлъ, крестьянское дѣло, вообще власть въ ея проявленіяхъ болѣе матеріальныхъ, но въ обществѣ польскомъ съ давнихъ поръ и донынѣ на первомъ планѣ стоятъ идеальныя силы, нравственные интересы". Дѣятельность маркиза въ этой избранной, „спеціально-польской сферѣ" авторъ осыпаетъ похвалами.

Мы, въ возраженіе на это, укажемъ, что Милютинъ, какъ видно изъ приводимой тутъ же г. Спасовичемъ выдержки, обладалъ вполнѣ вѣрнымъ взглядомъ на образовательное дѣло, но, занятый крестьянской реформой, не имѣлъ времени выдвинуть на первый планъ эту сторону; въ церковномъ же вопросѣ долженъ былъ не терять изъ виду политическій характеръ, сообщенный ему самими поляками. Нѣкоторое предпочтеніе экономической стороны въ устрой-

ствѣ края предъ церковнымъ и школьнымъ дѣломъ бываетъ неизбѣжно, когда реформаторъ не задается мыслью о подчиненіи своего дѣла одностороннимъ политическимъ цѣлямъ, какія въ ходу въ данное время. Школа и церковь обыкновенно служатъ могучими орудіями именно въ послѣднемъ смыслѣ, и этимъ можно объяснить исключительное вниманіе къ нимъ Велепольскаго. Но если оставить на время погоню за политическими идеалами въ сторонѣ и заботиться прежде всего о благосостояніи населенія, то первое мѣсто въ ряду реформъ необходимо должны занять экономическія мѣры, и лишь за ними (если нельзя одновременно) встанутъ школьныя и исповѣдныя дѣла. Мы не говоримъ, что именно такъ дѣйствовалъ Милютинъ, да и вообще не разбираемъ здѣсь его дѣятельность. Мы объясняемъ только намѣченный г. Спасовичемъ путь, какимъ долженъ былъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, слѣдовать русскій государственный человѣкъ, въ противоположность польскому, единственнымъ новѣйшимъ образчикомъ котораго является Велепольскій,

Г. Спасовичъ лучше бы сдѣлалъ, въ интересахъ исторической правдивости, если бы изгладилъ въ своемъ трудѣ прорывающійся въ немъ мѣстами очень рѣзко колоритъ страстнаго политическаго памфлета, хотя именно этотъ колоритъ и сообщаетъ книгѣ талантливаго автора особую занимательность. Что касается, затѣмъ, общей характеристики маркиза Велепольскаго, какъ виднаго политическаго дѣятеля, то книга г. Спасовича не измѣнитъ упрочившейся за маркизомъ репутаціи проницательнаго, нѣсколько самонадѣяннаго государственнаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ односторонняго аристократа. Если же маркизъ, несмотря на свои славянскія симпатіи, дѣйствовалъ какъ рьяный боецъ именно польской національности, то кто-жъ ему поставитъ это въ вину? Заслуга маркиза въ томъ, что онъ шаткимъ польскимъ надеждамъ на помощь западныхъ державъ противопоставилъ союзъ своей родины съ Россіей, какъ лучшей опорой славянства. Какъ полякъ, Велепольскій подготовлялъ этотъ союзъ, разумѣется, въ польскихъ интересахъ, но кто помѣшаетъ русскимъ государственнымъ людямъ поставить твердо русскіе интересы, оставаясь на почвѣ единенія и союза?

Н. С. К.

Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Ф. Мартенса. Томъ I. Спб. 1881 г.

Профессоръ петербургскаго университета по кафедрѣ международнаго права, г. Мартенсъ, пользуется уже извѣстностью своими трудами на избранномъ имъ поприщѣ. Составленные имъ, по порученію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, шесть томовъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“ доставили ему также доступъ въ дипломатическіе архивы нашего правительства, чѣмъ онъ и воспользовался для сообщенія въ своемъ новомъ трудѣ многихъ данныхъ, впервые опубликованныхъ относительно нѣкоторыхъ дипломатическихъ сношеній Россіи. Назначеніе г. Мартенса въ нынѣшнемъ году членомъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, чего не удостоивался еще ни одинъ изъ ученыхъ, такъ какъ подобныя мѣста предоставлялись до нынѣ только дипломатамъ и бюрократамъ, даетъ поводъ надѣяться пріобрѣсти отъ этого профессора-дипломата новые цѣнные вклады въ литературу его науки.

По словамъ автора, въ предисловіи, русской литературы по международному праву почти не существуетъ; нѣтъ ни одного систематическаго руковод

ства, составленнаго по этому предмету русскимъ ученымъ, а потому онъ и предпринялъ восполнить этотъ пробѣлъ своимъ трудомъ, который будетъ состоять изъ двухъ томовъ и обниметъ собою всю область международнаго права, какъ во время мира, такъ и во время войны.

Наука международнаго права разработывалась сильными авторитетами, подобными Гроціусу, Ваттелю, Уэтону, Филлимору, Блюнчли, но донынѣ нѣтъ точнаго, общепринятаго опредѣленія предмета этого права. Каждый авторитетъ давалъ свое опредѣленіе, которое въ свою очередь отвергалось послѣдующими спеціалистами этой науки. Профессоръ Мартенсъ послѣдовалъ тому-же примѣру—предложилъ въ своемъ трудѣ слѣдующее свое опредѣленіе международнаго права: „подъ международнымъ правомъ мы разумѣемъ совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ условія достиженія народами своихъ жизненныхъ цѣлей въ сферѣ взаимныхъ ихъ отношеній". Съ тѣмъ вмѣстѣ авторъ излагаетъ науку международнаго права по особой системѣ, отличной отъ системъ, принятыхъ въ западной Европѣ. О состоятельности своей системы онъ проситъ судить по выходѣ втораго тома. Если эта система сдѣлаетъ эпоху въ литературѣ международнаго права, то естественно авторитетъ г. Мартенса, какъ ученаго, займетъ присущее ему мѣсто. Но можно полагать, что наука не ограничится опредѣленіемъ, предлагаемымъ г. Мартенсомъ для международнаго права, потому что взаимныя отношенія народовъ не составляютъ прочной почвы, на которой можно было бы создать такое же уваженіе къ непоколебимости основъ, ученій, законоположеній международнаго права, какое предержащая власть въ данномъ государствѣ охраняетъ за гражданскими и уголовными законами. Международные трактаты, опредѣляющіе взаимныя отношенія народовъ, выполняются ими, пока они удовлетворяютъ ихъ жизненнымъ цѣлямъ. Такъ, Ламарейонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ французской республики, декларацією въ 1848 году объявилъ, что вѣнскіе трактаты 1815 года не обязательны для Франціи. Великія державы протестовали противъ такого ихъ нарушенія, но послѣдующія событія доказали, что онѣ не спасли тѣмъ эти договоры. Въ 1871 году Россія, воспользовавшись благопріятными для себя обстоятельствами, достигла отмѣны невыгоднаго для своихъ интересовъ условія о Черномъ морѣ въ Парижскомъ трактатѣ 1856 года, хотя нѣкоторыя державы, только скрѣпя сердце, согласились на эту отмѣну. Европейскія державы не могутъ принудить правительство Сѣверо-американскихъ Штатовъ отказаться отъ извѣстнаго афоризма: „Америка принадлежитъ американцамъ", который развивается нынѣ еще далѣе, а именно, что „Америка принадлежитъ сѣверо-американцамъ".

Путаница понятій и юридическихъ основъ въ международномъ правѣ продолжается до настоящихъ дней. На стр. 284-й г. Мартенсъ говоритъ, что „за дѣйствія правительства египетскаго хедива или тунисскаго бея должны, въ извѣстной степени, отвѣчать европейскія державы, подъ попечительствомъ которыхъ они находятся". На этомъ основаніи Англія и Франція должны были бы вмѣшаться во внутреннія дѣла Египта, вызванныя послѣднимъ переполохомъ, но турецкое правительство протестовало противъ посылки англійской и французской эскадръ къ Александріи, а Россія, Австрія, Германія, Италія заявили, что Франція и Англія могутъ дѣйствовать въ Египтѣ только съ общаго ихъ согласія. Вообще международное право станетъ на прочную основу только тогда, когда между народами водворится „идеальный миръ".

П. У.

Trough Siberia, by Lansdell. Two volumes. 1882.

Это недавно вышедшее сочиненіе англичанина Ланседля, уже успѣвшее обратить на себя вниманіе и въ русской, и въ иностранной печати, является цѣннымъ вкладомъ въ литературу о Сибири. Авторъ — англійскій миссіонеръ, распространяющій книги священнаго писанія и быстро ознакомившійся съ бытомъ тюремъ въ Европѣ, — проѣхалъ Сибирь вплоть до восточной границы, посѣтилъ сибирскія тюрьмы и рудники. Лансделль отправился въ маѣ 1879 года изъ Нижняго-Новгорода черезъ Казань и Пермь въ Екатеринбургъ; оттуда онъ добрался до Николаевска, близъ крайней восточной ссыльной колоніи на островѣ Сахалинѣ. Изъ Николаевска онъ поѣхалъ къ югу; изъ Владивостока, Японскимъ моремъ, черезъ Іокагаму и Санъ-Франциско возвратился въ Англію, проведя 8 мѣсяцевъ въ путешествіи; изъ нихъ пять онъ прожилъ въ Сибири. Все, что встрѣтилъ на этомъ длинномъ и трудномъ пути наблюдательный англичанинъ, находимъ теперь въ вышеназванной книгѣ. О пройденномъ пути Лансделль составилъ себѣ довольно благопріятное заключеніе. Только крайній сѣверъ представляетъ собою пустыню и неплодороденъ, въ остальной части Сибири есть привлекательныя стороны. Если дешевизна жизненныхъ потребностей можетъ сдѣлать народъ счастливымъ, то жители Сибири, по отзыву Ланседля, имѣютъ всѣ основанія быть довольными. При этомъ, однако, Лансделль сообщаетъ много любопытныхъ свѣдѣній о полуварварскихъ народностяхъ, которыя доселѣ еще покланяются идоламъ, приводитъ немало данныхъ о суровомъ климатѣ Сибири и даетъ цѣнныя указанія относительно благопріятныхъ условій для установленія тамъ правильныхъ торговыхъ сношеній. Но наиболѣе любопытную часть книги составляетъ описаніе быта ссыльныхъ и заключенныхъ. Мы не будемъ вдаваться въ подробности этого описанія, такъ какъ намѣрены посвятить ему особую статью.

Ѳ. В.

Аракчеевщина. Сочиненіе Н. Богословскаго. Спб. 1882 г.

Книга г. Богословскаго представляетъ сборникъ статей беллетристическаго характера, касающихся главныхъ моментовъ мрачной жизни александровскаго временщика. Тутъ, кромѣ небольшой статьи политическаго характера—„Графъ Аракчеевъ“, помѣщены разсказы: „Шумскій, мнимый сынъ Аракчеева“, „Настасья, фаворитка Аракчеева“, „Естьянская шурма“, „Устройство военныхъ поселеній“, „Конецъ военныхъ поселеній“. Всѣ они представляютъ болѣе или менѣе удачную беллетристическую обработку разныхъ документовъ, находившихся въ распоряженіи автора, и довольно живо рисуютъ бытъ и обстановку новгородскихъ дѣлъ въ вотчинахъ самого Аракчеева, и въ тѣхъ несчастныхъ волостяхъ, которыя должны были быть превращены въ военныя поселенія. Читая безхитростные разсказы г. Богословскаго о жестокости и грубости пріемовъ, которыми тупой временщикъ-сентименталистъ думалъ осчастливить родину, чувствуешь невольный ужасъ и самую искреннюю жалость къ тѣмъ злополучнымъ лицамъ и общинамъ, которыхъ думалъ осчастливить Аракчеевъ. И эта жалость и этотъ ужасъ усиливаются еще слѣдующими соображеніями. Посмот-

рите вокругъ повнимательнѣе и вы убѣдитесь, что взятая сама по себѣ идея аракчеевщины, какъ идея порядка, равенства и животнаго благополучія поселенцевъ, могла бы годиться для самаго современнаго и даже нецензурнаго очерка организаціи будущаго строя общества. Частію и средства Аракчеева заставить благоденствовать путемъ насилія и крови общи тѣмъ средствамъ, которыя практикуются сентименталистами намъ современными. Разница только въ легальности и средѣ, гдѣ работала ненавистная аракчеевщина, и гдѣ работаетъ нынѣшній воинствующій соціализмъ. Платонически сочувствующіе соціализму, какъ прогрессивной формѣ общежитія, придаютъ этой, чисто формальной разницѣ первенствующее значеніе. Въ смыслѣ суда надъ Аракчеевымъ или Лассалемъ, или Майнцкимъ архіепископомъ Катереромъ, какъ политическими дѣятелями, это конечно важно, но въ смыслѣ осужденія идеи—по моему—безразлично. Надо совершенно ослѣпнуть, чтобы въ основѣ идей военныхъ поселеній, какъ ихъ понималъ Аракчеевъ, не замѣчать чисто комунистической подкладки и не видѣть начала того строя общества, когда общественная полезность человѣка вполнѣ опредѣлитъ его личное, индивидуальное право быть. Не отрицая индивидуальности человѣка, нельзя быть дѣятельнымъ комунистомъ. И въ этомъ смыслѣ Аракчеевъ смѣло становится о бокъ съ Бакунинымъ. Онъ также хотѣлъ гигіенической чистоты, сытнаго и вкуснаго обѣда для всѣхъ и каждаго,—одинаковой работы улучшенными орудіями труда, простора и даже комфорта въ жилищахъ. Но онъ не желалъ знать личныхъ наклонностей людей, которыхъ взялся осчастливить. Онъ не признавалъ любви, и преслѣдуя пьянство, былъ равнодушенъ къ любострастію. Онъ вѣрилъ въ равенство способностей и требовалъ равенства силъ и вкусовъ. Не того ли требуютъ и не на то ли самое разсчитываютъ благодѣтели грядущаго?

Вотъ причина, по которой я считаю именно теперь безпристрастное изученіе дѣлъ Аракчеева въ устройствѣ поселеній чрезвычайно назидательнымъ и полезнымъ. Пусть и дѣятель, и его средства, сами по себѣ отвратительны,—но вы поймите цѣли. На бумагѣ они по истинѣ кажутся великолѣпными! Посмотрите же на нихъ въ живой дѣйствительности и изъ самой жестокости и бѣшенства возстанія поселянъ умѣйте понять, какъ далека человѣческая организація отъ счастія внѣ индивидуальности и довольства внѣ личной свободы примѣненія своихъ силъ, способностей и талантовъ.

Съ этой точки зрѣнія, книга г. Богословскаго, при недостаткѣ знакомства большинства публики съ опубликованными даже матерьялами, относящимися къ аракчеевщинѣ, можетъ принести свою долю пользы. Къ недостатку ея надо отнести одностороннее и притомъ нѣсколько форсированное пессимистическое отношеніе ко всему дѣлу военныхъ поселеній.

Въ беллетристическомъ отношеніи талантъ г. Богословскаго не изъ крупныхъ, хотя ему трудно отказать въ наблюдательности. Повѣсти его къ концу какъ-то быстро обрываются и потому не вполнѣ осуществляютъ ожиданія читателей, возбужденныя ихъ началомъ. Въ вышедшемъ сборникѣ лучшею вещью слѣдуетъ признать „Естьянскую шурму“, гдѣ описаны весьма типично причины, ходъ и всѣ перепитіи борьбы деревни Естьяны, Бронницкаго уѣзда, населенной частью раскольниками, съ клевретами Аракчеева, и съ войсками, водворявшими среди простыхъ крестьянъ высокое званіе военныхъ поселеній.

В. П.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Грамота патріарха Никона.

Ъ БИБЛІОТЕКѢ Спасо-Преображенскаго мужскаго монастыря (Краснослободскаго уѣзда, Пензенской губерніи), одного изъ древнѣйшихъ въ Пензенской епархіи, хранятся любопытные древніе акты и другіе предметы старины, заслуживающіе вниманія любителей нашей древней исторической письменности, именно: 1) Четьи Минеи на весь годъ и Евангеліе, печатанныя при патріархѣ Никонѣ, и 2) рукописныя грамоты: а) жалованная грамота патріарха Никона „Андрюшкѣ Агапитову съ товарищи" на построеніе деревянной церкви, 1655 года; б) грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи Алексѣевны въ дворцовую Красную Слободу Саввѣ Игнатьеву Украинцеву объ учиненіи изслѣдованія о правахъ владѣнія строителемъ Преображенскаго монастыря, старцемъ Герасимомъ, землею деревни Тенишевой, 1687 года; в) такая же грамота царская тому же Саввѣ Украинцову о введеніи въ владѣніе бортными и сѣнокосными угодіями, пожертвованными Краснослободскому монастырю Путилкою Дмитріевымъ, 1686 года, и г) грамота царя Петра Алексѣевича стольнику Чирикову объ отказѣ Ивашкѣ Тимофееву отъ Тенишевской поляны и бортныхъ оброчныхъ угодій и о введеніи во владѣніе оными строителя Спасской пустыни, 1690 года.

Рукописная грамота патріарха Никона написана на толстой и плотной бумагѣ, желтоватаго цвѣта, сдѣланной, по всей вѣроятности, изъ хлопка, изъ котораго обыкновенно выдѣлывалась въ старину бумага и которая называлась бомбициной. Бумага имѣетъ форму свитка, или свертка, длиною 1 арш. и 2 верш., а шириною 4 верш., и склеена въ двухъ мѣстахъ. Грамота написана такъ называемою скорописью XVII вѣка, отличающейся неправильнымъ и некрасивымъ очертаніемъ буквъ, снабженныхъ сверху титлами и изукрашенныхъ ненужными длинными росчерками и добавленіями. Въ концѣ грамоты, съ лѣвой стороны, была приложена печать краснаго воска, отъ которой остались небольшіе слѣды. На оборотной сторонѣ грамоты написано: „жалованная

благословенная грамота", а по склейкѣ ея, также на оборотѣ—„дьякъ Парфеній Ивановъ".

Вотъ содержаніе грамоты:

„Божіею милостію се азъ, смиренный великій государь, святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. Били намъ челомъ Темниковскаго уѣзда государевы дворцовыя Красныя Слободы Андрюшка Агапитовъ съ товарищи и всякихъ чиновъ люди, а въ челобитной ихъ написано: въ Краснослободскомъ де кругу, вверхъ по рѣкѣ Мокшѣ, въ большомъ лѣсу, на берегу рѣки Мокши, есть де у нихъ пустынка, а въ ней живетъ черный старецъ Діонисій, а у нихъ де вь Красной Слободѣ и въ Краснослободскомъ присудѣ, во всей волости монастырей близко кругу нѣтъ, а которые де у нихъ люди по обѣщанію своему желаютъ, душевнаго ради спасенія и изнемогаючи къ смерти, постричися негдѣ, помираютъ безъ постриженія. И нынѣ де они обѣщались въ той пустынкѣ воздвигнуть вновь церковь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да въ придѣлахъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, да усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи, и намъ бы имъ пожаловать, благословить и велѣть бы имъ на тое церковь и на придѣлы лѣсъ ронить и въ томъ лѣсу, въ той пустынкѣ, воздвигнуть вновь церковь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да въ придѣлѣхъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, да усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи, и дать антиминсы. И азъ смиренный великій государь, святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея Великія и Малыя Россіи, Темниковскаго уѣзда, государевы дворцовыя Красныя Слободы Андрюшку Агапитова съ таварищи пожаловалъ, благословилъ, велѣлъ имъ на тое церковь и на придѣлѣ лѣсъ ронить и въ томъ лѣсу, на берегу рѣки Мокши, въ той пустынкѣ, воздвигнуть вновь церковь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да въ придѣлахъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, да усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи, а придѣлы велѣлъ дѣлать по сторонамъ тоя церкви особою статьею и входъ въ придѣлы былъ бы изъ паперти, а главы бы на той церкви и на придѣлахъ были круглыя, а не островерхія, а какъ та церковь и придѣлы совершатся и на тое церковь и на придѣлы велѣлъ имъ и антиминсы дать и освятить ту церковь и придѣлы попу со дьякономъ по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ. Писано въ Москвѣ, лѣта 7163, августа въ 6 день".

Сообщено **Д. Ильченко.**

Изъ тамбовской народно-отреченной литературы.

Въ іюлѣ 1772 года, шацкій помѣщикъ, князь Иванъ Енгалычевъ, подалъ доносъ шацкой провинціальной канцеляріи на своего брата Григорія, въ имѣніи имъ у себя заговорныхъ богопротивныхъ словъ, причемъ представилъ воеводѣ Лопатину и самую рукопись съ богопротивнымъ текстомъ.

Полагая, что заговоры въ извѣстной степени иллюстрируютъ древнерусское народное міросозерцаніе и въ то же время представляютъ образцы народно-русской отреченной литературы, мы сочли себя вправѣ подѣлиться

съ читателями „Историческаго Вѣстника" слѣдующею нашею архивною находкою въ дѣлахъ бывшей шацкой провинціальной канцеляріи [1]).

Рукопись, бывшая въ нашемъ распоряженіи, написана крайне неразборчиво, безграмотно и мѣстами не имѣетъ опредѣленнаго смысла. Отъ кого зависѣло это послѣднее обстоятельство—отъ переписчика, или отъ самого неизвѣстнаго автора заговоровъ,—мы не знаемъ и не приступаемъ даже къ рѣшенію этого вопроса. Въ данномъ случаѣ мы ограничиваемъ свою задачу приведеніемъ текста съ буквальною точностію.

На первой страницѣ нашей рукописи записанъ заговоръ отъ судей, которые повидимому представлялись народу въ прошломъ столѣтіи весьма чувствительнымъ общественнымъ зломъ. Вотъ текстъ этого заговора:

„Зачинается Тихонъ преподобный. Утиши и помилуй меня, раба Божія, отъ лихаго человѣка и супостата и нечистаго духа и всякаго врага. Иду я, рабъ Божій, къ такому-то рабу, а на встрѣчу мнѣ мертвецъ, ни руками, ни ногами и ни зубами и губами не владаетъ и глазами не глядитъ и языкомъ не говоритъ. И такъ бы онъ рабъ на меня не глядѣлъ по мой часъ и по мой вѣкъ и по мой уговоръ. И на встрѣчу мнѣ козелъ, а я козла съѣмъ, и на встрѣчу мнѣ овца, а я овцу съѣмъ и костки сгложу, подъ пятою положу—по мой часъ и по мой вѣкъ".

Далѣе слѣдують присушные заговоры, или такъ наз. присушки, записанные княземъ Григоріемъ Енгалычевымъ съ особенною тщательностію и сравнительно въ большомъ числѣ, и такимъ образомъ обличающіе въ немъ значительную склонность къ приключеніямъ амурнаго свойства.

Присушки слѣдуютъ въ рукописи въ такомъ порядкѣ:

1.

„На морѣ на окіанѣ стоитъ островъ, а на островѣ стоитъ баня, въ банѣ лежитъ доска, на доскѣ лежитъ тоска, мечется тоска, бросается тоска изъ угла въ уголъ, изъ переруба въ переру́бъ, изъ окна въ окно, изъ огня въ огонь, изъ пламя въ пламя, съ ножа на ножъ, изъ петли въ петлю. Кинься, тоска, къ рабѣ Божіей въ ретиво сердце отъ меня, раба Божія. Аминь".

2.

„Стоитъ рабъ Григорій тайно и рабу съ глазъ не спущаетъ. И какъ мать сыра земля сохнетъ отъ жару отъ полымя, отъ вѣтру и вихорю, такъ бы раба объ немъ сохла душой и тѣломъ и всею плотію своею".

Къ этому заговору сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Изъ подъ правой ноги земли вынуть и положить подъ матицу на три дня, и какъ сыра земля будетъ сохнуть подъ матицею, такъ бы она, раба, обо мнѣ, рабѣ, сохла душой, и тѣломъ и тридесять суставомъ".

3.

„Иду я, рабъ, къ красной дѣвицѣ и быть бы мнѣ для той дѣвицы милѣй свѣтлаго мѣсяца, краснаго солнышка, милѣй отца-матери, милѣй живота своего. И ей бы, дѣвицѣ, безъ меня безъ молодца спать бы не заспать, ѣсть бы не заѣсть, пить бы не напиться, гулять бы не нагуляться, безъ меня безъ молодца. И какъ рыба калуга безъ воды не терпится—мечется, такъ бы раба за меня, раба, металася".

---

[1]) № 3886-й.

Въ заключеніе въ доносѣ Енгалычева приводится слѣдующій заговоръ, имѣющій довольно темное значеніе:

„Изъ-за горы изъ-за тучи выходили семдесять бѣсовъ, выносили семдесять мѣшковъ не свинцу и не пороху, а золы отъ Адамовой кости. И я, рабъ, заряжаю ружье не свинцомъ и не порохомъ — золою. А тѣмъ дѣламъ аминя нѣтъ, небо—ключъ, земля—замокъ“.

Повидимому, въ этомъ заговорѣ могъ нуждаться охотникъ или же разбойникъ.

Мы имѣемъ основаніе думать, что приведенные нами заговоры являются еще не обнародованными варіантами этого рода народно-отреченной литературы. Ихъ нѣтъ ни у Аѳанасьева, ни у Миллера, и другихъ извѣстныхъ намъ изслѣдователей отечественной устной литературы. Вслѣдствіе этого, мы относимъ ихъ къ опытамъ народной литературы тамбовской и въ этомъ смыслѣ считаемъ ихъ небезъинтересными. У Аѳанасьева есть варіанты записанныхъ нами присушекъ, но тѣ еще сжатѣе нашихъ и выражены нѣсколько иначе.

Указанный нами князь Григорій Енгалычевъ былъ однимъ изъ самыхъ безпокойныхъ людей своего вѣка. Проживая въ селѣ Ишейкахъ, Кадомскаго уѣзда, онъ былъ великимъ мучителемъ всего своего крѣпостнаго крестьянства и крайне непочтительнымъ сыномъ, чтò видно изъ жалобы, поданной на него въ шацкую провинціальную канцелярію отцомъ его—княземъ Василіемъ Енгалычевымъ. Между прочимъ отцовское обвиненіе указывало на слѣдующее обстоятельство. Князь Григорій Енгалычевъ былъ очень внимателенъ къ колдуньѣ Василисѣ Константиновой, которая занималась вредительными къ смерти человѣковъ наговорами и была пугаломъ для всего Шацкаго края.

Мнимую волшебницу арестовали и, заковавъ въ кандалы, отвезли сперва въ Шацкъ, а потомъ въ Воронежъ, въ губернскую канцелярію. Тамъ ее подвергли розыску, т. е. пытали, а что дальше было — не знаемъ. Ничего не знаемъ мы также и о судьбѣ князя Григорія Енгалычева. Но все это— и обстоятельства второстепенныя, и существенно для насъ неважныя.

Сообщено И. И. Дубасовымъ.

Пасхальные подарки, розданные смоленскимъ чиновникамъ въ 1772 году.

Для характеристики быта Россіи въ прошломъ столѣтіи можетъ послужить матеріаломъ приводимый нами ниже фактъ раздачи „праздничнаго“ чиновникамъ въ 1772 году. О томъ, кому что дано, составленъ реэстръ, найденный нами въ старыхъ бумагахъ прошлаго столѣтія. Реэстръ этотъ писалъ нѣкто Ѳедоръ Бохоновъ—слуга своего господина, Михаила Григорьевича Лебедева. Дѣло совершается предъ праздникомъ Пасхи; Михаилъ Григорьевичъ въ это время находился въ своемъ имѣніи, а слуга его пребывалъ въ Смоленскѣ, выполняя распоряженія своего господина, между прочимъ и касательно „раздачи господамъ праздничнаго“. Исполнивъ свою обязанность, слуга и посылаетъ объ этомъ Михаилу Григорьевичу отчетъ, въ формѣ реэстра.

Читатели, можетъ быть, поинтересуются знать о личности Михаила Григорьевича Лебедева. Насколько намъ извѣстно, Михаилъ Григорьевичъ долгое

время служилъ въ арміи, участвовалъ во многихъ военныхъ походахъ и, выйдя въ отставку съ чиномъ „примеръ-маіора“, занималъ нѣкоторыя гражданскія должности; а во время написанія „реэстра“ подарковъ, онъ былъ „главнымъ правителемъ въ смоленскихъ дворцовыхъ волостяхъ („Русская Старина“ 1881 г., авг. „Инструкція о воспитаніи“). Слѣдовательно, Михаилъ Григорьевичъ самъ былъ чиновникомъ и занималъ высокое мѣсто въ этой средѣ. Подарки произведены имъ не отъ себя лично, а отъ тѣхъ дворцовыхъ волостей, которыхъ онъ былъ главнымъ управителемъ, откуда и собраны дары натурою, въ видѣ яицъ, дичи и зайцевъ.

Реэстръ, направленный къ нему, кромѣ своего содержанія, характеризующаго простоту обычаевъ прежняго времени, особенно интереснымъ является въ томъ отношеніи, что опредѣляетъ по рангу кому что дано, начиная съ губернатора, затѣмъ идетъ до прокурора, почтмейстера, кончая секретарями; не забыты даже губернаторскіе люди.

Реэстръ находится на одномъ листѣ съ письмомъ слуги Ѳедора Бохонова, выполнившаго распоряженіе. То и другое представляемъ читателю въ подлинникѣ.

„Премного милосерднейшый государь батюшка Михаила Григорьевичь:

Христосъ воскресе!

„По приказанию вашего высокоблагородия, для роздачи господамъ празничного, я в Смоленске былъ, откуда едва отправился в Касплю [1]) сего опреля 19 числа, потому что насилу с Порѣчья дождался [2]). А что кому отъ имени вашего высокоблагородия мною роздано, тому прилогаю при семъ реэстръ. И все (ѣ) приказали вашего высокоблагородия благодарить и, повсегдашнихъ надобностяхъ, служить. А что не противъ записки вашего высокоблагородия роздалъ: и то за малою присылкою из волостей, да и для того, что не разомъ присланы. А сколько было, то роздано; а опосле и другимъ уже пороздалъ. Только жъ все краинѣ благодарили. А Шемякинъ просилъ вашего высокоблагородия объ одноколке, чтобъ ему прислать о дву колесахъ; коляска же вашего высокоблагородия еще не готова. Выборной Моисей Сергѣевъ, еще до приезду моего, нарочно к плотнику Талуну, вопервыхъ, 18 числа сего мѣсяца посылалъ разсыльщика, которой по прибытіи объявилъ, что де будетъ готова чрезъ три дни, о чемъ и к вашему высокоблагородию писано; а потомъ и самъ ездилъ. А приехатчи вчерашней день въ вечеру объявилъ, что де еще не окончина, а будетъ де совсемъ уже готова чрезъ неделю; но онъ—выборной, чтобъ та коляска скорея была поспешена, далъ плотнику Талуну для вспоможения работниковъ, а для понужденія ихъ приставилъ двухъ разсыльщиковъ. Тарадеики же обе отосланы в село Мамошки х кузнецамъ для оковки. При семже посылается для дому вашего высокоблагородия пять коновокъ (деревянное ведро). Итако, отдая вашему высокоблагородию рабской мой поклонъ, и остаюсь,

„Премного милосерднейшый государь батюшка,
вашего высокоблагородия
покорнейшый рабъ
Ѳедоръ Бохоновъ“.

Апрѣля 20 дня въ 1772 году.

---

[1]) Каспля—село, принадлежавшее въ 1772 году дворцовому вѣдомству.

[2]) Т. е. онъ долго ждалъ высылки въ Смоленскъ господамъ праздничныхъ подарковъ, которые должна была представить Порѣчская дворцовая волость.

РЕЭСТРЪ.

Привезено въ Смоленскъ куръ и яицъ, а именно.

	Куры.	Яицы.
с Каспли	114	1060
з Зверовичъ	67	600
с Краснова	35	500
из Порѣчья	68	1400
Итого . . .	284	3560
Из оныхъ в расходѣ:		
Господину губернатору	50	1000
шесть паръ дичи, одна пара зайцовъ;		
Шишкину	25	500
и три пары дичи;		
Голубцову	25	500
и три пары дичи;		
Прокурору	25	200
и три пары дичи;		
Коховскому	—	100
и четыре пары дичи;		
Почмейстеру Захару Ивановичу . . .	10	100
Шемякину	13	100
Сергѣю Михаиловичу господину Лебедеву	6	50
Ивану Федоровичу Соколову	10	100
Борису Матвеевичу Танцову . . .	10	100
Секретарямъ:		
Никитину	15	150
и три пары дичи;		
Жеребцову	15	150
Гречикову	15	70
Осиповичу	13	100
Мордвинову	10	100
Юшкову	10	100
Ивану Дмитровичу Каськову	10	—
Коченовскому	6	50
Путимову	9	40
Губернаторскимъ людямъ	—	50
Итого в росходе . . .	277	3560

Сообщено **С. И. Писаревымъ.**

Къ біографіи В. И. Аскоченскаго.

Доставленное намъ Л. С. Мацѣевичемъ нижепомѣщаемое письмо В. И. Аскоченскаго къ архіепископу Анатолію Мартыновскому прибавляетъ нѣкоторую черту къ біографіи Аскоченскаго. Оно служитъ, во-первыхъ, докумен-

тальнымъ свидѣтельствомъ того бѣдственнаго положенія, въ какомъ находилась эта даровитая личность въ послѣдніе годы своей жизни и журнальной дѣятельности. Во вторыхъ, печатаемое письмо показываетъ, что Аскоченскому приходилось вести реакціонную борьбу противъ смущавшей его новизны безъ всякой поддержки. Ему оставалось полагаться въ этой борьбѣ лишь на собственныя силы, ибо на него въ то время уже возставали и чужіе, и свои. Любопытную подробность напоминаетъ въ письмѣ въ редакцію „Историческаго Вѣстника" г. Мацѣевичъ. Г. Катковъ помѣстилъ тогда противъ Аскоченскаго статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ" („Одного поля ягоды"), а г. Аксаковъ въ „Русской Бесѣдѣ"—по поводу издававшихся Аскоченскимъ брошюръ: „Современныя идеи православны-ли?" Возстала противъ Аскоченскаго даже духовная журналистика. Въ такихъ условіяхъ сгибается самое непреклонное упорство,—робкіе и малодушные бросаютъ оружіе и удаляются вспять, вступая въ компромиссы съ собственною совѣстью, а смѣлые борцы идутъ до конца, рискуя лучше пасть сраженными силою, нежели сдаться безъ бою. Аскоченскій, какъ мы видимъ изъ его „Дневника", принадлежалъ именно къ такимъ независимымъ борцамъ за торжество своихъ убѣжденій. Но прежде чѣмъ падать, надо испробовать всѣ средства, дающія возможность продолжать борьбу. Этого требуютъ интересы самого дѣла. Нижеслѣдующее письмо есть не больше, какъ одна изъ попытокъ Аскоченскаго обратиться къ своимъ за поддержкой, безъ которой „опускались" его „руки" и могло прекратиться его „дѣло и дѣланіе". Не для него лично требовалась эта поддержка, а для дѣла и во имя этого дѣла, которое онъ признавалъ правымъ. Онъ пренебрегъ, очевидно весьма понятнымъ чувствомъ самоуниженія, прося о помощи архіепископа Мартыновскаго. Вотъ почему, какъ-бы ни относились мы къ самымъ идеаламъ и началамъ, проводившимся въ „Домашней Бесѣдѣ", въ настоящей просьбѣ Аскоченскаго о поддержаніи этого изданія трудно усмотрѣть предосудительную готовность продать свое перо, пойти на подкупъ, на служеніе чьимъ бы то ни было личнымъ интересамъ.

Ѳ. В.

Письмо В. И. Аскоченскаго къ архіепископу Анатолію Мартыновскому.

„Христосъ Воскресе!

„Ваше высокопреосвященство!

„Четырнадцать лѣтъ воюю я одинъ, безъ пособниковъ, безъ средствъ, съ глашатаями современнаго прогресса и съ врагами правды Евангельской: состарила меня эта тяжкая, безъисходная борьба—и если не помогутъ мнѣ наши святители, то я неизбѣжно паду, лишенный всякой возможности продолжать ее.

„Ваше высокопреосвященство! Я знаю, что вы вашими сочиненіями не собрали столько сокровищъ, сколько собралъ ихъ Макарій Литовскій: но знаю и то, что вы не расточаете того, что Богъ послалъ вамъ, на созиданіе себѣ кумира, а творите добро десною, не позволяя вѣдать про то шуицѣ. Вотъ что и даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ усерднѣйшею моею просьбою о помощи, безъ которой опускаются мои руки и прекратится дѣло и дѣланіе мое. Поспѣшите, поспѣшите поддержать труженика, состарѣвшагося въ нескончаемой борьбѣ! Я обращаюсь ко всѣмъ святителямъ земли русской, какъ единственнымъ соучастникамъ и сочувственникамъ моего посильнаго труда.

„Если вашему высокопреосвященству случится видѣться съ преосв. Петромъ [1]), то передайте ему мой старинный дружескій поклонъ. Онъ знаетъ меня лучше, чѣмъ кто-либо; ибо мы съ нимъ дѣлили когда-то и горе, и радости, которыхъ, впрочемъ, было у насъ очень, очень немного.

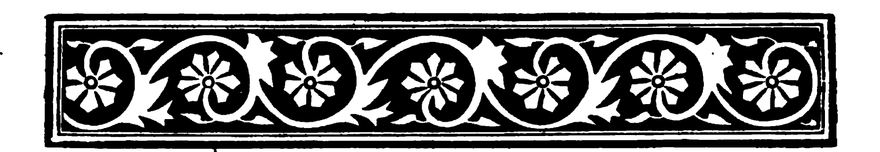
„Въ ожиданіи скорой помощи отъ васъ, испрашиваю вашего благословенія на семейство мое, и на себя.

„Вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Викторъ Аскоченскій".
4-го апрѣля 1871 г.

Сообщено Л. С. Мацѣевичемъ.

---

[1]) Преосв. Петръ Троицкій, товарищъ Аскоченскаго по кіевской академіи,—жилъ тогда въ Бессарабіи, будучи викаріемъ кишиневской епархіи. Въ Бессарабіи же на покоѣ жилъ и Анатолій Мартыновскій, бывшій архіепископъ могилевскій,—тоже воспитанникъ кіевской академіи и извѣстный духовный писатель.



СМѢСЬ.

АЯВЛЕНІЕ Общества Любителей Россійской Словесности. „Въ дни празднованія открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, дѣйствительнымъ членомъ общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе памятника другому геніальному писателю нашему, Н. В. Гоголю.

„Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія, и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

„Тутъ же было постановлено обществомъ ходатайствовать, чрезъ московскаго генералъ-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова, передъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

„Это ходатайство было благосклонно принято покойнымъ государемъ императоромъ, и его величество, 6-го августа 1880 года, всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе памятника Гоголю въ Москвѣ.

„Нѣтъ сомнѣнія, что Россія, соорудивъ памятникъ первому своему любимцу—А. С. Пушкину, воздвигнетъ такой же и другому, столь же излюбленному ею писателю, другой ея славѣ—Н. В. Гоголю. До настоящаго времени на памятникъ Гоголю собрано 7.831 руб. 21 коп.

„Пожертвованія на памятникъ принимаются въ редакціяхъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ сдѣланы объявленія о подпискѣ, по предложенію общества, или высылаются въ пакетахъ на имя казначея Общества Любителей Россійской Словесности, Виктора Александровича Гольцева (Москва, университетъ)".

Некрологъ К. П. фонъ-Кауфмана.—4-го мая, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, скончался въ Ташкентѣ туркестанскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ инженеръ-генералъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ 1-й. „Русскій Инвалидъ" сообщаетъ, между прочимъ, что К. П. фонъ-Кауфманъ родился 19-го февраля 1818 года; воспитывался въ главномъ инженерномъ училищѣ; 25-го декабря 1836 года произведенъ въ инженеръ-прапорщики, съ оставленіемъ при училищѣ для продолженія курса наукъ въ офицерскихъ классахъ. Произведенный за отличные успѣхи въ наукахъ сначала въ подпоручики, а черезъ годъ въ поручики, К. П. фонъ-Кауфманъ, 22-го февраля 1839 года, былъ назначенъ въ новогеоргіевскую инженерную команду, затѣмъ, въ брестлитовскую, а въ мартѣ 1842 года переведенъ въ грузинскій инженерный округъ. Служба его въ рядахъ кавказской арміи ознаменована многими подвигами мужества и выдающихся отличій. Въ 1861 году, уже генералъ-маіоръ, К. П. фонъ-Кауфманъ назначенъ былъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Въ апрѣлѣ 1865 г. онъ былъ назначенъ виленскимъ, ковенскимъ, гродненскимъ и минскимъ генералъ-губернаторомъ, главнымъ начальникомъ Витебской и Могилевской губерніи и командующимъ войсками виленскаго военнаго округа. Въ

октябрѣ 1866 года, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ былъ уволенъ въ отпускъ на 11 мѣсяцевъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, а затѣмъ, въ іюлѣ 1867 года, назначенъ командующимъ войсками туркестанскаго военнаго округа. Назначеніе это снова призывало К. П. фонъ-Кауфмана къ боевой дѣятельности; въ апрѣлѣ 1868 года, онъ принужденъ былъ выступить съ отрядомъ для дѣйствія противъ бухарцевъ. Сосредоточивъ отрядъ въ укрѣпленіи Джизакъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ двинулся съ нимъ черезъ Яны-Курганъ къ Самарканду. Непріятель собрался въ весьма значительныхъ силахъ на такъ-называемыхъ Самаркандскихъ высотахъ. Войска наши, перейдя Зеравшанъ по грудь въ водѣ, штыками выбили бухарскія войска изъ ихъ крѣпкихъ позицій и, обративъ непріятеля въ бѣгство, овладѣли всею его артиллеріею и всѣмъ лагеремъ. На слѣдующій день, 2-го мая, Самаркандъ сдался нашимъ войскамъ безъ выстрѣла и генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, удостоенный высочайшей искреннѣйшей признательности, объявленной въ высочайшемъ приказѣ, награжденъ, сверхъ того, орденомъ св. Георгія 3-й степени. Съ занятіемъ Самарканда, военныя дѣйствія еще не прекратились. Бухарцы нѣсколько разъ нападали на отрядъ, расположенный въ самаркандскихъ садахъ, тревожили его днемъ и ночью. По полученнымъ свѣдѣніямъ, бухарскій эмиръ собиралъ значительныя силы на Зерабулакскихъ высотахъ и генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, не желая давать ему времени усиливаться, двинулся форсированнымъ маршемъ къ Каты-Кургану и оттуда по дорогѣ на Кермине до Зерабулакскихъ высотъ. Принявъ личное начальство надъ войсками и раздѣливъ ихъ на двѣ штурмующія колонны, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ атаковалъ непріятеля, занявшаго весьма сильную позицію въ числѣ 6.000 сарбазовъ, 15.000 конницы при 14-ти орудіяхъ. При первомъ натискѣ нашемъ непріятельская артиллерія снялась съ позиціи и скрылась, бухарская пѣхота (сарбазы), потерявъ почти половину людей своихъ въ кровавомъ бою, отброшена была отъ дороги въ степь, а конница, не предпринимая никакихъ энергическихъ дѣйствій, бѣжала съ поля сраженія. Одержавъ, такимъ образомъ, блистательную побѣду надъ бухарскими войсками, К. П. фонъ-Кауфманъ торопился возвратиться въ Самаркандъ, гдѣ въ его отсутствіе незначительный гарнизонъ, тамъ оставленный, былъ запертъ въ цитадели почти поголовно возмутившимися жителями. Распоряжаясь лично войсками въ самомъ горячемъ бою, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ нанесъ столь сильное пораженіе непріятелю, что бухарскій эмиръ призналъ сопротивленіе невозможнымъ. Доведенный до крайности успѣхами нашего оружія, онъ рѣшился просить мира и, 23-го іюня 1868 года, въ Самаркандѣ были подписаны мирныя условія. За славную защиту Самарканда фонъ-Кауфманъ былъ пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла и высочайше повелѣно было начертать на бѣлой мраморной доскѣ главнаго инженернаго училища имя его съ присовокупленіемъ надписи: „1868 года, Самаркандъ". Непріязненные поступки хивинскаго хана относительно русскихъ подданныхъ и захватъ ихъ въ плѣнъ вызвали въ 1873 году экспедицію въ Хиву. Для дѣйствій противъ хивинцевъ было сформировано два отряда: оренбургскій и туркестанскій, который долженъ былъ двинуться отъ Джизака. Русскимъ войскамъ приходилось совершить одинъ изъ небывалыхъ по своей трудности походовъ, какъ извѣстно, увѣнчавшійся блистательнымъ успѣхомъ: 29-го мая войска наши заняли Хиву. За покореніе Хивинскаго ханства генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени, а 1-го января 1874 года, за особыя заслуги произведенъ въ инженеръ-генералы. Съ занятіемъ Ташкента, а потомъ Ходжента, Россія продвинула свои среднеазіатскія границы на востокѣ до богатой Ферганской долины и, такимъ образомъ, стала въ самыя близкія сношенія съ Коканомъ, куда въ то время только что возвратился на престолъ Худояръ-ханъ, послѣ вторичнаго своего изгнанія изъ родины. Жестокое обращеніе Худояра-хана со своими подвластными вызвало всеобщее возстаніе населенія, среди котораго явились проповѣдники священной войны и изгнанія русскихъ изъ Средней Азіи. Вожаки возстанія выслали эмисаровъ въ пограничные наши уѣзды для возбужденія населенія и двинули въ наши предѣлы нѣсколько вооруженныхъ шаекъ. Пламя развившагося мусульманскаго движенія охватило все протяженіе восточной границы туркестанскаго генералъ-губернаторства, отразившись отъ Уратюбе и почтоваго тракта между Ташкентомъ и Самаркандомъ доAuліэ-

ата и Токмакскаго уѣзда. Близость восточной границы Кураминскаго уѣзда съ кокансвими владѣніями и вторженіе шаекъ въ долину Атрека, отстоявшую всего въ 70—80 верстахъ отъ Ташкента, ставили въ первое время туркестанское начальство въ весьма затруднительное положеніе. Собравъ наскоро войска и раздѣливъ ихъ на нѣсколько колоннъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ двинулся противъ непріятеля и 22-го августа, у крѣпости Махрамъ, одержалъ блестящую побѣду надъ коканцами. За эту побѣду онъ былъ награжденъ алмазами украшенною шпагою, съ надписью: „За пораженіе коканцевъ, 22-го августа 1875 года". Послѣдствіемъ дальнѣйшихъ дѣйствій нашихъ войскъ было покореніе Коканскаго ханства, причемъ наиболѣе враждебныя намъ личности были арестованы, а лица, поведеніе которыхъ было двусмысленно, высланы изъ края. Успокоенное населеніе радовалось прекращенію волненій и междоусобій, раздиравшихъ страну, и просило новергнуть свою участь милостивому рѣшенію русскаго царя. 19-го февраля 1876 года, состоялось высочайшее повелѣніе о присоединеніи къ имперіи всей територіи бывшаго Коканскаго ханства и образованіи изъ нея новой Ферганской области. Тяжкая болѣзнь, поразившая смертью К. П. фонъ-Кауфмана, на 65-мъ году жизни, положила предѣлъ его высокополезной и доблестной дѣятельности на боевомъ и административномъ поприщахъ.

Замѣтка по поводу одной лубочной картинки.

Г. Ровинскій въ своемъ въ высшей степени замѣчательномъ трудѣ—„Русскія народныя картинки" (книга 5-я, стр. 69), между прочимъ, говоритъ: „Русская исторія представлена въ народныхъ картинкахъ бѣдно". Затѣмъ, (на стр. 75) читаемъ: „послѣ Мамаева побоища нѣтъ ни одной народной картинки вплоть до кампаній 1757 — 1762 г." Мы и не думаемъ возражать противъ мнѣнія, что народныя картинки бѣдны содержаніемъ изъ русской исторіи; достаточно имѣть самое небольшое знакомство съ этимъ отдѣломъ народной литературы, чтобы признать справедливость такого мнѣнія. Но намъ приходится возразить противъ послѣдняго положенія многоуважаемаго г. Ровинскаго, что будто бы послѣ Мамаева побоища нѣтъ ни одной народной картинки вплоть до кампаній 1757 — 1762 г., ибо въ нашемъ собраніи имѣется народная картинка, изображающая убіеніе царевича Дмитрія въ Угличѣ.

Безъ всякаго сомнѣнія, подъ словами „нѣтъ ни одной картинки" слѣдуетъ понимать, что нѣтъ картинки, которая изображала бы какое ни на есть историческое событіе въ періодъ времени отъ Мамаева побоища до 1757 года. Если замѣчаніе г. Ровинскаго слѣдуетъ понимать такимъ образомъ,—а иначе понимать едва ли возможно,—то мы и отвѣчаемъ, что изъ упомянутаго періода времени перенесено въ народныя картинки немаловажное историческое событіе—убіеніе въ Угличѣ царевича Дмитрія.

Картинка эта заключаетъ въ себѣ слѣдующее: на самомъ верху изображенъ, съ вѣнцомъ на головѣ, образъ юноши, съ надписью: „С̃ Ц Р Дмитр..." Въ лѣвой сторонѣ Господь Саваоѳъ въ облакахъ; на нервомъ планѣ царевичъ съ няней. Къ нему подходятъ два человѣка, которымъ онъ какъ будто показываетъ что то, ибо трудно сказать опредѣленно, по неясности рисунка. Надъ изображеніемъ надпись: „убійцы придоша къ царевичу". Подъ этимъ изображеніемъ другое: одинъ человѣкъ держитъ царевича за горло; какая-то женщина поддерживаетъ послѣдняго, видимо съ тою цѣлью, чтобы было удобнѣе совершить убійство; за женщиной еще мужчина, т. е. другой убійца, съ поднятой рукой. Надпись: „убійцы заклаша царевича". Рядомъ колокольня и человѣкъ звонитъ въ колоколъ. Надпись: „пономарь нача вспoлохъ бити". Затѣмъ, убійцы ѣдутъ на коняхъ. Надпись гласитъ: „убійцы сѣли на коней и уѣхали изъ града вонъ и не обрѣте пути возвратися вспять". Пониже—два человѣка лежатъ на землѣ, а трое побиваютъ ихъ каменьями. Надпись: „убійцъ нача каменьями бити". На самой срединѣ видимъ двухъ женщинъ: одна, съ царскимъ вѣнцомъ на головѣ, подняла руки, другая стоитъ со сложенными руками. Позади первой стоитъ третья женщина, вѣроятно прислужница женщины съ вѣнцомъ, т. е., какъ видно изъ надписи, царицы. Въ надписи читаемъ: „пріиде царица на убіеніе царевича Дмитрія и горько плакася".

Въ самомъ низу представлены убійцы, выбивающіе бревномъ дверь колокольни. Изображеніе для меня непонятное и не находящее подтвержденія въ исторіи. Въ надписи значится: „убійцы (если только не ошибаюсь, ибо надпись неразборчива) откалачиваютъ дверь колокольни“. На сторонѣ, противоположной Господу Саваоѳу, нарисованъ цѣлый рядъ церквей, по всей вѣроятности, представляющихъ градъ Угличъ. Подъ картинкой надпись: „Димитрій царевичъ убіенъ бысть на Угличе повеленіемъ Бориса Годунова ѿ Никиты Качалова иданилы Битяговскаго влето з ч д ѿ рожденія своего въ въ 8 лѣто закланъ же бысь ножемъ принесенъ мощи суглича вцарствующи градъ въ Москву влето (годъ не разобранъ) вцарство василья Ивановича вдесято лето царства его преосвещенномъ патріархѣ ермогене вдесятое лето патриаршества его положены мощи всоборной церкви грознаго воеводы небесныхъ силъ архистратига михаила и прочихъ силъ“.

На концахъ, по бокамъ, цензорское разрѣшеніе. Печ. поз. 1851 октября 15 дня. Ценз. прот. Ѳ. Голубинскій. На другомъ концѣ: въ Метало... А. Кузнецова.

Картинка, нами разсмотрѣнная, не упомянута въ трудѣ г. Ровинскаго. Рѣшеніе вопроса объ ея цѣнности, какъ народнаго произведенія, времени появленія ея перваго подлинника и другія чисто внѣшнія достоинства, конечно, слѣдуетъ предоставить людямъ болѣе компетентнымъ въ подобномъ дѣлѣ, чѣмъ я. Само собой понятно, что такимъ компетентнымъ судьей можно признать по преимуществу автора труда „Русскія народныя картинки“.

И. Бѣловъ.

Еще нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о живописцѣ Людовикѣ Каравакѣ [1]).

Кромѣ портрета Анны Петровны, писаннаго Каравакомъ въ 1724 г. и поступившаго въ Академію Художествъ въ 1762 г. изъ деревяннаго Зимняго дворца, сохранился еще другой портретъ той же царевны, писанный тѣмъ же художникомъ и поступившій въ Московскую Оружейную палату въ 1838 г. изъ Коломенскаго дворца,—онъ находился на выставкѣ Общества Любителей Художествъ въ Москвѣ, въ февралѣ 1869 г.

Наконецъ, въ числѣ другихъ работъ для двора, Каравакъ писалъ въ 1747—48 гг. плафонъ во весь потолокъ въ почивальнѣ имп. Елисаветы Петровны въ правомъ флигелѣ царскосельскаго дворца и, вмѣстѣ съ другими художниками, иконы для царскосельской придворной церкви.

Не лишнимъ будетъ упомянуть также и то, что какая-то г-жа Каравакъ, должно быть, жена нашего живописца, пользовалась особеннымъ довѣріемъ имп. Елисаветы Петровны и хлопотала о бракѣ своей довѣрительницы съ принцемъ Конти, присылавшимъ въ качествѣ свахи въ Петербургъ г-жу д'Авернь въ 1741 г.,—она была еще жива въ 1756 г., но находилась уже за-границей, именно въ Данцигѣ.

Въ виду того, что при наборѣ моей первой дополнительной замѣтки о Каравакѣ не оказалось одного листка, гдѣ были перечислены мною источники, на основаніи которыхъ была написана названная замѣтка, привожу здѣсь заразъ всѣ источники, послужившіе матеріаломъ какъ для прежней, такъ и для нынѣшней замѣтки. Вотъ они: 1) Памятники новой русской исторіи. Сборникъ историческихъ свѣдѣній, изд. Кашпиревымъ. Спб. 1871. 8°, I. 58—59; 2) Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира. Редакція изд. П. А. Ефремова. Спб. 1868. 8°, II. 326—327; 3) П. Пекарскій, „Исторія Имп. Академіи Наукъ“. Спб. 1873. 8°, т. II, введеніе, стр. VI—VII; 4) и 5) Внутренній бытъ русскаго государства съ 17-го окт. 1740 г. по 25 нояб. 1741 г. по документамъ, хранящимся въ Моск. Архивѣ мин. юстиціи. М. 1880. 8°, I. 436. 460. 462. 463. 465. 494 и II. 54. 72. 88—92. 101. 107—109; 6) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Спб. 1876. 8°, XVII. 85; 7) А. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“ Спб. 1880. 8°, I. 172; 8) Прибавленіе къ каталогу выставки Общества Любителей Художествъ. (1869). Третья зала, портреты № 26, стр. 8; 9) И. Яковкинъ, „Исторія Села Царскаго“. Спб. 1829. 8°, II. 99. и 126; 10) A. Vandal, Louis XV et Elisabeth de Russie. Paris. 1882. 8°, p. 230 et 269.

---

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VIII, стр. 138 и 479.

Остается еще указать на двѣ книги: П. Петровъ, „Каталогъ исторической выставки портретовъ, устроенной Обществомъ Поощренія Художниковъ. Спб. 1870. 8° (изд. 2-е, №№ 109, 140, 168, 177, 260, 771), гдѣ исчислены нѣкоторые изъ портретовъ, приписываемыхъ Караваку, и Н. Поповъ Татищевъ и его время". М. 1861. 8° (стр. 436), гдѣ приведено между прочимъ извѣстіе о предположеніи учредить „Академію ремеслъ" въ 1731 г., правда, въ искаженномъ видѣ, и тогда вся литература о Каравакѣ будетъ исчерпана.

Н. Собко.

По поводу картины „Первая морская побѣда въ устьяхъ Невы".

На прилагаемой къ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника" гравюрѣ (сдѣланной съ картины даровитаго художника Лагоріо) изображенъ эпизодъ изъ морской битвы между русскими и шведами, происходившей въ устьяхъ Невы 7-го мая 1703 года. Помимо того, что битва эта, какъ первая морская побѣда наша на Балтійскихъ водахъ, составляетъ одинъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ русскаго флота, она замѣчательна еще и тѣмъ, что въ ней принималъ личное участіе самъ Петръ Великій, подвергая свою жизнь опасности наравнѣ съ простыми солдатами.

1-го мая 1703 года, фельдмаршалъ Шереметевъ, при войскахъ котораго находился государь въ должности бомбардирскаго капитана, овладѣлъ крѣпостью Ніеншанцемъ, расположенной, какъ извѣстно, на мѣстѣ нынѣшняго Петербурга. Еще до взятія крѣпости, государь, подъ выстрѣлами ея, приплылъ на лодкахъ къ устью Невы и, осмотрѣвъ его, расположилъ на островѣ, противъ деревни Калинкиной, три роты Семеновцевъ, чтобы наблюдать за шведскимъ флотомъ, который могъ подойти на помощь къ осажденнымъ. На другой день по взятіи Ніеншанца, шведская эскадра изъ 9-ти судовъ, подъ командой вице-адмирала Нуммерса, дѣйствительно бросила якорь въ виду берега. Не зная еще, что Ніеншанцъ уже взятъ русскими, шведы дали сигналъ двумя пушечными выстрѣлами. Государь, чтобы обмануть непріятеля, тотчасъ же приказалъ поднять на крѣпости шведскій флагъ и отвѣчать также двумя выстрѣлами.

Хитрость удалась. Два шведскихъ судна:—десяти-пушечная шнява Астрель и восьми-пушечный ботъ Геданъ вошли въ устье Невы. Немедленно было снаряжено 30 лодокъ для нападенія на эти суда. Вмѣсто матросовъ на лодки были посажены гвардейцы, начальство надъ которыми принялъ самъ царь, („понеже,—какъ выразился Петръ въ исторіи Свейской войны,—иныхъ на морѣ знающихъ никого не было"). Онъ ввелъ свою флотилію въ лѣвый рукавъ Невы (нынѣшняя Фонтанка) и поставилъ тамъ скрытно отъ непріятеля. Ночью съ 6-го по 7-е число было произведено предположенное нападеніе. Воспользовавшись набѣжавшею тучей съ сильнымъ дождемъ, государь приказалъ Меншикову, съ одной частью лодокъ, скрытно выйти въ Большую Неву черезъ истокъ Фонтанки (отъ нынѣшняго Лѣтняго сада) и напасть на непріятеля, спускаясь внизъ по теченію, а самъ, съ другою частью, выйдя изъ устья Фонтанки, сталъ подниматься на веслахъ вверхъ по теченію, вдоль Васильевскаго острова. Густой, высокій лѣсъ покрывалъ въ то время весь этотъ берегъ и тѣнь его, вмѣстѣ съ ненастьемъ, укрывала лодки, на которыхъ плылъ царь. Шведы увидѣли прежде лодки отряда Меншикова и, поставивъ паруса, хотѣли уйти въ море къ эскадрѣ; но Петръ преградилъ имъ дорогу. Послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ залповъ, онъ приказалъ идти на абордажъ и первый, съ гранатой въ рукѣ, бросился на шняву Астрель. Нападеніе было произведено съ такой стремительностью и необычайною храбростью, что оба судна были взяты въ нѣсколько минутъ, причемъ изъ находившихся на нихъ 77 шведовъ осталось въ живыхъ только 19 человѣкъ.

Съ торжествомъ привелъ государь къ лагерю фельдмаршала этотъ трофей первой побѣды на новомъ морѣ. Собранный Шереметевымъ военный совѣтъ единогласно рѣшилъ, что бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и помощники его: гвардіи поручикъ Меншиковъ и постельничій Головкинъ заслужили этой побѣдой орденъ Св. Андрея Первозваннаго; который тутъ же и былъ возложенъ на нихъ.

По случаю столь славнаго подвига была выбита медаль съ изображеніемъ самаго сраженія и надписью: „небываемое бываетъ".

С. Ш.

всю отвѣтственность за меня. На другой день мнѣ было дозволено пойти повидаться съ двумя лицами, близкими моей семьѣ—г-жами Фабрисъ и Гримо, которыя встрѣтили меня съ одинаковой нѣжностью. Незнакомая имъ проводница моя заставила ихъ нѣсколько сдерживать выраженіе своихъ чувствъ. Взявши ее съ собой, я сама лишила себя счастья поговорить откровенно съ такими рѣдкими друзьями; я могла посвятить какую-нибудь минуту Жозефинѣ, дорогой подругѣ моихъ юныхъ лѣтъ.

ГЛАВА XV.

Я уѣзжаю съ Бонваномъ, представляя себѣ будущее въ прекрасномъ свѣтѣ.— Первое свиданіе съ m-elle Мелонъ.—Ея доброта.—Жизнь въ Омбрѣ; ея однообразіе.—Я получаю маленькую сумму денегъ, не зная отъ кого шло это благодѣяніе.

Добившись желаемаго, Бонванъ чувствовалъ необходимость какъ можно скорѣе воспользоваться позволеніемъ увезти меня. Не нужно было давать времени одуматься, но такъ какъ не находилось еще ни экипажа, ни случая, то намъ не было никакого другаго средства пуститься въ путь, какъ только верхомъ. Его маленькая лошадка была очень смирная. „Вамъ нечего ея бояться", сказалъ онъ мнѣ. Меня посадили на эту лошадку, а онъ пошелъ за мной пѣшкомъ. Этотъ первый переѣздъ верхомъ былъ около тридцати верстъ; узелокъ мой съ вещами былъ очень легенькій; собираясь въ путь, я была занята главнымъ образомъ своей собаченкой. Изъ всего, что я любила, мнѣ оставалась она одна, и я рѣшилась взять ее съ собой. Бонванъ далъ мнѣ понять, что m-elle Мелонъ не любитъ собакъ; „Кокетка будетъ всегда въ моей комнатѣ", сказала я ему, „она никогда ее и не увидитъ; ничто не заставитъ меня покинуть это вѣрное животное; ее любили и ласкали мой отецъ и моя покойная тетушка".

Я пріѣхала крайне утомленная въ Десизъ, маленькій городокъ на Луарѣ; ночь я провела у добрыхъ людей, оказавшихъ мнѣ самый сердечный пріемъ. На другой день я снова пустилась въ дорогу, но теперь уже вслѣдъ за Бонваномъ, добывшимъ себѣ лошадь въ Десизѣ. Я узнала, что ѣду на лошадкѣ племянницъ, такъ прозванной потому, что она всегда возила племянницъ, которыхъ m-elle Мелонъ выписывала къ себѣ. Значитъ, у нея были еще и другія племянницы, кромѣ меня. Очень важное открытіе, сулившее мнѣ радость. Намъ оставалось еще четыре мили; и все остальное время я раздумывала о томъ, какая пріятная жизнь ожидаетъ меня у этой тетушки, чья доброта неожиданно вырвала меня изъ своего рода темницы, въ которой я томилась послѣднее время. Несмотря на ея глубокую старость, я представляла себѣ очаровательной ту, которая, не зная меня,

отнеслась ко мнѣ съ участіемъ и съ любовнымъ состраданіемъ пришла мнѣ на помощь. Ужъ конечно она могла разсчитывать на мою признательность; ея благодѣяніе давало мнѣ мѣрку ея достоинствъ. Она казалась мнѣ такой доброй, что я себѣ воображала ее прекрасной. Итакъ, я пріѣхала въ Омбръ, составивши себѣ самое лестное понятіе о внѣшности и душевныхъ качествахъ тетушки Мелонъ. Сердце мое сильно билось, когда я подошла къ ея двери, оставивши Кокетку во дворѣ; дрожа отъ волненія, я послѣдовала за Бонваномъ, который ввелъ меня къ m-elle Мелонъ. Я застала ее за туалетомъ. Она сидѣла на довольно низкомъ табуретѣ, въ то время, какъ горничная усердно взбивала ей маленькій кокъ, изъ ея сѣдыхъ волосъ, зачесанныхъ назадъ. Трудно было-бы избрать менѣе выгодную для нея минуту. У нея былъ очень широкій лобъ, глаза круглые и красные, носъ толстый и вздернутый кверху, руки громадныя, все тѣло немного сгорбленное. Она сказала мнѣ очень пронзительнымъ голосомъ: „Здравствуйте, m-lle дез-Ешероль!“ и пригласила меня сѣсть передъ собой. Иллюзія моя сразу исчезла; я почувствовала сильное смущеніе и робко присѣла, отвѣчая также робко на ея вопросы. Скоро Кокетка еще увеличила мой конфузъ; находясь въ безпокойствѣ послѣ того, какъ ее разлучили со мною, она опрометью бросилась въ комнату, какъ только открыли въ нее дверь; при видѣ своей собаченки, мокрой и грязной, я поблѣднѣла, а m-lle Мелонъ говоритъ своимъ пронзительнымъ голосомъ: „Выгнать вонъ эту собаченку!“—Горничная на это замѣтила ей, что собачка, вѣроятно, принадлежитъ мнѣ. Я съ трепетомъ выговорила „да“. „Ахъ, если такъ, продолжала старушка, смягченнымъ тономъ, то оставьте ее здѣсь“. Приободрившись отъ такого снисхожденія, я стала извиняться передъ нею въ томъ, что привезла съ собою эту собачку и объяснила ей причины, привязывавшія меня къ ней, увѣряя, что впредь всегда буду оставлять ее въ своей комнатѣ. „Нѣтъ, сказала она милостиво,—пожалуйста, приводите ее всегда съ собою, это будетъ мнѣ пріятно!“ И когда мы пошли обѣдать, Бонванъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что Кокетка оказалась въ милости у тетушки. Если бы въ то время я ближе знала, съ кѣмъ имѣла дѣло, я поняла бы всю цѣну такой рѣдкой милости.

Мнѣ дали маленькую комнату, такъ называему комнату племянницъ, въ домикѣ, стоявшемъ внѣ ограды двора и какъ разъ на проѣзжей дорогѣ. Новая тетушка предварительно спросила меня, не трусиха ли я; когда я отвѣтила, что нѣтъ, меня отвели туда послѣ ужина; вслѣдъ за мной принесли мой узелокъ и затѣмъ пожелали мнѣ доброй ночи. Я заперла дверь и присѣла, чтобъ собраться съ мыслями. Никогда еще я не чувствовала себя до такой степени одинокой. Удивленію моему не было границъ; въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что меня съ такимъ трудомъ высвободили изъ Ешероля для того только, чтобъ засадить въ какую-то келью, удаленную отъ остальнаго жилья, гдѣ меня оставили на произволъ судьбы совершенно одну. Комната

моя была внизу; плохіе крючки такъ слабо придерживали ставни моего окна, что они легко могли разлетѣться отъ одного удара кулакомъ; кромѣ меня, въ этомъ домѣ не жило ни одной души, и если бы мнѣ вдругъ понадобилась помощь, невозможно было бы кого-нибудь дозваться. Я могла бы даже совсѣмъ здѣсь погибнуть вольно, или невольно, и никто не замѣтилъ бы этого.

Такой образъ дѣйствій по отношенію ко мнѣ совершенно сбилъ меня съ толку и перевернулъ всѣ мои понятія; не будучи въ состояніи отдать себѣ отчета въ томъ, что думали объ этомъ другіе, я старалась развлечь себя осмотромъ своей комнаты. Вотъ что въ ней находилось: кровать съ балдахиномъ и сѣрыми холстинными занавѣсками, окаймленными голубымъ атласомъ; голубое ситцевое одѣяло, большое старинное кресло желтаго цвѣта, соломенный стулъ и столъ; стѣны бѣлыя; маленькое окошко, огромный каминъ, а въ углубленіи двѣ полки, гдѣ стояла исторія Китая въ десяти или двѣнадцати томахъ.

Когда былъ конченъ этотъ бѣглый осмотръ, какое-то странное, неопредѣленное чувство овладѣло мною. Не могу сказать, чтобъ я именно желала чего нибудь лучшаго; я устыдилась бы и тѣни подобной мысли, но во всемъ меня окружавшемъ было что-то нескладное; здѣсь царила какая-то безпорядочность, которая тяготила меня и внушала мнѣ какой-то страхъ неизвѣстно чего и почему; эту первую ночь я провела очень безпокойно.

На другое утро m-lle Мелонъ пришла навѣстить меня. Она говорила со мною поперемѣнно то съ большой добротой, то чуть не съ грубостью; и сердце мое, рвавшееся на встрѣчу ей, останавливалось въ грустномъ недоумѣніи. Тётушка!—вѣдь я мечтала, что найду въ ней все, что утратила!

Но это тяжелое впечатлѣніе скоро изгладилось, благодаря сознанію, какъ много я была ей обязана. Признательность сдѣлала то, что я стала даже считать свой удѣлъ чуть не счастливымъ, и первое время моего пребыванія въ Омбрѣ прошло даже довольно пріятно, хотя очень однообразно.

Не понимая, съ какой стати m-lle Мелонъ вспомнила обо мнѣ, глубоко тронутая ея добротой, которой я еще вовсе не заслужила, я старалась по крайней мѣрѣ быть ей пріятной, и успѣла въ этомъ. Я изучала ея вкусы и привычки, усердно стараясь примѣниться къ нимъ, чтобы такимъ вниманіемъ вознаградить ее за все, чего мнѣ не доставало въ другихъ отношеніяхъ.

Она часто говорила мнѣ о моей семьѣ съ участіемъ; прикованная къ ея устамъ, я слушала ее съ благодарностью. Тутъ я узнала, что она провела нѣсколько лѣтъ своей молодости у моей бабушки, приходившейся ей теткой; этому-то воспоминанію, которое она признательно хранила въ своей памяти, я и была обязана за ея великодушное участіе, ибо она считала своимъ долгомъ воздать внучкѣ хотя часть попеченій, которыми она пользовалась въ юности.

Свыкнувшись скоро съ ея тономъ и манерами, такъ мало напоминавшими мою покойную тетушку, я стала видѣть въ m-lle Мелонъ только ея хорошія качества и ея доброту. Г-жа Мелонъ обладала большимъ умомъ и оригинальностью въ образѣ мыслей; съ замѣчательной памятью она соединяла значительное образованіе; она превосходно знала общество своего времени, но была въ совершенномъ невѣдѣніи относительно теперешняго свѣта и ровно ничего не понимала въ революціи. Когда она узнала, что Революціонный Комитетъ завладѣлъ ея домомъ, она разразилась страшнымъ гнѣвомъ, и впослѣдствіи всякій разъ, какъ вспоминала объ этомъ, снова приходила въ ярость. Нѣтъ сомнѣнія, что ея откровенныя рѣчи погубили бы ее; но, какъ я уже сказала, г. Бонванъ всегда находилъ средство удержать ее здѣсь и не допустить ея отъѣзда. Она говорила всякій день, что уѣдетъ, но никогда не приводила своихъ словъ въ исполненіе; привычка окончательно приковала ее къ деревнѣ и она совсѣмъ поселилась здѣсь. Въ восемьдесять лѣтъ сборы не такъ-то быстро дѣлаются, да и ей самой казалось болѣе удобнымъ, сидя у теплаго камелька, бранить виновниковъ всѣхъ безурядицъ.

Пребываніе мое въ Омбрѣ, о которомъ я все-таки вспоминаю съ искренней благодарностью, не имѣло на меня благотворнаго вліянія: слишкомъ часто предоставленная собственнымъ мыслямъ, лишенная заботъ, совѣтовъ и любви моей няни, я чувствовала себя сиротливо; однимъ словомъ, я была совершенно одинока.

Я раскрыла было свою исторію Китая; но первые томы оттолкнули меня скучнѣйшимъ перечнемъ варварскихъ названій, и я ее бросила. Можетъ быть, я и нашла бы въ ней интересъ, если бы имѣла терпѣніе продолжать; но некому было уговорить меня преодолѣть эту скуку; некому подать мнѣ совѣтъ, однимъ словомъ, некому было заняться моимъ образованіемъ. Около года я ровно ничего не читала и не писала; мнѣ не на что было купить бумаги для писанія или рисованія; мнѣ почти нечего было работать, и несмотря на свою доброту, тетушка этого не замѣчала.

Вотъ моя жизнь у нея: въ девять часовъ утра я шла здороваться съ нею. Въ ту минуту, какъ ей приносили кофе, приглашаемыя многократнымъ мяуканьемъ горничной, со всѣхъ угловъ двора являлись пять или шесть кошекъ, чтобъ раздѣлить завтракъ съ своей хозяйкой. Когда завтракъ былъ оконченъ, онѣ исчезали такъ же, какъ и явились, то есть черезъ окно. Я слѣдовала за кошками, съ той только разницей, что уходила въ дверь; и это повторялось каждый Божій день безъ малѣйшаго измѣненія. Въ полдень я опять приходила; но этотъ полдень былъ собственно въ одиннадцать часовъ; такъ какъ m-lle Мелонъ, ставя свои часы, сообразовалась съ своимъ аппетитомъ, а всѣ въ домѣ сообразовались съ ея часами, — то все дѣлалось у насъ гораздо ранѣе, чѣмъ у другихъ. Во избѣжаніе какого либо пререканія по этому поводу, она сама переломала пружины во

всѣхъ часахъ у себя въ домѣ для того, чтобы никто кромѣ нея одной не зналъ въ точности, который часъ. Въ тѣ дни, когда она была особенно голодна, легкимъ движеніемъ пальца она передвигала стрѣлку еще на полчаса впередъ; затѣмъ, захвативши свою палку и пройдя черезъ дворъ, она являлась въ столовую и выражала крайнее удивленіе, что обѣдъ еще не поданъ. Кухарка объявляла, что онъ и не готовъ еще; что вездѣ теперь всего только одиннадцать часовъ, и она была совершенно права. А m-lle Мелонъ отвѣчала ей: — „Посмотрите-ка на мои часы,—видите, на нихъ двѣнадцать!"

Когда толчекъ, данный стрѣлкѣ, былъ не слишкомъ силенъ, я приходила во-время, чтобъ сопровождать ее; но иногда мнѣ случалось немного опоздать; она бывала тогда очень недовольна и разговоръ у насъ не клеился. Послѣ обѣда я шла за нею въ ея комнату, гдѣ и оставалась до четырехъ часовъ; тутъ я находила свое кресло, поставленное нарочно для меня у стѣны, и ни подъ какимъ видомъ я не могла ни сдвинуть, ни переставить его на другое мѣсто. Сидя совершенно неподвижно и работая втихомолку, я присутствовала при ея бесѣдѣ съ сельскимъ священникомъ, приходившимъ къ ней каждый день въ тотъ же самый часъ.

Священникъ этотъ, разумѣется, не справлялъ болѣе церковной службы [1]); онъ оказывалъ народу всевозможную угодливость и исполнялъ все, что отъ него требовали; ибо въ то время все дѣлалось во имя народа; и онъ пользовался спокойствіемъ только благодаря большой гибкости характера, которой былъ особенно одаренъ. Посѣщенія его были весьма продолжительны; онъ часто засиживался и длилъ бесѣду до четырехъ часовъ, стараясь своимъ разнообразнымъ и интереснымъ разговоромъ развлечь тетушку и вознаградить ее такимъ образомъ за все добро, которое она оказывала ему. Послѣ этого я уходила къ себѣ, чтобъ снова явиться сюда въ шесть часовъ; зимою я приходила въ 5 часовъ; и длинны же были эти темные зимніе вечера!

Когда я приходила во второй разъ, я находила тетушку у одного угла камина, а у другаго ея горничную Бабету; мое кресло, уже выдвинутое какъ разъ противъ огня, стояло почти посреди комнаты; въ каминѣ тлѣли стоявшія накрестъ двѣ головешки, не давая никакого тепла; вотъ и все наше освѣщеніе, то есть совершенное отсутствіе свѣта, а мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ! Вначалѣ нѣкоторое время я еще не скучала: недовольство показалось бы мнѣ крайней неблагодарностью; я не могу даже похвалиться, чтобы гнала отъ себя дурныя мысли; у меня ихъ тогда вовсе не было. Я думала, что всѣ восьмидесяти-лѣтнія старухи ведутъ такую жизнь, поэтому и считала своимъ долгомъ подчиняться ей. Къ тому же я любила m-lle Мелонъ;

---

[1]) Въ эту эпоху никакой священникъ, даже изъ принявшихъ присягу, не могъ служить; церкви были закрыты или обращены въ храмы „богини разума". Статуя этого новаго божества, поставленная на алтарѣ, была предметомъ поклоненія.

Прим. авт.

бесѣда ея была очень занимательна и въ веселыя минуты она иногда разсказывала мнѣ очень интересные анекдоты изъ своей молодости; иногда же она заставляла меня пересказывать несчастья нашей семьи,— и время проходило тогда скоро. Однако, когда все это перестало быть для меня новымъ и когда тетушка, нерасположенная разговаривать, хранила молчаніе, часы тянулись безконечно, мракъ становился невыносимо тягостнымъ, и противъ воли я засыпала. Видя въ этомъ недостатокъ почтенія, m-lle Мелонъ бывала этимъ очень недовольна; тогда я доставала себѣ веретено и при свѣтѣ тлѣвшихъ угольевъ принималась прясть для того, чтобы не дремать, но и это мнѣ не всегда удавалось. Въ семь часовъ тетушкѣ приносили ужинъ, который такъ и оставался у нея въ комнатѣ, потому что ей было бы крайне затруднительно проходить по темнотѣ въ столовую черезъ весь дворъ. Вдобавокъ, испуганные ея аппетитомъ доктора запретили ей ужинать; она же соблюдала ихъ предписаніе въ томъ только отношеніи, что не садилась за столъ, но ѣла сколько душѣ угодно. Я ужинала съ ея управляющимъ и поскорѣе возвращалась, чтобы смѣнить Бабету, которая, дождавшись меня, въ свою очередь отправлялась ужинать; тутъ мнѣ дозволялось сѣсть на ея мѣсто; и такъ какъ m-lle Мелонъ замѣтила, что я часто простуживалась, проходя послѣ ужина черезъ этотъ обширный дворъ по сырости, холоду и вьюгѣ, что я входила къ ней окоченѣлая и безъ голоса,—то она ожидала меня съ ярко пылающимъ каминомъ, къ которому мнѣ дозволено было приблизиться. Другаго освѣщенія не было въ комнатѣ. Я дожидалась возвращенія Бабеты, которая гораздо долѣе меня сидѣла за столомъ. Тогда день мой былъ конченъ и я спѣшила въ свою маленькую комнатку, счастливая, что могла наконецъ у себя хорошенько погрѣться. Не могу скрыть, что такой образъ жизни не удовлетворялъ меня. Случалось, что тетушка цѣлые вечера молчала и была не въ духѣ, когда каждое слово было невпопадъ: все было скверно и гадко; ей непріятны были мои слова, какъ и мое молчаніе; она обвиняла меня въ томъ, что я скучала, и этотъ упрекъ, увеличивая мое смущеніе, не дѣлалъ меня ни веселѣе, ни занимательнѣе; какъ я ни старалась, все было не хорошо. Что у тетушки при ея годахъ могли бывать неровности въ расположеніи духа,—это весьма естественно; но все же это огорчало меня, какъ неизлечимое зло, и, вздыхая по своей келейкѣ и мечтая о свободѣ, которую находила лишь въ уединеніи, я была счастлива только у себя, когда до поздняго часа сидѣла передъ каминомъ, погруженная въ свои мечты; — я забывала тогда о мелкихъ непріятностяхъ дня. Эти маленькія испытанія были, безъ сомнѣнія, полезны для меня, потому что сдерживали во мнѣ своеволіе, но я этого тогда не понимала.

Я просто не могу теперь понять, какъ я проводила свое время въ Омбрѣ безъ книгъ, безъ общества, почти безъ работы. M-lle Мелонъ рѣдко заходила ко мнѣ и я теперь еще не могу вспомнить безъ улыбки объ испугѣ, распространявшемся повсюду, когда она выходила

изъ своей комнаты. Кажется, я объяснила, что кухня и столовая находились въ отдѣльномъ зданіи напротивъ того дома, гдѣ помѣщалась тетушка Мелонъ. Едва только она появлялась въ своихъ дверяхъ, какъ все обращалось въ бѣгство; она тихонько подвигалась впередъ, опираясь на свою палку; вслѣдствіе опухоли ногъ она ходила съ трудомъ и очень медленно; ея пальцы ногъ едва входили въ маленькія туфли безъ задковъ, которыя она теряла на каждомъ шагу; и каждый ея шагъ сопровождался ворчаньемъ: „Боже мой", говорила она, подталкивая концемъ своей палки всѣ щепки, которыя попадались на ея дорогѣ. „Что за безпорядокъ, что за расточительность! Этого хватило бы на отопленіе цѣлой семьи! Я всегда говорила, что этотъ народъ разоритъ меня! Они меня совсѣмъ разорятъ!" Такъ говоря, она входила въ кухню, гдѣ уже не было ни души, потому что всѣ разбѣжались, какъ только издали завидѣли ее. „Какъ жарко топится плита! Я всегда говорила, что этотъ народъ меня разоритъ". И вотъ она принимается вынимать изъ печки полѣнья и разгребать жаръ. Уже давно она велѣла снять съ очага большую рѣшетку, чтобъ не жгли такъ много дровъ. Сокрушаясь о томъ, что эта мѣра предосторожности оказывалась тщетной, она ходила по кухнѣ, все осматривая съ мелочной и нетерпѣливой озабоченностю, отставляя и по своему переставляя съ мѣста на мѣсто блюда и кострюли. Послѣ ея многократнаго зова появлялась, наконецъ, Нанета, повелительница этого царства, и буря обрушивалась на нее. Обѣдъ, или составъ какого нибудь блюда, подавалъ поводъ къ безконечнымъ препирательствамъ; потомъ тетушка уходила къ себѣ. Едва она была за дверью, какъ полѣнья снова попадали въ печь, жаръ сгребался въ кучку и все шло попрежнему. Если ей случалось направиться къ моей комнатѣ, и мною точно также овладѣвалъ паническій страхъ. Я издали слышала, какъ она про себя ворчала на расточительность своихъ слугъ, ежеминутно останавливаясь, чтобъ своей палкой собрать въ кучку мелкій хворостъ, валявшійся по землѣ, все повторяя: „Я всегда говорила!..." При звукѣ этого голоса, бившаго для меня тревогу, я поспѣшно прибирала все въ своей комнатѣ, какъ могла, и шла ей на встрѣчу съ подобающимъ почтеніемъ и со всей предупредительностью, къ которой я была способна; между тѣмъ она всегда находила что нибудь похулить; недостатокъ порядка у меня оскорблялъ ее. И вотъ, для избѣжанія ея выговоровъ, я придумала все прятать между матрасами своей постели при ея приближеніи. Тетушка бранила меня за то, что мои вещи были вездѣ разбросаны, не замѣчая, что кромѣ ящика въ письменномъ столѣ у меня не было ничего, куда бы я могла класть свои вещи. Она давала мнѣ наставленія о бережливости, большею частью благоразумныя, но иныя изъ нихъ казались мнѣ трудно-исполнимыми: „Зимою вы можете ложиться и безъ свѣчи, достаточно вамъ свѣта и отъ камина", говаривала она мнѣ. Не могу умолчать здѣсь, что посѣщенія m-lle Мелонъ наводили на меня великій страхъ.

Рѣдко выходя изъ своихъ покоевъ, она была хозяйкой только у себя, и не могла даже замѣтить дѣйствительныхъ безпорядковъ по хозяйству, о которыхъ большею частію не имѣла понятія. На стоящимъ хозяиномъ былъ собственно управляющій ея Бонванъ; онъ распоряжался рѣшительно всѣмъ въ имѣніи, гдѣ мы жили, не давая никогда отчета въ своемъ управленіи г-жѣ Мелонъ, которая, къ счастью, сама получала доходъ съ остальнаго своего имущества. Она считала выгоднымъ для себя, что Бонванъ согласился принять часть издержекъ по ея хозяйству на свой счетъ; такой договоръ, заключенный послѣ очень оживленныхъ преній, доставилъ намъ нѣкоторое спокойствіе. Однако, пререканія по этому поводу возобновились: хозяйка предъявляла свои права, плохо признаваемыя; а подчиненный, привыкшій властвовать, отказывался повиноваться, и не внимая болѣе ея приказаніямъ, открыто сталъ во враждебное положеніе. Въ такихъ случаяхъ тетушка посылала меня для переговоровъ къ Бонвану; но онъ принималъ это очень дурно; съ другой стороны, она плохо встрѣчала меня, когда я возвращалась съ его отвѣтами, такъ что я играла самую жалкую роль среди этой междоусобной войны. Что касается лично меня, то я была вполнѣ довольна почтительнымъ обращеніемъ Бонвана со мною. Его упрекали въ дурномъ поведеніи,—но я никогда не слышала отъ него ни одного слова, которое могло бы оскорбить меня; и это тѣмъ болѣе удивительно, что очень часто онъ приходилъ за ужинъ совсѣмъ пьяный; я тотчасъ замѣчала это по его усиленному старанію не проронить ни одного слова.

Я готова просить у читателя извиненія за такія мелочныя подробности, которыя могутъ показаться докучными; но что же такое жизнь, какъ не сцѣпленіе мелочей, болѣе или менѣе важныхъ? Я хотѣла бы сдѣлать разсказъ о нихъ занимательнѣе; если онъ не интересенъ, то читатель еще лучше пойметъ, насколько дѣйствительность была для меня тягостной. Крупныя событія занимаютъ мало мѣста въ жизни; они быстро ломаютъ и переворачиваютъ ее, и все-же возвращаютъ васъ снова къ мелочамъ будничной жизни, среди которыхъ вы постоянно вращаетесь и которыя составляютъ прелесть или пытку вашего существованія.

Столкновенія между этими двумя властями, находившимися въ постоянной борьбѣ вслѣдствіе слабости одной изъ нихъ, подавали иногда поводъ къ самымъ уморительнымъ сценамъ, и хотя слѣдующій разсказъ самъ по себѣ имѣетъ мало значенія, я не могу отказаться отъ удовольствія привести его здѣсь, такъ какъ онъ очень характеристиченъ. M-lle Мелонъ каждый день сама заказывала намъ ужинъ, что̀ было весьма естественно; но всякій вечеръ намъ подавали одно и то же кушанье. Бонванъ, которому надоѣло каждый день ѣсть крошеную говядину съ приправой пряностей и фрикасе изъ кроликовъ, рѣшился самъ заказывать ужинъ и заказывать что нибудь по-

вкуснѣе. Намъ стали подавать отличную рыбу, цыплятъ въ изобиліи и многое другое. Не знаю, подозрѣвала ли это г-жа Мелонъ, но только однажды вечеромъ она спросила меня, что я ѣла. „Цыплятъ подъ соусомъ, тетушка". — Въ самомъ дѣлѣ, цыплятъ? — „Да, тетушка, и они были даже очень вкусны!"—Вотъ какъ! — Она не прибавила болѣе ни слова и велѣла позвать къ себѣ Нанету, что произвело великое смятеніе при дворѣ; кухарка же отвѣчала съ величайшимъ хладнокровіемъ: „Успокойтесь, сударыня, ваши приказанія исполняются въ точности, но барышня ужасно разсѣянна! Богъ знаетъ, о чемъ она думала за ужиномъ, и вообразила себѣ, что кушаетъ цыпленка". И Нанета съумѣла такъ увѣрить въ этомъ свою госпожу, что на другое утро m-lle Мелонъ, потѣшаясь надъ моей разсѣянностью, объявила мнѣ, что я приняла крошеную говядину за цыпленка. Теперь пришелъ мой чередъ сказать: „Въ самомъ дѣлѣ, это была говядина!" Мое удивленіе сошло за признаніе и репутація разсѣянной за мною окончательно установилась; а мнѣ оставалось только дѣлать все возможное, чтобъ поддержать ее,—потому что, разъ на сторожѣ—тетушка теперь часто расспрашивала меня, и я безъ зазрѣнія совѣсти отвѣчала: „Право, ma tante, я не могу вспомнить, какой у насъ былъ ужинъ". — Какъ это странно, возражала она,—вы только что встали изъ за стола!—Конечно, это было очень странно, но я имѣла въ виду Нанету. Она всякій день приходила ко мнѣ съ сѣтованіями. „Сжальтесь надъ моимъ положеніемъ, барышня! я не знаю, что мнѣ дѣлать: m-lle Мелонъ приказываетъ одно, а г-нъ Бонванъ другое; онъ прогонитъ меня, если я не послушаюсь его; если же вы меня выдадите, то моя госпожа откажетъ мнѣ; а когда я потеряю мѣсто, то буду безъ куска хлѣба".

Имѣніе тетушки походило на пустыню, куда не заносило ни одной живой души; а если и случалось кому нибудь заѣхать сюда, то пріемъ былъ не всегда радушный. Даже когда тетушка была расположена милостиво принять гостя, у нея всегда былъ страхъ, чтобы посѣщеніе не продлилось слишкомъ долго, и она скоро находила средство сократить его, особенно, если это былъ какой нибудь сосѣдъ, пріѣхавшій къ обѣду. Едва успѣвали встать изъ за стола и перейти въ ея комнату, какъ при первомъ движеніи гостя она восклицала съ поспѣшностію: „Какъ, сударь, вы уже хотите уѣзжать? Вы такъ скоро лишаете меня удовольствія видѣть васъ! Александрина, подите узнать, готовы-ли лошади, чтобы нашъ гость не имѣлъ неудовольствія долго ожидать".—И Александрина бѣжала, летѣла исполнить это приказаніе, между тѣмъ какъ растерявшійся пріѣзжій дослушивалъ выраженіе живѣйшаго сожалѣнія тетушки, которая такимъ образомъ вѣжливо выпроваживала его отъ себя. Этотъ способъ отдѣлываться отъ своихъ посѣтителей забавенъ своею оригинальностью; но въ то время онъ меня очень смущалъ и я вовсе не находила это смѣшнымъ. Многіе обижались и не заѣзжали къ ней болѣе; другіе же сами этимъ потѣ-

шались. Такой пріемъ, разумѣется, дѣлалъ посѣщенія весьма рѣдкими, и я была обречена здѣсь на полное уединеніе.

Съ людьми постоянно живущими въ одиночествѣ и имѣющими достаточное состояніе для того, чтобъ удовлетворять разнымъ вкусамъ своимъ, случается, что эти вкусы обращаются въ закоренѣлыя привычки, которыя ничто не можетъ нарушить. Такъ было и съ m-lle Мелонъ; все окружавшее ее должно было уступать силѣ ея привычекъ. Она дѣлала много добра; была сострадательна, употребляя всѣ усилія, чтобъ облегчить страданія ближнихъ; вообще у нея было доброе сердце, но при всемъ этомъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ странностей, порожденныхъ силой привычки, она часто могла показаться жестокой. Такъ, однажды, совершенно не зная, что это противъ ея правилъ, я пришла просить у нея позволенія послать за фельдшеромъ, чтобы вырвать себѣ зубъ; на это она отвѣчала: „Какъ, у васъ болятъ зубы?"—Да, тетушка, я ужасно страдаю!—„Это по вашей собственной винѣ; у меня никогда не болѣли зубы; и пока вы у меня, вамъ не выдернуть ни одного зуба". Между тѣмъ, повторяю, она была добра; но оказалось, что это одна изъ ея маній,—а развѣ не извѣстно, какая сила таится въ маніи! Это былъ тотъ же самый несчастный зубъ, отъ котораго я провела въ Ешеролѣ не одну безсонную ночь, когда находилась подъ домашнимъ арестомъ. Измучившись отъ боли, я наконецъ послала за сельскимъ фельдшеромъ, чтобъ вырвать зубъ. „Я не хожу къ аристократамъ", велѣлъ онъ мнѣ сказать. И я осталась при своемъ зубѣ. Манія тетушки Мелонъ имѣла такой же результатъ, какъ и якобинство.

Итакъ, сельскій священникъ былъ единственнымъ лицомъ, ежедневно допускаемымъ у г-жи Мелонъ: онъ и кормился здѣсь же большею частію, такъ какъ былъ бѣденъ; нація мало или вовсе не платила священникамъ, даже самымъ угодливымъ. Онъ не женился потому, что получалъ всегда отказы, и безцеремонно жаловался на это, выражая надежду, что впредь будетъ счастливѣе. Чего я никакъ не могу себѣ объяснить,—такъ это противорѣчія, часто встрѣчаемаго у этихъ негодныхъ поповъ; когда одинъ изъ его собратовъ женился, онъ самъ ихъ благословилъ на бракъ, соблюдая обрядъ, освященный церковью, въ которую ни тотъ, ни другой не вѣрили и отъ которой оба отреклись. И онъ совершенно серьезно сказалъ мнѣ по поводу этого святотатственнаго брака: „Этотъ священникъ—мой другъ; благочестіе его велико, и я не могъ отказать ему въ своемъ посредствѣ". Я боялась этого человѣка и никогда не принимала его у себя, будучи того убѣжденія, что дурной духовный можетъ быть очень опасенъ; зато онъ вознаграждалъ себя во время своихъ посѣщеній у тетушки, пользуясь ея глухотой, чтобъ наговорить мнѣ много такого, чего я и слушать не стала бы въ другомъ мѣстѣ;—но онъ былъ увѣренъ, что если бы даже я осмѣлилась пожаловаться, то m-lle Мелонъ все-таки никогда не повѣрила бы мнѣ. Я сама была въ этомъ увѣрена, зная ея глу-

бокое уваженіе къ нему. Онъ предложилъ мнѣ доставлять книги; по осторожности, которая была выше моего возраста и которой меня научили обстоятельства, я отказалась принять ихъ, между тѣмъ какъ охотно брала книги отъ г-на Бонвана. „Сударыня, сказалъ мнѣ откровенно послѣдній, у меня много книгъ; но я могу вамъ предложить изъ нихъ только двѣ: „Жизнь Тюренна“ и другую—„Принца Евгенія“. Я взяла эти книги безъ боязни и не имѣла повода въ томъ раскаяваться.

Во время этого перваго пребыванія въ Омбрѣ я получила маленькую денежную сумму отъ неизвѣстнаго лица; приложенная къ ней безъименная записка свидѣтельствовала, что деньги эти предназначены мнѣ. Я долго оставалась въ невѣдѣніи, кто такой оказалъ мнѣ это благодѣяніе; наконецъ узнала, что это была моя няня, моя славная няня; предполагая, что я нахожусь въ нуждѣ, она измѣнила своему опасливому характеру и просила, чтобъ ей оказали милость и назначили ее охранительницей печатей, вновь наложенныхъ на Ешероль; это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобъ имѣть возможность доставлять мнѣ положенное за это жалованье. Не рѣдкая ли это была женщина по своей вѣрности и преданности!

ГЛАВА XVI.

Другъ моего брата убѣждаетъ тетушку отпустить меня въ Муленъ по семейнымъ дѣламъ. — Я снова вижу г-жу Гримо. — Мнѣ назначаютъ опекуна. — Извѣстія объ отцѣ.—Я возвращаюсь въ Омбръ.—Кузина моя, m-lle де-Леспинассъ. — Мы вмѣстѣ съ ней поздравляемъ тетушку съ именинами. — Пріѣздъ отца. — Мы уѣзжаемъ въ Муленъ.

Однообразіе моей жизни было пріятно нарушено пріѣздомъ изъ Невера одного пріятеля моего старшаго брата, г-на Лангилье, который, вовсе не зная меня, но принимая во мнѣ большое участіе, рѣшился посѣтить тетушку для свиданія со мной. Онъ имѣлъ видъ весьма порядочный, былъ очень любезенъ и понравился ей, хотя пріятность его бесѣды не вполнѣ спасла его отъ обычнаго выпроваживанія; все же онъ могъ быть доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ. Онъ говорилъ со мной о моихъ дѣлахъ съ участіемъ друга и убѣждалъ меня, что на мнѣ лежитъ обязанность заняться ими серьезно, что это необходимо для меня и для всей нашей семьи. „Такъ какъ изъ всей семьи вы однѣ остались во Франціи, то вы должны сохранить вашему отцу то изъ его имущества, что еще не продано; подумайте объ этомъ и примитесь за дѣло“. Я жила въ Омбрѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ; за это время Франція, нѣсколько успокоенная, быстро шла къ внутреннему умиротворенію и все въ ея нѣдрахъ дѣлало уси-

ніе, чтобъ подняться до истинной свободы, безъ цѣпей и пытокъ. Тюрьмы раскрылись, честные люди перестали томиться въ нихъ и могли на свободѣ наслаждаться воздухомъ и свѣтомъ Божіимъ; полицейскій надзоръ падалъ самъ собой. Пресытившись кровью и казнями, перестали требовать жертвъ изъ невидной массы; страшная борьба на жизнь и смерть теперь еще продолжалась между вождями партій; намъ же дозволено было вольно вздохнуть. Ссылаясь на это возвращеніе свободы, г. Лангилье сталъ говорить тетушкѣ, что при моемъ положеніи необходимо предпринять что нибудь. Нужно назначить мнѣ опекуна для охраненія и соблюденія моихъ интересовъ; онъ объяснилъ ей, какъ важенъ выборъ и назначеніе этого лица, что это можно сдѣлать только въ Муленѣ, и просилъ ее отпустить меня ради этого дѣла. M-lle Мелонъ нашла мое желаніе справедливымъ и съ большой готовностью согласилась послать меня въ Муленъ. Это была моя вторая поѣздка верхомъ. Въ зимній декабрскій день я сдѣлала около пятидесяти верстъ. По сильному вѣтру и мятели я пріѣхала, наконецъ, на мѣсто страшно усталая, но довольная, къ г-жѣ Гримо, которая встрѣтила меня какъ нѣжная мать, снова обрѣтшая дорогое дѣтище послѣ продолжительной разлуки. Я опять увидѣла, обняла Жозефину, и на время забыла свое горе.

Тутъ только я узнала все, чѣмъ я была обязана г-жѣ Гримо; объ опасности, грозившей мнѣ быть посаженной въ депо и объ ея благородной рѣшимости раздѣлить мою участь въ случаѣ, если бы это было исполнено. Я не пытаюсь даже выразить то, что ощущала тогда; моя благодарность за самоотверженную преданность этого достойнаго друга могла сравниться развѣ только съ ужасомъ подобнаго заключенія.

Я провела у нея мѣсяцъ, испытывая какое-то смѣшанное чувство счастья и вмѣстѣ смущенія. Видя близко Жозефину, которая никогда не покидала своей матери, я сознавала вполнѣ, чего мнѣ недостаетъ; понятно, что мнѣ не доставало очень многаго. Я испытывала нѣкоторое униженіе при сравненіи съ нею, находя большую разницу между собой и ею. Манеры ея, исполненныя благородства и граціи, непринужденность, легкость и плавность ея рѣчи дѣлали Жозефину прелестнымъ существомъ. И я всѣми силами старалась подняться въ уровень нею, внимательно слѣдя за всѣмъ, что мнѣ было доступно и уловимо въ ея умѣ и внѣшнихъ пріемахъ. Въ наружности между нами было такъ же мало схожаго, какъ между красотой и невзрачностью; она была очень красива, а я скорѣе дурна. Но, любуясь красотой, изяществомъ, которыми природа надѣлила ее, я не испытывала сожалѣнія за себя, потому что наслаждалась ея успѣхами, какъ бы своими собственными. Мнѣ казалась такъ естественнымъ, что она прекрасна, что всѣ восхищаются ею, и что она вполнѣ достойна этого; съ самаго дѣтства я помнила ее такою. Искренняя дружба не допускаетъ зависти. И что это были за счастливые дни! Какую прелесть находило въ этой близости мое сердце, такъ давно

лишенное довѣрчивыхъ изліяній! Обреченная, такъ сказать, жить въ себѣ самой и таить всѣ свои помыслы, я съ наслажденіемъ слушала теперь простыя и правдивыя рѣчи своей подруги и ея матери. Благородный тонъ, исходящій отъ сердца, естественные и благовоспитанные пріемы—все близъ нихъ напоминало мнѣ доброе старое время и ту атмосферу, въ которой я провела свое дѣтство. Эти часы стоили для меня цѣлой жизни.

Ни одинъ изъ моихъ родственниковъ не соглашался сдѣлаться моимъ опекуномъ; всѣ они только что вышли изъ тюремъ и не считали себя достаточно въ безопасности. Однако они всѣ собрались на совѣтъ съ тѣмъ, чтобы устроить это дѣло и избрали моимъ опекуномъ г. Шарля, юриста, который выхлопоталъ мнѣ временное пособіе; кажется, это и было единственнымъ дѣломъ, о которомъ онъ похлопоталъ. Я получила двѣ тысячи франковъ ассигнаціями, имѣвшими въ то время уже мало цѣнности, и отправилась въ Ешероль, чтобъ повидать сестру, которую нашла въ добромъ здоровьи, равно какъ и няню. Я пополнила ихъ хозяйство разными припасами и, оставивъ нянѣ часть своихъ ассигнацій, вернулась къ своимъ друзьямъ Гримо. Жозефина и ея мать занимались вышиваньемъ для продажи; всѣ мои кузины дѣлали то же. Обѣднявшее дворянство работало теперь на новыхъ богачей. Находясь въ тюремномъ заключеніи или у себя подъ домашнимъ арестомъ, онѣ, такимъ образомъ, съ пользой употребляли время для удовлетворенія своимъ нуждамъ, потому что деньги были для нихъ рѣдкостью. Многія дамы получили дозволеніе остаться въ своемъ помѣщеніи подъ домашнимъ арестомъ, — весьма драгоцѣнная милость, составлявшая предметъ пламенныхъ желаній для тѣхъ, которымъ не удалось ея добиться.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Ешероля я получила вѣсти отъ отца черезъ одну швейцарку, которая въ доказательство того, что дѣйствительно была послана имъ, показала и передала мнѣ отъ его имени маленькую записную книжечку, имѣвшую значеніе только для меня одной: это была записная книжка моей матери. Она же вручила мнѣ записку, написанную на итальянскомъ газѣ и запрятанную въ подкладкѣ ея платья, откуда она достала ее при насъ. Едва только успѣла я прочесть эти драгоцѣнныя строки, какъ нужно было сжечь ихъ для успокоенія осторожной г-жи Гримо [1]). Я отвѣтила отцу нѣсколько словъ безъ подписи и обозначенія числа и отдала записку этой женщинѣ вмѣстѣ съ остававшимися у меня ассигнаціями для передачи отцу, сильно сожалѣя о томъ, что у меня ихъ было такъ мало; но это было къ счастью, какъ оказалось впослѣдствіи; ибо посланница эта, употребивъ во зло довѣріе многихъ лицъ, дававшихъ ей подобныя порученія, все оставила себѣ. Кажется, она была изъ Лозанны, но я умал-

[1]) Эта женщина внушила ей недовѣріе, которое вполнѣ оправдалось впослѣдствіи.
Прим. авт.

чиваю объ ея имени; позорно такимъ образомъ пользоваться несчастіемъ.

Очень скоро послѣ отъѣзда этой швейцарки, г-жа Фабриеъ пригласила меня къ себѣ и вручила мнѣ отъ имени покойной тетушки двадцать пять луидоровъ, довѣренныхъ ей съ тѣмъ, чтобъ передать ихъ тому изъ нашей семьи, кто первый вернется въ Муленъ и будетъ въ нуждѣ. „Я отдала бы вамъ эти деньги при вашемъ проѣздѣ—сказала она мнѣ,—если бы вы не были тогда въ обществѣ посторонняго лица". Не могу сказать, съ какимъ волненіемъ и какимъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія взяла я въ руки эти деньги, отложенныя для насъ предусмотрительными щедротами покойной тетушки. Умственнымъ взоромъ проникая въ тайны будущаго, она уже тогда предвидѣла, что для насъ снова наступятъ тяжкія времена бѣдствій и испытаній; она заранѣе готовила намъ помощь и изыскивала средства, какъ бы доставить ее намъ впослѣдствіи. Съ края могилы дошедшія до меня благодѣянія ея говорили мнѣ о ней и о ея нѣжной заботливости. Ея уже не было на свѣтѣ, а доброта ея, всегда дѣятельная, еще оказывала мнѣ помощь и поддерживала мое существованіе.

Черезъ нѣсколько времени я должна была покинуть домъ второй матери своей и возвратиться въ Омбрь. Я обливалась горькими слезами, прощаясь съ Жозефиной и ея матерью. Близъ нихъ я скоро свыклась опять со счастьемъ быть любимой, и я съ сердечной болью разставалась съ милымъ обществомъ для того, чтобы вернуться въ пустыню. Это было мнѣ не легко. Мое пребываніе въ Муленѣ, не смотря на его краткость, имѣло на меня благотворное вліяніе. Я развилась умственно въ обществѣ многочисленныхъ родственниковъ, людей образованныхъ и съ большими достоинствами, принимавшихъ меня съ любовью: среди нихъ господствовала та порядочность и благовоспитанность, къ которымъ я привыкла съ дѣтства; пріятная и вмѣстѣ серьезная ихъ бесѣда оживляла меня, а ихъ снисхожденіе и привѣтливость внушали мнѣ болѣе довѣрія къ себѣ и поэтому болѣе увѣренности; я просто оживала среди нѣжныхъ заботъ, которыми меня окружали здѣсь. Глубоко растроганная ихъ снисходительностью и добротой, я уносила съ собой въ заточеніе свое довольно воспоминаній, чтобъ не быть одинокой.

Я взяла съ собой изъ Мулена кое-какія вещи, которыя были спрятаны нашими друзьями съ тѣмъ, чтобъ передать ихъ намъ. Туалетъ мой, нѣсколько пополненный, давалъ мнѣ теперь возможность быть одѣтой почти такъ же, какъ и другія. M-lle Мелонъ имѣла любезность прибавить къ этому еще одно платье, что избавило меня отъ непріятности внушать жалость.

Я вернулась въ Омбрь. Такъ какъ было уже слишкомъ поздно, чтобъ явиться къ тетушкѣ, то я прямо отправилась въ свою комнату, желая поскорѣе увидѣть и узнать, чье сообщество ожидало меня. Провожавшій меня слуга сообщилъ мнѣ дорогой, что я найду въ Омбрѣ

кузину, пріѣхавшую туда въ мое отсутствіе. Это была m-lle Лебланъ де-Леспинассъ; я никогда не видала ее прежде, но много слышала о ней, и мнѣ казалось, что я увижу старую знакомую. Не успѣла я еще слѣзть съ лошади, какъ уже кричала ей: „Это я!"—до того я была восхищена, что буду имѣть подругу. Кажется, если бъ она была пятидесяти лѣтъ, то и тогда я считала бы, что она можетъ быть мнѣ товарищемъ, потому что рядомъ съ m-lle Мелонъ всѣ казались мнѣ молодыми. Впрочемъ, моя новая кузина была въ самомъ дѣлѣ молода, хотя гораздо старше меня, и очень хороша собой. При этомъ изящныя манеры, большой природный умъ и образованіе дѣлали ее въ высшей степени привлекательной.

Неудивительно, что я была готова полюбить ее, и дружба, которую она мнѣ выказывала, скоро сдѣлалась взаимной. Къ ней присоединилось еще съ моей стороны и большое уваженіе, не во вниманіе къ ея лѣтамъ, а зато, что она любила заниматься алгеброй. Я не понимала этой склонности, которую считала достояніемъ мужчинъ. А когда, отложивши въ сторону свои отвлеченныя занятія, кузина бралась за работу и я смотрѣла, какъ хорошо она шьетъ, или какъ ловко дѣлаетъ банты, я еще болѣе изумлялась разнообразію ея вкусовъ и талантовъ.

Не менѣе довольна была я имѣть себѣ товарища въ эти безконечные и темные зимніе вечера; хотя тетушка, скучая нашей болтовней, съумѣла внести въ нее стѣсненіе, запретивши намъ разговаривать между собою,—все же насъ было двое, и для меня это была огромная разница; мы угадывали другъ друга за невозможностью высказываться на словахъ, потому что стулья наши нарочно ставили такъ далеко одинъ отъ другаго, что нужно было говорить очень громко. Тетушка хотѣла все слышать. Слухъ ея, вообще довольно плохой,—но какого-то особеннаго измѣнническаго свойства,—иногда неожиданно поражалъ насъ своей тонкостью, и мы не смѣли сказать словечка между собой.

Во время этого вынужденнаго молчанія, мысли мои во что бы то ни стало искали себѣ выхода; никогда, кажется, умъ мой не былъ такъ дѣятеленъ, какъ въ эти безмолвные часы. Въ головѣ роилось тысяча кипучихъ думъ, которыя нужно было таить про себя, или отложить до болѣе благопріятной минуты, когда можно было у себя въ комнатѣ передъ пылающимъ каминомъ предаваться сладкой бесѣдѣ. Я утѣшала себя тѣмъ, что кузина моя страдала столько же, какъ и я, а страдать вдвоемъ все-таки легче, чѣмъ одной. Что же сдѣлать, чтобы нарушить однообразіе нашей жизни?—Мнѣ до смерти хотѣлось повидать что нибудь новенькое, сказать что нибудь особенное; однимъ словомъ, я чувствовала потребность придать одному дню, хотя бы только одному, какую нибудь иную окраску, чтобы онъ не былъ похожъ на всѣ остальные.

Тетушкины именины были къ тому удобнымъ поводомъ и мы съ радостью ухватились за это. День святаго Антонія приближался, и

между нами было рѣшено, что мы отпразднуемъ его съ торжественностью, еще невиданною въ Омбрѣ. Приготовленія сократили намъ много времени разными хлопотами и поисками, какихъ подобное празднество потребовало въ захолустьи, лишенномъ всякихъ рессурсовъ. Въ своемъ увлеченіи я хотѣла убрать наши платья свѣжей зеленью, мечтая лишь о цвѣтахъ и гирляндахъ; я готова была щедро сыпать ихъ повсюду, когда кузина имѣла жестокость нарушить мои планы, указавъ мнѣ въ окно: земля была покрыта снѣгомъ; поглощенная приготовленіями ко дню св. Антонія, я забыла только объ одномъ,—что оно приходилось 17-го января.

Вотъ, наконецъ, насталъ этотъ достопамятный день. Кузина моя упросила своего дядю пріѣхать въ этотъ день къ тетушкѣ въ гости, и г. Шалиньи, вѣрный своему обѣщанію, явился рано съ своимъ сыномъ, Фредерикомъ, чтобы принять участіе въ нашемъ празднествѣ. Онъ попросилъ позволенія остаться обѣдать у m-lle Мелонъ, которая приходилась ему тоже теткой; питая къ нему особенное уваженіе, она любила даже, чтобъ онъ проводилъ у нея иногда нѣсколько дней,—исключеніе весьма благопріятное для нашихъ замысловъ.

Какъ только обѣдъ кончился, мы обѣ немедленно скрылись, предоставивши г. Шалиньи вынести на своихъ плечахъ всю тягость послѣобѣденной бесѣды. Мы просили его быть позанимательнѣе, чтобы сдѣлать наше отсутствіе менѣе замѣтнымъ. Отъ времени до времени вырывавшіяся слова: „Гдѣ-же барышни?“ заставляли его удвоивать любезность. А барышни въ это время наряжались въ бѣлыя платья и старались какъ можно изящнѣе расположить свои подарки: конфекты, сладкіе пирожки, фрукты, каштаны въ сахарѣ, апельсины, выписанные изъ сосѣдняго города,—единственно доступное угощеніе въ это время года. Потомъ мы пошли присоединиться къ придворному штату, собравшемуся въ кухнѣ. Находя необходимымъ сдѣлать маленькую репетицію, мы залучили къ себѣ мужичка, случайно зашедшаго сюда въ эту минуту, и усадили его съ тѣмъ, чтобъ онъ изображалъ собою m-lle Мелонъ. Отвѣсивши ему предварительно глубокій поклонъ, мы съ паѳосомъ продекламировали передъ нимъ стихи, сочиненные нами въ честь тетушки. Онъ принялъ все это за латынь. „Прекрасно,—воскликнулъ онъ—но я изъ этого ровно ничего не понялъ“. Сама-же я находила свои стихи превосходными, вѣроятно потому, что они мнѣ стоили великаго труда.

Наконецъ, мы двинулись, не зная вовсе, какъ-то будемъ еще приняты. Жакъ, вѣрный тетушкинъ слуга, входитъ къ ней и уже своимъ приходомъ удивляетъ ее; такъ какъ онъ въ этотъ часъ обыкновенно не являлся, то должно быть имѣлъ на то важную причину. „Сударыня, я пришелъ доложить вамъ, что многочисленная компанія гостей, находясь здѣсь по сосѣдству, проситъ позволенія видѣть васъ“.—„Но вѣдь я никого не принимаю, Жакъ; вы это знаете!“—Я уже говорилъ имъ это. Ничего, отвѣтили они мнѣ, мы останемся не долго“.—„А я не хочу принять ихъ; уже совсѣмъ стемнѣло и теперь не время для визитовъ; откажите имъ“.—„Это трудно, су-

дарыня, они уже у вашихъ дверей". Мы слушали за дверью это совѣщаніе, помирая со смѣха.—„Каковы же съ виду эти господа?" спросила тетушка, въ безпокойствѣ поднимаясь съ своего кресла и опираясь одной рукою на каминъ; „вы знаете ихъ, Жакъ?" — „Нѣтъ, сударыня".—„Такъ поздно!—продолжала она съ отчаяніемъ, — такъ поздно! я не знаю, что̀ подать на ужинъ всему этому народу. Это безпримѣрная назойливость! Г. Шалиньи, зажгите же свѣчу; да поторопитесь, вы съ мѣста не двигаетесь". Шалиньи, потѣшаясь надъ ея тревогой, уже скрутилъ кусочекъ бумажки. „Да что же вы дѣлаете? Какая медленность! Вотъ спички. Что за фантазія являться такъ поздно!"—Она стояла у камина, устремивъ безпокойные взоры на дверь. Едва только успѣли немного освѣтить комнату, какъ въ нее вошли незнакомые посѣтители, каждый держа въ рукахъ свое приношеніе, и обступивши ее полукругомъ, хоромъ запѣли куплетъ, также сочиненный мною. Новое изумленіе: тетушка не узнала никого изъ своихъ слугъ. Вслѣдъ за ними вошли мы съ кузиной, каждая съ корзинкой конфектъ въ одной рукѣ и съ букетомъ въ другой; за нами шелъ Фредерикъ, нагруженный громаднымъ тортомъ, съ яблочнымъ мармеладомъ. Мы продекламировали имениннице свои стихи. Все еще стоя и не приходя въ себя отъ удивленія, тетушка глядитъ вокругъ себя, не видя и не понимая ничего. Комната освѣщается ярче и каждый подноситъ ей свои дары, вмѣстѣ съ пожеланіями. Происходитъ веселая, оживленная суматоха; мы еще разъ, уже въ прозѣ, поздравляемъ тетушку съ именинами и обнимаемъ ее, смѣясь ея удивленію. Она понимаетъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, смѣется вмѣстѣ съ нами и скоро узнаётъ всѣхъ незнакомцевъ, наполняющихъ ея комнату. Не опасаясь болѣе за ужинъ, она приходитъ въ веселое расположеніе духа и, оглядѣвши одобрительнымъ взоромъ всѣ свои богатства, милостиво благодаритъ насъ. Я никогда еще не видала ее такой довольной; веселая безурядица царила среди насъ впродолженіе всего остальнаго вечера, составившаго эпоху въ лѣтописяхъ Омбра — и мы разошлись довольно поздно послѣ взаимныхъ пожеланій счастья.

На другое утро тетушка имѣла любезность просить насъ разсказать ей всѣ подробности о вчерашнемъ празднествѣ и повидимому слушала съ большимъ удовольствіемъ. „Тетушка, прибавила я, вы уже протягивали руку, чтобы взять мою корзинку; но я не дала ей и выдержала до конца своей тирады!" —О авторское самолюбіе, что сталось съ тобой при слѣдующихъ ея словахъ: „Какой тирады?" — Она ничего не слышала! Въ то время, какъ ея испытующій взоръ блуждалъ по тортамъ и миндальнымъ кольцамъ, переходя съ апельсиновъ на плезиры [1]), вниманіе ея было до того поглощено всѣмъ этимъ, что остальное пропало для нея даромъ. „Ахъ, ma tante, a

[1]) Родъ вафель, очень легкихъ.

вѣдь стихи были чудесные! Какое униженіе для насъ!"—„Стихи! въ самомъ дѣлѣ? А я этого и не подозрѣвала. Ну, что за бѣда! Повторите-ка ихъ мнѣ теперь,—вѣдь это все равно!" И мы вторично принялись разыгрывать вчерашнюю сцену.

Слава этого дня, главнымъ образомъ, принадлежитъ кузинѣ, геніальная изобрѣтательность которой и причинила столь оскорбительное для моего самолюбія невниманіе. Я была ужасно рада, когда тетушка стала ласково благодарить ее, потому что зачастую она относилась къ ней слишкомъ строго. Въ семьѣ моей кузины очень рѣзко осуждали духовенство, давшее присягу новому уставу, и это оскорбляло m-lle Мелонъ за священника, котораго она очень цѣнила. Отсюда не рѣдко возникали непріятныя столкновенія, потому что въ этомъ разногласіи взглядовъ тетушка находила какъ бы порицаніе себѣ.

Самъ священникъ, задѣтый тѣмъ, что не внушалъ достаточно уваженія къ себѣ, не смягчалъ гнѣвнаго настроенія тетушки, а настроеніе это вызывало все новыя непріятности, которыя еще увеличивали стѣсненіе въ нашемъ маленькомъ кружкѣ.

Въ это время я познакомилась съ однимъ швейцарцемъ, который уже давно поселился здѣсь по сосѣдству и о которомъ всѣ говорили какъ о честномъ человѣкѣ; онъ собирался вернуться на родину. Вѣрная оказія была большой рѣдкостью, поэтому я поспѣшила вручить ему полученныя отъ г-жи Фабрисъ деньги, съ адресомъ отца, прося передать ему вмѣстѣ съ этимъ на словахъ все, что можетъ только внушить сердце самой нѣжной дочери. Кузина моя тоже ввѣрила ему часы для передачи ея дядѣ, Саси. И что же? — на этотъ разъ случилось то же самое, что съ той женщиной; изъ порученнаго ничто не достигло своего назначенія. Мнѣ положительно не везло съ Швейцаріей. Эти потери были для меня тѣмъ болѣе чувствительны, что я не имѣла никакихъ средствъ восполнить ихъ.

Весна протекла мирно и хорошо; прогулки, общее чтеніе, пріятно разнообразили наши дни; мнѣ казалось, что они проходили слишкомъ быстро, потому что кузина моя, которую вызывали назадъ въ семью, должна была скоро покинуть меня. Дѣйствительно, какъ скоро я осталась одна, все показалось мнѣ пусто вокругъ; но одиночество мое было не продолжительно; кризисъ, сломившій жизнь стольких порядочныхъ людей, повидимому приближался къ концу; все замѣтнѣе становилось общее стремленіе къ миру и согласію. Ліонскіе эмигранты всѣ вернулись на родину; вмѣстѣ съ ними вернулся и мой отецъ; онъ былъ временно исключенъ изъ списка эмигрантовъ и вступилъ, тоже временно, въ пользованіе своимъ имуществомъ. Онъ самъ сообщилъ мнѣ въ письмѣ эти радостныя вѣсти, прибавляя, что скоро пріѣдетъ за мною самъ, желая лично поблагодарить тетушку за великодушное гостепріимство, оказаное мнѣ. Велика была моя радость при полученіи этого письма, вѣстника счастья и

радости! Я нетерпѣливо считала дни, которые оставались еще до пріѣзда отца. Блаженныя слезы и сладость нашего свиданія невозможно описать! Я видѣла его въ первый разъ послѣ смерти тетушки! Онъ имѣлъ многое сообщить мнѣ, также какъ и я ему.

Онъ разсказалъ мнѣ о всѣхъ опасностяхъ, которымъ подвергался при переходѣ въ Швейцарію; живо изобразилъ свои опасенія на мой счетъ и полное невѣдѣніе, въ какомъ онъ такъ долго находился, относительно того, что сталось со мною. M-lle Мелонъ слушала съ величайшимъ интересомъ разсказъ о всѣхъ его похожденіяхъ и опасностяхъ, видя предъ собой дѣйствующее лицо и жертву въ общей смутѣ. Она очень любила отца и принимала всѣ его рѣчи милостиво. Послѣ восьми-дневнаго отдыха онъ просилъ позволенія уѣхать, такъ какъ дѣла требовали его присутствія въ Муленѣ; я послѣдовала за нимъ, проникнутая глубокой признательностью къ тетушкѣ, но очень, очень счастливая тѣмъ, что покидала Омбръ!

ГЛАВА XVII.

Моему отцу временно возвращаютъ имущество.—Я нахожу серебро, спрятанное по распоряженію покойной тетушки.—Мы живемъ попеременно то въ городѣ, то въ деревнѣ.—Новыя преслѣдованія и новое бѣгство. — Мы отправляемся снова въ Ліонъ.—Я возвращаюсь въ Ешероль.—Смерть моей сестры.—Реакція въ пользу, затѣмъ противъ эмигрантовъ.—18-е Фруктидора.—Новое изгнаніе отца.—Я уѣзжаю опять въ Омбръ.—Поѣздка въ Батуэ, гдѣ находили убѣжище многіе священники и другіе изгнанники. — Послѣдее пребываніе въ Омбрѣ.—Размолвка съ m-lle Мелонъ.—Я принуждена уѣхать отъ нея. — Для меня снова начинается скитальческая жизнь.—18-е брюмера.

Это лѣто, которое мы провели частью въ городѣ, частью въ деревнѣ, было одно изъ счастливѣйшихъ во всей моей жизни. Домъ нашъ въ Муленѣ, гдѣ прежде засѣдалъ Революціонный Комитетъ, былъ намъ возвращенъ и мы останавливались въ немъ, когда приходилось пріѣзжать по дѣламъ въ городъ. Кажется, я нигдѣ не упомянула въ своемъ разсказѣ о томъ, что моя покойная тетушка, предусматривая въ будущемъ большія лишенія, распорядилась заблаговременно, чтобъ часть нашего серебра спрятали въ нашемъ погребѣ въ Ешеролѣ. „Если изъ семьи кому суждено вернуться сюда, то вѣрнѣе всего— тебѣ", сказала она мнѣ; и въ самомъ дѣлѣ, я первая вернулась въ Ешероль.

Въ это время у насъ въ домѣ случайно жилъ военно-плѣнный валахъ, едва говорившій по-французски, впрочемъ благовоспитанный молодой человѣкъ, котораго мой отецъ взялъ къ себѣ въ услуженіе, чтобъ спасти его отъ ужасовъ казарменной жизни. Я объяснила ему, что̀ мнѣ нужно, и мы вмѣстѣ спустились въ маленькій погребъ, гдѣ храни-

лись мои сокровища. Иностранное вино, котораго оставалось очень много, когда мы уѣхали отсюда, не все исчезло, но видно было, что имъ хорошо попользовались. Нѣсколько бутылокъ было разбросано въ разныхъ углахъ, а часть ихъ еще лежала въ порядкѣ, прикрывая то мѣсто, гдѣ я велѣла рыть. Ящикъ былъ разбитъ, и серебро, въ-перемежку съ землею, скоро бросилось намъ въ глаза. Хорошо понимая, что оно случайно уцѣлѣло отъ поисковъ якобинцевъ, не разъ посѣщавшихъ этотъ погребъ, Іосифъ радостно вскрикивалъ при каждой вновь находимой вещи, словно онъ праздновалъ побѣду надъ этими разбойниками, этими ворами, какъ онъ ихъ называлъ. Онъ недурно примѣнялъ къ дѣлу тотъ немногій запасъ французскихъ словъ, которымъ владѣлъ, и пустилъ его при этомъ весь въ ходъ. Я велѣла отнести къ отцу цѣлую корзину, полную серебряными блюдами, тарелками, приборами, и еще разъ благословила тетушку, потому что благоразумная предосторожность ея доставила намъ средства существованія на нѣсколько лѣтъ.

Есть особаго рода политическое чудовище о двухъ лицахъ,—одно изъ нихъ спокойное и привѣтное, другое жестокое и кровожадное, чье доброе или злое вліяніе мы ощущали поперемѣнно; ему имя — реакція. Брала-ли верхъ умѣренная партія, всѣ успокоивались и надежда оживляла унылыя лица — это была реакція; входили-ли опять въ силу революціонеры, и терроръ, пробужденный ихъ грозными голосами, леденилъ сердца; все страдало и стремилось бѣжать вдаль,—это реакція, говорили вамъ опять. Я не знала ничего иного, будучи ребенкомъ и затѣмъ молодой дѣвушкой, гонимая революціонными бурями, не вѣдая причинъ и видя лишь одни слѣдствія. Когда миръ снова водворялся, или когда бѣшеныя волны грозили поглотить насъ, я безропотно покорялась своей участи, повторяя за другими: это реакція,—и думала, что этимъ все сказано.

И вотъ однажды, когда отецъ послалъ меня въ Муленъ по дѣламъ, я нашла тамъ всѣхъ въ великомъ смятеніи; изъ Парижа были получены тревожныя извѣстія; оттуда только-что прибылъ депутатъ Конвента; временное исключеніе отца изъ списка эмигрантовъ было отмѣнено и уже шла рѣчь о томъ, чтобъ его арестовать: это опять была реакція. Я поспѣшно вернулась въ Ешероль. Въ нѣсколько часовъ все у насъ было уложено и къ вечеру мы уже были на пути въ Ліонъ. Вслѣдствіе этой новой реакціи, мы по дорогѣ не находили лошадей. Многіе депутаты отправлялись на югъ Франціи, и содержатели почтовыхъ станцій, тяготясь столь обременительными требованіями, отсылали часть своихъ лошадей въ окрестныя села, оставляя у себя на конюшнѣ только крайне необходимое число. Поэтому мы только на шестыя сутки добрались до Ліона,—всего въ какихъ-нибудь полутораста верстахъ отъ Мулена; да и то мы непремѣнно застряли бы на послѣдней станціи, все по недостатку лошадей, если бы наша счастливая звѣзда не послала намъ совершенно неожиданно ди-

лижансъ, курьеръ котораго оказалъ намъ помощь. Мы пересѣли въ его узкую карету съ жесткимъ сидѣньемъ и еще болѣе тряскую, чѣмъ наша. Въ ней было только два мѣста, а насъ сидѣло трое, поэтому я пріѣхала въ Ліонъ, сидя на колѣнахъ нашего добрѣйшаго толстяка-кондуктора.

Нашъ экипажъ былъ доставленъ намъ на другой день въ предмѣстье Везъ, къ г. Гишару, у котораго мы остановились; это онъ посовѣтовалъ отцу возвратиться во Францію и воспользоваться амнистіей, дарованной бѣжавшимъ изъ родного города ліонцамъ. У этого преданнаго друга мы нашли надежный пріютъ. Новый возвратъ террора привлекъ въ Ліонъ большое количество людей, которые надѣялись укрыться отъ него, найдя здѣсь пристанище или средства перебраться въ Швейцарію. Еще нѣсколько другихъ лицъ, кромѣ насъ, нашли у г. Гишара такой же радушный пріемъ; такимъ образомъ, составляя небольшой, но тѣсный кружокъ, мы жили совершенно уединенно, не имѣя никакого соприкосновенія извнѣ.

Ліонъ представлялъ въ то время странное зрѣлище: двѣ власти вели здѣсь непримиримую борьбу; общество Іисуса (іезуиты) мстительной Немезидой грозило, преслѣдовало, разило якобинцевъ и, вселяя страхъ въ ихъ порочныя сердца, недоступныя раскаянію, этимъ смущало ихъ покой и сонъ.

Говорятъ, будто многіе изъ молодыхъ людей, возвратившихся съ войны, гдѣ они доблестно сражались, не находя по возвращеніи ни своихъ близкихъ, ни родныхъ, ни семейнаго очага, который они защищали отъ враговъ съ опасностью жизни, и узнавши о томъ, что̀ причинило ихъ гибель, стали вызывать на дуэль доносчиковъ, которыхъ немало погибло вслѣдствіе такой личной мести, очень страшной для всѣхъ партій.

Выведенные изъ себя всѣми неистовствами, которыя были имъ теперь обнаружены, эти молодые люди скоро перешли къ болѣе быстрой расправѣ: считая себя справедливыми мстителями, они сдѣлались убійцами; поединокъ казался имъ слишкомъ большой честью для такихъ противниковъ: ихъ стали убивать не только ночью, но и днемъ, прибѣгая къ хитрости или къ силѣ и считая все законнымъ для ихъ истребленія. Трупы убитыхъ бросали въ Рону или Сону, смотря по мѣсту, гдѣ совершалось убійство, и волны рѣки далеко уносили несчастную жертву. Часто даже среди бѣлаго дня ее отмѣчали для народной мести криками: „Вотъ головорѣзъ!“ (matevon) [1])—и несчастнаго, обозначеннаго этимъ именемъ, травили, били, терзали и полуживаго бросали въ рѣку. Проходящіе едва останавливались—вѣдь это былъ головорѣзъ. Раздраженные продолжительнымъ и несправедливымъ преслѣдованіемъ, многіе уклонялись отъ праваго пути и ссы-

---

[1]) На ліонскомъ нарѣчіи matevonner значитъ срѣзывать верхушки деревьевъ, отсюда matevon—человѣкъ, который снимаетъ головы. Прим. авт.

лались на отсутствіе справедливости для того, чтобъ въ свою очередь самовольно производить расправу.

И дѣйствительно, тюрьмы были переполнены террористами всякаго рода: муниципальными сановниками, доносчиками, невѣрными охранителями секвестра, и прочими преступными людьми, которымъ новыя власти отказывали въ судѣ, не внимая заявляемымъ на этотъ счетъ со всѣхъ сторонъ справедливымъ требованіямъ. Тогда реакція надменно подняла голову, и въ свою очередь жаждая воздать казнь за казнь, смерть за смерть, кровожадная и изступленная, она сказала себѣ: теперь месть въ моихъ рукахъ. Гордо и властно направилась она къ тюрьмамъ, заключавшимъ ея добычу, и стала совершать казни въ такомъ порядкѣ, съ такимъ хладнокровіемъ и жестокостью, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ. Держа въ рукахъ тюремные списки, она вызывала каждаго заключеннаго съ ужасающимъ спокойствіемъ; всѣ тѣ, которые своею дѣятельностью оставили кровавый слѣдъ, были хладнокровно избиваемы. Воры, фальшивые монетчики и другіе преступники такого рода были пощажены. „На васъ есть законъ", было имъ сказано; „мы не хотимъ вступаться въ его права"; и со всѣхъ сторонъ поднимались голоса: „Пощадите меня, я только воръ".

При одномъ изъ такихъ избіеній погибли гражданинъ Форè, его злая жена, ихъ сынъ—муниципалъ и невѣстка, которая стоила ихъ всѣхъ [1]). Два священника и одинъ эмигрантъ были заключены въ роанской тюрьмѣ; имъ было сказано: „Ступайте отсюда; такой благопріятный случай другой разъ не представится"; и, пріостановившись, убійцы сдѣлали между собой складчину для того, чтобъ дать имъ возможность перебраться въ Швейцарію; потомъ снова принялись за свое кровавое дѣло.

Когда мы вернулись въ Ліонъ, эта жестокая расправа была окончена; но нѣсколько отдѣльныхъ убійствъ напоминали еще все ея беззаконіе. Якобинцы снова вошли въ силу и ихъ по-прежнему стали бояться. Гидра подняла всѣ свои головы, временно подавленныя, и явилась снова въ полной силѣ и съ жаждой отмщенія.

Существовалъ законъ, который повелѣвалъ родителямъ эмигрантовъ возвратиться въ жилища, гдѣ они обитали въ 1792 г., и оставаться въ нихъ подъ надзоромъ мѣстныхъ властей. Отецъ мой, жившій въ предмѣстьи Везъ съ начала августа того года, надѣялся удовлетворить требованіямъ этого закона, оставаясь теперь здѣсь же. Но и городъ Муленъ съ своей стороны заявилъ требованіе, чтобъ отецъ явился туда и оставался подъ его надзоромъ. Отецъ настаивалъ на своемъ правѣ жительства въ Везѣ, а муленскія городскія власти знать

[1]) Она обыкновенно носила шляпу съ букетомъ, составленнымъ вмѣсто цвѣтовъ изъ маленькихъ сабель, пушекъ, ядеръ и гранатъ. Ужасный букетъ,—но онъ совершенно шелъ къ этой кровожадной женщинѣ. Въ немъ была даже маленькая гильотинка.

этого не хотѣли и возбудили противъ отца судебное преслѣдованіе; а въ наказаніе за сопротивленіе отецъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему заключенію въ кандалахъ, хотя процессъ еще не кончился. За этимъ послѣдовалъ приказъ объ его арестѣ, но къ счастью моему отцу удалось вò-время скрыться. Такимъ образомъ, для насъ открылась новая эра страданій и гоненій.

Между тѣмъ здоровье г. Гишара, давно подорванное, замѣтно становилось все хуже и хуже. Онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ сильнымъ удушьемъ, къ которому въ послѣднее время присоединилась водянка, быстрое развитіе которой не дозволяло ему ровно никакого занятія и дѣлало его существованіе очень тяжелымъ; онъ уже не въ состояніи былъ выходить изъ своей комнаты и вскорѣ мы его потеряли. Самъ онъ не ожидалъ такого быстраго конца и еще наканунѣ смерти, съ наслажденіемъ вдыхая запасъ фіалокъ, принесенныхъ мною больному, онъ мечталъ о своемъ родномъ краѣ и говорилъ, что непремѣнно поѣдетъ туда, какъ только выздоровѣетъ. На другое утро онъ уже былъ въ агоніи. Мы всѣ собрались вокругъ постели умирающаго и стали молиться за того, на комъ въ эту минуту были сосредоточены всѣ наши мысли и чувства; поглощенные этимъ несчастьемъ, подавленные горемъ, мы забыли про все остальное, не позаботясь о мѣрахъ предосторожности. Вдругъ къ отцу подходитъ мальчикъ, безъ препятствій проникшій въ домъ, и подаетъ ему пакетъ отъ ліонскаго городскаго правленія на имя г. Гишара. „Онъ умираетъ, отвѣчаетъ отецъ; отнеси это письмо въ правленіе нашего предмѣстья". Вскорѣ послѣ того мальчикъ вернулся опять. „Я нашелъ тамъ только одного члена, который открылъ пакетъ и сказалъ мнѣ: „Это меня не касается; ступай опять въ домъ Гишара и скажи, что тамъ должны принять это письмо". Отецъ развернулъ его и прочелъ: это былъ новый приказъ объ его арестѣ. Нàскоро написали росписку и вручили ее посланному, который съ тѣмъ и ушелъ. Такъ намъ осталось неизвѣстно лицо, которое такъ великодушно съумѣло предупредить насъ вò-время объ этой новой опасности.

Мы и послѣ смерти Гишара оставались у него въ домѣ, благодаря доброму расположенію и участію къ намъ его вдовы. Но отцу приходилось тщательно скрываться отъ продолжавшихся розысковъ и преслѣдованій; такое положеніе ужасно тяготило его и ожесточало его характеръ; находили минуты, когда, исполненный горечи и нетерпѣнія, онъ громко призывалъ свободу или смерть. Сколько разъ случалось мнѣ въ то время слышать отъ него: „лучше умереть, чѣмъ жить такъ, какъ я живу; пусть возьмутъ меня, пусть казнятъ, и все будетъ кончено; я не могу долѣе выносить подобнаго существованія, лучше смерть.—„А я-то, батюшка, а я! что же станется со мною?" Какого труда стоило мнѣ, чтобъ его успокоить, чтобъ внушить ему хоть сколько нибудь смиренія и надежды; а едва только мнѣ удавалось достигнуть этого, какъ новый приливъ раздра-

женія разрушалъ всю мою работу. Не будучи въ состояніи сладить съ собою и все повторяя: „лучше умереть, чѣмъ жить вѣчнымъ узникомъ", онъ вышелъ однажды въ садъ—и былъ замѣченъ, такъ какъ его постоянно сторожили.

Намѣстникъ Гишара, отъявленный якобинецъ, тотчасъ отдалъ приказъ произвести обыскъ въ квартирѣ вдовы; самъ же онъ, къ великому своему неудовольствію, и къ нашему счастью, долженъ былъ немедленно уѣхать по какому-то важному дѣлу. Исполненіе этого приказа было поручено комиссару, который оказался порядочнѣе, чѣмъ тотъ полагалъ. Онъ сейчасъ же отправился къ одной знакомой нашей, объяснилъ ей, какого рода дѣло поручено ему, и просилъ ее предупредить насъ о томъ. „Я увѣренъ, что онъ у г-жи Гишаръ, но я прошу, чтобъ онъ удалился, или же чтобъ мнѣ дали знать, гдѣ онъ спрятанъ: я не стану его тамъ искать". Затѣмъ онъ ушелъ, назначивъ часъ обыска. Какъ только мы объ этомъ узнали, все возможное было сдѣлано, чтобъ укрыть отца отъ всѣхъ взоровъ; съ замираніемъ сердца ожидали мы критической для насъ минуты, какъ вдругъ раздается сильный звонокъ. У дверей стоитъ высокій человѣкъ, весь закутанный въ плащъ; онъ спрашиваетъ отца. Служанка отвѣчаетъ, что его здѣсь нѣтъ; тотъ увѣряетъ, что онъ здѣсь. „Я его другъ, ничего не бойтесь; меня зовутъ Ростеномъ; скажите ему, что это я". При этомъ имени дверь открыли и, впустивши вновь пришедшаго, тотчасъ снова заперли.

Г. Ростенъ былъ отставной офицеръ, принимавшій участіе въ защитѣ Ліона во время осады, который отличался не одною храбростью и знаніемъ военнаго дѣла, но и рѣдкимъ благородствомъ души. Онъ только-что возвратился изъ далекой поѣздки. Узнавши о новыхъ преслѣдованіяхъ, постигшихъ отца, онъ поспѣшилъ къ нему на помощь. Когда мы сообщили ему наши опасенія, онъ сталъ убѣждать отца немедленно удалиться отсюда. „Пойдемте сейчасъ со мною, оставьте домъ, гдѣ постоянно подозрѣваютъ ваше присутствіе".—„Какъ же это, среди дня?"—„Богъ будетъ охранять насъ; жить такъ, какъ вы, значитъ не жить". Когда это рѣшеніе было уже принято, нужно было какъ можно скорѣе привести его въ исполненіе. Служанка бросилась за надежной перевозчицей, которая причалила съ своей лодкой къ узенькому проулочку, какъ разъ противъ нашихъ воротъ. Выстороживъ благопріятную минуту, когда не видно было проходящихъ, отецъ мой, весь закутанный въ плащъ, какъ и его другъ, вмѣстѣ съ нимъ перешелъ черезъ улицу, сѣлъ въ лодку—и вотъ они уже посреди рѣки. Они благополучно переплыли Сону и скоро были внѣ опасности въ то время, какъ мы испытывали за нихъ мучительную тревогу. Комиссаръ явился въ назначенное время, боясь поднять глаза, чтобъ не увидѣть слишкомъ много; мы могли бы сказать ему: „смотрите смѣлѣе!"—но теперь для насъ лучше было, чтобы не подозрѣвали удаленія отца.

Если бы не этотъ процессъ, затѣянный городскими властями Мулена противъ отца, мы могли бы наравнѣ съ другими пользоваться свободой, дарованной всѣмъ ліонцамъ, вычеркнутымъ изъ списка эмигрантовъ. Но нѣтъ, — преслѣдуемый съ неустаннымъ ожесточеніемъ, гонимый изъ всѣхъ убѣжищъ, попеременно укрывавшихъ его, — мой бѣдный отецъ очутился снова въ невыносимомъ положеніи и совершенно одинокимъ. Процессъ затянулся. Не имѣя возможности держать меня при себѣ, отецъ счелъ наиболѣе благоразумнымъ отправить меня въ Ешероль для распоряженія по его дѣламъ; къ тому же и денежныя средства не позволяли намъ жить вмѣстѣ. Такимъ образомъ, я возвратилась въ Ешероль въ сопровожденіи одной надежной женщины, которая тотчасъ вернулась въ городъ. Я нашла здѣсь всё въ томъ же видѣ, какъ оставила; только на этотъ разъ я поселилась въ комнатѣ матери и осталась тамъ съ твердой рѣшимостью никому не уступать ее. Я нашла тѣхъ же арендаторовъ, которые продолжали наживаться и задавать пиры. Роскошь ихъ увеличилась вмѣстѣ съ богатствомъ; можно было бы счесть ихъ вполнѣ счастливыми, если бы не безпокойство, порождаемое превратностями спекуляцій, постоянно смущавшее ихъ среди всѣхъ радостей. Еще другая бѣда присоединилась къ этимъ тревогамъ: шайка грабителей, образовавшаяся въ этой самой провинціи, угрожала новымъ богачамъ; и въ то время какъ я, почти одна во всемъ замкѣ, спала безмятежнымъ сномъ, Аликсъ и его семья не могли сомкнуть глазъ. Теперь уже имъ было не до того, чтобы проводить ночи въ веселыхъ пѣсняхъ. Приходилось охранять себя отъ грозившей опасности, готовиться къ защитѣ, дрожать при малѣйшемъ шумѣ, страшиться для себя такой же участи, какой подверглись иные изъ сосѣдей, которые были убиты, — всѣ эти страхи и тревоги омрачали ихъ благоденствіе. Было ли къ тому въ самомъ дѣлѣ какое нибудь основаніе, или же это пустили въ ходъ только изъ злораднаго желанія смутить счастье, которому находилось много завистниковъ, — но ходили слухи, будто имя Аликса было занесено въ роковой списокъ — и съ той минуты онъ совсѣмъ потерялъ сонъ.

Сестра моя еще существовала, но печальная жизнь ея близилась къ концу; она слабѣла съ каждымъ днемъ и скоро угасла, совершенно состарѣвшись въ 20 лѣтъ. Кратковременная жизнь ея была лишь непрерывнымъ страданіемъ; конецъ ихъ я считала для нея великимъ счастьемъ; и все-таки потеря ея глубоко огорчила меня, я стала какъ будто еще болѣе одинокой; вокругъ меня образовалась новая пустота; опять смерть поражала меня въ томъ, что̀ я любила — и у меня явилась потребность хоть на нѣкоторое время уйти куда нибудь изъ этого мѣста, гдѣ я вновь почувствовала себя такъ сиротливо!

Я отправилась погостить къ г-жѣ Гримо, гдѣ нашла пріятное общество и радушный пріемъ. Она въ это время жила въ Люрси, имѣ-

ніи, купленномъ ею въ Ниверне на немногія средства, оставшіяся у нея отъ большого состоянія, которое было все растрачено ея мужемъ. Я оставалась здѣсь недолго и вернулась снова въ Ешероль въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій отца.

Прошло довольно много времени, какъ мы съ нимъ не видались; между тѣмъ, онъ выигралъ свой процессъ противъ города Мулена и могъ теперь безъ всякаго опасенія снова переѣхать и поселиться въ прежнемъ помѣщеніи своемъ въ предмѣстьи Везъ; онъ вызывалъ къ себѣ меня и я отправилась къ нему туда въ сопровожденіи Бабеты.

Между тѣмъ, правительство со всякимъ днемъ выказывало болѣе терпимости, и множество эмигрантовъ рѣшилось вернуться на родину. Огромное число ихъ стекалось въ Ліонъ, гдѣ они находили много сочувствія. Слѣдуя этому примѣру, и мой старшій братъ прибылъ сюда къ намъ. Послѣ того, какъ корпусъ его былъ распущенъ, онъ направился въ Голландію, гдѣ нѣкоторое время жилъ уроками французскаго языка. Меньшой братъ мой, опять пристроенный въ артиллеріи, благодаря неизсякаемой добротѣ и участію г. де-Геріо, стоялъ въ Греноблѣ съ гарнизономъ, что̀ давало ему возможность пріѣзжать по временамъ, чтобы повидаться съ нами. Такимъ образомъ, мы собирались иногда всей семьей, и къ радости отца видѣть всѣхъ дѣтей вокругъ себя присоединялась еще надежда, что скоро ему будетъ, быть можетъ, возвращено право пользоваться его имуществомъ. Мы зажили почти беззаботно— такъ были мы полны самыхъ радужныхъ надеждъ; мы какъ-то усиленно жили, пользуясь настоящимъ. Я наслаждалась этой жизнью, для меня столь новой и прекрасной, не думая, что все это такъ скоро кончится; не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ новая реакція разсѣяла наши мечты, разрушила наши лучшія надежды и довершила наше разореніе.

То было 18-е фруктидора [1]. Изъ исторіи этой злополучной эпохи мнѣ извѣстно было лишь одно: печальная необходимость снова бѣжать, скрываться, оторваться отъ отца, котораго̀ я такъ нѣжно любила, и опять начать эту одинокую, скитальческую и безпорядочную жизнь,— для меня несноснѣйшее изъ всѣхъ бѣдствій.

---

[1] Подъ этимъ названіемъ извѣстенъ насильственный переворотъ, произведенный Директоріей 3-го августа 1797 года. Послѣ паденія Робеспьера господство якобинцевъ стало быстро ослабѣвать и расположеніе французскаго общества къ возстановленію монархіи такъ усилилось, что въ 1797 году большинство Законодательнаго Корпуса состояло изъ приверженцевъ конституціонной монархіи. Предстоявшіе въ этомъ году новые выборы въ Законодательный Корпусъ, какъ видно было по ходу ихъ, должны были обезпечить окончательное торжество за этой партіей. Тогда три члена Директоріи, во главѣ которыхъ стоялъ Баррасъ, опираясь на вооруженную силу, рѣшили предупредить это насильственными мѣрами; занявши войскомъ зданіе Законодательнаго Корпуса, они арестовали двухъ товарищей своихъ (между прочимъ Карно̀), большое число депутатовъ, множество журналистовъ и пр., сослали ихъ въ Кайену, кассировали выборы и возстановили господство якобинцевъ, впрочемъ нѣсколько смягченное сравнительно съ эпохой террора. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого переворота и диктатуры якобинской Директоріи былъ новый переворотъ— 18 брюмера (10 ноября 1799 г.), доставившій диктатуру Наполеону. Прим. перев.

Эмигранты, которые до того не были окончательно вычеркнуты изъ списковъ, получили приказаніе удалиться изъ Франціи, гдѣ доселѣ терпѣли ихъ пребываніе. Ихъ снабдили паспортами для перехода въ ближайшій заграничный пунктъ отъ той мѣстности, гдѣ они находились въ минуту обнародованія этой новой революціонной мѣры. Мой отецъ и старшій братъ испросили себѣ паспорты въ Швейцарію. Что же касается меня, то хотя имя мое и стояло въ спискѣ эмигрантовъ, но было явно, что я не покидала Франціи, и отецъ надѣялся, что этотъ декретъ меня не коснется; поэтому было рѣшено, что я возвращусь въ нашу деревню, въ надеждѣ, что мое присутствіе поможетъ спасти хоть какія-нибудь крохи отъ состоянія, которое было обречено на неминуемую гибель.

Сборы наши были короткіе, потому что намъ дали на это очень мало времени. Какъ только нашлись въ дилижансѣ свободныя мѣста, отецъ самъ довелъ меня до станціи. Сопровождаемая моей вѣрной Бабетой, я выѣхала изъ Ліона нѣсколькими часами раньше отца. Меньшому брату моему, кажется, удалось избѣгнуть этой новой проскрипціи, благодаря вымышленному имени, подъ которымъ онъ давно былъ извѣстенъ въ отрядѣ, гдѣ служилъ,—но главнымъ образомъ онъ обязанъ своимъ спасеніемъ великодушію г-на де-Геріо.

Эта новая перемѣна въ нашей жизни произошла неожиданно, такъ что пережитые свѣтлые дни показались мнѣ прекраснымъ сномъ, который быстро исчезъ, уступивши мѣсто самой суровой дѣйствительности. Въ почтовыхъ каретахъ не хватало мѣста для огромнаго количества людей, покидавшихъ Ліонъ. То были не одни только обращавшіеся въ бѣгство эмигранты. Гоненія, грозившія послѣднимъ, внушали такой страхъ, что ихъ родные, друзья, прибывшіе съ разныхъ сторонъ для свиданія съ ними, поспѣшили вернуться каждый подъ свой кровъ. Но не всѣ изгнанники переходили черезъ границу, какъ было предписано; кому разъ удалось ступить на родную землю, тому было слишкомъ тяжело снова пуститься блуждать изгнанникомъ на чужой сторонѣ. Многіе изъ нихъ остались во Франціи, несмотря на новыя преслѣдованія.

Прощай, отецъ мой! прощайте братья! прощайте! Дилижансъ двинулся... Кромѣ Бабеты, я видѣла кругомъ себя одни только мужскія лица, и такія все серьезныя, задумчивыя! Безъ сомнѣнія, каждый изъ нихъ также сожалѣлъ о покинутыхъ родныхъ, друзьяхъ, объ утраченныхъ надеждахъ; каждый изъ насъ, замкнутый въ себѣ, молча наблюдалъ за другими, стараясь отгадать политическую окраску своихъ спутниковъ,—а затѣмъ вполнѣ отдавался теченію собственныхъ мыслей, не обращая болѣе вниманія на сосѣдей. Я сама совершенно забыла на нѣкоторое время, гдѣ нахожусь, и перебирала въ своемъ умѣ всѣ бѣдствія и испытанія, которыхъ мы были несчастными жертвами. Изъ этого глубокаго раздумья меня вывели подъ конецъ шутки одного изъ спутниковъ, — добраго старичка, чья искренняя

веселость сообщилась и другимъ и разсѣяла то состояніе оцѣпенѣнія, въ которое всѣ мы были погружены. Мало по малу завязался общій разговоръ, который далъ намъ возможность нѣсколько ознакомиться другъ съ другомъ; впрочемъ дѣло скоро само собою выяснилось, и мы поняли другъ друга безъ объясненій: мы всѣ были одной окраски и убѣдились въ этомъ еще болѣе, когда всѣ мы вдругъ почувствовали стѣсненіе при появленіи въ каретѣ новаго лица, несомнѣннаго якобинца, сѣвшаго къ намъ, когда мы отъѣхали уже нѣсколько станцій отъ Ліона.

Черезъ нѣсколько дней я была въ Ешеролѣ. Едва я успѣла переступить порогъ дома и поздороваться съ своей доброй съ няней, какъ сельскій староста прислалъ секретно предупредить меня, что онъ совѣтуетъ мнѣ какъ можно скорѣе уѣхать отсюда, потому что имя мое занесено въ списокъ эмигрантовъ, и я, слѣдовательно, подлежу отвѣтственности по послѣднему закону, не допускавшему никакихъ исключеній. Онъ умолялъ меня не ставить его въ печальную необходимость прибѣгать къ силѣ и во исполненіе этого закона велѣть препроводить меня по этапамъ за предѣлы республиканской территоріи. Ахъ, отецъ мой! зачѣмъ же меня заставили покинуть васъ?—Я вторично простилась съ моей вѣрной няней и, оставивши Бабету въ Ешеролѣ, я въ эту же самую ночь совсѣмъ одна уѣхала оттуда въ бричкѣ, которою правилъ нашъ садовникъ Верньеръ; я навсегда покинула отеческій кровъ.

Такъ какъ мнѣ некуда было дѣваться, то я опять отправилась въ Люрси къ г-жѣ Гримо, которая приняла меня съ обычнымъ радушіемъ и привѣтомъ; Жозефина встрѣтила меня какъ нѣжно любимую сестру; но г. Гримо былъ неособенно радъ моему пріѣзду. Я собственно и не могла быть за это въ претензіи: вѣдь я была подозрительной личностью; правда, что я ни на одинъ день не покидала Франціи,—но то обстоятельство, что мое имя попало, хоть и случайно, въ списокъ эмигрантовъ, дѣлало мое присутствіе стѣснительнымъ и могло, не взирая на мою юность, компрометировать тѣхъ, кто принималъ меня къ себѣ. На меня смотрѣли какъ на изгнанника, или какого-нибудь зачумленнаго, отъ котораго всѣ сторонятся. Впрочемъ—надобно правду сказать,—время было тогда ненадежное; терроръ при первой возможности готовъ былъ снова ожить. Приверженцы его, снова завладѣвшіе властью, грозно поднимали головы. Ходили тревожные слухи; новый проектъ закона наводилъ ужасъ на людей самаго твердаго характера: дѣло шло о ссылкѣ всѣхъ родственниковъ эмигрантовъ. Если бы этотъ проектъ закона осуществился, онъ далъ бы широкій просторъ нашимъ гонителямъ; такой законъ былъ бы возвратомъ самого террора; но, къ счастью, онъ не прошелъ, и мы отдѣлались на этотъ разъ однимъ лишь страхомъ.

Очень хорошо понимая опасенія, какія могло внушать хозяину мое присутствіе, я вскорѣ объявила ему о своемъ намѣреніи отпра-

виться къ m-lle Мелонъ, которой я немедленно и написала, прося ее прислать за мной лошадей и позволить къ ней пріѣхать.

И вотъ черезъ нѣсколько времени я снова очутилась въ Омбрѣ, въ той же самой хорошо знакомой мнѣ комнатѣ племянницъ. Тетушка встрѣтила меня чрезвычайно привѣтливо. Я уже описывала ея образъ жизни, поэтому не стану болѣе возвращаться къ нему. Я нашла только, что за мое отсутствіе здѣсь произошла перемѣна; умѣренность правительства раскрыла церкви для духовенства, давшаго присягу новому церковному уставу, и здѣшній священникъ могъ теперь открыто совершать церковную службу въ воскресенье и другіе праздники. Я воспользовалась добрымъ расположеніемъ m-lle Мелонъ ко мнѣ, чтобъ просить ее уволить меня отъ посѣщенія обѣдни, такъ какъ убѣжденія моего отца и мои были совершенно несогласны съ убѣжденіями тѣхъ, кто пересталъ признавать папу главою церкви. Тетушка стала увѣрять меня, что я могу пользоваться полной свободой дѣйствій, находя справедливымъ, говорила она, чтобы каждый слѣдовалъ голосу своей совѣсти. Выговоривши себѣ это условіе, я почувствовала себя какъ-то свободнѣе и даже счастливѣе. Въ этотъ пріѣздъ m-lle Мелонъ вообще обращалась со мною, особенно вначалѣ, очень ласково; она была настолько добра, что дозволила мнѣ съѣздить къ нѣкоторымъ изъ моихъ родственниковъ погостить. Она отпустила меня даже къ дядѣ Лебланъ де-Леспинассъ, жившему въ это время въ своемъ имѣніи Батуэ, несмотря на то, что вовсе не была расположена къ нему за его убѣжденія. Старшей его дочери, которая одно время вмѣстѣ со мною гостила у тетушки Мелонъ,—уже не было въ живыхъ; но она завѣщала свою дружбу ко мнѣ младшей сестрѣ, и я уже не разъ имѣла доказательства ея расположенія; вообще я должна считать свое пребываніе въ этой благочестивой семьѣ однимъ изъ величайшихъ благъ, ниспосланныхъ мнѣ Провидѣніемъ. Въ этомъ домѣ, который былъ обителью мира, царствовали чисто патріархальныя добродѣтели. Отецъ и дочь были исполнены благочестія и любви къ ближнему и, считая это самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, не думали вмѣнять себѣ это въ достоинство. Я нигдѣ не встрѣчала такой любви къ добру, соединенной съ такой снисходительностью къ тѣмъ, кто мыслилъ несогласно съ ними. M-lle де-Леспинассъ, набожная, какъ сестры милосердія, и наружностью походила на нихъ; ея отчужденіе отъ свѣта и свѣтскихъ обычаевъ выражалось даже въ ея одеждѣ; но эта монашеская простота одежды нисколько не поражала васъ; она такъ гармонировала со всѣмъ ея существомъ, что нельзя было представить себѣ ее иначе. Управляя всѣмъ отцовскимъ домомъ, она посвящала все остававшееся свободное время бѣднымъ, убогимъ и молитвѣ. Невозмутимо ровное расположеніе духа никогда не давало возможности подмѣтить ея собственныя огорченія, тревоги или страданія. Ея благочестіе было такъ велико, что испытанія не поколебали твердости ея духа; сильная своей вѣрой въ Бога, она, безъ сом-

нѣнія, болѣла душой, но никогда не ослабѣвала. Какъ скромный ручеекъ, безъ шума и плеска, струится между цвѣтами и терніемъ, окаймляющими его берега, такъ протекала ея жизнь въ невѣдѣніи того добра, которое она расточала вокругъ себя и въ увѣренности, что она ниже всѣхъ; съ чистосердечнымъ смиреніемъ она видѣла лишь свои недостатки и достоинства другихъ.

Я снова ожила въ обществѣ моей кузины, имѣвшей на меня самое благотворное вліяніе; наставляемая и подкрѣпляемая ея примѣромъ, я нашла въ этомъ мирномъ жилищѣ нравственную опору, которой была уже давно лишена; въ этой семьѣ, гдѣ св. Писаніе было настольной книгой, мой юный умъ образовался подъ вліяніемъ мыслей истинныхъ, великихъ и простыхъ. Съ тѣхъ поръ я пришла къ сознанію, что простота есть принадлежность истины.

Дядя Леспинассъ удостоился чести тюремнаго заключенія. Послѣ смерти Робеспьера онъ получилъ свободу и вернулся къ себѣ въ деревню. Благотворительность и гостепріимство возвратились сюда вмѣстѣ съ нимъ; несчастные скоро нашли къ нему дорогу. Въ Неверѣ было не мало такихъ лицъ, которыя находились подъ тяжелой опалой революціонныхъ законовъ. Множество оппозиціонныхъ священниковъ, не желая покинуть свою паству, пережили здѣсь терроръ, спрятанные въ тайныхъ убѣжищахъ, откуда они выходили только среди глубокой ночи для того, чтобы подать помощь и утѣшеніе больнымъ и умирающимъ. Нѣкоторые изъ нихъ, захваченные врасплохъ при самомъ исполненіи апостольскихъ обязанностей, или преданные коварными друзьями, поплатились жизнью за свое благочестивое рвеніе.

Жизнь этихъ людей божіихъ была очень тяжелая. Лишенные движенія, воздуха, а часто и свѣта въ тѣсныхъ жилищахъ, гдѣ они укрывались отъ гоненія, многіе изъ нихъ не въ состояніи были вынести всѣхъ этихъ лишеній. Домъ дяди Леспинасса, гдѣ всѣ были полны состраданія къ нимъ, представлялъ имъ пристанище, куда они поочереди приходили; чтобъ подышать чистымъ воздухомъ и нѣсколько возстановить свое здоровье, подорванное продолжительнымъ заточеніемъ. Они приходили и уходили ночью. Ихъ присутствіе оставалось тайной для большей части прислуги; а такъ какъ домъ былъ не великъ, то съ нашей стороны требовалось непрерывное зоркое наблюденіе, представлявшее живой интересъ и даже нѣкоторую прелесть, ибо человѣческая натура такова, что всегда ищетъ новыхъ ощущеній. При постоянныхъ волненіяхъ и тревогѣ, среди которой мы жили, время летѣло быстро. То было для меня счастливое время! Какъ хорошо намъ жилось' Меня тамъ любили и оберегали, а своими посильными заботами я въ свою очередь могла быть полезной и оказывать покровительство такимъ существамъ, которыя были еще болѣе достойны жалости, чѣмъ я сама.

Мы обыкновенно вставали очень рано, чтобъ слушать обѣдню въ

маленькой часовнѣ рядомъ съ гостиной. Домашняя прислуга привыкла къ тому, что моя кузина входила въ часовню во всякое время и что въ ней былъ свѣтъ,—такъ какъ она нерѣдко проводила тамъ часть ночи въ молитвѣ. Это позволяло намъ собираться въ часовнѣ очень поздно, не возбуждая ровно никакихъ подозрѣній. Немало дѣтей получили такимъ образомъ крещеніе, а одинъ разъ я присутствовала тамъ при вѣнчаніи. Мы сходились туда тихонько, избѣгая всякаго шума, и точно также расходились.

Опасность, сопряженная съ этими таинственными сборищами, еще увеличивала ихъ торжественность. Молчаливо преклонивъ колѣна, мы пламенно молились, возносясь душою къ Богу. Эти тайныя ночныя собранія напоминали намъ гоненія первыхъ христіанъ и придавали намъ ихъ рвеніе.

Помню, какъ однажды въ Батуэ пріѣхалъ одинъ родственникъ семьи; онъ былъ важнымъ лицомъ въ тогдашнемъ оффиціальномъ мірѣ и ревностнымъ приверженцемъ правительственной системы [1]).

Мы вовсе не знали, до какой степени можно было ему довѣряться, поэтому и рѣшили, что обѣдня будетъ отслужена очень рано. Едва только служба началась въ 4 часа утра, какъ мы услышали, что нашъ гость расхаживаетъ по гостиной, рядомъ съ часовней. Кузенъ мой подходитъ осторожно къ священнику: „Господинъ аббатъ, говоритъ онъ вполголоса, васъ слышатъ; пожалуйста потише! какъ можно потише!“—Но господинъ аббатъ былъ глухъ и, не обращая никакого вниманія на предостереженіе, продолжалъ себѣ служить по-прежнему. Гость въ свою очередь продолжалъ ходить взадъ и впередъ, ничего не слыша или не желая слышать,—затѣмъ удалился, не коснувшись двери, которая насъ раздѣляла и которую онъ такъ легко могъ отворить. Объ этомъ пребываніи въ семьѣ дяди я могла бы разсказать много подобныхъ эпизодовъ, которые среди всѣхъ тревогъ и волненій подчасъ насъ забавляли.

Иногда мы сопровождали одного изъ этихъ достойныхъ священниковъ къ больнымъ, которымъ онъ несъ св. дары. Мы шли вслѣдъ за служителемъ Божіимъ, повторяя за нимъ вполголоса молитвы. Лѣсъ прикрывалъ насъ сѣнью густой листвы и эти зеленые своды вѣрно хранили нашу тайну; таинственное пѣніе наше оставалось безъ отголоска. Чаша съ св. дарами мирно подвигалась впередъ по самымъ уединеннымъ тропинкамъ, не имѣя иной охраны, кромѣ дѣтей и слабыхъ женщинъ; она приносила помощь и утѣшеніе бѣднымъ и страждущимъ, взывавшимъ къ ней. Мы оставляли за собою въ этихъ убогихъ жилищахъ жизнь и свѣтъ; и когда мы возвраща-

---

[1]) Это былъ тотъ самый генералъ Леспинассъ, который, между прочимъ, командовалъ артиллеріей во время осады Тулона, имѣя Бонапарта подъ своимъ начальствомъ. Онъ былъ впослѣдствіи сенаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ во время имперіи. Прим. авт.

лись назадъ, исполненные благоговѣйнаго ликованія, наши уста тихо шептали еще пѣснь божественной любви.

Изъ Батуэ я отправилась въ Монъ къ двоюродному брату Шалиньи, у котораго нашла такой же сердечный пріемъ. Вообще всѣ мои родственники словно соперничали между собою, кто окажетъ мнѣ больше расположенія и вниманія, какъ бы желая вознаградить меня своей нѣжной и дѣятельной дружбой за всѣ лишенія, какимъ я подвергалась. Я никогда не забуду съ какою женственной чуткостью дочь Шалиньи, замѣтивъ мою крайнюю бѣдность, которую я тщательно старалась скрыть, подѣлилась съ своимъ бѣднымъ другомъ всѣмъ, что имѣла. Она была мнѣ самой любящей сестрой; потому понятно, какую прелесть я находила въ жизни близъ нея, въ ихъ маленькомъ домикѣ въ Монъ [1]), гдѣ поселился отецъ ея съ ней и съ младшимъ своимъ сыномъ послѣ террора, когда темница раскрылась для нихъ и имъ было дозволено вернуться сюда дышать чистымъ воздухомъ среди родныхъ горъ. Они нашли въ своемъ жилищѣ однѣ только голыя стѣны,—мебели не было и слѣдовъ; все было до-чиста обобрано, такъ-что на первыхъ порахъ опрокинутая кадка служила имъ столомъ и сидѣньемъ; это была единственная вещь, которою побрезгали жадные грабители.

Радушіе, съ какимъ я была принята въ этой достойной семьѣ, запечатлѣлось въ моемъ сердцѣ неизгладимыми чертами и я съ любовью возвращаюсь къ тому времени, когда мое несчастье открыло мнѣ въ нихъ столь преданныхъ и столь великодушныхъ друзей, что я могла бы остаться у нихъ совсѣмъ и, безъ сомнѣнія, они никогда не дали бы мнѣ почувствовать, что мое присутствіе имъ въ тягость.

Въ отношеніяхъ, которыя тогда вновь складывались между дворянскими семьями, была большая прелесть, которая потомъ, съ возвращеніемъ къ нимъ имущества, исчезла. Съ обрѣтеніемъ своего прежняго положенія многія изъ нихъ, повидимому, утратили доблестныя и добрыя качества, порожденныя одинаковыми страданіями, развившіяся среди испытаній тюремнаго заключенія, гдѣ одинаковыя лишенія дѣлали ихъ дѣйствительно равными. Наканунѣ еще, находясь въ оковахъ, а нынѣ пользуясь полной свободой, каждый чувствовалъ потребность раздѣлить съ своими товарищами въ несчастьи новыя пріятныя ощущенія и насладиться наставшими счастливыми днями съ тѣми, которые пережили вмѣстѣ съ ними тяжкую годину. Домà были опустошены, но требовательности не было никакой; счастье быть у себя дома мѣшало замѣтить, какъ много недоставало. Это радостное чувство дѣлало людей сообщительными; всѣ посѣщали, поздравляли другъ друга. Никто не затруднялся тѣмъ, какъ раз-

---

[1]) Въ Неврскомъ департаментѣ, гдѣ мѣстность очень гористая, домикъ былъ маленькій; бассейнъ живописно заканчивалъ окруженный тополями садъ, откуда видъ былъ очень красивый. Прим. авт.

мѣстить гостей; если общество было слишкомъ велико по помѣщенію, молодежь спала просто на соломѣ; дамы размѣщались, какъ могли; надъ этими маленькими неудобствами и затрудненіями отъ души смѣялись; утромъ просыпались такъ же весело, какъ засыпали наканунѣ. Столъ былъ уставленъ самыми простыми кушаньями; полная свобода и непринужденность служили имъ самой лучшей приправой; слишкомъ радуясь настоящему, чтобы трезво относиться къ будущему, всѣ наслаждались удовольствіями сообща, этимъ самымъ удвоивая ихъ цѣну.

Когда это сладостное опьянѣніе миновало, когда съ теченіемъ времени, благодаря сбереженіямъ и покровительству, состоянія поправились, это радушіе исчезло. Неравность титуловъ и богатствъ нарушила прежнія благодушныя отношенія. А какъ только пробудились высокомѣрныя притязанія, веселая безцеремонность, при которой такъ хорошо жилось, совсѣмъ пропала. Своекорыстіе и тщеславіе овладѣли всѣми умами. Всякій стремился возвыситься, а любить друга друга перестали. Такъ закончилось это счастливое время, новая золотая пора между двухъ желѣзныхъ вѣковъ.

Такова окраска этой быстро пролетѣвшей эпохи, когда страсти, притомленныя борьбой, затихли; но онѣ недолго спали; вскорѣ пробужденныя снова, онѣ появились въ другой лишь формѣ, подъ иными знаменами, переходя черезъ всѣ оттѣнки, только-бы сохранить власть или достигнуть ея.

Около этого времени я имѣла несчастье потерять своего лучшаго друга, г-жу Гримо. По этому случаю мнѣ было дозволено поѣхать навѣстить Жозефину, съ которой мы оплакивали вмѣстѣ нашу общую мать. Я провела съ нею тѣ немногіе дни, пока она оставалась еще въ Люрси; затѣмъ я печально вернулась въ Омбръ.

Послѣ того, какъ я пожила довольно долго среди такихъ нѣжныхъ и заботливыхъ друзей, жизнь въ Омбрѣ показалась мнѣ очень горькой: это была полная пустота изгнанія. Ничего для души, ничего для сердца, никакой пищи для ума; чисто животная жизнь; а съ другой стороны распри, столкновенія мелочныхъ интересовъ, какія-то партіи, враждебно слѣдящія за тѣмъ, какъ-бы повредить одна другой, взаимная клевета—такова картина, которую представлялъ тогда домъ моей тетушки. Сама m-lle Мелонъ, вовсе не покидавшая болѣе своей комнаты, ничего не знала о смутахъ, нарушавшихъ миръ въ ея царствѣ; она смотрѣла на все глазами Бабеты, своей горничной, которая совершенно забрала ее въ руки. Всѣ въ домѣ трепетали передъ Бабетой, но всѣ соединялись въ глубокой ненависти къ ней. Я долго не знала, какъ далеко простиралась ея власть, или, лучше сказать, какъ она ею пользовалась, потому что я держалась вдали отъ всѣхъ интригъ по какому-то инстинктивному страху узнать ихъ ближе.

Расположеніе, оказываемое мнѣ тетушкой, безпокоило два лица—священника, котораго я оскорбила тѣмъ, что не ходила къ нему въ

обѣдню, и Бабету, которая подозрѣвала во мнѣ соперницу. Тетушка со всякимъ днемъ становилась со мною все холоднѣе и суше; необъяснимые капризы ея дѣлали мое положеніе очень затруднительнымъ. Что было хорошо сегодня, завтра не нравилось болѣе; иногда она встрѣчала меня привѣтно, когда слушалась внушенія своего сердца—черезъ минуту она меня снова отталкивала, не давая мнѣ никакого объясненія; а между тѣмъ неудовольствіе ея росло со всякимъ днемъ. Не смѣя спросить самое m-lle Мелонъ о причинѣ такой немилости, я въ простотѣ сердечной прибѣгала за помощью къ Бабетѣ: „Вы, которая близко знаете тетушку и всѣ ея вкусы, научите меня, какъ ей угодить!"—И эта лукавая женщина пользовалась моимъ довѣріемъ, чтобъ давать мнѣ коварные совѣты, радуясь, что нашла такое легкое средство подкопать привязанность, возбуждавшую ея зависть. Когда тетушка хотѣла быть одна, Бабета посылала меня къ ней, а когда та желала меня видѣть, она мнѣ совѣтовала не ходить къ ней, такъ что я, сама того не подозрѣвая, всегда дѣйствовала наперекоръ ея желаніямъ. Такимъ образомъ, меня не только лишили добраго расположенія тетушки, но ей сдѣлали, наконецъ, мое присутствіе непріятнымъ, и положеніе мое стало просто невыносимымъ.

При всемъ этомъ я давно уже не имѣла никакихъ вѣстей отъ отца. Подавленная своимъ одиночествомъ, я предавалась самымъ мрачнымъ мыслямъ. Куда ведетъ меня эта жизнь? Когда настанетъ вечеръ этого печальнаго дня? Когда же, наконецъ, я буду избавлена отъ жизни? Да, жизнь становилась мнѣ въ тягость. Здоровье мое, подорванное глубокимъ душевнымъ угнетеніемъ, замѣтно ухудшалось. Не стану входить въ мелочныя подробности моихъ ежедневныхъ огорченій и коварныхъ происковъ, которые привели, наконецъ, къ разрыву. Я узнала обо всемъ этомъ уже впослѣдствіи; тогда поведеніе тетушки показалось мнѣ извинительнымъ и я искренно пожалѣла, что приняла слишкомъ къ сердцу ея исполненные горечи упреки. Но все-же я никакъ не могла бы успѣшно бороться противъ всесильной Бабеты, вполнѣ подчинившей себѣ тетушку; и когда послѣдняя высказала мнѣ однажды, какъ непріятно ей имѣть при себѣ молодую особу, которая ей не по душѣ, я поняла, что мнѣ нужно удалиться, и тотчасъ рѣшилась на это. Передъ прощаніемъ я увѣряла ее, что всегда въ сердцѣ своемъ сохраню должную благодарность къ ней и просила даже позволенія лично засвидѣтельствовать ей объ этомъ когда нибудь, на что она милостиво дала свое согласіе. Зная, что я лишена всякихъ средствъ, тетушка приняла было сначала мое рѣшеніе за минутную вспышку. Она была, повидимому, озадачена и огорчена моимъ отъѣздомъ и была даже настолько добра, что высказала мнѣ это; но ея послѣднія слова уязвили меня въ сердце и ничто не могло заставить меня измѣнить свое намѣреніе. Я просила ее извинить меня, если я въ чемъ была виновата передъ ней; это очень тронуло ее и мы обѣ расплакались въ послѣднюю минуту

прощанья. Для меня снова началась скитальческая жизнь. Не имѣя постояннаго пристанища, я снова принуждена была просить пріюта то у однихъ родственниковъ, то у другихъ. Я не имѣла никакихъ извѣстій ни отъ отца, ни отъ старшаго брата. А меньшой братъ мой, послѣ участія въ одной неудачной экспедиціи, томился въ заключеніи уже восьмой мѣсяцъ. Я сама томилась, не предвидя конца всѣмъ нашимъ бѣдствіямъ, когда неожиданно получила письмо отъ самого Шамболя съ вѣстью объ его освобожденіи и возвратѣ въ Парижъ. Черезъ нѣсколько времени къ г. Шалиньи, у котораго я жила тогда, явился молодой военный съ ранцемъ за плечами: то былъ самъ Шамболь! Такія минуты заставляютъ забыть много горькихъ дней! Онъ былъ веселъ, здоровъ; онъ предложилъ мнѣ свой кошелекъ, въ которомъ оказалось 50 блестящихъ луидоровъ. Я знала, что онъ вернулся безъ копѣйки, что къ нему придрались за что-то и задержали его жалованье; что имя его все еще находилось въ спискѣ эмигрантовъ, между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ въ темницѣ. „Откуда же взялось это золото? твое ли оно?" — „Безъ всякаго сомнѣнія мое". — „Ужъ не ограбилъ ли ты какой нибудь дилижансъ" [1]), сказала я ему въ шутку.—„Избави Богъ! я это просто выигралъ въ лотереѣ, куда помѣстилъ свои послѣдніе четыре франка, составлявшіе все мое богатство. Меня сочли безумцемъ, а вышло, что я былъ вовсе не такъ безуменъ! Я уже отдалъ то, что занялъ на дорогу сюда; а это осталось для тебя!"—Онъ не долго пробылъ съ нами; весело вскинувъ свой ранецъ за плечи, онъ направился въ Гренобль, гдѣ нашъ вѣрный и достойный другъ де-Геріо предложилъ ему мѣсто у себя. Около этого времени мы узнали о возвращеніи изъ Египта генерала Бонапарта, который быстро пронесся черезъ всю Францію и неожиданно явился въ Парижъ; а скоро сдѣлались извѣстны правительственныя перемѣны, введенныя имъ. Видя, какъ онъ твердыми шагами подвигался къ власти, одни предчувствовали то, чѣмъ онъ сталъ впослѣдствіи; другіе льстили себя надеждой, видя въ немъ опору королевской партіи и предтечу Бурбоновъ, которымъ этотъ могучій человѣкъ расчищалъ, по ихъ мнѣнію, дорогу для возврата. Многіе воздерживались отъ сужденій; но всѣ жаждали покоя, всѣ стремились къ возможности спокойно заснуть съ вечера, не боясь, что васъ на другое утро уведутъ революціонные сыщики — эта шайка, жаждавшая смутъ, составлявшихъ ея силу, всегда готовая исполнять приказанія тирановъ. Такое общее настроеніе умовъ сильно благопріятствовало видамъ Бонапарта [2]), и умѣренность, которая вскорѣ стала замѣтна въ распоряженіяхъ его правительства, повидимому, оправдывала всѣ ожиданія.

---

[1]) Это было тогда сильно въ ходу.

[2]) Бонапартъ былъ назначенъ первымъ консуломъ 13-го декабря 1799 г.

Прим. авт.

Мы на этомъ закончили переводъ, такъ какъ послѣднія главы „Записокъ" не представляютъ болѣе интереса со стороны общеисторической. Онѣ заключаютъ въ себѣ подробности семейныхъ невзгодъ и цѣлый рядъ испытаній, какія еще пришлось пережить автору. Уже въ послѣднихъ переведенныхъ главахъ эта личная сторона воспоминаній настолько преобладаетъ, что мы принуждены были значительно сократить ихъ, сохраняя лишь то, что было необходимо для связи разсказа. Можетъ быть, и при этомъ многія подробности показались нѣкоторымъ читателямъ незанимательными и незаслуживающими вниманія; въ оправданіе мы скажемъ одно: слѣдя за судьбою автора въ его наивномъ и чистосердечномъ разсказѣ, невольно испытываешь такое участіе къ нему, такъ сживаешься съ нимъ, что онъ дѣлается вамъ словно близкимъ лицомъ; вы вмѣстѣ съ нимъ будто сами пережили страшную годину террора, перенесли всѣ страданія, лишенія и скитальческую жизнь безпріютной сироты. Подъ конецъ вамъ становится жаль разстаться съ нею; вамъ хочется узнать, что съ ней сталось, какъ и гдѣ дожила она свой вѣкъ.—Ей не суждено было испытать полнаго удовлетворенія личной жизни. Значительное имущество семьи дез-Ешероль, подобно многимъ другимъ, было поглощено революціей; отецъ Александрины дез-Ешероль былъ совершенно разоренъ, такъ что она принуждена была поддерживать свое существованіе личнымъ трудомъ, къ которому она была такъ мало подготовлена. Послѣ многихъ неудачъ и разочарованій и на этомъ поприщѣ, она нашла себѣ, наконецъ, надежный пріютъ и преданныхъ друзей, но не въ своемъ отечествѣ, а на чужой сторонѣ, среди чужой семьи. Она получила мѣсто воспитательницы при дворѣ герцога Людвига Вюртембергскаго, благодаря дѣятельному участію г-жи Мале, сестра которой была статсъ-дамой герцогини Вюртембергской. Приведемъ собственный разсказъ Ал. дез-Ешероль объ этомъ рѣшеніи, имѣвшемъ такое вліяніе на всю ея послѣдующую судьбу. „Однажды я получаю записку отъ г-жи Мале, которая проситъ меня какъ можно скорѣе придти къ ней, такъ какъ она имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто очень важное. „Садитесь", сказала мнѣ эта добрая женщина. „Вотъ вамъ бумага и перо: благодарите герцогиню Вюртембергскую, которая беретъ васъ воспитательницей къ маленькимъ принцессамъ своимъ". — „Меня! Что вы говорите! Меня въ воспитательницы молодыхъ принцессъ! Вѣдь я ничего не имѣю для того! никогда я не осмѣлилась бы простирать свои притязанія такъ далеко; я совершенно лишена всякихъ талантовъ".— „Они и не потребуются отъ васъ; принцессы имѣютъ наставниковъ".— „Но вѣдь я недостаточно образована".—„Вы станете сами заниматься— принцессы еще очень юны и вы имѣете передъ собою много времени".— „Право, я не считаю себя довольно способной для этого". — „Но я васъ лучше знаю", возразила снисходительная покровительницая моя, полная горячаго участія и преданности ко мнѣ. Она такъ убѣдительно

уговаривала меня, представила мнѣ въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ герцогиню, что совершенно увлекла меня, и я связала себя словомъ прежде, чѣмъ успѣла зрѣло обдумать свое рѣшеніе. Сама не помню, чтò я написала и какъ очутилась въ своей комнатѣ. Во всю ночь я не могла сомкнуть глазъ.

Передъ тѣмъ, какъ покинуть Парижъ, я сочла нужнымъ отправиться поблагодарить баронессу Шуазёль за заступничество, оказанное ею мнѣ въ одномъ дѣлѣ. Она приняла меня очень хорошо; но когда я объявила ей о своемъ отъѣздѣ и о причинѣ его, она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня и сказала громкимъ голосомъ, показавшимся мнѣ очень жесткимъ: „Какъ, любезная кузина, вы собираетесь воспитывать принцессъ? да вѣдь вы сами вовсе не воспитаны!“ Это замѣчаніе укололо меня въ сердце; я нашла его неделикатнымъ, грубымъ, оскорбительнымъ; а въ сущности оно было только справедливо. Когда передо мною предстали потомъ всѣ обязанности моего новаго положенія, когда каждый день раскрывалъ мнѣ всю ихъ важность, каждый часъ требовалъ новыхъ познаній и каждое мгновеніе своей доли предусмотрительности и самоотверженія,—когда я сознала вполнѣ неизмѣримую обширность этихъ обязанностей, я сама удивлялась легкомыслію, съ какимъ взяла на себя такую трудную задачу и замѣчаніе баронесы Шуазёль оправдывалось въ моихъ глазахъ; часто, очень часто, въ тяжелыя минуты испытанія и унынія, неизбѣжныя въ этомъ положеніи, мнѣ казалось, что я еще слышу, но уже слишкомъ поздно, эти жестокія и справедливыя слова: „Какъ, любезная кузина...“

10-го мая 1807 г., Александрина дез-Ешероль пріѣхала совершенно одна въ Людвигсбургъ [1]), не зная ни слова по-нѣмецки. Но съ самаго начала она была принята герцогиней такъ привѣтно и ласково, что ея смущеніе и страхъ скоро исчезли. Она была поражена красотою, а еще болѣе выраженіемъ необыкновенной доброты въ лицѣ герцогини. А маленькія принцессы, ея будущія воспитанницы, съ перваго взгляда плѣнили ее своимъ кроткимъ видомъ и необычайной простотой одежды, что придавало имъ еще больше прелести. Вскорѣ она сильно привязалась къ своимъ воспитанницамъ и съ тѣхъ поръ стала почитать себя счастливой. Здѣсь она состарѣлась и докончила свою жизнь любимая, глубокоуважаемая и окруженная нѣжными попеченіями всей семьи герцога Вюртембергскаго, распространившей свое участіе и на ея любимую племянницу, для которой первоначально и были написаны эти воспоминанія.

Конецъ.

---

[1]) Гдѣ вюртембергскій дворъ обыкновенно проводилъ часть весны и лѣта.